

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Белорусский государственный экономический университет

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
БЕЛОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 12

Минск 2019

УДК 378.633:001.891(476)
ББК 65.9(4Бел)я54
Б43

Р е д а к ц и о н н а я   к о л л е г и я:

В. Н. Шимов (главный редактор), *А. А. Быков* (зам. главного редактора), *Н. В. Агабекова*, *И. Л. Акулич*, *А. В. Бондарь*, *Ю. М. Бубнов*, *О. Г. Буховец*, *В. А. Воробьёв*, *Д. М. Демичев*, *И. Н. Жук*, *Е. Ф. Киреева*, *Г. А. Королёнок*, *А. С. Лаптёнок*, *И. В. Лашук*, *С. Ф. Миксюк*, *И. М. Микулич*, *Г. Н. Мухин*, *Л. Н. Нехорошева*, *Д. А. Панков*, *А. А. Праневич*, *С. В. Решетников*, *О. И. Румянцева*, *В. А. Симхович*, *Т. С. Таранова*, *О. С. Шимова*, *Г. А. Шмарловская*, *Т. Д. Шкуратова* (отв. секретарь)

В соответствии с решением № 11/5 Коллегии Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 23.04.2008 г., протокол № 11, сборник включен в перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований

У т в е р ж д е н о Редакционно-издательским советом БГЭУ

Научные труды Белорусского государственного экономического университета. — Минск : БГЭУ, 2019. — Вып. 12. — 637 с.

ISBN 978-985-564-249-8.

В сборник включены научные труды ведущих ученых в сфере экономики и смежных областях знаний, в которых освещены вопросы развития национальной экономики Республики Беларусь в контексте устойчивого развития страны.

Издание будет полезно студентам, магистрантам, аспирантам, докторантам, преподавателям и всем интересующимся проблемами экономики и права.

УДК 378.633:001.891(476)
ББК 65.9(4Бел)я54

ISBN 978-985-564-249-8

© Белорусский государственный
экономический университет, 2019

ЭКОНОМИКА

УДК 330.44

E. Aksen
BSEU (Minsk)

MODELING OF INDUSTRY OUTPUTS' DYNAMICS USING THE THIRD-ORDER DIFFERENTIAL EQUATIONS

The paper presents a methodology for the stochastic modeling of dynamics of economic system's industry outputs and other relevant indicators. The methodology is based on the use of a system of the third-order ordinary differential equations taking into account the fluctuational nature of the dynamics of changes in gross outputs and also on the use of coefficients reflecting proportions of unit gross investments into different industries as well as coefficients describing the dependence of changes in gross outputs on net investments into the relevant industries. The mathematical correctness of the presented methodology is validated.

Keywords: modeling; dynamics; gross output; investments; differential equation; input-output model; relative rate; fluctuation; industry; proportion; coefficient.

Э. М. Аксень
доктор экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ ВЫПУСКОВ ОТРАСЛЕЙ С ПОМОЩЬЮ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ УРАВНЕНИЙ ТРЕТЬЕГО ПОРЯДКА

В статье представлена методика моделирования динамики выпусков отраслей экономической системы и связанных с ними показателей. Методика основана на использовании системы обыкновенных дифференциальных уравнений третьего порядка, учитывающих колебательный характер динамики изменений валовых выпусков, а также на использовании коэффициентов, отражающих пропорции удельных валовых инвестиций в разные отрасли, и коэффициентов, описывающих зависимость изменений валовых выпусков отраслей от чистых инвестиций в данные отрасли. Обоснована математическая корректность представленной методики.

Ключевые слова: моделирование; динамика; валовой выпуск; инвестиции; дифференциальное уравнение; балансовая модель; относительная скорость; колебание; отрасль; пропорция; коэффициент.

При моделировании динамики валовых выпусков отраслей экономики ключевую роль играют инвестиции в основной капитал указанных отраслей. При этом можно заметить, что динамика изменения выпусков отраслей носит колебательный характер. В частности, валовой выпуск отрасли может падать несмотря на положительное значение чистых инвестиций в рассматриваемую отрасль. Это является основой разработанной нами и представленной в данной статье методики, в соответствии с которой используются соотношения, аналогичные дифференциальному уравнению для гармонических

колебаний [1, с. 98]. Как и динамическая модель Леонтьева [2, с. 122–124; 3, с. 68–74], представленная в настоящей статье модель использует основные балансовые соотношения [3, с. 18–20; 4, с. 371–375; 5, с. 11–14]. Однако в отличие от подхода, используемого в динамической модели Леонтьева, мы предлагаем моделировать динамику отраслей на основе информации о размере инвестиций в отрасли национальной экономики без детализации о том, продукция каких именно отраслей используется для инвестиций (что значительно упрощает информационное обеспечение модели). Для этого мы используем коэффициенты, отражающие пропорции удельных валовых инвестиций в разные отрасли (в расчете на валовые выпуски соответствующих отраслей), а также коэффициенты, описывающие зависимость изменений валовых выпусков отраслей от чистых инвестиций в данные отрасли.

Коэффициенты пропорций инвестирования. Пусть n — общее количество отраслей экономической системы. Обозначим через $x_i(t)$ интенсивность (скорость) производства валового выпуска i -й отрасли в момент времени t , через $x(t)$ — вектор-столбец значений $x_i(t)$, $i = \overline{1, n}$, (т.е. $x(t) = [x_1(t), \dots, x_n(t)]^T$, где верхний индекс T означает транспонирование), через $v_{ij}(t)$ — интенсивность валового инвестирования продукции вида i в основной капитал отрасли j в момент времени t , через $v_{*j}(t)$ — интенсивность валового инвестирования продукции всех видов в основной капитал отрасли j

$$v_{*j}(t) = \sum_{i=1}^n v_{ij}(t). \quad (1)$$

Обозначим через $\alpha_i(t)$ следующее отношение:

$$\alpha_i(t) = \frac{v_{*i}(t) / x_i(t)}{\sum_{j=1}^n v_{*j}(t) / x_j(t)}. \quad (2)$$

Отметим, что из равенства (2) следуют соотношения

$$\frac{\alpha_i(t)}{\alpha_j(t)} = \frac{v_{*i}(t) / x_i(t)}{v_{*j}(t) / x_j(t)}, \quad i = \overline{1, n}, j = \overline{1, n}, \quad (3)$$

т.е. значение $\frac{\alpha_i(t)}{\alpha_j(t)}$ равно отношению валовых инвестиций в i -ю отрасль в расчете на единицу валового выпуска i -й отрасли к валовым инвестициям в j -ю отрасль в расчете на единицу валового выпуска j -й отрасли.

В силу соотношений (3) коэффициенты $\alpha_i(t)$, $i = \overline{1, n}$, описывают пропорции удельных валовых инвестиций в разные отрасли (в расчете на валовые выпуски соответствующих отраслей).

Отметим, что из равенства (2) вытекает также следующее равенство:

$$\sum_{i=1}^n \alpha_i(t) = 1. \quad (4)$$

Выразив $v_{*i}(t)$ из равенства (2) при $j = 1$, получим

$$v_{*i}(t) = \frac{v_{*1}(t)}{\alpha_1(t)x_1(t)} \alpha_i(t)x_i(t), \quad i = \overline{1, n}. \quad (5)$$

Обозначим через $v_*(t)$ интенсивность валового инвестирования всех видов продукции во все отрасли экономической системы. Отметим, что в соответствии с формулой (1) для $v_*(t)$ справедливо равенство

$$v_*(t) = \sum_{j=1}^n v_{*j}(t). \quad (6)$$

Просуммировав соотношения (5) по индексу i , с учетом формулы (6) будем иметь

$$v_*(t) = \frac{v_{*1}(t)}{\alpha_1(t)x_1(t)} \sum_{j=1}^n \alpha_j(t)x_j(t). \quad (7)$$

Из последнего равенства следует, что

$$\frac{v_{*1}(t)}{\alpha_1(t)x_1(t)} = \frac{v_*(t)}{\sum_{j=1}^n \alpha_j(t)x_j(t)}. \quad (8)$$

Подставив правую часть равенства (8) в соотношение (5), получим

$$v_{*i}(t) = \frac{\alpha_i(t)x_i(t)}{\sum_{j=1}^n \alpha_j(t)x_j(t)} v_*(t), \quad i = \overline{1, n}. \quad (9)$$

Система дифференциальных уравнений для динамики выпусков отраслей. Обозначим через $d_i(t)$ интенсивность потребления основного капитала i -й отрасли (при производстве продукции i -го вида), через $d(t)$ — вектор-столбец значений $d_i(t)$, $i = \overline{1, n}$ (т.е. $d(t) = [d_1(t), \dots, d_n(t)]^T$), через $g_i(t)$ — интенсивность чистого инвестирования всех видов продукции в основной капитал i -й отрасли, через $g(t)$ — вектор-столбец значений $g_i(t)$, $i = \overline{1, n}$.

Отметим, что

$$g_i(t) = v_{*i}(t) - d_i(t), \quad i = \overline{1, n}. \quad (10)$$

Обозначим через $\dot{x}_i(t)$ мгновенную скорость изменения интенсивности производства валового выпуска i -й отрасли. Математически значение $\dot{x}_i(t)$ равно производной от $x_i(t)$ по временному аргументу t (т.е. $\dot{x}_i(t) = \frac{dx_i(t)}{dt}$). Заметим, что значение $\dot{x}_i(t) / x_i(t)$ — это относительная скорость изменения интенсивности производства валового выпуска i -й отрасли, а $g_i(t) / x_i(t)$ — относительная (удельная) интенсивность чистого инвестирования в основной капитал i -й отрасли.

Естественно считать, что относительная скорость изменения значения $\dot{x}_i(t) / x_i(t)$ увеличивается при увеличении значения $g_i(t) / x_i(t)$ и при этом когда значение $\dot{x}_i(t) / x_i(t)$ становится слишком большим, указанная скорость начинает уменьшаться. В соответствии с этими соображениями будем считать, что соответствующие значения взаимосвязаны следующим образом:

$$\frac{d^2}{dt^2} \left[\frac{\dot{x}_i(t)}{x_i(t)} \right] = \beta_i(t) \frac{g_i(t)}{x_i(t)} - \gamma_i(t) \frac{\dot{x}_i(t)}{x_i(t)}, \quad i = \overline{1, n}, \quad (11)$$

где $\beta_i(t)$ и $\gamma_i(t)$ — некоторые положительные параметры (вообще говоря, зависящие от временного аргумента t).

Замечание 1. Для того чтобы прояснить экономический смысл соотношений (11), рассмотрим частный случай, когда удельная интенсивность чистого инвестирования $g_i(t) / x_i(t)$ постоянна и равна λ_i , и при этом коэффициенты $\beta_i(t)$ и $\gamma_i(t)$ постоянны. Тогда, обозначив относительную скорость $\dot{x}_i(t) / x_i(t)$ через $y_i(t)$, равенство (11) можно записать следующим образом:

$$\frac{d^2 y_i}{dt^2}(t) = \beta_i \lambda_i - \gamma_i y_i(t). \quad (12)$$

Дифференциальное уравнение (12) описывает колебания гармонического осциллятора [1, с. 98]. При этом что отношение $\beta_i \lambda / \gamma_i$ определяет среднее значение, около которого колеблется значение $y_i(t)$, а γ_i — параметр, характеризующий интенсивность этих колебаний, отметим, что в соответствии с уравнением (12) относительная скорость $y_i(t)$ изменения интенсивности производства валового выпуска i -й отрасли может быть отрицательной даже при положительной интенсивности чистого инвестирования λ .

Пусть $\delta_i(t)$ — коэффициент потребления основного капитала i -й отрасли

$$\delta_i(t) = \frac{d_i(t)}{x_i(t)}, \quad i = \overline{1, n}. \quad (13)$$

Заметим, что из равенств (13) следует

$$d_i(t) = \delta_i(t)x_i(t), \quad i = \overline{1, n}. \quad (14)$$

Подставив формулы (9) и (13) в равенства (10), получим

$$g_i(t) = \frac{\alpha_i(t)x_i(t)}{\sum_{j=1}^n \alpha_j(t)x_j(t)} v_*(t) - \delta_i(t)x_i(t), \quad i = \overline{1, n}. \quad (15)$$

Отметим, что наряду с формулой (6) для значения $v_*(t)$ справедлива также следующая формула:

$$v_*(t) = \sum_{i=1}^n v_{i*}(t), \quad (16)$$

где $v_{i*}(t)$ — интенсивность валового инвестирования i -го вида продукции в основной капитал всех отраслей (т.е. $v_{i*}(t) = \sum_{j=1}^n v_{ij}(t)$).

Обозначим через $v_*(t)$ вектор-столбец значений $v_{i*}(t)$, $i = \overline{1, n}$ (т.е. $v_*(t) = [v_{1*}(t), \dots, v_{n*}(t)]^T$), через $h_i(t)$ — суммарную интенсивность конечного потребления и чистого экспорта продукции i -го вида и через $h(t)$ — вектор-столбец значений $h_i(t)$, $i = \overline{1, n}$. В соответствии с [3, с. 18–20; 4, с. 371–375; 5, с. 11–14] основные балансовые соотношения в матричной форме можно записать в следующем виде:

$$x(t) = A(t)x(t) + v_*(t) + h(t), \quad (17)$$

где $A(t) = [a_{ij}(t)]$ ($i = \overline{1, n}$, $j = \overline{1, n}$) — матрица коэффициентов интенсивностей прямых затрат в момент времени t (коэффициент $a_{ij}(t)$ равен интенсивности использования продукции вида i в качестве оборотного капитала отрасли j в расчете на производство единицы продукции отрасли j в момент времени t).

Методика стохастического моделирования динамики коэффициентов прямых затрат $a_{ij}(t)$, $i = \overline{1, n}$, $j = \overline{1, n}$, представлена в статье [6].

Выразим вектор $v_*(t)$ из матричного равенства (17)

$$v_*(t) = [I_n - A(t)]x(t) - h(t). \quad (18)$$

Предположим, что вектор $h(t) = [h_1(t), \dots, h_n(t)]^T$ суммарных интенсивностей конечного потребления и чистого экспорта зависит от вектора $x(t) = [x_1(t), \dots, x_n(t)]^T$ валовых выпусков, причем указанная зависимость описывается следующей формулой

$$h(t) = H(t)x(t), \quad (19)$$

где $H(t)$ — квадратная матрица размером $n \times n$ (вообще говоря, зависящая от временного аргумента t).

Подставив формулу (19) в соотношение (18), получим

$$v_*(t) = [I_n - A(t) - H(t)]x(t). \quad (20)$$

В соответствии с равенством (16) будем иметь

$$v_*(t) = 1_n^T [I_n - A(t) - H(t)]x(t), \quad (21)$$

где 1_n^T — вектор-строка, состоящая из n единиц.

Подставим формулу (21) в равенства (15)

$$g_i(t) = \frac{\alpha_i(t)x_i(t)}{\sum_{j=1}^n \alpha_j(t)x_j(t)} 1_n^T [I_n - A(t) - H(t)]x(t) - \delta_i(t)x_i(t), \quad i = \overline{1, n}. \quad (22)$$

Подставив последнюю формулу в соотношение (11), получим

$$\frac{d^2}{dt^2} \begin{bmatrix} \dot{x}_i(t) \\ x_i(t) \end{bmatrix} = \beta_i(t) \left\{ \frac{\alpha_i(t)}{\sum_{j=1}^n \alpha_j(t)x_j(t)} 1_n^T [I_n - A(t) - H(t)]x(t) - \delta_i(t) \right\} - \gamma_i(t) \frac{\dot{x}_i(t)}{x_i(t)}, \quad i = \overline{1, n}. \quad (23)$$

Равенства (23) можно рассматривать в качестве системы обыкновенных дифференциальных уравнений третьего порядка относительно $x_i(t)$, $i = \overline{1, n}$. При экзогенно заданных векторах $x(t_0) = [x_1(t_0), \dots, x_n(t_0)]^T$, $\dot{x}(t_0) = [\dot{x}_1(t_0), \dots, \dot{x}_n(t_0)]^T$, $\ddot{x}(t_0) = [\ddot{x}_1(t_0), \dots, \ddot{x}_n(t_0)]^T$ интенсивностей валового выпуска и его (первой и второй) производных в начальный момент времени t_0 система дифференциальных уравнений (23) определяет траектории $x_i(t)$, $i = \overline{1, n}$, $t \geq t_0$ (при выполнении некоторых условий для процессов $\beta_i(t)$, $\gamma_i(t)$, $\alpha_i(t)$, $\delta_i(t)$, $i = \overline{1, n}$, $A(t)$, $H(t)$; см. ниже).

Замечание 2. В случае когда процессы $\beta_i(t)$, $\gamma_i(t)$, $\alpha_i(t)$, $\delta_i(t)$, $i = \overline{1, n}$, $A(t)$, $H(t)$ являются случайными, решение системы дифференциальных уравнений (23) (а также других дифференциальных уравнений, фигурирующих в настоящей статье) будем понимать как потраекторное решение. Это значит, что для всех элементарных событий $\omega \in \Omega$ (где Ω — множество всех элементарных событий) имеют место соотношения:

$$\frac{d^2}{dt^2} \begin{bmatrix} \dot{x}_i(t, \omega) \\ x_i(t, \omega) \end{bmatrix} = \beta_i(t, \omega) \left\{ \frac{\alpha_i(t, \omega)}{\sum_{j=1}^n \alpha_j(t, \omega)x_j(t, \omega)} 1_n^T [I_n - A(t, \omega) - H(t, \omega)]x(t, \omega) - \delta_i(t, \omega) \right\} - \gamma_i(t, \omega) \frac{\dot{x}_i(t, \omega)}{x_i(t, \omega)}, \quad \forall t \geq t_0, \quad i = \overline{1, n}. \quad (24)$$

При таком подходе исследование дифференциальных уравнений со случайными процессами сводится к исследованию детерминированных дифференциальных уравнений (для которых можно использовать соответствующие широко известные результаты).

В дальнейшем будем считать, что процессы $\beta_i(t)$, $\gamma_i(t)$, $\alpha_i(t)$, $\delta_i(t)$, $i = \overline{1, n}$, $A(t)$, $H(t)$ (а следовательно, и $x(t)$) являются случайными. (Для краткости в некоторых случаях мы не будем указывать элементарное событие в списке аргументов соответствующих случайных процессов.)

Существование, единственность и положительность решения системы дифференциальных уравнений. Покажем, что при любом заданном положительном начальном векторе $x(t_0) = [x_1(t_0), \dots, x_n(t_0)]^T$ система дифференциальных уравнений (23) имеет единственное решение, причем оно положительно и определено на всем интервале $[t_0, \infty)$.

Для этого вначале предположим, что существует положительный векторный случайный процесс $x(t) = [x_1(t), \dots, x_n(t)]^T$, $t \geq t_0$, для которого справедливы равенства (23).

Обозначим $z_i(t) = \ln x_i(t)$, $z(t) = [z_1(t), \dots, z_n(t)]^T$ и $\exp z(t) = [\exp z_1(t), \dots, \exp z_n(t)]^T$. Тогда в силу равенств (23)

$$\frac{d^3 z_i}{dt^3}(t) = \beta_i(t) \left\{ \frac{\alpha_i(t)}{\sum_{j=1}^n \alpha_j(t) \exp z_j(t)} 1_n^T [I_n - A(t) - H(t)] \exp z(t) - \delta_i(t) \right\} - \gamma_i(t) \frac{dz_i}{dt}(t), \quad i = \overline{1, n}. \quad (25)$$

Несложно заметить, что существование, единственность и положительность решения $x(t) = [x_1(t), \dots, x_n(t)]^T$ системы дифференциальных уравнений (23) на интервале $[t_0, \infty)$, (при заданном начальном векторе $x(t_0)$) равносильны существованию и единственности решения $z(t) = [z_1(t), \dots, z_n(t)]^T$ системы дифференциальных уравнений (25) на указанном интервале (при заданном начальном векторе $z(t_0) = [\ln x_1(t_0), \dots, \ln x_n(t_0)]^T$).

Запишем систему дифференциальных уравнений (25) в следующем виде (в соответствии с замечанием 2):

$$\frac{d^3 z_i}{dt^3}(t, \omega) = f_i[t, z(t), \dot{z}(t), \omega], \quad i = \overline{1, n}, \quad (26)$$

где функции $f_i(t, z, \dot{z}, \omega)$, $i = \overline{1, n}$, определены по формуле

$$f_i(t, z, \dot{z}, \omega) = \beta_i(t, \omega) \left\{ \frac{\alpha_i(t, \omega)}{\sum_{j=1}^n \alpha_j(t, \omega) \exp z_j} 1_n^T [I_n - A(t, \omega) - H(t, \omega)] \exp z - \delta_i(t, \omega) \right\} - \gamma_i(t, \omega) \dot{z}_i. \quad (27)$$

Заметим, что система дифференциальных уравнений (26) третьего порядка равносильна следующей системе первого порядка:

$$\frac{d\ddot{z}_i}{dt}(t, \omega) = f_i[t, z(t, \omega), \dot{z}(t, \omega), \omega], \quad i = \overline{1, n}, \quad (28)$$

$$\frac{d\dot{z}_i}{dt}(t, \omega) = \dot{z}_i(t, \omega), \quad i = \overline{1, n}, \quad (29)$$

$$\frac{dz_i}{dt}(t, \omega) = \dot{z}_i(t, \omega), \quad i = \overline{1, n} \quad (30)$$

относительно (неизвестных) функций $z(t, \omega)$, $\dot{z}_i(t, \omega)$, $\ddot{z}_i(t, \omega)$, $i = \overline{1, n}$.

Обозначим через $f(t, z, \omega)$ векторную функцию с компонентами $f_i(t, z, \omega)$ (т.е. $f(t, z, \omega) = [f_i(t, z, \omega)]_{i=1, \overline{n}}$). С помощью теоремы 2.1 монографии [7, с. 69], а также с учетом материала указанной монографии, несложно показать, что для существования и единственности решения системы (28)–(30) (а следовательно, и системы (26)) на интервале $[t_0, \infty)$ при заданном начальном векторе $z(t_0)$ при каждом фиксированном элементарном событии $\omega \in \Omega$ достаточно существования таких неубывающих по аргументу T функций $k_1(T, a, \omega)$ и $k_2(T, \omega)$, $T \geq t_0$, $a \geq 0$, $\omega \in \Omega$, что

$$1) \|f(t, z', \dot{z}', \omega) - f(t, z'', \dot{z}'', \omega)\| \leq k_1(T, a, \omega) (\|z' - z''\| + \|\dot{z}' - \dot{z}''\|) \quad (31)$$

$\forall T \geq t_0, t \leq T, a \geq 0, \|z'\| \leq a, \|z''\| \leq a, \|\dot{z}'\| \leq a, \|\dot{z}''\| \leq a, \omega \in \Omega$ (локальное условие Липшица);

$$2) \|f(t, z, \dot{z}, \omega)\| \leq k_2(T, \omega) (1 + \|z\| + \|\dot{z}\|) \quad (32)$$

$\forall T \geq t_0, t \leq T, z \in R^n, \omega \in \Omega$ (линейный порядок роста по z).

Здесь $\|\cdot\|$ — оператор векторной нормы.

В дальнейшем будем считать, что случайные процессы $\beta_i(t)$, $\gamma_i(t)$, $\alpha_i(t)$, $\delta_i(t)$, $i = \overline{1, n}$, $A(t)$, $H(t)$ потраекторно непрерывны. Очевидно, что потраекторная непрерывность указанных случайных процессов обеспечивает потраекторную непрерывность частных

производных $\frac{\partial f_i}{\partial z_j}(t, z, \dot{z}, \omega)$ и $\frac{\partial f_i}{\partial \dot{z}_j}(t, z, \dot{z}, \omega)$, $i = \overline{1, n}$, $j = \overline{1, n}$, функций (27) по векторному аргументу $(t, z, \dot{z})$ при любом $\omega \in \Omega$, что в свою очередь гарантирует выполнение локального условия Липшица (31).

Исследуем функцию $f(t, z, \omega) = [f_i(t, z, \omega)]_{i=\overline{1, n}}$ на предмет выполнения условия (32).

Введем следующие обозначения:

$$\beta^+(T, \omega) = \max\{\gamma_i(t, \omega) \mid t \in [t_0, T], i = \overline{1, n}\}, \quad (33)$$

$$\gamma^+(T, \omega) = \max\{\gamma_i(t, \omega) \mid t \in [t_0, T], i = \overline{1, n}\}, \quad (34)$$

$$\alpha^+(T, \omega) = \max\{\alpha_i(t, \omega) \mid t \in [t_0, T], i = \overline{1, n}\}, \quad (35)$$

$$\alpha^-(T, \omega) = \min\{\alpha_i(t, \omega) \mid t \in [t_0, T], i = \overline{1, n}\}, \quad (36)$$

$$\delta^+(T, \omega) = \max\{\delta_i(t, \omega) \mid t \in [t_0, T], i = \overline{1, n}\}, \quad (37)$$

$$A^+(T, \omega) = \max\{a_{ij}(t, \omega) \mid t \in [t_0, T], i = \overline{1, n}, j = \overline{1, n}\}, \quad (38)$$

$$H^+(T, \omega) = \max\{|H_{ij}(t, \omega)| : t \in [t_0, T], i = \overline{1, n}, j = \overline{1, n}\}. \quad (39)$$

Отметим, что потраекторная непрерывность случайных процессов $\beta_i(t)$, $\gamma_i(t)$, $\alpha_i(t)$, $\delta_i(t)$, $i = \overline{1, n}$, $A(t)$, $H(t)$ обеспечивает существование значений (33)–(39). При этом в силу положительности случайных процессов $\beta_i(t)$, $\gamma_i(t)$, $\alpha_i(t)$, $\delta_i(t)$, $i = \overline{1, n}$, значения (33)–(37) положительны, а из неотрицательности значений $a_{ij}(t, \omega)$ и $|H_{ij}(t, \omega)|$, $i = \overline{1, n}$, $j = \overline{1, n}$, следует неотрицательность значений (38), (39).

Обозначим через $M(T, \omega)$ максимальное из значений $\beta^+(T, \omega)$, $\gamma^+(T, \omega)$, $\alpha^+(T, \omega)$, $1/\alpha^-(T, \omega)$, $\delta^+(T, \omega)$, $A^+(T, \omega)$, $H^+(T, \omega)$. Несложно заметить, что функция $M(T, \omega)$ положительна, не убывает по аргументу T , и при этом имеют место следующие неравенства:

$$\beta_i(T, \omega) \leq M(T, \omega), \quad \gamma_i(T, \omega) \leq M(T, \omega), \quad \frac{1}{M(T, \omega)} \leq \alpha_i(t, \omega) \leq M(T, \omega), \quad (40)$$

$$\delta_i(t, \omega) \leq M(T, \omega), \quad a_{ij}(t, \omega) \leq M(T, \omega), \quad |H_{ij}(t, \omega)| \leq M(T, \omega) \quad (41)$$

при любых $T \geq t_0$, $t \leq T$, $\omega \in \Omega$, $i = \overline{1, n}$, $j = \overline{1, n}$.

Тогда

$$\begin{aligned} & \left| \beta_i(t, \omega) \left\{ \frac{\alpha_i(t, \omega)}{\sum_{j=1}^n \alpha_j(t, \omega) \exp z_j} \mathbf{1}_n^T [I_n - A(t, \omega) - H(t, \omega)] \exp z - \delta_i(t, \omega) \right\} - \gamma_i(t, \omega) \dot{z}_i \right| \leq \\ & \leq \beta_i(t, \omega) \left\{ \frac{\alpha_i(t, \omega)}{\sum_{j=1}^n \alpha_j(t, \omega) \exp z_j} \mathbf{1}_n^T [I_n + A(t, \omega) + |H(t, \omega)|] \exp z + \delta_i(t, \omega) \right\} + \gamma_i(t, \omega) |\dot{z}_i| \leq \\ & \leq M(T, \omega) \left\{ \frac{M^2(T, \omega)}{\sum_{j=1}^n \exp z_j} (1 + 2nM) \sum_{j=1}^n \exp z_j + M(T, \omega) \right\} + M(T, \omega) |\dot{z}_i| = \\ & = M^3(T, \omega) [1 + 2nM(T, \omega)] + M^2(T, \omega) + M(T, \omega) |\dot{z}_i|, \end{aligned}$$

где J_n — матрица единиц размера $n \times n$ (т.е. матрица, каждый элемент которой равен единице).

Итак (с учетом обозначения (27)), мы показали, что при выполнении неравенств (40), (41) справедливо соотношение

$$|f_i(t, z, \dot{z}, \omega)| \leq M^3(T, \omega)[1 + 2nM(T, \omega)] + M^2(T, \omega) + M(T, \omega)|\dot{z}_i| \quad (42)$$

при любых $T \geq t_0$, $t \leq T$, $z \in R^n$, $\omega \in \Omega$, $i = \overline{1, n}$, откуда следует неравенство

$$\|f(t, z, \dot{z}, \omega)\| \leq \{M^3(T, \omega)[1 + 2nM(T, \omega)] + M^2(T, \omega) + M(T, \omega)\}\sqrt{n}(1 + \|\dot{z}_i\|). \quad (43)$$

Следовательно, условие (32) выполняется при функции $k_2(T, \omega)$, равной правой части неравенства (43).

Таким образом, в случае когда случайные процессы $\beta_i(t)$, $\gamma_i(t)$, $\alpha_i(t)$, $\delta_i(t)$, $i = \overline{1, n}$, $A(t)$, $H(t)$ потраекторно непрерывны, система дифференциальных уравнений (26) имеет единственное решение при любом начальном условии. Следовательно, в соответствии с изложенным выше потраекторная непрерывность указанных случайных процессов обеспечивает существование, единственность и положительность решения системы дифференциальных уравнений (23) при любом положительном векторе $x(t_0) = [x_1(t_0), \dots, x_n(t_0)]^T$ интенсивностей валового выпуска отраслей в начальный момент времени t_0 .

Описанная в настоящей статье методика позволяет моделировать динамику валовых выпусков отраслей экономики и связанных с ними показателей (таких как конечные выпуски отраслей, прямое и полное использование продукции одних отраслей при производстве продукции других отраслей, валовое и чистое инвестирование в разные отрасли, суммарное конечное потребление и чистый экспорт продукции разных отраслей). При этом допускается случай, когда получаемые прогнозы носят стохастический характер, что дает возможность рассчитывать их вероятностные характеристики. Для такого (стохастического) случая нами доказаны существование, единственность и положительность решения системы дифференциальных уравнений третьего порядка, описывающих динамику валовых выпусков, что обосновывает корректность численного прогнозирования валовых выпусков с помощью указанной системы уравнений.

Источники

1. Фейнман, Р. Фейнмановские лекции по физике. Вып. 2 / Р. Фейнман, Р. Лейтон, М. Сэндс. — М. : Мир, 1965. — 166 с.
Feynman, R. Feynmanovskie lektzii po fizike. Vyp. 2 / R. Feynman, R. Leyton, M. Sends. — М. : Mir, 1965. — 166 s.
2. Гранберг, А. Г. Динамические модели народного хозяйства / А. Г. Гранберг. — М. : Экономика, 1985. — 240 с.
Granberg, A. G. Dinamicheskie modeli narodnogo khozyaystva / A. G. Granberg. — М. : Ekonomika, 1985. — 240 s.
3. Исследования структуры американской экономики / В. Леонтьев [и др.]. — М. : Гос. стат. изд-во, 1958. — 640 с.
Issledovaniya struktury amerikanskoj ekonomiki / V. Leont'ev [i dr.]. — М. : Gos. stat. izd-vo, 1958. — 640 s.
4. Экономико-математические методы и модели / Н. И. Холод [и др.]; под общ. ред. А. В. Кузнецова. — Минск : БГЭУ, 1999. — 413 с.
Ekonomiko-matematicheskie metody i modeli / N. I. Kholod [i dr.]; pod obshch. red. A. V. Kuznetsova. — Minsk : BGEU, 1999. — 413 s.
5. Miller, R. E. Input-Output Analysis / R. E. Miller, P. D. Blair. — New York : Cambridge Univ. Press, 2009. — 750 p.
6. Аксень, Э. М. Стохастическое моделирование коэффициентов прямых затрат / Э. М. Аксень // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. — 2017. — № 5. — С. 40–49.
Aksen', E. M. Stokhasticheskoe modelirovanie koeffitsientov pryamykh zatrat / E. M. Aksen' // Vesn. Belarus. dzyarzh. ekan. un-ta. — 2017. — № 5. — S. 40–49.

7. Леваков, А. А. Стохастические дифференциальные уравнения / А. А. Леваков. — Минск : БГЭУ, 2009. — 231 с.

Levakov, A. A. Stokhasticheskie differentsial'nye uravneniya / A. A. Levakov. — Minsk : BGEU, 2009. — 231 с.

Статья поступила в редакцию 12.11.2018 г.

УДК 338

I. Akulich
A. Sverlov
V. Golik
BSEU (Minsk)

DEVELOPED MARKET INFRASTRUCTURE AS A PREREQUISITE AND CONDITION FOR THE FORMATION OF JOINT INDUSTRIAL CLUSTERS

The concept of infrastructure discussed in the content of the article. Effect on the efficiency of the economic activities of the individual industries enterprises is shown. The relationship between the efficiency of business activities of a group of enterprises in a separate territory and the state of the market infrastructure are substantiated. To determine the efficiency of economic activity by numerous enterprises, a cluster approach is used. It is shown how to improve the quality of doing business effects on the infrastructure content changing.

Keywords: specialization; cooperation; cluster; industry; market; technology; infrastructure; enterprise; capital; cooperation; logistics; complementarity.

И. Л. Акулич
доктор экономических наук, профессор
А. С. Сверлов
кандидат экономических наук, доцент
В. С. Голик
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

РАЗВИТАЯ РЫНОЧНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ПРЕДПОСЫЛКА И УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВМЕСТНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ¹

В статье рассмотрено содержание понятие инфраструктуры. Показано ее влияние на эффективность хозяйственной деятельности предприятий отдельных отраслей. Обоснована связь между эффективностью ведения хозяйственной деятельности группы предприятий на отдельной территории и состоянием рыночной инфраструктуры. Для определения эффективности хозяйственной деятельности множества предприятий использован кластерный подход. Показано, каким образом необходимость повышения качества ведения предпринимательской деятельности влияет на изменение содержания рыночной инфраструктуры.

Ключевые слова: специализация; кооперация; кластер; промышленность; рынок; технология; инфраструктура; предприятие; капитал; сотрудничество; логистика; комплиментарность.

¹ Публикуется в рамках белорусско-азербайджанского проекта по договору между БГЭУ и БРФФИ от 25.01.2018 г. № Г18А3-017.

Эффективное функционирование рынка основано на развитой инфраструктуре, которая способствует, а в отдельные периоды сдерживает активность субъектов рынка. Инфраструктура является тем значимым внешним фактором, который в существенной степени влияет на развитие не только самого рынка и его институтов, но и на качество продвижения товаров. У инфраструктуры есть множество элементов, которые способствуют продвижению исключительно товаров, и элементов, способствующих продвижению услуг. При этом инфраструктура рынка, которая была создана для продвижения товаров, в настоящее время настолько развита, ее элементы практически являются субъектами отдельного рынка, и поскольку рыночная инфраструктура изначально ориентирована на создание и оказание услуг, то в отношении непосредственно самой инфраструктуры услуги являются преобладающим объектом купли-продажи. На этих рынках имеются свои спрос, предложение и равновесная цена. Рынок и изменение содержания его элементов, включая их эволюцию, предполагают организацию новых подходов взаимодействия между субъектами рынка и возможность формирования его новых институтов.

Проблемами формирования и развития рыночной инфраструктуры в маркетинге и экономической теории занимаются как отечественные, так и зарубежные ученые. Среди зарубежных ученых содержание термина «рыночная инфраструктура» было определено, например, М. Портером. По его мнению «организации рыночной инфраструктуры (аудиторские, консалтинговые, кредитные, страховые и лизинговые услуги, логистика, торговля, операции с недвижимостью)» [1, с. 41]. В своем подходе он рассматривал взаимосвязь между рыночной инфраструктурой и кластерами, которые функционируют в условиях соответствующих внешних факторов. М. Портер акцентирует внимание на специфике развития национальных рынков с учетом взаимосвязи между формированием кластерных структур и инфраструктуры отдельного рынка. При этом организации рыночной инфраструктуры М. Портер рассматривал как «основные категории участников кластера» [1, с. 41]. Именно М. Портер впервые ввел понятие кластер в оборот. Под кластерами он понимал «концентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в родственных отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, торговых объединений), в определенных областях, конкурирующих, но при этом ведущих совместную работу» [1, с. 2].

В своих исследованиях М. Портер вводил такие понятия, как кластер первого и второго поколения. Для описания кластеров первого поколения он использовал тривиальный подход, когда только на основе метода описания показал принципы организации кластерных структур и их работы на примере производства и продажи обуви [1, с. 7]. При этом он указал, что полная удовлетворенность конечного потребителя качеством приобретаемого товара возможна с учетом организации эффективных и содержательных связей между элементами кластера. Организация кластера второго поколения предполагает формирование такой структуры, когда в хозяйственные отношения вовлекаются предприятия, занимающиеся научными исследованиями, организацией учебного процесса, т.е. те, кто ориентирован исключительно на инновационное развитие. Подобный подход применяется также и в Республике Беларусь. В Беларуси также рассматриваются теоретические вопросы и практика установления связи между рыночной инфраструктурой и кластерами. Например, В.Н. Шимов, указывает, что рыночная инфраструктура — «это совокупность предприятий и организаций, обеспечивающих товародвижение: продажу, прием и отпуск товаров, их хранение, подработку, подсортировку, упаковку и транспортировку, информационное обслуживание, маркетинг, денежные операции с поставщиками и покупателями» [2, с. 486]. Вопросы организации кластерных структур и их участия в формировании инфраструктуры рынка на законода-

тельном уровне определены в постановлении Совета Министров Республики Беларусь «Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь» от 16.01.2014 г. № 27. Постановлением предусматривается, что в подобного рода структуры будут вовлечены предприятия научной сферы и учреждения образования Республики Беларусь. По своему содержанию постановление Совета Министров Республики Беларусь в принципе ориентировано на создание кластерных структур второго поколения.

Однако постановлением не определено понятие «промышленный кластер». В преамбуле дано лишь определение инновационно-промышленного кластера — «кластер, участники которого обеспечивают и осуществляют инновационную деятельность, направленную на разработку и производство инновационной и высокотехнологичной (наукоемкой) продукции» [3]. Воспользовавшись общими и частными законами методологии науки, промышленный кластер можно определить как сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных промышленных компаний и предприятий в родственных отраслях, а также связанных с их деятельностью конкурирующих организаций, но при этом ведущих совместную работу, обеспечивающих и осуществляющих предпринимательскую деятельность, направленную на разработку и производство промышленной продукции.

Необходимо отметить, что в отношении отдельно взятой страны подход М. Портера рассматривается безотносительно развития ее международного сотрудничества. Рассмотрение вопросов развития кластерных структур в отрыве от международных хозяйственных связей предприятий создает лишь теоретическую основу для внедрения и развития рыночной инфраструктуры внутри страны. Для Республики Беларусь развитие международных отношений является одной из приоритетных задач. Однако прямое заимствование теории М. Портера привело к тому, что уровень развития международных отношений страны и ее правовые основы организации международных отношений не учитываются. Очевидно, что понятие «совместный промышленный кластер» относительно нескольких стран с учетом географического признака М. Портера применимо преимущественно к варианту приграничного сотрудничества, когда предприятия, сконцентрированные вблизи таможенных границ разных государств, функционируют в рамках правового поля каждой страны и нацелены на достижение одного результата совместными усилиями. Если учесть положение теории размещения предприятий, производительных сил и сложности выпускаемой продукции, то в содержание географического признака в определении М. Портера можно внести некоторую редакцию, которая не будет противоречить определению понятия «кластер» и позволит обосновывать в нем наличие территориальной удаленности предприятий двух стран.

В то же время если критерий, введенный М. Портером относительно территориального размещения, дополнить критерием комплементарности используемых ресурсов, например, наличие живого труда на территории одной страны, дополняется овеществленным трудом другой страны, то при таком подходе можно говорить о формировании организационной структуры, объединяющей в кластер предприятия ряда стран.

В данном случае существенную особенность формирования и развития кластера будут составлять прежде всего экономические интересы предприятий ряда стран. Они могут быть существенно сдерживающим фактором развития совместного кластера по сравнению с факторами условий функционирования национальных кластерных структур. В то же время если совпадают не только мотивы организации кластера, но также и планы по развитию смежных отраслей внутри стран-участниц, то экономические интересы предприятий окажут стимулирующее влияние на развитие кластера. Подобный подход возможен в случае если все элементы системы имеют заданное и достаточное количество ресурсов и их использование носит эффективный характер. Показательным примером подобного подхода является МФПГ. Для организации МФПГ в Республике Беларусь

был принят Закон «О Международных финансово-промышленных группах» [4]. Согласно Закону МФПГ есть образование, в котором предприятия нескольких стран, в том числе банки, объединяются для решения совместных задач. Так, например, в электронной промышленности Беларуси и России была организована МФПГ Элтех [5]. В рамках данного образования для решения задач повышения уровня конкурентоспособности продукции белорусские и российские предприятия электронной промышленности, а также некоторые банки объединились в одну организационную структуру. Это объединение было основано не на территориальном признаке, а на основе комплементарности используемых ресурсов как материальных, так и научных, и финансовых. Подобный подход позволяет ввести в оборот понятие «совместный промышленный кластер» и определить его как группу взаимосвязанных промышленных компаний, концентрация по географическому признаку которых определяется сложностью выпускаемой продукции и влиянием теории размещения производительных сил, а также предприятий в родственных отраслях нескольких стран и связанных с их деятельностью конкурирующих организаций, но при этом ведущих совместную работу на основе комплементарности используемых ресурсов, обеспечивающих и осуществляющих предпринимательскую деятельность, направленную на разработку и производство промышленной продукции. В остальном подходы, связанные с определением множества организаций, их связей, при формировании рыночной инфраструктуры и отраженные в правовом поле Республики Беларусь, практически полностью совпадают с предложениями М. Портера.

В Республике Беларусь для развития отдельных элементов инфраструктуры внутреннего рынка страны была принята Программа развития инфраструктуры товарных рынков Республики Беларусь на 1999–2005 гг. [2, с. 492]. Программой предусматривалось, что элементы инфраструктуры рынка будут развиваться поэтапно с таким расчетом, чтобы уровень динамизма развития рынка, его содержание и структура к заданному году в части оценки развития конкурентной борьбы и прироста емкости рынка достигли уровня, предусмотренного Программой, и соответствовали общепринятым стандартам рыночной экономики. В частности, на первом этапе «осуществлялись меры по созданию правовых и организационных условий функционирования товарных рынков, эффективному использованию торговых и складских площадей, развитию материально-технической базы рыночной инфраструктуры» [2, с. 492].

Результатом выполнения второго этапа Программы развития являются сформированные элементы рыночной инфраструктуры Республики Беларусь. В настоящее время инфраструктура внутреннего рынка страны по видам присутствующих на нем элементов подобна инфраструктуре рынков развитых стран. В то же время содержание отдельных элементов и качество их связей с остальными элементами инфраструктуры остаются относительно невысокими. В связи с этим их влияние на развитие рынка и его инфраструктуры незначительно. Прежде всего это относится к организациям, которые заняты маркетингом, операциями с недвижимым имуществом, информационным обслуживанием и подобными видами деятельности. Как правило, акцент в развитии рыночной инфраструктуры, например в программах стран с развитой рыночной экономикой, делается в основном на стимулировании функционирования предприятий сферы кредитования, маркетинга и консалтинга. Однако в сфере услуг Республики Беларусь значительный удельный вес занимают предприятия оптовой, розничной торговли и транспорт. Организации, занятые маркетингом, информационным обслуживанием и т.д., т.е. тем, что способствует изменению содержания элементов рыночной инфраструктуры и стратегий предприятий, не оказывают существенного влияния. Вклад каждого из этих направлений в формирование ВВП Беларуси не превышает 5 % [6, с. 235]. В допрограммный период финансово-кредитная сфера Республики Беларусь не была тесно связана с товарным рынком. В связи с этим основной акцент при выполнении Программы был сделан на установлении качественно новых связей между сформированными

элементами рынка и финансово-кредитной системой страны. В силу того, что институты рынка не были сформированы, не было достаточно развитого правового поля. Для регулирования деятельности субъектов рынка программные документы, выполненные в Республике Беларусь в связи с развитием рыночной инфраструктуры, носили больше директивный характер.

В настоящее время в Республике Беларусь сформированы и развиваются все элементы рыночной инфраструктуры. Например, деятельность бирж. В период 2010–2016 гг. число заключенных сделок на бирже увеличилось в 1,69 раза [6, с. 365]. Если в 2010 г. было заключено 213,0 тыс. сделок, то в 2016 г. — свыше 360 тысяч. При этом основная масса сделок была заключена на товарном рынке по купле-продаже металлопродукции. Оборот данного товара на бирже определял практически в 57,5 % всех заключенных сделок. Биржевой оборот по совершенным сделкам также возрос за рассматриваемый период. В течение 2010–2016 гг. рост превысил 300 %. Если в 2010 г. оборот составил 91,2 трлн руб., то в 2016 г. он достиг 30,6 трлн руб. (с учетом деноминации). В то же время несмотря на доминирование металлопродукции при совершении сделок на бирже, биржевой оборот в стоимостном выражении данного вида товара составлял менее 3 % общего биржевого оборота по совершенным сделкам в денежном выражении. Основной объем биржевого оборота был достигнут за счет сделок на валютном и фондовом рынках, совокупный объем которых обуславливает свыше 92 % биржевого оборота по совершенным сделкам в Республике Беларусь. Подобная тенденция сохраняется на протяжении 2010–2016 гг.

В Республике Беларусь существенное развитие получил такой элемент рыночной инфраструктуры, как оптовая и розничная торговля. За период 2010–2016 гг. оптовый товарооборот возрос до 66 022,2 млрд руб. [6, с. 363]. Однако в приложение к развитию рыночной инфраструктуры особую значимость имеет оптовый товарооборот организаций оптовой торговли, и в первую очередь торговли, связанной с куплей-продажей товаров промышленного назначения. За 2010–2016 гг. оптовый товарооборот организаций оптовой торговли возрос в 5,5 раза. В то же время в его составе есть товарные позиции, обороты которых за рассматриваемый период практически не изменяются. Например, пиломатериалы. В то же время есть товары, изменение объема продаж которых обусловлен изменением спроса. Например, стальные трубы и цемент. В 2016 г. объем продаж стальных труб снизился практически на 30 % уровня 2010 г., тогда как объем продаж цемента за период 2010–2016 гг. увеличился в 1,6 раза [6, с. 364].

За последние семь лет величина складской площади в стране не изменилась. В начале 2010 г. было 2,7 млн м², в конце конца 2016 г. — 2,8 млн м². Складской объем складов также существенно не изменился. В рассматриваемом периоде средний складской объем составлял 14–15 млн м³. В то же время значительно возросли складские площади магазинов-складов. Если в 2010 г. их складская площадь составляла 20 тыс. м², то к 2016 г. она увеличилась до 33,8 тыс. м². С учетом этого складской объем магазинов складов возрос практически на 46 %. В 2010 г. он составлял 112,4 тыс. м³, в 2016 г. — свыше 164 тыс. м³.

В Республике Беларусь сформирована развитая транспортно-логистическая инфраструктура. Некоторые авторы рассматривают транспортную инфраструктуру отдельно от рыночной. Так, М. Портер транспортную инфраструктуру рассматривает в связи с организацией работы предприятий (организаций), обслуживающих отрасли общего пользования, тогда как логистическая инфраструктура, которая фактически использует материальную базу транспортной, рассматривается в рамках рыночной инфраструктуры. П.А. Дроздов под логистикой понимает «направление хозяйственной деятельности, которое заключается в управлении материалопотоками в сферах производства и обращения» [7, с. 10]. Транспортно-логистическая инфраструктура способствует доведению товара до потребителя и в ряде случаев предполагает хранение, сортировку и оптимиза-

цию товаропотоков. Подобного рода операции составляют часть операций, связанных с функционированием рыночной инфраструктуры. Таким образом, с учетом участия транспортной инфраструктуры в процессе товародвижения ее можно рассматривать в качестве отдельного множества элементов, часть из которых относится исключительно к рыночной инфраструктуре, а часть — к транспортной.

Для характеристики эффективности функционирования транспортно-логистической инфраструктуры можно воспользоваться такими количественными показателями, как, например, грузооборот, плотность путей сообщения, эффективный уровень транспортной инфраструктуры и т.д. При этом особое внимание должно быть уделено действиям органов государственного управления, развивающих транспортно-логистическую инфраструктуру посредством изменения каналов движения грузов и формирующих оптимальную транспортную инфраструктуру с таким расчетом, чтобы повысить эффективность логистической инфраструктуры.

В Республике Беларусь, например, протяженность железнодорожных путей общего пользования в 2016 г. составила 5480 км, при этом плотность железнодорожных путей составила 26,4 км на 1000 км² территории. Железнодорожным транспортом в 2016 г. было перевезено 126,8 млн т грузов, в том числе в международном сообщении — 95,7 млн т грузов. В 2016 г. общий грузооборот, выполненный всеми видами транспорта, достиг 417,6 млн т грузов. Кроме железнодорожного в Беларуси активно используется автомобильный и трубопроводный транспорт. В 2016 г. автомобильным транспортом было перевезено 162,6 млн т грузов, а трубопроводным — 126,1 млн т грузов. При этом при перерасчете на тонно-километры объема грузов, перевезенных автомобильным транспортом, полученный показатель эффективности в разы меньше железнодорожного и трубопроводного.

Реформирование отдельных элементов рыночной инфраструктуры и создание ее принципиально новых элементов было свойственно всем постсоветским странам. В то же время в связи с различиями развития и содержания национального законодательства элементы инфраструктуры рынка постсоветских стран развиваются по-разному. В ряде случаев национальное законодательство отдельной страны оказало существенное стимулирующее влияние на развитие рыночной инфраструктуры и ее отдельных элементов. Так, одна из целей реформирования логистической инфраструктуры предполагала формирование оптимальной загрузки каждого ее элемента. В данном случае общим подходом для всех стран было создание такой законодательной базы, которая позволит не только оптимизировать функционирование отдельных элементов существующей инфраструктуры или развить их, но и создать принципиально новые элементы, без которых невозможно функционирование рыночной инфраструктуры. Показательным примером в данном случае являются Азербайджанская Республика и Российская Федерация. В экономике Азербайджанской Республики существенное влияние имеют нефтедобывающая отрасль. В то же время деятельность органов государственного управления ориентирована не только на развитие перспективных инновационных производств, не связанных прямо с нефтепереработкой, но и на развитие инфраструктуры, которая позволяет продвигать товары этих производств на рынке. Например, проект TRASECA.

Все этапы работ по организации этой транспортно-логистической инфраструктура были разделены между рядом стран. Среди них Казахстан, Узбекистан, Украина, Азербайджан, Таджикистан и др. Общий объем финансирования работ по развитию этой инфраструктуры достиг 51 млн евро. Данным проектом предполагалось не только обновить отдельные элементы инфраструктуры, но и создать ее новые объекты. В 2016 г. в Азербайджане на 1000 км² территории протяженность железнодорожных путей достигла 23,9 км. Предприятия Азербайджана в 2015 г. перевезли 226,6 млн т грузов. При этом железнодорожный транспорт Азербайджанской Республики перевез 17,1 млн т

грузов, тогда как, например, железнодорожным транспортом Республики Беларусь за аналогичный период было перевезено 131,4 млн т грузов.

Фактором, влияющим на организацию логистической инфраструктуры Азербайджана и ее содержание, является выход к морю и организация соответствующей морской транспортной инфраструктуры. В то же время влияние международного проекта, в котором участвует Азербайджан, — TRACESA, оказал существенное влияние на структуру грузоперевозок. Если в Беларуси наблюдается равная загрузка основных видов транспорта, то в Азербайджане на автомобильный транспорт приходится свыше 60 % грузооборота. Морским транспортом Азербайджан перевез 6,6 млн т грузов.

Проекты международного масштаба, такие как TRACESA, являются единичными, но при этом достаточно эффективными не только в части развития логистики, но и с позиции изменения содержания элементов транспортной инфраструктуры и ее влияния на эффективность функционирования логистической инфраструктуры. В то же время необходимо указать, что Республика Беларусь, не принимающая участия в этом проекте, организовала свою логистическую инфраструктуру эффективнее, чем Азербайджан. В 2015 г. автомобильным транспортом Азербайджана был достигнут грузооборот 15 532 млн т-км, тогда как за аналогичный период в Беларуси грузооборот автомобильного транспорта достиг 25 239 млн т-км. Даже при относительном равенстве плотности путей сообщения железнодорожного транспорта в двух республиках грузооборот железнодорожного транспорта в Беларуси достиг 40 785 млн т-км, тогда как в Азербайджане — 6210 млн т-км.

Проект TRACESA указывает на существенную особенность развития рыночной инфраструктуры: наличие ресурсобеспечения у предприятий способствует тому, что они не только могут создать, например, логистическую инфраструктуру, но и в перспективе повлияют на изменение товаропотоков в регионе. В данном случае наглядным примером является деятельность российских органов государственного управления по созданию в г. Усть-Луга объекта морской транспортно-логистической инфраструктуры для выхода в Балтийское море.

В экономике существует ряд подходов для определения места расположения конкретного предприятия и объектов инфраструктуры, что связано с экономическим обоснованием и оценкой эффекта от хозяйственной деятельности подобных предприятий. При этом если в варианте с предприятиями, не занятыми в инфраструктуре, можно рассчитать прямым методом изменение прибыли в связи с появлением новых объектов инфраструктуры, то в варианте с предприятиями самой инфраструктуры ситуация сложнее. В настоящее время подход сводится к тому, что для характеристики эффективности рыночной инфраструктуры используются количественные показатели эффекта предпринимательской деятельности ее предприятий. Например, Н.Н. Гусельников для оценки эффективности инфраструктуры предприятия, предлагает ряд подходов [8]. В основе его предложений — сопоставление выгод или эффекта от мероприятий с затратами, т.е. фактически рассчитывается рентабельность продукции или услуг. При этом уровень рентабельности, оцененный в 20–30 %, считается достаточно высоким в отрасли. В ряде случаев в практике хозяйственной деятельности появляется такая «эмоциональная оценка», как сверхприбыль, когда рентабельность предприятия превышает 30 %. При подобных подходах невозможно однозначно определить достаточный уровень прибыли, который будет обеспечивать расширенное воспроизводство и оптимальный уровень загрузки предприятий рыночной инфраструктуры.

При анализе эффективности рыночной инфраструктуры существенной проблемой является невозможность использования исключительно линейных методов оценки эффекта. Поэтому подходы, позволяющие оценить эффективность функционирования инфраструктуры как системы в целом, являются весьма актуальными. Перманентный динамизм рынка вызывает необходимость качественных оценок эффективности предпри-

нимательской деятельности предприятий рыночной инфраструктуры. Предприятия рыночной инфраструктуры в стремлении к оптимизации своей деятельности затрагивают экономические интересы практически всех предприятий внутреннего рынка, что в принципе влияние на возможность дальнейшего ведения предпринимательской деятельности субъектами рынка. Эффективность является качественной категорией и для ее оценки необходимо использовать множество количественных показателей. В полной мере это относится и к предприятиям, составляющим рыночную инфраструктуру. Уровень каждого из показателей эффекта может быть положительным, отрицательным или перманентным. Сам факт того, что отдельные показатели из этого множества могут иметь низкий уровень, не означает, что эффективность функционирования рыночной инфраструктуры в целом будет низкой. Внешние или внутренние факторы ведения предпринимательской деятельности могут повлиять таким образом, что использование отдельного ресурса было незначительно. При этом уровни показателей эффекта, в том числе доведенных программными документами, могут быть обоснованно выше или обоснованно ниже плановых значений. В этом случае критерием оценки эффективности предпринимательской деятельности предприятий инфраструктуры целесообразно использовать критерии не столько экономического эффекта и окупаемости затрат, сколько целесообразности подобных мероприятий в связи с возможностью обеспечения бесперебойной хозяйственной деятельности предприятий в регионе [9]. При таком подходе возникает необходимость определения множества показателей, использование которых позволит описать эффективность рыночной инфраструктуры. Очевидно, что на основе общих показателей эффекта, например, рентабельность продукции, работ, услуг нельзя дать исчерпывающую характеристику эффективности в условиях рынка. Основная задача формирования множества показателей состоит в том, чтобы можно было определить оптимальный уровень эффективности с учетом конъюнктуры рынка. На основе подобного подхода можно не только обосновать уровень достаточности рентабельности и иных количественных показателей предприятий рыночной инфраструктуры, но и дать оценку ее эффективности. Например, функционирование системы может быть оценено как эффективное, если она способна сохранить возможность ведения хозяйственной деятельности не только в настоящем, но и в перспективе.

Рыночная инфраструктура — сложная комплексная категория. Предприятия рыночной инфраструктуры способствуют организации эффективного товародвижения на рынках и поддерживают условия эффективной конкурентной борьбы. Среди зарубежных авторов связь кластеров и инфраструктуры рассматривается М. Портером. В своем исследовании он рассматривает множество предприятий, функционирующих на одном территориальном рынке, но не конкурирующих, эффективно дополняющих друг друга. При этом для организации работы этого множества вводится в оборот понятие организаций инфраструктуры, в том числе и рыночной.

Для организации функционирования рыночной инфраструктуры необходимо формирование не только соответствующих условий, но и создание ее основных элементов — предприятий инфраструктуры. Специфика формирования и развития инфраструктуры в постсоветских странах, включая Республику Беларусь, состоит в необходимости применения директивных методов организации инфраструктуры. В Республике Беларусь их использование предусмотрено программными документами по созданию и развитию товарных рынков.

Если признак территории в кластере уточнить признаком комплементарности ресурсов, то в этом случае возможно создание совместных промышленных кластеров и совместных кластеров в сфере рыночной инфраструктуры. У Республики Беларусь есть положительный пример подобного сотрудничества — МФПГ Элтех. Использование подобного подхода в международных отношениях, например с Россией или Азербайджаном, позволит белорусским предприятиям не столько включиться в специализацию

и кооперацию производства, сколько позволит создать условия для формирования организационных структур в виде кластера с предприятиями других стран.

В теории М. Портера указывается, что кластер формируется на отдельной территории. При этом признак территории подчеркивается особо. Образование совместных промышленных кластеров теорией М. Портера не предусмотрено. В то же время принимая отдельные уточнения и дополнения к территориальному признаку в части организационно-правовых форм и форм сотрудничества, которые предусмотрено законами, можно рассматривать вопрос создания совместных кластеров предприятиями двух и более стран. При этом в данном направлении возможно несколько подходов, один из которых ориентирован на комплементарность используемых материальных ресурсов предприятиями двух стран, другой предусматривает финансовые вложения в создание совместных кластеров и инфраструктуры.

Источники

1. *Истомина, Л. А.* Кластеры и кластерная политика: генезис, эволюция, инструменты [Электронный ресурс] / Л. А. Истомина // Совет по развитию предпринимательства. — Режим доступа: http://ced.by/media/publication/books/klastery-i-klasterная-politika/11_klastery_i_klasterная-politika.pdf. — Дата доступа: 07.08.2018.

Istomina, L. A. Clusters and cluster policy: genesis, evolution, tools [Electronic resource] / L. A. Istomina // Business Development Council. — Mode of access: http://ced.by/media/publication/books/klastery-i-klasterная-politika/11_klastery_i_klasterная-politika.pdf. — Date of access: 07.08.2018.

2. Национальная экономика Беларуси : учебник / В. Н. Шимов [и др.] ; под ред. В. Н. Шимова. — 3-е изд. — Минск : БГЭУ, 2009. — 751 с.

National economy of Belarus : textbook / V. N. Shimov [et al.] ; ed. by V. N. Shimov. — 3rd ed. — Minsk : BSEU, 2009. — 751 p.

3. Об утверждении концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 16 янв. 2014 г., № 27 // Министерство экономики Республики Беларусь. — Режим доступа: www.economy.gov.by/uploads/files/Kontseptsija-klastergy.docx. — Дата доступа: 05.02.2018.

4. О финансово-промышленных группах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 июня 1999 г., № 265-3 // Электронная библиотека БГУ. — Режим доступа: www.economy.bsu.by/.../Ознакомительно-Закон-Республики-Беларусь-от-4-июня-1999-... — Дата доступа: 05.02.2018.

5. Компания «ЦК МФПГ «ЭЛЕТЕХ» [Электронный ресурс] // Каталог организаций. — Режим доступа: <http://www.list-org.com/company/2618922>. — Дата доступа: 05.02.2018.

6. Статистический ежегодник 2016 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; сост.: И. В. Медведева [и др.]. — Минск, 2017. — 524 с.

7. *Дроздов, П. А.* Основы логистики : учеб. пособие / П. А. Дроздов. — Минск, 2008. — 211 с.

Drozдов, P. A. Basics of logistics : a tutorial / P. A. Drozdov. — Minsk, 2008. — 211 p.

8. *Акулич, И. Л.* Специфика продвижения комплексной технологической продукции на внутреннем рынке Республики Беларусь / И. Л. Акулич, А. С. Сверлов, С. В. Основин // Менеджмент и маркетинг: опыт и проблемы : сб. науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2018. — С. 4–8.

Akulich, I. L. Specificity of promotion of complex technological products in the domestic market of the Republic of Belarus / I. L. Akulich, A. S. Sverlov, S. V. Osnovin // Management and Marketing: Experience and Problems : coll. of sci. works / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2018. — P. 4–8.

9. *Гусельников, Н. Н.* Интегральный метод оценки эффективности инфраструктуры предприятия / Н. Н. Гусельников // Науч.-техн. ведомости СПбГПУ. Экон. науки. — 2013. — № 6-1(185). — С. 103–107.

Guselnikov, N. N. Integral method for assessing the effectiveness of enterprise infrastructure / N. N. Guselnikov // Sci. and techn. statements SPbGPU. Economics. — 2013. — № 6-1 (185). — P. 103–107.

Статья поступила в редакцию 04.12.2018 г.

**Zh. Bobrovskaya
V. Poznyakov**
BSEU (Minsk)

EFFECTIVE TOOLS OF CREDIT SUPPORT FOR SUBJECTS OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY

This article describes the characteristics of non-standard schemes and tools for international settlements, financing and crediting the foreign economic activity of the Republic of Belarus. The directions and assessments of the prospects for the use and development of post-financing and discounting of letters of credit in order to establish the export-stimulating environment of the Belarusian economy under the influence of external shocks on the small open economy of the Republic of Belarus are identified. The advantages of introducing an innovative method of securing and financing customers' operations at the expense of the banks servicing them — the bank payment obligation — are identified. The features, advantages and disadvantages of lending to Belarusian participants of foreign economic relations in various ways, including by attracting resources from international capital markets, have been revealed.

Keywords: export; import; export-oriented enterprises; discounting letters of credit; post-financing; factoring; forfeiting; commercial loan; export credit; small and medium businesses; Bank Payment Obligations.

Ж. В. Бобровская
кандидат экономических наук, доцент
В. В. Позняков
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ЭФФЕКТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ КРЕДИТНОЙ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье дана характеристика нестандартных схем и инструментов международных расчетов, финансирования и кредитования внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь. Разработаны направления и оценены перспективы применения и развития постфинансирования и дисконтирования аккредитивов с целью становления экспорто-стимулирующей среды белорусской экономики в условиях влияния внешних шоков на малую открытую экономику Республики Беларусь. Определены преимущества внедрения инновационного способа обеспечения и финансирования операций клиентов за счет обслуживающих их банков — банковское платежное обязательство. Выявлены особенности, достоинства и недостатки применения кредитования белорусских участников внешнеэкономических отношений различными способами, в том числе за счет привлечения ресурсов с международных рынков капитала.

Ключевые слова: экспорт; импорт; экспортоориентированные предприятия; дисконтирование аккредитивов; постфинансирование; факторинг; форфейтинг; коммерческий кредит; экспортный кредит; малый и средний бизнес; банковское платежное обязательство.

В условиях влияния глобальных финансово-экономических кризисов на экономику и банковскую систему Республики Беларусь, кризисных трансформаций в денежно-кредитной сфере и необходимости адекватных ответов на внешние вызовы, особую актуальность и эффективность приобретают нестандартные механизмы финансирования и кредитования участников внешнеэкономической деятельности, и прежде всего экспортоориентированных предприятий страны. Необходимость наращивания экспорта товаров и услуг, золотовалютных резервов страны, освоения новых рынков, в том числе в странах «дальней дуги» вызывает необходимость расширенного применения

низкорисковых, обеспеченных и доходных инструментов и механизмов торгового финансирования, таких как постфинансирование и дисконтирование экспортных аккредитивов с отсрочкой платежа. Кризисные изменения рынков и, как следствие, актуализация инновационных механизмов и инструментов кредитной поддержки субъектов внешнеэкономической деятельности, вызвали пристальное внимание к возможностям привлечения ресурсов с международных рынков капитала странами с экономикой переходного типа, ряда ученых и практикующих экономистов, таких как О.А. Лопатина, А.А. Лукиных, И.А. Огрызов, А.Т. Пашкевич, Н.С. Победимская, А.О. Подосенков, Солдатова и др.

Республика Беларусь, являясь страной с малой открытой экономикой, практически не оказывает влияние на уровень и изменение мировых цен и тарифов, находится в жесткой зависимости от внешнеэкономической деятельности, так как более половины ВВП страны составляет экспорт. Специфика отечественной экономической модели предопределяет прямую зависимость экспорта от волатильности внешних рынков, влияния внешних шоков и угроз, что вызывает необходимость активизации применения дополнительных инструментов и механизмов поддержки и стимулирования особенно экспортной деятельности [1].

К наиболее эффективным инструментам кредитной поддержки субъектов внешнеэкономической деятельности в современных условиях можно отнести постфинансирование и дисконтирование экспортных аккредитивов с отсрочкой платежа, международный факторинг, форфейтинг, кредитование покупателей отечественного экспорта за рубежом. Постфинансирование и дисконтирование экспортных аккредитивов с отсрочкой платежа являются активно применяемыми инструментами кратко- и среднесрочного финансирования внешнеторговых контрактов, снижают банковские риски, поддерживают запас ликвидности и приносят комиссионные доходы белорусским банкам. Государственное стимулирование экспорта, в первую очередь за счет создания правовых условий, позволяющих осуществлять дисконтирование экспортных аккредитивов банками Республики Беларусь, нашло свою реализацию в росте экспортных аккредитивов, открытых в пользу экспортеров Республики Беларусь в 2017 г. в сравнении с 2016 г. в 3,4 раза по сумме и на 16,3 п.п. по доле в общем количестве открытых банками аккредитивов (табл. 1).

Таблица 1. Динамика состава и структуры аккредитивов

Наименование	2017 г.			2016 г.		
	Количество	Сумма, млн дол. США	% от общего объема аккредитивов	Количество	Сумма, млн дол. США	% от общего объема аккредитивов
Импортные аккредитивы	2809	2189,5	70,8	2735	1922,5	86,6
Экспортные аккредитивы	331	857,9	27,8	302	255,3	11,5
Внутриреспубликанские аккредитивы	121	43,2	1,4	58	41,6	1,9
Итого	3261	3090,6	100,0	3095	2219,4	100,0

Источники: составлено авторами на основе [2].

При экспортном аккредитиве основными валютами расчетов являлись доллар США (87,0 %) и евро (10,5 %). Документарный аккредитив является способом не только международных расчетов, но и трансформируется в инструмент получения финансирования в банке (торговое финансирование), что особенно эффективно в условиях глобальных и локальных кризисов. Кроме того, данный инструмент значительно снижает риски

банков. Торговое финансирование может представляться банком страны-импортера (банк — эмитент аккредитива), банком страны-экспортера (исполняющий банк), банком третьей страны (подтверждающий банк) или специализированной международной кредитно-финансовой организацией. Характерной чертой финансирования в рамках аккредитивов в евро и в долларах США является активное привлечение банками Республики Беларусь иностранных банков к финансированию внешнеторговых договоров. За счет финансирования иностранных банков в 2017 г. было открыто около 53,8 % общего объема всех импортных аккредитивов, которые составили 70,8 % общего объема аккредитивов. Основными валютами платежа по импортным аккредитивам являются евро (63,1 %), доллар США (10,6 %) и российский рубль (25,5 %) [2].

Особую актуальность в странах с переходной экономикой приобретают нестандартные механизмы и инструменты кредитной поддержки (в том числе с поддержкой государства) малого и среднего бизнеса, так как именно малые и средние предприятия (МСП) остро нуждаются в дополнительных ликвидных средствах для реализации экспортных проектов и программ. В настоящее время МСП обеспечивают около 70 % рабочих мест в Европейском союзе. В Российской Федерации каждый третий работающий является работником предприятия, относящегося к сфере малого и среднего бизнеса, а МСП обеспечивают 13–17 % ВВП, что в 3–4 раза ниже, чем развитых странах. В Беларуси к 2020 г. МСП должны обеспечить 50 % ВВП. Среднемировой показатель экспорта МСП составляет 15–20 %, в России МСП направляют на экспорт немного более 5 % своей продукции, а в Беларуси — около 35 %. Данные факты подчеркивают необходимость активизации поддержки белорусскими банками МСП в рамках привлечения «дешевых» и сравнительно «длинных» денег из Европы, Америки, России. Например, ставки CIRR под которые осуществляется привлечение финансирования белорусскими экспортерами и импортерами в рамках пост-финансирования и дисконтирования аккредитивов, до 14.01.2018г. составляли по кредитам в долларах США до 5 лет — 2,81 % годовых (свыше 8,5 лет — 3,23 % годовых), в евро — 0,37 % годовых (свыше 8,5 лет — 1,02 % годовых) соответственно [3].

Наращивание экспорта товаров и услуг к 2020 г. на четверть, удельного веса экспорта услуг — почти на 5 %, а удельного веса экспорта товаров на новые перспективные рынки в общем объеме экспорта — до 10 % возможно реализовать при выполнении ряда условий [4]. Для кредитования покупателей белорусского экспорта за рубежом, в том числе сборочных производств, расположенных за пределами страны, необходимо расширять спектр инструментов финансирования и рефинансирования экспортеров. Эффективным инструментом линейки поддержки экспортоориентированных предприятий является дисконтирование аккредитивов с отсрочкой платежа. Условия финансирования бенефициара банком при дисконтировании аккредитивов с отсрочкой платежа, а также конкретные ситуации и структура сделки могут позволить трансформировать данный механизм в факторинг или форфейтинг. Особенно эффективно работа с аккредитивами проявила себя при финансировании экспортеров МСП. В международной банковской практике данные сделки считаются банками достаточно обеспеченными, а в условиях отсутствия у малого и среднего бизнеса Беларуси ликвидного и достаточного залога для стандартного банковского кредитования являются особенно актуальными. Таким образом, дисконтирование в сравнении с другими способами кредитной поддержки экспортеров является более динамичными, гибким и привлекательным инструментом, так как банки имеют возможность получать дополнительное фондирование и поддерживать собственную ликвидность без возникновения кредитных отношений (в том числе межбанковских). Постфинансирование документарных аккредитивов предполагает существование кредитных отношений между банком-эмитентом и финансирующим банком и чаще применяется в процессе кредитной поддержки импортеров Республики Беларусь. Постфинансирование вошло в банковскую практику несколько раньше, приме-

няется с 1990-х гг. и обладает рядом принципиальных отличий от дисконтирования аккредитивов (табл. 2).

Таблица 2. Отличия постфинансирования от дисконтирования аккредитивов

Постфинансирование	Дисконтирование
Аккредитив исполняется путем платежа по предъявлении документов, поставщиком (бенефициаром) по внешнеторговому контракту и никаких отсрочек не предоставляется	Аккредитив исполняется путем платежа с отсрочкой, которая формально «предоставляется» поставщиком (бенефициаром) по внешнеторговому контракту, практически — финансирующим банком банку-эмитенту
Финансирующим банком предоставляется связанный межбанковский кредит	Банк-эмитент осуществляет платеж по истечении срока отсрочки, кредит не предоставляется
Аккредитив по сути заменяется на обязательства клиента учитываемыми на балансовых счетах как обязательства по погашению кредита	Аккредитив действует до истечения срока отсрочки, обязательства клиента по аккредитиву учитываются на внебалансовых счетах

Источники: составлено авторами.

Каждый из способов финансирования внешнеторговых контрактов — постфинансирование и дисконтирование экспортных аккредитивов — имеет свои специфические черты:

1) основой дисконтирования является коммерческий кредит, который рефинансируется банком, а при постфинансировании он необязателен;

2) при дисконтировании открывается аккредитив с отсрочкой платежа, а при постфинансировании — стандартный аккредитив;

3) при дисконтировании экспортных аккредитивов не возникает межбанковских кредитных отношений и кредитных отношений между эмитентом и импортером-приказодателем по аккредитиву, а постфинансирование априори предполагает заключение межбанковских кредитных договоров и кредитных договоров с импортером, что влечет за собой дополнительные кредитные риски и, как следствие, формирование спецрезервов в более существенном объеме;

4) дисконтирование экспортных аккредитивов выгоднее банку, так как аккредитив с отсрочкой платежа предполагает, что финансирующий банк является одновременно дисконтирующим, подтверждающим и исполняющим банком, а при постфинансировании эти функции выполняют все различные банки;

5) иностранные банки чаще предпочитают дисконтирование экспортных аккредитивов, так как создание спецрезервов по пониженным нормативам (Базель 2 и 3) делает его более конкурентоспособным в сравнении с постфинансированием;

6) постфинансирование получило более широкое распространение у иностранных банков при работе с банками Республики Беларусь, так как они предпочитают кредитовать банки-эмитенты (минимизируют свои кредитные риски);

7) постфинансирование и дисконтирование применяются для долгосрочного финансирования внешнеторговых контрактов при обязательном участии национальных экспортных страховых агентств.

Учитывая конструктивные преимущества инструментов финансирования внешнеэкономической деятельности, логически возникает необходимость их дальнейшего развития. Форфейтинговый рынок является одним из немногих эффективных источников внешнего финансирования для экспортеров. В настоящее время объем операций на мировом рынке оценивается в 60–75 млрд дол. США при прогнозируемом ежегодном росте в 30 млрд дол. США [3]. В Беларуси форфейтинг может стать достаточно распространенной финансовой операцией, так как страна обладает крупными промышленными производствами, продукция которых является в основном конкурентоспособной на развивающихся рынках и странах с переходной экономикой. Целесообразно развивать рынок

форфетирования и факторинга, включать в схемы дисконтирования форфейтеров и факторов, когда банк-эмитент переуступает право требования по аккредитиву с отсрочкой платежа форфейтеру, который и становится новым бенефициаром, в адрес которого при наступлении срока будет осуществлен платеж банком-эмитентом. Форфейтеры способствуют развитию финансового рынка, в том числе рынка ценных бумаг, позволяют освободить баланс участников внешнеэкономической деятельности от дополнительной нагрузки, предоставляют экспортеру ликвидные средства в иностранной валюте при одновременном соблюдении интересов государства по развитию экспорта.

На основе стремительного развития цифровых технологий в последние годы механизмы и способы международных расчетов стали более эффективными и совершенными, и Республика Беларусь не осталась на обочине мирового прогресса. В 2013 г. Банковской комиссией при Международной торговой палате были опубликованы разработанные совместно с рабочей группой SWIFT Унифицированные правила для банковских платежных обязательств (Bank Payment Obligations). В стране расширен спектр международных расчетов после внедрения инновационного способа обеспечения и финансирования операций клиентов за счет обслуживающих их банков — банковское платежное обязательство (БПО). БПО представляет собой инновационный способ обеспечения и финансирования операций клиентов за счет обслуживающих их банков и является безотзывным обязательством банка плательщика (импортера) перечислить банку получателя (экспортера) денежные средства в соответствии с условиями обязательства, если представленные данные по операциям клиентов соответствуют ранее установленным банками базовым условиям [5]. Основные преимущества от инновации приобретают экспортеры Республики Беларусь: уверенность в получении платежа при надлежащем исполнении обязательств; хеджирование валютных рисков при выпуске БПО в валюте страны поставщика; доступ к гибкой системе финансирования как до, так и после поставки товаров; отсутствие риска неоплаты покупателем по причине неудовлетворенности товаром; риск некорректного составления коммерческих документов перекладывается на обязывающие банки; автоматический процессинг ускоряет взаиморасчеты сторон по договору. Ключевым преимуществом БПО является отсутствие необходимости предоставления бумажных документов в банк, что существенно ускоряет поступление экспортной выручки на счета экспортеров. Средний срок оплаты по аккредитивам составляет в среднем около 21–22 дней с даты отгрузки товаров на экспорт, а при использовании банковского платежного обязательства — до 4 дней с даты отгрузки. Нельзя переоценить преимущества БПО и для банков: снижение банковских рисков; цифровая основа не влечет увеличение штата сотрудников; беспрецедентно низкие операционные издержки международных расчетов; возможность работать на международных рынках.

Таким образом, инструменты кредитной поддержки субъектов внешнеэкономической деятельности классифицируются по различным признакам. Главными признаками классификации является эффект, который получают экспортеры и импортеры от применения данных инструментов, в том числе «длинные» сроки кредитования, отсутствие необходимости предоставления банку ликвидного и достаточного обеспечения, привлекательные способы предоставления и погашения кредита, сравнительно низкая стоимость финансирования, минимизация рисков, возможность работать на международных рынках капитала и др. Выбор инструментов зависит от цели и срока финансирования и кредитования, а также вида поставляемого товара в рамках внешнеторгового контракта. Операции по постфинансированию и дисконтированию документарного аккредитива обладают общей принципиальной доминантой — и при том, и при другом инструменте торгового финансирования применяется отсрочка возмещения платежа по аккредитиву для приказодателя и получение ликвидных средств экспортером сразу после отгрузки товара на экспорт. Вместе с тем это технически разные операции, а отличие заключается в характере взаимоотношений белорусского банка-эмитента либо дискон-

тирующего банка и иностранного банка в действиях, совершаемых с документарным аккредитивом. Выбор остается за тем инструментом, который содержит конкурентоспособные условия по финансированию аккредитива, а как это реализовать — посредством постфинансирования или дисконтирования — вопрос технический и зависит от кредитной и учетной политики дисконтирующего или финансирующего банка.

Источники

1. Бобровская, Ж. В. Торговое финансирование [Электронный ресурс] / Ж. В. Бобровская // Infobank.by. — Режим доступа: <http://infobank.by/torgovoe-finansirovanie/>. — Дата доступа: 03.12.2018.
Bobrovskaya, J. V. Trade Finance [Electronic resource] / J. V. Bobrovskaya // Infobank. — Mode of access: <http://infobank.by/torgovoe-finansirovanie/>. — Date of access: 03.12.2018.
2. Официальный сайт Национального банка Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nbrb.by>. — Дата доступа: 15.11.2018.
3. Организация экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.oecd.org/tad/xcred/cirrs.pdf>. — Дата доступа: 10.12.2018.
4. Национальная программа развития экспорта Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 1 авг. 2016 г., № 604 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21100656>. — Дата доступа: 15.11.2018.
5. Орда, Е. Банковский кодекс Республики Беларусь: анализ основных изменений / Е. Орда // Банк. вестн. — 2018. — № 3. — С. 14.
Orda, E. Banking Code of the Republic of Belarus: Analysis of Major Changes / E. Orda // Bank Bull. — 2018. — № 3. — S. 14.

Статья поступила в редакцию 15.11.2018 г.

УДК 167:001.895

N. Bogdan
BSEU (Minsk)

EAEU COUNTRIES IN THE CONTEXT OF GLOBAL INNOVATION DEVELOPMENT

The features of the innovative development of the EAEU countries are considered on the basis of the analysis of the resources allocated for the development of human capital and scientific research in the context of world indicators of innovative development. The conclusion was drawn about the inconsistency of R&D intensity with global development trends, new tools were proposed to stimulate innovation, increasing the possibilities for implementing the progressive development scenario of the EAEU countries.

Keywords: scientific research; human potential; innovation; integration association.

Н. И. Богдан
доктор экономических наук, профессор
БГЭУ (Минск)

СТРАНЫ ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Рассмотрены особенности инновационного развития стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на основе анализа ресурсов, выделяемых на развитие человеческого капитала и научных исследований, в контексте мировых индикаторов инновационного развития. Сделан вывод о несоот-

ветствии затрат мировым трендам развития, предложены новые инструменты стимулирования инноваций, повышающие возможности реализации прогрессивного сценария развития стран ЕАЭС.

Ключевые слова: научные исследования; человеческий потенциал; инновации; интеграционное объединение.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) вступил в силу с января 2015 г. и включает Россию, Казахстан, Беларусь, Армению, Киргизию, объединение является восьмым в мире по численности населения (186 млн чел.), первым по территории (20,26 млн км²), пятым в мире по ВВП (4695,9 млрд дол. США). Согласно Договору о Евразийском экономическом союзе целями объединения являются экономическое развитие стран-участниц, а также модернизация и повышение конкурентоспособности этих государств на мировом рынке. Основные принципы функционирования ЕАЭС — обеспечение свободы перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Интеграционное объединение стран ЕАЭС основано на взаимных интересах, учитывает общее экономическое пространство бывшего Советского Союза, культурные традиции поколений и современные тенденции формирования экономики знаний и задачи общего инновационного развития.

Страны ЕАЭС разработали совместную стратегию развития в условиях формирования цифровой экономики [1]. Экономический эффект от реализации Цифровой повестки увеличит ВВП ЕАЭС к 2025 г. примерно на 10,6 % общего ожидаемого роста совокупного ВВП государств-членов к 2025 г. Указанный потенциальный эффект почти в два раза превышает возможный размер увеличения ВВП стран ЕАЭС в результате развития без реализации общей Цифровой повестки. Реализация Цифровой повестки обеспечит рост занятости в ИКТ сфере на 66,4 % на пространстве ЕАЭС к 2025 г. (1 млн новых рабочих мест в области ИКТ), что почти на 50 % больше, чем в случае развития государств-членов без совместной Цифровой повестки.

Вместе с тем следует отметить, что структура экспорта стран ЕАЭС пока носит традиционный характер: преобладают экспорт минеральных ресурсов, а импорт сложно-технических товаров. В товарной структуре экспорта государств — членов в страны вне ЕАЭС преобладают минеральные продукты (62,6 % общего объема экспорта), металлы и изделия из них (10,7 %), продукция химической промышленности (6,1 %). Более 80 % этих товаров продает на внешнем рынке Российская Федерация. Наибольшую долю в импорте занимают машины, оборудование и транспортные средства (44,7 % совокупного импорта), продукция химической промышленности (18,1 %), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (12,2 %). Более 80 % объема закупок этих товаров за пределами ЕАЭС приходится на Россию [2]. Целью работы является определение проблемных зон инновационного развития стран ЕАЭС для обеспечения прогрессивного сценария развития объединения.

В настоящее время потенциал стран ЕАЭС по качеству человеческих ресурсов и возможностям инновационного развития заметно различается, о чем свидетельствуют международные индикаторы (табл. 1). Анализ международных рейтингов показывает, что Беларусь и Россия имеют схожие по потенциалу рейтинги в области человеческого развития, Казахстан сохраняет высокие темпы роста индикаторов оценки человеческого капитала. Наиболее слабым потенциалом человеческих ресурсов для инноваций обладает Киргизия. Вместе с тем положение стран в оценке инновационного развития не имеет тесной связи с оценкой человеческих ресурсов, например Беларусь в отличие от других стран ЕАЭС в последние годы ухудшила свое положение в международном рейтинге инноваций, обладая наиболее развитым человеческим капиталом среди стран объединения. Отчасти это связано с изменением некоторых показателей оценки, учитываемых в Глобальном индексе инноваций, вместе с тем требуют исследования и другие факторы, в том числе интеграционные, финансовые аспекты поддержки образования, науки и инноваций.

Таблица 1. Показатели развития стран ЕАЭС по международным рейтингам

Страна	Численность населения, тыс. чел.	Индекс человеческого развития (рейтинг)	Глобальный индекс инноваций (рейтинг)	Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (рейтинг)	ВВП на душу населения (по ППС дол.)
	2017	2016	2017	2017	2017
Беларусь	9491,8	50	88	32	18 761
Россия	146 880,4	50	45	45	23 945
Казахстан	18 157,1	56	78	52	26 604
Армения	2972,9	84	59	75	9468
Киргизия	6256,7	120	95	109	3913

Источники: составлено автором.

В перспективе спрос на человеческие ресурсы с высоким уровнем образования имеет тенденцию к росту, так, по данным ЕС к 2025 г. доля высококвалифицированного труда (ISCED5-6) International Standard Classification of Education (МСКО5-6) в экономике возрастет до 39 %, а низкоквалифицированного (МСКО ниже 3) сократится с 22 до 14 %. Одним из новых показателей для оценки перспектив инновационного развития является образовательный уровень молодежи. В качестве индикатора в европейской практике используют долю населения, с образованием третьей ступени в численности населения 30–34 лет. К третьей ступени образования в соответствии с международной системой классификации образования (МСКО 5–6) можно отнести специалистов с законченным средним специальным и высшим образованием. Доля таких специалистов среди молодежи в ЕС составляет 39 % и согласно стратегии «Европа 2020» должна составить к 2020 г. не менее 40 %. Наши расчеты показывают, что в Беларуси доля населения с образованием третьей ступени в возрасте 30–34 года составляет 59 %, что выше, чем у многих европейских стран.

Важную роль в инновационном развитии играет структура подготовки кадров по специальностям. В последние годы международные исследования оценивают подготовку специалистов по так называемым STEM (естественно-научная и инженерная подготовка) специальностям. Более 24 % контингента студентов обучаются в Беларуси по STEM специальностям, в России — 23,5 % студентов, что соответствует развитым странам мира. Заметно ниже доля студентов с естественно-научным и техническим образованием в Киргизии и Казахстане (15 %).

Качество образования во многом определяется возможностями финансирования. Государственные расходы на образование в странах ЕАЭС заметно различаются (табл. 2). В последние годы относительно ВВП сократились расходы на образование в России и Беларуси, возросли в Киргизии и сохраняются низкими в Казахстане и Армении.

Таблица 2. Показатели образования в странах ЕАЭС (2015)

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Государственные расходы на образование, % ВВП	2,4	4,9	3,3	6,0	3,8
Ожидаемая продолжительность обучения, год	11,2	15,4	15,0	13,0	15,0
Охват населения третичным образованием (МСКО 5–8), % численности населения в соответствующем возрасте	44,3	94,3	48,5	45,9	78,7

Источники: рассчитано по «Belarus and countries of the world».

Если Беларусь, Россия и Казахстан по индикатору «ожидаемая продолжительность обучения» практически приблизились к развитым странам (Франция — 16,3; Герма-

ния — 17; Великобритания — 17,9), то Армения и Киргизия существенно отстают, что влияет на понижение ранга стран в Human Development Index (см. табл. 1).

Расходы на третью ступень образования (on tertiary education) по отношению к ВВП в странах ЕАЭС резко отличаются: от 0,2 % ВВП в Армении до 0,9 % ВВП в России и Беларуси. В мире расходы на образование имеют устойчивую тенденцию к росту по отношению к ВВП, при этом расходы на третью ступень образования, относительно ВВП в развитых странах значительно выше, чем в странах ЕАЭС, например, в 2011 г. в Южной Корее — 2,6 %, ЕС — 1,3 %, ОЭСР — 1,7 % ВВП.

Низкие затраты на образование высшей ступени приводят к отрицательным последствиям. Устойчивое недофинансирование образования снижает его качество и стимулирует отток студентов для обучения в других странах. По данным статистики ЮНЕСКО (Global Education Digest 2012), например, в Беларуси за рубежом обучалось 28,8 тыс., в 2014 г. их число составляло уже 35 тыс. Наибольшее число студентов, выбравших образование за рубежом, из стран ЕАЭС имеют Беларусь — 6,39 % контингента, Казахстан — 6,25 %, Армения — 5,67 % контингента студентов. Студенты из России, выбравшие зарубежное образование, составляют относительно незначительную величину — 0,67 % контингента.

Для развития образования и роста его качества важны инвестиции в науку в секторе высшего образования. В развитых странах именно сектор высшего образования осуществляет фундаментальные исследования, которые потом реализуются в прикладных научных исследованиях и разработках. Рост затрат на научные исследования в вузах скажется и на качестве высшего образования. В Беларуси доля затрат на науку в секторе высшего образования существенно ниже, чем в развитых странах и сокращается (например, в 2005 г. — 17 %, в 2016 г. — 9,6 % внутренних затрат на научные исследования). Как показывает анализ, финансирование этого сектора во всех странах ЕАЭС также невелико: на уровне 10 % всех расходов на науку. Значительные изменения произошли в Казахстане, где реформы в структуре высшего образования и науки привели к росту финансирования этого сектора до 30 % совокупных расходов на научные исследования (2009 г. — 15 %).

Следует отметить, что за последние годы не произошло позитивных изменений в росте затрат на науку в странах ЕАЭС (табл. 3). Анализ данных показывает, что затраты на науку сократились в странах ЕАЭС в долларах США почти на 40 %, и только в России превышен 1 % уровень наукоемкости ВВП. Плановые задания, поставленные Государственной программой инновационного развития Беларуси на 2011–2015 гг., по росту данного показателя (2,5 % ВВП) не выполнены. В 2017 г. данный показатель составил лишь 0,59 % ВВП.

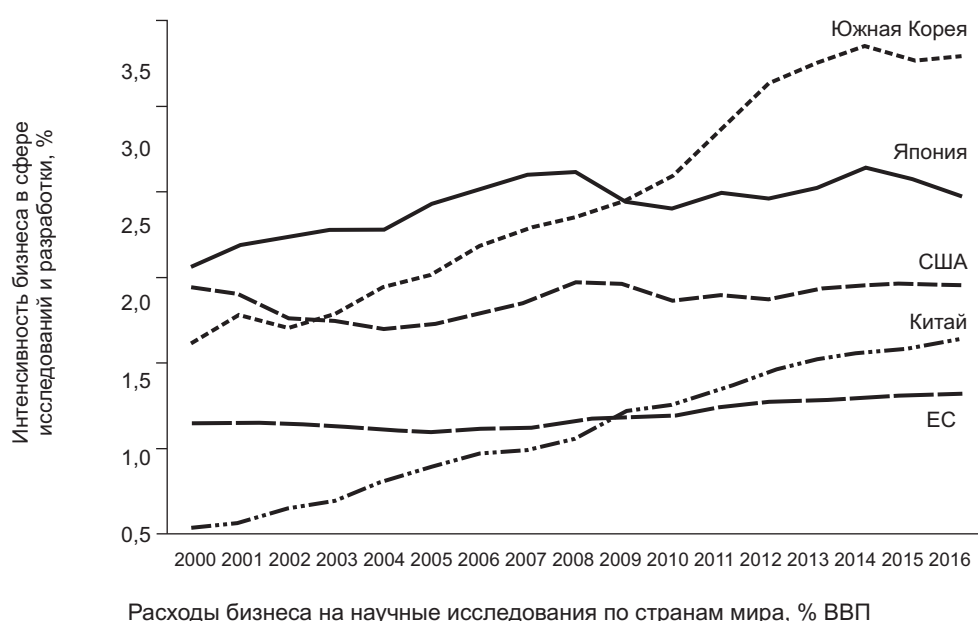
Таблица 3. Внутренние затраты на исследования и разработки по странам ЕАЭС, млн дол. США¹⁾

Страна	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Армения	24	23	26	25	23
Беларусь	423	487	397	277	238
Казахстан	344	405	370	313	195
Кыргызстан	11	11	9	8	7
Россия	22 525	23 564	22 323	15 078	14 109
ЕАЭС	23 327	24 490	23 125	15 701	14 572

Примечание: ¹⁾ Показатель рассчитан по курсам валют национальных (центральных) банков за год: по Беларуси — по средневзвешенному курсу белорусского рубля к доллару США, по Армении, Казахстану, Кыргызстану и России — по средним курсам национальных валют к доллару США.

Источники: составлено на основе статистики ЕАЭС.

В мире расходы на науку только со стороны бизнеса, составляющие до 70 % совокупных затрат, существенно выше (см. рисунок). Наиболее тревожным с точки зрения соответствия мировым трендам является индикатор, характеризующий расходы на НИОКР в расчете на одного исследователя. Наши расчеты для Беларуси показывают, что с 2007 по 2015 г. они выросли с 35 до 45 тыс. дол., однако это почти в 4 раза меньше, чем в среднем в государствах с уровнем национального дохода выше среднего и соответствует слабо развитым странам Африки. В России данный показатель составил в 2013 г., по данным ЮНЕСКО [3], 56,6 тыс. дол., что выше, чем в 2007 г. (47,4 тыс. дол.), но явно недостаточно для сохранения перспективных научных кадров, ибо в развитых странах этот показатель составляет 205 тыс. дол. на одного исследователя.

Источники: составлено автором на основе [3].

Таким образом, современное состояние финансирования науки в странах ЕАЭС не соответствует мировым тенденциям роста затрат на научные исследования и разработки. В мире наукоёмкость составила по данным ЮНЕСКО 1,7 % ВВП, и несмотря на кризисные симптомы в экономике, инвестиции в научные исследования и разработки (НИОКР) существенно увеличились: между 2007 и 2013 г. — на 31 %. Это превышает рост мирового ВВП за тот же период (20 %) [3].

Недостаточное финансирование науки и отсутствие положительной динамики снижают заинтересованность молодежи в научной карьере и ведут к сокращению численности персонала науки (табл. 4). Анализ показывает, что в России, Беларуси и Армении произошло снижение численности персонала науки, но в Казахстане и Киргизии несмотря на сохраняющееся низкое финансирование науки численность научных работников возросла. Вероятной причиной такой динамики является изменение стимулов к занятию научной деятельностью. Данная тенденция требует дополнительных исследований. По численности персонала науки наиболее мощным потенциалом обладает Россия — более 90 % научного персонала ЕАЭС (см. табл. 4).

Таблица 4. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками по странам ЕАЭС

Страна	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Тысяч человек					
Армения	5,6	5,2	5,6	5,0	4,9
Беларусь	30,4	28,9	27,2	26,1	25,9
Казахстан	20,4	23,7	25,8	24,7	23,0
Кыргызстан	3,3	4,2	4,2	4,6	4,5
Россия	726,3	727,0	732,3	738,9	722,3
ЕАЭС	786,0	789,1	795,1	799,3	780,6
В процентах к численности экономически активного населения					
Армения	0,39	0,38	0,41	0,38	0,40
Беларусь	0,66	0,63	0,59	0,58	0,50
Казахстан	0,23	0,26	0,29	0,27	0,26
Кыргызстан	0,13	0,17	0,17	0,18	0,18
Россия	0,96	0,96	0,97	0,96	0,94
ЕАЭС	0,84	0,85	0,86	0,85	0,83

Источники: составлено автором на основе данных статистики ЕАЭС.

Беларусь за 2000–2016 гг. потеряла 27 % персонала науки, при этом падение было постоянным, устойчивым. В результате в Беларуси число научных работников расчете в процентах от экономически активного населения сократилось за 2012–2016 гг. с 0,66 до 0,5 %. В целом сокращение численности научных работников ЕАЭС составило 5,4 тыс. человек и «вклад» Беларуси был самым заметным — 4,5 тыс. научных сотрудников (83 %). В то же время практически все европейские страны за период 2001–2016 гг. увеличили численность персонала науки, в среднем в ЕС удельная численность научных работников в расчете на 1000 занятых в 2016 г. составляла 13,1 чел., в северных странах ЕС и Израиле — более 20 чел. [4].

В международной практике результативность исследований оценивается через патентование в пяти ведущих патентных офисах мира — США, Японии, ЕС, Южной Кореи и Китая. В международных заявках на изобретения по процедуре РСТ (Договор о патентной кооперации) из стран ЕАЭС лидирует Россия, что обосновано ее потенциалом: количество заявок возросло с 658 в 2005 г. до 949 в 2014 г. В Беларуси таких заявок очень мало: 2012 г. — 12, 2014 г. — 13 заявок. Для сравнения, в 2014 г. от исследователей Нидерландов и Швеции таковых поступило 4206 и 3913 соответственно [5]. Следовательно, выход на мировой рынок патентования является еще слабым звеном стран ЕАЭС и требует дополнительного стимулирования.

Другим аспектом оценки эффективности затрат на научные исследования являются международные публикации. Глобальный объем научно-технической продукции, индексируемой в библиометрической базе SCOPUS, увеличивался за 2003–2012 гг. почти на 8 % в год. В США общее количество публикаций за этот период выросло на 50 %, в Китае — почти в 4 раза, что является результатом усиленного финансирования науки. Высокая цитируемость свидетельствует о соответствующем «качестве» научной продукции. По данным отчета ЮНЕСКО Россия, Беларусь, Армения имеют неплохую публикуемость и цитируемость научных работ (научный потенциал сохранился), однако заметного роста за 2005–2014 гг. не произошло. Положительная динамика публикуемости

научных работ есть у Казахстана, что свидетельствует о мотивации научных работников к публикации в рейтинговых научных журналах (табл. 5). В среднем в мире показатель количества публикаций в расчете на млн жителей за 2008–2014 гг. увеличился от 158 до 176, в Европейском союзе — от 542 до 609. Таким образом, страны ЕАЭС еще существенно отстают от передовых стран. Установлено, что рост публикационной активности прямо связан с объемами финансирования науки. Например, в Китае в 2014 г. финансирование в расчете на каждого исследователя составляло 195,4 тыс. дол., что сказалось на масштабе публикаций, их доля в мировых научных публикациях составила 20 % [3].

Таблица 5. Научные публикации по странам ЕАЭС

Страна	Количество публикаций										Количество публикаций на миллион жителей	
	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2008 г.	2014 г.
Беларусь	978	945	914	1033	998	964	1067	1133	1046	1077	108	116
Россия	24 694	24 068	25 606	27 418	27 861	26 869	28 285	26 183	28 649	29 099	191	204
Казахстан	200	210	255	221	269	247	276	330	499	600	14	36
Армения	381	404	418	560	497	574	670	775	705	691	188	232
Киргизия	46	47	51	54	51	57	65	67	95	82	10	15

Источники: составлено автором на основе [3].

Безусловно, важен и масштаб международного сотрудничества. За рубежом ученые стран ЕАЭС в основном издают свои работы в соавторстве (табл. 6).

Таблица 6. Научные публикации в международном сотрудничестве, 2008–2014 гг.

Страна	2008–2014 гг.		2008–2012 гг.	
	Всего	С международными соавторами, абс. (%)	Цитирование в среднем, %	В числе 10 % наиболее цитируемых, %
Беларусь	7318	4274 (58,4)	0,79	6,6
Россия	194 364	64 190 (33)	0,52	3,8
Казахстан	2442	1496 (61,3)	0,51	4,5
Армения	4472	2688 (60,1)	1,03	9,2
Киргизия	471	373 (79,2)	0,67	6,2

Источники: составлено автором на основе Thomson Reuter's Web of Science, Science Citation Index Expanded, data treatment by Science-Metrix.

С одной стороны, международное соавторство свидетельствует о наличии международных связей, реализации совместных научных проектов, что обогащает научные исследования и способствует обмену опытом исследований. С другой стороны, высокая доля совместных публикаций говорит о слабости научного потенциала страны, что затрудняет единоличные публикации в зарубежных журналах.

Слабая связь образования, науки и производства стран ЕАЭС проявляется в низком уровне инновационной активности предприятий, который составляет для России и Казахстана 8–9 %, а в Беларуси составил в 2017 г. 19,8 % (2011 г. — 21,7 %), тогда как страны ЕС сохраняют инновационную активность бизнеса на уровне 50 %. К инновациям в странах ЕАЭС более всего расположены крупные, экономически состоятельные ор-

ганизации, имеющие достаточные финансовые, кадровые и интеллектуальные ресурсы. В России 46,3 % предприятий, осуществлявших технологические нововведения в промышленном производстве, имеют численность работников свыше 500 чел. Уровень инновационной активности растет пропорционально размеру фирм: от 1,4 % (в компаниях с численностью работников до 49 чел.) и 4,4 % (50–99 чел.) до 76 % (5000–9999 чел.) и 87,2 % (от 10 000 чел.). В Беларуси ситуация аналогична, малые и средние предприятия имеют гораздо более низкий уровень инновационной активности: в 2016 г. только 3,4 % малых и средних предприятий осуществляли затраты на инновации [6].

Анализ показывает, что масштаб современных ресурсов, инвестируемых в науку, технологии и образование, в странах ЕАЭС не соответствует международным трендам. В эпоху глобальной конкуренции и высокой неопределенности будущего победителями оказываются те страны, которые делают основную ставку на максимальное развитие человеческого потенциала, на способности людей развивать инновации в условиях быстрых и непредсказуемых изменений. Основа инновационного развития — сфера исследований и разработок — фундаментально недофинансирована: расходы на исследования и разработки ниже 1 % ВВП по всем странам ЕАЭС кроме России (1,13 % ВВП) при среднем показателе в мире 2,23 %, кроме того, они сокращаются.

Учитывая мировую практику роста затрат на науку, сохранение таких тенденций не позволит ЕАЭС достойно конкурировать на мировых рынках и вероятность прогрессивного сценария развития в долгосрочном периоде будет невысокой. В целом, анализ показывает необходимость реформирования механизмов сотрудничества и взаимодействия стран ЕАЭС в сфере науки, технологии, инноваций и развития человеческого капитала. Разработка и реализация совместной инновационной стратегии стран ЕАЭС может повысить вероятность прогрессивного сценария.

Будущее организаций и корпораций зависит от способности регулирующих органов формировать в ЕАЭС благоприятные условия для инновационного развития. Новая инновационная стратегия должна использовать более широкий набор механизмов, чем те, которые традиционно включаются в сферу инновационной политики, а именно:

Нужно усовершенствовать некоторые уже действующие механизмы, в том числе:

- 1) финансовые инструменты, которые используются для поддержки малых и средних предприятий (МСП);
- 2) государственно-частное партнерство, применяемое для развития инфраструктуры, а также для создания прорывных товаров и услуг;
- 3) сотрудничество между университетской наукой и промышленными предприятиями в области передачи технологий в целях коммерциализации и маркетинга результатов НИОКР;
- 4) единая стратегия подготовки квалифицированных специалистов для новых сфер деятельности.

Необходима разработка и внедрение новых механизмов:

- 1) создание надежной платформы для проведения консультаций по промышленным вопросам, как на начальных, так и на более поздних этапах НИОКР;
- 2) разработка ориентированной на спрос экономической политики, что особенно актуально в области государственных закупок для формирования спроса на инновационные товары;
- 3) создание «инновационных экосистем», механизмов, облегчающих взаимодействие между входящими в производственно-сбытовую цепочку организациями, включая посредников и компании, способствующие ускорению инновационного сотрудничества;
- 4) полноценное использование европейского технологического опыта на основе создания кластеров и технологических платформ;
- 5) совершенствование координации инновационной политики между органами управления ЕАЭС и входящих в него стран.

Источники

1. Основные направления реализации Цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/>. — Дата доступа: 05.07.2018.
2. Формируя цифровое пространство. Годовой отчет ЕАЭС 2017 [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/>. — Дата доступа: 05.07.2018.
3. UNESCO Science Report: towards 2030 [Electronic resource] // UNESCO. — Mode of access: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235407r.pdf>. — Date of access: 11.07.2018.
4. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017: The digital transformation [Electronic resource] // OECD ilibrary. — Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264268821-en>. — Date of access: 11.07.2018.
5. Нечепуренко, Ю. В. Объекты промышленной собственности в Республике Беларусь / Ю. В. Нечепуренко. — Минск : БГУ, 2016. — 135 с.
Nechepurenko, Yu. V. The industrial property right in the Republic of Belarus / Yu. V. Nechepurenko. — Minsk : BGU, 2016. — 135 p.
6. Богдан, Н. И. Инновационная политика и поиск новых источников экономического роста: мировые тенденции и вызовы для Беларуси / Н. И. Богдан // Белорус. экон. журн. — 2017. — № 1. — С. 4–23.
Bogdan, N. I. Innovation policy and the search for new sources of economic growth: global trends and challenges for Belarus / N. I. Bogdan // Belarusian Econ. J. — 2017. — № 1. — P. 4–23.

Статья поступила в редакцию 15.11.2018 г.

УДК 331.103+338.2

E. Bogdashits
BSEU (Minsk)

MOTIVATION TO THE INNOVATIVE CONDUCT OF THE EMPLOYEES

This thesis gives the characteristic of the theoretical and methodological aspects to the motivation to the innovative conduct of the employees, based on the study of organizational causes for increasing innovative personnel initiatives and active-transformative approach to the labor.

Keywords: motivation; innovative conduct; motivation to innovative conduct; satisfaction with the labor; employee loyalty; employee involvement; active-transformative approach to the labor; initiative; creativity; creative potential.

Е. А. Богдашиц
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

МОТИВАЦИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЛА

Дана характеристика теоретико-методологических аспектов мотивации инновационного поведения персонала, основанных на изучении организационных предпосылок развития у персонала инновационной инициативы и активно-преобразовательного отношения к труду.

Ключевые слова: мотивация; инновационное поведение; мотивация инновационного поведения; удовлетворенность трудом; лояльность персонала; вовлеченность персонала; активно-преобразовательное отношение к труду; инициатива; креативность; творческий потенциал.

Современный этап развития общества характеризуется высокой скоростью преобразований. Гибкость как способность реагировать на изменения выступает предпосылкой инновационной компетентности организации. Технологии, обеспечивающие прорывные и поддерживающие инновации, ориентированные на нужды и ожидания потребителей, формируют конкурентные преимущества компаний и позволяют им удерживаться на рынке. В этой связи особое значение приобретают вопросы мотивации инновационного поведения персонала, развития у него творческого, инициативного отношения к труду, критического мышления, умения решать сложные многофакторные задачи. Актуальным становится внедрение модели дизайн-мышления, ориентированной на развитие навыков итерационного подхода к решению проблемы [1, с. 117].

Мотивация инновационного поведения предполагает актуализацию в сознании сотрудника установки на принятие и (или) инициирование систематического и последовательного развития сферы деятельности. Она тесно связана с мотивацией персонала к развитию, преобразованиям, инициативе.

Мотивацию инновационного поведения можно рассматривать как поступательный процесс, включающий этапы формирования удовлетворенности трудом, развития лояльности сотрудников и формирования заинтересованности в деятельности организации, развитие творческого потенциала личности и инициативного отношения к преобразованиям [2, с. 65–66].

Удовлетворенность трудом представляет собой эмоционально-оценочное отношение человека к выполняемой работе и условиям ее протекания. Оно выражает «изменчивое состояние внешних факторов трудовой ситуации (условия труда, стиль руководства, социально-психологический климат коллектива) и их субъективной оценки, определяемой уровнем притязаний и ожиданий личности, особенностями жизненного опыта работника» [3, с. 195]. Современная практика ориентирована на использование методики JDI (Job Descriptive Index), основанной на измерении общего индекса удовлетворенности персонала условиями труда и психологическим климатом в компании [4, с. 103].

Удовлетворенность трудом как субъективное восприятие трудовых отношений интересует организацию лишь с точки зрения ее связи с производительностью труда. Поддерживая гипотезу о причинно-следственной связи между удовлетворенностью и результативностью труда, можно предположить, что более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей, уплотнение связи «результат труда — вознаграждение», хороший микроклимат в коллективе находят отражение в осознании личностью общности и непротиворечивости организационных и индивидуальных интересов, в формировании ориентации на конечный результат индивидуального труда. Данный подход к управлению способствует, с одной стороны, реализации экономической функции мотивации, проявляющейся в максимизации отдачи трудовой деятельности и связанной с выбором оптимальной системы материального стимулирования. С другой стороны, речь может идти и о социально-психологической функции мотивации, предполагающей совершенствование и обогащение содержания отношений между людьми, удовлетворение потребности в общении, повышение социального статуса, формирование ценностных ориентаций [5, с. 22].

Заинтересованность персонала в деятельности организации представляет собой опосредованное удовлетворенностью трудом рационально-оценочное отношение личности к процессному и результатному аспектам функционирования организации. Она предполагает смену пассивно-вынужденной установки работника трудиться в интересах организации на активно-участвующую и характеризуется эмоциональной включенностью и практической взаимопомощью в коллективной трудовой деятельности. В современной практике данный феномен изучается в контексте лояльности сотрудников и их вовлеченность в деятельность организации. Наиболее распространенный подход

к пониманию вовлеченности персонала предполагает три стадии развития отношения к организации: благонадежность как законопослушность, соблюдение норм организации, лояльность как преданность, верность организации, приверженность как полная идентификация сотрудника с организацией [6, с. 54].

Повышение уровня заинтересованности персонала в деятельности организации связано с изменением роли сотрудника на предприятии: из управляемой подсистемы он трансформируется в подсистему соуправляющую. Активизация участия персонала в управлении предприятием, связанное с внедрением партисипативного стиля руководства и повышением ответственности работников, использование экономических инструментов стимулирования конечных результатов деятельности предприятия (доходы на капитал, доходы по акциям, система участия в прибыли), создание многоуровневого внутриорганизационного информационного обмена, расширение сферы общения и вовлечение персонала в активное преобразование корпоративной культуры обеспечивают формирование духа партнерства и единения. Последнее определяет содержание консолидирующей функции мотивации.

В условиях инновационного развития мотивация не должна ограничиваться формированием удовлетворенности персонала отдельными аспектами трудовых отношений и реализацией формальных механизмов участия наемного работника в управлении. Она должна основываться на предоставлении свободы интеллектуального поиска в решении проблемы и предполагать поэтапную трансформацию мышления личности от традиционного типа, концентрирующегося на сохранении незыблемости отношений внутренней организации вне зависимости от состояния внешней среды, к адаптивному, ориентированному «на рациональное приспособление к изменениям, обеспечивающее стабильное управление на базе сложившихся правил, порядков...» и, далее, инновационному, опирающемуся «на предвосхищение, а часто и инициирование изменений на основе развитых знаний, интуиции и опыта» [7, с. 57; 8, с. 41]. Современная практика активно использует понятие творческого потенциала организации, понимая под ним способности организационного сообщества осуществлять генерацию новых идей и впоследствии трансформировать их в новые знания и продукты и относя его к перечню неимущественных активов организации [9, с. 122].

Развитие творческого потенциала отражает процессы, связанные с преобразованием способностей личности, с появлением качественно нового состояния, раскрывающего потенциальные, скрытые и неразвернутые ранее способности к творчеству как «преобразовательной, продуктивной деятельности, отличающейся неповторимостью (по характеру осуществления и результату), оригинальностью (в определенном масштабе) и уникальностью» [3, с. 145–146]. Креативность является следствием вовлеченности персонала в деятельность организации.

Развитие творческого потенциала опирается на объективные и субъективные предпосылки. В качестве объективных следует рассматривать условия реализации творческих идей, которые согласно В. Палицыну связаны с наличием взаимодействия и отсутствием организационных барьеров, наличием информации и свободного доступа к ней, свободой общения и творчества [10, с. 6–9]. К разряду объективных предпосылок можно отнести и содержание труда, ибо, как заметил Г. Гак, «нельзя требовать от человека творческих усилий там, где сам труд лишен творческого характера» [11, с. 126].

Формирование объективной базы творческого отношения к труду связано с повышением содержательности труда, активизацией механизма преодоления сопротивления нововведениям, созданием атмосферы доверия и взаимопомощи, внесением полной ясности относительно стоящих перед сотрудником перспективных задач, наделением персонала правом самостоятельно определять, контролировать и выбирать инструментальный путь достижения промежуточных целей. Решение этих задач конкретизирует содержание креативной функции мотивации. Актуализация креативной функции мотивации явля-

ется наиболее важной с точки зрения психологии управления, так как в данном случае речь идет не столько о заинтересованности в результатах труда, сколько о заинтересованности в самом труде.

Субъективной предпосылкой развития творческого потенциала выступают креативные способности личности как способности «к продуктивному изменению и созданию качественно нового» [12, с. 132]. Активизация творческого потенциала связана с трансформацией мышления от аналитического (шаблонного) к креативному (нешаблонному). Аналитическое мышление ориентировано на поиск здравого смысла в решении сложной задачи путем выстраивания логической цепочки событий и концентрации внимания сугубо на релевантной информации. Нешаблонное мышление связано с поиском изменений, перемен. Оно характеризуется использованием неоптимального с точки зрения логики способа решения проблемы, опираясь на интуитивные всплески и периодическое переключение внимания. Подчеркивая различия, Эдуард де Боно, автор концепции нешаблонного мышления, отмечает, что «при шаблонном мышлении логика управляет разумом, тогда как при нешаблонном она его обслуживает» [13, с. 17]. Главными элементами креативности в современных условиях являются критическое мышление, генерирование идей, проектирование нетривиальных решений, эмпатия.

Важнейшей составляющей мотивации инновационного поведения выступает развитие инициативного отношения к преобразованиям. Инициативность отражает способность человека увидеть новый, альтернативный способ решения проблемы и повлечь за собой других в его реализации. Инициатива и творческий подход, на наш взгляд, не тождественные понятия. Во-первых, реализация творческой идеи неотделима от ее автора, она направлена на создание качественно нового. Инициативный подход есть своего рода процесс выдвижения идеи и предоставление другим (и себе) возможности ее реализации. Во-вторых, в отличие от инициативного предложения, опирающегося на логическое обоснование, творческая идея базируется на интуиции. В-третьих, в процессе выдвижения инициативы сотрудник выступает в роли источника перемен, в то время как при творческом подходе — в роли носителя преобразований.

Мотивация инновационного поведения персонала выдвигает требования о пересмотре приоритетов в системе управленческого инструментария. Становится очевидным, что использование приемов и способов стимулирования трудовой деятельности в любых его формах (материальной денежной, материальной неденежной, моральной, социальной, организационной и т.д.) является необходимым, но не достаточным условием развития инициативы сотрудников. Не принижая значимость методов стимулирования и функционально-ролевого влияния, более существенную роль чем прежде начинают выполнять методы индивидуально-специфического влияния, опирающиеся на межличностное взаимодействие, коммуникативный контакт. Все большую актуальность начинают приобретать управленческие инструменты, способствующие групповой интеграции, созданию атмосферы внутренней динамичности, формированию и усилению группой сплоченности, развитию организационных ценностей к преобразованиям. К их числу можно отнести, например, социально-психологическое заражение и подражание. Социально-психологическое заражение как метод формирования мотива личности базируется на бессознательной невольной подверженности индивида определенным эмоционально-психическим состояниям, которые возникают не через более или менее осознанное принятие какой-то информации и образов поведения, а через передачу психического настроя в группе. Подражание опирается на усвоение личностью новых форм поведения и деятельности путем следования какому-либо примеру, образцу. Специфика подражания состоит в том, что в данном случае осуществляется не простое принятие внешних черт поведения другого индивида, а воспроизведение индивидом черт и образов демонстрируемого поведения. Речь идет об активизации эмоционального и вдохновляющего лидерства, формировании социальной среды, закрепляющей образ мысли и модель по-

ведения сотрудников и создающей предпосылки для коллективного генерирования идей и инновационного поведения.

Мотивация инновационного поведения персонала направлена на преодоление отчужденности наемного работника не только от результата труда, но и от самого процесса трудовой деятельности. Невостребованность и, как следствие, девальвация ценности творческого и инициативного подхода к решению проблемных ситуаций способствует закреплению перманентной формы интеллектуальной пассивности персонала, характеризующей сознательный, повседневный отказ личности от активно-преобразовательных действий. Возникает необходимость преодоления ситуации отказа работника от роли активного носителя и инициатора преобразований при осознании необходимости в них на предприятии. Можно говорить о развитии модели распределенного лидерства, при которой разные люди берут на себя функции лидера при решении разных задач, что способно обеспечить устойчивое развитие организации [14].

Заимствованная с советских времен жесткая замкнутость социальной среды организации в современных условиях губительна для интеллектуального начала, поскольку лишает личность свободы деятельности, ограничивая ее формальными инструкциями, графиками, распоряжениями, выполнение которых превращается в самоцель производственного процесса. Повышение гибкости организационной системы неизбежно связано с изменением роли и сокращением иерархических, централизованных, бюрократизированных и формализованных процедур [15, с. 285].

Замкнутое социальное окружение складывается не только из пространственно-физических ограничений, оно включает и искусственно ограниченное бюрократическими рамками социальное поле деятельности. Так, в любых социально-экономических условиях качественный разрыв между умственным и физическим трудом, рабочими и управленческо-организаторскими функциями препятствует целостному утверждению и развитию личности как субъекта творчества. Именно скудность содержания труда скоывает творческие начинания, не позволяя им реализоваться в труде.

Преодоление замкнутости социального поля деятельности предполагает обеспечение информационной прозрачности организации. Потребность в информации при интеллектуальном подходе к решению проблемы носит более интенсивный и универсальный характер, поскольку, с одной стороны, всякое оригинальное, организационно значимое решение предполагает всесторонний углубленный анализ проблемной ситуации, с другой — эта универсальность целенаправлена конкретной задачей поиска. При активно-преобразующей ориентации ценностно-трудовых установок личности обладание релевантной информацией не является самоцелью развития, а выступает средством, условием высокоэффективной деятельности.

В качестве фундаментального основания информационной прозрачности организации выступает механизм пополнения и обновления знаний. В условиях динамичного развития общества ориентация управления на формирование и закрепление установок на потребность постоянного повышения уровня профессиональных знаний должна стать смыслообразующей, так как только высокий профессиональный уровень персонала способен расширить горизонты креативности и инициативы в работе.

Инновационный подход в разрешении проблемной ситуации обнажает диалектическое единство потребностей личности в общении и обособлении: ярко выраженное стремление к самостоятельности, цельности, самобытности специфически дополняется тягой к общению с единомышленниками при решении поисковой проблемы, к коллективности действий. Разобщенность ориентационных установок членов трудового коллектива, проявляющаяся в форме скептицизма к новому, обнажает конфликт поиска, сталкивая новаторство и консерватизм.

Интеллектуальная отдача определяется социальной чуткостью управления, стилем работы непосредственного руководителя и вышестоящих уровней управления. Мелоч-

ная опека и контроль, необоснованные управленческие распоряжения, попытка безапелляционно перенести ответственность за осуществляемые мероприятия на инициатора и исполнителя, излишнее эмоциональное напряжение в общении с руководством парализуют творчество и инициативу. Выполнение обязанностей под страхом административного наказания исключает возможность творчества, поскольку чувство страха есть не что иное, как эмоционально-психологическая грань индивидуальной несвободы личности.

Источники

1. Хомутский, Д. Ю. Дизайн-мышление как инструмент профессионального обучения персонала компании / Д. Ю. Хомутский, Г. С. Андреев // Упр. развитием персонала. — 2016. — № 2(46). — С. 116–120.
Homutskiy, D. Yu. Design-thinking as the instrument of professional training of personnel of the company / D. Yu. Homutskiy, G. S. Andreev // Management of personnel development. — 2016. — № 2(46). — P. 116–120.
2. Богдашиц, Е. А. Теоретико-методологические основы развития мотивации / Е. А. Богдашиц // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. — 2000. — № 5(22). — С. 64–68.
Bogdashits, E. A. Theoretical and methodological bases of motivation / E. A. Bogdashits // Bull. of the Belarus State Econ. Univ. — 2000. — № 5(22). — P. 64–68.
3. Личностный потенциал работника: проблемы формирования и развития / В. С. Аллаярова [и др.] ; отв. ред. В. Г. Нестеров, Л. И. Иванько. — М. : Наука, 1987. — 225 с.
Personal potential of the employee: formation and development problems / V. S. Allayarova [et al.] ; ed. in chief V. G. Nesterov, L. I. Ivanko. — Moscow : Nauka, 1987. — 225 p.
4. Туманова, О. М. Социологический опрос общественного мнения сотрудников — инструмент преодоления стратегического разрыва в условиях кризиса / О. М. Туманова // Мотивация и оплата труда. — 2009. — № 2(18). — С. 102–106.
Tumanova, O. M. Sociological poll of employees as the instrument of overcoming a strategic gap in the conditions of crisis / O. M. Tumanova // Motivation and compensation. — 2009. — № 2(18). — P. 102–106.
5. Беляцкий, Н. П. Мотивация персонала предприятия / Н. П. Беляцкий, Е. А. Богдашиц // Предпринимательство в Белоруссии. — 2000. — № 10. — С. 22–23.
Belyatsky, N. P. Motivation of personnel of the enterprise / N. P. Belyatsky, E. A. Bogdashits // Entrepreneurship in Belarus. — 2000. — № 10. — P. 22–23.
6. Соломанидина, Т. Организационная культура и лояльность персонала / Т. Соломанидина // Упр. персоналом. — 2003. — № 5. — С. 54.
Solomanidina, T. Organizational culture and loyalty of personnel / T. Solomanidina // Human resource management. — 2003. — № 5. — P. 54.
7. Захаров, Н. И. Мотивация и управление / Н. И. Захаров. — М. : РАГС, 1999. — 62 с.
Zaharov, N. I. Motivation and management / N. I. Zaharov. — Moscow : RAPS, 1999. — 62 p.
8. Богдашиц, Е. А. Мотивационная политика предприятия в условиях инновационной ориентации бизнеса / Е. А. Богдашиц // Науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2017. — Вып. 10. — С. 38–44.
Bogdashits, E. A. Incentive policy of the enterprise in the terms of innovative orientation of business / E. A. Bogdashits // Sci. works / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2017. — Iss.10. — P. 38–44.
9. Салихов, Б. В. Инновационное мышление в управлении творческим потенциалом современной корпорации / Б. В. Салихов, Д. А. Антипова // Упр. человек. потенциалом. — 2014. — № 02(38). — С. 118–126.
Salihov, B. V. Innovative thinking in management of the creative capacity of modern corporation / B. V. Salihov, D. A. Antipova // Human potential management. — 2014. — № 02(38). — P. 118–126.
10. Палицын, В. А. Оценка и стимулирование творческого труда / В. А. Палицын. — Минск : Беларусь, 1990. — 140 с.
Palicyn, V. A. Assessment and promotion of creative activity / V. A. Palicyn. — Minsk : Belarus, 1990. — 140 p.
11. Гак, Г. М. Диалектика коллективности и индивидуальности / Г. М. Гак. — М. : Мысль, 1967. — 167 с.
Gak, G. M. Dialectics of collectivity and identity / G. M. Gak. — Moscow : Mysl, 1967. — 167 p.

12. Психология творчества: общая, дифференцированная, прикладная / Я. А. Пономарев [и др.] ; отв. ред. Я. А. Пономарева. — М. : Наука, 1990. — 222 с.

Creativity psychology: the general, differentiated, applied / Ya. A. Ponomarev [et al.] ; ed. in chief Ya. A. Ponomarev. — Moscow : Nauka, 1990. — 222 p.

13. Боно, Э. Рождение новой идеи: О нестандартном мышлении : пер. с англ. / Э. Боно ; под общ. ред. и с послесл. О. К. Тихомирова. — М. : Прогресс, 1976. — 143 с.

Bono, E. Birth of the new idea: about not sample thinking : transl. from Engl. / E. Bono ; under the gen. editorship and with the afterword by O. K. Tihomirov. — Moscow : Progress, 1976. — 143 p.

14. Хлебович, Д. И. Идея распределенного лидерства: условия, ограничения и условия реализации / Д. И. Хлебович // Упр. корпоратив. культурой. — 2013. — № 4(20). — С. 250–265.

Hlebovich, D. I. The idea of the distributed leadership: conditions, restrictions and conditions of realization / D. I. Hlebovich // Corporate culture management. — 2013. — № 4(20). — P. 250–265.

15. Гибкость как обоснование организационных изменений: дискуссионный подход / Р. Данфорд [и др.] // Упр. организац. культурой. — 2013. — № 4(20). — С. 282–293.

Flexibility as justification of organizational changes: debatable approach / R. Danford [et al.] // Corporate culture management. — 2013. — № 4(20). — P. 282–293.

Статья поступила в редакцию 29.11.2018 г.

УДК 001.895

T. Bondar
BSEU (Minsk)

ASSESSMENT OF THE STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INNOVATION SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article is based on the results of the author's participation in the research on innovation topics, analysis of official innovation statistics, study of publications of domestic researchers of innovation processes and materials Of the review of innovation development of Belarus, carried out by the UNECE. Expert and author's assessments of the state, problems and prospects of innovative development of the Republic of Belarus are given.

Keywords: innovation; innovation activity; state innovation system; innovation infrastructure, expert assessment of the results of innovation activities

Т. Е. Бондарь
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ, ПРОБЛЕМ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Статья подготовлена по результатам участия автора в НИР по инновационной тематике, анализа им данных официальной инновационной статистики, изучения публикаций отечественных исследователей инновационных процессов и материалов Обзора инновационного развития Беларуси, выполненного ЕЭК при ООН. Приведены экспертные и авторские оценки состояния, проблем и перспектив инновационного развития Республики Беларусь.

Ключевые слова: инновации; инновационная деятельность; инновационная система государства; инновационная инфраструктура, экспертные оценки результатов инновационной деятельности.

Проблеме развития инноваций в Республике Беларусь уделяется большое внимание на самом высоком государственном уровне. В Беларуси принят ряд нормативно-правовых актов, касающихся инновационных процессов: программных (Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы) и регламентирующих основы построения инновационной политики и инновационной деятельности (Закон Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» от 10 июля 2012 г. № 425), порядок создания субъектов инновационной инфраструктуры (Указ Президента Республики Беларусь «О порядке создания объектов инновационной инфраструктуры» от 3 января 2007 г. № 1), меры по финансированию и стимулированию инноваций (Указ Президента Республики Беларусь «О некоторых мерах по стимулированию реализации инновационных проектов» от 20 мая 2013 г. № 229), коммерциализации их результатов (Указ Президента Республики Беларусь «О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств» от 4 февраля 2013 г. № 59 (с дополнениями и изменениями от 28.11.2016 г.)), созданию инновационно-промышленных кластеров (постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации» от 16 января 2014 г. № 27), становлению цифровой экономики (Декрет Президента Республики Беларусь «О цифровой экономике» от 21 декабря 2017 г. № 8) и т.п.

В сопровождение и развитие этих нормативно-правовых инициатив белорусскими учеными (в том числе и автором этой статьи) был подготовлен ряд публикаций по инновационной тематике [1–17]. Эти и аналогичные работы детализировали положения инновационного законодательства; помогли осмыслить важность инновационных процессов, их своевременность в нашем государстве; уточнили направления инновационной деятельности; разъяснили действие механизмов, приводящих ее в движение; популяризовали новые для отечественной деловой лексики категории: венчурная деятельность, государственно-частное партнерство, промышленные кластеры, цифровая экономика и т.п. По нашему мнению, только после таких публикаций инновационные процессы в Беларуси были по-настоящему запущены, их развитию был придан необходимый импульс.

На данном этапе развития Национальной инновационной системы (НИС) важно правильно оценить достигнутые ею результаты, с тем чтобы поддержать выявленные положительные тенденции и сфокусировать внимание и ресурсы общества на проблемных вопросах. Большинство изученных нами работ на тему оценки инновационного развития Беларуси построены на сравнении нашей НИС с инновационными системами других стран, стран ЕС, ЕАЭС, Табло Инновационного союза [7–9]. Вне всяких сомнений — межстрановые сравнительные оценки, оценки с опорой на эталонные показатели, очень важны, информативны, они определяют позицию Республики Беларусь в мире, привлекают к ней внимание делового сообщества и инвесторов. Однако, концентрируясь на итоговых, глобальных результатах инновационного развития, они не всегда достаточно проникают в нюансы этого развития. В этой связи не менее важными нам видятся оценки, концентрирующиеся на внутренних проблемах инновационного развития национальной экономики, их причинах.

В данной работе мы остановимся именно на них. На наш взгляд, оценка под таким ракурсом будет также полезной деловому сообществу, создаст основу для расширения сформировавшихся представлений об инновационной деятельности, направлениях ее совершенствования.

Начнем же мы наше исследование с суждения, получившего распространение в информационном пространстве Беларуси — о создании НИС, о положительной динамике процесса ее функционирования. Согласимся с этой, безусловно, правильной констатацией, но конкретизируем ее.

1. Республика Беларусь действительно относительно быстро добилась значимых успехов в инновационном развитии. Это объясняется тем, что в самом начале своего движения к инновационной экономике Беларусь правильно определилась с ориентирами этого движения. Она поддержала все международные инициативы в сфере инновационного развития: принятие ООН Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года и Аддис-Абебской программы действий в области науки, техники инноваций. В развитие этих и других международных документов в Республике Беларусь разработана Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития на период до 2030 года (НСУР-2030), которая одобрена и принята в качестве высшего стратегического документа, устанавливающего рамки такого развития.

2. Успешному продвижению инноваций в Республике Беларусь поспособствовала сложившаяся практика принятия пятилетних Программ социально-экономического развития и Государственных программ инновационного развития. Они рассматриваются как средство практической реализации НСУР-2030 в конкретном пятилетии и представляют собой удачный инструмент мониторинга инновационного процесса в Беларуси, влияющего на его развитие с учетом национального контекста.

3. В Республике Беларусь сложилась хорошо развитая система управления Национальной инновационной системой, включающая Президента, Совет Министров Республики Беларусь, республиканские и местные органы управления. Их функциональные обязанности и роль в управлении инновациями четко определены. Координация всех инновационных усилий осуществляется Государственным комитетом по науке и технологиям Республики Беларусь. Однако, отмечая высокое качество системы управления инновациями, эксперты ЕЭК ООН обращают внимание, что в Беларуси такое управление по большей части опирается на иерархические подходы принятия решений «сверху-вниз». По мнению экспертов, это «приводит к разобщенности ключевых подсистем инновационной системы» [18, с. XX]. В этой связи можно предположить, что со временем Беларуси потребуются обращение к мировому опыту горизонтального управления инновациями. А поэтому уже сегодня зарубежный опыт в этой сфере должен стать объектом внимания ученых и практиков.

4. За последние годы в Республике Беларусь создана инновационная инфраструктура, представленная инновационными центрами, научно-технологическими парками, центрами трансфера технологий и т.п. [6, с. 27–28; 14, с. 21–27]. Субъекты инновационной инфраструктуры непосредственно реализуют государственную политику в сфере инноваций. Они осуществляют материально-техническое, финансовое, организационно-методическое, информационное, консультационное и иное обеспечение инновационной деятельности. Важно сохранить и приумножить потенциал их активного влияния на качество и направления инновационной деятельности.

5. Численность персонала, занятого научными исследованиями в Республике Беларусь, сложилась на достаточно высоком уровне. Однако динамика этого показателя по годам отрицательная: в 2005 г. — 30 тыс. человек; в 2017 г. — уже 26 тыс. человек [19, с. 46]. Отчасти эту отрицательную динамику можно объяснить оптимизацией численности научных кадров. Но главная ее причина, на наш взгляд, все же связана с недостаточной престижностью, недостаточной мотивацией труда ученого. Можно, конечно, проигнорировать этот факт и считать, как это зачастую принято, что «уходит из науки балласт». Но проблема заключается в том, что уходят в другие сферы, мигрируют как раз лучшие: молодые, обладающие креативным мышлением, инновационным потенциалом. Пустить на самотек проблему оттока научных кадров — значит нанести урон инновационному развитию, его темпам.

6. Значительное число работников, занятых научными исследованиями и разработками, имеют ученую степень доктора или кандидата наук (примерно 20 % общей численности ученых). Это очень хороший показатель. Однако обращает на себя внимание

устойчивая тенденция его снижения по годам [19, с. 48], при росте удельного веса численности ученых в возрасте 60–70 лет и старше [19, с. 52]. Если же принять во внимание значительное отставание Беларуси от других стран по показателю выпуска аспирантов и докторантов (в возрасте 25–34 лет) в расчете на 1000 человек [20, с. 133], то вывод напрашивается сам собой: возрастные проблемы научных кадров необходимо решать, пока она не стала тормозом развития инноваций.

7. Внутренние затраты Республики Беларусь на научные исследования и разработки из года в год растут, что свидетельствует о признании их в роли движущей силы устойчивого развития национальной экономики. В то же время соотношение объема этих затрат к ВВП на протяжении последнего десятилетия ни разу не превысило 1 % (в 2015 г. — 0,50 %; в 2016 г. — 0,50 %; в 2017 г. — 0,59 %) [19, с. 72]. В развитых странах мира этот показатель зафиксирован на значительно более высоком уровне: Израиль — 4,27 %; Швеция — 3,26 %; Австрия — 3,07 %; Германия — 2,88 % [20, с. 129–130]. Объемы внутренних затрат на науку, сложившиеся в Беларуси, нельзя признать достаточными, соответствующими тем амбициозным задачам, которые поставлены государством перед НИС.

8. В составе внутренних затрат на научные исследования и разработки в Беларуси на долю внутренних текущих затрат традиционно приходится свыше 90 % (в 2011 г. — 94 %; в 2015 г. — 93,5 %; в 2016 г. — 96,4 %; в 2017 г. — 95,0 %). На долю внутренних капитальных затрат ежегодно остается около 6–4 % (в 2017 г. — 5,0 %) [19, с. 79]. Роль внутренних текущих затрат бесспорна хотя бы потому, что большую их половину составляют затраты на оплату труда и отчисления на социальные нужды. Однако сложившийся объем внутренних капитальных затрат не в состоянии решить имеющие место серьезные проблемы с обновлением и поддержанием в работоспособном состоянии материально-технической базы науки. По оценкам специалистов среднегодовой коэффициент ее обновления составляет примерно 5 %, что почти в 3 раза ниже, рекомендуемого уровня [16, с. 63–67].

9. Изучение статистической информации о распределении внутренних инновационных затрат по видам научной работы позволяет установить, что примерно 85 % таких затрат связаны с прикладными и экспериментальными разработками и только 15 % — с фундаментальными исследованиями (в 2011 г. — 15,7 %; в 2015 г. — 15,3 %; в 2016 г. — 14,7 %) [20, с. 73]. Важность прикладных и экспериментальных разработок очевидна: они позволяют проверить техническую осуществимость идеи, прозондировать масштабы потребностей рынка в новой продукции и т.п. Не умаляя их значения, заметим, что в начале любой инновации, отвечающей вызовам времени, все же стоят фундаментальные исследования. Коэффициент полезного действия у них невысок (около 10 %), но именно фундаментальные исследования дают толчок научно-техническому прогрессу. Такой низкий их удельный вес обращает на себя внимание и ставит под сомнение возможность намеченного и нужного национальной экономике технологического рывка.

10. В последние годы произошло укрепление финансового обеспечения инновационной деятельности в Беларуси за счет: 1) создания Банка развития, который ответственен за финансирование инновационных проектов в рамках всех государственных программ; 2) создания централизованного «инновационного фонда», который объединил 25 существовавших ранее отраслевых инновационных фондов, что позволило усилить адресность и согласованность финансирования инноваций; 3) включения в эту сферу венчурного капитала благодаря созданию Российско-белорусского фонда венчурных инвестиций. Однако, как отмечают специалисты ЕЭК ООН, потенциал этих и других источников финансовых ресурсов еще предстоит реализовать в полной мере [18, с. 47].

11. Анализ структуры источников финансирования внутренних затрат выявляет ежегодное преобладание в их составе средств бюджета — 40–45 % [20, с. 75]. Государ-

ственные средства, как известно, оправданы на старте инновационной деятельности. Но из года в год делать ставку на них нельзя. Практически все государства активно участвуют в стартовом финансировании инновационных проектов, однако позже передают инициативу коммерческим организациям и частному бизнесу.

Следует признать, что такая переструктуризация источников финансирования инноваций наметилась и в Республике Беларусь. В их общем объеме стала расти доля собственных средств организаций, иностранных кредитов и займов, средств других организаций [19, с. 75]. Специалисты положительно оценивают готовность инновационного ландшафта Беларуси к развитию венчурной деятельности [3, с. 34–37]. Созданы все условия для развития в Беларуси государственно-частного партнерства, с которым связывается вовлечение частных ресурсов в финансирование тех сфер, которые традиционно относились к компетенции государства [1, с. 53–63; 15, с. 4–19]. Однако, по нашим наблюдениям и оценкам, эти шаги в правильном направлении пока не привели к заметной активизации инновационной деятельности.

12. Объемы отгруженной инновационной продукции в Беларуси растут (в 2011 г. — 36 723 378 млн неденоминированных рублей; в 2017 г. — 13 040 740 деноминированных млн руб. — рост в 3,6 раза) [19, с. 121]. Однако практически все эти объемы рассчитаны на внутренний рынок и рынок стран постсоветского пространства. В общем объеме инновационной продукции, отгруженной организациями промышленности в 2017 г., только 0,5 % является новой продукцией для мирового рынка товаров [19, с. 127]. Причина такого явления отчасти кроется в некорректности понимания в белорусской практике самого термина «инновационная продукция». Инновационной считается продукция новая для организации, которая ее производит, а в действительности она должна быть новой для рынка и в частности внешнего рынка [7, 8]. Терминологическая некорректность в понимании категории «отгруженная инновационная продукция» приводит к фактическому завышению ее реальных объемов, а это дезориентирует цели инновационного развития.

13. На качество инновационной деятельности влияет такой фактор, как недостаточное региональное развитие НИС. Центром инновационного развития являются Минск и Минская область, где сосредоточена основная масса инновационно-активных предприятий (204 из 431), работает половина (7 из 14) научно-технологических парков. В других областях республики такой активности не наблюдается [6, с. 27–28; 14, с. 24–26]. По нашему мнению, развитие только одного (пусть и центрального) субъекта инновационной деятельности может привести к дисбалансу во всей цепочке инновационного пути.

14. Инновационное развитие Беларуси зависит от качества отечественного образования. В настоящее время специалисты фиксируют несоответствие между возможностями образования и социальным заказом на подготовку инновационных специалистов для экономики [11, с. 12–15]. И это может стать одной из причин, сдерживающих инновационное развитие. На повестке дня стоит серьезное совершенствование белорусских вузов. Направление намеченного совершенствования определено — интеграция образования, науки и бизнеса. Определенные наработки в этом деле уже есть. В Беларуси имеется опыт коммерциализации знаний и технологий, рождаемых научными сотрудниками и преподавателями вузов через инфраструктуру высшей школы. Так, например, при Белорусском государственном университете создано девять унитарных предприятий, которые являются отдельными юридическими лицами. Доход, получаемый ими ежегодно, составляет около 20 млн дол. США [18, с. 64]. Доля подаваемых вузами заявок и получаемых патентов на изобретения составляет примерно 20–25 % доли национальных заявителей [17, с. 80].

Большие надежды в этой сфере связываются со стартовавшим в Беларуси проектом «Университет-3,0», который имеет своей целью объединение и одновременное развитие трех компетенций современных университетов: учебной, научной и предприниматель-

ской. Министерством образования Республики Беларусь определено семь государственных вузов, которым поручена разработка этого экспериментального проекта [10].

15. Планы Республики Беларусь по развитию цифровой экономики — это новое и очень перспективное направление инновационной деятельности, способ ее активизации. Суть цифровой трансформации экономики состоит в превращении информационных ресурсов и технологий в активы организаций. Декрет Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» создал в Беларуси одни из лучших в мире условий для развития IT, хай-тека, бизнесов на основе новейших технологий. Он позволил легализовать криптовалюты и технологию блокчейн, ввел беспрецедентные преференции для научно-технологических парков и т.п.

Первые результаты действия этого Декрета уже видны сегодня: многие зарубежные IT-компании проявляют интерес к работе в Беларуси, к разработкам белорусских программистов.

Укрепляет свою деятельность Парк высоких технологий. В настоящее время он представляет собой центр знаний и инноваций с международными связями. Список IT-сфер, в которых можно регистрироваться резидентами ПВТ, дополнен компаниями, занимающимися созданием нейронных сетей, разработкой беспилотного транспорта. ПВТ привлек к сотрудничеству крупных международных разработчиков программного обеспечения и технических средств, таких как IBM, SAP, Microsoft [13; 14, с. 53; 18, с. 69–70].

Активно включился в инновационные процессы Национальный научно-технологический парк «БелБиоград». Его предназначение связывается с созданием благоприятных условий для быстрого развития и высокой конкурентоспособности отраслей биотехнологий, фармацевтики и нанотехнологий [13; 14, с. 53; 18, с. 70–71].

Развивается Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень». Приоритетные направления, намечаемые к развитию в парке, — электроника, биомедицина, тонкая химия и машиностроение. Объем инвестиций, заявленных резидентами парка «Великий камень» составил в текущем году порядка 0,5 млрд дол. Специалисты оценивают это как прорыв в работе парка, считают, что таким объемом инвестиций парк заложил прочную основу для долгосрочного развития [13; 14, с. 17].

В Беларуси успешно реализованы инновации в сфере развития космической отрасли, нанотехнологий, оптики и информационных технологий. Первые успехи Беларуси на пути к цифровой экономике отмечают даже партнеры из Google, Microsoft, Workfusion, Chevron и т.п. Планы Беларуси на построение цифровой экономики реальны к исполнению.

В заключение отметим, что проведенные нами исследования конкретизировали общую оценку деятельности Национальной инновационной системы, с которой мы начинали нашу работу. Эта система действительно динамично развивается. В ее развитии много успехов, положительных характеристик и много проблем. Все ее наполнение (положительное и проблемное) сегодня четко обозначено, изучено. И эту изученность следует продолжить, подчинить ее задаче улучшения параметров функционирования НИС. Только тогда заработают в полную силу все инновационные благоприятствования устойчивому развитию национальной экономики.

Источники

1. *Нехорошева, Л. Н.* Государственно-частное партнерство как инструмент развития инновационной и венчурной деятельности / Л. Н. Нехорошева // Пробл. упр. — 2011. — № 2. — С. 53–63.
Nekhorosheva, L. N. Public-private partnership as a tool for the development of innovation and venture activity / L. N. Nekhorosheva // Management problems. — 2011. — № 2. — P. 53–63.
2. *Нехорошева, Л. Н.* Формирование институциональных условий для развития инновационного предпринимательства и венчурной деятельности: проблемы и перспективы / Л. Н. Нехорошева

ва // Институциональные механизмы развития малого и среднего бизнеса : материалы I Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30–31 янв. 2014 г. — Минск : Иппокрена, 2014. — С. 42–57.

Nekhorosheva, L. N. Formation of institutional conditions for the development of innovative entrepreneurship and venture activity: problems and prospects / L. N. Nekhorosheva // Institutional mechanisms for the development of small and medium business : proc. of the I Intern. sci.-practical conf., Minsk, 30–31 Jan. 2014. — Minsk : Hippocrene, 2014. — P. 42–57.

3. *Нехорошева, Л. Н.* Готовность инновационного ландшафта Беларуси к развитию венчурной деятельности: проблемы и задачи / Л. Н. Нехорошева // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 мая 2017 г. : в 2 т. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2017. — Т. 2. — С. 34–37.

Nekhorosheva, L. N. The readiness of the innovation landscape of Belarus to the development of venture capital activities: problems and challenges / L. N. Nekhorosheva // Economic growth of the Republic of Belarus: globalization, innovativeness, sustainability : materials of the X Intern. sci.-practical conf., Minsk, 18–19 May 2017 : in 2 vol. / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2017. — Vol. 2. — P. 34–37.

4. *Нехорошева, Л. Н.* Методы и инструменты кластерной политики в Республике Беларусь и Республике Польша: сравнительный анализ / Л. Н. Нехорошева // Современные проблемы организации бизнеса: международный опыт и перспективы развития в Беларуси : сб. ст. — Минск : Интегралполиграф, 2017. — С. 124–161.

Nekhorosheva, L. N. Methods and tools of cluster policy in the Republic of Belarus and the Republic of Poland: comparative analysis / L. N. Nekhorosheva // Modern problems of business organization: international experience and prospects of development in Belarus : coll. of art. — Minsk : Integralpolygraph, 2017. — P. 124–161.

5. *Нехорошева, Л. Н.* Трансформация экономики в контексте цифровизации и новых коммуникаций четвертой промышленной революции: стратегия и первоочередные задачи для Беларуси / Л. Н. Нехорошева // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2018. — С. 329–331.

Nekhorosheva, L. N. Transformation of the economy in the context of digitalization and new communications of the fourth industrial revolution: strategy and priorities for Belarus / L. N. Nekhorosheva // Economic growth of the Republic of Belarus: globalization, innovativeness, sustainability : materials of the XI Intern. sci.-practical conf., Minsk, 17 May 2018 / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2018. — P. 329–331.

6. *Косовский, А.* Инновационная инфраструктура Республики Беларусь: состояние, проблемы и пути повышения эффективности функционирования / А. Косовский, Е. Мальчевский, С. Лях // Новости науки и технологий. — 2017. — № 4(43).

Kosovsky, A. Innovative infrastructure of the Republic of Belarus: state, problems and ways to improve the efficiency of functioning / A. Kosovsky, E. Malchevsky, S. Lyakh // Science and technology news. — 2017. — № 4(43).

7. *Богдан, Н. И.* Оценка инновационной деятельности Беларуси в контексте европейских индикаторов инноваций / Н. И. Богдан // Инновации. — 2014. — № 6. — С. 72–77.

Bogdan, N. I. Evaluation of innovation activity in Belarus in the context of European indicators of innovation / N. I. Bogdan // Innovation. — 2014. — № 6. — P. 72–77.

8. *Богдан, Н. И.* Международные индикаторы инноваций: оценка сильных и слабых сторон национальной инновационной системы Беларуси / Н. И. Богдан // Белорус. экон. журн. — 2013. — № 4. — С. 31–48.

Bogdan, N. I. International indicators of innovation: assessment of strengths and weaknesses of the national innovation system of Belarus / N. I. Bogdan // Belarusian econ. j. — 2013. — № 4. — P. 31–48.

9. *Кудрявцева, С. С.* Сравнительный анализ инновационного развития стран Евросоюза и России (по методологии Европейского инновационного табло) / С. С. Кудрявцева // Вестн. Казан. техн. ун-та. — 2012. — Т. 15, вып. 19. — С. 204–208.

Kudryavtseva, S. S. Comparative analysis of the innovative development of the EU and Russia (according to the methodology of the European innovation scoreboard) / S. S. Kudryavtseva // Bull. of the Kazan technological Univ. — 2012. — Т. 15, iss. 19. — P. 204–208.

10. Карпенко, И. Проект развития высшего образования — Университет 3.0 [Электронный ресурс] / И. Карпенко // Адукар. — Режим доступа: <https://adukar.by/news/proektuniversitet-3-0>. — Дата доступа: 15.07.2018.

Karpenko, I. Higher education development Project-University 3.0 [Electronic resource] / I. Karpenko // Adukar. — Mode of access: <https://adukar.by/news/proektuniversitet-3-0>. — Date of access: 15.07.2018.

11. Бондарь, Т. Е. О социальной и экономической необходимости инноваций в национальном образовании / Т. Е. Бондарь // Вестн. Полоц. гос. ун-та. — 2011. — № 6. — С. 12–15.

Bondar, T. E. About the social and economic need for innovation in national education / T. E. Bondar // Bull. of the Polotsk State Univ. — 2011. — № 6. — P. 12–15.

12. Бондарь, Т. Е. Образовательная компонента процесса совершенствования финансового механизма национальной экономики / Т. Е. Бондарь // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2018. — С. 62–63.

Bondar, T. E. Educational component of the process of improving the financial mechanism of the national economy / T. E. Bondar // Economic growth of the Republic of Belarus: globalization, innovativeness, sustainability : materials of the XI Intern. sci.-practical conf., Minsk, 17 May 2018 / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2018. — P. 62–63.

13. Бондарь, Т. Е. Институциональные основы становления цифровой экономики в Беларуси / Т. Е. Бондарь // Финансы: теория и практика : сб. тр. междунар. науч.-практ. конф. — Киев : НАУ, 2018.

Bondar, T. E. The Institutional framework for the formation of the digital economy in Belarus / T. E. Bondar // Finance: theory and practice : proc. of the intern. sci.-practical conf. — Kyiv : NAU, 2018.

14. Бондарь, Т. Е. Инновации как драйвер устойчивого развития экономики Беларуси / Т. Е. Бондарь. — Lambert Academic Publ., 2018. — 90 с.

Bondar, T. E. Innovation as a driver of sustainable development of the economy of Belarus / T. E. Bondar. — Lambert Academic Publ., 2018. — 90 p.

15. Яшева, Г. Теоретико-методологические основы и механизмы государственно-частного партнерства в инновационном развитии экономики Беларуси / Г. Яшева // Белорус. экон. журн. — 2011. — № 3. — С. 4–19.

Yasheva, G. Theoretical and methodological foundations and mechanisms of public-private partnership in the innovative development of the economy of Belarus / G. Yasheva // Belarusian econ. mag. — 2011. — № 3. — P. 4–19.

16. Петрасик, Е. Л. Проблемы инновационного развития экономики Республики Беларусь и пути их решения / Е. Л. Петрасик // Проблемы развития инновационно-креативной экономики : сб. докл. междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29 марта — 9 апр. 2010 г. — М., 2010. — С. 63–67.

Petrasic, E. L. Problems of innovative development of economy of the Republic of Belarus and ways of their solution / E. L. Petrasic // Problems of development of innovative-creative economy : coll. of rep. of the intern. sci.-practical conf., Moscow, 29 Mar. — 9 Apr. 2010. — Moscow, 2010. — P. 63–67.

17. Змеева, Ю. Научный потенциал вуза как один из источников динамичного развития инновационной экономики / Ю. Змеева // Экономика и упр. — 2011. — № 3. — С. 77–82.

Zmeeva, Yu. The scientific potential of the university as one of the sources of dynamic development of innovative economy / Yu. Zmeeva // Economics and management. — 2011. — № 3. — P. 77–82.

18. Инновации для устойчивого развития: обзор по Республике Беларусь / ЕЭК ООН. — Нью-Йорк ; Женева, 2017. — 200 с.

19. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Минск, 2018. — 136 с.

20. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Минск, 2017. — 140 с.

Статья поступила в редакцию 26.11.2018 г.

A. Bondar
N. Zhebentyaeva
BSEU (Minsk)
E. Hostilovich

Higher School of Finance and Management (Bialystok, Poland)

INTELLECTUAL CAPITAL IN THE ECONOMIC SYSTEM

The article discusses various theoretical approaches to the definition of intellectual capital, identifies the key role of intellectual capital in ensuring the dynamics of socio-economic development, and also examines the main directions and sources of intellectual capital in the economic system.

Keywords: intellectual capital; structural intellectual capital; human intellectual capital; economic system; intelligence; artificial intelligence.

А. В. Бондарь
доктор экономических наук, профессор
Н. А. Жебендяева
БГЭУ (Минск)
Э. Хостилович
PhD
ВШФиУ (Белосток, Польша)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

В статье рассмотрены различные теоретические подходы к определению интеллектуального капитала, выявлена ключевая роль интеллектуального капитала в обеспечении динамики социально-экономического развития, а также изучены основные направления и источники формирования интеллектуального капитала в рамках экономической системы.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал; структурный интеллектуальный капитал; человеческий интеллектуальный капитал; экономическая система; интеллект; искусственный интеллект.

На всем периоде существования человеческой цивилизации люди вступают в экономические отношения по поводу производства, распределения, обмена и потребления разнообразных благ. По мере развития человеческого общества эти отношения усложняются, расширяются и оптимизируются. Они реализуются все более комплексно и системно. В современных условиях любая страна мирового сообщества имеет определенную экономическую систему, представляющую собой упорядоченную совокупность экономических элементов, обладающую относительной замкнутостью, организованностью и способностью выполнять ряд функций, которые не в состоянии выполнять ее элементы в отдельности. Целостность экономической системы обеспечивается ее структурой и устойчивым взаимодействием входящих в нее элементов, которое позволяет ей сохранять качественную определенность на протяжении достаточно длительного времени. Вместе с тем она не является чем-то застывшим, неизменным. Элементы экономической системы и условия их взаимодействия постоянно изменяются и модифицируются, трансформируются и ее взаимодействия с внешней средой. Все это позволяет ей развиваться и совершенствоваться, сохраняя при этом ключевые параметры своей внутренней структуры в течение довольно длительного периода.

В современном мире становится очевидным, что благополучие стран, уровень и качество жизни их населения в значительной мере зависит не от того, какими сырьевыми и природно-климатическими ресурсами обладают эти страны, а от того, насколько совершенна их экономическая система. За примерами не надо далеко ходить. Взять хотя бы Северную и Южную Корею. Они обладают примерно одинаковыми природно-климатическими условиями и сырьевыми ресурсами. Однако первая имеет один из самых низких в мире уровней жизни населения и отмечается слаборазвитыми производительными силами, а вторая, наоборот, характеризуется высоким уровнем жизни населения и развитыми производительными силами. Разгадка этого парадокса связана с диаметрально противоположной структурой и функционированием экономических систем этих стран. Очевидно, что чем более совершенна и жизнеспособна экономическая система той или иной страны, тем устойчивее и конкурентоспособнее она чувствует себя в мировом сообществе.

В течение исторического времени изменяются роль и значение различных элементов экономической системы, но неизменным остается то, что одну из важнейших ролей в ней играют факторы производства. Однако их структура и значение в реализации производственной функции меняются. Одни уходят на второй план (земля, материальные средства производства), другие выдвигаются на передовые позиции (нематериальные активы, человеческий капитал). При этом под воздействием научно-технологического прогресса совершенствуется и усложняется структура многих факторов, особенно человеческого капитала, в котором наибольшее значение приобретает интеллектуальная составляющая. Этим обусловлено вычленение в XXI в. такого фактора производства, как интеллектуальный капитал, повлекшее за собой формирование теории данного фактора производства и определение его места в экономической системе. Ввиду того что данный процесс пока находится лишь в своей начальной стадии, а востребованность теории интеллектуального капитала и выявления возможностей ее воплощения в хозяйственной практике остаются весьма актуальными, необходимость дальнейшего исследования теоретических и практических аспектов данной проблемы не вызывает сомнения. Это позволит найти дополнительные возможности высокой динамики экономической системы, ее стабильности и вместе с тем инновационности.

Интеллект человека — это относительно устойчивая структура его умственных способностей, позволяющих ему решать различные задачи и эффективно адаптироваться в социуме. Он представляет собой способность достигать определенных целей, используя такие познавательные качества, как память, внимание, мышление, воображение, ум, восприятие. В функциональном плане интеллект можно охарактеризовать как способность к осуществлению процесса познания и решению проблем в широком круге жизненных ситуаций. Интеллект правомерно определить как способность человека адаптироваться к окружающей действительности, опираясь на рационально осуществляемую мыслительную способность, благодаря которой человек возвысился над животным миром.

Согласно Р.Б. Кеттелу, у каждого индивида с рождения имеется потенциальный интеллект, который лежит в основе человеческой способности к мышлению, абстрагированию и рассуждению [1, с. 51]. Своего наибольшего расцвета он достигает примерно к двадцати годам. Параллельно формируется так называемый кристаллический интеллект, состоящий из различных навыков и знаний, который приобретается путем накопления индивидом жизненного опыта. Он формируется в ходе решения задач адаптации к окружающей действительности и предполагает развитие одних способностей за счет других, а также приобретение конкретных навыков, а определяется мерой овладения культурой того общества, к которому принадлежит человек. Потенциальный интеллект коррелирует с кристаллическим, поскольку первый определяет первичное накопление знаний, которые в последующем входят во второй. Влияние интеллекта выходит

за пределы жизни одного человека, поскольку он не только материализуется в интеллектуальном продукте, но и генетически передается.

Определяемое интеллектом умение решать жизненно важные задачи обычно реализуется при помощи разнообразных способностей. Таких как способности познавать, обучаться, мыслить логически, систематизировать информацию путем ее анализа, определять ее применимость и классифицировать, находить в ней связи, закономерности и отличия, ассоциировать ее с подобной и других умственных способностей.

Чертами интеллекта выступают способности к обобщению, обучению, накоплению опыта и адаптации к изменяющимся жизненным условиям, а также превращение восприятия в знания, их критический анализ и дальнейшее создание. Мозг представляет собой универсальное средство решения разнообразных задач, в круг которых входят и творческие, неформализованные задачи, не решаемые стандартными методами.

Развитие информационного общества, цифровизация экономики и повсеместное внедрение IT-технологий повлекло за собой появление искусственного интеллекта. Он, как и человеческий интеллект, представляет собой устойчивую структуру созидательных возможностей, позволяющих достигать цели и решать вытекающие из них задачи.

Искусственный интеллект можно отнести к технологиям, составляющим основу четвертой промышленной революции, развитие которых по мнению Л.А. Цветковой может способствовать технологическому прорыву любой страны сразу в нескольких направлениях [2, с. 127]. Это может быть и развитие робототехники, и комплексная автоматизация производства, и электронная торговля, и электронный банкинг и т.д.

Разработки в области искусственного интеллекта обеспечили значительный прогресс в производительности алгоритмов обработки информации. Распространение быстрых компьютеров на основе графических процессоров позволило ускорить и удешевить вычисления. XXI в. ознаменовался появлением технологий, дающих практически неограниченные возможности для доступа к картографическим данным, многим изображениям и текстам.

Искусственный интеллект способен обрабатывать огромные объемы информации, позволяющие выявить связи и осуществлять решения задач непосильных для человеческого интеллекта. Показательно, что искусственный интеллект вошел в ряд важнейших технологических тем, поднятых на Всемирном экономическом форуме в 2016 г. [3].

Есть две точки зрения по поводу содержания искусственного интеллекта. Одна состоит в утверждении, что машины в состоянии действовать так, будто бы они действительно являлись интеллектуальными. Такой подход называют гипотезой слабого искусственного интеллекта. Другая предполагает, что машины могут мыслить, а не только лишь имитировать мыслительные процессы. Такая гипотеза называется гипотезой сильного искусственного интеллекта. По этому поводу А.В. Кузнецова говорит, что большинство исследователей и разработчиков программных систем придерживаются гипотезы слабого искусственного интеллекта [4, с. 19]. Данная точка зрения представляется правомерной ввиду того, что современные машины в действительности лишь имитируют мышление. Это сходится с одним из утверждений В.П. Зинченко о принципиальном отличии способов работы компьютерных интеллектуальных систем от собственно человеческого познания [5, с. 196].

Для создания искусственного интеллекта необходим достаточно объемный и высококачественный человеческий и структурный интеллектуальный капитал. При этом развитый искусственный интеллект в рамках национальной экономики превращается в структурный интеллектуальный капитал, хотя выступает в качестве ключевого фактора производства, позволяющего получать доход его владельцам.

Сегодня наметился технологический прорыв в создании нейронных сетей, совершенствование которых способствует поднятию на новый уровень робототехники, являющейся воплощением структурного интеллектуального капитала. Он проявляется в

форме так называемых дронов, беспилотных аппаратов, автоматизируемых транспортных средств, медицинской инновационной техники и технологий [6, с. 151].

На данный период все эти системы работают в рамках слабого искусственного интеллекта. Однако уже сейчас существуют машины и программы, которые способны самообучаться в процессе работы, т.е. они постепенно начинают становиться представителями сильного искусственного интеллекта. Это может вывести их на такой уровень надежности и приспособляемости, при котором отпадет необходимость человеку вмешиваться в процесс их функционирования. Исследователи отмечают, что появляется вероятность деградации способностей человека к реакции на изменение внешних условий или его несанкционированное отстранение от управления в случае аварии и предлагают рассмотреть вопрос о целесообразности введения некоторого предельного уровня в автоматизации процессов, связанных с такими ситуациями [4, с. 21].

Ресурсом необходимым и востребованным практически во всех сферах человеческой деятельности является интеллект. Без него немыслима ни политическая, ни юридическая, ни философская, ни технико-технологическая, ни социальная составляющая человеческой жизни, он выступает неперенным условием формирования этических и эстетических взглядов человечества. Интеллект является и необходимым экономическим ресурсом, без которого немыслимо не только развитие и совершенствование экономических отношений, но даже их элементарное протекание. По мере общественного развития его роль в экономической системе постоянно возрастает. Интеллектуальные ресурсы втягиваются во все сферы общественного производства и становятся в нем факторами производства, а интеллект принимает превращенную форму интеллектуального капитала. При этом живой человеческий интеллект принимает превращенную форму человеческого интеллектуального капитала, а искусственный принимает форму структурного интеллектуального капитала, функционирующего в общественном производстве.

Всеми общими признаками капитала обладает и интеллектуальный капитал. Это его ограниченность, редкость, невозможность полной замещаемости как фактора производства и способность приносить доход владельцам. Знания, воплощенные в неведественных объектах, имеются в ограниченном количестве. Как элемент интеллектуального капитала они требуют значительных затрат при его производстве, способны накапливаться и представлять значительный запас, а их использование позволяет получать доход. Интеллектуальный капитал, образованный знаниями, воплощенными в персонале, технологиях, способах производства, способах организации, обладает обширными признаками капитала и фактически им является [7, с. 138]. При этом следует отметить, что редкость интеллектуального капитала определяется редкостью знаний и их принадлежностью работникам и предпринимателям. Чем большей редкостью обладают принадлежащие им знания, тем больший денежный доход они могут принести носителям человеческого интеллектуального капитала. Что же касается структурного интеллектуального капитала, то приносимый им доход зависит от воплощенности знаний в продуктах интеллектуальной деятельности, выступающих в свою очередь в форме нематериальных интеллектуальных активов. Для динамичного накопления, эффективного и рационального использования интеллектуального капитала, а также управления этими процессами весьма важной является проблема определения данной категории. Необходимо отметить, что этот вопрос в настоящее время остается одним из нерешенных в научном сообществе. Несмотря на наличие достаточно большого количества исследований по рассматриваемой проблеме, категория «интеллектуальный капитал» по-прежнему остается одной из неопределенных и наиболее подвижных. Интерес к данному понятию особенно возрос в середине прошлого века, когда ведущие зарубежные теоретики и практики обратили особое внимание на эффективное использование рассматриваемого ресурса в качестве важнейшего фактора производства компаний [8, с. 67].

Содержание интеллектуального капитала проще определить, выявив общее и особенное в нем и человеческом капитале. Интеллектуальный капитал базируется на интеллекте человека и, как и человеческий, представляет собой монетизированную способность к труду и предпринимательству. Однако в отличие от человеческого капитала интеллектуальный человеческий капитал основывается лишь на производительном использовании интеллектуального потенциала человека. В этом плане данный капитал правомерно считать частью человеческого капитала, поскольку последний «базируется на более широкой гамме человеческих потенций, обеспечивающих ему способность к труду и предпринимательству», а интеллектуальный капитал использует лишь часть из них. При этом тренд развития человеческой цивилизации определяет возрастание доли интеллектуального капитала в структуре человеческого капитала. «Чем более высоко-развитой является та или иная страна, тем большая доля в ее совокупном человеческом капитале принадлежит интеллектуальному капиталу» [9, с. 31]. В этой связи его можно рассматривать в качестве показателя научно-технологической продвинутой общественной производственной.

Значительное число исследователей придерживается практически одинаковых взглядов по поводу определения данного понятия. Так, характеризуя «интеллектуальный капитал», Л. Прусак опирается на интеллектуальный материал, который, по его мнению, формализуется, обрабатывается и используется для увеличения стоимости компании [10]. Л. Эдвинссон полагает что, интеллектуальный капитал представляет собой знание, которое можно конвертировать в стоимость [11]. В свою очередь Э. Брукинг понимает интеллектуальный капитал как совокупность категорий неосязаемых активов, таких как человеческие ресурсы, права на интеллектуальную собственность, инфраструктуру и положение на рынке [12]. По мнению В.Л. Иноземцева интеллектуальный капитал представляет собой «коллективный мозг», аккумулирующий различного рода знания работников, интеллектуальную собственность и накопленный опыт, общение и информационную структуру [13, с. 59].

При научных исследованиях интеллектуальный капитал характеризуется и как микроэкономическое, и как макроэкономическое явление. В большинстве работ, затрагивающих проблемы интеллектуального капитала, проводятся исследования на микроуровне. Это объясняется тем, что наиболее актуальными с точки зрения практики являются вопросы определения, оценки и учета интеллектуального капитала в рамках производства товаров и в сфере услуг, а также влияние размеров вложений в него на прибыль и эффективность производства. По сути, как определяет В.А. Супрун, интеллектуальный капитал на микроуровне — это совокупность части человеческого капитала фирмы (наиболее образованных работников, генераторов идей, обладающих уникальными знаниями и навыками) и объективных факторов в виде нематериальных активов, включая патенты, лицензии, ноу-хау, торговые марки и т.д., а также организационные структуры, электронные базы данных, системы связи фирмы [14, с. 96–97]. Не отрицая сказанного, следует добавить, что интеллектуальный капитал и шире человеческого капитала на сумму нематериальных активов, воплощенных в структурном интеллектуальном капитале, и уже его на сумму не интеллектуализированных способностей к труду и предпринимательству. К ним можно отнести рутинный труд землекопа с лопатой или дворника с метлой.

Интеллектуальный капитал представляет собой сумму человеческого интеллектуального капитала в виде знаний, навыков, умений человека, его мобильности и креативности и структурного интеллектуального капитала в виде нематериального потенциала, обеспечивающего возможность создавать и реализовывать добавленную стоимость в ходе движения интеллектуального капитала. В данном случае подчеркивается нацеленность интеллектуального капитала на создание и реализацию добавленной стоимости, т.е. на присвоение дохода собственником. Вместе с тем практически во всех рассмотрен-

ных и многих других определениях интеллектуального капитала не уделяется должное внимание его функциональной составляющей, состоящей в способности к наемному труду и предпринимательской деятельности, обеспечиваемых интеллектуальными потенциями человека и нацеленными на получение дохода в разнообразных формах. Однако следует заметить, что в современной исследовательской среде уже наметился поворот к оценке предпринимательских функций в системе интеллектуального капитала. В этом плане с достаточной степенью уверенности можно присоединиться к мысли А.О. и В.А. Скворцовых о целесообразности выделения интеллектуального предпринимательства как сферы национальной экономики [15]. Можно считать доказанным, что интеллектуальный капитал на макроуровне являет собой совокупность интеллектуализированной способности к труду и предпринимательской деятельности, представленную живым человеческим интеллектом и нематериальными активами, воплощающими в себе результаты интеллектуального наемного труда и предпринимательства на уровне всего общественного производства. Последние представлены структурным интеллектуальным капиталом, который создает добавленную стоимость, присваиваемую его собственниками в разнообразных формах дохода. По отношению к человеческому и структурному интеллектуальному капиталу эти доходы выступают в форме агрегированных на национальном уровне доходов наемных работников, предпринимателей и собственников арендуемого капитала.

Интеллектуальный капитал создается и реализуется в сфере интеллектуального производства, которое как явление экономической действительности есть бытие интеллектуального капитала, функционирующего в качестве вовлеченного в общественное производство ресурса. В свою очередь интеллектуальное производство можно определить как вид общественного производства, возникший в результате социально-экономического процесса разделения труда и возвышения интеллекта в экономике, которое представляет собой деятельность по созданию и распространению знаний, информации и неимущественных благ. В.А. Скворцова констатирует, что интеллектуальное производство образует подсистему экономических отношений, основанных на интеллектуальной собственности и обуславливающих создание интеллектуального продукта, его распределение, обмен и потребление [15]. Вместе с тем нельзя не заметить, что оно невозможно без интеллектуального капитала, который выступает в нем не только основным производственным ресурсом, но и ключевым фактором конкурентоспособности экономической системы, ее устойчивости и инновационности.

В процессе потребления интеллектуальный капитал не уничтожается, как это бывает с материальным продуктом, а наоборот даже может увеличивать свою потребительную стоимость. В этой связи интенсификация использования интеллектуального капитала лежит и в русле его накопления. Важным является синергетическое взаимное дополнение отдельных его видов. Этот принцип позволяет создать большую величину интеллектуального капитала только лишь в результате удачного сочетания его видов. Например, высококвалифицированные работники, обладатели человеческого интеллектуального капитала, могут не просто использовать несколько полезных моделей, воплощающих в себе структурный интеллектуальный капитал, а построить на их основе новую полезную модель, намного более эффективную.

В ходе воспроизводства человеческого интеллектуального капитала можно выделить два этапа. В течение первого формируется высокообразованная часть населения страны за счет общего среднего, средне специального, высшего и постдипломного образования. В результате образуется группа носителей интеллектуального человеческого капитала, имеющих дипломы о высшем и постдипломном образовании. Количество и удельный вес таких работников выступает показателем развития интеллектуального человеческого капитала в стране. Воспроизводство человеческого интеллектуального капитала во время второго этапа связано с его использованием в общественном произ-

водстве, в ходе которого наряду с созданием продукта интеллектуального труда происходит возвышение интеллектуального человеческого капитала. Осуществляется это за счет накопления производственного опыта, повышения квалификации на рабочем месте, самообразования, обмена знаниями и деятельностью.

Воспроизводство человеческого интеллектуального капитала, представленного высокообразованной частью населения, которое обладает высшим и постдипломным образованием, а также учеными степенями и званиями, характеризуется генерацией новых идей и знаний, которые впоследствии воплощаются в интеллектуальных продуктах, трансформирующихся в структурный интеллектуальный капитал, функционирующий в общественном производстве в качестве его фактора. Воспроизводство структурного интеллектуального капитала во многом аналогично воспроизводству вещественного капитала и связано с воспроизводством в экономике современного оборудования, научных исследовательских центров, оснащенных таким оборудованием, новых высоких технологий и соответствующей информационно-коммуникационной инфраструктуры. Все нематериальные интеллектуальные активы предприятий и организаций, участвующие в их производственно-хозяйственной деятельности, переносят свою стоимость на вновь создаваемый продукт по частям по мере своего износа. При этом в данном случае имеется ввиду не материальный, а моральный износ. Ведь технологии, даже самые совершенные, устаревают, появляются новые, более продвинутые полезные модели и т.д. Амортизационные фонды в этой связи должны использоваться или на закупку новых технологий, полезных моделей и т.д., или на создание собственных, способных заменить устаревшие. Если это не осуществляется, то падает продуктивность структурного интеллектуального капитала в экономической системе.

Человеческий интеллектуальный капитал и структурный интеллектуальный капитал взаимодополняют друг друга, поскольку интеллектуальное производство, включающее в себя производство знаний и информации и одновременное их потребление, предполагает параллельное использование и интеллектуализированных способностей к труду и предпринимательству и нематериальных интеллектуальных активов. При этом взаимная адаптированность рассмотренных составных частей интеллектуального капитала дает синергетический эффект при их использовании, а производимый при этом интеллектуальный продукт в дальнейшем участвует в расширенном общественном воспроизводстве как в качестве его фактора, в форме структурного интеллектуального капитала, так и потребительского блага, обеспечивающего удовлетворение разнообразных потребностей людей.

Интеллектуальный капитал во многом является категорией национальной, которая, как верно замечает В.А. Супрун, зависит от общего уровня социально-экономического развития страны [14, с. 115]. При этом нельзя не заметить, что уровень этого развития непосредственно зависит от степени развитости интеллектуального капитала, его задействованности в общественном производстве и интенсивности его расширенного воспроизводства.

В качестве субъектов формирования и накопления интеллектуального капитала выступают работники, создающие персональный интеллектуальный капитал, который в рамках организаций интегрируется в их совокупный интеллектуальный капитал, субъектами распоряжения которым являются владельцы данных фирм и государственные структуры, создаваемые как для формирования и накопления интеллектуального капитала, так и его использования. Субъектами этого процесса на макроуровне являются руководящие органы госуправления, регулирующие расширенное воспроизводство интеллектуального капитала, требующегося для решения задач экономического развития страны в целом на различных уровнях национальной экономики. Воспроизводство персонального, фирменного и государственного интеллектуального капитала на интенсивной основе обеспечивает возможность достижения инновационности национальной экономики в целом и отдельных ее субъектов в частности.

В этой связи приоритетными направлениями деятельности академической, вузовской, отраслевой науки становится научное обеспечение знаниеемкого развития национальной экономической системы, способствующее повышению ее конкурентоспособности и экономической устойчивости в мировом сообществе, а интеграция науки и образования позволяет накапливать значительные массивы интеллектуального капитала, как человеческого, так и структурного. На этой основе базируется создание конкурентоспособной на мировом рынке инновационной, высокотехнологичной, ресурсо- и энергосберегающей, эколого-позитивной экономики, обеспечивающей устойчивую социально-экономическую динамику и повышение качества жизни населения. Не вызывает сомнения, что ключевым ресурсом в такой экономике выступает интеллектуальный капитал, динамичное накопление и эффективное использование которого позволяет достигать высоких показателей социально-экономического развития. В этом плане особая роль принадлежит современным университетам, являющимися в своем классическом статусе научно-образовательно-производственными кластерами, не только формирующими интеллектуальный капитал страны, но и активно его использующими, реализующими синергетический эффект интегрированной научной, образовательной, производственной и коммерческой деятельности в рамках избранной страной экономической системы.

В целом можно сказать, что в современных условиях высокая динамика любой экономической системы определяется интенсивным типом расширенного воспроизводства интеллектуального капитала, который по праву занял место практически неисчерпаемого, незамещаемого, воспроизводимого экономического ресурса и ключевого фактора производства. От того насколько быстро он будет накапливаться, бережно сохраняться и эффективно использоваться в той или иной экономической системе, в том числе и белорусской, зависит ее жизнеспособность, конкурентная устойчивость и историческая перспектива в мировой системе экономических отношений.

Источники

1. *Cattell, R. B.* The birth of the Society of Multivariate Experimental Psychology / R. B. Cattell // J. of the History of the Behavioral Sciences. — 1990. — № 26. — P. 48–57.
2. *Цветкова, Л. А.* Технологии искусственного интеллекта как фактор цифровизации экономики России и мира / Л. А. Цветкова // Экономика науки. — 2017. — Т. 3, № 2. — С. 126–144.
Tsvetkova, L. A. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta kak faktor tsifrovizatsii ekonomiki Rossii i mira / L. A. Tsvetkova // Ekonomika nauki. — 2017. — Т. 3, № 2. — S. 126–144.
3. World Economic Forum Annual Meeting 2016: Mastering the Fourth Industrial Revolution [Electronic resource] // World Economic Forum. — Mode of access: <https://www.weforum.org/reports/world-economic-forum-annual-meeting-2016-mastering-the-fourth-industrial-revolution>. — Date of access: 31.01.2018.
4. *Кузнецова, А. В.* Искусственный интеллект и информационная безопасность общества : монография / А. В. Кузнецова, С. И. Самыгин, М. В. Радионов ; под ред. П. С. Самыгина. — М. : РУСАИНС, 2016. — 118 с.
Kuznetsova, A. V. Iskusstvennyy intellekt i inforatsionnaya bezopasnost' obshchestva : monografiya / A. V. Kuznetsova, S. I. Samygin, M. V. Radionov ; pod red. P. S. Samygina. — M. : RU-SAINS, 2016. — 118 s.
5. *Зинченко, В. П.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии / В. П. Зинченко, Е. В. Моргунов. — М. : Тривола, 1994. — 304 с.
Zinchenko, V. P. Chelovek razvivayushchiysya. Ocherki rossiyskoy psikhologii / V. P. Zinchenko, E. V. Morgunov. — M. : Trivola, 1994. — 304 s.
6. *Колпаков, Д. В.* Искусственный интеллект для экономического моделирования / Д. В. Колпаков // Материалы XXIV Междунар. науч. конф. «Ломоносов — 2017», Москва, 10–14 апр. 2017 г. / МГУ им. М. В. Ломоносова. — М. : МАКС Пресс, 2017. — С. 150–154.
Kolpakov, D. V. Iskusstvennyy intellekt dlya ekonomicheskogo modelirovaniya / D. V. Kolpakov // Materialy XXIV Mezhdunar. nauch. konf. «Lomonosov — 2017», Moskva, 10–14 apr. 2017 g. / MGU im. M. V. Lomonosova. — M. : MAKS Press, 2017. — С. 150–154.

7. Базылева, М. Н. Человеческий, социальный и интеллектуальный капитал: соотношение понятий и роль в развитии трудовых отношений / М. Н. Базылева // Экономика и упр. — 2008. — № 2. — С. 134–140.

Bazyleva, M. N. Chelovecheskiy, sotsial'nyy i intellektual'nyy kapital: sootnoshenie ponyatiy i rol' v razvitii trudovykh otnosheniy / M. N. Bazyleva // Ekonomika i upr. — 2008. — № 2. — S. 134–140.

8. Пронина, И. В. Интеллектуальный капитал: сущность, структура, функции / И. В. Пронина // Аналитика культурологии. — 2014. — № 8. — С. 67–74.

Pronina, I. V. Intellektual'nyy kapital: sushchnost', struktura, funktsii / I. V. Pronina // Analitika kul'turologii. — 2014. — № 8. — S. 67–74.

9. Международная Патентная Классификация (МПК) [Электронный ресурс] // WIPO. — Режим доступа: <http://www.wipo.int/classifications/ipc/ru/>. — Дата доступа: 03.06.2017.

10. Prusak, L. Working knowledge: How organizations manage what they know / L. Prusak. — Boston, MA : Harvard Business School Press, 2004. — 203 p.

11. Edvinsson, L. Intellectual Capital: Realizing Your Company's True Value by Finding Its Hidden Brainpower / L. Edvinsson, M. S. Malone. — New York : Harper Business, 1997. — 219 p.

12. Brooking, A. Intellectual Capital / A. Brooking. — London : Intern. Thomson Business Press, 1996. — 110 p.

13. Иноземцев, В. Л. За пределами экономического общества: постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире / В. Л. Иноземцев. — М. : Academia-Наука, 1998. — 640 с.

Inozemtsev, V. L. Za predelami ekonomicheskogo obshchestva: postindustrial'nye teorii i post-ekonomicheskie tendentsii v sovremennom mire / V. L. Inozemtsev. — M. : Academia-Nauka, 1998. — 640 s.

14. Супрун, В. А. Интеллектуальный капитал: главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке / В. А. Супрун. — 2-е изд. — М. : URSS : Либроком, 2010. — 190 с.

Suprun, V. A. Intellektual'nyy kapital: glavnyy faktor konkurentosposobnosti ekonomiki v XXI veke / V. A. Suprun. — 2-e izd. — M. : URSS : Librokom, 2010. — 190 s.

15. Скворцова, В. А. Интеллектуальный капитал России: проблемы формирования и использования / В. А. Скворцова, А. О. Скворцов // Изв. ПГУ им. В. Г. Белинского. — 2012. — № 28. — С. 554–561.

Skvortsova, V. A. Intellektual'nyy kapital Rossii: problemy formirovaniya i ispol'zovaniya / V. A. Skvortsova, A. O. Skvortsov // Izv. PGU im. V. G. Belinskogo. — 2012. — № 28. — S. 554–561.

Статья поступила в редакцию 27.12.2018 г.

УДК 338.266

**T. Buhovets
A. Rusinovich
BSEU (Minsk)**

EFFECTIVENESS EVALUATION OF THE STATE PROGRAM «HEALTH OF THE PEOPLE AND DEMOGRAPHIC SAFETY» IMPLEMENTATION IN 2016

The article deals with the stage-by-stage efficiency assessment of the state program «Health of the people and demographic safety» implementation in 2016 on the basis of a complex of the indicators provided by the program. As a result of the assessment, conclusions regarding the impact of the fulfillment/non-fulfillment of the state program indicators on the socio-economic development of the country were formulated and persistently negative trends and problems that require close attention and resolution during the further program implementation were identified.

Keywords: state program; health care; health of the people; demographic safety; efficiency assessment; subprogramme «Family and childhood»; subprogramme «Prevention and control of noninfectious diseases»; subprogramme «Prevention and overcoming alcoholism»; subprogramme «Tuberculosis»; subprogramme «Prevention of HIV infection»; subprogramme «External migration»; subprogramme «Ensuring functioning of the health care system of Republic of Belarus».

Т. В. Буховец
кандидат экономических наук, доцент
А. Ю. Русиневич
БГЭУ (Минск)

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ «ЗДОРОВЬЕ НАРОДА И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В 2016 ГОДУ

В статье проведена поэтапная оценка эффективности реализации государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» в 2016 г. на основе комплекса показателей, предусмотренных программой. В результате проведенной оценки сформулированы выводы относительно влияния выполнения/невыполнения показателей государственной программы на социально-экономическое развитие страны и выявлены устойчиво сохраняющиеся негативные тенденции и проблемы, требующие пристального внимания и решения в ходе дальнейшей реализации программы.

Ключевые слова: государственная программа; здравоохранение; здоровье народа; демографическая безопасность; оценка эффективности; подпрограмма «Семья и детство»; подпрограмма «Профилактика и контроль неинфекционных заболеваний»; подпрограмма «Предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма»; подпрограмма «Туберкулез»; подпрограмма «Профилактика ВИЧ-инфекции»; подпрограмма «Внешняя миграция»; подпрограмма «Обеспечение функционирования системы здравоохранения Республики Беларусь».

Особое место в научном исследовании занимает проблема эффективности управления, в том числе государственного, определение методологических подходов, показателей и критериев оценки [1, с. 145]. Наиболее важные государственно-властные решения относительно развития той или иной области общественной жизнедеятельности находят отражение в государственных программах, в которых не только определяются основные цели, задачи и способы их достижения, но также закладываются целевые параметры, характеризующие уровень развития определенной области. В силу сказанного в качестве одного из методов оценки эффективности государственного управления все большее распространение получает метод оценки эффективности реализации государственных программ на основе анализа промежуточных и итоговых результатов достижения заложенных в программах индикаторов. Причем в последнее время при составлении государственных программ в них прописывается методика оценки эффективности их выполнения.

Государственные программы представляют собой инструмент, который позволяет увязывать государственные расходы с ожидаемыми результатами от реализации мероприятий, предусмотренных программой, и позволяют комплексно взглянуть на деятельность всех организаций в соответствующей области и определить их роль и стратегическую миссию в развитии региона и страны в целом.

В то же время государственные программы подлежат ежегодной корректировке, направленной на уточнение уровня заложенных в программах показателей, сроков их исполнения, объемов финансирования и т.д. Изменения, которые вносятся по итогам года в государственную программу, должны быть обоснованы и произведены на основе оценки эффективности данной программы. Такой подход позволяет органам власти использовать весь потенциал программно-целевых методов бюджетного планирования [2].

Предметом особой заботы нашего государства, которому уделяется тщательное внимание при разработке государственных программ, является здоровье населения, которое тесно связано с важнейшими социальными и демографическими факторами развития страны. Система здравоохранения является одним из главных элементов социально-экономического развития общества. Перед государством всегда стоит ряд вопросов организации медицинской помощи населению, что требует всестороннего изучения, объективной оценки, выбора оптимального направления совершенствования и развития системы здравоохранения.

В рамках проводимой государством бюджетной политики, которая ориентирована на результат, здравоохранение перешло на среднесрочное программно-целевое планирование и финансирование. В нашей стране принята государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016–2020 годы», основная цель которой заключается в пересмотре отношения к сложившейся системе финансирования организаций здравоохранения и оценке эффективности их деятельности, повышении результативности здравоохранения и направлении основной части финансирования на выполнение поставленных программой задач.

Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» включает следующие подпрограммы:

- 1) «Семья и детство»;
- 2) «Профилактика и контроль неинфекционных заболеваний»;
- 3) «Предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма»;
- 4) «Туберкулез»;
- 5) «Профилактика ВИЧ-инфекции»;
- 6) «Внешняя миграция»;
- 7) «Обеспечение функционирования системы здравоохранения Республики Беларусь».

Оценка эффективности реализации государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» производится ежегодно Министерством здравоохранения Республики Беларусь. Данная оценка производится путем сравнения фактически достигнутых значений показателей за соответствующий год с утвержденным на год значением.

Оценка эффективности реализации государственной программы осуществляется в пять этапов.

На первом этапе оценивается степень решения задач отдельной подпрограммы посредством расчета среднего арифметического степени достижения плановых значений целевых показателей, характеризующих задачи данной подпрограммы. Степень достижения плановых значений целевых показателей рассчитывается как отношение фактически достигнутых значений к запланированным для показателей, желаемой тенденцией которых является увеличение значений, и наоборот, как отношение запланированных значений к фактическим для показателей, желаемой тенденцией которых является снижение значений. При расчете степени решения задач отдельной подпрограммы учитывается следующее правило: если степень достижения планового показателя больше единицы, то при расчете степени решения задач, данное значение приравнивается к 1.

Суммарный коэффициент рождаемости является наиболее точным измерителем уровня рождаемости, но в официальной статистике он не указывается. Данный коэффициент характеризует среднее число детей, рожденных одной женщиной за всю жизнь, и рассчитывается для родивших женщин возрастом от 15 до 49 лет включительно. Сумма возрастных коэффициентов рождаемости в 2016 г. составила 348,97, суммарный коэффициент рождаемости — 1,74.

Результаты оценки степени решения задач, заложенных в семи подпрограммах государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь», представлены в табл. 1.

Таблица 1. Расчет степени решения задач семи подпрограмм программы
«Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь»

Показатель	План	Факт	Расчет
1	2	3	4
Подпрограмма 1 «Семья и детство»			
Суммарный коэффициент рождаемости (число рождений)	1,71	1,74	$CD = \frac{1,74}{1,72} = 1,02$
Коэффициент младенческой смертности (промилле)	3,5	3,2	$CD = \frac{3,5}{3,2} = 1,09$
Детская смертность (просантимилле)	41,5	39,8	$CD = \frac{41,5}{39,8} = 1,05$
Степень решения задач	$CP_{п/п} = \frac{1 + 1 + 1}{3} = 1$		
Подпрограмма 2 «Профилактика и контроль неинфекционных заболеваний»			
Распространенность потребления табака среди лиц в возрасте от 16 лет, %	26,5	27,1	$CD = \frac{26,5}{27,1} = 0,98$
Физическая активность населения	27	20	$CD = \frac{20}{27} = 0,74$
Потребление поваренной соли (граммов в сутки)	5,8	9	$CD = \frac{5,8}{9} = 0,64$
Доля врачей, работающих по принципу врача общей практики, в общем количестве врачей, работающих в системе оказания первичной медицинской помощи, %	25	25	$CD = \frac{25}{25} = 1$
Коэффициент смертности трудоспособного населения	4,3	4,0	$CD = \frac{4,3}{4,0} = 1,08$
Степень решения задач	$CP_{п/п} = \frac{0,98 + 0,74 + 0,64 + 1 + 1}{5} = 0,87$		
Подпрограмма 3 «Предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма»			
Смертность от случайных отравлений алкоголем на 100 тыс. человек (просантимилле)	13,6	15,4	$CD = \frac{13,6}{15,4} = 0,88$
Потребление алкоголя на душу населения (литров)	10	15	$CD = \frac{10}{15} = 0,66$
Степень решения задач	$CP_{п/п} = \frac{0,88 + 0,66}{2} = 0,77$		
Подпрограмма 4 «Туберкулез»			
Заболеваемость населения активным туберкулезом на 100 тыс. человек (случаев)	33,1	34,9	$CD = \frac{33,1}{34,9} = 0,95$
Смертность населения от туберкулеза на 100 тыс. человек (просантимилле)	4,6	3,5	$CD = \frac{4,6}{3,5} = 1,31$
Доля пациентов с множественными лекарственно-устойчивыми формами туберкулеза, успешно закончивших полный курс лечения (18–24 месяца), в общем количестве таких пациентов, %	55,8	—	—
Степень решения задач	$CP_{п/п} = \frac{0,95 + 1}{2} = 0,97$		

Окончание табл. 1

1	2	3	4
Подпрограмма 5 «Профилактика ВИЧ-инфекции»			
Охват комбинированной антиретровирусной терапией ВИЧ-позитивных пациентов, нуждающихся в лечении, %	60	50	$СД = \frac{50}{60} = 0,83$
Риск передачи ВИЧ от ВИЧ-инфицированной матери ребенку	2	1	$СД = \frac{2}{1} = 2$
Охват групп населения с высоким риском инфицирования ВИЧ-профилактическими мероприятиями, %	26	21,4	$СД = \frac{21,4}{26} = 0,82$
Степень решения задач	$СР_{п/п} = \frac{0,83 + 1 + 0,82}{3} = 0,88$		
Подпрограмма 6 «Внешняя миграция»			
Миграционный прирост, человек	12 000	7940	$СД = \frac{7940}{12\,000} = 0,66$
Степень решения задач	$СР_{п/п} = 0,66$		
Подпрограмма 7 «Обеспечение функционирования системы здравоохранения Республики Беларусь»			
Удельный вес выполненных объемов оказания медицинской помощи по видам в объемах, утвержденных планами оказания медицинской помощи, %	90	95	$СД = \frac{95}{90} = 1,05$
Степень решения задач	$СР_{п/п} = 1$		

И с т о ч н и к: составлено авторами на основании данных Демографического ежегодника Республики Беларусь 2017 г., статистического сборника «Здравоохранение в Республике Беларусь» 2017 г.

Как видно из представленной таблицы, все показатели подпрограммы «Семья и детство» выполнены (степень решения задач составила 1).

Что касается подпрограммы «Профилактика и контроль неинфекционных заболеваний», то следует отметить, что такие целевые показатели, как распространенность потребления табака среди лиц в возрасте от 16 лет, физическая активность населения, потребление поваренной соли в 2016 г. не были выполнены. В итоге, степень решения задач составила 0,87.

Подпрограмма «Предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма» оценивается только по двум целевым показателям: смертность от случайных отравлений алкоголем на 100 тыс. человек и потребление алкоголя на душу населения. Важно отметить, что оба показателя данной подпрограммы являются очень высокими, что негативно сказывается на здоровье населения и демографической безопасности страны. По данным Всемирной организации здравоохранения, если показатель употребления алкоголя на душу населения высокий, то это не только несет угрозу здоровью человека, но и ведет к деградации общества, снижению продуктивности труда и влияет на последующие поколения.

Одной из важнейших подпрограмм рассматриваемой государственной программы является подпрограмма «Туберкулез», поскольку туберкулез является одной из самых распространенных причин смерти в мире, в силу чего требует особого внимания со стороны органов здравоохранения. Выделяют лекарственно-чувствительный туберкулез, который поддается лечению основными противотуберкулезными препаратами, и лекарственно-устойчивые формы туберкулеза, которые гораздо сложнее вылечить, поскольку обычные лекарства на возбудителя болезни не действуют и пациенту с таким диагнозом предстоит долгое, токсичное и дорогое лечение.

К сожалению, найти данные о пациентах с множественными лекарственно-устойчивыми формами туберкулеза, успешно закончивших полный курс лечения (18–24 месяца) не удалось. Но известно, что в настоящее время почти 80 % пациентов, находящихся на диспансерном учете в противотуберкулезных учреждениях, лечатся от туберкулеза с множественной лекарственной устойчивостью. Согласно данным Национального статистического комитета около 90 % больных лекарственно-чувствительным туберкулезом излечиваются.

Несмотря на то что в 2016 г. достичь желаемого снижения уровня заболеваемости населения активным туберкулезом не удалось, смертность населения от туберкулеза достигло уровня ниже планируемого (на 31 %).

Важным достижением подпрограммы «Профилактика ВИЧ-инфекции» считается снижение риска передачи ВИЧ от ВИЧ-инфицированной матери ребенку. В 2016 г. в штаб-квартире ООН в Республике Беларусь было вручено свидетельство Всемирной организации здравоохранения, которое показало, что в нашей стране официально подтверждено полное предотвращение передачи от матери к ребенку ВИЧ-инфекции и сифилиса. Беларусь стала первой и пока единственной страной в Европе, а также одной из четырех стран мира (помимо Таиланда, Армении и Молдовы), которая получила данное удостоверение.

Подпрограмма «Внешняя миграция» включает в себя один целевой показатель — миграционный прирост. Как видно из табл. 1, задание по миграционному приросту в 2016 г. не достигнуто — данный показатель составил 7940 человек при плане в 12 000. Основная цель данной программы заключается в повышении эффективности управления миграционными потоками, чтобы обеспечить положительное сальдо внешней миграции. Соответственно в 2016 г. степень решения данной задачи является недостаточной.

Для подпрограммы «Обеспечение функционирования системы здравоохранения Республики Беларусь» целевым показателем является удельный вес выполненных объемов оказания медицинской помощи по видам в объемах, утвержденных планами оказания медицинской помощи.

На втором этапе оценки эффективности реализации государственной программы оценивается степень достижения цели данной программы, для чего определяется степень соответствия сводного целевого показателя программы плану. Сводным целевым показателем является ожидаемая продолжительность жизни при рождении (табл. 2).

Таблица 2. Расчет степени достижения планового значения сводного целевого показателя государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016–2020 годы»

Показатель	План	Факт	Расчет
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	74,1	74,1	$СД = \frac{74,1}{74,1} = 1$
Степень достижения цели			$СР_{п/п} = 1$

Источники: составлено авторами на основании данных Статистического сборника «Здравоохранение в Республике Беларусь» 2017 г.

На третьем этапе оценивается средний уровень степени достижения цели программы и решения поставленных задач подпрограмм как среднее арифметическое степени достижения задач всех семи подпрограмм и сводного целевого показателя:

$$СУ_{гп} = \frac{1 + (1 + 0,87 + 0,77 + 0,97 + 0,88 + 0,66 + 1)}{8} = 0,89.$$

На четвертом этапе оценки эффективности государственной программы определяется эффективность реализации каждой подпрограммы как отношение степени решения задач отдельной подпрограммы к степени соответствия фактического объема финансирования этой же подпрограммы его запланированному объему в отчетном году (табл. 3).

Таблица 3. Расчет эффективности реализации всех подпрограмм государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016–2020 годы»

Подпрограмма	Расчет
«Семья и детство»	$\mathcal{E}_{п/п} = \frac{1}{0,87} = 1,15$
«Профилактика и контроль неинфекционных заболеваний»	$\mathcal{E}_{п/п} = \frac{0,87}{0,93} = 0,93$
«Предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма»	$\mathcal{E}_{п/п} = \frac{0,77}{0,97} = 0,79$
«Туберкулез»	$\mathcal{E}_{п/п} = \frac{0,97}{0,97} = 1$
«Профилактика ВИЧ-инфекции»	$\mathcal{E}_{п/п} = \frac{0,88}{0,98} = 0,89$
«Внешняя миграция»	$\mathcal{E}_{п/п} = \frac{0,66}{0,90} = 0,73$
«Обеспечение функционирования системы здравоохранения Республики Беларусь»	$\mathcal{E}_{п/п} = \frac{1}{0,98} = 1,02$

Источники: составлено авторами.

Таким образом, в результате проведенной оценки эффективности реализации семи подпрограмм государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность...» в 2016 г. можно отметить, что на достаточно эффективном уровне в данном году реализовывались такие подпрограммы, как «Семья и детство», «Профилактика и контроль неинфекционных заболеваний», «Туберкулез» и «Обеспечение функционирования системы здравоохранения Республики Беларусь».

На среднем уровне реализовывалась в 2016 г. подпрограмма «Профилактика ВИЧ-инфекции», в то время как результаты подпрограмм «Предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма» и «Внешняя миграция» следует признать удовлетворительными.

На пятом этапе оценки определяется эффективность реализации государственной программы как отношение среднего уровня степени достижения цели программы и решения поставленных задач подпрограмм к степени соответствия фактического объема финансирования государственной программы запланированному объему финансирования в отчетном году:

$$\mathcal{E}_{гп} = \frac{СУ_{гп}}{СС_{гз}} = \frac{0,89}{0,94} = 0,95.$$

Таким образом, результаты оценки эффективности реализации государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016–2020 годы» в 2016 г. свидетельствуют об эффективности использования бюджетных средств, поскольку программа характеризуется высоким значением эффективности на уровне 95 %.

В 2016 г. восемь показателей достигли своих планируемых целевых значений, что несомненно сказалось на эффективности государственной программы в целом. Государству необходимо поддерживать заданный уровень эффективности реализации программы, а также уделить большее внимание таким подпрограммам, как «Профилактика ВИЧ-инфекции», «Предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма» и «Внешняя миграция». Важно сохранить положительную тенденцию и в будущем, для достижения основной цели государственной программы — стабилизации численности населения и увеличения ожидаемой продолжительности жизни.

В целом, следует отметить, что общий социально-экономический эффект от реализации оцениваемой государственной программы заключается в том, что достижение отдельных наиболее значимых показателей, предусмотренных программой, способствует укреплению демографического и трудового потенциала Республики Беларусь, поскольку содействует развитию и усилению в стране следующих положительных тенденций:

- повышение уровня рождаемости за счет увеличения суммарного коэффициента рождаемости и уменьшения коэффициентов младенческой и детской смертности, что в перспективе должно способствовать преодолению негативной тенденции естественной убыли населения;

- планомерное увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении;
- повышение эффективности функционирования системы здравоохранения в целом и механизмов оказания населению определенных видов медицинских услуг в частности, что выражается в уменьшении смертности трудоспособного населения, уменьшении смертности населения от туберкулеза, значительном сокращении риска передачи ВИЧ от ВИЧ-инфицированной матери ребенку и т.д.

В то же время проведенная оценка позволила выявить устойчивое сохранение ряда актуальных проблем в области охраны и укрепления здоровья населения Республики Беларусь, в числе которых:

- недостаточно эффективная реализация мер по привлечению населения к ведению здорового образа жизни, что выражается в сохранении вредных привычек (потребление табака, алкоголя), неправильном питании (чрезмерное потребление поваренной соли), низкой физической активности населения и т.д.;

- недостаточно эффективное проведение профилактических мероприятий, которое нашло отражение в увеличении уровня заболеваемости населения активным туберкулезом, уменьшении интенсивности проведения профилактических мероприятий среди групп населения с высоким риском ВИЧ-инфицирования и т.д.;

- значительное сокращение темпов миграционного прироста и, как следствие, уменьшение его положительного влияния на решение демографической проблемы в стране.

На решение указанных проблем должна быть направлена последующая реализация государственных программ в области здравоохранения, при этом основные усилия должны быть сосредоточены:

- на расширении и активизации комплекса мер по привлечению населения к здоровому образу жизни. Необходимы мониторинг и регулирование системы ценообразования в области физкультуры и спорта, общественного питания, организации досуга населения и т.д., более тщательная организация и регулирование режима труда и отдыха при различных видах трудовой деятельности, более активные и эффективные информационно-агитационные кампании;

- усилении профилактических мероприятий, направленных на предотвращение увеличения распространения активных форм туберкулеза, ВИЧ-инфицирования среди населения страны и т.д. Деятельность медицинских учреждений следует нацеливать на проведение мер по предупреждению болезней, а пациентов ориентировать в направле-

нии повышения их ответственности за поддержание собственного здоровья и получения максимальной пользы от лечения и профилактики заболеваний;

- совершенствовании миграционной политики и т.д.

Реализация указанных направлений будет способствовать в перспективе укреплению здоровья населения, что в свою очередь приведет к повышению производительности труда, формированию более продуктивных трудовых ресурсов, более здоровому старению, а также сокращению расходов на пособия по болезни и социальную помощь и уменьшению потерь налоговых поступлений в бюджет.

Источники

1. *Дорина, Е. Б.* Методологические принципы оценки эффективности государственного управления / Е. Б. Дорина, Т. В. Буховец // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: В. Н. Шимов (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2018. — С. 145–146.

Dorina, E. B. Methodological principles for the effectiveness assessing of public administration / E. B. Dorina, T. V. Buhovets // Economic Growth of the Republic of Belarus: Globalization, Innovation, Sustainability : materials of the XI Intern. sci.-practical conf., Minsk, 17 May 2018 / Belarus State Econ. Univ. ; ed.: V. N. Shimov (resp. ed.) [et al.]. — Minsk, 2018. — P. 145–146.

2. *Бреусова, А. Г.* Оценка эффективности государственных программ / А. Г. Бреусова // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Экономика». — 2015. — № 2. — С. 128–136.

Breusova, A. G. Evaluation of the effectiveness of state programs / A. G. Breusov // Bull. of Omsk Univ. Economy ser. — 2015. — № 2. — P. 128–136.

Статья поступила в редакцию 10.01.2019 г.

УДК 339.501:005.52 (476+477)

A. Bykov
S. Vysotsky
N. Khaustovich
BSEU (Minsk)
T. Khvalko
Economic Research Institute of Ministry of Economy of the Republic of Belarus (Minsk)
O. Poliakova
V. Shlykova

*Research Center for Industrial Development Problems
of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kharkov, Ukraine)*

COMPARATIVE ANALYSIS OF TRADE ADDED VALUE IN BELARUS AND UKRAINE

Based on the OECD methodology, which was adapted for the conditions of Belarus and Ukraine, the analysis of the formation and movement of value added in the economies of the two countries was carried out according to the input-output tables for 2016. Common problems of countries and positive trends are identified. The analysis made it possible to draw conclusions about the need for mutually beneficial coordination of the economic and industrial policies of Ukraine and Belarus. A promising direction for further research is a detailed analysis of the bilateral trade of Ukraine and Belarus in terms of value added movement for the formation of priority programs of economic cooperation.

Keywords: value added trading; balance of value added; input-output tables; system of national accounts; payment balance; industries; Belarus; Ukraine.

А. А. Быков

доктор экономических наук, профессор

С. Ю. Высоцкий

кандидат экономических наук

Н. А. Хаустович

кандидат экономических наук, доцент

БГЭУ (Минск)

Т. В. Хвалько

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь (Минск)

О. Ю. Полякова

кандидат экономических наук, доцент

В. А. Шлыкова

кандидат экономических наук

НИЦ ИПР НАН Украины (Харьков, Украина)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТОРГОВЛИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТЬЮ В БЕЛАРУСИ И УКРАИНЕ

На базе методики ОЭСР, адаптированной для условий Беларуси и Украины, проведен анализ формирования и движения добавленной стоимости в экономиках двух стран по данным таблиц «затраты-выпуск» за 2016 г. Выявлены существующие общие проблемы стран и позитивные тенденции. Проведенный анализ позволил сделать выводы о необходимости взаимовыгодной координации экономической и промышленной политики Украины и Беларуси. Перспективным направлением дальнейших исследований является детальный анализ двусторонней торговли Украины и Беларуси с точки зрения движения добавленной стоимости для формирования приоритетных программ экономического сотрудничества.

Ключевые слова: торговля добавленной стоимостью; баланс добавленной стоимости; таблицы «затраты-выпуск»; система национальных счетов; платежный баланс; отрасли; Беларусь; Украина.

Активизация географической фрагментации производства, производственно-сбытовых цепочек и увеличение объемов торговли промежуточными товарами в мировой экономике явились следствием технологического прогресса и либерализации международной торговли. В таких условиях использование традиционной статистики внешнеэкономической деятельности уже не позволяет изучить вертикальную специализацию стран, а также адекватно оценить вклад экспорта в формирование валового внутреннего продукта. Данные, которые характеризуют экспортно-импортные операции, могут включать несколько раз пересекающую границы продукцию, затрудняя, таким образом, оценку добавленной стоимости в экспорте отдельной страны [1–4].

Анализ данных об объеме и динамике взаимной торговли Беларуси и Украины за 2000–2017 гг. свидетельствует об ее неустойчивом характере (рис. 1).

Период 2000–2007 гг. характеризуется минимальными значениями сальдо торговли товарами между Украиной и Беларусью с медленным наращиванием объемов в денежном выражении. В период 2008–2010 гг. динамика торговых потоков между странами имеет скачкообразный характер с ростом размеров отрицательного сальдо Украины в сравнении с предыдущим периодом. В 2011 г. произошло резкое увеличение импорта товаров из Беларуси, в то время как объемы экспорта остались практически на том же уровне, что и в 2010 г.

Структура экспорта товаров в Беларусь также претерпела изменения. Так, если наибольшая доля в 2011 г. принадлежала товарной группе «черные металлы», то в 2017 г. — «остатки и отходы пищевой промышленности» (рис. 2).

Млн дол. США

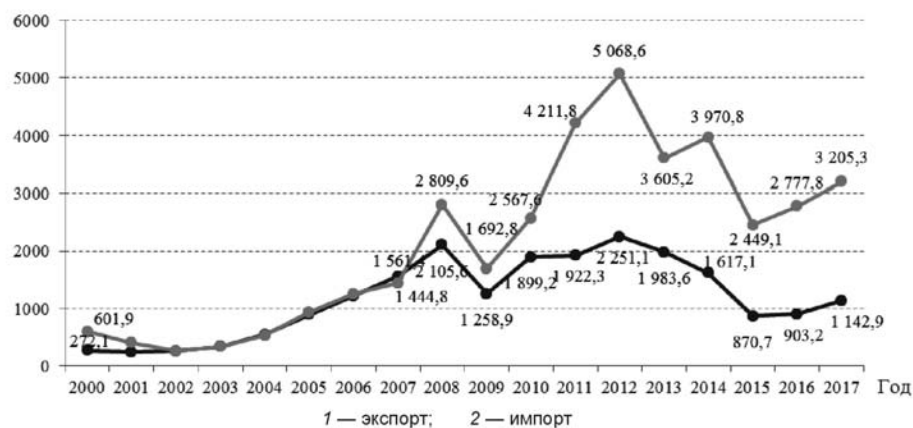

Рис. 1. Динамика торговли товарами Украины с Беларусью

Источники: разработано авторами.

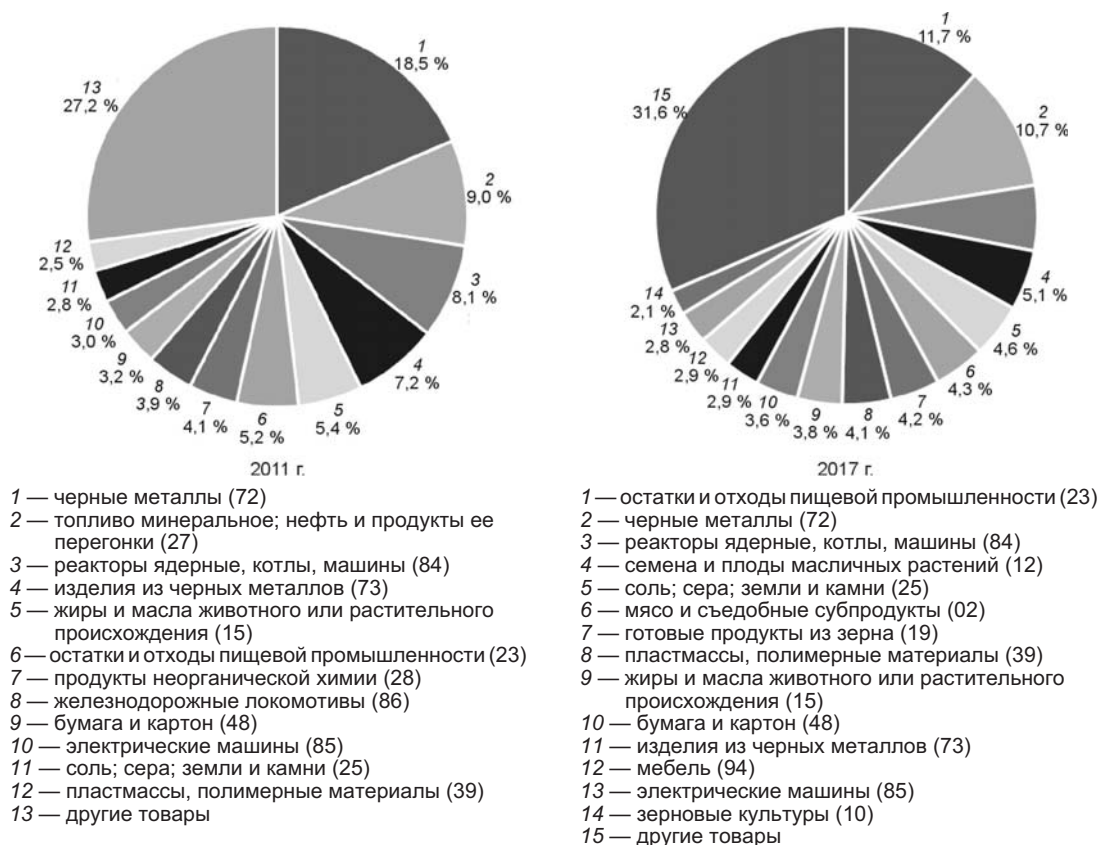

Рис. 2. Структура экспорта из Украины в Беларусь в разрезе товарных групп

Источники: разработано авторами.

Экспорт в Украину из Беларуси менее диверсифицирован в разрезе товарных позиций. Так, почти 70,0 %, как в 2011 г., так и в 2017 г., в его структуре приходится на группу «топливо минеральное; нефть и продукты ее перегонки», а на втором месте «средства наземного транспорта за исключением железнодорожного» (рис. 3).

Рис. 3. Структура экспорта из Беларуси в Украину в разрезе товарных групп

Источники: разработано автором.

Проведенный анализ показал, что в структуре двусторонней торговли Украины и Беларуси определенным образом проявляются особенности международной специализации стран. Однако если Украина преимущественно поставляет в Беларусь продукцию низкой степени переработки, что отражает сырьевую направленность украинского экспорта в целом, то Беларусь экспортирует в Украину товары существенно более близкие к конечному использованию.

Международный опыт анализа торговли добавленной стоимостью. Идея исследования торговли добавленной стоимости в международной экономике основана на понятии вертикальной специализации, введенном в экономическую лексику во второй половине 90-х гг. XX в. [3]. Под категорией вертикальной специализации подразумевают использование импортируемых ресурсов при производстве товаров, которые в дальнейшем экспортируются. При этом отмечаются следующие преимущества концепции вертикальной специализации перед торговлей промежуточными товарами:

во-первых, возможность учета таких явлений, как рост вертикально интегрированных транснациональных корпораций и аутсорсинга;

во-вторых, исключение неточностей, возникающих при классификации товаров по кодам товаров или описаниям на «промежуточные» и «конечные»;

в-третьих, возможность категоризации существующих торговых моделей на те, в которых продается только результат одного этапа производства (промежуточного или конечного), а также на те, в которых продаются результаты двух или более этапов [3].

Объем вертикальной специализации в мировом экспорте оценивается на основе таблиц «затраты-выпуск». Целый ряд публикаций посвящен эмпирическим исследовани-

ям составляющих экспорта отдельных стран [2, 4]. Следующим этапом развития теории торговли добавленной стоимости стало формирование в начале 2000-х гг. концепции «глобальных цепочек создания стоимости» (GVC), в основе которой лежит объединение системы национальных счетов и статистики платежного баланса, а также использование таблиц «затраты-выпуск». Предложенная концепция позволяет оценивать международную торговлю по добавленной стоимости, которую каждая страна покупает и продает, производит и потребляет в процессе международной кооперации.

ОЭСР и ВТО реализовали совместную инициативу по созданию базы данных индикаторов торговли добавленной стоимостью (TiVA), первые результаты функционирования которой были представлены в 2013 г. На данный момент база данных TiVA охватывает 64 страны мира и 34 вида экономической деятельности. Индикаторы торговли добавленной стоимостью рассчитываются на основе мировых таблиц «затраты-выпуск», разработанных ОЭСР, которые описывают взаимодействия между отраслями и потребителями в 64 экономиках.

Украина и Беларусь играют в мировой торговле не самую заметную роль. Так, по данным UNCTAD, в 2017 г. доля Украины в мировом экспорте составила 0,244 %, Беларуси — 0,165 %, в мировом импорте соответствующие доли составили 0,454 и 0,249 %¹. Учитывая этот факт, ни Украина, ни Беларусь не входят в базу данных TiVA. Поэтому непосредственное применение методики ОЭСР для анализа торговли добавленной стоимостью для этих двух стран невозможно.

В Украине практически отсутствуют разработки, касающиеся вопросов торговли добавленной стоимостью. Отдельные работы посвящены общим вопросам включения в глобальные цепочки создания стоимости [5], правовым аспектам [6]. Однако какие-либо оценки показателей торговли добавленной стоимостью для Украины в литературе не представлены.

Хотя Беларусь также не входит в базу TiVA, разработки в направлении адаптации методики ОЭСР и оценки торговли добавленной стоимостью ведутся [7, 8]. Учитывая тот факт, что структура таблиц «затраты-выпуск» двух стран не имеет существенных отличий кроме уровня декомпозиции отраслей, научно-практический интерес представляет применение для Украины методики расчетов показателей добавленной стоимости, разработанной для Беларуси, и сравнительный анализ результатов.

Расчет вклада видов экономической деятельности в торговый баланс по добавленной стоимости для Беларуси и Украины. Исходными данными для расчетов послужили данные национальных служб статистики Украины и Беларуси о таблицах «затраты-выпуск» за 2016 г.² Расчеты производились по методике, предложенной и апробированной для Беларуси в [7, 8]. Особенностью таблиц Беларуси является подробная декомпозиция отраслей в сравнении с Украиной: 83 отрасли в Беларуси и 42 отрасли в Украине. Кроме того, в отличие от Украины таблицы для Беларуси формируются в разрезе продуктов. Однако согласно методологическим пояснениям в обеих странах межотраслевые потоки характеризуют производственные взаимосвязи по видам экономической деятельности, поэтому дополнительной адаптации методологии не требовалось. Также заметим, что службой статистики Украины не публикуются коэффициенты прямых материальных затрат, поэтому они были рассчитаны нами исходя из определения.

В таблице показаны краткие результаты анализа валовой добавленной стоимости двух стран. Существенные отличия в структуре валовой добавленной стоимости в Украине и Беларуси, по-видимому, объясняются различиями в структуре занятости населения. В Украине значительную долю составляет samozанятость, что находит свое отражение в увеличенной по сравнению с Беларусью долей смешанного дохода. Однако оконча-

¹ Источник: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>.

² Источники: http://www.ukrstat.gov.ua/druk/publicat/kat_u/2018/zb/05/zb_tvuvouz2016xl.7z и <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/2a2/2a2b3a1f51fcd6e398a2ed5e17bd6b58.pdf>.

тельный вывод требует более подробного рассмотрения вопросов занятости и оплаты труда двух стран, что выходит за рамки данного исследования.

Сравнительная характеристика валовой добавленной стоимости в Украине и Беларуси в 2016 г.

Показатель	Украина	Беларусь
Валовая добавленная стоимость в объеме выпуска (в основных ценах), %	40,0	45,2
Структура валовой добавленной стоимости по элементам, %:		54,7
оплата труда	43,2	
валовая прибыль и валовые смешанные доходы	56,4	43,7
другие налоги на производство за вычетом субсидий	0,4	1,6
Доля валовой добавленной стоимости отечественного происхождения в экспорте, %	63,8	64,8
Баланс добавленной стоимости: национальная валюта	-205 067 млн грн.	308 486 тыс. руб.
в % экспорта	-12,7 %	0,52 %

Источники: составлено авторами.

В то же время большая доля валовой добавленной стоимости в объеме выпуска в Беларуси по сравнению с Украиной говорит о меньшей в целом материалоемкости ее экономики. При этом доля национальной добавленной стоимости в экспорте в обеих странах различается незначительно.

Общей для Украины и Беларуси является тенденция положительного баланса добавленной стоимости именно по тем отраслям (продуктам, услугам), на которые приходится наибольшая доля совокупного экспорта. В Украине к таким отраслям относятся металлургическое производство, сельское хозяйство, транспорт, в Беларуси — химическая промышленность (и ее подотрасли), транспорт.

И в Украине, и в Беларуси значительную долю экспорта составляют продукты пищевой промышленности (15,9 и 11,1 % соответственно), однако этот вид деятельности в обоих случаях демонстрирует один из самых больших отрицательных балансов добавленной стоимости (рис. 4 и 5).

Общей причиной является необходимость импорта морепродуктов и сезонных продуктов. Кроме того, на отрицательный баланс Украины существенное влияние оказывает дисбаланс в развитии растениеводства и животноводства в стране, что не обеспечивает достаточно отечественных ресурсов для производства продуктов питания животного происхождения. В свою очередь Беларусь из-за климатических особенностей вынуждена импортировать пшеницу твердых сортов для пищевой промышленности. В этом отношении взаимодействие двух стран в части расширения торговли сельскохозяйственной продукцией могло бы принести обоюдную выгоду.

Общей негативной чертой для экономики обеих стран является отрицательный баланс добавленной стоимости в целом по машиностроению. При этом в Украине экспорт машиностроительной продукции составил в 2016 г. 7,5 %, а в Беларуси — 14,0 % общего объема экспорта. Следовательно, машиностроение обеих стран существенно зависит от импорта комплектующих и материалов для производства. В частности, затраты импортной металлургической продукции в машиностроении Украины составили 21,3 %, а в Беларуси — 38,5 % всех материальных затрат импорта.

Негативной тенденцией является также отрицательный баланс добавленной стоимости в строительстве — и в Украине, и в Беларуси этот баланс является самым большим по абсолютной величине (6,3 и 6,7 % экспорта соответственно). Это свидетельствует о недостаточности внутренних ресурсов в обеих странах для обеспечения строитель-

ства необходимыми материалами. Наибольшую роль играет импорт различных комплектующих, отделочных материалов, оборудования и инструмента.

Рис. 4. Баланс добавленной стоимости в % экспорта отраслей в Украине в 2016 г.

Источники: разработано авторами.

Рис. 5. Баланс добавленной стоимости в % экспорта отраслей в Беларуси в 2016 г.

Источники: разработано авторами.

Значительную роль в формировании отрицательных балансов добавленной стоимости играют большие объемы импорта энергоресурсов всех видов и продукции машиностроения для обеих стран.

В целом, среди 42 укрупненных отраслей Украины в 2016 г. только в 12 наблюдается положительный баланс добавленной стоимости, а в 4 — практически нулевой. Среди 83 отраслей экономики Беларуси в 22 отраслях (более четверти) наблюдался практически нулевой баланс добавленной стоимости, что свидетельствует о большей сбалансированности экономики Беларуси в сравнении с Украиной.

Таким образом, проведенный анализ формирования и движения добавленной стоимости в экономиках двух стран показал, что несмотря на существенное различие общего баланса торговли добавленной стоимостью — в Беларуси он положителен, в Украине отрицателен, — отмечаются и общие черты. Общей проблемой для обеих стран является то, что положительный внешнеэкономический баланс в торговле добавленной стоимостью преимущественно обеспечивается низко- и среднетехнологическими видами промышленной деятельности (металлургия, химическая и целлюлозно-бумажная) и транспортными услугами. В то же время машиностроение вносит отрицательный вклад в баланс торговли добавленной стоимостью. Как общую для двух стран позитивную тенденцию, следует отметить значительный положительный баланс добавленной стоимости в отрасли компьютерного программирования и сопутствующих услуг. Это свидетельствует о высоком уровне квалификации специалистов обеих стран и обеспечивает конкурентные преимущества.

Полученные результаты позволяют сделать выводы о необходимости взаимовыгодной координации экономической и промышленной политики Украины и Беларуси. Приоритетом в этом направлении должна быть поддержка двусторонних проектов в отраслях машиностроения, компьютерных, информационных и телекоммуникационных услуг, что позволит снизить зависимость от колебаний цен на мировых сырьевых рынках, будет способствовать активизации трансфера технологий, повышению конкурентоспособности продукции на внутренних рынках двух стран и на внешнем рынке.

Дальнейшее исследование предполагает оценку баланса двусторонней торговли добавленной стоимостью между Украиной и Беларусью по отраслям, что позволит выявить возможности построения совместных цепочек создания добавленной стоимости для формирования приоритетных программ экономического сотрудничества, активизации внешнеторговой деятельности обеих стран.

Источники

1. A value-added analysis of trade in Taiwan and Korea's ICT industries / Hsing-Chun Lin [et al.] // J. of Korea Trade. — 2016. — № 20. — С. 47–73.
2. Cappariello, R. Domestic value added content of exports: a cross-country comparison for the major European economies [Electronic resource] / R. Cappariello // World Input-Output Database. — Mode of access: http://www.wiod.org/conferences/groningen/paper_cappariello.pdf. — Date of access: 11.11.2018.
3. Hummels, D. The nature and growth of vertical specialization in world trade [Electronic resource] / D. Hummels, Jun Ishii, Kei-Mu Yi // Federal Reserve Bank of New York. — Mode of access: https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/research/staff_reports/sr72.pdf. — Date of access: 11.11.2018.
4. The Estimation of Domestic Value-Added and Employment Induced by Exports: An Application to Chinese Exports to the United States [Electronic resource] / X. Chen [et al.] // ResearchGate. — Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/255575337_The_Estimation_of_Domestic_ValueAdded_and_Employment_Induced_by_Exports_An_Application_to_Chinese. — Date of access: 11.11.2018.
5. Гужва, И. Ю. Глобальные цепи добавленной стоимости и интеграция в них Украины / И. Ю. Гужва, В. П. Онищенко // Внешняя торговля: экономика, финансы, право. — 2015. — № 3. — С. 10–19.

Guzhva, I. Yu. Global value chains and the integration of Ukraine in them / I. Yu. Guzhva, V. P. Onishchenko // Foreign trade: economics, finance, law. — 2015. — № 3. — P. 10–19.

6. *Гужва, И. Ю.* Актуализация концепции «made in world» в условиях развития международной экономической интеграции / И. Ю. Гужва // Мировое хоз-во и междунар. экон. отношения. — 2016. — № 1. — С. 30–35.

Guzhva, I. Yu. Actualization of the «made in world» concept in the context of the development of international economic integration / I. Yu. Guzhva // World economy and intern. econ. relations. — 2016. — № 1. — P. 30–35.

7. Торговля добавленной стоимостью: источники сбалансированного экономического роста : монография / А. А. Быков [и др.] ; под ред. А. А. Быкова. — Минск : Мисанта, 2018. — 356 с.

Value Added Trading: Sources of Balanced Economic Growth : monograph / A. A. Bykov [et al.] ; under the ed. A. A. Bykov. — Minsk : Misanta, 2018. — 356 p.

8. *Быков, А. А.* Методология расчета добавленной стоимости национального происхождения в экспорте и ее применение в отраслях экономики Республики Беларусь / А. А. Быков, О. Д. Колб // Вестн. ГГТУ им. П. О. Сухого. — 2015. — № 3. — С. 95–102.

Bykov, A. A. Methodology for calculating the value added of national origin in exports and its application in the sectors of the economy of the Republic of Belarus / A. A. Bykov, O. D. Kolb // J. GSTU named after P. O. Sukhoi. — 2015. — № 3. — P. 95–102.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018 г.

УДК 339.56

R. Valevich
N. Svireyko
BSEU (Minsk)

POLICY OF IMPORT SUBSTITUTION: NEW APPROACHES TO FORMATION AND IMPLEMENTATION

The article discusses the features and problems of import substitution in the domestic food market of the Republic of Belarus. Stressed need to develop new approaches to the formation and implementation policy of import substitution in connection with the creation of the Eurasian economic Union.

Keywords: import substitution; policy of import substitution; import; consumer market; consumer goods; food security; demand; production; Eurasian economic Union; integration.

Р. П. Валевиц
кандидат экономических наук, профессор
Н. Е. Свирейко
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ И РЕАЛИЗАЦИИ

В статье рассмотрены особенности и проблемы импортозамещения на внутреннем продовольственном рынке Республики Беларусь. Подчеркнута необходимость разработки новых подходов к формированию и реализации политики импортозамещения в связи с созданием Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: импортозамещение; политика импортозамещения; импорт; потребительский рынок; потребительские товары; продовольственная безопасность; спрос; производство; Евразийский экономический союз; интеграция.

В условиях глобализации мировых экономик наблюдается объединение стран с целью противостояния внешним угрозам. С 2015 г. Республика Беларусь наряду с Россией, Казахстаном, Арменией и Кыргызстаном приступила к практической реализации мер в рамках Договора по созданию Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Интеграция в рамках Единого экономического пространства дает странам-участникам ряд выгод и преимуществ в торговле (возможности загрузки мощностей по производству отдельных видов продукции, наращивание экспорта, рост взаимной торговли внутри ЕАЭС, привлечение инвестиций, более устойчивые конкурентные позиции на внешнем рынке, выравнивание сальдо внешней торговли).

Опыт работы в условиях ЕАЭС выявил ряд проблем, связанных с торговой деятельностью и функционированием внутренних рынков, затрудняющих достижение положительных эффектов от объединения усилий по укреплению потенциала стран-участниц и всего объединения. По-прежнему не удалось ликвидировать практику нетарифного регулирования по отношению друг к другу; высокие цены и недостаточная с точки зрения потребителя конкурентоспособность отечественных товаров ведут к росту покупок импортной продукции; за последние три года резко выросла доля импортных товаров в общем объеме товарооборота, особенно товаров из стран ЕАЭС; санкции против России неблагоприятно отражаются на других странах-партнерах; наблюдается падение покупательной способности населения в странах ЕАЭС; сохраняется необходимость защищать внутренний рынок и др.

С целью обеспечения экономической безопасности (и особенно ее составляющей — продовольственной безопасности) страны ЕАЭС в последние годы ориентируются на политику импортозамещения. Республика Беларусь взяла курс на импортозамещение с 1997 г., были разработаны государственные, отраслевые и региональные программы импортозамещения на 2001–2005 гг., 2006–2010 гг. В дальнейшем на смену этим программам пришли Программы действий по импортозамещению и Перечни потребительских товаров для освоения производства предприятиями республики и поставки на внутренний рынок.

Импортозамещение по-прежнему актуально для национальных экономик. Это одно из приоритетных направлений развития белорусского потребительского рынка до 2020 г. Достигнутые результаты в экономических преобразованиях, изменения рыночной ситуации, вступление в ЕАЭС, нерешенные проблемы в торговых отношениях между странами — участниками объединения требуют поиска новых подходов к формированию и реализации политики импортозамещения с целью сохранения продовольственной безопасности каждой страны и ЕАЭС в целом, повышения эффективности взаимодействия и обеспечения роста качества жизни населения этих стран, с учетом имеющихся противоречий и возможностей интеграции.

Импортозамещение представляет собой процесс сокращения или прекращения импорта отдельных товаров в страну в результате переориентации спроса потребителей на аналогичные товары отечественного производства, обладающие таким же или более высоким уровнем конкурентоспособности [1, с. 71]. Политика импортозамещения предусматривает меры, направленные на рост производства отечественных товаров наряду с ограничением импорта или оптимизацией его структуры.

Можно согласиться с утверждением ряда специалистов, занимающихся этой проблемой, в частности О.В. Борисик, о том, что «в условиях малой открытой экономики импортозамещение является той частью импортного протекционизма, которая направлена не на ограничение импорта, а на стимулирование отечественного производства» [2, с. 58]. Это правильно, так как главными являются интересы государства, защищать которые следует на основе удовлетворения потребностей населения путем наращивания собственного производства потребительских товаров. Эффект такого поведения доказан и объективно обусловлен.

В Республике Беларусь основой для реализации политики импортозамещения служат Перечни потребительских товаров, которые предлагаются к производству и поставке на внутренний рынок, ежегодно разрабатываемые Министерством антимонопольного регулирования и торговли по результатам мониторинга конъюнктуры рынка. При выборе потребительских товаров для освоения их производства с целью замещения импорта (за исключением товаров критического импорта) исходят из наличия соответствующих условий для этого или потенциальной возможности создания таких условий. На основе указанных перечней товаров разрабатываются отраслевые и региональные Программы действий по импортозамещению.

Импортозамещение в Беларуси носит рациональный характер и экспортную направленность: более половины производимой продукции экспортируется. Дополнительно прорабатываются меры по сокращению импортной составляющей в производстве импортозамещающей продукции.

По данным Национального статистического Комитета Республики Беларусь за последние 5 лет в Беларуси произведено импортозамещающей продукции почти на 70 млрд дол., что составило 27,9 % объема промышленного производства. При этом преобладают непродовольственные товары (более 300 позиций). Это объясняется поведением потребителей, неудовлетворенностью спроса по отдельным товарным позициям, недостаточным качеством и ассортиментом аналогичных (или вообще не производимых в стране) товаров, что приводит к росту продаж импортных непродовольственных товаров на внутреннем рынке и увеличению их доли в розничном товарообороте (табл. 1).

Таблица 1. Удельный вес иностранных товаров в розничном товарообороте, %

Группа товаров	2010 г.	2011 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Потребительские товары	29,8	31,3	37,4	38,2	40,9	41,6
В том числе:						
продовольственные	17,0	16,3	19,9	20,9	20,9	21,0
непродовольственные	41,5	47,2	54,5	55,4	62,1	62,8

Источники: составлено авторами на основе официальных данных Национального статистического Комитета Республики Беларусь.

Как свидетельствуют данные табл. 1, доля иностранных товаров в розничном товарообороте постоянно растет, особенно по непродовольственным товарам. По продовольственным товарам ситуация остается стабильной, доля импорта в продажах не превышает критического значения (25 %), установленного в Концепции национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь.

В связи с тем что среди отраслей обрабатывающей промышленности пищевая промышленность занимает особое место и по значимости выпускаемой продукции, и по объемам производства, и по сумме покупательных фондов, направляемых потребителями на покупку продовольственных товаров, решение проблемы импортозамещения по этой группе продукции требует более глубокой проработки и уточнения отдельных положений импортозамещающей политики.

С 2011 г. в Беларуси начата реализация проектов импортозамещения, затрагивающих ряд отраслей пищевой промышленности: масложировую, кондитерскую, пивоваренную, плодово-овощеконсервную, мукомольно-крупяную и др. Среди продовольственных товаров приоритет был отдан освоению производства растительного масла, рыбы, кондитерских изделий, сахара и его заменителей, продуктов из фруктов и овощей (детского питания, соков и других консервов), пива, кетчупов и майонезов.

Рассмотрим, как изменились объемы производства и соотношение между отечественной и импортной продукцией на белорусском рынке с 2011 г. в ходе реализации названных выше проектов импортозамещения (табл. 2).

Таблица 2. Показатели, характеризующие результативность импортозамещения продовольственных товаров в Республике Беларусь

Продукция	Доля отечественной продукции в продажах на внутреннем рынке, %			Темп роста производства 2017/2011 гг., %
	2011 г.	2017 г.	январь — сентябрь 2018 г.	
Овощи	77,5	59,4	71,2	107,9
Фруктовые и овощные соки	77,0	70,1	66,3	55,1
Крупа	51,8	50,6	41,1	82,8
Рыба, ракообразные и моллюски	60,3	53,5	42,2	70,7
Масло растительное	39,3	20,6	15,0	94,8
Фрукты	18,5	15,7	8,2	156,6
Безалкогольные напитки	88,9	82,4	87,2	95,3
Кондитерские изделия из сахара	77,4	67,2	59,0	83,5
Макаронные изделия	66,5	61,4	65,9	108,6

Источники: составлено авторами на основе статистического сборника «Промышленность Республики Беларусь, 2018» и данных Национального статистического Комитета Республики Беларусь за январь — сентябрь 2018 г.

По большинству представленных в табл. 2 видов пищевой продукции (кроме овощей, фруктов и макаронных изделий) за 2011–2017 гг. не произошло наращивания объемов отечественного производства, что привело к снижению доли отечественной продукции в продажах. Что касается овощей, фруктов и макаронных изделий, то несмотря на рост производства, спрос населения не переключился на производимую продукцию.

По всем представленным товарам за рассматриваемый период доля импорта в продажах возросла, что свидетельствует о низкой результативности предпринятых мер по импортозамещению. Это связано с затратоемкостью производства и реализации, массовым доступом на рынок импортных товаров, обладающих более высокой конкурентоспособностью, в том числе товаров из стран ЕАЭС, а также снижением промышленного и инновационного потенциала отечественных изготовителей продуктов питания (табл. 3).

Таблица 3. Показатели работы предприятий пищевой промышленности Республики Беларусь

Показатель	2011 г.	2016 г.	2017 г.
Число организаций, единиц	807,0	759,0	804,0
Индекс промышленного производства в сопоставимых ценах к 2010 г., %	108,7	115,6	119,6
Среднесписочная численность работников, тыс. человек	152,6	141,7	140,4
Темп роста инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах к 2010 г., %	162,8	69,7	71,1
Удельный вес убыточных предприятий, %	15,0	27,1	25,8
Экспорт продукции, млн дол. США	3282,1	3021,7	3510,5
Рентабельность продаж, %	11,7	10,5	10,1
Количество инновационно-активных предприятий	63,0	54,0	52,0
Удельный вес инновационно-активных предприятий в общем числе обследованных предприятий, %	17,2	17,4	16,6
Объем отгруженной инновационной продукции, млн руб.	2241,9	562,6	564,3
Удельный вес в общем объеме отгруженной продукции, %	4,7	3,6	3,2

Источники: составлено авторами на основе статистического сборника «Промышленность Республики Беларусь, 2018».

Анализ представленной в табл. 3 информации подтвердил несогласованность направлений импорта и экспорта. Объем производства пищевой продукции в 2017 г. в сопоставимых ценах увеличился по сравнению с 2010 г. на 19,6 %. Наряду с производством возрос и экспорт, в 2017 г. он превысил значение 2011 г. на 7 %. Остальные показатели, характеризующие возможности активизации импортозамещения, ухудшились. В сопоставимых ценах инвестиции в пищевую промышленность сократились по сравнению с 2010 г. на 28,9 %. Удельный вес убыточных организаций по сравнению с 2011 г. вырос с 15 до 25,8 %. Снизились число и удельный вес инновационно-активных предприятий, объемы отгруженной инновационной продукции.

К тому же в последние годы произошло сокращение уровня использования мощностей по выпуску мяса, цельномолочной продукции, колбасных изделий, сливочного масла, пищевых жиров, муки, плодоовощных консервов и ряда других продуктов питания; снижение коэффициента обновления основных средств и коэффициента ввода новых основных средств.

Эти данные свидетельствуют об ухудшении показателей материально-технического и инвестиционного обеспечения, инновационной активности предприятий пищевой промышленности Республики Беларусь, на базе которых планируется реализовать положения политики импортозамещения.

В соответствии с Доктриной национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года, особое внимание должно быть уделено качеству производимых продуктов питания, снижению их себестоимости, повышению эффективности производства, развитию экспорта — эти параметры можно назвать факторами успешного импортозамещения.

Особенностями белорусского подхода к импортозамещению продовольственных товаров являются: развитие собственной сырьевой базы, ограниченное применение льгот для производителей продовольствия, ориентация импортозамещающих производств на экспорт, применение административных методов с целью роста выпуска и продаж импортозамещающей продукции, применение тарифных и нетарифных мер ограничения импорта, а также недооценка роли имиджа, упаковки, ценовой политики, различных средств стимулирования сбыта. Отсутствуют какие-либо специальные средства стимулирования импортозамещения, за исключением деятельности резидентов свободных экономических зон.

Республика Беларусь отличается от других стран ЕАЭС высоким уровнем самообеспечения основными видами пищевой продукции (кроме рыбы, фруктов и ягод), а также их потребления в расчете на душу населения (за исключением яиц и рыбы). По уровню производства молока, мяса, яиц, картофеля на душу населения Беларусь лидирует среди стран ЕАЭС и является крупным экспортером продуктов питания в эти страны.

Современное состояние мировой экономики, цели каждой страны обеспечить устойчивое развитие национальной безопасности потребовали проведения собственной и согласованной с другими странами объединения политики импортозамещения.

В России импортозамещающая политика является составной частью промышленной политики, принят Закон «О промышленной политике в Российской Федерации», разработаны отраслевые планы импортозамещения, создана Правительственная комиссия по импортозамещению. Для обеспечения продовольственной безопасности используются государственные закупки отечественных товаров, наращивается производство мясной и молочной продукции. Значительное внимание уделяется стандартизации продукции, повышению ряда ставок ввозных пошлин, мерам государственной поддержки промышленности, в том числе инвестированию, предоставлению налоговых льгот, созданию государственных оптовых центров и электронного реестра отечественных производителей [3, с. 120].

В Казахстане наряду с ранее разработанными государственными программами импортозамещения принята Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 годы, отличительными особенностями которой являются развитие отдельных ключевых отраслей, в том числе пищевой промышленности, и региональная специализация производства. Требуют замещения импортные растительные масла, плоды и овощи, кондитерские изделия, молочные продукты, мясо птицы.

В Кыргызстане разработана Программа развития экспорта и импортозамещения. Особое внимание уделяется производству мясной и молочной продукции, свежих и переработанных плодов и овощей, орехов для самообеспечения и развития экспорта.

Армения, как и Беларусь, придерживается внешнеориентированной стратегии импортозамещения, разработана Программа деятельности на 2017–2022 годы. Производству продуктов питания уделяется значительное внимание, эта отрасль занимает чуть более 50 % в структуре обрабатывающей промышленности. Развита фермерская деятельность, имеется сырьевая база для производства мясных, молочных продуктов, безалкогольных напитков.

В условиях ориентации на импортозамещение общий рынок стран ЕАЭС через какое-то время может стать недоступным для белорусских товаров. Со временем это приведет к сокращению экспорта в страны — участницы единого экономического пространства.

С целью обеспечения продовольственной безопасности и построения эффективных торговых отношений между странами ЕАЭС, позволяющих перейти к положительному сальдо внешней торговли продовольствием, следует выработать новые подходы к формированию и реализации политики импортозамещения, предусматривающие:

- учет в экспортно-импортной деятельности положений Договора ЕАЭС о справедливой конкуренции и равных условиях доступа стран на общий рынок;
- тщательный анализ объема и структуры импорта продуктов питания, разграничение импорта товаров из стран ЕАЭС и импорта из третьих стран с целью замещения последнего и оптимизации структуры первого;
- ужесточение требований к качеству импортной продукции, поступающей на рынок ЕАЭС из третьих стран, и мониторинг цен с целью борьбы с недобросовестным импортом;
- унификацию требований к качеству, маркировке и разработка единых стандартов на отдельные продукты питания, действующих в странах ЕАЭС;
- разработку совместных программ и проектов импортозамещения, предусматривающих предварительный анализ сырьевой составляющей и ее себестоимости, имеющихся и неиспользуемых мощностей, выбор методов производственной кооперации, создание совместных предприятий по разработке брендовых товаров, согласование ассортиментной структуры;
- совместные действия в рамках ЕАЭС по обеспечению импортозамещающих производств сырьем, комплектующими. Следует вести учет и мониторинг доли импортного сырья и комплектующих в объеме произведенной продукции, отдавать предпочтение производству товаров из отечественного сырья или сырья, завозимого из стран ЕАЭС;
- применение механизма государственных закупок продуктов питания, предусматривающего некоторое ограничение доступа товаров из третьих стран;
- использование мер государственной поддержки производителей импортозамещающей продукции в виде субсидий, налоговых льгот;
- разработку новых подходов к формированию цен на импортозамещающую продукцию;
- создание механизма поддержки экспорта и совместный поиск новых рынков сбыта. Прежде всего, Беларуси необходимо искать новые рынки сбыта молочной и мясной продукции.

При разработке новых проектов импортозамещения следует понимать, что создание новых импортозамещающих производств не всегда целесообразно с точки зрения эффективности. Можно использовать возможности стран ЕАЭС по поставке инвестиционных и промежуточных товаров (одни страны являются поставщиками сырья, другие занимаются изготовлением товаров на имеющихся мощностях).

Для оценки эффективности принятых мер требуется углубить информационное обеспечение в отношении учета импортозамещающей продукции. Официально публикуемая статистическая информация не позволяет объективно оценивать результаты импортозамещения, в связи с чем следует ввести в практику статистический учет производства и продаж импортозамещающей продукции в разрезе отдельных товарных групп [4, с. 72].

Импортозамещение следует рассматривать как путь повышения эффективности точечных вложений в экономику и получения высокой отдачи ресурсов. При принятии решений о включении определенных видов продукции в Перечни потребительских товаров, подлежащих импортозамещению, в первую очередь должны учитываться выгоды для потребителя. Важно не только произвести товар, но и заинтересовать потребителя в его покупке и потреблении с целью замещения импортных товаров.

По продовольственным товарам в Беларуси доля импорта в продажах остается стабильной и не превышает критического значения (25 %). Однако по всем импортозамещающим товарам за рассматриваемый период фиксируется рост доли импорта в продажах, что свидетельствует о низкой результативности предпринятых мер по импортозамещению. Это связано со свободным доступом на рынок достаточно большого объема импортных товаров, обладающих более высокой конкурентоспособностью, в том числе из стран ЕАЭС, а также снижением промышленного и инновационного потенциала отечественных изготовителей продуктов питания (высокая степень износа оборудования, низкая инвестиционная и инновационная активность, незначительная государственная поддержка, ограниченные возможности финансирования, снижение качества выпускаемой продукции, высокие затраты на ее производство, неэффективная ценовая политика), слабой согласованностью Перечня потребительских товаров, подлежащих импортозамещению, с истинными запросами потребителей, неглубокой проработкой мер по активизации импортозамещения. Таким образом, реальная ситуация не содействует развитию импортозамещения.

Индивидуальные стратегии импортозамещения отдельных стран — участниц ЕАЭС являются малоэффективными из-за небольшой емкости внутренних рынков, необеспеченности сырьем, затратно-емкости производств и других причин. Эффективное решение проблемы импортозамещения возможно только в рамках совместных действий стран, входящих в ЕАЭС, направленных на углубление производственной кооперации, разработку совместных программ и проектов импортозамещения, обеспечение импортозамещающих производств сырьем и комплектующими, совершенствование ценообразования, применение механизма государственных закупок и программ поддержки производителей, стимулирование экспорта и совместный поиск новых рынков сбыта, борьбу с недобросовестным импортом и ограничение импорта из третьих стран.

Учитывая важность наращивания производства отечественных товаров, необходимо продолжить работу по поиску оптимальных путей решения данной проблемы. По каждому потенциальному товару, импорт которого предполагается заместить, целесообразно выбирать наиболее оптимальные формы взаимодействия с другими странами ЕАЭС с учетом обеспеченности сырьем, наличия производственных мощностей, затратно-емкости и эффективности производства.

В Программе деятельности Правительства Республики Беларусь на 2016–2020 годы заданы определенные ориентиры по импортозамещению (ежегодный рост производства импортозамещающей продукции, рациональное импортозамещение). Решение этой за-

дачи нельзя связывать только с сокращением импорта, так как при реализации политики импортозамещения будут решены и другие не менее важные проблемы (восстановление конкурентоспособности отечественной пищевой промышленности; повышение эффективности работы агропромышленного комплекса; стимулирование развития малого и среднего предпринимательства, в первую очередь в регионах Беларуси; повышение эффективности использования государственного имущества; отработка оптимальных форм финансовой поддержки отечественных производителей и продвижения товаров на новые рынки).

Источники

1. *Свирейко, Н. Е.* Импортозамещение продовольствия: отечественный опыт, результаты и перспективы / Н. Е. Свирейко // Экономика и упр. — 2014. — № 4(40). — С. 70–74.
Svireyko, N. E. Import substitution of food: domestic experience, results and prospects / N. E. Svireyko // Economics and management. — 2014. — № 4(40). — P. 70–74.
2. *Борисик, О. В.* Внешнеэкономическая политика стран — членов ЕАЭС в условиях расширения международного производственного сотрудничества / О. В. Борисик // Науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2017. — Вып. 10. — С. 56–62.
Borisik, O. V. The external economic policy of the EEU member states in conditions of expansion of the international production cooperation // Sci. works / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2017. — Iss. 10. — P. 56–62.
3. *Бодрунов, С. Д.* Теория и практика импортозамещения: уроки и проблемы : монография / С. Д. Бодрунов. — СПб. : ИНИР им. С. Ю. Витте, 2015. — 171 с.
Bodrunov, S. D. Theory and practice of import substitution: lessons and problems : monograph / S. D. Bodrunov. — St Petersburg : INID in the name of S. Yu. Vitte, 2015. — 171 p.
4. *Валевич, Р. П.* Импортозамещение потребительских товаров: проблемы и пути их решения / Р. П. Валевич, Н. Е. Свирейко // Науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2016. — Вып. 9. — С. 67–73.
Valevich, R. P. Import substitution of consumer goods: problems and ways of their solution / R. P. Valevich, N. E. Svireyko // Sci. works / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2016. — Iss. 9. — P. 67–73.

Статья поступила в редакцию 27.11.2018 г.

УДК 339.13:005.21

A. Vladyko
BSEU (Minsk)

THE EFFICIENCY OF STRATEGIC REGULATION OF THE CONSUMER MARKET: THE NEED FOR IMPROVEMENT OF EVALUATION METHODS

The article presents the results of scientific research in the field of strategic regulation and evaluation of its efficiency. From the standpoint of the consumer market, the author substantiated the necessity of improving the methods of evaluating strategic regulation, considered the existing methodological approaches in the practice of strategic management and regulation, formulated the parameters and criteria for evaluating the efficiency, and recommended a system of indicators. The author outlined his own vision of the concept of strategic regulation of the consumer market.

Keywords: performance; efficiency; strategic planning and regulation; achievement of goals and results; resource potential; parameters and criteria for evaluating strategic regulation.

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА: НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ

В статье представлены результаты научных исследований в области стратегического регулирования и оценки его результативности. С позиции потребительского рынка обоснована необходимость совершенствования методов оценки стратегического регулирования, рассмотрены сложившиеся методические подходы в практике стратегического управления и регулирования, сформулированы параметры и критерии оценки результативности, рекомендована система показателей. Автором изложено собственное видение концепции стратегического регулирования потребительского рынка.

Ключевые слова: результативность; эффективность; стратегическое планирование и регулирование; достижение целей и результатов; ресурсный потенциал; параметры и критерии оценки стратегического регулирования.

Современный рыночный механизм предполагает, что доказано теорией и практикой, возможность регулирования хозяйственных процессов для достижения поставленных целей на различных уровнях управления, включая и стратегические. При этом процесс стратегического управления условно можно разделить на три основных фазы: стратегическое планирование, стратегическая организация, стратегический контроль и регулирование. Первые две получили авторскую оценку в предыдущих публикациях [1, 2]. В настоящем исследовании определим сущность стратегического регулирования и необходимость совершенствования методов оценки результативности стратегического регулирования в применении к категории «потребительский рынок».

Стратегический контроль и регулирование — процесс анализа достигнутых результатов, их соответствия установленным критериям и показателям стратегического плана, оценки возможностей корректировки ориентиров с изменением условий развития рынка. Корректировка стратегических планов и принятие стратегических управленческих решений, позволяет, используя систему количественных и качественных показателей эффективности, сблизить и тем самым реально отразить в мерах корректировки. Таким образом, следует понимать, что изменения, которые произошли на рынке и которые в силу недостатка информационного обеспечения, действия сил «неопределенности», условий хозяйствования не были учтены, а их часто и невозможно было учесть при разработке стратегических планов, можно регулировать в соответствующих стратегиях реализации плановых решений.

Необходимость и возможность регулирования принятых решений получили понимание давно, однако совсем недавно и практики, и теоретики стали говорить о том, что такие решения должны быть эффективными и результативными; в противном случае такая корректировка не имеет смысла. Измерение эффективности и результативности стратегического регулирования рынка пока не имеет четкой методологической и методической основы. Обычно в качестве показателей эффективности применяются те показатели, которые применялись и в условиях административных методов хозяйствования (ВВП, рентабельность и др.). Однако, за последние 25 лет в мировой экономике и экономике Республики Беларусь сформировались новые условия хозяйствования (инновации, цифровая экономика и др.) и факторы развития экономики (превышение предложения над спросом, индивидуализация потребления и др.), которые изменили взгляды

ученых и на сам процесс оценки принятых стратегических решений, и на методы оценки как эффективности, так и результативности.

Особенно неоднозначно проблема эффективности измерения стратегического регулирования соотносится с потребительским рынком. Как известно, с более глубоким познанием сути рыночной экономики на основе новых исследований исчезает из практического использования ряд категорий. В частности, на смену понятия потребительский рынок пришли понятия: социально-потребительский комплекс; рынок потребительских товаров и услуг [2]. К тому же для оценки рыночной ситуации применяются такие понятия, как рыночная конкуренция, рыночная власть, инновационные и информационные технологии, потребительская ценность и др. Указанные изменения не являются исчерпывающими в оценке, но их выделение свидетельствует о необходимости развития методологии, методики, методов оценки показателей, измеряющих как эффективность функционирования субъектов на потребительском рынке, так и результативность мер стратегического регулирования.

В авторском видении, следует полагать, что критерии результативности стратегического регулирования потребительского рынка, рассматриваемые с позиции сбалансированного развития внутренней и внешней среды функционирования потребительского рынка и призванные оказывать регулирующие воздействия на состояние других рынков-партнеров, контрагентов (рынок услуг, материального производства и т.п.) и их элементов разного масштаба и статуса, не корректно отождествлять с эффективностью в ее принятой в экономической науке трактовке, которая подразумевает соотношение количественно выраженного экономического эффекта и затрат (ресурсов) на его достижение.

Сущностные различия эффективности и результативности сформулированы специалистами, что позволяет характеризовать результативность как особую «критериальную» форму оценки в контексте различных исследований, в том числе и стратегического регулирования потребительского рынка. В связи с этим под результативностью понимается степень достижения заданных целей (ожидаемых результатов), количественно соизмеренных и получивших оценку в иной форме. При этом, как свидетельствует мнение ряда специалистов [3–6], поддерживаемое и автором, не является существенной ни затратная составляющая в достижении поставленной цели (это оценивается через показатели эффективности затрат), ни качественная или содержательная оценка поставленной цели, ни социальные, ни политические или иные последствия.

Критерием выступают показатели степени достижения результата: выполнен полностью, частично, на столько-то процентов, не достигнут. Следовательно, главным условием оценки стратегического регулирования потребительского рынка становится конкретная количественная или качественная оценка заданных целей.

Таким образом, результативность стратегического регулирования потребительского рынка целесообразно рассматривать, во-первых, как меру соответствия его результатов поставленной цели и, во-вторых, как степень достижения (приближения) последней. При оценке результативности по второму критерию важно максимально корректно выразить качественно-количественные параметры цели стратегического регулирования (в долгосрочном аспекте — развития, наращивания экономического потенциала потребительского рынка), а в ряде случаев — и конкретизирующих ее задач.

Для проведения оценки результативности стратегического регулирования потребительского рынка однозначно следует опираться на методологию стратегического регулирования и проектирования развития потребительского рынка с позиции единства логики и методики разработки стратегических прогнозов и планов его развития, применения специфических принципов и подходов, методов составления и обоснования оптимальных прогнозных, проектных и плановых показателей, выражающих задания стратегических программ, тактических и долгосрочных планов. Стратегическое регулиро-

вание предполагает концентрированное воздействие на уже сформированный «объект» — потребительский рынок, требующий внесения изменений в происходящий процесс его развития, совершенствование «достигнутого» состояния, направив на реализацию поставленной цели, предложив конкретные инструменты регулирования.

Другими словами, процесс стратегического регулирования должен иметь определенную логику, под которой следует понимать упорядоченную последовательность и обоснованность процедур, связанных с решением различных задач, а также определение исходного пункта для их решения [3, 4, 6–9]. Каковы же компоненты стратегического регулирования, управляя которыми оценивается его результативность?

Первым компонентом (исходным) выступает процесс формирования целей, которые ставятся перед потребительским рынком на выбранный прогнозный период. Под целями в стратегическом регулировании потребительского рынка понимаются определенные, объективно достигаемые состояния или результаты развития в определенный момент будущего. При этом цели могут быть недостижимыми в пределах проектируемого периода, но складывающие внешние и внутренние условия функционирования рынка способны стимулировать их достижение.

Анализ исходного уровня состояния объекта — вторая важная процедура процесса стратегического регулирования потребительского рынка. Результативность на данном этапе обеспеченностью производственными мощностями, товарными и трудовыми ресурсами, финансовым потенциалом и другими факторами воспроизводства, которые сложились в предшествующий период. Третьим структурным компонентом стратегического регулирования потребительского рынка выступает всестороннее изучение объема и структуры потребностей общества (населения, групп потребителей), структуры потребительского рынка, емкости и т.п. в упреждающем периоде.

Следующим важным компонентом стратегического регулирования потребительского рынка является методика регулирования и проектирования социально-экономического развития потребительского рынка. Это совокупность методов, приемов разработки, обоснования и анализа прогнозов, стратегических планов и направлений стратегического регулирования различных уровней и временных горизонтов, системы расчетов прогнозных и базовых показателей, их взаимной увязки. Следует отметить, что формирование методики регулирования и проектирования социально-экономического развития потребительского рынка предполагает постановку проблемы, обозначение временных горизонтов, обоснование системы прогнозных показателей, включая показатели оценки результативности регулирования, технологии расчетов прогнозных и базовых показателей, их взаимоувязки.

Процесс стратегического регулирования потребительского рынка (как, впрочем, и любого другого объекта) предполагает наличие соответствующих ресурсов — ресурсного потенциала (товарный, трудовой, научно-технический, экономический, социальный, духовный, внешнеэкономический). Обеспеченность ресурсами, создаваемыми в течение прогнозного периода, предопределяется объемом и структурой потребностей потенциальных покупателей, субъектов для обеспечения их нормального функционирования в перспективе. Далее переходят к согласованию ресурсов и потребностей, приведению их в оптимально сбалансированное соответствие между собой. Это заключительная стадия в логике стратегического планирования развития и регулирования потребительского рынка. Учитывая, что объем ресурсов в планируемом периоде — это всегда ограниченная величина, следует провести ранжирование потребностей по признаку наибольшей «востребованности», выделить систему приоритетов в удовлетворении потребностей. Таким образом, на основе искомого соответствия между потребностями и ресурсами можно завершить построение системы стратегического планирования развития и регулирования потребительского рынка и перейти непосредственно к оценке его состояния с позиции результативности действий.

Процесс оценки результативности стратегического регулирования потребительского рынка должен отвечать следующим требованиям:

- 1) учитывать прошлое состояние и соответствовать фазе конъюнктурного цикла потребительского рынка в настоящем;
- 2) оценка результативности должна проводиться своевременно, чтобы неравновесные процессы не вышли из-под контроля и не привели к необратимым изменениям;
- 3) должна быть налажена обратная связь, иначе могут быть приняты управленческие решения, способствующие деградации субъектов потребительского рынка;
- 4) следует учитывать и оценивать влияние мер государственной политики, направленных на субъекты потребительского рынка.

Оценка результативности является составным параметром эффективности стратегического развития и регулирования, более сложным в соизмерении и идентификации оценки достигнутых результатов, в частности относительно такого объекта, как «потребительский рынок». В методологии оценки эффективности управления весьма авторитетные ученые (М. Алле и др.) с мировым именем утверждают, что сама по себе эффективность не призвана выражать, воплощать генеральную цель социально-экономического развития [3, с. 16]. Каким должен быть подход в таком случае к оценке результативности? В едином ли контексте рассматриваются показатели оценки эффективности и результативности стратегического регулирования потребительского рынка? В условиях неопределенности, непредсказуемости внутренней и внешней среды, изменчивости хозяйственной ситуации действия закона разнообразия общими рекомендациями могут становиться только исходные, отправные базовые принципы методологии установления, оценки эффективности управленческих решений, регулирующих воздействий, сопровождаемые анализом принципиально возможных, потенциально применимых подходов [3, с. 17]. Следовательно, в оценке результативности стратегического регулирования потребительского рынка определяют специфические (присущие анализируемому объекту) индикаторы с позиции общепринятых методологических подходов оценки эффективности стратегического регулирования экономики.

Таким образом, исследование результативности тем сложнее от оценки эффективности, что результативность соизмеряется в соотношении с достижением поставленных целей, со степенью их выполнения, что в дальнейшем получает выражение в полученном социально-экономическом эффекте. Для учета динамики результативности следует рассчитывать индекс результативности стратегического регулирования потребительского рынка. Для обеспечения полноты оценки результативности целесообразно рассчитанные индексы соотнести с уровнем ресурсного потребления. Такой подход позволяет обосновать методические подходы к оценке результативности стратегического регулирования потребительского рынка, основываясь на обосновании логической последовательности аналитико-управленческих действий:

- 1) построение методики оценки результативности зависит от субъекта оценивания (в нашем рассмотрении им выступает потребительский рынок) и выбранных параметров оценки: доля рынка (абсолютная и относительная), опережающий темп роста объемов продаж; доля торговли продовольственными (промышленными) (отдельными видами) товарами в общем объеме продаж, доля занятых в каждом секторе к общему числу по всему потребительскому рынку. Для признания параметра значимым эти доли должны быть более 5 %, тогда опережающее развитие указанного сектора (вида товарного рынка и т.д.) будут влиять на всех субъектов потребительского рынка, а, значит, потребительский рынок в целом и т.д.;

- 2) постановка цели (целей) оценки результативности, которые выступают «базисом» для проведения расчетов, выявления зависимости достигнутых показателей и поставленных целей. В качестве основной цели оценки результативности стратегического регулирования потребительского рынка может быть определено «создание системы коор-

динации (регулирования) деятельности органов государственного регулирования и рыночных институтов, а в качестве задач — совершенствование системы статистического наблюдения за показателями социально-экономического развития потребительского рынка; обеспечение эффективного управления ресурсами и нормативно-правового регулирования, а также информационное обеспечение стратегии регулирования потребительского рынка и др.;

3) формирование результатов и их систематизация. Формируемые результаты будут сопоставляться с видом выбранной стратегии регулирования (от агрессивной — наступательной, до консервативной — оборонительной и т.п.), в рамках которого показатели результативности следующие: экономические и социальные результаты, показатели (результаты) территориальной дифференциации, степень влияния на продовольственную безопасность страны, оценка связей: наука — инновации — инвестиции — бизнес;

4) непосредственно оценка (анализ) результативности стратегии регулирования потребительского рынка: расчет показателей результативности в направлении ожидаемых результатов (см. таблицу);

5) формирование сводной оценки результативности стратегического регулирования потребительского рынка страны. Проводится свод полученных оценок, определяются положительные эффекты, возникающие угрозы и негативные последствия в разрезе видов результатов, указанных в таблице.

Результативность (результаты) стратегического регулирования потребительского рынка и показатели для их оценки

Вид результатов	Показатель оценивания
Экономические	Объем продаж и темпы их роста Объемы экспорта-импорта и темпы их роста Темп роста объема продаж Темп роста объема продаж инновационных товаров (продукции) Операционная прибыль Экономически добавленная стоимость Средневзвешенная стоимость капитала Доля товарного рынка и т.п.
Социальные	Численность работников (торгово-оперативных) в среднем Средняя заработная плата Фонд оплаты труда и их темпы роста Производительность труда и т.д.
Территориальная дифференциация	Структура потребительского рынка в разрезе регионов и товаров (и услуг) Динамика изменения структуры потребительского рынка Новые рынки Товарные рынки-лидеры и т.д.
Влияние на продовольственную безопасность Беларуси	Абсолютные показатели, доли и темпы роста объемов производства и продаж, занятости на предприятиях в иностранной и совместной собственности республики и ведущих регионов Объемы экспорта-импорта и темпы их роста и др.
Оценка связей: наука — инновации — инвестиции — бизнес	Численность работников, задействованных в научных исследованиях и разработках (НИР) Внутренние затраты на НИР Объем инновационной продукции Затраты на инновации Объем иностранных инвестиций Темпы роста указанных показателей

Источники: составлено автором.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

Основу методического подхода к оценке результативности стратегического регулирования потребительского рынка составляет комплексная оценка эффективности социально-экономического развития страны.

Методика оценки результативности стратегического регулирования потребительского рынка включает последовательность аналитико-практических действий по обоснованию субъекта оценивания, постановки цели (целей) оценки результативности, формированию результатов и их систематизации, проведению собственно оценки (анализа) результативности стратегии регулирования потребительского рынка и формированию сводной оценки результативности стратегического регулирования потребительского рынка.

Формирование системы показателей результативности находится в тесной связи с обоснованием целевых ориентиров. Именно от уровня достижения и степени выполнения поставленных целей по стратегическому регулированию потребительского рынка можно сделать выводы о его результативности.

Базой для сравнения выступают основные социально-экономические показатели стратегического проектирования и регулирования потребительского рынка (см. таблицу). Рекомендуемые показатели для оценки результативности стратегического регулирования рассчитываются: в абсолютном выражении; в виде долей (удельных весов) в общем объеме продаж (товарообороте) или в численности занятых, или емкости рынка и др. на начало и конец периода; темпы роста показателей и т.п.

В процессе оценки результативности стратегического регулирования потребительского рынка выявляются как положительные эффекты, так и негативные последствия реализуемой стратегии, что позволяет регулировать стратегию развития потребительского рынка, вносить изменения, корректировать направления и действия по стратегическому регулированию потребительского рынка. Например, адаптация и имитация торгово-производственных технологий новых «компонентов», восстановление или выстраивание новых межотраслевых связей, в том числе с участием предприятий в белорусской, иностранной и совместной собственности; стимулирование экспорта значительных объемов товаров, продукции, услуг; внедрение научных исследований и инноваций в новые логистические цепочки и т.д.

Достижение заданной результативности изначально осложняется действием ряда обстоятельств: субъективизм в принятии решений, ожидаемой априори высокой результативности регулирующих воздействий; неудачным инструментами реализации обозначенных воздействий; практически отсутствием реакции ключевых участников реализации программных решений на предлагаемые регулятивные импульсы, ведущие к нововведениям.

Источники

1. Владыко, А. В. Методологические аспекты формирования системы стратегического планирования / А. В. Владыко // Научн. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2017. — Вып. 10. — С. 92–99.

Vladyko, A. V. Methodological Aspects of the Formation of the Strategic Planning System / A. V. Vladiko // Sci. works / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2017. — Iss. 10. — P. 92–99.

2. Владыко, А. В. Социально-потребительский комплекс: взаимосвязи и возможности отражения в стратегическом планировании / А. В. Владыко // Науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2018. — Вып. 11. — С. 84–92.

Vladyko, A. V. Social and Consumer Complex: Interrelations and Possibilities of Reflection in Strategic Planning / A. V. Vladiko // Sci. works / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2018. — Iss. 11. — P. 84–92.

3. Лексин, В. Н. Оценка результативности программ социально-экономического развития / В. Н. Лексин, Б. Н. Порфирьев // Регион. пробл. — 2016. — № 4. — С. 81–94.

Leksin, V. N. Evaluation of the Effectiveness of the Programs of the Social and Economic Development / V. N. Leksin, B. N. Porfiriev // Regional Problems. — 2016. — № 4. — P. 81–94.

4. Райзберг, Б. А. Методология и критерии оценки эффективности государственного управления и регулирования экономики / Б. А. Райзберг // Пробл. экономики и юрид. практики. — 2017. — № 5. — С. 13–17.

Raizberg, B. A. Methodology and Criteria for Assessing the Effectiveness of Public Administration and Regulation of the Economics / B. A. Raizberg // Problems of Economics and Legal Practice. — 2017. — № 5. — P. 13–17.

5. Гаджиева, А. И. Особенности современной методологии стратегического регулирования и проектирования регионального развития [Электронный ресурс] / А. И. Гаджиева // CYBERLENINKA. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovremennoy-metodologiya-strategicheskogo-regulirovaniya-i-proektirovaniya-regionalnogo-razvitiya>. — Дата доступа: 26.11.2018.

Gadzhieva, A. I. Particularities of the Modern Methodology of Strategic Regulation and Design of Regional Development [Electronic resource] / A. I. Gadzhieva // CYBERLENINKA. — Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovremennoy-metodologiya-strategicheskogo-regulirovaniya-i-proektirovaniya-regionalnogo-razvitiya>. — Date of access: 26.11.2018.

6. Монастырный, Е. А. Оценка результативности развития инновационных регионов России / Е. А. Монастырный, В. В. Спицын // Инновации. — 2013. — № 2. — С. 44–53.

Monastyrny, E. A. Evaluation of the Effectiveness of the Development of Innovative Regions of Russia / E. A. Monastyrny, V. V. Spitsyn // Innovations. — 2013. — № 2. — P. 44–53.

7. О Методологии оценки эффективности мер государственного регулирования агропродовольственного рынка и поддержки агропромышленного комплекса [Электронный ресурс]: рекомендация Коллегии Евраз. экон. комиссии, 24 апр. 2017 г., № 11 // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/. — Дата доступа: 26.11.2018.

8. Спицын, В. В. Оценка результативности реализации стратегии догоняющего развития России / В. В. Спицын // Изв. Том. политехн. ун-та. — 2013. — Т. 323, № 6. — С. 18–24.

Spitsyn, V. V. Evaluation of the Effectiveness of the Implementation of the Strategy of the Catching up Development of Russia / V. V. Spitsyn // News of the Tomsk Polytechnic Univ. — 2013. — V. 323, № 6. — P. 18–24.

9. Мельников, Р. М. Результативность и эффективность российских финансовых институтов развития: подходы к оценке и пути повышения / Р. М. Мельников // Финансы и кредит. — 2012. — № 12(501). — С. 2–10.

Melnikov, R. M. Effectiveness of Russian Financial Development Institutions: Approaches to Evaluation and Ways to Increase / R. M. Melnikov // Finance and Credit. — 2012. — № 12(501). — P. 2–10.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018 г.

УДК 338.28:664

E. Volkova
I. Panteleyeva
MSUF (Mogilev)

MODERN TRENDS OF DEVELOPMENT OF PROCESSING INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article examines the main indicators of the organizations of the processing industry of the Republic of Belarus, the dynamics of the volume of agricultural production and food products, consumption of basic food products, the volume of shipped innovative products. The assessment of the influence of the main factors on the innovative development of processing organizations of agriculture of Mogilev region. Measures to improve the efficiency of organizations of the processing industry in the conditions of innovative development of the economy are proposed.

Keywords: dynamics; organizations; processing industry; production volume; food consumption; innovative products; factors; efficiency.

Е. В. Волкова
кандидат экономических наук, доцент
И. И. Пантелеева
МГУП (Могилев)

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье исследованы основные показатели деятельности организаций перерабатывающей промышленности Республики Беларусь, рассмотрена динамика объемов производства сельскохозяйственной продукции и пищевых продуктов, потребления основных продуктов питания, объема отгруженной инновационной продукции. Выполнена оценка влияния основных факторов на инновационное развитие перерабатывающих организаций АПК Могилевской области. Предложены мероприятия по повышению эффективности деятельности организаций перерабатывающей промышленности в условиях инновационного развития экономики.

Ключевые слова: динамика; организации; перерабатывающая промышленность; объем производства; потребление пищевых продуктов; инновационная продукция; факторы; эффективность.

На современном этапе основой обеспечения устойчивого социально-экономического развития Беларуси является рациональное использование потенциала субъектов хозяйствования, в том числе организаций перерабатывающей промышленности. Перерабатывающая промышленность является составной частью АПК, тесно связана с сельским хозяйством как поставщиком сырья и торговлей как средством сбыта готовой продукции. В этой связи представляется актуальным исследовать условия и современные тренды развития, влияющие повышение эффективности деятельности организаций перерабатывающей промышленности в условиях инновационного развития [1].

Стратегической целью развития перерабатывающей промышленности является обеспечение населения различными продуктами питания в объемах и ассортименте, достаточных для сбалансированного рациона и здорового питания.

Структура производства пищевых продуктов в Республике Беларусь за 2017 г. отражена на рис. 1.

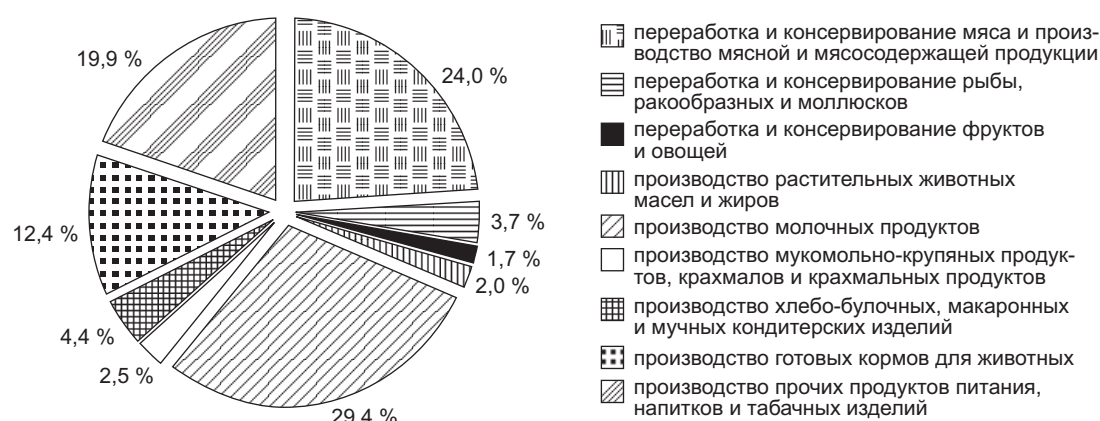

Рис. 1. Структура производства пищевых продуктов, включая напитки, и табака в Республике Беларусь, %

Источники: разработано авторами.

Данные, приведенные на рис. 1, показывают, что в 2017 г. наибольший удельный вес в структуре объема производства пищевых продуктов занимает производство молочных продуктов — 29,4 %, мяса и мясопродуктов — 24 %, производство прочих продуктов питания, напитков и табачных изделий — 19,9 %, производство готовых кормов для животных — 12,4 %, производство хлебобулочных, макаронных и мучных кондитерских изделий — 4,4 %, переработка и консервирование рыбы, ракообразных и моллюсков — 3,7 % [2].

Комплексное развитие перерабатывающей промышленности предусматривается с учетом развития основных направлений сельскохозяйственного производства (табл. 1).

Таблица 1. Динамика индексов производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий, %

Наименование	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Продукция сельского хозяйства — всего	107,5	106,0	96,0	103,1	97,5	103,3	104,1
продукция растениеводства	111,4	106,2	91,5	109,6	90,3	105,9	106,2
продукция животноводства	102,8	105,8	99,5	97,1	104,8	101,0	102,4

Источники: составлено авторами.

Динамика производства сельскохозяйственной продукции в Республике Беларусь в расчете на душу населения приведена в табл. 2.

Таблица 2. Динамика производства сельскохозяйственной продукции

Наименование	Год				Темп роста, %		
	2014	2015	2016	2017	2015 г. к 2014 г.	2016 г. к 2015 г.	2017 г. к 2016 г.
Производство продукции сельского хозяйства в расчете на душу населения, руб.:	1361	1425	1632	1900	104,7	114,5	116,4
зерно, кг	1009	912	785	842	90,4	86,1	107,2
картофель, кг	663	632	630	675	95,3	99,7	107,1
сахарная свекла, кг	507	348	450	525	68,6	129,3	116,6
овощи, кг	183	178	199	206	97,3	111,8	103,5
скот и птица (в убойном весе), кг	113	121	123	127	107,1	101,6	103,2
молоко, кг	707	743	752	771	105,1	101,2	102,5
яйца, шт.	407	395	386	375	97,0	97,7	97,1

Источники: составлено авторами.

Анализ данных, приведенных в табл. 2, показывает, что в Республике Беларусь в 2017 г. по сравнению с 2016 г. в целом производство продукции сельского хозяйства в расчете на душу населения увеличилось на 16,4 %. За данный период увеличилось производство в расчете на душу населения: зерна — на 7,2 %, сахарной свеклы — на 16,6 %, овощей — на 3,5 %, скота и птицы в убойном весе — на 3,2 %, молока — на 3,2 %.

В Беларуси перерабатывающая промышленность занимает третье место по объему выпущенной продукции в общем объеме промышленного производства. Ее удельный вес в структуре обрабатывающей промышленности в 2017 г. составил 24,6 %, что по сравнению с 2012 г. выше на 6,1 %.

За исследуемый период в перерабатывающей промышленности Республики Беларусь произошло наряду с сокращением количества организаций увеличение объема промышленного производства продукции (в 2013 г. по сравнению с 2012 г. темп роста составил 6,4 %; в 2017 г. по сравнению с 2016 г. — 11,8 %). Среднесписочная численность работников за 2012–2017 гг. уменьшилась на 11,9 тыс. чел. Прибыль от реализации продукции имеет тенденцию к снижению (в 2013 г. по сравнению с 2012 г. темп роста прибыли от реализации продукции составил 35,9 %; в 2017 г. по сравнению с 2016 г. — 3,5 %). Рентабельность продаж в 2017 г. по сравнению с 2016 г. снизилась на 0,4 %, а по сравнению с 2015 г. увеличилась на 2,3 % [2].

Динамика производства пищевых продуктов в Республике Беларусь за 2014–2017 гг. приведена в табл. 3.

Таблица 3. Динамика производства пищевых продуктов

Наименование	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп роста, % 2017 г. к 2010 г.
Мясо и субпродукты пищевые, тыс. т	947,7	1020,7	1059,4	1102,3	147,7
Из них:					
говядина, тыс. т	228,4	256,8	262,5	256,9	112,5
свинина, тыс. т	248,5	247,7	270,6	268,8	108,2
мясо птицы, тыс. т	394,7	438,5	445,9	476,5	120,7
Колбасные изделия, тыс. т	288,8	266,0	275,5	280,0	96,9
Флодоовощные консервы, тыс. т	172,5	155,8	141,6	141,1	81,8
Масла растительные, тыс. т	277,4	262,1	149,2	170,4	61,4
Маргарины и аналогичные пищевые жиры, тыс. т	22,5	21,7	16,4	17,2	76,4
Цельномолочная продукция (в пересчете на молоко), тыс. т	1935,5	1962,8	1972,3	2001,5	103,4
Масло сливочное и пасты молочные, тыс. т	106,7	113,6	117,9	120,0	112,5
Молоко и сливки сухие, тыс. т	149,3	159,6	155,9	154,0	103,1
Сыры (кроме плавленого сыра), тыс. т	168,3	180,8	191,4	193,4	114,9
Мука из зерновых, овощных и прочих растительных культур, смеси из них, тыс. т	628,9	617,4	801,6	714,3	113,6
Макаронные изделия, тыс. т	37,7	39,2	43,9	41,3	109,5
Сахар-песок, тыс. т	743,9	654,1	846,9	737,9	99,2
Соль пищевая поваренная, тыс. т	429,4	406,8	400,1	439,5	102,3

Источники: составлено авторами.

Данные, приведенные в табл. 3, показывают, что в Республике Беларусь в 2017 г. по сравнению с 2014 г. увеличился темп роста производства основных видов пищевых продуктов в натуральном выражении: мяса и субпродуктов пищевых — на 47,7 %, говядины — на 12,5 %, свинины — на 8,2 %, мяса птицы — на 20,7 %, цельномолочной продукции — на 3,4 %, масла сливочного — на 12,5 %, сыров — на 14,9 %, муки — на 13,6 %, макаронных изделий — на 9,5 %, соли пищевой поваренной — на 2,3 %.

Динамика потребления основных продуктов питания в Республике Беларусь на душу населения приведена в табл. 4.

Таблица 4. Динамика потребления основных продуктов питания в Республике Беларусь на душу населения, кг в год

Наименование	Год				Отклонение от нормы по годам, +, -				Темп роста, %
	2014	2015	2016	2017	2014	2015	2016	2017	
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо (80)	88,0	89,0	91,0	92,0	+8,0	+9,0	+11,0	+12,0	104,5
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко (393)	252,0	254,0	251,0	249,0	-141,0	-139,0	-141,0	-144,0	98,8
Яйца, штук (294)	288,0	280,0	264,0	265,0	-6,0	-14,0	-30,0	-29,0	92,0
Рыба и рыбопродукты (18,2)	15,6	13,2	12,3	12,6	-2,6	-5,0	-5,9	-5,6	80,7
Сахар (33)	42,3	42,3	38,1	36,8	+9,3	+9,3	+5,1	3,8	86,9
Растительное масло (13,2)	18,1	18,5	18,3	18,1	+4,9	+5,3	+5,1	+4,9	100,0
Овощебахчевые культуры (124)	145,0	145,0	146,0	153,0	+21,0	+21,0	+22,0	+29,0	105,5
Плоды и ягоды (78)	76,0	79,0	90,0	89,0	-2,0	+1,0	+12,0	+11,0	117,1
Картофель (170)	177,0	170,0	171,0	172,0	+7,0	—	+1,0	+2,0	97,1
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, крупа, мука) (105)	85,0	86,0	82,0	81,0	-20,0	-19,0	-23,0	-24,0	95,3

Источники: составлено авторами.

Данные, приведенные в табл. 4, показывают, что в Республике Беларусь в 2017 г. по сравнению с 2014 г. увеличился темп роста потребления мяса и мясопродуктов — на 4,5 %, овощебахчевых культур — на 5,5 %, плодов и ягод — на 17,1 %. За данный период произошло снижение потребления молочных продуктов — на 1,2 %, яиц — на 8 %, рыбы — на 19,3 %, сахара — на 13,1 %, картофеля — на 2,9 % и хлебных продуктов — на 4,7 %.

На рис. 2 представлен удельный вес областей и г. Минска в объеме промышленного производства по виду экономической деятельности «производство продуктов питания, напитков и табачных изделий» [2].

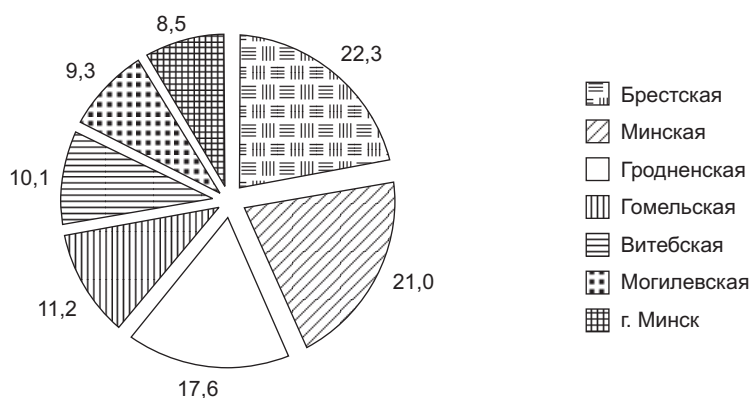

Рис. 2. Удельный вес областей и г. Минска в объеме промышленного производства по виду экономической деятельности «производство продуктов питания, напитков и табачных изделий»

Источники: разработано авторами.

Данные, приведенные на рис. 2, показывают, что удельный вес Могилевской области в структуре производства продуктов питания в Республике Беларусь в 2017 г. составил 9,3 %, что на 0,1 % больше, чем в 2016 г. (9,2 %).

В Могилевской области производством промышленной продукции занято 1200 предприятий с общей численностью работающих более 100 тыс. человек (30 % общей численности занятых в экономике области). В структуре промышленности почти 90 % занимает обрабатывающая промышленность, которая формирует более четверти валового регионального продукта. Основными ее отраслями являются производство пищевых продуктов, производство резиновых и пластмассовых изделий и химическое производство. В последние годы наблюдается положительная динамика развития промышленности. По итогам 2016 г. темп роста промышленности в сопоставимой оценке составил 101,3 %, по итогам 2017 г. — 105,7 %. Рост выручки от реализации продукции в 2017 г. по сравнению с 2016 г. составил 110,1 % [2].

Удельный вес перерабатывающих организаций АПК Могилевской области в общем объеме производства продуктов питания Республики Беларусь представлен в табл. 5.

Таблица 5. Удельный вес перерабатывающих организаций АПК Могилевской области в общем объеме производства продуктов питания, %

Наименование продукции	Год						2017 г. от 2012 г., +, - п. п.
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Мясо и пищевые субпродукты	10,2	10,5	11,6	12,3	12,2	11,6	+1,4
Колбасные изделия	11,6	10,8	9,9	9,7	8,6	8,0	-3,6
Цельномолочная продукция	11,4	10,4	11,8	12,1	11,9	14,3	+2,9
Сыр (кроме плавленого)	10,3	10,6	5,5	5,8	7,7	6,2	-4,1
Мука	11,7	12,1	9,0	9,3	11,6	15,1	+3,4

Источники: составлено авторами.

Данные табл. 5 показывают, что удельный вес перерабатывающих организаций АПК Могилевской области в общей структуре производства основных продуктов питания в 2017 г. составил: мяса и пищевых субпродуктов — 11,6 %, что по сравнению с 2012 г. выше на 1,4 %; цельномолочной продукции — 14,3 %, что по сравнению с 2012 г. выше на 2,9 % и муки — 15,1 %, что по сравнению с 2012 г. выше на 3,4 %.

Объем отгруженной инновационной продукции перерабатывающих организаций АПК Могилевской области приведен на рис. 3.

Данные, приведенные на рис. 3, показывают, что в динамике за 2013–2017 гг. увеличился удельный вес объема отгруженной инновационной продукции перерабатывающими организациями АПК на 9,24 % [2].

Выполним оценку влияния основных факторов на инновационное развитие перерабатывающих организаций АПК Могилевской области. Выбран результативный показатель — объем отгруженной инновационной продукции (Y) и определены факторы, влияющие на его изменение: затраты на технологические инновации (X_1) и количество организаций, осуществляющих технологические инновации (X_2) (табл. 6).

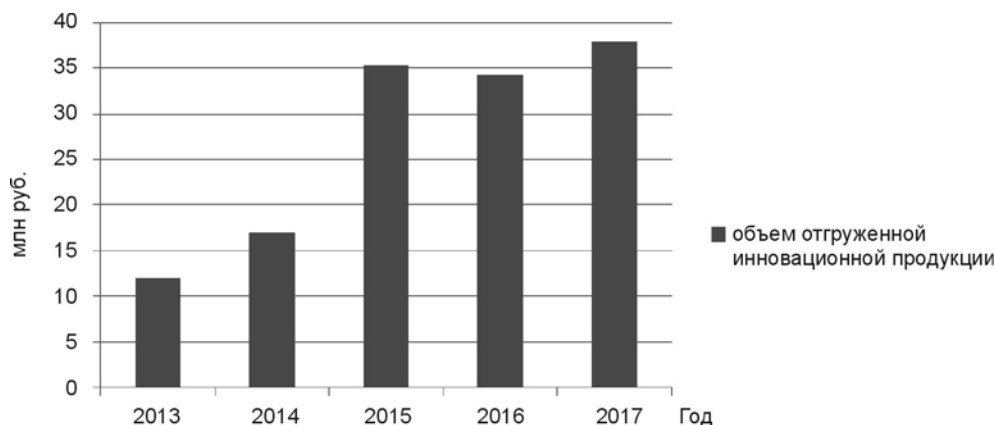

Рис. 3. Динамика объема отгруженной инновационной продукции перерабатывающих организаций АПК Могилевской области

Источники: разработано авторами.

Таблица 6. Исходные данные для проведения корреляционно-регрессионного анализа

Год	Объем отгруженной инновационной продукции, млн руб. (Y)	Затраты на технологические инновации, млн руб. (X_1)	Количество организаций, осуществляющих технологические инновации, ед. (X_2)
2013	12,0	0,3	3
2014	17,0	0,8	6
2015	35,4	2,23	5
2016	34,25	2,16	3
2017	37,9	0,5	1

Источники: составлено авторами.

Получено уравнение линейной регрессии, которое отражает взаимосвязь объема отгруженной инновационной продукции (Y), затрат на технологические инновации (X_1) и количества организаций, осуществляющих технологические инновации (X_2), которое имеет следующий вид:

$$Y = 29,55 + 9,9X_1 - 3,8X_2. \quad (1)$$

Выполненные расчеты свидетельствуют о том, что увеличение затрат на технологические инновации на 1 млн руб. в среднем приводит к росту объема отгруженной инновационной продукции перерабатывающих организаций АПК Могилевской области на 9,9 млн руб.

Коэффициент множественной корреляции равен $R = 0,83$, что свидетельствует о высокой связи между выбранными факторными признаками и объемом отгруженной инновационной продукции.

Рассчитаем прогнозное значение объема отгруженной инновационной продукции перерабатывающих организаций АПК Могилевской области на среднесрочную перспективу (рис. 4).

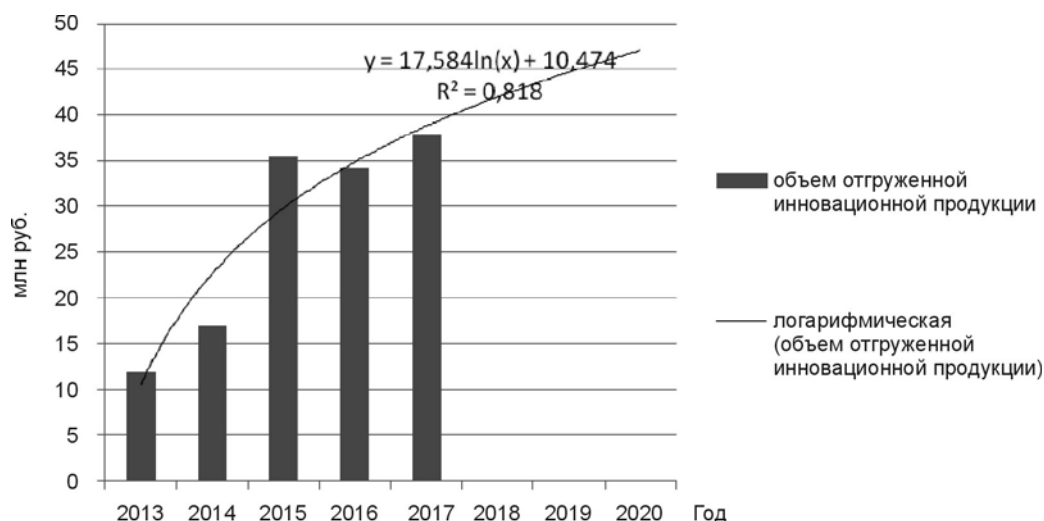

Рис. 4. Прогноз объема отгруженной инновационной продукции перерабатывающих организаций АПК Могилевской области

Источник: разработано авторами.

С помощью полученного уравнения кривой роста выполним прогноз объем отгруженной инновационной продукции перерабатывающих организаций АПК Могилевской области (табл. 7).

Таблица 7. Прогноз объема отгруженной инновационной продукции перерабатывающих организаций АПК Могилевской области

Наименование	Прогнозное значение			Темп роста, %
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	
Объем отгруженной инновационной продукции	42,1	44,8	46,5	122,7

Источник: составлено авторами.

Выполненные расчеты показывают устойчивый рост объема отгруженной инновационной продукции перерабатывающих организаций АПК Могилевской области на среднесрочную перспективу.

В целом, величина добавленной стоимости организаций перерабатывающей промышленности зависит от следующих факторов: уровня закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию (доля затрат на сырье и материалы в себестоимости конечной продукции перерабатывающих организаций составляет 70–80 %); социальной политики государства в сфере продовольственного обеспечения, требующей ограничения роста конечных потребительских цен на пищевые продукты; конъюнктуры внешнего продовольственного рынка, позволяющей компенсировать убытки во внутренней торговле за счет экспорта продукции; инвестиций в индустриализацию производства и продукто-вые инновации, способствующие росту конкурентоспособности продукции.

Таким образом, проведенные исследования свидетельствуют о том, что организации перерабатывающей промышленности Республики Беларусь, задействовав экономические механизмы управления, могут повысить эффективность деятельности за счет роста объема отгруженной инновационной продукции и обеспечить их экспортную направ-

ленность. Экспортный потенциал организаций перерабатывающей промышленности — это способность экономической системы производить продукцию, технологию и услуги, конкурентоспособные на мировом рынке при достигнутом уровне развития ресурсов, производительных сил, науки, сервисно-бытовой инфраструктуры и системы валютно-финансовой поддержки экспорта.

Источники

1. Волкова, Е. В. Развитие экономического потенциала организаций перерабатывающей промышленности: теоретико-методологические аспекты / Е. В. Волкова. — Могилев : Ред.-издат. отдел МГУП, 2016. — 199 с.

Volkova, E. V. Development of economic potential of processing industry organizations: theoretical and methodological aspects / E. V. Volkova. — Mogilev : Editorial and publ. department of MGUP, 2016. — 199 p.

2. Промышленность Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Минск, 2017. — 268 с.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018 г.

УДК 338.48+336.02

E. Volontsevich
BSEU (Minsk)

THE CREATION OF A FAVOURABLE BUSINESS AND INVESTMENT CLIMATE IN TOURISM SPHERE

The article discusses some trends in the development of tourism in the Republic of Belarus. The main task is the need to stimulate domestic and inbound tourism. Investing in tourism should be carried out in compliance with the principles of public-private partnership. This will allow combining measures of tax and non-tax regulation, a comprehensive approach to the development of areas that are promising for tourism. A number of measures have been proposed that, in the opinion of the author, can substantially solve the task.

Keywords: domestic and inbound tourism; tourism promotion; entrepreneurial activity; business climate; integrated development of territories; tourism infrastructure; investment promotion; tax incentives.

Е. Ф. Волонцевич
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ФОРМИРОВАНИЕ БЛАГОПРИЯТНОГО ДЕЛОВОГО И ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА В СФЕРЕ ТУРИЗМА

В статье рассмотрены некоторые тенденции, складывающиеся в развитии туризма в Республике Беларусь в контексте необходимости стимулирования внутреннего и въездного туризма. Инвестирование в сферу туризма должно осуществляться с соблюдением принципов государственно-частного партнерства, позволяющего сочетать меры налогового и неналогового регулирования, комплексно подойти к развитию перспективных для туризма территорий. Предложен ряд мер, способных, по мнению автора, решить поставленную задачу.

Ключевые слова: внутренний и въездной туризм; стимулирование туризма; предпринимательская активность; деловой климат; комплексное развитие территорий; инфраструктура туризма; стимулирование инвестиций; налоговое стимулирование.

Туристический бизнес во всем мире является одной из самых быстрорастущих сфер. Согласно данным, изложенным в Барометре международного туризма UNWTO, 2017 г. не просто подтвердил наметившуюся тенденцию к устойчивому росту после кризиса 2009 г., но этот рост можно назвать рекордным. Причем на первое место по годовым темпам впервые за 10 лет вырвалась Европа (8,4 % против 2,9 % за 2005–2016 гг.). Аналогичными темпами росли и доходы от туризма. Сохранение роста предполагается и в 2018 г., хотя возможны региональные и страновые отклонения. «Полученные результаты были отчасти обусловлены глобальным экономическим подъемом и устойчивым исходящим спросом со стороны многих традиционных и формирующихся рынков, а также особенно резким увеличением расходов на туризм в Бразилии и России после нескольких лет снижения этих трат», — отмечается в исследовании UNWTO [1].

В Беларуси туризм также рассматривается как один из важнейших источников дохода и развития национальной экономики, хотя пока использовать его в полной мере не удается. Реализация туристического потенциала сдерживается рядом проблем: основная и дополнительная инфраструктура, кадры, маркетинг, предпринимательская среда, несовершенство нормативной базы и государственного регулирования и пр. В последние годы предпринимаются значительные шаги по их решению, но рассчитывать на реальную долю увеличивающихся мировых и региональных туристических расходов можно только при очень активных и быстрых действиях.

Важное значение в достижении стратегических целей развития туризма принадлежит механизмам развития предпринимательства и стимулирования инвестиционной и деловой активности. Не следует забывать, что сфера туризма является лидером по размеру мультипликативного эффекта на экономику, что усиливает значимость инвестиций в нее. В то же время туризм является общественно и социально значимым проектом, делая его зачастую не самым привлекательным для бизнеса. По имеющимся оценкам: «В Беларуси к реализации проектов, важных для социально-экономического развития страны, частный сектор практически не привлекается, и ограниченные возможности бюджета сдерживают их реализацию государством. ... Привлечение частных инвестиций в большинство общественно значимых проектов требует государственной поддержки, а согласование разнонаправленных интересов инвестора, общества и государства — формирования эффективной системы государственно-частного партнерства.» [2, с. 4].

В работах отечественных и зарубежных авторов проблема развития туризма исследована неоднократно [3–7]. В тоже время вопросы создания эффективного экономического и инвестиционного механизма, согласования частных и общественных интересов в данной сфере рассматривается косвенно. Поэтому в нынешних условиях разработка адекватных и действенных мер по активизации инвестиционной и деловой активности в сфере туризма представляется задачей весьма важной.

На предыдущих этапах формирования механизмов развития сферы туризма в Беларуси основными задачами, отраженными в программных документах [8], были определение правовой базы, норм административного регулирования, выработка и апробация некоторых экономических мер, направленных на развитие отдельных видов и форм туризма, территорий, восстановление и создание новых элементов инфраструктуры туризма. В настоящее время законодательством Республики Беларусь предусмотрены налоговые преференции в сфере внутреннего и въездного туризма [9]:

- освобождение от налога на добавленную стоимость оборотов по реализации туристических услуг гидов-переводчиков, экскурсоводов, оказываемых в пределах Республики Беларусь, по организации путешествий и экскурсионного обслуживания по территории страны;
- налоговые льготы, в том числе по налогу на прибыль, налогу на недвижимость, налогу на добавленную стоимость для резидентов туристско-рекреационного парка «Августовский канал»;

- особый режим налогообложения для сельскохозяйственных организаций и физических лиц, оказывающих услуги в сфере агротуризма (ставка сбора за осуществление деятельности составляет одну базовую величину в год при уведомительном принципе деятельности).

Развитию инфраструктуры туризма, стимулированию предпринимательской активности способствуют:

- налоговые льготы для вновь создаваемых объектов придорожного сервиса в части земельного налога, а для плательщиков-индивидуальных предпринимателей также в части подоходного налога;

- установление на период до 2022 г. освобождения от ряда налогов, включая налог на добавленную стоимость, на недвижимость, земельный налог, а также уменьшенной ставки налога на прибыль или подоходного налога для субъектов хозяйствования и индивидуальных предпринимателей в торговле, общественном питании и оказании бытовых услуг на территории сельской местности и малых городских поселений;

- возможность льготного кредитования банками организаций и индивидуальных предпринимателей для строительства и (или) реконструкции объектов придорожного сервиса и инженерной инфраструктуры к ним на срок до пяти лет, а также субъектов агротуризма на срок до семи лет.

Значительная часть субъектов туризма и туристической индустрии (в первую очередь турагентств, объектов питания) является субъектами малого и среднего предпринимательства и активно применяет особые режимы налогообложения (упрощенная система или уплата налогов в фиксированных суммах), что позволяет не только уменьшить налоговые выплаты, но и упростить порядок их расчета и механизм взимания, осуществив выбор наиболее привлекательной системы налогообложения.

На повышение привлекательности внутреннего туризма для покупателей услуг направлено наличие некоторых льгот по налогообложению доходов граждан, получаемых из средств внебюджетных фондов и средств организаций (предприятий) при их направлении на оплату услуг санаторно-курортных и оздоровительных организаций, особенно для детей и отдельных категорий социально незащищенных граждан.

С учетом достигнутого уровня развития экономики страны и сферы туризма, накопленного опыта экономического регулирования основными задачами государства являются оказание поддержки развитию преимущественных видов и форм туризма, туристско-рекреационных парков, центров туризма с учетом приоритетности развития территорий и вовлечение в этот процесс организаций, предприятий, иных субъектов малого и среднего предпринимательства. Для решения этих задач, на взгляд автора, следует:

- стимулировать и поощрять отдых внутри страны;
- разрабатывать механизмы снижения стоимости услуг в сфере туризма;
- стимулировать инвестиционную активность в развитие инфраструктуры туризма с учетом принципов устойчивого развития территорий и высокой эффективности использования инфраструктуры.

Первоочередным в этом ряду представляется повышение привлекательности внутреннего туризма для граждан, для чего следует рассмотреть возможность применения налогового вычета по подоходному налогу ко все видам услуг, оказанным организациями туризма и туристической индустрии, гражданам Республики Беларусь, при совершении турпоездки внутри страны. Перечень таких услуг может быть сформирован аналогично льготам, установленным для освобождения от налога на добавленную стоимость оборотов по реализации туристических услуг гидов-переводчиков, экскурсоводов, оказываемых в пределах Республики Беларусь, по организации путешествий и экскурсионного обслуживания по территории страны.

Как частный случай этой меры можно рассматривать распространение налогового вычета по подоходному налогу на оздоровительные услуги, оказанные не только сана-

торно-курортными и оздоровительными организациями, но и прочими субъектами сферы туризма, за счет доходов самих граждан. При этом перечень самих оздоровительных услуг следует расширить и пересмотреть с учетом современных концептуальных взглядов и трактовок, возможности их оказания конкретными типами субъектов. Дополнительным эффектом от данного шага станет мотивация граждан к осмыслению целостной концепции физического и духовного здоровья, переход от медицинско-лечебного подхода к оздоровлению и превентивному.

Дальнейшее снижение стоимости услуг в сфере туризма должно осуществляться за счет внедрения инновационных технологий во все отрасли и виды деятельности. Это требует инвестиционной активности, чему несомненно будут способствовать меры, планируемые к внедрению в налоговом законодательстве в 2019 г.: стимулирование реинвестирования прибыли в форме уменьшения или освобождения от налогообложения дивидендов, возможность применения имущественных налоговых вычетов на часть стоимости проведенной реконструкции, модернизации, реставрации (за исключением зданий гостиниц, не являющихся объектами придорожного сервиса) [10].

В то же время, учитывая проблему неразвитости инфраструктуры именно в городах и с учетом перспективности развития проектов городского туризма во всем мире [11], для повышения привлекательности регионов для туризма, обеспечения качественных услуг размещения следует распространить применение данного вычета на здания гостиниц, отреставрированные, модернизированные, реконструированные в населенных пунктах, кроме г.Минска, областных центров и городов областного подчинения.

Принимая во внимание необходимость выполнения бюджетных планов, недопустимость уменьшения налоговых поступлений, мерой, направленной на повышение привлекательности услуг размещения при их сохранении, должно стать смещение налогов, уплачиваемых субъектами хозяйствования, оказывающими данные услуги, с базовых на мотивационные. В частности, следует рассмотреть возможность уменьшения налога на добавленную стоимость объектов размещения при одновременном введении прямого местного туристического налога (по аналогии с существующим курортным сбором). Для примера, налог на добавленную стоимость средств размещения в государствах постсоветского пространства и у ближайших соседей составляет не более 12 %. Целевой характер, возможность использования поступлений на местах при непосредственном участии местных сообществ в определении направлений использования не только позволит улучшить качество инфраструктуры туризма в регионах, направить средства на реновацию территорий, создание универсальной среды, но и повысят доверие со стороны местных сообществ к субъектам хозяйствования сферы туризма, гостеприимность по отношению к туристам.

По-прежнему велико значение государственного финансирования приоритетных проектов при необходимости повышения эффективности использования финансовых ресурсов. Формирование современной рыночной модели развития туризма предполагает повышение эффективности действующей системы управления и финансирования. При этом особое значение приобретает проблема совершенствования управления всеми видами деятельности, свойственными туризму и составляющими его сферу, в регионах, располагающих богатым ресурсным потенциалом. Акцент стратегического планирования и регулирования смещается в сторону стимулирования предпринимательских инициатив регионов, определения мест расположения туристских кластеров, а также отбора реализуемых в них инвестиционных проектов.

Одним из механизмов финансирования инфраструктурных проектов в туристско-рекреационных парках, кластерах, центрах туризма должно стать активное привлечение частных инвестиций на принципах государственно-частного партнерства, в первую очередь в создание и развитие объектов основной туристической инфраструктуры при сохранении финансирования государства в реализацию проектов по развитию

инженерно-транспортной и социальной инфраструктуры, подготовку кадров, продвижение национальных и региональных брендов на международной арене.

Этому может способствовать введение «Паспорта туристического инвестпроекта», выдаваемого объектам, включенным в Перспективный план развития туристической зоны, территории и т.д. при соответствии видов оказываемых им услуг перспективной потребности. Наличие такого документа наряду с установленными и распространяющимися на субъект хозяйствования мерами стимулирования инвестиционной активности позволит также получать субсидии на благоустройство территорий, закупку инновационных видов оборудования, участие в выставках национального и международного уровня.

Однако неконтролируемое строительство объектов инфраструктуры туризма (особенно мини-отелей и гостевых домов) способно не только перегрузить коммунальную инфраструктуру, но привести к утрате исторического облика местности, снижению его привлекательности для туристов. Поэтому наряду с мерами по стимулированию предпринимательской инициативы необходимо перейти к тщательному стратегическому планированию, учету имеющихся возможностей и перспектив в градостроительной политике, регулировать уровень качества услуг и при необходимости нормировать объем туристического потока для обеспечения комфортных условий жизни местного населения, отдыха туристов и соблюдения норм рекреационной нагрузки на природные территории.

С учетом сказанного выше принципами экономического развития сферы туризма в Беларуси должны стать:

- использование комплексного подхода к развитию туризма и туристической индустрии;
- интеграция планов развития туризма во все сферы экономики и социальной жизни общества (образование, здравоохранение, социальное обеспечение, культура, искусство, наука, промышленность, сфера услуг);
- инновационный характер развития видов экономической деятельности, характерных для туризма;
- сбалансированность интересов всех участников процесса развития туризма (потребители, бизнес, некоммерческие организации, органы государственного управления, местные жители и пр.).

Низкая инвестиционная и туристическая привлекательность территорий многих районов и областей Беларуси связана с тем, что они сегодня либо вообще не имеют стратегической концепции развития туризма, либо их стратегии характеризуются неглубоким уровнем проработки. Местные администрации и бизнес стихийно осваивают территории, предназначенные для развития туристической деятельности. Во многих случаях отсутствуют стратегия, технико-экономическое обоснование, целостный и профессионально разработанный план, позволяющий инвесторам оценить привлекательность и риски инвестиций в территорию.

В целях координации усилий всех заинтересованных участников сферы туризма с учетом всех свойственных видов деятельности, повышения качества услуг и конкурентоспособности турпродукта необходимо разработать и внедрить план мероприятий по созданию благоприятных условий для развития конкуренции в сфере туризма. Такой план должен быть согласован с республиканскими и местными программами, а также учитывать уже накопленный опыт.

Источники

1. 2017 International Tourism Results: the highest in seven years [Electronic resource] // UNWTO — World Tourism Organization. — Mode of access: <http://media.unwto.org/press-release/2018-01-15/2017-international-tourism-results-highest-seven-years>. — Date of access: 30.06.2018.

2. *Матвеев, Д. Г.* Особенности и приоритеты государственной поддержки экономики Беларуси на современном этапе / Д. Г. Матвеев // Белорус. экон. журн. — 2014. — № 3. — С. 29–44.
- Matveev, D. G.* Osobennosti i priority gosudarstvennoy podderzhki ekonomiki Belarusi na so-vremennom etape / D. G. Matveev // Belorus. ekon. zhurn. — 2014. — № 3. — S. 29–44.
3. *Траскевич, А. Г.* Конкурентоспособность санаторно-курортного сегмента туристической индустрии : монография / А. Г. Траскевич. — Минск : Четыре четверти, 2015. — 394 с.
- Traskevich, A. G.* Konkurentosposobnost' sanatorno-kurortnogo segmenta turisticheckoy in-dustrii : monografiya / A. G. Traskevich. — Minsk : Chetyre chetverti, 2015. — 394 s.
4. *Тарасенок, А. И.* Геоэкономический механизм обеспечения конкурентоспособности турист-ской дестинации (на примере Республики Беларусь) : монография / А. И. Тарасенок. — Минск : БГЭУ, 2016. — 199 с.
- Tarasenok, A. I.* Geoekonomicheskij mekhanizm obespecheniya konkurentosposobnosti turist-skoy destinatsii (na primere Respubliki Belarus') : monografiya / A. I. Tarasenok. — Minsk : BGEU, 2016. — 199 s.
5. *Волонцевич, Е. Ф.* Беларусь гостеприимная / Е. Ф. Волонцевич // Финансы, учет, аудит. — 2016. — № 11. — С. 49–52.
- Volontsevich, E. F.* Belarus' gostepriimnaya / E. F. Volontsevich // Finansy, uchet, audit. — 2016. — № 11. — S. 49–52.
6. *Волонцевич, Е. Ф.* Какую оценку можно поставить гостиничной отрасли / Е. Ф. Волонце-вич // Финансы, учет, аудит. — 2017. — № 11. — С. 51–54.
- Volontsevich, E. F.* Kakuyu otsenku mozno postavit' gostinichnoy otrasli / E. F. Volontse- vich // Finansy, uchet, audit. — 2017. — № 11. — S. 51–54.
7. Конкурентоспособность туристского комплекса Республики Беларусь: современные тенден-ции и вызовы : монография / Е. Г. Киреенко [и др.] ; под общ. ред. Е. Г. Киреенко, Д. Г. Решетни-кова. — Минск : Ковчег, 2018. — 400 с.
- Konkurentosposobnost' turistskogo kompleksa Respubliki Belarus': sovremennye tendentsii i vyzovy : monografiya / E. G. Kireenko [i dr.] ; pod obshch. red. E. G. Kireenko, D. G. Reshetnikova. — Minsk : Kovcheg, 2018. — 400 s.*
8. Государственная программа «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 232 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 31.08.2017 № 665 // Министерство спорта и туризма Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.mst.by/ru/programma-razvitiya-tu-rizma-ru>. — Дата доступа: 30.06.2018.
9. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь (Налоговый кодекс) [Электронный ресурс] : проект Закона Респ. Беларусь // Министерство финансов Респуб-лики Беларусь. — Режим доступа: http://www.minfin.gov.by/upload/np/proekt/proekt_17102018.pdf. — Дата доступа: 10.11.2018.
10. Онлайн-конференция «Проект изменений в Налоговый кодекс. Результаты работы меж-ведомственной рабочей группы» [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — Режим доступа: http://www.belta.by/onlineconference/view/proekt-izmenenij-v-nalogovyj-kodeks-rezultaty-raboty-mezhvedom-stvennoj-rabochej-gruppy-1056/#go_to_up. — Дата доступа: 10.11.2018.
11. *Волонцевич, Е. Ф.* Дифференцированный подход к определению перспективных направле-ний туризма в городах Беларуси / Е. Ф. Волонцевич // Современные тенденции развития между-народного туризма в мире и Республике Беларусь в условиях глобализации : материалы между-нар. науч.-практ. конф., Минск, 12 окт. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск, 2018. — С. 23–27.
- Volontsevich, E. F.* Differentsirovanny podkhod k opredeleniyu perspektivnykh napravleniy turizma v gorodakh Belarusi / E. F. Volontsevich // Sovremennye tendentsii razvitiya mezhdu-narodnogo turizma v mire i Respublike Belarus' v usloviyakh globalizatsii : materialy mezhdu-nar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 12 okt. 2018 g. / Belorus. gos. un-t ; redkol.: V. G. Shadurskiy [i dr.]. — Minsk, 2018. — S. 23–27.

Статья поступила в редакцию 10.11.2018 г.

E. Garashchenko
BSEU (Minsk)

THE SYSTEM OF EU FOREIGN TRADE REGULATION: EVOLUTION, FEATURES OF THE FORMATION AND INTERACTION OF THE PARTICIPATING COUNTRIES

The article discusses the main stages of education, the formation and formation of a single system of foreign trade regulation of the European Union. The author identifies the main regulatory instruments, identifies contradictions and development trends of the participating countries. The proposed methodology, the assessment of the interaction of the country in the global economy, which can be applicable to integration associations.

Keywords: foreign trade regulation; economic integration; European Union; customs tariff; trade; export; import.

Е. А. Гаращенко
БГЭУ (Минск)

СИСТЕМА ВНЕШНЕТОРГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЕС: ЭВОЛЮЦИЯ, ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТРАН-УЧАСТНИЦ

В статье рассматриваются основные этапы образования, становления и формирования единой системы внешнеторгового регулирования Европейского союза. Автор определяют основные инструменты регулирования, выявляются противоречия и тенденции развития стран-участниц. Предлагается методика оценки взаимодействия страны в мировой экономике, которая может быть применима и для интеграционных объединений.

Ключевые слова: внешнеторговое регулирование; экономическая интеграция; Европейский союз; таможенный тариф; торговля; экспорт; импорт.

Европейский союз (ЕС) с единым внутренним рынком остается иллюстрацией множества теоретических моделей, а в ряде случаев и поводом для их появления. Эти модели, а также опыт их практического применения в настоящее время актуальны в связи с функционированием и расширением экономического пространства евразийской интеграции.

Теоретики интеграции предложили множество схем классификации форм международной экономической интеграции. Наибольшее распространение на Западе получила схема Б. Балаши, (в дальнейшем она была взята при использовании российскими учеными в советский, а затем и в постсоветский период) в его широко известной работе «Теория экономической интеграции». Так, выделяют следующие основные этапы становления интеграционного объединения: преференциальное соглашение, зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический/валютный союз, политический союз.

В ходе выполненных теоретических исследований выявлено, что при определении основных форм интеграции, предложенных не только Б.Балаши, но и Г. Кремером, М. Аллэ, ученые выделяют на всех стадиях интеграции основной признак, характеризующий определенный этап, — «устранение дискриминации». Учитывая эклектическую природу экономической теории, под термином «дискриминации» понимались различные ограничения торгового, фискального, валютного характера [1].

Становление и формирование единой европейской системы регулирования можно проанализировать, обосновав и выделив основные этапы развития:

- становление основ европейской интеграции с формированием общего таможенного тарифа (1950–1960 гг.);
- географическое расширение, устранение тарифных и нетарифных ограничений (1970–1980 гг.);
- формирование институциональных основ регулирования (1990–2003 гг.);
- единый (2002–2010 гг.);
- современный (2011 — настоящее время).

Период 1950–1960 гг. характеризуется началом функционирования Европейского сообщества и формированием условия для единой таможенной системы, основанной на единстве требований к ввозимым товарам и возможности их беспрепятственного перемещения в рамках Сообщества. Однако при этом сохранялись и национальные особенности. Инструментом реализации: единый внешний таможенный тариф (1968 г.). Недостатком данного метода явился факт отсутствия единой гармонизированной системы между странами и различных типов трактовки некоторых товарных групп.

Период 1970–1980 гг. характеризуется формированием единого рынка. Инструменты реализации: соглашения и двусторонние обязательства, полное устранение тарифных и нетарифных ограничений во взаимной торговле. Основной принцип реализации: взаимное признание, в основу которого был утвержден принцип происхождения товара во взаимной торговле [2].

Внешнеторговая стратегия и регулирование ЕС придерживались многоцелевого подхода, сочетая двустороннюю, региональную и многостороннюю политику. Данные приоритеты включали укрепление экономических связей с соседними странами путем заключения соглашений об ассоциации нового поколения со странами Средиземноморского бассейна и стратегии присоединения к странам Центральной и Восточной Европы, странам Балтии с одновременным выполнением международных обязательств.

Внешняя торговля стран ЕС в динамике за период 1960–1990 гг. с учетом присоединяющихся стран представлена на рис. 1.

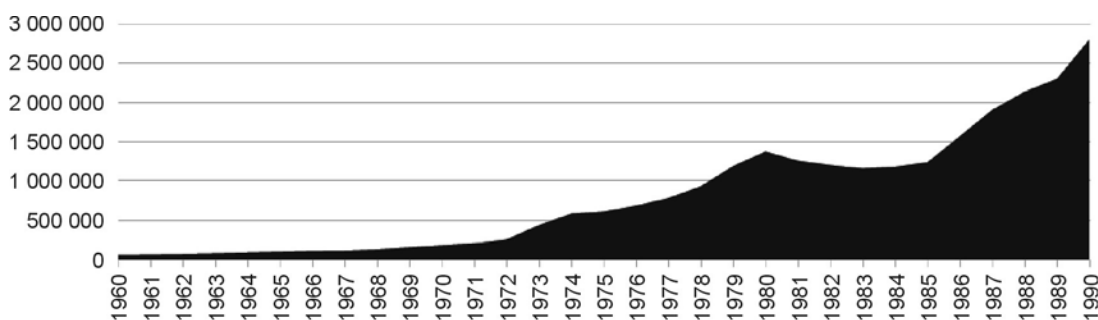

Рис. 1. Внешнеторговый оборот стран ЕС, 1960–1990 гг.

Источники: разработано автором на основе данных ВТО, ЮНКТАД.

Аналитические данные свидетельствуют о том, что в периоды присоединения новых стран-участников союза увеличивается и совокупный внешнеторговый оборот: 1973 г. (Ирландия, Великобритания, Дания), 1986 г. (Португалия, Испания). Несмотря на некоторое снижение данного показателя в 1981 г. (Греция), можно утверждать, что за период 1960–1990 гг. внешнеторговый оборот стран ЕС увеличился более чем в 45 раз

и составил в 1990 г. 2 811 043 млн дол. США, увеличившись по составу участников с 6 стран до 12.

Удельный вес стран ЕС в мировой торговле с учетом вступивших на определенных этапах новых участников представлен на рис. 2.

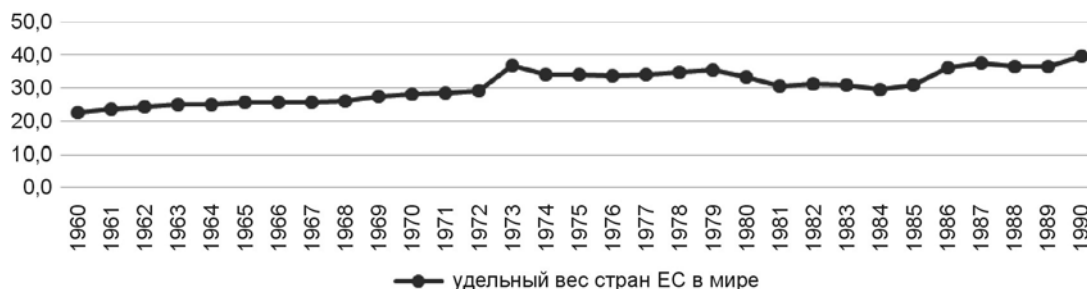

Рис. 2. Удельный вес стран ЕС в международной торговле, 1970–1990 гг., %

Источники: разработано автором на основе данных ВТО, ЮНКТАД.

Анализ данных свидетельствует, что удельный вес стран Европейского союза в международной торговле за рассматриваемый период увеличился с 23 до почти 40 %.

Несмотря на достаточно стремительное увеличение совокупного внешнеторгового оборота стран ЕС, удельный вес в международной торговле за рассматриваемый период имеет как положительную, так и отрицательную динамику. Снижение общего удельного веса стран ЕС в международной торговле приходится на периоды расширения интеграционного объединения 1973–1974 гг. (Ирландия, Дания, Великобритания), 1981 г. (Греция), 1987 г. (Португалия, Испания), что может свидетельствовать об отрицательных статических эффектах интеграции.

Период 1990–2003 гг. характеризуется следующими тенденциями в торговой политике [3]:

- значительный удельный вес ЕС в международной торговле;
- расширение ЕС (Австрия, Финляндия, Швеция);
- согласованная внутриинтеграционная политика не только на макроуровне, но и на мезоуровне;
- расширяющаяся сеть свободной торговли (подписание некоторых региональных торговых соглашений);
- активное участие в либерализации многосторонней системы регулирования;
- меры по гармонизации стандартов и технических требований на Едином рынке отражены на международном уровне путем заключения соглашений о взаимном признании с основными торговыми партнерами ЕС;
- появление эмбарго к товарным потокам таких стран, как Ливия, Ирак, Афганистан, Босния, Герцеговина, Союзная Республика Югославия.

Функционирование в условиях обозначенных тенденций предопределили необходимость формирования институтов ВТО для руководства формирующейся многосторонней торговой системы в условиях наступающих расширений по преференциям [4].

Характерной особенностью данного периода можно отметить появление региональных торговых соглашений, основанных на более ранних соглашениях о свободной торговле (Норвегия, Лихтенштейн, Исландия). Позволили данным странам участвовать в общей торговле товарами и услугами стран ЕС. Страны Европы характеризовались проведением тесной интеграции посредством ступенчатой взаимной либерализации в соот-

ветствии с принятыми европейскими соглашениями, подписание документов по средиземноморским странам (одно из крупнейших — Соглашение с Турцией, 1995 г.).

Разработанная в 1990-е гг. общая система преференций (ОСП) странами ЕС применялась по отношению к более чем 150 странам и территориям и охватывала весь промышленный сектор согласно гармонизированной системе кодирования товаров с делением товарных групп на четыре категории:

- «очень чувствительные» товары (текстиль, одежда) с уровнем тарифного обложения 85 % единой пошлины ЕС;
- «чувствительные» (обувь, электроника, автотранспортные средства) — 70 % единой пошлины ЕС;
- «получувствительные» — 35 % тарифа;
- «нечувствительные» товары со ставкой обложения 5 до 10 % единого европейского тарифа.

Как и для других участников Уругвайского раунда, страны ЕС приняли обязательства в соответствии с Соглашением ВТО по сельскому хозяйству: перевод в тарифный эквивалент всех нетарифных и иных ограничений и сокращением уровня тарифного обложения на 36 % в среднем всех товарных позиций в переходный период 1995–2002 гг. Предполагалось найти такой компромисс по тарифным ограничениям, чтобы импорт ЕС составлял не менее 3 % внутреннего потребления каждой группы продуктов, увеличившись до 5 % к концу переходного периода (2001 г.). Среднее значение тарифа ЕС представлено на рис. 3.

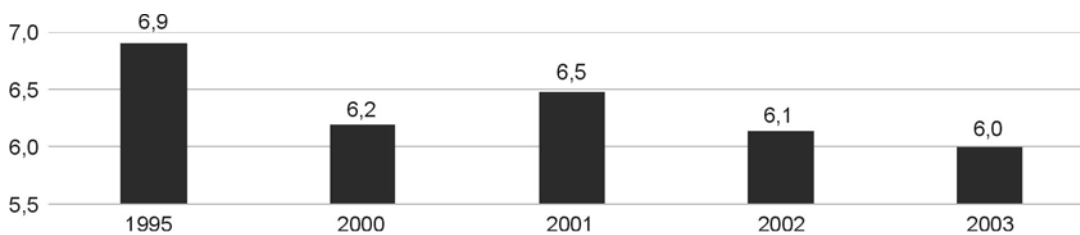

Рис. 3. Таможенный тариф ЕС, 1995–2003 гг., %

Источники: разработано автором на основе данных WITS.

Анализ представленных данных позволяет установить, что за рассматриваемый период значение показателя сократилось незначительно (на 15 %).

По данным ОЭСР уже к середине 90-х гг. XX в. наблюдался общий рост экономик не только ЕС, но и стран, не входящих в объединение, увеличились темпы внешней торговли, предпосылкой которой, по оценкам экспертов ОЭСР, явилась интеграция и внутренняя либерализация государств ЕС (рис. 4).

Расширение ЕС в 1995 г. (Австрия, Швеция, Финляндия) увеличили совокупный товарооборот ЕС.

Представленные аналитические данные позволяют утверждать, что при росте совокупного внешнеторгового оборота и увеличении внутриинтеграционного взаимодействия уровень тарифного обложения значительно не изменился, что позволяет сделать вывод о формировании единого товарного рынка с устоявшимися правилами регулирования товарных потоков.

Анализ данных взаимной торговли стран ЕС позволяет установить, что тренды экспорта и импорта совпадают, сохраняется положительная динамика, взаимный товарооборот увеличивается. И с 1995 до 2003 г. прирост данных показателей составил около 50 %, увеличившись по экспорту с 1 172 335,51 до 1 756 338,11 млн дол. США и по импорту с 1 101 261,27 в 1995 г. до 1 641 751,41 млн дол. США.

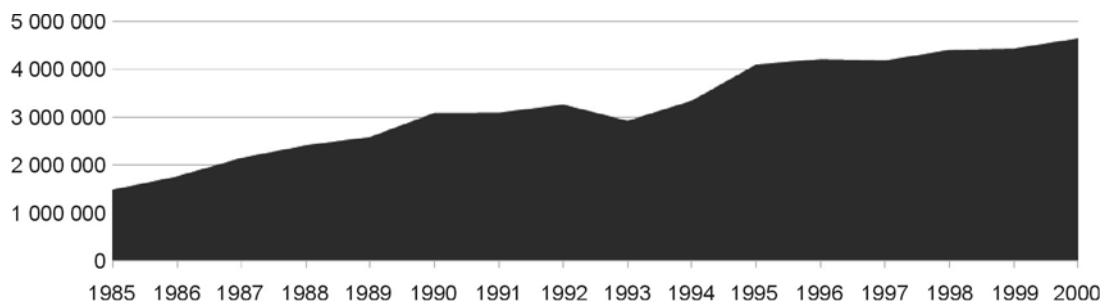

Рис. 4. Внешнеторговый оборот ЕС, 1985–2000 гг., млн дол. США

Источники: разработано автором на основе данных ЮНКТАД.

Период 2004–2010 гг. характеризуется интеграционным расширением в 2004 г. (присоединение 10+2+1 стран). Инструменты реализации: уже существующие тарифные правила функционирования единого европейского рынка.

Уровень тарифа ЕС представлен на рис. 5.

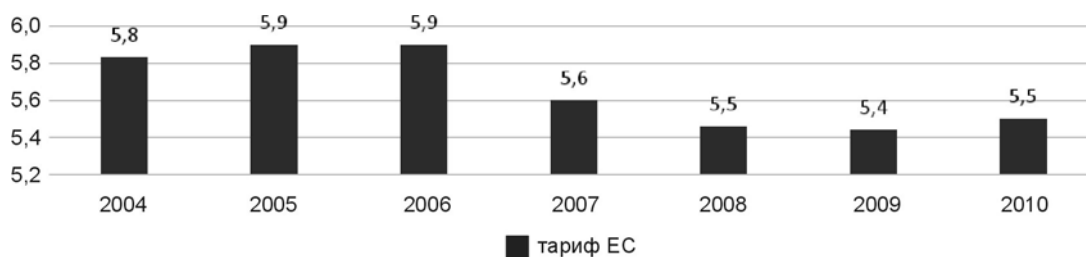

Рис. 5. Таможенный тариф ЕС, 2004–2010 гг., %

Источники: разработано автором на основе данных WITS, UNCTAD.

Данные рис. 5 свидетельствуют о продолжающейся либерализации стран ЕС и некотором сокращении уровня тарифного обложения по сравнению с предыдущим этапом развития.

Современный этап развития внешнеторгового регулирования (2011 г. — настоящее время) характеризуется экспертами ВТО как достаточно открытый для несельскохозяйственных товаров и имеющий ряд ограничений для доступа продукции сельского хозяйства. Инструменты реализации: интегрированный тариф ЕС, расширенная система льгот и преференций. Особенность — дифференциация ставок.

Следует отметить, что в условиях постепенной либерализации мировой торговли значение системы торговых преференций снижается [5]. Преференциальная торговля остается для ЕС эффективным инструментом влияния на торговую политику других стран и обеспечения собственных торговых интересов. Существование достаточно широкой гаммы соглашений о преференциальной торговле, варьирование со стороны ЕС этим инструментом в интересах собственной торговли, несомненно усложняет торговый режим ЕС [3].

Анализ представленных на рис. 6 данных свидетельствует о некотором сокращении таможенного тарифа.

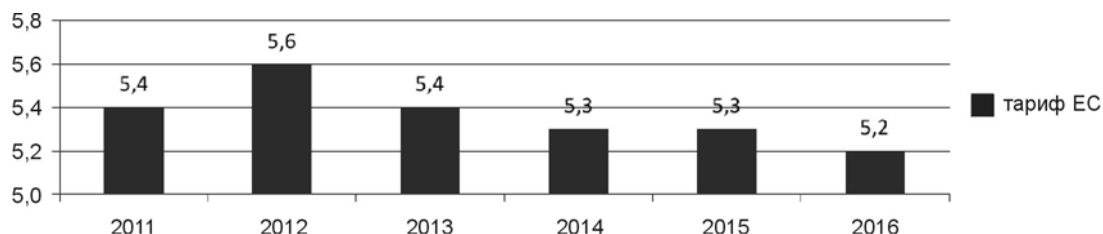

Рис. 6. Таможенный тариф ЕС, 2011–2016 гг., %

Источники: разработано автором.

Количество товарных позиций гармонизированной системы ЕС представлено на рис. 7.

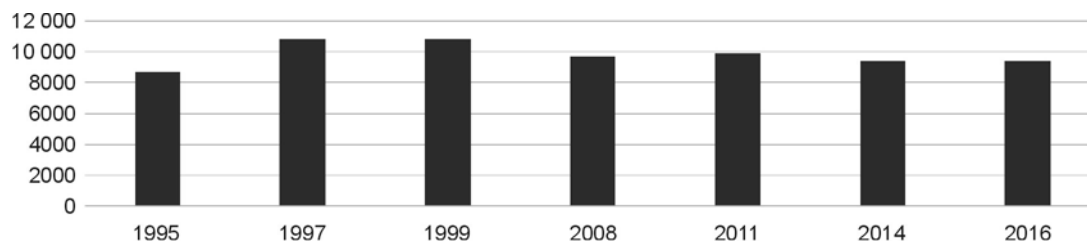

Рис. 7. Количество товарных позиций ТНВЭД ЕС, 1995–2016 гг.

Источники: разработано автором на основе данных ВТО, ЮНКТАД.

Представленные данные свидетельствуют о некотором сокращении товарных позиций. Однако анализ тарифного регулирования ЕС позволяет утверждать, что за простой теоретического описания и изложения в нормативных документах, на практике единый таможенный тариф в ТН ВЭД ЕС достаточно сложно интерпретировать. Как свидетельствуют данные по коду товара 101299000 «Живые лошади», в рамках действующего законодательства предусмотрено более 35 разновидностей стран-партнеров, с которыми подписаны преференциальные соглашения. И такая детализация приводит к тому, что расширенный единый таможенный тариф имеет более 460,000 позиций.

Модернизация внешнеторгового регулирования современных экономических систем требует комплексного теоретического, научного и методологического изучения существующих внешнеторговых отношений для своевременной реакции с учетом существующих особенностей в условиях экономической интеграции.

Дать экономическую оценку происходящим внешнеторговым процессам относительно отдельных государств, а также в условиях экономической интеграции и многосторонней системы регулирования, оценить их влияние на экономику страны позволят инструменты математического и статистического анализа [6]. Традиционные показатели торговли (экспорт, импорт) позволяют выявить удельный вес основных групп ТНВЭД страны. Интегрированные показатели (коэффициенты, индексы) позволяют на основе данных международных баз оценить взаимодействие страны в условиях экономической интеграции. В работе предлагается провести системную оценку взаимодействия на примере Португалии. Знаком «+» в таблице обозначены наилучшие значения соответствующего показателя группы ТНВЭД.

Оценка взаимодействия Португалии в мировой экономике, 2016 г.

Номер группы	Импорт (наибольшая доля в импорте)	Экспорт (наибольший удельный вес экспорта)	Коэффициент внутриотраслевой специализации страны		Индекс сбалансированности	Индекс Б. Ба-лаши	Значение таможенного тарифа			Тарифный пик
			товары исключительно импортируются	товары исключительно экспортируются			0-5	>5	>10	
1						+			+	3000,0
2	+							+		3000,0
3			+			+			+	3000,0
4				+		+			+	587,3
5	+						+			50,0
6			+						+	100,0
7	+	+						+		3000,0
8						+		+		65,0
9				+		+		+		166,5
10								+		200,0
11						+		+		400,0
12				+					+	110,3
13		+			+	+			+	1080,4
14	+	+				+		+		200,0
15						+			+	2922,5
16					+	+		+		80,4

Источники: составлено автором на основе данных WITS.

Системная оценка Португалии позволяет сделать вывод, что по группам «Текстильные материалы» и «Древесина и изделия из нее» торговля сбалансирована, страна вовлечена в МРТ (международную специализацию).

Подобную методику по оценке взаимодействия страны/группы стран можно применять как самостоятельно в мировой экономике для отдельных государств/интеграционных объединений, так и в условиях регионального или интеграционного сотрудничества.

Таким образом, формирование и развитие единой системы регулирования Европейского союза охватывает вторую половину XXв. и характеризуется функционированием общей системы регулирования внешней торговли. В статье выделены и представлены основные этапы становления внешнеторгового взаимодействия, выявлены инструменты реализации, тенденции развития. Каждый эволюционный период характеризуется особенностями становления и формирования единого внешнеторгового регулирования. Представленная систематизация основных этапов формирования общей системы регулирования позволила выявить противоречия. Разработанный инструментарий позволил на примере Португалии дать экономическую оценку по реализуемым мероприятиям и их влиянию на экономику страны. Подобный анализ можно проводить любому государству для реализации целей внешнеторговой стратегии.

Источники

1. Гаращенко, Е. А. Методические подходы к оценке динамики и эффективности экономической интеграции / Е. А. Гаращенко // Экономика и упр. — 2016. — № 1. — С. 57–60.

Garashchenko, E. A. Methodical approaches to assessing the dynamics and efficiency of economic integration / E. A. Garashchenko // Economics and Management. — 2016. — № 1. — P. 57–60.

2. Винер, Я. Проблема таможенного союза / Я. Винер // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под ред. А. П. Кирева. — М. : ТЕИС, 2006. — 950 с.
- Winer, Ya. The Problem of the Customs Union / Ya. Winer // Milestones in Economic Thought. Т. 6. International Economics / under the editorship A. P. Kireva. — Moscow : TEIS, 2006. — 950 s.
3. ВТО: механизм взаимодействия национальных экономик. Угрозы и возможности в условиях выхода на международный рынок / под ред. С. Ф. Сутырина. — М. : Эксмо, 2008. — 400 с.
4. A Practical Guide to Trade Policy Analysis. — Geneva : World Trade Organization, 2012.
5. Гаращенко, Е. А. Генезис тарифного регулирования внешней торговли в мировой экономике / Е. А. Гаращенко // Экономика. Управление. Инновации. — 2017. — № 3. — С. 87–91.
- Garashchenko, E. A. Genesis of tariff regulation of foreign trade in the world economy / E. A. Garashchenko // Economy. Control. Innovation. — 2017. — № 3. — P. 87–91.
6. Алиханов, А. А. Либерализация торговых взаимоотношений между странами: оценка и последствия / А. А. Алиханов, В. Ю. Скрябина, Е. В. Тарасюк // Междунар. торговля и торговая политика. — 2015. — № 3. — С. 3–27.
- Alikhanov, A. A. Liberalization of trade relations between countries: an assessment and implications / A. A. Alikhanov, V. Yu. Scriabina, E. V. Tarasyuk // Intern. Trade and Trade Policy. — 2015. — № 3. — С. 3–27.

Статья поступила в редакцию 27.11.2018 г.

УДК 911.3:314(476)

V. Garkavaya
V. Borisevich
BSEU (Minsk)

THE MAIN PROBLEMS OF THE SOCIO-ECONOMIC AND ENVIRONMENTAL DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THEIR SOLUTIONS

The article summarizes various theoretical approaches to the study of the essence of the socioeconomic and ecological development of the national economy, identifies the main economical development's determinants, studies indicators of the level of socio-economic and environmental development, and assesses their state at the present stage. The methodology of constructing the regression model, the rating evaluation, as well as the economic and statistical method for forecasting the level of socio-economic indicators, reveals the main problems of socio-economic and environmental development in the Republic of Belarus and determines the directions for their solution by analyzing the level of socioeconomic and environmental development of the national economy with using various methods of analysis.

Keywords: socio-economic and ecological development; factors; indicators; regression model; rating assessment; forecasting of indicators; sustainable development issues; ways of solutions.

В. Г. Гаркавая
кандидат экономических наук
В. А. Борисевич
БГЭУ (Минск)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье обобщены теоретические подходы к исследованию сущности социально-экономического и экологического развития национальной экономики, выделены основные детерминирующие

его факторы, исследованы показатели уровня социально-экономического и экологического развития, дана оценка их состояния на современном этапе. Изучена методика построения регрессионной модели, рейтинговой оценки, а также экономико-статистический метод прогнозирования уровня социально-экономических показателей, выявлены основные проблемы социально-экономического и экологического развития Республики Беларусь и определены направления их решения путем анализа уровня социально-экономического и экологического развития национальной экономики с применением различных методов анализа.

Ключевые слова: социально-экономическое и экологическое развитие; факторы; показатели; регрессионная модель; рейтинговая оценка; прогнозирование показателей; проблемы устойчивого развития; пути решения.

Изучение проблем социально-экономического и экологического развития является довольно распространенной, но остается актуальной темой исследования, так как и социально-экономическое и экологическое развитие подразумевает сложный, поэтапный переход (преобразование общественного производства) посредством определенных механизмов в результате взаимодействия внешних и внутренних факторов с учетом экологических ограничений для данного исторического момента и направлено на сохранение естественных и антропогенных условий и ресурсов жизни [1].

Для выявления степени развития производства товаров и услуг и меры удовлетворения материальных и духовных потребностей населения страны, т.е. уровня развития, любой стране необходимо обладать полной информацией о том, какие факторы способствуют повышению уровня социально-экономического и экологического развития. Такие знания необходимы для того, чтобы уметь управлять ими, вовремя проанализировать данные факторы и принять верное решение в различных областях, касающихся развития национальной экономики [2].

На социально-экономическое развитие национальной экономики оказывают влияние большое количество факторов, и как правило, не один определенный фактор, а некоторая группа факторов — это и рыночный, и конкурентный, и производственный, демографический, организационный, экономико-географического положения страны, а также отраслевые факторы, факторы информационных ресурсов и коммуникационных систем [3]. Причем такой набор факторов меняется во времени.

В зарубежной литературе выделяют две большие группы факторов — это «жесткие» и «мягкие» факторы.

Среди факторов, влияющих на уровень экологического развития, можно выделить климатические, физические, химические. Отдельным экологическим фактором, оказывающим существенное влияние на экологическое развитие, выступает антропогенный фактор [3].

Уровень социально-экономического и экологического развития отражает значительное количество показателей [4], которые с разных сторон и аспектов характеризуют состояние экономики, и объединяются в различные группы в зависимости от схожих черт и направлений [5].

Несмотря на широкий спектр имеющихся способов проведения анализа и оценки, еще не выработано общепринятого теоретико-методологического подхода к анализу и оценке устойчивого социально-экономического и экологического развития. По существу, необходима не только оценка динамики устойчивого социально-экономического и экологического развития, но и способов управляющего воздействия на процессы этого развития [6].

Для анализа и оценки социально-экономического и экологического развития Республики Беларусь был использован регрессионный анализ.

Проведенное исследование выявило, что социально-экономическое и экологическое развитие Республики Беларусь характеризуется наличием ряда тенденций:

1) наблюдается снижение численности населения за счет естественной убыли населения: в 2017 г. она составила 16,8 тыс. человек;

2) трудоспособное население трудоспособного возраста имеет тенденцию к снижению, что выражается в нехватке трудовых ресурсов;

3) численность населения моложе трудоспособного возраста постепенно увеличивается, в свою очередь численность населения старше трудоспособного возраста также имеет тенденцию к увеличению на протяжении 12 лет, что впоследствии скажется на увеличении демографической нагрузки;

4) ВВП характеризуется наличием роста: по итогу 2017 г. рост ВВП составил 102,4 %;

5) в 2016 г. наблюдался отрицательный прирост инвестиций в основной капитал, который составил -16,7 %;

6) на начало апреля 2018 г. государственный долг Республики Беларусь немного снизился по сравнению с январем 2018 г. и составил 41 334,5 млн дол. США (38 % к ВВП);

7) внешняя торговля Республики Беларусь характеризуется наличием отрицательного сальдо внешней торговли в течение 7 лет, которое в 2016 г. составило 4072 млн дол. США;

8) розничный товарооборот имеет тенденцию к росту, с 2010 г. эта тенденция значительно усилилась. В 2016 г. розничный товарооборот составил 36 923,4 млн руб.;

9) число организаций, выполняющих научно-исследовательские разработки, в 2016 г. снизилось по сравнению с 2015 г. и составило 431 единицу;

10) расходы республиканского бюджета на научную, научно-техническую и инновационную деятельность постепенно увеличивались с 2005 по 2013 г., затем произошел небольшой спад, однако с 2014 г. снова наблюдается рост расходов, в 2016 г. их сумма составила 254,4 млн руб.;

11) обозначена тенденция снижения выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, в 2016 г. достигнут минимальный показатель за 7 лет — 1244,8 тыс. тонн;

12) текущие затраты на охрану окружающей среды постепенно увеличиваются на протяжении 7 лет и в 2016 г. они составили 832,1 млн руб.;

13) вместе с увеличением количества затрат на охрану окружающей среды увеличивается и количество инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды (в 2016 г. их сумма составила 290,8 млн руб.).

Для оценки степени влияния выделенных на 2016–2020 гг. приоритетов (инвестиции, экспорт, информатизация, молодежь) на решение поставленных задач использовался метод регрессионного анализа. Зависимой переменной y выступил ВВП в текущих ценах, млн руб., независимыми переменными — x выступили:

1) инвестиции в основной капитал, млн руб. (i);

2) государственный долг, млн руб. (gd);

3) сальдо внешней торговли, млн дол. США (Ft);

4) розничный товарооборот, в текущих ценах, млн руб. (rcc);

5) индекс потребительских цен, в % к декабрю предыдущего года (cpi);

6) реальные денежные доходы населения, в % к соответствующему периоду предыдущего года (rs).

Временной ряд состоял из квартальных данных с 1-го квартала 2012 г. по 4-й квартал 2017 г., источником которых послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [7]. Данные по ВВП, инвестициям, государственному долгу и розничному товарообороту с целью получения реальных значений были скорректированы на дефлятор ВВП (в % к 1-му кварталу 2012 г.).

Построенная корреляционная матрица, представленная в табл. 1, служит инструментом подбора факторов в модель.

Таблица 1. Корреляционная матрица

	y	i	gd	ft	rcc	cpi	rs
y	1						
i	0.49	1					
gd	0.65	0.62	1				
ft	0.55	-0.08	0.55	1			
rcc	0.84	0.43	0.56	0.28	1		
cpi	-0.06	0.32	0.26	0.03	-0.27	1	
rs	0.24	0.57	0.31	-0.16	0.16	0.12	1

Источники: составлено авторами.

Согласно корреляционной матрице мультиколлинеарность между факторами отсутствует: наибольшая взаимосвязь с y наблюдается у rcc (0,84), gd (0,65) и ft (0,55). Остальные факторы имеют менее тесную взаимосвязь с y , поэтому cpi rs (-0,06 и 0,24 соответственно) в модель включены не были. Однако переменная i — инвестиции, несмотря на низкую корреляционную зависимость, не может быть не включена в модель, так как теоретически инвестиции влияют на ВВП, поэтому они также были включены в модель.

Следующим шагом при подготовке данных к регрессионному анализу была корректировка данных на сезонность с помощью опции Tramo/Seats — Seasonal adjustment прикладного пакета Eviews 7.

С помощью теста Дики-Фулера была осуществлена проверка данных на стационарность. Было выявлено, что стационарными являются ряды только после десезонирувания и перевода в соответствующие разницы, либо логарифмирования (табл. 2).

Таблица 2. Стационарность данных

Показатель	Стационарность данных
y	В первых разностях
i	В первых разностях
gd	В первых разностях
ft	В уровнях
rcc	В первых разностях

Источники: составлено авторами.

В модель также была включена фиктивная переменная — $d2014q1$, так как при построении графика ВВП был выявлен резкий всплеск в первом квартале 2014 г. (рис. 1).

В итоге было построено следующее регрессионное уравнение

$$y_{sa} = rcc_{prir} + gd_{sa}(3) + i_{sa}(4) + d2014q1 + ft_{sa}(8) + c,$$

где y_{sa} — ВВП, скорректированный на сезонность; rcc_{prir} — розничный товарооборот, взятый в приростах; $gd_{sa}(3)$ — десезонированный государственный долг, с лагом запаздывания, равным 3 кварталам; $i_{sa}(4)$ — инвестиции в основной капитал, скорректированные на сезонность, с лагом запаздывания, равным 4 кварталам; $d2014q1$ — фиктивная переменная; $ft_{sa}(8)$ — сальдо внешней торговли, скорректированное на сезонность, с лагом запаздывания, равным 8 кварталам; c — свободный коэффициент.

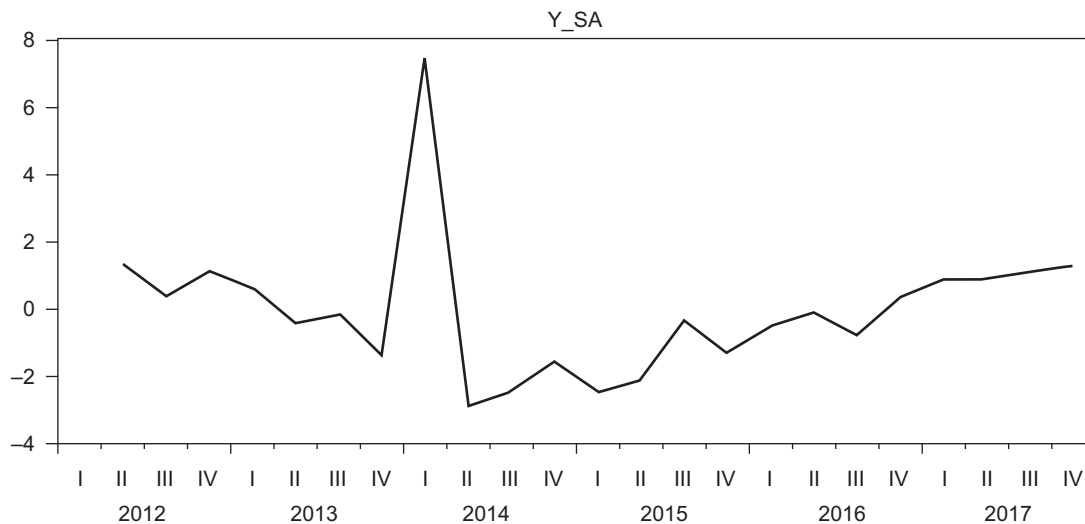

Рис. 1. Десезонированный ВВП

Источники: разработано авторами.

Для подбора соответствующего лага отражены корреляционные зависимости ВВП и каждого из факторов. Результаты построенной регрессионной модели выглядят следующим образом (рис. 2).

Dependent Variable: Y_SA
 Method: Least Squares
 Date: 05/15/18 Time: 09:15
 Sample (adjusted): 2012Q2 2015Q4
 Included observations: 15 after adjustments

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
RCC_PRIR	4.082111	1.326449	3.077472	0.0132
GD_SA(3)	0.142490	0.022747	6.264197	0.0001
I_SA(4)	0.335539	0.082125	4.085729	0.0027
D2014Q1	6.623227	0.609501	10.86663	0.0000
FT_SA(8)	-0.008244	0.001072	-7.687988	0.0000
C	-4.025338	1.309501	-3.073948	0.0133
R-squared	0.974116	Mean dependent var	-0.297687	
Adjusted R-squared	0.959736	S.D. dependent var	2.533727	
S.E. of regression	0.508414	Akaike info criterion	1.774134	
Sum squared resid	2.326365	Schwarz criterion	2.057354	
Log likelihood	-7.306005	Hannan-Quinn criter.	1.771117	
F-statistic	67.74123	Durbin-Watson stat	1.830981	
Prob(F-statistic)	0.000001			

Рис. 2. Регрессионная модель зависимости ВВП от набора факторов

Источники: разработано авторами.

Коэффициент детерминации равен 0,97, что свидетельствует о высоком качестве модели.

По критерию Фишера модель статистически значима, так как $F_{\text{расч}}$ равно 67,7, что больше $F_{\text{кр}}$, равного 2,89, следовательно, модель в целом статистически значима с вероятностью 95 %.

Каждый независимый фактор, включенный в модель, также статистически значим по критерию t -статистики Стьюдента, так как $t_{\text{расч}}$ по модулю каждого из параметров больше $t_{\text{кр}}$, равного 2,06, следовательно, параметры регрессии при независимой переменной статистически значимы с вероятностью 95 %.

Об отсутствии автокорреляции в остатках свидетельствует критерий Дарбина-Уотсона, значение которого равно 1,83 и попадает в допустимый диапазон. Все предпосылки МНК выполнены, об этом свидетельствует коррелограмма остатков (рис. 3).

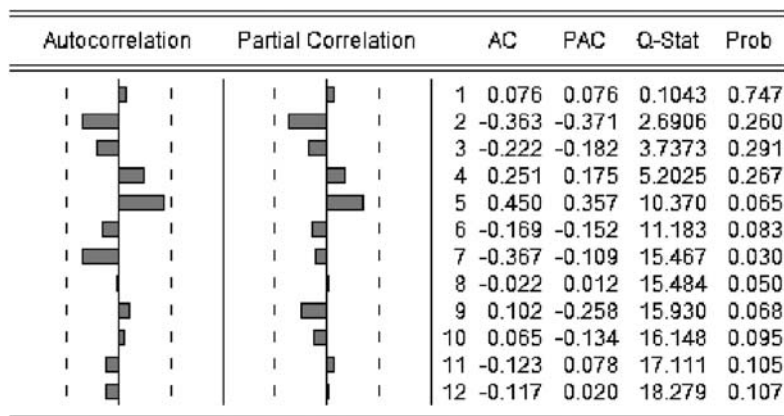

Рис. 3. Коррелограмма остатков

Источники: разработано авторами.

Таким образом, конечное уравнение регрессии выглядит следующим образом:

$$Y\_SA = 4.08 * RCC\_PRIR + 0.14 * GD\_SA(3) + 0.34 * I\_SA(4) + 6.62 * D2014Q1 - 0.008 * FT\_SA(8) - 4.025.$$

Интерпретация полученного уравнения такова:

- при увеличении темпа прироста розничного товарооборота на 1 %, ВВП увеличится на 4,08 млн руб. при неизменности остальных факторов;
- увеличение государственного долга на 1 млн руб. приведет к увеличению ВВП на 0,14 млн через 3 квартала при неизменности остальных факторов;
- при увеличении инвестиций в основной капитал на 1 млн руб., ВВП увеличится на 0,34 млн руб. через 4 квартала при неизменности остальных факторов;
- увеличение сальдо внешней торговли на 1 млн дол. США приведет к снижению ВВП на 0,008 млн руб. через 8 кварталов при неизменности остальных факторов.

С проблемами демографического характера, такими как естественная убыль населения, снижение численности трудоспособного населения, увеличение демографической нагрузки, Республика Беларусь сталкивается на протяжении множества лет. Пути решения данных проблем могут быть следующие:

- увеличить миграционный прирост, в частности молодых специалистов за счет проведения соответствующей миграционной политики;

- повысить размер пособия по безработице до уровня бюджета прожиточного минимума;
- после 2022 г. продолжить повышение пенсионного возраста до 65 лет у мужчин и женщин;
- обеспечить население соответствующим качеством медицинского обслуживания.

Экономика Беларуси, являясь открытой и малой, сталкивается с проблемой зависимости от внешнего мира и в особенности от стран — торговых партнеров.

Имея экспортно-ориентированную рыночную экономику, на протяжении десяти лет наблюдается отрицательное сальдо внешней торговли, что свидетельствует о низкой конкурентоспособности продукции и низкой эффективности производства.

В 2017 г. импортная доля ВВП достигла уровня 65 %. Этот показатель свидетельствует о неэффективности политики импортозамещения, с другой стороны, по мнению экспертов для определенных отраслей экономики Беларуси импортозамещение является инструментом для повышения качества и конкурентоспособности продукции на мировой арене.

Для улучшения внешнеэкономической деятельности необходимо применять ряд мер, в их число могут входить:

- диверсификация экспорта;
- расширение рынков сбыта продукции;
- повышение производительности и эффективности производства, его модернизация;
- улучшение качества и повышение конкурентоспособности отечественной продукции;
- пересмотр и корректировка торговой политики государства.

Главная проблема государственного долга Республики Беларусь состоит не в его величине, а в том, что государство не может его погасить хотя бы частично из собственных средств — для этого необходимо постоянно делать новые заимствования. Минус также заключается в том, что те деньги, которые тратятся на обслуживание государственного долга, уходят из экономики, а не направляются, например, на образование, здравоохранение, инвестиции и т.д.

Обстоятельства с внутренним государственным долгом обстоят лучше, чем с внешним, поскольку рост внутреннего государственного долга не может обанкротить страну в отличие от внешнего. Это связано с тем, что управлять внутренней задолженностью государство может при помощи нескольких рычагов:

- сокращение бюджетных расходов — это самый эффективный путь покрытия дефицита бюджета и уменьшения внутреннего государственного долга, но зачастую и невозможный;
- увеличение налоговых сборов как основного источника наполнения бюджета;
- дополнительная эмиссия с целью проведения контролируемой инфляции;
- реструктуризация долгов с помощью рефинансирования старых кредитов.

В свою очередь чтобы снижать внешний долг и при этом заимствовать меньше, национальной экономике нужно расти быстрее. А экономический рост возможен только при реструктуризации национальной экономики, в частности решении проблем с государственными предприятиями.

Следует отметить также слаборазвитый научно-технический потенциал Республики Беларусь. По данным 2017 г. наукоемкость ВВП составляет 0,46 %, в развитых странах этот показатель достигает 2–2,5 %. Только к 2020 г. в Республике Беларусь планируется довести наукоемкость ВВП до 1 %.

Уточнение программных мероприятий по решению выявленных проблем социально-экономического и экологического характера проводился на основе прогнозирования, который является неотъемлемой частью общегосударственной политики (табл. 4).

Таблица 4. Интервальный прогноз макроэкономических показателей

Показатель	Прогнозное значение	Минимальное прогнозное значение	Максимальное прогнозное значение
ВВП	33 287,40	30 932,50	35 642,30
Инвестиции в основной капитал	6974,90	9682,01	9267,80
Государственный долг	40 815,9	37 460,1	44 171,8
Сальдо внешней торговли	-665,85292	-2154,21	822,50
Розничный товарооборот	12 178,746	10 758,20	13 599,29

Источники: составлено авторами на основе [7].

Полученные прогнозные значения на 4 квартал 2018 г., не считая пороговых, превышают значения за 4 квартал 2017 г., т.е. по всем показателям прогнозируется рост, в некоторых случаях значительный:

- сальдо внешней торговли увеличится на 51 млн дол. США, согласно прогнозному значению;
- розничный товарооборот — на 1506,1 млн руб.;
- ВВП — на 4262,6 млн руб. (табл. 5).

Таблица 5. Данные по прогнозируемым показателям за 4-й квартал 2017 г. и прогнозируемый 4-й квартал 2018 г.

Показатель	Данные за 4-й квартал 2017 г.	Прогнозные данные на 4-й квартал 2018 г.
ВВП	29 024,8	33 287,40
Инвестиции в основной капитал	6805,50	6974,90
Государственный долг	39 932,7	40 815,9
Сальдо внешней торговли	-615	-665,85292
Розничный товарооборот	10 672,6	12 178,746

Источники: составлено авторами.

Следует отметить, что значение показателя, которое прогнозируется на определенный период, зависит также от различного рода бифуркаций, которые свойственны для экономики Беларуси. Поэтому в рамках интервального прогноза оно может принять также значения нижнего и верхнего интервалов.

Источники

1. Орлова, А. В. Методика оценки уровня устойчивого социально-экономического развития экономики [Электронный ресурс] / А. В. Орлова // Современные проблемы науки и образования. — Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/>. — Дата доступа: 05.11.2018.

Orlova, A. V. Method of assessing the level of sustainable socio-economic development of the economy [Electronic resource] / A. V. Orlova // Modern problems of science and education. — Mode of access: <https://www.science-education.ru/ru/article/>. — Date of access: 05.11.2018.

2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] : одобр. протоколом заседания Президиума Совета Министров Респ. Беларусь 2 мая 2017 г., № 10 // Министерство экономики Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. — Дата доступа: 02.11.2018.

3. Национальная экономика Беларуси : учебник / В. Н. Шимов [и др.] ; под общ. ред. В. Н. Шимова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Минск : БГЭУ, 2018. — 649 с.

National Economy of Belarus : textbook / V. N. Shimov [et al.] ; under total ed. V. N. Shimov. — 5th ed., processed and add. — Minsk : BSEU, 2018. — 649 p.

4. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) : пер. с англ. / под ред. и с послесл. С. А. Евтеева и Р. А. Перелета. — М. : Прогресс, 1989. — 376 с.

5. Indicators of Sustainable Development: Framework and Methodology. — New York : United Nations, 1996. — 428 p.

6. Гаркавая, В. Г. Методологические и методические основы комплексной количественной оценки регионального развития / В. Г. Гаркавая, И. И. Терехов // Регулирование и координация государственной, региональной, институциональной и инновационной политики в Республике Беларусь / Е. Б. Дорина [и др.] ; под ред. Е. Б. Дориной, В. С. Фатеева. — Минск : Четыре четверти, 2011. — С. 193–224.

Garkavaya, V. G. Methodological and methodical foundations of a comprehensive quantitative assessment of regional development / V. G. Garkavaya, I. I. Terekhov // Regulation and coordination of state, regional, institutional and innovation policy in the Republic of Belarus / E. B. Dorina [et al.] ; by ed. E. B. Dorina, V. S. Fateev. — Minsk : Four quarters, 2011. — P. 193–224.

7. Социально-экономическое положение Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/. — Дата доступа: 05.12.2018.

Статья поступила в редакцию 28.11.2018 г.

УДК: 378.014.54:339.137(476)

E. Gerasimov
BSEU (Minsk)

PECULIARITIES OF COMPETITIVE ENVIRONMENT AND COMPETITIVE STRATEGY IN THE MARKET OF EDUCATIONAL SERVICES IN THE CONDITIONS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT ECONOMY

The term «Strategy» is considered, applied to a higher educational institution. The characteristic features of the competitive environment of higher educational institutions are revealed. The possibility of a strategic alliance of universities and business schools is under consideration.

Keywords: sustainable development; globalization of competition; systems approach; university management systems; education reform; trends affecting the higher education system; educational services market; competitive educational environment; competitors.

Е. Л. Герасимов
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ОСОБЕННОСТИ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ И КОНКУРЕНТНОЙ СТРАТЕГИИ НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Рассматривается термин стратегия применительно к высшему учебному заведению. Выявляются характерные черты конкурентной среды высших учебных заведений. Рассматривается возможность стратегического альянса вузов и бизнес-школ.

Ключевые слова: устойчивое развитие; глобализация конкуренции; системный подход; системы организационного управления университетом; реформирование образования; тренды, влияющие на систему высшего образования; рынок образовательных услуг; конкурентная образовательная среда; конкуренты.

Формирование глобальной социально-экономической модели развития человечества порождает возникновение новых и обострение старых проблем и противоречий, без решения которых невозможно дальнейшее его поступательное развитие. В качестве одного из основных противоречий современного мира выделилось противоречие между краткосрочными интересами отдельных субъектов и долгосрочными интересами современного общества. Обострение этого противоречия на современном этапе привело к попыткам его осмысления, которое сформировалось в концепцию устойчивого развития.

Ключевым положением понятия устойчивого развития явилась необходимость решения противоречия между интересами настоящего и будущих поколений.

Одной из новых целей устойчивого развития, принятых государствами — членами ООН на период после 2015 г., выступает обеспечение всеобщего и справедливого качественного образования и возможность обучения на протяжении всей жизни. Исходя из необходимости достижения поставленной цели, следует определять основные подходы к реформированию организационного управления образованием с точки зрения его наибольшей эффективности. Представляется, что этот процесс следует рассматривать в соответствии с теорией систем исходя из ее современной интерпретации, т.е. как философии управления, позволяющей повысить организованность, качество и эффективность управляемых объектов.

Как известно, характерными чертами развития социально-экономических систем на современном этапе выступают:

- интеграция научных знаний, рост числа междисциплинарных проблем;
- комплексность проблем и необходимость их изучения в единстве технических, экономических, социальных, психологических, управленческих и других аспектов;
- усложнение решаемых проблем и объектов;
- рост числа связей между объектами;
- динамичность изменяющихся ситуаций;
- усиление роли человеческого фактора в управлении и др.

Перечисленные черты либо непосредственно, либо опосредованно влияют на эффективность организационного управления образованием. Они вызывают неизбежность применения системного подхода в научном исследовании проблем и направлений развития экономики устойчивого развития, в обеспечении нового качества образования.

Системный подход выступает в качестве методологии исследования организационного управления образованием. Выявление трансформаций организационного управления образованием для экономики устойчивого развития предполагает рассмотрение последней как системы, т.е. как целого, состоящего из отдельных элементов (подсистем). Вычленение элементов системы может происходить исходя из цели, объекта и предмета исследования и осуществляться как на вертикальном, так и на горизонтальном уровнях.

Проблемам взаимосвязи экономики устойчивого развития, образования и конкурентоспособности посвящен ряд статей отечественных и зарубежных авторов. В них раскрываются концептуальные основы экономики устойчивого развития, рассматриваются особенности современной стратегии образования с учетом внедрения новых и дистанционных технологий, проводится анализ факторов, влияющих на конкурентоспособность национальной экономики [1–4]. Анализ публикаций, а также личный опыт автора позволяют соотнести концепцию устойчивого развития с задачами национальной системы образования и ее элементов, а также выделить направления ее адаптации к новым особенностям внешней среды.

Проведенный анализ и опыт, полученный экспериментальным путем в процессе работы в высшем учебном заведении, позволяют выделить несколько трендов, влияющих на систему высшего образования. К ним можно отнести:

- совмещение различных интерактивных форм образования, таких как тренинги, геймификация, фасилитация;
- рост влияния геополитических факторов, конкуренцию со стороны зарубежных вузов;
- новый формат обучения, предполагающий высокую роль творческих и коммуникативных способностей обучающего;
- новые требования к формированию компетенций, такие как умение проектировать товары и услуги исходя из потребностей «умного» дома или города;
- изменение способов передачи и накопления информации.

Перечисленные выше моменты предполагают, что управление университетом должно быть направлено на реализацию новых усовершенствованных идей, методов и приемов организации инновационного образовательного процесса.

Это означает, с одной стороны, совершенствование системы управления университетом, а с другой — изменение его структуры. Первое предполагает включение в механизм управления таких инструментов, которые позволят активизировать работу всех структурных подразделений таким образом, чтобы обеспечить адекватное качественное совершенствование учебного процесса. Второе связано с тем, что новые подходы к обработке и накоплению информации, рост темпов проникновения сетевых технологий в современное общество служат основой для появления новых структурных элементов — сетевых центров накопления и обработки информации, виртуальных рабочих площадок. Они позволяют перейти к гибкой, модульной структуре преподаваемых дисциплин, их скорейшей адаптации к требованиям инновационного образовательного процесса.

Качественное изменение преподавательской деятельности предполагает три ключевых аспекта:

- во-первых, это формирование инновационного мышления и новых функций самого преподавателя;
- во вторых, нарастающую динамику коммуникативных возможностей преподавателя;
- в-третьих, необходимость новой оценки результативности инновационной деятельности преподавателя.

Характеризуя качественные трансформации студенческой аудитории, можно выделить несколько основополагающих моментов:

- во-первых, это формирование инновационной культуры студента;
- во-вторых, расширение функций студента. Студент как потребитель инновационного знания должен выступать и как создатель инновационного знания, а это означает, что из объекта образовательной деятельности он превращается в ее субъекта;
- в-третьих, не только интенсивное, но и адекватное использование возможностей информационно-коммуникационных технологий.

Изменение структуры высшего учебного заведения предполагает решение целого комплекса задач. Эти задачи имеют временные рамки.

Так, на краткосрочном уровне возможна перепланировка аудиторий учебного заведения и перенос части образовательных процессов в общественные пространства, например библиотеки.

Среднесрочный уровень предполагает переход к открытым образовательным ресурсам, при сохранении за учебным заведением административных и координирующих функций.

В долгосрочной перспективе возможно расширение сотрудничества различных типов учебных заведений, формирование трансграничного образовательного пространства.

Многие из описанных преобразований являются всего лишь перспективой. Но общие тенденции и явления, происходящие как в методическом обеспечении учебного процесса, так и в образовательных технологиях, свидетельствуют о необходимости изменений в структуре современного учебного заведения. Это приведет к появлению специалистов, способных осуществлять мониторинг новых тенденций в образовании и интегрировать наиболее успешные технологии в образовательный процесс. В перспективе это переход к созданию центра управления стратегическими проектами и конкурентоспособностью современного университета.

Одним из важнейших этапов повышения конкурентоспособности высшего учебного заведения является анализ внешней среды и системы образования в целом. Переход к экономике устойчивого развития приводит к изменению условий ведения бизнеса во многих отраслях и сферах деятельности. В первую очередь это касается сферы услуг. Компании, работающие в данной сфере деятельности, сталкиваются с такими особенностями внешней среды:

- дифференциация предложения. Означает, что множество фирм может существовать на рынке, предлагая схожую по характеристикам, но отличную в деталях продукцию. Например, языковые курсы для различных категорий специалистов;
- постоянная модернизации услуги. В сфере образования это проявляется в изменении структуры учебных курсов, появлении новых форм образовательных программ;
- развитие отношений стратегического партнерства. Ведет к смене структуры компании от жестко интегрированной к сетевой. На практике это проявляется скорее в образовательных организациях и тренинговых центрах с гибкой системой подготовки и широкой филиальной сетью.

Но кроме этого рынок образовательных услуг обладает своей уникальной конкурентной средой. Проанализируем ее с точки зрения пяти сил конкуренции Портера.

Рассматривая образовательную среду, с точки зрения конкуренции между действующими компаниями можно выделить несколько тенденций.

Во-первых, это насыщенность рынка. В 2016/2017 учебном году в стране действовало 51 высшее учебное заведение, а к 2018 г. их число увеличилось до 52. В них обучалось 313 тыс. человек, из них 290 тыс. в государственных вузах. Число иностранных граждан на начало 2018 учебного года составило 15 506 человек, или 4,5 от общего числа обучающихся. Во-вторых, это преобладание государственного сектора в системе образования. Только 9 вузов из 52 относятся к негосударственным. В-третьих, это ярко выраженная централизация системы образования. В столице республики находятся 28 государственных и 8 частных вузов. Только в 3-х областных центрах (Витебске, Могилев и Гродно) находится более одного высшего учебного заведения [5, 6].

Ряд высших учебных заведений страны включен в международные рейтинги. Это Белорусский государственный университет; Белорусский национальный технический университет; Белорусский государственный университет радиоэлектроники и информатики; Гродненский государственный университет им. Янки Купалы; Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины.

Перечисленные тенденции свидетельствуют о наличии централизованной системы высшего образования, основанной на государственной форме собственности с ярко выраженными, признаваемыми за рубежом лидерами. Основной задачей вузов-лидеров является удержание конкурентных позиций и блокирование угроз со стороны конкурентов.

Существенными элементами конкурентной образовательной среды является появление новых товаров-субститутов и конкурентов. Для высших учебных заведений такими можно считать услуги бизнес-школ, центров повышения квалификации, тренинговых и консалтинговых компаний. На сегодняшний момент их насчитывается около 400. Обращает на себя внимание то, что деятельностью этих учреждений охвачено

380 тыс. человек [5]. Такие образовательные центры составляют значительную конкуренцию прежде всего заочному образованию по ряду причин. Они не связаны жесткими учебными планами и программами, профессионально ориентированы, привлекают специалистов-практиков.

Оценивая влияние поставщиков и потребителей на процессы, происходящие на рынке образовательных услуг, можно выделить два аспекта. Так, если рассматривать рынок с точки зрения поставщиков услуги, мы можем говорить о качественных изменениях в педагогических технологиях и функциях преподавателя. С точки зрения потребителей это могут быть качественные трансформации студенческой среды и школьников выпускных классов.

Происходит обострение конкурентной борьбы на рынке образовательных услуг. Соответственно субъект, действующий на данном рынке, должен рассматривать свою деятельность как бизнес-процесс, что предполагает разработку соответствующей стратегии и ее внедрение в деятельность образовательного учреждения.

Термин «стратегия» настолько прочно вошел в современный бизнес, что отождествляется с деятельностью любой компании. В настоящее время под стратегией понимается «уникальный способ достижения поставленных целей, который отличает компанию в умах потребителя от целого ряда других компаний, удовлетворяющих те же потребности, и ведущий к безусловному выбору данной компании ее целевыми клиентами» [7, с. 11].

Несмотря на важность процесса стратегического планирования, на постсоветском пространстве не более 20 % фирм используют стратегию целенаправленно, а около 50 % не имеют ее вообще [7, с. 12–13]. При этом речь идет прежде всего о коммерческом секторе. В то же время процесс стратегического планирования затрагивает и сферу образования. При этом возникает вопрос правильного выбора типа стратегии. Классификация стратегий достаточно обширна и разнообразна. Стратегии могут быть ориентированы на завоевание потребителя, борьбу с конкурентом, формирование организационной структуры компании. Один из наиболее распространенных подходов предлагает ориентировать стратегию на несколько групп потребителей: активных, пробующих, потенциальных, нецелевых [7, с. 18]. Такой подход наиболее уместен при анализе стратегии высших учебных заведений, поскольку рассматривает инструменты по привлечению новых клиентов, в данном случае студентов. Для более подробного исследования возможностей применения стратегий в деятельности высших учебных заведений необходимо выявить характерные черты, определяющие конкуренцию на рынке образовательных услуг.

Высшие учебные заведения развиваются в особой конкурентной среде. Ее характерными особенностями являются:

- наличие явно выраженных лидеров рынка, обладающих значительными конкурентными преимуществами;
- несоответствие динамики рынка труда и сроков подготовки специалистов;
- наличие множества товаров-субститутов (онлайн курсы, тренинговые центры, бизнес-школы, образовательные центры).

Следует обратить внимание на две особенности, или скорее угрозы, стоящие перед большинством учебных заведений. Это, во-первых, несоответствие спроса со стороны рынка труда и предложения специалистов со стороны вузов. Во-вторых, низкое качество оказываемых услуг. Эти негативные составляющие ведут к «инфляции образования», при которой человек теряет доверие к традиционному учебному заведению, ищет товары — заменители традиционного образования, такие как зарубежные университеты, тренинговые центры, онлайн курсы. Все это свидетельствует о необходимости разработки стратегии развития вуза, основанной на привлечении активных и пробующих клиентов диверсификации образовательных услуг, формирования стратегического партнерства. Такая стратегия может опираться на некоторые сильные стороны высших

учебных заведений: стабильное финансирование, возможность вложений в новое исследовательское оборудование и технологии, сложившиеся научные школы по отдельным направлениям исследований. В то же время стратегия должна преодолеть такие слабые стороны, как ориентация на рейтинги, формальные показатели, инертность части преподавателей и администраторов, отрыв от практики. К сожалению, на современном этапе преодолеть перечисленные негативные тенденции вузы самостоятельно не в силах.

Это происходит по ряду причин:

- как правило, опыт разработки стратегии и специалисты, способные ее реализовать, отсутствуют;
- к стратегии относятся с недоверием, опасаясь негативной реакции со стороны коллег и студентов;
- разработка стратегии рассматривается как научное исследование, а не как бизнес-процесс.

Одним из вариантов преодоления представленных негативных тенденций является сотрудничество высшего учебного заведения с бизнес-школой или создание образовательного центра на базе вуза. Рассмотрим возможные выгоды от такого альянса. Со стороны вуза это прежде всего расширение спектра образовательных услуг, возможность получить доступ к практическим знаниям и навыкам. Классическое учебное заведение может дополнять профили дисциплин, регулируемые множеством стандартов и учебных планов, практическими сессиями и тренингами. В такой модели сотрудничества заинтересованы несколько категорий студентов. Первая, это выпускники вузов, ищущие стабильную высокооплачиваемую работу в успешной компании. В традиционной модели они сразу же после выпуска становятся клиентами бизнес-школ. Включение элементов бизнес-образования в структуру вуза поможет им получить практические знания и навыки уже на этапе получения высшего образования. Вторая категория — лица, потерявшие работу в результате структурных изменений на рынке труда. Часто они уже получили высшее образование, которое оказалось невостребованным или устарело. Эта категория заинтересована либо в обновлении теоретических и практических знаний, либо в их новом получении. В обычных условиях для них необходим актуализированный теоретический курс, а также практическая подготовка. Обучаясь по комбинированной программе вуза и бизнес-школы, включающей адаптированный к современным условиям теоретический курс и практическую подготовку, обучающиеся сэкономят собственное время и деньги, быстрее выйдут на рынок труда. Это положительно скажется и на экономике в целом.

Выгоды для бизнес-школ не столь очевидны, на первый взгляд. В определенной степени бизнес-школы и образовательные центры корректируют недостатки современной системы образования, выступая при этом конкурентами вузов. Однако последние тенденции в реформировании образования предполагают более высокую научную специализацию вузов, особенно магистратуры. В этом случае необходим поиск моделей развития бизнес-образования. Поэтому определенные выгоды возможны при альянсе университетов и бизнес-школ с работодателями. Фактически бизнес-школы могут выполнять две функции: второй ступени профессионального образования и агентов по подготовке работников под запросы конкретных организаций. На этапе теоретического обучения в университетах происходит отбор наиболее талантливых студентов, имеющих высокий рейтинг. Затем теоретические навыки дополняются практической подготовкой в лабораториях, учебных фирмах на стажировках в бизнес-школах. В результате компании получают работников, имеющих как соответствующее базовое образование, так и сформированные профессиональные навыки. Это позволит компании снизить затраты на переподготовку персонала, а также приведет к снижению брака и репутационных потерь от действия неквалифицированных сотрудников. Квалификация работника будет подтверждаться не только дипломом, но и сертификатом бизнес-школы. К тому же биз-

нес-образование не так стандартизировано, для него характерно применение передовых педагогических технологий, что позволяет менять структуру курса под потребности клиента, осуществлять переподготовку по заданным требованиям. В результате альянса с университетом бизнес-школа может получить такие выгоды, как расширение сферы деятельности, увеличение потока клиентов, повышение репутации, а следовательно, и финансовые выгоды.

Источники

1. *Gorbachev, N. N.* The implementation of international standards into the education process in Belarus / N. N. Gorbachev, S. N. Malchenko, S. A. Zenchanka // Intern. J. of Foresight and Innovation Policy. — 2006. — № 2 (2). — P. 175–183.
2. *Зенченко, С. А.* Национальная стратегия устойчивого развития Беларуси: опыт разработки и реализации / С. А. Зенченко // Стандарты и качество. — 2014. — № 11 (929). — С. 74–77.
Zenchenko, S. A. National strategy for the sustainable development of belarus: experience in designing and implementing / S. A. Zenchenko // Standards and quality. — 2014. — № 11 (929). — P. 74–77.
3. *Праневич, А. А.* Факторы конкурентоспособности малых стран и особенности их формирования в Республике Беларусь / А. А. Праневич // Экономический вестник университета. Сборник научных трудов ученых и аспирантов / Переяслав-Хмельниц. гос. пед. ун-т им. Григория Сковороды. — 2015. — № 26-1. — С. 86–92.
Pranevich, A. A. Factors of competitiveness of small countries and features of their formation in the Republic of Belarus / A. A. Pranevich // Economic Bulletin of the University. Collection of scientific works of scientists and graduate students / Pereyaslav-Khmelnytsky State Ped. Univ. named Gregory Skovoroda. — 2015. — № 26-1. — P. 86–92.
4. *Шимко, П. Д.* Управление повышением конкурентоспособности организаций высшего профессионального образования в регионе / П. Д. Шимко // Актуальные проблемы управления экономикой региона : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. 23–24 апр. 2009 г. / редкол.: С. Н. Максимов (отв. ред.) [и др]. — СПб. : СПбГИЭУ, 2009.
Shimko, P. D. Managing the increase of competitiveness of organizations of higher professional education in the region / P. D. Shimko // Actual problems of managing the region's economy : materials of the VI All-Russian sci. and practical conf. 23–24 April 2009 / editorial board: S. N. Maksimov (execut. ed.) [et al.]. — St Petersburg : SPbSIEU, 2009.
5. Образование [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/obrazovanie>. — Дата доступа: 11.07.2018.
6. Управление высшего образования [Электронный ресурс] // Министерство образования Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/glavnoe-upravlenie-professionalnogo-obrazovaniya/vysshee-obrazovanie/>. — Дата доступа: 11.07.2018.
7. *Паньков, А.* Лабиринты стратегий. 8К / А. Паньков, Д. Хохлов. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 144 с.
Pan'kov, A. Labyrinths of strategies. 8K / A. Pan'kov, D. Khokhlov. — Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2016. — 144 p.
8. *Ганэ, В. А.* Модели систем организационного управления / В. А. Ганэ, Е. М. Герасимова, Е. Л. Герасимов ; под науч. ред. В. В. Козловского. — Минск : Право и экономика, 2014. — 308 с.
Gane, V. A. Models of organizational management systems / V. A. Gane, E. M. Gerasimova, E. L. Gerasimov ; under the sci. ed. V. V. Kozlovsky. — Minsk : Law and Economics, 2014. — 308 p.
9. *Герасимов, Е. Л.* Методологические основы реформирования организационного управления образованием для экономики устойчивого развития: системный подход / Е. Л. Герасимов, Е. М. Герасимова // Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития общества : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. / сост.: В. Н. Кривцов, Н. Н. Горбачев. — Минск, 2016. — С. 170–171.
Gerasimov, E. L. Methodological foundations of reforming organizational education management for a sustainable development economy: a systems approach / E. L. Gerasimov, E. M. Gerasimova // Modern innovative technologies and problems of sustainable development of society : materials of the IX Intern. sci. and practical conf. / comp.: V. N. Kryvtsov, N. N. Gorbachev. — Minsk, 2016. — P. 170–171.

10. Герасимов, Е. Л. Необходимость трансформации конкурентных преимуществ вуза в информационной экономике / Е. Л. Герасимов, Е. М. Герасимова // Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития общества : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 мая 2017 г. / сост.: В. Н. Кривцов, Н. Н. Горбачев. — Минск : Ковчег, 2017. — С. 267–269.

Gerasimov, E. L. The need to transform the competitive advantages of the university in the information economy / E. L. Gerasimov, E. M. Gerasimova // Modern innovative technologies and problems of sustainable development of society : proc. of the X Intern. sci. and practical conf., Minsk, 26 May 2017 / comp.: V. N. Krivtsov, N. N. Gorbachev. — Minsk : Kovcheg, 2017. — P. 267–269.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018 г.

УДК 378.12:005.951(476)

V. Glushakov
D. Tsygankov
BSEU (Minsk)

USE OF MCKINSEY 7S AND THE CONCEPT OF STAKEHOLDERS TO CREATE DEVELOPMENT DIRECTIONS

The article substantiates the application of McKinsey 7S and the concept of stakeholders in the development of possible directions and mechanism of development of the University. This is a complex of works, which should include mechanisms for creating and promoting exclusive educational services to the market, which allows developing trust in the corporate brand of the University among its potential customers.

The article discusses the possibility and feasibility of using modern management concepts in the daily activities of higher education institutions.

Keywords: management; system of communications; shared values; staff; stakeholder; style of management; structure of the University; skills; McKinsey 7S; knowledge economy.

В. Е. Глушаков
кандидат социологических наук, доцент
Д. Г. Цыганков
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СХЕМЫ 7С И КОНЦЕПЦИИ СТЕЙКХОЛДЕРОВ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТА

В статье дается обоснование применения схемы 7С и концепции стейкхолдеров в процессе разработки возможных направлений и механизма развития университета. Это комплекс работ, который должен включать в себя механизмы создания и продвижения на рынок эксклюзивных образовательных услуг, что позволяет развивать доверие к корпоративному бренду университета у его потенциальных клиентов.

Рассматриваются возможность и целесообразность использования современных концепций менеджмента в повседневной деятельности учреждения высшего образования.

Ключевые слова: менеджмент; система коммуникаций; система ценностей; состав работников; стейкхолдер; стиль руководства; структура университета; сумма навыков; схема 7С; экономика знаний.

С 60-х гг. прошлого века в научном обороте появилось понятие «экономика знаний». В настоящее время существует множество определений данного термина как непосредственно раскрывающих суть экономики знаний, так и определяющих ее через синонимы, например, «инновационная экономика», «высокотехнологическая цивилизация», «общество знаний», «информационное общество» и т.д. Несмотря на обилие определений, авторы статьи, как и другие ученые-экономисты, сходятся в одном, что определяющим фактором для экономики знаний являются знания и человеческий капитал [1].

В своем докладе на научной сессии общего собрания Российской академии наук в 2002 г. академик В.Л. Макаров выделил основные особенности экономики знаний, к которым он отнес: «Первая — дискретность знания как продукта. Конкретное знание либо создано, либо нет. Не может быть знания наполовину или на одну треть. Вторая особенность состоит в том, что знания, подобно другим общественным (публичным) благам, будучи созданными, доступны всем без исключения. И, наконец, третья особенность знания: по своей природе это информационный продукт, а информация после того, как ее потребили, не исчезает, как обычный материальный продукт» [2, с. 454]. Исходя из анализа указанных особенностей, им сделан вывод о том, что «экономика знаний — неразделимая триада рынков — рынка знаний, рынка услуг и рынка труда. Их нельзя рассматривать изолированно, настолько тесно они друг с другом взаимодействуют, из чего вытекает много следствий и что должно быть осознано людьми, которые принимают решения в данной области» [2, с. 455].

Для Республики Беларусь, как и для любого развитого государства, преобразование ресурсной экономики в экономику знаний имеет ключевое значение. Как правильно отмечают Б. Гусаков и Т. Данильченко: «Перспективы социально-экономического развития нации определяет инновационный потенциал общества, который характеризуется возможностями создавать научно-технические новшества, превращать их в товар, конкурентоспособный на внутреннем и внешнем рынках, и, что самое важное, — воспринимать извне технические нововведения» [3, с. 56].

При этом следует констатировать, что наша страна еще не достигла того уровня развития, когда можно ставить вопрос об экономике знаний в полном объеме этого слова. «Современное состояние экономики Республики Беларусь таково, что можно говорить о доминировании технологий III и IV укладов (автомобиле- и тракторостроение, органическая химия, переработка нефти), о достаточно высокой степени износа основных фондов (65–70 %) и относительно низкой доле инновационных предприятий (14–16 %)» [4, с. 17]. В свою очередь вопрос об экономике знаний можно ставить только тогда, когда в национальной экономике доминируют V и VI технологические уклады (далее — ТУ) (робототехника, электроника, телекоммуникации, тонкая химия и биотехнологии, космические технологии).

В связи с этим, как указывает В.Н. Шимов, перед национальной экономикой Республики Беларусь стоят две основные задачи:

1) технологическая, т.е. «формирование производств V и VI ТУ, обеспечивающих отечественному производителю прорыв на мировые рынки и получение сверхприбылей на принципиально новой по сравнению с III и IV ТУ основе — интеллектуальной ренте» [5, с. 10];

2) институциональная — «формирование хозяйственного механизма, обеспечивающего стимулирование развития наиболее передовых технологий, переток капиталов из устаревших в современные высокорентабельные производства» [5, с. 10].

Однако решение данных задач невозможно без человека и накопленных результатов его интеллектуальной деятельности, другими словами, без человеческого капитала. При этом с уверенностью можно говорить, что главным направлением по инвестированию в человеческий капитал является высшее образование, что еще в 60-е гг. XX в. убедительно доказал Г. Беккер [6, с. 90–155].

Также необходимо отметить, что состояние общественного развития современной цивилизации характеризуется постоянным увеличением доли наукоемкого продукта в общем объеме производства, что соответственно повышает и требования к специалистам. При этом возрастает роль высшего образования. Как отмечает Е.В. Викторова: «Образованные люди используют капитал более эффективно, предрасположены к введению новшеств, к изобретению новых, более совершенных форм производства. Повышение уровня образования человека дает ему важные преимущества в виде улучшения условий труда, досуга и потребительского выбора, повышения престижа в обществе и возможность получения удовлетворения от самореализации. Кроме того, человек получает более широкий доступ к интересной и перспективной работе» [7, с. 102].

По данным Всемирного банка, в рамках специальной программы «Знания для развития» индекс экономики знаний в 2012 г. для Республики Беларусь составил 5,59 и она заняла 59-е место из 148 стран (Латвия — 32, Литва — 37, Польша — 38, Россия — 55, Украина — 56) [8], при этом индекс знаний — составил 6,62, что, по мнению Т.Н. Долининой, «указывает на невысокие показатели, характеризующие институциональный режим (условия, в которых развиваются экономика и общество в целом, экономическая и правовая среда, качество регулирования, развитие бизнеса и частной инициативы, способность общества и его институтов к эффективному использованию существующего и созданию нового знания)» [9, с. 116]. По нашему мнению, данные показатели необходимо рассматривать с позиции модернизации высшего образования как институциональной системы, обеспечивающей реализацию Национальной стратегии устойчивого развития до 2030 года [10, с. 232].

В контексте сказанного можно констатировать, что в современных условиях резко возрастает роль университета, так как «только Университет способен не просто решать те или иные научные проблемы, но последовательно и долговременно вести процесс развития наук, передавая накопленный научный материал от одного поколения ученых к другому» [11, с. 4].

Таким образом, потребности развития экономики, высокая динамика обновления знаний, необходимость интеграции вузов в рамках Болонского процесса, а также рост конкуренции в образовательной сфере предполагают:

- 1) четкое определение стратегических приоритетов, без которых невозможно формировать конкурентные преимущества на глобальном рынке образовательных услуг;
- 2) смещение фокуса усилий и перенаправление ресурсов университета на реализацию модели 3.0 (4.0).

Сказанное позволит создавать новые возможности для развития вузов, что логически подводит к тезису о необходимости формирования бизнес-стратегии университета.

В книге Т. Питерса и Р. Уотермена «В поисках эффективного управления» одна из ведущих в мире консалтинговых корпораций «McKinsey&Co» опубликовала итоги глобального сравнительного исследования организации жизнедеятельности ведущих компаний мира [12].

Основной упор в работе был сделан на семи ключевых взаимосвязанных и взаимодополняющих характеристиках организации, которые в своей совокупности образуют «атом успеха»: эффективный набор и селекция персонала; ясная организационная структура; понятные системы и процедуры; квалификация персонала; стиль управления; стратегия; совместные ценности (приверженность своему делу, ориентация на действие, лицом к потребителю, самостоятельность и предприимчивость, связь с жизнью и ценностное руководство, производительность человека, свобода действий и жесткость одновременно, простая форма, скромный штат управления). Так как по-английски названия всех этих характеристик начинались на «S», эта концепция получила название «7 S».

Несомненным достоинством модели Уотермена-Питерса является попытка исторического изучения роли культурного фактора в управлении деловой организацией в рабо-

тах по менеджменту начиная с М. Вебера и Ф. Тейлора и заканчивая Дж. Марчем и Г. Саймоном.

Самый важный вклад Т. Питерса и Р. Уотермена заключается в том, что они одними из первых сумели акцентировать внимание и доказать важность организационной культуры в жизни современных корпораций, а также стали рассматривать компании как самостоятельные культуры. Таким образом, данная модель важна не столько с позиции изучения организационной культуры внутри фирмы, сколько с позиции ее влияния на формирование бизнес-культуры в целом.

Исходя из этого, по нашему мнению, данная модель может быть использована на стадии разработки корпоративной стратегии университета.

Опираясь на эту модель, сформируем первый блок чек-листа, который можно рассматривать в качестве своеобразной матрицы деятельности вуза, детерминирующей возможности его эффективного функционирования и развития.

В схеме 7С компании «McKinsey&Co» стратегия занимает первое место. В современных условиях университет должен создавать ниши на глобальном рынке образовательных услуг эксклюзивным предложением. Стратегия создания и продвижения на рынок эксклюзивных образовательных услуг позволяет развивать доверие к корпоративному бренду университета у его сегодняшних и завтрашних потенциальных клиентов, фокусируя ограниченные ресурсы на приоритетных целях.

Таким образом, первый элемент чек-листа функционирования университета — эксклюзивные образовательные услуги. Данное утверждение авторы основывают в том числе и на итогах регулярных социологических опросов, проводимых среди слушателей Института повышения квалификации и переподготовки экономических кадров БГЭУ. Порядка 72 % респондентов из числа слушателей, проходящих программы переподготовки и повышения квалификации, отмечают, что их выбор учреждения образования и формата обучения был обусловлен интересной специальностью переподготовки (содержанием программы повышения квалификации) и перспективами большей профессиональной самореализации в дальнейшей профессиональной деятельности.

Стиль руководства — второй элемент схемы. Это обусловлено тем, что топ-менеджеры вузов несут всю полноту ответственности за разработку и практическую реализацию стратегии. Кроме того, стиль выступает инструментом, посредством которого реализуется стратегия и который необходимо адаптировать к изменяющимся условиям, т.е. реализовывать ситуативный стиль руководства.

В чек-листе или, как мы отметили выше, «матрице» функционирования вуза, стиль руководителей можно и должно рассматривать в качестве морального и профессионального компаса, указывающего коллективу направления движения и развития.

Совместные ценности — третий элемент схемы, является своеобразной несущей конструкцией корпоративной культуры, объединяя разных людей для достижения общезначимых корпоративных стратегических целей. «Лебедя», «рака» и «щучку» можно «запрячь в одну упряжку» если: а) сотрудники осознают, что действуя в составе коллектива, они быстрее реализуют свои цели, чем в одиночку и б) будут руководствоваться общезначимыми ценностями, консолидируя усилия, а не конфликтуя по вопросам правильности целей или разумности технологий их достижения.

Следовательно, третьим элементом чек-листа выступают совместные ценности. Они позволяют включить в комплексную систему мотивации профессорско-преподавательского состава (далее — ППС) важный элемент — мотивацию отношениями: комфортными, стимулирующими профессиональный и личностный рост и самореализацию в составе сильных креативных коллективов.

Сумма навыков — четвертый элемент схемы, определяет набор компетенций — знаний, умений, навыков, необходимый сотрудникам для решения задач, обусловленных стратегическими целями. Причем функционала, как часто называют компетенции,

желательно чтобы было больше, чем необходимо для решения текущих задач. Ведь их сложность и разнообразие постоянно растут.

Четвертый элемент чек-листа — сумма навыков должен рассматриваться не только как некий минимально необходимый для работы ППС объем компетенций, а совокупный потенциал личности, способной к постоянному развитию, посредством объективной рефлексии.

Состав работников — пятый элемент схемы, определяет количественно-качественные параметры трудового коллектива, способного решать поставленные задачи. Здесь важно понимать, что именно от выбора формата исполнителей, будь то кафедра, временный научный коллектив, проектная команда и т.д., зависит выбор исполнителями механизма решения поставленных задач, объединенных сильной стимулирующей целью и общими ценностями.

Таким образом, состав работников — это пятый элемент чек-листа, который надо рассматривать в рамках ситуативного менеджмента. Под этим мы понимаем, что сложности задач должна соответствовать и развитость структур, которые призваны их решать. Временные научные и трудовые коллективы, проектно-целевые команды, совместные с партнерскими организациями проекты, филиалы вуза, консорциум университетов — таков далеко не полный перечень структурных форм, которые можно и должно использовать для решения задач вуза разной сложности и длительности.

Система коммуникаций — шестой элемент схемы, определяет качество ключевых бизнес-процессов в рамках которых разрабатывается и продвигается образовательный контент, проводятся научные исследования и осуществляется педагогическая деятельность в университете. Она в большей степени влияет на эффективность всех процессов, так как любое число, умноженное на ноль, равно нулю. Потому система коммуникаций должна обеспечивать одинаково высокое качество во всех элементах системы.

В чек-листе вуза система коммуникаций является одним из определяющих элементов. Ибо от качества системы взаимодействия отдельных исполнителей, согласованной координации усилий всех подразделений и партнерских структур в конечном счете зависит качество обслуживания клиентов вуза.

Последний седьмой элемент схемы — структура. В рамках структуры четко прописываются границы ответственности подразделений, служб и отдельных исполнителей и распределяются необходимые для работы ресурсы. Структура университета, работающего в условиях сокращения жизненного цикла не только товаров, услуг, сфер деятельности, но в первую очередь самих знаний, не может быть жестко иерархической. Это не позволит университету адекватно реагировать на изменение конъюнктуры рынка образовательных услуг. Ее целесообразно строить плоской, т.е. двухуровневой.

На верхнем уровне: ректор и проректоры разрабатывают стратегию развития с привлечением необходимых экспертов и специалистов.

На нижнем: заведующие кафедрами совместно с ППС обеспечивают стратегические цели, реализуя принципы «направленной самостоятельности» и «комплементарности».

При таком подходе к построению и функционированию структуры вуза требуется скорректировать взаимоотношения с главными стейкхолдерами (группами влияния) университета [13, 14].

Структура — седьмой элемент чек-листа, ибо она узаконивает, придает формализованный вид всем предыдущим элементам и выступает матрицей вуза, которая будет видоизменяться по мере усложнения его деятельности.

Второй блок чек-листа — это стейкхолдеры, оказывающие наибольшее влияние на все стороны деятельности вуза. Рассмотрим их в порядке силы влияния на функционирование университета.

Государство, ожидающее получить от университета налоги, научную продукцию, а также подготовленных для экономики специалистов, по нашему мнению должно

лишь концептуально влиять на стратегию университета и выбор руководством его структуры.

Восьмой элемент чек-листа — государство в лице профильного министерства, которое должно в большей степени влиять на деятельность вуза посредством реализации принципа «направленной самостоятельности».

Вторая группа стейкхолдеров — ректор и проректоры, в рамках госзаказа, призваны, как уже говорилось, определять стратегические приоритеты развития без их излишней детализации.

Следовательно, девятый элемент чек-листа вуза — это топ-менеджеры, определяющие его миссию, ключевые стратегические цели, а также обеспечивающие их достижение ресурсами и выполняющие важнейшие представительские функции.

Третья группа стейкхолдеров — ППС и вспомогательный персонал должны разрабатывать механизм и технологии достижения поставленных целей. Для этого необходимо активнее создавать временные научные коллективы, способные разрабатывать востребованный образовательный и научный контент, а также образовательные и научные методики с их последующей трансляцией к конечным исполнителям.

Десятый элемент чек-листа — кадровое ядро из числа ключевых ППС и специалистов. Скачкообразный характер НТР и НТП предполагает необходимость активного вовлекать в деятельность вуза самых различных специалистов из партнерских структур и контактных аудиторий, а не ограничиваться лишь штатным персоналом, что ограничивает возможности маневра кадрами при достижении приоритетных целей.

Четвертая группа стейкхолдеров — партнеры университета: банки, другие вузы, иные организации заинтересованы во взаимовыгодных проектах, как правило, в течение кратко- и среднесрочной перспективы, т.е. 1–3 лет.

Одиннадцатый элемент чек-листа — партнеры университета следует рассматривать как весьма динамичный во всех смыслах ресурс. Взаимоотношения с ними следует строить на кратко- и среднесрочной перспективе, что обусловлено сокращением и видоизменением жизненного цикла большинства услуг, оказываемых вузом своим клиентам.

Таким образом, можно сделать вывод, что, как нами говорилось ранее [1, 15, 16], процесс разработки направлений развития университета предполагает, во-первых, последовательную реализацию схемы 7С и, во-вторых, достижение компромисса между основными стейкхолдерами в отношении стратегических целей, сроков их достижения и объема необходимых для этого ресурсов.

Источники

1. Глушаков, В. Е. Управление изменениями в бизнесе / В. Е. Глушаков. — Минск : Дикта, 2011. — 212 с.
2. Глушаков, В. Е. *Upravlenie izmeneniyami v biznese* / V. E. Glushakov. — Minsk : Dikta, 2011. — 212 s.
3. Макаров, В. Л. Экономика знаний: уроки для России / В. Л. Макаров // Вестн. Рос. акад. наук. — 2003. — Т. 73, № 5. — С. 450–456.
4. *Makarov, V. L. Ekonomika znaniy: uroki dlya Rossii* / V. L. Makarov // Vestn. Ros. akad. nauk. — 2003. — Т. 73, № 5. — S. 450–456.
5. Гусаков, Б. Конвергенция технологий: взгляд в будущее / Б. Гусаков, Т. Данильченко // Наука и инновации. — 2018. — № 9 (187). — С. 56–61.
6. *Gusakov, B. Konvergentsiya tekhnologiy: vzglyad v budushchee* / B. Gusakov, T. Danil'chenko // Nauka i innovatsii. — 2018. — № 9 (187). — S. 56–61.
7. Енин, Ю. И. Формирование в Республике Беларусь основ экономики знаний: теория и практика / Ю. И. Енин // Экономика и упр. — 2012. — № 2. — С. 14–20.
8. *Enin, Yu. I. Formirovanie v Respublike Belarus' osnov ekonomiki znaniy: teoriya i praktika* / Yu. I. Enin // Ekonomika i upr. — 2012. — № 2. — S. 14–20.

5. Шимов, В. Н. Структурная трансформация экономики Беларуси: предпосылки и приоритеты / В. Н. Шимов // Белорус. экон. журн. — 2008. — № 2. — С. 4–11.
Shimov, V. N. Strukturnaya transformatsiya ekonomiki Belarusi: predposylki i priority / V. N. Shimov // Belarus. ekon. zhurn. — 2008. — № 2. — S. 4–11.
6. Беккер, Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г. С. Беккер. — М. : ГУ ВШЭ, 2003. — 672 с.
Bekker, G. S. Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskiy podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii / G. S. Bekker. — M. : GU VShE, 2003. — 672 s.
7. Викторова, Е. В. Высшее образование и человеческий капитал в инновационной экономике / Е. В. Викторова // Инновации. — 2011. — № 6 (152). — С. 100–107.
Viktorova, E. V. Vysshee obrazovanie i chelovecheskiy kapital v innovatsionnoy ekonomike / E. V. Viktorova // Innovatsii. — 2011. — № 6 (152). — S. 100–107.
8. Индекс экономики знаний. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/knowledge-economy-index/knowledge-economy-index-info>. — Дата доступа: 30.12.2018.
9. Долинина, Т. Н. Беларусь в кругу сопредельных стран: институциональные основы национальной конкурентоспособности / Т. Н. Долинина // Белорус. экон. журн. — 2017. — № 4. — С. 114–128.
Dolinina, T. N. Belarus' v krugu sopredel'nykh stran: institutsional'nye osnovy natsional'noy konkurentosposobnosti / T. N. Dolinina // Belarus. ekon. zhurn. — 2017. — № 4. — S. 114–128.
10. Специфика государственного строительства на принципах устойчивого развития общества / А. С. Зубра [и др.]. — Минск : Право и экономика, 2007. — 360 с.
Spetsifika gosudarstvennogo stroitel'stva na printsipakh ustoychivogo razvitiya obshchestva / A. S. Zubra [i dr.]. — Minsk : Pravo i ekonomika, 2007. — 360 s.
11. Томсинов, В. А. Роль Университета в жизни общества / В. А. Томсинов // Этнос и право. — 2016. — № 1. — С. 4–8.
Tomsinov, V. A. Rol' Universiteta v zhizni obshchestva / V. A. Tomsinov // Etnos i pravo. — 2016. — № 1. — S. 4–8.
12. Питерс, Т. В поисках эффективного управления (опыт лучших компаний) / Т. Питерс, Р. Уотермен. — М. : Прогресс, 1986. — 418 с.
Piters, T. V poiskakh effektivnogo upravleniya (opyt luchshikh kompaniy) / T. Piters, R. Uotermen. — M. : Progress, 1986. — 418 s.
13. Зуб, А. Т. Стратегический менеджмент. Теория и практика / А. Т. Зуб. — М. : АСПЕКТ-ПРЕСС, 2002. — 415 с.
Zub, A. T. Strategicheskiy menedzhment. Teoriya i praktika / A. T. Zub. — M. : ASPEKT-PRESS, 2002. — 415 s.
14. Freeman, R. E. Strategic Management: A stakeholder approach / R. E. Freeman. — Boston : Pitman, 1984. — 420 p.
15. Глушаков, В. Е. Комплексная оценка деятельности и мотивации труда персонала вуза / В. Е. Глушаков, Д. Г. Цыганков // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. — 2017. — № 6 (125). — С. 21–28.
Glushakov, V. E. Kompleksnaya otsenka deyatel'nosti i motivatsii truda personala vuza / V. E. Glushakov, D. G. Tsygankov // Vesn. Belarus. dzyarzh. ekan. un-ta. — 2017. — № 6 (125). — S. 21–28.
16. Глушаков, В. Е. О системе оценки и мотивации труда ППС / В. Е. Глушаков, Д. Г. Цыганков // Дополнительное образование взрослых: проблемы и перспективы развития : материалы IV Междунар. заоч. науч.-практ. конф., Минск, 23 марта 2018 г. / Ун-т граждан. защиты М-ва по чрезвычайн. ситуациям Респ. Беларусь. — Минск : УГЗ, 2018. — С. 13–17.
Glushakov, V. E. O sisteme otsenki i motivatsii truda PPS / V. E. Glushakov, D. G. Tsygankov // Dopolnitel'noe obrazovanie vzroslykh: problemy i perspektivy razvitiya : materialy IV Mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf., Minsk, 23 marta 2018 g. / Un-t grazhdan. zashchity M-va po chrezvychn. situatsiyam Resp. Belarus'. — Minsk : UGZ, 2018. — S. 13–17.

Статья поступила в редакцию 28.11.2018 г.

L. Golenda
N. Govyadinova
BSEU (Minsk)

TRANSFORMATION OF REMOTE BANKING SERVICES IN THE CONDITIONS OF FORMATION OF THE DIGITAL ECONOMY

In the article, the authors explore the problems associated with the development of retail banking services and their prospects in the Republic of Belarus in the transition to a digital economy.

Keywords: banking services; the transformation of banking services; digital economy; payment cards; electronic money; mobile banking; Internet banking.

Л. К. Голенда
кандидат экономических наук, доцент
Н. Н. Говядинова
доцент
БГЭУ (Минск)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ БАНКОВСКИХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье авторы исследуют проблемы, связанные с развитием розничных банковских услуг и их перспективы в Республике Беларусь в условиях перехода к цифровой экономике.

Ключевые слова: банковские услуги; дистанционное банковское обслуживание; трансформация банковских услуг; цифровая экономика; платежные карты; электронные деньги; мобильный банкинг; интернет банкинг.

В условиях цифровой трансформации экономики финансово-кредитная сфера республики претерпевает непрерывные технологические изменения, направленные в первую очередь на обеспечение постоянного удаленного доступа клиентов к услугам банка и разработку новых банковских продуктов и услуг, реализуемых на базе технологий дистанционного банковского обслуживания (ДБО) и самообслуживания с использованием многоканального доступа.

Банковская деятельность уже в значительной степени основывается на использовании цифровых технологий для обеспечения индивидуализации предоставляемых продуктов и услуг, постоянного удаленного доступа клиентов к услугам банка. Основными и наиболее развитыми компонентами цифрового банкинга являются электронные платежные инструменты, которые понятны банкам и их клиентам [1]. К ним относятся: электронные деньги в виде электронных чеков и виртуальных денежных единиц; пластиковые карточки; банковские переводы денежных средств с одного счета на другой, осуществляемый с использованием электронных средств; дистанционное банковское обслуживание, включая интернет-банкинг и мобильный банкинг.

Применение цифровых технологий позволяет сократить персонал, избавить операционистов расчетно-кассовых центров от рутинных операций и отчетности. Как следствие, потребуется реорганизация кадрового состава, изменение функциональных обязанностей и повышение качества профессиональной подготовки работников банка. Помимо этого внедрение цифровых инноваций в финансовую сферу приводит к размыванию границ между финансовым и реальным секторами экономики, что вызывает необходимость решения множества проблем, связанных с регулированием, налогообложением и обеспечением защиты данных [2].

Внедрение инновационных цифровых технологий особенно влияет на развитие розничного бизнеса банка, который в первую очередь связан с розничными банковскими услугами. В широком смысле под розничной банковской услугой (РБУ) будем понимать услугу, оказываемую физическим лицам: обмен валюты; открытие вклада; обслуживание финансового взаимодействия физических лиц с предприятиями; оплата коммунальных услуг; эквайринг банковских карт; дистанционное банковское обслуживание; доверительное управление активами клиента; консультационные услуги; финансовый инжиниринг; предоставление кредитных историй в режиме онлайн; предоставление на сайте банка онлайн-карты с геолокацией и др.

Характерными чертами розничного банковского бизнеса является наличие большого количества клиентов, счетов и операций, разнообразие продуктов и услуг, высокая степень зависимости от технологий и тесное взаимодействие банка с розничными продавцами и производителями товаров и услуг.

В настоящее время белорусские банки предлагают следующие виды ДБО: Call-центр (система информационной поддержки клиента), IVR (система интерактивного голосового ответа и голосовых меню), SMS-банкинг и SMS-оповещение, USSD-банкинг (совершение платежа при блокировке абонента или недостатка денежных средств на лицевом счете для отправки SMS-сообщения), мобильный банкинг, автооплата (осуществление регулярных платежей в автоматическом режиме), Интернет-банкинг, ТВ-банкинг (прием платежей с использованием интерактивного телевидения), трансфер (автоматический перевод части зарплаты в валюту), on-line заявка на оформление карточки или кредита [3].

Банки республики в основном акцентируют внимание на развитие функциональных возможностей безналичных расчетов, доля которых в розничном товарообороте организаций торговли и общественного питания в первой половине 2018 г. составила 40 % [2].

Основным инструментом осуществления платежей являются банковские платежные карты, общее количество которых на 01.10.2018 г. составило 14 719,9 тыс. штук, т.е. на каждого жителя республики приходится около 1,5 карты, что свидетельствует о насыщенности рынка. На рис. 1 отражена динамика эмиссии банковских карт в разрезе типов платежных систем.

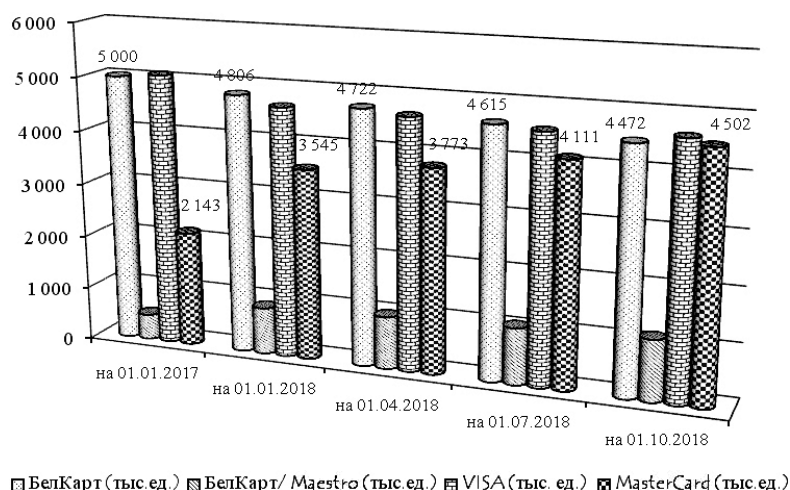

Рис. 1. Динамика эмиссии банковских пластиковых карт

Источники: разработано авторами на основе [5].

В мировой практике наблюдается тенденция роста оборота наличности вопреки стараниям банков перейти на безналичный расчет [4]. Белорусские банки мотивируют клиентов на расширение сферы использования безналичных платежей путем предложения платежных карт с функциями поддержки разнообразных программ лояльности (накопление бонусов, возврат кэша, рассрочка и др.) и реализацией нескольких платежных систем на одной карте. Наблюдается рост эмиссии микропроцессорных карт, доля которых в общей эмиссии карт на 1 июля 2018 г. составила 39,4 % [1].

Анализ статистических данных об объемах операций с использованием платежных карт в Республике Беларусь за период с 01.01.2017 по 01.10.2018 г. отражает тенденцию к постепенному увеличению доли безналичных платежей по сравнению с операциями по обналичиванию денежных средств (рис. 2), причем наблюдается тенденция более высоких темпов роста безналичных платежей.

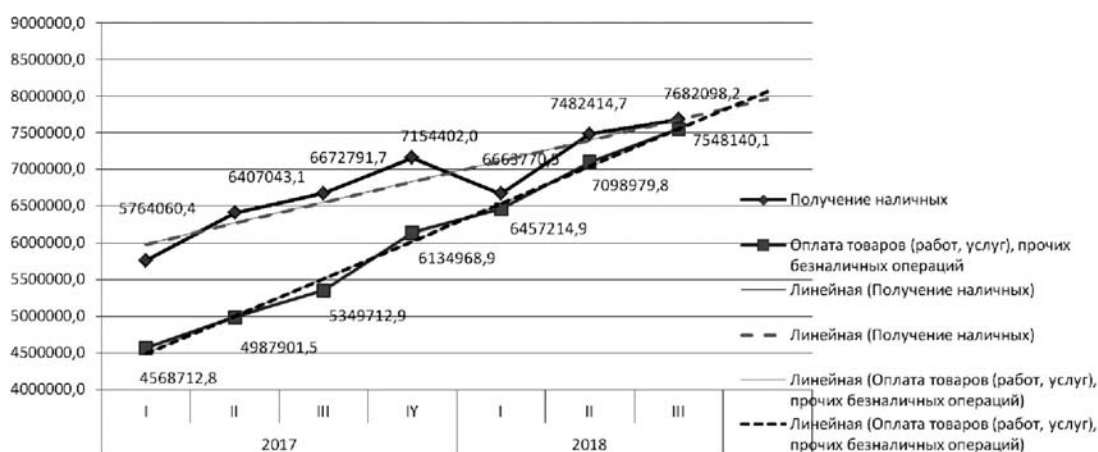

Рис. 2. Тенденции роста объемов безналичных платежей в республике

Источники: разработано авторами.

Насыщенность рынка банковских платежных карт свидетельствует об ограниченных возможностях дальнейшего роста эмиссии традиционных платежных карт, следовательно, банкам необходимо искать новые пути реализации безналичных расчетов.

Основным препятствием для расширения масштабов применения интернет- и мобильного банкинга является недостаточный уровень подготовленности как физических, так и юридических лиц к использованию уже предоставляемых мобильных банковских сервисов (рис. 3, 4).

В частности, Беларусбанк анонсировал сервис Belarusbank Pay, позволяющий с помощью мобильного приложения реализовать виртуальную банковскую платежную карту для совершения платежей в организациях торговли и сервиса касанием телефона к бесконтактному платежному терминалу (mPOS).

Мобильный банкинг для своих клиентов предлагают Приорбанк, Банк Решение, Идея Банк и другие. Мобильные банковские приложения совмещают мобильные устройства с банковской платежной картой, что позволяет клиентам осуществлять платежи и получать информацию о состоянии счетов и управлять ими независимо от территориального расположения и в любое время.

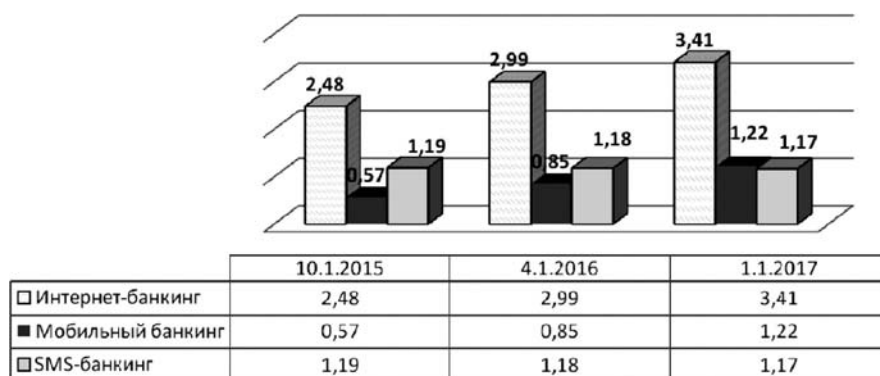

Рис. 3. Популярность ДБО (физические лица, млн)

Источник: разработано авторами на основе [6].

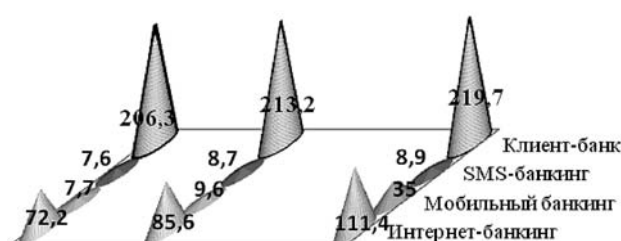

Рис. 4. Популярность ДБО (юридические лица, тыс.)

Источник: разработано авторами на основе [6].

В настоящее время разработчики предлагают разнообразное программное обеспечение для реализации как интернет-банкинга с новой функциональностью (осуществление всего перечня финансовых операций и настройки собственного рабочего стола с виджетами, расширенная аналитика по личным финансам в удобном пользовательском интерфейсе), так и мобильного банкинга с новыми сервисами (биометрическая идентификация, вход по отпечаткам пальца, поддержка голосового помощника, автоматические сообщения о движении средств на счете, заказ продуктов с просмотром условий для каждого из них и другое). Например, агрегатор многоканального обслуживания EasyPay предоставляет клиентам мобильное приложение и специальные программные модули для сайтов интернет-магазинов, разработанных с поддержкой единого стандарта автоматического обмена финансовой информацией (Common Reporting Standard — CRS) и использующих системы управления контентом типа Joomla, WordPress, OpenCart, Drupal, Bitrix, MODX и др.

В условиях выполнения клиентом финансовых операций в режиме самообслуживания у него возникает проблема управления информационным обменом, следовательно, клиент должен получать всю необходимую информацию в нужное время и нужной полноты, позволяющую ему принимать адекватные ситуации решения, что обеспечивает внедрением международного стандарта ISO 20022 разработки универсальных схем обмена информационными сообщениями при осуществлении любых финансовых операций.

Для обеспечения безопасности при совершении клиентами банка операций с использованием мобильных приложений и в сети Интернет требуется расширение применения биометрических технологий. В республике разрабатываются мероприятия по минимизации рисков держателей карт при проведении операций в инфокиосках, банкоматах и сети Интернет, что поспособствует дальнейшему развитию бесконтактных технологий в банковской системе.

Одним из перспективных направлений совершенствования технологии осуществления платежных операций является развитие системы мгновенных платежей, которые определяются как платежи, в которых передача платежного сообщения и переводимых средств получателю происходит в режиме реального времени на основе 24/7 с соблюдением безотзывности платежа и обеспечением окончательности расчета [7].

Расширение сферы безналичных расчетов можно обеспечить применением электронных денег (ЭД). В настоящее время белорусские банки обеспечивают:

- выпуск в обращение ЭД систем: Берлио, МТС Деньги, V-coin, WebMoney Transfer, iPay, QIWIБел, Belqi, ePay и ЭД на базе предоплаченной карты системы MasterCard;
- выполнение операций погашения ЭД, эмитированных нерезидентами: Росберлио-Карт, Euroberlio;
- выполнение операций по распространению и погашению ЭД, эмитированных нерезидентами: eCard АББ, Яндекс.Деньги, а также ЭД на базе предоплаченной карты системы MasterCard.

Динамика объемов эмитированных и использованных электронных денег представлена на рис. 5.

Рис. 5. Объемы электронных денег, млн деноминированных рублей

Источники: разработано авторами.

Анализ статистических данных по объемам эмитированных и использованных электронных денег позволяет сделать вывод о необходимости мотивировать и активизировать клиентов к использованию ЭД при осуществлении платежей.

В настоящее время предлагаемые виды банковских услуг чаще всего ассоциируются с конкретной кредитно-финансовой организацией. Первым шагом в направлении предо-

ставления банковских услуг независимо от конкретного банка является единый мобильный банкинг — Banka, который обслуживает в режиме on-line клиентов различных банков Республики Беларусь, объединяет все финансы в одном приложении, что позволяет клиенту управлять всеми платежными картами, счетами и кредитами, открытыми в разных банках. Реализация такого сервиса требует внедрения единой системы идентификации клиентов банков.

На основании Стратегии развития цифрового банкинга в Республике Беларусь на 2016–2020 годы [8] и проведенного исследования можно сформулировать основные направления развития розничных банковских услуг Беларуси в условиях перехода к цифровой экономике:

- 1) развитие межбанковской системы идентификации, позволяющей клиенту получать дистанционно услуги и совершать сделки в любом банке;
- 2) обеспечение безопасности при использовании платежных карт, платежных приложений и терминального оборудования;
- 3) организация приема платежей от покупателей посредством разнообразных электронных платежных систем;
- 4) расширение сферы применения безналичных расчетов путем развития бесконтактных технологий, расширения эмиссии бесконтактных карт и инфраструктуры по их приему, применения мобильных приложений для осуществления операций;
- 5) развитие рынка электронных денег, расширение возможностей выполнения операций с ЭД различных систем, повышение мотивации потребителей в использовании электронных кошельков;
- 6) применение международного стандарта ISO 20022 для построения универсальной схемы взаимодействия участников рынка финансовых услуг.

Ключевыми направлениями развития системы безналичных расчетов по розничным платежам в 2016–2020 гг. является увеличение доли безналичных расчетов с использованием банковских платежных карт и их реквизитов при осуществлении населением розничных платежей, а также применение современных технологий и способов оплаты. Основными резервами роста доли безналичных расчетов являются:

- развитие электронной коммерции и расширение сферы применения электронных денег;
- расширение области применения автоматизированной информационной системы «Расчет», в том числе за счет использования при расчетах в интернет-магазинах;
- мотивация клиентов банков использования безналичных расчетов путем предложений различных программ лояльности;
- продвижение каналов ДБО, в том числе для осуществления купли/продажи ценных бумаг;
- мобилизация публичных денежных ресурсов — краудсорсинг — для решения задач бизнеса;
- предоставление услуг и оформление кредитов и депозитов без привлечения финансового посредника в режиме реального времени с использованием сети Интернет (P2P-кредитование);
- использование возможностей цифрового банкинга, позволяющих осуществлять взаимодействие банков, их клиентов, государственных органов управления и коммерческих организаций посредством электронных каналов связи — мобильных устройств, web-сайтов, социальных сетей, форумов;
- проведение платежей с использованием цифровых каналов для оплаты товаров и услуг через выставление электронных счетов организациям торговли и сервиса для последующей оплаты через системы ДБО;
- использование виртуальных карт (эмуляция микропроцессорных карт на мобильном устройстве) для осуществления мобильных бесконтактных платежей без физического использования карт;

• использование подключенного к смартфону или планшету платежного терминала mPOS для проведения безналичных расчетов с помощью карт посредством беспроводной высокочастотной связи малого радиуса действия.

Источники

1. Сотников, А. Е. Актуальные вопросы использования современных электронных платежных инструментов и средств платежа, интернет-банкинга и иных систем ДБО / А. Е. Сотников // Банк. вестн. — 2015. — № 4. — С. 9–15.
Sotnikov, A. E. Current issues of using modern electronic payment instruments and means of payment, Internet banking and other DBS systems / A. E. Sotnikov // Bank Bull. J. — 2015. — № 4. — P. 9–15.
2. Калечиц, Д. Л. Приоритетные направления цифровой трансформации банковского сектора Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Д. Л. Калечиц // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.nbrb.by/top/pdf/doklad-kalechits-10-2018.pdf>. — Дата доступа: 11.11.2018.
Kalechits, D. L. Priority directions of digital transformation of the banking sector of the Republic of Belarus [Electronic resource] / D. L. Kalechits // National Bank of the Republic of Belarus. — Mode of access: <http://www.nbrb.by/top/pdf/doklad-kalechits-10-2018.pdf>. — Date of access: 11.11.2018.
3. Голенда, Л. К. Дистанционное банковское обслуживание: состояние и перспективы развития в Республике Беларусь / Л. К. Голенда, Н. Н. Говядинова, К. А. Забродская // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18 мая 2018 г. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2018. — С. 120–121.
Golenda, L. K. Remote banking services and the state and development prospects in the Republic of Belarus / L. K. Golenda, N. N. Govyadinova, K. A. Zabrodskaya // Economic growth of the Republic of Belarus: globalization, innovation, sustainability : materials of the XI Intern. sci.-practical conf., Minsk, 18 May 2018 / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2018. — P. 120–121.
4. Трансформация банковского филиала: от «окна» для выдачи денег до «бутика» финансовых услуг [Электронный ресурс] // Инфобанк. — Режим доступа: <https://infobank.by/infolineview/transformatiya-bankovskogo-filiala-ot-okna-dlya-vydachi-deneg-do-butika-finansovykh-uslug/>. — Дата доступа: 05.12.2018.
5. Основные показатели развития рынка банковских платежных карточек в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.nbrb.by/payment/PlasticCards/>. — Дата доступа: 03.12.2018.
6. Ермакович, А. О популярных каналах и будущем ДБО [Электронный ресурс] // Системные технологии. — Режим доступа: <https://www.st.by/media/news/o-populyarnykh-kanalakh-i-budushchem-dbo/>. — Дата доступа: 09.11.2018.
Ermakovich, A. About popular channels and the future of DBS [Electronic resource] // System Technologies. — Mode of access: <https://www.st.by/media/news/o-populyarnykh-kanalakh-i-budushchem-dbo/>. — Date of access: 09.11.2018.
7. Концепция создания сервиса по мгновенным платежам, доступного в режиме 24/7/365 [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.nbrb.by/payment/concept-instant-payment-service.pdf>. — Дата доступа: 19.11.2018.
8. Стратегия развития цифрового банкинга в Республике Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 2 марта 2016 г., № 108 // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.nbrb.by/Legislation/documents/DigitalBankingStrategy2016.pdf>. — Дата доступа: 31.08.2016.
9. Голенда, Л. К. Анализ состояния и тенденции развития рынка банковских платежных карточек в Республике Беларусь / Л. К. Голенда, Н. Н. Говядинова, К. А. Забродская // Науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2018. — Вып. 11. — С. 108–115.
Golenda, L. K. Analysis of the state and trends of the market of bank payment cards in the Republic of Belarus / L. K. Golenda, N. N. Govyadinova, K. A. Zabrodskaya // Sci. works / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2018. — Vol. 11. — P. 108–115.
10. Голенда, Л. К. Современные направления развития платежной системы Республики Беларусь / Л. К. Голенда, Н. Н. Говядинова // Математика, статистика и информационные технологии

в экономике, управлении и образовании : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Тверь, 31 мая 2016 г. — Тверь, 2016. — Т. V, ч. 2. — С. 28–33.

Golenda, L. K. Modern trends of development of the payment system of the Republic of Belarus / L. K. Golenda, N. N. Govyadinova // Mathematics, statistics and information technologies in economics, management and education : materials of the V Intern. sci. and practical conf., Tver, 31 May 2016. — Tver, 2016. — Vol. V, pt. 2. — P. 28–33.

Статья поступила в редакцию 13.11.2018 г.

УДК 330.837.2

K. Golubev
BSEU (Minsk)

ABOUT THE TREND OF THE MONOPOLIZATION OF MARKETS IN CONDITIONS OF FINANCIAL CAPITALISM

The article considers the peculiarities of understanding of the development of financial capitalism in liberal and socialist theories. Special attention is paid to the problems of the tendency to monopolization of markets in the conditions of financial capitalism. The author proposes to pay more attention to the problems of monopolization of the economy in the teaching of economic disciplines.

Keywords: financial capitalism; monopoly; competition; concentration; economy; politics; market; capital; power; country.

К. И. Голубев
доктор экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

О ТЕНДЕНЦИИ К МОНОПОЛИЗАЦИИ РЫНКОВ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛИЗМА

В статье рассматриваются особенности понимания развития финансового капитализма в либеральных и социалистических теориях. Особое внимание уделяется проблемам тенденции к монополизации рынков в условиях финансового капитализма. Автор предлагает уделить больше внимания проблемам монополизации экономики в преподавании экономических дисциплин.

Ключевые слова: финансовый капитализм; монополия; конкуренция; концентрация; экономика; политика; рынок; капитал; власть; страна.

Одной из наиболее актуальных задач для стран с переходными экономиками является определение тенденций и характеристик развития экономик стран, являющихся лидерами в современном мире. В этой связи интересно обратить внимание на мнение такого авторитетного специалиста, как Роберт Шиллер (лауреат премии им. Альфреда Нобеля по экономике, профессор экономики Йельского университета), отмечающего, что мы живем в условиях экономической системы, соответствующей обществу финансового капитализма [1, с. 12]. Заметим, что Нобелевская премия по экономике 2013 г. была присуждена Р. Шиллеру (вместе с ним премию получили Ю. Фама и Л. Хансен) с формулировкой «за эмпирический анализ цен активов». Р. Шиллер также внес вклад в исследования долгосрочной прогнозируемости доходностей, показав, что отношения текущих дивидендов к цене является хорошим предсказателем доходности на горизонте в один год. Совместно с К. Кейсом он разработал индекс Кейса — Шиллера, который является

стандартным индексом цен на жилье в США. Интересно, что накануне кризиса 2007–2008 гг. он сделал прогноз о проблемах на рынке субстандартных ипотечных кредитов и соответствующих сложностях прочих финансовых рынков. Также Р. Шиллер принял участие в развитии особого направления в финансах — поведенческих финансов и подтверждении важности психологической предвзятости при оценке акций. При этом значительную известность получила его совместная с Джорджем Акерлофом работа *Spiritus Animalis*: или Как человеческая психология управляет экономикой (заметим, что Джордж Акерлоф совместно с Майклом Спенсом и Джозефом Стиглицем получили Нобелевскую премию по экономике в 2001 г.), ставшая во время последнего финансового кризиса одной из наиболее авторитетных книг экономистов-исследователей, описавших экономику при капитализме, подверженную влиянию иррационального начала и требующую правил установленных государством [2].

Вопросы монополизации экономики в условиях финансового капитализма в теориях либерализма. Финансовый капитализм рассматривается у Р. Шиллера как стадия общего развития капитализма с соответствующими институтами (система рынков, частная собственность, правовые нормы и классовые отношения) и такой определяющей характеристикой, как превращение финансов в определяющую движущую силу развития капитализма. При этом Шиллер признает, что по мнению многих исследователей направление развития современной рыночной экономики во все большей степени задается относительно небольшим количеством руководителей бизнеса, которые в результате успехов в управлении компаниями приобрели чрезвычайно большое влияние. Ожидаемо, самые богатые и влиятельные в обществе люди часто воспринимаются как жестокие феодалы, задающие из своих кабинетов темп развития общества в целом [1, с. 27, 438–439]. Говоря на эту тему, Р. Шиллер обнаруживает моменты, совпадающие с идеями Ф.А. фон Хайека (лауреата Нобелевской премии по экономике 1974 г.), который отмечал проблему утраты человеком чувства личного участия в жизни общества в условиях монополизации экономики при избыточном вмешательстве государства. При этом Хайек [3, с. 67] ссылается на исследование, в котором делается вывод, что «...монополии чаще всего возникают под действием совершенно иных факторов, чем низкие цены и крупные размеры производства. Они образуются в результате тайных соглашений и поощряются политикой государства». Соответственно большой бизнес поглощает и государство, а в результате такая чрезмерная зависимость создает в обществе пораженческую установку, что в частности привело в ходе Второй мировой войны к чудовищным преступлениям. Если рассматривать идеи Хайека о рассеянии информации, то это не происходит само собой и требует серьезных мер со стороны контролирующих органов. То есть возможность освобождения от указанной рабской ментальности требует от социальной системы соответствующих механизмов регулирования и предотвращения развития чрезмерно централизованной и институционализированной власти. В этой связи интересно обратить внимание на предложение Шиллера о принятии коллективного решения о расширении базы современного финансового капитализма, в том числе путем расширения участия различных слоев общества в акционерной собственности корпораций и создания системы налоговых льгот для малого бизнеса. Такой способ апологетики финансового капитализма приводит к идее создания комплекса прав, определяющих возможность создания и функционирования организованных субъектов хозяйствования, что означало бы формирование особого типа «социального капитала, благоприятствующего творчеству и созиданию» [1, с. 440–441]. Однако эта апология развития финансового капитализма противоречит реальным данным об углублении расслоения общества [4] и скорее подтверждает мысль о попытках манипулирования обществом путем включения большинства граждан в систему участия в прибылях. При чем риторика о важности методов участия в прибылях является привычной еще со времени Г. Форда [5], получив широкую известность еще в годы существования СССР.

Участие в прибылях действительно давно успешно используется как метод стимулирования персонала, но не является методом, гарантирующим реальное участие рабочих в управлении организацией и управлении финансовыми и прочими ресурсами общества.

Интересно, что далеко не оптимистичный анализ ситуации в странах, которые считаются передовыми, можно видеть и у Ф.А. фон Хайека, критиковавшего не только социалистическую плановую систему, как принято считать, но и современную модель развития капитализма [3, с. 321–471]. Заметим, что по мнению Й. Шумпетера проблемы развития присущи демократическим системам, а потому и неустранимы [6]. Причем, как показал Хайек, даже принцип разделения законодательной и исполнительной власти в современном обществе оказался не в состоянии быть реализованным. На практике система пришла к соглашениям в пользу одних избирателей за счет интересов всех остальных и манипуляции групповыми интересами. Проблема является тем более острой в связи с тем, что степень организуемости групп по конкретному интересу не связана с общественной важностью организующего интереса. Тем более что это явление в полной мере соответствует процессу «приватизации национальных государств владельцами крупнейших активов, государственными и корпоративными топ-менеджерами» [7, с. 25]. При такой организации социально-экономической жизни подлинное служение обществу в целом менее эффективно для политической организации, чем протекция определенным заинтересованным группам. Еще более сложной является ситуация, когда владельцами финансового капитала в стране являются нерезиденты. В этих условиях закономерным является вопрос о том, насколько политика, например Польши, может быть суверенной в современных условиях, когда более 80 % финансовых банковских активов принадлежит иностранному капиталу? [8, с. 153]. При таких обстоятельствах владельцы финансового капитала имеют возможность даже провалы своих экономических решений возложить на бюджеты государства. Например, по данным С.Ю. Глазьева на преодоление финансового кризиса 2008 г. в России было потрачено в ценах 2008 г. около 40 % ВВП, из которых только 12–15 % досталось реальному сектору, тогда как 85–88 % ушли в финансовую систему, поддержку олигархов и спекуляции на фондовом рынке [9, с. 471, 472].

При этом современные условия благоприятствуют политизации любой экономической проблемы и возможности поставить ее в зависимость от решения правительства. В результате в распоряжении законодательных органов передовых стран оказалась власть не ограниченная законом, но подчиненная внутренним нуждам самодовлеющего политического механизма. Таким образом, растет целая сфера деятельности вокруг него, включая околоправительственную активность по оказанию давления на правительство с целью перераспределения общественного богатства. Политические организации, призванные служить общественным интересам, стали связанными между собой игроками на рынке политических представителей общества, к которым общество вынуждено обращаться. Соответственно Хайек делает вывод о сущности дрейфа порядка в так называемых передовых странах: «Эволюция в направлении тоталитарного государства, по сути дела, является неизбежной ввиду некоторых глубоко укорененных дефектов в устройстве общепризнанного типа «демократического» правления» [3, с. 323, 334, 416, 459, 471].

Вопросы монополизации рынков в социалистических теориях экономики. Интересно, что Хайек говорит о концепции неизбежного перерастания экономической системы, основанной на конкуренции, в «монополистический капитализм», связывая ее появление с работами немецких социалистов, прежде всего Зомбарта [10, с. 67].

При этом особого внимания заслуживает анализ формирования финансового капитализма в работе Рудольфа Гильфердинга «Финансовый капитал», вышедшей в 1910 г.

Р. Гильфердинг несомненно внес существенный вклад в теоретическое описание финансового капитализма. В его книге в частности идет речь о процессах монополизации

различных сфер общества (в том числе, власти и рабочей силы); о разделе мира, экспорте капитала и борьбе за хозяйственную территорию; об идеологии в период финансового капитализма. Р. Гильфердинг в качестве отличительной особенности современного капитализма отметил процессы концентрации, проявляющиеся как в уничтожении свободной конкуренции посредством образования картелей и трестов, так и в усиливающейся связи между банковым и промышленным капиталом. В результате чего капитал принимает форму финансового капитала, представляющего «наивысшую и наиболее абстрактную форму проявления капитала» [11, с. 41].

Следствия такого развития капитализма Р. Гильфердинг отмечает и на уровне мировых рынков. По его замечанию, если экспорт капитала в своих наиболее развитых формах выдвигается такими сферами, в которых концентрация капитала зашла дальше всего, то он же оказывает обратное воздействие, усиливая мощь капитала и ускоряя накопление в этих капиталистических сферах. Причем в этих условиях политическая власть приобретает определяющую роль в конкурентной борьбе, а прибыль финансового капитала непосредственно связывается с политической силой государства. Соответственно одной из основных функций дипломатии становится представительство финансового капитала» [11, с. 420, 427–428].

Во многом идеи Р. Гильфердинга можно видеть в одной из наиболее известных публикаций В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». При этом, конечно же, убедительность критики В. И. Лениным капитализма не означает, что его собственные идеи и действия по разрушению существовавшей социальной системы и созданию новой носили гуманистический характер (так, по некоторым оценкам только в ходе Гражданской войны в России было убито около 10,5 млн чел. [12]). Ленин, в частности, рассмотрел особую стадию капитализма (империализм), для которой «характерен ...финансовый капитал», стадию капитализма имеющую пять основных признаков: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банковского капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала в отличие от вывоза товаров приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами [13, с. 387].

Безусловно, можно видеть политизированность критики финансового капитализма в рамках социалистической теории. При этом как либеральные, как и социалистические теории отмечают, что капитализм меняется, его новые формы (монополистический капитализм) неизбежно оказываются более мощными, чем начальные формы. В частности, это означает невозможность осуществления либеральных идей по построению свободного рынка в отдельно взятой стране, которая в условиях открытой экономики неизбежно окажется в зависимости от международных монополий.

Представляется, что современное содержание целого ряда экономических курсов необходимо дополнить и расширить [14]. Так, одним из основных аспектов экономики, на которые требуется в настоящее время обратить внимание в рамках преподавания теории экономики, — это объяснение роли факторов производства, в том числе роли фактора труда [15], которому уделяется особое внимание в классической политэкономии. В свою очередь финансовый сектор с институциональной точки зрения относится к транзакционной отрасли. То есть с точки зрения участия в создании общественно полезного эффекта его правильно было бы рассмотреть как дополнительные издержки по обслуживанию транзакционных сделок и защите правомочий собственности и свобод. Соответственно если исходить из сущности таких издержек, то они должны не суммироваться в качестве общих составляющих реального сектора экономики, а вычитаться из ВВП [16, с. 305–337]. Таким образом, экономические курсы требуют обязательного рас-

смотрения проблем современной стадии капитализма и последствий монополизации рынков. В частности, существенного расширения требует курс по теории экономики, который должен включать не только разделы микроэкономики, макроэкономики и элементы мировой экономики, но и классической политэкономии, экономики общественного сектора и теории институтов, актуальных проблем современного социально-экономического развития в мировой экономике и их отражение в рамках Беларуси.

Источники

1. Шиллер, Р. Финансы и хорошее общество / Р. Шиллер. — М. : Изд-во ин-та Гайдара, 2014. — 504 с.
Schiller, R. Finance and good society / R. Schiller. — Moscow : Gaidar Inst. publ. house, 2014. — 504 p.
2. Акерлоф, Дж. Spiritus Animalis: или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма / Дж. Акерлоф, Р. Шиллер. — М. : Юнайтед Пресс, 2010. — 269 с.
Akerlof, G. Spiritus Animalis: or How human psychology drives the economy and why it is important for global capitalism / G. Akerlof, R. Schiller. — Moscow : United Press, 2010. — 269 p.
3. Хайек, Ф. А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. А. фон Хайек. — М. : ИРИСЭН, 2006. — 644 с.
Hayek, F. A. Law, law and freedom: Modern understanding of liberal principles of correctness and politics / F. A. von Hayek. — Moscow : IRISEN, 2006. — 644 p.
4. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. — 592 с.
Piketty, T. Capital in the XXI century / T. Piketty. — Moscow : Ad Marginem Press, 2015. — 592 p.
5. Шпотов, Б. Социально-экономические эксперименты Генри Форда / Б. Шпотов // Пробл. теории и практики упр. — 2002. — № 6. — С. 109–113.
Shpotov, B. Socio-economic experiments of Henry Ford / B. Shpotov // Problems of the theory and practice of management. — 2002. — № 6. — P. 109–113.
6. Шумпетер, Й. А. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. — М. : Экономика, 1995. — 540 с.
Schumpeter, Y. A. Capitalism, socialism and democracy / Y. A. Schumpeter. — Moscow : Economics, 1995. — 540 p.
7. Румянцев, М. А. Экономика модерна: эволюция, метаморфозы, альтернативы / М. А. Румянцев // Пробл. соврем. экономики. — 2011. — № 1. — С. 25–29.
Rumyantsev, M. A. Economy of modernism: evolution, metamorphosis, alternatives / M. A. Rumyantsev // Problems of modern economy. — 2011. — № 1. — P. 25–29.
8. Шимов, В. Н. Инновационное развитие экономики Беларуси: движущие силы и национальные приоритеты / В. Н. Шимов, Л. М. Крюков. — Минск : БГЭУ, 2014. — 199 с.
Shimov, V. N. Innovative development of the Belarusian economy: driving forces and national priorities / V. N. Shimov, L. M. Kryukov. — Minsk : BSEU, 2014. — 199 p.
9. Глазьев, С. Ю. Уроки очередной российской революции: Крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» / С. Ю. Глазьев. — М. : Изд. дом «Экономическая газета», 2011. — 575 с.
Glaziev, S. U. Lessons of the Russian revolution: The collapse of the liberal utopia and the chance of an economic miracle / S. U. Glaziev. — Moscow : Publ. house «Economic newspaper», 2011. — 575 p.
10. Хайек, Ф. А. Дорога к рабству политики / Ф. А. фон Хайек. — М. : Экономика, 1992. — 176 с.
Hayek, F. A. Road to slavery policy / F. A. von Hayek. — Moscow : Economics, 1992. — 176 p.
11. Гильфердинг, Р. Финансовый капитал / Р. Гильфердинг. — М. : Соцэкгиз, 1959. — 492 с.
Hilferding, R. Financial capital / R. Hilferding. — Moscow : Sotsekgiz, 1959. — 492 p.
12. Эрлихман, В. В. Потери народонаселения в XX веке / В. В. Эрлихман. — М. : Русская панорама, 2004. — 176 с.
Erlikhman, V. V. Loss of population in the twentieth century / V. V. Erlikhman. — Moscow : Russkaya panorama, 2004. — 176 p.

13. Ленин, В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — М. : Политиздат, 1969. — 5-е изд. — Т. 27. — С. 299–426.

Lenin, V. I. Imperialism as the highest stage of capitalism / V. I. Lenin // Complete works. — Moscow : Politizdat, 1969. — 5 ed. — Vol. 27. — P. 299–426.

14. Голубев, К. И. Некоторые вопросы позиционирования идей институциональной экономики в системе современного образования / К. И. Голубев // Пробл. соврем. экономики. — 2016. — № 3. — С. 267–268.

Golubev, K. I. Some questions of positioning of ideas of institutional economy in the system of modern education / K. I. Golubev // Problems of modern economy. — 2016. — № 3. — P. 267–268.

15. Голубев, К. И. Трудовой характер материальных благ и постсекулярное общество / К. И. Голубев, П. С. Лемешенко // Философия хоз-ва. — 2014. — № 1 (91). — С. 159–167.

Golubev, K. I. Labor character of material goods and post-secular society / K. I. Golubev, P. S. Lemeshchenko // Philosophy of economy. — 2014. — № 1 (91). — P. 159–167.

16. Лемешенко, П. С. Институциональная экономика: теория, политика, практика / П. С. Лемешенко. — Минск : Мисанта, 2015. — 692 с.

Lemeshchenko, P. S. Institutional Economics: theory, policy, practice / P. S. Lemeshchenko. — Minsk : Misanta, 2015. — 692 p.

Статья поступила в редакцию 23.11.2018 г.

УДК 338.23:001.895 (479.24)

N. Huseynova

Azerbaijan State University of Economics (Baku, Azerbaijan)

THE VENTURE MECHANISM OF SUPPORT OF INNOVATIONS

The article deals with the transition of the Azerbaijani economy to an innovative way of development aimed at the effective use of national resources on an equal basis with the use of foreign innovative technologies, management experience and financial resources. A new approach is also required to assess the role of science and technology in social progress, formulation and implementation of national goals. Only in this case the policy of the state in the sphere of science and innovation will really be the priority direction of its activity. Science should be constantly used to assess the state of the domestic economy, analyze the consequences of government decisions, programming and forecasting of economic, scientific and technological development.

Keywords: *innovation risks; science-techniques development; venture capital; innovation projects; venture funds.*

Н. Л. Гусейнова

АзГЭУ (Баку, Азербайджан)

ВЕНЧУРНЫЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИЙ

В статье рассматривается переход экономики Азербайджана на инновационный путь развития, направленный на эффективное использование национальных ресурсов наравне с использованием зарубежных инновационных технологий, управленческого опыта и финансовых средств. Требуется также новый подход к оценке роли науки и технологий в общественном прогрессе, формулированию и реализации национальных целей. Только в этом случае политика государства в сфере науки и инноваций действительно будет приоритетным направлением его деятельности. Наука постоянно должна использоваться для оценки состояния отечественной экономики, анализа последствий принимаемых государственных решений, программирования и прогнозирования экономического и научно-технического развития.

Ключевые слова: *инновационный риск; научно-техническое развитие; венчурный капитал; инновационные проекты; венчурные фонды.*

Объективные требования перехода к экономическому росту, все более ощущаемые в настоящее время в нашей стране, невозможно осуществить без перехода к новым, прогрессивным видам и формам технического прогресса. В ускорении этого процесса немалую роль должен сыграть венчурный бизнес. Деятельность венчурных предприятий в решающей степени зависит от правильности выбора стратегии и качества управления инновационной деятельностью, гибкости производственных систем, маневренности в использовании ресурсов, делегирования ряда функций администрации, развития инициативы и внутреннего предпринимательства, формирования инновационной культуры.

Инновационные процессы в Азербайджане требуют всесторонней поддержки, так как главной особенностью современного этапа развития науки, экономики, производства является инновационная направленность.

Решение проблем развития венчурных предприятий следует рассматривать в неразрывной связи с решением широкого круга проблем становления всего инновационного бизнеса в Азербайджане.

Обобщающим показателем различных форм инновационного риска в условиях рыночной экономики выступает финансовый риск предпринимателя и поверивших в его идею инвесторов. Он характеризует возможные потери в случае неудачного завершения начатого проекта. Чем выше ожидаемый финансовый риск, тем труднее предпринимателю получить у банков, промышленных компаний или отдельных частных инвестиционных фондов недостающие для осуществления задуманного инновационного проекта средства и тем жестче будут условия их предоставления [1].

Однако в современных условиях интенсивного научно-технического развития и предприниматели, непосредственно выступающие инициаторами новых проектов, и крупные промышленные компании, и государство отчетливо осознают, что отказ от инвестиций в освоение нововведений на практике означал бы куда большие финансовые потери. Поэтому они идут по пути создания таких экономических механизмов, которые, с одной стороны, содействовали бы внедрению в производство новейших достижений НТП, а с другой — позволяли бы свести к минимуму финансовый риск отдельных инвесторов. Одним из таких механизмов является рисковое (венчурное) инвестирование нововведений. Венчурный механизм сыграл важную роль в реализации многих крупнейших инноваций [2].

Благодаря базисным нововведениям и сопровождающим их кластерам, улучшающих нововведений, венчурный бизнес не только качественно изменил структуру производительных сил общества, но и заметно повлиял на сложившиеся производственные отношения. На авансцену современной экономики вышли малый и средний наукоемкий бизнес и стоящие за ним новые институциональные структуры, обеспечивающие плодотворный «симбиоз» новых научных знаний, финансовых технологий и методов управления.

Наиболее удачливые предприниматели нового типа, оказавшиеся на гребне волны базисных технологических нововведений, превратили за короткий срок свои малые инновационные фирмы в корпорации, возглавляющие рейтинги крупнейших мировых компаний. Некоторым из них это удалось именно благодаря привлечению на ранних этапах становления своего бизнеса венчурного капитала. В то же время многие давно существующие крупнейшие промышленные компании сегодня широко используют венчурный механизм для усиления собственного научно-технического потенциала, диверсификации производства, выявления и освоения наиболее перспективных научно-технических разработок, выполненных как в своей стране, так и за рубежом. От того насколько успешно функционирует венчурный механизм, сегодня во многом зависит скорость коммерциализации новых перспективных научных идей и технологических разработок, а следовательно, и конкурентоспособность национальной промышленности

в условиях глобализации экономических отношений. Поэтому государственные органы многих ведущих промышленно развитых стран активно содействуют его распространению. При этом ставится и решается задача повышения эффективности инвестиций, наиболее рационального использования дефицитных людских и финансовых ресурсов, в том числе может быть в первую очередь накопленного человеческого капитала [3].

Финансирование рискованных предпринимательских проектов вряд ли можно назвать, вообще говоря, новым экономическим явлением. Практически любое помещение частных средств в различные предприятия с целью получения прибыли неизбежно сопряжено с риском. Более того, как писал Й. Шумпетер, сама капиталистическая система кредита «фактически выросла из финансирования новых комбинаций и развивалась при нем».

Возникновение и широкое развитие венчурного бизнеса в западных странах связано с полным насыщением традиционных рынков, которое сопровождается ужесточением конкурентной борьбы за потребителя. Опоздать с нововведением — значит обречь себя на разорение. Поэтому чем острее конкуренция, тем меньше у производителей, отложенных на завтра научных идей и технических решений. Отрасли с наивысшим уровнем инновационной активности, как правило, отличаются широким набором производителей. В этих отраслях обычно действуют несколько крупнейших корпораций и десятки, сотни, подчас тысячи средних и малых производителей. Это состояние, при котором сохраняется конкуренция, а основные соперники располагают значительными финансовыми и материальными ресурсами [4].

Еще до принятия окончательного решения об участии в конкретных инновационных проектах инвесторы проводят большую предварительную работу. Оценивается не только содержание самих проектов, представленных в форме бизнес-плана, но и уровень подготовки предпринимателей, личные качества последних, сопутствующие риски и возможные пути их снижения. В дальнейшем инвесторы активно включаются в управление проектами с целью предупредить возможность их неудачного завершения. На это нацелена отработанная за многие годы на практике технология отбора и сопровождения рискованных инвестиционных проектов, вобравшая рекомендации науки управления, личный опыт и интуицию профессионалов венчурного бизнеса.

Формы участия инвесторов в управлении проектами крайне многообразны и охватывают все стадии инновационного цикла. В первом приближении они могут быть классифицированы в соответствии с основными подходами инвесторов к решению задачи управления финансовыми рисками:

- снижение рисков в процессе выбора форм организации инвестиционного процесса;
- снижение рисков при отборе предпринимательских инновационных проектов;
- снижение рисков на стадии создания новой инновационной фирмы и подбора персонала для реализации выбранного проекта;
- снижение рисков на разных стадиях реализации инновационного проекта;
- снижение рисков в процессе подготовки первичного публичного размещения акций новой фирмы.

В азербайджанской экономике можно найти такие виды экономической деятельности, которые отличаются, во-первых, повышенным риском и, во-вторых, особой выгодностью, прибыльностью при успехе. К таким видам инновационной деятельности, на наш взгляд, можно отнести:

- разработку и производство товаров и услуг для реализации на мировом рынке;
- обеспечение широкомасштабного внедрения новшества, связанного с организацией его производства и сбыта;
- научно-техническую деятельность по созданию принципиально новых видов продуктов, технологий и услуг.

Именно такие сферы инновационной деятельности в азербайджанской экономике, которые носят рисковый характер и особо выгодны в случае успеха, можно трактовать как венчурные. Кроме того, в нынешних условиях можно утверждать, что отмеченные свойства этих трех видов инновационной деятельности становятся особенно яркими, когда они осуществляются в нетрадиционных, новых организационных формах, таких как научно-производственные фирмы, малые инновационные и внедренческие предприятия, инновационные банки и фонды и т.д.

С тех пор в этой области был предложен и апробирован на практике целый ряд мер прямого и косвенного вмешательства государства. В самом общем виде они делятся на две группы.

Косвенные методы направлены на формирование экономической среды, благоприятной для функционирования венчурного механизма. К ним в частности относятся:

- создание благоприятного режима налогообложения доходов от операций с ценными бумагами;
- устранение двойного налогообложения инвесторов, участвующих в формировании венчурных фондов;
- выработка эффективной системы защиты интеллектуальной собственности, которая является во многих случаях единственным капиталом инновационных фирм на ранних стадиях их развития;
- содействие повышению ликвидности рискованных капиталовложений на основе развития рынка капиталов, в том числе путем создания специальных бирж для торговли ценными бумагами новых фирм, которые не могут получить доступа на традиционные фондовые биржи из-за отсутствия финансовой истории и по каким-то другим формальным признакам;
- обучение предпринимателей, консультирование, распространение информации о перспективных проектах и потенциальных инвесторах.

Прямые методы предполагают непосредственное участие государства в венчурном инвестировании. Такое участие осуществляется в трех основных формах:

- участие государства в венчурных фондах или выделение средств малым фирмам напрямую;
- предоставление особых финансовых стимулов (гарантий) тем инвесторам, которые вкладывают свои средства в фонды венчурного капитала или непосредственно в развитие малых фирм;
- государственное регулирование, которое расширяет круг потенциальных инвесторов венчурного капитала.

Повышенный риск, а также выгодные валютные поступления в случае успеха при выходе на высоко конкурентный мировой рынок очевидны. Что касается второго направления, то оно сопровождается повышенным риском, прежде всего, из-за особой технологической и экономической инертности традиционных субъектов в нашей хозяйственной деятельности, трудностей динамичной организации производства практически любого продукта, тем более новшества, из-за сложности обеспечения материальными ресурсами. Этот вид инновационной деятельности выгоден благодаря монополии на данное новшество, причем особенно ярко это проявляется для новшеств с широким спектром применения. Относительно третьего направления можно отметить, что любая научно-техническая деятельность носит рисковый характер. Но та, что направлена на создание принципиально новых разработок, становится в высшей степени рискованной, ибо при инертном хозяйственном поведении экономический результат весьма неопределен и проблематичен. В случае же успеха этот результат можно выразить в высоких прибылях и выгодных заказах на создание новых разработок или модификаций устаревших моделей [5].

Венчурное инвестирование отличается от традиционных форм финансирования, которые имеют такие характерные черты:

1. Денежные средства инвестируются в венчурные предприятия, не требующие имущественного залога и поручительства, вследствие чего инвесторы несут высокий риск. Когда воплощение новой идеи имеет отрицательный результат, что влечет за собой потери огромного количества денежных ресурсов. Инвестирование в рискованные предприятия обоснуется инвесторами тем, что нет необходимости для проведения частных исследований и коммерческого воплощения результатов анализа в новый товар или передовую технологию.

2. Непременная паевая причастность инвестора в складочном капитале венчурного предприятия и чаще всего пай не превосходит 50 %. Это означает, что венчурный капитал вкладывается не в качестве кредита, а имеет вид долевого вклада в складочный капитал предприятия и обусловлено долевым участием, оговоренным при размещении денежных ресурсов. Соответственно вкладчику капитала причитается определенная доля прибыли от доходов рискованного предприятия.

3. Денежные ресурсы вкладываются на продолжительное время и не возвращаются инвестору, благодаря тому в отдельных ситуациях вкладчику требуется ждать 3–4 года с намерением получения прибыли.

4. Инвестор принимает активное участие в управлении рискованного предприятия, потому что он проявляет интерес к делам венчурного предприятия, так как от его деятельности зависит его прибыль. Они также предоставляют консультации и деловые услуги венчурному предприятию [6].

Источники

1. Бебрис, А. О. Основные принципы успешной стратегии в рисковом бизнесе / А. О. Бебрис // Инновации в науке : сб. ст. по материалам XXV Междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 7 окт. 2013 г. — Новосибирск : СибАК, 2013. — № 25 — С. 193–196.

Bebris, A. O. The basic principles of a successful strategy in risk business / A. O. Bebris // Innovation in science : coll. of sci. works of XXV Intern. sci. and practical conf., Novosibirsk, 7 Oct. 2013. — Novosibirsk : SibAK, 2013. — № 25 — P. 193–196.

2. Инновационный менеджмент : учеб. пособие / под ред. А. В. Барышевой. — 3-е изд. — М. : Дашков и К°, 2012. — 384 с.

Innovative management : textbook / under the ed. by A. V. Barysheva. — 3rd ed. — Moscow : Dashkov and K°, 2012. — 384 p.

3. Власов, А. Венчурный капитал и малое предпринимательство / А. Власов // О-во и экономика. — 2010. — № 11. — С. 93–99.

Vlasov, A. Venture capital and small business / A. Vlasov // Society and Economics. — 2010. — № 11. — P. 93–99.

4. Соколова, О. Н. Инновационный менеджмент : учеб. пособие / О. Н. Соколова. — 3-е изд., перераб. — М.: КноРус, 2014. — 208 с.

Sokolova, O. N. Innovative management : textbook / O. N. Sokolova. — 3rd ed., rev. — Moscow : KnoRus, 2014. — 208 p.

5. Караев, Н. Э. Инновационный менеджмент / Н. Э. Караев. — Баку, 2011.

Karaev, N. A. Innovative management / N. A. Karaev. — Baku, 2011.

6. Фияксель, Э. А. Венчурный менеджмент : учеб. пособие / Э. А. Фияксель, Е. М. Рогова, Е. А. Ткаченко. — М. : Высш. шк. экономики, 2011. — 446 с.

Fiyaksel, E. A. Venture management : textbook / E. A. Fiyaksel, E. M. Rogova, E. A. Tkachenko. — Moscow : Higher School of Economics, 2011. — 446 p.

Статья поступила в редакцию 20.11.2018 г.

CONCEPTUAL DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF MARKETING IN THE MARKET OF SERVICES

The author, based on the characteristics of the services market, explores international models of marketing services. The author highlights the conceptual directions of marketing development in the services market, focusing on the characteristics of services and changes in the external environment. The developed directions of development of marketing services allow you to formulate a marketing strategy and provide a more complete implementation of the marketing mix in the services market.

Keywords: service; specificity of the service market; external, internal; interactive marketing; marketing strategy; risk profile.

Е. В. Демченко
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МАРКЕТИНГА НА РЫНКЕ УСЛУГ

Автор, базируясь на учете особенностей рынка услуг, исследует международные модели маркетинга услуг, выделяет концептуальные направления развития маркетинга на рынке услуг, ориентируясь на характеристики услуг и изменения внешней среды. Разработанные направления развития маркетинга услуг позволяют сформировать маркетинговую стратегию и обеспечивают более полную реализацию комплекса маркетинга на рынке услуг.

Ключевые слова: услуга; специфика рынка услуг; внешний, внутренний, интерактивный маркетинг; стратегия маркетинга; профиль риска.

В последнее десятилетие сформировалась и получила развитие концепция маркетинга, ориентированная на создание механизмов управления рыночной деятельностью. Отраслевые особенности определяют специфику практической реализации концепции маркетинга. Некоторые направления развития маркетинга услуг исследовались отечественными и зарубежными авторами: М. Битнером [1], К. Гренроосом [2], Г. Беквитом [3], К. Лавлоком [4] и др. Однако, рассмотрение отдельных направлений развития маркетинга услуг не позволяет в полной мере использовать потенциал маркетинга. В условиях конкурентного характера рыночной среды успех производителя услуг зависит от характера взаимодействий с потребителями, процесса оказания услуги, степени лояльности и приверженности клиентов. В этой связи возникает необходимость активизации и совершенствования маркетинговой деятельности предприятий. Поэтому целью исследования является анализ специфики, тенденций и перспектив развития маркетинга рынка услуг.

В современных условиях на рынке услуг происходит расширение возможностей первичного спроса, технологические изменения, вызывающие «каннибализацию» существующих услуг, переопределение рынка, означающее предпочтение услуг, характеризующихся системным подходом к выполнению работ, изменение маркетинговых каналов. Как показывает анализ, в настоящее время для экономики большинства стран, осуществляющих рыночные реформы, характерным является наличие в сфере услуг ряда общих проблем:

- высокая степень монополизации производства в отдельных отраслях сферы услуг;

- значительная доля государственного сектора в производстве важнейших видов услуг (в частности, услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения и т.д.);
- сохранение в ряде отраслей административных методов формирования цен и тарифов на оказываемые услуги;
- наличие значительных объемов услуг, оказываемых в рамках социальной сферы предприятий.

В научной литературе отсутствует единый подход к маркетингу услуг. Некоторые маркетингологи отрицают специфичность маркетинга услуг в силу сложности выделения критерия различия услуг и продуктов. Как правило, в основном всеми авторами в качестве данного критерия выступают материальность и осязаемость.

Однако часть экономистов считают, что специфика услуг находит свое отражение и в системе маркетинга. Так, например, В. Зейтхамл и М. Битнер выдвигают главную причину создания особого комплекса маркетинговых коммуникаций в сервисных фирмах — необходимость демонстрировать заказчику высочайшее качество той услуги, которую он собирается приобрести [1, с. 7]. К. Гренроос приводит и другие причины специфичности маркетинга услуг. Это, прежде всего, участие покупателя в процессе оказания услуги, который не менее важен, чем результат. Кроме того, невозможность хранения услуг требует точных расчетов возможностей предприятия в сфере услуг, согласования спроса и предложения услуг [2, с. 47, 48]. Существование противоречивых точек зрения предполагает рассмотрение различных научных школ и моделей маркетинга услуг.

В настоящее время сформировалось несколько общепризнанных научных школ по маркетингу услуг в Северной Америке и Западной Европе. Отличительной чертой североамериканской школы является подход к маркетингу услуг с точки зрения качества. Североамериканская школа представлена работами Л. Берри, В. Зейтхамл, П. Парасурамана, Д. Кромптона. Среди западноевропейских школ заметно выделяются Северная и Марсельская школы. Северная школа широко известна такими концепциями, как модель качества услуги, концепцией внутреннего маркетинга и концепцией двустороннего маркетинга. Ведущие ученые этой школы — Е. Гаммессон, К. Гренроос. Марсельская школа представлена Э. Лангеардом, П. Эйглие.

К сожалению, в Республике Беларусь отсутствует общепризнанная концепция маркетинга услуг. Исследование разработок существующих школ маркетинга услуг показывает, несмотря на то что они построены по различным принципам, в целом имеют общие элементы. Как правило, учитываются характеристики услуг, их специфичность, одновременность производства и потребления услуг и их неосязаемость. При разработке концептуальных направлений развития маркетинга на рынке услуг, на наш взгляд, целесообразно выделять следующие особенности рынка услуг:

- 1) ориентация на географическую сегментацию, так как система предоставления услуг в большей степени зависит от характеристик территории;
- 2) высокая скорость оборота капитала в связи с коротким производственным циклом;
- 3) низкая степень осязаемости, что проявляется в невозможности оценки услуг до их приобретения. Снизить риски можно с помощью сертификации, лицензирования;
- 4) временные и пространственные ограничения производства и потребления услуг;
- 5) мобильность и быстрое реагирование на изменения рыночной конъюнктуры (производителями, как правило, выступают малые и средние предприятия);
- 6) непостоянство качества услуг. Эта характеристика зависит как от исполнителя, т.е. уровня его квалификации, навыков, умений, так и от клиента, уровня его базовой подготовки;
- 7) неотделимость от источника. Источником выступает исполнитель, процесс и результат услуг непосредственно связан с конкретным производителем услуги;
- 8) социальная значимость услуг;
- 9) невозможность перепродажи услуг;

10) сложность ценообразования на рынке услуг. С одной стороны, цены на услуги формируются под влиянием активности конкурентов, величины и динамики платежного спроса. С другой — при формировании цен учитывается высокий уровень государственного регулирования на рынке услуг;

11) высокий уровень дифференциации услуг, обуславливающий появление новых нестандартных видов услуг.

Авторы исследуемых международных школ отмечают необходимость применения в стратегиях маркетинга услуг дополнительных элементов (процесс оказания услуг, материальная среда, персонал). При этом характерно отношение к персоналу предприятия услуг как к клиенту. Это подразумевает непрерывную мотивацию продавцов услуг, удовлетворение их потребностей. Стандартный комплекс маркетинга (товар, цена, продажи, коммуникации) не могут достаточно отразить роль персонала предприятия сферы услуг, механизм управления процессом оказания услуги и материального окружения деятельности, а также взаимоотношений продавца и потребителя услуг. При этом значительно преувеличивается роль продвижения.

К связи с этим концептуальные направления развития маркетинга на рынке услуг предполагают учет следующих принципов:

- комплексного подхода, при котором разработка целей, задач, ресурсного обеспечения, реализация стратегических и тактических решений осуществляется с учетом специфики услуг;
- приоритетной организацией направлений развития определенных видов услуг с учетом изменения показателей внешней среды и ресурсных ограничений в рамках временного фактора;
- концентрации всех видов ресурсов для достижения наиболее приоритетных целей;
- оптимальности разработанных направлений с учетом экономических, организационных и социально-психологических показателей;
- направленности разработанных мероприятий на решение задач, подчиненных единой цели при минимизации затрат.

В связи с изложенным выше, в маркетинге услуг предлагается дополнительно к стандартному комплексу маркетинга выделить следующие элементы:

- персонал. Необходимо исследовать сильные и слабые стороны сотрудников, их навыки, знания, умения, коммуникационные аспекты, инициативность. Это позволит определить уровень услуг и степень удовлетворения потребителей. Эффективная мотивация персонала способствует оптимизации процесса оказания услуг, росту их качества;
- процесс — это организация предоставления услуг. Он включает в себя этапы оказания услуги, фактор времени, организацию продаж, обслуживания;
- окружение — внешняя среда взаимодействия продавца и потребителя услуг. Материальные элементы являются связующим звеном в процессе предоставления услуги и включают в себя восприятие среды как персоналом, так и клиентом. Это связано с неотделимостью услуги от источника ее предоставления. Поэтому концепция маркетинга услуг предусматривает рассмотрение трех звеньев, на которые можно воздействовать:
- предприятие — клиент;
- предприятие — персонал;
- персонал — клиент.

На звено «предприятие — клиент» направлен внешний маркетинг. Он включает в себя комплекс маркетинговых исследований, процесс сегментирования рынка и позиционирования услуги, разработку ассортимента услуг, товарной стратегии, формирование оптимальной ценовой политики, каналов распределения, эффективной системы продвижения услуг, аудит маркетинга.

Внутренний маркетинг воздействует на звено «предприятие — персонал». Он включает в себя маркетинг персонала и создание материальной среды обслуживания или ма-

териальное окружение. Маркетинг персонала представляет собой совокупность методов мотивации сотрудников, реализация которых связана с развитием предприятия, ростом лояльности потребителей. Отношения предприятия сферы услуг и сотрудников строятся на тех же основаниях, что и клиентов. Персонал выступает как «внутренний потребитель». Грамотная реализация маркетинга персонала позволяет обеспечить рост качества на всех этапах процесса оказания услуги путем создания мотивационных и организационных условий труда. Мотивация сотрудников включает в себя систему оплаты труда, премирования, повышения квалификации, перспективы карьерного роста, корпоративную культуру, социальный пакет, организацию условий труда и отдыха.

Второй составляющей внутреннего маркетинга услуг является создание материальной среды обслуживания или материальное окружение, которое воздействует и на потребителя, и на сотрудников. Для создания оптимального материального окружения необходимо проанализировать характеристики как потребителей, так и персонала, восприятие материальных элементов и воздействие окружения на их поведение. При планировании материального окружения целесообразно учитывать тип и расположение мебели, способ освещения помещения, уровень температуры, цвета интерьера, дизайн, общепринятые санитарные стандарты. Это позволит увеличить материализацию услуги и, как следствие, эффективность работы предприятия. На звено «персонал — клиент» направлен интерактивный маркетинг, или двухсторонний [5, с. 15]. Главная задача — сделать процесс обслуживания более прозрачным, видимым для потребителя. При реализации интерактивного маркетинга прежде всего анализируется процесс создания и реализации услуги, а также взаимодействия клиентов и сотрудников предприятия сферы услуг. Интерактивный маркетинг тесно связан с реализацией внутреннего маркетинга. Именно мотивация сотрудников способствует росту качественных параметров процесса обслуживания значимых для целевого рынка. Это обеспечивает возможность разработки новых видов услуг, модификации существующих, реорганизации самого процесса обслуживания.

Кроме того, при разработке концептуальных направлений развития маркетинга на рынке услуг необходимо учитывать профиль риска предприятия. Профиль риска является своеобразным динамическим представлением «рискогенного» облика предприятия в виде ранжированного перечня факторов риска, взятых в совокупности с оценками возможности их проявления и размеров возможного ущерба. Профиль риска определяется на основе анализа глобального перечня факторов риска и выбора из них тех, которые релевантны данному предприятию и сложившейся ситуации риска. Каждый из включенных в список наиболее существенных факторов далее оценивается с точки зрения возможности проявления нежелательных последствий. С учетом полученных оценок факторы ранжируются и список уточняется. В результате может быть сформирован каталог типов профилей риска предприятий и соответствующих этим типам уровней экономической безопасности. Необходимо учитывать, что профиль риска как динамическая характеристика экономической безопасности предприятия меняется со временем по мере принятия решений, изменения внешних условий функционирования предприятия и конъюнктуры в том секторе рынка, в котором работает данное предприятие. Поэтому профиль риска должен регулярно актуализироваться для того, чтобы сравнивая профили, определенные в последовательные моменты времени, можно было судить о характере и тенденциях изменений ситуации риска для данного предприятия и планировать адекватные антирисковые мероприятия [6, с. 71].

Преимущества предложенной концептуальной модели маркетинга услуг заключаются в следующем:

- учитывает экономические, организационные и социально-психологические факторы;
- способна быстро реагировать на изменения внешней среды;
- позволяет разработать услугу для каждой целевой группы;

- учитывает специфику услуг, их характеристики;
- позволяет осуществить мониторинг потребительской оценки услуги, используя дополнительные элементы маркетинга;
- реализация внутреннего маркетинга позволяет мотивировать персонал в зависимости от потребительских предпочтений;
- позволяет стандартизировать процесс обслуживания, тем самым увеличивая лояльность потребителей.

В отличие от традиционно применяемых оценок, предлагаемый подход базируется на учете специфики рынка услуг, их характеристик, реализации внешнего, внутреннего и интерактивного маркетинга и позволяет комплексно проанализировать маркетинговую стратегию. Разработанная модель маркетинга может быть использована различными предприятиями, организациями, оказывающими услуги независимо от отраслевой принадлежности.

Источники

1. Bitner, M. Services marketing / M. Bitner, V. Zeithaml. — Massachusetts : McGraw-Hill, 2000. — 168 p.
2. Gronroos, C. Service Management and Marketing / C. Gronroos. — West Sussex : John Wiley, 2007. — 215 p.
3. Беквит, Г. Четыре ключа к маркетингу услуг / Г. Беквит. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. — 223 с.
Beckwith, G. Four keys to marketing services / G. Beckwith. — Moscow : Alpina Business Books, 2005. — 223 p.
4. Лавлок, К. Маркетинг услуг: персонал, технологии, стратегии / К. Лавлок. — М. : Вильямс, 2005. — 997 с.
Lovelock, K. Marketing services: personnel, technology, strategies / K. Lovelock. — Moscow : Williams, 2005. — 997 p.
5. Демченко, Е. В. Особенности концепции маркетинга на рынке услуг связи Республики Беларусь / Е. В. Демченко // Экономика и упр. — 2015. — № 1. — С. 13–16.
Demchenko, E. V. Features of the marketing concept in the market of communication services of the Republic of Belarus / E. V. Demchenko // Economics and Management. — 2015. — № 1. — P. 13–16.
6. Демченко, Е. В. Управление рисками в маркетинговой деятельности на рынке услуг / Е. В. Демченко // Экономика и упр. — 2012. — № 1(29). — С. 67–72.
Demchenko, E. V. Risk management in marketing activities in the market of services / E. V. Demchenko // Economics and Management. — 2012. — № 1(29). — P. 67–72.

Статья поступила в редакцию 08.11.2018 г.

УДК 338.439.5-053.2(476)

I. Deniseyko
BSEU (Minsk)

ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF THE MAIN INDICATORS OF THE BABY FOOD MARKET IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article identifies trends in indicators that have a significant impact on the sale of baby food in our country. The structure of sales by regions is analyzed and an assessment of the uniformity of their distribution is given. The regions of Belarus are divided into 3 clusters in terms of sales volumes and the number of young children.

Keywords: baby food products; dynamics of indicators; sales structure; Lorenz curve; Gini index; clustering.

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЫНКА ПРОДУКТОВ ДЕТСКОГО ПИТАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье выявлены тенденции изменения показателей, оказывающих существенное влияние на продажи продуктов детского питания в нашей стране. Проанализирована структура продаж по регионам и дана оценка равномерности их распределения. По показателям объемов продаж и численности детей раннего возраста регионы Беларуси разбиты на 3 кластера.

Ключевые слова: продукты детского питания; динамика показателей; структура продаж; кривая Лоренца; индекс Джини; кластеризация.

Рынок продуктов детского питания в Республике Беларусь характеризуется большим разнообразием присутствия отечественных и иностранных производителей. Наиболее востребованным сегментом рынка становятся продукты для детей раннего возраста (до 3 лет). Анализ динамики продаж продукции в 2011–2016 гг. проводился по ряду ключевых показателей, к которым относятся численность детей раннего возраста, денежные доходы на душу населения, средние цены на продукты детского питания.

Динамика изменения показателей, влияющих на продажи продуктов детского питания. В [1, 2] автором построена эконометрическая модель зависимости объемов продаж продуктов детского питания от численности детей раннего возраста (до 4 лет), уровня денежных доходов на душу населения (приведенных к 2010 г.) и средних темпов роста цен на детские продукты. Модель составлена с учетом разбивки данных по 7 регионам нашей страны с 2011 по 2016 г. Влияние каждого из указанных факторов доказано. Эконометрический анализ факторов развития регионов проводился в [3].

В анализируемый период число детей раннего возраста ежегодно увеличивалось (рис. 1). Ежегодный прирост показателя составлял около 2 %, что соответствует примерно 9,5 тыс. чел. Цепные индексы роста характеризуются неравномерностью. В частности, в 2016 г. число детей до 3-х лет увеличилось всего на 1 % по сравнению с 2015 г. (прирост составил примерно 5 тыс. чел.). Линейный рост численности детей раннего возраста находится в статистической зависимости с продажами продуктов детского питания, что подтверждается значением коэффициента парной линейной корреляции между этими показателями, составившем 0,94.

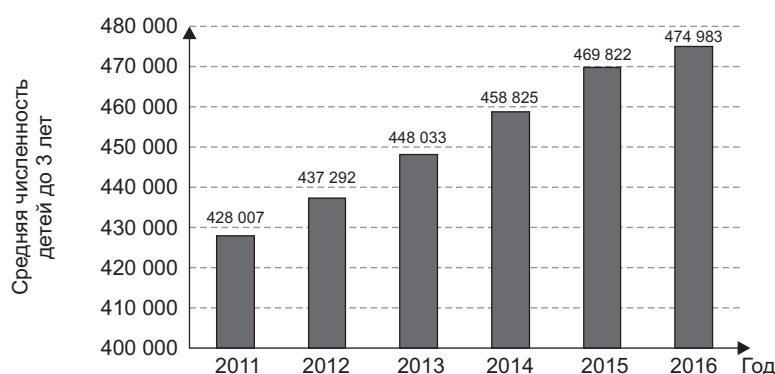

Рис. 1. Среднегодовая численность детей до 3 лет

Источники: разработано автором.

Следующий показатель, оказывающий существенное влияние на продажи — уровень денежных доходов на душу населения. Динамика изменения данного показателя с учетом приведения его к уровню 2016 г., представлена на рис. 2.

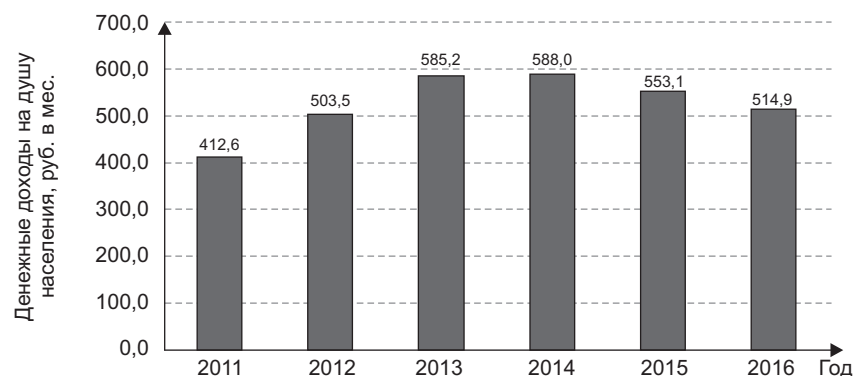

Рис. 2. Денежные доходы в расчете на душу населения, приведенные к уровню 2016 г., руб. в мес.

Источник: разработано автором.

В рассматриваемый промежуток времени наибольший уровень денежных доходов наблюдался в 2014 г. В 2015–2016 гг. денежные доходы снижались соответственно на 6 и 7 %, что не могло не повлиять отрицательно на продажи. Изменение денежных доходов влечет за собой такую же тенденцию в изменениях продаж. Корреляция между данными показателями составляет 0,8 (сильная линейная зависимость).

Динамика среднегодовых цен на продукты детского питания представлена на рис. 3.

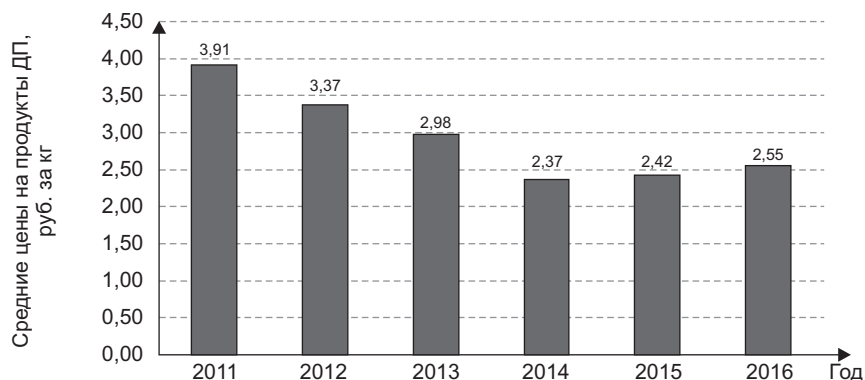

Рис. 3. Средние цены на продукты детского питания, реализуемые в розничной сети, сопоставимые к уровню 2016 г., руб. за кг

Источник: разработано автором.

Заметим, что 2014 г. оказался для молодых семей достаточно благоприятным, поскольку вместе с наибольшим уровнем реальных денежных доходов в этом году также наблюдалось снижение цен до минимального значения примерно 2 руб. 37 коп. за кг. В 2015–2016 гг. цены на детские продукты стали расти одновременно со снижением доходов населения. Наличие очень сильной обратной зависимости между ценами и объе-

мами продаж подтверждается отрицательным коэффициентом парной линейной корреляции, равном $-0,97$.

Тенденции изменения рассмотренных выше показателей находят отражение в динамике продаж продуктов детского питания в Беларуси (рис. 4).

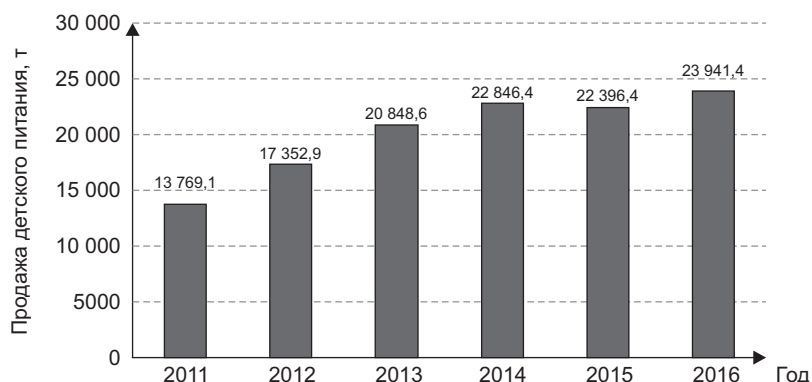

Рис. 4. Продажа продуктов детского питания организациями торговли и объектами общественного питания Республики Беларусь, т

Источники: разработано автором.

Вплоть до 2014 г. наблюдается рост продаж, связанный с увеличением численности детей раннего возраста, ростом денежных доходов и снижением цен на продукты детского питания. Однако в 2015 г. тенденция меняется. Падение продаж на 2 % обусловлено ухудшением экономической обстановки в стране, так как, несмотря на рост численности детей на 2 %, доходы снизились на 6 % при одновременном росте цен на 2 %. Увеличение продаж в 2016 г. на 7 % на фоне снижения доходов на 7 % и роста цен на 5 % по сравнению с 2015 г. может быть связано со снижением прироста численности детей раннего возраста, перераспределением расходов молодых семей в пользу питания детей, а также увеличением покупок более дешевых белорусских аналогов детского питания.

Региональная структура продаж продуктов детского питания. Рассмотрим региональную структуру потребления продуктов детского питания в 2016 г. Структура продаж и распределения численности детей до 3 лет по регионам представлена на рис. 5. Наибольшие продажи соответствуют Минску — 27,8 %, что объясняется большей численностью детей (19,7 % общего их количества). Наименьшие продажи наблюдались в Гродненской области — 8,7 %, хотя удельный вес детей раннего возраста в этом регионе примерно такой же, как и в Витебской и Могилевской областях. Имеет место некоторая неравномерность в распределении продаж продуктов детского питания по регионам нашей страны.

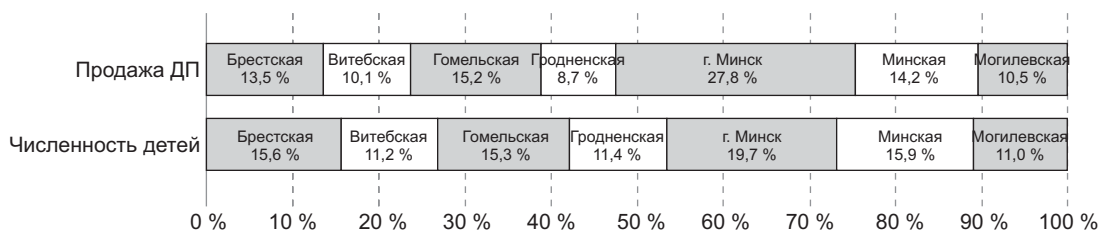

Рис. 5. Структура продаж продуктов детского питания и распределения числа детей до 3 лет по регионам

Источники: разработано автором.

Показатель численности детей раннего возраста, по нашему мнению, должен в первую очередь определять удельный вес продаж по регионам. Уровень неравномерности в распределении продаж можно определить с помощью индекса Джини и графической иллюстрации кривой Лоренца. С этой целью сформирована вспомогательная табл. 1.

Таблица 1. Накопленные доли для расчета индекса Джини

Регион	Накопленная доля детей до 3 лет, x_i	Накопленная доля продаж продуктов детского питания, y_i
Могилевская область	0,11	0,10
Витебская область	0,22	0,21
Гродненская область	0,34	0,29
Гомельская область	0,49	0,44
Брестская область	0,64	0,58
Минская область	0,80	0,72
г. Минск	1,00	1,00

Источники: составлено автором.

На основе данных табл. 1 построена кривая ОВА (рис. 6), называемая кривой Лоренца. Ее отклонение от линии равномерного распределения ОА указывает на присутствие неравномерности в распределении продукции по регионам.

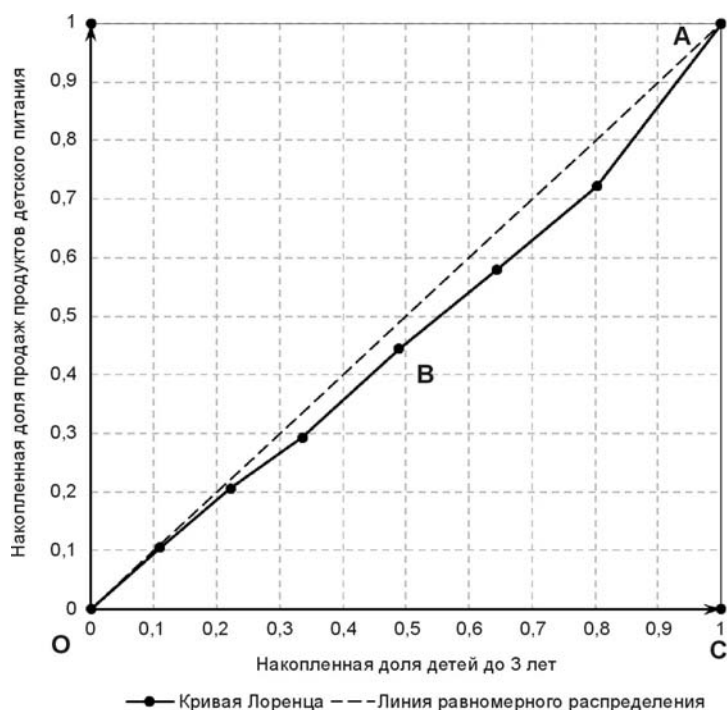

Рис. 6. Кривая Лоренца распределения продаж продуктов детского питания по регионам Беларуси

Источники: разработано автором.

Один из методов расчета индекса неравномерности распределения Джини основан на следующей формуле:

$$G = \sum_{i=1}^6 x_i \cdot y_{i+1} - \sum_{i=1}^6 x_{i+1} \cdot y_i, \quad (1)$$

где x_i — накопленная доля детей до 3 лет в их общей сумме; y_i — накопленная доля продаж продуктов детского питания в их общей сумме.

На основе данных табл. 1 и формулы (1) индекс Джини составил 7,9 %. Индекс Джини рассчитывался по годам. В частности, в 2011 г. он был равен 10,9 %, в 2012 г. снизился до 8,7 %, а в 2013 г. достиг минимального значения в 5,4 %. Далее в 2014 г. он увеличился до 7,1 %, в 2015 г. — 7,8 %. Таким образом, наиболее благоприятным с точки зрения равномерности продаж оказался 2013 г., который соответствует наравне с 2014 г. наибольшему уровню денежных доходов на душу населения. В целом же, судя по значениям индекса Джини, можно сделать вывод о высоком соответствии продаж числу детей, проживающих в каждом регионе.

По показателям уровня продаж и численности детей раннего возраста все регионы Беларуси разбиваются на 3 кластера (рис. 7).

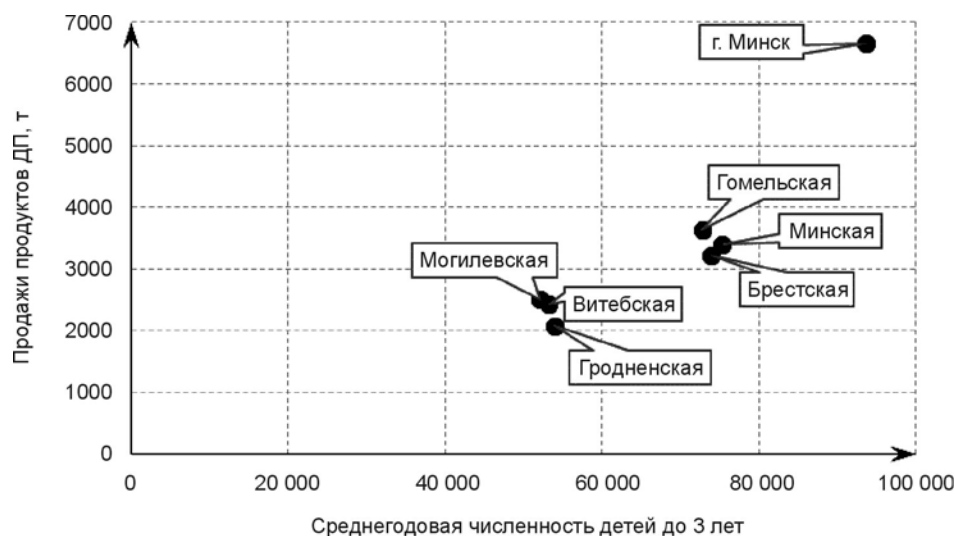

Рис. 7. Кластерная структура регионов Беларуси

Источники: разработано автором.

В состав первого кластера входят Могилевская, Витебская и Гродненская области, которые соответствуют наименьшим средним значениям рассмотренных показателей (табл. 2). Кроме того, в данных регионах средний уровень цен в 2016 г. на 10 % выше средних цен второго кластера. В его состав вошли Гомельская, Минская и Брестская области, характеризующиеся более высокими значениями численности детей раннего возраста и объемов продаж продуктов детского питания. Отдельный кластер — Минск. Столица Беларуси отличается самыми высокими значениями показателей.

Таблица 2. Средние значения показателей по кластерам и в целом по Беларуси

Кластер	Численность детей до 3 лет	Денежные доходы на душу населения, руб. в мес.	Средние цены, руб.	Продажи, т
1	53 084	452,00	2,55	2338,1
2	74 031	447,93	2,39	3421,7
3	93 638	770,50	2,77	6661,9
Итого	67 855	495,76	2,51	3420,2

Источники: составлено автором.

Проведенное исследование позволило прийти к ряду выводов. В 2011–2016 гг. наблюдается линейный рост численности детей раннего возраста в среднем на 9,5 тыс. человек в год. Вплоть до 2014 г. наблюдалась тенденция к снижению средних цен на продукты детского питания, в дальнейшем цены снова стали расти. Противоположные тенденции присутствовали в изменениях денежных доходов на душу населения — рост до 2014 г. Как результат — рост объемов продаж, уровень которого в 2015 г. снизился за счет отрицательных тенденций.

Распределение продаж по регионам Беларуси в зависимости от числа детей раннего возраста является в достаточной степени равномерным. Кластеризация регионов по данным показателям позволила разбить их на 3 группы: с более низкими и более высокими продажами, что объясняется динамикой численности детей раннего возраста в регионах.

Источники

1. Денисейко, И. В. Моделирование региональной структуры продаж продуктов детского питания в Республике Беларусь / И. В. Денисейко, Г. О. Читая // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития : тез. докл. XVIII Междунар. науч. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г. : в 3 т. / НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь ; под ред. А. В. Червякова [и др.]. — Минск, 2017. — Т. 3. — С. 227–228.

Deniseyko, I. V. The modeling of the regional structure of sales of baby food products in the Republic of Belarus / I. V. Deniseyko, G. O. Chitaya // Problems of forecasting and state regulation of socio-economic development : abstr. of the XVIII Intern. sci. conf., Minsk, 26–27 Oct. 2017 : in 3 vol. / Research Econ. Inst. of the Min. of Economics of the Rep. of Belarus ; ed. by A. V. Chervyakova [et al.]. — Minsk, 2017. — Vol. 3. — P. 227–228.

2. Денисейко, И. В. Моделирование спроса на продукты детского питания / И. В. Денисейко // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. — 2017. — № 4 (123). — С. 25–32.

Deniseyko, I. V. The modeling of the demand for baby food products / I. V. Deniseyko // Bull. of the Belarus State Econ. Univ. — 2017. — № 4 (123). — P. 25–32.

3. Читая, Г. О. Эконометрическое исследование факторов развития регионов России / Г. О. Читая // Региональная экономика: теория и практика. — 2007. — № 18 (57).

Chitaya, G. O. Econometric study of factors of development of the regions of Russia / G. O. Chitaya // Regional Economics: Theory and Practice. — 2007. — № 18 (57).

Статья поступила в редакцию 23.11.2018 г.

E. Dorina
O. Meshcheryakova
BSEU (Minsk)

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP: ESSENCE, FORMS OF IMPLEMENTATION OF LOGISTIC INFRASTRUCTURE

The article studies the economic essence of a public-private partnership, as a result of which the author's definition of «public-private partnership» was proposed. The forms of interaction between the state and private business were studied, among which the concession was singled out as one of the most common forms of public-private partnership. The authors described similarities between a public-private partnership and a concession, according to the regulatory legal acts of the Republic of Belarus. As a result, it was proposed to consider the concession a form of public-private partnership in the implementation of infrastructure projects, including logistics infrastructure facilities.

Keywords: public-private partnerships; forms; concession; logistic infrastructure.

Е. Б. Дорина
доктор экономических наук, профессор
О. М. Мещерякова
БГЭУ (Минск)

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО: СУЩНОСТЬ, ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

В статье исследована экономическая сущность государственно-частного партнерства, в результате чего предложено авторское определение термина «государственно-частное партнерство». Изучены формы взаимодействия государства и частного бизнеса, среди которых выделена концессия как одна из самых распространенных форм государственно-частного партнерства. Авторы описали сходства между государственно-частным партнерством и концессией, согласно нормативно-правовым актам Республики Беларусь. В результате предложено считать концессию формой государственно-частного партнерства при реализации инфраструктурных проектов, в том числе объектов логистической инфраструктуры.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; формы; концессия; логистическая инфраструктура.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) как эффективный механизм сотрудничества государства и частного бизнеса позволяет реализовать значимые социально-экономические проекты, в том числе в сфере логистической инфраструктуры. При этом увеличение объема частных инвестиций в логистическую инфраструктуру страны повышает их эффективность, что приведет к долгосрочному, устойчивому и сбалансированному социально-экономическому росту республики.

Дж. Делмон под государственно-частным партнерством понимает «любые контрактные или юридические отношения между государственными и частными структурами с целью улучшения и/или расширения инфраструктурных услуг, исключая контракты по государственному заказу (государственные закупки)» [1, с. 2].

Международные организации, такие как Международный валютный фонд (IMF), Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) отмечают: «... нет общепризнанного определения государственно-частного партнерства, соответствующего учетным рамкам» [2].

В отечественной литературе термин «государственно-частное партнерство» применяется исходя из определения ведущей роли государства, учитывая менталитет и главенствующую роль органов государственной власти.

Отсутствие однозначного толкования понятия государственно-частного партнерства в научной, законодательной и учебной литературе дает возможность выявить нишу, отражающую недостаточно полное теоретическое, методологическое осмысление фундаментальных вопросов, связанных с организационно-экономической сущностью государственно-частного партнерства, а также его содержанием, классификацией форм и моделей, в частности при формировании логистической инфраструктуры.

В этой связи нами были исследованы существующие дефиниции «государственно-частного партнерства» для уточнения его экономической сущности (табл. 1).

Таблица 1. Позиции авторов по определению государственно-частного партнерства

Автор/Источник	ГЧП — это
1	2
Отечественные источники	
Закон «О государственно-частном партнерстве»	«...юридически оформленное на определенный срок взаимовыгодное сотрудничество Республики Беларусь или ее административно-территориальной единицы и юридических лиц, являющихся юридическими лицами, физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, отвечающее целям, задачам и принципам, установленным настоящим Законом»
А.Н. Тур	«... часть системы мер государственного регулирования в целях реализации промышленной политики, стимулирования инновационной активности, привлечения инвестиций в развитие инфраструктуры и социальную сферу»
Е.Л. Филипова	«...совокупность форм средне- и долгосрочного взаимодействия государственного и частного секторов для решения общественно значимых задач и/или достижения социально значимого эффекта на взаимовыгодных условиях»
Зарубежные источники	
Закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве»	«...юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества»
Институт Всемирного банка (World Bank Institute)	«...долгосрочный контракт между частным бизнесом и государством на предоставление государственного актива или услуги, в рамках которого частная сторона несет значительный риск и ответственность за управление»
Организация экономического сотрудничества и развития (OECD)	«...соглашение между правительством и одним или несколькими частными партнерами (которые могут включать операторов и финансистов), согласно которого, частные партнеры предоставляют услугу таким образом, чтобы цели предоставления услуг правительства были выровнены с целями получения прибыли частных партнеров и где эффективность выравнивания зависит от достаточной передачи риска частным партнерам»
Европейский инвестиционный банк (EIB)	«...общий термин для отношений, формируемых между частным бизнесом и государственными органами с целью внедрения ресурсов и/или опыта частного бизнеса в целях оказания помощи в предоставлении активов и услуг государственному сектору»
	«...строительство и эксплуатация инфраструктуры частного бизнеса (включая концессии), которые в противном случае были бы предоставлены государственным сектором»

1	2
Международный валютный фонд (International Monetary Fund)	«...относится к механизмам, в рамках которых частный бизнес предоставляет инфраструктурные активы и услуги, которые традиционно предоставляются правительством. ГЧП используются для осуществления широкого круга проектов в области экономической и социальной инфраструктуры, однако в основном они используются для строительства и эксплуатации дорог, мостов и туннелей, аэропортов и систем управления воздушным движением, тюрем, водопроводных и канализационных сооружений, больниц, школ и общественных зданий»
European Commission (EC)	«... относится к формам сотрудничества между государственными органами и частным бизнесом, которые направлены на обеспечение финансирования, строительства, реконструкции, управления и обслуживания инфраструктуры предоставления услуг»
В.Г. Варнавский, А.В. Клименко, В.А. Королев	«...юридически закреплённая форма взаимодействия между государством и частным сектором в отношении объектов государственной и муниципальной собственности, а также услуг, исполняемых и оказываемых государственными и муниципальными органами, учреждениями и предприятиями, в целях реализации общественно значимых проектов в широком спектре видов экономической деятельности»
Ю.С. Емельянов	«...любые официальные отношения или договоренности на фиксированный/бесконечный период времени, между государственными и частными участниками, в котором обе стороны взаимодействуют в процессе принятия решения и соинвестируют ограниченные ресурсы, такие как деньги, персонал, оборудование и информацию для достижения конкретных целей в определенной области науки, технологии и инноваций»
В.А. Фильченков	«...институт, основанный на совокупности формальных и неформальных правил, направленных на организацию совместной деятельности государства, органов местного самоуправления и предпринимательских структур в целях удовлетворения интересов общества, в рамках которой на равных правах удовлетворяются социальные и экономические интересы сторон»
С.С. Трачук	«...институциональный и организационный альянс государства и бизнеса, заключающийся во взаимодействии финансовых, правовых, социальных и политических факторов, направленных на эффективное объединение государственных и частных ресурсов и их различных источников в единый комплекс с целью решения стратегических задач социально-экономического развития страны, а также позволяющего сформулировать необходимые условия для привлечения инвестиций в приоритетные отрасли экономики, такие как: оценка мотивации к стимулированию инновационной деятельности в частном секторе путем повышения экологических, энергосберегающих стандартов, побуждающих частный бизнес обновлять выпускаемую продукцию; развитие методического и нормативного обеспечения государственно-частного партнерства с исследованием механизма реализации государственно-частного партнерства; законодательное закрепление его участников, форм и моделей в отечественной практике»

Источники: составлено авторами на основе [3, 4].

Определение экономической сущности понятия «государственно-частное партнерство» является необходимым условием становления и развития данного института. Важность правильного и четкого определения «государственно-частного партнерства» обусловлена необходимостью выработки и законодательного закрепления единой правовой категории, в целях исключения разногласий, которые могут возникнуть в ходе практической реализации инфраструктурных проектов на основе государственно-частного партнерства.

В ходе исследования нами дополнены существующие дефиниции.

Предложено рассматривать государственно-частное партнерство как юридически закреплённый союз (форму организации) между представителями государственной власти и частного бизнеса при формировании логистической инфраструктуры региона на договорной основе на взаимовыгодных условиях, предполагающих справедливое рас-

пределение рисков, ответственности и выгод между сторонами партнерства, для достижения общих целей, в том числе извлечения прибыли.

Также нами выявлено, что среди ученых и специалистов нет единого мнения о том, какие формы взаимодействия государства и частного бизнеса можно отнести к государственно-частному партнерству, существует ряд расхождений. Мировая практика насчитывает множество форм взаимоотношений сторон государственно-частного партнерства, использующих различные механизмы реализации.

В Республике Беларусь существуют две основные группы форм взаимодействия при реализации инфраструктурных проектов — за счет бюджетных и внебюджетных средств. При реализации инфраструктурных проектов с привлечением внебюджетных средств также выделяют две группы форм: формы государственно-частного партнерства и иные формы с признаками государственно-частного партнерства (квазиГЧП). Причем к формам государственно-частного партнерства относят лишь соглашение о ГЧП (рис. 1).

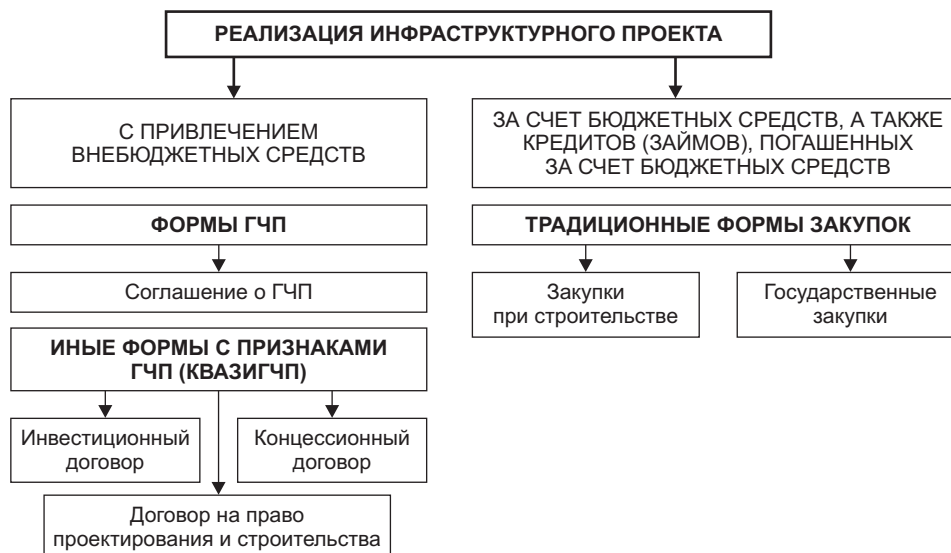

Рис. 1. Схема существующих форм и механизмов реализации инфраструктурных проектов

Источники: разработано авторами на основе [5].

Исследуем более подробно реализацию инфраструктурного проекта с привлечением внебюджетных средств. В мировой практике (в том числе и Российской Федерации) концессия является одной из самых распространенных форм государственно-частного партнерства, с помощью которой успешно реализуются проекты как в сфере жилищно-коммунального хозяйства, так и в социальной и транспортной сферах. Известно, что концессии получили широкое распространение в инфраструктурных отраслях, где особенно остро необходимы приток частного капитала и высококвалифицированное управление. В этом сходство концессии с государственно-частным партнерством. Согласно Закону «О государственно-частном партнерстве» ГЧП может осуществляться в отношении объектов инфраструктуры в дорожной и транспортной деятельности, коммунальном хозяйстве и коммунальных услугах, социальной и иных сферах.

В Республике Беларусь как государственно-частное партнерство, так и концессия — относительно новые понятия. К нормативно-правовым актам, регулирующим партнер-

ские отношения, относят законы «О государственно-частном партнерстве» (принят в 2015 г.) и «О концессиях» (принят в 2013 г.).

В ходе анализа нормативных документов были выявлены сходства между государственно-частным партнерством и концессией:

1) государственно-частное партнерство и концессии регулируются законами. Оба закона направлены на привлечение инвестиций в экономику Республики Беларусь;

2) государственно-частное партнерство и концессия всегда имеют договорную основу. В рамках государственно-частного партнерства между сторонами партнерства подписывается соглашение о ГЧП, в рамках концессии — концессионный договор: полный, о разделе продукции либо об оказании услуг (выполнении работ);

3) наблюдается схожесть между субъектами соглашения/договора: публичной стороной выступает государство или ее административно-территориальная единица, частной — инвесторы, за исключением государственных юридических лиц;

4) в обоих случаях полномочия по определению конкретных видов деятельности (перечня инфраструктурных проектов), по которым может быть заключено соглашение/договор, возложены на органы государственной власти. Например, ГЧП проекты предлагаются частным партнерам исходя из Национальной инфраструктурной стратегии 2017–2030 гг. На наш взгляд, отсутствие возможности самостоятельно инициировать процесс заключения соглашения/договора по реализации социально и экономически значимых проектов для представителей частного бизнеса, является существенным недостатком для устойчивого социально-экономического роста республики;

5) государственно-частное партнерство и концессия опираются на возвратность предмета соглашения/договора, который предоставляется частному партнеру на условиях, определяемых соглашением/договором;

6) ГЧП проект, равно как и предоставление объектов концессии в концессию, включает в себя 4 этапа (табл. 2).

Таблица 2. Этапы проекта

№ этапа	ГЧП	Концессия
1	Подготовка, рассмотрение и оценка предложения о реализации ГЧП проекта	Формирование, утверждение, опубликование в печатных средствах массовой информации и размещение в глобальной компьютерной сети Интернет перечней по объектам концессии Республики Беларусь и по объектам концессии административно-территориальных единиц, определение по ним вида концессионного договора и способа выбора концессионера
2	Принятие решения о реализации ГЧП проекта	Определение концессионного органа, разработка, согласование и утверждение концессионных предложений
3	Конкурс по выбору частного партнера для заключения соглашения о ГЧП	Организация и проведение конкурса (аукциона), определение концессионера
4	Заключение и исполнение соглашения о ГЧП	Заключение концессионного договора

Источники: составлено авторами.

В этой связи наблюдая сходства между государственно-частным партнерством и концессией, авторами предложено отнести концессию к форме государственно-частного партнерства при реализации инфраструктурных проектов, в том числе при формировании логистической инфраструктуры (рис. 2). Также это предложение связано с тем, что для Беларуси концессионная модель партнерства государства и частного бизнеса является исторически, экономически и социально приемлемой, соответствует хозяйственному укладу и современному этапу развития республики.

Рис. 2. Предлагаемая схема форм и механизмов формирования логистической инфраструктуры с привлечением внебюджетных средств

Источники: разработано авторами.

В связи с тем что в Республике Беларусь на сегодняшний день не подписан ни один ГЧП проект, предложенная схема позволит расширить механизмы реализации инфраструктурных проектов на основе государственно-частного партнерства, в том числе при формировании логистической инфраструктуры. Преимуществом для сторон соглашения/договора станет наличие частной инициативы в выборе механизма реализации государственно-частного партнерства.

Существенным недостатком видится неразвитость законодательной базы, отсутствие мотивации сторон партнерства, ограничение в применении концессии в связи с наличием большого количества объектов социально-значимых для общества, но не приносящих доход и, как следствие, не привлекательных для частного бизнеса.

Применение концессии как формы государственно-частного партнерства в Республике Беларусь актуально в связи с развитием инфраструктуры, для поддержания долгосрочного устойчивого и сбалансированного экономического роста республики; сокращением бюджетных расходов, при реализации инфраструктурных проектов; высоким уровнем износа основных средств в энергетической, транспортной, социальной, коммунальной и иных сферах. А также потому, что на данный момент частный партнер не заинтересован в инфраструктурных проектах на существующих условиях.

Концессии целесообразно использовать в тех отраслях государственной собственности, где приватизация не представляется возможной по социально-политическим, стратегическим и другим мотивам, в том числе в некоторых объектах логистической инфраструктуры.

Подводя итог, отметим, что наиболее предпочтительной формой реализации механизма государственно-частного партнерства в форме концессии в Республике Беларусь является модель BOT (Build Operate Transfer) — строительство-управление/эксплуатация-передача и ее вариации BOOT, BLOT/BOLT. При которой объект логистической инфраструктуры создается за средства инвестора. Частный партнер после завершения строительства получает право эксплуатации сооруженного объекта в течение срока, достаточного для окупаемости вложенных средств. По истечении данного срока объект передается государству.

Источники

1. Делмон, Дж. Государственно-частное партнерство в инфраструктуре. Практическое руководство для органов государственной власти / Дж. Делмон. — PPIAF, 2010. — 165 с.

Delmon, J. Public-Private Partnership Projects in Infrastructure. An Essential Guide for Policy Makers / J. Delmon. — PPIAF, 2010. — 165 p.

2. Public-Private Partnerships and the 2030 Agenda for Sustainable Development: Fit for purpose? [Electronic resource] / K. S. Jomo [et al.] // Department of Economic & Social Affairs. — DESA Working Paper No. 148 ST/ESA/2016/DWP/148. — 2016. — Mode of access: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/2288desaworkingpaper148.pdf>. — Date of access: 20.09.2018.

3. *Одинцова, Т. Н.* Исследование особенностей и условий формирования моделей государственно-частного партнерства при создании логистических центров / Т. Н. Одинцова, О. М. Мещерякова // Инновационная деятельность. — 2014. — № 4 (31). — С. 53–63.

Odintsova, T. N. Study of the features and conditions of formation of models of Public-Private Partnership in the creation of logistics centers / T. N. Odintsova, O. M. Meshcheryakova // Innovative activity. — 2014. — № 4 (31). — P. 53–63.

4. *Dorina, E.* Evaluation of the efficiency of projects implemented on the basis of the principles of public-private partnerships / E. Dorina, O. Meshcheryakova // New Challenges of Economic and Business Development — 2017: Digital Economy : abstr. of reports, Riga, 18–20 May 2017. — P. 152–163.

5. Государственно-частное партнерство в странах Евразийского экономического союза. Практическое руководство для инвесторов. — М. : Центр развития ГЧП, 2017.

Статья поступила в редакцию 19.12.2018 г.

УДК 339.97

Y. Enin
G. Shymanovich
BSEU (Minsk)

RISKS FACED BY THE EMERGING MARKET ECONOMIES IN THE CONTEXT OF TIGHTENED TRADE AND FINANCIAL LINKAGES: THEORETICAL CONSIDERATIONS

The article analysis influence of trade and financial liberalization on economic growth of the emerging market economies and their exposure to the external shocks based on economic theory and empirical evidences. It describes transmission channels of external shocks on emerging market economies and discusses possibilities of the economic policy of the country to reduce their negative impact. The authors conclude that effective mitigation of external shocks in the context of global integration demands international and regional coordination of economic policies.

Keywords: trade liberalization; financial liberalization; emerging market economies; global integration; regional integration agreements; transmission channels; external shocks; economic policy coordination; Eurasian Economic Union.

Ю. И. Енин
доктор экономических наук, профессор
Г. И. Шиманович
БГЭУ (Минск)

РИСКИ ДЛЯ СТРАН С ФОРМИРУЮЩИМСЯ РЫНКОМ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ТОРГОВО-ФИНАНСОВЫХ СВЯЗЕЙ: ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Статья посвящена влиянию торговой и финансовой либерализации на экономический рост стран с формирующимся рынком и их подверженность внешним рискам с точки зрения теории и эмпирических данных. В статье анализируются каналы, через которые осуществляется трансмиссия внешних шоков на экономику стран с формирующимся рынком, рассматриваются возможности

экономической политики отдельных стран по их смягчению. В результате исследования авторы приходят к выводу, что эффективное противодействие внешним шокам в условиях глобальной интеграции экономик возможно при условии усиления международной региональной координации мер экономической политики.

Ключевые слова: торговая либерализация; финансовая либерализация; страны с формирующимся рынком; глобальная интеграция; региональные интеграционные соглашения; каналы трансмиссии; внешний шок; координация экономической политики; Евразийский экономический союз.

В мировой экономике начиная с 1980-х гг. наблюдается процесс усиления торговых и финансовых связей между странами. Во многом это связано с экономической политикой ведущих стран и международных экономических организаций (ВТО, МВФ и др.) по устранению внешних барьеров на пути движения товаров и капитала, основанной на предпосылке о положительном влиянии внешнеэкономической либерализации на экономический рост. При этом в случае торговли товарами эта предпосылка считается на много более реалистичной, чем в случае движение капитала.

На протяжении ряда последних десятилетий влияние либерализации внешней торговли на развитие мировой экономики рассматривалось как положительное. Вместе с тем многие страны с формирующимся рынком при открытии границ сталкивались с дефицитом внешней торговли, обесцениванием национальной валюты и кризисными ситуациями в экономике. Это и актуализировало дискуссию о характере влияния либерализации внешней торговли на экономический рост отдельной страны. Теоретические работы в большинстве случаев предсказывали положительный эффект от снятия внешнеторговых барьеров [1]. Результаты эмпирических исследований, однако, менее однозначны, но в целом также говорят о том, что в долгосрочном периоде либерализация международной торговли стимулирует экономический рост. D. Dollar, A. Kray приходят к выводу, что темпы экономического роста стран, осуществивших торговую либерализацию, значительно ускорились в 1990-е гг. Так, страны с формирующимся рынком, вовлеченные в глобальную торговлю, росли в среднем с темпом 5,5 % в год, в то время как страны, которые оставались закрытыми, росли с темпом 1,4, что даже медленнее развитых стран (2,2 %) [2]. Соответственно торговая либерализация, по их мнению, способствует догоняющему развитию стран с формирующимся рынком. Многие авторы оспаривали данные выводы, апеллируя к несовершенству эконометрических методов анализа, но при этом не существует эмпирических работ, которые показывали бы, что ограничения в торговле связаны с ускорением роста [3].

Эффекты от либерализации движения капитала менее однозначны. Наиболее ярким первым результатом усиления глобализации финансовой системы стали финансовые кризисы конца 1980-х и 1990-х гг., которые накрыли страны с формирующимся рынком. При этом основное увеличение финансовых потоков происходило между развитыми странами, в то время как развивающиеся оставались на периферии глобального движения капитала. Такие тенденции вызвали вопросы о практических выгодах и издержках от международной финансовой интеграции, в особенности для развивающихся стран, что породило волну исследований на данную тему [4]. В начале 2000-х гг. все больше практических исследований приходило к выводу о значимых выгодах финансовой глобализации, в том числе и для стран с формирующимся рынком. Однако мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., вновь усилил скепсис относительно последствий от либерализации финансовых рынков [5].

Тем не менее после кризиса 2008 г. процесс расширения торговых и финансовых потоков продолжился и во многом шел за счет увеличения доли стран с формирующимся рынком. Этому способствовало развитие глобальных цепочек создания ценности, благодаря которым данные страны были интегрированы в международное разделение труда и производства. В первую очередь это относится к странам Юго-Восточной Азии, Центральной и Восточной Европы, Мексике. В экономическом обзоре ОЭСР отмечается, что

данные тенденции также способствовали изменению структуры международной торговли в сторону уменьшения доли конечных товаров. Напротив, значительно вырос удельный вес торговли промежуточными товарами, а также сырьевых товаров за счет большего спроса со стороны стран с формирующимся рынком. Развитые же страны стали в большей степени ориентироваться на торговлю услугами, где сохраняются существенные барьеры [6].

Более того, в то время как до глобального финансового кризиса 2008 г. основной рост финансовых потоков происходил за счет развитых стран, благодаря большей сложности их финансовых рынков и меньшему количеству правовых барьеров. Однако после кризиса активность на мировом финансовом рынке начала смещаться в сторону стран с формирующимся рынком. Это объясняется, как улучшением их общего макроэкономического положения и развитием инфраструктурных институтов, так и большей привлекательностью инвестиций в данные страны в связи с низкими процентными ставками в развитых странах. При этом основное увеличение международных финансовых потоков происходило за счет спекулятивного капитала, который направлялся на приобретение портфельных инвестиций и долговых бумаг. Одновременно с этим после кризиса 2008 г. произошло существенное сокращение международного банкинга вследствие ужесточения регуляторных требований и необходимости консолидации активов. Это подчеркивает, что большая роль стран с формирующимся рынком в финансовых потоках сопряжена с увеличением уязвимости данных стран к стрессу от внезапной остановки притока капитала и его оттока.

Параллельно с увеличением спекулятивного капитала в странах с формирующимся рынком происходил процесс накопления и долгосрочных инвестиций. Накопленный объем прямых инвестиций в развитых странах и странах с формирующимся рынком за последние два десятилетия увеличился более чем в два раза, подчеркивая степень географического расширения цепочек создания ценности [6]. Более того, в последние годы все большее значение принимает поток инвестиций из стран с формирующимся рынком в развитые. Расширение своего производства за счет инвестиций в другие страны позволяет компаниям диверсифицировать риски, уменьшать подверженность внутренним негативным шокам, максимизировать отдачу от инвестиций.

Помимо положительных эффектов от более эффективного распределения капитала в мировой экономике и перелива технологий от развитых стран в страны с формирующимся рынком, прямые иностранные инвестиции создают каналы трансмиссии шоков между странами, а также снижают эффективность внутренней экономической политики по причине того, что экономические агенты в своей деятельности все в большей степени ориентируются на экономические условия других стран, а не внутреннюю среду.

Как следствие, растущий уровень связи между странами приводит к синхронизации их деловых и финансовых циклов. Это подтверждает исследование A. Maravalle, L. Rawdanowicz, которые показывают, что глобальные и региональные факторы в развитых странах и странах с формирующимся рынком объясняют около 30 % изменения реального ВВП каждый, а внутренние факторы отдельной страны — только оставшиеся 40 % (за период с 2010 по 2017 г.). Для финансового рынка пропорции еще более сдвинуты в сторону глобального фактора: он предопределяет около 42 % изменений в котировках акций, в то время как внутренние факторы — 34 % [7].

Таким образом, высокий уровень торговой и финансовой интеграции усиливает подверженность стран к внешним шокам. При этом сами каналы трансмиссии внешних шоков также меняются. Согласно L. Melo, H. Rincon влияние внешних шоков на экономику стран с формирующимся рынком проявляется в изменении движения капитала, товаров, услуг, а также трудовых ресурсов. Наиболее значимыми каналами распространения внешних шоков являются финансовый канал, канал ожиданий, канал риска и канал реального сектора (см. рисунок).

Источники: разработано авторами на основе [8].

Распространение внешнего шока через финансовый канал в первую очередь происходит за счет снижения доходов на активы, что отражается на финансовом положении банковского сектора. Для консолидации ресурсов банки ограничивают предоставление ликвидности как на внутреннем, так и внешних рынках, что ведет к дальнейшему снижению стоимости активов на всех затронутых рынках. Это становится своеобразным замкнутым кругом, так как падение стоимости активов еще сильнее ухудшает финансовое состояние банковского сектора и, следовательно, ухудшает доступность заемного капитала и финансовое положение реального сектора.

Такое поведение экономических агентов в условиях внешнего шока в особенности характерно для стран с формирующимся рынком, что объясняется увеличением неприятия риска со стороны международных инвесторов, поиском наиболее безопасных вложений, растущей склонностью ограничивать инвестиции внутренним рынком. Это неизбежно отражается в росте процентных ставок в странах с формирующимся рынком.

Однако это не единственно возможный сценарий трансмиссии внешнего шока на экономику страны с формирующимся рынком через финансовый канал. Возможна и практически противоположная ситуация. Вследствие поиска безопасных вложений со стороны инвесторов и соответствующего резкого притока средств в долговые бумаги развитых стран, а также вследствие стимулирующей монетарной политики в самих развитых странах происходит значительное падение доходности от капитала. Соответственно в поисках большей доходности инвестиции могут быть направлены в те страны с формирующимся рынком, которые изначально были финансово устойчивы и не были затронуты шоком оттока капитала. Как следствие, в таких странах наблюдается приток международных финансов, который в итоге ведет к росту стоимости активов и возникновению так называемых пузырей.

Канал ожиданий относительно роста в развитых странах также способен работать в две стороны. В условиях экономической стабильности ожидания замедления роста в развитых странах ведут к росту инвестиционной привлекательности стран с формирующимся рынком и соответствующему притоку капитала. В условиях кризиса ожидания ухудшения темпов роста в развитых странах воспринимаются как признак последующего падения темпов и в странах с формирующимся рынком, что ведет к оттоку капитала из этих стран в пользу развитых. При этом колебания в экономической конъюнктуре последних намного меньше [8].

Аналогичным образом работает канал рисков, который отражает склонность международных инвесторов рисковать и ту цену, которую они готовы платить за риск. Рост рисков в развитых странах в обычных условиях ведет к притоку средств в страны с фор-

мирующимся рынком, а в условиях кризиса — к его оттоку вследствие резкого переосмотра инвесторами премии за риск и желанию максимально обезопасить свои активы.

При этом канал реального сектора подразумевает, что влияние внешнего шока на экономику страны передается через изменения условий торговли, реального обменного курса, объемов экспорта и импорта и выпуска в целом. В общем случае замедление темпов роста мировой экономики ведет к сокращению объемов мировой торговли и падению цен на сырьевые товары, что в первую очередь отражается на выпуске продукции стран с формирующимся рынком.

Однако влияние внешнего шока через канал реального сектора на совокупный спрос и инфляцию существенно меняется под воздействием большей глобализации и усложнения цепочек создания ценности. Шок на рынке конечного товара или одного из поставщиков остро отражается на странах, вовлеченных на всех уровнях производственной цепочки. Точно также и рост цен в одной стране оказывается импортированным в остальные. Однако в долгосрочном периоде этот эффект нивелируется за счет переноса производств в страны с более дешевыми ресурсами, что обеспечивает низкий уровень инфляции на рынках конечных товаров.

При этом отклики макроэкономических показателей на шоки обменного курса стали менее значимы. Колебания обменного курса автоматически влияют на стоимость импортируемых в рамках глобальных цепочек создания ценности промежуточных товаров, что делает фактор ценовой конкурентоспособности менее чувствительным к обменному курсу. Однако фактор обменного курса оказывается все более значимым в отношении движения капитала. Наличие значимых внешних активов и обязательств приводит к тому, что соответствующие потоки доходов от инвестиций играют значительную роль в платежном балансе, а в целом инвестиционная позиция значительно зависит от колебаний обменного курса.

Таким образом, большая глобальная торговая и финансовая интеграция способна значительно ускорить экономическое развитие, но она также несет и больший риск распространения внешних шоков. Отдельные страны смогут снижать свою чувствительность к внешним шокам за счет адаптации макроэкономической политики. В частности, политика плавающего обменного курса дает экономике определенную гибкость в реагировании на изменения в условиях внешней среды. Еще одним инструментом является установление жестких норм пруденциального финансового регулирования, направленного как на сохранение стабильности банковского сектора, так и на регулирование международной инвестиционной позиции, целью которого является снижение доли привлекаемых портфельных и долговых инвестиций, а также и увеличение доли прямых иностранных инвестиций. Стандартной мерой по укреплению устойчивости экономики стран с формирующимся рынком к внешним шокам является проведение структурных реформ, которые обеспечивают внутреннюю макроэкономическую стабильность и экономический рост. Еще одним важным шагом является адаптация социальной политики для смягчения воздействия внешних шоков на социально уязвимые группы. В частности, она должна отвечать на вызовы структурной безработицы, риски которой вырастают в условиях быстрых изменений в структуре производства за счет поддержки мобильности населения и инвестиций в человеческий капитал. Однако реализация данных мер требует наличия достаточных возможностей для маневра, что зачастую недоступно для стран с формирующимся рынком.

Так как внешние шоки обычно носят международный региональный или общемировой характер, то более выверенной реакции на них можно добиться при коллективной координации мер экономической политики внутри региона или на глобальном уровне. В частности, для недопущения того, чтобы меры внутренней политики одной страны усиливали влияния общего внешнего шока на другие страны региона, необходимы согласование и координация макроэкономических политик. В противном случае возмож-

ны ситуации, когда ужесточение монетарной политики в одной стране спровоцирует приток ликвидности из других, где проводится мягкая денежно-кредитная политика, снижая параллельно ее эффективность. Еще одним примером служит ужесточение требований к банковскому сектору, который в случае работы на международных рынках для выполнения нормативов вынужден переводить активы из третьих стран. Кроме того, создание запаса прочности в виде резервов крупными экономиками зачастую приводит к нагреванию международных финансовых рынков, а также приводит к искажению торговли из-за сопутствующей политики по занижению обменного курса.

Практическая реализация скоординированной региональной или глобальной политики по реагированию на внешние шоки зачастую затруднена разными подходами к оценке масштабов шока и выбору соответствующих инструментов реакции на него. Кроме того, наличие в регионе крупной страны осложняет координацию политики, так как такие страны склонны действовать независимо от других ввиду своего веса в экономике региона. В глобальном масштабе примером такой координации стала политика стран большой двадцатки, которые в начале кризиса 2008 г. провели согласованную политику по смягчению бюджетной политики и предоставлению ликвидности рынкам. Еще одним направлением координации политик является согласование подходов к налогообложению корпораций и предотвращению конкуренции налоговых режимов. Важной мерой, способствующей снижению угрозы распространения шоков, является выработка общих правил по борьбе с нелегальной торговлей, отмыванием денег, систем обмена информацией и общих технических нормативов.

Необходимость координирования экономических политик для реакции на последствия глобального финансового кризиса активизировали процессы международной интеграции. При этом развитие получили как глобальные форумы, направленные на обсуждение вызовов экономической политики на мировом уровне, так и международные региональные интеграционные соглашения. Кроме того, начался процесс создания и развития глобальных торгово-экономических соглашений (Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, Транстихоокеанское партнерство и т.д.).

Активизация региональной экономической интеграции в качестве реакции на усиление внешних шоков также затронула Беларусь. Практические попытки региональной экономической интеграции на территории стран СНГ предпринимались с 1995 г., когда Беларусь, Казахстан и Россия впервые заявили о создании Таможенного союза. Однако классическое экономическое наполнение региональная интеграция приобрела только в 2007 г. с подписанием данными странами Договора о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза, который начал функционировать с 1 января 2010 г., когда вступил в действие единый таможенный тариф. Далее в 2012 г. в силу вступили соглашения, являющиеся основой Единого экономического пространства (ЕЭП), а с 2015 г. — Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Этими соглашениями установлены принципы координации макроэкономической политики, регулирование вопросов трудовой миграции и пенсионного обеспечения, подходы к устранению изъятий из общего рынка. В 2015 г. к ЕАЭС также присоединились Армения и Кыргызстан.

Таким образом, ЕАЭС основывается во многом на реализации экономических задач, что отличает его от предыдущих попыток региональной интеграции в рамках стран СНГ [9]. «Глобальная цель ЕАЭС — создание благоприятной среды для реализации потенциала хозяйственных связей внутри региона, модернизация национальных экономик, повышение глобальной конкурентоспособности. Центр, ядро евразийского интеграционного процесса — единый рынок товаров, услуг, капитала и труда» [10]. Данный интеграционный проект в значительно меньшей степени, чем предыдущие, декларирует идеологическую составляющую, несмотря на то что во многом также ориентирован на выполнение политических задач. И реализация его потенциала во многом объясняется

тем, что он создавался в условиях глобального кризиса, что значительно усилило экономические плюсы от интеграции. В случае Беларуси региональная интеграция обеспечила дополнительные гарантии доступа на рынки стран ЕАЭС, а также возможность привлечения внешнего финансирования через Евразийский фонд стабилизации и развития.

Источники

1. *Grossman, G.* Innovation and Growth in the Global Economy / G. Grossman, E. Helpman. — Cambridge, Mass. : MIT Press, 1991. — 359 p.
2. *Dollar, D.* Trade, Growth, and Poverty / D. Dollar, A. Kray // *Econ. J.* — 2004. — Vol. 114, iss. 493. — F1–F184.
3. *Winters, L.* Trade Liberalisation and Economic Performance: an Overview / L. Winter // *Econ. J.* — 2004. — Vol. 114, iss. 493. — F4–21.
4. *Stiglitz, J.* Globalization and Its Discontents / J. Stiglitz. — New York : W.W. Norton and Company, 2002. — 304 p.
5. *Енин, Ю. И.* Мировой кризис и преодоление его негативных последствий для экономики средних и малых стран / Ю. И. Енин, А. А. Пилютик. — Минск : Право и экономика, 2014. — 149 с.
Enin, Y. I. Global crisis and overcoming of its negative consequences / Y. I. Enin, A. A. Pilutik. — Minsk : Law and Economics, 2014. — 149 p.
6. Policy challenges from closer international trade and financial integration: dealing with economic shocks and spillovers. — Paris : OECD Publ., 2018. — 45 p. — (OECD Economic Outlook, Vol. 2018, Iss. 1).
7. *Maravalle, A.* Investigating Changes in Economic and Financial Synchronisation: A Global Factor Analysis / A. Maravalle, L. Rawdanowicz. — Paris : OECD Publ., 2018. — (OECD Economics Department Working Papers).
8. *Melo, L.* External Shocks and Asset Prices in Latin America before and after Lehman Brothers' Bankruptcy / L. Melo, H. Rincon. — Banco de la Republica de Colombia, 2012. — 50 p. — (Borradores de Economia, 704I).
9. *Енин, Ю. И.* Формирование региональных интеграционных объединений на постсоветском пространстве / Ю. И. Енин, Н. С. Шелег. — М. : Постоян. Ком. Союз. гос-ва, 2003. — 111 с.
Enin, Y. I. Development of regional integration agreements on post-soviet area / Y. I. Enin, N. S. Sheleg. — Moscow : Standing Comm. of the Union State, 2003. — 111 p.
10. Евразийский экономический союз / Е. Ю. Винокуров [и др.] ; под ред. Е. Ю. Винокурова. — СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2017. — 296 с.
Eurasian Economic Union / E. J. Vinokurov [et al.] ; ed. E. J. Vinokurov. — St Petersburg : EDB Centre for Integration Studies, 2017. — 296 p.

Статья поступила в редакцию 19.12.2018 г.

УДК 338.28:664

A. Efimenko
MSUF (Mogilev)

THE APPLICATION OF METHOD OF FUZZY SETS IN THE EVALUATION OF THE COMPETITIVENESS OF SERVICES

In the article the technique of an estimation of competitiveness of the motor transportation enterprises on the services market. The strategic directions and conditions of formation of market system of transport service which basis is increase of competitiveness of the motor transport organizations are proved.

Keywords: competitiveness; evaluation; strategy; development.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА НЕЧЕТКИХ МНОЖЕСТВ В ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ УСЛУГ

В статье предложена методика оценки конкурентоспособности автотранспортных предприятий на рынке услуг. Обоснованы стратегические направления и условия формирования рыночной системы транспортного обслуживания, основой которого является повышение конкурентоспособности автотранспортных организаций.

Ключевые слова: конкурентоспособность; оценка; стратегия; развитие.

На современном этапе функционирование и формирование отраслевых рынков должно отвечать важнейшим принципам суверенитета государства, а также способности интеграции экономики Беларуси в мировую хозяйственную систему. Особое внимание будет уделено «...развитию экспорта транспортных услуг путем создания условий для привлечения транзитных грузопотоков на территорию республики, расширения географии перевозок и проведения согласованной транспортной политики в рамках ЕАЭС» [1, с. 61].

В условиях конкуренции для Республики Беларусь, ставшей на путь рыночных экономических преобразований, актуальным направлением является формирование механизма взаимодействия транспорта с другими отраслями экономики, предусматривающего, с одной стороны, качественное и полное удовлетворение потребностей в перевозках, а с другой — соблюдение экономических интересов транспорта и эффективное использование его ресурсов.

Решение проблемы становления рынка транспортных услуг и создание соответствующей инфраструктуры зависит от ряда условий, к которым следует отнести общее состояние экономики, проводимую экономическую политику, наличие конкурентной среды. Неоднозначность решения данной проблемы вызвала необходимость проведения исследований, позволяющих обосновать стратегические направления эффективного развития отраслевых рынков, в том числе рынка транспортных услуг с учетом повышения конкурентоспособности.

Существует несколько способов оценки конкурентоспособности: на основе теории эффективной конкуренции, на основе теории равновесия, матричные методы, метод И. Ансоффа, на основе финансового подхода и с позиций качества. Оценка с позиций теории эффективной конкуренции акцентируется на определении конкурентоспособности отрасли, что не совсем приемлемо для отдельной автотранспортной организации. Согласно теории равновесия конкурентоспособность организации зависит от его способности использовать факторы производства с большей производительностью, чем конкуренты. Данная теория применима в условиях развитой конкуренции. Матричные методы позволяют совместить изучение внешних и внутренних факторов конкурентоспособности транспортных организаций, установить линии связи между его силой и слабостью, внешними угрозами и возможностями. Однако данные методы не дают количественной оценки уровня конкурентоспособности, хотя это важно для практики транспортных организаций. Наиболее широкое распространение имеет метод И. Ансоффа и оценка с позиций качества, который определяет конкурентоспособность формирований как рентабельность стратегических инвестиций, откорректированных на степень оптимальности стратегии и потенциала организации [2]. Трактовка конкурентоспособности И. Ансоффом близка к толкованию конкурентного преимущества М. Портером. В обеих

концепциях на первый план выходит соотношение фактической и базовой продуктивности использования ресурсов фирмы, однако М. Портер не конкретизирует показатели продуктивности [1]. Используемые оценочные показатели деятельности автотранспортных предприятий на рынке услуг (выполнение договорных заданий по объемам перевозок, грузообороту, доходам и прибыли) не учитывают качество обслуживания заказчиков.

Основные показатели работы грузовых автомобильных транспортных средств специализированных организаций Республики Беларусь отражены в табл. 1.

Таблица 1. Основные показатели работы грузовых автомобильных транспортных средств

Год	Перевезено грузов, млн т	Грузооборот, млн т-км	Средняя дальность перевозки 1 т груза, км
2010	109,8	12 012	109,4
2011	115,4	13 642	118,2
2012	110,3	16 136	146,2
2013	114,7	18 863	164,5
2014	111,5	19 727	176,9
2015	101,5	17 862	176,1
2016	93,4	19 325	178,2
2017	96,5	20 891	178,4
2017 г. к 2010 г., +, -	-13,3	+8879	+69,0

Источник: составлено автором.

Выполненный анализ показал, что за 2010–2017 гг. произошло снижение объема грузоперевозок на 13,3 млн т, грузооборот вырос на 8879 млн т-км, средняя дальность перевозки 1 т грузов увеличилась на 69 км.

Частный сектор на рынке транспортных услуг интенсивно осваивает самые выгодные по доходам сферы: междугородные перевозки дизельными автомобилями с кузовами типа фургон, грузоподъемностью свыше 15 тонн; внутриреспубликанские перевозки с использованием бортовых дизельных автомобилей, грузоподъемностью в пределах 7–10 т и городские перевозки мелкопартионных грузов грузоподъемностью до 1,5 т.

Оценка конкурентоспособности государственных автотранспортных предприятий АПК на рынке услуг выполнена с помощью метода нечетких множеств. Для выявления вариантов по совокупности критериев необходимо иметь в распоряжении информацию о важности критериев и типах возможных отношений между ними. Метод нечетких множеств предоставляет различные средства для учета взаимных отношений критериев: использование весовых коэффициентов, нечеткие отношения предпочтения, нечеткий логический вывод на правилах определения лучшей альтернативы и т.д. В данном случае конкурентоспособность автотранспортных организаций АПК на рынке услуг является синтезом объективного (уровень спроса) и субъективного (степень удовлетворения заказчика).

Данный метод использовался при оценке конкурентоспособности автотранспортных подразделений Могилевского областного унитарного автотранспортного предприятия «Облагропромтранс»: автотранспортного предприятия «Агропромтранс» Бобруйска и «Кричевмежрайтранс», государственных автотранспортных подразделений (Круглянского, Шкловского, Чаусского, Горецкого, Быховского, Заднепровского и Городского). В качестве экспертов выступали специалисты данных подразделений, экспертная оценка которыми проводилась в несколько этапов. На первом этапе был определен состав пара-

метров, которые можно рассматривать как существенно влияющие на решение клиентов о покупке автотранспортных услуг и конкурентоспособность организаций в целом. Экспертами из 30 предложенных показателей были выбраны следующие: тариф на автотранспортные услуги, эффективность единой информационной системы обеспечения внешнеэкономической деятельности (ВЭД) автотранспортных организаций АПК, коэффициент финансового риска автотранспортных организаций АПК на рынке услуг, уровень спроса на автотранспортные услуги в АПК с учетом особенностей сельскохозяйственного производства, наличие кадров соответствующей квалификации в автотранспортных организациях АПК, организационная структура автотранспортных организаций АПК, износ грузового автотранспорта АПК, уровень механизации погрузочно-разгрузочных работ, рентабельность совокупного капитала, а также степень реализации государственных целевых программ развития грузового автотранспорта.

На втором этапе оценивалась значимость каждого параметра экспертами. Для этого каждый эксперт ранжировал параметры на основе качественных и количественных характеристик. Затем определялись коэффициенты относительной значимости («веса») каждого из параметров.

Результатом применения методики является числовое значение конкурентоспособности, которое представляет собой построенный при помощи математического аппарата нечеткой логики интегральный критерий. При построении интегрального критерия учитываются веса показателей. Допустимый уровень конкурентоспособности начинается с 50 %, наивысший — при показателе равном 100 %.

Сводная оценка конкурентоспособности государственных автотранспортных предприятий на рынке услуг представлена в табл. 2.

Таблица 2. Оценка конкурентоспособности автотранспортных предприятий

Наименование организации	Интегральная оценка	Группы (А, В и С) и диапазон значений
Агропромтранс г. Бобруйска	0,643	А — высокий уровень (0,6–1)
Кричевмежрайтранс	0,636	А
Государственные автотранспортные предприятия: Круглянское	0,431	В — средний уровень (0,4–0,6)
Шкловское	0,419	В
Чаусское	0,361	С — низкий уровень (0–0,4)
Горецкое	0,449	В
Быховское	0,370	С
Заднепровское	0,336	С
Городское	0,596	В

Источники: составлено автором.

Данные, приведенные в табл. 2, показывают, что высокой конкурентоспособностью отличаются автотранспортные подразделения «Агропромтранс» Бобруйска и «Кричевмежрайтранс», средней — Круглянское, Горецкое и Городское и низкой — Чаусское, Быховское и Заднепровское. Основными причинами слабой конкурентной позиции Чаусского, Быховского и Заднепровского автотранспортных подразделений являются недостаточное владение состоянием спроса на автотранспортные услуги, низкие технико-эксплуатационные характеристики грузового автотранспорта, неэффективная реклама, завышенные тарифы на услуги, нерешенные производственные проблемы и в целом отсутствие конкурентной политики и стратегии их развития.

Применение методики позволяет расширить инструментарий мониторинга конкурентоспособности государственных автотранспортных предприятий АПК, использовать данные результаты для расчета резервов повышения эффективности производства, оперативно принимать управленческие решения исходя из целей предприятий, внешних условий и требований рынка.

Одним из направлений повышения конкурентоспособности услуг является разработка стратегий развития автотранспортных предприятий, которые являются основой завоевания рыночных позиций и получения выгод от реализации конкурентных преимуществ. Это стратегия лидерства в издержках (себестоимости) дает преимущество, основанное на установлении оптимальной структуры затрат (например, за счет выгодного месторасположения, перевода автомобилей на газовое топливо, экономии за счет улучшения организации труда и др.), что позволяет привлекать дополнительные сегменты потребителей.

Дифференциация производства означает, что автотранспортные предприятия АПК стремятся к уникальности и исключительности в аспектах, важных для потребителей (доступность, надежность, удобство пользования, дизайн, сервис и др.), а также приспособление к нуждам определенных групп (пополнение парка грузовых автомобилей, пользующихся спросом на рынке услуг как по конструкции кузова (самосвалы, фургоны, рефрижераторы), так и по грузоподъемности (до 3 т и свыше 15 т)). Диверсификация производства с целью расширения рыночной активности автотранспортных предприятий АПК, использующих финансовые ресурсы не только для поддержания и развития основного бизнеса, но и на освоение новых видов услуг, создание новых производств (создание транспортно-логистического центра и его диверсификация по видам деятельности). В зависимости от отраслевой принадлежности в Беларуси создаются транспортно-логистические, оптово-логистические (торговые) и многофункциональные логистические центры.

Перспективным направлением является создание новых рынков, способствующих использованию новейших технологий, изменению потребностей клиентуры, появлению новых возможностей и инструментов для размещения финансов и управления рисками (создание инновационного кластера, формирование единого информационного пространства, оптимизация движения автомобильного транспорта с помощью «бортовых» компьютеров).

Стратегия синергизма характеризует ситуацию в деловой практике, когда совокупный результат превосходит сумму отдельных эффектов (например, при комплексном транспортно-экспедиционном обслуживании заказчиков по сравнению с обычной организацией процесса доставки грузов). Необходим системный подход, стимулирующий наращивание объемов производства и обеспечивающий меры по поддержанию требуемого уровня развития инфраструктурных мощностей. Наиболее эффективный инструмент в условиях конкуренции — государственно-частное партнерство, консолидация рынка и создание совместных компаний.

В зарубежной и отечественной экономической науке методические подходы к оценке конкурентоспособности автотранспортных предприятий исследованы не в полной мере. Это объясняется как многоаспектностью теоретических подходов, так и необходимостью учета отраслевой специфики их функционирования и развития на современном этапе. Проведенные исследования показали, что в повышении конкурентоспособности автотранспортных предприятий важное значение имеет освоение новых рынков и поиск новых заказчиков и клиентов. С этой целью организациям необходимо провести рекламную кампанию, которая бы продемонстрировала конкурентные преимущества. Конкурентное преимущество — это превосходство над конкурентами, позволяющее завоевать более прочные позиции на рынке по сравнению с конкурентами и получить желаемую прибыль, которое достигается путем предоставления потребителям больших благ,

за счет реализации более дешевой продукции (услуг) или предложения высококачественных продуктов (услуг), но по оправданно более высокой цене. При этом автотранспортные предприятия для обеспечения рентабельности производства должны иметь сильные позиции по отношению к конкурентам, проявляющиеся в основном в двух типах конкурентных преимуществ: в экономии издержек, а также в дифференциации (или специализации). Под экономией издержек понимается не просто меньшая сумма затрат на производство продукции (работ, услуг), чем у конкурентов, а способность автотранспортных предприятий реализовывать продукцию (работы, услуги) более эффективно, чем конкуренты. Экономия издержек достигается в автотранспортных предприятиях за счет улучшения основных технико-экономических показателей и расширения перечня выполняемых транспортно-экспедиционных услуг. При этом вся деловая деятельность автотранспортных предприятий должна быть направлена на достижение конкурентных преимуществ и в завоевании прочных позиций на рынке. Под конкурентным преимуществом «дифференциация и специализация» понимается не сосредоточение всех маркетинговых усилий автотранспортных организаций на оказании определенного вида транспортных услуг, а способность удовлетворять специфические потребности клиентов и получать за это премиальную цену, т.е. более высокую цену, чем у конкурентов. Особое внимание будет уделено развитию экспорта транспортных услуг путем создания условий для привлечения транзитных грузопотоков на территорию республики, расширения географии перевозок и проведения согласованной транспортной политики в рамках ЕАЭС.

Источники

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года / Экон. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь ; редкол.: Я. М. Александрович [и др.]. — 2015. — № 4. — С. 6–99.
2. Ансофф, И. Новая корпоративная стратегия / И. Ансофф. — СПб., 1999. — 414 с.
Ansoff, I. Novaya korporativnaya strategiya / I. Ansoff. — SPb., 1999. — 414 s.
3. Портер, М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран : пер. с англ. / М. Портер ; под ред. В. Д. Щетинина. — М. : Междунар. отношения, 1993. — 896 с.
Porter, M. Mezhdunarodnaya konkurentsiya: konkurentnye preimushchestva stran : per. s angl. / M. Porter ; pod red. V. D. Shchetinina. — M. : Mezhdunar. otnosheniya, 1993. — 896 s.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018 г.

УДК 338.48(476)

M. Zhudro
BSEU (Minsk)
N. Zhudro
BNTU (Minsk)

INSTITUTIONAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF CORPORATE INTERACTION OF SMART BUSINESS STAKEHOLDERS

The article investigates the institutional aspects of the development of corporate interaction of smart business stakeholders. The design of formation of intra- and inter-firm business communications of investors, entrepreneurs, managers, personnel of enterprises of the Republic is substantiated. The implementation of the design involves the following triad: the desire of entrepreneurs to create the best option from their point of view, intra- and inter-firm network, cluster business communications, the possibility of attracting high-tech invest-

ments and the potential efficiency of smart business, which is determined by the digitalization of the macro- and microeconomic market environment.

Keywords: institutions; digitization; clustering; smart business; investments; high-tech material; design; stakeholders; business communication; innovation.

М. К. Жудро

доктор экономических наук, профессор
БГЭУ (Минск)

Н. В. Жудро

кандидат экономических наук, доцент
БНТУ (Минск)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТЕЙКХОЛДЕРОВ СМАРТ-БИЗНЕСА

В статье исследованы институциональные аспекты развития корпоративного взаимодействия стейкхолдеров смарт-бизнеса. Обоснован дизайн формирования внутри- и межфирменных бизнес-коммуникаций инвесторов, предпринимателей, менеджеров, персонала предприятий республики. Реализация дизайна предполагает руководствоваться следующей триадой: желанием предпринимателей создавать оптимальный с их точки зрения вариант внутри- и межфирменных сетевых, кластерных бизнес-коммуникаций, возможностью привлечения высокотехнологичных инвестиций и потенциальной эффективностью функционирования смарт-бизнеса, которая определяется цифровизацией макро- и микроэкономической рыночной среды.

Ключевые слова: институты; цифровизация; кластеры; смарт-бизнес; инвестиции; высокотехнологичность; дизайн; стейкхолдеры; бизнес-коммуникации; инновации.

В ходе выполненных исследований, установлено преимущественное создание традиционных интеграционных структур кооперативного и корпоративного типа, которое обусловлено целым рядом обстоятельств. Во-первых, в стране законодательно оформлена политика, сориентированная на реализацию принципа свободного выбора организационно-правовой формы предпринимательства. Во-вторых, экономическая реформа предусматривает определенный правовой инструментальный защиты предпринимателей от вмешательства государства, которое, как показывают исследования, может создавать условия для повышения конкурентоспособности бизнеса, так и представляет наибольшую опасность для становления эффективной и сбалансированной социальной среды корпоративного взаимодействия в сфере дисциплинарной, материальной ответственности работодателей, руководителей, специалистов и наемных работников предприятий, регламентирования размещения госзаказа, выделения субсидий, дотаций и других мер по оказанию им финансовой поддержки и т.д. В-третьих, было принято сбалансированное законодательство, исключающее явные преимущества для индивидуальных (единоличных), малых, средних и крупных предприятий в процессе их регистрации, при получении ими государственной поддержки, налоговых преференций и т.д. В-четвертых, в республике доминирует сформированный профессиональный менталитет менеджеров крупных предприятий, который ориентирован на оценку традиционных экономических преимуществ активного использования кооперативного и корпоративного принципа функционирования современных крупных организационно-правовых форм бизнеса. В этой связи следует заметить, что и многие ученые республики, а также преимущественно стран СНГ отдают приоритет развитию традиционного крупного бизнеса холдингового типа. В-пятых, преимущественному формированию традиционного корпоративного взаимодействия предприятий кооперативного и корпоративного типа способствует

рост специфичной секторальной межфирменной конкуренции в крупном бизнесе республики, которая ориентирована на более активное привлечение институциональных инвестиций в производство, обеспечивающее рост уровня концентрации капитала.

В то же время в процессе исследований современных трендов и социально-экономических проблем развития национальной экономики в условиях, с одной стороны, определенной диспропорциональности соотношения темпов роста ВВП и инфляции, а, с другой стороны, ее цифровизации, волатильности и турбулентности установлено, что ключом к трансформации экономики Республики Беларусь в высококонкурентное состояние является, прежде всего, генерирование предприятиями наличие спроса у них на конкурентное корпоративное взаимодействие в трансфере высоких технологий и цифровизации экспортной, инвестиционной, финансовой, маркетинговой, логистической их деятельности, а также интереса у потенциальных высокотехнологичных инвесторов к предоставлению инвестиций и финансовых ресурсов.

Указанное требование предполагает формирование и развитие не только традиционных кооперативов, холдингов, концернов, но и гибких сетевых и кластерных интеграционных структур на основе внедрения цифровых технологий во все сферы внутри- и межфирменных корпоративных бизнес-коммуникаций инвесторов, предпринимателей, менеджеров, персонала с целью смарт-технологического и рыночного интегрирования инвестиционных, производственных и финансовых потоков.

Тем самым подвергается сомнению существующая научная концепция многих ученых, ориентированная на преимущественное развитие интеграционных структур традиционного холдингового типа, так как она затрудняет имплементацию сетевого, кластерного конкурентного корпоративного взаимодействия в трансфере высоких технологий и цифровизации экспортной, инвестиционной, финансовой, маркетинговой, логистической деятельности стейкхолдеров смарт-бизнеса [1].

Поэтому, признавая значительные усилия и результаты деятельности как государственных органов, так и предприятий по успешному решению изложенной выше проблемы, тем не менее, следует констатировать наличие институциональных ограничений в республике, источником которых выступает институциональный «имущественный» методологический подход к формированию и реализации инструментов макро- и микро-экономической инфраструктуры традиционного бизнеса. Он с трудом вписывается в экономическую теорию современного рынка и смарт-бизнеса.

Это обусловлено тем, что парадигма «имущественная природа компании» ориентирует рассматривать предприятие как имущественный комплекс, а не как композитную, гибкую и динамическую интегрированную институциональную, социально-экономическую, технико-технологическую, информационно-коммуникационную систему. Изложенная интерпретация конструкции предприятия предполагает органическое и логическое рыночное взаимодействие всех ее составляющих и стейкхолдеров смарт-бизнеса в условиях роста глобализации и неопределенности внешней среды.

Главным в создании гибких сетевых и кластерных интеграционных структурах на основе внедрения цифровых технологий во все сферы внутри- и межфирменных бизнес-коммуникаций инвесторов, предпринимателей, менеджеров, персонала с целью технологического и рыночного интегрирования инвестиционных, производственных и финансовых потоков является институционализация развития потенциала когнитивной самоорганизации, самоуправления смарт-бизнеса в условиях регулируемой государством и обществом внешней среды отбора таких форм корпоративного взаимодействия, которые наиболее эффективны в данный момент в данных специфических условиях [2].

Обобщив сравнительную характеристику трендов мировой актуальной практики развития институционализации корпоративного взаимодействия бизнес-структур, следует констатировать наличие определенной ее дифференциации в различных странах.

Так, можно заметить стремление правительства США предоставить больше вариантов для выбора их формы, а правительство Германии наоборот придерживается создания предпосылок для их функционирования в более строгих правовых рамках. В США получили распространение корпорации типа «S», представляющие санкционированную законом особую форму компаний, имеющую черты корпорации, но облагаемую налогом по аналогии с индивидуальными частными предприятиями и товариществами. Корпорации типа «S» имеют акционеров, директорат и работников, но их доходы облагаются налогом как личный доход акционеров. Тем самым данный вид корпорации не подвержен двойному налогообложению обычных корпораций. Основным преимуществом корпорации типа «S» является льгота по федеральному подоходному налогу. При этом многие штаты представляют корпорациям типа «S» дополнительные льготы. Например, Калифорния облагает их налогом в размере 2,5 % вместо 9,6 % для обычных корпораций. В настоящее время более 20 % корпораций выплачивают налоги по правилам корпорации типа «S». Во многом идентичный регламент корпорации «S» реализован в практике функционирования мошавов в Израиле.

Следовательно, можно заключить, что в США отдают предпочтение более активному инновационному проектному менеджменту, который способствует повышению конкурентоспособности предприятий. Для внедрения такой практики в смарт-бизнесе республики необходимо создавать предпосылки для сочетания синергетики использования как инкорпорированных, так и неинкорпорированных интеграционных сетевых, кластерных структур (товариществ, ассоциаций, агентств, бюро по оказанию взаимных бизнес-услуг и т.д.). Аргументом, изложенным выше предложением, является во многом идентичное регламентирование в США параметров корпораций типа «S» [3].

В этой связи экономически оправданно по аналогии с корпорацией типа «S» в США и в национальном законодательстве выделить отдельный вариант во многом идентичной корпорации в пределах параметров малого предприятия, обозначив ее корпорацией типа «А». На нее целесообразно распространить налоговые преференции по уплате фиксированного налога, которые рекомендованы автором для малого бизнеса и установить для нее уплату налога на дивиденды в размере 25 % его значения в целом по республике. Акционерами такого вида корпорации должны быть граждане республики или лица, имеющие вид на жительство и постоянно проживающие в Республике Беларусь. Они должны иметь право владеть одним видом акций в обращении и не иметь более 70 % акций другой корпорации, получать не менее 70 % доходов от собственно бизнеса и не более 30 % доходов из пассивных источников бизнеса (арендная плата, проценты, конвертируемый займ и т.д.).

Так же важно создавать предпосылки для активизации формирования многовариантной структуры корпоративного инновационного и информационно-коммуникационного взаимодействия предприятий. При этом в процессе обоснования выбора его вида следует руководствоваться следующей триадой: желанием предпринимателей создавать оптимальный с их точки зрения вариант внутри- и межфирменных сетевых, кластерных бизнес-коммуникаций, предполагающий их кооперацию и масштабирование капитала; возможностью привлечения высокотехнологичных инвестиций; потенциальной эффективностью функционирования смарт-бизнеса, которая определяется цифровизацией макро- и микроэкономической рыночной среды.

В этой связи следует считать необходимым наличие в их структуре, во-первых, инновационно-исследовательского подразделения, в задачи которого входит исследование рынков продаж продукции, оценка применимости известных инноваций, цифровых технологий, оптимизации операций по производству и реализации продукции, определение точек роста, стимулирующих спрос на высококвалифицированный персонал и содействующих увеличению заработной платы и доходов населения как платежеспособного маркетингового фактора с учетом имеющихся в стране финансовых, институциональных и социальных императивов.

Во-вторых, активная имплементация и развитие стартапов как фундаментальной переменной высококонкурентоспособного корпоративного взаимодействия предприятий в смарт-бизнесе.

Исследуя современную зарубежную правовую и экономическую практику развития сети корпоративного инновационного и информационно-коммуникационного взаимодействия предприятий, следует отметить следующие сдерживающие его причины в республике:

- непонимание инвесторами, предпринимателями, менеджерами, персоналом и в целом населением рискованности вложений в новый вид создания гибких сетевых и кластерных интеграционных структурах на основе внедрения цифровых технологий во все сферы внутри- и межфирменных бизнес-коммуникаций;
- отсутствие на уровне отдельных территорий действенных механизмов осуществления государственной поддержки в развитии региональной сети гибких сетевых и кластерных интеграционных структурах на основе внедрения цифровых технологий;
- недостаточную пропаганду выгод в создании гибких сетевых и кластерных интеграционных структурах на основе внедрения цифровых технологий во все сферы внутри- и межфирменных бизнес-коммуникаций;
- невыразительность существующей институциональной связи между привлекаемыми и выдаваемыми ресурсами кредитных учреждений при трансформации сбережений населения в создание и развитие гибких сетевых и кластерных интеграционных структур на основе внедрения цифровых технологий во все сферы внутри- и межфирменных бизнес-коммуникаций.

Преодоление на практике сформулированных выше причин в институциональной среде развития смарт-бизнеса позволяет прогнозировать существенное оживление создания как малых, так и крупных гибких сетевых и кластерных интеграционных структур, которое будет происходить по мере улучшения корпоративного предпринимательского климата в республике [4].

Обосновывая существенный рост гибких сетевых и кластерных интеграционных структур, нужно признать, что их удельный вес в структуре экономики республики будет оставаться меньшим по сравнению с другими странами-конкурентами. Это обусловлено относительно компактным размещением урбанизированной и профилированной инфраструктуры регионов и спецификой менталитета населения, тяготеющего больше к коллективно-кооперативному варианту выполнения профессиональных обязанностей и меньше самостоятельно принимать решения, нести полную ответственность за их последствия и т.д.

Из выполненных исследований вытекает, что создание гибких сетевых и кластерных интеграционных структурах на основе внедрения цифровых технологий во все сферы внутри- и межфирменных бизнес-коммуникаций, будут преимущественно создаваться на базе экономически крепких регионов. Руководители предприятий этих регионов в условиях формирования реальной высококонкурентной смарт-среды будут отдавать предпочтение такого рода корпорациям, правовая и экономическая природа которых позволяет более активно осуществлять их кооперацию и масштабирование доходности капитала, привлечение высокотехнологичных инвестиций. Прогнозируемое перспективное развитие гибких сетевых и кластерных интеграционных структурах подтверждается изучением зарубежной и отечественной практики трансфера высоких технологий в смарт-бизнес. Так, в республике акционерные общества закрытого типа создаются преимущественно на базе экономически крепких предприятий, располагающих собственным трансфером производственных, маркетинговых, логистических мощностей и возможностями собственного инвестирования. Принимая во внимание реальную долю экономически крепких предприятий (около 20 %) и то, что удельный вес уже созданных закрытых акционерных обществ в общем числе предприятий составляет бо-

лее 15 %, можно утверждать, что в ближайшей перспективе гибкие сетевые и кластерные интеграционные структуры на основе внедрения цифровых технологий во все сферы внутри- и межфирменных бизнес-коммуникаций будут занимать около 20 % в структуре экономики республики [5].

Характеризуя сравнительные преимущества гибких сетевых и кластерных интеграционных структур на основе внедрения цифровых технологий во все сферы внутри- и межфирменных бизнес-коммуникаций, следует признать определенную неадекватность их требованиям демократизации и социальной ответственности процессов капитализации в такого рода крупном сетевом корпоративном бизнесе, которая порождает монополию со стороны их администрации. Поэтому необходимо в первые годы их становления (3–5 лет) использовать преимущества как кооперативов, так и корпораций. Рекомендуемый интегрированный вариант создания гибких сетевых и кластерных интеграционных структурах является институциональным инструментарием развития потенциала когнитивной самоорганизации, самоуправления и в определенной мере сохранять инвестиционную (корпоративную) привлекательность, а также создавать больше предпосылок для применения демократичных (кооперативных) принципов управления. Для этого уместно использовать опыт функционирования МВФ, правовая и экономическая конструкция которого представляет собой среднее между кооперативом и акционерным обществом. Возможности большего влияния богатых стран на принимаемые решения этой международной финансовой организацией, которые в основном формируют ее финансовые ресурсы, ограничены введением для них определенной квоты голосов. Так, удельный вес доли США в резервном активе МВФ (СДР) составляет около 40 %, а количество голосов, которыми владели США в процессе принятия решений, составляло около 20 % [6]. Правомерность рекомендуемого варианта достижения большей демократизации в процессе капитализации важно для Беларуси. Поскольку менталитет белоруса не готов для широкомасштабного и глубокого распространения рыночного их корпоративного поведения. Аргументом этому выступает проведенный опрос менеджеров предприятий: положительно оценили вариант голосования по принципу «одна акция — один голос» в среднем только 49,5 % респондентов.

В результате теоретической, аналитической работы изучения зарубежного опыта установлено, что в процессе развития потенциала когнитивной самоорганизации, самоуправления гибких сетевых и кластерных интеграционных структур на основе внедрения цифровых технологий во все сферы внутри- и межфирменных бизнес-коммуникаций целесообразно создавать реальные предпосылки для получения всеми заинтересованными структурными их подразделениями обособленного (отдельного) баланса и расчетного (текущего) или иного счета, или полного права юридического лица. Это позволяет им самостоятельно принимать решения о перспективе их развития, включая объединение их в альтернативные ассоциации, корпоративные объединения в виде административно — инвестиционных кластерных компаний и т.д.

Такого рода кластерной региональной структурой можно считать, например, организационную структуру административно-инвестиционной холдинговой компании АО «Ферва» Фельдзее в Германии, предприятия «Тымбрак» в Польше, объединившее на основе учредительных договоров предприятия разных форм собственности, включая более трех тысяч фермерских хозяйств.

Таким образом, можно заключить, что сформулированные аспекты институционализации развития потенциала когнитивной самоорганизации, самоуправления гибких сетевых и кластерных интеграционных структурах на основе внедрения цифровых технологий во все сферы внутри- и межфирменных бизнес-коммуникаций в республике в рамках сценарного прогнозирования и стратегического планирования их бизнес-деятельности позволяют рекомендовать в качестве организационной корпоративного взаимодействия стейкхолдеров создание административно-инвестиционных кластерных

компаний. Такого рода структуры должны стремиться располагать своим определенным инвестиционным, финансовым, маркетинговым, логистическим корпоративным суверенитетом, включая и наличие своего собственного банка и создавать такие условия рыночного корпоративного взаимодействия, которые обеспечивали бы каждому их участнику совершенствовать специализацию, достигать высокой рентабельности и располагать возможностями использовать стратегические преимущества предпринимательского смарт-объединения.

Источники

1. *Жудро, М. К.* Дизайн смарт-экономики — новый вызов экономической мысли / М. К. Жудро, Н. В. Жудро // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 мая 2017 г. : в 2 т. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2017. — Т. 1. — С. 84–85.

Zhudro, M. K. Design of a smart economy — a new challenge of economic thought / M. K. Zhudro, N. V. Zhudro // Economic growth of the Republic of Belarus: globalization, innovativeness, sustainability : materials of the X Intern. sci.-practical conf., Minsk, 18–19 May 2017 : in 2 vol. / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2017. — Vol. 1. — P. 84–85.

2. *Жудро, М. К.* Smart-экономика — новый вызов развития дизайна формирования профессиональных экономических компетенций / М. К. Жудро, Н. В. Жудро // Формирование организационно-экономических условий эффективного функционирования АПК : сб. науч. ст. 9-й Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 мая 2017 г. / Белорус. гос. аграр. техн. ун-т ; редкол.: Г. И. Гануш [и др.]. — Минск, 2017. — С. 149–154.

Zhudro, M. K. Smart economy is a new challenge for the development of the design of formation of professional competences of economic / M. K. Zhudro, N. V. Zhudro // Formation of organizational and economic conditions for efficient functioning of agroindustrial complex : coll. of sci. art. of the 9th Intern. sci.-practical conf., Minsk, 25–26 May 2017 / Belarusian State Agrarian Techn. Univ. ; editorial board: G. I. Ganush [et al.]. — Minsk, 2017. — P. 149–154.

3. *Жудро, М. К.* Smart-экономика — драйвер развития высококонкурентоспособного бизнеса / М. К. Жудро // Прикладные экономические исследования (международный межвузовский рецензируемый научный журнал). Специальный выпуск, посвященный международной научно-практической конференции «Инновации в АПК: стимулы и барьеры» / гл. ред. д-р экон. наук, проф. А. А. Степанов. — М. : Науч. консультант, 2017. — С. 20–24.

Zhudro, M. K. Smart economy — a driver for the development of highly competitive businesses / M. K. Zhudro // Journal of Applied economic research (international inter-University peer-reviewed scientific journal). Special issue dedicated to the international scientific-practical conference «Innovation in agriculture: incentives and barriers» / chief ed. dr econ. sciences, prof. A. A. Stepanov. — Moscow : Sci. consultant, 2017. — P. 20–24.

4. Смарт-экономика и новеллизация методологии разработки программных бизнес-инструментов / М. К. Жудро [и др.] // Агропромисловий комплекс України: теорія, методологія, практика : колективна монографія / під ред. д-ра экон. наук, проф. Ю. О. Нестерчук. — Умань : Соцінський М.М., 2018. — С. 36–42.

Smart-ekonomika i novellizatsiya metodologii razrabotki programnykh biznes-instrumentov / M. K. Zhudro [i dr.] // Agropromisloviy kompleks Ukraini: teoriya, metodologiya, praktika : kolektivna monografiya / pid red. d-ra ekon. nauk, prof. Yu. O. Nesterchuk. — Uman' : Sochins'kiy M.M., 2018. — S. 36–42.

5. *Жудро, М. К.* Дизайн композитного развития SMART: экономики и компетенций менеджеров / М. К. Жудро, Н. В. Жудро // Актуальные проблемы формирования кадрового потенциала для инновационного развития АПК : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6–8 июня 2018 г. / Белорус. гос. аграр. техн. ун-т ; редкол.: Н. Н. Романюк [и др.]. — Минск, 2018. — С. 63–68.

Zhudro, M. K. Design of composite development of SMART: economy and competences of managers / M. K. Zhudro, N. V. Zhudro // Actual problems of formation of personnel potential for innovative development of agro-industrial complex : materials of the V Intern. sci.-practical conf., Minsk, 6–8 June, 2018 / Belarusian State Agrarian Techn. Univ. ; editorial board: N. N. Romaniuk [et al.]. — Minsk, 2018. — P. 63–68.

6. Никелс, У. Постигание бизнеса : междунар. учеб. пособие / У. Никелс, Д. Макхью, С. Макхью. — М. : Довгань, 1996. — 928 с.

Nickels, W. Understanding business : intern. textbook / W. Nickels, D. McHugh, S. McHugh. — Moscow : Dovgan, 1996. — 928 p.

Статья поступила в редакцию 10.11.2018 г.

УДК 663.38

M. Zhudro
BSEU (Minsk)

METHODOLOGICAL TOOLS FOR IDENTIFICATION AND QUANTITATIVE MEASUREMENT OF HIGH-TECH AGRIBUSINESS

The article deals with the methodological tools of identification and quantitative measurement of high-tech agribusiness. The main purpose of the study is to evaluate high-tech organizations in the digital economy. The result of the study was the formulated concept of economic justification and design of the system of four-dimensional measurement of key parameters of market activity of high-tech enterprises.

Keywords: digitalization; tools; identification; sociotechnological; agribusiness; the digital economy; the capitalization; income; indicators; dividends.

М. М. Жудро
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И КОЛИЧЕСТВЕННОГО ИЗМЕРЕНИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО БИЗНЕСА

В статье рассматривается методический инструментарий идентификации и количественного измерения высокотехнологичного бизнеса. Основной целью исследования является оценка высокотехнологичных организаций в условиях цифровой экономики. Результатом исследования стала сформулированная концепция экономического обоснования и конструирования системы четырехмерного измерения ключевых параметров рыночной деятельности высокотехнологичных предприятий.

Ключевые слова: концепция; инструментарий; идентификация; оценка; высокотехнологичность; бизнес; цифровая экономика; капитализация; доход; индикаторы; дивиденды.

Выполненные сравнительные аналитические, экспериментальные и экспертные оценки существующей методологии идентификации высокотехнологичных организаций свидетельствуют о доминировании использования общепринятого критерия ОЭСР и Евростат, основанного на соотношении расходов на исследования и разработку новой продукции, а также выручки от ее реализации (или добавленной стоимости).

Так, в США Бюро статистики труда определяет высокотехнологичные фирмы, которые по сравнению с традиционными нанимают в два раза больше технического персонала и выделяют в два раза больше ресурсов для научных исследований и разработок.

При этом в последние годы в США, странах ЕС отдают предпочтение такому дополнительному критерию идентификации компаний с высокими темпами роста, как техно-

логические стартапы, которые в свою очередь оценивают через призму потенциального размера рынка и рыночной доли, а также доходности их капитала. Так же наряду с приведенным выше критерием для отличия компаний, работающих в сфере высоких технологий, практикуются и дифференцированные критерии, включая тип выпускаемой продукции исходя из тех или иных ее характеристик. Так, в России к инновационной продукции и (или) высокотехнологичной продукции для целей формирования плана закупки такой продукции могут быть отнесены в случае соответствия не менее чем четырем из пяти установленных критериев: 1) научно-техническая новизна; 2) экономический эффект реализации товаров, работ, услуг; 3) высокий технический уровень; 4) соответствие приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники и 5) наукоемкость товаров, работ, услуг [1].

Понятие «научно-техническая новизна» включает в себя новую и усовершенствованную продукцию. К первой категории отнесена продукция, основные параметры и технические характеристики которой либо превышают технический уровень аналогичной продукции, либо такая продукция не имеет аналогов, либо совместное использование ее дает новый эффект. Усовершенствованная продукция имеет отдельные параметры и технические характеристики, превышающие достигнутый технический уровень аналогичной продукции. Критерий экономического эффекта реализации товаров, работ, услуг может быть присвоен продукции, если совокупные затраты при ее применении по сравнению с аналогами ниже на всех стадиях жизненного цикла. И, как следствие, в соответствии с приведенными критериями выпускаемой продукции выделяют четыре категории обрабатывающей промышленности, которые являются высокотехнологичными: фармацевтика, электроника, авиация и космос.

Во многом аналогичная методика идентификации высокотехнологичных организаций имеет место в Республике Беларусь. Перечень высокотехнологичных товаров в республике определяется Советом Министров Республики Беларусь, который принял постановление от 10 ноября 2017 г. № 839 и на ближайшую перспективу предусмотрел 71 высокотехнологичный товар с учетом приоритетов инновационного развития республики, международных стандартов и включающего товары высокого технологического уровня, созданные с использованием технологий V и VI технологических укладов [2].

Перечень разработан в соответствии с применением новых подходов, основанных не на заявительном принципе, а на использовании методических документов по оценке уровня технологичности [3, 4].

При отнесении производств к высокотехнологичным следует использовать следующие базовые критерии (группы показателей): 1) критерии, определяющие качественные характеристики производства: а) современность технологии производства и технологического оборудования; б) использование информационно-коммуникационных технологий для обеспечения процесса производства, в том числе ERP-систем, а в машиностроении, кроме того — CALS-технологий; в) уровень производственной культуры; 2) основные экономические показатели: а) добавленная стоимость (фонд заработной платы, включая обязательные платежи, прибыль, амортизационные отчисления, налоги и сборы, кроме налога на добавленную стоимость и акцизов) в расчете на одного работника составляет не менее 60 тыс. дол. США (в эквиваленте) в год (не позднее 2015 г.); б) рентабельность производства не менее 25 %.

Указанные выше базовые критерии и их показатели могут быть дополнены в соответствии с отраслевой спецификой предприятий по решениям соответствующих органов государственного или местного управления.

Отсутствие хотя бы одного из перечисленных в подпунктах части первой пункта 2 настоящих методических рекомендаций, требований, отсутствие высокой производственной культуры, значение экономических критериев ниже установленной величины свидетельствует об отсутствии признака высокотехнологичного производства.

Обстоятельная оценка приведенной выше существующей методологии идентификации высокотехнологичных организаций ОЭСР и Евростат, Республики Беларусь позволила установить, что они недостаточно соответствуют требованиям сформулированной парадигме — цифровая экономика.

Прежде всего, указанные выше методологические подходы не учитывают условия, обстоятельства, инструменты, методы, механизмы, технологии развития системы взаимодействия мотивированных стейкхолдеров высокотехнологичного бизнеса, их партнеров и клиентов на основе интегрированной комбинаторики «смарт или умных» институтов, контрактов и транзакций по поводу обоснования, принятия и реализации управленческих решений об альтернативном оптимальном использовании природных и других ресурсов в условиях глобализации конкуренции, волатильности и неопределенности рыночного микро- и макроокружения.

В этой связи можно констатировать, что к узким методологическим аспектам существующей методологии идентификации и количественного измерения высокотехнологичных организаций следует отнести, во-первых, ее административную «научно-продуктовую» направленность, которая не позволяет всем участникам рынка самостоятельно определять степень высокотехнологичности того или иного бизнеса.

Во-вторых, предлагаются строго не формализованные отдельные параметры и технические характеристики производства и инженерно-конструкторский тип производимой продукции, которые в значительной степени искусственно ограничивают потенциальную возможность внедрения и масштабирования высоких технологий во все сферы человеческой деятельности без исключения.

В-третьих, имеет место смешивание инженерно-конструкторского и социально-экономического, а так же рыночного происхождения степени технологичности производства и типа производимой продукции, которое в значительной мере затрудняет разработку и практикоприменение адекватных институциональных критериев и алгоритмов идентификации и количественного измерения высокотехнологичного бизнеса.

В-четвертых, весьма расплывчато трактуется фиксированный критерий экономического эффекта реализации высокотехнологичных товаров, работ, услуг, согласно которому добавленная стоимость в расчете на одного работника должна составлять не менее 60 тыс. дол. США (в эквиваленте) в год (не позднее 2015 г.); в) рентабельность производства не менее 25 %. Прежде всего, достижение значений указанных индикаторов в различных секторах бизнеса не предполагает необходимость идентичного и одинакового уровня его технологичности. Например, в сфере тяжелого машиностроения удельный вес амортизации материальных активов в структуре добавленной стоимости будет значительно превышать его аналогичное значение в сфере фармацевтики. Так же следует конкретизировать, о какой рентабельности идет речь: о рентабельности активов, продаж, производства и т.д.?

Так, активы и доходы высокотехнологичных смарт-компаний по сравнению с традиционными не только в перечисленных выше четырех категориях обрабатывающей промышленности (фармацевтика, электроника, авиация и космос), но и в самых различных секторах экономики в Германии достигают почти четырех раз. Более того, для оценки экономического потенциала любой компании в странах с рыночной экономикой используют преимущественно такие показатели как, например, 1) рыночная капитализация; 2) общий доход; 3) рентабельность капитала; 4) дивидендная доходность [5].

В-пятых, существующая методология идентификации и количественного измерения высокотехнологичного бизнеса преимущественно носит статичный характер и практически не учитывает характер и роль динамических изменений в их бизнес-деятельности.

Для устранения указанных выше научных и эмпирических проблем согласно выполненным исследованиям в качестве фундаментального методологического положе-

ния идентификации высокотехнологичного бизнеса в условиях цифровизации мировой экономики следует рекомендовать концепцию интегрирования теорий: а) гибридизации использования «физического» и «искусственного» интеллекта, роботизированных и традиционных технологий и б) конкурентных изменений компетенций.

Суть теории гибридизации применительно к цифровой экономике заключается в новом гибридном связывании взаимодействия всех бизнес-производных «физического» и «искусственного» интеллекта, а также роботизированных с традиционными технологиями, в результате которого образуются новая более качественная геометрия и производительные (более высокие бизнес-энергетические связи), чем существующие результаты взаимодействия традиционных компонент бизнеса компаний.

Суть теории изменений конкурентных компетенций высокотехнологичной компании заключается в том, что экономическая природа взаимодействия «физического» и «искусственного» интеллекта, роботизированных и традиционных технологий порождает наряду с непрерывностью и дискретность протекания бизнес-процессов.

Реализация предлагаемой концепции интегрирования указанных выше теорий позволяет рекомендовать следующие критерии социально-экономической и рыночной идентификации высокотехнологичных гибридных организаций.

Первый. Создание и организация бизнес-деятельности высокотехнологичной компании осуществляется в условиях смарт-институционального ее микро- и макроокружения на основе синтеза смарт: институтов, контрактов и транзакций.

Второй. Комплексное использование традиционного и электронно-дистанционного проектного управления удаленно-распределенными ресурсами (Smart-Project Management) компании.

Третий. Вовлечение и использование в бизнесе гибридных ресурсов, технологий, производных «физического» и «искусственного» интеллекта.

Четвертый. Инклюзивность в деятельность компании и активное использование достижений как инкорпорированных, так и неинкорпорированных стартапов.

Пятый. Оптимальное сочетание дивергентности, дискретности и футуристичности процессов разработки и реализации стратегии и тактики развития лидерских конкурентных компетенций бизнеса на основе перманентной и тотальной их коррекции.

Шестой. Генерирование, генерализация и организация производства и продаж товаров и услуг, отличающихся оптимальным сочетанием удовлетворения лидерских технологических, функциональных, социально-экономических и когнитивных элитарных эмоциональных (ощущений, впечатлений и статусности) ценностных запросов физических, юридических и электронных клиентов-покупателей.

Седьмой. Сочетание глобальности и масштабности измерения ключевых параметров гибкой инвестиционной, операционной, финансовой, маркетинговой, логистической, рыночной и эколого-социальной деятельности компаний с целью достижения стратегического глобального рыночного роста в условиях волатильности и неопределенности рыночного микро- и макроокружения.

Изложенное выше позволяет заключить, что высокотехнологичную компанию в условиях цифровой экономики следует рассматривать как гибридную социально-экономическую систему, функционал которой представляет ценностно-ориентированную целостную совокупность взаимосвязанного и конвергируемого взаимодействия мотивированных стейкхолдеров бизнеса на основе интегрированной комбинаторики смарт: 1) институтов; 2) контрактов; 3) транзакций и 4) инструментов обоснования, принятия и реализации управленческих решений об альтернативном высокодоходном использовании как ограниченных природных, так и неограниченных ресурсов, производных «физического» и «искусственного» интеллекта для производства товаров и услуг с целью удовлетворения дифференцированного платежеспособного спроса на них и реализации своих экономических интересов в рамках существующей в государстве и мире правовой,

экономической, социально-экологической и информационно-коммуникационной смарт-среды [6].

На основе разработанной концепции интегрирования теорий: а) гибридизации использования «физического» и «искусственного» интеллекта, роботизированных и традиционных технологий; б) конкурентных изменений компетенций, а также сформулированных; в) критериев; г) экономической природы высокотехнологичных компаний следует рекомендовать инвестиционно-маркетинговую конструкцию индикаторов идентификации и количественной рыночной оценки высокотехнологичного бизнеса.

При этом следует различать дефиниции «высокотехнологичный бизнес или компания» и «высокотехнологичная продукция» на национальном и глобальном уровне. Для реализации предлагаемой дифференциации указанных выше дефиниций необходимо в качестве базовых конструкций «высокотехнологичного бизнеса или компаний» и «высокотехнологичной продукции» использовать соответствующие актуальные параметры их аналогов-лидеров. В качестве количественных метрик в этом случае целесообразно принимать средние значения 25 % лучших компаний и видов продукции соответственно в стране и в мире.

В процессе исследований актуальных параметров и трендов развития традиционных и компаний-лидеров различных стран установлено, что к конкурентному высокотехнологичному бизнесу следует относить те из них, ключевые показатели рыночной деятельности которых превышают на 10 % и более средние значения 25 % лучших компаний и видов продукции соответственно в стране и в мире [7].

Для идентификации и количественной оценки бизнес-деятельности высокотехнологичной компании следует рекомендовать концепцию экономического обоснования и конструирования системы индикаторов: 4D — четырехмерного (от англ. *dimensional* — размерность) измерения ключевых параметров рыночной ее деятельности.

Суть предлагаемой концепции 4D заключается в обосновании размерности индикаторов инвестиционно-маркетинговой динамической оценки лидерских технологических (1D), функциональных (2D), социально-экономических (3D) и репутационно-востребованных (элегантных или когнитивных элитарных эмоциональных (ощущений, впечатлений и статусности) (4D) ее ценностей для потребителя.

При этом ключевые индикаторы рыночной деятельности компании 2D и 3D следует рекомендовать в качестве критичных актуальных параметров конкурентного высокотехнологичного бизнеса.

В качестве размерности индикатора технологичности 1D рыночной деятельности компании следует рекомендовать рыночную стоимость совокупных (материальных, нематериальных, профессионально-компетентных) ее активов (включая интеллектуальные активы, производные «искусственного» и «физического» интеллекта — профессиональные компетенции учредителей, менеджеров, персонала) в расчете на одного сотрудника.

Применительно к высокотехнологичному изделию (продукции) следует исходить из значений двух параметров: а) технико-технологической производственной мощности — предельного (максимального возможного) объема выполнения работы (например, мощность двигателя, кВт) и б) технико-технологической силы пространственно-временного масштабирования технико-технологической производственной мощности (например, крутящего момента двигателя).

В качестве размерности индикатора функциональности 2 D рыночной деятельности высокотехнологичной компании следует рекомендовать рыночную ее производительность, которая представляет собой удельную сумму общего дохода в процессе использования совокупных ее активов в расчете на одного сотрудника.

Применительно к высокотехнологичному изделию (продукции) следует исходить из соотношения суммы общего дохода и соответственно: а) технико-технологической про-

изводственной мощности и б) технико-технологической силы пространственно-временного масштабирования технико-технологической производственной мощности.

В качестве размерности индикатора социально-экономической ценности высокотехнологичной компании 3D необходимо рекомендовать следующие индексы: а) рыночная капитализация или рыночная стоимость компании; б) доходы учредителей, инвесторов, сотрудников (заработная плата, дивиденды, конвертируемый депозит и т.д.); 3) рентабельность совокупных ее активов (используя прибыль EBITDA).

В качестве размерности индикатора репутационной ценности 4D рыночной деятельности компании (когнитивной элитарной эмоциональной ее ценности среди клиентов и партнеров: ощущения, впечатления и статусность) следует рекомендовать индексы: а) количественных; б) качественных изменений значений предлагаемых индикаторов функциональной и социально-экономической ее ценности.

Алгоритм определения размерности индекса количественных изменений репутационной ценности 4D рыночной деятельности компании предполагает определение эластичности спроса на производимые компанией товары и услуги, обусловленное соответствующим единичным изменением их совокупных активов. Индекс качественных изменений размерности репутационной ценности 4D рыночной деятельности компании определяется путем расчета кроссэластичности спроса на производимые компанией товары и услуги, который представляет собой масштаб увеличения, уменьшения соотношения соотношений социально-экономической ценности и производительности совокупных активов компании.

Таким образом, можно заключить, что для идентификации и оценки высокотехнологичных организаций в условиях цифровой экономики следует рекомендовать комплексное практикоприменение сформулированной концепции экономического обоснования и конструирования разработанной системы четырехмерного измерения предлагаемых ключевых параметров рыночной их деятельности.

Источники

1. Электронная экономика и актуализация приоритетного развития высокотехнологичных организаций в условиях электронной экономики / М. М. Жудро [и др.] // Соціально-економічні аспекти розвитку підприємництва в Україні : колективна монографія / під ред. д-ра екон. наук, проф. О. О. Непочатенко. — Умань : Соцінський М.М., 2018. — С. 18–23.

Elektronnaya ekonomika i aktualizatsiya prioritetnogo razvitiya vysokotekhnologichnykh organizatsiy v usloviyakh elektronnoy ekonomiki / M. M. Zhudro [i dr.] // Sotsial'no-ekonomichni aspekti rozvitku pidpriemnitstva v Ukraïni : kolektivna monografiya / pid red. d-ra ekon. nauk, prof. O. O. Nepochatenko. — Uman' : Sochins'kiy M.M., 2018. — S. 18–23.

2. О внесении изменений и дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 июня 2012 г. № 574 [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 нояб. 2017 г., № 839 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.

3. О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 14 июня 2007 г., № 3 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 26.01.2016 г. № 26 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.

4. Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] // Pravo.by. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx/>. — Дата доступа: 02.05.2017.

5. Жудро, М. М. Инновационный организационно-экономический механизм развития гибридных высокотехнологичных организаций в условиях цифровой экономики: менеджмент, бизнес, образование (теория, аналитика, инструментарий) : монография / М. М. Жудро. — Могилев : МГОИРО, 2017. — 222 с.

Zhudro, M. M. Innovatsionnyy organizatsionno-ekonomicheskiy mekhanizm razvitiya gibridnykh vysokotekhnologichnykh organizatsiy v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki: menedzhment, biznes,

obrazovanie (teoriya, analitika, instrumentariy) : monografiya / M. M. Zhudro. — Mogilev : MGOIRO, 2017. — 222 s.

6. Жудро, М. М. Экономика 4.0 и необходимость инклюзивности стартапов в бизнес / М. М. Жудро // Аграр. экономика. — 2017. — № 10. — С. 16–21.

Zhudro, M. M. Ekonomika 4.0 i neobkhodimost' inklyuzivnosti startapov v biznes / M. M. Zhudro // Agrar. ekonomika. — 2017. — № 10. — S. 16–21.

7. Жудро, М. М. Стартап — драйвер развития агробизнеса в условиях экономики 4.0 / М. М. Жудро // Система «наука — технологии — инновации»: методология, опыт, перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г. / под ред. В. В. Гончарова. — Минск : Центр систем. анализа и стратег. исслед. НАН Беларуси, 2017. — С. 89–91.

Zhudro, M. M. Startap — drayver razvitiya agrobiznesa v usloviyakh ekonomiki 4.0 / M. M. Zhudro // Sistema «nauka — tekhnologii — innovatsii»: metodologiya, opyt, perspektivy : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 26–27 okt. 2017 g. / pod red. V. V. Goncharova. — Minsk : Tsentr sistem. analiza i strateg. issled. NAN Belarusi, 2017. — S. 89–91.

Статья поступила в редакцию 18.12.2018 г.

УДК 339.9

A. Zenevich
Z. Punchick
BSEU (Minsk)

DIGITAL PLATFORM AS AN ELEMENT OF DIGITAL ECONOMY

The article is devoted to digital platforms, one of the most important mechanisms of the formation and development of digital economy. Information about the share of digital economy of different countries is provided. Peculiar features of platform business models are singled out. Digital platforms as most important mechanisms of digital economy are characterised. Problems of their use are revealed. The necessity of widening the process of training highly-qualified personnel for developing digital economy in this country is grounded.

Keywords: digital economy; digital platform; platform business model.

А. М. Зеневич
кандидат экономических наук, доцент
З. В. Пунчик
кандидат социологических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА КАК ЭЛЕМЕНТ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена цифровым платформам — одному из важнейших механизмов формирования и развития цифровой экономики. Приводятся данные о доле цифровой экономики в ряде стран; выявляются особенности платформенных бизнес-моделей; детально характеризуются цифровые платформы как важнейший элемент цифровой экономики; вскрываются проблемы их применения; сделан вывод о необходимости расширения подготовки высококвалифицированных «цифровых» кадров для развития цифровой экономики в нашей стране.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровая платформа; платформенная бизнес-модель.

В настоящее время в сфере экономики бурно развивается такое ее направление, как цифровая экономика — экономика, основанная на новых методах генерирования, обра-

ботки, хранения, передачи данных, а также компьютерных информационных технологиях. Согласно современному подходу цифровой экономикой можно охватить все то, что поддается формализации, т.е. превращению в логические схемы. При переходе к цифровой экономике в качестве основного механизма развития используются институты, основанные на цифровых моделях и процессах.

По данным американской консалтинговой компании Boston Consulting Group (BCG), доля цифровой экономики в ВВП развитых стран с 2010 по 2016 г. выросла с 4,3 до 5,5 %, а в ВВП развивающихся стран — с 3,6 до 4,9 %. В странах G20 («большой двадцатки») этот показатель вырос за пять лет с 4,1 до 5,3 %. Мировым лидером по доле цифровой экономики в ВВП является Великобритания — 12,4 %. Цифровую экономику Китая причисляют к группе «начинающих лидеров» — в Китае уровень цифровизации выше, чем уровень развития экономики в целом [1]. По оценкам Глобального института McKinsey, в Китае до 22 % увеличения ВВП к 2025 г. может произойти за счет интернет-технологий. В США ожидаемый прирост стоимости, создаваемый цифровыми технологиями, может составить в 2025 г. 1,6–2,2 трлн дол. США [2]. По прогнозам BCG к 2035 г. объем цифровой экономики в мире достигнет 16 трлн дол. США. Такие экономические прогнозы обусловлены не столько эффектом от автоматизации существующих процессов, сколько внедрением принципиально новых, прорывных бизнес-моделей и технологий. Среди них — цифровые платформы, цифровые экосистемы, углубленная аналитика больших массивов данных, технологии «Индустрии 4.0», такие как 3D-печать, роботизация, интернет вещей.

Следует отметить, что для стран с высоким уровнем цифровизации эксперты выделяют общие черты — наличие благоприятных условий для внедрения инноваций и большие объемы инвестиций в цифровые технологии и инфраструктуру.

В последние годы быстрое развитие получили инновации на основе цифровых платформ. Цифровые платформы появились в 90-х гг. XX в. и изначально развивались как электронные торговые площадки. Цифровая платформа — это сложная информационная система, обеспечивающая выполнение функций связи между участниками рынка, открытая для использования клиентами и партнерами, включая разработчиков приложений, поставщиков услуг и агентов. Конструктивно она состоит из комплекса подсистем, интерфейсов и технологических процессов, в который включены компоненты, как неизменяемые базовые, так и переменные, использование которых диктуется конкретной ситуацией.

Цифровая платформа является не только программно-техническим инструментом, но и коммуникационной средой с едиными правилами для всех экономических агентов. Электронные платформы в контексте ключевых принципов цифровой экономики являются базисом не только электронной коммерции и электронного бизнеса, но и всего спектра коммуникаций в сфере производства и потребления товаров и услуг. Компании, использующие цифровые платформы, демонстрируют большие конкурентные преимущества перед компаниями с традиционными бизнес-моделями. Их преимущества подтверждаются тем, что, во-первых, общая капитализация фирм на платформенных бизнес-моделях уже превышает 4 трлн дол.; во-вторых, в топ-10 компаний мира по показателю рыночной капитализации по крайней мере семь (см. таблицу — наименование компаний выделены жирным шрифтом) являются платформенными или используют в бизнесе платформы.

По оценкам аналитиков, прежним лидерам рынка (как правило, сырьевым компаниям) для достижения миллиардной капитализации требовалось в среднем 20 лет. Сегодняшние компании из индустрии информационных технологий (цифровые стартапы) достигают этого показателя всего за три года. И цифровые платформы играют в этом фундаментальную роль. Рост цифровой экономики (до 25 % всей глобальной экономики к 2020 г.) будет также основан на росте компаний, чей бизнес основан на платформах.

Рейтинг самых дорогих компаний мира по показателю рыночной капитализации [3]

Рей- тинг	Наименование компаний	Вид деятельности	Рыночная капи- тализация, млрд дол. 2018 г.	Рост рыночной ка- питализации в срав- нении с 2017 г., %	Страна
1	Apple	ИТ	926,9	23,3	США
2	Amazon	ИТ	777,8	83,0	США
3	Alphabet (Google)	ИТ	766,4	33,0	США
4	Microsoft Corporation	ИТ	750,6	48,0	США
5	Facebook	ИТ	541,5	33,0	США
6	Alibaba	Интернет-коммерция	499,4	86,0	Китай
7	Berkshire Hathaway	Финансы, страхование	491,9	12,0	США
8	Tencent Holdings	Инвестиционная холдин- говая компания	491,3	0,0	Китай
9	JPMorgan Chase	Банковское дело	387,7	27,0	США
10	Exxon Mobil	Нефтедобыча	344,1	1,0	США

Источники: составлено авторами на основе данных [4].

При этом многие цифровые платформы могут обслуживать участников без каких-либо географических ограничений, практически по всей планете.

Переход к цифровой парадигме сегодня диктуется цифровыми лидерами: Google, Apple, Facebook, Amazon и соответственно его движущей силой является уровень ожиданий «клиентов нового цифрового поколения», которые привыкли не только к постоянной доступности услуг, но и к высокой скорости их доставки (получения), персонализации и качеству. Поэтому усилия крупных ИТ-компаний, поставщиков оборудования и программного обеспечения, а также инновационных стартапов направлены, в первую очередь, на эволюцию формы, в которой клиентам предлагаются продукты и услуги. Основываясь на том, что клиенты быстро привыкают к уровню цифрового обслуживания, предлагаются решения, которые лучше удовлетворяют их потребности, повышают доступность, обеспечивают удобство использования и персонализируют услуги, учитывая индивидуальные характеристики потребителя и его интересы.

Таким образом, переход к цифровой экономике определяют [5, с. 19]:

- ориентация на потребности клиента (цифровая услуга или цифровой продукт формируются по требованию потребителя, а не по предложению производителя);
- ориентация на мобильность и скорость (принципы «здесь и сейчас», любое устройство, любой канал связи);
- ориентация на данные (получение новых данных из существующих, их анализ, принятие решений).

Это приводит к трансформации бизнес-моделей, направленных на индивидуализацию предоставляемых товаров и услуг, а также возникновению принципа «все как услуга», причем услуга, ориентированная на данные, которые становятся стратегическим цифровым активом. Очевидно, что важно не просто уметь аккумулировать информацию, а научиться извлекать из нее бизнес-выгоду (например, компании на основе анализа собранных данных о поведении покупателей и об эксплуатации оборудования создают новые сервисы).

В настоящее время платформы создают цифровую инфраструктуру рынков, устраняя посредников, иерархические связи и распространяя инновационные бизнес-модели, на основе использования облачных технологий, больших данных, социальных сетей и мобильных устройств. Перечисленные четыре технологии органично дополняют друг

друга, и многие решения строятся на использовании их сочетания. Они обеспечивают доступ к сервису в любое время, в любом месте и через любое электронное устройство.

В целом же платформы существуют в трех срезах:

- как бизнес-модель, при которой цифровые платформы выстраивают взаимовыгодный обмен между независимыми группами участников рынка и генерируют ценности для каждой стороны в совместном для производителя и потребителя рыночном пространстве без посредников, упрощают механизм расчета;

- платформа как экосистема. С каждой платформой связана организация, которая выступает в роли оператора платформы и выстраивает вокруг нее собственную экосистему, представляющую открытую, общедоступную инфраструктуру для взаимодействий между внешними производителями и потребителями с установленными для них правилами. Производители создатели ценностей генерируют ценность для потребителей (например, разработчики мобильных приложений на iOS); потребители ее потребляют (например, пользователи iOS устройств); а поставщики компонентов предоставляют компоненты, обеспечивающие доступность ценности для потребителей (например, производители смартфонов);

- платформа как технология. Платформы предоставляют уникальный интерфейс, соединяющий участников на разных сторонах: уникальный набор правил и процессов, определяющий взаимодействия между участниками платформы; уникальные данные, генерируемые участниками платформы; уникальную инфраструктуру, соединяющую участников платформы.

Выделяют следующие категории цифровых платформ [6, с. 314]: инновационные платформы, являющиеся технологической основой (например, iPhone, Android, Windows), на которой другие компании разрабатывают дополнительные продукты и услуги; транзакционные платформы, обеспечивающие взаимодействия и коммерческие транзакции между физическими лицами и различными организациями (например, Uber, Alibaba, Airbnb, Google Search, Amazon Marketplace, eBay); интеграционные платформы, которые предлагают возможности как транзакционных, так и инновационных платформ (например, такие как Apple и Google); инвестиционные платформы представляют собой холдинговые компании, которые управляют портфелем компаний-платформ (например, Tencent Holdings). Как отмечалось, с каждой платформой связана организация, которая выступает в роли оператора платформы и выстраивает вокруг нее собственную экосистему.

В основе цифровой платформенной бизнес-модели лежат 3 ключевых фактора: сетевой эффект, согласованность технологий, открытость данных [7].

Сетевой эффект. Сводя вместе участников рынка, платформы способствуют постоянному циклическому наращиванию объемов: большее количество потребителей привлекает все больше продавцов и партнеров, и наоборот. Это смещает затраты и риски с самого бизнеса на сеть. Выявлено, что ценность цифровой платформы пропорциональна размеру сообщества: чем больше пользователей присоединяется к подобным платформам, тем привлекательнее они становятся для продавцов, иных пользователей и различных поставщиков сервиса. В этой связи платформа должна быть хорошо масштабируемой, способной обслуживать динамически изменяющееся число потребителей без ухудшения производительности и иметь простой, интуитивно понятный пользовательский интерфейс с элементами самообслуживания. Важным условием существования платформы является доверие к цифровым технологиям, построенное на оценке ее деятельности участниками сетевого сообщества.

Согласованность технологий — используемые технологии в синергии создают принципиально новую «сервисную экономику», в которой продукты и услуги поставляются на рынок быстро, динамично, по требованию, оплачиваются по реальному объему пользования и гибко масштабируются в зависимости от текущих потребностей клиента. Осо-

бое преимущество такие интегрированные «сервисные возможности» предоставляют небольшим или начинающим предпринимателям, которым для выхода на масштабные новые рынки не нужно создавать собственную информационную инфраструктуру.

Открытость данных. Это один из ключевых аспектов: прежде тщательно хранимые в качестве коммерческой тайны данные, получаемые от операций и транзакций на платформе, становятся открытыми и доступными не только всем участникам, но и новым претендентам. Имея доступ к огромному потоку актуальной информации о потребителях все участники могут разрабатывать новые предложения и сервисы.

Со стороны участников цифровой экосистемы существуют 3 основные группы.

Владельцы: создают дизайн и конструируют платформы, контролируют интеллектуальную собственность и формулируют правила работы и взаимодействия в своей системе. От владельцев зависит управление отношениями с пользователями и партнерами, которые призваны создавать дополнительную ценность основному продукту или решению.

Цифровые партнеры: сотрудничают с владельцами, разрабатывая и внедряя на платформе дополнительные продукты и сервисы через использование механизма API (Application Programming Interface — интерфейс программирования приложений). Открытые программные интерфейсы (Open API) являются основой построения цифровой экосистемы, обеспечивая ее целостность и связывая элементы как внутри цифровой платформы сервис-провайдера, так и снаружи. API-протокол обеспечивает реализацию двух основных свойств платформенной бизнес-модели — модульности и возможности запуска любых цифровых сервисов на ее основе.

Производители и поставщики: выступают в качестве продавцов, напрямую предлагая товары потребителям платформ, которые используются ими как виртуальные рынки.

Так, например, цифровая экосистема Windows включает: платформу экосистемы — операционную систему (ОС) Windows, которая имеет закрытый код; программы-приложения для Windows, разрабатываемые как Microsoft так и сторонними разработчиками; сторонних разработчиков приложений; пользователей цифровой экосистемы (ОС и ее приложений). Платформа предоставляет пользователям доступ к огромному количеству различных программ (магазин приложений), многократно умножающих ценность платформы для пользователей. Microsoft предоставляет сторонним разработчикам специальные средства: программный интерфейс для интеграции приложений с Windows API, а также набор средств разработки SDK (software development kit), который позволяет специалистам по программному обеспечению создавать приложения для определенного пакета программ, программного обеспечения базовых средств разработки, аппаратной платформы, компьютерной системы, операционных систем и пр. Разработчики приложений контактируют со стандартами платформы API, SDK, а не между собой и не с владельцем платформы. Разработчик приложения получает какую-то часть прибыли за счет внедрения модуля; пользователи получают дополнительный сервис, а владельцы платформы повышают лояльность пользователей и капитализацию. Цифровых партнеров привлекает массовость платформы, а их конкуренция повышает количество и качество приложений, т.е. ценность цифровой экосистемы. Владелец цифровой платформы таким образом развивает не только платформу, но и возможности для разработчиков и клиентов и бизнес-модель.

Ведущая аналитическая и консалтинговая компания Accenture отмечает, что количество компаний, развивающих бизнес-модель на базе цифровых платформ будет увеличиваться, поскольку малый бизнес и традиционные (не цифровые) компании следуют примеру компаний-лидеров в этой области. Accenture выявила пять факторов развития цифровых платформ [8]:

1) предложение. На платформе необходимо создавать различные сервисы, которые расширят возможности сделок. Это выгодно как для покупателей с точки зрения спроса, так и для поставщиков услуг с точки зрения предложения;

2) персонализация. Необходимо целенаправленно взаимодействовать с клиентами по всем каналам, используя данные о клиентах, чтобы понимать их потребности и создавать индивидуальные предложения;

3) цена. Следует применять новые модели ценообразования, в том числе оплату по факту использования, условно-бесплатную модель и модель подписки, чтобы удерживать клиента и удовлетворять спрос;

4) защита. Важно добиться доверия клиентов. Для этого необходимо обеспечить как превентивные меры защиты данных, так и методы поощрения за предоставление информации. Это способствует привлечению клиентов и дифференциации платформы;

5) партнеры. Необходимо активно развивать платформу, наращивая связи с цифровыми партнерами — разработчиками приложений и провайдерами платежных сервисов, которые помогут совершенствовать платформу и удовлетворять потребности клиентов.

Компания Accenture выработала алгоритм оценки готовности стран к платформенной модели бизнеса и выявила 5 ключевых факторов: количество и «продвинутость» пользователей цифровых технологий; цифровое предпринимательство; технологическая готовность; открытая инновационная культура; гибкое регулирование, т.е. участие государства в управлении процессами правового обеспечения платформенных моделей. Результаты исследования показывают, что США, Китай, Великобритания, Индия и Германия находятся в первой пятёрке рейтинга «Индекса готовности к переходу на цифровые платформы».

Вместе с тем эксперты отмечают наличие глобального риска платформенных бизнес-моделей, который состоит в сокращении большого числа рабочих мест за счет передачи информационно-коммуникационным технологиям функций реализации всесторонней коммуникации между поставщиками и потребителями. К негативным особенностям платформенных бизнес-моделей эксперты также относят следующие:

- сложность обеспечения конфиденциальности персональных данных пользователей цифровых платформ;
- в связи с накоплением цифровыми платформами больших данных об участниках, возникают потенциальные проблемы, связанные с легитимностью использованием этих данных, например, ценовая дискриминация потребителей;
- значительные проблемы правового регулирования платформенных компаний с учетом их наднационального характера.

Российскими учеными отмечаются причины, препятствующие внедрению платформенных бизнес-моделей: сопротивление изменениям для преодоления чего существует только один путь — смена аналитической культуры бизнеса, которую нельзя купить, а можно лишь вырастить; отсутствие четких целей и временных рамок внедрения новой бизнес-модели; недостаток знаний и ресурсов — лишь чуть более четверти компаний имеют необходимые внутренние ресурсы и компетенции для поддержки цифровых инициатив [9].

Таким образом, основные трудности внедрения цифровых платформ в практику бизнеса, как и переход к цифровой экономике в целом, лежат в сфере адаптации человеческих ресурсов к новым вызовам и требуют адаптации образовательной инфраструктуры к новым условиям. Государственным приоритетом становится обеспечение страны необходимым количеством высококвалифицированных специалистов по цифровым технологиям. Применяемые в высшем образовании методики, образовательные программы, подходы к взаимодействию с потенциальными организациями-заказчиками кадров требуют адаптации к потребностям цифровой экономики, чтобы образовательная система могла и впредь готовить конкурентоспособные кадры для высокотехнологичного сектора экономики. Эту задачу следует рассматривать как приоритетную, поскольку наличие достаточного количества высококвалифицированных «цифровых» кадров является важнейшим условием успеха развёртывания в стране новых цифровых технологий.

Источники

1. В авангарде цифровой экономики. Годовой отчет государственной корпорации «Ростех» за 2016 год [Электронный ресурс] // Ростех. — Режим доступа: <http://ar2016.rostec.ru/digital/>. — Дата доступа: 18.11.2018.
2. Цифровая Россия: новая реальность, июль 2017 г. [Электронный ресурс] // TADVISER — Государство. Бизнес. ИТ. — Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf>. — Дата доступа: 18.11.2018.
3. The World's Largest Public Companies [Electronic resource] // Forbes. — Mode of access: <https://www.forbes.com/global2000/list/2/#tab:overall>. — Date of access: 18.11.2018.
4. *Зеневич, А. М.* Тенденции развития цифровой экономики / А. М. Зеневич // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования : XIV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 апр. 2018 г. : сб. науч. ст. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; редкол.: М. Г. Жилинский (пред.) [и др.]. — Минск, 2018. — С. 56–58.
5. *Zenevich, A. M.* Tendentsii razvitiya tsifrovoy ekonomiki / A. M. Zenevich // Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki i povyshenie effektivnosti deyatel'nosti sub"ektov khozyaystvovaniya : XIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 19–20 apr. 2018 g. : sb. nauch. st. / Akad. upr. pri Prezidente Resp. Belarus' ; redkol.: M. G. Zhilinskiy (pred.) [i dr.]. — Minsk, 2018. — S. 56–58.
6. Цифровая экономика: Концептуальная архитектура экосистемы цифровой отрасли / Ю. М. Акаткин [и др.] // Бизнес-информатика. — 2017. — № 4 (42). — С. 7–28.
7. *Tsifrovaya ekonomika: Kontseptual'naya arkhitektura ekosistemy tsifrovoy otrasli / Yu. M. Akatkin [i dr.] // Biznes-informatika. — 2017. — № 4 (42). — S. 7–28.*
8. *Купревич, Т. С.* Цифровые платформы в мировой экономике: современные тенденции и направления развития / Т. С. Купревич // Экономический вестник университета. Сборник научных трудов ученых и аспирантов / Переяслав-Хмельниц. гос. пед. ун-т им. Григория Сковороды. — 2018. — № 37/1. — С. 311–318.
9. *Kuprevich, T. S.* Tsifrovyye platformy v mirovoy ekonomike: sovremennyye tendentsii i napravleniya razvitiya / T. S. Kuprevich // Ekonomicheskyy vestnik universiteta. Sbornik nauchnykh trudov uchenykh i aspirantov / Pereyaslav-Khmel'nits. gos. ped. un-t im. Grigoriya Skovorody. — 2018. — № 37/1. — S. 311–318.
10. Цифровые модели бизнеса: магистральный тренд современного рынка [Электронный ресурс] // Xcom. — Режим доступа: https://www.xcom.ru/upload/iblock/6aa/xcom_magazin_5.pdf. — Дата доступа: 18.11.2018.
11. Пять способов выиграть с помощью цифровых платформ [Электронный ресурс] // accenture. — Режим доступа: https://www.accenture.com/us-en/insight-g20-yea-digital-platforms?c=us_g20yeaplats_10000001&n=otc_0916#. — Дата доступа: 18.11.2018.
12. *Волков, Д.* Цифровая платформа: вызовы и проблемы [Электронный ресурс] / Д. Волков // Открытые системы. СУБД. — 2018. — № 2. — Режим доступа: <https://www.osp.ru/os/2018/2/13054185>. — Дата доступа 28.11.2018.
13. *Volkov, D.* Tsifrovaya platforma: vyzovy i problemy [Elektronnyy resurs] / D. Volkov // Otkrytye sistemy. SUBD. — 2018. — № 2. — Rezhim dostupa: <https://www.osp.ru/os/2018/2/13054185>. — Data dostupa 28.11.2018.

Статья поступила в редакцию 09.11.2018 г.

УДК 331.5.(476)

Yu. Zenovchik
BSEU (Minsk)

DEVELOPMENT OF PERSONNEL STRATEGY OF THE ENTERPRISE AT THE PRESENT STAGE

In the article substantiates the need for the development of personnel strategy. The overall strategy of the company includes many functional strategies. They must be in a specific relationship and interdependence.

Companies seeking to succeed in their work and do everything possible to do so, enforce proactive human resource strategy (development of human resources in the continuous improvement of its qualification). One option for the organization of such activities could be the establishment of the Centre for more in-depth training with branches in the manufacturing departments, which have concluded a contract for an additional (depth) preparation of specific students and undergraduates stakeholder management.

Keywords: HR strategy; innovation development; additional training; qualifications.

Ю. М. Зеновчик

кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

РАЗВИТИЕ КАДРОВОЙ СТРАТЕГИИ ПРЕДПРИЯТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье обоснована необходимость развития кадровой стратегии. Общая стратегия предприятия состоит из многих функциональных стратегий. Они должны находиться в определенной взаимосвязи и взаимозависимости. Предприятия, стремящиеся к успеху в своей деятельности и делающие все возможное для этого, проводят в жизнь активную кадровую стратегию (развитие кадрового потенциала при постоянном повышении его квалификации). Одним из вариантов организации такой деятельности могло бы быть создание Центра по дополнительной углубленной подготовке кадров с филиалами на выпускающих кафедрах, который заключал бы договоры на дополнительную (углубленную) подготовку конкретных студентов и магистрантов с заинтересованными субъектами хозяйствования.

Ключевые слова: кадровая стратегия; инновационное развитие; дополнительная подготовка; квалификация.

Кадровая стратегия — это разработанное руководством организации приоритетное, качественное определенное направление действий, необходимых для достижения долгосрочных целей по созданию высокопрофессионального, ответственного и сплоченного коллектива и учитывающих стратегические задачи организации и ее ресурсные возможности [1].

Любое предприятие, ориентированное на успешное существование и на развитие, планируют свою работу не только на ближайшее будущее, но и на отдаленную перспективу. Важную роль в этих планах играют кадровая политика и кадровая стратегия.

Основными чертами кадровой стратегии являются:

- ее долгосрочный характер (формирование психологических установок, системы мотивации, структуры персонала, системы управления персоналом требует длительного периода времени);
- связь со стратегией организации в целом (изменение стратегии организации требует корректировки кадровой стратегии: изменение структуры и численности персонала, его навыков и квалификации, стиля и методов управления).

Большинство ведущих руководителей утверждают, что кадровая стратегия является составной частью общей экономической стратегии предприятий и следствием перспективного планирования их хозяйственной деятельности. Однако на практике встречаются разные варианты их взаимодействия. Выделяются четыре концепции планирования работы с персоналом на предприятии:

- кадровая стратегия зависит от стратегии организации в целом;
- стратегия организации зависит от кадровой стратегии;
- кадровая стратегия и стратегия организации в целом взаимозависимы;
- кадровая стратегия и стратегия организации определяются интерактивно [1].

Кадровая стратегия в данный момент не может быть отнесена к важнейшим, определяющим целям производственно-хозяйственной деятельности субъекта хозяйствования.

ния. Именно так часто считают руководители и топ-менеджеры предприятий. Однако научно-технологический прогресс, развитие инновационных направлений делают эту стратегию крайне важной, актуальной и необходимой.

Рассмотрим основные формы кадровых стратегий, выступающих в организации в роли функциональных, т.е. развивающих генеральные.

Условно последние могут быть разделены на две группы: стратегии функционирования и стратегии развития.

Стратегии функционирования полностью связаны с поведением организации на рынке. По мнению американского исследователя М. Портера, можно выделить три их варианта:

- лидерство в низких издержках;
- дифференциации;
- фокусирования [2].

Кадровая стратегия при лидерстве в низких издержках должна ориентироваться преимущественно на привлечение и закрепление работников массовых профессий средней квалификации. Для ее осуществления обычно нет необходимости привлекать научные кадры, обладающие высоким уровнем творческого потенциала. Что же касается управленцев, то здесь видимо предпочтительнее менеджеры административного склада.

Суть стратегии дифференциации состоит в концентрации организацией своих усилий в нескольких приоритетных направлениях, где она пытается достичь превосходства над другими. Соответствующая ей кадровая стратегия в отличие от предыдущего случая должна ориентироваться на персонал узкой специализации и максимально высокой квалификации — научных работников, исследователей, разработчиков. От менеджеров здесь требуются лидерские задатки и предпринимательская жилка.

Рыночная стратегия фокусирования предполагает выбор фирмой того или иного сегмента рынка и реализацию в нем одной из двух предыдущих стратегий. Соответствующая ей функциональная кадровая стратегия также должна соответствовать одной из описанных выше с учетом того, что потребуются работники более узкой специализации, особенно в случае следования стратегии дифференциации.

Если стратегия функционирования в первую очередь связана с деятельностью организации на рынке, то стратегия развития в качестве объекта имеет ее потенциал и конкурентные преимущества. Классическими в настоящее время являются стратегии данного вида:

- роста;
- умеренного роста;
- сокращения;
- сочетания.

Американская школа кадрового менеджмента предлагает исходить при стратегическом планировании из следующих факторов:

- сильные и слабые стороны предприятия;
- шансы и риски рынка.

Такой подход позволяет избежать ограничения только лишь факторами рынка или ресурсами компании. Подобный интерактивный подход имеет следующие преимущества:

- планы компании своевременно соотносятся с мероприятиями в сфере кадровой политики (обучением, набором и т.д.);
- все лица, вовлеченные в конкретные мероприятия, заранее проинформированы о стратегических кадровых событиях;
- все подразделения компании могут делать предложения по новым стратегиям;
- персонал и его качества расцениваются не как средство решения проблем, а как потенциал компании.

Подобная система предполагает гибкость кадровой политики, идентификацию сотрудников с компанией, широкое участие персонала в разработке ее стратегии.

Кадровая политика стратегии роста должна быть направлена прежде всего на привлечение персонала особо высокой квалификации, с творческими и предпринимательскими задатками. Вопросы закрепления кадров здесь на первый план выходят далеко не всегда, ибо персонал во многих случаях еще находится в процессе формирования. Важнейшими моментами должны быть создание надлежащих систем оплаты труда и мотивации; формирование благоприятного морально-психологического климата, способствующего творчеству; постоянное повышение квалификации; обеспечение возможностей служебного и научного роста. Проблемы переподготовки, социальных гарантий, ухода на пенсию здесь имеют подчиненное значение.

Процесс выработки и реализации стратегии является непрерывным, что находит свое отражение в тесной взаимосвязи решения стратегических задач как на длительную перспективу, так и на средне- и краткосрочный период, т.е. их решения в условиях стратегического, тактического и оперативного управления. Подобная конкретизация кадровой стратегии и доведение ее до стратегических задач и отдельных действий воплощается в стратегическом плане — документе, содержащем конкретные задачи и мероприятия по выполнению стратегии, сроки их осуществления и ответственных исполнителей по каждой задаче, объем необходимых ресурсов (финансовых, материальных, информационных и др.).

Стратегия в области персонала должна способствовать: усилению возможностей организации (в области персонала) противостоять конкурентам на соответствующем рынке, эффективно использовать свои сильные и слабые стороны во внешнем окружении; расширению конкурентных преимуществ организации за счет создания условий для развития и эффективного использования трудового потенциала, формирования квалифицированного, компетентного персонала; полному раскрытию способностей персонала к творческому, инновационному развитию для достижения как целей организации, так и личных целей работников.

Сегодня многие предприятия придерживаются в основном пассивной кадровой стратегии. Для привлечения новых работников они обращаются на рынок труда, где и стремятся получить необходимых специалистов и рабочих. В этом случае следовать тенденциям научно-технологического прогресса, инновационного развития очень сложно, если вообще возможно.

В отличие от них предприятия, стремящиеся к успеху в своей деятельности и делающие все возможное для этого, проводят в жизнь активную кадровую стратегию. Такая стратегия тесно связана со всеми другими функциональными стратегиями предприятия: маркетинговой, производственной, инновационной, инвестиционной. С маркетинговой потому, что она учитывает тенденции развития рынка, особенности в части той продукции или услуг, выпуском которых занято данное предприятие. И если рынок требует пересмотра номенклатуры выпускаемой продукции, то изменяется и потребность в кадрах, как рабочих, так и специалистов. Аналогично поступают с увязкой кадровой стратегии и со всеми другими функциональными стратегиями.

Намеченные изменения в технологии производства, в номенклатуре выпускаемой продукции требуют перехода на новое оборудование, новые виды сырья, основных и вспомогательных материалов и соответственно новых кадров. И об этом необходимо заботиться заранее, еще на этапе проектирования новых производств или модернизации действующего производства. Следовательно, уже при подготовке инвестиционного проекта должны быть учтены будущие потребности хозяйствующего субъекта в новых кадрах рабочих и специалистов.

Сегодня это делается не всегда и не везде. Однако роль кадровой стратегии тем выше, чем более инновационными, соответствующими прогрессивным направлениям научно-технологического прогресса задачами озабочен хозяйствующий субъект.

Тем не менее в Республике Беларусь имеются предприятия, которые относятся по-иному к осуществлению своей кадровой стратегии. Это происходит в том случае, когда хозяйствующая структура реально заинтересована в повышении эффективности своей деятельности и конкурентоспособности своей продукции и услуг и ее руководство знает, как этого добиться.

Особенно это важно на переломных моментах перехода на новые технологии и виды выпускаемой продукции и оказываемых услуг. Часто говорят, что в бизнесе «время — деньги», чем быстрее будет проведен в жизнь переход на новую технологию и продукцию, тем успешнее будет развиваться предприятие и тем скорее оно достигнет намеченного, запланированного и желаемого успеха.

Очень часто это зависит от кадров, способных осуществить этот переход. Рабочие должны уметь хорошо работать на новом оборудовании по современной, прогрессивной, передовой технологии, инженерно-технические работники и руководители должны грамотно руководить производством в новых условиях [3].

Проявляя заботу о сохранении своего лидерства в мире по конкурентоспособности и эффективности производства, американские авторы обратили внимание на такие основные факторы, которые в наибольшей степени определяют положение национальных экономик в мире по этим показателям. Конечно, речь идет в первую очередь об экономике США, но в полной мере это относится ко всем странам и даже отраслям.

На первое место американцы поставили обладание квалифицированной рабочей силой. Это касается как рабочих кадров, так и ИТР, но особенно менеджерского персонала, т.е. руководителей. При этом часто цитируются слова Дерека Бока, президента Гарвардского университета, который прямо заявил, что «если высшее образование слишком дорого, попробуйте, почем невежество». Проведя анализ этого фактора Д. Грейсон, К. О’Делл, пришли к выводу, что «цена, которую американцы платят за неграмотность и недостаточное качество «человеческого капитала», очень высока. Цена недоиспользования таланта может быть еще выше» [4].

Для того чтобы обеспечить успешную работу в новых условиях по инновационному направлению необходимо заранее позаботиться об обеспечении реализации этого мероприятия и в целом предприятия кадрами. Хорошо проработанный инвестиционный и инновационный проект предусматривает подготовку, переподготовку и привлечение со стороны рабочих кадров требуемой квалификации. В грамотно разработанном инвестиционном проекте подготовка, переподготовка и привлечение со стороны новых кадров рабочих организуется заранее и осуществляется в плановом порядке согласно диаграмме Гантта, когда нужные кадры готовятся к моменту их необходимого использования.

Рабочие кадры могут готовиться непосредственно на предприятии, если есть для этого все условия: преподаватели и оборудование или же у производителя оборудования и у разработчика технологии. И здесь не должно возникнуть неразрешенных проблем, если соответствующие расходы были заранее включены в инвестиционный план проекта. Много сложнее с кадрами инженерно-технических работников и руководителей. Современные предприятия, особенно инновационного направления, требуют для успешного функционирования все больше специалистов высокой квалификации с хорошей подготовкой для решения новых узких задач. Здесь нельзя как раньше просто надеяться на выпускника учреждения высшего образования (УВО). Выпускник должен сразу окунуться в решение нетривиальных инновационных задач на уровне, обеспечивающем конкурентоспособность и эффективность деятельности хозяйствующих субъектов. Если этого не произойдет, то инновационная идея проекта и инвестиции в него не будут оправданы. Да и сам проект может потерять свою инновационность [5].

Поэтому среди трех главных составляющих, обеспечивающих выход предприятия на намеченные рубежи в наиболее короткие сроки и с минимальными затратам, значит-

ся развитие кадрового потенциала при постоянном повышении его квалификации. Значит, будущие инженерные кадры надо набирать еще в УВО до его окончания и обеспечить при этом их нужную квалификацию. А для этого хозяйствующий субъект и УВО должны готовить конкретного специалиста на конкретную должность и под особые функции вместе [6].

Конечно, это непросто. Требуются четкая организации и взаимная заинтересованность, убеждение, что вполне реально.

Американские авторы пришли к выводу, что эффективность дополнительной подготовки специалистов может быть достигнута при соблюдении некоторых принципиальных подходов [4]. Во-первых, люди учатся быстрее, если они вовлечены в решение реальных проблем. Разовое обучение в аудитории не меняет поведения человека, гораздо больше дает практика, вовлечение в самостоятельное решение производственных проблем. Кроме того, любой человек лучше всего учится, если его роль активна. Пассивность не может дать хороших и быстрых результатов. Поэтому прослушанный курс не сравним с активным, практическим обучением. Обучение через деятельность является наиболее эффективным методом и должно найти широкое применение в разработке учебных планов и программ, что позволит преодолеть проблему трансформации абстрактных теоретических знаний в практические навыки. Для самих обучающихся это гораздо интереснее. Результаты видны уже в процессе обучения, поэтому этот вид обучения более предпочтителен, носит творческий, продуктивный характер и дает основательный и быстрый эффект.

Впрочем, уже сегодня можно видеть первые ростки нового подхода к организации практико-ориентированного обучения в некоторых УВО Республики Беларусь. Эти ростки нового иллюстрируют мысль американского ученого Герберта Спенсера: «Великая цель образования — это не знания, а действия». В соответствии с этим в программах таких дисциплин ставится цель не демонстрировать усвоение знания, а показ своего умения пользоваться этим на практике. Все это может пригодиться для организации дополнительного обучения выпускников УВО еще до выпуска из учебного заведения [4].

Одним из вариантов организации такой деятельности мог бы быть следующей. При УВО организуется Центр по дополнительной углубленной подготовке кадров с филиалами на выпускающих кафедрах (далее — Центр). Он заключает договора на дополнительную (углубленную) подготовку конкретных студентов и магистрантов с заинтересованными субъектами хозяйствования. Проводя исследования и изучив подготовленность студентов, предприятия сами или вместе с сотрудниками Центра подбирают кандидатуры на углубленную подготовку на конкретные должности и рабочие места. Такой план набора субъекты хозяйствования разрабатывают в соответствии со стратегическим планом своего развития и из этого становится ясно, какова потребность в конкретных специалистах. На основе этого и разрабатываются планы углубленной подготовки, заключаются договора с УВО.

Специалисты Центра совместно с выпускающими кафедрами составляют конкретные углубленные учебные планы, которые являются дополнительными к основным. По этим углубленным планам обучаются отобранные студенты и получают необходимые знания и практический опыт для работы на конкретном предприятии и конкретном рабочем месте (должности). Центр привлекает конкретных преподавателей, обладающих соответствующей квалификацией и знаниями, для занятий с отобранными студентами. Эта работа оплачивается отдельно от работы на кафедрах УВО. К этой работе привлекаются также специалисты предприятий и организаций. Практика (дополнительная) также организуется на предприятиях, для которых готовят эти кадры.

Центр не входит в структуру УВО. Он является самостоятельным независимым хозяйствующим субъектом. Преподаватели УВО, равно как и специалисты предприятий, работают по договорам подряда [6].

За пользование имуществом УВО Центр платит в соответствии с заключенным между УВО и Центром договором.

Такой вариант организации дополнительной целевой подготовки специалистов с высшим образованием предпочтительней включения Центра в структуру УВО, так как освобождает Центр от строгих бюрократических правил и порядков. Поэтому независимость новых структур может обеспечить развитие дополнительной подготовки по инновационному направлению, а строгая зарекламированность всего и вся лишает организацию дополнительной подготовки мобильности, адаптированности к постоянно меняющимся условиям и принятию оперативных прогрессивных изменений в планах и программах дополнительной подготовки.

Предварительно проведенный эксперимент может выявить проблемы, которые могут возникнуть на практике при внедрении этого предложения, отработка данного вопроса может занять 2–3 года. После этого может быть определена экономическая эффективность создания подобных центров при УВО Республики Беларусь.

Источники

1. Егоршин, А. П. Основы управления персоналом : учеб. пособие / А. П. Егоршин. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2015. — 352 с.
2. Egorshin, A. P. Basics of personnel management: a tutorial / A. P. Egorshin. — 4th ed., rec. and add. — Moscow : INFRA-M, 2015. — 352 p.
3. Грейсон-мл., Д. Американский менеджмент на пороге 21 века / Д. Грейсон-мл., К. О’Делл ; пер. Б. Мильнера. — М. : Экономика, 1991. — 319 с.
4. Grayson Jr., D. American Management on the Threshold of the 21st Century / D. Grayson Jr., K. O’Dell. — Moscow : Economy, 1991. — 319 p.
5. Алашеев, С. Ю. Обзор мировых практик организации взаимодействия рынка труда и системы профессионального образования [Электронный ресурс] / С. Ю. Алашеев, Т. Г. Кутейницына, Н. Ю. Посталюк // Userdocs.ru. — Режим доступа: <http://userdocs.ru/geografiya/37942/index.html>. — Дата доступа: 04.11.2018.
6. Alasheev, S. Yu. Review of world practices in the organization of the interaction of the labor market and the vocational education system [Electronic resource] / S. Yu. Alasheev, T. G. Kuteynitsyna, N. Yu. Postalyuk // Userdocs.ru. — Mode of access: <http://userdocs.ru/geografiya/37942/index.html>. — Date of access: 04.11.2018.
7. Гимпельсон, В. Е. Разработка методологии прогнозирования перспективных потребностей рынка труда в выпускниках системы профессионального образования [Электронный ресурс] / В. Е. Гимпельсон // Высшая школа экономики. — Режим доступа: <http://www.hse.ru/org/projects/25622>. — Дата доступа: 16.10.2018.
8. Gimpelson, V. E. Development of a methodology for forecasting the future needs of the labor market for graduates of the vocational education system [Electronic resource] / V. E. Gimpelson // Higher School of Economics. — Mode of access: <http://www.hse.ru/org/projects/25622>. — Date of access: 16.10.2018.
9. Гейзлер, П. С. Инвестиционные ресурсы, стратегия и экономический рост / П. С. Гейзлер, С. Д. Нелюбин // Науч. тр. : юбил. сб. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2013. — Вып. 6. — С. 73–80.
10. Geisler, P. S. Investment resources, strategy and economic growth / P. S. Geisler, S. D. Nelyubin // Sci. works : jubilee coll. / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2013. — Iss. 6. — P. 73–80.
11. Гейзлер, П. С. Инновационное развитие кадровой стратегии организации / П. С. Гейзлер, Ю. М. Зенович // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-т. — 2015. — № 5. — С. 36–41.
12. Geisler, P. S. Innovative development of the personnel strategy of the organization / P. S. Geisler, Yu. M. Zenovich // Bull. of the Belarus State Econ. Univ. — 2015. — № 5. — P. 36–41.

Статья поступила в редакцию 18.12.2018 г.

**T. Zorina
V. Zubkov**
BSEU (Minsk)

MODERN PARADIGM OF LOGISTICS POTENTIAL OF THE REGION

The article is devoted to theoretical and methodological issues of formation of the logistics potential of the region in the context of globalization of the world economic system. The authors identify structural and logical relationship between the categories of «logistics infrastructure», «logistics system», «logistics potential». The main factors influencing the formation and the use of the logistic potential of the Republic of Belarus are determined. In addition, the main approaches to determining the essence of the logistics potential of the region are considered and their comparative characteristics are given. The author's definition of the concept «logistic potential of the region» is given. Priority directions of increase of efficiency of use of logistic potential of the Republic of Belarus are revealed.

Keywords: national logistics activities; region; logistics infrastructure; logistics system; logistics potential; logistic potential of the region.

Т. Г. Зорина
доктор экономических наук, доцент
В. Э. Зубков
магистр экономических наук
БГЭУ (Минск)

СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА ЛОГИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Статья посвящена теоретико-методологическим вопросам формирования логистического потенциала региона в условиях глобализации мировой экономической системы. Авторами выявлена структурно-логическая связь между категориями «логистическая инфраструктура», «логистическая система», «логистический потенциал». Определены основные факторы, оказывающие влияние на формирование и использования логистического потенциала Республики Беларусь. Кроме того, рассмотрены основные подходы к определению сущности логистического потенциала региона и приведена их сравнительная характеристика. Приводится авторское определение самого понятия «логистический потенциал региона». Выявлены приоритетные направления повышения эффективности использования логистического потенциала Республики Беларусь.

Ключевые слова: национальная логистическая деятельность; регион; логистическая инфраструктура; логистическая система; логистический потенциал; логистический потенциал региона.

Успешная реализация концепции Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь, а также других государственных программ, связанных с переводом экономики на путь инновационного развития, обеспечит поступательное и значимое развитие страны в средне- и долгосрочной перспективе. Этому безусловно способствует и особое внимание нашего государства к национальной логистической деятельности. Ее развитие связано с реализацией государственных программ начиная с 2009 по 2020 г., а также принятием государственной Концепции развития логистической системы Республики Беларусь на период до 2030 года, в соответствии с которой к этому году предстоит:

- обеспечить рост позиции нашей страны в мировом рейтинге по индексу эффективности логистики LPI до уровня не ниже 50. В настоящее время — 110-я позиция;

- по отношению к 2016 г. объем логистических и транспортно-экспедиционных услуг возрастет в 2 раза;
- также за это время увеличатся в 2 раза и доходы от транзита по территории нашей страны.

Беларусь в силу различного рода объективных и субъективных причин исторического, политического и экономического характера все еще существенно отстает в области логистики по сравнению с наиболее развитыми странами мира. Об этом свидетельствуют в частности и такие факты:

- логистические услуги в республике до сих пор не выделены как экономический вид деятельности, в связи с чем возникают определенные сложности при расчете доходов от оказания такого рода услуг;
- наша страна входит в число государств с высоким уровнем логистических издержек. Их доля составляет около 20 % ВВП, в то время как среднемировой показатель — 11 %, а в странах Западной Европы — всего лишь 7–8 %;
- структура национального транспортно-логистического рынка значительно отличается от структуры аналогичного мирового рынка, что во многом определяется низким уровнем развития логистического сегмента. Доля логистических услуг в нашей стране составляет около 17 % объема данного рынка, в то время как в мире — 52 %. Доминирующим сегментом этого рынка, как и прежде, остаются грузоперевозки, доля которых превышает 80 %;
- комплексность услуг логистических компаний в Евросоюзе около 70 %, а в Беларуси — 15 % [1].

Для ликвидации отмеченного отставания в области логистики в качестве приоритетных целей национальной логистической деятельности в настоящее время становятся:

- последовательное формирование и целенаправленное развитие единой национальной логистической системы путем создания институциональных и правовых механизмов, способствующих получению максимального положительного эффекта от логистической деятельности и превращению Республики Беларусь в крупнейший международный транспортно-логистический центр с учетом ее выгодного геополитического положения;
- обеспечение на основе единой национальной логистической системы соответствующего ей эффективного логистического потенциала как страны в целом, так и каждого отдельно взятого ее региона, суммарное выражение которых обладает определенным синергетическим эффектом;
- создание всех необходимых условий для более тесной взаимосвязи национальной логистической системы страны с аналогичными логистическими системами других стран — членов ЕАЭС.

Синергетический эффект любой логистической системы фактически означает, что ее формирование и функционирование определяются так называемыми синергетическими связями, обеспечивающими прирост общего эффекта в сравнении с суммой эффектов элементов данной системы. Подобная аналогия существует и на межсистемном уровне, что дает возможность формирования логистической синергии, т.е. эффекта взаимного усиления связей одной логистической системы с другими. В этой связи вполне уместным становится высказывание известного российского экономиста А.Г. Гранберга, четко и ясно сформулировавшего сущность современной парадигмы регионального рынка, как объекта логистики: «Наше ключевое слово — регион, наше мировоззрение — мир регионов, наши главные идеи — устойчивое развитие, регионализм и интеграция» [2].

Несмотря на существующую масштабность исследований по логистике и значительное количество научных публикаций, в то же время теория зачастую отстает от реаль-

ной практики. И дело в том, как отмечают многие ученые, практическая логистика развивается порой столь стремительно, что научная терминология и теория логистики за ней просто не успевают. К тому же переосмысливание, формулирование и пополнение учеными логистической терминологии на основе передовых достижений логистики как практической деятельности очень часто вязнет в затянувшихся дискуссиях.

К примеру, уже достаточно долгие годы теоретики логистики пытаются определить с дефиницией, т.е. кратким определением самого понятия — логистический потенциал, в том числе и логистический потенциал региона. В этой связи, представляется все более необходимой унификация определений и их стандартизация, в частности и в отношении самого логистического потенциала. Классическим примером здесь мог бы стать и опыт 70-х гг. прошлого столетия в отношении того, что же собственно есть качество продукции. Разработка и утверждение на данное понятие соответствующего ГОСТа прекратила само собой многолетние, а порой и бесплодные дискуссии на сей счет.

Именно поэтому крайне важно вести работу по выработке единообразной стандартизированной логистической терминологии. Специалисты по логистике должны общаться на одном языке, оперировать схожими терминами, понимая друг друга. И следует признать, что некоторые подвижки в этом отношении уже происходят. Так, начиная с 2010 г. в республике действует СТБ 2047-2010 — логистическая деятельность. Термины и определения. В частности, данный стандарт дает следующее определение логистической системы, которая есть: «Сложная, динамичная система управления, основной целью которой является осуществление товарообращения для своевременного обеспечения потребностей экономики и населения в товарах и продукции производственно-технического назначения с наименьшими издержками» [3]. Однако в указанный перечень стандартов не вошли некоторые другие важные понятия, касающиеся логистической деятельности, и в частности такие из них, как логистическая инфраструктура и логистический потенциал.

Анализ понятийного аппарата (терминологического инструментария) логистики в специальной экономической литературе показывает, что раскрытие самой сути логистического потенциала, в том числе и логистического потенциала региона (ЛПР), возможно лишь на основе исследования диалектической взаимосвязи таких понятий, как логистическая инфраструктура (ЛИ), логистическая система (ЛС), логистический потенциал (ЛП).

Среди определенного множества научных публикаций, посвященных проблемам логистики, и, прежде всего сути и взаимосвязи: ЛИ — ЛС — ЛП особо значимые позиции занимают исследования таких авторов, как А.В. Дмитриев, С.А. Пелих, Ф.Ф. Иванов, М.В. Городко, О.С. Гулягина, О.А. Фрейдман и многих других, опубликованные ими в своих монографиях и многочисленных научных статьях.

В этой связи представляется целесообразным, критически переосмысливая и опираясь на результаты этих исследований, провести сравнительный анализ определений всех составляющих приведенной выше цепочки: ЛИ — ЛС — ЛП. Это должно позволить выработать собственное понимание существа проблемы и занять конкретную позицию, касательно каждого из данных понятий в их диалектической взаимосвязи.

В современной мировой экономике в рамках разветвленных сетевых структур происходят целенаправленные процессы концентрации всех видов ресурсов: материальных, финансовых и трудовых, что в свою очередь становится объективной основой для создания и последующего развития современной логистической инфраструктуры.

Первые системные исследования инфраструктурных проблем логистики относятся к середине прошлого столетия, когда и были заложены теоретические основы создания и функционирования логистической инфраструктуры. В настоящее время этим вопросам также придается особое значение в многочисленных публикациях по логистике за-

рубежных и отечественных авторов. В них в частности должное внимание уделяется и таким вопросам, как определение размеров, количества и наилучшего местоположения всех инфраструктурных подразделений, что непосредственно влияет на уровень эффективности самой логистики.

По своему экономическому содержанию инфраструктура представляет собой материально-вещественную основу, образующую своего рода каркас на котором в последующем строится вся система логистики. Данное обстоятельство объективно предопределено тем, что процессы перемещения товаров, складирования и хранения, как и сопровождающие их информационные потоки, требуют определенных технических средств или иначе — соответствующую материально-техническую базу. Именно она и составляет инфраструктуру логистики или логистическую инфраструктуру.

С накоплением теоретических знаний и практического опыта углубляется и содержание самого понятия логистической инфраструктуры.

Исходя из ее определений вытекает, что логистическая инфраструктура представляет собой определенный комплекс взаимосвязанных элементов, призванных обеспечивать функционирование системы закупок, поставок, хранения и доставки продукции от производителя к потребителю и который, как правило, включает:

- транспортные пути всех видов транспорта, в том числе трубопроводного, а значит, к ним относятся трубопроводы и газопроводы;
- транспортные узлы, а именно морские, речные и авиационные порты, контейнерные терминалы, железнодорожные перегрузочные и сортировочные станции, терминалы комбинированного транспорта;
- парк подвижного состава собственного или привлеченного транспорта, погрузочно-разгрузочное оборудование;
- здания и постройки, позволяющие осуществлять складирование и хранение вместе с их техническим оснащением, позволяющим осуществлять манипуляции с грузами и реализовывать основные функции, например, комплектацию, декомpleктацию и упаковку, а также покрытие полов, погрузочно-разгрузочные фронты и рампы;
- элементы узловой инфраструктуры логистики, такие как распределительные центры, центры логистических услуг, транспортно-складские объекты;
- устройства и средства переработки и передачи информации вместе с соответствующим программным обеспечением.

Обобщение и анализ тенденций, исследование проблем формирования и развития логистической инфраструктуры, а также совокупности ее определений, встречающихся в экономической литературе, показывают, что одним из наиболее полных и содержательных из них, на наш взгляд, является следующее:

«Логистическая инфраструктура — это комплексная инженерно-экономическая система, во всех звеньях которой на основе эффективного использования транспортных средств, погрузочного и складского оборудования, а также информационных технологий обеспечивается максимально возможная скоростная сохраняющая доставка груза от грузоотправителя грузополучателю. Это самодостаточная структура, состоящая из взаимодействующих и взаимосвязанных элементов, которая существует относительно самостоятельно и устойчиво, постоянно развивается и совершенствуется в зависимости от взаимодействия с окружающей средой» [4].

Сегодня одним из серьезных резервов повышения эффективности организационных систем регионального управления становится более широкое внедрение в них инновационной по своей сути концепции и методологии логистики. Именно логистические системы дают надежный механизм эффективного реформирования экономики каждого отдельного региона страны с учетом его экономических, социальных, демографических и природных условий.

В последние годы среди множества публикаций по проблемам методологии формирования региональных и отраслевых логистических систем и их эффективности особо значимое место в их решении занимают теоретические и методологические подходы творческого коллектива белорусских авторов, под руководством доктора экономических наук, профессора С.А. Пелиха. По их мнению, под логистической системой следует: «...понимать сложную организационно завершенную экономическую систему с обратной связью, состоящую из взаимосвязанных элементов, имеющую внутренние и внешние связи и способность изменять свою структуру и выбирать варианты поведения в соответствии с новыми целями и под влиянием внешней среды» [5, с. 72].

Любой системе, в том числе и логистической, причем любого уровня, внутренне присущи четыре основных свойства, а именно целостность, наличие связей, организация, интеграционные свойства.

Первое свойство — целостность, т.е. система является целостной совокупностью элементов, взаимодействующих друг с другом, что проявляется в свойстве выполнять заданную целевую функцию только лишь системой в целом, а не ее отдельными звеньями или подсистемами. Элементы логистических систем разнокачественны, но в то же время совместимы, что достигается единством цели самой системы.

Второе свойство — наличие связей, т.е. между элементами логистической системы всегда имеются связи, определяющие ее интеграционные свойства.

Третье свойство — организация. Поскольку связи между элементами логистической системы должны всегда быть упорядочены, то каждая система априори должна иметь свою организацию.

И, наконец, четвертое свойство — интеграционные свойства. Данные свойства не присущи ни одному из элементов в отдельности. Это есть способность доставить необходимый товар в нужное время, в нужное место, необходимого качества, с минимальными затратами, а также способность адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды.

Помимо этих общих свойств логистических систем принято также выделять целый ряд присущих только им специфических свойств, а именно сложность, иерархичность, структурированность, подвижность, адаптивность, уникальность, непредсказуемость и неопределенность поведения в конкретных условиях и под влиянием внешней среды.

Таким образом, подытоживая все сказанное выше, представляется необходимым сделать следующие выводы общетеоретического или методологического порядка. Во-первых, логистическая инфраструктура как материальная субстанция и объективная реальность сама по себе не может быть создана, как и не может функционировать в последующем без субъективного — суть человеческого фактора, т.е. без целенаправленной управленческой деятельности. Именно последняя и обеспечивает диалектический, соответственно, качественный переход логистической инфраструктуры в другую объективную реальность или субстанцию — логистическую систему любого уровня. Во-вторых, с момента создания и начала функционирования логистической системы любого уровня объективно сразу же возникает вопрос об ее эффективности. Следовательно, каждая логистическая система обладает своим потенциалом, используемым с той или иной эффективностью.

Анализ определений логистического потенциала в научной литературе, проведенный отечественными и зарубежными исследователями [6, 7], позволяет в свою очередь условно выделить три сформировавшихся подхода к определению сущности ЛП.

1. Системный подход, рассматривающий потенциал логистической системы с точки зрения системного анализа (табл. 1). В этом случае потенциал рассматривается как имманентное свойство системы достигать своих максимальных показателей и проявлять синергический эффект.

Таблица 1. Системный подход к определению ЛП

Автор	Определение логистического потенциала
О.С. Гулягина [6]	Способность логистической системы достигать своих стратегических целей наиболее эффективным с точки зрения времени, качества и затрат способом, посредством применения элементов, ресурсов, механизмов данной логистической системы, а также факторов ее внешней среды
А.Н. Горяинов [8, с. 113]	Максимальная производительность (функциональная способность) системно интегрированных подразделов
Н.П. Кузнецова [9, с. 73]	Способность экономического субъекта для достижения поставленных целей оптимизировать новые формы управления системами поставок, формировать инновационные логистические цепи (сети) и каналы сбыта
С. Гриценко [10, с. 135]	Способность экономического субъекта при наличии благоприятных условий оптимизировать структуру ресурсов и рационально их использовать для достижения поставленной цели
И.В. Петенко [11, с. 88]	Способность реализовывать логистические функции с максимально возможным конечным результатом и минимально необходимыми затратами
Е.А. Кандрашина [12, с. 55]	Универсальная способность выполнять самые разнообразные заказы клиентов при диверсификации продукции фирмы в широком диапазоне соотношения качества и цены, гарантируя при этом и требуемое качество, и режимы поставок при соблюдении необходимого уровня совокупных издержек
О. Линева [13, с. 36]	Возможности потоков (материальных, трудовых, информационных, финансовых, сервисных) в динамике (движении) и статике (использовании) выявлять и отражать источники и средства для достижения скорректированных внешней средой целей предприятия, повышения эффективности его деятельности и увеличения конкурентных преимуществ

Источники: составлено авторами.

2. Ситуационный подход (табл. 2), рассматривающий ЛП как возможность или способность логистического субъекта реализовывать логистические функции в ситуации — конкретном наборе обстоятельств, оказывающих влияние на деятельность ЛС.

Таблица 2. Ситуационный подход к определению ЛП

Автор	Определение логистического потенциала
О.А. Фрейдман [7, с. 21]	Совокупность элементов, способов и средств логистической системы, а также факторов среды, связанных с ее функционированием, способных оказать эффективное воздействие на стратегию фирмы или региона
М. Соколов [14]	Совокупность составляющих логистическую мощь транспортной, информационной, складской систем
И.А. Проценко [15]	Совокупность факторов логистической деятельности, дающих возможность реализовать стратегические цели фирмы

Источники: составлено авторами.

3. Процессный подход — рассматривающий ЛП в динамике интеграции и адаптации логистических процессов в ЛС и способности соединения и взаимодействия ЛС между собой (табл. 3).

Таблица 3. Процессный подход к определению ЛП

Автор	Определение логистического потенциала
С.А. Уваров [16]	Различные виды взаимодействия (транзакций) между логистическими системами в процессе производственно-хозяйственной деятельности фирмы, распределения, обмена и потребления готовой продукции. В этой среде создается логистический потенциал национальной экономики
Г.Х. Пфоль [17]	Логистическая система (на региональном уровне) ... должна обеспечить быстрое соединение производственных процессов между партнерами по сети в соответствии с заказом, полученным от клиента

Источники: составлено авторами.

На наш взгляд, процессный подход априори не раскрывает существа самого понятия «логистический потенциал» и потому не может быть использован для его определения. По своей сути данный подход проявляет себя только как фактор внешнего воздействия на формирование логистического потенциала.

Представляется целесообразным объединение системного и ситуационного подходов, что позволяет рассматривать логистический потенциал региона как, во-первых, потенциал совокупности частных логистических систем в их взаимодействии, во-вторых, учитывать потенциал этих систем в обстоятельствах конкретного региона, и, в-третьих, в способности таких систем к самоадаптации, взаимодействию и интеграции.

В этом случае речь скорее идет об общем интегрированном подходе, используя который, можно сделать вывод, что: «Логистический потенциал региона есть способность элементов логистической системы, а также факторов внешней среды, оказывать эффективное воздействие на стратегическое развитие региона».

Следует отметить, что именно интегрированный подход находит свое должное подтверждение и в практической логистической деятельности. Так, уже сейчас большинство стран ЕАЭС обладают вполне достаточным потенциалом для создания единой логистической системы своего интеграционного объединения. Ее создание, безусловно, активизировало бы весь спектр их экономических взаимоотношений, повысив также и их эффективность. Пока же созданию единой логистической системы ЕАЭС препятствует отсутствие:

- унификации нормативно-правового регулирования всех аспектов логистической деятельности государств — членов ЕАЭС;
- единого транспортного пространства и рынка транспортных услуг;
- единых нефтегазового и электроэнергетического рынков;
- единой инфраструктуры интегрированного рынка в пределах внутренних границ;
- оптимизации и гармонизации кредитно-финансовой системы.

В целом же процесс трансформации национальных логистических систем в единую логистическую систему ЕАЭС объективно содействует достижению его стратегических целей, поскольку позволяет иметь общую векторность движения, дает определенную универсальность взглядов на способы существования и развития социума внутри самого интеграционного объединения. И в этой связи особые возможности открываются при полномасштабном использовании транспортных интермодальных коридоров № 2 «Восток — Запад» и № 9 «Север — Юг» и железнодорожных маршрутов Е-10, Е-20, Е-24, Е-30, Е-50 и Е-60 в общем товарообороте между Европой и Азией. По мнению экспертов это позволило бы перенаправить на рынок ЕАЭС до 15% грузооборота, сократить сроки доставки грузов в сравнении с морским путем практически в 2–3 раза и снизить затраты на дистрибутизацию на 30–40%.

Пока же нынешняя стадия интеграционного процесса предусматривает создание полноценного Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП), ведется также работа по созданию единых нефтегазового и электроэнергетических рынков.

Проблемы оценки условий и факторов, влияющих на развитие международного, национального и регионального рынков логистики в условиях глобализации и периодических финансовых кризисов, потребовали корректировки некоторых сделанных ранее выводов и представлений в отношении самой логистики. В частности, в последние годы в ряде стран Азии возросла стоимость рабочей силы и потому само производство становится все ближе к конечному потребителю. Этому способствует и то, что в последнее десятилетие в стоимости товара существенно возросла также и доля транспортных расходов, снижающая конкурентоспособность продукции. Именно поэтому капитал стал перемещать производство в те страны, которые расположены географически ближе к стране покупателя. Яркий тому пример — КНР. Из Китая производство все больше переносится в страны Восточной Европы. Данная тенденция затронула и нашу республику, где усиленными темпами идет создание крупнейшего индустриального парка «Великий камень», своеобразного «форпоста» китайской индустрии и логистики в странах Восточной Европы. Данная логистика привлечет дополнительный транзитный грузопоток в Беларусь в объемах 3–7 млн т в год.

Анализ тенденций товародвижения на евроазиатском континенте и их воздействие на развитие национальной логистической системы Республики Беларусь показывает, что в ближайшей перспективе весьма значимым направлением развития грузопотоков в Европе становятся и Скандинавские страны (Норвегия, Швеция и Финляндия), активно сотрудничающие с ЕС, ЕАЭС и странами Балканского региона. Именно поэтому в связи с ростом грузопотоков в данных направлениях в Европе ведется строительство нового транспортного коридора «Виа Балтика», проходящего по меридианному направлению вдоль западной границы Республики Беларусь вплоть до Турции. Его потенциальными возможностями должна воспользоваться и наша страна.

Таким образом, разработка теоретико-методических основ анализа и эффективности использования логистического потенциала Республики Беларусь станет научной основой для формирования стратегии развития логистики республики в условиях глобализации мировой экономики.

Источники

1. Божанов, П. В. Логистическая деятельность в Беларуси: тенденции и проблемы / П. В. Божанов // Наука и техника. — 2017. — Т. 16, № 6. — С. 506–516.
Bozhanov, P. V. Logistic Activity in Belarus: Trends and Challenges / P. V. Bozhanov // Science and Technology. — 2017. — Vol. 16, № 6. — P. 506–516.
2. Гранберг, А. Г. Теоретические проблемы Региональной экономики / А. Г. Гранберг // Регион: экономика и социология. — 1994. — № 1. — С. 72–78.
Granberg, A. G. Theoretical Problems of the Regional Economy / A. G. Granberg // Region: Economics and Sociology. — 1994. — № 1. — P. 72–78.
3. Логистическая деятельность. Термины и определения : СТБ 2047-2010. — Минск : Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2010.
4. Дмитриев, А. В. Логистическая инфраструктура : учеб. пособие / А. В. Дмитриев. — СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. — 65 с.
Dmitriev, A. V. Logistics Infrastructure : textbook / A. V. Dmitriev. — St Petersburg : SPbGUEF Publ. House, 2012. — 65 p.
5. Пелих, С. А. Формирование региональных и отраслевых логистических систем (теория, методология, практика) / С. А. Пелих, Ф. Ф. Иванов, М. В. Городко. — Минск : Право и экономика, 2011. — 323 с.
Pelikh, S. A. Formation of Regional and Branch Logistics Systems (Theory, Methodology, Practice) / S. A. Pelikh, F. F. Ivanov, M. V. Gorodko. — Minsk : Law and Economics, 2011. — 323 p.
6. Гулягина, О. С. Экономическое содержание логистического потенциала цепей поставок / О. С. Гулягина // Вестн. науки и образования Северо-Запада России. — 2015. — Т. 1, № 2. — С. 1–8.
Gulyagina, O. S. The Economic Content of the Logistic Potential of Supply Chain / O. S. Gulyagina // Bull. of Science and Education of North-West Russia. — 2015. — Vol. 1, № 2. — P. 1–8.

7. *Фрейдман, О. А.* Анализ логистического потенциала региона / О. А. Фрейдман. — Иркутск : ИрГУПС, 2013. — 164 с.

Freidman, O. A. Analysis of the Logistics Potential of a Region / O. A. Freidman. — Irkutsk : IrGUPS, 2013. — 164 p.

8. *Горяинов, А. Н.* Транспортный потенциал и резервирование в системе управления логистикой предприятия / А. Н. Горяинов // Современные проблемы управления производством : тез. докл. IV Междунар. науч.-практ. конф., Донецк, 22–23 окт. 2009 г. / ДонНТУ. — Донецк, 2009. — С. 113–114.

Goryainov, A. N. Transport Potential and the Redundancy in the Enterprise Logistics Management System / A. N. Goryainov // Modern problems of production management : abstr. of the IV Intern. research-to-practice conf., Donetsk, 22–23 Oct. 2009 / DonNTU. — Donetsk, 2009. — P. 113–114.

9. *Кузнецова, Н. П.* Логистический потенциал как фактор инновационной активности региона / Н. П. Кузнецова // Вестн. ОрелГИЭТ. — 2012. — № 1 (19). — С. 73–80.

Kuznetsova, N. P. Logistic Potential as a Factor of an Innovative Activity of the Region / N. P. Kuznetsova // Bull. of OrelGIET. — 2012. — № 1 (19). — P. 73–80.

10. *Гриценко, С. И.* О развитии транспортно-логистических кластеров в Украине / С. И. Гриценко // Рос. предпринимательство. — 2008. — № 5, вып. 2 (111). — С. 134–137.

Gritsenko, S. I. On the Development of Transport and Logistics Clusters in Ukraine / S. I. Gritsenko // Russian entrepreneurship. — 2008. — № 5, vol. 2 (111). — P. 134–137.

11. *Петенко, И. В.* Логистический потенциал коммерческого посредника / И. В. Петенко, С. М. Усиков // Наукові праці / Донец. нац. техн. ун-т. Сер. Економічна. — Донецк, 2004. — Вип. 80. — С. 88–93.

Petenko, I. V. A Logistic Potential of Commercial Mediator / I. V. Petenko, S. M. Usikov // Sci. works / Donetsk Nat. Techn. Univ. Ser. Economic. — Donetsk, 2004. — Iss. 80. — P. 88–93.

12. *Кандрашина, Е. А.* Взаимодействие маркетинга и логистики в процессно-ориентированном управлении / Е. А. Кандрашина // Рос. предпринимательство. — 2005. — № 4 (64). — С. 55–58.

Kandrashina, E. A. An Interaction of Marketing and Logistics in Process-Oriented Management / E. A. Kandrashina // Russ. entrepreneurship. — 2005. — № 4 (64). — P. 55–58.

13. *Линева, О.* Логистический потенциал производственного предприятия в условиях антиросийских санкций: понятие сущность и структурные элементы / О. Линева // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. — 2014. — № 4. — С. 35–38.

Lineva, O. A. Logistic Potential of a Manufacturing Enterprise in the Conditions of the Anti-Russian Sanctions: The Concept, the Essence and Structural Elements / O. Lineva // RISK: Resources, information, supply, competition. — 2014. — № 4. — P. 35–38.

14. *Соколов, М.* Логистический потенциал Санкт-Петербурга / М. Соколов // Рос. эксперт. обозрение. — 2007. — № 1.

Sokolov, M. Logistic Potential of Saint-Petersburg / M. Sokolov // Russ. expert review. — 2007. — № 1.

15. *Проценко, И. О.* Формирование и реализация потенциала стратегической логистики : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / И. О. Проценко. — СПб., 2006. — 274 л.

Protsenko, I. O. The Development and Implementation of the Potential of Strategic Logistics : diss. ... dr. econ. sciences : 08.00.05 / I. O. Protsenko. — St Petersburg, 2006. — 274 l.

16. *Уваров, С. А.* Управление логистической инфраструктурой: проблемы становления и развития [Электронный ресурс] / С. А. Уваров // Официальный сайт администрации г. Южно-Сахалинска. — Режим доступа: https://yuzhno-sakh.ru/files/prodresyrs/logist/doklad__2_yvarov.doc. — Дата доступа: 05.12.2018.

Uvarov, S. A. Logistics Infrastructure Management: Problems of Formation and Development [Electronic resource] / S. A. Uvarov // Official site of Yuzhno-Sakhalinsk administration. — Mode of access: https://yuzhno-sakh.ru/files/prodresyrs/logist/doklad__2_yvarov.doc. — Date of access: 05.12.2018.

17. *Пфоль, Г. Х.* Организация логистики в региональных производственных сетях [Электронный ресурс] / Г. Х. Пфоль, П. Хауслер // Корпоративный менеджмент. — Режим доступа: <http://www.cfin.ru/press/loginfo/2001-03/03.shtml>. — Дата доступа: 05.12.2018.

Pfohl, H.-Chr. Organization of Logistics in Regional Production Networks [Electronic resource] / H.-Chr. Pfohl, P. Hausler // Corporate management. — Mode of access: <http://www.cfin.ru/press/loginfo/2001-03/03.shtml>. — Date of access: 05.12.2018.

18. Оценка логистического потенциала государства в условиях глобализирующейся экономики / Т. Г. Зорина [и др.] // Логистические системы и процессы в современных экономических условиях : материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф, Минск, 1–15 нояб. 2013 г. : сб. ст. — Минск : Нац. б-ка Беларуси, 2013. — С. 135–146.

Assessment of the Logistic Potential of the State in the Globalizing Economy / T. G. Zorina [et al.] // Logistics Systems and Processes in Modern Economic Conditions : materials of the intern. correspondence research-to-practice conf., Minsk, 1–15 Nov. 2013 : coll. papers. — Minsk : Nat. libr. of Belarus, 2013. — P. 135–146.

19. Страны СНГ, Литва, Латвия, Эстония, Грузия: сравнительный анализ уровня развития логистики / Т. Г. Зорина [и др.] // Современ. технологии упр. — 2014. — № 6. — С. 13–21.

CIS Countries, Lithuania, Latvia, Estonia, Georgia: Comparative Analysis of the Level of Logistics Development / T. G. Zorina [et al.] // Modern management technologies. — 2014. — № 6. — P. 13–21.

20. Разработка методики оценки логистического потенциала региона / Т. Г. Зорина [и др.] // Труд, профсоюзы, общество. — 2015. — № 1. — С. 27–29.

Development of the Methodology of Estimation of Logistic Potential of a Region / T. G. Zorina [et al.] // Labor, trade unions, society. — 2015. — № 1. — P. 27–29.

21. Концепция развития логистической системы Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Совет Министров Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.government.by/ru/solutions/3083>. — Дата доступа: 03.12.2018.

Статья поступила в редакцию 09.11.2018 г.

УДК 336.22

**E. Kireeva
D. Egunov**
BSEU (Minsk)

CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ESTIMATION OF QUALITY OF THE STATE TAX SERVICES

The article is devoted to the study of issues concerning the use of digital technologies in the field of tax administration. It has been determined that the management activities of tax authorities are shifting towards the use of Internet technologies. The main mechanisms of tax administration in the field of reducing illegal tax transactions, tax base erosion and preventing tax fraud are analyzed.

The article outlines the strategic goals of tax authorities in terms of the implementation of electronic services. Conclusions on the improvement of tax administration on the basis of its digitalization have been made. The ways to reduce the costs of tax control and increase taxpayers' satisfaction with tax services have been highlighted.

Keywords: tax administration; digital technologies; tax service; digitalization of tax processes; public tax services.

Е. Ф. Киреева
доктор экономических наук, профессор
Д. И. Егунов
БГЭУ (Минск)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕМ

В статье исследуются вопросы применения цифровых технологий в сфере налогового администрирования. Определено, что управленческая деятельность налоговых органов смещается

в сторону использования интернет-технологий. Проанализированы основные механизмы налогового администрирования в сфере сокращения незаконных налоговых операций, размывания налоговой базы и предотвращения налогового мошенничества.

В статье обозначены стратегические цели налоговых органов в части внедрения электронных сервисов. Сделаны выводы о совершенствовании налогового администрирования на основе его цифровизации. Выделены направления, сокращающие расходы на проведение налогового контроля, повышающие удовлетворенность налогоплательщика налоговыми услугами.

Ключевые слова: налоговое администрирование; цифровые технологии; налоговый сервис; цифровизация налоговых процессов; налоговые услуги.

Цифровые технологии быстро преобразовывают отношения между налоговыми органами и налогоплательщиками. Мировая практика свидетельствует, что в результате перехода к системе представления налоговых услуг с использованием интернет-технологий значительно улучшается качество налогового администрирования.

Это в свою очередь приводит к изменению содержания и перечня услуг, оказываемых государством, а также процесса их оказания.

В настоящее время определенные технологические тенденции, включая большие данные, искусственный интеллект, Интернет вещей, мобильность и облачные вычисления, оказывают огромное влияние на управление налогообложением. Взятые вместе или по отдельности, эти тенденции способны повысить удовлетворенность налогоплательщиков, расширить возможности сотрудников налоговых органов, оптимизировать операции и модернизировать услуги [1].

С помощью цифровой трансформации налоговые органы начинают превращать получаемые по цифровым каналам данные в бизнес-актив, который в перспективе может быть использован в прогностическом моделировании и анализе макроэкономических тенденций и изменений налоговой политики. Информация о налоговом поведении позволяет упрощать соблюдение налоговых требований и помочь предотвратить налоговое мошенничество и размывание налоговой базы.

Цифровые технологии также обеспечивают повышение качества оказания услуг налогоплательщикам путем упрощения методов оплаты налоговых обязательств и предоставления налоговой отчетности, получения легкого доступа к информации по выполнению налогового законодательства. Для налоговых администраций в свою очередь цифровизация позволяет сократить время работы, снизить затраты, улучшить методы управления рисками и эффективность налогового контроля в целях обеспечения национального налогового суверенитета.

Степень разработанности проблемы. Значительная часть теоретических исследований, посвященных аспектам трансформации экономических отношений в условиях цифровизации, рассматривались в трудах Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, Э. Мэнсфилд, Р. Нельсон, Р. Райх, Д. Тапскотт, Ф. Уэбстер и др.

В современной экономической литературе проблемы управления налогообложением и оценки эффективности деятельности налоговых органов рассматривались М.К. Аристарховой, М.В. Васильевой, Е.С. Вылковой, Л.И. Гончаренко, Д.В. Крыловым, И.А. Лукьяновой, В.Г. Пансковым, М.Р. Пинской, Е.Е. Смирновым, Е.С. Филиппович и др.

Несмотря на интерес к указанной проблеме, специфика управления налогообложением в условиях быстро растущей цифровой экономики, ориентированной на улучшение качества налогового администрирования, не нашли должного отражения ни в отечественной научной литературе, ни в практике функционирования налоговых органов в Республике Беларусь. Необходимость цифровой трансформации налоговой деятельности на современном этапе экономического развития определяет актуальность представленной в статье проблемы.

Цифровой век стремительно трансформирует отношения между налоговыми органами и налогоплательщиками. Стремясь к увеличению доходов, повышению эффектив-

ности и соблюдению нормативных требований в условиях сокращения ресурсов, налоговые органы все больше полагаются на сбор и анализ цифровых налоговых данных с использованием цифровых платформ для облегчения сбора и оценки данных налогоплательщиков в режиме реального времени или почти в режиме реального времени.

Появление новых технологий, активное представление информации в цифровом виде порождают фундаментальные и быстрые изменения в управлении социальными и экономическими процессами. Это заставляет фискальные органы пересмотреть вопрос о том, как лучше организовать работу в рамках управления налогообложением. И как следствие, рассматривать позиции и роли налогового администрирования в более широком аспекте, в том числе и как регулятор по сокращению административных расходов, повышению уровня добровольного соблюдения налогового законодательства и снижения нагрузки, возникающей в результате уплаты налогов, что помогает стимулировать экономический рост и привлечь инвестиции.

Последнее десятилетие отмечено существенным прогрессом в разработке, предоставлении и использовании цифровых технологий в управлении налогообложением. На порядке предоставления налоговых услуг благоприятно сказываются происходящие достижения в ИТ-сфере. Основными нерешенными вопросами по-прежнему остаются вопросы инертности государственного аппарата, вовлечение налогоплательщиков на цифровые платформы, защищенность предоставляемой информации.

Цифровая трансформация может помочь налоговым администрациям в следующих основных областях [2, с. 137]:

♦ *Сокращение незаконных налоговых операций, размывание налоговой базы и предотвращение налогового мошенничества.* Несмотря на ряд предпринятых мер по уменьшению теневой экономики, налоговый разрыв остается большой проблемой для многих стран. По последним оценкам международных экспертов развивающиеся страны теряют около 1 трлн дол. в год на незаконных финансовых потоках. Уменьшение налогового разрыва зависит главным образом от состояния экономики и способности налоговых органов заставить налогоплательщиков добровольно платить налоги. Участие налогоплательщиков в этом процессе может быть значительно расширено благодаря мероприятиям по улучшению качества налогового администрирования на современной цифровой платформе. Создание системы персонализированного, простого, интуитивно понятного взаимодействия субъектов налоговых отношений в режиме онлайн и офлайн обеспечивает налоговым администрациям полное представление о налогоплательщиках и их потребностях, помогая им настраивать электронные услуги и открытые многоканальные коммуникации. Внедрение новых цифровых технологий производит эффект снижения недобросовестной конкуренции со стороны компаний, не уплачивающих налоги, уменьшения налоговой неопределенности и налоговой нагрузки.

В качестве важного инструмента в борьбе с налоговыми уклонениями активно продвигается автоматический обмен финансовой информацией между налоговыми администрациями. Автоматические обмены информацией увеличивают совместное пользование информацией между налоговыми органами, используя современный технический прогресс. Благодаря международной кооперации между ними используется возможность применения единого международного стандарта цифровой идентификации и аутентификации — Common Reporting Standard (CRS). Новый стандарт был разработан ОЭСР в 2014 г. и сегодня реализуется 100 странами [3].

Финансовые институты берут на себя обязательства сообщать информацию обо всех держателях счетов местной налоговой администрации, которая автоматически на регулярной основе отправляет отчет налоговой инспекции той страны, налоговым резидентом которой является каждый держатель счета.

Отчитывающиеся финансовые институты включают в себя банки, финансовые организации, брокерские фирмы, компании по коллективному инвестированию, страховые

и пенсионные фонды, трастовые компании. Таким образом, налоговое администрирование на базе цифровых возможностей приобретает глобальный характер.

♦ *Упрощение взаимоотношений налоговых органов с налогоплательщиками, организация клиентоориентированного налогового сервиса.* Своевременное и эффективное предоставление налоговых услуг, основанных на добровольном соблюдении законодательства, является важной частью налогового администрирования. Функция оказания услуг налогоплательщикам заключается в активном и оперативном предоставлении качественных налоговых услуг.

В течение последних двух десятилетий многие налоговые администрации перешли на принципы организации налогового администрирования на основе клиентоориентированного налогового сервиса [4]. Этот подход, ориентированный на клиента, помогает улучшить доступ налогоплательщиков к достаточной информационной поддержке, необходимой для выполнения своих налоговых обязательств и разъяснения их прав [5, с. 55]. Ориентированные на налогоплательщика бизнес-модели, поддерживаемые цифровизацией налоговых процессов, позволяют разработать более индивидуальные подходы к каждому субъекту, а также переосмыслить то, как соблюдение налоговых требований может осуществляться при минимальных затратах и наименьшем участии налоговых органов.

Международное сообщество налоговых администраций обозначило стратегические цели налоговых органов в части внедрения электронных сервисов, включая системы электронного декларирования. Они предусматривают:

- индивидуальный подход к различным группам налогоплательщиков на базе применения разных технологий;
- формирование налогового сервиса (налогоплательщик — потребитель услуг);
- конструктивное взаимодействие с представителями налогоплательщиков и посредниками в оказании налоговых услуг: налоговые консультанты, отраслевые ассоциации и др.;
- разработку социальных критериев и стандартов обслуживания;
- анализ качества налогового процесса и мониторинг на регулярной основе уровня удовлетворения в обслуживании налогоплательщиков;
- открытый доступ к результатам выполнения стратегии и общественный контроль.

Цифровизация налоговых процессов предоставляет налоговым администрациям ряд новых перспективных возможностей для использования «умных устройств» и источников данных. Это позволяет значительно повысить эффективность проверки предоставляемых налогоплательщиком данных на начальном этапе, обеспечить прозрачность налоговой системы в целом.

Несмотря на первоначально медленное использование цифровых устройств, на сегодняшний день налоговые органы работают над повышением использования веб- и цифровых услуг, которые они предоставляют. В мировой практике можно выделить тенденцию расширения спектра веб-сервисов, включая возможность регистрации, подачи налоговой отчетности и уплаты налоговых платежей в режиме онлайн, а также применение различных инструментов, таких как, например, налоговые калькуляторы налогов и личные кабинеты налогоплательщиков [6, с. 46].

К наиболее перспективным тенденциям в цифровом сегменте обслуживания налогоплательщиков можно отнести варианты организации налогового процесса и определения величины налоговых обязательств без участия налогоплательщиков. Возможность применения контролирующих устройств, фиксирующих экономические сделки, получение, хранение и обработку большого массива информации, интеграция налоговой информации в бухгалтерском программном обеспечении позволяют определить предварительно величину налоговых обязательств. Плательщику остается только выразить согласие с выставленными налогами и оплатить их. Такие подходы расширят возможно-

сти налогового администрирования, предоставят более широкие возможности для анализа сведений об операциях по счетам как юридических, так и физических лиц, что позволит автоматически выстраивать цепочки движения денежных средств и уплаты налоговых платежей. Уже сейчас технологии больших данных позволяют налоговым службам создавать персонализированные услуги. Такие возможности развития «превентивного» налогового администрирования существенно сокращают расходы на проведение налогового контроля, повышают удовлетворенность оказываемыми налоговыми услугами.

Цифровые технологии — это инструмент, позволяющий переосмыслить подходы к современному налоговому администрированию. Их применение уменьшает расходы на выполнение налоговых обязательств как государства, так и налогоплательщика, предотвращает налоговое мошенничество и размывание налоговой базы, позволяет предоставлять новые налоговые услуги в упрощенном режиме и отдаленном доступе, реально оценивать текущее состояние и прогнозировать будущее развитие экономики и общества. Постоянно развивающаяся инфраструктура налоговых технологий приносит значительную пользу налоговым администрациям и налогоплательщикам, гарантирует устойчивые поступления налогов в бюджет, повышает удовлетворенность налогоплательщиков и обеспечивает добросовестное соблюдение налогового законодательства. В развивающихся странах растет необходимость включения большего числа налогоплательщиков в формальную экономику (посредством регистрации), сокращения масштабов уклонения от уплаты налогов и противодействия отмыванию денег. По мере того как повестка дня налоговых администраций становится все более всеобъемлющей, также возникает необходимость инвестировать в технологии для надлежащего и безопасно управления ростом данных налогоплательщиков.

Для достижения этого требуются правильное целостное видение и стратегия развития цифрового налогового администрирования с четким планом реализации и надлежащей системой мониторинга происходящих налоговых процессов.

Источники

1. Forum on tax administration: Taxpayer services sub-group. Survey report. Survey of Trends and Developments in the Use of Electronic Services for Taxpayer Service Delivery March 2010 [Electronic resource] // OECD. — Mode of access: <http://www.oecd.org/tax/administration/45035933.pdf>. — Date of access: 11.09.2018.
2. Tax Administration 2017. Comparative Information on OECD and Other Advanced and Emerging Economies [Electronic resource] // OECD. — Mode of access: <http://www.oecd.org/ctp/tax-administration-23077727.htm>. — Date of access: 11.09.2018.
3. Peitz, M. The Oxford Handbook of the Digital Economy / M. Peitz, J. Waldfogel // Oxford Univ. Press. — 2012.
4. Devereux, M. P. Implications of digitalization for international corporate tax reform / M. P. Devereux, J. Vella // Working Paper. — 2017. — № 17/07.
5. Киреева, Е. Ф. Налоговые услуги в системе мер повышения эффективности государственного управления / Е. Ф. Киреева // Белорус. экон. журн. — 2017. — № 2. — С. 52–62.
6. Kireeva, E. F. Tax Services in the System of Measures to Improve the Efficiency of Public Administration / E. F. Kireeva // Belarusian Econ. Mag. — 2017. — № 2. — P. 52–62.
7. Киреева, Е. Ф. Электронные технологии в налоговой системе Республики Беларусь как основа повышения качества налоговых услуг / Е. Ф. Киреева // Современная налоговая система: состояние, проблемы и перспективы развития : сб. тр. / Уфим. гос. авиац. техн. ун-т. — Уфа, 2017. — С. 45–48.
8. Kireeva, E. F. Electronic Technologies in the Tax System of the Republic of Belarus as a Basis for Improving the Quality of Tax Services / E. F. Kireeva // Modern Tax System: State, Problems and Prospects for Development : coll. of works / Ufa State Aviation Techn. Univ. — Ufa, 2017. — P. 45–48.

Статья поступила в редакцию 19.12.2018 г.

L. Korbut
A. Legkova
BSEU (Minsk)

ASSESSMENT OF TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE FARMING SECTOR IN BELARUS

The article outlines the historical aspects, socio-psychological and organizational and economic prerequisites for the formation of the farming sector. Analyzed in dynamics the main results of the farm management. In the context of diversifying the activities of farmers, proposals for the development of organic agriculture are justified.

Keywords: analysis; diversification; competitiveness; organic products; development; region; rural economy; farming; efficiency.

Л. В. Корбут
кандидат экономических наук, доцент
А. Ю. Легкова
магистр экономических наук
БГЭУ (Минск)

ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ФЕРМЕРСКОГО СЕКТОРА БЕЛАРУСИ

В статье изложены исторические аспекты, социально-психологические и организационно-экономические предпосылки формирования фермерского сектора. Проанализированы в динамике основные результаты фермерского хозяйствования. В контексте диверсификации деятельности фермеров обоснованы предложения по развитию органического сельского хозяйства.

Ключевые слова: анализ; диверсификация; конкурентоспособность; органическая продукция; развитие; регион; сельская экономика; фермерское хозяйство; эффективность.

В современных условиях хозяйствования крестьянские (фермерские) хозяйства являются одной из доминирующих по численности организационно-правовых форм коммерческих организаций в аграрном секторе страны. В Беларуси первые фермерские хозяйства появились во второй половине 1989 г. По состоянию на 01.01.1990 г. их было зарегистрировано 35 (7 — в Гродненской, 16 — в Витебской и 12 — в Гомельской областях) [1]. При этом организаторов крестьянских хозяйств нового типа стали официально называть фермерами только после принятия в 1991 г. Закона БССР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

К системообразующим факторам создания и развития крестьянских (фермерских) хозяйств можно отнести организационно-экономические и социально-психологические факторы. Так как именно они в большей степени обеспечивают успешность создания и функционирования фермерских хозяйств.

Крестьянские (фермерские) хозяйства являются привлекательным объектом для исследования социально-психологических факторов экономического развития, поскольку именно они представляют собой основное поле реализации амбиций и устремлений людей. В самом деле, именно в семье человек уважаем и любим, считает, что его амбиции, в том числе и экономические, реализованы. С другой стороны, ясно, что самореализация индивидов должна осуществляться в процессе их основной профессиональной деятельности. Именно управление хозяйством для фермеров и является тем необходимым или одним из способов реализации своих идей [2, с. 204].

Наблюдения доказывают, что успешное функционирование фермерских хозяйств возможно только при обязательном наличии особых личностных качеств. Известно, что еще в начале прошлого века Н.П. Макаровым сформулировано 10 основных качеств, которыми должен обладать человек, ведущий фермерское хозяйство:

- здоровье, сила и привычка к систематическим работам в любое время года;
- способность предвидеть, какие части хозяйства нужно непрерывно улучшать;
- умение разбираться, что существенно и несущественно;
- оценивать, чем лучше заниматься в настоящее время и что отложить для выполнения во вторую очередь;
- знание растениеводства, животноводства, почв и погоды;
- самоконтроль, необходимый для хладнокровных действий в любых обстоятельствах, способность управлять работой людей;
- отдавать и самому воспринимать распоряжения и пояснения;
- сотрудничать с соседями;
- привычка к систематическому выполнению составленного для себя плана [3].

Очевидно, что эти характеристики не потеряли своей актуальности и для современного фермера. Конечно, некоего идеального типа личности фермера не существует, как, впрочем, и любой другой. Тем не менее современный фермер должен обладать, наряду с перечисленными выше, следующими качествами, характеристиками:

- законопослушностью;
- предпринимательской активностью, а также наличием предпринимательской жилки;
- уважительным отношением к партнерам, а также к нанимаемым работникам;
- инновационным мышлением;
- стратегическим видением;
- готовностью к риску.

Последняя характеристика является важной, хотя эффективно хозяйствовать может как фермер, склонный к риску, так и не готовый рисковать.

По сути, выявить какие-либо общие характеристики белорусского фермера очень сложно. Однако чаще всего это креативные, трудоспособные, энергичные, образованные мужчины среднего возраста, большинство из них имеют семьи, состоящие из 4-х человек.

В целом за исследуемый период (1991–2018 гг.) в Беларуси было создано более 7000 фермерских хозяйств, около двух трети из них прекратили свое существование. Причины, сдерживающие развитие фермерских хозяйств:

- высокие цены на технические ресурсы;
- низкие закупочные цены на сельхозпродукцию;
- высокие цены на минеральные удобрения;
- высокие процентные ставки;
- высокие цены на энергетические ресурсы;
- задержки в расчетах за продукцию;
- сложности, связанные с наймом работников нужной квалификации;
- высокий уровень налогов;
- недостаточный размер площади сельхозугодий;
- трудности, связанные с выполнением работ агросервисными предприятиями;
- трудности кооперирования [4].

Общая земельная площадь, закрепленная за крестьянскими (фермерскими) хозяйствами Беларуси, увеличилась многократно с 15,6 тыс. га в 1991 г. до 206,7 тыс. га в 2018 г., в том числе 180,1 тыс. га сельхозугодий, из которых 128,4 тыс. га пашни. На одно фермерское хозяйство приходится в среднем около 78 га земли, в том числе сельскохозяйственных угодий — 67,9 га, пашни — 48,4 га. По состоянию на 01.01.2018 г. коли-

чество фермерских хозяйств Беларуси и размеры их землепользования в целом по республике и в региональном разрезе определяются следующими показателями (табл. 1).

Таблица 1. Количество фермерских хозяйств и размеры их землепользования по состоянию на 01.01.2018 г.

Область	Количество К(Ф)Х	%	Площадь сельскохозяйственных угодий		Площадь пашни	
			тыс. га	%	тыс. га	%
Брестская	682	21,5	27,2	15,1	16,9	13,2
Витебская	374	11,8	24,4	13,5	16,8	13,1
Гомельская	480	15,2	27,4	15,3	18,5	14,4
Гродненская	409	12,9	22,5	12,5	17,4	13,5
Минская	828	26,2	42,2	23,4	31,4	24,5
Могилевская	395	12,4	36,4	20,2	27,4	21,3
Республика Беларусь	3168	100,0	180,1	100,0	122,4	100,0

Источники: составлено авторами на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Исследования показывают, что распределение фермерских хозяйств по количеству и площади землепользования в разрезе Беларуси имеет существенные различия. Лидирующие позиции по количеству фермерских хозяйств занимают Минская и Брестская области, где размещено 26,2 и 21,5 % общего количества фермерских хозяйств соответственно. По площади сельскохозяйственных угодий и по площади пашни в 2018 г. первенство принадлежало Минской области (42,2 и 31,4 % соответственно).

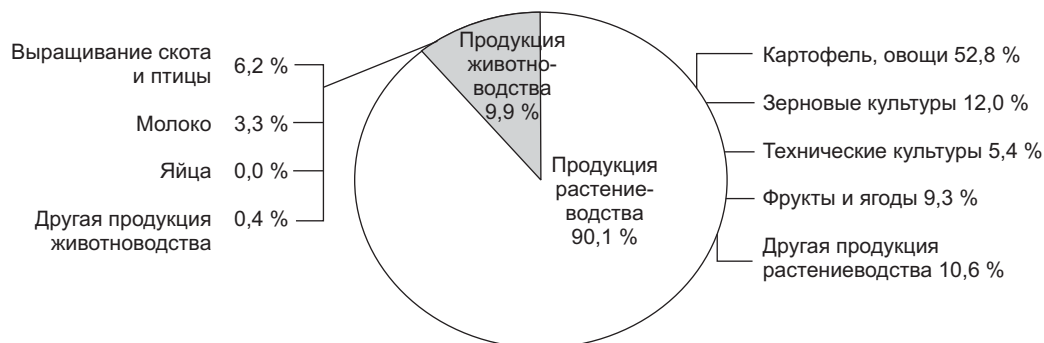
Показатели, характеризующие динамику уровня концентрации, представлены в табл. 2.

Таблица 2. Концентрация фермерских хозяйств в региональном разрезе по состоянию на 01.01.2018 г.

Область	Количество ФХ на 1 с/х организацию		Количество ФХ на 1000 среднесписочных работников в с/х организациях	
	1995 г.	2018 г.	1995 г.	2018 г.
Брестская	0,7	2,6	1,8	11,6
Витебская	1,4	1,7	6,4	8,9
Гомельская	1,0	2,2	3,7	10,3
Гродненская	1,1	3,0	2,7	7,9
Минская	1,3	2,3	3,9	11,9
Могилевская	1,4	2,4	5,3	11,3
Республика Беларусь	1,2	2,3	3,8	10,4

Источники: составлено авторами на основе данных Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь.

Основным направлением производственной деятельности фермерских хозяйств является растениеводство, на долю которого приходится более 90 % от всей производимой ими продукции (см. рисунок).

Структура производственной деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств Беларуси в 2017 г.

Источник: разработано авторами на основе данных Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь.

Фермерскими хозяйствами в 2017 г. выращено зерна — 166,6 тыс. т, картофеля — 387,0 тыс. т, овощей — 365,9 тыс. т, плодов и ягод — 49,5 тыс. т, что составило соответственно 110,1, 111,5, 105,5 и 114,3 % к 2016 г.

На 1 января 2018 г. в фермерских хозяйствах содержалось крупного рогатого скота — 13,3 тыс. голов, свиней — 23,1 тыс. голов, овец и коз — 18,4 тыс. голов, птицы всех видов — 162,3 тыс. голов, или 106,2, 93,1, 104,0 и 136,3 % к предыдущему году.

Удельный вес производства основных видов сельхозпродукции, производимой в крестьянских (фермерских) хозяйствах в целом по республике, составляет более 2 %, в том числе 0,2 % — молока, 0,03 % — яиц, 2 % — зерна, 6,0 % — картофеля, 18,7 % — овощей.

На республиканском и местном уровнях проводится работа по вовлечению в хозяйственный оборот неиспользуемого и неэффективно используемого имущества всех форм собственности. В 2017 г. фермерским хозяйствам продано и передано в аренду 74 объектов недвижимого имущества.

Следует отметить, что в каждой области республики созданы общественные объединения фермеров. Все они сотрудничают с Белорусским общественным объединением фермеров (БООФ), работа которого основывается на индивидуальном членстве глав фермерских хозяйств. Безусловно, не все фермеры являются участниками БООФ. Это наиболее инициативные фермеры, которые способны аккумулировать идеи, работать в интересах всех фермеров Республики Беларусь.

Одной из актуальных проблем для Беларуси уже на протяжении многих лет остается проблема эффективного функционирования малых форм хозяйствования в сельской местности. Во многом ее можно решить в рамках диверсификации сельской экономики. В экономическом понимании диверсификация представляет собой расширение как сферы производства, так и видов деятельности, осуществляемое для достижения положительных эффектов, повышения управляемости, снижения рисков.

Принято различать связанную и несвязанную диверсификацию. Применительно к аграрной экономике первая представляет собой:

- активизацию сельскохозяйственного производства сельхозпредприятия за счет изменения его роли в технологической цепи товародвижения, сопровождающегося увеличением добавленной стоимости получаемой продукции;
- расширение сферы деятельности хозяйства, подразумевающее дополнение существующих направлений предпринимательской активности новыми, как правило, близкими основным (такими, как выпуск новых видов сельскохозяйственной продукции).

Несвязанная диверсификация аграрного предприятия подразумевает использование современных технологий и (или) обеспечение новых потребностей рынка в процессе переноса деятельности в область, напрямую не связанную с основной [5].

Особую актуальность в контексте перспектив развития фермерских хозяйств Беларуси приобретает переход части последних на органическое производство. Это позволит уже в ближайшие годы сформировать новый для нашей страны рынок органической продукции растениеводства и животноводства. У населения появится возможность повысить качество жизни посредством употребления органических продуктов. Немаловажным представляется и сохранение экологического равновесия.

Органическое сельское хозяйство — это форма ведения сельского хозяйства, в рамках которой происходит сознательная минимизация использования синтетических удобрений, пестицидов, регуляторов роста растений, кормовых добавок, генетически модифицированных организмов. Органическое производство базируется на следующих основных принципах: охраны здоровья, сохранения окружающей среды, справедливости и заботы [6]. 9 ноября 2018 г. Глава Государства подписал Закон Республики Беларусь № 144-З «О производстве и обращении органической продукции». Согласно документу, под органической продукцией понимаются продукты растительного, животного и микробиологического происхождения, предназначенные для употребления человеком в пищу или использования в качестве корма для животных, продовольственное сырье, предназначенное для производства пищевых продуктов, семена, полученные в результате производства органической продукции. В понятие «обращение органической продукции» входят хранение, транспортировка и реализация органической продукции. Установлено, что органическая продукция должна быть отделена от неорганической на всех этапах ее производства.

При органическом земледелии важную роль играют севообороты с интенсивным насыщением их промежуточными культурами, рациональное использование растительных отходов, навоза, компостов, зеленого удобрения, применение механических культуриваний, защита растений биологическими методами [7, с. 64].

В настоящее время увеличивающаяся экологическая нагрузка на биосферу за счет химизации, возникновение проблем в отношении качества продовольствия и потребность рынка в экологически чистой продукции, возрастающее внимание к проблемам окружающей среды способствуют развитию в Беларуси органического земледелия как наиболее обоснованного ресурсосберегающего варианта устойчивого земледелия и производства экологически чистого продовольствия [8, с. 69].

Изучив опыт ведения экологического сельского хозяйства в зарубежных странах, в том числе в России, следует выделить общие мотивы заинтересованности хозяйств в переходе на альтернативное производство:

- экономический эффект органического сельского хозяйства заключается в снижении затрат на покупку минеральных удобрений и средств защиты растений; минимизации затрат на воду; повышении дохода, выходе на новые рынки сбыта продукции;
- социальный эффект использования органической технологии состоит в получении качественной экологически чистой продукции, которая по своим органолептическим свойствам будет в разы отличаться от той, которая выращивается с применением минеральных удобрений и средств защиты растений;
- составляющие экологического эффекта органического производства — это сохранение и улучшение качества почв; уменьшение рисков развития водной и ветровой эрозии почв, предотвращение загрязнения открытых водоемов, озер и рек.

В Республике Беларусь органическое земледелие появилось сравнительно недавно. Еще в 2011 г. не было сертифицировано ни одного хозяйства. По состоянию на 01.01.2018 г. в Республике Беларусь успешно работало более 20 органических производителей. В 2012 г. 100 га белорусских земель получили статус органических или нахо-

дились в переходном периоде, а в 2018 г. таких земель стало 1560 га. По состоянию на 01.01.2018 г. на одно хозяйство в среднем приходится около 70 га органических земель.

Обобщая изложенное, отметим, что развитие фермерского сектора Беларуси имеет сложный генезис. Его диверсификация обусловлена особенностями природно-климатического, общественно-политического и социально-экономического характера. Органическое сельское хозяйство является одним из перспективных направлений связанной диверсификации сельской экономики. В настоящее время фермерское хозяйствование продолжает динамично развиваться. Деятельность фермеров положительно влияет на экономику сельского хозяйства и на сельское развитие.

Источники

1. Сакович, В. С. Фермерские хозяйства Беларуси (1990–1995 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. С. Сакович. — Минск, 1997. — 133 л.

Sakovich, V. S. Farmers of Belarus (1990–1995) : diss. ... candidate of hist. sciences : 07.00.02 / V. S. Sakovich. — Minsk, 1997. — 133 p.

2. Легкова, А. Ю. О факторах создания и развития крестьянских (фермерских) хозяйств / А. Ю. Легкова // Сборник научных статей по материалам XV Международной студенческой научной конференции, Гродно, 15 мая 2014 г. / Гроднен. гос. аграр. ун-т. — Гродно, 2014. — С. 204–205.

Legkova, A. Yu. On the factors of creation and development of peasant (farmer) farms / A. Yu. Legkova // Collection of scientific articles on the materials of the XV International student scientific conference, Grodno, 15 May 2014 / Grodno State Agrarian Univ. — Grodno, 2014. — P. 204–205.

3. Корбут, Л. В. Механизм повышения эффективности функционирования крестьянских (фермерских) хозяйств / Л. В. Корбут. — Минск : Белорус. дом печати, 2012. — 196 с.

Korbut, L. V. The mechanism of increasing the efficiency of functioning of peasant (farmer) farms / L. V. Korbut. — Minsk : Belarusian Printing House, 2012. — 196 p.

4. Корбут, Л. В. Организационно-экономические основы деятельности фермерских хозяйств : науч.-практ. пособие / Л. В. Корбут. — Минск : Белорус. дом печати, 2012. — 80 с.

Korbut, L. V. Organizational and economic bases of activity of farms : sci. and practical guide / L. V. Korbut. — Minsk : Belarusian Printing House, 2012. — 80 p.

5. Соболев, К. Несвязанная диверсификация как направление ревитализации сельской экономики / К. Соболев // Аграр. экономика. — 2015. — № 11. — С. 11–17.

Sobol, K. Unrelated diversification as a direction of revitalization of the rural economy / K. Sobol // Agrarian economy. — 2015. — № 11. — P. 11–17.

6. Корбут, Л. О производстве органической продукции в фермерских хозяйствах Беларуси / Л. Корбут // Аграр. экономика. — 2009. — № 6. — С. 61–64.

Korbut, L. On the production of organic products in Belarusian farms / L. Korbut // Agrarian economy. — 2009. — № 6. — P. 61–64.

7. Переход от традиционного к биоорганическому земледелию в Республике Беларусь : метод. рекомендации / К. И. Довбан [и др.] ; под общ. ред. К. И. Довбана. — Минск : Беларус. навука, 2015. — 89 с.

Transition from traditional to bio-organic farming in the Republic of Belarus : methodical recommendations / K. I. Dovban [et al.] ; under total editorship of K. I. Dovban. — Minsk : Belarusian science, 2015. — 89 p.

8. Гуринович, Т. А. Обоснование экономической эффективности перехода предприятия на органическое производство (на примере К(Ф)Х «ВИДЕЯ» Новогрудского района) / Т. А. Гуринович // Национальная и региональная экономика: проблемы и перспективы : сб. науч. ст. молодых ученых II заоч. конф. / ООО «Лаборатория интеллекта» и Центр молодежных инноваций. — Минск : Энциклопедист 2015. — С. 67–71.

Gurinovich, T. A. Justification of the economic efficiency of the transition of the enterprise to organic production (for example, K (F) X «VIDEO» Novogrudsky district) / T. A. Gurinovich // National and regional economy: problems and prospects : coll. of sci. art. of young scientists II correspondence conf. / Intelligence Lab LLC and Youth Innovation Center. — Minsk : Encyclopedist, 2015. — P. 67–71.

9. Шпак, А. П. Концепция развития органического сельского хозяйства в Республике Беларусь / А. П. Шпак, Ю. Н. Селюков, Л. С. Скоропанова. — Минск : Ин-т систем. исслед. в АПК НАН Беларуси, 2015. — 23 с.

Shpak, A. P. The concept of development of organic agriculture in the Republic of Belarus / A. P. Shpak, Yu. N. Selyukov, L. S. Skoropanova. — Minsk : Inst. of System Studies in the Agroindustrial Complex of the Nat. Acad. of Sciences of Belarus, 2015. — 23 p.

10. Легкова, А. Ю. Фермерство — приоритет развития агропромышленного бизнеса / А. Ю. Легкова // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2018. — С. 249–250.

Legkova, A. Yu. Farming is the priority of the development of the agro-industrial business / A. Yu. Legkova // Economic growth of the Republic of Belarus: globalization, innovation, sustainability : materials of the XI Intern. sci. and practical conf., Minsk, 17 May 2018 / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2018. — P. 249–250.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018 г.

УДК 338.4:001.895:005.52

T. Korzun
BSEU (Minsk)

SECTORAL INNOVATION SYSTEM AND DIAMOND MODEL AS THE THEORETICAL BASIS OF INDUSTRY ECONOMIC ANALYSIS

The article describes a comparative analysis of sectoral innovation system and Diamond Model as the theoretical basis of the economic analysis of the industry and distinguishes the strengths and weaknesses of each model. Recommendations about the using of the models are given in order to achieve certain research results.

Keywords: economic analysis; industry analysis; diamond model; sectoral innovation system; industry boundaries; competitiveness; factor condition; demand condition.

Т. С. Корзун
БГЭУ (Минск)

МОДЕЛИ ОТРАСЛЕВОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ И «НАЦИОНАЛЬНОГО РОМБА» КАК ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОТРАСЛИ

В статье представлен сравнительный анализ моделей отраслевой инновационной системы и «национального ромба» как теоретических основ проведения экономического анализа отрасли, выделены сильные и слабые стороны каждой из моделей. Приведены рекомендации по использованию моделей для достижения определенных результатов исследования.

Ключевые слова: экономический анализ; анализ отрасли; модель «национального ромба»; отраслевая инновационная система; границы отрасли; конкурентоспособность; факторные условия; условия спроса.

Экономический анализ как научный способ познания сущности экономических явлений и процессов является важным этапом не только научных исследований, но и процесса подготовки информации для принятия оптимальных управленческих решений

на разных уровнях. Он применяется с целью выявления закономерностей и тенденций развития экономических процессов, потенциальных возможностей роста, установления и оценки влияющих факторов. Результаты экономического анализа используют для прогнозирования и перспективного планирования экономических процессов, а также для разработки программ развития.

Возникновение экономического анализа в XIX в. было обусловлено развитием наук об управлении и учете и связано с аналитическим разложением счетов бухгалтерского учета, т.е. зарождение произошло на микроуровне. Появление в 1936 г. труда Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» положило начало развитию макроэкономики, а вслед за ней и экономического анализа на макроуровне. Необходимость аналитических исследований на отраслевом уровне была осознана гораздо позже и связана с появлением системы национальных счетов в 50-х гг. XX в. Экономический анализ на отраслевом уровне стал важным связующим звеном в цепочке «анализ хозяйственной деятельности предприятия — анализ эффективности функционирования национальной экономики» и открыл возможности для выявления закономерностей, характерных для предприятий одной отрасли, а также особенностей развития отдельных отраслей. Проведение экономического анализа в отраслевом разрезе позволяет:

- выявить доминирующие в отрасли экономические характеристики;
- определить движущие силы развития отрасли.

Теоретическую базу экономического анализа отрасли составляют системный подход и комплексное изучение хозяйственной деятельности всех ее элементов. Системность в отраслевом экономическом анализе обуславливается тем, что хозяйственные процессы рассматриваются как многообразные, внутренне сложные единства, состоящие из взаимосвязанных элементов. В ходе экономического анализа выявляются и изучаются связи между элементами, устанавливается, каким образом эти связи в результате взаимодействия приводят к единству изучаемого процесса, обеспечивая уникальность и целостность отрасли.

Для проведения комплексного экономического анализа отрасли крайне важным является определение системы показателей и критериев для измерения и оценки ее элементов. От точности и адекватности показателей во многом зависит качество результатов анализа.

В настоящее время различными экономическими школами разработаны различные методологические подходы к анализу отраслей. Каждый из подходов, выделяя предметом анализа определенный аспект развития отрасли, имеет свои достоинства и недостатки, что позволяет исследователям выбрать наиболее подходящий набор показателей и факторов для достижения определенных целей.

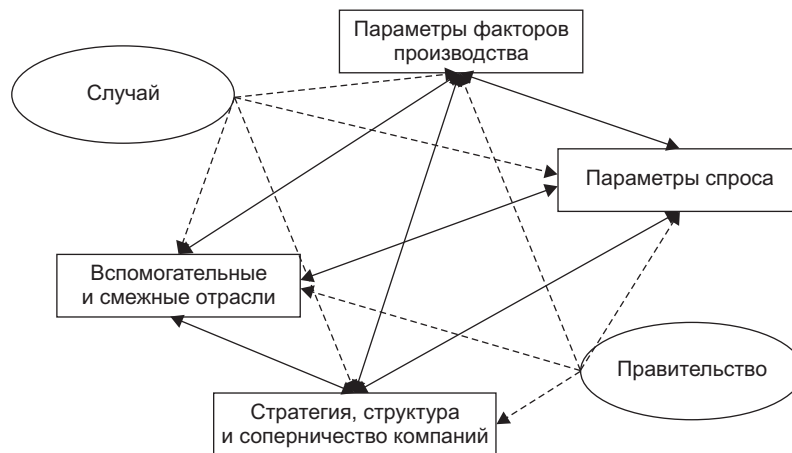
В 1990 г. Майкл Портер систематизировал обширные эмпирические исследования национальных экономик и отраслей различных стран и сформулировал теперь уже широко известную модель «национального ромба» [1], представленную на рисунке, которую можно считать продолжением его модели пяти конкурентных сил.

Главная цель этой модели — объяснить влияние национальных условий на глобальную конкурентоспособность отраслей.

Как показано на рисунке, модель «национального ромба» состоит из четырех основных взаимодействующих элементов (детерминант):

- параметры факторов производства (факторные условия);
- параметры спроса (условия внутреннего спроса);
- стратегия, структура и соперничество компаний;
- вспомогательные и смежные отрасли.

Модель также включает две внешние переменные (случай и правительство), которые оказывают влияние на четыре основные.

Модель «национального ромба» М. Портера

Источники: разработано автором на основе [2].

В данной модели человеческие ресурсы, сырье, знания, капитал и инфраструктура включаются в факторные условия. Качество и дефицит этих факторов важнее, чем доступность и стоимость, потому что легкий доступ и неограниченное количество фактора приводят, по мнению автора, к своеобразной «неэффективности» его использования. Более того, если другие три детерминанты находятся в благоприятном для отрасли положении, то и конкуренция в отрасли будет выше.

Выделяя одной из детерминант параметры спроса, М. Портер подчеркивает важную роль внутреннего спроса как источника первоначального развития отрасли и как фактора, наиболее оперативно указывающего на происходящие перемены. Однако в условиях цифровизации экономики, географическая (национальная) принадлежность спроса утрачивает свою значимость.

Вспомогательные и смежные отрасли взаимодействуют как горизонтально, так и вертикально с отраслью, которая является объектом анализа. Автор подчеркивает, что эмпирические данные свидетельствуют о том, что невозможно найти отдельную успешную отрасль без хорошо развитых вспомогательных и смежных отраслей. Оценка межотраслевого сотрудничества является одной из сильных сторон модели «национального ромба».

Стратегия, структура и соперничество компаний играют немаловажную роль в обеспечении конкурентных преимуществ отдельных фирм и отрасли в целом. Если конкурентная среда или соперничество между фирмами отсутствуют, то стимулы к развитию снижаются. Портер также включает в анализ некоторые неэкономические факторы (например, традиции и ценности, которые влияют на мотивацию организации для вхождения в отрасль) и влияние территориальной близости.

Случайные события — это события, которые трудно контролировать организациям-производителям: например, изобретения, «прорывы в технологиях», войны, резкие изменения цен на ресурсы, значительные изменения на мировых финансовых рынках или колебания валютных курсов, всплески мирового или национального спроса, политические решения правительств, войны и другие непредвиденные обстоятельства.

Политика правительства, как и случайные события, является косвенным фактором и выполняет роль катализатора развития отрасли. Она может как усиливать, так ослаблять позиции национальных производителей на мировых рынках.

Таким образом, модель «национального ромба» М. Портера предлагает набор показателей для проведения экономического анализа отрасли и оценки ее конкурентоспособности как внутри страны, так и в мировом масштабе. Кроме того, она позволяет выявить слабые стороны отрасли и определить возможные пути преодоления трудностей.

Переходя к анализу модели отраслевой инновационной системы, следует отметить, ее возникновение обусловлено выделением «базы знаний» в качестве основного фактора, определяющего неравномерность развития отраслей. Модель была сформулирована итальянскими учеными Ф. Малерба и С. Бреши в 1997 г. и в дальнейшем была доработана и уточнена Ф. Малерба. Эта модель базируется на теоретических основах эволюционной экономики и концепции инновационных систем.

Как теоретическая основа экономического анализа, модель отраслевой инновационной системы позволяет оценить структуру и границы отрасли, характер взаимодействия предприятий, процессы создания и обмена знаниями, характерными для отрасли, и факторы, определяющие дифференциацию развития отдельных организаций и отраслей в целом. Согласно Ф. Малерба отрасль представляет собой совокупность видов деятельности, связанных между собой общностью используемых знаний и производимых товаров [3].

Предприятия отрасли могут быть неоднородными по организационному признаку, но они характеризуются аналогичными производственными процессами, используют схожие базы знаний, встроены в одну институциональную среду, имеют общие поведенческие и организационные черты и разрабатывают одинаковые модели обучения и формы организации. Отрасли отличаются базой знаний, субъектами инновационных процессов, экономической и институциональной средой.

Знания не распространяются свободно и автоматически между организациями, а поглощаются за счет абсорбционной способности и накапливаются в процессе функционирования. Знания в различных отраслях отличаются и могут иметь различные степени доступности. Источниками знаний выступают как субъекты отрасли, так и субъекты внешней среды по отношению к ней (правительство, другие отрасли, потребители). В процессе передачи знаний важно обеспечить необходимую юридическую защиту прав интеллектуальной собственности и соблюдение интересов всех заинтересованных сторон.

Субъектами инновационных процессов могут выступать как предприятия (производители, поставщики), так и непроизводственные организации (университеты, финансовые институты, государственные учреждения, отраслевые ассоциации). В рамках отраслевых систем субъекты взаимосвязаны разными рыночными и нерыночными отношениями.

Взаимосвязи субъектов формируются под воздействием институтов, которые определяют нормы, процедуры, правила, законы, стандарты. Они могут быть отраслевые и национальные, формальные и неформальные.

Используя для анализа модель отраслевой инновационной системы, можно «проследить» динамику развития отрасли через такие процессы, как создание и распространение знаний, создание и внедрение инноваций, появление новых участников.

Таким образом, как модель «национального ромба», так и модель отраслевой инновационной системы могут быть теоретической основой для проведения экономического анализа отрасли. Однако представленные модели имеют ряд особенностей и отличий, которые приведены в таблице.

Использование модели отраслевой инновационной системы представляет исследователям следующие возможности:

- описывать процессы обучения и наращивания потенциала отрасли;
- учитывать влияние как инновационного процесса в широком смысле, так и отдельных типов инноваций (например, дополняющих (инкрементальных) инноваций, что особенно важно для развивающихся стран);

Сравнительный анализ теоретических основ моделей отраслевой инновационной системы
и «национального ромба»

Критерий	Модель отраслевой инновационной системы	Модель «национального ромба»
Теоретическое происхождение	Эволюционная экономика и концепция инновационных систем	Неоклассическая экономическая теория и теории менеджмента
Основной вопрос	Каким образом происходит инновационный процесс в отрасли?	Каким образом национальные условия влияют на международную конкурентоспособность отрасли?
Единица анализа	Предприятие/отрасль	Предприятие/кластер/отрасль
Перспектива анализа	Среднесрочная/долгосрочная (в среднесрочной модели учитывается процесс отбора, а наращивание потенциала и процесс адаптации — в долгосрочной)	Среднесрочная/долгосрочная (влияние отдельных факторов оценивается в среднесрочной перспективе, эволюция кластеров занимает 15–20 лет)
Границы отрасли	Определяются общей «базой знаний»	Определяются общей продукцией
Различия между предприятиями	Определяются их возможностью накапливать и наращивать знания со временем	Определяются различиями в стратегиях
Роль государства	Государство выступает активным субъектом, который развивается вместе с другими, но при этом предпринимает попытки предупредить или компенсировать системные сбои	Государство берет на себя роль посредника и, при необходимости, компенсирует «сбои рынка»
Размер и уровень развития национальной экономики	Не имеет значения	Эта модель наиболее применима для больших экономик развитых стран
Влияние неэкономических факторов (социальных и политических)	Учитывает влияние институтов и рыночных механизмов	Учитывает фактор «случайности» и политические действия правительства
Влияние географической близости	Анализируется ее влияние на распространение знаний и обмен ими между различными субъектами	Анализируется, каким образом облегчает распространение информации и влияет на «мотивацию» предприятий (усиливая конкуренцию)
Связи между различными отраслями (внутри страны)	Перемещение (перелив) знаний между различными отраслями	Рассматриваются вспомогательные и смежные отрасли
Влияние торговли	Почти не учитывается	Учитывает факторные условия (импорт оборудования и технологий) и условия спроса (экспорт продукции и услуг), но учитывает влияние иностранных конкурентов на национальные отрасли
Роль иностранных инвестиций	Анализируется с точки зрения передачи знаний	Этот фактор не учитывается должным образом
Место отрасли в глобальной цепочке создания стоимости	Место отрасли в глобальной цепочке создания стоимости определяют отношения в процессе создания и распространения знаний	Акцент этой модели на национальные «вспомогательные и смежные» отрасли приводит к тому, что положению предприятия в глобальной цепочке создания стоимости уделяется недостаточное внимание

Источники: составлено автором на основе [2].

- учитывать институциональные аспекты развития отрасли и их эволюцию;
- учитывать влияние рыночных и неэкономических факторов;

- при отсутствии формализованных данных использовать методы экспертных оценок;
- проводить ретроспективный анализ и выявлять тенденции для определения будущего развития отрасли;
- проводить анализ как в развитых, так и в развивающихся странах, в которых рыночные механизмы могут функционировать не в полной мере;
- оценивать положение отраслей в глобальной цепочке создания стоимости и влияние на отрасль международной деятельности (прямые иностранные инвестиции, экспорт и импорт, зарубежные конкуренты), а также взаимное влияние на отрасль национальных и внешних факторов;
- учитывать взаимодействие между организациями отрасли.

Однако эта модель, делая акцент на внедрении инноваций, упускает из виду эффективность распределения трудовых и финансовых ресурсов, а также не уделяет достаточного внимания анализу производственных процессов и производственных систем.

В свою очередь модель «национального ромба» обладает следующими достоинствами:

- позволяет провести глубокий и всесторонний анализ факторов производства как отдельного предприятия, так и отрасли в целом;
- максимально учитывает национальные условия, в которых функционирует отрасль;
- позволяет оценить роль стратегии отдельной организации в развитии отрасли, а также сделать акцент на анализе продукции отрасли и оценить параметры спроса.

Подводя итог, отметим, что использование моделей «национального ромба» и отраслевой инновационной системы для экономического анализа отраслей позволяет провести комплексное исследование и при этом выделить отдельные ключевые аспекты отраслевого развития. Рассматриваемые модели могут быть использованы в качестве дополнения одна для другой, поскольку модель отраслевой инновационной системы имеет сравнительные преимущества с точки зрения рассмотрения вопросов, связанных с инновациями (интерактивный характер инновационного процесса, повышение компетентности, развитие отношений и институтов), в то время как модель «национального ромба» больше подходит для анализа производственных и сбытовых аспектов отраслевого развития, которые в большей степени носят краткосрочный характер.

Источники

1. Porter, M. E. The Competitive Advantage of Nationsw [Electronic resource] / M. E. Porter // Harvard Business Revie. — Mode of access: http://www.economie.ens.fr/IMG/pdf/porter_1990_-_the_competitive_advantage_of_nations.pdf. — Date of access: 05.12.2018.
2. Mehrizi, M. H. R. Comparative Analysis of Sectoral Innovation System and Diamond Model [Electronic resource] / M. H. R. Mehrizi, M. Pakneiat // Semantic Scholar. — Mode of access: https://pdfs.semanticscholar.org/8b16/7ecc22ab7a84696aea8d35fe12b6a1df28c5.pdf. — Date of access: 05.12.2018.
3. Malerba, F. Sectoral systems of innovation and production [Electronic resource] / F. Malerba // Semantic Scholar. — Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/5fbc/31a3c6c44df33eb245f591f43a3c33b1fb66.pdf>. — Date of access: 05.12.2018.
4. Богдан, Н. И. Инновационные системы: секторальный подход как условие современной промышленной политики / Н. И. Богдан, Т. С. Корзун // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. — 2016. — № 6. — С. 11–19.
- Bohdan, N. I. Innovative systems: sectoral approach as a condition of modern industrial policy / N. I. Bohdan, T. S. Korzun // Bull. of Polotsk State Univ. Iss. D, Econ. and legal sciences. — 2016. — № 6. — P. 11–19.

Статья поступила в редакцию 26.12.2018 г.

I. Korneevets
T. Korneevets
BSEU (Minsk)

SUSTAINABLE HUMAN DEVELOPMENT: CHALLENGES, THREATS, REGULARITIES

The main provisions of the modern paradigm of «sustainable human development» are presented. It is shown that sustainable human development not only generates economic growth, but also determines the fair distribution of its results. There has been significant progress in human development. Presents the dynamics of key indicators of human development in countries and regions of the world. Global challenges and threats that hinder the progress of mankind are revealed.

Keywords: sustainable human development; human potential; justice; sustainability; security; gender equality; human development index; quality of human development; global challenges to sustainable human development.

И. В. Корнеевец
кандидат экономических наук, доцент
Т. Г. Корнеевец
кандидат экономических наук
БГЭУ (Минск)

УСТОЙЧИВОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ВЫЗОВЫ, УГРОЗЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Представлены основные положения современной парадигмы «устойчивого человеческого развития». Показано, что устойчивое человеческое развитие не только генерирует экономический рост, но также определяет справедливое распределение его результатов. Отмечается значительный прогресс в области человеческого развития. Представлена динамика ключевых показателей человеческого развития в странах и регионах мира. Выявлены глобальные вызовы и угрозы, препятствующие обеспечению прогресса человечества.

Ключевые слова: устойчивое человеческое развитие; человеческий потенциал; справедливость; устойчивость; безопасность; гендерное равенство; индекс человеческого развития; качество человеческого развития; глобальные вызовы устойчивому человеческому развитию.

К середине 1990 гг. сформировалась новая целостная система научных взглядов, ориентированная на развитие человека и определяющая его конечные цели и разумные возможности их достижения — парадигма устойчивого человеческого развития. Непрерывно обогащаясь новыми подходами к исследованию всех аспектов развития, она выводит аналитические рассуждения о прогрессе человечества за пределы экономического роста, отводя центральное место в политике и стратегиях стран мирового сообщества обеспечению благополучия человека и качества человеческого развития.

Ключевым положением парадигмы устойчивого человеческого развития выступает расширение всех форм свободного выбора людьми, предоставление им возможности для всемерного развития своих способностей и их реализации в полной мере. Устойчивое человеческое развитие не только генерирует экономический рост, но также определяет справедливое распределение его результатов. Это такой процесс, который предполагает развитие людей и который обусловлен людьми во имя людей, который поддерживается экономически, политически и социально на протяжении многих поколений. Таким образом, в отличие от традиционных моделей человеческого развития в основе данной па-

радикалы лежат четыре важнейших положения: поддержание устойчивости, справедливости, развития людей и обеспеченности возможностями.

Устойчивость, выступая одной из доминант развития человека и его потенциала, основывается на принципе «равенства возможностей для всех поколений», предполагающего равный доступ к возможностям развития как в настоящее время, так и в будущем. Как отмечается в Докладе о человеческом развитии за 1994 г., «Устойчивое человеческое развитие представляет собой такое развитие, которое приводит не только к экономическому росту, но и к справедливому распределению его результатов, которое восстанавливает окружающую среду, а не уничтожает ее, которое повышает ответственность людей, а не превращает их в бездушных исполнителей. Такое развитие уделяет первоочередное внимание бедным, повышая их возможности и обеспечивая им участие в принятии решений, которые влияют на их жизнь. Такое развитие — развитие для людей, для природы, для увеличения количества рабочих мест и улучшения положения женщин в обществе» [1].

Следует отметить, что сущность парадигмы устойчивого человеческого развития заключается в достижении баланса между экономическим ростом, социальным прогрессом и сохранением окружающей среды. Игнорирование же одной из составляющих способно поставить под угрозу не только возможности дальнейшего экономического роста, но и будущее развития цивилизации в целом. Исходя из этого для удовлетворения потребностей настоящего и будущего поколений мировому сообществу принципиально важно обеспечить решение совокупности экономических, социальных и экологических групп задач, добившись при этом определенной сбалансированности в их реализации.

Устойчивое человеческое развитие предполагает моральное обязательство сохранить для последующих поколений как минимум такой же уровень возможностей для человеческого развития, каким располагает нынешнее поколение. Исходя из этого следует, во-первых, недопустимость финансирования таких экономических долгов, рассчитываться за которые придется в будущем; во-вторых, необходимость осуществления достаточного уровня инвестиций в сферы образования и здравоохранения с целью предупреждения возникновения социальных долгов перед будущими поколениями; в-третьих, необходимость сохранения и восстановления окружающей среды, использования природных ресурсов таким образом, чтобы не допустить их истощения и возникновения экологических долгов.

Этот принцип связывает человеческое развитие настоящего времени с человеческим развитием завтрашнего дня, отражая важный временной срез, акцентируя внимание на необходимости учета как потребностей будущих поколений, так и создания условий для сглаживания неравенства среди живущих людей. При этом уровень воспроизводства природно-ресурсного потенциала, качество окружающей среды во многом определяют возможности равенства между поколениями и внутри них.

В то же время обеспокоенность мирового сообщества судьбами будущих поколений не должна исключать пристального внимания к проблемам экологии, нищеты и бедности в настоящее время. Экономическое развитие не должно повлечь за собой такое перераспределение доходов, которое будет угрожать благополучию людей, принадлежащих к другой социальной группе или другой стране.

Не вызывает сомнения, что обеспечение устойчивого развития бессмысленно, если оно поддерживает устойчиво униженные условия жизни. Никто не заинтересован в том, чтобы лишения были чем-то постоянным. Одним из важнейших недостатков категории «устойчивое развитие» является то, что она не определяет, какого качества развитие имеется в виду и чему следует придать устойчивый характер. Никто не заинтересован в том, чтобы обеспечить устойчивость достигнутого уровня физического, природного и человеческого капитала (наряду с объемом знаний в области технологии). Исходя из этого принципиально важно отметить, что обеспечение устойчивости достигнутого

не является самоцелью, а лишь рассматривается как средство обеспечить определенный достойный уровень человеческого развития.

Ежегодно издаваемые с 1990 г. доклады ПРООН с оценкой экономического и социального прогресса стран мира обеспечивают непрерывность информирования относительно динамики ключевых индикаторов и статистических данных в сфере человеческого развития. В них представлен независимый, эмпирически обоснованный анализ основных тенденций и политики в области развития. Эксперты ПРООН не только рассчитывают индексы на основе актуальных данных, но и корректируют их значения за предыдущие годы в связи с необходимостью пересчета входящих в состав индекса показателей. Рост возможностей для внедрения инноваций в расчеты и дезагрегирование показателей расширяют доступность статистических данных, способствуют совершенствованию анализа и повышению его глубины. Современные технологии позволяют ученым и широким кругам общественности ознакомиться с ежегодными глобальными рейтингами стран мира и ключевыми выводами докладов, а также использовать их при разработке и реализации политических стратегий в целях стимулирования человеческого развития.

Важнейшим инструментом для оценки достижений стран мира в области человеческого развития является индекс человеческого развития, представляющий достижения страны с точки зрения состояния здоровья, получения образования и фактического дохода ее граждан по трем основным направлениям: возможности прожить долгую и здоровую жизнь (показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении); способности получать и накапливать знания (ожидаемая продолжительность обучения и средняя продолжительность обучения); возможности достойного уровня жизни (величина ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности, выраженному в долларах США)). Данные измерения стандартизируются в виде числовых значений от 0 до 1, среднее геометрическое которых представляет собой совокупный показатель ИЧР в диапазоне от 0 до 1. Затем государства ранжируются на четыре группы по убыванию рассчитанных значений ИЧР: страны с очень высоким уровнем ИЧР; страны с высоким уровнем ИЧР; страны со средним уровнем ИЧР; страны с низким уровнем ИЧР.

С 2010 г. с целью учета других измерений и более полной оценки уровня человеческого развития стали использоваться новые аналитические инструменты: Индекс многомерной бедности (ИМБ), используемый для измерения аспектов бедности, не связанных с доходом и показывающий, как различные виды лишений (депривации) накладываются друг на друга; Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом неравенства (ИЧРН), уменьшающий ИЧР в зависимости от уровня неравенства; Индекс гендерного неравенства (ИГН), используемый для оценки гендерных прав и возможностей по ряду измерений человеческого прогресса. В 2014 г. был разработан Индекс гендерного развития (ИГР), показывающий степень расширения прав и возможностей женщин [2–4].

Согласно последнему опубликованному Докладу ПРООН «Индексы и индикаторы человеческого развития: Обновленные статистические данные 2018» из 189 государств, представленных в глобальном рейтинге, в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития вошли 59 государств (при среднем значении ИЧР данной категории стран 0,894) и только 38 стран отнесены к группе с низким ИЧР (среднее значение ИЧР — 0,504). В 2010 г. распределение было соответственно 46 и 49 стран. Значение среднего значения ИЧР с 1990 г. выросло на 22 % в целом по миру и на 51 % в группе стран с низким значением ИЧР, что свидетельствует об увеличении продолжительности жизни и дохода, а также улучшении доступа к образованию. Однако по-прежнему сохраняется существенный разрыв между лидирующими странами и странами, находящимися в группе с низким уровнем ИЧР.

Возглавляет глобальный рейтинг по ИЧР Норвегия (ИЧР — 0,953), лидирующие позиции которой обеспечены благодаря высокому значению ВНД на душу населения

(68 012 дол.), ожидаемой продолжительности жизни 82,3 года, ожидаемой продолжительности обучения (17,9 лет) и средней продолжительности обучения (12,6 лет). Второе место занимает Швейцария (0,944), третье — Австралия (0,939), показатели ожидаемой продолжительности жизни и данные об образовании которых выше, чем у Норвегии, но при этом средний доход ниже. Также в лидирующей группе представлены Ирландия (0,938), Германия (0,936), Исландия (0,935), Гонконг (Китай, САР) (0,933) и Швеция (0,933), Сингапур (0,932), Нидерланды (0,931) [5, с. 22].

Отстающими в мировом рейтинге по ИЧР являются страны Центральной Африки. Так, последние места заняли Южный Судан (0,388), Центрально-Африканская Республика (0,367) и Нигер (0,354), основной причиной отставания которых является практически полное отсутствие всеобщей системы образования, а также низкие показатели среднего уровня дохода на душу населения [5, с. 25].

Среди государств СНГ самые высокие места в рейтинге стран по ИЧР на протяжении последних 15 лет занимают Россия, Беларусь и Казахстан, которые по данным последнего отчета вошли в группу государств с очень высоким уровнем развития (49, 53 и 58 позиции соответственно). В составе стран с высоким уровнем человеческого развития сохранили свои позиции Азербайджан (80 место), Армения (83), Украина (88 место), Узбекистан (105 место), Молдова (112 место). Два государства СНГ относятся к странам со средним уровнем человеческого развития — Туркменистан (108 место) и Кыргызстан (122 место). В то же время Таджикистан (127 место), показывая наибольший регресс, остается единственной страной СНГ из группы стран с низким уровнем человеческого развития [5, с. 22–24].

Анализ ключевых тенденций в области человеческого развития за прошедшие десятилетия позволяет констатировать, что все группы стран и регионы мира добились существенного прогресса в сфере человеческого развития. Так, уровень глобального ИЧР в 2017 г. по сравнению с 1990 г. увеличился на 21,7 % и достиг значения 0,728 (в 1990 г. — 0,598). Прогресс в области технологии, образования и доходов во всевозрастающей степени создает условия для более долгой, здоровой и безопасной жизни. Во всем мире показатель средней продолжительности жизни увеличился за данный период на семь лет, достигнув среднего общемирового значения 72,2 года. Люди обладают более высоким уровнем образования и имеют более широкие жизненные возможности. При этом более чем в 130 странах мира обеспечен всеобщий охват начальным образованием.

Наибольший прогресс в сфере человеческого развития наблюдался среди государств с низким ИЧР, где прирост данного показателя за период 1990–2017 гг. составил 46,6 %. При этом самыми быстрорастущими регионами были Южная Азия, где ИЧР увеличился на 45,3 %, Восточная Азия и Тихоокеанский регион (41,8 %) и Африка к югу от Сахары (34,9 %) [5, с. 3].

В докладе ПРООН представлены ИЧР с учетом внутристранового неравенства. Показатели индекса, пересчитанные с учетом неравенства внутри страны, могут существенно отличаться от значений индекса, рассчитанного по стандартной методологии. Так, например, в Японии (19 место по ИЧР) значение индекса с учетом неравенства (0,948) выше его стандартного значения (0,903), что позволяет констатировать крайне низкий уровень неравенства и обеспечивает стране лидирующие позиции в мире [5, с. 30].

Вместе с тем важно отметить, что прогресс человеческого развития не является линейным или гарантированным. Как показывает анализ, глобальные вызовы, реверсивные процессы, обусловленные экономическими кризисами, вооруженными конфликтами, эпидемиями в отдельных странах, могут обратить вспять имеющиеся достижения, следствием чего является значительное снижение значений ИЧР. Так, например, в Африке к югу от Сахары в 1990-е гг. отмечалось существенное снижение показателей человеческого развития, обусловленное главным образом снижением ожидаемой продолжительности жизни в результате вооруженных конфликтов и эпидемии ВИЧ/СПИДа.

Вместе с тем несмотря на данные вызовы, страны не только преодолели спад ИЧР, но и переместились по темпам прироста данного индикатора из предпоследнего региона в 1990-х гг. в самый быстрорастущий регион в период 2000–2010 гг.

Новые глобальные вызовы в текущем десятилетии также обусловили значительное снижение ИЧР и соответствующее падение рейтингов в ряде стран мира. Так, наибольшее снижение рейтинга по ИЧР за период 2012–2017 гг. произошло в Сирийской Арабской Республике (на 27 позиций), а также Ливии (на 26 позиций) и Йемене (на 20 позиций), что стало непосредственным следствием конфликтов с применением насилия.

В государствах Восточной Европы и Центральной Азии в 1990-х гг. вследствие распада Советского Союза и перехода на рыночные механизмы регулирования также отмечалось снижение показателей ИЧР.

Также обращает на себя внимание замедление во всех регионах в последнее десятилетие темпов роста ИЧР, что в определенной мере обусловлено глобальным продовольственным, финансовым и экономическим кризисом 2008–2009 гг. Вместе с тем следует согласиться, что, учитывая предельные значения роста отдельных индикаторов ИЧР, его замедление по мере прогресса человеческого развития неизбежно, что прослеживается на примере стран Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, где прирост составил 14,0 %. Так, существует биологический предел ожидаемой продолжительности жизни; продолжительность обучения и степень охвата образованием не могут увеличиваться бесконечно; рост ВНД на душу населения также замедляется по мере достижения экономической потенциальной нормы. В этой связи принципиально важно отметить, что чем большее количество стран достигает верхнего предела параметров ИЧР, тем большего аналитического внимания требуют показатели качества человеческого развития.

Вместе с тем качественная составляющая человеческого развития имеет определенные недостатки. Тот факт, что люди живут дольше, сам по себе еще не означает увеличения числа лет, проведенных в здоровье и благополучии. Рост продолжительности образования не воплощается автоматически в надлежащие знания и человеческий потенциал. Исходя из этого для дальнейшего анализа прогрессивных тенденций основное внимание необходимо уделять качественным параметрам человеческого развития.

Как справедливо отмечают эксперты ПРООН, «реальный прогресс человеческого развития зависит не только от расширения жизненно важных возможностей выбора и способности людей получить образование, быть здоровыми, достигнуть разумного уровня жизни и чувствовать себя в безопасности. Он также зависит от того, надежны ли эти достижения и имеются ли достаточные условия для устойчивого человеческого развития. Учет прогресса в человеческом развитии является неполным без анализа и оценки уязвимости [3, с. 2]. Исходя из этого аналитического внимания и согласованного измерения требуют новые глобальные вызовы человеческому развитию.

Одним из фундаментальных вызовов на пути обеспечения будущего устойчивого прогресса в области человеческого развития является сохранение высокого уровня неравенства, которое способно подпитывать экстремизм и подрывать усилия по обеспечению инклюзивного и устойчивого развития. Разрыв в уровнях человеческого развития является отражением неравенства в доходах, а также возможностей доступа к получению образования, медицинскому обслуживанию, занятости, технологиям, кредитам, природным ресурсам, что обусловлено гендерной и групповой принадлежностью и др. Выходя за рамки среднестатистических показателей прироста, ИЧРН и дезагрегированная оценка показателей позволяют выявить значительное неравенство по различным измерениям человеческого развития. Так, корректировка общемирового ИЧР с учетом неравенства снижает его значение с 0,728 до 0,582, в то время как для группы стран с низким уровнем развития показатели ИЧР и ИЧРН составляют соответственно 0,504 и 0,531 [5, с. 30–33].

Существует огромный разрыв в уровне доходов и благосостояния богатейшего 1 % населения и даже богатейшей 0,1 % по сравнению с остальными. Как свидетельствуют новейшие доклады организации Oxfam International, «восемь человек владеют таким же богатством, что и 3,6 млрд человек, составляющие беднейшую половину человечества» [5, с. 4].

В современном мире сохраняется огромное неравенство в области здоровья. Так, ожидаемая продолжительность жизни в странах с очень высоким ИЧР в среднем составляет 79,5 лет, тогда как в странах с низким уровнем — 60,8 лет. Наиболее высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни имеют такие страны, как Гонконг (Китай, САР) (84,1 года), Япония (83,9), Швейцария (83,5), Испания (83,3), Италия (83,2). Наименьшие значения данного показателя имеют Сьерра-Леоне (52,2 года), Центральная африканская Республика (52,9), Чад (53,2).

Глубокий дисбаланс возможностей людей сохраняется и в сфере образования. Так, в странах с низким уровнем человеческого развития 47,5 % взрослого населения неграмотны и лишь 17,1 % имеют доступ к Интернету. Также в данной группе стран отмечается значительный разрыв в валовом охвате образованием между начальной (98 %) и средней школой (43 %). Таким образом, например, ребенок, родившийся в Норвегии, имеющей наиболее высокий ИЧР, может рассчитывать на продолжительность жизни в 82,3 года, при этом из них в среднем 18 лет он проведет в учебных заведениях. В то же время в Нигере, стране с самым низким значением ИЧР, средняя продолжительность жизни составляет 60,4 года, из которых только пять лет будут отведены на образование [5, с. 22–25].

Следует отметить, что средние величины скрывают неравенства не только между странами, но и внутри них. Почти в каждой стране региона определенные группы людей сталкиваются с серьезными проблемами, которые зачастую пересекая и усиливая друг друга, усугубляют уязвимость и разрыв между поколениями и затрудняют выход на более достойный уровень жизни, доступный остальным.

Серьезным вызовом на пути прогресса в области человеческого развития является гендерный разрыв между мужчинами и женщинами, препятствующий наиболее полной реализации их потенциала. Так, анализ свидетельствует, что во всех регионах ИЧР у женщин ниже, чем у мужчин, и они сталкиваются с существенными препятствиями на пути расширения своих прав и возможностей на протяжении всей жизни. Так, общемировое значение ИЧР у женщин (0,705) на 5,9 % ниже, чем у мужчин (0,749). Эти диспропорции являются еще более значительными в группе стран с низким уровнем человеческого развития — 13,8 %, а в Южной Азии гендерный разрыв достигает 16,3 % [5, с. 38–41].

Высокие достижения в критически важных аспектах человеческого развития, таких как здоровье, образование, благополучие, могут быть стремительно разрушены в результате экономических кризисов, деградации окружающей среды, природных потрясений или стихийных бедствий. При этом наряду с проблемами, имеющими затяжной характер (хроническая нищета, голод, обездоленность, недостаток воды, отсутствие доступа к самым элементарным услугам) возникают новые глобальные вызовы и угрозы (терроризм, экстремизм с проявлением насилия, вооруженные конфликты и нестабильность). Большинство из них пересекаются и взаимно усугубляют друг друга: изменение климата создает угрозу продовольственной безопасности; стремительная урбанизация ведет к маргинализации городской бедноты [6]. Вне зависимости от своего характера и масштабов существующие вызовы оказывают крайне негативное воздействие на жизнь и благополучие людей. Наиболее сложная ситуация сохраняется в странах, где проживает значительная часть беднейшего населения мира: государствах Африки южнее Сахары, Центральной и Южной Азии, особенно в Индии. В настоящее время 767 млн человек все еще проживает в нищете на 1,90 дол. США в день, а 793 млн человек постоянно угрожает голод. По оценкам экспертов ПРООН, обеспечение к 2030 г. доступа к полно-

му среднему образованию для всех детей в странах с низким уровнем дохода позволит увеличить к 2050 г. среднедушевой доход в этой группе стран на 75 % и обеспечить ликвидацию нищеты на целое десятилетие ранее намеченного срока [4, 7]. С целью снижения уязвимости и обеспечения условий для устойчивого человеческого развития, необходимы инвестиции в здоровье, образование и безопасность людей, что позволит прервать порочный круг уязвимости и конфликтов.

Для обеспечения устойчивого прогресса человечества аналитического внимания и согласованного измерения требуют новые глобальные вызовы и угрозы, что предполагает необходимость консолидации усилий всего мирового сообщества с целью разработки и реализации системы мер, способствующих повышению качества человеческого развития, ликвидации гендерных разрывов на протяжении всей жизни, расширению прав и возможностей женщин, обеспечению экологической и социально-экономической устойчивости.

«Каждый человек имеет значение, и каждая человеческая жизнь в равной мере ценна. Этот универсальный принцип лежит в основе концепции человеческого развития. Наряду с Повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, Целями в области устойчивого развития и заверениями, что прогресс человечества никого не обойдет стороной, данная универсальная точка зрения важна как никогда, особенно в мире, в котором непрерывно обостряются неравенство, нестабильность и неустойчивость» [5, с. 13].

Источники

1. Human Development Report 1994 [Electronic resource] // UNDP. — Mode of access: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf. — Date of access: 15.11.2018.
2. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека : пер. с англ. / ПРООН ; редкол.: Дж. Кругман. — М. : Весь мир, 2010. — 244 с.
3. Доклад о человеческом развитии 2014. Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости : пер. с англ. / ПРООН ; редкол.: Х. Малик. — М. : Весь мир, 2014.
4. Доклад о человеческом развитии 2016. Человеческое развитие для всех и каждого : пер. с англ. / ПРООН. — М. : Весь мир, 2017. — 284 с.
5. Human Development Indicators and Indices: 2018 Statistical Update Team [Electronic resource] // UNDP. — Mode of access: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf. — Date of access: 15.11.2018.
6. Корнеев, И. В. Императив устойчивого человеческого развития: проблемы и перспективы реализации в глобальной экономике / И. В. Корнеев, Т. Г. Корнеев // Науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2018. — Вып. 11. — С. 236–241.
Korneevets, I. V. The imperative of sustainable human development: problems and prospects of implementation in the global economy. Human development: the main trends and factors affecting the dynamics / I. V. Korneevets, T. G. Korneevets // Sci. works // Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2018. — Vol. 11. — P. 236–241.
7. Доклад о Целях в области устойчивого развития, 2017 год [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2017/TheSustainableDevelopmentGoalsReport2017_Russian.pdf. — Дата доступа: 19.11.2018.
8. Корнеев, И. В. Человеческое развитие: основные тенденции и факторы динамики / И. В. Корнеев, Т. Г. Корнеев // Научн. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2017. — Вып. 10. — С. 229–235.
Korneevets, I. V. Human development: the main trends and factors affecting the dynamics / I. V. Korneevets, T. G. Korneevets // Sci. works // Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2017. — Vol. 10. — P. 229–235.

Статья поступила в редакцию 10.12.2018 г.

A. Kravchenko
T. Maiboroda
BSEU (Minsk)

USAGE OF BEHAVIORAL ECONOMICS TO SOLVE ENVIRONMENTAL PROBLEMS

The article analyses the results of researches within behavioral economics aimed at reducing the amount of household waste, as well as increasing the effectiveness of natural resource management and the share of waste recycling. It suggests the ways to enhance the effectiveness of the implementation of the environmental policy of the Republic of Belarus.

Keywords: ecology; behavioral economics; libertarian paternalism; experimental economics; Pigovian tax; default environmental options; natural resource management; nudging; environmental policy; norms of environmental behavior.

А. А. Кравченко
кандидат экономических наук
Т. Л. Майборода
кандидат экономических наук
БГЭУ (Минск)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

В статье рассматриваются результаты исследований в рамках поведенческой экономики, направленные на повышение эффективности природопользования, сокращение объемов бытовых отходов, а также увеличение доли переработки мусора. Предлагаются пути повышения эффективности реализации экологической политики в Республике Беларусь.

Ключевые слова: экология; поведенческая экономика; либертарианский патернализм; экспериментальная экономика; налоги Пигу; экологические опции по умолчанию; природопользование; подталкивание; экологическая политика; нормы экологического поведения.

Традиционный микроэкономический подход к экологии подразумевает интернализацию отрицательных внешних эффектов, возникающих в результате производства или потребления экономических благ. Учет общественных издержек (выгод) в цене конечного блага позволяет скорректировать поведение как производителей, так и потребителей (налоги Пигу). Развитие экспериментальной экономики, а также междисциплинарные исследования на стыке экономики и психологии показали, что налоги Пигу являются не самым действенным методом:

- во-первых, они снижают внутреннюю мотивацию у людей, которые готовы были приложить усилия по осуществлению эколого-ориентированного поведения [1, 2];
- во-вторых, снижают чувство вины от неэкологического поведения и, как следствие, не стимулируют к его изменению [3].

Таким образом, выработка действенных методов по корректированию поведения потребителей и производителей в сторону его «экологизации» является актуальной проблемой для современного мирового сообщества.

Поведенческая экономика — это перспективное теоретическое и практическое направление исследований, которое изучает систематические, повторяющиеся тенденции в поведении людей, которые не совпадают с гипотезами о рациональных решениях («что

должно быть»). По отношению к экологическим проблемам речь идет не столько о несовпадении теории и практики поведения индивидов, сколько о попытке достижения «желаемого» поведения в рамках поставленных целей национального, регионального и мирового уровня (например, остановить глобальное потребление, сократить объем выбросов, перейти на более энергоэффективные технологии и т.д.). Эти цели, включая улучшение экологической обстановки (благо для всего человечества в целом), для отдельных индивидов и даже стран не всегда являются самоочевидными или требуют с их стороны определенных усилий, что в свою очередь снижает вероятность их предпринять. Поведенческие подходы как раз и направлены на снижение субъективной или объективной сложности желаемых действий, минимизацию усилий для их достижений, повышение заинтересованности и вероятности их осуществления.

Результаты экспериментов в виде изменений в потреблении или производстве удобно использовать для расчета «выгод-издержек» разных интервенций, так как можно высчитать стоимость, например, сэкономленного объема воды по отношению к дополнительным затратам. Часто эффект значительно превышает затраты, что говорит о значительном потенциале таких подталкиваний.

В отличие от обычных проблем, с которыми сталкивается поведенческая экономика, здесь возникает несколько дополнительных сложностей:

- по отношению к охране окружающей среды часто встречается разрыв предпочтений и действий. В опросах респонденты подчеркивают, что им важно, насколько экологичен товар, но на практике это редко влияет на окончательный выбор товара;
- сложность оценки результатов проводимых интервенций, так как экологическое поведение включает в себя не одно, а сразу целый комплекс действий, измерение последствий которых затруднено.

Нобелевским лауреатом Ричардом Талером была сформулирована идея государственного «подталкивания» или «либертарианского патернализма», представляющее собой проведение таких мероприятий или формирование такого дизайна условий со стороны правительства, которые будут помогать индивидам совершить лучший для них выбор, не лишая их при этом возможности поступить и по-другому [4, с. 15]. В своей работе «Nudging: A Very Short Guide» («Подталкивание: очень краткое руководство») Касс Санстейн сформулировал десять типов подталкивания, которые могут быть использованы правительством для регулирования поведения. Мы рассмотрим, как ряд из них может быть применен к решению экологических проблем. Следует отметить, что исследователями часто тестируются смешанные стратегии, сочетающие несколько подходов, поэтому соответствие примеров и классификации не всегда точное.

Опции по умолчанию. Одним из действенных методов повышения эколого-ориентированного поведения является выбор опции по умолчанию. Так, Юхан Эгенбарк и Маттас Экстрем провели полевой эксперимент в стенах одного из Шведских университетов, случайным образом выбрав принтеры, на которых в качестве опции по умолчанию была установлена двухсторонняя печать. Данная стратегия привела к тому, что по сравнению с контрольной группой ежедневное потребление бумаги сократилось на 27 % [5, с. 11], при этом не наблюдался эффект отскока¹, т.е. пользователи продолжали печатать в среднем такое же количество листов как и до проведения эксперимента.

Примером опции по умолчанию также выступает энергетическая политика, проводимая в Германии, где базовым пакетом при подключении к электросети является использование возобновляемых источников энергии, что позволило увеличить долю контрактов, заключенных с использованием более экологических источников в общем количестве с 7,2 до 69,1 % [6, с. 890].

¹ Ситуация, когда фактический эффект от реализации мероприятия может оказаться существенно ниже ожидаемого, например, за счет увеличения количества использования более эффективного ресурса.

Упрощение. Эксперимент на рынке автомашин ставил целью проверить, как повлиять на непоследовательное поведение потребителей и недостаток их информированности, так как не все покупатели осведомлены о связи между эффективным потреблением топлива и выбросами углерода [7]. Сравнение разных методик подачи информации показало, что эффективнее всего работают подталкивания на основе сведений об экономичности расхода топлива, а предоставление информации о расходе топлива за 5 лет и влиянии этой машины на окружающую среду не слишком результативно. В целом, результаты по исследованию покупки автомашин оказались смешанными и не очень убедительными — авторы считают, что это связано с тем, что потребители больше привыкли к рекламным буклетам, чем маркировкам, в которых плохо ориентируются. Было принято решение заниматься разработкой дизайна новых маркировок, более очевидных и информативных для потребителей.

Использование социальных норм. Для формирования экологического поведения важны как сами социальные нормы, сложившиеся в обществе, так и представление о них у домохозяйств. Исследование в Норвегии показало, что объем мусора, который люди отдавали на переработку, был пропорционален тому, как много переработкой мусора, по их мнению, занимались соседи [8]. Если опрошенные считали, что соседи много уделяют внимания переработке мусора, то и сами перерабатывали мусор в большем объеме.

В Англии рассылка информации о среднем количестве мусора, переданном на переработку по каждой улице, скорректировала поведение жильцов, увеличив в среднем переработку мусора на 2,8 %, что с учетом стоимости рассылки данной информации может считаться относительно эффективным [9].

В рамках эксперимента в Коста-Рике был измерен средний уровень потребления воды в каждом районе и в городе в целом. В одной группе домохозяйств к счету за воду прикреплялся стикер с хмурым лицом и предупреждением, если данное домохозяйство потребляло воды больше среднего по району уровня, и стикер со счастливым лицом и поздравлением — если меньше среднего уровня. Во второй группе домохозяйств индивидуальное потребление воды сравнивалось со средним по городу, что не дало никаких существенных изменений в поведении. Первый подход («метод соседей») хорошо сработал для домохозяйств с высоким потреблением воды и дал результат в виде 3,4–5,6 % снижения потребления воды [9].

Схожий эксперимент проводился в США, показавший, что рассылка писем, содержащих сравнение по расходованию воды домохозяйств со средним по округу, приводит к снижению потребления воды на 4,8 %. При этом исследователи проанализировали долгосрочный эффект такого подталкивания и выяснили, что на протяжении пяти лет после интервенции эффект только усиливался [10].

Увеличение простоты и удобства. Часто на пути к экологически полезным практикам лежат дополнительные издержки, которые потребители не готовы нести. Исследование, проведенное в Дании, выявило, что среди молодежи 19–28 лет можно в случае поломки телефона сделать предпочтительным выбор варианта починки старого телефона или покупки секонд-хэнд телефона, если такие опции будут предложены в магазинах продажи техники наряду с покупкой нового. Расширение архитектуры выбора позволило 20–30 % покупателей привлечь более экологически безопасным вариантом, что особенно важно, когда к сложностям утилизации и переработки техники прибавляется чрезмерно быстрое моральное устаревание гаджетов [11].

Примером использования данного метода также является эксперимент в Великобритании, где часть новых домов была оснащена прибором, позволяющим нажатием одной кнопки отключить все подключенные к нему устройства (Smartwire), при этом сама кнопка включения (выключения) располагалась в удобном и видном месте. Отличие от используемых в большинстве стран сетевых фильтров с кнопкой включения/выключе-

ния в том, что устройства, подключенные к Smartwire, могут находиться в разных частях дома. На практике в течение года такое устройство позволяет сэкономить домохозяйству 13–23 % потребления электроэнергии [12].

Повысить привлекательность экологических товаров можно путем повышения удобства их использования или дополнительных бонусов. Власти Австрии для поддержки электромобилей позволят владельцам электротранспорта ездить по выделенным полосам, бесплатно парковаться на части платных парковок, а также двигаться со скоростью 130 км/ч там, где скорость обычных машин ограничена 100 км/ч по экологическим соображениям [13].

Раскрытие информации и предупреждения. В 10 странах была изучена возможность влиять на потребительский выбор, предоставляя на этикетках и в описании товара более яркие и графичные характеристики энергоэффективности. Выяснилось, что это позволило на 10 % повысить вероятность выбора товара в набор для окончательного выбора, но несущественно влияло на вероятность быть купленным в итоге потребительского сравнения.

В контексте продовольственной безопасности и рационального использования ресурсов проблемой является высокая статистика выбрасываемой, пригодной в пищу еды (34 % для ЕС). В Италии были проведены эксперименты по восприятию потребителями еды с маркировками «дата производства», «лучше употребить до» и продуктов без маркировок дат. Выяснилось, что «дата производства» не оказывает значительного влияния на срок хранения, а вот маркировка «лучше употребить до» повышает восприятие качества продукта и его безопасности, но если указанный срок вышел — увеличивает вероятность, что еда будет выброшена, даже если она не портится.

Когнитивные диссонансы и неустойчивость предпочтений во времени значительно влияет на недостаточное внимание потребителей к замене бытовых приборов на более энергосберегающие. В развитых странах количество бытовых устройств на одну семью растет быстрыми темпами около 1,7 % в год и только в Великобритании среднее количество устройств составляет 41–85 на одно домохозяйство. В рамках эксперимента по одной группе бытовых приборов предоставлялась не только стандартная информация о годовом энергопотреблении, но и эксплуатационных расходах в течение всего срока службы. Это статистически значимо повлияло на выбор более энергосберегающих машин и в макроэкономическом масштабе способно уменьшить спрос на электроэнергию.

Стратегия заранее установленных обязательств. В Коста-Рике рассылались инструкция о том, как можно сберечь воду и достичь среднего уровня потребления по городу, причем буклет побуждал принять на себя обязательства по выполнению цели и выбрать из предложенных советов те, которые будут использоваться. В результате это снизило на 3,4–5,6 % потребление воды, причем этот «метод планирования» оказался более эффективным для домохозяйств с низким уровнем потребления воды [9].

Внешняя постановка целей. Часто встречающаяся проблема в развитых странах, что фрукты и овощи, соответствующие стандартам качества, но не стандартные по виду и размеру пользуются значительно меньшим спросом потребителей, что приводит к их необоснованному недопотреблению и выбрасыванию. Эксперименты показали, что большего эффекта можно добиться не значительным сокращением цен (например, на 30 %) на «несовершенные» продукты, а комбинацией небольшого сокращения цен и мотивирующим слоганом. Причем экологический слоган «давайте остановим выбрасывание еды» не столь эффективен, как слоган «естественно несовершенные: вот как выглядят настоящие фрукты и овощи», подчеркивающие натуральность продуктов.

Информация о последствиях предыдущих решений. В связи с тем, что люди иногда не в полной мере осознают последствия своих действий для экологии, предоставление дополнительной информации может привести к изменению их поведения. В качестве примера реализации данного метода могут выступать использование дополнительных

счетчиков расходов воды и электричества. Исследование в Швейцарии показало, что установка цифрового счетчика, который отражает объем использованной воды за последний прием ванной, сокращает использование домохозяйством водных ресурсов на 22 % [14].

Схожий результат был получен при установке счетчиков электроэнергии, позволяющих отслеживать потребление энергии отдельными приборами или получать информацию о потреблении во временном разрезе. Годичное использование данных измерителей в Австрии и семи общинах в Германии, показало среднее сокращение потребления электричества на 3,7 % по сравнению с контрольными группами [15].

Выводы для реализации экологической политики Республики Беларусь. На текущий момент в нашей стране разработана «Стратегия в области охраны окружающей среды Республики Беларусь на период до 2025 года» одной из основных целей которой является «обеспечение 100-процентного охвата населения раздельным сбором твердых коммунальных отходов», а также «извлечения не менее 70 % вторичных материальных ресурсов от общего объема образования этих отходов» [16]. Для реализации данной цели ГУ «Оператор вторичных материальных ресурсов» осуществляет регулярную осведомительную работу с населением, проводя конкурсы репортажей о сборе отходов за рубежом, «Планета без отходов» среди школ, рекламные кампании по повышению осведомленности населения об алгоритме обращения с бытовыми отходами в Беларуси, поддержке мнения о необходимости раздельного сбора отходов. Растет ежегодный выпуск специалистов с высшим и средним специальным образованием в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов, что позволяет наращивать потенциал положительных изменений в эколого-ориентированном поведении населения. Тем не менее коэффициент регенерации отходов за 2017 г. составлял 0,3, и динамика изменений отрицательная, где пик переработки и использования отходов был достигнут в 2013 г. (0,5) [17], что задает актуальность использования поведенческих подходов для изменения стратегий поведения фирм и домашних хозяйств в области экологии.

В ходе проведения исследований было выявлено, что стратегии решения экологических проблем, например, снижения объемов бытовых и производственных отходов и переработки мусора не всегда достижимы одновременно, т.е. не являются комплементарными. Так, исследования М. Сан и других показали, что склонные к переработке мусора люди затрачивают значительно меньше усилий на сокращение его общего количества [18]. Серия экспериментов в Бостонском университете выявила, что если люди изначально знают, что они будут перерабатывать отходы, то и производить их они, скорее всего, будут больше [19].

Таким образом, мероприятия направленные на изменение поведения в сторону сокращения отходов или их переработку, должны это учитывать. Продуктивным представляется направить интервенции либо на людей не участвующих в данном процессе либо на те группы, которые и так больше вовлечены в данное движение, с целью усиления положительного эффекта.

При этом, как было показано ранее, в реализации экологической политики важную роль играют сформированные социальные нормы и представления о них у населения. В связи с этим в Республике Беларусь целесообразно направить усилия прежде всего на формирование эколого-ориентированных норм поведения граждан, при этом на начальном этапе не следует стремиться осуществить всеобщий охват населения, а сфокусироваться на тех группах, которые более склонны к такому поведению. Такой выбор целевой аудитории позволит повысить эффективность проводимых мероприятий, сформирует в рамках общества группы, которые в дальнейшем будут выступать ретрансляторами экологических идей, а также скорректирует показатели «типичного поведения», что в долгосрочной перспективе можно будет использовать для оказания влияния на другие домохозяйства.

Второй важный вывод, который можно сделать из результатов экспериментов в рамках поведенческой экономики, — реализация желаемого поведения должна быть как можно более простой. В настоящий момент сбор раздельного мусора в стоящие во дворе контейнеры требует не только много усилий, но и обладания определенными навыками, что делает данную деятельность непривлекательной. Кроме того, стандартизация обозначений (в виде изображений или пиктограмм) как на упаковке продукции, так и на самих контейнерах, позволило бы повысить объем перерабатываемого мусора в стране.

Не менее важным является выбор «опции по умолчанию». Сложившиеся практики по использованию упаковки и пластиковых пакетов могут быть изменены путем внесения корректив в сторону их большей экологичности.

Источники

1. *Gneezy, U.* When and Why Incentives (Don't) Work to Modify Behavior / U. Gneezy, S. Meier, P. Rey-Biel // *J. of Econ. Perspectives*. — 2011. — Vol. 25(4). — P. 191–210.
2. *Bowles, S.* Economic Incentives and Social Preferences: Substitutes or Complements? / S. Bowles, S. Polania-Reyes // *J. of Econ. Lit.* — 2012. — Vol. 50(2). — P. 368–425.
3. *Bénabou, R.* Intrinsic and Extrinsic Motivation / R. Bénabou, J. Tirole // *Rev. of Econ. Studies*. — 2003. — Vol. 70. — P. 489–520.
4. *Воробьев, В. А.* Либертарианский патернализм Р. Талера: основания, возможности, концептуальные провалы / В. А. Воробьев, Т. Л. Майборода // *Белорус. экон. журн.* — 2017. — № 4. — С. 4–22.
5. *Vorobiev, V. A.* Thaler's libertarian paternalism: foundation, opportunities, conceptual failures / V. A. Vorobiev, T. L. Maiboroda // *Belarusian Econ. J.* — 2017. — № 4. — P. 4–22.
6. *Egebark, J.* Can Indifference Make the World Greener? / J. Egebark, M. Ekstrom // *J. of Environmental Economics and Management*. — 2016. — Vol. 76. — P. 1–13.
7. *Ebeling, F.* Domestic Uptake of Green Energy Promoted by Opt-Out Tariffs / F. Ebeling, S. Lotz // *Nature Climate Change*. — 2015. — Vol. 5. — P. 868–871.
8. *Codagnone, C.* Testing CO₂/Car labelling options and consumer information / C. Codagnone, F. Bogliacino, G. Veltri [Electronic resource] // ResearchGate. — Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/268074350_Testing_CO2Car_labelling_options_and_consumer_information. — Date of access: 05.12.2018.
9. *Brekke, K. A.* An Economic Model of Moral Motivation / K. A. Brekke, S. Kverndokk, K. Nyborg // *J. of Publ. Economics*. — 2003. — Vol. 87(9-10). — P. 1967–1983.
10. *Nomura, H.* The Use of Feedback to Enhance Environmental Outcomes: a Randomized Controlled Trial of a Food Waste Scheme / H. Nomura, P. C. John, S. Cotterill // *The Intern. J. of Justice and Sustainability*. — 2011. — Vol. 16(7). — P. 637–653.
11. *A Behavioral Approach to Water Conservation: Evidence from Costa Rica* / S. Datta [et al.] // World bank group: Policy Research Working Paper. — 2015. — 29 p.
12. *Behavioural Insights and Public Policy: Lessons from Around the World* [Electronic resource] // OECD ilibrary. — Mode of access: https://read.oecd-ilibrary.org/governance/behavioural-insights-and-public-policy_9789264270480-en. — Date of access: 11.11.2018.
13. *Relish Smartwire: The future of domestic wiring...* [Electronic resource] // Constructing Excellence. — Mode of access: <http://constructingexcellence.org.uk/wp-content/uploads/2015/05/10676-RELISH-SMARTWIRE-REPORT-FINAL-LOW-RES.pdf>. — Date of access: 11.11.2018.
14. *Electric cars are getting a higher speed limit than gas cars during air pollution warnings in Austria* [Electronic resource] // Electrek. — Mode of access: <https://electrek.co/2018/10/29/electric-cars-higher-speed-limit-than-gas-cars-ev-incentive-austria/>. — Date of access: 11.11.2018.
15. *Self-Powered Water Meter for Direct Feedback* / V. Tasic [et al.] // 3rd International Conference on the Internet of Things. — 2012. — P. 24–30.
16. *Smart Metering in Germany and Austria: Results of Providing Feedback Information in a Field Trial* [Electronic resource] / J. Schleich [et al.] // EconStor. — Mode of access: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/48662/1/664239676.pdf>. — Date of access: 28.11.2018.
17. *Стратегия в области охраны окружающей среды Республики Беларусь на период до 2025 года* [Электронный ресурс] // Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. — Режим доступа: http://minpriroda.gov.by/ru/new_url_1670219329-ru/. — Дата доступа: 11.11.2018.

17. Охрана окружающей среды в Республике Беларусь, 2018 : стат. сб. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/966/96612b440315a66a33f44632486cc959.pdf>. — Дата доступа: 11.11.2018.
18. Sun, M. The Effect of Recycling versus Trashing on Consumption: Theory and Experimental Evidence / M. Sun, R. Trudel // J. of Marketing Research. — 2017. — Vol. 54(2). — P. 293–305.
19. Trudel, R. The Behavioral Economics of Recycling [Electronic resource] / R. Trudel // Harvard Business Review. — Mode of access: <https://hbr.org/2016/10/the-behavioral-economics-of-recycling>. — Data of access: 01.12.2018.
20. Bernedo, M. The Persistent Impacts of Norm-Based Messaging and Their Implications for Water Conservation / M. Bernedo, P. J. Ferraro, M. Price // J. of Consumer Policy. — 2014. — Vol. 37(3). — P. 437–452.

Статья поступила в редакцию 26.12.2018 г.

УДК 330.117

S. Kristinevich
BSEU (Minsk)

ONE-SIDED FORCES IN THE WORLD ECONOMY: A REVIEW OF THEORETICAL APPROACHES

Sanctions are analyzed as a phenomenon of world politics from the standpoint of legal, political and economic approaches. The author offers a version of the study of sanctions policy as an application of the concept of institutional interventions.

Keywords: institutional interventions; forced exchange; sanctions; power redistribution; violent equilibrium; anti-sanction policy.

С. А. Кристиневич
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ОДНОСТОРОННИЕ МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ОБЗОР ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Санкции как явление мировой политики анализируются с позиций правового, политологического и экономического подходов. Предложена авторская версия исследования санкционной политики как приложения концепции институциональных интервенций.

Ключевые слова: институциональные интервенции; недобровольный обмен; санкции; силовое перераспределение; насильственное равновесие; антисанкционная политика.

Санкции как явление мировой политики находят осмысление с позиций юридической, политической, социологической, философской, экономической и других наук. Безусловно, каждый из этих подходов обладает высокой объяснительной силой и специфической техникой анализа. Причем усилия исследователей могут быть направлены как на отдельный аспект проблемы, так и на поиск комплексного ее решения. Поэтому задача состоит не в создании еще одной дополнительной или альтернативной гносеологической модели с конкурентным стилем аргументации, а скорее в попытке приложения концепции институциональных интервенций [1, 2] и ее языка описания для объяснения использования потенциала насилия как конкурентного преимущества в глобальном политико-экономическом пространстве.

Санкции (или санкционная политика) как явление мировой политики при общей сути — изменение поведения контрагента — имеет различные формы проявления. Для описания этих форм используются разнообразные системы критериев, позволяющие структурировать объект в зависимости от поставленных исследователем задач. Среди распространенных теоретических подходов к исследованию санкций следует выделить правовой, политологический и экономический.

Правовой подход. Неотъемлемой характеристикой любой правовой системы является набор юридически обязательных нормативных предписаний для ее субъектов. Система нормативных предписаний всегда сопровождается механизмом принуждения к их соблюдению. Специфика международного права состоит в том, что централизованный аппарат принуждения отсутствует. Поэтому в качестве гаранта исполнения норм международного права может выступать коллективный субъект (например, международные организации, наделенные полномочиями от лица своих членов проводить легитимную санкционную политику) или индивидуальный субъект, реализующий комплекс мер самозащиты через антисанкционную политику.

Существенной теоретической проблемой в международной правовой доктрине является отсутствие единого подхода к понятию «международные санкции». В настоящий момент принято говорить о трех тенденциях в трактовке этого базового понятия [3].

1. Гражданско-правовая концепция. Сторонники гражданско-правового характера санкций по некоторым позициям отождествляли международный формат правовых отношений с национальным. Такой подход предполагал автоматический «экспорт» понятийного аппарата из внутреннего права в международное. Санкции в этом случае рассматривались исключительно как вариант возмещения и удовлетворения со стороны государства-нарушителя.

2. Концепция уголовной ответственности. Наряду с появлением понятия «международные преступления государств» обозначилась идея уголовной ответственности государства за международные правонарушения. В связи с этим функции по принуждению возлагаются на международные организации, уполномоченные на реализацию мер воздействия на государство-правонарушитель. Санкции в такой трактовке выступают как механизм принуждения.

3. Синтез гражданско-правовой и уголовной концепций. Результатом синтеза двух подходов стало возможным одновременное рассмотрение международных санкций как формы ответственности (гражданско-правовая трактовка) и как меры принуждения (уголовная трактовка). Такой подход позволил расширить спектр правовых последствий для государства-нарушителя. Под санкциями здесь могут пониматься и возлагаемая на субъекта величина ущерба, и контрмеры, и коллективные механизмы принуждения со стороны международных организаций.

Ключевым актором в глобальном политико-экономическом пространстве, регламентирующим стандарты санкционной политики, является Совет Безопасности ООН. Под санкциями понимаются принудительные меры, направленные на поддержание или восстановление международного мира и безопасности. Комитет по санкциям обосновывает их применение оказанием давления на то или иное государство или образование с целью заставить его придерживаться ориентиров, определенных Советом Безопасности ООН, не прибегая к использованию военной силы. Другими словами, санкции есть промежуточный вариант между словесным порицанием и применением силы. Начиная с 1966 г., Совет Безопасности ООН ввел 30 режимов санкций в отношении ряда государств. В настоящее время действуют 14 режимов. Сводный санкционный перечень Совета Безопасности ООН включает 693 физических лица и 404 организации, попадающих под тот или иной санкционный режим [4]. По характеру воздействия принято выделять всеобъемлющие и целевые (другие названия: точечные, адресные, «умные», «smart») санкции [5]. Популярность применения всеобъемлющих санкций приходится на 90-е гг.

XX в. Речь идет прежде всего о Резолюции 661 от 1990 г. о применении принудительных мер в отношении Ирака, Резолюции 757 от 1992 г. по Югославии, Резолюции 917 от 1994 г. по Гаити, Резолюциях 748 (1992) и 843 (1993) по Ливии. Характер всеобъемлющих санкций предполагает эмбарго по многочисленным направлениям, за исключением медицинской помощи, что, как правило, наносит значительный вред социально незащищенным слоям населения и приводит к гуманитарным катастрофам. Низкая целевая эффективность всеобъемлющих санкций была обусловлена тем, что их адресатами становились не лица, против которых направлены эти санкции (преимущественно, правительства и политическая элита), а простое население. Поэтому с начала XXI в. Совет Безопасности ООН начал отдавать приоритет целевым санкциям как мере воздействия на акторов, осуществляющих «неправомерную политику».

Обеспечение международного правопорядка предполагает применение легитимных мер принуждения. Санкции Совета безопасности ООН представляют собой коллективную реакцию на нарушение норм международного права и легитимируются принятием резолюции. Поэтому такой формат санкций является многосторонним. В случае введения санкций субъектом по собственной инициативе речь идет об односторонней санкционной политике, сопровождающейся, как правило, неоднозначной реакцией со стороны мирового сообщества.

Правовая природа международных санкций проявляется в том, что они направлены на нарушителей (делинквентов) норм права с целью приведения их поведения в соответствие с этими нормами. Если же санкционная политика используется как инструмент глобальной конкуренции и укрепляет позицию выгодополучателя, то рассмотрение такого вида взаимодействий следует дополнить экономическим и политологическим подходом.

Политологический подход. Если правовой подход рассматривает санкции преимущественно как коллективную реакцию со стороны стран — членов ООН на угрозу безопасности в целях поддержания существующего миропорядка, то использование мер принудительного характера в одностороннем¹ порядке как инструмента давления во внешней политике является объектом анализа политической науки. Политологический подход значительно расширяет и дополняет возможный набор мотивов субъекта санкций. Репрезентативной целевой функцией при односторонних санкциях (так же как и при коллективных) является изменение поведения контрагента. Однако если в международном праве принцип суверенного равенства государств исключает возможность введения санкций из-за политических или идеологических разногласий, то при односторонней санкционной политике такая стратегия поведения выглядит стандартной.

Политическая наука рассматривает санкции как силовой инструмент. Причем специфика состоит в том, что односторонние меры принуждения представлены здесь скорее как клубные правила и субституты норм права. Клубными правилами могут выступать формально незакрепленный набор ценностных установок, разделяемый ограниченным кругом политических акторов и транслируемый в мировое пространство как мировоззренческая универсалия. Односторонние меры принуждения позволяют субъекту успешно идентифицировать в глобальном политико-экономическом пространстве «своих» и «чужих». Группы с особыми интересами, оказывающие поддержку инициатору санкций и легитимирующие его действия, объявляются лояльными с последующим вероятным вхождением в формируемый глобальный центр. Группы с особыми интересами, не присоединившиеся к клубному осуждению, объявляются потенциальной угрозой существующему миропорядку.

¹ Используемый в работе принцип методологического индивидуализма предполагает рассмотрение группы стран с общей целевой функцией как единого субъекта. Поэтому проведение санкционной политики одним государством по отношению к другому или группой стран по отношению к другой стране, не легитимированное резолюцией Совета Безопасности ООН, рассматриваются как односторонние меры принуждения.

В зависимости от целей (мотивов), инструментов воздействия и характера последствий принято выделять неэкономические (политические) и экономические санкции. К политическим санкциям можно отнести:

- по критерию целеполагания — демонстрацию силы, ограничение политической самостоятельности страны-объекта, формирование необходимого общественного мнения о стране-реципиенте санкций и т.п.;
- инструментам воздействия — запрет на перемещение через границу физических лиц, ограничение участия в международных организациях, запрет на вещание СМИ, невозможность военного сотрудничества и т.п.;
- политическим последствиям — изменение политического режима, корректировка идеологической траектории развития страны, влияние на политическую стабильность и т.п.

К экономическим санкциям можно отнести:

- по критерию целеполагания — дестабилизацию экономической ситуации, увеличение издержек экономического взаимодействия с третьими странами, силовое перераспределение рентных доходов в масштабах мировой экономики, освоение новых глобальных ресурсных рынков и т.п.;
- по инструментам воздействия — торговые ограничения (экспортные и импортные эмбарго), финансовые ограничения (кредитные, инвестиционные: запрет пользования платежными системами, арест счетов), запрет на государственные закупки у стран из санкционного списка, ограничения в научно-техническом сотрудничестве и т.п.;
- по экономическим последствиям — снижение темпов экономического роста, сокращение экспортных доходов, падение реальных доходов населения, отток капитала, угроза экономического суверенитета и т.п.

Критерии различения «цель-инструмент-последствие» дают возможность структурировать санкции в рамках отдельной группы. Определение природы санкций, экономической или политической, позволяет выработать стране-реципиенту эффективную систему ответных мер в рамках антисанкционной политики.

Экономический подход. В англоязычной литературе заметной работой, определяющей, в некоторой степени стандарт исследования экономических санкций в западном полшарии, является книга [6] группы американских исследователей Института международной экономики Петерсона. Логика данной работы может быть представлена в виде следующей схемы: «содержание санкций (описание политического и экономического компонентов) — оценка их результативности — рекомендации по повышению эффективности санкционной политики»¹. Под экономическими санкциями авторы понимают меры запретительного характера в сфере торговых и финансовых отношений, целью которых является изменение политического курса страны-объекта. Исследование в целом носит инструментальный характер, сопровождается историческими кейсами, обширным статистическим материалом и эконометрическим моделированием влияния санкционной политики на внешнюю торговлю.

Краткий обзор англоязычной литературы последних лет [7–11] позволяет заключить, что исследования носят узкоспециализированный характер и затрагивают преимущественно вопросы оценки эффективности санкций и разработки мер активной санкционной политики.

Авторский подход основан на допущении о неравномерности распределения насилия среди акторов политико-экономического пространства. Как следствие, рациональным поведением является его использование в качестве конкурентного преимущества. Реализация потенциала насилия проявляется в экономическом субституте военной экспансии — санкциях как инструменте силового перераспределения. Преимущества в переговорной силе и ресурсном потенциале с опорой на современные гуманитарные технологии позво-

¹ Последний элемент в схеме посвящен именно повышению эффективности не анти-, а «санкционной политики».

ляют интервенту легитимировать проводимую санкционную политику. В итоге использование односторонних мер принуждения как конкурентного преимущества в глобальном политико-экономическом пространстве становится нормой. Диапазон целей субъектов санкционной политики достаточно широк. От тактических — конструирования правил, улучшающих условия ведения бизнеса для национальных компаний, до стратегических — экспорта идеологий. Характерной целевой функцией санкционной политики выступает изменение поведения жертвы, типовым инструментом — закрытие товарных и ресурсных рынков, что позволяет трактовать санкции как силовое одностороннее прекращение обмена. Следствием для страны-жертвы может стать вынужденная ориентация на внутренние источники роста и превращение в недобровольную искусственную автаркию.

Исследование силового одностороннего прекращения обмена на наднациональном уровне имеет ряд особенностей. Во-первых, распределение насилия на этом уровне не всегда регламентировано формально, поэтому статус интервента может иметь не легитимный, а самопровозглашенный характер. Во-вторых, диапазон областей приложения силового перераспределения настолько широк, что вызывает затруднения в создании универсальных техник его применения. Поэтому целесообразным выглядит применение комбинированного (междисциплинарного) анализа и инструментария в зависимости от конкретных целевых функций глобальных интервентов. В-третьих, многообразие диспозиций интервента и жертвы порождает переплетение целевых функций и вариативность стратегического взаимодействия.

Авторский подход предполагает включение в экономический анализ насилия как формы недобровольного обмена, что позволяет очертить ряд перспективных проблем, требующих как теоретического осмысления, так и выработки конкретных экономических решений. Среди прочих это: выявление стратегий принуждения через установление правил; определение возможностей контроля насилия и сдерживания силовых перераспределительных процессов; проблема равенства перед законом и доступа к ресурсам; поиск пороговых значений стабильности политико-экономического устройства; проблема деперсонификации функций управления, исследование потенциала легитимности как конкурентной системы убеждений (эффективности идеологии), разработка механизмов стимулирования конкуренции в политике, обеспечивающей контроль элит и поиска ренты; и т.д.

Источники

1. *Кристиневич, С. А.* Типология институциональных интервенций в контексте силовых перераспределительных процессов / С. А. Кристиневич // Белорус. экон. журн. — 2018. — № 3. — С. 124–135.

Kristinevich, S. A. The typology of institutions intervention in the context of power redistribution processes / S. A. Kristinevich // Belarusian Econ. J. — 2018. — № 3. — С. 124–135.

2. *Кристиневич, С. А.* Институциональные интервенции как рациональный выбор: микроэкономические основания недобровольного обмена / С. А. Кристиневич // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. — 2018. — № 6. — С. 24–39.

Kristinevich, S. A. Institutional interventions as a rational choice: microeconomic basis of the involuntary exchange / S. A. Kristinevich // Bull. of Moscow Univ. Ser. 6. Economics. — 2018. — № 6. — P. 24–39.

3. *Кешнер, М.* Экономические санкции в современном международном праве / М. Кешнер. — М. : Проспект, 2015. — 194 с.

Keshner, M. Economic sanctions in modern international law / M. Keshner. — Moscow : Prospect, 2015. — 194 p.

4. Сводный санкционный перечень Совета Безопасности ООН (по состоянию на 5 июля 2018 г.) [Электронный ресурс] // Совет Безопасности ООН. — Режим доступа: <https://www.un.org/sc/sup-borg/ru/sanctions/un-sc-consolidated-list>. — Дата доступа: 11.08.2018.

5. Санкции Совета Безопасности [Электронный ресурс] // Совет Безопасности ООН. — Режим доступа: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information>. — Дата доступа: 11.08.2018.

6. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy / G. Hufbauer [et al.]. — 3rd ed. — Washington : Inst. for Intern. Economics, 2007. — 233 p.
7. Cortright, D. Economic Sanctions. Panacea or Peacebuilding in a Post-cold War World? / D. Cortright. — New York : Routledge, 2018. — 255 p.
8. Lektzian, D. Political Cleavages and Economic Sanctions: The Economic and Political Winners and Losers of Sanctions / D. Lektzian, D. Patterson // Intern. Studies Quart. — 2015. — Vol. 59, iss. 1. — P. 46–58.
9. Neuenkirch, M. The Impact of UN and US Economic Sanctions on GDP Growth / M. Neuenkirch, F. Neumeier // FIW Working Paper. — 2015. — № 138.
10. Nelson, R. U.S. Sanctions on Russia: Economic Implications / R. Nelson // CRS Report. — 2015. — R43894.
11. Leyton-Brown, D. The Utility of International Economic Sanctions / D. Leyton-Brown. — London : Routledge, 2017. — 328 p.

Статья поступила в редакцию 21.12.2018 г.

УДК 331.103.3

I. Kuropatenkova
A. Mantorov
BSEU (Minsk)

OPTIMIZATION OF ACCOUNT OF LABOR COSTS IN THE SYSTEM OF MANAGEMENT OF ELECTRONIC PERSONAL ACCOUNTS

The article shows the advantages of implementing labor cost accounting software by systematizing the existing reporting and integrating it into the personal account management system of teams with piecework and time-based wages.

Keywords: rationing of labor; modernization; labor costs; personal accounts; efficiency and labor productivity.

И. Н. Куропатенкова
кандидат экономических наук, доцент
А. А. Манторов
БГЭУ (Минск)

ОПТИМИЗАЦИЯ УЧЕТА ТРУДОВЫХ ЗАТРАТ В СИСТЕМЕ ВЕДЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ЛИЦЕВЫХ СЧЕТОВ

В статье показаны преимущества реализации программного обеспечения оптимизации учета трудовых затрат, методом систематизации существующей отчетности и интегрирования ее в систему ведения лицевых счетов бригад со сдельной и повременной оплатой труда.

Ключевые слова: нормирование труда; модернизация; трудовые затраты; лицевые счета; эффективность и производительность труда.

В условиях современной рыночной экономики, когда каждое предприятие стремится наращивать свою конкурентоспособность любыми доступными методами, перед экономистами и управленцами ставится весьма сложная задача — поиск и оценка скрытых и ранее не задействованных резервов роста экономики и оптимизации затрат труда.

В настоящее время наша страна активно наращивает экспортный потенциал, выходя на международные рынки, где сталкивается с развитой и высокой конкуренцией. Чтобы в полной мере оценить свою конкурентоспособность, нам необходимо найти и

всесторонне оценить потенциально возможные резервы экономического роста, углубившись до детального рассмотрения каждого рабочего места.

Оценивая и анализируя опыт роста мировой экономики, в особенности одну из ведущих мировых экономик — Китая — нетрудно выделить несколько простых основополагающих тенденций, среди которых сужение и углубление компетенций технических специалистов и исполнителей, сокращение доли трудозатрат в себестоимости продукции, а также максимальная автоматизация и механизация труда на всех этапах производства. Заменят ли когда-нибудь средства автоматизации человеческий труд полностью — вопрос весьма спорный, однако уже сейчас с полной уверенностью можно утверждать, что без сокращения трудозатрат путем автоматизации труда невозможно наращивать конкурентоспособность предприятия в рыночной экономике.

В настоящее время основной поток автоматизации труда на производственных предприятиях нашей страны направлен на сокращение тяжелого физического и однотипного ручного труда рабочих, однако резервы роста производительности труда в этой сфере очевидны и, следовательно, скрытые резервы роста следует искать и в других сферах деятельности.

Самым архаичным и не развиваемым направлением на современных белорусских предприятиях, на наш взгляд, является нормирование труда. Отделы труда и заработной платы представлены на всех современных отечественных производственных предприятиях и выполняют очень значимые и ответственные функции: определение формы и уровня оплаты труда, установление норм и нормативов трудозатрат на производимые виды продукции и работ, ведение лицевого счета рабочих, техническое обоснование установленных норм времени, ведение установленной отчетности по труду и трудовым затратам, а также многие другие, в зависимости от специализации конкретного предприятия и поставленных перед ним задач.

В данный момент на отечественных предприятиях остро назрела проблема кардинальной модернизации сложившейся практики работы инженеров по нормированию труда. Методы расчетов и способы работы не менялись и не пересматривались на протяжении десятилетий, хотя, как правило, рабочее место инженера по нормированию на предприятиях оборудовано необходимыми техническими средствами, в том числе и современными ЭВМ с установленным пакетом всех необходимых офисных программ. В связи с этим появилась возможность реализации технических факторов роста производительности труда в области организации нормирования труда, расчета трудовых затрат, совершенствования труда инженеров-нормировщиков.

Решение задачи оптимизации трудовых затрат рассмотрим на примере предприятия Республики Беларусь ОАО «558 авиационный ремонтный завод». На этапе современного развития предприятие является одним из самых динамично развивающимся и конкурентоспособным в своей отрасли. Основное направление деятельности завода — ремонт и модернизация самолетов Су-22, Су-25, Су-27 (Су-30), МиГ-29, Ан-2, вертолетов Ми-8 (Ми-17) и Ми-24 (Ми-35) всех модификаций; производство деталей и компонентов авиационной техники; производство новых образцов вооружения и военной техники; системы радиотехнической защиты воздушных судов, беспилотные авиационные комплексы; разработка и изготовление стендового оборудования и КПА; сервисное обслуживание, создание центров логистической поддержки; обучение специалистов ремонту, обслуживанию и эксплуатации авиационной техники.

До недавнего времени многие инженеры по нормированию труда в подразделениях ОАО «558 АРЗ» предпочитали пользоваться калькуляторами вместо ЭВМ, а при составлении месячной, квартальной и годовой отчетности исключительно бумажными носителями информации. ЭВМ использовали в роли печатной машинки, а некоторые специалисты, даже после прохождения курсов целевой направленности для работы с ПЭВМ не спешили применять полученные навыки на практике, предпочитая работать «старым, проверенным методом» по принципу «как меня учили».

В 2015 г. на ОАО «558 АРЗ» была разработана и внедрена система ведения электронных лицевых счетов. Данная система полностью работает в программе «EXCEL» пакета «Microsoft office». При помощи этой программы удалось каталогизировать ведение лицевых счетов всех бригад со сдельной оплатой труда, бригад рабочих — повременщиков и рабочих, находящихся на отдельных лицевых счетах. Так же удалось значительно снизить объем работ по составлению всей необходимой отчетности.

Разработанная программа ведения электронных лицевых счетов утверждена руководством ОАО «558 АРЗ» и рекомендована к применению инженерам по нормированию труда во всех структурных подразделениях завода.

Цели разработки программы:

- упростить и автоматизировать работу инженеров по нормированию труда при составлении месячной, квартальной и годовой отчетности;
- актуализировать и привести к единому методу работу инженеров по нормированию труда по ведению лицевых счетов бригад рабочих- повременщиков и рабочих со сдельной оплатой труда;
- увеличить степень проверяемости работы по составлению отчетности инженерами по нормированию труда.

Метод разработки программы. Программа ведения электронных лицевых счетов разработана в программе «EXCEL» пакета «Microsoft office» методом систематизации существующей отчетности и интегрирования ее в систему ведения лицевых счетов, что не потребовало вложения материальных затрат со стороны предприятия. Сопровождение (поддержание в актуальном состоянии) программы также не предусматривает дополнительных финансовых ресурсов.

Конечными пользователями данной программы являются инженеры по нормированию труда в подразделениях предприятий авиаремонтной промышленности. Работа с данной программой не предполагает специальных навыков и дополнительного обучения, так как работа с программой «EXCEL» пакета «Microsoft office» хорошо освоена всеми инженерами по нормированию труда ОАО «558 АРЗ». Все вкладки и формулы являются логичными и четко сформулированными, при необходимости их можно легко актуализировать и совершенствовать с учетом специфики работы либо восприятия конкретным конечным пользователем.

Упрощенно программа представляет собой систему связанных между собой вкладок в нижней строке вкладок документа «EXCEL». В первой и основной вкладке расположена таблица с актуальными расценками по разрядам и поправочными коэффициентами к ним. На значения этих таблиц ссылаются все формулы расчета стоимости часа в последующих вкладках.

Вкладка 1 «Первоначальные данные».

	1 разряд	2 разряд	3 разряд	4 разряд	5 разряд	6 разряд	7 разряд	8 разряд
	10212	11948	13990	16339	17972	19708	21036	22466
КОЭФИЦИЕНТ	1	1,16	1,35	1,57	1,73	1,9		
"2-3" разряд		"2-4" разряд	"3-4" разряд	"3-5" разряд	"4-5" разряд	"4-6" разряд	"5-6" разряд	"3-6" разряд
	12969	13990	15164,5	16339	17020	17972	18944	17155,5
	0	0	0					

Во второй и последующих вкладках расположены таблицы лицевых счетов бригад рабочих со сдельной оплатой труда. Количество вкладок может изменяться при изменении количества бригад. На каждую бригаду заводится две вкладки:

- 1) лицевой счет бригады;
- 2) лицевой счет бригады (сверхурочные и выходные).

При ликвидации либо реорганизации бригады вкладки не удаляются до момента выхода из производственной программы завода всех изделий, указанных в лицевом счете бригады за весь период.

Вкладка 2 «Лицевой счет бригады дефектовщиков АТ».

ЦЕХ №2

ЛИЦЕВОЙ СЧЕТ № 4

Специалист: Антонок

Специальность: Дефектовщик АТ разряд 6

Таб. № 6941

за _____ месяц 2015 года

№ п/дата	Ш-оказ	№ изд.	парграф	Наименование работ	ряд	проц	НЧ	сумма	подпись ОТК
1	38/2-377	26979	313	Дефектация двигателей	5-6	100	10,0	189440	
2	38/2-377		385	Дефектация АИ-9В	5-6	100	2,0	37888	
3	38/2-377		399	Дефектация ВР-24	5-6	100	2,0	37888	
4	38/2-377		293-294	Дефектация сидений личного и оператора	5-6	100	4,8	90931	
5	33-961	41525	43-41	Дефектация двигателей (2 шт) перед установкой	5-7	100	54,0	1064232	
6	33-961		511-530	Окончательная nivelirovka	5-7	100	10,0	197080	
7	33-967	41537	43-41	Дефектация двигателей (2 шт) перед установкой	5-7	100	54,0	1064232	
8	33-967		511-530	Окончательная nivelirovka	5-7	100	10,0	197080	
9	34-48	18100	320	Дефектация двигателей (2 шт) перед установкой	5-7	100	84,0	1655472	
10	34-48		321-334	Дефектация КСА-3 перед установкой	5-7	100	20	394160	
11	34/2-749	26128	320	Дефектация двигателей (2 шт) перед установкой	5-7	100	34,0	670072	
12	34/2-749		321-334	Дефектация КСА-3 перед установкой	5-7	100	20	394160	
13	42-702	10404	278	Дефектация крепежа	5-7	100	4,0	78832	
14	42-702		278	Дефектация крепеж (2 шт)	5-7	100	40,0	788320	
15	42-704	10405	278	Дефектация крепежа	5-7	100	4,0	78832	
16	42-704		278	Дефектация крепеж (2 шт)	5-7	100	40,0	788320	
17	38/2-376	26972	313	Дефектация двигателей	5-6	100	10,0	189440	
18	38/2-376		385	Дефектация АИ-9В	5-6	100	2,0	37888	
19	38/2-376		399	Дефектация ВР-24	5-6	100	2,0	37888	
20	38/2-376		293-294	Дефектация сидений личного и оператора	5-6	100	4,8	90931	
21	СД03	26128	321-334	Дефектация КСА-3	5-7	100	20,0	394160	
22	34-48	18100	321-334	Дефектация КСА-3	5-7	100	20,0	394160	
23	34/2-337	21128	321-334	Дефектация КСА-3	5-7	100	20,0	394160	
24	34-969	14933	321-334	Дефектация КСА-3	5-7	100	20,0	394160	
25	34-965	14907	321-334	Дефектация КСА-3	5-7	100	20,0	394160	
26	33-961	41525	пер	Nivelirovka крыла	6	100	15,0	299620	
27	3311-661	8802	пер	Осмотр стабилизатора	3-6	100	8,0	148874	
28	37-578		298	Входной контроль лопастей НВ	5	50	19,0	341468	
Итого:								553,8	10830448,4
</									

В таком виде лицевой счет распечатывается и передается бригадиру для дальнейшего подписания мастером ОТК, мастером производственного участка и начальником цеха.

Структура рабочей части электронного лицевого счета, заполняемая инженером по нормированию труда.

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K
	№ п/п	Дата	Шифр н/заказ	№ изд.	Параграф норм	Содержание работ	Разряд	Процент выполн. работ	Н/Ч	Сумма (руб.)	Подпись ОТК
1	1	25.09	34-83	18002	352	Монтаж агрегатов топливной системы	3-5	0-100	630,6	10304027	
2	2	28.09	34-83	18002	353	Проверка топливной системы на герметичность топливом	3-7	0-100	90,0	1616761	
3						Итого:			720,6	11920788	

В диапазоне A1... An проставляются порядковые номера пунктов

В диапазоне B1... Bn указываются даты окончания выполнения работ.

В диапазоне C1... Cn проставляются шифры и наряд-заказы на этапы выполняемых работ.

В диапазоне D1... Dn указываются серийные заводские номера изделий.

В каждой ячейке столбца «Е» указывается номер параграфа укрупненных отраслевых норм по видам операций, а напротив в каждой ячейки столбца «F» указывается краткая расшифровка содержания данного параграфа.

В ячейках столбца «G» указывается разрядность работ в соответствии с параграфами норм из соответствующих ячеек столбца «Е».

В ячейках столбца «H» указывается процент выполнения норматива по параграфу в текущем месяце и процент выполненного норматива за прошлый месяц «0-100», где «0» процент выполненного норматива в прошлом месяце, а «100» в текущем.

В ячейках столбца «I» указывается 100 % установленного норматива согласно укрупненного параграфа норм.

В столбце «J» рассчитывается стоимость выполненных работ по параграфу норм путем умножения количества нормо-часов из столбца «I» на стоимость часа согласно разрядности работ из столбца «G».

В ячейках столбца «K» представитель отдела технического контроля, выполнявший проверку полноты и качества выполненных работ, удостоверяет своей подписью и персональным штампом факт выполнения заявленных работ по каждому параграфу норм.

Внизу, за пределами рабочей зоны прописана строка итогов по суммам нормо-часов, а также их стоимостей в соответствующих колонках.

Полученные результаты из строки итогов переносятся во вкладку «Справка по заработной плате» путем прямых ссылок на суммы результатов итоговых ячеек по бригадно. В результате формируется готовый документ.

Аналогично работает вкладка «Справка по зарплате (выходные и сверхурочные)».

После автоматического составления отчетности по заработной плате рабочих переходим во вкладку «черновой реестр», где в автоматическом режиме при помощи ссылок и формул происходит сведение сумм нормо-часов и расценок их стоимости по шифрам, наряд-заказам, из всех лицевых счетов бригад.

Экономический эффект от внедрения системы ведения лицевых счетов в электронном виде может быть лишь косвенным, так как внедренные средства автоматизации не являются прямым источником дохода, а являются вспомогательным средством организации получения прибыли и частично помогают минимизировать затраты.

СПРАВКА ПО ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ СОГЛАСНО ЛИЦЕВЫМ СЧЕТАМ ЗА Сентябрь МЕСЯЦ 2015 ГОДА ЦЕХА № 2			
№ п/п	Наименование бригады	Время, н.ч.	Заработная плата, руб.
1	612 Монтаж (сверх)	463,0	7 635 740,0
2	612 Монтаж (вых)	398,0	6 444 771,0
3	636 Месяк (сверх)	448,0	8 029 772,0
4	636 Месяк (вых)	246,0	4 411 344,0
5	615 Браницкий (сверх)	285,0	5 117 761,0
6	615 Браницкий (вых)	230,0	4 152 984,0
7	639 Семакович (сверх)	0,0	0,0
8	639 Семакович (вых)	0,0	0,0
9	638 Антонюк (сверх)	36,0	709 488,0
10	638 Антонюк (вых)	14,0	275 912,0
11	608 Комплектровка(монтаж) (сверх)	45,0	735 255,0
12	608 Комплектровка(монтаж) (вых)	80,0	1 307 120,0
13	637 Комплектровка(доводка) (сверх)	40,0	653 560,0
14	637 Комплектровка(доводка) (вых)	33,0	539 187,0
ИТОГО		2 318,0	40 012 894,0

Оценить экономический эффект от использования программы можно двумя способами: простым и сложным (более трудоемкий способ, но более точный). Простой способ — это некоторое упрощение сложного способа с учетом различных «оговорок». Например, если материальные затраты не меняются после внедрения программы, то их можно исключить из расчета, тем самым его упростив. Полная оценка по сложному алгоритму, как правило, проводится квалифицированными специалистами по итогам обследования бизнес-процессов предприятия. Но если необходимо быстро и приблизительно оценить эффективность внедрения средства автоматизации, то можно в представленные формулы подставлять оценочные значения затрат. Конечно, при использовании оценок затрат, а не их фактических значений, экономический эффект не будет посчитан точно, но тем не менее позволит оценить выгодность и необходимость автоматизации.

Экономический эффект от внедрения электронных лицевых счетов заключается в улучшении организации труда и как следствие экономических и хозяйственных показателей работы предприятия, в первую очередь за счет повышения оперативности работы инженеров по нормированию труда, уменьшению объема рутинной работы и снижения трудозатрат на реализацию процесса управления, т.е. сокращения расходов на управление. Для ОАО «558 АРЗ» экономический эффект выступает в виде экономии трудовых и финансовых ресурсов, получаемой:

- от снижения трудоемкости расчетов;
- снижения трудозатрат на поиск и подготовку документов;
- экономии на расходных материалах (бумага, дискеты, картриджи);
- оптимизации численности инженеров по нормированию труда предприятия.

Снижение трудозатрат возможно за счет автоматизации работы с лицевыми счетами, отчетными и сопутствующими документами на основе снижения оперативного времени на поиск информации. Критерием эффективности создания и внедрения новых средств автоматизации является ожидаемый экономический эффект. Он определяется по формуле

$$\mathcal{E} = \mathcal{E}_p - E_n \cdot K_n, \quad (1)$$

где $\mathcal{E}_p$ — годовая экономия; E_n — нормативный коэффициент ($E_n = 0,15$); K_n — капитальные затраты на проектирование и внедрение, включая первоначальную стоимость программы.

Годовая экономия $\mathcal{E}_p$ складывается из экономии эксплуатационных расходов и экономии в связи с ростом производительности труда пользователя. Таким образом, получаем

$$\mathcal{E}_p = (P_1 - P_2) + \Delta P_{\pi}, \quad (2)$$

где P_1 и P_2 — соответственно эксплуатационные расходы до и после внедрения разрабатываемой программы; ΔP_{π} — экономия от повышения производительности труда дополнительных пользователей.

На основе анализа карт фотографии рабочего времени, инженеров по нормированию труда предприятия, работающих с применением системы электронных лицевых счетов было рассчитано оперативное время работы инженера по нормированию труда по заполнению и расчету лицевого счета одной бригады до автоматизации и после:

- 1) простой лицевой счет — 170 минут;
- 2) электронный лицевой счет — 10 минут.

В среднем один инженер ведет 10 бригад, из этого следует, что на один месяц на работу с лицевыми счетами затрачивается $(170 \cdot 10) = 1700$ минут, что соответственно составляет $(1700 / 60) = 28,3$ часа, $(10 \cdot 10) = 100$ минут, $(100 / 60) = 1,7$ часа. Используя формулу (1) можем рассчитать увеличение производительности труда в процентах $(170 - 10) / 10 \cdot 100 = 1600 \%$.

Исходя из вышеизложенных данных, рассчитаем общую экономию от внедрения:

- а) $28,3 - 1,7 = 26,6$ (чистая экономия времени за 1 месяц в часах);
- б) $26,6 \cdot 12 = 319$ (чистая экономия времени за 1 год в часах);
- в) $319 / 8 = 40$ (чистая экономия времени за 1 год в днях);
- г) $319 \cdot 19 = 6061$ (чистая ожидаемая экономия в часах за год по предприятию).

Расчетная норма рабочего времени при 40-часовой рабочей неделе за 2016 г. составляет 2038 часов. В целом экономия составит 3 человека $6061 / 2038 = 2,9$. Средняя ожидаемая номинальная заработная плата инженера по нормированию труда в 2016 г. составляет 920,0 руб.;

- е) $2,9 \cdot 920 + 34 \% = 3575,1$ руб. (экономию ФЗП в 2017 г.).

Таким образом, использование системы ведения электронных лицевых счетов способно значительно упростить и автоматизировать работу инженеров по нормированию труда при составлении месячной, квартальной и годовой отчетности, а так же актуализировать и привести к единому методу работу инженеров по нормированию труда по ведению лицевых счетов бригад рабочих-повременщиков и рабочих со сдельной оплатой труда. Несомненным плюсом данной системы является возможность увеличить оперативность работы по составлению отчетности инженерами по нормированию труда.

Для повышения конкурентоспособности предприятия принципиально важно обоснование политики оплаты труда персонала на различных этапах его развития. Это связано с тем, что экстенсивные факторы повышения эффективности использования работников (за счет их высвобождения) ограничены, и основное внимание следует уделять интенсивным факторам и прежде всего совершенствованию организации заработной платы. В основе формирования политики оплаты труда предприятия должна лежать стратегия его развития, направленная на рациональное использование трудового потенциала. В данной связи она должна соответствовать следующим требованиям:

- стимулировать персонал к повышению эффективности их труда;
- обеспечивать возможность руководителю управлять и поддерживать необходимую эффективность труда при неконтролируемых изменениях доходов предприятия, вызванными как факторами внешней среды, так и при недобросовестном отношении к труду его работников.

Источники

1. Локтев, В. Г. Нормирование трудовых процессов : учеб.-метод. пособие / В. Г. Локтев, Ю. М. Зенович. — Минск, 2015.
Loktev, V. G. Normirovanie trudovykh protsessov : ucheb.-metod. posobie / V. G. Loktev, Yu. M. Zenovich. — Minsk, 2015.
2. Локтев, В. Г. Нормирование труда : учеб. пособие / В. Г. Локтев. — Минск : БГЭУ, 2006.
Loktev, V. G. Normirovanie truda : ucheb. posobie / V. G. Loktev. — Minsk : BGEU, 2006.
3. Пашуто, В. П. Организация и нормирование труда на предприятии : учеб. пособие / В. П. Пашуто — М. : КноРус, 2005.
Pashuto, V. P. Organizatsiya i normirovanie truda na predpriyatii : ucheb. posobie / V. P. Pashuto — M. : KnoRus, 2005.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018 г.

УДК 330.36

A. Levkovich
BSEU (Minsk)

ASSESSMENT OF THE EXTERNAL BALANCE OF THE NATIONAL ECONOMY: METHODOLOGICAL ASPECTS

The article deals with the modern methodology of assessment of the external balance of the national economy. The main methods of assessment of the current account of the balance of payments are revealed. They include regression-based analysis of the current account, regression-based analysis of a real exchange rate, and external sustainability analysis. A potential set of independent variables in panel regressions of the current account and exchange rate is described. The analysis of methods of determination of the current account, exchange rate, and economic policy gaps is carried out. A comparative assessment of strengths and shortcomings of the methods of assessment of the external balance of the national economy is made.

Keywords: external imbalances; current account imbalances; sustainability of imbalances; the external balance assessment methodology; regression-based analysis of the current account; regression-based analysis of an exchange rate; external sustainability analysis; current account norm; gross domestic product; net international investment position.

А. П. Левкович
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ОЦЕНКА ВНЕШНЕЙ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматривается современная методология оценки внешней сбалансированности национальной экономики. Выявлены основные методы, используемые для оценки текущего счета платежного баланса, которые включают подход регрессионного анализа текущего счета, подход регрессионного анализа реального валютного курса, подход внешней устойчивости. Определен потенциальный состав независимых переменных в панельных регрессиях текущего счета и валютного курса. Проведен анализ методики определения разрывов текущего счета, валютного курса, экономической политики. Дана сравнительная оценка преимуществ и недостатков методов оценки внешней сбалансированности национальной экономики.

Ключевые слова: *внешние дисбалансы; дисбалансы текущего счета; устойчивость дисбалансов; методология оценки текущего счета; регрессионный анализ текущего счета; регрессионный анализ валютного курса; подход внешней устойчивости; нормативный уровень текущего счета; валовой внутренний продукт; чистая международная инвестиционная позиция.*

Внешние дисбалансы национальной экономики формируются в форме профицита или дефицита текущего счета (ТС) платежного баланса и с точки зрения макроэкономической стабильности несут в себе серьезные риски. Профицит ТС в большинстве случаев и стран не составляет серьезной макроэкономической проблемы. Однако такое сальдо может свидетельствовать об оттоке капитала за рубеж и быть результатом недостаточно внутреннего спроса и высокой безработицы. Приток экспортной выручки может также создавать предпосылки для повышения реального курса национальной валюты, роста ликвидности и темпов инфляции с риском последующего перегрева экономики.

В свою очередь значительный и устойчивый дефицит ТС представляет собой угрозу для стабильности национальной экономики, поскольку требует привлечения иностранного финансирования и чреват неконтролируемым оттоком капитала, ведущим к кризису внешнего сектора в форме валютного и/или долгового кризисов. Типичный сценарий развития событий включает формирование значительного дефицита ТС, финансируемого притоком капитала, затем по тем или иным причинам происходит «sudden stop», т.е. резкая остановка притока капитала, результатом которой становится валютный кризис, часто сопровождающийся глубоким спадом производства [1, с. 1]. Анализ данных за 1990-е — первую половину 2000-х гг. показал, что остановка притока капитала, во многих случаях сопровождающая коррекцию, в 60 % случаев приводит к валютному кризису и ассоциируется со снижением темпов роста ВВП более чем на 9 п.п. [2]. Опыт кризиса 2008–2009 гг. также показал, что дисбалансы ТС несут в себе повышенные риски для реального сектора.

Таким образом, обеспечение внешней сбалансированности национальных экономик выступает важным инструментом стабилизации и устойчивого роста мировой экономики, а исследование и выбор оптимальных методов ее оценки — актуальной задачей.

В экономических исследованиях, посвященных внешним дисбалансам, широко обсуждаются такие аспекты проблемы, как причины возникновения дисбалансов, связанные с этим риски, способность экономики самоадаптироваться к дисбалансам, возможности ограничить возникающие риски за счет мер экономической политики. Достаточно полное представление о состоянии проблемы дают работы Obstfeld, Blanchard, Milesi Ferretti [3–5]. Построением методологии оценки внешнего баланса национальной экономики занимается Исследовательский Департамент МВФ как преемник Консультативной группы по валютным курсам (CGER) [6].

Среди многочисленных исследований можно выделить два важнейших направления. Первое определяет условия, при которых дисбалансы остаются безопасными для экономики. Для этого оцениваются равновесные уровни внешнего баланса (в силу того, что устойчивый дефицит, превышающий равновесный уровень, представляет серьезный источник макроэкономических рисков). Второе направление исследует механизмы адаптации экономики к возникающим дисбалансам, которые могут в ряде случаев не иметь негативных последствий для экономики, а в иных — сопровождаться масштабным кризисом. В большей степени и теоретические, и прикладные разработки посвящены исследованию механизмов адаптации в условиях дефицита ТС.

Для оценки равновесного уровня внешнего баланса в процессе накопления данных и результатов исследований предлагались разные методы. В частности, первым из них был так называемый эвристический подход, предложенный L. Summers, который заключается в установлении порога ТС к ВВП в размере 5 % без учета страновых особенностей и при условии, что его дефицит финансируется за счет притока краткосрочного

капитала [7]. Однако дальнейшие исследования показали, что в разных странах корректировка начинается при разных уровнях дефицита в отношении к ВВП.

В настоящее время признанными методами оценки равновесного (он же является и устойчивым уровнем) дисбаланса выступают методы межстрановых панельных регрессий и подход внешней устойчивости. К первым относятся панельный регрессионный анализ текущего счета (the current account regression-based approach) и реального валютного курса (the real exchange rate regression-based approach). Подход внешней устойчивости базируется на том, что приведенная стоимость ТС должна быть не меньше приведенной стоимости текущих выплат по внешнему долгу.

Для оценки равновесного ТС, базирующегося на регрессионном анализе, характерно сочетание позитивного анализа текущих счетов и их нормативной оценки. Далее, он опирается на учет широкого круга факторов, включая экономическую политику, циклические условия, условия глобального рынка капитала, которые могут влиять на ТС. Оценка включает два этапа регрессионного анализа: первый является позитивным и сосредоточен на понимании изменений ТС путем оценки панельных регрессий; на втором этапе представлены оценки, которые более подходят для нормативной оценки текущих счетов. Второй этап опирается на информацию из результатов регрессии для оценки вклада «разрывов в политике» в формирование текущих счетов.

Важной характеристикой метода является модель регрессии ТС и комплекс учитываемых факторов и отвечающих им показателей в качестве независимых переменных. Группа базовых (традиционных) переменных включает производительность труда/уровень развития (связан с открытием счета движения капитала), ожидаемый рост в ближайшие 5 лет, запаздывающее соотношение чистых иностранных активов (NFA) к ВВП, чистый экспорт нефти и газа (прежде всего, важен для профицитных стран), относительный прирост и скорость старения населения как учитывающие демографический фактор, статус финансового центра, риски политической/институциональной среды. Финансовые факторы и показатели включают статус резервной валюты (доля собственной валюты в мировых валютных резервах), условия мирового рынка капитала или глобальная нерасположенность к риску, представленная в виде индекса VIX/VXO, частный кредит/ВВП (относительно собственного исторического среднего). Циклические/временные факторы охватывают относительный разрыв выпуска, а также соотношение экспортных и импортных цен на товары или условия торговли. Показатели-регрессоры проводимой политики: налогово-бюджетной — сбалансированность бюджета, социальной — уровень государственных расходов на здравоохранение к ВВП, валютной — валютные интервенции посредством оценки изменения в международных резервах к ВВП, финансовой — частный кредит к ВВП.

Позитивный анализ внешнего баланса на основе регрессии реального валютного курса представляет собой развитие методологии Консультативной группы по валютным курсам (CGER) [8]. В нем внимание сконцентрировано на обеспечении системности и последовательности между двумя подходами оценки внешнего баланса (ЕВА), основанными на регрессии, поскольку факторы формирования ТС оказывают влияние и на реальный валютный курс (REER). Главное отличие состоит в том, что подход ЕВА, основанный на регрессии REER, опирается на панельную регрессию отдельных индексов REER для каждой страны, которые не содержат межстрановых данных. Существенным отличием от подхода CGER является включение более широкого набора детерминант (как стратегических переменных, так и краткосрочных факторов). Система используемых независимых переменных также включает ряд факторов и показателей. Первая группа охватывает основные показатели, не обусловленные мерами экономической политики и финансовые факторы: уровень производительности/развития, отдельно или при взаимосвязи с открытостью счета движения капитала, VIX/VXO (показатель глобальной нерасположенности к риску), внутреннее финансовое смещение (Financial home

bias) (с лагом), характеризующее внутреннее предпочтение внутренних активов, рост населения, ожидаемый рост ВВП (пятилетний прогноз), условия торговли, торговая открытость, доля регулируемых цен в индексе потребительских цен. Регрессоры экономической политики включают: для валютной политики — валютные интервенции, сопутствующие контролю над движением капитала (доля международных резервов к ВВП), денежно-кредитной (при открытости счета движения капитала) — дифференциалы краткосрочных процентных ставок, скорректированные на инфляционные дифференциалы, финансовой в целом — частный кредит к ВВП (относительно собственного среднего уровня). Отличия состоят также и в том, что некоторые переменные, используемые в регрессии ЕВА, в регрессии REER обнаруживаются, как правило, незначимыми, например, бюджетная сбалансированность, или разрыв выпуска, который статистически значим, но при наличии регрессора процентных ставок включение данного показателя усложняет интерпретацию результатов.

В методологии ЕВА результаты регрессий используются как инструмент нормативной оценки балансов текущих счетов (СА) и реальных валютных курсов. Оценочное уравнение СА включает ряд переменных, которые полностью или частично находятся под влиянием мер проводимой политики в краткосрочной перспективе: бюджетная сбалансированность, средства контроля над движением капитала, социальные расходы, накопление резервов и принципы финансовой политики (определяемые частным кредитом).

Оценка ТС имеет своей целью измерить, насколько балансы вызваны отклонениями политики от желаемых или соответствующих уровней (определить разрывы политики). Нормативный уровень ТС — значение, вытекающее из регрессии при нахождении мер политики на желаемом уровне. Общий разрыв ТС — разрыв между его фактическим и нормативным значением. Осуществление ЕВА, таким образом, требует определения нормативных показателей для соответствующих параметров (уровней) каждой из шести областей политики: бюджетной, контроля над движением капитала, социальной, валютной, денежно-кредитной и финансовой в целом. В результате на этой основе определяются меры по достижению желаемого уровня составляющих экономической политики.

Важнейшим методом оценки внешней сбалансированности остается метод внешней устойчивости (*EBA external sustainability (ES) approach*). При растущем отрицательном текущем балансе возникает закономерный вопрос о возможности финансирования имеющегося (и возрастающего) уровня дефицита ТС за счет притока капитала и валютных резервов. Становится актуальным вопрос о допустимой величине или приемлемости дефицита. Наиболее известным является подход, сформулированный в работах G. Milesi Ferretti и A. Razin. В соответствии с ним предложены три концепции устойчивости внешних дисбалансов: платежеспособности или кредитоспособности (*debtor-country solvency*) страны-должника; устойчивости дисбаланса счета текущих операций; чрезмерности дефицита счета текущих операций (*excessive current-account deficit*) [9, p. 4–7; 10, p. 2–4].

Экономика платежеспособна, если современная дисконтированная стоимость будущих торговых профицитов равна текущей внешней задолженности [9, p. 4]. Вторая концепция предусматривает, что дисбаланс счета текущих операций будет считаться устойчивым, если продолжение в неизменном виде текущей экономической политики не потребует радикального ее изменения или не приведет к валютному и долговому кризисам [9, p. 5; 10, p. 3]. Концепция чрезмерности дефицита ТС основывается на сравнении текущего и оптимального значения дефицита, в динамическом аспекте — текущей динамики дефицита с его равновесной, оптимальной траекторией, рассчитанной в рамках признанной адекватной в данных условиях модели. Если текущий уровень дефицита превышает оптимальное значение, то дефицит ТС является избыточным и неустойчивым.

Одним из подходов к оценке устойчивости ТС является определение критериев и соответствующих им показателей состояния внешнего баланса, обоснование для них необ-

ходимого («нормативного») состояния или пороговых значений, интерпретация результатов с позиций соответствия текущего состояния желаемым параметрам. В рамках данного подхода нами разрабатывалась методика такой оценки и была проведена ее апробация на материалах Республики Беларусь [11, 12].

Подход ES оценивает устойчивость внешней позиции страны также путем сравнения отношения сальдо ТС счета к ВВП, который будет стабилизировать международную инвестиционную позицию (NFA/GDP) на определенном контрольном уровне. В отличие от других двух подходов ЕВА подход ES не ставит задачу определения меры регулирования, необходимые для приведения CA/GDP или RER к «оптимальному» уровню. И при этом подход ES не определяет стабильный или оптимальный уровень NFA/GDP. Чтобы рассчитать изменение CA/GDP, соответствующее стабилизации NFA/GDP на эталонном уровне, подход ES требует предположений о потенциальном темпе роста страны, уровне инфляции, нормы прибыли на внешние активы и пассивы и эталонном уровне NFA/GDP.

Расчет ES состоит из двух шагов. Первый включает вычисление уровня CA/GDP, который стабилизировал бы NFA/GDP на эталонном уровне. Второй шаг предполагает определение разрыва CA/GDP относительно прогноза (предполагая устранение разрывов выпуска, текущих реальных валютных курсов и текущей политики). Там, где это разрыв отличен от нуля, оценка ES состоит в том, что среднесрочный прогноз CA/GDP не стабилизирует эталонный уровень NFA/GDP.

Разрыв ES дополняет разрывы, определенные с помощью подходов, основанных на регрессии CA и REER, но не сопоставим с ними непосредственно. Основное отличие состоит в том, что ES не объясняет разрывы CA отклонениями от оптимальной политики (ни каким-то другим конкретным движущим фактором CA). Далее, разрывы, основанные на регрессии, сосредоточены на текущей конъюнктуре (при контроле циклического влияния), тогда как подход ES ориентирован на будущее. ES разрыв может быть более информативным относительно устойчивости в том случае, когда у стран есть значительная чистая задолженность, которая, как предполагается, увеличится в среднесрочной перспективе. Различия в основанном на регрессии разрыва CA и разрыва CA ES могли явиться результатом нескольких факторов: достижение конкретного эталонного уровня NFA/GDP, используемого в ES, может не согласовываться с оптимальным CA и траекторией NFA; несоответствия между текущей политикой (предполагаемой ES) и желательной комбинацией мер политики (предполагаемой CA).

Сравнительный анализ методов оценки внешнего баланса национальной экономики позволил выделить их сильные стороны и имеющие место ограничения. В частности:

1) подход, основанный на регрессионном анализе ТС, часто является наиболее информативным и надежным из трех подходов ЕВА. Он в состоянии использовать преимущество межстрановых данных. Его ограничения, как правило, наиболее очевидны в анализе стран с высокой степенью зависимости от секторов природных ресурсов и относительно небольших стран, являющихся финансовыми центрами;

2) подход, основанный на регрессионном анализе валютного курса дополняет первый. Его ограничения — снижение надежности в странах с большими структурными изменениями, а также с короткими интервалами данных;

3) подход внешней устойчивости наиболее актуален и информативен для стран с большим дисбалансом NFA, и для которых существует четкое представление о том, какой уровень NFA будет более приемлемым, или о том, что дальнейшее расширение дисбаланса NFA нежелательно. Такая ситуация может иметь место только к небольшой группе стран, но для этих случаев вопрос внешней устойчивости может быть одним из самых важных.

Источники

1. Гурвич, Е. Т. Анализ механизмов внешней адаптации российской экономики [Электронный ресурс] / Е. Т. Гурвич, И. В. Прилепский // Научно-образовательный портал IQ. — Режим доступа: <https://iq.hse.ru/data/2013/04/02/1233154698/3-гур-прилеп.pdf>. — Дата доступа: 02.11.2018.
Gurvitch, E. T. Analysis of mechanisms of external adaptation of Russian economy [Electronic resource] / E. T. Gurvitch, I. V. Prilepskiy // Scientific and educational portal IQ. — Mode of access: <https://iq.hse.ru/data/2013/04/02/1233154698/3-гур-прилеп.pdf>. — Date of access: 02.11.2018.
2. Внезапное прекращение движения капитала и валютные кризисы / Л. Эфремидзе [и др.] // Журн. фин. экон. политики. — 2011. — Т. 3(4). — С. 304–321.
Sudden Stops and Currency Crises / L. Efremidze [et al.] // J. of Financial Econ. Policy. — 2011. — Vol. 3(4). — P. 304–321.
3. Обстфельд, М. Внешнеэкономическое регулирование / М. Обстфельд // Обзор мировой экономики. — 2004. — Т. 140 (4).
Obstfeld, M. External Adjustments / M. Obstfeld // Review of World Economics. — 2004. — Vol. 140 (4).
4. Обстфельд, М. Является ли текущий счет значимым фактором? / М. Обстфельд // Национальное бюро экономических исследований. — Рабочий доклад. — 2012. — 17877.
Obstfeld, M. Does The Current Account Still Matter? / M. Obstfeld // NBER. — Working Paper. — 2012. — 17877.
5. Бланшар, О. (Почему) следует сокращать дефицит текущего счета? / О. Бланшар, Г. М. Милеси-Ферретти // Результаты исследования рабочей группы МВФ. — 2003. — Заметка номер 11/03.
Blanchard, O. (Why) Should Current Account Balances Be Reduced? / O. Blanchard, G. M. Milesi-Ferretti // IMF Staff Discussion. — 2003. — Note No. 11/03.
6. Методология оценки внешней сбалансированности / С. Филлипс [и др.] // МВФ. — Рабочий доклад. — 2013. — 272.
External Balance Assessment (EBA) Methodology / S. Phillips [et al.] // IMF. — Working Paper. — 2013. — 272.
7. Саммерс, Л. Комментарий / Л. Саммерс // Изменчивость потоков капитала / Р. Хаусманн, Л. Ройяз-Суарез (ред.) // Межамериканский банк развития. — 1996.
Summers, L. Commentary / L. Summers // Volatile Capital Flows / R. Hausmann, L. Rojas-Suarez (eds.) // Inter-American Development Bank. — 1996.
8. Методология оценки валютного курса Консультативной группы по вопросам валютных курсов : утв. Рагурам Г. Райян. — МВФ. — 2006. — Ноябрь.
Methodology for CGER Exchange Rate Assessments : Approved by Raghuram G. Rajan // IMF. — 2006. — Nov.
9. Милеси-Ферретти, Г. М. Устойчивость текущего счета / Г. М. Милеси-Ферретти, А. Разин // Результаты исследования Университета Принстон в области финансов. — Принстон. Нью-Джерси. — 1996. — № 18. — 66 с.
Milesi-Ferretti, G. M. Current Account Sustainability / G. M. Milesi-Ferretti, A. Razin // Princeton Studies in International Finance. — Princeton. New Jersey. — 1996. — № 18. — 66 p.
10. Милеси-Ферретти, Г. М. Устойчивость хронических дефицитов текущего счета / Г. М. Милеси-Ферретти, А. Разин // Рабочий доклад Национального бюро экономических исследований. — 1996. — № 5467. — 68 с.
Milesi-Ferretti, G. M. Sustainability of Persistent Current Account Deficits / G. M. Milesi-Ferretti, A. Razin // NBER Working Paper. — 1996. — № 5467. — 68 p.
11. Факторы формирования внешнего дисбаланса национальной экономики Республики Беларусь / А. П. Левкович [и др.] // Управление социально-экономическими системами : материалы междунар. науч. конф., Вологда, 2–3 февр. 2017 г. / Вологод. гос. ун-т ; редкол.: Е. С. Губанова (гл. ред.) [и др.]. — Вологда, 2017. — С. 94–97.
Formation factors of external imbalance of the national economy of the Republic of Belarus / A. P. Levkovich [et al.] // Management of social and economic systems : materials of the intern. sci. conf., Vologda, 2–3 Febr. 2017 / Vologda State Univ. ; editorial board: E. S. Gubanova (chief ed.) [et al.]. — Vologda, 2017. — P. 94–97.
12. Внешние дисбалансы национальной экономики Республики Беларусь: тенденции развития и факторы формирования и устойчивости / А. П. Левкович [и др.] // Экономический вестник

университета. Сборник научных трудов ученых и аспирантов / Переяслав-Хмельниц. гос. пед. ун-т им. Григория Сковороды ; редкол.: Т. М. Боголиб (гл. ред.) [и др.]. — 2017. — № 33/2. — С. 325–334.

External imbalances of the national economy of the Republic of Belarus: trends and factors of formation and sustainability / A. P. Levkovich [et al.] // Economic Bulletin of the University. Collection of scientific works of scientists and graduate students / Pereyaslav-Khmel'nitsky State Ped. Univ. named Gregory Skovoroda ; editorial board: T. M. Bogolib (chief ed.) [et al.]. — 2017. — № 33/2. — P. 325–334.

Статья поступила в редакцию 15.11.2018 г.

УДК 336.22

I. Lukianova
BSEU (Minsk)

TAX SYSTEM OF THE STATE AND ECONOMIC GROWTH: PROBLEMS OF IMPROVING THE TAX STRUCTURE

The article is devoted to the study of the development of theoretical models of growth in the context of the possible use of an additional tax factor to ensure sustainable growth. In a certain way effectively organized tax system could be such a factor. Empirical data in the Republic of Belarus are investigated concerning the relationship between the growth of gross domestic product and changes in the fiscal policy and the structure of taxation. The functions of the dependence of GDP on the dynamics of direct and separately on the dynamics of indirect taxes are analyzed.

Keywords: tax system; tax structure; direct and indirect taxes; economic growth indicators; tax optimization; tax efficiency.

И. А. Лукьянова
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВА И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Статья посвящена изучению развития теоретических моделей роста в контексте возможного использования дополнительного налогового фактора для обеспечения устойчивого роста. Таким фактором может быть определенным образом эффективно организованная система налогов. Исследуются эмпирические данные по Республике Беларусь, касающиеся связи роста валового внутреннего продукта и изменений в фискальной политике и структуре налогообложения. Отдельно анализируются функции зависимости ВВП от динамики прямых и от динамики косвенных налогов.

Ключевые слова: налоговая система; структура налогов; прямые и косвенные налоги; показатели экономического роста; оптимизация налогообложения; эффективность налогообложения.

Национальная стратегия устойчивого развития Беларуси требует от налоговой политики создания и обеспечения стабильных институциональных условий для развития экономики и общества.

В условиях, когда современные налоговые государства перераспределяют через налогово-бюджетную систему значительную часть производимого ВВП, вопросы воздей-

ствия фискальных инструментов на темпы и качество экономического роста актуализируются и находятся в фокусе многих исследователей и научных школ.

Отдельные проводимые зарубежными учеными исследования в области структур налоговых систем показывают наличие корреляции между приоритетами в дизайне налоговых систем и экономическим ростом. В частности, предметом рассмотрения ученых являются различные группы налогов с учетом их нормативных и эффективных ставок. Для западных экономик, применяющих прогрессивные шкалы, расчет эффективной ставки принципиален, поскольку предельные нормативные ставки могут существенно отклоняться от эффективных [1].

Целью настоящего исследования является установление зависимости между проводимой фискальной политикой в части дизайна системы применяемых налогов и показателями роста валового внутреннего продукта для прогнозирования изменений темпов роста страны в связи с изменениями фискальной политики.

Теория экономического роста, сформулированная Робертом Солоу в статье 1956 г. «Вклад в теорию экономического роста» [2] известна сегодня как теория экзогенного роста. Модель Солоу, иногда называемая неоклассической моделью экономического роста, является одной из первых и наиболее широко используемых для прогнозирования макроэкономических моделей. Согласно этой модели предполагается, что производственная функция есть функция труда и накопления капитала, в то время как темпы роста численности технологического прогресса постоянны и уровень сбережений определяются либо вне модели, либо экзогенно. Кроме того, модель предполагает отсутствие налогов и государственных трансфертов.

Новая теория роста (называемая теорией эндогенного роста) начала развиваться в 1980-х гг. с исследованиями Пола Ромера, Роберта Э. Лукаса [3, 4] и др. Данная теория подчеркивает, что экономический рост является эндогенным результатом соответствующей экономической системы, а не результатом сил извне [3]. Модели эндогенного роста пытаются моделировать рост, введя дополнительные факторы, отражающие уровень научных исследований и разработок (R&D), которые производят новые технологии в экономике, а также изменения в человеческом капитале [4].

Ромер [3] разработал модель, которая включала знания в качестве фактора производства, который увеличивал предельную производительность. Согласно интерпретации модели Ромера, объем производства на душу населения может возрастать с течением времени, что отличается от идеи уменьшающейся отдачи от масштаба производства на душу населения в модели Солоу.

Р. Лукас [4] рассматривал альтернативу стандартным экзогенным технологическим изменениям, которые были показаны в модели Солоу. Он добавил человеческий капитал к модели как эндогенный источник экономического роста, предположив, что уровень квалификации является хорошим фундаментом для развития человеческого капитала, соответственно качество последнего можно повысить путем дополнительного образования.

Ноннеман и Ванхутт [5] развивали модели, разработанные Манкивом, Ромером и Вейлем [6], включая в модель Солоу человеческий капитал и эндогенные технологические ноу-хау, объясняющие кросс-страновые колебания ВВП на душу населения.

Согласно идее Дж. Майлза [7] налогообложение также должно быть включено в модель эндогенного роста, поскольку различные налоги или инструменты государственной политики могут влиять на некоторые из переменных, которые важны для экономического роста, такие как уровень инвестиций и уровень образования. Например, если функция экономического роста определяется моделью

$$g_y = f(a_1(t_1), a_2(t_2)), \quad (1)$$

где a_1 и a_2 — два фактора: расходы на НИОКР (R&D) и образование; t_1 и t_2 — два налога (соответственно корпоративный подоходный налог или подоходный налог с физических лиц).

Тогда эффект налога можно представить в следующем виде:

$$\frac{dg_y}{dt_i} = \frac{\partial g_y}{\partial a_i} \frac{da_i}{dt_i}. \quad (2)$$

Даже если налог имеет существенное влияние на поведение экономических агентов, и соответственно отношение da_i / dt_i составляет значительную величину, его воздействие на экономический рост не обязательно будет столь существенным, если $\partial g_y / \partial a_i$ незначительно. И наоборот, даже если влияние налога на поведение экономических агентов не настолько эластично, данный налог может влиять на экономический рост значительно при условии, что отношение $\partial g_y / \partial a_i$ велико.

Следовательно, страны получают различные результаты в ответ на изменение налогов. Даже если экономические агенты ведут себя одинаково, т.е. все уменьшают инвестиции в человеческий капитал, когда повышается налог на прибыль, влияние на рост может быть различным. Это определяется структурными отличиями, когда одни экономики полагаются в большей степени на накопление человеческого капитала для роста, тогда как другие сосредоточены на выполнении научно-исследовательских работ и повышении уровней технологического оборудования. Соответственно одна и та же налоговая политика может иметь очень разные последствия для роста.

Налоги влияют на решение человека работать, инвестировать, экономить и тратить. Правительства стремятся максимизировать свои налоговые поступления для финансирования общественных благ и услуг, но они также нуждаются в структуре налогообложения, которая не слишком искажает решения экономических агентов и содействует экономическому росту. Подходящие налоги на личные и на корпоративные доходы (аналоги подоходного налога и налога на прибыль в Беларуси), а также добавленную стоимость, в настоящее время являются тремя крупнейшими формами налогообложения. По состоянию на 2008 г. средняя страна ОЭСР генерировала более 50 % своих налоговых поступлений только от этих налогов (рис. 1) [8].

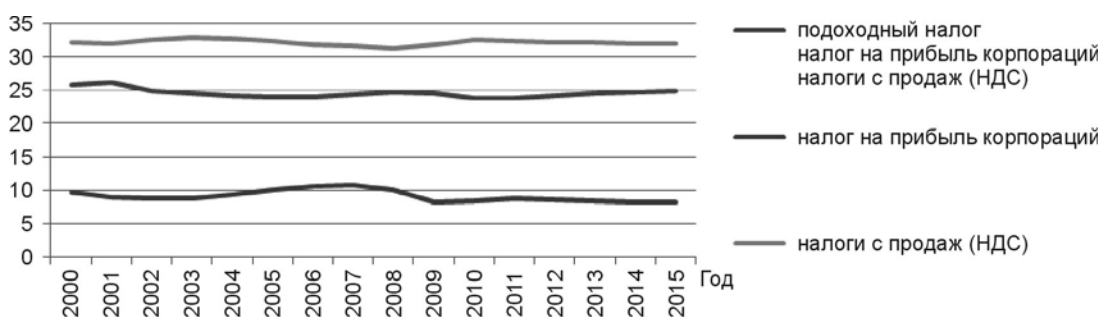

Рис. 1. Доли трех налогов в общем объеме налоговых поступлений в странах ОЭСР, в 2000–2015 гг.

Источники: разработано автором на основе <http://www.oecd.org/tax/tax-policy/tax-database.htm#VATTables>.

Конечно, ставки, по которым эти налоги взимаются, различаются в разных странах ОЭСР, и эти различия могут быть существенны при влиянии на экономический рост. Также и способ, которым эти различные налоги разрабатываются и внедряются, очень важен для экономического роста. Однако анализ влияния указанных налогов на объем производства на душу населения важен для того, чтобы проводить налоговую реформу,

менять структуру налогов, для минимизации отрицательного эффекта на рост производства.

Корпоративный подоходный налог представляет собой изъятие части дохода или собственного капитала юридических лиц внутри страны. На инвестиционные решения фирмы или корпорации он влияет через ожидаемый чистый располагаемый доход, который собственники получают от этих инвестиций. То есть более высокий уровень корпоративного налогообложения снизит объем инвестиций фирм, поскольку он уменьшит чистый доход по этим инвестициям. Ставка корпоративного налога должна быть включена в модель роста, потому что налогообложение влияет на инвестиционное поведение.

Холл и Йоргенсен [9] еще в 1967 г. установили, что инвестиционный налоговый кредит 1962 г. оказал очень сильное влияние на инвестиции, что привело к инвестиционному буму. Налоговый кредит привел к значительному увеличению капиталовложений на машины и оборудование. То же касается и ставки корпоративного налога, поскольку люди будут более склонны инвестировать в корпорации, если доходность после налогообложения будет выше.

Р. Гордон и Я. Ли [10] считают, что ставка корпоративного налога оказывает наибольшее негативное влияние на рост производства на душу населения. ОЭСР также заключила в своем отчете за 2009 г. «Реформы экономической политики: движение к росту» [11], что увеличение ставки корпоративного налога отрицательно влияет на рост производства. Вместе с тем ставка корпоративного налога также демонстрирует четкую отрицательную тенденцию к снижению с 1980-х гг. (рис. 2).

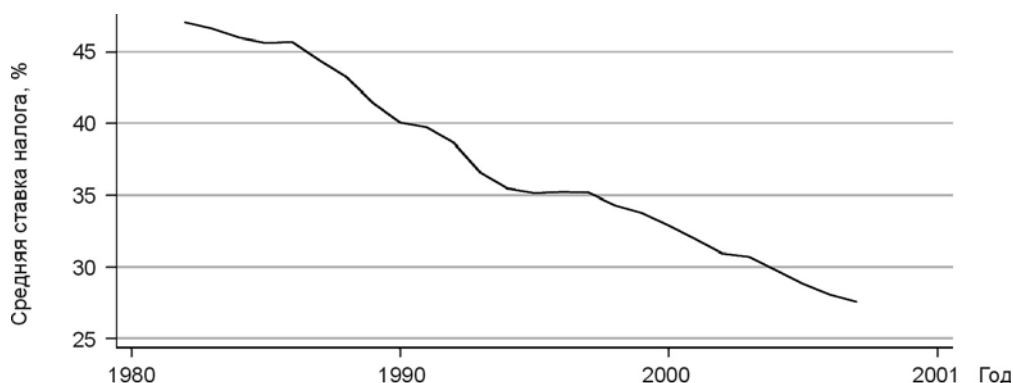

Рис. 2. Ставки налога на корпоративную прибыль в странах ОЭСР, в 1980–2010 гг. (простой средний показатель по всем странам)

Источники: разработано автором на основе [12].

Анализируя данные рис. 2, можно предположить, что должны существовать определенные положительные экономические последствия снижения ставок корпоративного налога, поскольку эта тенденция к снижению продолжается с 1980 г.

Следует сказать, что последствия корпоративного налога являются одной из самых обсуждаемых тем в государственных финансах, потому что есть много экономистов, которые считают, что корпорации не должны облагаться налогом вообще [13]. О. Гулсби [14] установил, что налогообложение корпоративного капитала приводит к движению капитала из корпоративного сектора в некорпоративный. Некорпоративный сектор предполагает уплату подоходного налога с населения вместо корпоративного подоходного налога.

Если ставка корпоративного налогообложения может повлиять на инвестиции в физический капитал, которые предпринимают фирмы, то это, безусловно, должно влиять на темпы экономического роста в экономике.

В развитых странах правительства получают весомую долю налоговых поступлений от налогообложения доходов физических лиц (см. рис. 1). Подоходный налог с физических лиц включается в модель роста, поскольку налоги на труд могут оказывать неблагоприятное воздействие на решение человека найти работу, а также выполнять работу в сверхурочные часы.

Из рис. 3 очевидно, что в 1980–2000 гг. в странах ОЭСР произошло резкое снижение средней максимальной предельной ставки подоходного налога.

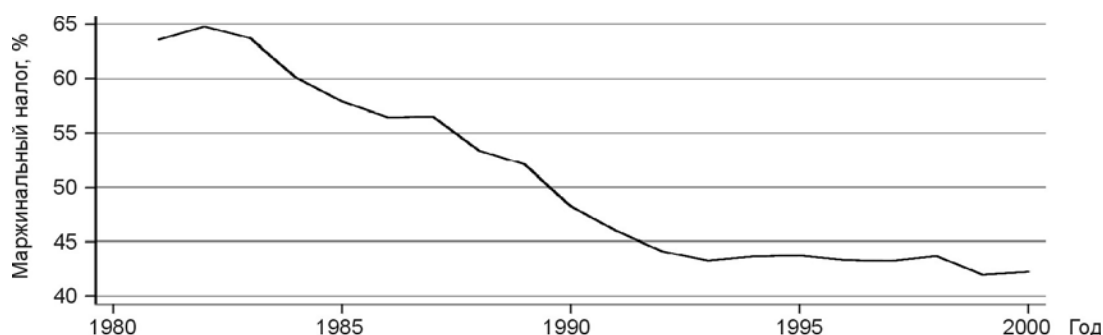

Рис. 3. Средняя предельная ставка подоходного налога с подоходного налога ОЭСР

Источники: разработано автором на основе [12].

Поскольку средняя предельная налоговая ставка по трудовым доходам уменьшалась в течение анализируемого периода, она может дать некоторое представление о том, как налоги на трудовой доход влияют на темпы экономического роста. Опираясь на теории налогообложения, можно ожидать, что более высокая предельная ставка подоходного налога будет препятствовать тому, чтобы работник работал один лишний час или, возможно, не поощряет их получать дополнительное образование, что может оказать непосредственное влияние на темпы экономического роста, поскольку образование является одним из основных факторов экономического роста [5].

Подоходные налоги могут влиять на качество человеческого капитала, что свидетельствует и об их воздействии на качество экономического роста. На примере Норвегии исследователи [15] показали, что некоторые налоги поощряют образовательные достижения, в то время как другие препятствуют получению образования (табл. 1).

Таблица 1. Влияние налогов на получение образования

Виды налогов	Влияние на образование
Пропорциональный налог на заработную плату	–
Пропорциональный налог на прибыль	+
Пропорциональный подоходный налог	+
Пропорциональный налог на заработную плату, когда предложение рабочей силы является эндогенным	–
Прогрессивный налог на заработную плату	–

Источники: составлено автором на основе [12].

Налог на добавленную стоимость представляет собой форму налога на потребление, которая по существу является налогом на расходы при приобретении товаров и услуг. Для покупателя налог на добавленную стоимость — это всего лишь налог на покупку товара или услуги.

Все страны ОЭСР, за исключением США, применяют налог на добавленную стоимость как важнейший фискальный инструмент. Теоретически более высокая ставка налога на добавленную стоимость будет снижать потребление, поскольку количество товаров и услуг, которые могут быть приобретены с определенным доходом, будет меньше, но это может способствовать сбережениям, которые, переливаясь в экономику в форме накопления и инвестиций, являются одним из факторов экономического роста в соответствии с моделью Солоу. Считается, что налоги на потребление оказывают меньшее неблагоприятное воздействие на рост, чем многие другие виды налогов, поскольку равная ставка налога применяется и к текущему и будущему доходу. Кроме того, считается, что НДС имеет меньшую эластичность по сравнению с налогом на доход и капитал [16]. Соответственно если налог на добавленную стоимость имеет тенденцию быть менее цикличным и менее неблагоприятным для роста производства, тогда возможно, что переход к увеличению поступлений от налога на добавленную стоимость может быть выгодным. Из рис. 1 видно, что в анализируемом периоде произошло значительное увеличение доли общих налоговых поступлений от налога на добавленную стоимость. Средние ставки налога на добавленную стоимость для стран — членов ОЭСР с 1980-х гг. резко выросли (рис. 4).

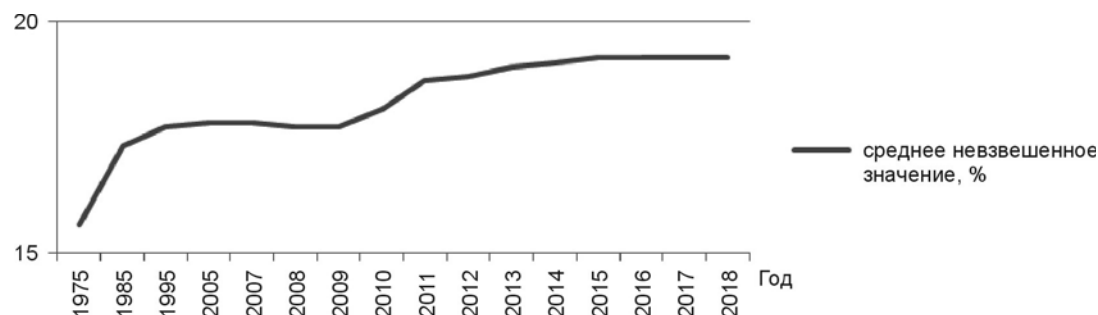

Рис. 4. Средняя ставка НДС по странам ОЭСР, %

Источник: разработано автором на основе <http://www.oecd.org/tax/tax-policy/tax-database.htm#VATTables>.

Анализ эмпирических данных по странам ОЭСР за 1980–2004 гг., проведенный Люком Рейнером [12] показал, что существует определенная корреляция динамики ставок трех анализируемых налогов и уровня ВВП на душу населения.

Исследователь сформулировал регрессионное уравнение

$$Y = \beta Ct + \beta Pt + \beta Vt + \beta X + e, \quad (3)$$

где Y — рост ВВП на душу населения в 1980–2004 гг.; Ct — верхняя ставка корпоративного налога; Pt — ставка подоходного налога; Vt — ставка налога на добавленную стоимость; X — вектор управления, включая некоторые из наиболее часто используемые переменные в литературе по экономическому росту; e — оценочные остатки из результатов регрессии.

Анализ полученных данных показал высокую корреляцию роста ВВП с Налогом на добавленную стоимость (около 62 %). Однако это скорее всего вызвано тем, что НДС

опосредует любое движение добавленной стоимости. Установление математической зависимости между экономическим ростом и изменением ставки НДС показали наличие положительной зависимости. Так, увеличение налога на добавленную стоимость на 1 п. п. может привести к увеличению ВВП на душу населения на 0,011 % [12]. Очевидно, что степень зависимости экономического роста от данного косвенного налога не столь велика, чтобы осуществлять какие-либо специальные фискальные интервенции.

Результаты проведенного исследования показали, что увеличение ставки корпоративного налога на один процентный пункт снизит темпы роста ВВП на душу населения за пятилетний период на 0,022 % [12]. То есть высокие налоги на капитал могут повлиять на темпы роста экономики. Поскольку в данном исследовании анализировались эффективные ставки, можно предположить, что на величину экономического роста могут повлиять как собственно номинальные ставки, так и система вычетов.

Относительно изменения подоходного налога, данные исследования показали, что рост ставки налога на труд на единицу может привести к снижению темпов роста ВВП на душу населения на 0,0439 %. Очевидно, что влияние подоходного налога на рост ВВП незначительно.

В целом, несмотря на то что полученные данные свидетельствуют о влиянии налоговых инструментов на экономический рост, тем не менее степень их воздействия на этот показатель не слишком велика.

Для анализа эмпирических данных о влиянии элементов фискальной политики на рост валового внутреннего продукта в Республике Беларусь нами была разработана и проанализирована ряд моделей.

Данные динамики отдельных макроэкономических показателей функционирования белорусской экономики (рис. 5), а также рассчитанные на основании данных о динамике коэффициенты корреляции (табл. 2), позволяют говорить о достаточно слабой корреляции между ростом ВВП и динамикой налоговой нагрузки (коэффициент 0,09) по сравнению, например, с динамикой учетной ставки национального банка (коэффициент 0,72) или индексом инфляции, хотя последняя корреляция представляется естественной.

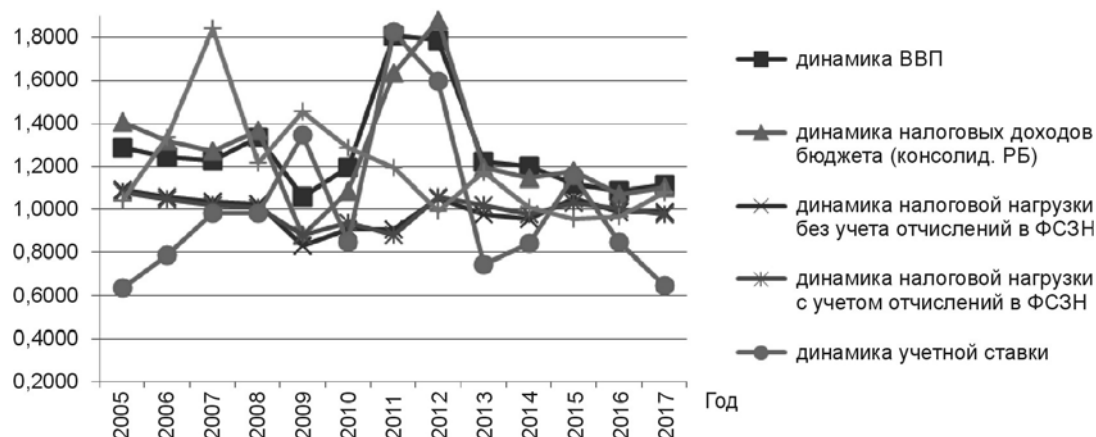

Рис. 5. Динамика отдельных макроэкономических показателей по Республике Беларусь.

Источники: разработано автором на основе <http://www.belstat.gov.by>.

Таблица 2. Коэффициенты корреляции динамики ВВП
и отдельных макроэкономических показателей по Республике Беларусь, 2005–2017 гг.

Коррелируемый показатель	Коэффициент корреляции
Динамика налоговых доходов бюджета	0,9299
Динамика налоговой нагрузки	0,0925
Динамика налоговой нагрузки, включая отчисления в ФСЗН	–0,0147
Динамика учетной ставки Национального банка	0,7206
Динамика индексам инфляции	0,6111
Динамика размера государственного долга	–0,1211

Источники: разработано автором на основе <http://www.belstat.gov.by>.

Попытка установить лучшую корреляцию с учетом возможной отсрочки влияния изменений в налогообложении на рост ВВП не показала какого-либо существенного изменения данного показателя.

Несмотря на незначительную корреляцию, для выяснения воздействия влияния на рост ВВП разного типа налогов проанализированы воздействия на ВВП отдельно прямых (рис. 6) и отдельно косвенных (рис. 7) налогов.

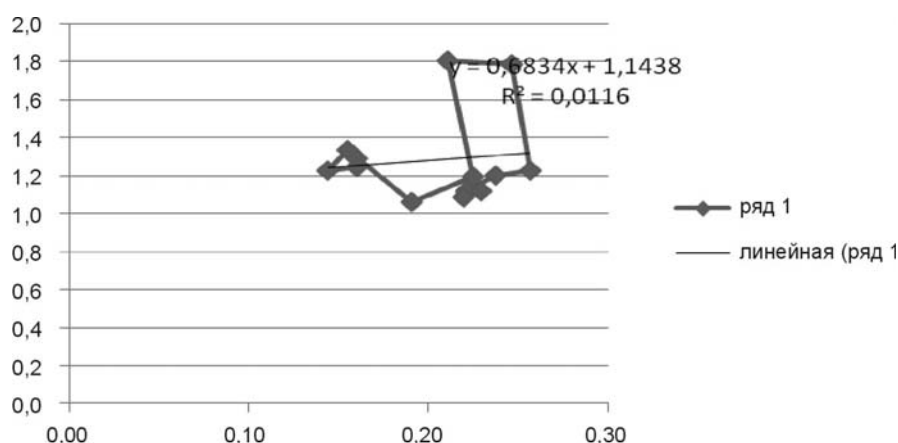

Рис. 6. Зависимость ВВП от доли прямых налогов

Источники: разработано автором на основе <http://www.belstat.gov.by>.

Коэффициент детерминации модели (см. рис. 6) составляет 0,011, т.е. в 1,1 % случаев изменения доли прямых налогов приводят к изменению ВВП. Другими словами, точность подбора уравнения регрессии низкая. Соответственно 98,9 % ВВП объясняются иными факторами.

Коэффициент детерминации в модели зависимости ВВП от косвенных налогов (см. рис. 7) по косвенным налогам выше, он равен 0,035, т.е. в 3,5 % случаев изменения доли косвенного налогообложения приводит к изменению ВВП. Но без сомнения точность подбора уравнения регрессии слишком низкая.

Для исследования степени влияния частных факторов на рост ВВП были разработаны факторные модели зависимости ВВП от налоговой нагрузки, учетной ставки НБ, уровня инфляции.

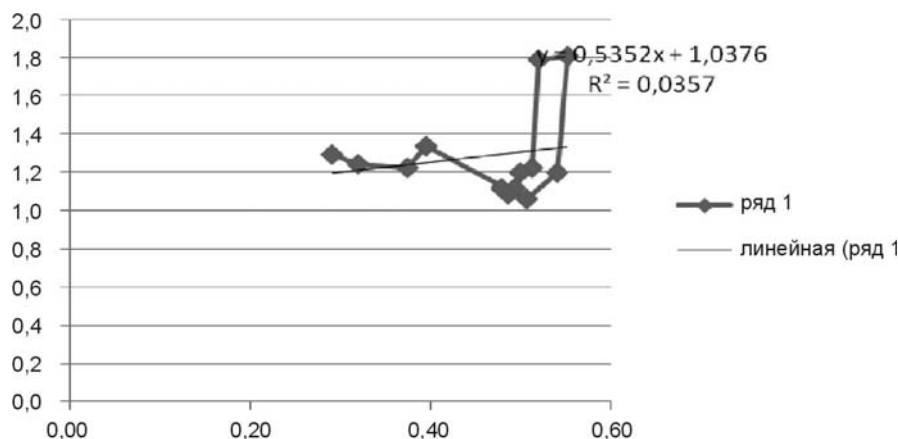

Рис. 7. Зависимость ВВП от изменения доли косвенных налогов

Источники: разработано автором.

При этом показатели налоговой нагрузки анализировались как с учетом отчислений в ФСЗН, так и без учета.

Обе полученные модели достаточно достоверно описывают данную зависимость. Показатель R -квадрат равен соответственно 0,76 и 0,71, что соответствует 76 и 71 % достоверности влияния. В модели существует вероятность наличия автокорреляции между показателями «индекс инфляции» и «учетная ставка» (критерий Дарбина-Уотсона). На 24–29 % на модель влияют неучтенные факторы.

Наилучшее уравнение, описывающее данную зависимость:

$$i\Delta Y = 0,246 i\Delta T + 0,042 i\Delta I + 1,246 i\Delta R, \quad (4)$$

где $i\Delta Y$ — динамика ВВП; $i\Delta T$ — динамика налоговой нагрузки (с соцстрахом); $i\Delta I$ — динамика индекса инфляции; $i\Delta R$ — динамика учетной ставки Национального банка.

Данная модель свидетельствует о том, что в целом для Беларуси фактор налоговая нагрузка не так существенно влияет на изменения в ВВП, как, например, учетная ставка Национального банка. То есть приоритеты в настоящее время находятся в сфере денежно-кредитной, а не фискальной политики.

Исследование показало, что структура системы налогов, а в частности наличие или преобладание определенного вида налогов (прямых или косвенных), является частным предметом анализа для формирования инструментария обеспечения одновременно фискальной и регулирующей роли налогообложения.

Как доказывают современные исследования качество налоговой системы наряду с другими факторами также может сказываться на показателях роста. Соответственно исследования степени влияния различных групп налогов на экономический рост представляются актуальной задачей, решение которой имеет как экономический, так и социальный эффект.

Анализ зарубежного теоретического опыта, исследований белорусских ученых [17, 18], а также эмпирических данных функционирования экономики Беларуси показали актуальность анализа различных факторов роста для нашей экономики.

Качество налоговой системы коррелирует с ростом Валового внутреннего продукта. Вместе с тем иные инструменты государственного регулирования в настоящее время имеют приоритет по сравнению с фискальной политикой в нашей стране.

Полагаю, что результаты работы могут быть использованы для дальнейшего совершенствования налоговой системы Беларуси в направлении повышения эффективности и справедливости.

Источники

1. *Mendoza, E. G.* On the ineffectiveness of tax policy in altering long run growth: Harberger's superneutrality conjecture / E. G. Mendoza, G. M. Milesi-Ferretti, P. Asea // *J. of Publ. Economics*. — 1997. — № 66. — P. 99–126.
2. *Solow, R. M.* A Contribution to the Theory of Economic Growth / R. M. Solow // *The Quart. J. of Economics*. — 1956. — Vol. 70, № 1. — P. 65–94.
3. *Romer, P. M.* The Origins of Endogenous Growth / P. M. Romer // *J. of Economic Perspectives*. — 1994. — № 8 (1). — P. 3–22.
4. *Lucas, R. E.* On the mechanics of economic development / R. E. Lucas // *J. of Monetary Economics*. — 1988. — № 22. — P. 3–42.
5. *Nonneman, W.* A Further Augmentation of the Solow Model and the Empirics of Economic Growth for OECD Countries / W. Nonneman, P. Vanhoudt // *Quart. J. of Economics*. — 1996. — № 111. — P. 943–953.
6. *Mankiw, N. G.* A Contribution to the Empirics of Economic Growth / N. G. Mankiw, D. Romer, D. N. Weil // *Quart. J. of Economics*. — 1992. — № 107. — P. 407–437.
7. *Myles, G. D.* Economic Growth and the Role of Taxation / G. D. Myles // Report prepared for the OECD. — 2007. — Mar.
8. Данные статистики по странам ОЭСР [Электронный ресурс] // OECD. — Режим доступа: <https://data.oecd.org/tax/tax-on-goods-and-services.htm#indicator-chart>. — Дата доступа: 10.10.2018.
9. *Hall, R. E.* Tax policy and investment behavior / R. E. Hall, D. W. Jorgenson // *Amer. Econ. Rev.* — 1967. — № 57. — P. 391–414.
10. *Leea, Y.* Tax structure and economic growth / Y. Leea, R. H. Gordon // *J. of Publ. Economics*. — 2005. — № 89. — P. 1027–1043.
11. Economic Policy Reforms: Going for Growth. — France : OECD Publ., 2009. — Web. 15 May 2013.
12. *Raynor, L.* Tax Structure and Economic Growth. An OECD Analysis. Applied Economics and Finance [Electronic resource] / L. Raynor // StudentTheses@CBS. — Mode of access: http://studenttheses.cbs.dk/bitstream/handle/10417/4139/luke_raynor.pdf. — Date of access: 07.09.2018.
13. *Coy, P.* Should We Abolish the Corporate Income Tax? [Electronic resource] / P. Coy // Bloomberg Businessweek. — Mode of access: <http://www.businessweek.com/articles/2012-02-26/should-we-abolish-the-corporate-income-tax>. — Date of access: 11.10.2018.
14. *Goolsbee, A.* The Impact of the Corporate Income Tax: Evidence from State Organizational Form Data / A. Goolsbee // *J. of Publ. Economics*. — 2004. — № 88. — P. 2283–2299.
15. *Alstadsæter, A.* Income Tax, Consumption Value of Education, and the Choice of Educational Type / A. Alstadsæter // CESifo Working Paper. — 2003. — № 1055.
16. *Sobel, R. S.* Cyclical Variability in State Government Revenues / R. S. Sobel, R. G. Holcombe // Working Papers 1992_06_7. — 1992. — Department of Economics, Florida State Univ.
17. Налог на прибыль: современные тенденции и перспективы модернизации в Республике Беларусь / И. А. Лукьянова [и др.] — Минск : БГАТУ, 2017. — 372 с.
Nalog na pribyl': sovremennye tendentsii i perspektivy modernizatsii v Respublike Belarus' / I. A. Luk'yanova [i dr.] — Minsk : BGATU, 2017. — 372 s.
18. Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси / К. В. Рудый [и др.] ; под науч. ред. К. В. Рудого. — Минск : Звязда, 2016. — 464 с.
Finansovaya dieta: reformy gosudarstvennykh finansov Belarusi / K. V. Rudyi [i dr.] ; pod nauch. red. K. V. Rudogo. — Minsk : Zvyazda, 2016. — 464 s.

Статья поступила в редакцию 27.11.2018 г.

M. Markusenko
BSEU (Minsk)

CURRENCY POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE SYSTEM OF PRIORITIES OF MONETARY REGULATION

Directions of interaction of currency and monetary policy identified. The conclusion about the decisive importance of monetary stability to achieve the priorities of monetary regulation has been made. The relationship of the nominal effects of the currency channel of the transmission mechanism of monetary policy with the directions of realization of the economic interests of groups of participants in the foreign exchange market has been determined. The conclusion on the expediency of using the state currency policy instruments to influence the interests of groups of participants in the foreign exchange market when cash flows in foreign currency are made. Measures to ensure the purchase and sale surplus by business entities on the domestic market by enterprises in the context of currency liberalization have been proposed.

Keywords: monetary regulation; priorities; currency policy; exchange rate; currency channel; transmission mechanism; motives; central bank; currency market; market participants; foreign currency.

М. В. Маркусенко
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ВАЛЮТНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СИСТЕМЕ ПРИОРИТЕТОВ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Выявлены направления взаимодействия валютной и денежно-кредитной политики. Сделан вывод об определяющем значении валютной стабильности для достижения приоритетов денежно-кредитного регулирования. Определена взаимосвязь номинальных эффектов валютного канала трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики с направлениями реализации экономических интересов групп участников валютного рынка. Сделано заключение о целесообразности использования государством инструментов валютной политики с целью воздействия на интересы групп участников валютного рынка при движении потоков денежных средств в иностранной валюте. Предложены меры по обеспечению профицита купли-продажи субъектами хозяйствования валюты на внутреннем рынке предприятиями в условиях валютной либерализации.

Ключевые слова: денежно-кредитное регулирование; приоритеты; валютная политика; обменный курс; валютный канал; трансмиссионный механизм; мотивы; центральный банк; валютный рынок; участники рынка; иностранная валюта.

Денежно-кредитная и валютная политика выступают важнейшими составляющими макроэкономической политики и активно применяются современными государствами. В экономической литературе большое внимание уделено различным аспектам денежно-кредитной и валютной политики, которые нашли отражение в работах российских и белорусских авторов — М.А. Абрамовой, В.В. Геращенко, Л.Н. Красавиной, О.И. Лаврушина, Е.А. Леонтьевой, С.Р. Моисеева, В.В. Масленникова, А.В. Навой, П.В. Трунина, А.В. Улюкаева, В.М. Усоскина, Г.Г. Фетисова, Г.Л. Вардеваняна, А.Е. Дайнеко, Б.Н. Желибы, А.И. Лученка, П.Г. Никитенко, А.А. Матяса, О.И. Румянцевой, В.И. Тарасова, А.О. Тихонова, И.Э. Точицкой и др.

Список зарубежных авторов, исследующих вышеназванные вопросы, также широк: J.M. Keynes, F. Milton, K. Rogoff, F. Mishkin, M. Savastano, B. MaCallum, S. Edwards, I. Korhonen и многие другие.

Вместе с тем в научной литературе некоторые аспекты денежно-кредитной политики остаются не в полной мере исследованными. К числу недостаточно изученных вопросов можно отнести проблемы взаимосвязи денежно-кредитной и валютной политики и роли валютной политики в реализации приоритетов денежно-кредитного регулирования.

Приоритеты денежно-кредитного регулирования. В развитых странах приоритетом денежно-кредитной политики является минимизация отклонений от существующего тренда экономического роста путем поддержания совокупного спроса на уровне, соответствующем производственному потенциалу экономики.

Денежно-кредитная политика в странах с развивающимися рынками имеет иные приоритеты — обеспечение макроэкономической стабильности путем снижения инфляции, волатильности курса национальной валюты и международных потоков капитала [1].

Как свидетельствует мировой опыт, курсовая политика остается значимым элементом денежно-кредитной политики в странах с развивающимися рынками, где центральные банки реализовывают монетарный режим инфляционного таргетирования. Тактика реализации курсовой политики может варьировать в зависимости от решаемых задач (пополнение валютных резервов, снижение курсовой волатильности), однако конечная цель курсовой политики заключается в поддержании/достижении ценовой и финансовой стабильности. Именно отсутствие целей по поддержанию определенного уровня/динамики обменного курса определяет отличительные особенности и методы ее реализации в таргетирующих инфляцию странах. Достаточно часто понятия «курсовая политика» и «валютная политика» используются как аналоги.

Наращивая объемы золотовалютных резервов (международных резервных активов), таргетирующие инфляцию центральные банки обеспечивают себе возможность, во-первых, сглаживать курсовую волатильность, во-вторых, поддерживать ликвидность внутреннего валютного рынка, в том числе путем валютного рефинансирования кредитных организаций. При этом специалистами отмечается, что для таргетирующих инфляцию развивающихся стран обеспечение национальных валют чревато ростом инфляционного давления за счет эффекта переноса динамики обменного курса на цены [2], а также повышения инфляционных ожиданий [3]. Предоставляя экономическим агентам валютные ресурсы, центральный банк содействует достижению целевого инфляционного ориентира. В-третьих, поддержание международных резервов на достаточном уровне является некоторой гарантией макроэкономической стабильности, облегчая доступ к международному финансовому рынку и снижая стоимость привлечения заемных средств [4].

Целью государственной экономической политики в Республике Беларусь на современном этапе является обеспечение роста валового внутреннего продукта. Данная цель является приоритетной и для денежно-кредитной политики. Это требует повышения инвестиционной направленности денежно-кредитной политики, углубления ее связи с реальным сектором экономики, обеспечения соответствия спроса и предложения денег.

Можно выделить три основных приоритетных направления денежно-кредитного регулирования, реализация которых позволяет достигать вышеназванную цель:

- обеспечить устойчиво низкие и предсказуемые темпы инфляции;
- содействовать развитию финансового сектора;
- поддерживать устойчивость финансового сектора в условиях высокой волатильности потоков капитала. В рамках приоритетов денежно-кредитной политики стабильность на валютном рынке играет определяющее значение.

Взаимодействие валютной и денежно-кредитной политики. Если говорить о взаимодействии валютной и денежно-кредитной политики государства, то целесообразно учитывать, что они представляют собой практически неразделимые составные части

экономической политики. Цели, преследуемые этими политиками, тесно взаимосвязаны. Во многих развитых государствах, полностью отменивших валютные ограничения, вообще не делаются различия между валютной и денежно-кредитной политикой, а меры валютной политики используются в составе денежно-кредитной политики. (В ряде стран, например, в Великобритании, странах зоны «евро», валютная политика отдельно не выделяется и рассматривается в контексте денежно-кредитной политики).

И это правомерно, так как валютная политика в той или иной мере использует практически все инструменты денежно-кредитной политики — официальные операции на денежном рынке (купля-продажа ценных бумаг, кредитование), изменение официальной учетной ставки, установление резервных требований к банкам и т.д. Долгосрочные цели денежно-кредитной и валютной политик совпадают — это устойчивые темпы экономического роста, сбалансированность внешних расчетов, высокая занятость. При этом денежно-кредитная политика решает в основном внутренние проблемы, и внешние факторы при ее формировании играют второстепенную роль. Поэтому в условиях, когда существуют проблемы регулирования сальдо платежного баланса, выбора наиболее оптимальных вариантов курсообразования, регулирования обменного курса, целесообразно выделение валютной политики из рамок денежно-кредитной политики. В то же время необходимость тесной координации и взаимоувязки валютной и денежно-кредитной политики представляют собой важную практическую задачу.

Приоритетом денежно-кредитной политики должна стать реформа банковской системы, нацеленная на создание системы эффективного финансового посредничества. Развитие банковской системы будет способствовать активизации трансмиссионного механизма передачи сигналов от денежно-кредитной политики (в том числе через канал валютного курса) экономике, созданию условий, которые позволят использовать денежно-кредитные механизмы для стимулирования роста национальной экономики без угрозы усиления инфляционных процессов.

Для этого государство должно использовать инструменты денежно-кредитной и валютной политики.

Действие валютного канала трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики. Реализовывая валютную политику, государство формирует определенную институциональную среду для субъектов экономики. Валютный канал денежной трансмиссии передает сигналы от центрального банка субъектам экономики, которые в соответствии с ними изменяют свое поведение на валютном рынке. Следовательно, эффективность (иначе достижение целей) валютной политики государства в данном случае будет определяться работой вышеназванного передаточного механизма.

В связи с важностью воздействия динамики валютного курса (за счет использования мер валютной политики государства) на инфляцию и другие экономические показатели в Республике Беларусь целесообразно выявлять номинальные эффекты валютного канала денежной трансмиссии.

При этом номинальные эффекты валютного канала денежной трансмиссии следует разделить на три группы эффектов:

- эффект переноса;
- интервенционный эффект;
- эффект курсовых ожиданий [5].

Наличие эффекта переноса связано с тем, что при изменении обменного курса изменяются цены импорта, а вследствие чего в свою очередь происходит движение общего уровня цен в стране. Это обуславливает изменение доходов участников валютного рынка.

Интервенционный эффект проявляется в результате реализации девизной политики центрального банка, направленной на поддержку обменного курса национальной валюты: при изменении значения поддерживаемого курса меняются объемы валютных интервенций, что оказывает воздействие на динамику цен на внутреннем рынке.

Для элиминирования негативного влияния валютных интервенций на уровень цен центральный банк должен проводить соответствующие операции на открытом рынке, т.е. интервенции должны быть стерилизованными.

В посткризисный период, с переходом на режим непрерывного двойного аукциона при проведении торгов иностранными валютами на Белорусской валютно-фондовой бирже усилилась рыночность курсообразования, курс стал более гибким и степень вмешательства Национального банка в процесс рыночного курсообразования существенно сократилась.

Эффект курсовых ожиданий связан с информационной политикой центрального банка, который может давать сигналы экономическим агентам по поводу будущей динамики курса. В Республике Беларусь информационная политика Национального банка в течение последних лет способствует нейтрализации негативного эффекта курсовых ожиданий. При устойчивом (стабильном) обменном курсе эффект курсовых ожиданий не оказывает влияния на инфляцию.

Выделенные выше эффекты являются результатом воздействия на экономику изменений обменного курса. При укреплении номинального курса рубля эффект переноса и интервенционный эффект приводят к снижению инфляции. Направление эффекта курсовых ожиданий в данном случае противоположно двум остальным эффектам, т.е. он способствует росту инфляции. Причина этого состоит в спекулятивной продаже валюты субъектами экономики, основанной на ожиданиях повышения курса, что увеличивает рублевую денежную массу в стране.

Для того чтобы определить уровень воздействия канала обменного курса на экономику, необходимо дать оценку вышеназванным эффектам и соответственно эффективности проводимой государством валютной политики. С этой целью определим, как мотивы (причины) формирования и движения валютных потоков связаны с эффектами канала валютного курса трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики.

Английский экономист Дж.М. Кейнс в работе «Трактат о деньгах» и в его основном труде «Общая теория занятости, процента и денег» выделяет три мотива (причины) для хранения денежных средств субъектами экономики: 1) транзакционный (коммерческий, инвестиционный); 2) предосторожности; 3) спекулятивный [6, с. 73].

Для оценки влияния валютного канала трансмиссионного механизма на эффективность валютной политики выделим группы участников валютного рынка, которые формируют свое поведение под воздействием названных мотивов — это: 1) экспортеры; 2) импортеры; 3) предприятия — получатели банковских кредитов в иностранной валюте; 4) субъекты хозяйствования и физические лица — инвесторы; 5) предприятия, реализующие произведенную продукцию только на внутреннем рынке, но имеющие иностранных конкурентов; 6) физические лица — потребители.

Рассмотрим, как влияют указанные мотивы на поведение участников валютного рынка. Транзакционный мотив рассматривает деньги исключительно как средство обмена для финансирования обычных транзакций, связанных с текущей деятельностью, таких как поступление выручки от продажи продукции или услуг, от продажи активов, оплата платежей за поставки и заработная плата [7]. Участники валютного рынка имеют необходимость продавать (экспортеры) или покупать (импортеры) иностранную валюту для выполнения своих внешних обязательств — коммерческий мотив. Субъекты хозяйствования — получатели кредитов в иностранной валюте — кроме коммерческого мотива руководствуются также инвестиционными мотивами, так как предполагают направить привлеченные в форме кредита валютные средства на реализацию бизнес-планов инвестиционных проектов.

Предприятия, ориентированные на внутренний рынок, но имеющие иностранных конкурентов, также формируют свое поведение, основываясь на коммерческом мотиве, но под воздействием ряда внешних факторов (валютный курс, приток иностранного капитала в тот или иной вид экономической деятельности).

Уровень трансакционных балансов в иностранной валюте всех этих участников рынка зависит в большой степени от размера предприятия и периодов поступлений и оттоков денежных средств, т.е. скорости оборота оборотного капитала.

Инвестиционный мотив движет интересами предприятий и физических лиц, которые вкладывают временно свободные денежные средства в иностранной валюте в активы с целью получения дохода через определенный срок.

Мотив предосторожности исходит из необходимости обеспечить покупательную способность предприятия в случае неожиданных расходов и (или) непредвиденных ситуаций (девальвация, введение валютных ограничений). Баланс предосторожности играет роль буфера против возрастающей неопределенности в отрасли, экономике, на внешних рынках. Он необходим также для поддержания необходимого уровня ликвидности. Мотив предосторожности влияет и на поведение физических лиц, которые при нарастании девальвационных ожиданий спешат вложить свои накопления в национальной валюте в иностранную.

Спекулятивный мотив возникает в связи с желанием предприятия воспользоваться неожиданно возникающими возможностями получения дополнительной прибыли — вложить свои средства в иностранной валюте в привлекательный объект инвестирования, воспользовавшись выгодной процентной ставкой, благоприятным валютным курсом.

Каждый мотив формирования и движения потоков валютных средств (по группам участников валютного рынка) соответствует формирующемуся под воздействием валютной политики эффекту канала валютного курса (см. таблицу).

Мотивы (причины) формирования и движения потоков валютных средств, и эффекты канала валютного курса

Группа участников валютного рынка	Направление влияния и инструменты валютной политики		
	Мотив (причина) формирования и движения потоков валютных средств	Эффект канала валютного курса	Инструменты валютной политики
1	2	3	4
Экспортеры	Коммерческий	Переноса, интервенционный	Девизная политика (валютные интервенции, валютные свопы), валютные ограничения, способ формирования официального обменного курса, процедура покупки-продажи иностранной валюты на внутреннем рынке
Импортёры	Коммерческий	Переноса, интервенционный	Девизная политика (валютные интервенции, валютные свопы), валютные ограничения, способ формирования официального обменного курса, процедура покупки-продажи иностранной валюты на внутреннем рынке
Субъекты хозяйствования — получатели кредитов в иностранной валюте	Коммерческий инвестиционный	Переноса, интервенционный	Процентная политика (дисконтная политика). Процедура покупки-продажи иностранной валюты на внутреннем рынке
Субъекты хозяйствования и физические лица — инвесторы	Инвестиционный спекулятивный Предосторожности	Курсовых ожиданий	Процентная политика (дисконтная политика)
Предприятия внутреннего рынка, имеющие иностранных конкурентов	Коммерческий	Переноса, интервенционный	Процентная политика. Девизная политика. Операции открытого рынка

1	2	3	4
Физические лица, осуществляющие покупку-продажу наличной иностранной валюты	Предосторожности спекулятивный	Курсовых ожиданий, переноса	Девизная политика, воздействие на инфляционно-девальвационные ожидания, меры по дедолларизации (отрицательные процентные ставки по в депозитам в иностранной валюте и др.)

Источник: составлено автором.

Таким образом, мотивы, формирующиеся под воздействием рассмотренных факторов, определяют поведение и экономические интересы субъектов экономики, и воздействуют на формирование и движение потоков денежных средств в иностранной валюте.

По мере развития цифровой экономики и всеобщего распространения высокоскоростных электронных платежей (и других технологий, ускоряющих и оптимизирующих платежи), предприятия будут ограничиваться меньшими, по сравнению с нынешним уровнем, остатками денежных средств. Но необходимость в поддержании ликвидности как таковой сохранится, что требует определения методов государственного воздействия на поведение (мотивы) групп участников валютного рынка для достижения целей валютной политики. Такое воздействие возможно путем использования инструментов валютной политики в целях влияния на мотивы формирования и движения потоков валютных средств и достижение необходимых эффектов канала валютного курса трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики.

Курсовой режим и ситуация на валютном рынке. Национальный банк Республики Беларусь в настоящее время реализовывает курсовой режим «управляемое плавание», но сокращает свое прямое вмешательство в механизм курсообразования, создавая условия для перехода в будущем к режиму плавающего валютного курса. Реализация режима «управляемого плавания» способствовала снижению темпов инфляции и позволила поддерживать стабильность на валютном рынке в последние годы (рис. 1).

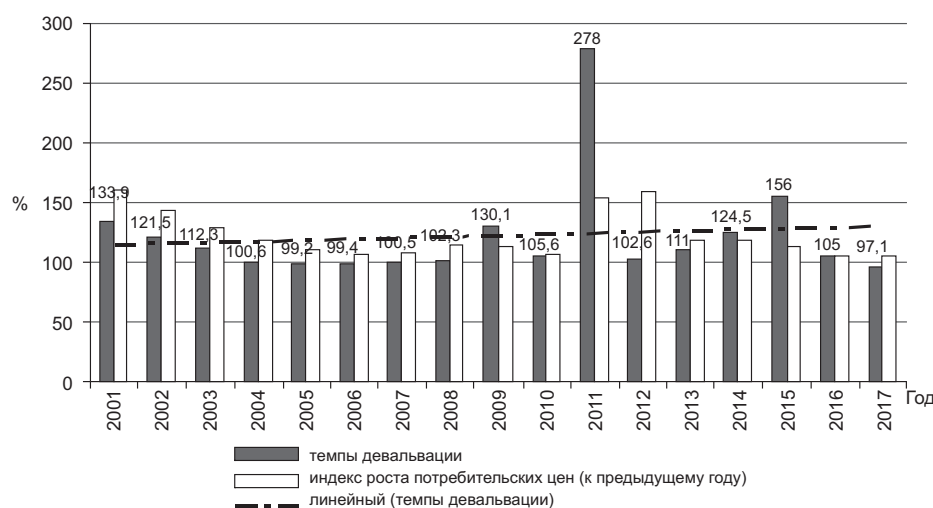

Рис. 1. Индекс потребительских цен и темпы изменения среднего официального обменного курса белорусского рубля к доллару США в Республике Беларусь в 2001–2017 гг., %

Источник: разработано автором на основе <http://www.nbrb.by/>.

Согласно Р. Манделлу [8], под кризисом сложившейся системы валютных отношений подразумевается нарушение равновесия, когда изменяется соотношение некоторых параметров, определяющих стабильность системы, характеризующих действующую институциональную структуру в области валютных и кредитно-денежных отношений.

Поэтому критерием эффективности, т.е. приоритетом денежно-кредитной политики, следует считать не столько темпы инфляции, сколько обеспеченность экономических структур деньгами, снижение транзакционных издержек получения кредитов, издержек функционирования всей банковской системы и наиболее полное использование активов банков и сбережений населения на нужды экономики. В данном случае устойчивость обменного курса и обеспечение стабильности на валютном рынке выступает важнейшим условием.

В 2017 г. и в I полугодии 2018 г. ситуация на валютном рынке оставалась стабильной, что было связано с обеспечением стабильности обменного курса (рис. 2).

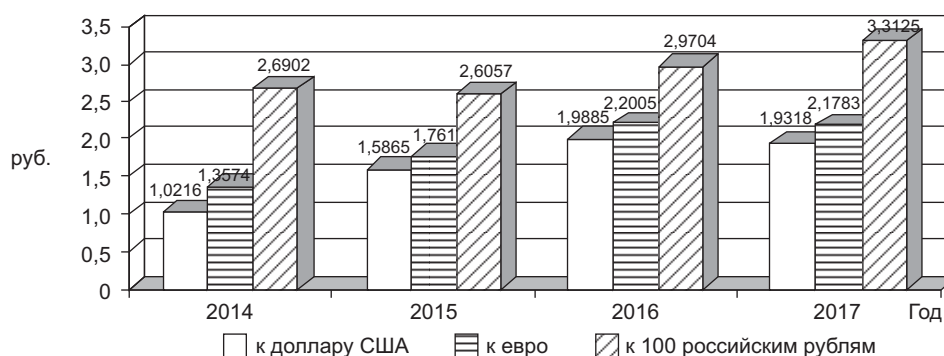

Рис. 2. Динамика среднего официального курса белорусского рубля по отношению к иностранным валютам в 2014–2017 гг., руб. (с учетом деноминации)

Источники: разработано автором на основе <http://www.nbrb.by/>.

Национальным банком Республики Беларусь предпринимались меры по дальнейшей либерализации действующего порядка проведения валютных операций. Так, в сентябре 2017 г. снизился с 20 до 10 %, а с 1 августа 2018 г. был отменен норматив обязательной продажи валютной выручки государству субъектами хозяйствования. В январе 2018 г. были отменены требования целевого характера покупки иностранной валюты и необходимости ее расходования на указанные при покупке цели в установленный срок. Данные решения были направлены на улучшение условий ведения бизнеса субъектами хозяйствования, а также создание здоровой конкуренции между банками.

Это повлекло за собой рост объемов торговли иностранной валютной на внебиржевом рынке, удельный вес которого в общем объеме валютного рынка достиг за 9 месяцев 2018 г. 70 % (за 9 месяцев 2017 г. составлял 66 %) (рис. 3).

Соответственно, существенно сократились объемы продажи субъектами хозяйствования-резидентами иностранной валюты на БВФБ (рис. 4).

С начала 2018 г. субъекты хозяйствования-резиденты на чистой основе купили иностранной валюты на сумму 304,9 млн дол. США, т.е. покупка иностранной валюты превысила продажу.

Для обеспечения профицита купли-продажи субъектами хозяйствования валюты на внутреннем рынке предприятиями (в первую очередь государственного сектора) государству целесообразно: ориентировать предприятия на обеспечение ими положительной динамики индикаторов доходности внешнеэкономических операций: для предприя-

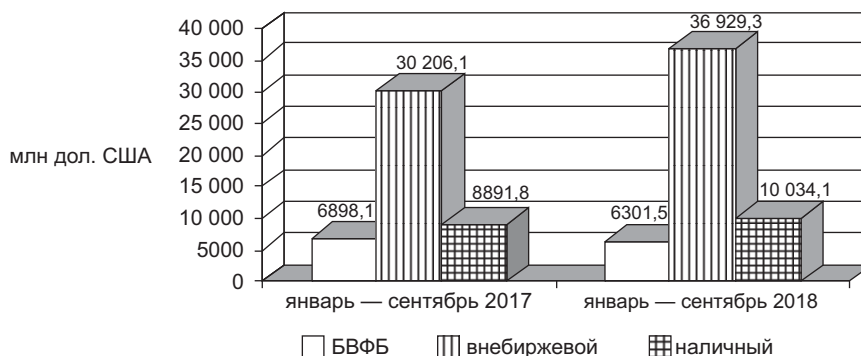

Рис. 3. Информация об оборотах иностранной валюты на сегментах внутреннего валютного рынка в Республике Беларусь в 2017–2018 гг.

Источники: разработано автором на основе <http://www.nbrb.by/>.

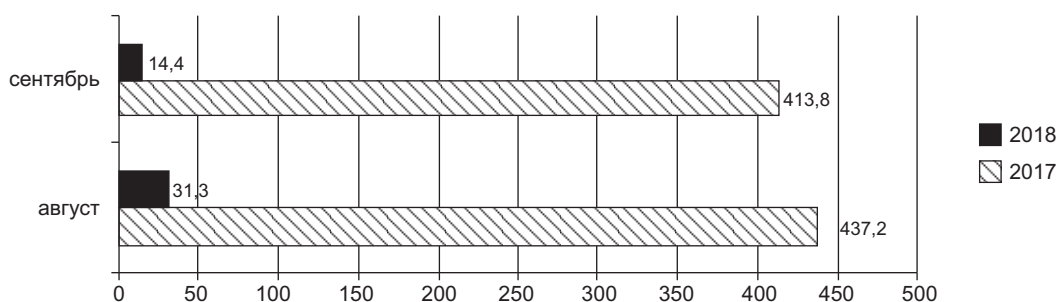

Рис. 4. Изменение объемов продажи субъектами хозяйствования-резидентами объемов продажи иностранной валюты на БВФБ в 2017–2018 гг. (август — сентябрь), млн дол. США

Источники: разработано автором на основе <http://www.nbrb.by/>.

тий-экспортеров: рентабельность затрат по экспорту продукции; коэффициент валютной самокупаемости; коэффициент валютной платежеспособности; для предприятий-импортеров: рентабельность затрат по импорту продукции; коэффициент соотношения стоимости импорта и прибыли от реализации продукции.

Использование вышеназванных показателей деятельности предприятий в условиях последовательной отмены валютных ограничений позволит дать оценку достаточности валютных денежных средств от экспортных сделок (приток) обеспечивать покрытие обязательств по импортным операциям (отток).

Формированию профицита купли-продажи субъектами хозяйствования валюты на внутреннем рынке будут способствовать меры по повышению прозрачности валютного рынка, что возможно за счет публикации банками информации по клиентским депозитам и среднесуточным и среднемесячным объемам торговли валютой; а также ведения модуля открытых валютных позиций — сводной информации по совокупным открытым валютным позициям клиентов¹.

¹ При торговле валютой у участников валютного рынка возникают требования и обязательства в различных валютах. Соотношение требований и обязательств по той или иной валюте у участников валютного рынка определяет его валютную позицию.

В заключение следует отметить:

1. Валютная политика формируется в рамках приоритетов денежно-кредитного регулирования. Целью валютной политики является поддержание стабильности валютного курса в условиях происходящих в экономической системе структурных и институциональных изменений. Центральный банк страны не должен допускать излишней волатильности обменного курса, поскольку от ситуации на валютном рынке непосредственно зависит доверие субъектов экономики к денежно-кредитной политике по снижению темпов инфляции.

2. Долгосрочные цели денежно-кредитной и валютной политик совпадают — это устойчивые темпы экономического роста, сбалансированность внешних расчетов, высокая занятость. Однако если в стране существуют проблемы регулирования сальдо платежного баланса, обменного курса, целесообразно выделение валютной политики из рамок денежно-кредитной политики. В рамках приоритетов денежно-кредитной политики (снижение темпов инфляции, обеспеченность экономических структур деньгами, снижение транзакционных издержек получения кредитов, издержек функционирования банковской системы и наиболее полное использование активов банков и сбережений населения на нужды экономики) — стабильность на валютном рынке играет определяющее значение.

3. Необходимость регулирования валютной ликвидности требует выделения групп участников валютного рынка (экспортеры, импортеры, физические лица, субъекты хозяйствования — получатели кредитов в иностранной валюте и др.) и определения методов государственного воздействия на интересы вышеназванных групп участников для достижения целей валютной политики. Такое воздействие возможно путем использования определенных инструментов валютной политики для влияния на формирование и движение потоков валютных средств и достижение необходимых эффектов канала валютного курса трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики.

4. Либерализация валютной сферы (отмена обязательной продажи валютной выручки, требования целевого характера покупки иностранной валюты и других) была направлена на улучшение условий ведения бизнеса субъектами хозяйствования, а также создание здоровой конкуренции между банками. Это повлекло за собой рост объемов торговли иностранной валютной на внебиржевом рынке. Формированию профицита купли-продажи субъектами хозяйствования валюты на внутреннем рынке будут способствовать меры по повышению прозрачности валютного рынка за счет публикации банками информации по клиентским депозитам и среднесрочным и среднемесячным объемам торговли валютой и ведения модуля открытых валютных позиций. Целесообразно ориентировать предприятия на обеспечение ими положительной динамики индикаторов доходности внешнеэкономических операций, что позволит дать оценку достаточности валютных денежных средств от экспортных сделок обеспечивать покрытие обязательств по импортным операциям.

Источники

1. *Пыхтеев, Ю. Н.* Приоритеты денежно-кредитной политики в экспортно-сырьевой экономике / Ю. Н. Пыхтеев, А. С. Воронина, А. А. Бурова // Успехи соврем. естествознания. — 2014. — № 12-5. — С. 616–619.

Pykhteev, Yu. N. Priorities of monetary policy in the export-raw material economy / Yu. N. Pykhteev, A. S. Voronin, A. A. Burov // Successes of modern science. — 2014. — № 12-5. — P. 616–619.

2. *Пономарев, Ю.* Эффект переноса динамики обменного курса на цены в России / Ю. Пономарев, П. Трунин, А. Улюкаев // Вопр. экономики. — 2014. — № 3. — С. 21–35.

Ponomarev, Yu. The effect of transferring exchange rate dynamics on prices in Russia / Yu. Ponomarev, P. Trunin, A. Ulyukaev // Questions of Economics. — 2014. — № 3. — P. 21–35.

3. *Guimaraes, R.* The Empirics of Foreign Exchange Intervention in Emerging Market Countries: The Cases of Mexico and Turkey / R. Guimaraes, C. Karacadag // International Monetary Fund. WP/04/123. — 2004.

4. *Obstfeld, M.* Financial Stability, the Trilemma and International Reserves / M. Obstfeld, J. Shambaugh, A. Taylor // Amer. Econ. J.: Macroeconomics. — 2010. — Vol. 2. — P. 57–94.

5. *Корищенко, К. Н.* О влиянии курсовых эффектов валютной политики на инфляцию / К. Н. Корищенко // Экон. науки. — № 2 (15). — 2006. — С. 7–44.

Korishchenko, K. N. On the effect of exchange rate effects of currency policy on inflation / K. N. Korishchenko // Econ. Sciences. — № 2 (15). — 2006. — P. 7–44.

6. *Кейнс, Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег [Электронный ресурс] / Дж. М. Кейнс // Socioline.ru. — Режим доступа: <http://socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf>. — Дата доступа: 11.08.2018.

Keynes, J. M. General theory of employment, interest and money [Electronic resource] / J. M. Keynes // Socioline.ru. — Mode of access: <http://socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf>. — Date of access: 11.08.2018.

7. *Мицек, С. А.* Краткосрочная финансовая политика на предприятии : учеб. пособие / С. А. Мицек. — М. : КноРус, 2007. — 248 с.

Mitsek, S. A. Short-term financial policy in an enterprise : study guide / S. A. Micek. — Moscow : KnoRus, 2007. — 248 p.

8. *Манделл, Р.* Проблема кризисов / Р. Манделл // Евро — дитя Манделла. Теория оптимальных валютных зон. — М. : Дело, 2002. — С. 117.

Mandell, P. The problem of crises / R. Mandell // Euro — child Mandell. The theory of optimal currency areas. — Moscow : Business, 2002. — P. 117.

Статья поступила в редакцию 06.12.2018 г.

УДК 330.4:338.4

S. Miksyuk
BSEU (Minsk)

ECONOMIC-MATHEMATICAL MODEL OF FORECASTING THE STRUCTURE OF THE PRODUCTION ENTERPRISE PRODUCT PORTFOLIO IN THE CONTEXT OF BALANCED SCORECARD: CONCEPT AND APPROACH TO IMPLEMENTATION IN THE CORPORATE INFORMATION SYSTEM

As a result of research the approach to construction of model of forecasting of structure of a portfolio of production of the production enterprise in the context of system of the balanced indicators as the tool of coordination of strategic and tactical corporate purposes in the conditions of unstable economic conjuncture in the presence of financial restrictions of the enterprise and limited capacity of sales markets is proved. The model is described as a two-level economic-mathematical model, where the upper level is represented by a dynamic model of optimization of investment projects portfolio with synchronous investment and financial planning, the lower level — by a modified «cost-output» balance model. The use of this device allows in the conditions of economic risks and restrictions to form the structure of the product portfolio of the production enterprise, ensuring the achievement of key performance indicators in the context of all components of the methodology of the balanced scorecard: profitability (Finance); the share of new products in the total output range (customers); the ratio of wages and average industry (personnel); time of development of new products (internal business processes). Approaches to computer implementation of the model using SAP corporate information system tools are discussed and partially implemented.

Keywords: production enterprise product portfolio; «input-output» model; investment projects portfolio optimization model; strategic forecasting at the enterprise; balanced scorecard; business performance management; key performance indicators of enterprise management; corporate information systems.

С. Ф. Миксюк
доктор экономических наук, профессор
БГЭУ (Минск)

ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ПОРТФЕЛЯ ПРОДУКЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: КОНЦЕПЦИЯ И ПОДХОД К РЕАЛИЗАЦИИ В КОРПОРАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ

В результате исследования обоснован подход к построению модели прогнозирования структуры портфеля продукции производственного предприятия в контексте системы сбалансированных показателей как инструмента согласования стратегических и тактических корпоративных целей в условиях неустойчивой экономической конъюнктуры при наличии финансовых ограничений предприятия и ограниченной емкости рынков сбыта. Модель описывается как двухуровневая экономико-математическая модель, где верхний уровень представлен динамической моделью оптимизации портфеля инвестиционных проектов при синхронном инвестиционно-финансовом планировании, нижний уровень — модифицированной балансовой моделью «затраты-выпуск». Использование данного аппарата позволяет в условиях экономических рисков и ограничений сформировать структуру портфеля продукции производственного предприятия, обеспечивающую достижение ключевых показателей эффективности в разрезе всех составляющих методологии системы сбалансированных показателей: рентабельность (финансы); доля новых продуктов в общем объеме выпускаемого ассортимента (клиенты); соотношение заработной платы и средней по отрасли (персонал); время освоения новых продуктов (внутренние бизнес-процессы). Обсуждены и частично реализованы подходы к компьютерной реализации модели с использованием средств корпоративной информационной системы SAP.

Ключевые слова: продуктовый портфель производственного предприятия; модель «затраты-выпуск»; модель оптимизации портфеля инвестиционных проектов; стратегическое прогнозирование на предприятии; система сбалансированных показателей; управление эффективностью бизнеса; ключевые показатели эффективности управления предприятием; корпоративные информационные системы.

Для каждого производственного предприятия при разработке стратегического плана ключевой является задача формирования оптимальной структуры ассортимента продукции с позиций ее сбалансированности и рациональности. В современных условиях даже самым стабильным компаниям не обойтись без инноваций, иначе предлагаемые ими товары и услуги быстро устареют и не будут интересны рынку. При изменениях портфеля продукции необходимо обеспечивать соответствие его состава и структуры совокупности краткосрочных и долгосрочных целей и общей стратегии организации. Формирование продуктового портфеля, т.е. совокупности всех товаров, товарных групп, видов и разновидностей товара, для выпуска которых имеются возможности в рамках организационно-экономических условий конкретного производства — это основная задача службы маркетинга предприятия и лежит в сфере маркетинговых исследований. В рамках решения этой задачи прорабатываются вопросы развития инноваций для повышения конкурентоспособности компании: появляются новые ассортиментные позиции товаров, расширяются услуги по сопровождению и эксплуатации товаров и т.п. Однако после проведения анализа продуктового портфеля, распределения продуктов и услуг по соответствующим группам и определения его структуры, в соответствии с современными подходами к стратегическому менеджменту в рамках концепции системы сбалансированных показателей (BSC-концепция) [1], важно провести его оценку

на предмет достижения ключевых показателей эффективности в разрезе всех составляющих: внутренние процессы, клиенты, персонал, финансы, и на этой основе обеспечить согласование целей тактического и стратегического уровней управления предприятием. Также в условиях неустойчивой экономической конъюнктуры (инфляция, девальвация, изменение спроса и др.), что характерно для современных экономических процессов, представляется важным проведение сценарных расчетов для отработки параметров управления, обеспечивающих минимизацию негативных проявлений рисков и, при необходимости, обеспечивающих переход на альтернативные траектории роста со сменой целевых показателей управления. Это сложный процесс, включающий в себя проведение большого числа имитационных модельных расчетов и большинство моделей стратегического управления предприятием [2] не дают инструментария для его решения. В этом смысле, как развитие известных моделей стратегического управления может выступить концепция Business Performance Management (BPM) [3].

На рис. 1 представлено взаимодействие тактического и стратегического уровней управления, реализованных соответственно в системах ERP и BPM.

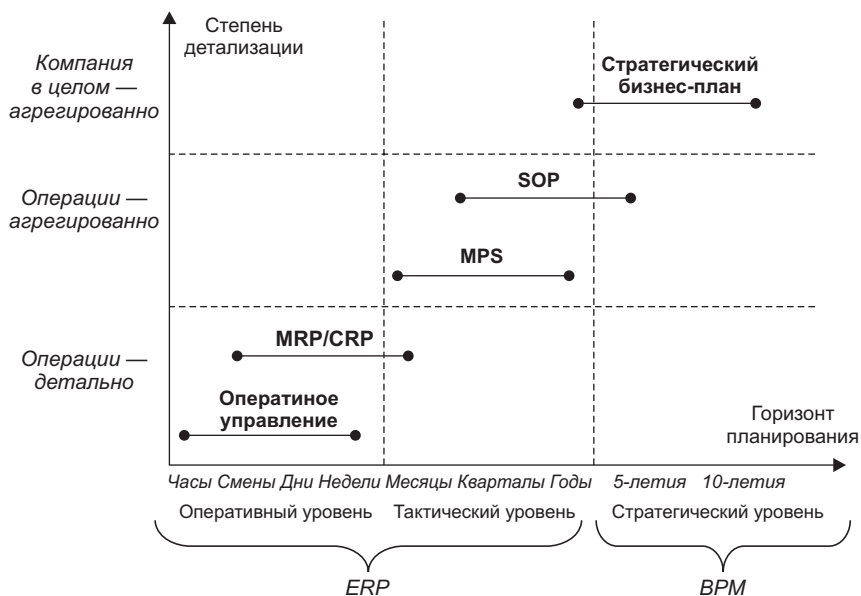

Рис. 1. Концепция взаимодействия систем ERP и BPM

Источники: разработано автором.

Как видно из рисунка, взаимодействие систем осуществляется через разработку плана продаж и операций (SOP) и основного производственного плана (MPS), по большому счету через портфель продукции производственного предприятия. С той лишь разницей, что в стратегическом плане просчитывается агрегированная структура, в тактическом плане — детализированная. Кроме того, возможности корпоративных информационных систем стандарта ERP, в части использования баз данных и программных средств, могут быть использованы при реализации имитационных расчетов в части увязки стратегических и тактических целей управления предприятием, количественной проработки стратегий по методологии системы сбалансированных показателей, включая финансы, персонал, клиенты, внутренние бизнес-процессы при различных ограничениях (на емкость рынка, финансовых и др.).

В [4] разработана модифицированная балансовая модель «затраты-выпуск» как инструмент ВРМ-технологий в системе управления промышленным предприятием, позволяющий для различных наиболее вероятных условий экономической конъюнктуры (рост цен на импортируемое сырье, изменение спроса на конечную продукцию) обосновать набор управляющих воздействий для обеспечения, с одной стороны, прогнозируемой структуры продуктового портфеля производственного предприятия, с другой стороны, для достижения КРІ-показателей по составляющим финансы (рентабельность производства) и сотрудники (соотношение средней зарплаты на предприятии со среднеотраслевой). В этой части модель создает аналитическую информационную базу для учета факторов риска при выборе управляющих воздействий в текущем периоде, но в то же время не позволяет обеспечить преемственность расчетов на пятилетие, не учитывает значимые для стратегического планирования ограничения на емкость рынков сбыта и финансовые ограничения, не отражает целевые установки корпоративной стратегии на перспективу.

Цель данного исследования состоит в развитии балансовой модели [4] как инструмента создания аналитической информационной базы стратегического планирования продуктового портфеля производственного предприятия в концепции системы сбалансированных показателей в условиях неустойчивой экономической конъюнктуры и в возможности ее реализации на стратегическом уровне управления с привлечением средств КИС.

Для реализации данной цели предлагается разработка двухуровневой модели, концептуальная схема которой представлена на рис. 2. Как видно из схемы, работа балансовой модели «затраты-выпуск» увязана с оптимизационной динамической моделью, в рамках которой решается задача выбора оптимальной структуры портфеля конечной продукции компании исходя из набора заданных ограничений и заданной корпоративной стратегической цели. Результатом работы модели верхнего уровня является выбор структуры продуктового портфеля и расчет ключевых показателей эффективности (КРІ-показателей) по составляющим: клиенты (доля новых ассортиментных позиций в продуктовом портфеле) и внутренние процессы (время освоения новых технологических процессов), — исходя из ограничений на емкость рынка и финансовые ограничения предприятия при заданной стратегической цели. На нижнем уровне по модели [4] — для выбранного варианта структуры продуктового портфеля осуществляется подбор управляющих параметров в рамках заданного сценария экономической конъюнктуры для достижения КРІ-показателей по составляющим финансы и сотрудники.

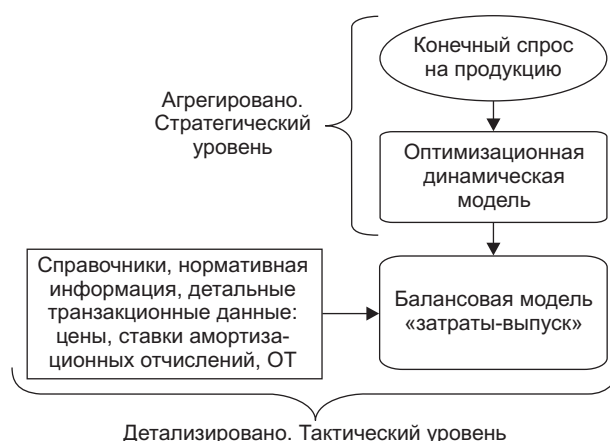

Рис. 2. Схема двухуровневой модели

Источники: разработано автором.

Обзор литературы показывает [5–7], что в качестве базовой модели решения задачи выбора оптимальной структуры портфеля конечной продукции компании может выступить модель формирования оптимального портфеля инвестиционных проектов. В нашей постановке в качестве инвестиционных проектов выступают альтернативные варианты структур продуктового портфеля товаров и услуг конечного спроса предприятия. Учитывая наборы ограничений на емкость рынка по данным товарам и на собственные финансовые ресурсы, модель может быть сформулирована как динамическая модель оптимизации портфеля инвестиционных проектов при синхронном инвестиционно-финансовом планировании [6].

Далее приведем формальное описание комплекса моделей.

Суть модели верхнего уровня состоит в следующем. Пусть предприятие имеет n -альтернативных структур i , $i = \overline{1, n}$, которые реализуются в периоде t , $t = \overline{0, T}$, c_{it} — платежный ряд для структур, на основе которого можно рассчитать NPV_i $i = \overline{1, n}$. Каждая i -я структура характеризуется производством R видов конечной продукции ($r = \overline{1, R}$), которые в периоде t производятся в объеме y_{irt} , при этом известен возможный сбыт каждого вида продукции в периоде t (P_{rt}). Предприятие владеет собственными средствами для реализации этих проектов в момент времени t , $t = \overline{1, T}$ в объеме S_t , а также имеет возможность привлекать в ограниченном объеме кредиты m -банков j , $j = \overline{1, m}$ с определенной кредитной ставкой, платежный ряд выплат по которым d_{jt} . Требуется определить оптимальную стратегию предприятия в условиях заданных ограничений на объемы продаж и финансы.

Для формального описания модели введем обозначения: $z_i \in \{0, 1\}$, $i = \overline{1, n}$ — бинарная переменная, значение которой определяет, будет ли реализована структура или нет, w_j — доля реализации кредитов j -го $i = \overline{1, m}$ банка ($0 \leq w_j \leq 1$).

В этих обозначениях модель запишется следующим образом:
максимум приведенной текущей стоимости портфеля

$$\sum_{i=1}^n NPV_i \cdot z_i \rightarrow \max \quad (1)$$

при ограничениях

на ликвидность финансирования инвестиционных объектов в каждый период времени

$$\sum_{i=1}^n c_{it} z_i + \sum_{j=1}^m d_{jt} w_j \leq S_t, \quad t = \overline{0, T}, \quad (2)$$

на ограничения объемов производства со стороны сбыта продукции

$$\sum_{i=1}^n y_{irt} z_i \leq P_{rt}, \quad r = \overline{1, R}, \quad t = \overline{0, T}, \quad (3)$$

на граничные условия реализации проекта

$$\begin{aligned} z_i &\in \{0, 1\} \quad i = \overline{1, n}, \\ 0 &\leq w_j \leq 1 \quad j = \overline{1, m}. \end{aligned} \quad (4)$$

Результатом работы модели выступает выбор альтернативной структуры i_0 $i_0 \in i = \overline{1, n}$, которая характеризуется производством R видов конечной продукции ($r = \overline{1, R}$) в периоде t , $t = \overline{0, T}$ в объеме y_{i_0rt} . Выбор стратегии $i_0 \in i = \overline{1, n}$ позволит оценить соответствующие ей КРІ-показатели — долю новых видов продукции в ассортименте и время освоения новых технологических процессов.

В постановке (1)–(4) решается задача выбора альтернативных вариантов структуры портфеля продукции компании в рамках ограничений (2)–(3) при заданной цели на максимум текущей приведенной стоимости (1). Однако модель можно модифицировать при

изменении целей корпоративной стратегии (расширение объема продаж, рост рентабельности производства, свободного денежного потока и др.).

Выходная информация модели верхнего уровня — $y_{i_0rt} r = 1, R, t = \overline{0, T}$ вектор-столбец конечного спроса (далее будем обозначать Y) по выбранной стратегии является входной информацией для балансовой имитационной модели «затраты-выпуск» второго уровня.

Базовой моделью нижнего уровня выступает модель «затраты-выпуск». В отличие от базовой в нашей модели дополнительно включены управляющие параметры — численность занятых, цены на производимую продукцию, заработная плата, а также индикатор экономической конъюнктуры — цены на импортируемое сырье, спрос на конечную продукцию. Балансирующим элементом модели выступает прибыль по видам производимой продукции. Модель описывает в периоде $t = 0, 2, \dots, T$ материально-вещественную и финансовую структуру производства. Формально модель описывается для каждого периода $t = \overline{0, T}$ следующим образом:

- баланс производства по материально-вещественной структуре по видам конечной и промежуточной продукции ($i = \overline{1, n}$). Заметим, что множество видов конечной продукции является подмножеством всего набора производимой продукции, так как включает еще и промежуточную продукцию $r = \{1, R\} \in \{1, n\}$:

$$X = A(I) \cdot X + Y, \quad (5)$$

где X — вектор-столбец валового выпуска продукции i -го вида $j = \overline{1, n}$; Y — вектор-столбец спроса на конечную продукцию i -го вида (верхний уровень модели); $A = \{a_{ij}\}_{n \times n}$ — матрица коэффициентов прямых материальных затрат; I — инвестиции предприятия.

- баланс производства по финансовой структуре по видам выпускаемой продукции:

$$x_j p_j = \sum_i \left(\frac{p_i}{p_j} a_{ij}(I) \right) x_i p_i + M_j^p + Z_j^{pr} + Z_j^A + Z_j^{zp}, \quad j = \overline{1, n}, \quad (6)$$

где p_i, p_j — цены на внутреннюю продукцию i -го и j -го вида; M_j^p — импорт материальных ресурсов для производства продукции j -го вида; Z_j^{pr} — прибыль по видам промежуточной и конечной продукции j -го вида; Z_j^A — затраты, связанные с амортизацией оборудования для производства продукции j -го вида; Z_j^{zp} — затраты на заработную плату работников, задействованных в производстве продукции j -го вида;

- импорт материальных ресурсов k -го вида соответственно в натуральном и стоимостном выражении и в целом импорт всех ресурсов в стоимостном выражении для производства продукта j -го вида:

$$\begin{aligned} M_{kj} &= m_{kj}(I) x_j, \quad j = \overline{1, n}, \quad k = \overline{1, K}. \\ M_{kj}^p &= m_{kj}(I) x_j p_k, \quad j = \overline{1, n}, \quad k = \overline{1, K}. \\ M_j^p &= \sum_k M_{kj}^p, \quad j = \overline{1, n}, \end{aligned} \quad (7)$$

где m_{kj} — нормативы материальных затрат в разрезе k -й группы на производство единицы продукции j -го вида (т/т, шт/т); p_k — цены на k -й вид импортируемого ресурса;

- численность занятых (человеко-час) v -го вида профессиональных групп и их заработная плата по видам производимой продукции соответственно и заработная плата в целом по продукту j -го вида:

$$\begin{aligned} T_{vj} &= t_{vj}(I) x_j, \quad j = \overline{1, n}, \quad v = \overline{1, V}. \\ Z_{vj}^{zp} &= z_v(I) T_{vj}, \quad j = \overline{1, n}, \quad v = \overline{1, V}. \\ Z_j^{zp} &= \sum_v Z_{vj}^{zp}, \quad j = \overline{1, n}, \end{aligned} \quad (8)$$

где t_{vj} — нормативы затрат труда рабочих v -й группы на производство единицы продукции j -го вида (человеко-час/ед); z_r — тарифная ставка оплаты труда рабочих r -й группы;

• загрузка l -го вида оборудования (станко-час) и его амортизация по видам j -го вида-продукта соответственно и амортизация основных фондов в целом по видам j -го вида продукта:

$$\begin{aligned} F_{lj} &= f_{lj}(I)x_j, \quad j = \overline{1, n}, \quad l = \overline{1, L}. \\ Z_{lj}^A &= a_l(I)F_{lj}, \quad j = \overline{1, n}, \quad l = \overline{1, L}. \\ Z_j^A &= \sum_l Z_{lj}^A, \quad j = \overline{1, n}, \end{aligned} \quad (9)$$

где f_{lj} — нормативы загрузки основных фондов l -й группы на производство единицы продукции j -го вида (станко-час/ед); a_l — ставка амортизационных отчислений l -й группы оборудования.

По своей математической структуре модель (5)–(9) представляет собой балансовую имитационную модель, включающую балансовую модель из n -уравнений (5), и систему рекурсивных $2(n + K + V + L)$ -уравнений (6)–(9). В рамках модели осуществляется сбалансированный расчет основных показателей (объемы производства, материальные ресурсы, факторы производства) производственного предприятия по видам продукции в натуральном и стоимостном выражениях, балансирующими элементами модели выступают объемы производства ($x_j, j = \overline{1, n}$) и прибыль ($Z_j^{pr}, j = \overline{1, n}$) по видам выпускаемой продукции. В качестве входной информации модели помимо нормативной матрицы по материальным ресурсам (a_{ij}, m_{kj}), трудовым (t_{vj}), оборудованию (f_{lj}), — также выступают факторы, описывающие внешнюю экономическую конъюнктуру: цена на импортируемое сырье $p_k, k = \overline{1, K}$ спрос на конечную продукцию $y_r, r = \overline{1, R}$; а также параметры внутренней конъюнктуры: заработная плата работников $z_v, v = \overline{1, V}$ цена на производимую продукцию $p_j, j = \overline{1, n}$ показатели эффективности труда $t_{vj}, v = \overline{1, V}, j = \overline{1, n}$ (и как следствие, численности занятых T_{vj}).

Такая структура модели позволяет осуществлять сценарные расчеты КРІ-показателей в зависимости от вариантов внешней конъюнктуры и управляющих параметров модели (прямая связь). В то же время в случае недостижения целевых КРІ-показателей модель должна позволять реализовывать и обратную связь: от заданных целевых КРІ-показателей к управляющим параметрам модели. И здесь имеются два варианта решения проблемы: 1) разработка экономико-математической модели, реализующей обратную связь; 2) разработка программного обеспечения визуализации модельных расчетов с возможностью их корректировки в режиме online по аналогии с составляющей информационной системы типа бизнес-интеллекта (Business Intelligence, BI).

В экспериментальном режиме проведена компьютерная реализация нижнего уровня модели (модель «затраты-выпуск») в виде надстройки к КИС SAP. Модель реализована на данных предприятия пищевой промышленности и представлена по 28 видам продукции [8]. Модель реализована средствами Excel с подключением средств визуализации расчетов SAP Business Objects Dashboards, что позволило решить проблему реализации обратной связи модели.

На рис. 3 представлено место модельного аппарата в информационном пространстве КИС SAP.

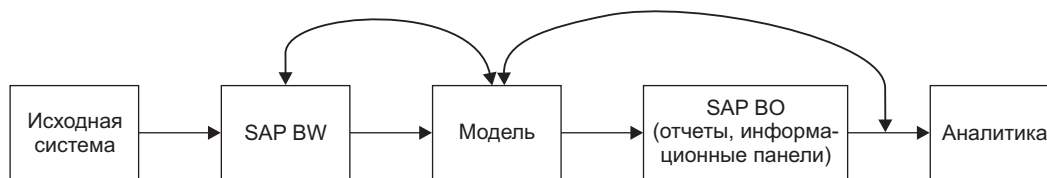

Рис. 3. Место модельного аппарата в информационном пространстве

Источники: разработано автором.

При программной реализации модельных расчетов обращение модельной надстройки к хранилищу SAP Business Warehouse производится несколько раз. Первый — при формировании информационной базы модели с целью агрегирования нормативной информационной базы КИС. Информационное обеспечение модели «затраты-выпуск» предусматривает формирование нормативной базы модели на основе функций агрегирования соответствующей информации из хранилища SAP BW. Каждый раз при открытии пользователем информационной панели и выборе параметров на селекционном экране происходит обращение к хранилищу и экстракция среза необходимых данных в рабочую область SAP BW Dashboards, где и проводится агрегирование нормативной информации. Второй — после проведения модельных расчетов средствами Excel — их визуализация средствами SAP Business Objects Dashboards; третий — при достижении значений KPI, удовлетворяющих выбранной стратегии развития, пользователь имеет возможность сохранения всех смоделированных результатов и внесения обратно в хранилище в качестве прогнозных показателей, что позволит обеспечить реализацию взаимосвязи BPM–ERP уровней КИС.

На рис. 4 представлен вид информационной панели результатов модельных расчетов по сценарию, характеризующемуся ростом цен на импортируемые энергоресурсы. В качестве управляющих воздействий, минимизирующих отрицательное влияние роста цен выступает изменение цены на производимые продукты и снижение численности занятых, так как на предприятии в анализируемый период отмечалась неполная занятость. Пользователь имеет возможность выбора каждого из секторов (продукта) на круговой диаграмме и проведения моделирования. При выборе какого-либо сектора на информационной панели (например, продукта с отрицательной или низкой рентабельностью) отображается именно его совокупность бегунков-управляющих параметров; при перетягивании бегунков (т.е. изменении управляющих параметров) происходит автоматический онлайн пересчет таблицы, к которой привязаны бегунки, а также изменяются и значения диаграммы, в которой представлены результаты модельных расчетов.

Таким образом, в результате исследования обоснован подход к построению модели прогнозирования структуры портфеля продукции производственного предприятия в контексте системы сбалансированных показателей как инструмента согласования стратегических и тактических корпоративных целей в условиях неустойчивой экономической конъюнктуры при наличии финансовых ограничений предприятия и ограниченной емкости рынков сбыта. Модель описывается как двухуровневая экономико-математическая модель, где верхний уровень представлен динамической моделью оптимизации портфеля инвестиционных проектов при синхронном инвестиционно-финансовом планировании, нижний уровень — модифицированной моделью «затраты-выпуск». Использование данного аппарата позволяет в условиях экономических рисков и ограничений сформировать структуру портфеля продукции производственного предприятия, обеспечивающую достижение ключевых показателей эффективности в разрезе всех составляющих методологии системы сбалансированных показателей: рентабельность (финансы); доля новых продуктов в общем объеме выпускаемого ассортимента (клиенты); соответствие (отношение) заработной платы средней по отрасли (персонал); время освоения новых продуктов (внутренние бизнес-процессы). Экспериментальные модельные расчеты на реальных данных показали возможность ее реализации на стратегическом уровне управления с привлечением средств КИС через визуализацию результатов модельных расчетов и подбор в интерактивном режиме управляющих воздействий с выходом на целевые KPI-показатели, что обеспечивает реализацию принципа обратной связи модели без использования сложного математического обеспечения и на этой основе повышает аналитическую обобщимость и оперативность модельных расчетов.

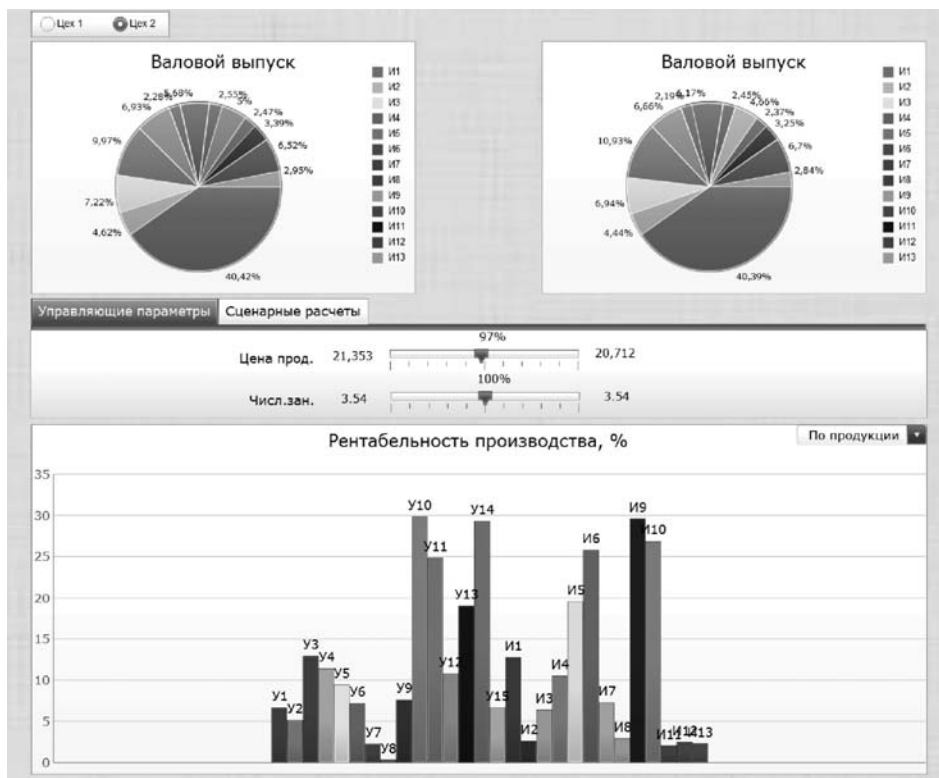

Рис. 4. Информационная панель SAP BO Dashboards после подбора управляющих воздействий

Источник: разработано автором.

Источники

1. Каплан, Р. С. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию : пер. с англ. / Р. С. Каплан, Д. П. Нортон. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Олимп-Бизнес, 2005.
Kaplan, R. S. Sbalansirovannaya sistema pokazateley. Ot strategii k deystviyu : per. s angl. / R. S. Kaplan, D. P. Norton. — 2-e izd., ispr. i dop. — M. : Olimp-Biznes, 2005.
2. Боумен, К. Основы стратегического менеджмента / К. Боумен. — М. : Юнити, 2003.
Boumen, K. Osnovy strategicheskogo menedzhmenta / K. Boumen. — M. : Yuniti, 2003.
3. Управление эффективностью бизнеса. Концепция Business Performance Management / Е. Ю. Духонин [и др.] ; под общ. ред. Г. В. Генса. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2005.
Upravlenie effektivnost'yu biznesa. Kontseptsiya Business Performance Management / E. Yu. Dukhonin [i dr.] ; pod obshch. red. G. V. Gensa. — M. : Al'pina Biznes Buks, 2005.
4. Миксюк, С. Ф. Балансовые модели риск-менеджмента как инструмент BPM-технологий в системе управления промышленным предприятием / С. Ф. Миксюк, И. Е. Перминова // Науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2013. — Вып. 6. — С. 261–272.
Miksyuk, S. F. Balansovye modeli risk-menedzhmenta kak instrument BPM-tekhnologiy v sisteme upravleniya promyshlennym predpriyatiem / S. F. Miksyuk, I. E. Perminova // Nauch. tr. / Belorus. gos. ekon. un-t. — Minsk, 2013. — Vyp. 6. — S. 261–272.
5. Яновский, Л. П. Выбор портфеля с учетом горизонта инвестирования / Л. П. Яновский, С. Н. Владыкин. — М. : Финансы, 2009.
Yanovskiy, L. P. Vybor portfelya s uchetom gorizonta investirovaniya / L. P. Yanovskiy, S. N. Vladyskin. — M. : Finansy, 2009.

6. Моделирование производственно-инвестиционной деятельности фирмы / Г. Виноградов [и др.]. — М. : ЮНИТИ, 2002.

Modelirovanie proizvodstvenno-investitsionnoy deyatel'nosti firmy / G. Vinogradov [i dr.]. — M. : YUNITI, 2002.

7. Чикишева, Н. М. Применение теории инвестиционного портфеля / Н. М. Чикишева. — СПб. : СПбУЭФ, 2006.

Chikisheva, N. M. Primenenie teorii investitsionnogo portfelya / N. M. Chikisheva. — SPb. : SPbUEF, 2006.

8. Перминова, И. Е. Об одном подходе к визуализации многовариантных сценарных прогнозов основных экономических показателей производственного предприятия / И. Е. Перминова // Цифровая трансформация. — 2018. — № 2. — С. 22–28.

Perminova, I. E. Ob odnom podkhode k vizualizatsii mnogovariantnykh stsenarnykh prognozov osnovnykh ekonomicheskikh pokazateley proizvodstvennogo predpriyatiya / I. E. Perminova // Tsifrovaya transformatsiya. — 2018. — № 2. — S. 22–28.

Статья поступила в редакцию 06.11.2018 г.

УДК 338.1

A. Mishchenko
BSEU (Minsk)

FACTORS OF ECONOMIC GROWTH OF THE CONSTRUCTION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The construction industry is a strategic and income-generating industry of any economy. The problem of economic growth in construction is relevant and is currently being discussed at the state level. The model of balanced economic growth of the construction industry will make it possible to determine the growth factors and predict the growth of the industry. The value added of the construction industry is a key indicator of economic growth of the sector.

Keywords: value added; factors of economic growth; construction; economic and mathematical model.

A. С. Мищенко
БГЭУ (Минск)

ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Строительный комплекс является стратегическим и доходообразующим комплексом любой экономики. Проблема экономического роста в строительстве является актуальной и обсуждается на государственном уровне в настоящее время. Модель сбалансированного экономического роста строительного комплекса позволит определить факторы роста и спрогнозировать рост комплекса. Добавленная стоимость строительного комплекса является ключевым индикатором роста комплекса.

Ключевые слова: добавленная стоимость; строительный комплекс; экономико-математическая модель; факторы экономического роста.

Стратегическим и доходообразующим комплексом любой экономики является строительный комплекс. Инвестируя в строительство, в экономике создаются рабочие места: на одно рабочее место в строительстве создается еще шесть в смежных отраслях. Строительный комплекс, потребляя продукцию, работы и услуги многих смежных от-

раслей и аккумулируя большинство инвестиций в основной капитал, является конечным участником в создании цепочек добавленной стоимости.

Экономический рост строительного комплекса вызывает мультипликативный экономический рост в целом по стране и создает условия для реализации социально-экономических приоритетов развития экономики.

Цель исследования: охарактеризовать строительный комплекс Республики Беларусь и показать его отличительные особенности, исследовать факторы роста и сформулировать основные направления экономического роста строительного комплекса Республики Беларусь.

Характеристика строительного комплекса. В структуре ВВП Республики Беларусь строительство составляло около 10 %, однако в 2016 г. произошло резкое снижение до 5,7 %, а в 2018 г. планируется спад до 5,0 %.

Резкое снижение экономического роста в строительстве влияет на замедление роста экономики в целом, вместе с тем стагнация в строительном комплексе тесно взаимосвязана с кризисными явлениями в смежных отраслях.

Кризис строительства вызывает рост безработицы, снижение инвестиций в основной капитал, замедление обновления основных производственных фондов, сокращение количества введенных зданий жилого фонда в эксплуатацию и, как следствие, увеличение цен на жилье, а также другие последствия, дестабилизирующие развитие экономики [1, с. 215].

Специфика строительного комплекса определяется субъектными отношениями и системой ценообразования. Понимание механизма взаимодействия субъектов строительства поможет выявить «узкие места», проследить процесс создания добавленной стоимости и вливания инвестиций, что в конечном счете влияет на благосостояние комплекса, т.е. на его экономический рост.

На рис. 1 укрупненно представлен механизм взаимодействия субъектов строительного комплекса.

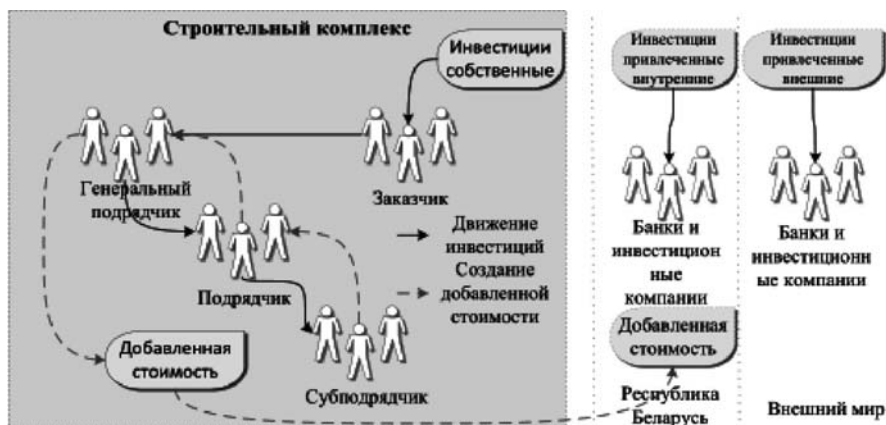

Рис. 1. Механизм взаимодействия субъектов строительного комплекса

Источники: разработано автором.

Законом Республики Беларусь от 05.07.2004 г. № 300-З (ред. от 18.07.2016 г.) «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» определены субъекты строительства: заказчик и подрядчик. На практике подрядчик может выступать в роли генерального подрядчика или субподрядчика.

Вливание денежных средств в отрасль происходит в виде инвестиций: иностранных, государственных или собственных. Привлечение инвестиций напрямую зависит от инвестиционной привлекательности страны. В связи с чем на строительство в первую очередь реагирует экономический спад в стране и может служить его индикатором.

Инвестиции предоставляет заказчик проекта, в качестве которого выступают иностранные и национальные, частные и государственные организации.

Генеральный подрядчик выступает основным исполнителем проекта и выполняет часть работ, в которых непосредственно специализируется, а оставшийся объем работ передает на выполнение подрядчику, который в свою очередь передает часть работ субподрядчику. Таким образом, в процессе строительства исполнителями одного проекта могут выступать множество организаций. Такая специализация работ, с одной стороны, позволяет получить большую добавленную стоимость, а с другой стороны, создает завышенную стоимость строительства. Добавленную стоимость создает каждый исполнитель в цепочке подрядчиков [2].

Ценообразование в строительстве строится на основе торгов. Заказчик на бирже размещает заказ, а генеральные подрядчики предоставляют свои конкурсные предложения. Далее заказчик выбирает исполнителя, предоставившего наиболее конкурентную стоимость, качество работ и сроки ее выполнения. При выборе подрядчика генеральному подрядчику необходимо также организовать торги, а подрядчику для выбора субподрядчика соответственно [3].

Динамика численности строительных организаций, в том числе по формам собственности, представлена в табл. 1.

Таблица 1. Число организаций строительства по формам собственности

Год	Количество строительных организаций, ед.	Из общего числа по формам собственности, ед.		
		государственная	частная	иностранная
2014	11 351	456	10 601	294
2015	10 173	418	9501	254
2016	9515	388	8859	268

Источники: составлено автором на основе [4, 5].

Из таблицы видно, что в период с 2014 по 2016 г. число строительных организаций уменьшилось и составило 9515 единиц. Причем наблюдается тенденция по снижению государственных организаций и увеличению иностранных. Число иностранных компаний в 2016 г. составило 268. Структура строительных организаций в 2016 г. следующая: 4,1 % государственной собственности, 93,1 % частной, 2,8 % иностранные организации [6].

Система выбора исполнителя проекта на основе торгов и низкая доля государственных строительных организаций может свидетельствовать о развитых рыночных механизмах в строительстве, однако ситуация в отрасли несколько иная [7].

Зачастую заказчиком проекта выступает государство и строительство объекта осуществляется за счет средств государственного бюджета, а в качестве генерального подрядчика выступает государственная организация (строительный трест), частные организации выступают в роли субподрядчиков. В связи с чем рыночная конкуренция в отрасли как таковая отсутствует: в роли исполнителя и заказчика выступает государство.

Увеличение числа частных организаций, выступающих в роли генерального подрядчика, позволит развить рыночный механизм в строительном комплексе, увеличить добавленную стоимость и качество работ. Также можно ожидать высвобождение работ-

ников, поскольку в государственных организациях возможна скрытая безработица. Вместе с сокращением рабочих мест и неизменном объеме выполненных работ можно ожидать увеличения производительности труда [8].

Для принятия управленческих решений на уровне отрасли целесообразно иметь информацию о цепочке создания добавленной стоимости и объеме выполненных работ по организациям в разрезе форм собственности: государственная, частная и иностранная и в разрезе субъектов: генеральный подрядчик, подрядчик и субподрядчик [9].

В связи с чем считаем важным дополнить сборник «Инвестиции и строительство» соответствующей информацией.

Стратегия развития строительства в Беларуси. Направления совершенствования строительного комплекса описаны в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года (далее — Стратегия). Основной целью строительного комплекса является наиболее полное удовлетворение потребности населения и народного хозяйства в высоко эффективной строительной продукции, успешно конкурирующей на внутреннем и внешних рынках [10].

Планируется, что повышение объема подрядных, строительно-монтажных и ремонтно-строительных работ за 2006–2010 гг. возрастет на 10–13 %, за 2011–2020 гг. — до 13–19 % [11].

Стратегия действенная только в том случае, если есть программа ее реализации. Так, программа социально-экономического развития до 2020 года (далее — Программа) утверждает, что основными задачами развития строительного комплекса являются повышение качества строительства и снижение его сметной стоимости, рост экспорта строительных услуг. Снижение себестоимости работ планируется за счет увеличения доли использования отечественных сырья и материалов в строительстве к 2020 г. до 85 % [12].

Стратегия и программа социально-экономического развития задают направления для развития видов деятельности. Далее соответствующие министерства разрабатывают конкретные концепции и программы реализации намеченных действий. Для строительного комплекса утверждена Концепция развития строительного комплекса Республики Беларусь на 2011–2020 годы (далее — Концепция).

Основными направлениями развития строительного комплекса согласно Концепции являются:

- внедрение ресурсосберегающих технологий;
- увеличение экспорта строительных работ;
- снижение импорта строительной продукции.

Результатами реализации Концепции должно явиться:

- рост производительности труда в 1,7–1,9 раза;
- снижение материалоемкости на 5 %;
- увеличение экспорта работ (услуг) в 1,8–2 раза.

Концепция также устанавливает источники финансирования строительства. Планируется, что структура инвестиций будет следующая: 50 % кредитные ресурсы, 50 % собственные источники. В 2010 г. доля заемных средств превысила 58 %. Рост доли заемных источников финансирования может отрицательно сказаться на платежеспособности организаций и привести к несбалансированному экономическому росту строительства.

В настоящее время Министерством архитектуры и строительства разрабатывается Стратегия развития строительной отрасли Республики Беларусь на 2018–2030 годы (далее — Стратегия строительства).

Таким образом, направления развития строительства на государственном уровне определены в Стратегии и программе социально-экономического развития; на ведомственном уровне — в Концепции, также планируется издание Стратегии строительства.

Факторы роста добавленной стоимости в строительстве. Проблемами экономического роста в строительном комплексе активно занимаются в настоящее время, в том числе и на государственном уровне. Так, на семинаре-совещании о повышении эффективности строительного комплекса 23 ноября 2018 г. Глава Государства потребовал сократить отток квалифицированных кадров, повысить экспорт строительных услуг и заработную плату работников строительства.

Под экономическим ростом в строительстве понимают увеличение объема выполненных работ и добавленной стоимости в исследуемом периоде.

Повышения экономического роста можно добиться за счет различных факторов, в том числе за счет увеличения доли заемных средств, роста импорта строительных материалов. Однако такой рост может привести к дестабилизации экономики в целом. Таким образом, экономический рост должен быть сбалансированным. Понятие сбалансированного экономического роста строительного комплекса в настоящее время в отечественной литературе не описано.

Для определения понятия «сбалансированный экономический рост» необходимо изучить, от каких факторов зависит экономический рост в строительстве.

Так, было исследовано порядка пятнадцати факторов и их влияние на добавленную стоимость в строительстве. Тесная взаимосвязь была обнаружена только по пяти факторам (табл. 2).

Таблица 2. Корреляционный анализ добавленной стоимости

Показатель	Добавленная стоимость, млн дол. (Y)	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5
Темп роста инвестиций, направленных на строительство за счет кредитных ресурсов, % (x_1)	0,8731	1				
Темп роста производительности труда, % (x_2)	0,9710	0,8534	1			
Численность, тыс. чел. (x_3)	0,6762	0,8050	0,5367	1		
Сальдо внешней торговли строительными услугами, тыс. дол. (x_4)	-0,6381	-0,7425	-0,6970	-0,4135	1	
Темп роста заработной платы, % (x_5)	0,9072	0,7001	0,9178	0,2952	-0,7065	1

Источники: составлено автором.

Между некоторыми факторами присутствует мультиколлинеарность (коэффициент корреляции между факторами больше 0,70), т.е. факторы влияют не только на добавленную стоимость, но и коррелируют между собой. Например, темп роста производительности труда (фактор x_2) коррелирует с изменением заработной платы (фактор x_5).

Построенная регрессионная модель по факторам представлена в следующем виде:

$$\hat{Y} = 6,15 + 0,08x_1 + 0,27x_2 + 16,83x_3 - 0,1x_4 + 6,63x_5, R^2 = 0,88$$

$$t_{kp}(2,13) (2,41) (2,71) (2,19) (-2,44) (2,67).$$
(1)

Поскольку между факторами существует мультиколлинеарность, модель построена по методу главных компонент:

$$\hat{Y} = 6634,36 - 692,12f_2 + 1797,84f_3 + 1519,94f_4, R^2 = 0,89$$

$$t_{kp}(48,56) (8,47) (3,93) (3,98).$$
(2)

Построенная модель пригодна для прогнозирования. Средняя ошибка аппроксимации равна 7,2 %.

При построении уравнений (1) и (2) были использованы данные во временных рядах, включающие 20 наблюдений за 1998–2017 гг.

Из модели следуют выводы:

- при увеличении темпа роста инвестиций, направленных на строительство за счет кредитных ресурсов, на 1 %, добавленная стоимость в строительстве увеличится на 0,08 млн дол.;
- при увеличении темпа роста производительности труда на 1 % добавленная стоимость в строительстве увеличится на 0,27 млн дол.;
- при увеличении численности работников строительного комплекса на 1 тыс. чел., добавленная стоимость в строительстве увеличится на 16,83 млн дол.;
- рост сальдо внешней торговли строительными услугами на 1 дол. сопровождается уменьшением добавленной стоимости в строительстве увеличится на 10 тыс. дол. Такую зависимость можно объяснить, с одной стороны, ростом импорта строительных услуг в условиях строительного бума на внутреннем рынке, и ростом их экспорта в условиях спада на внутреннем рынке;
- рост объемов строительных работ сопровождается ростом произведенной добавленной стоимости и одновременно увеличением фонда заработной платы: ускорение темпа роста средней заработной платы на 1 пп. сопровождается увеличением добавленной стоимости в строительстве на 6,63 млн дол.

Одним из ключевых факторов экономического роста в строительстве является сальдо внешней торговли (рис. 2).

Рис. 2. Сальдо внешней торговли строительными услугами за 2005-2016 гг., тыс. дол. США

Источники: разработано автором.

Сальдо внешней торговли строительными услугами сложилось положительным в период 2005–2008 гг., начиная с 2009 г. сальдо является отрицательным и данная тенденция имеет устойчивый характер в последние годы.

В структуре импорта услуг строительные услуги в 2010 г. составили 5,40 %, а в 2017 г. доля их резко увеличилась, составив 19,20 % (рис. 3). Сложившаяся тенденция в строительстве не соотносится с Концепцией, а также политикой импортозамещения.

На рис. 4 представлена структура экспорта услуг за 2010 и 2017 гг.

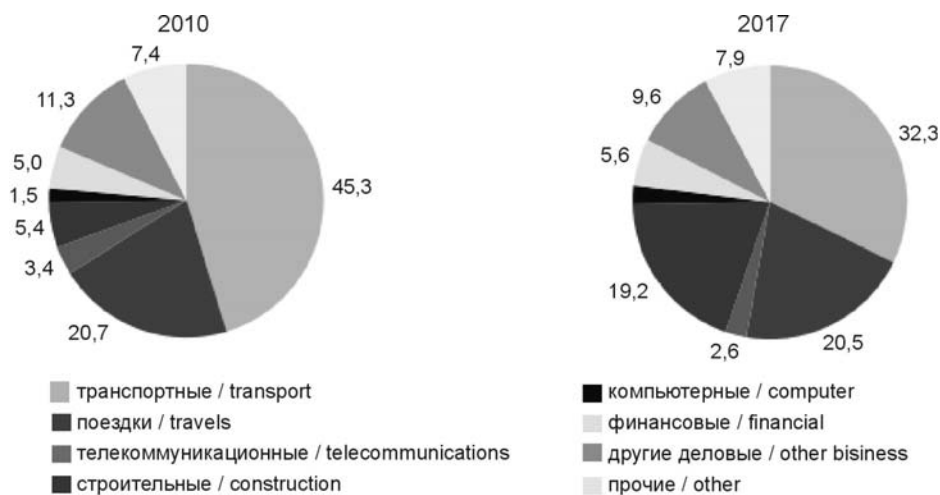

Рис. 3. Структура импорта услуг, %

Источники: разработано автором.

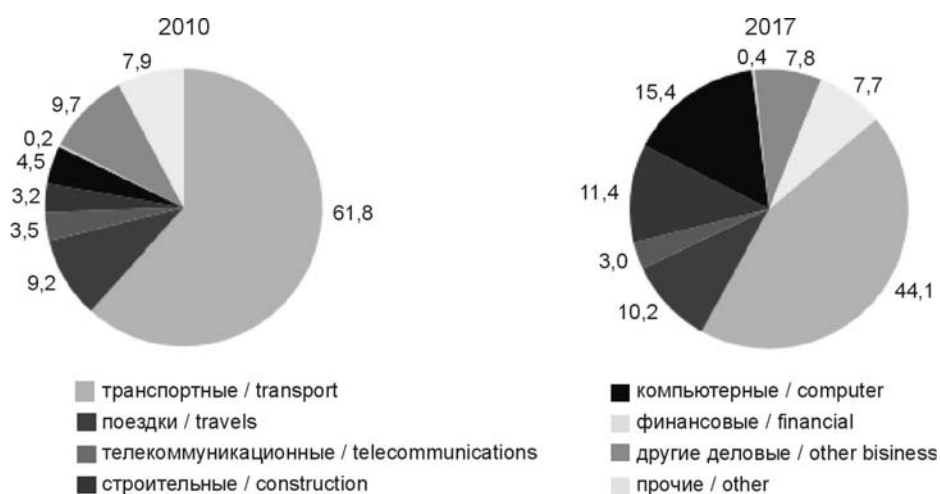

Рис. 4. Структура экспорта услуг, %

Источники: разработано автором.

В структуре экспорта услуг строительные услуги в 2010 г. составили 3,20 %, а в 2017 г. доля их резко увеличилась, составив 11,40 % (см. рис. 3). Такая тенденция может быть следствием упрощения пожарных, санитарных и других норм в строительстве, выход на рынок большего числа частных организаций, введения в действие международных норм строительства.

Таким образом, в направлении выхода на положительное сальдо внешней торговли строительными услугами необходимо развивать оба аспекта: повышение экспорта строительных услуг и снижение импорта строительных услуг, а также снижение импорта зарубежного сырья и материалов.

Важными факторами экономического роста в строительстве также являются темпы роста производительности труда и средней заработной платы [13]. Стоит отметить, что темп роста средней заработной платы имеет ограничение: он не должен превышать темп роста производительности труда (рис. 5).

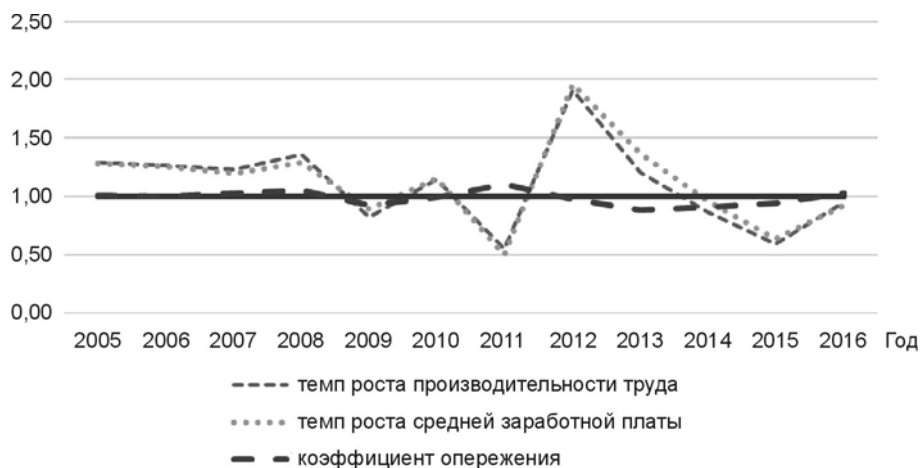

Рис. 5. Сравнение темпов роста производительности труда и средней заработной платы

Источники: разработано автором.

Так, в 2009–2010 гг. и начиная с 2012 г. до 2015 г. темп роста средней заработной платы существенно превышает темп роста производительности труда [14].

В целях сокращения миграции строителей высокой квалификации 11 декабря 2018 г. Минстройархитектуры подготовило проект постановления, которым повышаются цены человеко-часа рабочих-строителей четвертого разряда. Такие меры позволят повысить оплату труда строителей на 30–35 %.

Вместе с сокращением миграции персонала данная мера может привести к несбалансированному экономическому росту строительства, росту инфляции в стране, а также импорта товаров.

В структуре инвестирования строительства должна сокращаться доля бюджетных средств и кредитных ресурсов [15].

Таким образом, сбалансированным экономическим ростом строительного комплекса можно считать стабильный рост объемов выполненных работ и добавленной стоимости строительных услуг вместе с увеличением положительного (или сокращением отрицательного) сальдо платежного баланса, превышением темпов роста производительности труда над темпами роста средней заработной платы и снижением доли заемных источников финансирования в общем объеме инвестиций, направленных на строительство за исследуемый период.

Представляется важным прогнозирование доли добавленной стоимости строительного комплекса в структуре ВВП. Для анализа доступны данные по доле добавленной стоимости промышленного производства, включая строительство за период существования суверенного белорусского государства. На основе данных построен временной ряд (рис. 6).

На рис. 7 представлено сравнение доли добавленной стоимости промышленного производства, включая строительство, в ВВП по странам: Республика Беларусь, Китай, Франция, Российская Федерация, США.

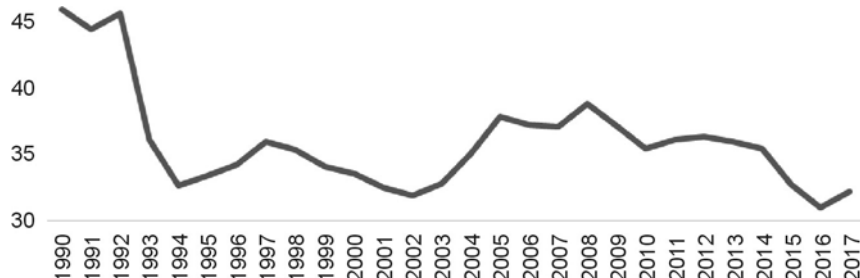

Рис. 6. Временной ряд доли добавленной стоимости промышленного производства, включая строительство, в ВВП Республики Беларусь

Источники: разработано автором.

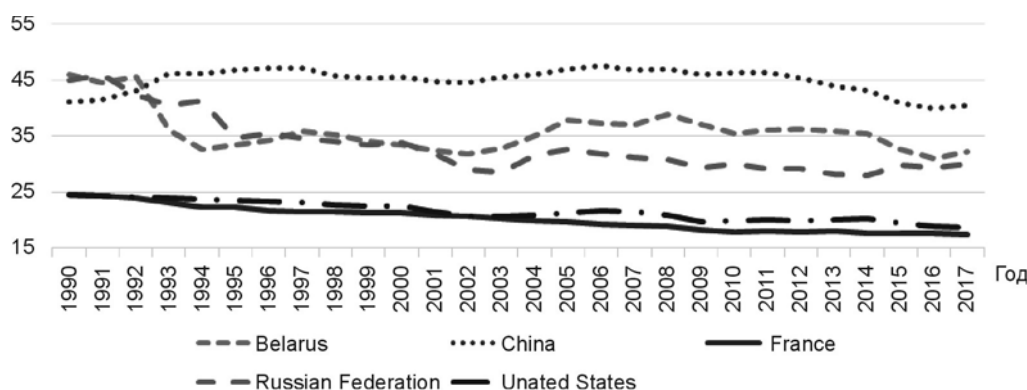

Рис. 7. Сравнение доли добавленной стоимости промышленного производства, включая строительство, в ВВП по странам

Источники: разработано автором.

Так, доля по всем странам имеет нисходящий тренд. Однако стоит отметить, что такой тренд определен снижением доли промышленного производства в связи с переходом к V технологическому укладу. Вместе с тем доля добавленной стоимости строительного комплекса в таких странах, как США, Франция и Китай, остается стабильной, что свидетельствует о стабильном росте экономик стран. Также можно отметить, что доля добавленной стоимости промышленного производства, включая строительство, в Китае находится на уровне 40,00 %, в Беларуси — 33,00 %, Российской Федерации — 32,00 %, США — 17,00 %, Франции — 16,00 %. Это указывает на то, что в США и Франции преобладает продукция, работы, услуги V технологического уклада. В Китае, Беларуси и России только осуществляется переход к экономике, в которой преобладает сфера услуг.

В статье дана характеристика строительного комплекса, описан механизм взаимодействия субъектов, обозначено понятие «сбалансированный экономический рост», исследованы факторы роста и сформулированы основные направления сбалансированного экономического роста строительного комплекса Республики Беларусь, в связи с чем можно сделать следующие выводы:

- для развития строительного механизма считаем целесообразным увеличение числа частных организаций, выступающих в роли генерального подрядчика;

- в целях улучшения статистической информации предлагаем дополнить периодический статистический сборник «Инвестиции и строительство» информацией об объеме выполненных работ в разрезе организаций по формам собственности: государственная, частная, иностранная и в разрезе субъектов проекта: генеральный подрядчик, подрядчик, субподрядчик;
- направления развития строительства на государственном уровне определены в Стратегии и программе социально-экономического развития; на ведомственном уровне — в Концепции, также планируется издание Стратегии строительства;
- основными направлениями развития строительного комплекса до 2020 г. являются: рост экспорта строительных услуг, снижение импорта строительных материалов, внедрение ресурсосберегающих технологий;
- на основе проведенного корреляционно-регрессионного анализа выделены основные факторы, связанные с ростом добавленной стоимости в строительстве, включая: рост инвестиций в строительство; рост производительности труда в строительстве; уменьшение сальдо внешней торговли строительными услугами; рост численности занятых в строительстве;
- для сохранения платежеспособности организаций строительства доля заемных источников финансирования в общем объеме финансирования строительства должна сокращаться;
- автором предложено понятие «сбалансированный экономический рост строительного комплекса».

Перспективы. Дальнейшее исследование будет направлено на разработку экономико-математической модели сбалансированного экономического роста строительного комплекса Республики Беларусь.

Источники

1. *Быков, А. А.* Торговля добавленной стоимостью: источники сбалансированного экономического роста : монография / А. А. Быков, О. Д. Колб, Т. В. Хвалько. — Минск : Мисанта, 2017. — 357 с.
Bykov, A. A. Torgovlya dobavlennoy stoimost'yu: istochniki sbalansirovannogo ekonomicheskogo rosta : monografiya / A. A. Bykov, O. D. Kolb, T. V. Khval'ko. — Minsk : Misanta, 2017. — 357 s.
2. *Bykau, A.* Conditions and limitations for growth in construction industry: The empirical evidence from Belarus / A. Bykau, T. Khvalko // Issues in Business Management and Economics. — 2017. — Vol. 5. — P. 37–44.
3. *Ерошеня, Н. А.* Экспертная оценка экономического состояния строительной организации / Н. А. Ерошеня // Актуальные проблемы экономики строительства : материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 30 нояб. — 2 дек. 2011 г. / Белорус. нац. техн. ун-т ; редкол.: О. С. Голубова, Л. К. Корбан, Н. Е. Винокурова. — Минск, 2013. — С. 62–69.
Eroshenya, N. A. Ekspertnaya otsenka ekonomicheskogo sostoyaniya stroitel'noy organizatsii / N. A. Eroshenya // Aktual'nye problemy ekonomiki stroitel'stva : materialy Resp. nauch.-prakt. konf., Minsk, 30 noyab. — 2 dek. 2011 g. / Belarus. nats. tekhn. un-t ; redkol.: O. S. Golubova, L. K. Korban, N. E. Vinokurova. — Minsk, 2013. — S. 62–69.
4. Инвестиции и строительство в Республике Беларусь, 2017 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. — Минск, 2017. — 213 с.
5. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2017 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Зиновский (пред.) [и др.]. — Минск, 2017. — 610 с.
6. *Мищенко, А. С.* Анализ и перспективы развития строительной отрасли Республики Беларусь / А. С. Мищенко // НИРС БГЭУ : сб. науч. ст. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: Г. А. Короленок (пред.) [и др.]. — Минск, 2017. — Вып. 6. — С. 156–160.
Mishchenko, A. S. Analiz i perspektivy razvitiya stroitel'noy otrasli Respubliki Belarus' / A. S. Mishchenko // NIRS BGEU : sb. nauch. st. / Belarus. gos. ekon. un-t ; redkol.: G. A. Korolenok (pred.) [i dr.]. — Minsk, 2017. — Vyp. 6. — S. 156–160.

7. *Sveikauskas, L.* Measuring productivity growth in construction / L. Sveikauskas // Monthly Labor Rev. — 2018. — № 1. — P. 6–46.

8. *Pheng, L. S.* Enhancing construction productivity through organizational learning in the Singapore construction industry / L. S. Pheng, G. Shang, W. K. Foong // Intern. J. of Construction Project Management. — 2016. — Vol. 8, № 1. — P. 71–89.

9. Seppänen, O. Effects of the location-based management system on production rates and productivity / O. Seppänen, J. Evinger, Ch. Mouflard // Construction Management and Economics. — 2016. — Vol. 32, № 6. — P. 608–624.

10. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года // Экон. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. — 2015. — № 4. — 100 с.

11. *Мищенко, А. С.* Планирование роста производительности труда на предприятии: оценка состояния и направления совершенствования / А. С. Мищенко // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: В. Н. Шимов [и др.]. — Минск, 2018. — С. 121–123.

Mishchenko, A. S. Planirovanie rosta proizvoditel'nosti truda na predpriyatii: otsenka sostoyaniya i napravleniya sovershenstvovaniya / A. S. Mishchenko // Ekonomicheskiy rost Respubliki Belarus': globalizatsiya, innovatsionnost', ustoychivost' : materialy XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 17 maya 2018 g. / Belarus. gos. ekon. un-t ; redkol.: V. N. Shimov [i dr.]. — Minsk, 2018. — S. 121–123.

12. Национальная экономика Беларуси: Потенциалы. Хозяйственные комплексы. Направления развития. Механизмы управления : учеб. пособие / В. Н. Шимов [и др.] ; под общ. ред. В. Н. Шимова. — Минск : БГЭУ, 2009. — 751 с.

Natsional'naya ekonomika Belarusi: Potentsialy. Khozyaystvennye komplekсы. Napravleniya razvitiya. Mekhanizmy upravleniya : ucheb. posobie / V. N. Shimov [i dr.] ; pod obshch. red. V. N. Shimova. — Minsk : BGEU, 2009. — 751 s.

13. *Мищенко, А. С.* Анализ динамики производительности труда по добавленной стоимости и объему производства / А. С. Мищенко, Е. М. Филипович // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: Л. М. Гайдукевич [и др.]. — Минск, 2016. — Вып. 15. — С. 216–218.

Mishchenko, A. S. Analiz dinamiki proizvoditel'nosti truda po dobavlennoy stoimosti i ob'emmu proizvodstva / A. S. Mishchenko, E. M. Filipovich // Sbornik nauchnykh statey studentov, magistrantov, aspirantov / Belarus. gos. ekon. un-t ; redkol.: L. M. Gaydukevich [i dr.]. — Minsk, 2016. — Vyp. 15. — S. 216–218.

14. *Мищенко, А. С.* Производительность труда в строительной отрасли Республики Беларусь: анализ и стратегия роста / А. С. Мищенко, Ю. М. Зенович // Науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: В. Н. Шимов и [др.]. — Минск, 2018. — Вып. 11. — С. 168–174.

Mishchenko, A. S. Proizvoditel'nost' truda v stroitel'noy otrasli Respubliki Belarus': analiz i strategiya rosta / A. S. Mishchenko, Yu. M. Zenovchik // Nauch. tr. / Belarus. gos. ekon. un-t ; redkol.: V. N. Shimov i [dr.]. — Minsk, 2018. — Vyp. 11. — S. 168–174.

15. *Мищенко, А. С.* Анализ производительности труда в строительной отрасли Республики Беларусь / А. С. Мищенко // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: В. Н. Шимов [и др.]. — Минск, 2018. — С. 142–144.

Mishchenko, A. S. Analiz proizvoditel'nosti truda v stroitel'noy otrasli Respubliki Belarus' / A. S. Mishchenko // Ekonomicheskiy rost Respubliki Belarus': globalizatsiya, innovatsionnost', ustoychivost' : materialy XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 17 maya 2018 g. / Belarus. gos. ekon. un-t ; redkol.: V. N. Shimov [i dr.]. — Minsk, 2018. — S. 142–144.

Статья поступила в редакцию 28.12.2018 г.

A. Mozol
A. Mozol
BSEU (Minsk)

IMPACT ASSESSMENT REGIONAL FACTORS DETERMINING THE CONDITIONS OF FORMATION AND USE OF THE AGRARIAN PRODUCTION POTENTIAL

The uncertainty level of the environmental activities of agricultural enterprises is quite high due to the special conditions of the agrarian sector. In addition to natural conditions, which are key for agricultural production, a significant role is played by socio-economic factors of the republican, regional and district levels. Their influence, varying in size depending on the region, creates conditions in which the agrarian production potential is used and developed. The subject of the article is determining the influence level of these factors using modern econometric methods.

Keywords: agrarian; potential; factor; influence; analysis; multicolumnarity; principal component method.

A. В. Мозоль
кандидат экономических наук
А. А. Мозоль
магистр экономических наук
БГЭУ (Минск)

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Уровень неопределенности внешней среды для деятельности сельскохозяйственных предприятий достаточно высок вследствие особых условий функционирования аграрной сферы. Кроме природных условий, которые являются ключевыми для сельскохозяйственного производства, существенную роль играют социально-экономические факторы республиканского, областного и районного уровней. Их влияние, различное по своей величине в зависимости от региона, формирует условия, в которых используется и развивается аграрный производственный потенциал. Определение уровня влияющих воздействий данных факторов при помощи современных эконометрических методов явилось предметом исследования данной статьи.

Ключевые слова: аграрный; потенциал; фактор; уровень влияния; анализ; мультиколлинеарность; метод главных компонент.

В соответствии с современными представлениями производственный потенциал аграрных формирований определяется не только ресурсными факторами, но и условиями, в которых последние функционируют. Для сельского хозяйства, на наш взгляд, наиболее существенными являются природно-климатические факторы, однако огромную роль играют макро- и мезоэкономические условия, которые определяются уровнем развития промышленного производства, объемом розничной торговли, объемом строительных работ и т.д. Вследствие дифференцированного уровня развития регионов республики (областей), степень влияния формирующих условия хозяйствования в аграрной сфере факторов различна. Еще большая разница отмечается на уровне отдельных районов, что обуславливает необходимость корректировки величины оценки аграрного производственного потенциала, а также результатов его использования. В этой связи целью настоящего исследования явилась разработка и апробация методики оценки условий формирования производственного потенциала сельскохозяйственных предприятий, опре-

деляемых основными индикаторами уровня развития регионов при помощи современных эконометрических методов. На результативность любого процесса оказывает влияние множество факторов, количество которых может достигать сотен и тысяч. С целью получения адекватных и актуальных индикаторов развития процесса его описывают только значимыми факторами, а эти факторы в свою очередь объединяют в группы по направлениям анализа. Но такой прием не исключает возможность многократного влияния одних и тех же факторов, вошедших в разные группы выборки, на результативный показатель. Снижение вероятности двойного и тройного учета влияния одних и тех же факторов на исследуемые процессы достигается при использовании метода главных компонент, который используется для оценки моделей большого размера, а также для оценки параметров модели, если в нее входят мультиколлинеарные переменные.

Теоретико-методической предпосылкой построения базы данных, включающей частные индикаторы региональной динамики, может послужить многомерная матрица исходных данных (X). Она трехмерная и включает три признака: время, регион и признак-показатель [1, 2]. Объем численных данных, присутствующих в матрице, определяется произведением количества каждого из ее элементов в представленном измерении, что позволяет определить масштабы матрицы X

$$X = \begin{pmatrix} x_{11}(t) & x_{12}(t) & \cdots & x_{1n}(t) \\ x_{21}(t) & x_{22}(t) & \cdots & x_{2n}(t) \\ \cdots & \cdots & \cdots & \cdots \\ x_{p1}(t) & x_{p2}(t) & \cdots & x_{pn}(t) \end{pmatrix}, \quad (1)$$

где $t = 1, 2, \dots, T$ и $x_{ij}(t)$, ($i = 1, 2, \dots, p$; $j = 1, 2, \dots, n$) — значение j -го показателя в i -м объекте в момент времени t . Учитывая специфику формирования статистической отчетности по регионам в качестве единицы времени используется год.

Отбор показателей-признаков был произведен по регионам Беларуси на основе учета базовых факторов производства (табл. 1). Количество используемых для эмпирического анализа показателей обусловлено имеющимся объемом статистических данных. База данных формировалась в соответствии с пространственно-временной выборкой, значения показателей которой рассчитывались по каждому региону (7 регионов (области и г. Минск) Республики Беларусь). В соответствии с формулой (1) размерность матрицы X составила 42×6 . Источниками формирования базы данных послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [3–9].

Таблица 1. Показатели-признаки развития регионов Беларуси

№	Показатель-признак	Обозначение	Единица измерения
1	Индекс промышленного производства	x_1	%
2	Строительство жилых домов	x_2	%
3	Оборот розничной торговли	x_3	%
4	Объем платных услуг населению	x_4	%
5	Инвестиции в основной капитал	x_5	млрд руб.
6	Иностранные инвестиции	x_6	тыс. дол. США

Источники: составлено авторами.

Ключевую роль играют единицы измерения признаков-показателей. Они приведены либо в процентах, либо в стоимостном выражении, что определяет проблему обеспечения их сопоставимости, поэтому целесообразно их стандартизировать, т.е. преобразовать в нормированные значения по формуле:

$$z_{ij} = \frac{x_{ij} - \bar{x}_j}{\sigma_j}, \quad i = 1, 2, \dots, m; j = 1, 2, \dots, n, \quad (2)$$

где $\bar{x}_j$ — среднее значение j -го частного показателя, вычисляемого по формуле:

$$\bar{x}_j = \frac{\sum_{i=1}^m x_{ij}}{m}, \quad j = 1, 2, \dots, n, \quad (3)$$

σ_j — среднее квадратическое отклонение j -го частного показателя, и

$$\sigma_j = \sqrt{\frac{1}{m} \sum_{i=1}^m (x_{ij} - \bar{x}_j)^2}, \quad j = 1, 2, \dots, n. \quad (4)$$

Для каждого j -го частного показателя было рассчитано $\bar{x}_j$ — среднее значение по формуле (3), а также σ_j — среднее квадратическое отклонение j -х частных показателей по формуле (4).

Нормированные показатели становятся безразмерными, что дает возможность получать суммарную характеристику, учитывающую значение показателей, измеренных в разных единицах [10].

Расчет матрицы факторных нагрузок требует наличия корреляционной матрицы, так как степень зависимости между исходными показателями устанавливается с помощью коэффициентов парной корреляции. Из матрицы со стандартизованными значениями частных показателей, коэффициенты парной корреляции образуют симметричную к своей главной диагонали корреляционную матрицу, причем элементы, расположенные на главной диагонали равны единице. Из матрицы со стандартизованными значениями частных показателей $Z = (z_{ij})$, и размерности $m \times n$, коэффициенты парной корреляции образуют симметричную к своей главной диагонали корреляционную матрицу R размерности $n \times n$, причем элементы, расположенные на главной диагонали, равны единице. В векторной записи корреляционная матрица определяется как:

$$R = \frac{1}{n-1} Z'Z, \quad (5)$$

где Z' — транспонированная матрица размерности $n \times m$.

Для определения собственных значений корреляционной матрицы, было решено характеристическое уравнение решению характеристического уравнения 6-го порядка:

$$|R - \lambda E| = 0, \quad (6)$$

где E — единичная матрица порядка n .

Вычисленная по формуле (5) корреляционная матрица выглядит следующим образом (табл. 2):

Таблица 2. Корреляционная матрица

1	0,3432	0,5292	0,5682	0,0798	-0,0315
0,3432	1	0,5614	0,6641	-0,3779	0,0321
0,5292	0,5614	1	0,8187	-0,3752	-0,3193
0,5682	0,6641	0,8187	1	-0,3587	-0,1123
0,0798	-0,3779	-0,3752	-0,3587	1	0,5869
-0,0315	0,0321	-0,3193	-0,1123	0,5869	1

Источники: составлено авторами.

Существование вещественных положительных корней $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_n$ гарантируется структурным построением корреляционной матрицы, а именно ее симметричностью к своей главной диагонали и принадлежностью коэффициентов корреляции к интервалу $[-1; 1]$. В результате получена матрица собственных значений (табл. 3).

Таблица 3. Собственные значения

0,1441	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
0,0	0,2526	0,0	0,0	0,0	0,0
0,0	0,0	0,3541	0,0	0,0	0,0
0,0	0,0	0,0	0,7977	0,0	0,0
0,0	0,0	0,0	0,0	1,4673	0,0
0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	2,9843

Источники: составлено авторами.

Достоверность расчетов подтверждается формулой

$$\lambda_1 + \lambda_2 + \dots + \lambda_n = n. \quad (7)$$

а именно при суммировании полученных собственных значений, результатом стал порядок корреляционной матрицы $n = 6$ (табл. 4).

Таблица 4. Матрица собственных векторов

-0,00334	-0,00713	-0,00912	-0,00258	0,007146	-0,00759
0,001115	0,007186	0,001447	0,001485	-0,00129	-0,00616
-0,00629	0,002796	0,00503	-0,00692	-0,00369	-0,01184
0,007703	0,001809	0,003715	-0,00211	-0,00239	-0,01251
0,006706	0,00754	0,007581	-0,00663	0,00554	0,008607
-0,00592	-0,00437	0,004365	0,001193	0,003072	0,007858

Источники: составлено авторами.

Определение собственных векторов корреляционной матрицы, которые соответствуют ее собственным значениям, осуществлялось решением матричного уравнения

$$(R - \lambda_j E) \cdot U_j = 0, \quad j = 1, 2, \dots, n, \quad (8)$$

где $U_j = (u_1, u_2, \dots, u_{nj})'$, $j = 1, 2, \dots, n$ — собственный вектор (вектор-столбец) матрицы R , соответствующий собственному значению λ_j .

Каждый столбец — собственный вектор (вектор-столбец) матрицы, соответствующий одному из собственных значений.

Также необходимо рассчитать матрицу нормированных собственных векторов V (где $V = (V_1, V_2, \dots, V_j, \dots, V_n)$) (табл. 5), где каждый из векторов (столбцов) получается преобразованием ненормированных векторов U_j из табл. 4 по формуле (9):

$$V_j = \frac{U_j}{|U_j|}, \quad (9)$$

где $|U_j|$ — норма вектора U_j , т.е. $U_j = \sqrt{u_{1j}^2 + u_{2j}^2 + \dots + u_{nj}^2}$.

Таблица 5. Матрица нормированных собственных векторов

-0,2414	-0,5180	-0,6434	-0,2496	0,6747	-0,3303
0,0806	0,5221	0,1021	0,1438	-0,1217	-0,2679
-0,4549	0,2031	0,3549	-0,6700	-0,3484	-0,5152
0,5569	0,1314	0,2621	-0,2043	-0,2254	-0,5445
0,4848	0,5477	0,5349	-0,6426	0,5231	0,3745
-0,4279	-0,3172	0,3079	0,1156	0,2901	0,3420

Источники: составлено авторами.

В результате проведенных выше расчетов возможно определить матрицу факторных нагрузок A в соответствии с формулой:

$$A = V \cdot \Lambda^{1/2}, \quad (10)$$

где

$$\Lambda^{1/2} = \begin{pmatrix} \sqrt{\lambda_1} & 0 & \dots & 0 \\ 0 & \sqrt{\lambda_2} & \dots & 0 \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ 0 & 0 & \dots & \sqrt{\lambda_n} \end{pmatrix}. \quad (11)$$

Матрица факторных нагрузок выглядит следующим образом (табл. 6).

Таблица 6. Матрица факторных нагрузок

	F_1	F_2	F_3	F_4	F_5	F_6
x_1	-0,0916	-0,2603	-0,3829	-0,2229	0,8173	-0,5705
x_2	0,0306	0,2624	0,0607	0,1285	-0,1475	-0,4628
x_3	-0,1727	0,1021	0,2112	-0,5984	-0,4220	-0,8901
x_4	0,2114	0,0660	0,1560	-0,1825	-0,2730	-0,9406
x_5	0,1840	0,2753	0,3183	-0,5740	0,6337	0,6470
x_6	-0,1624	-0,1594	0,1832	0,1032	0,3514	0,5907

Источники: составлено авторами.

Все элементы матрицы являются частными коэффициентами корреляции, отражающими связь исходных показателей и главных компонент. Следовательно, значения принадлежат промежутку $[-1;1]$. Для каждого столбца матрицы справедливо условие о том, что сумма квадратов элементов в столбце равна соответствующему собственному значению. Это в свою очередь доказывает справедливость проведенных расчетов.

Принципиальное значение имеет оценка взаимосвязей исходных показателей с выделенными главными компонентами, что позволяет дать им содержательное экономическое объяснение [11, 12].

Как ранее отмечалось, число исходных признаков равно числу главных компонент. Понятно, что не все главные компоненты могут быть использованы для экономически доступной интерпретации выявленных закономерностей экономического развития регионов. Поэтому целесообразно отобрать те главные компоненты, суммарная доля дисперсии которых в общей дисперсии более 75 %. Основой выбора таких главных компонент служат величины собственных значений матрицы факторных нагрузок. А именно

выбор осуществляется по тем собственным значениям, для которых выполняется условие $\lambda_s \geq 1$. Эта особенность метода главных компонент имеет методологическое значение, заключающееся в возможности сжатия исходной системы данных без существенной потери ее информативности [13, 14].

Главные компоненты и их процент в общей дисперсии приведены в табл. 7.

Таблица 7. Процент общей дисперсии главных компонент

Компонента	% общей дисперсии
F_1	2,4
F_2	4,2
F_3	5,9
F_4	13,3
F_5	24,5
F_6	49,7

Источники: составлено авторами.

Таким образом, на основании полученных результатов в табл. 3 по величине собственных значений определяем те главные компоненты, которые оказывают наиболее существенное влияние на экономическое развитие регионов. Это компоненты F_5 и F_6 .

В результате был осуществлен переход от 6 исходных показателей к 2 обобщающим характеристикам (главным компонентам), объясняющим около 75 % вариации исходной информации. Оставшиеся 4 главные компоненты не получили аналитического применения, так как их вклад в суммарную вариацию исходной информации оказался не более 25 %.

Далее по величине максимальных значений матрицы факторных нагрузок (см. табл. 6), взятых по модулю, выбираем наиболее существенные факторы. Для компоненты F_5 это показатели x_1 и x_5 , а для компоненты F_6 — x_3 и x_4 (табл. 8).

Таблица 8. Главные компоненты и их экономическая интерпретация

Компонента	Показатель, формирующий главную компоненту	$\sum$ дисперсия, %	Экономическая интерпретация
F_5	Индекс промышленного производства (x_1 , 0,8173); объем инвестиций в основной капитал (x_5 , 0,6337)	72,9	Экономический потенциал
F_6	Оборот розничной торговли (x_1 , -0,8901); объем платных услуг населению (x_4 , -0,9406)	56,2	Территориальная экономическая эволюция регионов республики

Источники: составлено авторами.

Проведенные расчеты позволяют сделать вывод, что вклад компоненты F_5 определяется показателями «Индекс промышленного производства» и «Объем инвестиций в основной капитал». Согласно данным табл. 8, участвующие в формировании первой главной компоненты (F_5) признаки на 72,9 % определяют величину дисперсии исходных показателей. При этом вклад F_5 в суммарной вариации исходных показателей, определяющих экономическое развитие Беларуси в срезе ее регионов, составил 24,5 % (см. табл. 7). Поскольку в данной главной компоненте присутствуют показатели, характеризующие динамику объема одной из ресурсных составляющих производственного потенциала и относительную результативность функционирования главнейшей отрасли национальной экономики, она определена как фактор экономического потенциала.

Показатели, участвующие в формировании второй главной компоненты, полностью отражают величину конечного потребления материальных благ населением и могут быть определены как фактор развития сферы услуг и сферы обращения. Вместе с тем динамика показателей отражает изменение структуры экономики, поэтому может характеризоваться как структурный фактор, и на 56,2 % определяют суммарную дисперсию исходной системы показателей, объясняемой F_6 (на 49,7 %). Исходя из этого шестая главная компонента находит объяснение роли сферы услуг и сферы обращения как фактора в территориальной экономической эволюции регионов республики.

Формирование, использование и развитие производственного потенциала аграрной сферы обусловлено целым рядом закономерностей, складывающихся под влиянием достаточного большого количества факторов. В этой связи целесообразно продолжить формирование соответствующей методической базы, основанной на применении методологии многомерного статистического анализа. Наиболее эффективным и подходящим методом для решения подобных задач является метод главных компонент. Данный подход широко применяется при исследовании влияния институциональных факторов на экономический рост, выявлении скрытых и обосновании явных закономерностей макроэкономического развития хозяйственных систем, установлении зависимостей экономических показателей регионов и т.д. Главными его достоинствами является возможность получить несколько главных компонент (факторов), которые, с одной стороны, являются определяющими в развитии конкретного процесса, с другой стороны, включают в себя множество исходных показателей, для которых определена степень влияния на данный компонент.

Источники

1. Харисова, А. Ф. Применение метода главных компонент для анализа производственных показателей на предприятиях [Электронный ресурс] / А. Ф. Харисова, Л. П. Бакуменко // Экономика и менеджмент инновационных технологий. — 2017. — № 2. — Режим доступа: <http://ekonomika.snauka.ru/2017/02/13907/>. — Дата доступа: 24.11.2018.

Harisova, A. F. Application of the principal component method for the analysis of performance indicators in enterprises [Electronic resource] / A. F. Harisova, L. P. Bakumenko // Economics and management of innovative technologies. — 2017. — № 2. — Mode of access: <http://ekonomika.snauka.ru/2017/02/13907/>. — Date of access: 24.11.2018.

2. Кухаренко, С. И. Анализ параметров бизнес-процессов социально-экономической системы методом главных компонент / С. И. Кухаренко, В. Г. Плужников, С. А. Шикина // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Экономика и менеджмент. — 2015. — Т. 9, вып. 4. — С. 57–62.

Kykharenko, S. I. Analysis of the parameters of business processes of the socio-economic system by the method of main components / S. I. Kykharenko, V. G. Plyzhnikov, S. A. Shishkina // Bull. of the South Ural State Univ. Ser. Economics and Management. — 2015. — Т. 9, iss. 4. — P. 57–62.

3. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2012 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Минск, 2012. — 715 с.

4. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2013 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Минск, 2013. — 578 с.

5. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2014 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Минск, 2014. — 534 с.

6. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2015 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Минск, 2015. — 524 с.

7. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2016 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Минск, 2016. — 519 с.

8. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2017 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Минск, 2017. — 506 с.

9. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. — Дата доступа: 01.12.2018.

10. Читая, Г. О. Факторный анализ промышленного развития макрорегионов России / Г. О. Читая // *Вопр. статистики*. — 2006. — № 2.
Chitaya, G. O. Factor analysis of industrial development of macroregions in Russia / G. O. Chitaya // Statistics Iss. — 2006. — № 2.
11. Бараков, В. С. Многофакторная модель эмпирического анализа экономического развития макрорегионов с учетом потенциала модернизации / В. С. Бараков // *Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 3, Экономика. Экология*. — 2013. — № 1 (22). — С. 72–76.
Barakov, V. S. Multifactor model of empirical analysis of economic development of macroregions, taking into account the potential for modernization / V. S. Barakov // Bull. of Volgograd State Univ. Ser. 3, Economy. Ecology. — 2013. — № 1 (22). — P. 72–76.
12. Мокеев, В. В. Об использовании метода главных компонент для анализа деятельности предприятия / В. В. Мокеев, К. Л. Соломахо // *Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та*. — 2013. — № 3. — С. 41–45.
Mokeyev, V. V. On the use of the method of principal components for the analysis of the enterprise / V. V. Mokeyev, K. L. Solomaho // Bull. of the South Ural State Univ. — 2013. — № 3. — P. 41–45.
13. Малинецкий, Г. Г. Современные проблемы нелинейной динамики / Г. Г. Малинецкий, А. В. Потапов. — М. : УРСС, 2000. — 213 с.
Malinetskiy, G. G. Modern problems of nonlinear dynamics / G. G. Malinetskiy, A. V. Potapov. — Moscow : URSS, 2000. — 213 p.
14. Каханер, Д. Численные методы и программное обеспечение / Д. Каханер, К. Моулер, С. Нэш. — М. : Мир, 1998. — 351 с.
Kahaner, D. Numerical methods and software / D. Kahaner, K. Moyler, S. Nesh. — Moscow : Mir, 1998. — 351 p.
15. Терещенко, О. В. Многомерный статистический анализ данных в социальных науках / О. В. Терещенко, Н. В. Курилович, Е. И. Князева. — Минск : БГУ, 2012. — 239 с.
Tereschenko, O. V. Multivariate statistical data analysis in social sciences / O. V. Tereschenko, N. V. Kurilovich, E. I. Knyazeva. — Minsk : BSU, 2012. — 239 p.
16. Тихомиров, Н. П. Эконометрика / Н. П. Тихомиров, Е. Ю. Дорохина. — М. : Изд-во Рос. экон. акад., 2002. — 640 с.
Tikhomirov, N. P. Econometrix / N. P. Tikhomirov, E. U. Dorohina. — Moscow : Publ. House of Russ. Econ. Acad., 2002. — 640 p.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018 г.

УДК 330.45:519.8:633(476)

K. Nikitina
BSEU (Minsk)

OPTIMIZATION OF CROP STRUCTURE BASED ON FODDER BASE IN ORGANIC FARMING

The article is dedicated to the development of an optimization model of the structure of crop production, involving a phased transition to organic farming for the planned period, based on fodder base of cattle. The design of the optimality criterion was carried out from the standpoint of such a kind of crop rotation, which contributes to the growth of soil fertility on a fixed total area of farming. The linear optimization model for the enterprise in question includes 300 variables and 66 constraints in the form of equations and inequalities, as well as constraints on the nonnegativity of variables. The computer implementation of the model was carried out using the Octave program code.

Keywords: crop production; organic farming; crop rotation; humus layer in the soil; optimality criterion; model constraints; fodder base; optimal structure of crop production.

ОПТИМИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ РАСТЕНИЕВОДСТВА С УЧЕТОМ ФОРМИРОВАНИЯ КОРМОВОЙ БАЗЫ В ОРГАНИЧЕСКОМ СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Статья посвящена разработке оптимизационной модели структуры растениеводства, предполагающей поэтапный переход к органическому хозяйству за планируемый период, с учетом сформированной кормовой базой для крупного рогатого скота. Конструирование критерия оптимальности осуществлено с позиции такого режима чередования высевания культур, который способствует росту плодородия почвы на фиксированной по величине общей площади ведения земледелия хозяйством. Линейная оптимизационная модель для рассматриваемого предприятия включает 300 переменных и 66 ограничений в виде уравнений и неравенств, а также ограничения на неотрицательность переменных. Компьютерная реализация модели осуществлена с использованием программного кода Octave.

Ключевые слова: растениеводство; органическое хозяйство; севооборот; слой гумуса в почве; критерий оптимальности; ограничения модели; кормовая база; оптимальная структура растениеводства.

Республика Беларусь располагает обширными сельскохозяйственными угодьями, высоким потенциалом эффективного изменения структуры посевных площадей, возможностями ее ориентации к стимулированию производства экологически чистой продукции растениеводства и животноводства. Формирование рынка органических продуктов является перспективным направлением развития агропромышленного производства, так как здоровье населения и качество жизни во многом обусловлены производством и потреблением экологически чистых продуктов. Органическое земледелие в Республике Беларусь в настоящее время находится на начальной стадии развития. Это связано с существованием ряда проблем, не позволяющих наращивать его темпы, а именно низкая рентабельность производства (особенно на этапе переходного периода) из-за отсутствия технологий органического земледелия и нормативно-правовой базы в данной отрасли, предусматривающей господдержку органических сельхозпроизводителей, практикуемую во всех развитых странах мира, успешно развивающих органическое земледелие [1].

Актуальными проблемами являются выделение влияющих на структуру сельского хозяйства приоритетных факторов, разработка и реализация комплекса экономико-математических моделей, позволяющих обосновать направления увеличения выхода экологически чистой продукции. В зависимости от отраслевой ориентации хозяйства порядок перехода к органическому производству может существенно отличаться. Переход к производству органической молочной продукции целесообразно начинать с анализа существующей структуры растениеводства, оценки плодородности земель (слой гумуса, содержание питательных веществ, в том числе азота, в почве) и ее зависимости от внесения химических и органических удобрений. С учетом рекомендаций агрохимиков по рациону кормления крупного рогатого скота в органическом сельском хозяйстве и соблюдением рекомендаций по севообороту культур можно построить оптимизационную модель перехода к подобному типу хозяйства. Критерием оптимальности предлагается взять кумулятивное положительное влияние на вырабатываемый слой гумуса при дополнительных ограничениях по структуре растениеводства в хозяйстве, осуществляющем органическое животноводство молочного направления.

При рассмотрении сельскохозяйственного предприятия, ориентированного на органическое молочное производство (ОАО «Мядельское агропромэнерго»), целью которого

является максимизация выхода готовой продукции, ключевой составляющей в комплексе экономико-математических моделей выступает оптимизационная модель рациона кормления животных со стандартными ограничениями на площади под посев, а также содержание питательных веществ в рационе. Однако для перехода к органическому сельскому хозяйству необходимо выполнение ряда требований, которые формируют дополнительную группу ограничений. В связи с отсутствием Закона об органическом земледелии и животноводстве в Республике Беларусь на данном этапе информационной базой ограничений может выступать Директива ЕС № 834/2007 от 28 июня 2007 г. по органическому производству и маркировке органических продуктов и отмены Директивы (ЕС) № 2092/91 [2]. Например, условия содержания животных могут конфликтовать с экономическими целями, кроме того, органическое сельское хозяйство предполагает предоставление всем животным больших площадей по сравнению с традиционным сельским хозяйством, чтобы они могли вести себя, как свойственно их виду. Если для содержания молочных коров и откормочных быков в традиционном сельском хозяйстве не существует законодательных актов, то крупный рогатый скот в органическом сельском хозяйстве должен иметь регулярный выгул и может содержаться только на небольших предприятиях, где предоставляется пастбищное содержание или регулярный выгул [3].

Каждый вид сельскохозяйственных животных выполняет специфическую экологическую функцию во внутрихозяйственной производственной системе, хотя и имеет место тенденция специализации хозяйств на одном определенном виде животных. Жвачные могут употреблять как легкоперевариваемую пищу, так и содержащие волокна части растений, напрямую не пригодные для питания человека (например, молодая поросль на пастбищах, клеверозлаковая травосмесь). В связи с этим они имеют исключительное значение для органического сельского хозяйства, в котором большую долю сельскохозяйственных угодий составляют многолетние пастбища и посевы клеверозлаковой травосмеси. В целом уровень использования концентрированного корма значительно ниже, чем у интенсивных хозяйств, во-первых, по причине высокой стоимости органического концентрированного корма, а во-вторых, ввиду учета естественных потребностей и возможностей жвачных животных в потреблении грубых кормов. Разрешается использовать только те корма, которые прошли сертификацию в соответствии с Директивой ЕС об органическом производстве, которая регулирует процесс изготовления и маркировки органического комбикорма. Однако цель максимального самообеспечения кормами в большинстве хозяйств может быть достигнута лишь с оговорками, поскольку не везде представляется возможным выращивать все виды кормов, обеспечивающие взвешенный рацион. В таких случаях требуются дополнительная покупка высококачественных компонентов и сотрудничество с сертифицированными органическими производителями комбикормов [3].

В стабильных естественных экосистемах круговорот веществ в основном является замкнутым, а потери гумуса и его восстановление путем разложения отмерших частей растений и животных приблизительно уравниваются. Органические сельские хозяйства должны стремиться замкнуть круговорот веществ. Потери питательных веществ могут быть отчасти восполнены естественным путем за счет выветривания местных почвенных минералов и посредством биологической фиксации азота. Для плодородия почвы ключевое значение имеет сохранение и увеличение содержания гумуса за счет внесения необходимого количества органических удобрений. В животноводческих хозяйствах органические удобрения являются продуктом собственного производства, количество которого ограничено, так как размеры поголовья в хозяйстве привязаны к размерам имеющихся сельхозугодий. Первостепенная важность наращивания слоя гумуса становится отправным пунктом в конструировании критерия оптимальности в задаче оптимизации структуры растениеводства переходного периода. В органическом земледелии гумус и удобрения обеспечивают плодородие почвы и тем самым стимули-

руют его естественные процессы, позволяющие хорошо развиваться здоровым культурным растениям. Биологическая фиксация азота бобовыми культурами является основным поступлением азота в хозяйстве. Поскольку в результате продажи животноводческой и растениеводческой продукции питательные вещества выносятся из внутрихозяйственного круговорота, то их запасы в почве приходится пополнять за счет специально подобранных органических и зеленых удобрений, а также путем введения севооборота. Критерий оптимальности, позволяющий соизмерять различные варианты увеличения слоя гумуса в почве, в оптимизационной задаче находит соответствующее выражение в целевой функции. Целевая функция, выраженная как разность между площадью, на которой выращиваются культуры с положительным влиянием на содержание гумуса в почве, и площадью под культуры с отрицательным, будет характеризовать эффект влияния найденной структуры на формирование слоя гумуса. К группе с положительным влиянием относятся зернобобовые и бобово-злаковые, однолетние и многолетние травы, с отрицательным — зерновые и масличные культуры, кукуруза, овощи.

Пусть рассматривается T периодов для перехода на производство органической продукции ($t = 1, T$), n — количество культур, которые целесообразно выращивать в рассматриваемом хозяйстве, m — количество полей в базовом периоде (базовый период отвечает этапу до введения новой структуры севооборота). Тогда x_{ijt} — площадь, отводимая под посев i -й культуры на j -й посевной площади (т.е. на которой в период $(t - 1)$ выращивалась j -я культура (для первого периода исходя из имеющейся информации о посевах в базисном периоде $j = 1, m$ для последующий лет $j = 1, n$, так как в рассмотрение включены все планируемые культуры) в году t ; c_i — коэффициент влияния i -й культуры на слой гумуса, причем:

$$c_i = \begin{cases} -1, & \text{при отрицательном влиянии } i\text{-й культуры на гумус,} \\ 1, & \text{при положительном влиянии } i\text{-й культуры на гумус.} \end{cases}$$

Целевую функцию можно записать следующим образом:

$$f(x) = \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n c_i x_{ij1} + \sum_{t=2}^T \sum_{j=1}^n \sum_{i=1}^n c_i x_{ijt} \rightarrow \max. \quad (1)$$

Положительное влияние на слой гумуса может быть оказано с помощью тщательного планирования севооборота — последовательность формирующих гумус культур и культур, потребляющих гумус на поле на протяжении цикла в течение нескольких лет. Основной задачей севооборота является обеспечение рентабельности хозяйств путем формирования плодородия почвы для долгосрочной производительности. Для животноводческого хозяйства основной целью введения севооборота является производство органических высококачественных кормов, что может получиться из комбинации различных положительных влияний севооборота: улучшение структуры почвы, воспроизведение гумуса, мобилизация питательных веществ, минимизация эрозии, сокращение сорняков. Построение модели оптимизации системы севооборотов в хозяйстве предлагает соблюдение требований, предъявляемых к севооборотам, учет их роли в экономике предприятия. С точки зрения агротехнических мероприятий севообороты служат средством сохранения и повышения плодородия почвы. Вместе с тем севообороты представляют собой конкретную форму размещения посевов сельскохозяйственных культур на полях, в которых заложена основа структуры посевных площадей в хозяйстве [4, 5].

Так как структура посевов до оптимизации известна, то группа ограничений на площадь посевов с учетом севооборота для первого года (периода), будет представлена равенствами (2), где S_j — площадь посева j -й культуры за базовый год и S — общая площадь посевов ($\sum_{j=1}^m S_j = S$) и может быть представлена в виде:

$$\sum_{i=1}^n a_{ij} x_{ij1} = S_j, \quad j = \overline{1, m}, \quad (2)$$

$$\text{где } a_{ij} = \begin{cases} 0, & \text{при нецелесообразности посева культуры } i \text{ на участке } j \\ & \text{(т.е. после посева } j\text{-й культуры в период } (t-1)); \\ 1, & \text{при целесообразности посева культуры } i \text{ на участке } j \\ & \text{(т.е. после посева } j\text{-й культуры в период } (t-1)). \end{cases}$$

В той связи, что площадь, отведенная под i -ю культуру в году t может быть использована в году $(t+1)$ под посев нескольких культур и наоборот, то появляется необходимость введения ограничений на площадь посевов для последующих лет, которые будут иметь следующий вид:

$$-\sum_{i=1}^n x_{ij(t-1)} + \sum_{i=1}^n a_{ij} x_{ijt} = 0, \quad j = \overline{1, n}, \quad t = \overline{2, T}. \quad (3)$$

Добавляем ограничения на общую площадь посевов:

$$\begin{aligned} \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n x_{ij1} &= S; \\ \sum_{j=1}^n \sum_{i=1}^n x_{ijt} &= S, \quad t = \overline{2, T}. \end{aligned} \quad (4)$$

Существует ограничение, которое позволяет выделять под зерновые культуры не более 52 % посевных площадей. Примем обозначения:

$$b_i = \begin{cases} 0, & \text{если } i\text{-я культура не принадлежит к зерновым культурам;} \\ 1, & \text{если } i\text{-я культура принадлежит к зерновым культурам.} \end{cases}$$

В общем виде ограничения запишутся следующим образом:

$$\begin{aligned} \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n b_i x_{ij1} &\leq 0,52 \cdot S; \\ \sum_{j=1}^n \sum_{i=1}^n b_i x_{ijt} &\leq 0,52 \cdot S, \quad t = \overline{2, T}. \end{aligned} \quad (5)$$

В модели целесообразно учесть рациональное использование машинно-тракторного парка, который принимает участие в посеве культур и сборе урожая. Очевидно, что использование машин для обслуживания небольших площадей будет нерентабельным и окажет негативное влияние на конечный экономический результат. Предлагается добавить группу ограничений на минимальную площадь посева культур, которую можно взять как минимальную из площадей под кормовые культуры в базовом периоде.

$$\begin{aligned} \sum_{j=1}^m x_{ij1} &\geq \min(S_j), \quad i = \overline{1, n}; \\ \sum_{j=1}^n x_{ijt} &\geq \min(S_j), \quad i = \overline{1, n}, \quad t = \overline{2, T}. \end{aligned} \quad (6)$$

Также необходимо включить в модель ограничения на неотрицательность переменных:

$$\begin{aligned} x_{ij1} &\geq 0, \quad i = \overline{1, n}, \quad j = \overline{1, m}; \\ x_{ijt} &\geq 0, \quad i = \overline{1, n}, \quad j = \overline{1, n}, \quad t = \overline{2, T}. \end{aligned} \quad (7)$$

Для апробации модели была проанализирована бухгалтерская отчетность ОАО «Мядельское агропромышленное» по растениеводству. К уже выращиваемым культурам: рожь,

тритикале, кукуруза, овес, однолетние и многолетние травы — были добавлены отдельной графой горох, вико-бобовая смесь (в основном сено), люцерна (в основном сенаж) и зерновые на производство комбикормов с целью анализа их включения в севооборот как кормовых культур для уже составленных рационов крупного рогатого скота молочного направления агрохимиком рассматриваемого хозяйства, которые можно представить в таблице как структуру кормовой площади для крупного рогатого скота (табл. 1).

Таблица 1. Состав и структура кормовой площади для КРС

Культура	Площадь, га
Ячмень	27
Тритикале	61
Кукуруза (в том числе на силос)	96
Люпин	63
Овес	25
Горох	63
Люцерна	104
Многолетние бобово-злаковые травы	236
Вико-овсяная смесь	21
Зерновые культуры, убранные в стадии молочно-восковой спелости	224
Итого	920

Источники: составлено автором на основе [6].

Таким образом, на основании данных табл. 1 были приняты следующие величины: $S = 920$ га. В связи с тем что переход на органическое производство продукции растениеводства осуществляется не менее чем за два года принято $T = 3$. В базовом году было выделено $m = 10$ посевных площадей и $n = 10$ культур, которые целесообразно выращивать в переходном к органическому производству периоде. Таким образом, формируется 300 переменных (100 для каждого периода), 33 ограничения в виде равенств (2)–(4), отражающие требования севооборотов и общей площади посевов, 33 ограничения в виде неравенств (5), отражающих требования к структуре выращиваемых культур, ориентированного на производство органической молочной продукции и соответственно 300 ограничений на неотрицательность типа (6). Представленные в табл. 2 данные отражают полученные результаты, которые можно рассматривать как рекомендации по планированию посевов и поголовья, в виде:

$$\sum_{j=1}^m x_{ij1}, \quad i = \overline{1, n}, \quad \text{для первого столбца};$$

$$\sum_{j=1}^n x_{ijt}, \quad i = \overline{1, n}, \quad j = \overline{2, T}, \quad \text{для второго и третьего столбцов.}$$

Таблица 2. Рекомендации по планированию посевов по годам

Культура	1 год	2 год	3 год
1	2	3	4
Ячмень	87,47	102,10	77,04
Тритикале	97,55	111,26	74,36

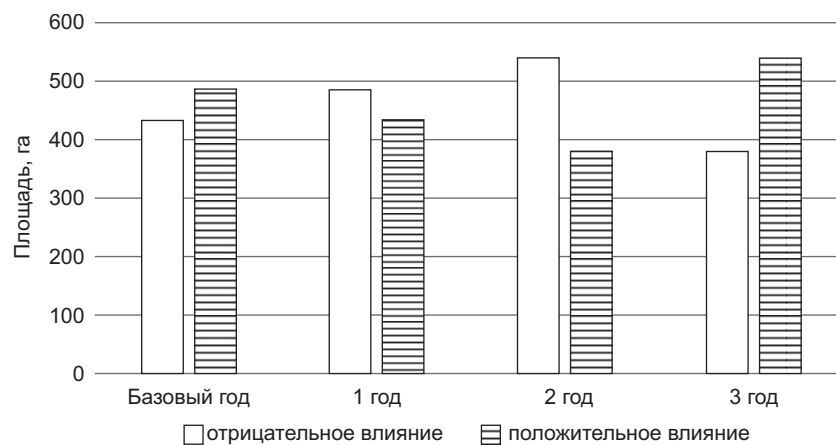
Окончание табл. 2

1	2	3	4
Кукуруза (в том числе на силос)	103,83	111,02	74,65
Люпин	84,74	70,45	94,38
Овес	100,27	107,68	76,91
Горох	87,06	77,36	111,43
Люцерна	87,06	77,36	111,43
Многолетние бобово-злаковые травы	87,06	77,36	111,43
Вико-овсяная смесь	87,06	77,36	111,43
Зерновые культуры, убранные в стадии молочно-восковой спелости	97,89	108,03	76,94
Итого	920,00	920,00	920,00

Источники: составлено автором.

В таблице представлена общая площадь (га) культуры за год t без информации о том, какая культура или культуры ей предшествовали.

Значение целевой функции равно -54 (га), т.е. суммарно за три года площадь посевов культур, отрицательно влияющих на слой гумуса, превышает площадь культур с положительным влиянием на слой гумуса на 54 га, что может свидетельствовать о сохранении плодородия почвы, так как такое преобладание не может считаться значительным для заключения о наличии деградации почв. Анализируя график влияния показанной структуры (см. рисунок) на слой гумуса, видно, что в последний год положительное влияние начало превышать отрицательное, что является закономерным результатом введения севооборота.

Влияние сельскохозяйственных культур на формирование слоя гумуса

Источники: разработано автором.

Источники

1. Практические рекомендации по ведению органического сельского хозяйства в Республике Беларусь / сост.: С. А. Тарасенко, В. В. Ушкевич, Е. М. Хващевская. — Брест : Полиграфика, 2018. — 82 с.

Practical recommendations on the conduct of organic agriculture in the Republic of Belarus / comp. by: S. A. Tarasenko, V. V. Ushkevich, E. M. Khvaschevskaya. — Brest : Polygraphica, 2018. — 82 p.

2. Нормативы органического производства Европейского Сообщества : с изм. и доп. по состоянию на 01.09.13 г. : пер. / материалы подгот.: И. С. Кысса [и др.]. — Минск : Донарит, 2013. — 183 с.

The standards of organic production in the European Community : with changes and add. as of 01.09.13 : transl. / materials prepared : I. S. Kissa [et al.]. — Minsk : Donarite, 2013. — 183 p.

3. 25 вопросов и ответов по органическому сельскому хозяйству : пер. с нем. / Coalition Clean Balt., Центр экол. решений ; сост.: Д. Синицкий, Н. Поречина. — [Б. м. : б. и., 2012?]. — 46 с.

25 questions and answers on organic agriculture : transl. from germ. / Coalition Clean Balt., Center ecological decisions ; comp. by: D. Sinitsky, N. Porechina. — [Without a place : without a publ., 2012?]. — 46 p.

4. Математическое моделирование экономических процессов в сельском хозяйстве : учебник по экон. спец. / А. М. Гатаулин [и др.]. — М. : Агропромиздат, 1990. — 431 с.

Mathematical modeling of economic processes in agriculture : textbook on econ. specialties / A. M. Gataulin [et al.]. — Moscow : Agropromizdat, 1990. — 431 p.

5. Кравченко, Р. Г. Экономико-математические методы в организации и планировании сельскохозяйственного производства / Р. Г. Кравченко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Колос, 1973. — 328 с.

Kravchenko, R. G. Economic-mathematical methods in the organization and planning of agricultural production / R. G. Kravchenko. — 2nd ed., rev. and add. — Moscow : Kolos, 1973. — 328 p.

6. Разработка концепции развития органического сельского хозяйства и механизма его реализации в ОАО «Мядельское агропромэнерго» Мядельского района / Л. В. Корбут [и др.]. — Минск : Белорус. гос. экон. ун-т, 2018. — 132 с.

Development of a concept for the development of organic agriculture and the mechanism for its implementation in «Myadelskoye Agropromenergo» Myadelsky District / L. V. Korbut [et al.]. — Minsk : Belarus State Econ. Univ, 2018. — 132 p.

7. Органическое сельское хозяйство с замкнутым циклом питательных веществ: руководство для фермеров и специалистов : в 4 т. : пер. с англ. — Минск : Полиграфкомбинат, 2015. — Т. 1 : Руководство по управлению фермой / К. Стейн-Бахингер, М. Реклинг, А. Граншtedт. — 136 с.

Organic farming with a closed cycle of nutrients: handbook for farmers and specialists : in 4 t. : transl. from Engl. — Minsk : Polygraphcombinat, 2015. — T. 1 : Farm Management Guide / K. Stein-Bakhinger, M. Reckling, A. Hrangstedt. — 136 p.

Статья поступила в редакцию 26.12.2018 г.

УДК 339.92 (1-67 ЕАЭС)

V. Ozhigina
BSEU (Minsk)

COOPERATION BETWEEN THE EAEU AND THE CIS IN CONDITIONS OF FORMATION THE GREATER EURASIAN PARTNERSHIP

Characterized the status, opportunities, directions of pairing and complementarity of the CIS and EAEU. The signing of a comprehensive III-generation integration agreement for the inclusion of CIS countries in the common market of goods, services, capital and labor of the EAEU without participation in customs union have been proposed. Individual approaches to cooperation with the countries of the Caucasus, Central Asia, Ukraine and Moldova have been developed.

Keywords: integration; Eurasian economic union (EAEU); Commonwealth of Independent States (CIS); free trade area (FTA); customs union (CU), common market (CM); Greater Eurasian Partnership (GEAP).

В. В. Ожигина
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕАЭС И СНГ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Охарактеризовано состояние, возможности, направления сопряжения и взаимодополнения интеграции в СНГ и ЕАЭС. Предложено подписание всеобъемлющего интеграционного соглашения III поколения для включения стран СНГ в общий рынок товаров, услуг, капитала и труда ЕАЭС без участия в таможенном союзе. Разработаны индивидуальные подходы к сотрудничеству со странами Кавказа, Центральной Азии, Украиной и Молдовой.

Ключевые слова: интеграция; Евразийский экономический союз (ЕАЭС); Содружество Независимых Государств (СНГ); зона свободной торговли (ЗСТ); таможенный союз (ТС); общий рынок (ОР); Большое евразийское партнерство (БЕАП).

После 25 лет драматических перемен и преодоления кардинальных проблем трансформационного периода [1, с. 44] в ЕАЭС создан субрегион, где достигается более глубокая, чем в СНГ, форма интеграции — ОР.

Связи ЕАЭС с СНГ изучаются в контексте реформирования СНГ [2], политики России в СНГ [3], сотрудничества в отдельных сферах [4], внешнеполитических предпочтений стран СНГ [5], перспектив БЕАП [6], но публикаций, комплексно анализирующих состояние и перспективы взаимодействия ЕАЭС и СНГ, нет. Однако актуальность сопряжения проектов СНГ и ЕАЭС подчеркивается представителями ЕЭК и стран ЕАЭС, в новую концепцию развития СНГ планируется включить меры по сопряжению с ЕАЭС [7–10].

На 7 стран СНГ¹ в 2017 г. пришлось 4,9 % экспорта (21,6 млрд дол.) и 3,4 % (10,3 млрд дол.) импорта товаров ЕАЭС (из них на Россию — 66 % экспорта и 69 % импорта). Это 38 % торговли внутри СНГ+. Более значима торговля с Украиной, Узбекистаном и Азербайджаном. Зависимость малых стран ЕАЭС от рынка СНГ+ чуть выше: Армения — 11 и 8 % экспорта и импорта, Беларусь — 13 и 4 %, Кыргызстан — 12 и 5 %. Торговля нестабильна, в 2012–2013 гг. было падение, но с 2016 г. наметился рост (рис. 1, 2).

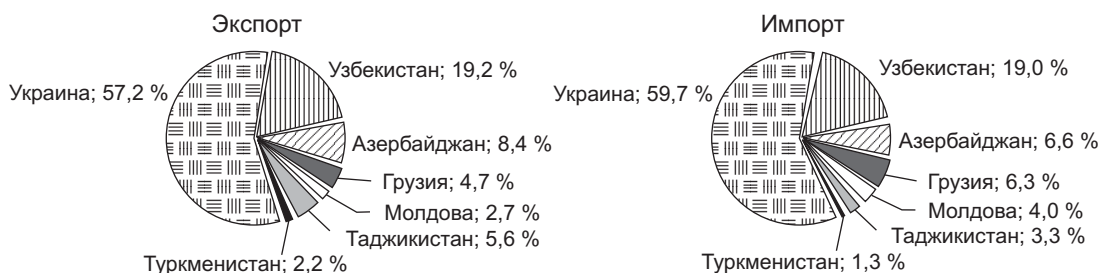

Рис. 1. Доля стран СНГ+ в торговле между ЕАЭС и СНГ+

Источники: разработано автором на основе <http://unctadstat.unctad.org>.

¹ В анализ включены Грузия (вышла из СНГ в 2009 г.) и Украина (неопределенный статус).

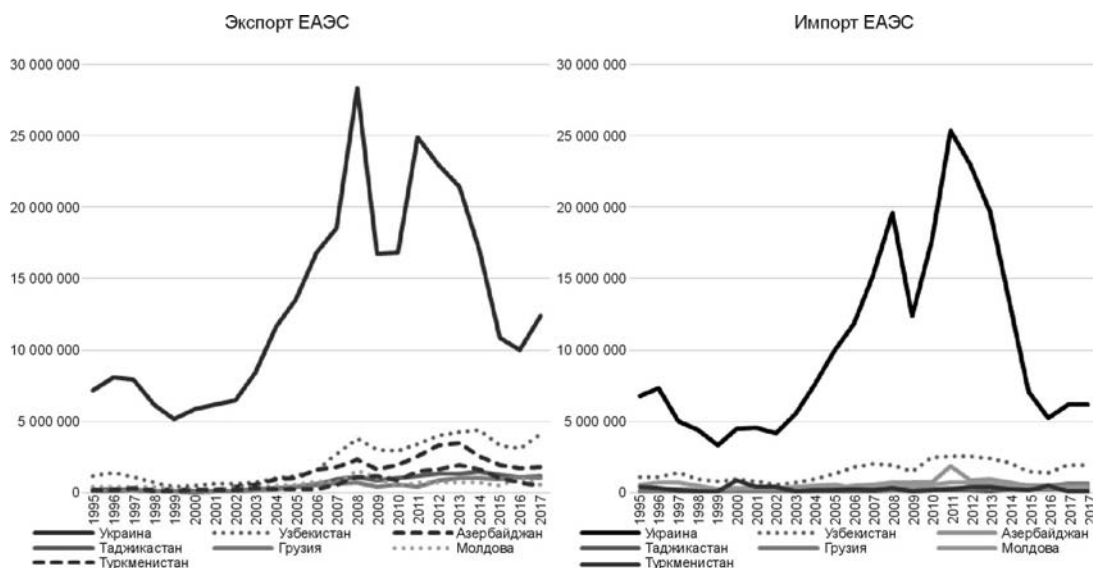

Рис. 2. Динамика экспорта и импорта ЕАЭС в остальные страны СНГ+

Источники: разработано автором на основе <http://unctadstat.unctad.org>.

Лидер по доле торговли с СНГ — Россия, за ней идут Казахстан и Беларусь. Существенная доля приходится на торговлю Казахстана с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном, Армении с Грузией, Беларуси с Молдовой и Украиной, на экспорт Беларуси в Туркменистан. Значительную долю экспорта в Молдову и Украину кроме России обеспечивает Беларусь, чуть менее значимую долю экспорта она имеет с Азербайджаном и Туркменистаном. Армения, наряду с Россией, обеспечивает значимую долю экспорта в Грузию (рис. 3).

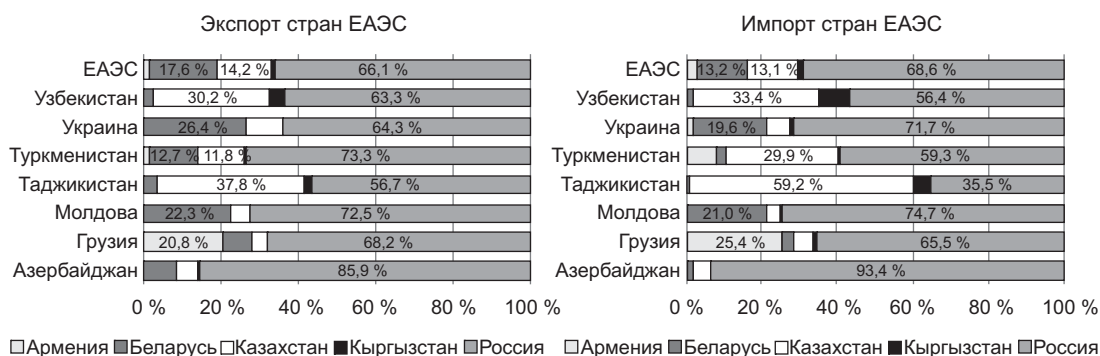

Рис. 3. Доля отдельных стран ЕАЭС в торговле с СНГ+

Источники: разработано автором на основе <http://unctadstat.unctad.org>.

На СНГ+ в конце 2016 г. пришлось 4 % исходящих (14,5 млрд дол.) и 0,2 % входящих (1,4 млрд дол.) накопленных ПИИ ЕАЭС (из них на Россию — 95 исходящих и 77 % входящих). Это 35 % ПИИ внутри СНГ+. Наиболее значим вывоз ПИИ в Украину и Уз-

бекистан — по 37 % ПИИ из ЕАЭС в СНГ+, а также ввоз ПИИ из Украины — 65 % ПИИ из СНГ+ в страны ЕАЭС.

ЕАЭС имеет самые тесные связи с СНГ после Союзного государства (СГ) [11]. В меморандуме от 17.12.2012 г. определены направления: экономика и финансы, статистика, техрегулирование, стандартизация, торговая, таможенная, инвестиционная, конкурентная, транспортная, миграционная политика, энергетическое, промышленное и аграрное сотрудничество. Началось сопряжение ЗСТ СНГ с ОР товаров ЕАЭС в части защиты прав потребителей, госзакупок, техрегулирования, правил происхождения, но пока между ними есть барьеры. Планируется сближение регулирования рынков труда, миграции и соцзащиты. 27.11.2018 г. подписан новый меморандум о сотрудничестве ЕАЭС и СНГ [12–14].

Наряду с этим важно, чтобы в СНГ, как в ЕАЭС и СГ, шло углубление интеграции. И поскольку проблема ограничения суверенитета и отказа стран СНГ от наднациональной политики стоит еще более остро, чем в ЕАЭС, их вступление в этот союз маловероятно. Требуется гибкость, виртуальное участие остальных стран СНГ в ОР ЕАЭС, но без ТС, на основе проектирования Евразийского экономического пространства (ЕАЭП)/Евразийской экономической зоны (ЕАЭЗ), всеобъемлющего интеграционного соглашения III поколения, предполагающего регулирование взаимной торговли товарами, услугами, миграции капитала и труда, ОИС, госзакупок, производственного и научно-технического сотрудничества и постепенное сопряжение интеграционной системы СНГ с формирующимся ОР ЕАЭС без участия в ТС и других наднациональных вопросах.

Первый шаг в этом направлении уже сделан — с 2016 г. в СНГ идут переговоры по соглашению о свободной торговле услугами с участием стран ЕАЭС, Молдовы и Таджикистана. Включены финансовые, банковские, транспортные, образовательные, страховые и прочие услуги; четыре способа поставки услуг; трудовая миграция и инвестиции в части торговли услугами. Исключения: услуги, предоставляемые при госзакупках. Также важно привлечение стран СНГ (включая участие в финансировании) к реализации межгоспрограмм СГ и ЕАЭС.

В отличие от этого III поколение соглашений также предусматривает нормы ВТО-экстра: стимулирование развития зарубежного производства и ГЦСС; глубокое устранение нетарифных барьеров, упрощение условий для бизнеса; содействие инновациям, производительности и конкурентоспособности; регулирование бесперебойной и безбумажной торговли, зеленой и цифровой экономики, электронной торговли, устойчивого развития, участия МСП, трудовых и гендерных отношений, научно-технического сотрудничества, инноваций; эволюцию, пересмотр и расширение соглашений («живое» соглашение); устранение «барьеров за границей» — в принимающих странах, для выход на их рынок.

Такой гибкий формат характерен для ЕС и 3 стран Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) в рамках Европейской экономической зоны (ЕЭЗ, 1994). Вадуцкая конвенция ЕАСТ 2001 г. гармонизировала условия ЕЭЗ и ЕАСТ, создав единое пространство. ЕАСТ входит в общий рынок товаров, услуг, капитала и труда ЕС, но не ограничивает суверенитет (рис. 4, таблица). У Швейцарии еще более гибкая форма отношений с ЕС. После 1994 г. принято 10 двусторонних взаимосвязанных соглашений¹ — если одно не выполняется, то остальные не действуют. Она виртуально является членом ЕЭЗ, но может гибко отклонять неприемлемые для нее нормы ЕС, вносит средства в европейский бюджет и участвует в программах ЕС. Евро имеет параллельное хождение [15]. Такая форма возможна с Грузией и Украиной — индивидуальное участие в ЕАЭЗ на основе двусторонних соглашений с ЕАЭС с аналогичным содержанием.

¹ Свобода передвижения людей; воздушные перевозки; транспорт; сельское хозяйство; техбарьеры; госзакупки; научно-техническое сотрудничество; предотвращение мошенничества; безопасность и предоставление убежища, шенгенская зона; сельское хозяйство, окружающая среда, СМИ, образование, забота о престарелых, статистика и услуги.

Охвачены	Не охвачены
Четыре свободы общего рынка торговля товарами, услугами движение капитала, физических лиц (Шенген) правила конкуренции, государственной помощи	Общая аграрная политика
Горизонтальные политики, относятся к 4 свободам социальная политика, защита прав потребителей окружающая среда, статистика законодательство о компаниях	Рыболовецкая политика
Фланговые политики, не относятся к 4 свободам исследования и технологическое развитие информационные услуги образование, здравоохранение занятость, туризм, культура, энергетика предприятия и предпринимательство защита прав человека	Общая аграрная политика
	Таможенный союз и единая торговая политика
	Экономический и валютный союз
	Общая внешняя политика и политика безопасности
	Политика внутренних дел и правосудия

Рис. 4. Содержание Соглашения о ЕЭЗ

Источники: разработано автором.

Отличия конвенций ЕАСТ

Стокгольмская, 1959	Вадуцкая, 2001
Различные условия	Гармонизированные условия
Конвенции ЕАСТ (в ЕАСТ) Соглашения о ЕЭЗ (ЕС-ЕАСТ) Соглашения ЕС-Швейцария	
Свободная торговля товарами	Свобода торговли товарами Свобода торговли услугами Свобода движения мигрантов, в том числе трудовых Свобода движения капитала Защита интеллектуальной собственности
Нет общей политики с третьими странами	Подписание соглашений единым блоком

Источники: составлено автором.

В отличие от ЕС в Торговом соглашении Австралии и Новой Зеландии о близких экономических отношениях (АНЗЦЕРТА) нет ТС, экономического и валютного союза, но есть 4 свободы ОР с изъятиями. Старое Тихоокеанское соглашение о близких экономических отношениях (ПАЦЕР, 2001) уже предполагало частичное сопряжение АНЗЦЕРТА с пространством Форума тихоокеанских островов (ФТО), кроме Палау и Маршалловых островов, за счет включения их в ОР товаров, помощи в целях развития и упрощения процедур торговли. В 2009 г. начались переговоры по ПАЦЕР+ для включения всех 16 стран ФТО в 4 свободы ОР АНЗЦЕРТА. Переговоры охватывают торговлю товарами и услугами, миграцию капитала и труда, помощь в целях развития, правила происхождения, таможенные процедуры, санитарные и фитосанитарные меры, техбарьеры.

Возможные формы интеграции в ЕАЭП показаны на рис. 5.

Создание ЕАЭП не противоречит БЕАП: не мешает заключению ССТ с третьими странами; допускает связи с АСЕАН+6, членами/наблюдателями ШОС; не исключает гармонизацию подходов ЕС по отношению к Восточному партнерству, Центральной Азии и России; допускает всеобъемлющее соглашение ЕС-ЕАЭС. Рассмотрим подход в отношении стран СНГ к Западу от ЕАЭС.

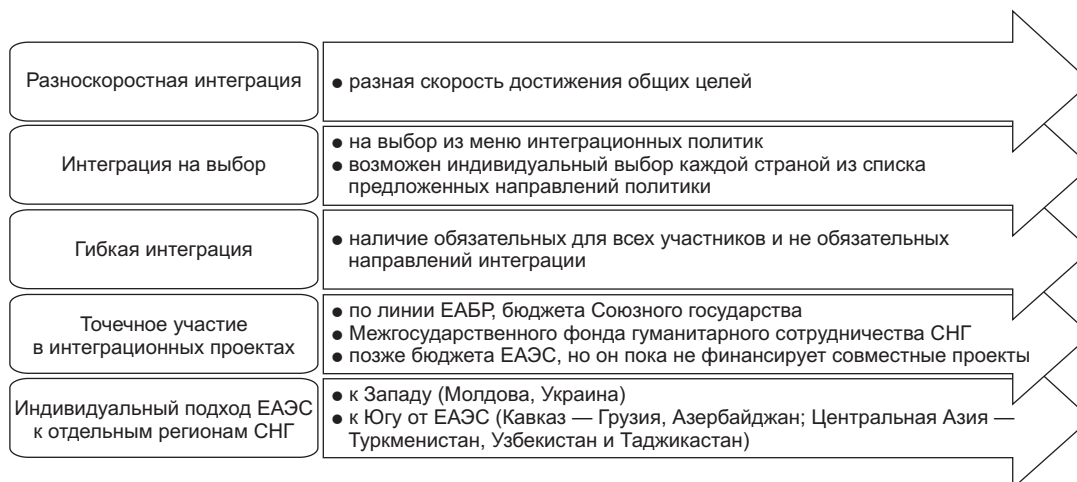

Рис. 5. Формы взаимодействия в ЕАЭП/ЕАЭС

Источники: разработано автором.

С 03.04.2017 г. Молдова взаимодействует с ЕАЭС в рамках Меморандума о сотрудничестве, 14.05.2018 г. она стала наблюдателем ЕАЭС, что позволяет участвовать в заседаниях органов власти ЕАЭС и создать представительство в ЕЭК. Вступление Молдовы в ЕАЭС логично с геополитической и цивилизационной позиции, но экономически странам ЕАЭС выгодно использовать ее ССТ с ЕС, ЦЕССТ и Турцией (рис. 6, 7). Создание странами ЕАЭС совместных предприятий на территории Молдовы по производству товаров, соответствующих правилам происхождения этих ССТ, техническим, санитарным и фитосанитарным нормам, позволит не только сбывать эти товары на рынке Молдовы, но и беспрошлинно продавать их в ЕС, Турцию и ЦЕССТ, а также в ЗСТ СНГ и ГУАМ. Например, Беларусь имеет в Молдове 3 предприятия по сборке троллейбусов «Белкоммунмаш», садово-виноградских тракторов «МТЗ», тракторов малой мощности «БЗТДиА». Планируется сборка автобусов «МАЗ».

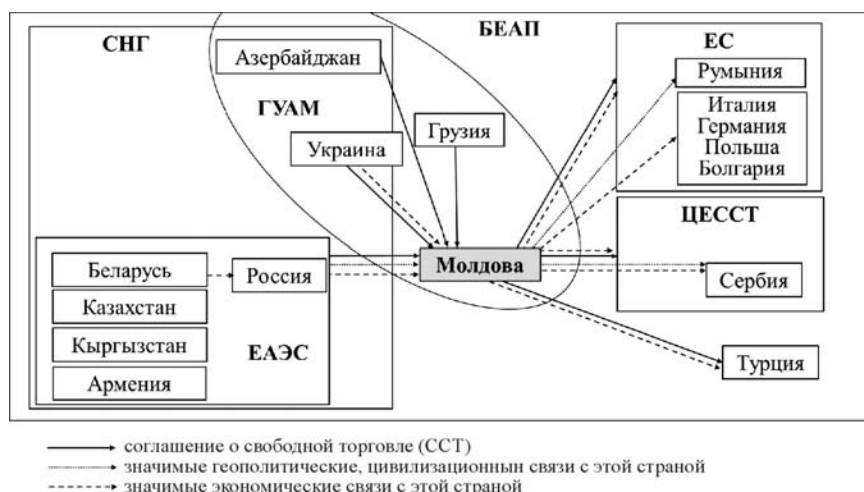

Рис. 6. Молдова как точка входа на рынки третьих стран и объединений

Источники: разработано автором.

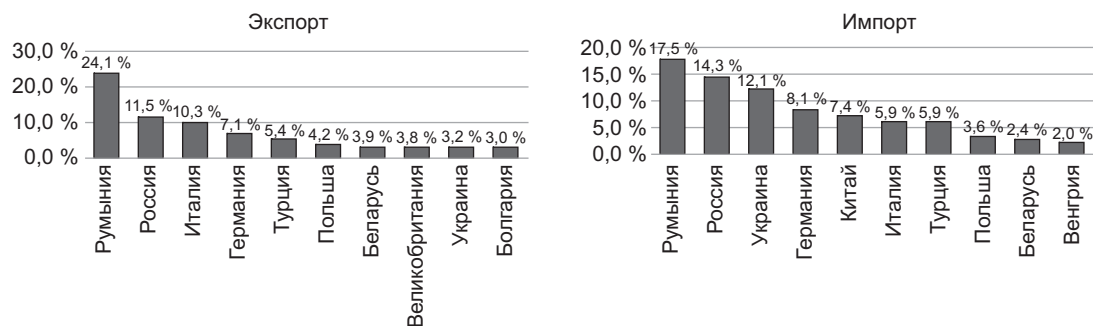

Рис. 7. Топ 10 торговых партнеров Молдовы в 2017 г.

Источник: разработано автором на основе <http://unctadstat.unctad.org>.

Украина подписала меморандумы о сотрудничестве по вопросам торговли, техрегулирования и углубления взаимодействия с ЕЭК 10.09.2012 и 31.05.2013 г. и даже собиралась стать наблюдателем. Конечно, в сложившейся политической обстановке сложно говорить о дальнейшем участии Украины в СНГ, но в случае урегулирования военно-политического конфликта можно предложить следующие варианты взаимодействия с ЕАЭС:

- Украина имеет ССТ с ЕАСТ, ЕС, Канадой, Черногорией и Македонией, ведет переговоры с Сербией, Сингапуром, Турцией, Израилем, что можно использовать для входа ЕАЭС на эти рынки. Так, Беларусь имеет в Украине сборочные производства тракторов, комбайнов, лифтов, троллейбусов, техники МАЗ. У Украины тесные связи с Индией, Китаем, Турцией (рис. 8, 9);

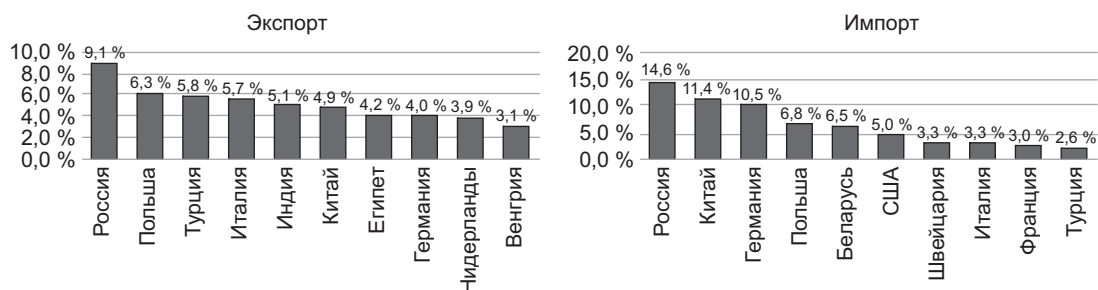

Рис. 8. Топ 10 торговых партнеров Украины в 2017 г.

Источник: разработано автором на основе <http://unctadstat.unctad.org>.

- модель отношений между ЕС и Швейцарией, когда применяется гибкий формат двусторонних соглашений, виртуально включающих Швейцарию в ЕЭЗ;
- модель отношений, формируемая между ЕС и Великобританией после BREXIT на основе всеобъемлющего интеграционного соглашения III поколения.

Подход в отношении стран СНГ к Югу от ЕАЭС. Взаимодействие ЕАЭС с Кавказом, в том числе Грузией, Азербайджаном, Арменией и регионами (Дагестан, Ингушетия, Абхазия, Чечня, Осетия) должно предусматривать:

- выстраивание связей типа «центр-периферия», когда ЕАЭС / Россия рассматривают этот регион как единое целое в своей внешней политике, выступают центром, не поощряя связи между ними без своего участия;

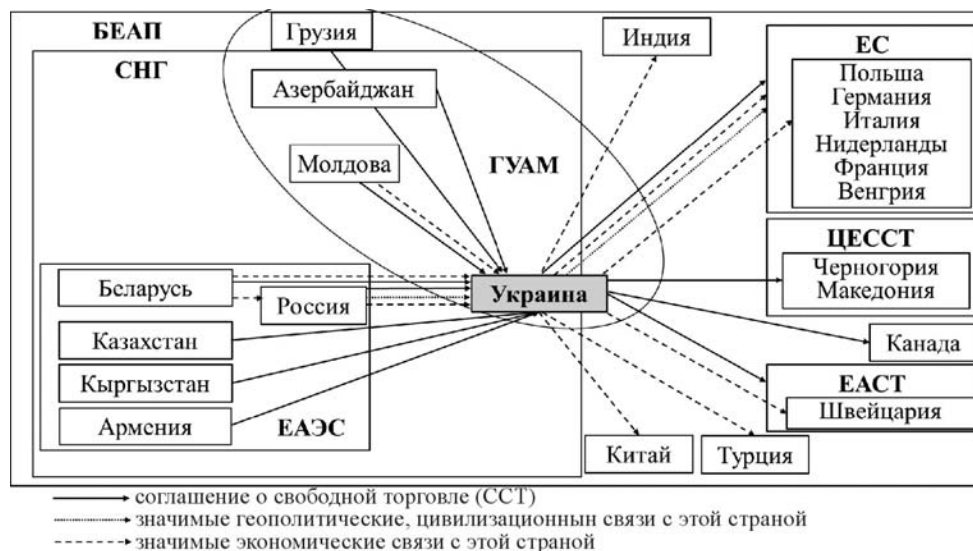

Рис. 9. Украина как точка входа на рынки третьих стран и объединений

Источники: разработано автором.

- геополитически Армения и Азербайджан обеспечивают выход к Ирану, Азербайджан — к Турции, экономически Грузия и Азербайджан связаны с ЕС, Китаем, Турцией и Ираном, Азербайджан — с Индией (рис. 10–13);

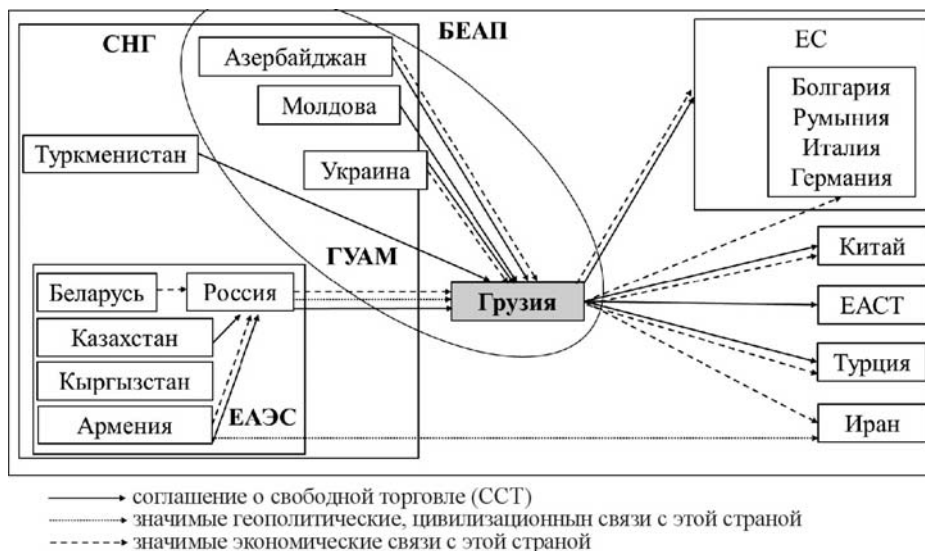

Рис. 10. Грузия как точка входа на рынки третьих стран и объединений

Источники: разработано автором.

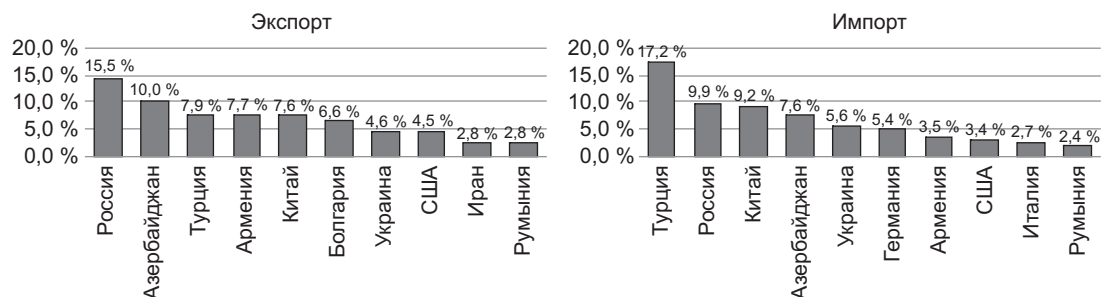

Рис. 11. Топ 10 торговых партнеров Грузии в 2017 г.

Источник: разработано автором на основе <http://unctadstat.unctad.org>.

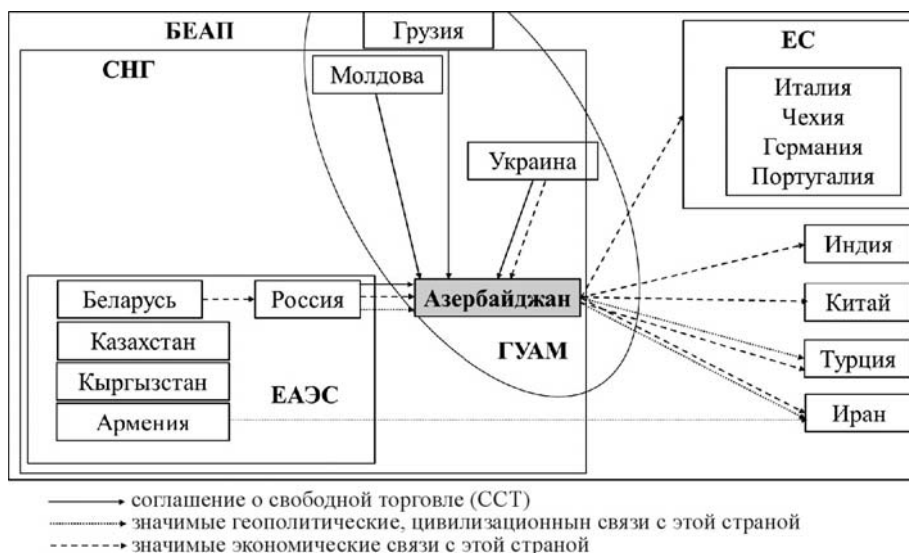

Рис. 12. Азербайджан как точка входа на рынки третьих стран и объединений

Источник: разработано автором.

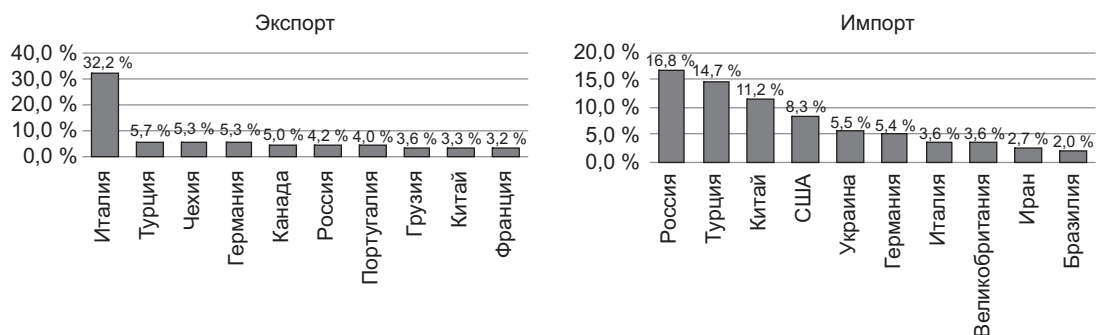

Рис. 13. Топ 10 торговых партнеров Азербайджана в 2017 г.

Источник: разработано автором на основе <http://unctadstat.unctad.org>.

- возможно многостороннее сотрудничество с участием всех стран ЕАЭС (ЕАЭС — Азербайджан — Турция, ЕАЭС — Азербайджан — Иран, ЕАЭС — Грузия — Турция и др.) или трехстороннее в присутствии России (Беларусь — Россия — Азербайджан, Армения — Россия — Грузия, Беларусь — Россия — Грузия и др.);

- ССТ Грузии с ЕС, Китаем, ЕАСТ и Турцией могут использоваться ЕАЭС для выстраивания стратегических партнерств в контексте БЕАП и входа на эти рынки, особенно Россией, Арменией и Беларусью, которые имеют с Грузией более тесные связи. Так, в Грузии Беларусь осуществляет сборку лифтов Могилевлифтмаш и тракторов малой мощности.

Точкой входа на рынки и проводником интеграции ЕАЭС с Центральной Азией (Кыргызстаном — членом ЕАЭС, Туркменистаном — ассоциированным членом СНГ, Узбекистаном и Таджикистаном) является Казахстан:

- геополитически важно выстраивать связи типа «центр-периферия», когда ЕАЭС/Россия выступает центром, не поощряя развитие отношений между этими странами без своего участия. Казахстан будет связующим звеном;

- Туркменистан позволяет ЕАЭС выстраивать партнерство с Ираном и Афганистаном, Таджикистан — с Афганистаном, Пакистаном, Индией и Китаем (рис. 14, 15), а Кыргызстан и Казахстан важно включать в проекты России и Беларуси с Китаем и развитие связей по линии ШОС;

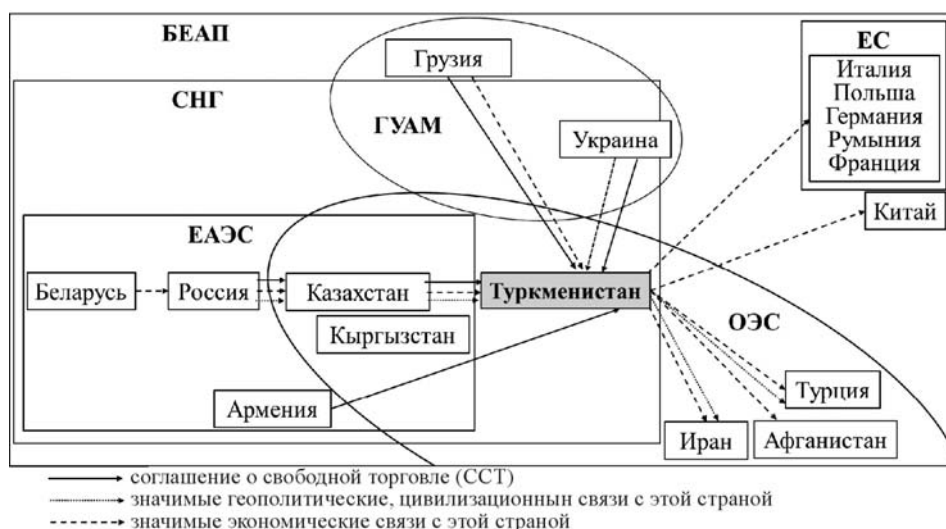

Рис. 14. Туркменистан как точка входа на рынки третьих стран и объединений

Источники: разработано автором.

- экономически Туркменистан может сделать вклад в развитие партнерства с Китаем, Ираном, Турцией, Афганистаном, ЕС в форме многосторонних проектов типа ЕАЭС — Туркменистан — Иран, ЕАЭС — Туркменистан — Турция, ЕАЭС — Туркменистан — Афганистан и т.п. Узбекистан и Таджикистан важно включать в многосторонние проекты типа ЕАЭС — Узбекистан — Турция, ЕАЭС — Таджикистан — Индия, ЕАЭС — Узбекистан — ЕС. Для Таджикистана такой формат также возможен с Китаем, Пакистаном, Афганистаном, Ираном (рис. 14–19);

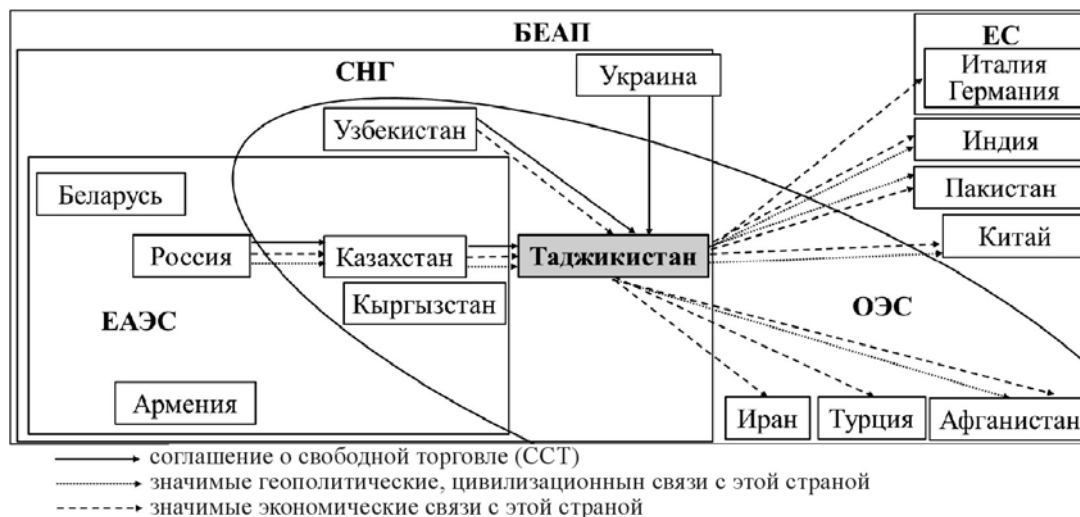

Рис. 15. Таджикистан как точка входа на рынки третьих стран и объединений

Источник: разработано автором.

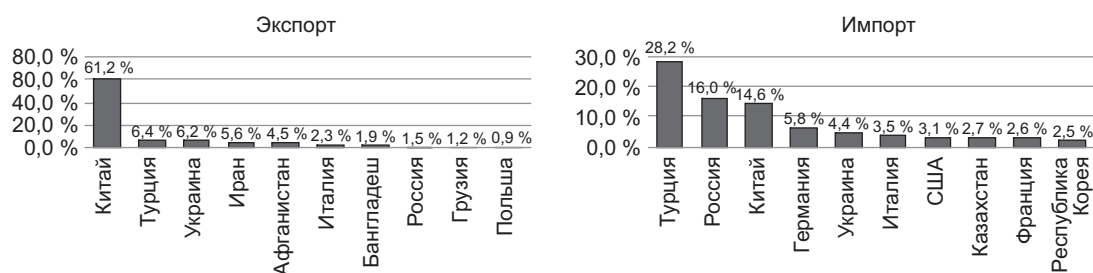

Рис. 16. Топ 10 торговых партнеров Туркменистана в 2017 г.

Источник: разработано автором на основе <http://unctadstat.unctad.org>.

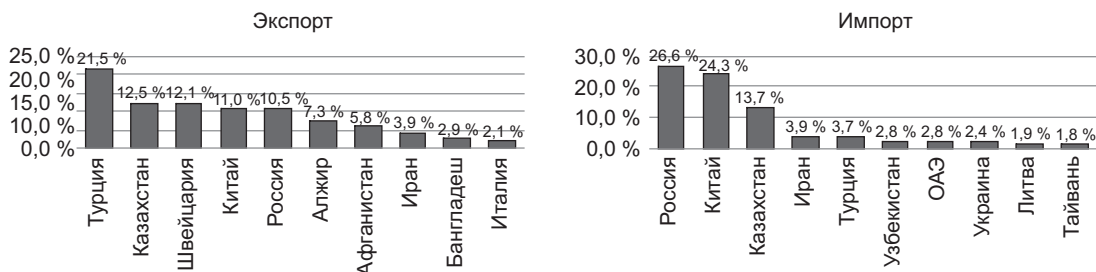

Рис. 17. Топ 10 торговых партнеров Таджикистана в 2017 г.

Источник: разработано автором на основе <http://unctadstat.unctad.org>.

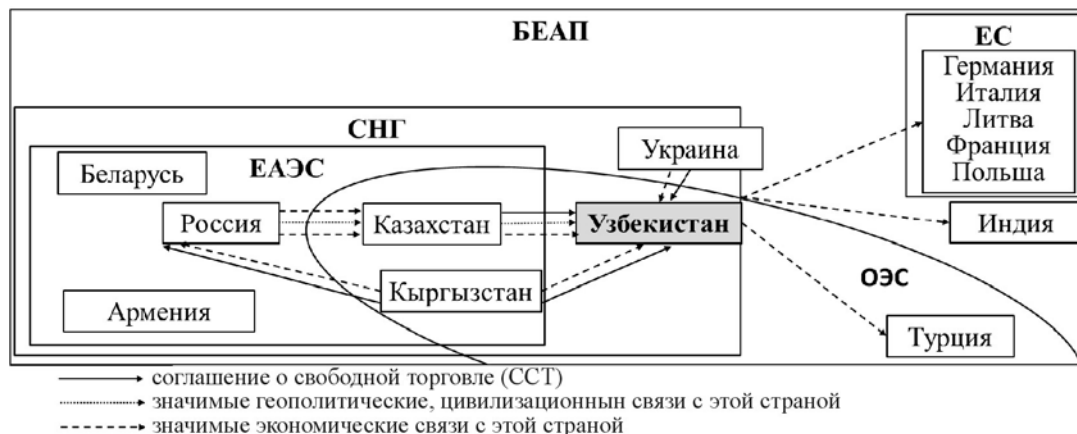

Рис. 18. Узбекистан как точка входа на рынки третьих стран и объединений

Источники: разработано автором.

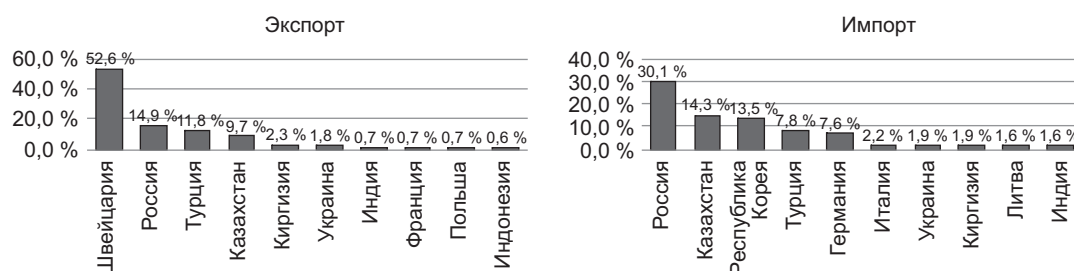

Рис. 19. Топ 10 торговых партнеров Узбекистана в 2017 г.

Источники: разработано автором на основе <http://unctadstat.unctad.org>.

- возможно межблоковое сотрудничество ЕАЭС с Организацией экономического сотрудничества (ОЭС), куда входят Иран, Турция, Афганистан и страны Центральной Азии СНГ, такой опыт есть у ОЭС в сотрудничестве с АСЕАН;

- у Центральной Азии наряду с Китаем есть устоявшиеся, но незначительные связи с другими странами АСЕАН+6 (Индонезия, Малайзия, Япония, Республика Корея, Индия), что можно использовать для взаимодействия между ЕАЭС, ШОС и Региональным Всеобъемлющим экономическим партнерством (РВЭП, АСЕАН+6) в контексте БЕАП на двусторонней и трехсторонней основе.

Итак, взаимодействие между ЕАЭС и остальными странами СНГ:

- характеризуется низкими показателями взаимной торговли и ПИИ, положительной динамикой торговли с 2016 г., доминированием России в этих показателях (за ней следуют Казахстан и Беларусь), сохранением барьеров, разных режимов свободной торговли и условий ведения бизнеса;

- диверсифицировано по разным направлениям, но требует углубления в рамках соглашения о свободной торговле услугами и создания ЕАЭП основе всеобъемлющего соглашения III поколения, виртуального участия стран СНГ в ОР ЕАЭС с 4 свободами без участия в ТС — на основе опыта ЕЭЗ, ПАЦЕР+. Для Грузии и Украины подходит опыт связей ЕС с Швейцарией и Великобританией;

• предполагает интеграцию разноскоростную, гибкую, точечную, на выбор; индивидуальный подход к Западу (Молдова и Украина) и Югу от ЕАЭС (Кавказ и Центральная Азия); будет способствовать формированию БЕАП путем использования остальных стран СНГ как точек входа на рынки ЕС, Китая, Индии, Ирана, Турции, Афганистана, Пакистана, АСЕАН, ЦЕССТ, ЕАСТ, ОЭС.

Источники

1. *Праневич, А. А.* Реформы и развитие / А. А. Праневич // О-во и экономика. — 2005. — № 2. — С. 44–52.
Pranevich, A. A. Reforms and Development / A. A. Pranevich // Soc. and economy. — 2005. — № 2. — Р. 44–52.
2. *Шумский, Н. Н.* Перспективы СНГ: проблемы реформирования / Н. Н. Шумский // О-во и экономика. — 2016. — № 4. — С. 21–30.
Shumsky, N. N. CIS prospects: problems of reforming / N. N. Shumsky // Soc. and economy. — 2016. — № 4. — Р. 21–30.
3. *Черненко, Е. Ф.* Внешнеэкономическая стратегия России в СНГ / Е. Ф. Черненко // Постсов. исслед. — 2018. — Т. 1, № 1. — С. 64–69.
Chernenko, E. F. Foreign economic strategy of Russia in the CIS / E. F. Chernenko // Post-Soviet studies. — 2018. — Т. 1, № 1. — Р. 64–69.
4. *Белова, О. С.* Особенности международно-правового регулирования сотрудничества государств — участников СНГ и Евразийского экономического союза в сфере электроэнергетики / О. С. Белова // Евраз. юрид. журн. — 2016. — № 8 (99). — С. 33–37.
Belova, O. S. International legal regulation of cooperation in the electricity sector of the Community of Independent States and the Eurasian Economic Union / O. S. Belova // Eurasian Legal J. — 2016. — № 8 (99). — Р. 33–37.
5. *Дегтерев, Д. А.* Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ / Д. А. Дегтерев, И. П. Васильюк, В. В. Баум // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2018. — Т. 62, № 1. — С. 63–75.
Degterev, D. A. Multiplexity parameters of the CIS foreign policy: applied analysis / D. A. Degterev, I. P. Vasilyuk, V. V. Baum // World economy and intern. relations. — 2018. — Vol. 62, № 1. — Р. 63–75.
6. *Петровский, В. Е.* На пути к Большому евразийскому партнерству / В. Е. Петровский // Междунар. жизнь. — 2017. — № 6. — С. 99–112.
Petrovsky, V. E. On the way to the big Eurasian Partnership / V. E. Petrovsky // Intern. life. — 2017. — № 6. — Р. 99–112.
7. СНГ и ЕАЭС готовятся стать одной зоной [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3007393>. — Дата доступа: 05.05.2018.
8. Шувалов: необходимо разработать механизм взаимодействия стран зоны свободной торговли СНГ и ЕАЭС [Электронный ресурс] // Информационное агенство RNS. — Режим доступа: <https://rns.online/economy/SHuvalov-neobhodimo-razrabotat-mehanizm-vzaimodeistviya-stran-zoni-svobodnoi-torgovli-SNG-i-EaES-2017-03-17/>. — Дата доступа: 05.05.2018.
9. Интеграционные форматы ЕАЭС и СНГ можно удачно совместить — А. Кобяков [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. — Режим доступа: <http://www.e-cis.info/news.php?id=11492>. — Дата доступа: 05.05.2018.
10. В Концепцию дальнейшего развития СНГ предлагается включить меры по сопряжению с ЕАЭС — МИД России [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. — Режим доступа: <http://cis.minsk.by/news.php?id=9462>. — Дата доступа: 05.05.2018.
11. *Ожигина, В. В.* Союзное государство России и Беларуси: тенденции и проблемы развития экономической интеграции / В. В. Ожигина // Мир перемен. — 2011. — № 3. — С. 165–178.
Ozhigina, V. V. The Union State of Russia and Belarus: tendencies and problems of economic integration development / V. V. Ozhigina // The World of change. — 2011. — № 3. — Р. 165–178.
12. Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Исполнительным комитетом Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // ЕЭК. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635046456781346205.pdf>. — Дата доступа: 05.05.2018.

13. ЕАЭС и СНГ объединят усилия по защите прав потребителей [Электронный ресурс] // ЕЭК. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-07-2018.aspx>. — Дата доступа: 05.05.2018.

14. ЕЭК и СНГ будут сотрудничать в сфере трудовой миграции и социальной защиты трудящихся [Электронный ресурс] // ЕЭК. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/24-09-2018-1.aspx>. — Дата доступа: 05.05.2018.

15. Ожигина, В. В. Регулирование инвестиций в рамках соглашений ЕАСТ о свободной торговле / В. В. Ожигина, Е. Н. Петрушкевич // Белорус. экон. журн. — 2016. — № 3 (76). — С. 48–62.

Ozhigina, V. V. Investment regulations in the EFTA Free Trade Agreements / V. V. Ozhigina, E. N. Petrushkevich // Belarusian Econ. J. — 2016. — № 3 (76). — P. 48–62.

Статья поступила в редакцию 19.11.2018 г.

УДК 002.6:339.5 (476)

T. Osipovich
BSEU (Minsk)
V. Osipovich
BSUIR (Minsk)

INFORMATION SUPPORT OF THE FOREIGN TRADE ACTIVITY OF BELARUS: DIRECTIONS OF IMPROVEMENT

A number of problems in the field of foreign economic activity of the domestic enterprises is revealed. The structure and the nature of interrelation of institutional elements of a system of information support of the foreign trade activity in Belarus and abroad is investigated and systematized. On the basis of found problems a number of directions on improvement of such system in Belarus which correspond to universal trends in the field of approaches to implementation of external economic policy and development of infrastructure of foreign trade is offered.

Keywords: information support; export; import; infrastructure of foreign trade; innovative infrastructure; institutional elements.

T. A. Осипович
кандидат экономических наук
БГЭУ (Минск)
В. С. Осипович
кандидат технических наук, доцент
БГУИР (Минск)

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛАРУСИ

Выявлен ряд проблем в области внешнеэкономической деятельности отечественных предприятий. Исследован и систематизирован состав и характер взаимосвязи институциональных элементов системы информационного обеспечения внешнеторговой деятельности в Беларуси и за рубежом. На базе обнаруженных проблем предложен ряд направлений посововершенствованию такой системы в Беларуси, которые соответствуют общемировым тенденциям в области подходов к осуществлению внешнеэкономической политики и развитию инфраструктуры внешней торговли.

Ключевые слова: информационное обеспечение; экспорт; импорт; инфраструктура внешней торговли; инновационная инфраструктура; институциональные элементы.

Анализ данных раздела «Официальная статистика» сайта Национального статистического комитета Республики Беларусь (www.belstat.gov.by) показал, что современное состояние внешнеторговых отношений страны характеризуется стабильно отрицательным сальдо внешнеторгового оборота, низким уровнем диверсификации товарной структуры экспорта, преобладанием вывоза товаров невысокой наукоемкости, наличием существенной внешней просроченной дебиторской задолженности, невыполнением плановых показателей по привлечению прямых иностранных инвестиций, необходимыми для нужд производства и развития предприятий-экспортеров и другими проблемами [1, с. 39].

Изучение материалов сборников, отражающих результаты опроса белорусских предприятий в разделе «Публикации» указанного комитета (www.belstat.gov.by/officialnaya-statistika/publications/index.php) позволило установить, что одной из причин, сдерживающей их экспортную инновационно-активную деятельность, является высокий экономический риск, неразвитость инновационной инфраструктуры, а также недостаток информации о новых технологиях и рынках сбыта.

В положениях Национальной программы поддержки и развития экспорта Республики Беларусь на 2016–2020 годы представлен ряд слабых сторон развития экспорта («неразвитость маркетинговых и консалтинговых услуг при экспорте, неготовность экспортеров к обмену релевантной информацией», др.) и утверждено направление мер по их устранению — «проработка организационных вопросов создания институциональной структуры, реализующей государственную политику в сфере поддержки экспорта» по информационному направлению с использованием передового зарубежного опыта в данной области.

Ситуацию осложняет отсутствие комплексного исследования информационного обеспечения внешнеторговой деятельности (ИОВТД) в Беларуси и за рубежом. В работах отечественных исследователей отражены либо правовые и технические аспекты предоставления информации, либо сделан упор на маркетинговую составляющую вопроса. Ряд публикаций во Внешнеторговом вестнике КОРИНФ и Внешнеэкономическом бюллетене затрагивают отдельные институциональные аспекты системы ИОВТД в некоторых странах с упором на характеристику финансовой составляющей поддержки экспортеров [1–3].

С учетом значимости информационного обеспечения как фактора эффективности внешнеэкономической деятельности авторами были исследованы особенности информационного содействия участникам внешнеторговой деятельности стран, занимающих лидирующие позиции в международном разделении труда. В результате удалось установить, что ИОВТД таких стран представляет собой открытую систему, эффективность функционирования которой достигается посредством:

- 1) формирования ее из широкого круга институтов, оказывающих различного рода информационное содействие внешнеторговой (экспортной и импортной), инвестиционной и инновационной деятельности (ВИИД). Основные виды таких институтов отражены в таблице;
- 2) наличия координирующего органа, представленного во многих странах объединенной структурой содействия инвестициям и внешней торговле;
- 3) активного использования современных информационно-коммуникационных технологий для обеспечения всестороннего взаимодействия в реальном и онлайн режиме времени всех институциональных элементов исследуемой системы как между собой, так и с клиентами.

Как видно из данных таблицы, отечественная система ИОВТД была сформирована с учетом передового зарубежного опыта в данной области. В то же время сравнительный анализ видов и результатов деятельности институциональных элементов рассматриваемой системы в зарубежных странах и в Беларуси позволил выявить ряд не утративших

Институциональные элементы системы информационного обеспечения внешнеторговой деятельности

Элементы в зарубежных странах	Элементы в Беларуси	
	Наличие	Пример
1	2	3
Государственные органы власти различных уровней	+	Ссылки на сайты всех министерств, государственных комитетов и исполнительных комитетов есть на Официальном Интернет-портале Президента Беларуси (president.gov.by) и частично на Официальном портале страны (www.belarus.by). Созданы портал информационной поддержки экспорта (export.by), Национальный правовой Интернет-портал (pravo.by)
Заграничные представительства государства	+	Ссылки на сайты всех дипломатических миссий Беларуси, а также посольств, консульских учреждений и торгово-экономических представительств в стране других государств есть на сайте Министерства иностранных дел (МИД, mfa.gov.by)
Межведомственные организации по информационной поддержке	+	Межведомственный совет по развитию экспорта, Комиссия по развитию экспорта и совершенствованию работы товаропроводящей сети, Консультационный совет по иностранным инвестициям, Межведомственный координационный совет по совершенствованию системы защиты интересов субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении ими внешнеэкономической деятельности, др.
Торгово-промышленные палаты (ТПП)	+	Белорусская торгово-промышленная палата (www.cci.by)
Добровольные объединения предпринимателей	+	Конфедерация промышленников и предпринимателей (наимателей), в которую входит 32 некоммерческие организации (allminsk.biz, др.)
Государственные центры информационной поддержки	+	Проектно-технологический институт «Белторгсистема» Министерства антимонопольного регулирования и торговли, информационная система холдинга «Белресурсы» (belres.by), ИМЦ «Информа» и Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен (НЦМиКЦ, ncmps.by) МИД, Национальный центр правовой информации, обеспечивающий функционирование портала pravo.by
Межгосударственный центр электронной торговли (МЦЭТ)	+	МЦЭТ на базе НЦМиКЦ (сервисы рассредоточены по четырем сайтам НЦМиКЦ: export.by, icetrade.by, www.goszakupki.by, sa.ncmps.by)
Центр международной торговли (ЦМТ)	+	ЦМТ-Минск (с 2010 г. сайт не работает)
Частные информационно-консультационные службы, редакционно-издательские заведения	+	Функционирует более 60 информационно-аналитических центров, свыше 200 индивидуальных предпринимателей, оказывающих маркетинговые услуги и две электронные торговые площадки (ЭТП, www.goszakupki.by и zakupki.butb.by). Издается ряд специализированных газет, журналов и сборников (каталогов). Есть доступ к электронным каталогам (www.b2b.by, др.) и ресурсу, позволяющему проверить финансовую благонадежность партнера (www.bankrot.by)
Научно-исследовательские и учебные заведения	+	Ряд подведомственных Национальной академии наук, Белкоопсоюзу, Министерству экономики и др. министерствам институтов, осуществляющих аналитическую работу в сфере ВИИД, частных и государственных высших учебных заведений, выпускающих специалистов в области ВИИД (БГЭУ, БГУ, др.)
Субъекты инновационной инфраструктуры	+	Создано более 14 технопарков и 9 центров трансфера технологий. Функционирует Центр интеллектуальной собственности (belgospatent.by), Национальный научно-технический портал (sciencportal.org.by), Белорусский союз бизнес-инкубаторов, центров поддержки предпринимательства, инновационных центров и технопарков. Белорусская бизнес-инновационная сеть (ББИС) входит в состав Европейской сети поддержки предпринимательстваEEN (раздел «ББИС» сайта Республиканского центра трансфера технологий (ictt.by))

1	2	3
Региональная инфраструктура содействия развитию приграничного торгово-экономического сотрудничества	+	Беларусь является соучредителем 5 еврорегионов («Неман», «Беловежская пуща», «Озерный край», «Буг», «Днепр»). Созданы трансграничные информационно-контактные платформы (между Беларусью и Польшей (www.tric.info), др.) и специализированные информационные центры
Институты финансового стимулирования экспорта	+	Ссылки на сайты всех банков страны есть в разделе «Банковский сектор» Национального банка Республики Беларусь (www.nbrb.by). Последний обеспечивает доступ банков к информационной системе «Кредитное бюро». В рамках Ассоциации белорусских банков создан Комитет по управлению рисками. Исключительное право на страхование экспортных рисков с поддержкой государства было делегировано РУП «Белэксимгарант» (www.eximgarant.by)
Координирующий орган системы ИОВТД	–	Функционирует лишь Национальное агентство инвестиций и приватизации (НАИП, www.investinbelarus.by)

Источники: составлено авторами.

свою актуальность недостатков отечественной системы ИОВТД. Среди них неразвитость инфраструктуры поддержки импортеров и отдельных направлений инновационной деятельности, частичная реализация задачи по формированию целостной многоуровневой системы управления рисками в трансграничном бизнесе, наличие неработающих ссылок и недостаточно содержательной информации на отдельных Интернет-ресурсах в области содействия ВИИД, отсутствие виртуального регистра белорусских предприятий, координирующего органа системы ИОВТД и взаимной интеграции входящих в нее элементов [1, с. 102].

Их устранению будет способствовать реализация на практике ряда мер по совершенствованию ИОВТД в рамках следующих основных направлений:

1) создание новых институтов:

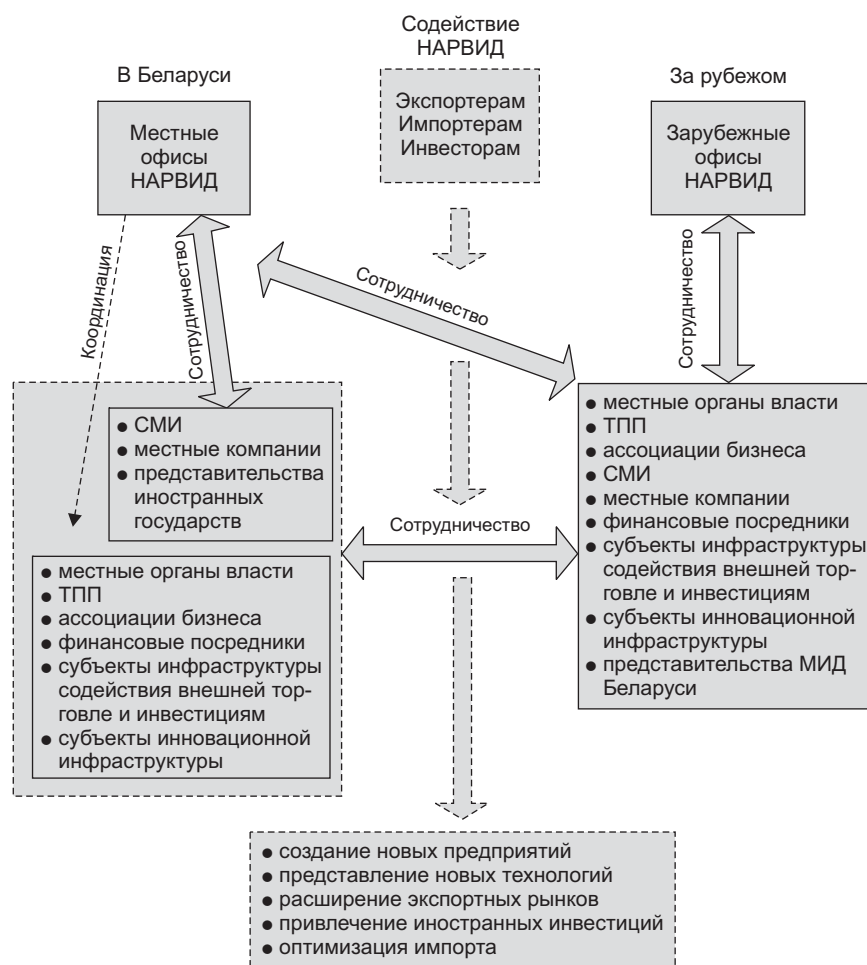
а) Национального общественного объединения риск-менеджеров (Belrisk). Организация участия страны в международной координации управления внешнеторговыми рисками за счет членства Belrisk в Федерации Европейских ассоциаций риск-менеджмента (FERMA, www.ferma.eu) позволит создать в Беларуси комплексную многоуровневую систему минимизации рисков в международном бизнесе, а также популяризировать среди белорусских экспортеров и импортеров переход к международным стандартам ведения бизнеса, предполагающим наличие риск-менеджмента в методах управления;

б) Инновационного контактно-кооперационного центра (ИККЦ) при Государственном комитете по науке и технологиям, который будет обслуживать предлагаемый к созданию специализированный портал инновационной тематики www.innovationbel.by при информационной поддержке со стороны государственных органов власти и технической поддержке подведомственных организаций соответствующего профиля либо независимых белорусских поставщиков ИТ-услуг в рамках аутсорсинга [4, с. 305];

в) специализированных университетских бизнес-инкубаторов, оказывающих поддержку малым предприятиям, пытающимся закрепиться в сфере экспортно-импортного обмена инновационной продукцией;

г) Ассоциации белорусских экспортеров (АБЭ). Ее сотрудничество с аналогичными зарубежными ассоциациями (Британская ассоциация экспортеров (www.export.co.uk), др.) позволит улучшить имидж Беларуси как надежного внешнеторгового партнера, популяризировать среди белорусских экспортеров передовой опыт в области организации трансграничного бизнеса, а также активнее отстаивать интересы экспортеров на внутреннем и внешних рынках;

д) координирующего органа системы ИОВТД на базе НАИП посредством расширения функций последнего — Национального агентства по развитию внешнеторговой и инвестиционной деятельности (НАРВИД, аналоги в мире — UKTI (www.ukti.gov.uk, Великобритания), др.). Это позволит добиться синергетического и эмерджентного эффекта от взаимодействия всех институтов национальной системы ИОВТД, обеспечить единство подходов к вопросам поиска стратегических инвесторов и внешнеторговых партнеров Беларуси (см. рисунок) [1, с. 228].

Взаимодействие НАРВИД с элементами инфраструктуры внешней торговли Беларуси и других стран

Источники: разработано авторами.

Авторами были предложены основные формы взаимодействия НАРВИД с действующими и рекомендованными к созданию в Беларуси институтами информационного содействия ВИИД [1, с. 230]. В частности, как координирующему органу НАРВИД предстоит обеспечивать согласованность действий таких институтов. Для этого НАРВИД будет осуществлять сбор у каждого из указанных институтов сведений о результатах их

деятельности, проблемах отечественных экспортеров и импортеров, передовых практиках и предложениях по совершенствованию функционирующей в стране системы ИОВТД. На базе анализа собранных таким образом данных и изучения передового зарубежного опыта в области решения выявленных трудностей в области информационного содействия ВИИД НАРВИД сможет определять приоритеты развития и принципы осуществления информационного содействия, распределять функциональные роли, разрабатывать методическое обеспечение и формы регулирующего воздействия на институты системы ИОВТД. Для эффективной реализации функции координации НАРВИД должен активно участвовать в работе межправительственных комиссий по торгово-экономическому сотрудничеству, межведомственных структур и государственных органов власти Республики Беларусь, в том числе в форме выработки рекомендаций по совершенствованию национальных и многосторонних нормативно-правовых актов в части развития трансграничного обмена;

2) создание новых представительств в Интернете, имеющих полноценную англоязычную версию:

а) портала ИККИ с адресом www.innovationbel.by. Это виртуальное рыночное пространство для установления контактов и кооперационных связей между участниками национального и зарубежных инновационных рынков должно включать три блока: 1) белорусские разработчики инноваций, 2) их потенциальные заказчики и инвесторы, а также 3) национальные институты, призванные оказывать государственную поддержку развитию инновационной деятельности в Беларуси. Портал должен быть подключен к базе данных EEN (een.es.europa.eu), содержать полезные тематические ссылки и позволять использовать его в перспективе в качестве ЭТП в инновационной сфере, созданной третьей стороной. Это позволит ему в отличие от портала www.scienceportal.org.by стать единой точкой доступа к информации о возможностях международной кооперации в инновационной сфере, причем не только для ученых, но и инновационно-активных представителей бизнеса [4, с. 305];

б) сайта БАЭ (www.belexa.by) и Belrisk (www.belrisk.by), которые должны содержать характеристику направлений и результатов деятельности ассоциации (общества), контактные данные, базу данных членов ассоциации (общества) с возможностью расширенного поиска, форму интерактивного опроса посетителей, полезные ссылки, новости и аналитические материалы в области соответственно экспорта и риск-менеджмента;

в) виртуального регистра всех белорусских компаний на базе Единого государственного регистра Беларуси (ЕГР, egr.gov.by/egr). Он должен быть создан наподобие успешно применяемых ресурсов в Европе (www.lursoft.lv в Латвии, др.), содержать каталог, позволяющий осуществлять поиск необходимой информации о зарегистрированных белорусских компаниях, работающих на местном и внешнем рынках, по широкому перечню критериев (сфера деятельности, реализуемый товар и услуги и др.). Один из сервисов сайта должен позволять получать сведения о финансовой благонадежности, интеллектуальной безопасности и кредитном рейтинге зарегистрированных субъектов. Подключение данного Интернет-ресурса к базе данных других ресурсов глобальной нумерации предприятий (в Европе — Группы европейских экономических интересов Регистра европейского бизнеса (EBR EEIG, www.ebrg.org)) позволит минимизировать внешнеторговые риски, а также облегчить и ускорить интеграцию отечественных предприятий в региональные и глобальные снабженческие цепочки, в том числе в рамках транснациональных корпораций;

3) расширение контента существующих порталов (сайтов) за счет:

а) дополнения каталога ресурсов порталов president.gov.by и pravo.by разделом «Программы развития экономики», в котором будет перечень всех реализуемых в стране программ, в том числе в области ВИИД, и ссылки на полный текст данных программных документов;

б) расширения каталога ресурсов портала president.gov.by за счет включения следующих групп гипер-ссылок на ряд отечественных субъектов рыночной инфраструктуры, призванной оказывать поддержку национальным участникам ВИИД: 1) общественные объединения бизнес-кругов; 2) представительства иностранных государств в Республике Беларусь; 3) финансовые организации; 4) маркетинговые агентства; 5) национальная инновационная система; 6) система минимизации экономических рисков;

в) включения в контент всех Интернет-ресурсов, входящих в систему ИОВТД страны, разделов по проблемам кредитования, гарантирования и страхования экспортно-импортных операций в Беларуси и за рубежом, в том числе гипер-ссылок на организации, способные оказать подобного рода финансовые услуги;

г) дополнения ресурсов сайтов дипломатических представительств, государственных органов власти и НАИП полезными ссылками в области минимизации внешнеторговых рисков (на сайт Belrisk, национального бизнес-регистра страны размещения, портал www.ebrg.org) и разделом в области риск-менеджмента с исчерпывающим объемом полезной информации по проблеме теоретического и практического характера;

3) преобразование действующих порталов (сайтов), в том числе:

а) создание на базе сайта НАИП (www.investinbelarus.by) сайта Национального агентства инвестиций и приватизации (НАРВИД). Его контент должен содержать широкий круг систематизированных полезных гипер-ссылок в области информационного обеспечения ВИИД, а также сведения о целях, принципах, методах и формах информационного содействия участникам внешнеторгового обмена, включая отчет о результатах данной деятельности;

б) модернизация портала export.by в Портал информационной поддержки внешнеторговой деятельности (www.export-import.by, аналоги в мире — www.ixpos.de (Германия), др.). Его контент и сервисы должны быть связаны с сайтом НАРВИД и обеспечивать оказание сбалансированного объема услуг по информационному содействию белорусским экспортерам и импортерам. Значимость такого подхода обусловлена отсутствием возможности в полной мере удовлетворить нужды большинства отечественных предприятий в области производства и развития без импорта и прямых иностранных инвестиций. Представителям посольств страны в Корее, Испании и Швеции следует дополнить Раздел «Страновые путеводители» содержательной информацией о рынках этих стран, а работникам МИД — полезными для участников ВИИД Беларуси гипер-ссылками на Интернет-ресурсы по тематике в разных странах мира (адреса виртуальных бизнес-регистров ((ЕГР и ЕВР ЕЕИГ), др.) и сайтов, содержащих бесплатную внешнеторговую статистику (конкретные разделы на сайте Евразийской экономической комиссии, Европейского союза, др. международных организаций));

4) интеграция Интернет-ресурсов за счет:

а) создания единой автоматизированной информационной системы государственного содействия внешнеэкономической деятельности. В контенте всех Интернет ресурсов, вовлеченных в систему информационного обеспечения ВИИД малых и крупных предприятий (элементы таблицы), должны быть перекрестные гипер-ссылки. Контент каждого из таких ресурсов должен содержать типовую форму интерактивного опроса посетителей в целях исследования и учета их замечаний и предложений по совершенствованию как самих порталов (сайтов), так и государственного регулирования соответствующих сфер экономики Беларуси;

б) внесения дополнений в раздел «TradePointsEurope» сайта МЦЭТ (www.trade-point.org) и раздел «Locations» сайта Ассоциации ЦМТ (world.wtca.org) с перечнем и контактными данными центров данных международных сетей. Необходимо включить в них соответственно TradePointBelarus и ЦМТ-Минск на базе НЦМиКЦ, что позволит улучшить имидж Беларуси в мировом сообществе.

Таким образом, реализация на практике мер по совершенствованию национальной системы ИОВТД в рамках предложенных авторами направлений:

- 1) не будет противоречить общемировым тенденциям в области подходов к осуществлению внешнеэкономической политики и развитию инфраструктуры внешней торговли;
- 2) позволит отечественным предприятиям использовать передовые методы ведения трансграничного бизнеса, отвечающие требованиям постиндустриальной экономики, минимизировать риски и повысить эффективность выполнения операций на каждом из этапов заключения и исполнения внешнеторговой сделки, а также увеличить объемы и улучшить товарную структуру отечественного экспорта.

Источники

1. *Короленок, Г. А.* Внешнеторговые отношения Республики Беларусь / Г. А. Короленок, Т. А. Осипович. — Минск : РИВШ, 2015. — 346 с.
Korolenok, G. A. Foreign trade relations of the Republic of Belarus / G. A. Korolenok, T. A. Osipovich. — Minsk : NINE, 2015. — 346 p.
2. *Яровая, Н.* Анализ состояния системы информационной поддержки маркетинговой деятельности субъектов хозяйствования Республики Беларусь / Н. Яровая // Маркетинг, реклама и сбыт. — 2003. — № 7(19). — С. 52–56.
Yarovaya, N. Analysis of a condition of a system of information support of marketing activity of economic entities of the Republic of Belarus / N. Yarovaya // Marketing, advertizing and sale. — 2003. — № 7(19). — P. 52–56.
3. *Томашевич, Т. А.* Развитие информационного обеспечения внешнеторгового сотрудничества / Т. А. Томашевич // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. — 2007. — № 6. — С. 26–32.
Tomashevich, T. A. Development of information provision for foreign trade cooperation / T. A. Tomashevich // Bull. of the Belarus State Econ. Univ. — 2007. — № 6. — P. 26–32.
4. *Осипович, Т. А.* Направления активизации экспорта инновационной продукции белорусских предприятий / Т. А. Осипович // Инновационное развитие экономики : тенденции и перспективы : материалы I Междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 15 нояб. 2012 г. / Перм. нац. исслед. политехн. ун-т. — Пермь, 2012. — С. 302–308.
Osipovich, T. A. Directions of activization of export of innovative products of the Belarusian enterprises / T. A. Osipovich // Innovative development of economy : trends and prospects : materials of the I Intern. sci. and practical conf., Perm, 15 Nov. 2012 / Perm Nat. Research Polytechnic Univ. — Perm, 2012. — P. 302–308.

Статья поступила в редакцию 28.11.2018 г.

УДК 336.02

S. Osmolovets
BSEU (Minsk)

PRIORITY DIRECTIONS OF BELARUSIAN FINANCIAL MARKET DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF DIGITAL ECONOMY FORMATION

The article reveals the main characteristics of the information economy, the main digital financial innovations typical for the digital economy are highlighted. The features of treatment of cryptocurrencies, problems of application of crowdfunding in attracting investment are determined. On the basis of the analysis are formulated the directions of digitalization of the financial market of the Republic of Belarus.

Keywords: financial innovations; cryptocurrency; token; blockchain; electronic money; fintech; crowdfunding; ICO.

С. С. Осмоловец
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО РЫНКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье раскрыты основные характеристики информационной экономики, выделены основные цифровые финансовые инновации, характерные для цифровой экономики. Определены особенности обращения криптовалют, проблемы применения краудфандинга при привлечении инвестиций. На основе проведенного анализа сформулированы направления цифровизации финансового рынка Республики Беларусь.

Ключевые слова: цифровая экономика; финансовый рынок; финансовые инновации; криптовалюты; токен; блокчейн; электронные деньги; финтех; краудфандинг; ICO.

Приоритет развития цифровой экономики закреплен в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, одобренной Президиумом Совета Министров Республики Беларусь 10 февраля 2015 г., электронное правительство и цифровая экономика определены в качестве приоритетов стратегии развития информатизации на 2016–2022 годы [1].

Под цифровой экономикой следует понимать проникновение цифровых технологий в производство товаров, работ, услуг, образование, социальную и государственную сферу и развитие на этой основе всех секторов экономики. Цифровая экономика не существует отдельно от экономики страны, цифровые технологии встраиваются в систему экономических взаимоотношений субъектов, существенно изменяя бизнес-процессы. Тезис о том, что цифровая экономика способна привести к росту благосостояния общества, развитию экономики и увеличению темпов роста ВВП, базируется на потенциальной способности цифровых технологий более эффективно, с меньшими издержками, управлять информацией (хранить, обрабатывать, создавать новые инновационные продукты, ускорять получение нового знания). Соответственно плоскость развития цифровой экономики лежит в сфере образования, науки и инноваций.

Открытость инноваций означает: 1) вывод на рынок имеющихся у компаний инноваций для продажи либо использование в кооперации с другими компаниями для организации нового бизнеса; 2) приобретение на рынке существующих технологий, разработанных другими компаниями для повышения эффективности бизнеса, создания инновационного продукта; 3) организация совместных научно-исследовательских разработок с привлечением сторонних исполнителей на основе принципов кооперации [2, с. 7]. Поэтому особое значение в цифровой экономике имеет организация открытых бизнес-процессов, доступных для взаимодействия с внешними системами и сервисами.

Открытость цифровой экономики привела к проблеме обеспечения безопасности данных, устойчивости к киберугрозам. Так, Е.В. Попов, О.С. Сухарев выделяют следующие формы информационного оппортунизма [3, с. 9]: информационные и компьютерные преступления, спекулятивный характер IT-сектора, возникновение режима зависимости со стороны агентов, когда информационные технологии ими осваиваются; манипулирование информацией, применение методов информационного террора, под которым понимается использование намеренной дезинформации или искажения информации. Следовательно, цифровизация финансовой сферы должна развиваться по следующим направлениям:

1) открытость деятельности финансовых посредников и их взаимодействие с внешним миром;

- 2) инновационность, внедрение НИОКР в финансовую сферу;
- 3) выработка технических инструментов и инфраструктуры для противостояния киберугрозам;
- 4) разработка экономических механизмов для регулирования и предупреждения оппортунизма в виртуальном пространстве (манипулирование информацией, спекуляции в цифровой сфере и т.п.).

Появление новых информационных технологий привело к перестройке финансового сектора и возникновению рынка цифровых финансовых инноваций. Финтех (FinTech) — это компании, предлагающие на основе ведущих информационных технологий традиционные финансовые услуги с меньшими издержками для клиентов либо разрабатывающие новые технические решения и платежные инструменты [4, с. 17]. В мире объем инвестиций в сферу «финтех» за период с 2012 по 2017 г. увеличился в 4,3 раза с 8,9 до 38,1 млрд дол. США, а уже в 1 квартале 2018 г. составил 57,8 млрд дол. США [5]. Основной тенденцией рынка финтех-услуг на современном этапе стало активное внедрение искусственного интеллекта во все сферы финансовой деятельности. Среди востребованных продуктов — голосовые помощники и диалоговые системы [6, с. 22]. Например, в Беларуси ОАО «МТБанк» запустил систему интеллектуального распознавания речи в контакт-центре, работа «Мария».

В России в области финтех выделяют следующие направления: микрофинансирование (платежи и кредитование); сектор криптовалют; сервисы для сравнения и покупки финансовых продуктов; сервисы для управления финансами предприятия [7].

В Беларуси направление «финтех» находится на стадии формирования, с 2015 г. разработаны отдельные приложения, в частности платежная система Tap2Pay позволяет оплачивать покупки в интернете через браузер, мессенджер или мобильный телефон, приложение Multy — это блокчейн-кошелек, который позволит безопасно хранить, анализировать, передавать и обменивать любые токенизированные ценности, продукт PingFin, предназначен для анализа расходов по банковским платежным картам [8]. Развитие финтех-компаний будет способствовать кластеризации финансового сектора и сектора информационно-компьютерных технологий, в частности мобильное приложение, разработанное профессиональным участником рынка ценных бумаг ООО «Ласерта», позволяющее физическим лицам приобретать удаленно облигации на рынке ценных бумаг Республики Беларусь, объединило услуги брокера и платежные услуги ОАО «Белгазпромбанк».

Появление новых информационных технологий способствует развитию инновационных финансовых инструментов [9, с. 181]. Анализ современных цифровых финансовых инноваций позволил сгруппировать их следующим образом:

- цифровые инструменты привлечения капитала: ICO (привлечение капитала с помощью выпуска и продажи токенов), краудфандинг;
- новые платежные инструменты (банковское платежное обязательство);
- виртуальные платежные карты, электронные деньги;
- технологические инновации: криптоматы (устройства для вывода фиатных денег с криптовалютных счетов), платформы для торговли криптовалютами, системы мгновенных платежей; перевод традиционных продуктов и услуг в блокчейн;
- цифровизация традиционных финансовых услуг (управление счетами, кредитование, страхование, платежи, депозиты, инвестиции);
- спекулятивные цифровые инструменты: криптовалюты, фьючерсы на криптовалюты, криптовалютные инвестиционные фонды;
- цифровые финансовые платформы (цифровые банки).

Особую роль в связи с принятием Декрета Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики» в Республике Беларусь играет ре-

гулирование блокчейн, оборота токенов, смарт-контрактов, деятельности операторов криптоплатформ и операторов обмена криптовалют.

В настоящее время отсутствует мировое признание криптовалют в качестве финансового актива, существуют проблемы с правовым регулированием их оборота. В разных странах существуют диаметрально противоположные точки зрения по поводу определения их правовой сущности [10]. Европейский центральный банк определил виртуальную валюту в 2015 г. как цифровое представление ценности, не эмитированное центральным банком, кредитным учреждением или эмитентом электронных денег, которая может при определенных обстоятельствах служить в качестве альтернативы деньгам [11]. Следовательно, криптовалюты не относятся к денежным и платежным средствам.

Позиция Европейского центрального банка совпадает с принципами законодательного регулирования токенов в Республики Беларусь. Так, токены, и в частности криптовалюты не являются платежным средством. Их отчуждение (приобретение) рассматривается как реализация имущественных прав и осуществляется путем уплаты за них белорусских рублей, иностранной валюты, электронных денег, или обмена на другие токены [12].

Новые финансовые инструменты, по мнению К. Перес [9], возникают как для обеспечения потребностей в финансировании новых технологий и отраслей, так и для накопления излишнего свободного капитала, что приводит к образованию пузырей на финансовых рынках. Поэтому криптовалюты в текущий момент выполняют роль «финансового пузыря», отвлекая свободные капиталы на финансовом рынке, обогащая отдельных инвесторов, владеющих данной технологией [13, с. 77–78].

ICO (англ. Initial Coin Offering — «первичное предложение или размещение монет») — цифровая форма привлечения инвестиций в новые технологические проекты в виде эмиссии и продажи инвесторам токенов [14]. Существование возможности инвестиций в токены благодаря ICO и использование их в расчетах позволяет с экономической точки зрения считать их особым уникальным цифровым финансовым активом. В Республике Беларусь проводить ICO возможно на сегодняшний день через организаторов ICO, которые должны быть резидентами Парка высоких технологий.

Краудфандинг — публичное финансирование через интернет проекта или частной идеи в обмен на будущие продукты, услуги, бонусы [15]. Краудфандинг, также как и ICO, реализуется через электронные платформы, однако без выпуска токенов. Краудфандинг по сущности близок к микрофинансированию, но в настоящее время не попадает под регулирование Национального банка Республики Беларусь в отличие от иных микрофинансовых организаций. В Беларуси на сегодняшний день функционируют четыре краудфандинговые платформы: ulej.by, talaka.by, maesens.by, investo.by [16]. К основным рискам краудфандинга можно отнести злоупотребление доверием инвесторов, привлечение средств в незавершенные проекты, использование краудфандинговых платформ крупными компаниями через подставных лиц, и иные способы финансового мошенничества [15].

На 01.12.2018 г. в Республике Беларусь функционировало 24 банка и 3 НКФО. Основу финансового рынка Республики Беларусь составляют банки. Так, отношение активов банков к ВВП за период с 2012 по 2017 г. увеличилось с 58 до 65,4 % (табл. 1). Страховые компании (18 страховых компаний на 01.12.2018 г.) занимают по размеру активов на финансовом рынке второе место после банков: отношение их активов к ВВП изменялось с 2012 по 2017 г. от 2,6 до 2,9 %, отношение страховых резервов к ВВП выросло с 0,5 до 1,3 %.

Таблица 1. Характеристика субъектов финансового рынка Республики Беларусь

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Отношение активов банков к ВВП, %	58,0	58,5	61,5	72,2	69,6	65,4
Отношение активов страховых организаций к ВВП, %	2,6	2,7	2,6	2,8	2,9	2,9

Источники: составлено автором на основе [17].

На 1 января 2018 г. в реестр Национального банка были включены 103 лизинговые организации, 121 микрофинансовая организация, 10 форекс-компаний. Отношение активов микрофинансовых организаций и форекс-компаний к ВВП в 2017 г. составило всего 0,03 % [18].

Внедрение финансовых инноваций на финансовом рынке Республики Беларусь наиболее активно осуществляется банками под руководством Национального банка Республики Беларусь. В Республике Беларусь под руководством Национального банка Республики Беларусь созданы:

- система межбанковских расчетов Национального банка BISS (Belarus Interbank Settlement System), в которой в режиме реального времени осуществляются межбанковские расчеты по срочным и несрочным денежным переводам, а также по результатам клиринга в смежных системах;
- платежная система БЕЛКАРТ — национальная платежная система Республики Беларусь на основе использования банковских платежных карточек (далее — карточки);
- единое расчетное и информационное пространство на базе автоматизированной информационной системы «Расчет» [19].

Основной финансовой инновацией банков Республики Беларусь является эмиссия электронных денег. Выпуск электронных денег осуществляют в настоящее время 6 банков Республики Беларусь. Объем операций с использованием электронных денег незначителен по сравнению с общим объемом безналичного оборота: в 2017 г. отношение объема платежей электронными деньгами к безналичному обороту составило 0,01 %. Количество открытых кошельков уменьшилось за период с 2012 по 2017 г. в 16 раз, с 1,64 до 0,1 млн единиц (табл. 2).

Таблица 2. Анализ осуществления операций с электронными деньгами, эмитированными банками Республики Беларусь, за 2012–2018 г.

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Количество открытых электронных кошельков, по которым возможно совершение операций, млн ед.	1,64	2,10	2,86	0,17	0,14	0,10
Платежи электронными деньгами по отношению к безналичному обороту, %	0,024	0,023	0,028	0,018	0,011	0,010

Источники: составлено автором на основе [20].

В качестве приоритетных направлений в цифровизации финансовой сферы Национальным банком Республики Беларусь определены следующие направления: развитие открытых интерфейсов прикладного программирования и технологий распределенного реестра; удаленная идентификация; развитие платежного и расчетного пространства; искусственный интеллект, машинное обучение и большие данные; кибербезопасность [21].

С 1 октября 2016 в Беларуси начала функционировать Межбанковская система идентификации, позволяющая клиентам банков, однократно пройдя процедуру идентификации в одном из кредитно-финансовых учреждений, получать удаленное банковское обслуживание с помощью цифровых каналов [22, с. 11–12; 23].

Одним из ключевых направлений развития цифрового финансового рынка является внедрение банками инновационных программно-технических решений в финансовой сфере на базе открытых интерфейсов программирования приложений (Application Programming Interface, API). Использование открытых API будет способствовать преобразованию банков в торговые финансовые онлайн-платформы, что позволит им оказывать финансовые услуги с более низкими издержками и избежать конкуренции с финтех-компаниями.

Национальный банк Республики Беларусь с 15 июля 2017 г. запустил информационную сеть, построенную с использованием технологии блокчейн, «Реестр банковских гарантий». ОАО «Белорусская валютно-фондовая биржа» разработала блокчейн-систему для ведения реестра операций с ценными бумагами на биржевом и внебиржевом рынках [23].

В части развития платежных сервисов следует отметить: выпуск банками бесконтактных платежных карт (32 % доля бесконтактных карточек в общей эмиссии карт, по состоянию на 2 квартал 2018 г.); рост доли безналичных платежей с использованием банковских платежных карт в период с 2012 по 30.09.2018 с 18,9 до 49,2 % [24]; развитие мобильных платежей и платежей по QR-коду в системе АИС «Расчет» [23]. Для создания правовых условий развития платежных сервисов Национальным банком разработан проект Закона Республики Беларусь «О платежных услугах в Республике Беларусь» [19].

Выводы. Финансовый рынок Республики Беларусь в сфере цифровых технологий должен развиваться с соблюдением принципов: открытость финансовых и технологических инноваций, их доступность конечному потребителю; организация новых цифровых бизнес-процессов; выработка единых цифровых стандартов оказания финансовых услуг; выработка технических инструментов и инфраструктуры для предупреждения киберугроз; формирование экономических механизмов для регулирования и предупреждения оппортунизма в виртуальном пространстве.

Новой тенденцией развития финансового рынка является формирование сектора «финтех» — рынка цифровых продуктов, созданных компаниями сектора информационных технологий, направленных на решение узких задач в финансовой сфере. Перспективными направлениями деятельности в сфере «финтех» в Республике Беларусь станут финансовые продукты сектора криптовалют (цифровые кошельки, обменные сервисы, сервисы по выпуску токенов и т.п.), что связано развитием деятельности организаций Парка высоких технологий; платежные системы и сервисы, системы мгновенных платежей; цифровые сервисы в сфере микрофинансирования и инвестиций на финансовом рынке (в частности, мобильные системы торговли финансовыми инструментами).

Проникновение цифровых технологий в отдельные сферы финансового рынка приведет к повышению роли организаций сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и микрофинансовых организаций на финансовом рынке. Для снижения цен на финансовые продукты и услуги, сохранения роли банков и сокращения транзакционных издержек, возникающих при финансовом посредничестве, необходимо формирование финансовых кластеров. Наиболее перспективной формой кластеризации, на наш взгляд, является объединение деятельности банков, небанковских финансовых учреждений с организациями сферы ИКТ.

В настоящее время одной из популярных форм привлечения финансирования являются краудфандинговые платформы, направленные на концентрацию средств для финансирования благотворительных проектов и проектов малого бизнеса. Краудфандинг является одним из инструментов цифровой экономики, поскольку сбор средств осуществляется с помощью интернет-платформ и по своему механизму имеет схожие черты с микрофинансированием. Однако деятельность таких электронных площадок финансовым регулятором в настоящее время законодательно не урегулирована, в то время как

инвесторы не защищены от финансовых и правовых рисков при участии в финансировании проектов. Развитие регулирования краудфандинга и подобных цифровых инвестиционных инструментов позволит аккумулировать денежные средства на развитие частной инициативы.

Источники

1. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы [Электронный ресурс] // e-Gov.by. — Режим доступа: <http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiya-informatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody>. — Дата доступа: 07.07.2018.
2. Авдокушин, Е. Ф. Открытые инновации как элемент матрицы новой экономики / Е. Ф. Авдокушин // *Вопр. новой экономики*. — 2013. — № 4 (28). — С. 4–9.
Avdokushin, E. F. Open innovation as an element of the matrix of the new economy / E. F. Avdokushin // Questions of the new economy. — 2013. — № 4 (28). — P. 4–9.
3. Попов, Е. В. Цифровая экономика: «иррациональный оптимизм» управления и финансирования / Е. Ф. Попов, О. С. Сухарев // *Экономика. Налоги. Право*. — 2018. — № 2. — С. 6–17.
Popov, E. V. Digital economy: «irrational optimism» of management and financing / E. F. Popov, O. S. Sukharev // Economics. Taxes. Right. — 2018. — № 2. — P. 6–17.
4. Усоскин, В. М. Финансовое посредничество в условиях развития новых технологий / В. М. Усоскин, В. Ю. Белоусова, И. О. Козырь // *Деньги и кредит*. — 2017. — № 5. — С. 14–21.
Usoskin, V. M. Financial intermediation in the development of new technologies / V. M. Usoskin, V. Y. Belousova, I. O. Kozыrev // Money and credit. — 2017. — № 5. — P. 14–21.
5. The Pulse of Fintech 2018 [Electronic resource] // KPMG International Cooperative. — Mode of access: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/xx/pdf/2018/07/h1-2018-pulse-of-fintech.pdf>. — Date of access: 07.07.2018.
6. Булычков, Д. Финтех: до чего дошел прогресс / Д. Булычков // *Депозитариум*. — 2016. — № 4 (144). — С. 21–23.
Bulychkov, D. Fintech: how came the progress / D. Bulychkov // Depositarius. — 2016. — № 4 (144). — P. 21–23.
7. Егорова, Г. Отчет о развитии отрасли финтех в России 2017 [Электронный ресурс] / Г. Егорова // *FinTech*. — Режим доступа: <http://fintech-ru.com/развитие-отрасли-финтех-в-россии-2017>. — Дата доступа: 10.12.2018.
Egorova, G. Report on the development of the Fintech industry in Russia 2017 [Electronic resource] / G. Egorova // FinTech. — Mode of access: <http://fintech-ru.com/развитие-отрасли-финтех-в-россии-2017>. — Date of access: 10.12.2018.
8. «Финтех» — новое слово, которое стоит запомнить [Электронный ресурс] // МТБанк. — Режим доступа: <http://mtblog.mtbank.by/finteh-novoe-slovo-kotoroe-stoit-zapomnit/>. — Дата доступа: 10.12.2018.
9. Перес, К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес ; пер. с англ. Ф. В. Маевского. — М. : Дело АНХ, 2011. — 232 с.
Perez, C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages / C. Perez ; transl. from Engl. F. V. Majewski. — Moscow : Delo ANH, 2011. — 232 p.
10. Кузнецов, В. А. О подходах в международном регулировании криптовалют (Bitcoin) в отдельных иностранных юрисдикциях / В. А. Кузнецов // *Деньги и кредит*. — 2016. — № 3. — С. 20–29.
Kuznetsov, V. A. Approaches in the international regulation of crypto-currencies (Bitcoin) in certain foreign jurisdictions / V. A. Kuznetsov // Money and credit. — 2016. — № 3. — P. 20–29.
11. Virtual Currency Schemes — A Further Analysis. February 2015 [Electronic resource] // European Central Bank. — Mode of access: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemesen.pdf>. — Date of access: 10.05.2018.
12. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
13. Осмоловец, С. С. Сущность и перспективы развития обращения криптовалют / С. С. Осмоловец // *Наукові праці НДФІ. Науковий збірник*. — Київ : ДННУ «Академія фінансового управління», 2017. — Вип. 4 (81). — С. 75–78.

Osmolovets, S. S. The essence and prospects of circulation of cryptocurrencies / S. S. Osmolovets // Scientific works of NDFI. Scientific collection. — Kyiv : DNU «Academy of financial management», 2017. — Iss. 4 (81). — P. 75–78.

14. Воробей, А. В. ICO как новая форма привлечения капитала [Электронный ресурс] / А. В. Воробей // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.

Vorobey, A. V. ICO as a new form of capital raising [Electronic resource] / A. V. Vorobey // ConsultantPlus. Belarus / LLC «YurSpektr», Nat. center of legal inform. of the Rep. of Belarus. — Minsk, 2018.

15. Данилевский, А. ICO vs краудфандинг: как «хайпы» превращаются в «антихайпы» [Электронный ресурс] / А. Данилевский // Forbes. — Режим доступа: <http://www.forbes.ru/tehnologii/346413-dmitriy-zavalishin-dz-systems-let-za-pyat-mozhno-sokratit-importnye-zakupki-softa>. — Дата доступа: 11.11.2018.

Danilevsky, A. ICO vs crowdfunding: as «hype» become «antihype» [Electronic resource] / A. Danilevsky // Forbes. — Mode of access: <http://www.forbes.ru/tehnologii/346413-dmitriy-zavalishin-dz-systems-let-za-pyat-mozhno-sokratit-importnye-zakupki-softa>. — Date of access: 11.11.2018.

16. Краудфандинг в Беларуси: как и благодаря чему это работает [Электронный ресурс] // Myfin.by. — Режим доступа: <https://myfin.by/stati/view/10296-kraudfanding-v-belarusi-kak-i-blagodarya-chemu-eto-rabotaet>. — Дата доступа: 10.11.2018.

17. Финансовая статистика [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/time_series/Pages/default.aspx. — Дата доступа: 10.11.2018.

18. Отчет Национального банка за 2017 год [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.nbrb.by/Publications/report/report2017.pdf>. — Дата доступа: 10.11.2018.

19. Стратегия развития цифрового банкинга в Республике Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.nbrb.by/Legislation/documents/DigitalBankingStrategy2016.pdf>. — Дата доступа: 10.11.2018.

20. Основные показатели развития рынка электронных денег в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.nbrb.by/payment/e-money/osnovnie-pokazateli-elektronnih-deneg.xlsx>. — Дата доступа: 10.11.2018.

21. Взаимодействие с Конфедерацией цифрового бизнеса [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.nbrb.by/payment/vzaimodejstvie-s-konfederaciej-cifrovogo-biznesa>. — Дата доступа: 10.11.2018.

22. Сачковская, О. Перспективы развития цифровых технологий в Республике Беларусь / О. Сачковская // Банк. вестн. — 2018. — № 5 [658]. — С. 10–13.

Sachkowskaia, O. Prospects for the development of digital technologies in the Republic of Belarus / O. Sachkowskaia // Bank Bull. — 2018. — № 5 [658]. — P. 10–13.

23. Калечиц, Д. Приоритетные направления цифровой трансформации банковского сектора Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Д. Калечиц // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://www.nbrb.by/top/pdf/doklad-kalechits-10-2018.pdf>. — Дата доступа: 10.12.2018.

Kalechits, D. Priority directions of digital transformation of the banking sector of the Republic of Belarus [Electronic resource] / D. Kalechits // National Bank of the Republic of Belarus. — Mode of access: <https://www.nbrb.by/top/pdf/doklad-kalechits-10-2018.pdf>. — Date of access: 10.12.2018.

24. Основные показатели развития рынка банковских платежных карточек в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://www.nbrb.by/payment/PlasticCards/MainIndices.xlsx>. — Дата доступа: 10.11.2018.

Статья поступила в редакцию 29.11.2018 г.

CHALLENGES OF INTERNATIONAL DIRECT INVESTMENT MEASUREMENT IN THE NATIONAL ECONOMY

The main challenges and contradictions in the measurement of international direct investment flows and stocks in the world economy have been discussed in the article. The discrepancies and shortcomings have been identified in the data presentation on inward and outward direct investments in the economy of the Republic of Belarus. There have been shown the main ways for improving statistical data collection and its presentation for the reliable evaluation of international direct investments inflows and outflows as well as stocks in terms of the volumes, structure and patterns. The improvements in data collection have been proposed for the analysis of the activities of foreign-owned companies and national companies abroad.

Keywords: international direct investment; statistical database; world economy; Republic of Belarus.

Е. Н. Петрушкевич
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье рассмотрены основные проблемы и противоречия измерения международных потоков и накоплений прямых инвестиций в мировой экономике; определены разночтения и недостатки в представлении данных по привлекаемому и вывозимым прямым инвестициям в экономике Республики Беларусь; показаны основные направления совершенствования статистического сбора и представления данных для достоверной оценки объемов, структуры и характера международных притоков и оттоков прямых инвестиций и их накоплений, анализа деятельности компаний с иностранным капиталом в стране и национальных компаний за рубежом.

Ключевые слова: международные прямые инвестиции; статистическая база данных; мировая экономика; Республика Беларусь.

С конца XX в. и по настоящее время проблематика международных прямых инвестиций (МПИ) находится под пристальным вниманием международного сообщества. В научных публикациях рассматриваются особенности динамики и структуры глобальных прямых инвестиций как в целом в мировой экономике (П.А. Кадочников [1], С.М. Кадочников [2], А.А. Пахомов [3], Л.А. Юнусов [4], А.В. Данильченко [5] и др.), так и в разрезе отдельных регионов (Е.В. Преснякова [6], В.В. Ожигина [7] и др.). Однако анализ потоков и накоплений МПИ, в особенности их географической структуры, осложняется значительными статистическими погрешностями и расхождениями.

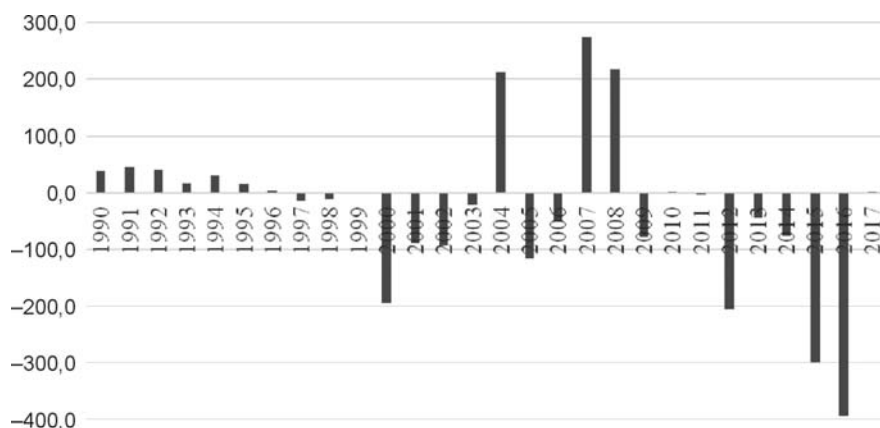
Противоречивость международного статистического учета прямых иностранных инвестиций затрагивалась в ряде публикаций ученых дальнего и ближнего зарубежья. Так, в исследованиях акцентировалось внимание на направлениях совершенствования измерения потоков международных инвестиций [8], роли организаций специального назначения в искажении потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ) [9], проблемах оценки ПИИ в регионах [10], статистических основах определения их влияния [11], сложностях измерения вывозимых прямых инвестиций (ВПИ) [12]. В Республике Беларусь не уделяется должного внимания вопросам несовершенства отражения потоков и накоплений международных прямых инвестиций, хотя проблемы разницы методологий, используемых в стране, а также направления улучшения статистики инвестиций

и деятельности многонациональных предприятий (МНП) затрагивались в публикациях Е.Н. Петрушкевич [13, 14].

Настоящая статья посвящена проблемам измерения международных прямых инвестиций в мировой экономике и Республике Беларусь, а также выявлению основных направлений улучшения статистической базы для анализа экономических эффектов инвестиций в национальной экономике.

Проблемы измерения международных прямых инвестиций в мировой экономике. Достоверное измерение двусторонних потоков международных прямых инвестиций, а также накоплений в рамках международной инвестиционной позиции стран мира характеризуется значительными сложностями в современной глобальной экономике.

Международные встречные потоки прямых инвестиций, измеряемые на мировом уровне, на протяжении десятилетий не совпадают. Ежегодный дисбаланс глобальных объемов притоков и оттоков международных прямых инвестиций хаотично увеличивается то в сторону превышения оттоков притоками, то наоборот (см. рисунок). Если в XX в. расхождения не превышали 50 млрд дол. США, то в XXI в. колебания дисбаланса дошли почти до 400 млрд дол. США в 2016 г.

Дисбаланс глобальных объемов оттоков и притоков международных прямых инвестиций, в млн дол. США

Источники: разработано автором на основе базы данных ЮНКТАД.

Среди основных причин дисбаланса глобальных прямых инвестиций и искажения мировой статистики потоков и накоплений МПИ можно выделить следующие:

1) различия в методиках измерения двусторонних потоков прямых инвестиций в странах мировой экономики. Отражение потоков на основе активов и обязательств страны существенно отличается от такового по географическим направлениям;

2) размытость географического происхождения прямого инвестора. Сложность иерархии подразделений в МНП, многочисленные промежуточные компании между первичным и непосредственным инвестором осложняют реальное отражение географической структуры МПИ в отдельно взятой стране;

3) усложнение проведения операций, относимых к ПИИ, прежде всего транснациональных слияний и поглощений (ТСИП). Так, например, мегасделка ТСИП в России, а именно приобретение российской нефтяной компанией «Роснефть» доли за 55 млрд дол. США в нефтяной компании «TNK-BP» в 2013 г. является иллюстрацией того, как статистически учитываемые потоки МПИ искажают представление о реальных объемах

иностранный капитал в национальном производстве и, наоборот, национального капитала в реальных активах за рубежом¹;

4) оффшорные потоки посредством сложных схем реализации сделок ТСиП через организации специального назначения (ОСН) национальными компаниями создают ложное представление об объемах притока ПИИ в страну (см. таблицу). Поэтому страны ОЭСР с 2005 г. перешли на отражение потоков прямых инвестиций в целом и через подразделения, не являющиеся ОСН [15].

Учитывая сложности в измерении объемов МПИ, МВФ инициировал исследование измерения накоплений ПИИ и ВПИ как зеркальной позиции стран по встречным данным стран-партнеров [16]. В соответствии с этим источником статистических данных по всем странам наблюдаются существенные различия, причем в большей степени в странах, где возможно создание оффшорных компаний (например, Люксембург, Нидерланды, Венгрия) (см. таблицу).

Зеркальная статистика по накопленным МПИ в отдельных странах на 01.01.2017 гг., в млн дол. США

Страна	Накопленные объемы	По данным национальной статистики	Статистические данные стран-партнеров	Разница между накопленными прямыми инвестициями по данным национальной статистики и по данным статистики соответствующих стран-партнеров
Нидерланды	ПИИ	4 083 833	2 821 559	1 262 274
	ВПИ	5 093 952	3 236 300	1 857 652
Люксембург	ПИИ	3 634 170	2 392 825	1 241 345
	ВПИ	4 419 265	2 468 505	1 950 760
Венгрия	ПИИ	238 364	148 664	89 700
	ВПИ	185 796	71 876	113 920
Германия	ПИИ	786 051	789 725	-3674
	ВПИ	1 335 756	1 254 046	81 710
Российская Федерация	ПИИ	377 950	203 346	174 604
	ВПИ	344 275	130 863	213 412
Республика Беларусь	ПИИ	18 622	6420	12 202
	ВПИ	772	1208	-436

Источники: составлено автором на основе базы данных МВФ.

Детализация статистических данных в странах ОЭСР и «зеркальная статистика» МВФ хотя и расширяет представления о потоках и накоплениях МПИ, не решает проблему прозрачности в их отражении.

¹ «ТНК-ВР» является российской нефтяной группой компаний, главная холдинговая компания которой находится на Британских Виргинских островах, а также собственность до сделки с «Роснефтью» в равной степени принадлежала двум компаниям: «ВР» (Великобритания) и «AAR», являющейся консорциумом компаний, зарегистрированных на Виргинских островах, но основные собственники которых являются отдельные российские граждане. Компания «Роснефть», у которой контрольный пакет акций принадлежит государству, приобрела долю «ВР» в «ТНК-ВР» за 27,4 млрд дол. США, оплатив примерно 12 млрд дол. США наличными, а остальную сумму — акциями «Роснефти». Доля «AAR» полностью была оплачена наличными в сумме 27,7 млрд дол. США. То есть фактически эта сделка состояла из трех потоков: дивестиций и обмена одних российских активов на другие (сменой собственности) для «ВР», а также из национализации активов частной российской компании «ТНК-ВР» в операции с «AAR» [9]. Интрига заключается в том, что действительно активы «ТНК-ВР» находятся в России, но поскольку она зарегистрирована на Виргинских островах, то и сделка превратилась из национальной в транснациональную. Причем согласно статистике получается, что в результате этой сделки Россия в 2013 г. стала крупнейшим глобальным инвестором. Хотя, по сути, только первый поток (12 млрд дол. США) по праву должен быть отражен в статистике как ПИИ со знаком «минус».

Статистическая база количественной оценки характера международных прямых инвестиций в Республике Беларусь. В национальной экономике также существует серьезная проблема различий в измерении потоков и накоплений ПИИ и ВПИ, что является, с одной стороны, проблемой, характерной для большинства стран мира, а с другой — является результатом конфликта методологий официальных источников внутри страны.

В Республике Беларусь в настоящее время имеются два основных источника информации о ПИИ, ВПИ и деятельности компаний с иностранным капиталом. Этими источниками являются:

- Национальный банк Республики Беларусь, который составляет Платежный баланс и рассчитывает Международную инвестиционную позицию страны на основе методологии МВФ и ОЭСР;

- Национальный статистический комитет Республики Беларусь, основными документами о ПИИ и ВПИ которого являются два статистических бюллетеня: «Инвестиции в Республику Беларусь из-за рубежа и инвестиции из Республики Беларусь за рубеж» и «Отдельные статистические показатели деятельности организаций Республики Беларусь, созданных с участием иностранных юридических или физических лиц». Часть статистики из этих документов помещается в другие, например, в «Статистический ежегодник Республики Беларусь».

Данные этих двух источников часто не совпадают, противоречат и даже запутывают пользователей. Так, например, объемы ПИИ за 2017 г. по Платежному Балансу Республики Беларусь составляли 1276 млн дол. США [17]. В бюллетене «Инвестиции в Республику Беларусь из-за рубежа и инвестиции из Республики Беларусь за рубеж» указываются две другие величины: 1) прямые иностранные инвестиции на чистой основе — 1246,8 млн дол. США, 2) прямые иностранные инвестиции — 7634,2 млн дол. США. Последняя величина отражается в других, более общих документах, таких как «Статистический ежегодник Республики Беларусь».

В международной статистике (к примеру, ЮНКТАД) используются данные Национального банка Республики Беларусь, так как он учитывает объемы инвестиций, основываясь на методологии МВФ, представленной в 6-м издании Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции МВФ за 2009 г., а именно по сальдо потоков ПИИ и ВПИ на конечную дату. Данные Национального банка используются в международных сравнениях, что примерно соответствует данным Национального комитета по статистике в отношении ПИИ на чистой основе. Однако не всегда именно эта величина используется как в более общих официальных статистических документах Республики Беларусь, так и при детализации по различным критериям, что искусственно завышает объемы притоков прямых инвестиций, искажает представления о реальных процессах и затрудняет отслеживание результатов соответствующей политики.

Что касается определения объема накопленных ПИИ, в данном случае три различных источника показывают различные данные, а именно:

- Национальный банк Республики Беларусь в международной инвестиционной позиции показывает объем, равный 18,7 млрд дол. США на 01.01.2017 г.;

- Национальный статистический комитет Республики Беларусь в бюллетене «Инвестиции в Республику Беларусь из-за рубежа и инвестиции из Республики Беларусь за рубеж» указывает в таблицах серии «Накопление инвестиций, поступивших от иностранных инвесторов» величину 6,72 млрд дол. США на ту же дату;

- в бюллетене «Отдельные статистические показатели деятельности организаций Республики Беларусь, созданных с участием иностранных юридических или физических лиц» Национального статистического комитета Республики Беларусь в таблице «Накоплено иностранных инвестиций в реальном секторе экономики по странам», куда включаются все формы иностранных инвестиций, не только ПИИ, показывается

9,7 млрд дол. США, что ниже почти в 2 раза накопленного объема ПИИ на 01.01.2017 г. по данным международной инвестиционной позиции.

Таким образом, сложившаяся статистика объемов потоков и накоплений МПИ по Республике Беларусь несовершенна, что предполагает необходимость ее реформирования для обеспечения прозрачности и адекватного отражения участия страны в международных процессах прямого инвестирования.

Следует выделить еще ряд недостатков методологии статистики ПИИ в национальной экономике.

1. Недостатком является то, что в вышеназванных бюллетенях Национального статистического комитета нарушается преемственность представляемых данных. Так, с 2014 г. число основных показателей деятельности коммерческих организаций с иностранным капиталом (КОИК) существенно сократилось за счет прежде всего показателей доли в ВВП страны, объема производства, объема промышленного производства, а также в отдельные годы (2014–2015 гг.) не представлены показатели номинальной заработной платы, инвестиций в основной капитал, рентабельности продаж, числа убыточных организаций.

2. До 2011 г. розничный товарооборот КОИК включал также и товарооборот общественного питания, что с точки зрения анализа вклада этих компаний в экономику Республики Беларусь оправдано, т.е. видна доля привлекаемых ПИИ, ориентированных на рынок республики. Деление товарооборота на секторы розничной торговли и общественного питания, тем более дальнейшая детализация по областям, представляет лишнюю информацию, в то время как статистика объемов производства и вклада в ВВП по видам экономической деятельности промышленного производства отсутствует.

3. До 2011 г. КОИК в статистике делились на две группы: совместные и иностранные организации, что соответствует общепринятой классификации, которая различает в составе предприятий с иностранным капиталом совместные и иностранные предприятия. Появление с 2011 г. новой группы «прочие» в составе КОИК затрудняет понимание, какие организации имеются в виду и можно ли их относить к организациям с ПИИ. Если доля иностранного капитала в уставном фонде менее 10 %, то это также совместные организации, однако не с прямыми, а портфельными инвестициями.

Вообще, с точки зрения оценки влияния КОИК на экономику страны целесообразно их деление на четыре группы:

- иностранные компании, т.е. в полной (100 %) собственности иностранного инвестора (иностранной компании);
- дочерние компании, т.е. с долей иностранного инвестора в уставном или акционерном капитале свыше 50, но менее 100 %;
- ассоциированные компании, т.е. с долей иностранной собственности менее 50, но более 10 %;
- сестринские компании (компании-партнеры), с долей собственности менее 10 %.

Поведение данных четырех типов компаний, как показывает мировая практика, имеет свои особенности и поэтому вызывает различные последствия для экономики как страны-источника, так и реципиента иностранных инвестиций.

4. Среди всех показателей деятельности КОИК такие показатели, как выручка от реализации продукции, товаров, работ и услуг; инвестиции в основные фонды предприятий; объем экспорта; объем импорта; среднесписочная численность работников; рентабельность продаж — являются наиболее важными показателями, поэтому их детализация по укрупненному делению по отраслям экономики недостаточна. Нужна детализация по видам экономической деятельности в промышленности, что имеет огромное значение для оценки вклада КОИК в экономику страны, а также степени интегрированности иностранного капитала в экономику страны. Кстати, до 2011 г. эта детализация в определенной степени присутствовала.

Итак, проблема национальной статистики МПИ как потоков, так и накоплений, в целом и в разбивке по различным критериям должна быть разрешена в пользу наилучшей международной практики, прежде всего — ОЭСР.

Требуется существенное реформирование используемых методологий учета иностранных инвестиций в целом и МПИ в частности:

- для обеспечения синхронизации статистических данных в различных источниках, прозрачности, непротиворечивости;
- во избежание искажения реальной картины, а также перегруженности, запутанности;
- для создания исчерпывающей базы данных для информационного обеспечения мониторинга МПИ в республике.

Таким образом, для эффективной оценки влияния международных потоков прямых инвестиций в национальной экономике необходимо значительно реформировать сбор и представление статистических данных, а именно:

- необходимо устранить конфликт методологии Национального банка и Национального статистического комитета Республики Беларусь. Прямые иностранные и вывозимые инвестиции должны учитываться по сальдо, как это рекомендуется МВФ и ОЭСР, т.е. в документах Национального статистического комитета Республики Беларусь понятие «прямые иностранные инвестиции» должно быть только одно, а не два — «ПИИ на чистой основе» и «ПИИ». Статистические данные должны быть идентичны из различных официальных источников информации как в целом, так и в детализации;

- ввести учет потоков ПИИ и ВПИ через ОСН;
- заменить имеющееся деление КОИК на видам (СП и ИП) на новые четыре группы: иностранные компании, дочерние компании, ассоциированные компании, сестринские компании (компании-партнеры);
- дополнить статистику измерением стоимости активов КОИК (хотя бы балансовой) и объемов добавленной стоимости, что также должно сопровождаться соответствующей детализацией по отраслям, видам экономической деятельности и производствам;

- в дополнение к выручке КОИК по видам экономической деятельности должна быть доступна соответствующая статистика по объемам выручки в целом по республике для определения доли КОИК в каждой сфере с целью своевременной идентификации эффектов вытеснения национальных компаний иностранными с конкретных рынков.

Кроме того, необходимо усовершенствовать статистику деятельности МНП в Республике Беларусь. Для этого следует адаптировать Европейскую систему статистики деятельности иностранных филиалов, а также ОЭСР, что позволит анализировать большинство показателей, характеризующих влияние МНП и ПИИ на экономику республики, а именно ввести учет показателей, характеризующих влияние МНП и ПИИ на экономику республики, среди которых:

- количество отделений, дочерних и ассоциированных предприятий МНП в стране-реципиенте;
- страна происхождения материнской компании МНП и страна, из которой непосредственно поступил капитал;
- активы МНП внутри страны-реципиента и за рубежом;
- объем продаж внутри страны-реципиента и за рубежом, объем внутрифирменных продаж;
- объемы экспорта и импорта услуг, экспорта и импорта высокотехнологичной продукции;
- количество занятых из числа местных и иностранных граждан;
- расходы на НИОКР, количество занятых в НИОКР.

Источники

1. *Кадочников, П. А.* Перспективные вопросы расширения участия России в глобальных цепочках создания стоимости / П. А. Кадочников // Рос. внешнеэкон. вестн. — 2015. — № 2. — С. 8–13.
Kadochnikov, P. A. Perspective issues of expanding Russia's participation in global value chains / P. A. Kadochnikov // Russ. Foreign Econ. J. — 2015. — № 2. — P. 8–13.
2. *Кадочников, С. М.* Прямые зарубежные инвестиции: микроэкономический анализ эффектов благосостояния / С. М. Кадочников. — СПб. : Экон. шк., 2002. — 267 с.
Kadochnikov, S. M. Foreign direct investment: a microeconomic analysis of the effects of well-being / S. M. Kadochnikov. — St Petersburg : Econ. School, 2002. — 267 p.
3. *Пахомов, А. А.* Экспорт прямых инвестиций как фактор реализации внешнеэкономической стратегии Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.14 / А. А. Пахомов. — М., 2013. — 46 с.
Pakhomov, A. A. Direct investment as a factor in the implementation of the foreign economic strategy of the Russian Federation : abstr. of diss. ... dr of econ. sciences : 08.00.14 / A. A. Pakhomov. — Moscow, 2013. — 46 p.
4. *Юнусов, Л. А.* Прямые иностранные инвестиции в условиях глобализации мировой экономики / Л. А. Юнусов. — М. : Изд-во РГТЭУ, 2010. — 282 с.
Yunusov, L. A. Foreign direct investment in the context of globalization of the world economy / L. A. Yunusov. — Moscow : Publ. House of the RGTEU, 2010. — 282 p.
5. *Данильченко, А. В.* Интернационализация деловой активности стран и компаний / А. В. Данильченко, Е. В. Бертош, О. Ф. Малашенкова. — Минск : БГУ, 2015. — 295 с.
Danilchenko, A. V. Internationalization of Business Activity of Countries and Companies / A. V. Danilchenko, E. V. Bertosh, O. F. Malashenkova. — Minsk : BSU, 2015. — 295 p.
6. *Преснякова, Е. В.* Механизм стимулирования взаимных инвестиций Республики Беларусь и государств — членов Евразийского экономического союза / Е. В. Преснякова, Т. С. Матейчук, Е. В. Зайцева ; под ред. Е. В. Пресняковой. — Минск : Ин-т экономики НАН Беларуси, 2017. — 179 с.
Presnyakova, E. V. A mechanism for encouraging mutual investments of the Republic of Belarus and the member states of the Eurasian Economic Union / E. V. Presnyakova, T. S. Mateychuk, E. V. Zaitsev ; by ed. E. V. Presnyakovoy. — Minsk : Inst. of Economics of the Nat. Acad. of Sciences of Belarus, 2017. — 179 p.
7. *Ожигина, В. В.* Международная экономическая интеграция : учеб. пособие / В. В. Ожигина, О. Н. Шкутко, Е. Н. Петрушкевич ; под ред. В. В. Ожиговой. — Минск : БГЭУ, 2017. — 431 с.
Ozhigina, V. V. International economic integration : textbook / V. V. Ozhigina, O. N. Shkutko, E. N. Petrushkevich ; by ed. V. V. Ozhigina. — Minsk : BSEU, 2017. — 431 p.
8. *Sauvant, K. P.* Beware of FDI statistics! / K. P. Sauvant. — New York : Columbia Univ., 2017. — 4 p. (Perspectives on topical foreign direct investment issues, № 215).
9. *Nougayrede, D.* Untangling the effects of “special purpose entities” on global FDI / D. Nougayrede. — New York : Columbia Univ., 2016. — 3 p. (Perspectives on topical foreign direct investment issues, № 171).
10. *Матраева, Л. В.* Методология статистического исследования прямых иностранных инвестиций в регионы Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Л. В. Матраева. — М., 2014. — 52 с.
Matrayeva, L. V. Methodology of a statistical study of foreign direct investment in the regions of the Russian Federation : abstr. of diss. ... dr of econ. sciences / L. V. Matrayeva. — Moscow, 2014. — 52 p.
11. *Кузнецов, А. В.* Сложность учета Российских прямых инвестиций за рубежом / А. В. Кузнецов // Вестн. федерал. бюдж. учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции Российской Федерации». — 2009. — № 2. — С. 47–51.
Kuznetsov, A. V. The complexity of accounting for Russian direct investment abroad / A. V. Kuznetsov // Bull. of the federal budget institution «State Registration Chamber under the Ministry of Justice of the Russian Federation». — 2009. — № 2. — P. 47–51.
12. *Якунина, Т. А.* Экономико-статистическая оценка влияния факторов на прямые иностранные инвестиции в регионы и их регулирование : дис. ... канд. экон. наук / Т. А. Якунина. — Новосибирск, 2001. — 199 л.

Yakunina, T. A. Economic-statistical evaluation of the influence of factors on foreign direct investment in the regions and their regulation : diss. ... cand. of econ. sciences / T. A. Yakunina. — Novosibirsk, 2001. — 199 p.

13. *Петрушкевич, Е. Н.* Международные потоки прямых инвестиций в Республике Беларусь: оценка характера и влияния на национальную экономику / Е. Н. Петрушкевич // Белорус. экон. журн. — 2017. — № 3. — С. 58–79.

Petrushkevich, E. N. International direct investment flows in the Republic of Belarus: assessment of the nature and impact on the national economy / E. N. Petrushkevich // Belarusian Econ. J. — 2017. — № 3. — P. 58–79.

14. *Петрушкевич, Е. Н.* Прямые иностранные инвестиции в экономическом развитии стран с транзитивной экономикой : монография / Е. Н. Петрушкевич. — Минск : Мисанта, 2011. — 399 с.

Petrushkevich, E. N. Foreign direct investment in the economic development of countries with transitional economies : monograph / E. N. Petrushkevich. — Minsk: Misanta, 2011. — 399 p.

15. OECD Statistics [Electronic resource]. — Mode of access: <https://stats.oecd.org/#>. — Date of access: 11.10.2018.

16. Direct Investment from/in Counterpart Economy Data [Electronic resource] // International Monetary Fund. — Mode of access: <http://data.imf.org/?sk=40313609-F037-48C1-84B1-E1F1CE54D6D5&sid=1482331048410>. — Date of access: 11.10.2018.

17. Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nbrb.by/statistics/BalPay/>. — Дата доступа: 11.10.2018.

Статья поступила в редакцию 30.11.2018 г.

УДК 005.5:502.131

А. Pobozhnaya
BSEU (Minsk)

INTEGRATION OF SOCIAL AND ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITY TO CONTROL OF BUSINESS PROCESSES OF A COMPANY

The article explains the need to introduce a process approach to managing an organization. The author provides a definition of the social and environmental responsibility of the business, the stages of introduction into the company's strategy identifies, a detailed analysis of the introduction of social and environmental responsibility in management processes conducted. On the basis of statistical information, the relevance of activating the development of non-financial reporting for organizations of the Republic of Belarus is substantiated.

Keywords: business process; management; social and environmental responsibility; non-financial reporting; sustainable development; strategy.

А. А. Побожная
БГЭУ (Минск)

ИНТЕГРАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УПРАВЛЕНИЕ БИЗНЕС-ПРОЦЕССАМИ КОМПАНИИ

В статье рассмотрена необходимость внедрения процессного подхода управлением организацией. Автором дано определение социально-экологической ответственности бизнеса, обозначены этапы внедрения в стратегию компании и проведен подробный анализ интеграции социально-экологической ответственности в процессы управления. На основе статистической информации

обоснована актуальность активизации разработки нефинансовой отчетности для организаций Республики Беларусь.

Ключевые слова: бизнес-процесс; менеджмент; социально-экологическая ответственность; нефинансовая отчетность; устойчивое развитие; стратегия.

В условиях глобализации рынков функциональный подход к управлению хозяйствующими субъектами, характеризующийся повышением производственных мощностей, производительности и объемов производства, перестал быть гарантом благополучия компаний. Укрупнение предприятий и усложнение технологий привели к образованию среды, управление которой перешло к конкурентам, конъюнктуре рынка и клиентам, требующим индивидуального подхода, качественного продукта (сервиса), максимального удовлетворения своих потребностей. В результате, считающиеся достоинствами в условиях массового производства, стабильности и общего экономического роста, принципы функционально-структурной организации стали препятствием для эффективного развития организации [1].

Концепции изменений стали появляться во всех областях управления организацией, включая финансовые, кадровые, информационные, организационные и другие аспекты деятельности.

Деятельность современных компаний состоит из огромного количества повторяющихся бизнес-процессов, каждый из которых представляет собой последовательность действий и решений, нацеленных на достижение определенных результатов. В этих условиях эффективность функционирования компании, объем ее прибыли и конкурентоспособность зависят в определенной мере от рациональности реализации бизнес-процессов. Таким образом, основополагающей базой современных методов управления является процессный подход, осуществляемый с помощью цикла PDCA Шухарта — Деминга и включающий четыре взаимосвязанных этапа: планирование процесса (Plan), выполнение процесса (Do), измерение и анализ показателей эффективности процесса (Check), корректировка процесса (Act).

Преимуществами внедрения процессно-ориентированного подхода являются оптимизация системы корпоративного управления и увеличение ее способности гибко реагировать на изменения внешней среды, использование системы оценки эффективности управления на каждом этапе управленческой цепочки, максимизация учета интересов заинтересованных сторон, четкая систематизация внутренних процессов и связей, наделение сотрудников большими полномочиями и соответственно значительное повышение их отдачи.

Вместе с тем к бизнесу как к полноправному участнику процессов производства и потребления предъявляется высокий уровень требований не только в части эффективного построения бизнес-процессов и соответственно получения экономических выгод, но и в отношении вопросов обеспечения социальной стабильности и экологической безопасности, что заставляет компании внимательнее относиться к социальной и экологической сферам деятельности.

Осознанное и мотивированное участие бизнеса в разнообразных мероприятиях, направленных на предупреждение и минимизацию негативных воздействий на окружающую среду, рациональное использование природного потенциала, экономии энергетических и сырьевых ресурсов в процессе экономической деятельности, вовлечение отходов в хозяйственный оборот, предупреждение чрезвычайных и аварийных ситуаций, поддержка мер по охране здоровья, сохранению биоразнообразия, культурно-исторического наследия и особо охраняемых территорий, сохранению исчезающих биологических видов, содействие оптимальному уровню занятости, заработной платы, социального обеспечения наемных работников, добровольное участие в реализации социальных программ и представляет собой *социально-экологическую ответственность бизнеса (СЭО)*.

Следует отметить, что социально-экологическая ответственность, как специфический элемент процесса разработки стратегии компании, имеет взаимосвязь с различными типами менеджмента, что подтверждает целесообразность ее интеграции в бизнес-процессы организации.

Цикличность и неравномерность развития мировой экономической системы приводят к ситуациям, когда обострения противоречий в социально-экономических системах угрожают жизнестойкости организаций в окружающей среде. Поэтому любое управление должно быть построено на учете возможности и опасности кризиса, т.е. быть *антикризисным*. Социально и экологически ответственное поведение компании является эффективным инструментом противостояния кризисным явлениям, поскольку общество также заинтересовано в том, чтобы фирмы работали рентабельно, имущество использовалось эффективно, бизнес сохранялся и развивался, уменьшалась вероятность аварий и катастроф экологического характера.

Ярким примером безответственного поведения в кризисных условиях является банкротство компании Enron, крупнейшей в мире организации по торговле энергоносителями. В результате сокрытия высшим руководством от акционеров и регулирующих органов действительного положения дел в компании, наличия больших долгов и искажения квартальных отчетов о доходах, порядка 4 тыс. сотрудников потеряли работу, утрачена возможность выплаты накопленных пенсионных сбережений 15 тыс. сотрудникам на сумму в 1 млрд дол. США.

Поскольку антикризисное управление можно классифицировать на управление в условиях кризиса, целью которого является выход из кризисного состояния с наименьшими потерями, и управление антикризисным развитием, направленное на предотвращение кризиса [2], модель СЭО также следует разделить на «реагирующую» и «стратегическую».

Реагирующая СЭО направлена на непосредственное смягчение негативных последствий деятельности компании и поддержание ее репутации в краткосрочной перспективе, что в свою очередь позволяет снизить нефинансовые риски.

Стратегическая СЭО подразумевает выстраивание стратегии компании на основе идей социально-экологической ответственности и соответственно может интегрироваться в процессы *стратегического управления* путем реализации нескольких этапов:

- внедрение этических принципов в общую организационную культуру компании;
- проведение диагностики текущего состояния и проблемных аспектов деятельности (компания необходимо определить, какие направления социально-экологической ответственности в наибольшей степени отражают и учитывают ее основную деятельность и внешнее окружение);
- генерализация СЭО, т.е. постепенное вовлечение выявленных направлений социально-экологической ответственности во все бизнес-процессы компании.

Характерным примером вовлечения принципов СЭО в процессы стратегического менеджмента является компания JC Johnson (производитель химикатов для борьбы с насекомыми). Изучив и классифицировав свои товары по степени вредности, компания сосредоточила усилия на выпуске наименее вредных, тем самым заставив поставщиков последовать своему примеру и демонстрируя стремление уменьшить воздействие своей продукции на окружающую среду [2].

Таким образом, если в основе стратегии компании лежат принципы социально-экологической ответственности, то ее деятельность направлена не только на свое развитие, но и на поддержание баланса интересов в обществе. Особенностью такой стратегии является постоянство ее приоритетов в отличие от частных политик многих организаций, которые могут варьировать и меняться чаще в зависимости от конъюнктуры рынка. Фактически подобная стратегия является также инструментом управления антикризисным развитием, включающим комплекс мер упреждающего характера, связанных

со снижением рисков и уменьшением их влияния на результаты хозяйственной деятельности.

Включение в стратегию компании эколого-ориентированного акцента позволяет рассмотреть ресурсосбережение не только как экономию материально-сырьевых ресурсов, но и как фактор экономического роста, улучшения качества жизни и благосостояния. Экологическая безопасность и ресурсосбережение органично вписываются также в число функциональных направлений *операционного менеджмента*, представляющего собой деятельность, связанную с разработкой, использованием и усовершенствованием бизнес-процессов и производственных систем, на основе которых производятся основные виды продукции или услуги компании. Руководство принципами социально-экологической ответственности при осуществлении операционного управления еще более стимулирует компании к внедрению социальных и экоинноваций (происходит активизация *инновационного менеджмента*), что позволяет совершенствовать технологии, снижать потери ресурсов и повышать качество производимой продукции/услуг, таким образом соответствуя концепции бережливого производства.

Совершенствование способности компании брать на себя ответственность за влияние решений и деятельности на окружающую среду и природно-ресурсный потенциал невозможно без построения эффективной системы *экологического менеджмента*, основанного на экологической безопасности и справедливости, рациональном и эффективном использовании ресурсов, сокращении вредного воздействия на окружающую среду.

Кроме того, интеграция в бизнес-процессы СЭО будет способствовать внедрению компаниями практик *циркулярной экономики*, которая за счет оптимизации процессов потребления, выявления и предотвращения негативных внешних эффектов текущей производственной деятельности позволяет нацелить производителей на производство более экологически безопасных и долговечных товаров без содержания вредных для окружающей среды и здоровья веществ. Для потребителя реорганизация бизнес-моделей по типу циркулярной экономики будет означать потребление экологически чистых продуктов по приемлемой стоимости.

Соответственно экологически ответственная компания должна иметь стратегию (или политику) в области охраны окружающей среды, реализовывать системные технологические и организационные решения, проводить оценку и анализ воздействия технологических процессов и продукции на окружающую среду.

В современных условиях, когда рынки переполнены однотипными услугами и товарами, для стейкхолдеров все большее значение приобретает положительная репутация компании. В рамках развития *репутационной экономики* СЭО выступает эффективным инструментом создания положительного имиджа, поскольку демонстрирует готовность компании нести ответственность за воздействие на окружающую среду и общество, а также способствует минимизации такого влияния. Так, например, увеличение социальной ценности крупной торговой компании на один пункт ведет к улучшению репутации на 0,55 пункта, тогда как увеличение экономической ценности на тот же пункт повышает репутацию только на 0,32 пункта [3].

Построение эффективного взаимодействия с заинтересованными сторонами осуществляется посредством использования инструментов *коммуникационного менеджмента*, причем управление коммуникационными процессами не должно ограничиваться формированием позитивного мнения об организации, а должно быть также направлено на достижение общественного согласия и сотрудничества. Перманентное внимание субъектов экономики к запросам общества, выражающееся в поиске и реализации таких управленческих концепций, которые позволяли бы оптимально реагировать на его ожидания, учитывать его интересы и одновременно использовать соответствующую практику для увеличения эффективности и устойчивости собственной предпринимательской деятельности получило название социальной сенсibilизации экономической

деятельности. Такое присущее современной экономике явление необходимо инкорпорировать в политику социально-экологической ответственности компании.

В условиях изменения делового и общественного климата, растущих ожиданий различных заинтересованных сторон информационная открытость компаний отражает уровень развития систем корпоративного управления. Действенным инструментом самосовершенствования компании в части систем управления и информирования общественности о приверженности концепции социально-экологической ответственности является нефинансовый отчет, в котором комплексно отражаются основные результаты и показатели деятельности компании в области устойчивого развития и социально-экологической ответственности.

По данным общемирового онлайн-справочника корпоративных нефинансовых отчетов, в настоящее время разработано 97 997 нефинансовых отчетов, раскрывающих деятельность 16 398 компаний. Лидером в области разработки таких отчетов являются Соединенные Штаты Америки (10 603 отчета, или 10,82 % от мирового показателя) [4].

В Республике Беларусь деятельность по составлению нефинансовых отчетов только зарождается. Присоединение нашей страны в 2006 г. к Глобальному договору ООН, крупнейшей в мире инициативе в области корпоративной устойчивости, способствовало активизации деятельности в данном направлении. Статистика разработанных отчетов ответственными компаниями нефинансовых отчетов представлена в таблице.

Динамика разработки нефинансовых отчетов в Республике Беларусь

Наименование организации	Год									
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ОАО «БМЗ»										
ЗАО «МТБанк»										
УП «Кока-Кола Бевриджиз Белоруссия»										
ООО «Катрабел»										
Белинтертранс										
«Власова, Михель и Партнеры»										
ЗАО «Итранзишэн»										
СООО «Мобильные ТелеСистемы»										
ООО «Интертрансавто»										
ЗАО «МЗБН»										
HEINEKEN										
ООО «ТУТ БАЙ МЕДИА»										
ЦСБТ САТИО										
ЗАО «МАП ЗАО»										
ОАО «АСБ Беларусбанк»										
ОАО «Пивзавод Оливария»										
IT-компания SoftTeco										
ОАО «Банк БелВЭБ»										

Источники: составлено автором.

Согласно таблице деятельность в области раскрытия нефинансовой информации ведется неравномерно. За период 2008–2017 гг. разработано и опубликовано 58 отчетов, причем только 6 из 18 компаний отчитываются на ежегодной основе.

Стоит отметить, что финансовые рынки все активнее включаются в процесс формирования запроса на нефинансовые показатели. К началу 2017 г. 58 фондовых бирж уже заявили о намерении продвигать принципы устойчивого развития на своих рынках путем разработки и внедрения рекомендаций для своих эмитентов по раскрытию нефинансовых показателей [5]. Так, проведенный в [6] анализ показал, что существует прямая зависимость между публикацией информации об экологическом рейтинге компаний и их котировкой на фондовом рынке, т.е. компании, имеющие позитивные экологические оценки, представляют для потенциальных инвесторов больший интерес, чем остальные участники рынка. Учитывая изложенное и ввиду наметившейся тенденции выхода ряда белорусских компаний на IPO (первичное публичное размещение акций), вопрос интеграции СЭО в бизнес-процессы и публикации соответствующей нефинансовой отчетности является стратегически важным для последующего взаимодействия на международной арене.

Спрос на информацию, подтверждающую, что бизнес ориентирован в своей деятельности на достижение сбалансированности экономической, социальной и экологической составляющей, возрастает также под влиянием принятых в 2015 г. Организацией Объединенных Наций Целей устойчивого развития на период до 2030 года, в соотношении с которыми будут оцениваться стратегии компаний и прогресс в их реализации.

Таким образом, наряду с интернализацией внешних отрицательных эффектов деятельности бизнеса, социально-экологическая ответственность представляет собой инструмент обоснованного участия в разнообразных предупреждающих экологический ущерб мероприятиях, повышения качества окружающей природной среды, обеспечения производства общественных социальных благ, улучшения финансовых и нефинансовых показателей деятельности бизнеса, увеличения его инвестиционной привлекательности.

Источники

1. Сычева, И. Н. Эффективность подходов к управлению предприятием / И. Н. Сычева, Е. С. Пермякова // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2018. — № 4. — С. 246–249.
Sycheva, I. N. The effectiveness of approaches to enterprise management / I. N. Sycheva, E. S. Permyakova // Economics and Business: Theory and Practice. — 2018. — № 4. — P. 246–249.
2. Корпоративная социальная ответственность : учебник для бакалавров / Э. М. Коротков [и др.] ; под ред. Э. М. Короткова. — М. : Юрайт, 2016. — 446 с. — (Серия: бакалавр. Базовый курс).
Corporate social responsibility : a textbook for bachelors / E. M. Korotkov [et al.] ; by ed. E. M. Korotkov. — Moscow : Yurait, 2016. — 446 p. — (Series: Bachelor. Basic course).
3. Корпоративное управление и социальная ответственность бизнеса : материалы конф. / Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД России. — М. : МГИМО-Университет, 2013. — 383 с.
4. Corporate Register [Electronic resource]. — Mode of access: www.corporateregister.com. — Date of access: 15.09.2018.
5. Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов: 2015–2016 годы выпуска / Е. Н. Феоктистова [и др.]. — М. : РСПП, 2017. — 136 с.
Analytical review of corporate non-financial reports: 2015–2016 years of release / E. N. Feoktistova [et al.]. — Moscow : RSPP, 2017. — 136 p.
6. Побожная, А. А. Корпоративная экологическая ответственность как детерминанта конкурентных преимуществ компании / А. А. Побожная, О. С. Шимова // Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 11–15 апр. 2018 г. / ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова» ; редкол.: В.И. Ресин [и др.]. — М., 2018. — С. 362–366.
Pobozhnaya, A. A. Corporate environmental responsibility as a determinant of the company's competitive advantages / A. A. Pobozhnaya, O. S. Shimova // Current problems of project management in the investment and construction sphere and environmental management : materials of the VIII Intern. sci.-practical conf., Moscow, 11–15 April 2018 / FSBEI of HE «REU named after G. V. Plekhanov» ; editorial board: V. I. Resin [et al.]. — Moscow, 2018. — P. 362–366.

Статья поступила в редакцию 12.12.2018 г.

**N. Podobed
Yu. Enin**
BSEU (Minsk)

THE FORMATION OF A UNIFIED TRANSPORT AND LOGISTICS INFRASTRUCTURE IN THE CONTEXT OF EURASIAN INTEGRATION

The article is devoted to a wide range of problems related to the processes of Eurasian integration. The key advantages of creating a unified transport and logistics infrastructure for small economies are considered. The main risks and prospects of development of the digital market of transport and logistics services for national economies are structured.

Keywords: transport and logistics infrastructure; integration; Eurasian economic Union; digital economy; geopolitical advantages.

Н. А. Подобед
кандидат экономических наук, доцент
Ю. И. Енин
доктор экономических наук, профессор
БГЭУ (Минск)

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОЙ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Статья посвящена широкому комплексу проблем, связанных с процессами евразийской интеграции. Рассмотрены ключевые преимущества создания единой транспортно-логистической инфраструктуры для малых открытых экономик. Структурированы основные риски и перспективы развития цифрового рынка транспортно-логистических услуг для национальных экономик.

Ключевые слова: транспортно-логистическая инфраструктура; интеграция; евразийский экономический союз; цифровая экономика; геополитические преимущества.

В начале XXI в. международный рынок транспортных услуг претерпел серьезную трансформацию: быстрые темпы роста валового внутреннего продукта в странах Европейского союза (около 2,4 % за счет экспорта в 2017 г.) и растущий потенциал Китая создали особо благоприятные условия для привлечения транзитных грузопотоков на территорию Республики Беларусь [1, с. 79]. Членство в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) открыло для нашей страны целый ряд преимуществ, так как любое активное интеграционное взаимодействие создает для «малых открытых экономик» благоприятные условия доступа к разного рода ресурсам.

Дальнейшая структурная перестройка национальной экономики Республики Беларусь на основе активного развития сферы услуг оказала синергетическое воздействие на транспортно-логистическую инфраструктуру, сделав ее одним из главных когезионных (выравнивающих) факторов интеграции и последующего экономического роста.

Евразийская интеграция представляет собой последовательный, эволюционный процесс сближения национальных экономик на постсоветском пространстве. Идеи евразийства, описывающего кооперацию славянских народов с кочевыми империями степей Евразии, имеют глубокие исторические и философские корни и восходят к идеям славянофилов. Основные элементы теории евразийства и неоевразийства формировались на

протяжении всего XX в. и нашли свое отображение в трудах известных историков, экономистов, политиков (Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин, Л.Н. Гумилев др.).

На современном этапе своего развития основной целью Евразийского экономического союза стало противопоставление центробежным процессам на территории СНГ конструктивного, взаимовыгодного диалога стран, сделавших выбор в пользу центристского развития (интеграции). В настоящий момент в состав союза входят: Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Армения. ЕАЭС занимает более 20 млн км² или 14 % от мировой территории суши. На территории союза проживает 183,4 млн человек.

Эволюционно ЕАЭС (создан в 2015 г.) прошел следующие этапы объединения: общее экономическое пространство, Таможенный союз, Единое экономическое пространство. Фактически создание Евразийского союза явилось отправной точкой дальнейших интеграционных процессов: формирование единого рынка потребительских товаров, лизинга, промышленной продукции и транспортно-логистических услуг, системы технических регламентов и стандартов, общих институтов управления финансово-экономической сферой, единого бюджета ЕАЭС.

В настоящий момент Евразийская интеграция проходит через сложный период, связанный с целым комплексом негативных факторов: падением цен на сырьевые товары, напряженностью в международных отношениях, ухудшением общих прогнозов для мировой экономической системы.

Несмотря на возникающие сложности, главными задачами ЕАЭС являются: макроэкономическая стабильность, ускорение технологического развития промышленных комплексов стран-участниц; реализация политики импортозамещения; наращивание экспорта промышленной продукции, развитие единой транспортно-логистической инфраструктуры, полная унификация таможенного законодательства [2, с. 122].

Национальные правительства Евразийского союза активно развивают торговлю и стремятся снять экономические барьеры, препятствующие ее развитию. Взаимный оборот товаров по итогам 2017 г. составил 634 193,8 млн дол. США, в том числе экспорт товаров — 386 922,4 млн дол. США, а импорт — 247 271,4 млн дол. США. Темп роста взаимного оборота по сравнению с прошлым годом составил 124,6 % (табл. 1).

Таблица 1. Показатели внешней торговли по ЕАЭС за 2015–2017 гг., млн дол. США

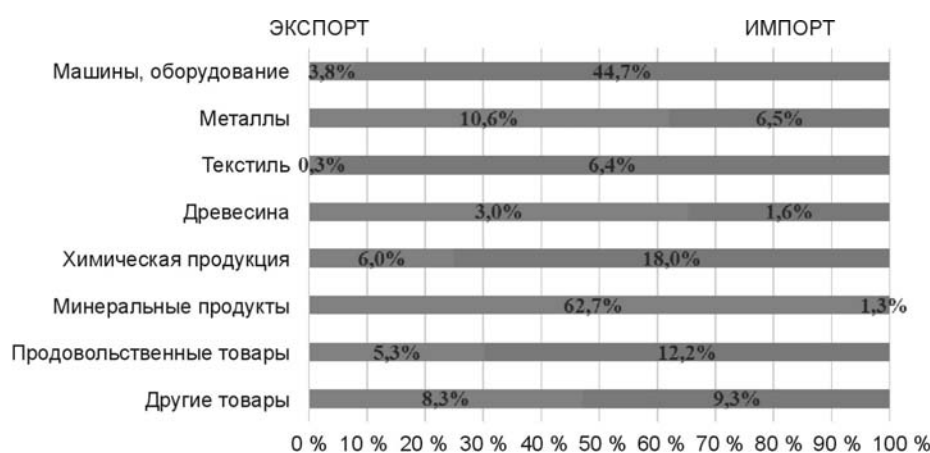
Страны ЕАЭС	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Отклонение	
				2016 г. от 2015 г.	2017 г. от 2016 г.
Армения	1227,7	1397,8	1666,7	170,1	268,9
Беларусь	15 653,9	12 154,9	15 592,3	–3499,0	3437,4
Казахстан	40 835,5	32 806,7	43 240,7	–8028,8	10 434,0
Кыргызстан	1072,7	1126,0	1222,8	53,3	96,8
Россия	315 055,3	260 779,4	325 199,9	–54 275,9	64 420,5
Экспорт	373 845,1	308 264,8	386 922,4	–65 580,3	78 657,6
Армения	2218,9	2163,4	2782,9	–555,0	619,5
Беларусь	13 088,6	12 234,7	14 526,0	–853,9	2291,3
Казахстан	19 356,2	15 513,2	17 081,5	–3843,0	1568,3
Кыргызстан	2088,8	2374,5	2631,1	285,7	256,6
Россия	168 784,9	168 822,1	210 249,9	37,2	41 427,8
Импорт	205 537,4	201 107,9	247 271,4	–4429,5	50 593,0

Источники: составлено авторами на основе [3].

Увеличение взаимного оборота товаров в стоимостном выражении по ЕАЭС за 2017 г. по сравнению с 2016 г. (прирост 24,6 %) объясняется ростом средних цен на экспортируемые товары (на 20,4 %) и увеличением физического объема (на 4,2 %). При этом повышение цен определило 80 % прироста стоимостного показателя взаимного оборота, а увеличение товарной массы — только 20 %.

Структура экспорта и импорта государств ЕАЭС за 2017 г. представлена на рисунке. В товарной структуре экспорта государств — членов ЕАЭС в третьи страны преобладают минеральные продукты (62,7 % общего объема экспорта государств — членов ЕАЭС в третьи страны), металлы и изделия из них (10,6 %), продукция химической промышленности (6 %). Наибольшую долю в импорте занимают машины, оборудование и транспортные средства (44,7 % совокупного импорта), продукция химической промышленности (18 %), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (12,2 %) (см. рисунок).

Структура экспорта и импорта государств ЕАЭС в 2017 г.

Источники: разработано авторами на основе [3].

Данные статистики по грузоперевозкам через территорию ЕАЭС свидетельствуют о положительной динамике роста объема грузоперевозок за период 2015–2017 гг. Стабильное увеличение объема грузоперевозок показывают железнодорожный, автомобильный и воздушный транспорт (табл. 2).

Таблица 2. Динамика грузоперевозок в ЕАЭС за 2015–2017 гг., млн т

Страны ЕАЭС	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Отклонение	
				2016 г. от 2015 г.	2017 г. от 2016 г.
1	2	3	4	5	6
Армения	1,6	1,6	1,8	0,0	0,2
Беларусь	132,5	126,1	124,4	-6,4	-1,7
Казахстан	215,4	205,4	232,8	-10,0	27,4
Кыргызстан	0,2	0,2	0,2	0,0	0,0
Россия	1071,0	1088,0	1138,2	17,0	50,2
Итого трубопроводный транспорт	1420,8	1421,4	1497,4	0,6	76,0

1	2	3	4	5	6
Армения	2,5	2,6	2,6	0,1	0,0
Беларусь	131,4	126,8	146,3	-4,6	19,5
Казахстан	335,1	332,3	378,8	-2,8	46,5
Кыргызстан	1,3	1,7	1,9	0,4	0,2
Россия	1217,9	1227,0	1266,5	9,1	39,5
Итого железнодорожный транспорт	1688,3	1690,3	1796,1	2,0	105,8
Армения	6,9	16,2	23,6	9,3	7,4
Беларусь	180,0	175,3	166,7	-4,7	-8,6
Казахстан	3174,3	3181,1	3300,8	6,8	119,7
Кыргызстан	28,2	29,3	29,8	1,1	0,5
Россия	5040,6	5138,2	5444,6	97,6	306,4
Итого автомобильный транспорт	8429,9	8540,2	8965,5	110,3	425,3
Армения	10,2	18,3	22,4	8,1	4,1
Беларусь	38,8	56,6	55,1	17,8	-1,5
Казахстан	17,0	18,1	22,4	1,1	4,3
Кыргызстан	0,0	0,0	0,2	0,0	0,2
Россия	1064,2	974,1	1128,9	-90,1	154,8
Итого воздушный транспорт (тыс. т)	1130,2	1067,1	1228,8	-63,1	161,7
Армения	11,1	20,5	28,0	9,4	7,5
Беларусь	446,9	430,4	439,5	-16,5	9,1
Казахстан	3728,6	3722,6	3916,2	-6,0	193,6
Кыргызстан	29,7	31,2	32,0	1,5	0,8
Россия	7467,3	7591,7	7985,4	124,4	393,7
Итого по ЕАЭС	11 684,0	11 797,0	12 401,0	113,0	604,0

Источники: составлено авторами на основе [3].

Наблюдаются такие положительные эффекты от экономической интеграции, как эффект обеспечения экономической стабильности, эффект стимулирования развития промышленности, эффект роста товарооборота за счет снятия барьеров во внешней торговле, финансовый эффект от получения кредитов на льготных условиях, эффект экономии за счет льготных цен на российские энергоносители. Как свидетельствует мировой опыт, именно из-за подобных синергетических эффектов многие страны охотно идут на формирование единой транспортно-логистической инфраструктуры.

Мониторинг показателей динамики экономического развития государств — членов ЕАЭС показал устойчивый рост показателя ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (табл. 3).

Таким образом, анализ основных экономических индикаторов в ЕАЭС показал экономическую целесообразность развития единой транспортно-логистической инфраструктуры как одного из важнейших факторов увеличения объемов торговли и привлечения на территорию ЕАЭС дополнительных транзитных грузопотоков из Китая.

Таблица 3. Мониторинг показателей уровня и динамики экономического развития государств — членов ЕАЭС

Показатель	Государство — член ЕАЭС	Единица измерения	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Отклонение	
						2016 г. от 2015 г.	2017 г. от 2016 г.
Темпы роста ВВП	Армения	Проценты	3,2	0,2	7,5	-3	7,3
	Беларусь		-3,8	-2,5	2,4	1,3	4,9
	Казахстан		1,2	1,1	4,1	-0,1	3
	Кыргызстан		3,9	4,3	4,6	0,4	0,3
	Россия		-2,5	-0,2	1,5	2,3	1,7
ВВП на душу населения по паритету покупательной способности	Армения	Доллары США	8473	8612	9468	139	856
	Беларусь		18 225	17 975	18 761	-250	786
	Казахстан		25 048	25 280	26 604	232	1324
	Кыргызстан		3447	3694	3913	247	219
	Россия		23 752	23 185	23 945	-567	760

Источники: составлено авторами на основе [3].

Развитие общей транспортно-логистической инфраструктуры ЕАЭС способно дать нашей стране ряд уникальных преимуществ и значительный синергетический эффект.

1. Транспортно-логистическая инфраструктура является своеобразной «точкой роста» основных экономических показателей любого государства, поскольку обеспечивает доступность глобальных коммуникаций для белорусского экспорта, способствует оптимизации системы товародвижения, снижает долю транспортной составляющей в цене товара. Актуальным является создание крупной мультимодальной транспортно-логистической компании, осуществляющей экономическую интеграцию транзитных маршрутов, в том числе за счет альянсов с национальными и зарубежными операторами Российской Федерации, Республики Казахстан [4, с. 33].

2. Выгодное транзитное положение Республики Беларусь является одним из важнейших факторов роста инфраструктуры. Оно обусловлено наличием двух панъевропейских транспортных коридоров (№ II и № IX), проходящих через территорию страны. В настоящее время перспективным направлением является развитие системы глобальных «транспортных колец» как несущей основы транспортной системы ЕАЭС [5, с. 118].

3. В процессе формирования находится единая транспортно-логистическая инфраструктура ЕАЭС и КНР, создаваемая по инициативе китайской стороны в рамках построения оптимальной транспортной сети «Великого шелкового пути» (Один пояс-один путь) [6, с. 195; 7, с. 4]. Данная инициатива предполагает создание «Экономического пояса шелкового пути», связывающего материковый Китай с Европой посредством железнодорожных и автомобильных магистралей. В совокупности в данный проект вовлечено 60 стран [7, с. 4]. В данном случае Республика Беларусь может использовать стратегию опережающего развития, используя тезис «обогнать, не догоняя», положенный в основе белорусской стратегии «Наука и технологии 2018–2040». Единая транспортно-логистическая инфраструктура ЕАЭС и КНР будет способствовать формированию у Республики Беларусь ряда уникальных геополитических преимуществ, позволяющих в будущем модернизировать традиционные отрасли экономики на основе новейших технологий. Например, использование технологий блокчейн в будущем способно значительно изменить цепочку товародвижения, уменьшив транзакционные расходы на грузоперевозки

за счет снижения комиссий; сократить документооборот в логистике; упростить процедуру отслеживания груза; способствовать увеличению конкуренции на рынке грузоперевозок.

4. За счет дополнительных доходов от транзита становится возможным проведение «инвестиционного маневра» — отказаться от систематической поддержки нерентабельных предприятий, инвестировать дополнительные средства в инновационные проекты пятого и шестого технологических укладов.

5. Формирование единой инфраструктуры обладает выраженным синергетическим действием за счет реализации широкого спектра проектов в промышленности (создание промышленных парков и развитие высокотехнологичных производств как элемента ядра транспортно-логистического кластера).

6. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры будет способствовать реализации модели государственно-частного партнерства в области крупных инвестиционных проектов (развитие сети многофункциональных транспортно-логистических комплексов; модернизация автомобильных и железных дорог), а также оказывать поддержку малому и среднему бизнесу за счет увеличения сетевой торговли и развития многофункциональных объектов придорожного сервиса.

7. Транспортно-логистическая инфраструктура ЕАЭС поможет Республике Беларусь скорректировать территориальную диспропорцию, выражающуюся в отсутствии собственного выхода к морю. Развитие модели «сухих портов» позволит привлечь дополнительные транзитные потоки на территорию республики. Например, Китайские инвесторы к 2020 г. собираются потратить около 500 млн дол. на строительство «сухого порта» на территории китайско-белорусского промышленного парка «Великий камень». По замыслам китайских инвесторов «сухой порт», созданный под Минском, станет связующим звеном между логистическим хабом Хоргос (Республика Казахстан) и Евросоюзом (площадь нового логистического комплекса составит 94 га).

Таким образом, основными экономическими преимуществами от развития единой транспортно-логистической инфраструктуры ЕАЭС являются: обеспечение доступности глобальных коммуникаций для белорусского экспорта, увеличение доходов от транзита, привлечение новых инвесторов, развитие промышленности, поддержка структурных изменений экономики, переход к инновационным технологическим укладам, создание рабочих мест, увеличение благосостояния населения, рост ВВП, снижение транспортных и транзакционных расходов [6, с. 180; 8, с. 33].

Наряду с преимуществами интеграционного взаимодействия и развития единой транспортно-логистической инфраструктуры для национальных экономик присутствует и определенный рискованный аспект. Он выражается в следующих экономических диспропорциях:

1. Зависимость малых открытых экономик от экономик стран-лидеров. В качестве примера можно привести дисбаланс в межстрановой торговле ЕАЭС. В 2015 г. в Российской Федерации сложилось отрицательное сальдо торговли, что негативно повлияло на белорусскую экономику.

2. Риски различных условий хозяйствования в национальных системах (различная фискальная система, инвестиционный климат и др.) могут негативно повлиять на потенциал малых открытых экономик.

3. Риски коммерческих конфликтов между субъектами хозяйствования. Например, в 2013 г. произошел конфликт в «Белорусской калийной компании» (БКК), участники которой — «Беларуськалий» и «Уралкалий» — не договорились об условиях сбыта, и российский партнер вышел из состава БКК [9, с. 59].

4. Риски отсутствия координации промышленной политики стран ЕАЭС, что в итоге может привести к кризису перепроизводства или же недозагруженности производственных мощностей.

Для минимизации вышеобозначенных рисков единая интероперабельная (способная к взаимодействию) транспортно-логистическая инфраструктура ЕАЭС будет создаваться на основе следующих принципов: равноправное партнерство, взаимная выгода и национальная безопасность, сопряжение национальных транспортных систем, обеспечение мультимодальных грузоперевозок, развитие цифровых экосистем. Будущее развитие транспортно-логистической инфраструктуры ЕАЭС будет связано с созданием цифровой системы управления инфраструктурным развитием; цифровой отраслевой и кросс-отраслевой трансформацией; формированием базиса цифровой инфраструктуры следующего технологического уклада. Цифровые экосистемы в ЕАЭС предполагают активное инновационное взаимодействие между всеми видами инфраструктур, промышленностью, высокотехнологичным производством на базе современных информационных технологий.

Основой для создания цифрового рынка транспортно-логистических услуг может послужить развитие следующих направлений:

1. Создание цифровых транспортных коридоров (эффективное управление цепочками поставок на базе блокчейн технологий; сокращение сроков перевозок и всех видов транзакционных расходов; освоение новых транспортных маршрутов и др.).

2. Формирование бесшовного цифрового пространства в ЕАЭС (использование смарт-контрактов; упрощение административных процедур, за счет перехода к электронному документообороту).

3. Создание «регулятивных песочниц», где в кратчайшие сроки можно будет комплексно испытать новые финансовые услуги для ЕАЭС без риска нарушения действующего законодательства.

4. Трансфер инновационных технологий и цифровая торговля (смарт-контракты, средства радиочастотной идентификации груза, элементы интернета-вещей и блокчейн технологии) помогут стимулировать инновационную деятельность, увеличат объемы евразийского внутреннего рынка, упростят доступ к мировому рынку, помогут бороться с котрфактом, усилят ответственность производителей комплектующих изделий за счет нахождения всей информации о сделке в смарт-контракте.

5. Цифровая промышленная кооперация на основе принципа кластеризации. Создание кластеров упростит кооперационные и технологические связи, поможет выстроить эффективную цепочку создания добавленной стоимости; добиться оптимальной загрузки производственных мощностей предприятий; встроить средний и малый бизнес в систему транспортно-логистических услуг (например, за счет создания многофункциональных придорожных комплексов [10]).

6. Кластерное развитие транспортно-логистической инфраструктуры в ЕАЭС на принципах маркетинга многофункциональных территорий обеспечит интеграцию транспортной системы ЕАЭС в мировую транспортную систему в качестве равноправного партнера, а также сократит транзакционные расходы участников данного кластера за счет эффекта масштаба.

В заключение необходимо отметить следующее:

- создание ЕАЭС стало важнейшим катализатором интеграционных процессов на всем постсоветском пространстве. Углубление экономического взаимодействия между странами — участницами ЕАЭС, а также торгово-экономические отношения ЕАЭС с другими странами вызывает необходимость формирования единой транспортно-логистической инфраструктуры;

- в условиях глобализации мировой экономики стратегией социально-экономического развития ЕАЭС может стать кластерный подход к управлению экономикой, включающий в себя и формирование единой транспортно-логистической инфраструктуры. Стратегические интересы Беларуси при этом будут тесно связаны с интеграцией в трансевразийские транспортно-логистические коридоры «Нового шелкового пути», что даст возможность укрепить свое положение на мировой арене;

• Беларусь нуждается в расширении транспортно-логистических и трансграничных связей с соседними странами и с Китаем как транзитная страна. Поэтому дальнейшая углубленная интеграция потребует комплексного развития транспортно-логистической инфраструктуры ЕАЭС с использованием потенциала инновационных и высокотехнологичных производств;

• причины активного развития элементов транспортно-логистической инфраструктуры в Республике Беларусь обусловлены в первую очередь рядом экономических, геополитических и социальных преимуществ, которые может получить страна при своевременном использовании своего инфраструктурного потенциала. Вхождение в ЕАЭС, дальнейшая более глубокая интеграция с Российской Федерацией, выгодное транзитное расположение, формирование новой панъевразийской транспортной системы «Новый шелковый путь», рост грузооборота с Китаем — все это является обоснованием экономической целесообразности реализации комплексных проектов в сфере транспортно-логистической инфраструктуры.

Источники

1. Енин, Ю. И. Организационно-экономический механизм обеспечения конкурентоспособности придорожного сервиса в ЕЭП / Ю. И. Енин, Н. А. Подобед // Инновационные процессы: потенциал науки и задачи государства : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 15 окт. 2017 г. — Пенза : Наука и Просвещение, 2017. — С. 78–81.

Enin, Yu. I. Organizatsionno-ekonomicheskii mekhanizm obespecheniya konkurentosposobnosti pridorozhnogo servisa v EEP / Yu. I. Enin, N. A. Podobed // Innovatsionnye protsessy: potentsial nauki i zadachi gosudarstva : sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Penza, 15 okt. 2017 g. — Penza : Nauka i Prosveshchenie, 2017. — S. 78–81.

2. Господарик, Е. Г. ЕАЭС-2050: глобальные тренды и евразийская экономическая политика : монография / Е. Г. Господарик, М. М. Ковалев. — Минск : Изд. центр БГУ, 2015. — 152 с.

Gospodarik, E. G. EAES-2050: global'nye trendy i evraziyskaya ekonomicheskaya politika : monografiya / E. G. Gospodarik, M. M. Kovalev. — Minsk : Izd. tsentr BGU, 2015. — 152 s.

3. Статистика ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx. — Дата доступа: 02.12.2018.

4. Енин, Ю. И. Инновационный менеджмент / Ю. И. Енин, Н. А. Подобед. — Минск : БНТУ, 2015. — 98 с.

Enin, Yu. I. Innovatsionnyy menedzhment / Yu. I. Enin, N. A. Podobed. — Minsk : BNTU, 2015. — 98 s.

5. Подобед, Н. А. Социально-экономические приоритеты развития инфраструктуры товарного рынка в Республике Беларусь / Н. А. Подобед // Весн. Нац. акад. навук Беларусі. — 2014. — № 2. — С. 117–123.

Podobed, N. A. Sotsial'no-ekonomicheskie prioritety razvitiya infrastruktury tovarnogo rynka v Respublike Belarus' / N. A. Podobed // Vesn. Nats. akad. navuk Belarusi. — 2014. — № 2. — S. 117–123.

6. Ковалев, М. М. Транспортная логистика в Беларуси: состояние, перспективы : монография / М. М. Ковалев, А. А. Королева, А. А. Дутина. — Минск : Изд. центр БГУ, 2017. — 327 с.

Kovalev, M. M. Transportnaya logistika v Belarusi: sostoyanie, perspektivy : monografiya / M. M. Kovalev, A. A. Koroleva, A. A. Dutina. — Minsk : Izd. tsentr BGU, 2017. — 327 s.

7. Шимов, В. Н. «Экономический пояс Шелкового пути» как транспортный маршрут и глобальный проект развития / В. Н. Шимов, А. А. Быков // Белорус. экон. журн. — 2016. — № 2. — С. 4–14.

Shimov, V. N. «Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti» kak transportnyy marshrut i global'nyy projekt razvitiya / V. N. Shimov, A. A. Bykov // Belarus. ekon. zhurn. — 2016. — № 2. — S. 4–14.

8. Енин, Ю. И. Инновационный менеджмент и маркетинг инноваций / Ю. И. Енин, А. А. Пилюттик, Н. А. Подобед. — Минск : Право и экономика, 2017. — 115 с. — (Серия «Высшее образование»).

Enin, Yu. I. Innovatsionnyy menedzhment i marketing innovatsiy / Yu. I. Enin, A. A. Pilyutik, N. A. Podobed. — Minsk : Pravo i ekonomika, 2017. — 115 s. — (Seriya «Vysshee obrazovanie»).

9. Вызовы евразийской интеграции: экономика, политика, гуманитарная сфера : монография / А. Тавадян, В. Сутыркин, В. Шимов [и др.] ; под ред. С. В. Регеды, В. В. Сутыркина. — М. : Интеграция: Образование и Наука, 2017. — 100 с.

Vyzovy evraziyskoy integratsii: ekonomika, politika, gumanitarnaya sfera : monografiya / A. Tavadyan, V. Sutyarkin, V. Shimov [i dr.] ; pod red. S. V. Regedy, V. V. Sutyrkina. — M. : Integratsiya: Obrazovanie i Nauka, 2017. — 100 s.

10. Подобед, Н. А. Формирование придорожного сервиса в Республике Беларусь / Н. А. Подобед ; под науч. ред. Ю. И. Енина. — Минск : Право и экономика, 2010. — 109 с.

Podobed, N. A. Formirovanie pridorozhnogo servisa v Respublike Belarus' / N. A. Podobed ; pod nauch. red. Yu. I. Enina. — Minsk : Pravo i ekonomika, 2010. — 109 s.

Статья поступила в редакцию 10.12.2018 г.

УДК 339.924

A. Pranevich
BSEU (Minsk)

THE COMPETITIVE ENVIRONMENT TRANSFORMATION IN THE DIGITAL ECONOMY: MODIFICATION FACTORS AND REGULATORY OPTIONS

Changes in the world competitive processes are considered in the article, which are caused by the digital transformation of the economic system. The limitations and competitive advantages of small countries in the implementation of the concept of the digital economy, the possibility of changes in their foreign economic positioning are determined. The article points to the importance of rapid response to changing competitive conditions in the Republic of Belarus and the Eurasian Economic Union from the point of view of the effects from implementation of the potential of the digital transformation and diversification of foreign economic relations.

Keywords: international competition; globalization; digital economy; integration; competitive advantage; foreign economic strategy; the Eurasian economic Union.

А. А. Праневич
доктор экономических наук, профессор
БГЭУ (Минск)

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ФАКТОРЫ МОДИФИКАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются изменения в мировых конкурентных процессах, вызванных цифровой трансформацией экономической системы. Определяются ограничения и конкурентные преимущества стран в реализации концепции цифровой экономики, возможности изменений их внешнеэкономического позиционирования. Подчеркивается важность своевременного реагирования на изменившиеся конкурентные условия Республикой Беларусь и ЕАЭС с точки зрения получения эффектов от реализации потенциала цифровой трансформации и диверсификации внешнеэкономических связей.

Ключевые слова: международная конкуренция; глобализация; цифровая экономика; интеграция; конкурентные преимущества; внешнеэкономические стратегии; ЕАЭС.

Для мировой экономики начало XXI в. — время глобальных перемен, результатом которых становятся качественные и количественные изменения, приводящие к преоб-

разованию глобального конкурентного пространства. Основными движущими силами таких изменений выступают инновационное развитие и углубление научно-производственной интернационализации; цифровая трансформация, принципиально изменяющая устройство экономической системы, традиционные рынки и их конкурентное устройство; процессы регионализации и глобализации, современный формат взаимодействия которых приводит к возникновению новой конфигурации сил в мировой экономике, усложнению форм, методов и инструментов международной конкуренции. Конкуренция по количественным показателям трансформируется в конкуренцию по качеству, учитывающую производство новых идей и технологий, скорость обработки информации и масштабность анализа. Эта трансформация кардинально меняет формы экономического поведения и методы принятия решений, а сама конкуренция превращается из абстрактного понятия в понятие, оценивающее состояние модели экономического поведения.

Основными факторами модификации конкурентных сил и качественных характеристик конкуренции в мировой экономике выступают:

- во-первых, ускорение распространения инноваций, информатизации и сетизации, вызвавшее в силу роста прозрачности территориальных границ и скорости изменений экономических процессов появление «гиперконкуренции» (*hypercompetition*), представляющей интенсивные и быстрые действия конкурентов с целью получить рыночное превосходство, направленные на разрушение в долгосрочной перспективе у соперников имеющихся конкурентных преимуществ и факторов конкурентоспособности [1];
- во-вторых, сложность прогнозирования появления нового информационного продукта, что влечет за собой возможность внезапного появления у фирм новых конкурентных преимуществ;
- в-третьих, усиление агрессивности и разнообразия в своих проявлениях межгосударственной конкуренции, в силу роста протекционистских тенденций, когда на смену торговому протекционизму приходит валютный, использующий потенциал курсовой политики; обострение как горизонтальной или внутриуровневой конкуренции — борьбы за рынки сбыта, так и вертикальной или межуровневой — борьбы за различные ресурсы (финансовые, интеллектуальные);
- в-четвертых, рост экономического влияния НТП, конвергенция отраслей и технологий, вызвавшие трансформацию форм капитала и механизма их функционирования, привели к возникновению нового типа гиперконкурентных инновационных интегрированных компаний [2], изменению условий межотраслевой конкуренции.

Влияние этих факторов предопределило постепенный переход от традиционной, характерной для индустриальной эпохи ценовой конкуренции к конкуренции информационно-сетевой эпохи. Отличительными чертами которой становятся:

- гиперконкуренция новых знаний и продуктов, брендов и компетенций, когда основным конкурентным преимуществом становится способность меняться;
- интеграция возможностей в создании новой ценности, нового продукта, который может использоваться неограниченным кругом лиц, без потери потребительских свойств;
- уменьшение значения географического положения в определении конкурентных преимуществ и конкурентоспособности хозяйствующих субъектов;
- появление на рынках новых субъектов — информационных посредников, способных оказывать существенное влияние на правила игры на нем в связи с накоплением значительных массивов данных на всех связанных рынках;
- появление сетевых эффектов, возможности конкурентного подрыва — неожиданного появления конкурентных преимуществ у новичков рынка как со стороны спроса, так и со стороны предложения;
- новым источником прибыли и фактором конкурентоспособности бизнеса становится цифровой и креативный капитал;

- изменение объекта приложения конкурентных усилий, когда основное внимание уделяется конкурентам, их слабым сторонам;

- изменения стратегии конкуренции и методов ее реализации в направлении формирования краткосрочных, постоянно генерируемых тактических преимуществ.

В таких условиях для малых стран, уязвимых в силу естественных ограничений (размера рынка, отсутствия стратегических ресурсов), появляется возможность нивелирования узости внутреннего рынка, более глубокой интеграции в глобальные процессы на основе расширения ее участия в системе мирохозяйственных связей, модификации внешнеэкономической стратегии в направлении формирования новых конкурентных преимуществ на глобальных и региональных рынках, использования потенциала внешнеторговых альянсов [3].

Анализ мирового опыта показал, что основными инновационными внешнеэкономическими стратегиями малых стран в современных условиях являются стратегии, ориентированных на изменение специализации, когда ставка делается на развитие высококонкурентных и высокотехнологичных отраслей экономики, инновационное развитие (Финляндия — телекоммуникационные технологии; Дания — биотехнологии и производство инсулина, Швеция — производство шарикоподшипников; Люксембург — производство промышленного пластика; Нидерланды — производство цветов). Эти страны создали нишевые производства с высокой долей наукоемкости.

Однако реализация данной модели позиционирования имеет определенные ограничения. Например, колебания мировых цен на товары специализации могут негативно сказаться как на странах — поставщиках сырья, так и на странах — поставщиках высокотехнологичной продукции. Так, падение спроса на мобильные телефоны и услуги связи, может негативно отразиться на концерне «Nokia», объем продаж которого превышает 30 млрд евро, что составляет 15 % ВВП Финляндии. Для Дании — лидера в строительстве ветряных турбин (38 % мирового производства), рентабельность отрасли обеспечивается административной, налоговой и прямой финансовой поддержкой Евросоюза и его стран-членов, что становится высокорисковым проектом в периоды кризиса.

Необходимо отметить, что в условиях высокой динамики современных мировых рынков конкурентоспособность национальной экономики не может долгое время обеспечиваться одними и теми же конкурентными преимуществами или избранной специализацией, которые имеют естественные пределы исчерпаемости [4]. Также не могут гарантировать успех для хозяйствующих субъектов наличие человеческого капитала, высоких технологий и достижений в сфере НИОКР.

Оценка внешнеэкономического позиционирования Республики Беларусь показывает, что основной ресурс роста конкурентного потенциала — масштаб внешней торговли для национальной экономики практически исчерпан. Переход к интенсификации внешнеэкономической деятельности связан с переходом на инновационное развитие, ростом экспорта услуг, прежде всего ИКТ, переформатированием интеграционных связей и повышением их эффективности на основе развития двусторонних связей в направлении «страна-страна» и связей в рамках ЕАЭС в направлении «блок-блок», участия в процессах трансрегионализации. И если потенциал инновационного и инвестиционного развития имеет естественные пределы, то расширение внешнеэкономических связей за счет переформатирования интеграционного сотрудничества имеет одно ограничение — наличие конкурентоспособной продукции или производителя.

В Республике Беларусь приняты Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики», Госпрограмма развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, однако переход к цифровой экономике сталкивается с определенными проблемами внутреннего и внешнего характера. Внутренние связаны с нехваткой инвестиционных ресурсов на реализацию проектов и дальнейшее поддержание работоспособности ИТ-систем; кадровым обеспечением «цифровой революции», как ИТ-специа-

листов, так и пользователей, способных правильно и эффективно использовать инновационные технологии; недостаточно развитой инфраструктурой (низкая пропускная способность каналов связи, отсутствие доступа к мобильному интернету, недостаток центров обработки данных и т.п.).

Внешние определяются высокой цифровой импортозависимостью экономик стран ЕАЭС; низкой долей участия стран в международной конкуренции по созданию добавленной стоимости в цифровой экономике и низкой долей товаров ИКТ в экспорте; низкой степенью коммерциализации (доступ к патентам и лицензиям) и защиты интеллектуальной собственности, нахождением России в условиях длительных санкций и закономерности захвата технологической основы промышленного и информационного развития американскими, азиатскими и европейскими компаниями.

Наличие этих проблем подтверждается и тем, что доля товаров ИКТ в странах ЕАЭС меньше 1 % (наибольшие показатели у России и Беларуси — 0,5 и 0,62 соответственно), при средней мировой доле 12,25 % и доле товаров ИКТ в развитых странах — 5,88 % (2016 г.) (табл. 1).

Таблица 1. Доля товаров ИКТ, в процентах от общей торговли, ежегодно, 2010–2016 гг.

Страна	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Армения	0,75	0,73	1,26	0,16	0,26	0,15	0,18
Беларусь	0,50	0,38	0,63	0,66	0,56	0,52	0,62
Казахстан	0,05	0,14	0,44	0,33	0,84	0,19	0,16
Кыргызстан	0,56	0,24	0,08	0,06	...	0,07	0,37
Россия	0,22	0,24	0,31	0,42	0,80	0,81	0,50

Источники: составлено автором на основе данных ЮНКТАД.

Приоритет на использование ИТ для повышения конкурентоспособности стран в мире уже сделан Бразилией, Индией, некоторыми странами Азиатско-Тихоокеанского региона, которые показывают ежегодные двузначные темпы роста. Для сравнения, доля товаров ИКТ в торговле стран НИС — 20,84 %.

При этом следует отметить, что в данных регионах сохраняются существенные барьеры на пути роста ИТ-услуг (табл. 2).

Таблица 2. Основные барьеры на пути роста и развития производства ИТ-услуг

Регион	Развитые страны	Азиатско-Тихоокеанский регион	Латинская Америка и Карибский бассейн	Ближний Восток и Африка	Страны с переходной экономикой
1	2	3	4	5	6
Ограниченные возможности отечественных компаний ИТ-сектора	13 %	38 %	45 %	43 %	50 %
Дефицит квалифицированных кадров	63 %	63 %	55 %	43 %	75 %
Ограниченность доступа к венчурному капиталу	63 %	50 %	73 %	86 %	75 %
Низкий спрос на ПО и ИТ-услуги со стороны частных предприятий	25 %	25 %	18 %	57 %	50 %
Отсутствие государственных закупок программного обеспечения и ИТ-услуг	13 %	50 %	45 %	71 %	50 %

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6
Ограниченность спроса на экспортных рынках	13 %	25 %	18 %	29 %	25 %
Недостаточность защиты прав интеллектуальной собственности	25 %	25 %	27 %	14 %	0 %
Большие масштабы компьютерного пиратства ПО	0 %	13 %	45 %	29 %	25 %
Неблагоприятный климат для деловой активности в целом	13 %	13 %	27 %	14 %	50 %

Источники: составлено автором на основе данных [5].

Результаты показывают, что инновационное развитие напрямую зависит от конструктивного взаимодействия государства и частного бизнеса, коммерческого и некоммерческого сектора, научно-исследовательских организаций. Участие государства проявляется не только в финансовых формах, но прежде всего в виде создания и поддержания конкурентного режима, изменения законодательства в соответствии с требованиями инновационного развития, поддержки инновационных инициатив других секторов и т.д. Кроме того, содействие государства национальным компаниям в освоении современных цифровых технологий может идти как минимум еще по трем направлениям.

1. Поощрение конкуренции, создание условий для равной конкуренции. Влияние транснациональных корпораций, высокая динамика трансформации и формирования новых многосторонних рынков, складывающихся монопольных и олигопольных кластеров требует разработки новых подходов к формированию конкурентной политики как отдельными государствами, так и в рамках единой конкурентной политики ЕАЭС. С другой стороны, цифровая экономика развивается одновременно по столь широкому спектру направлений, что ее невозможно построить за счет усилий ограниченного круга компаний, даже в случае наделения их государством особыми полномочиями и ресурсами. Поэтому значение в данной области государственно-частного партнерства существенно возрастает.

2. Содействие формированию и восстановлению инновационной инфраструктуры, в результате реализации поддержки:

а) начальных этапов разработки новшеств, обслуживания завершающих этапов освоения инноваций через создание своих инновационных управляющих компаний с использованием принципа «встречного инновационного перехода»;

б) разработки, освоения новых и модернизации действующих технологий в виде создания малых инновационных предприятий;

в) продвижения на внешние рынки, включая предоставление маркетинговой информации, поддержание участия на зарубежных выставках и конференциях, предоставление субсидий и гарантий по экспортным кредитам, компенсацию затрат на патентование, формирование инвестиционных фондов, нацеленных на проведение сделок по слияниям и поглощениям за рубежом.

3. Реализация интеграционного потенциала для получения синергетического эффекта и дивидендов всеми участниками ЕАЭС, на основе цифровизации взаимодействия участников рынка, совершенствования и цифровой трансформации антимонопольного и конкурентного законодательства.

Источники

1. *D'Aveni, R.* Hypercompetition: Managing the Dynamics of Strategic Maneuvering / R. D'Aveni. — New York : The Free Press, 1994. — P. 57.
2. *Дятлов, С. А.* Новая роль и функции глобальных инновационных гиперконкурентных компаний в современной экономике / С. А. Дятлов, Т. А. Селищева // Вестн. РУДН. Сер. Экономика. — 2014. — № 3. — С. 127–135.
Dyatlov, S. A. New role and functions of global innovation hypercompetitive companies in the modern economy / S. A. Dyatlov, T. A. Selishcheva // Bull. of RUDN, Ser. Economy. — 2014. — № 3. — P. 127–135.
3. *Праневич, А. А.* Факторы конкурентоспособности малых стран и особенности их формирования в Республике Беларусь / А. А. Праневич // Экономический вестник университета. Сборник научных трудов ученых и аспирантов / Переяслав-Хмельниц. гос. пед. ун-т им. Григория Сковороды. — 2015. — № 26-1. — С. 86–92.
Pranevich, A. A. Factors of competitiveness of small countries and features of their formation in the Republic of Belarus / A. A. Pranevich // Economic Bulletin of the University. Collection of scientific works of scientists and graduate students / Pereyaslav-Khmel'nitsky State Ped. Univ. named Gregory Skovoroda. — 2015. — № 26-1. — P. 86–92.
4. *Праневич, А. А.* Инновации и инвестиции как источники международной конкурентоспособности стран: проблемы и возможности Республики Беларусь / А. А. Праневич // Проблемы стратегического развития межстрановой интеграции национальных инновационных систем Союзного государства : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф., 11 нояб. 2016 г. — М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. — С. 179–182.
Pranevich, A. A. Innovations and investments as sources of international competitiveness of countries: problems and opportunities of the Republic of Belarus / A. A. Pranevich // Problems of strategic development of inter-country integration of national innovative systems of the Union State : coll. of sci. papers of the intern. sci.-practical conf., 11 Nov. 2016. — Moscow : REU named after G. V. Plekhanov, 2016. — P. 179–182.
5. *Бейли, М. Н.* Устранение барьеров на пути экономического роста [Электронный ресурс] / М. Н. Бейли, Д. Фаррелл // IMF. — Режим доступа: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2006/03/pdf/baily.pdf>. — Дата доступа: 03.09.2018.
Bailey, M. N. Removal of barriers to economic growth [Electronic resource] / M. N. Bailey, D. Farrell // IMF. — Access mode: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2006/03/pdf/baily.pdf>. — Date of access: 03.09.2018.

Статья поступила в редакцию 27.12.2018 г.

УДК 336.77

O. Puzankevich
BSEU (Minsk)

STRATEGIC FINANCIAL MANAGEMENT AS THE KEY ELEMENT IN DEVELOPMENT OF MODERN ECONOMY

The article highlights the main issues in implementation of strategic financial management as the key factor of investment economy goals actualization. The major attention is paid on key statements of strategic management organization, its goals and objects as well as the gradual stage implementation of financial strategy.

Keywords: financial strategy; financial management; financial provision; financial strategy stages; implementation mechanism; financial resources.

О. А. Пузанкевич
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются проблемы формирования стратегического финансового менеджмента как важного фактора реализации задач инвестиционной экономики. Уделяется внимание основным положениям организации стратегического финансового менеджмента, его цели и задачам, а также последовательности поэтапного выполнения финансовой стратегии.

Ключевые слова: финансовая стратегия; финансовый менеджмент; финансовое обеспечение; этапы финансовой стратегии; механизм реализации; финансовые ресурсы.

Для достижения новых вызовов инновационной экономики Республики Беларусь особенно важное значение приобретает расширение результативной деятельности субъектов реальной экономики, которые принимают участие в выполнении масштабных инновационных проектов ее развития. Реализация амбициозных задач в реальных условиях постоянного изменения внешней среды и усиления конкуренции на мировом пространстве в значительной степени зависит от результативности управления финансами хозяйствующих субъектов. Именно их финансовые ресурсы являются обязательными элементами воспроизводства, от рационального использования которых во многом зависит начало и постоянное функционирование любой организации, а также конечные результаты ее деятельности. Значимость финансовых возможностей особенно остро ощутили предприятия в период мирового финансово кризиса и рецессии. Эти явления привели к финансовым затруднениям и даже банкротству многих компаний, что отрицательно сказалось на снижении экономического роста национальных экономик и уровне жизни их населения.

В Республике Беларусь в 2013–2015 гг. наблюдался значительный рост убыточных организаций в стране. Так, за этот период количество убыточных предприятий увеличилось более чем в 2 раза (с 875 ед. в 2013 г. до 1859 ед. в 2015 г.), т.е. почти $\frac{1}{4}$ всех хозяйственных субъектов на микроуровне закончили свою деятельность с убытками, объем которых составил 4237,8 тыс. руб. в текущих ценах. Отрицательным признаком эффективности функционирования предприятий являлось снижение рентабельности продаж, которым характеризовались почти все отрасли хозяйствования (с 9,6 % в 2012 г. до 6,6 % в 2013 г.). В данной ситуации многие белорусские предприятия ощущали недостаточность в финансовых ресурсах, что негативно сказалось на выполнении их обязательств. Характерной особенностью данного периода является высокий рост просроченной дебиторской задолженности, а также задолженности по кредитам и займам. Такая ситуация отрицательно сказывается и на своевременности погашения финансовых обязательств, соответственно и на росте просроченной кредиторской задолженности (см. рисунок).

Как видно из рисунка, просроченная дебиторская задолженность в начале 2014 г. по сравнению с предыдущим периодом возросла на 169,6 %, а непогашенные долги по кредитам и займам — на 256,1 %. Для следующих периодов, кроме 2015 г., характерным является происходящее уменьшение темпов роста дебиторской задолженности за счет принятия более активных мер по ее взысканию [1, с. 61, 177].

Темп роста просроченной задолженности организаций Республики Беларусь
(на начало года, в процентах к предыдущему году)

Источники: разработано автором.

Отрицательные явления в хозяйственно-финансовой деятельности субъектов многих стран, произошедшие в период мирового кризиса, преодолеваются на новом этапе инновационного развития, предполагающего качественный прорыв в ускорении темпов роста экономических и социальных процессов на мировом пространстве.

Одним из первостепенных факторов, обеспечивающих финансовыми ресурсами выполнение масштабных задач модернизации производственных отношений и производительных сил, является сознательное управление этими процессами.

Неслучайно в многоаспектной проблеме укрепления финансовой безопасности организаций реального сектора важное значение целесообразно уделить задачам совершенствования управления их финансовой деятельностью.

В многочисленных работах отечественных и зарубежных экономистов рассматриваются проблемы формирования новой парадигмы управления финансами предприятий, посредством обоснования объема необходимых финансовых ресурсов, их рационального использования в текущем периоде. При этом подчеркивается необходимость оптимизации финансовой базы за счет поиска и аккумуляции более дешевых источников финансирования, а также минимизации риска в процессе расходования мобилизованных ресурсов [2, 3].

Решение задач современной инновационной экономики требует модернизации важнейших элементов воспроизводственного процесса, которая предполагает крупные финансовые вложения, что в значительной мере достигается посредством осуществления эффективных инвестиционных проектов.

Достижение этой цели предполагает структурные преобразования посредством:

- совершенствования технологического цикла воспроизводственного процесса;
- повышения профессионализма кадрового потенциала;
- внедрения инновационных методов, обеспечивающих высокое качество и расширение ассортимента товаров и услуг;
- оптимизации используемых материальных и финансовых ресурсов, посредством применения прогрессивных методов обоснования их объема и расходования, а также эффективной переработки отходов.

В таких условиях текущий финансовый менеджмент не способен в полной мере решать задачи нового этапа экономического и социального развития, который направлен на высокие темпы роста общественного производства. Обоснование и регулирование управленческих действий соответствующих процессов, как правило, реализуется в долгосрочном периоде. Поэтому обязательным становится использование стратегического финансового менеджмента. Его сущность заключается в обосновании объема финансового обеспечения, а также прогнозировании источников финансирования конкретных мероприятий. В процессе стратегического управления осуществляется постоянный контроль за результативностью выполняемых задач и достижением намечаемого экономического эффекта.

Главным продуктом стратегического финансового менеджмента является финансовая стратегия, которая характеризует основную цель и конкретные задачи, решаемые на протяжении функционирования организации.

В зависимости от внешней ситуации и масштабов кадрового и финансового потенциала осуществляется выбор формы финансовой стратегии.

Первая форма — это активная, которая предусматривает значительные темпы роста финансовых ресурсов, в том числе за счет заемных средств, несмотря на возможности высоких темпов роста. Такая стратегия предполагает получение высоких доходов, которые позволят расширить объемы производства продукции, ее реализации и естественно достичь существенного финансового эффекта.

Консервативная стратегия, так называемая стратегия пробки, решает в первую очередь проблему стабилизации производства и финансов, пытаясь ограничить свои ресурсы собственными средствами и по возможности обеспечить низкий уровень риска.

Эти две стратегии имеют свои достоинства и недостатки и поэтому во многих случаях, особенно в нестабильной экономике, отдают приоритет умеренной стратегии. Ее суть заключается в выборе метода более умеренного роста финансовых ресурсов и их вложений для удержания своих позиций рынке, при условии невысоких рисков. Эта стратегия требует всестороннего обоснования и соответственно и принятия эффективных финансовых решений [4].

Несмотря на разновидность выбранной финансовой стратегии, в каждой из них в первую очередь определяется ее главная цель в зависимости от обоснованных направлений совершенствования процесса производства и реализации продукции. Одновременно для последовательного достижения этой цели определяются конкретные задачи, решаемые на всех этапах реализации намеченной стратегии. В наиболее общем виде их логическая структура отражается в следующих управленческих действиях:

- 1) исследование внешней среды и идентификация производственных и финансовых возможностей;
- 2) определение тенденций движения финансовых ресурсов в взаимосвязи с производственными показателями;
- 3) обоснование методики прогнозирования финансовых параметров;
- 4) разработка прогноза объема финансового обеспечения намечаемых стратегических мероприятий;
- 5) обоснование механизма поэтапного выполнения финансовой стратегии;
- 6) оценка эффективности выполнения основной цели финансовой стратегии.

Одной из особенностей стратегического финансового менеджмента является постоянный учет изменений во внешней среде. В первую очередь касающихся колебаний конъюнктуры финансового рынка, денежного обращения, изменений экономической и социальной сферы страны, регионов и предприятий. Особенностью стратегического финансового менеджмента является и то, что в первую очередь оцениваются тенденции изменения финансовых параметров во взаимосвязи с производственными данными и перспективное состояние финансового потенциала под воздействием отдельных внутренних и внешних факторов.

Таким образом, стратегический финансовый менеджмент заключается в выборе и научном обосновании финансового обеспечения стратегии развития предприятия на определенную перспективу. Современный этап общественного развития отличается расширением знаний в области методологии финансового менеджмента за счет усовершенствования методов научного обоснования финансовых заданий, аналитических способов оценки риска инвестиционного портфеля, экономико-математических моделей и нового инструментария финансового рынка. Кроме этого, стратегический финансовый менеджмент играет важную роль в реализации нового этапа общественного развития, поскольку повышает возможности рационального регулирования финансовыми ресурсами, обеспечивающими реализацию намечаемых преобразований в национальной экономике.

Источники

1. Финансы Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Минск, 2018. — 256 с.
2. Брейли, Р. Принципы корпоративных финансов : пер. с англ. / Р. Брейли, С. Майерс. — М. : Олимп — Бизнес, 2009. — С. 134.
Braley, R. Principles of Corporate Finance : transl. from Engl. / R. Braley, S. Myers. — Moscow : Olimp — Business, 2009. — P. 134.
3. Малькина, И. Н. Особенности разработки финансовых стратегий предприятий в условиях нестабильного развития экономики / И. Н. Малькина, М. В. Романовский // Финансы и бизнес. — 2015. — № 3. — С. 14.
Malkina, I. N. Features of the development of financial strategies of enterprises in an unstable economic development / I. N. Malkina, M. V. Romanovsky // Finance and business. — 2015. — № 3. — P. 14.
4. Пузанкевич, О. А. Финансовый менеджмент и его роль в управлении деятельностью предприятия / О. А. Пузанкевич // Менеджмент и маркетинг: опыт и проблемы : сб. науч. тр. / под общ. ред. И.Л. Акулича. — Минск : А.Н. Вараксин, 2018. — С. 203.
Puzankiewicz, O. A. Financial management and its role in the management of the enterprise / O. A. Puzankiewicz // Management and marketing: experience and problems : coll. of sci. papers / under the gen. editorship I. L. Akulich. — Minsk : A.N. Varaksin, 2018. — P. 203.

Статья поступила в редакцию 04.12.2018 г.

УДК 336.71:005.7(476)

I. Rabyko
BSEU (Minsk)

EFFECTIVE CORPORATE GOVERNANCE IN JOINT-STOCK COMPANIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND ITS DEVELOPMENT PROSPECTS

In the article the necessity of perfection of corporate control system by a joint-stock company is exposed for Republic Byelorussia, the stages of corporate management joint-stock companies are exposed in a republic, the necessity of creation of control system and integration by risks is grounded them in the corporate system of joint-stock company.

Keywords: corporate management; committee on risks; public accountant committee; efficiency of corporate control system.

И. Н. Рабыко
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ЭФФЕКТИВНОЕ КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

В статье раскрыта необходимость совершенствования корпоративной системы управления акционерным обществом в Республике Беларусь, этапы корпоративного управления акционерными обществами в республике, обоснована необходимость создания систем управления рисками и интеграции их в корпоративную систему акционерного общества.

Ключевые слова: корпоративное управление; комитет по рискам; аудиторский комитет; эффективность корпоративной системы управления.

Отсутствие единого понимания модели корпоративного управления в мире подчеркивает тот факт, что именно сейчас происходит существенная реформа в этой сфере. Возрастание роли частного сектора, глобализация и изменение условий конкуренции делают проблему корпоративного управления наиболее актуальной проблемой в современном деловом мире [1, с. 19]. В разных странах формируются модели корпоративного управления на опыте уже созданных систем в акционерных обществах и публичных корпорациях, с учетом исторических особенностей, требований бирж и законодательства стран.

Корпоративное управление и регулирование — это практика и изучение путей совершенствования отношений между различными заинтересованными лицами в корпорации. Корпоративное управление, прежде всего, сконцентрировано на отношениях между руководством, различными классами акционеров (меньшинство, большинство, контролирующий и т.д.) и кредиторами. Это механизмы контроля аутсайдерами инсайдеров [2].

Корпоративное управление является частью общей модели управления и контроля в акционерном обществе, в настоящее время становится все более сложным процессом и требует построения четкой организационной структуры, разграничения ответственности с целью соблюдения общих корпоративных интересов всех органов управления общества [3, с. 265]. Корпоративное управление позволяет снизить риски, которые относятся к группе стратегических и могут привести к крупным денежным потерям, снижению рейтинга, потере деловой репутации. Это особенно важно для банковской системы, где от доверия клиентов и инвесторов зависят ресурсная база, возможность обеспечить стабильную платежеспособность [4].

На современном этапе развития корпоративных систем управления акционерными обществами Республики Беларусь можно отметить, что в стране проделана значительная работа по созданию таких систем, они создаются или уже созданы. Например, в банковском секторе экономики республики, где эти системы не только созданы, но и совершенствуются, благодаря проделанной работе Национальным банком Республики Беларусь совместно с банками.

Крупнейшие предприятия республики являются акционерными обществами. Эффективной необходимостью эффективного развития акционерных обществ является повышение эффективности их деятельности и создание условий для выхода на биржи и вступление в глобальную экономическую конкуренцию. Эффективная система корпоративного управления дает экономический эффект, делает акционерные общества более устойчивыми к внешнему влиянию, позволяет оценивать и управлять рисками при до-

стижении поставленных стратегических целей и одновременно способствует выходу предприятий на международные биржи для привлечения инвестиций и международных инвесторов.

Особенностью республики является наличие как несовершенных систем корпоративного управления, например в промышленности, так и достаточно эффективных систем в банках, имеющих действенные системы корпоративного управления, с эффективными системами управления рисками, внутреннего контроля и внутреннего аудита, получившие оценку международных аудиторских организаций и позволяющие иметь выход к привлечению международных инвесторов и привлекающих международный капитал.

Рассматривая генезис создания корпоративной системы управления в акционерных обществах Республики Беларусь, можно выделить несколько этапов.

Начальным этапом создания системы корпоративного управления акционерными обществами в Республике Беларусь можно считать начало 90-х гг. прошлого столетия. Принятие Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. «О хозяйственных обществах», Закона Республики Беларусь от 12 марта 1992 г. «О ценных бумагах и фондовых биржах», дало законодательную основу созданной в настоящее время системе. В республике были созданы первые акционерные общества, но оставалось неразработанным акционерное право. На этом этапе советы директоров, как основа корпоративных систем управления, имели скорее номинальный статус наличия в системе управления акционерными обществами [5].

Вторым этапом создания системы корпоративного управления акционерными обществами способствовало принятие Приказа Министерства финансов Республики Беларусь № 293 от 18.08.2007г. «О применении Свода правил корпоративного поведения». Это способствовало изучению международного опыта корпоративного поведения, правил базирующихся на признанных в международной практике принципах корпоративного управления, разработанных Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Приказ положил основу нормам корпоративного поведения и требований к органам управления акционерными обществами. Им была определена роль эффективной деятельности совета директоров (наблюдательного совета), которая во многом обеспечивается независимостью суждений его членов. Для усиления этой функции данным приказом рекомендуется обязательное включение в состав наблюдательного совета определенного количества независимых директоров. Их должно быть не менее от состава наблюдательного совета и не менее 3 человек, что способствует формированию объективного мнения наблюдательного совета по обсуждаемым вопросам и способствует укреплению доверия инвесторов к обществу. Независимость директоров необходима от акционеров хозяйственного общества, от исполнительного органа управления для выражения объективной оценки результатов деятельности исполнительных органов общества и принятия обоснованных решений по конфликту интересов между исполнительными органами общества и акционерами.

К сожалению, нормы приказа Министерства финансов 2007 г., носили рекомендательный характер, отсутствовало понимание трактовки «независимый директор» и данная норма не нашла должного применения в акционерных обществах этого периода развития корпоративных систем управления в республике. Советы директоров имели скорее номинальный характер и реально не принимали должного участия в работе акционерных обществ.

Третий этап создания системы корпоративного управления акционерными обществами в республике связан с принятием изменений в Банковский кодекс Республики Беларусь, что способствовало внедрению принципов Базельского Комитета по банковскому надзору в банковской системе Республики Беларусь и закреплению в Банковском кодексе Республики Беларусь требований по созданию корпоративной системы управ-

ления в банках. Банковским кодексом Республики Беларусь было закреплено обязательное включение в состав наблюдательного совета банка не менее одного независимого директора, создание комитета по аудиту, который он возглавляет. Это получило развитие в постановлениях правления Национального банка Республики Беларусь: «Инструкция об организации системы управления рисками в банках, небанковских кредитно-финансовых организациях, банковских группах и банковских холдингах» № 550 от 29.10.2012., «Инструкции об организации системы внутреннего контроля в банках, небанковских кредитно-финансовых организациях, банковских группах и банковских холдингах» № 557 от 30.10.2012. Банки обязали включить в состав совета директоров не менее 2 независимых директоров, предъявив к ним высокие требования. Свою деловую репутацию они должны были подтвердить аттестацией в Национальном банке Республики Беларусь. Для усиления эффективной работы совета директоров обязательным стало создание не только комитета по аудиту, но и комитета по рискам, возглавляемые независимыми директорами [6].

Национальным банком Республики Беларусь установлен ряд требований к квалификации независимых директоров и их деловой репутации. Это должны быть специалисты высокого уровня, имеющие высшее экономическое или юридическое образование, стаж работы на руководящих должностях в банковской системе. Также это могут быть научные работники, имеющие ученые степени кандидатов и докторов наук, занимающиеся актуальными проблемами экономики и финансово-кредитной системы, аудиторы. Деловая репутация каждого независимого директора подтверждена не только соответствующими документами, но и профессиональной деятельностью. Для подтверждения своего высокого профессионального статуса и получения свидетельства независимые директора подтверждают свои теоретические и практические знания банковской деятельности и проходят аттестацию на аттестационной комиссии Национального банка. Серьезный подход Национального банка Республики Беларусь создал определенную коллизию в деятельности независимых директоров. С одной стороны, это не работники банка, это принцип их независимости. С другой стороны, это могут быть люди, у которых это становится основным местом работы. Тарифно-квалификационным справочником Республики Беларусь такая должность не предусмотрена, а ее введение создает конфликт интересов и нарушает принцип независимости. В зарубежных странах независимый директор получает вознаграждение как член наблюдательного совета и бонусы при эффективной деятельности акционерных обществ. В нашей республике независимые директора получают вознаграждение, которое определяется решением собрания акционеров акционерного общества. Оценивается их ответственность и независимость суждений в работе совета директоров по достижению банком поставленных стратегических целей; работа со значительным объемом информации и ее оценка, которая проходит через комитеты, которые они возглавляют; выражения профессионального независимого суждения по вопросам, выносимым на совет директоров; выполнение поручений председателя совета директоров; рассмотрение конфликта интересов при его возникновении между советом директоров и исполнительным органом акционерного общества и т.д.

Создание корпоративных систем управления в банковском секторе экономики позволило вывести три системы контроля деятельности акционерных обществ как обязательной контрольной среды на уровень реального участия совета директоров и их ответственности за достижение поставленных целей. В банках были созданы системы внутреннего контроля, рисков, внутреннего аудита как самостоятельно действующие, независимые друг от друга системы, выходящие на уровень совета директоров через созданные при них комитеты, возглавляемые независимыми директорами. Банковская система показала новые возможности реальному сектору экономики и акционерным обществам, прежде всего крупнейшим, по созданию и развитию корпоративных систем управления во всех отраслях.

Четвертый этап создания системы корпоративного управления акционерными обществами связан, по нашему мнению, с принятием постановления Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь «Об утверждении примерных форм корпоративного кодекса и положений о комитетах при Советах директоров» в 2015 г. В нем был обобщен опыт банковской системы республики и выработаны пути его использования в акционерных обществах с существенной долей государства. Важность данного этапа была закреплена в Методических рекомендациях по организации корпоративного управления в акционерных обществах с участием государства, постановлением Министерства экономики и Госимущества 05.07.2016 г. № 45/14. С принятием данного постановления у акционерных обществ появилась определенная методика создания корпоративного кодекса акционерного общества, позволяющая создавать эффективные системы управления, увеличить конкурентоспособность предприятий республики на рынках международного капитала. В постановлении определено количество членов советов директоров, в состав которых должны войти независимые директора возглавляющие комитеты, создаваемые при советах. Обосновано введение должности корпоративного секретаря при советах директоров. Это сотрудник, поддерживающий регулярное плодотворное общение между собственниками компании, его топ-менеджментом и советом директоров. Такой сотрудник не должен совмещать эту деятельность с выполнением иных функций в обществе. Корпоративный секретарь может иметь свой аппарат, в который по общему правилу входят работники, не являющиеся членами совета директоров, менеджерами высшего звена, работниками другого общества или членами ревизионной комиссии. Корпоративный секретарь подчинен и подотчетен совету директоров, а в административном порядке исполнителю органу.

Роль корпоративного управления для акционерного общества заключается в повышении эффективности бизнеса, инвестиционной привлекательности, укреплении репутации, позволяет снизить стоимость кредитования, увеличивает рыночную стоимость компании, повышает рыночную стоимость облигаций эмитированных акционерным обществом, способствует снижению рисков. При создании эффективных систем корпоративного управления следует создавать внутренние системы управления рисками, внутреннего контроля и внутреннего аудита. Для этого необходимо определить внешнюю и внутреннюю среду, в которой осуществляет свою деятельность акционерное общество. Это позволит определить, с какими видами рисков будет сталкиваться в процессе своей деятельности акционерное общество при достижении стратегических целей. Затем необходимо определить стратегию и политику в части управления рисками, связанную со спецификой деятельности акционерного общества. Составить исчерпывающий перечень рисков, основанный на тех рискованных ситуациях, влияющих на достижение поставленных целей, классифицировать риски по видам. Мы рекомендуем, прежде всего, руководствоваться Международным стандартом ISO 31000 «Менеджмент риска — Руководство», принятый в 2018 г., как усовершенствованный вариант первого издания данного стандарта в 2009 г. и разработанный всемирной федерацией национальных органов по стандартизации (органов — членов ISO). Данный стандарт излагает общий подход, принципы и перечень последовательных действий для выстраивания всесторонней системы рисков и управления ими, прежде всего в акционерных обществах. Стандартом риск определяется как влияние неопределенности на цели. Влияние определяется как отклонение от того, что ожидается. Оно может быть положительным и/или отрицательным и может способствовать реализации возможностей и устранению угроз, создавать или приводить к возникновению возможностей и угроз. При этом цели могут иметь различные аспекты и категории и могут применяться на различных уровнях.

Путь, который прошла Республика Беларусь по созданию систем корпоративного управления, выделение этапов создания систем корпоративного управления акционерными обществами республики подтверждают наличие достаточной нормативно-право-

вой базы и передового опыта по созданию эффективных систем корпоративного управления. Это позволяет управлять рисками при осуществлении хозяйственной деятельности, а так же контролировать эти риски системами внутреннего контроля и оценивать эффективность деятельности созданных систем управления рисками в результате проверок внутреннего аудита. Данная система способствует развитию фондового рынка и выходу акционерных обществ на международные рынки капитала.

Республика Беларусь прошла четыре этапа создания системы корпоративного управления акционерными обществами республики. В настоящее время создана нормативная правовая база и накоплен передовой опыт банковской системой по созданию эффективных систем корпоративного управления, позволяющих управлять рисками при проведении хозяйственной деятельности и достижении поставленных целей. Это позволяет получать международную оценку корпоративной системы управления и системы оценки и управления рисками, как обязательную составляющую при выходе на международные рынки капитала и привлечения международных инвесторов. Акционерные общества Республики Беларусь, находящиеся на разных этапах развития корпоративной системы управления, систем оценки и управления рисками, внутреннего контроля и внутреннего аудита, имеют возможность в кратчайшие сроки привести свои системы в соответствие международным требованиям.

Необходимость развития систем внутреннего контроля, внутреннего аудита и системы оценки и управления рисками как единого целого корпоративной системы управления акционерными обществами, позволяющих комплексно определять существенные риски, связанные с деятельностью акционерных обществ и управлять ими, позволит обеспечить большую устойчивость акционерных обществ и эффективность их деятельности. В структуре управления акционерными обществами необходимо создать департаменты или отделы по внутреннему контролю, аудиту и управлению рисками. В настоящее время пока замалчивается необходимость создания таких систем в акционерных обществах республики, по примеру банковской системы. Но мы считаем, что их необходимо создавать именно сейчас, что позволит получить эффективность управления в будущем. Это обеспечит прозрачность деятельности акционерных обществ и положительно повлияет на их имидж, увеличит рыночную стоимость и инвестиционную привлекательность.

Источники

1. Костюк, О. М. Корпоративне управління у банку : монографія / О. М. Костюк. — Суми : ДВНЗ «УАБС НБУ», 2008. — 332 с. — (Рос. мовою).

Kostiuk, O. M. Corporate management of the bank : monograph / O. M. Kostyuk. — Sumi : SHEI «UABS NBU», 2008. — 332 p. — (Russia).

2. *Krakovsky, A. Corporate governance after mass privatization: the Ukrainian perspective [Electronic resource] / A. Krakovsky // OECD. — Mode of access: <https://www.oecd.org/corporate/ca/corporategovernanceprinciples/1930613.pdf>. — Date of access: 01.10.2018.*

3. Сковрцова, Е. В. Структура органов корпоративного управления в акционерных обществах Республики Беларусь / Е. В. Сковрцова // Инновационные процессы и корпоративное управление : материалы IX Междунар. заоч. науч.-практ. конф., Минск, 15–31 марта 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т, Ин-т бизнеса и менеджмента технологий, Ассоц. бизнес-образования ; редкол.: В. В. Апанасович (гл. ред.), А. И. Ковалинский, Е. М. Минченко. — Минск : Нац. б-ка Беларуси, 2017. — С. 262–265.

Skvortsova, Ye. V. The structure of corporate governance bodies in joint-stock companies of the Republic of Belarus / Ye. V. Skvortsova // Innovative processes and corporate governance : materials of the IX Intern. Correspondence Sci. and Practical Conf., Minsk, 15–31 March 2017 / Min. Education of the Rep. of Belarus, Belarusian State Univ., Inst. of Business and Technology Management, Assoc. of Business Education ; Editorial board: V. V. Apanasovich (chief ed.), A. I. Kovalinsky, E. M. Minchenko. — Minsk : Nat. Libr. of Belarus, 2017. — P. 262–265.

4. Кузнецова, Л. В. Анализ тенденций и методов оценки корпоративного управления / Л. В. Кузнецова, В. А. Зинкевич, В. Н. Черкашенко // Банк. дело. — 2010. — № 2. — С. 20–24.

Kuznetsova, L. V. Analysis of trends and methods for evaluating corporate governance / L. V. Kuznetsova, V. A. Zinkevich, V. N. Cherkashenko // Banking. — 2010. — № 2. — P. 20–24.

5. Рабыко, И. Н. Корпоративное управление акционерным обществом в Республике Беларусь как механизм минимизации рисков международных инвесторов / И. Н. Рабыко, С. С. Ткачук // Науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т. — 2016. — Вып. 9. — С. 296–302.

Rabyko, I. N. Corporate management of a joint-stock company in the Republic of Belarus as a mechanism for minimizing the risks of international investors / I. N. Rabyko // Sci. Works / Belarus State Econ. Univ. — 2016. — Iss.9. — P. 296–302.

6. Рабыко, И. Н. Взаимоотношения независимых директоров и банка в системе корпоративного управления / И. Н. Рабыко // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. — 2015. — № 1. — С. 90–96.

Rabyko, I. N. Relationship between independent directors and a bank in a corporate governance system / I. N. Rabyko // Bull. of the Belarus State Econ. Univ. — 2015. — № 1. — P. 90–96.

Статья поступила в редакцию 03.01.2019 г.

УДК 336.7 (476)

A. Rumyantseva
BSEU (Minsk)

MONETARY POLICY IN THE CONTEXT OF THE SYNERGISTIC MANAGEMENT OF THE MONETARY SYSTEM OF THE TRANSITIVE ECONOMY

Management of any socio-economic systems begins with the most important methodological principle of synergetic management, namely, strategic planning, involving the development of a conceptual framework for social development, which allows defining its main goals and outlining prospects for the future. Strategic planning contributes not only to the direction of self-organization of the socio-economic system in the desired direction, but also to the formation of a long-term base for the growth of their confidence in the policies pursued. Strategic planning plays an important role in the sphere of monetary policy, as it allows bringing together the interests of the monetary regulator and other participants of the monetary system on a long-term basis, ensuring the interaction of all stakeholders involved in this process.

Keywords: *monetary policy; monetary system; synergetic management; self-organization; balance of interests of participants in the monetary system.*

О. И. Румянцева
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМОЙ ТРАНЗИТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

Управление любыми социально-экономическими системами начинается с важнейшего методологического принципа синергетического управления, а именно стратегического планирования, предполагающего разработку концептуальных основ общественного развития, что позволяет определить его основные цели и очертить перспективы на будущее. Стратегическое планирование способствует не только направлению самоорганизации участников социально-экономической системы в желаемое русло, но и формированию долгосрочной базы для роста их доверия к проводимой

политике. Важную роль стратегическое планирование играет и в сфере денежно-кредитной политики, так как оно позволяет сблизить интересы монетарного регулятора и других участников денежной системы на долгосрочной основе, обеспечивая взаимодействие всех заинтересованных сторон, принимающих участие в данном процессе.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика; денежная система; синергетическое управление; самоорганизация; баланс интересов участников денежной системы.

Разработка и реализация эффективной денежно-кредитной политики, обеспечивающей оптимальные денежно-кредитные условия для функционирования национальной экономики, является одним из важнейших факторов устойчивого развития государства. Особую актуальность этот вопрос приобретает для стран с транзитивной экономикой, которые в отличие от стран с развитыми рыночными отношениями характеризуются не эволюционным, а по-сути революционным ходом реформирования командно-административной системы в направлении построения рыночного хозяйства.

Важную роль в повышении эффективности денежно-кредитной политики играет использование синергетического управления, которое позволяет гармонично встроить ее в систему макроэкономического регулирования на долгосрочной основе. С одной стороны, четкое и понятное для участников денежной системы в долгосрочном периоде поведение монетарного регулятора способствует генерированию у них реалистичных ожиданий по ключевым макроэкономическим тенденциям и соответственно формированию позитивных поведенческих стратегий. С другой стороны, стратегическое планирование в сфере денежно-кредитной политики дает возможность центральному банку координировать в долгосрочном периоде направленность самоорганизации участников денежной системы. Последнее крайне важно для транзитивной экономики, требующей повышения доверия участников денежной системы к центральному банку и денежно-кредитной политике.

В контексте рассмотренного выше необходимо определить, что мы будем понимать под термином «денежная система». Как представляется, современные подходы к определению сущности денежной системы отличаются некоторой упрощенностью. Так, чаще всего под денежной системой понимают форму организации денежного обращения в стране, закрепленную законодательно. Здесь присутствует понимание денежной системы как законодательного элемента общественной системы. Поэтому выделяемые элементы национальной денежной системы ориентированы, как правило, на технические аспекты организации оборота денег в наличной и безналичной форме. Чаще всего к основным элементам денежной системы относят денежную единицу, масштаб цен, эмиссионный механизм, структуру денежного оборота, порядок определения валютного курса и др. В ряде западной учебной и монографической литературы денежная система представлена как инструмент реализации денежно-кредитной политики, что также отражает ее техническую (вспомогательную) роль.

Новый, более широкий взгляд на сущность денежной системы с выделением ее самостоятельной роли и системной сложности можно найти у М.А. Абрамовой. Под денежной системой понимается сложная саморазвивающаяся интегративная система, в рамках которой на формальной или неформальной основе организуются и регулируются на макроуровне различные формы денежных отношений, выступающие в виде товарно-денежных, денежно-кредитных, финансовых и платежных. В этом определении уже нет отмеченного ранее упрощенного понимания денежной системы. Автором подчеркивается системная сложность и интегративность данного элемента общественной системы, делается акцент на организацию в рамках денежной системы различных форм денежных отношений. Тем не менее в отмеченном определении нет акцента на участников денежной системы, на тех, кто реализует денежные отношения.

Однако данный аспект представляется крайне важным, так как денежные отношения реализуются в ходе взаимоотношений конкретных людей. Человек с присущими

ему особенностями (мышлением, рефлексией и стремлением к самоорганизации) является важнейшим элементом (субъектом) денежной системы, определяя ее специфику в той или иной экономической системе. В денежных отношениях (товарно-денежных, денежно-кредитных, финансовых, платежных) в большей степени, чем в других экономических отношениях, значимо поведение экономических агентов, которое будет определять состояние денежной системы. Это обусловлено как большим количеством участников, так и значимой ролью в них доверительных взаимоотношений. В качестве примера можно привести отток депозитов населения при снижении доверия к банкам или увеличение доли депозитов в иностранной валюте при падении обменного курса национальной валюты. Иными словами, поведение вкладчиков определяет объем и структуру банковских депозитов, влияет на ситуацию на валютном рынке.

С учетом этого целесообразно выделить такое важнейшее свойство денежной системы, как ее полисубъектность, вытекающее из того, что человек органически включен в денежную систему, является непосредственным носителем денежных отношений. Свойство полисубъектности определяет значимость доверия к центральному банку и денежно-кредитной политике как важнейшего условия эффективного взаимодействия участников денежной системы. Причем особую роль доверие приобретает в транзитивной экономике, длительно функционирующей в условиях неопределенности и несовершенства формальных институтов.

Сочетание интегративности и полисубъектности денежной системы определяют ее системную сложность, нелинейный характер и процессы саморазвития. В результате под денежной системой целесообразно понимать совокупность устойчивых формальных (закрепленных национальным законодательством) и неформальных денежных отношений между экономическими субъектами и механизм их реализации, обеспечивающий обращение денежных средств и кредитных ресурсов между ними в ходе экономической деятельности.

Состояние денежной системы обусловлено состоянием экономики в целом, так как денежные отношения являются квинтэссенцией взаимодействия всех ее секторов в процессе функционирования. Однако роль собственно денежно-кредитного сегмента, т.е. банков и небанковских кредитно-финансовых организаций как финансовых посредников, организующих денежно-кредитные и платежные отношения, важна. Ведущую роль играет центральный банк, который путем проведения денежно-кредитной политики и регулирования банковской системы определяет институциональную среду функционирования последней. Тем самым центральный банк оказывает или стимулирующее, или напротив сдерживающее воздействие на активность экономических агентов — участников денежной системы.

Взаимосвязь интегративности и полисубъектности денежной системы определяет возможности (или границы) регулирования ее основных подсистем (денежно-кредитной, товарно-денежной, бюджетно-налоговой, финансовой, платежной и др.), функционирование которых неразрывно связано с деньгами и денежными отношениями. Так, ситуация в сфере товарно-денежных, бюджетно-налоговых или, например, платежных отношений задает определенные рамки для денежно-кредитной политики, нередко ограничивая центральный банк в выборе тех или иных инструментов воздействия.

Таким образом, интегративное единство и полисубъектность денежной системы влечет за собой необходимость сближения методологических принципов регулирования денежных отношений в рамках единой макроэкономической политики страны.

В этой связи можно выделить несколько причин актуальности стратегического планирования в сфере денежно-кредитной политики как процесса ее гармонизации с другими основными элементами макроэкономического регулирования.

Во-первых, участники денежной системы должны четко представлять реализуемую в стране модель кредитования экономического роста, обеспечивающую выход нацио-

нальной экономики на сопоставимый с развитыми рыночными странами уровень развития.

Во-вторых, важно понимание ими взаимосвязи моделей кредитования и финансирования экономического роста, участия государства в финансировании отраслевых приоритетов развития (в виде целевых инвестиций, государственно-частного партнерства и пр.) В этой связи необходима гармонизация денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики на долгосрочной основе.

В-третьих, в контексте синергетического управления актуальным представляется обоснование самой модели экономического роста. Прежде всего, это касается реализации государственной функции определения желаемой структуры национальной экономики, пропорций развития хозяйственного комплекса страны. Последнее предполагает гармонизацию денежно-кредитной и промышленной политики страны на долгосрочной основе.

В-четвертых, важен учет рисков глобализации и перспектив региональной интеграции, определение роли кредитной политики в содействии формированию сопоставимого уровня развития страны в рамках регионального союза (например, расширение инвестиционного кредитования в создание новых производств, актуальных для интегрированного межстранового хозяйственного комплекса). С этих позиций необходима долговременная гармонизация денежно-кредитной и внешнеэкономической политики страны.

Базой для осуществления стратегического планирования в сфере денежно-кредитной политики, обоснования долгосрочных концептуальных направлений развития национальной денежной системы является разработка Концепции денежно-кредитной политики.

В наиболее общем виде задачи разработки отмеченного стратегического документа можно сформулировать следующим образом:

- научный анализ сложившейся ситуации, оценка синергетических эффектов взаимовлияния социально-экономических процессов и состояния денежной системы, выявление основных проблем и бифуркационных точек ее развития (когда высока вероятность резкого изменения качественных параметров денежной системы, например, резкого изменения обменного курса, роста отрицательного сальдо платежного баланса и пр.);
- прогноз формирования устойчивых позитивных тенденций в функционировании денежной системы, позволяющий снизить степень неопределенности будущего, оценить альтернативные пути ее развития, выявить проблемы, которые неизбежно потребуют своего решения;
- рациональный выбор из имеющихся возможностей развития экономики и денежной системы страны, принятие оптимальных практических решений в сфере денежно-кредитной политики.

Важнейшим вопросом обоснования Концепции денежно-кредитной политики является выбор ключевых направлений развития денежной системы, обеспечивающих выполнение стратегических целей макроэкономической политики в долгосрочном периоде с учетом специфики трансформационной экономики и поведения участников денежной системы.

Процесс разработки Концепции денежно-кредитной политики в контексте синергетической управленческой парадигмы предполагает следующие обязательные этапы (рис. 1).

В результате денежно-кредитная политика должна стать интегрированным элементом общей макроэкономической политики, т.е. стремиться не просто к финансовой стабилизации через контроль над инфляцией, но к стимулированию долгосрочных факторов экономического роста, активизации его качественных параметров. В этом случае через достижение динамического равновесия макросистемы возможно создание долговременной основы для устойчивого развития денежной системы и соответственно стабильности цен.

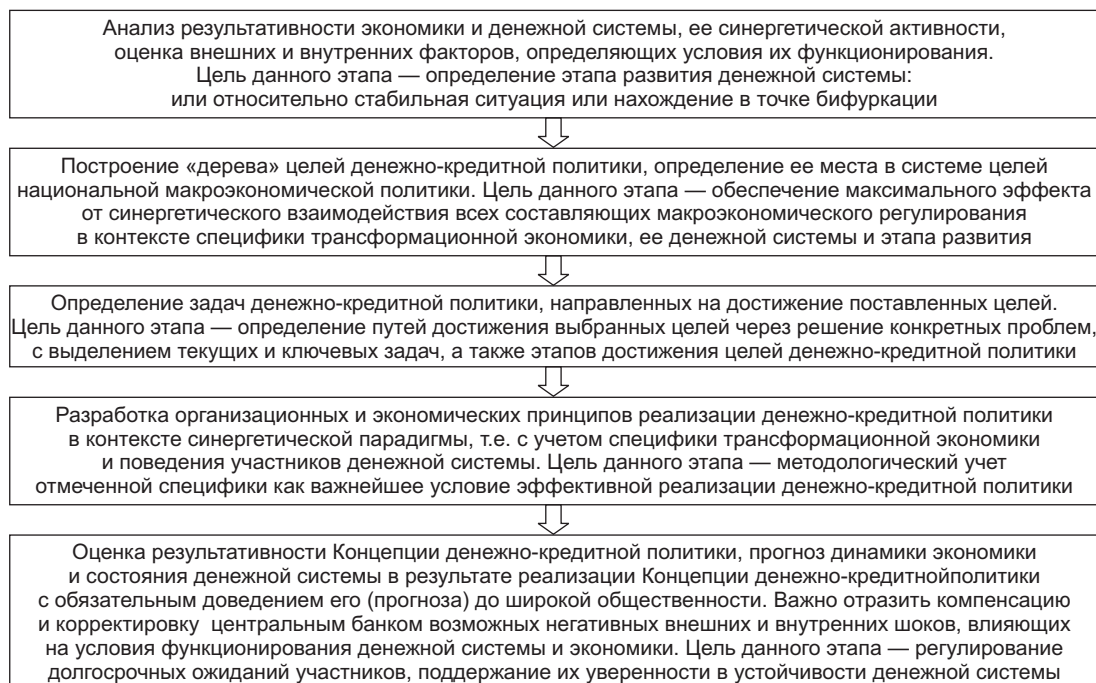

Рис. 1. Этапы разработки Концепции денежно-кредитной политики

Источники: разработано автором.

Можно предложить следующую логическую схему разработки Концепции и Основных направлений денежно-кредитной политики в контексте синергетической парадигмы (рис. 2).

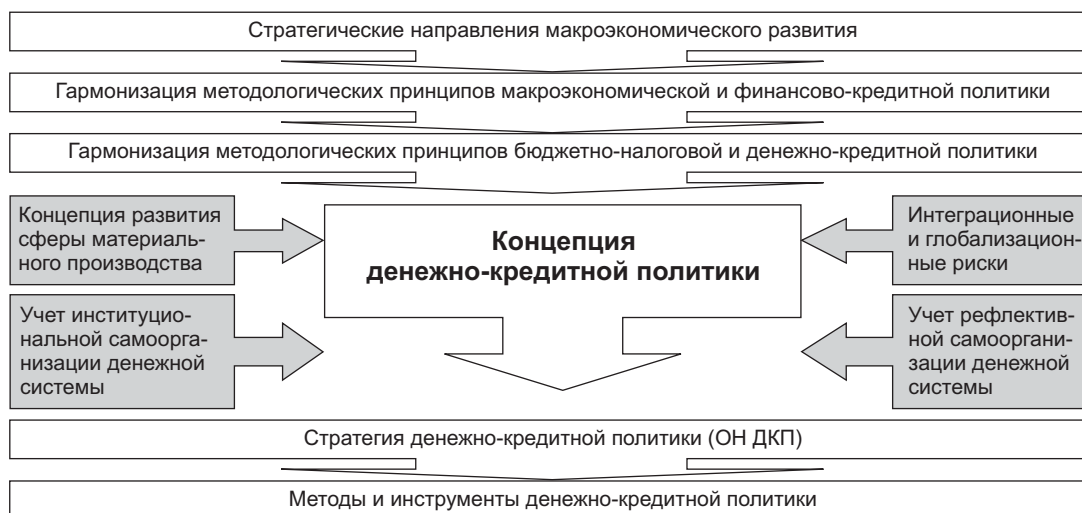

Рис. 2. Схема разработки Концепции и Основных направлений денежно-кредитной политики

Источники: разработано автором.

Среди принципов денежно-кредитной политики целесообразно выделить общие, выполнение которых важно вне зависимости от типа экономики, а также специфические, которые напротив меняют свою суть в условиях трансформационной экономики.

К общим принципам можно отнести:

- *использование синергетического управленческого подхода* — предполагает разработку и реализацию денежно-кредитной политики с учетом поведения участников денежной системы, их самоорганизации, неизбежно влияющей на эффективность деятельности монетарного регулятора. В результате эффективность денежно-кредитной политики зависит от доверия участников денежной системы к центральному банку и банкам.

Практическая значимость синергетического подхода состоит в том, что он позволяет центральному банку увидеть субъектов монетарного регулирования, оценить и направить их поведение в требуемое русло, выстроить «субъект-субъектный» подход во взаимоотношениях с ними, повысить осознание роли участников денежной системы в достижении выбранных целей. Это требует от центрального банка разработки действенных (как институциональных, так и коммуникационных) методов денежно-кредитной политики и соответствующего дополнения элементов (блоков) денежно-кредитной политики институциональной и коммуникационной политикой;

- *экономичность* — предполагает достижение максимальной эффективности монетарного регулирования с учетом заданных параметров денежной системы. Данный принцип вытекает из такого положения нелинейной онтологии, как многовариантность развития. Это означает, что выбор путей развития денежной системы обусловлен не только воздействием на нее случайных факторов, но и внутренними свойствами самой денежной системы (степенью неравновесности и пр.). Ограниченность путей развития дает возможность центральному банку выявить возможные варианты и выбрать из них тот, который в большей степени соответствовал бы как стратегическим целям денежно-кредитной политики, так и ожиданиям участников денежной системы. Практическая значимость использования данного принципа состоит в обосновании выбора денежно-кредитной политики исходя из сложившейся ситуации, задач и уровня (этапа, фазы) развития экономики, т.е. достижение наибольшей экономичности монетарного регулирования в прогнозном периоде при заданных параметрах денежно-кредитной политики;

- *стратегичность* — направленность денежно-кредитной политики на создание благоприятных условий для увеличения внутренних инвестиций в долгосрочном периоде, обуславливающих повышение конкурентоспособности национальных производителей, качества экономического роста, а также выполнения прогнозных показателей социально-экономического развития страны. В практическом плане это требует преемственности в разработке денежно-кредитной политики, удлинение горизонта ее прогнозирования, выделения стратегической и тактической ее форм реализации. Реализация данного принципа будет способствовать минимизации фактора неопределенности будущего и соответственно нежелательного поведения участников денежной системы;

- *сценарный подход* — предусматривает не только обязательный учет индикативных параметров функционирования денежной системы, но и разработку различных сценариев ее развития с выделением точек бифуркации (зон нестабильности) и оценкой рисков по каждому из них. Практическая реализация данного принципа позволит монетарному регулятору своевременно выявлять случайные факторы, которые могут оказать негативное влияние на денежную систему, оценивать их потенциал нестабильности и своевременно применять корректирующие монетарные меры.

Выделим также специфические принципы, которые меняют свое содержание в зависимости от типа экономики.

*Переход от регулирования денежной системы к ее управлению*¹. Если в отношении рыночной экономики правомерно говорить о монетарном регулировании, так как участники денежной системы здесь длительное время вырабатывали оптимальные правила своего функционирования, то применительно к условиям трансформационной экономики это представляется не вполне обоснованным. Последняя не имела времени для эволюционной рыночной трансформации административных (базовых) институциональных форм, по причине чего поведение участников денежной системы здесь будет отторгать чуждые (рыночные) структуры, снижая их эффективность. Задача центрального банка в этом случае — понять специфику денежной системы и постепенно перенаправить поведение ее участников в рыночное русло через соответствующее монетарное управление. Практическая реализация данного принципа предполагает задействование применительно к денежной системе трансформационной экономики управленческих мер стабилизационного характера, в том числе тех, которые могли бы открыть возможность стимулирования ускорения ее развития.

Независимость центрального банка от исполнительной власти — еще один широко обсуждаемый сегодня принцип реализации денежно-кредитной политики в рыночной экономике. Данный принцип зачастую представляется панацеей в борьбе с инфляцией — чем выше степень независимости центрального банка, тем ниже темпы инфляции в стране². Однако в контексте синергетического управления методологически неверно говорить о независимости центрального банка, так как это государственный орган, реализующий совместно с прочими государственными органами единую макроэкономическую политику. Иными словами, центральный банк входит в систему органов государственного регулирования, где конечный результат зависит от степени согласованности действий всех элементов системы. В результате этого у последней возникает эффект эмерджентности, т.е. появляются новые возможности, новые системные свойства, которые недоступны отдельным ее элементам. Поэтому когда говорят о независимости центрального банка, например, в выборе типа денежно-кредитной политики, монетарных целей, методов и инструментов, нужно понимать, что эти и другие ее характеристики не могут быть независимыми от макроэкономической политики в целом.

В этой связи представляется целесообразным говорить не о независимости центрального банка от исполнительной власти, а о согласованности денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики, предполагающей единство методологических подходов к регулированию денежной системы. Это означает достижения консенсуса органов монетарного и финансового регулирования в отношении путей перехода денежной системы трансформационной экономики на рыночные принципы функционирования.

В практической плоскости реализация данного принципа предполагает перемещение акцента от проблемы независимости центрального банка к согласованию концептуальных подходов в управлении денежно-кредитной и бюджетно-налоговой сферой в стране, адаптации их к специфике трансформационной экономики, обеспечению эффективного процесса их координированного взаимодействия в рамках единой макроэкономической политики страны.

Транспарентность деятельности центрального банка является сегодня еще одним важнейшим принципом разработки и реализации денежно-кредитной политики, на основе которого экономические агенты формируют свое поведение и ожидания. Реа-

¹ Как известно, процесс регулирования заключается в изменении параметров системы в рамках заданных правил, тогда как управление включает в себя разработку таких правил, планирование и организацию их исполнения, контроль и регулирование, а также последующий анализ полученных результатов. Соответственно управление денежной системой представляет собой процесс разработки правил по всем частям управленческого цикла, к которым относится и регулирование (прим. автора).

² Представляется методологически верным перевернуть данное утверждение «наоборот»: чем ниже темпы инфляции в стране, тем более стабильна денежная система, поэтому возможна большая степень независимости центрального банка (прим. автора).

лизация принципа транспарентности призвана снижать степень асимметрии информации в обществе, способствовать снижению негативных ожиданий экономических агентов и росту доверия к монетарному регулятору.

Однако в условиях низкого уровня доверия к центральному банку со стороны участников денежной системы трансформационной экономики и недостаточности финансовой грамотности населения целесообразен переход от политики транспарентности к коммуникативной политике. Последняя принципиально отличается от политики транспарентности, так как предполагает не просто донесение той или иной информации до участников денежной системы, но и обязательное ее разъяснение, а также получение ответной реакции участников денежной системы. Именно коммуникативная политика должна рассматриваться как неотъемлемый компонент денежно-кредитной политики в трансформационной экономике, ее своеобразный психологический «инструмент», так как коммуникация не только направляет рынку те или иные сигналы, но, что важно, создает основы для повышения доверия к монетарному регулятору и, соответственно, к национальной валюте.

Источники

1. *Абрамова, М. А.* Национальная денежная система: теория, методология исследования, концепция развития в условиях модернизации современной экономики : монография / М. А. Абрамова. — М. : Курс : ИНФРА-М, 2013. — 380 с.
Abramova, M. A. National monetary system: theory, research methodology, concept of development in the context of the modernization of the modern economy : monograph / M. A. Abramova. — Moscow : Course : INFRA-M, 2013. — 380 p.
2. Деньги, кредит, банки : учебник / под ред. Г. И. Кравцовой. — Минск : БГЭУ, 2017. — 628 с.
Money, credit, banks : textbook / ed. by G. I. Kravtsova. — Minsk : BSEU, 2017. — 628 p.
3. Деньги. Кредит. Банки / под ред. О. И. Лаврушина. — М. : КноРус, 2010. — 489 с.
Money. Credit. Banks / ed. by O. I. Lavrushin. — Moscow : KnoRus, 2010. — 489 p.
4. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика : учеб. для вузов / Э. Дж. Долан [и др.] ; пер. с англ. В. Лукашевича [и др.] ; под общ. ред. В. Лукашевича. — М., 1996. — 448 с.
Money, banking and monetary policy: a textbook for universities / E. J. Dolan [et al.] ; transl. from Engl. V. Lukashevich [et al.] ; under total ed. V. Lukashevich. — Moscow, 1996. — 448 p.
5. *Егоров, Д. Г.* Самоорганизация экономического процесса с позиций нелинейной термодинамики / Д. Г. Егоров, А. В. Егорова // Обществ. науки и современность. — 2003. — № 4.
Egorov, D. G. Self-organization of the economic process from the standpoint of nonlinear thermodynamics / D. G. Egorov, A. V. Egorova // Social Sciences and Modernity. — 2003. — № 4.
6. *Кузнецов, Б. Л.* Теория синергетического рынка / Б. Л. Кузнецов, С. Б. Кузнецова. — Набережные Челны : Изд-во Кам. инженер.-экон. акад., 2009. — С. 68.
Kuznetsov, B. L. Theory of Synergistic Market / B. L. Kuznetsov, S. B. Kuznetsova. — Naberezhnye Chelny : Kama Acad. of Engineering and Economics Publ. House, 2009. — P. 68.
7. *Потапов, Г. П.* Информационно-синергетические аспекты развития социально-экономических систем : монография / Г. П. Потапов. — Нижнекамск : Изд-во НФ КГТУ им. А. Н. Туполева, 2009. — 122 с.
Potapov, G. P. Information and synergistic aspects of the development of socio-economic systems : monograph / G. P. Potapov. — Nizhnekamsk : Publ. house of the NF KSTU named after A. N. Tupolev, 2009. — 122 p.

Статья поступила в редакцию 14.12.2018 г.

STRUCTURAL ANALYSIS OF PRODUCTION IN THE REGIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article provides a comparative analysis of the production sphere at the regional level in 2011 and 2016. Some factors that influence the development of the main types of economic activity in the production sphere of the regions are highlighted, a comparative analysis of the GRP per capita in the regions and the city of Minsk is carried out. In conclusion, the author identified promising areas of development for the production of the regional economic system, the implementation of which will contribute to regional economic development.

Keywords: region; production area; gross regional product; transformation; localization index; production structure; Republic of Belarus; analysis; region; directions for improvement.

И. Н. Русак
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ СФЕРЫ ПРОИЗВОДСТВА В РЕГИОНАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье проведен сравнительный анализ сферы производства на региональном уровне в 2011 и 2016 гг. Выделены некоторые факторы, оказывающие влияние на развитие основных видов экономической деятельности сферы производства регионов, проведен сравнительный анализ ВРП на душу населения в разрезе областей и г. Минска. В заключение автором определены перспективные направления развития сферы производства региональной экономической системы, реализация которых будет способствовать региональному экономическому развитию.

Ключевые слова: регион; сфера производства; валовой региональный продукт; трансформация; индекс локализации; структура производства; Республика Беларусь; анализ; область; направления совершенствования.

Региональная воспроизводственная система Республики Беларусь является приоритетной сферой при проведении анализа структуры экономики, исследовании экономического роста и выявлении потенциальных направлений стратегического развития экономики.

Вопросы, связанные со структурной трансформацией экономики, являются достаточно актуальными и отражены в трудах белорусских ученых, среди которых можно отметить работы М.В. Мясниковича, В.Н. Шимова, В.С. Фатеева, Л.Н. Нехорошевой, Я.М. Александровича, А.В. Богдановича, Н.И. Богдан, Н.Г. Берченко, Т.С. Вертинской и ряда других ученых [1–8].

Целью проведенного исследования является рассмотрение структуры экономики региона с акцентом на изучение сферы производства и выявление факторов, оказывающих влияние на ее развитие.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач, среди которых отражение динамики доли сферы производства и доли сферы услуг в общем объеме выпуска на уровне областей; подробный анализ сферы производства на уровне областей Республики Беларусь; выявление специализации сферы производства; определение факторов, оказывающих влияние на сферу производства регионов Республики Беларусь.

Структурная трансформация экономики в Республике Беларусь заключается в увеличении доли сферы услуг в общем объеме выпуска и постепенном сокращении сферы

производства. На региональном уровне значительные изменения характерны для г. Минска, в общем объеме выпуска которого доля сферы услуг возросла с 52,7 % в 2011 г. до 64,2 % в 2016 г. Однако на уровне областей наблюдается тенденция превалирования в общем объеме сферы производства и сокращение ее за период 2011–2016 гг. на несколько процентных пунктов (рис. 1).

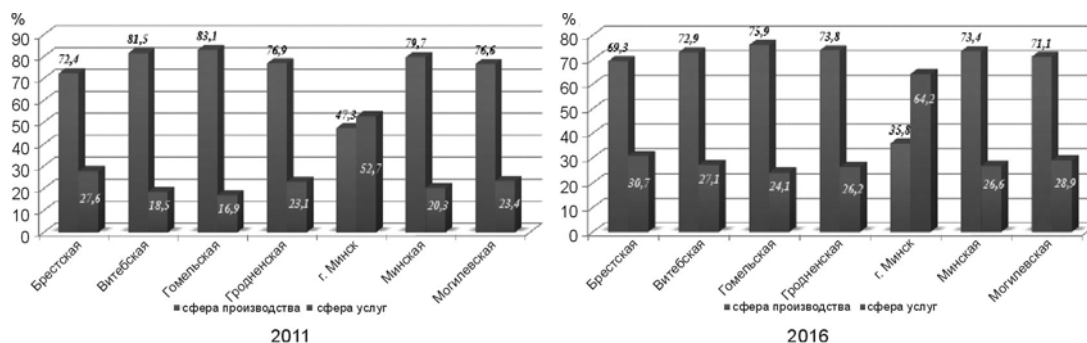

Рис. 1. Доля сферы производства и сферы услуг в общем выпуске в разрезе областей, %

Источники: разработано автором на основе [9].

Практически во всех областях доля сферы производства в 2016 г. в общем объеме выпуска составляет более 70 % (в Брестской области — 69,3 %), что говорит о низких темпах трансформационных изменений в региональной экономической системе Республики Беларусь.

Анализ динамики валового регионального продукта (далее — ВРП) на душу населения в разрезе областей, выраженный в долларах США показал, что в 2011 г. данный показатель выше уровня 2016 г., что говорит о недостаточных темпах восстановления экономики регионов в послекризисный период (рис. 2).

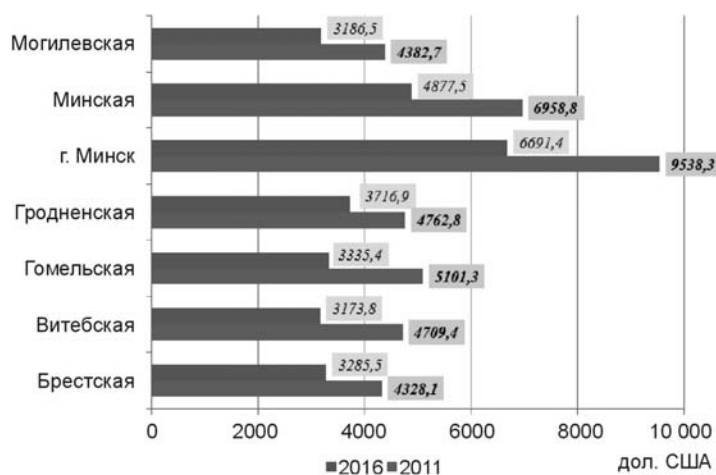

Рис. 2. Распределение регионов по виду экономической деятельности «строительство» в структуре производства

Источники: разработано автором на основе [9].

Таким образом, на данный момент сформировались две существенные проблемы в региональной экономической системе Республики Беларусь: объем ВРП на душу населения не достиг в 2016 г. уровня 2011 г., а сфера услуг в общем объеме выпуска товаров увеличивается незначительными темпами, сохраняя при этом высокую долю сферы производства, характеризующуюся значительным износом основных производственных фондов и низкими темпами роста уровня жизни населения в регионах.

Расчеты коэффициента локализации областей и г. Минска (отношение соотношения доли объема выпуска *i*-го вида экономической деятельности региона в объеме валового выпуска в стране с долей объема занятых региона в общем объеме занятых в стране) за 2011 и 2016 гг. также подтверждают существующий экономический разрыв между столицей и областями (см. таблицу).

Коэффициент локализации областей и г. Минска

Вид экономической деятельности	Брестская		Витебская		Гомельская		Гродненская		г. Минск		Минская		Могилевская	
	2011	2016	2011	2016	2011	2016	2011	2016	2011	2016	2011	2016	2011	2016
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	1,26	1,39	1,28	1,14	1,03	1,19	1,38	1,43	0,02	0,01	1,63	1,52	1,20	1,18
Снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом	0,71	0,90	2,38	1,68	1,07	1,12	0,75	1,11	1,06	1,03	0,29	0,50	0,82	0,84
Горнодобывающая промышленность	0,90	1,26	0,39	0,49	5,23	4,87	0,15	0,16	0,01	0,01	0,44	0,52	0,05	0,06
Обрабатывающая промышленность	0,59	0,84	1,39	1,20	1,53	1,38	0,81	1,00	0,84	0,64	1,09	1,30	0,80	0,90
Водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,84	0,82	0,99	1,06	1,17	1,16	0,94	0,93	0,63	0,87	1,37	1,12	1,34	1,17
Строительство	0,95	0,80	0,64	0,80	0,88	0,87	0,96	1,22	0,91	0,94	1,23	1,54	0,96	0,77
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	0,54	0,59	0,64	0,66	0,45	0,54	0,52	0,59	2,35	2,09	0,80	0,95	0,47	0,52
Транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность	0,86	0,94	0,73	0,75	0,97	0,96	0,58	0,63	1,94	1,66	0,49	0,80	0,57	0,59
Услуги по временному проживанию и питанию	0,74	0,64	0,90	0,69	0,90	0,71	0,90	0,76	1,66	1,97	0,65	0,75	0,72	0,59
Информация и связь	0,34	0,38	0,40	0,38	0,39	0,42	0,37	0,39	3,15	2,92	0,18	0,29	0,44	0,39
Финансовая и страховая деятельность	0,78	0,68	0,77	0,74	0,72	0,66	0,79	0,68	1,89	2,14	0,58	0,47	0,78	0,66
Операции с недвижимым имуществом	0,61	0,86	0,80	0,88	0,76	0,77	0,75	0,80	1,69	1,41	0,81	1,04	0,87	0,80
Профессиональная, научная и техническая деятельность	0,43	0,39	0,45	0,51	0,56	0,51	0,47	0,39	2,73	2,59	0,42	0,68	0,42	0,39

Окончание

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Деятельность в сфере административных и вспомогательных услуг	0,52	0,50	0,94	0,66	0,79	0,44	0,72	0,70	1,93	2,13	0,77	0,93	0,53	0,57
Государственное управление	0,33	0,30	0,34	0,33	0,28	0,26	0,36	0,33	0,29	0,26	0,34	0,29	0,36	0,33
Образование	0,88	0,88	0,91	0,98	0,92	0,94	0,93	0,90	0,76	0,84	0,86	0,81	0,93	0,92
Здравоохранение и социальные услуги	0,88	0,84	1,01	0,96	0,82	0,94	0,92	0,86	0,80	0,87	0,88	0,82	0,98	0,88
Творчество, спорт, развлечения и отдых	0,61	0,55	0,51	0,69	0,73	0,64	0,46	0,54	1,77	1,88	0,49	0,67	0,82	0,59
Предоставление прочих видов услуг	0,91	0,55	1,02	1,39	0,92	0,57	0,99	0,57	0,99	1,91	0,98	0,71	1,25	0,53

Источники: составлено автором на основе [9].

Как видно из таблицы, существует выраженная специализация по виду экономической деятельности «горнодобывающая промышленность» в Гомельской области, специализация по виду экономической деятельности «снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом» в Витебской области, специализация по виду экономической деятельности «сельское, лесное и рыбное хозяйство» в Минской области. Необходимо отметить также, что в 2011 г. Гомельская область специализировалась на обрабатывающей промышленности, а Минская область в 2016 г. — на строительстве. Расчетные данные коэффициента локализации по областям показывают уменьшение коэффициента в 2016 г. по сравнению с 2011 г. по перечисленным выше специализациям на уровне областей. Также необходимо отметить, что 9 из 18 расчетных видов специализации характерны для столицы.

Рассмотрим более подробно сферу производства в разрезе областей Республики Беларусь и проведем сравнительный анализ основных видов экономической деятельности за 2011 и 2016 гг. (рис. 3–8).

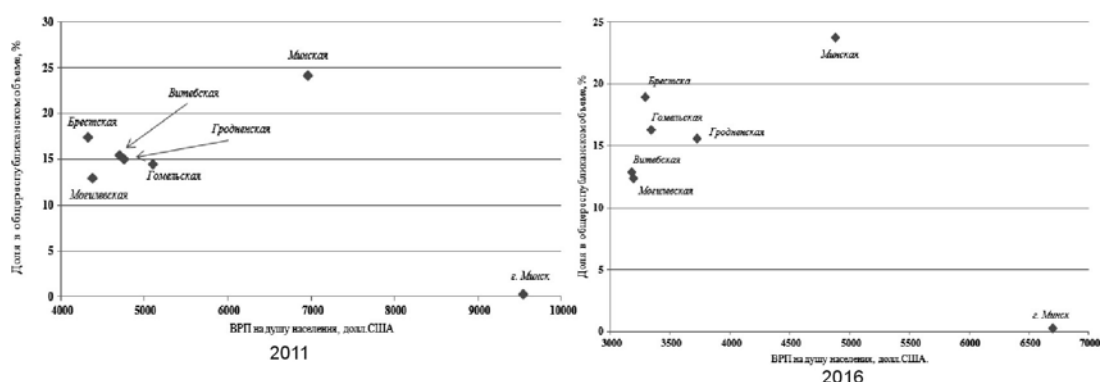

Рис. 3. Распределение регионов по виду экономической деятельности «доля сельского, лесного и рыбного хозяйства» в структуре производства

Источники: разработано автором на основе [9].

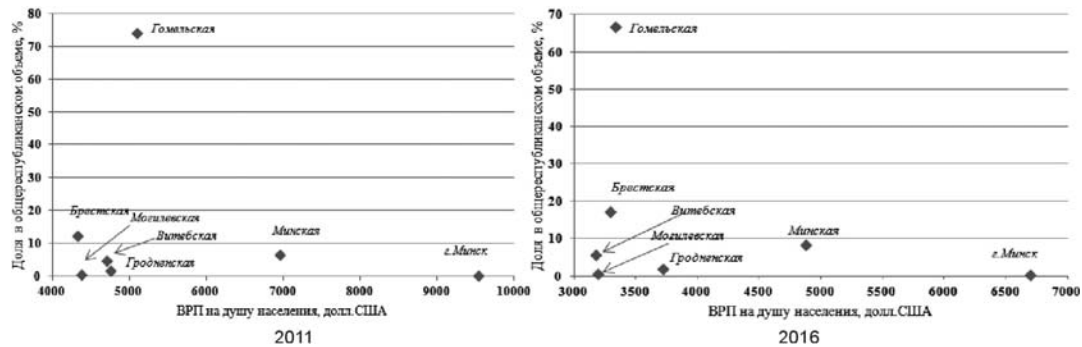

Рис. 4. Распределение регионов по виду экономической деятельности «горнодобывающая промышленность» в структуре производства

Источники: разработано автором на основе [9].

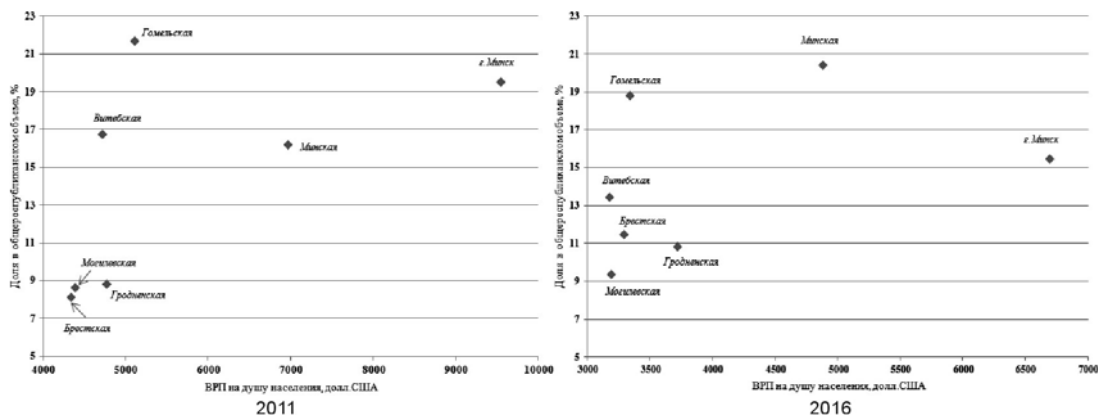

Рис. 5. Распределение регионов по виду экономической деятельности «обрабатывающая промышленность» в структуре производства

Источники: разработано автором на основе [9].

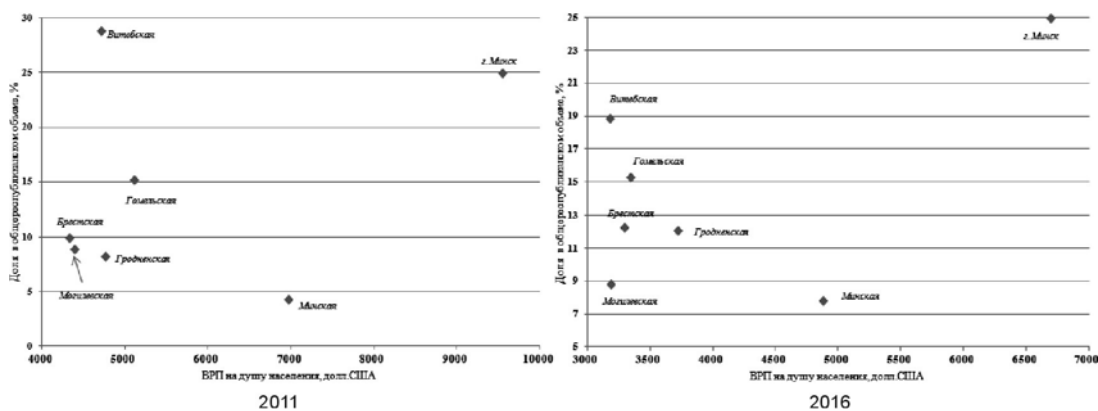

Рис. 6. Распределение регионов по виду экономической деятельности «снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом» в структуре производства

Источники: разработано автором на основе [9].

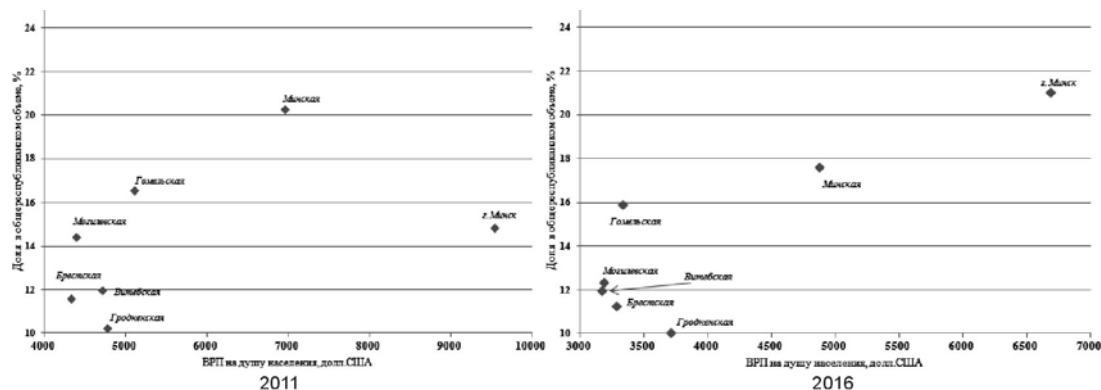

Рис. 7. Распределение регионов по виду экономической деятельности «водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений» в структуре производства

Источники: разработано автором на основе [9].

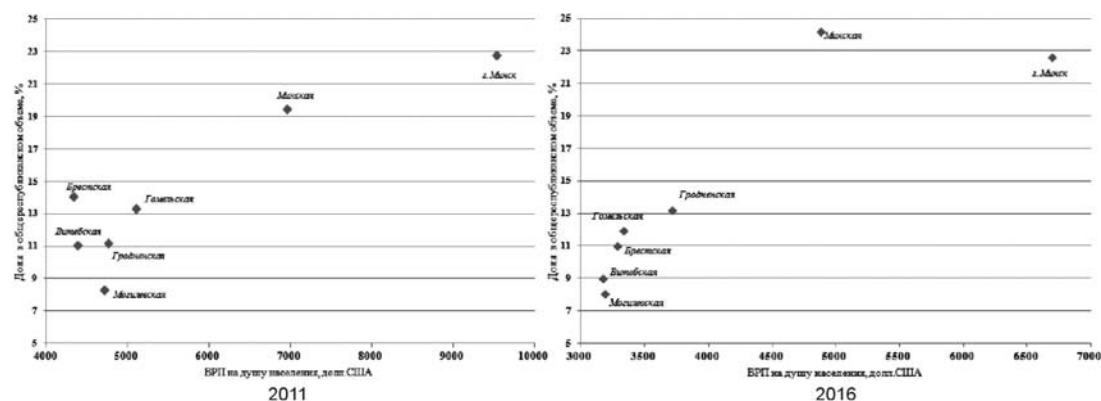

Рис. 8. Распределение регионов по виду экономической деятельности «строительство» в структуре производства

Источники: разработано автором на основе [9].

Как видно из рис. 3–8, г. Минск находится на отдельной позиции из-за значительно превышающих темпов роста ВРП на душу населения в сравнении с остальными областями и практически на лидирующих позициях по всем анализируемым видам экономической деятельности за исключением горнодобывающей промышленности, водоснабжения; сбора, обработки и удаления отходов, деятельности по ликвидации загрязнений, доли сельского, лесного и рыбного хозяйства, что подтверждается очевидными фактами отсутствия названных выше производств в столице.

По виду экономической деятельности «доля сельского, лесного и рыбного хозяйства» явным лидером является Минская область, причем необходимо отметить, что за пять лет практически ситуация не изменилась и данная область характеризуется явно выраженной специализацией в данной сфере, опережает практически в два раза остальные области Республики Беларусь (см. рис. 3), что характеризуется наличием конкурентоспособного трудового, земельного и технического потенциала области и близостью

к столице — одному из основных внутренних рынков сбыта продукции (агломерационный фактор). Незначительный рост наблюдался за 2011–2016 гг. доли Брестской области с 17,4 до 18,9 % соответственно. Возросла доля Гомельской с 14,5 % в 2011 г. до 16,3 % в 2016 г., Гродненской области с 15,1 % в 2011 г. до 15,5 % в 2016 г. Доля Витебской и Могилевской областей сократилась с 15,5 и 13 % в 2011 г. до 12,8 и 12,4 % в 2016 г. соответственно.

Сфера экономической деятельности «горнодобывающая промышленность» характеризуется ярко выраженной специализацией в данном виде Гомельской области, доля которой занимала в 2011 г. 74 %, а в 2016 г. — 66,6 % от общереспубликанского уровня, что подтверждается стопроцентным производством в данной области таких видов промышленной продукции, как нефть сырая, газ природный, и более 80 процентным производством пищевой поваренной соли. Доля Брестской области увеличилась с 2011 г. по 2016 г. с 12,5 до 17,1 %, Минской области с 6,5 % в 2011 г. до 8,1 % в 2016 г. В Витебской области наблюдался в данный период рост на 0,8 п.п., а в Гродненской рост на 0,1 п.п. (см. рис. 4). Можно сделать вывод о ярко выраженной специализации, определяющим фактором которой является наличие соответствующих природных ресурсов в Гомельской области.

Вид экономической деятельности «обрабатывающая промышленность» характеризуется сменой лидеров за 2011–2016 гг. и достаточно равномерной долевой структурой в разрезе областей (см. рис. 5). Доля Гомельской области сократилась с 21,7 % в 2011 г. до 18,8 % в 2016 г. Доля Минской области возросла с 16,2 % в 2011 г. до 20,4 % в 2016 г. Доля столицы сократилась с 19,6 % в 2011 г. до 15,5 % в 2016 г., что обусловлено скорее всего правовыми условиями ведения хозяйственной деятельности и низкими налоговыми и арендными ставками в области по сравнению со столицей. Также сокращением характеризуется Витебская область на 3,3 п.п. до 13,5 % в 2016 г. Рост наблюдался в Гродненской и Брестской областях с 8,9 и 8,2 % в 2011 г. до 10,9 и 11,5 % в 2016 г. соответственно. Обрабатывающая промышленность занимает более 80 % общего объема промышленного производства, причем каждая область вносит свой вклад в формирование объема производства в данном виде промышленности.

Характеристика структуры вида экономической деятельности «снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом» отражена на рис. 6. Витебская область и г. Минск в 2011 г. составляли суммарно 53,7 % от общереспубликанского объема (24,9 % г. Минск и 28,8 % Витебская область). Однако в 2016 г. доля г. Минска не изменилась, а доля Витебской области составила 18,8 % и сократилась на 10 п.п. Небольшой рост наблюдается в Гомельской области с 15,1 % в 2011 г. до 15,3 % в 2016 г., в Гродненской области рост составил 3,9 п.п. с 8,2 % в 2011 г. до 12,1 % в 2016 г., в Брестской также рост с 9,9 % в 2011 г. до 12,3 % в 2016 г. Могилевская область характеризуется сокращением на 1 п.п. до 8,8 % в 2016 г., а в Минской области рост составил практически 82 %: доля увеличилась с 4,3 % в 2011 г. до 7,8 % в 2016 г. Сложившаяся ситуация характеризуется развитием энергетической отрасли в регионах, строительством электростанций, возобновляемых источников энергии, использованием дополнительных ресурсов для производства электроэнергии и выделением данной отрасли в одну из приоритетных отраслей региональной экономической системы, способствующей снижению энергоемкости валового регионального продукта. Важное значение в данном распределении играет агломерационный фактор.

Вид экономической деятельности «водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений» характеризуется лидирующими позициями столицы, доля которой увеличилась с 14,9 % в 2011 г. до 21 % в 2016 г. (см. рис. 7) и сокращением доли Минской области с 20,3 % в 2011 г. до 17,6 % в 2016 г. Незначительным сокращением характеризуется Гомельская область с 16,6 % в 2011 г. до 15,9 % в 2016 г. Во всех остальных областях также отмечается тенденция уменьшения

доли в общереспубликанском объеме производства: В Могилевской области с 14,4 % в 2011 г. до 12,3 % в 2016 г.; в Гродненской области с 10,2 % в 2011 г. до 10 % в 2016 г.; в Витебской области с 12 % в 2011 г. до 11,9 % в 2016 г.; в Брестской области с 11,6 % в 2011 г. до 11,2 % в 2016 г. Данные тенденции характеризуют значительные средства, выделяемые на борьбу с последствиями катастрофы на ЧАЭС в Гомельской области, а также внедрение и использование современных технологий по обработке и удалению отходов в столице.

В «строительстве» лидерами являются г. Минск и Минская область, на суммарную долю которых приходилось в 2011 г. 42,3 % (г. Минск — 22,8 %, Минская область — 19,5 %), а в 2016 г. — 46,8 % (г. Минск — 22,6 %, Минская область — 24,2 %). Данная тенденция характеризует восстановление послекризисного состояния вида экономической деятельности и увеличение количества организаций в Минской области в связи с существующими льготами и уменьшением ставок налогов по сравнению со столицей. Также замечен агломерационный эффект, подтверждающий влияние столицы как основного рынка сбыта продукции и потребителя в данной сфере. Доля Брестской области сократилась с 14 % в 2011 г. до 11 % в 2016 г.; доля Гомельской области с 13,3 % в 2011 г. до 11,9 % в 2016 г.; доля Могилевской области с 11 % в 2011 г. до 8 % в 2016 г. (см. рис. 8). Рост наблюдался в Витебской с 8,3 % в 2011 г. до 9 % в 2016 г. и Гродненской с 11,1 % в 2011 г. до 13,2 % в 2016 г.

В обобщение можно отметить наличие конкурентоспособных социально-экономических условий в г. Минске и Минской области, характеризующихся развитыми рынками сбыта продукции, максимальным количеством учебных заведений, что обеспечивает наличие более квалифицированной рабочей силы в сравнении с остальными регионами страны, более быстрой адаптацией к развитию информационных технологий (внедрение новых стандартов продажи продукции, использование сети интернет для продажи продукции сферы производства), наличие аэропорта международного значения, Парка высоких технологий и индустриального парка «Великий камень» также обеспечивает конкурентные преимущества развитию г. Минска и области в отношении других регионов страны.

Таким образом, как показал проведенный анализ структуры сферы производства на уровне региональной экономической системы, существует ряд факторов, оказывающих значительное влияние на развитие сферы регионального производства:

- природно-ресурсные факторы, определяющие неравномерность наличия природных ресурсов;
- правовые, характеризующиеся неодинаковыми условиями хозяйственно-правовой деятельности субъектов хозяйствования на различных территориальных уровнях;
- агломерационные, отражающие эффект агломерации и подтверждающие наличие на территории Республики Беларусь «полюсов» притяжения в виде столицы;
- социально-экономические — наличие конкурентоспособных рынков сбыта, развитый трудовой потенциал, различия в качестве жизни населения различного административно-территориального уровня;
- другие.

Одним из сдерживающих факторов развития является существующая дифференциация в развитии столицы и остальных регионов, в также опережающие темпы роста сферы услуг в г. Минске и отстающие темпы роста во всех остальных регионах страны.

В качестве основных направлений преобразований региональной экономической системы на уровне областей в сфере производства можно выделить ряд направлений, которым необходимо уделить повышенное внимание исследователей-регионалистов:

1. Исследование факторов формирования производственной сферы региональной экономики: трудовые, институциональные, природно-ресурсные, географические, инвестиционные и ряд других. Важным аспектом является оценка влияния перечислен-

ных выше факторов на воспроизводственные процессы региональной экономической системы, их учет в программных документах регионального уровня и долгосрочных целевых стратегиях развития региона.

2. Подробное изучение институциональной составляющей системы управления регионом, заключающееся в повышении эффективности региональных программ социально-экономического развития в условиях государственного регулирования, основанного на количественных и качественных критериях оценки программ.

3. Создание условий адаптации региональной экономической системы к трансформационным условиям с помощью модернизации структурной региональной политики (формирование кластерных систем, определение «точек» — «полюсов» роста региональной экономической системы), модернизация системы использования бюджетных средств и достижения индикаторов программ социально-экономического развития [10].

4. Разработка организационно-экономических мероприятий государственной территориальной политики, способствующей саморегулированию экономики региона, сочетающей структурные изменения и формирование кластеров в производственной сфере: агропродовольственного кластера, строительного кластера, энергетического кластера.

В заключение отметим, что важнейшими принципами успешной реализации приоритетов развития производственной сферы региона могут быть: структурная перестройка экономики, пропорциональное соотношение ее сфер и видов экономической деятельности, согласование действий всех субъектов экономических отношений для достижения общесистемных целей с внедрением принципов взаимодействия государственной власти и бизнеса в процессе реализации региональных социально-экономических проектов.

Источники

1. Мясникович, М. Эволюционные трансформации экономики Беларуси / М. Мясникович. — Минск : Беларус. навука, 2016. — 321 с.

Myasnikovich, M. Evolutionary transformations of the Belarusian economy / M. Myasnikovich. — Minsk : Belarusian science, 2016. — 321 p.

2. Александрович, Я. М. Структурная перестройка и конкурентоспособность Республики Беларусь: проблемы и пути решения / Я. М. Александрович. — Минск : НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь, 2004. — 342 с.

Alexandrovich, Ya. M. Structural adjustment and competitiveness of the Republic of Belarus: problems and solutions / Ya. M. Alexandrovich. — Minsk : NIEI of the Min. of economy of the Rep. of Belarus, 2004. — 342 p.

3. Шимов, В. Н. Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2010 г. / В. Н. Шимов // Белорус. экон. журн. — 2000. — № 2. — С. 4–11.

Shimov, V. N. The main directions of socio-economic development of the Republic of Belarus for the period up to 2010 / V. N. Shimov // Belarusian Econ. J. — 2000. — № 2. — P. 4–11.

4. Дайнеко, А. Е. Геоэкономические приоритеты Республики Беларусь / А. Е. Дайнеко. — Минск : Беларус. навука, 2011. — 364 с.

Daineko, A. E. Geo-economic priorities of the Republic of Belarus / A. E. Daineko. — Minsk : Belarusian science, 2011. — 364 p.

5. Концептуальные положения регионального развития Республики Беларусь до 2015 года / Т. С. Вертинская [и др.] ; под науч. ред. П. Г. Никитенко ; Ин-т экономики НАН Беларуси. — Минск : Право и экономика, 2009.

Conceptual provisions regional development of the Republic of Belarus until 2015 / T. S. Vertinskaya [et al.] ; under the sci. editorship by P. G. Nikitenko ; the Inst. of Economics of the Nat. Acad. of Sciences of Belarus. — Minsk : Law and Economics, 2009.

6. Фатеев, В. С. Развитие регионов и городов в Республике Беларусь: проблемы, тенденции, направления совершенствования государственного регулирования / В. С. Фатеев // Регионалистика : сб. науч. тр. / Гроднен. гос. ун-т им. Янки Купалы ; редкол.: В. Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. — Гродно, 2012. — С. 17–36.

Fateev, V. S. Development of regions and cities in the Republic of Belarus: problems, trends, directions of improvement of state regulation / V. S. Fateev // *Regionalism : coll. of sci. art.* / Yanka Kupala State Univ. of Grodno ; editorial board: V. N. Vatel (chief ed.) [et al.]. — Grodno, 2012. — P. 17–36.

7. *Русак, И. Н.* Оценка уровня конкурентоспособности регионов Республики Беларусь : монография / И. Н. Русак. — Минск : Энциклопедикс, 2014. — 170 с.

Rusak, I. N. Assessment of the level of competitiveness of the regions of the Republic of Belarus : monograph / I. N. Rusak. — Minsk : Encyclopedics, 2014. — 170 p.

8. *Русак, И. Н.* Разработка стратегий устойчивого развития регионов Республики Беларусь: Проблемы и перспективы / И. Н. Русак // *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13* / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества ; отв. ред. В.И. Герасимов. — М., 2018. — Ч. 2. — С. 206–209.

Rusak, I. N. Development of strategies for sustainable development of the regions of the Republic of Belarus: Problems and prospects / I. N. Rusak // *Russia: trends and prospects. Yearbook. Vol. 13* / INION. Dep. of sci. coop. ; resp. ed. V. I. Gerasimov. — Moscow, 2018. — P. 2. — P. 206–209.

9. Национальные счета Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Минск, 2018. — 214 с.

10. *Perroux, F.* Economic Space Theory and Applications / F. Perroux // *Quart. J. of Economics.* — 1950. — Vol. 64, № 1. — P. 89–104.

Статья поступила в редакцию 18.12.2018 г.

УДК 330.342.146:330

V. Simkhovich
BSEU (Minsk)

IMPACT-INVESTING: NEW INTERPRETATION OF SOCIAL INVESTMENTS?

The concepts of social investments and impact-investing are given analysis to; their similarity and differences are revealed. Impact-investing is considered an instrument of impact directed to realize certain changes in society with a measurable result and financial return for the investor.

Keywords: social investments; impact-investments; impact-investing; non-material assets; social effect; financial return.

В. А. Симхович
доктор социологических наук, профессор
БГЭУ (Минск)

ИМПАКТ-ИНВЕСТИНГ: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ?

В статье анализируются понятия социальных инвестиций и импакт-инвестинга, определены их сходство и различия. Показано, что импакт-инвестирование является инструментом направленного воздействия на осуществление тех или иных положительных изменений в обществе с измеримым результатом и финансовой отдачей для инвестора.

Ключевые слова: социальные инвестиции; инвестиции воздействия; импакт-инвестирование; нематериальные активы; социальный эффект; финансовая отдача.

«Дело бизнеса делать прибыль и все». Данное высказывание принадлежит М. Фридмену, Нобелевскому лауреату по экономике, однако сегодня оно уже не считается исчер-

пывающим, так как существуют иные пути увеличения капитализации бизнеса. Один из них — через увеличение нематериальной составляющей бизнеса. Подтверждением может служить компания Coca Cola, нематериальные активы которой составляют 96 %. Ее топ-менеджеры шутят, что если вдруг все производство компании сгорит, убытки составят лишь 4 %. К числу нематериальных активов любой компании принадлежат ее репутация, лояльность персонала, доверие партнеров, которые являются предметом социальной ответственности бизнеса (СОБ) или корпоративной социальной ответственности (КСО).

Сегодня корпоративная социальная ответственность как норма ведения современного бизнеса [1] — это реальность не только западных, но и постсоветских стран. Динамика развития практики КСО свидетельствует о том, что постсоветский бизнес 1990-х гг. сначала перенял инструменты, которые приносят прямую или почти прямую прибыль: рекламу, маркетинг, ценные бумаги и т.д. Социальное инвестирование в перечень заимствованных западных норм не попало, поскольку отсутствовало понимание того, что это такое и зачем это нужно. Любопытно, что известная классификация форм КСО Ф. Котлера и Н. Ли 2004 г. не включает социальные инвестиции [2], хотя добровольный вклад бизнеса в общественное развитие явно прослеживается в ряде форм. Например, в таких формах, как продвижение социально значимой проблемы (русская версия: корпоративная благотворительность), трактуемой как предоставление финансовых и прочих ресурсов компании для привлечения внимания общественности к конкретной социальной проблеме; социальный маркетинг, когда компания обеспечивает разработку и проведение акций, направленных на изменение поведения конкретной группы людей для повышения уровня их безопасности, улучшения общественного здоровья, защиты окружающей среды и др.; благотворительный маркетинг, предполагающий перечисление взносов или определенных процентов от объема продаж на решение социальной проблемы. Социальные инвестиции как форма КСО представлены в документах Программы развития ООН, в которых они обозначены как один из инструментов реализации социальных программ.

Однако сегодня вместо социальных инвестиций все чаще и чаще используются понятия инвестиции воздействия, преобразующие инвестиции, импакт-инвестинг и т.п. Ряд экспертов не только противопоставляет их социальным инвестициям, но и трактует как принципиально новую парадигму инвестирования, идущую вразрез с устоявшимися взглядами о том, что социальные и экологические проблемы могут решаться с помощью государства или благотворительности, а рыночные инвестиции должны быть направлены исключительно на получение финансового результата [3, с. 54]. В контексте СОБ данное утверждение выглядит несколько притянутым, так как компания реализует свою социальную ответственность как добровольный вклад в развитие общества в трех сферах: экономической, экологической и социальной. В соответствии со своими возможностями и ресурсами она инвестирует в социальные проекты во всех трех сферах. Например, в экономической сфере социальные инвестиции реализуются посредством повышения качества потребительских свойств выпускаемой продукции, сокращения операционных издержек и т.п. В экологической сфере компания направляет инвестиции на разработку и внедрение новых ресурсо- и энергосберегающих технологий и мероприятий, сокращение вредных выбросов для снижения нагрузки на окружающую среду, выпуск экологически чистой продукции, без генетически модифицированных ингредиентов и т.п. В социальной сфере инвестиции направляются на развитие персонала, его социального обеспечения и квалификации, поддержку социальных проектов в области культуры, медицины, спорта, образования и т.п., а также реализацию благотворительных и спонсорских проектов, направленных на решение острых социальных проблем региона присутствия, местного сообщества и общества в целом.

При оценке уровня социальной ответственности бизнеса применяют три группы показателей: экономические показатели, включающие в том числе величину социальных

инвестиций на одного работника, отношение социальных инвестиций к прибыли и т.п.; экологические показатели — количество случаев превышения экологических норм, нарушений технологических регламентов и т.п.; социальные показатели — коэффициент расходов на социальную поддержку окружающего сообщества: отношение расходов на благотворительность, по передаче объектов социальной сферы, спонсорской помощи и т.п. к чистой прибыли в процентном отношении.

Иными словами, с одной стороны, бизнес не просто решает проблемы общества, инвестируя средства в развитие социально уязвимых сфер общества, таких как образование, культура или медицина, поддержку социально незащищенных слоев населения или природоохранную деятельность. Главным результатом социальных инвестиций компании являются нематериальные активы: повышение ее имиджа и привлекательности для инвесторов, решение кадровых вопросов и повышение лояльности персонала, улучшение отношений с властями, предотвращение возможных скандалов и т.п. Например, фактор социальной ответственности, по мнению британских исследователей, составляет 25 % деловой репутации компании [4, с. 33]. Результаты исследований, проведенных Walker Information, выявили прямую связь между социальной ценностью компании, ее репутацией и лояльностью потребителей ее бренду. Увеличение социальной ценности компании на один пункт ведет к улучшению репутации на 0,55 пункта, в то время как увеличение экономической ценности на тот же пункт повышает репутацию только на 0,32 пункта [5]. Таким образом, социальные показатели по сравнению с экономическими оказывают вдвое большее воздействие на репутацию фирмы. В целом, благодаря социальным инвестициям в развитие региона присутствия, местного сообщества для бизнеса создается среда, благоприятная в долгосрочной перспективе. Очевидно, что в обществе, благополучном с социальной точки зрения, для развития бизнеса условия также благоприятные.

С другой стороны, социальные инвестиции как основной элемент КСО увеличивают активы материальные. В частности, социальную ответственность бизнеса давно признали фактором конкуренции. Она может приносить компании такие выгоды, как рост объема продаж, укрепление позиций бренда, повышение производительности труда, повышение капитализации компании и т.д. Социальные инвестиции позволяют снижать вариации доходов и операционные издержки, стабилизировать темпы роста, поддерживая конкурентные преимущества в долгосрочной перспективе.

Более того, нематериальные и материальные активы как результат социальных инвестиций взаимосвязаны. Так, хорошая репутация обеспечивает сохранение клиентской базы, повышение темпов роста и прибыльности, увеличивает период роста и т.д. Компании с хорошей репутацией проще сохранить и увеличить свою клиентскую базу, поскольку потребителям сегодня есть из чего выбирать. Это объясняется тем, что хорошая репутация создается в том числе и деятельностью компании по реализации своего главного направления — выпуска качественной продукции.

Таким образом, возникает вопрос о том, так ли уж необходимо введение нового понятия для обозначения уже известных, устоявшихся действий бизнеса. Анализ литературных источников по проблематике инвестиций воздействия показал, что, несмотря на заявления о формировании новой парадигмы инвестирования, эксперты не отрицают, что импакт-инвестинг является разновидностью социальных инвестиций [3, с. 54] либо трактуют их как синонимы [6]. Данный термин был впервые озвучен в 2007 г. Его появление связывают с деловой этикой, когда в конце XX в. получает распространение идея о том, что нормой ведения бизнеса является инвестирование как способ изменения окружающего мира. Американский финансист Дж. Эмерсон стал основателем смешанно-ценностного подхода, согласно которому инвестиционным фондам следует направлять средства в соответствии со своей миссией, а не со стратегией получения максимальной финансовой прибыли, как это было принято ранее. Справедливости ради следует

заметить, что именно практика КСО является одной из 5 выделенных Эмерсоном сфер, в которых организации ищут сочетание экономических, социальных и экологических элементов деятельности. Сам термин смешанной ценности (финансовой, экологической и социальной) иногда используется как синоним концепта тройного критерия (*triple-bottom concept*), используемого для оценки социально ориентированной деятельности компании [7].

Сегодня термин импакт-инвестинг выражает идею использования инвестиций как инструмента направленного воздействия на осуществление тех или иных положительных изменений в обществе с измеримым результатом и финансовой отдачей для инвестора. Если по целям и характеру социальные инвестиции и инвестиции воздействия совпадают, что же отличает их друг от друга?

Прежде всего, круг социальных инвесторов, т.е. те, кто занимается инвестициями в социально-предпринимательские проекты на системной основе. Сегодня их перечень значительно расширен: к индивидуальным инвесторам и компаниям, реализующих практику социальной ответственности, присоединились семейные и специализированные фонды (например, международный некоммерческий фонд «Ашока: Инновации для общества», британские *The Foundation for Social Entrepreneurs* и *Big Society Capital*, швейцарский *Swiss Investment Fund for Emerging Markets*), государственные органы, а также некоторые коммерческие фонды, которые рассматривают инвестиции воздействия как возможность диверсификации своих рисков.

Особенностью рынка импакт-инвестирования последних лет стали крупные институциональные инвесторы, которые вкладывают в инвестиции от 100 миллионов до нескольких миллиардов долларов. Среди них пенсионные фонды, которых всегда отличал консервативный подход. Весьма показательно, что подобную деятельность управляющих компаний инициируют вкладчики, т.е. сами пенсионеры. Российский эксперт С. Заботин приводит результаты опроса голландских пайщиков пенсионных фондов: лишь 18 % из них ждут от своих управляющих компаний максимальной доходности, тогда как большинство заинтересованы в том, чтобы их деньги приносили не только доход, но и позитивные социальные изменения [8].

В 2009 г. было создано объединение социальных инвесторов *Global Impact Investing Network (GIIN, Мировая сеть импакт-инвесторов)*, которое сегодня насчитывает свыше 2000 участников, организаций и частных лиц. *GIIN* выпускает ежегодный отчет-исследование рынка социальных инвестиций. Как показали результаты исследований последних лет, мировой рынок преобразующих инвестиций растет в среднем на 16 % в год. В 2015 г. объем вложений в этот сектор составил 77 млрд дол., в 2017 г. — 114 млрд, в 2018 г. — 228,1 млрд дол. [9, с. XI].

Перечень отраслей, в которые вкладываются инвестиции, отражает состав основных социальных проблем общества. По данным на 2017 г. инвестиции (активы, управляемые *GIIN*) направлялись в следующие отрасли: финансовые услуги (19 %), энергетика (14 %), микрофинансирование (9 %), жилищное строительство (8 %), питание и сельское хозяйство (6 %), здравоохранение (5 %), инфраструктура (5 %), образование (4 %), водоснабжение, канализация, гигиена (4 %), промышленное производство (3 %), информационно-компьютерные технологии (3 %). Для сравнения в таблице ниже приведены результаты опроса импакт-инвесторов, проведенного *GIIN* в январе-феврале 2018 г. по вопросу их вклада в развитие данных отраслей.

Распределение инвестиций воздействия по отраслям, %

Отрасль	Активы, управляемые <i>GIIN</i> , %	Активы респондентов, %
1	2	3
Финансовые услуги	19	45

Окончание

1	2	3
Энергетика	14	48
Микрофинансирование	9	35
Жилищное строительство	8	45
Питание и сельское хозяйство	6	57
Здравоохранение	5	49
Инфраструктура	5	17
Образование	4	41
Водоснабжение, канализация, гигиена	4	25
Промышленное производство	3	15
Информационно-компьютерные технологии	3	23
Культура	0	11
Иное	16	45

Источники: составлено автором на основе [9].

Очевидно, что наибольшими темпами растут инвестиции в сельское хозяйство (57 %), здравоохранение (49 %), энергетику (48 %), жилищное строительство (45 %), финансовые услуги (45 %) и образование (41 %) [9, с. 25].

Инвестиции воздействия, как и любой другой вид инвестирования, связаны с риском. Инвесторы выделяют следующие группы рисков, связанных с осуществлением инвестиций воздействия (расположены по степени влияния): риск выполнения самого бизнес-проекта, риск управления; страновой и валютный риски; риск ликвидности и сложности выхода из проекта; спрос на рынке и риск конкуренции; финансовый риск; макроэкономический риск; риски спроса и конкуренции; риск репутации; риск воздействия; риск отсутствия запланированного социального и экологического эффекта (воздействия). По мнению импакт-инвесторов, степень риска зависит от региона. Наибольшие риски присущи странам Латинской Америки (степень риска 31 %) и юга Азии (24 %) [9, с. 46].

Среди известных импакт-инвесторов Deutsche Bank, вложения которого в эту сферу за 16 лет составили до 2 млрд дол., сеть гостиниц Lemon Tree (Индия), в которых до 50 % персонала — люди с ограниченными возможностями. Наиболее впечатляющим является пример Grameen Bank (Бангладеш), который занимается микрофинансированием безземельных бедняков с 1983 г. Сегодня его услугами пользуются свыше 2 млн заемщиков в 37 тыс. деревней по всей стране. Grameen Bank оказал трансформирующий эффект не только на жизнь бедного сельского населения Бангладеш, но и на субсидирование 26 неправительственных организаций, работающих в иных бедных странах Азии, где они создали собственные банки микрокредитования, чтобы финансировать собственную некоммерческую деятельность. В 2006 г. за свою деятельность Grameen Bank совместно с основателем Мухаммадом Юнусом стал лауреатом Нобелевской премии мира.

Доходность инвестиций воздействия сопоставима со средней доходностью коммерческих фондов с консервативной инвестиционной стратегией. По данным инвестиционного фонда Swiss Investment Fund for Emerging Markets средняя ставка рентабельности социальных бизнесов, составляет от 5 до 6 % годовых. По подсчетам исследователей из Уортонской школы бизнеса в США преобразующие инвестиции в среднем дают ту же доходность, что и индекс 500 крупнейших компаний (S&P 500) [8].

Таким образом, инвестиции воздействия можно признать разновидностью социальных инвестиций. Их объединяет ожидание положительного (полезного) социального эффекта, характер вложений, предполагающий решение социальной проблемы и получения прибыли, а также цель — повышение уровня жизни граждан и снижение общественной напряженности. Однако социальные инвестиции не имеют четко очерченных границ, так как в общем случае их воздействие может быть направлено как во внутрь организации, так и за ее пределы. Социальные инвестиции — это инструмент корпоративной социальной ответственности компании, когда ее всевозможные ресурсы и финансовые средства направляются на реализацию внешних или внутренних социальных программ.

Импакт-инвестирование является инструментом направленного воздействия на осуществление тех или иных положительных изменений в обществе с измеримым результатом и финансовой отдачей для инвестора. Отличие инвестиций воздействия состоит в том, что они имеют системный характер и направлены на решение масштабных проблем общества (обеспечение доступа малого бизнеса к финансированию, повышение качества и доступности медицинских услуг и образования, обеспечение занятости населения), а не самого импакт-инвестора, в силу чего перечень отраслей, которые развиваются благодаря преобразующим инвестициям, диверсифицирован. Масштабность социальных проблем определяет главным образом крупный размер инвестора. Поскольку импакт-инвестирование коррелирует с социальным бизнесом, оно имеет перспективы развития. Вопрос в том, останутся ли инвестиции воздействия частным случаем традиционного инвестирования или станут глобальным трендом, когда любые инвестиции будут обладать социальной миссией.

Источники

1. Симхович, В. А. Корпоративная социальная ответственность: философско-управленческие аспекты современного бизнеса / В. А. Симхович. — Минск : Мисанта, 2011. — 199 с.
Simkhovich, V. A. Corporate Social Responsibility: Philosophic-Managerial Aspects of Modern Business / V. A. Simkhovich. — Minsk : Misanta, 2011. — 199 p.
2. Kotler, Ph. Corporate Social Responsibility: Doing the Most Good for Your Company and Your Cause / Ph. Kotler, N. Lee. — New York : John Wiley & Sons, 2004. — 302 p.
3. Голод, А. Инвестиции воздействия: особенности, состояние, перспективы развития / А. Голод // Банк. весн. — 2017. — № 6. — С. 54–59.
Golod, A. Impact Investments: Specificity, State, Perspectives of Development / A. Golod // Banking bull. — 2017. — № 6. — P. 54–59.
4. Истомина, Л. А. Развитие социальной ответственности бизнеса в рамках Глобального Договора / Л. А. Истомина // Психология и социология в бизнесе: актуальные проблемы современности : материалы Первого междунар. конгр., Минск, 16–17 дек. 2005 г. / Лицей БГУ ; редкол.: В. А. Янчук [и др.]. — Минск, 2005. — С. 32–34.
Istomina, L. A. Development of Social Responsibility of Business within the Global Compact / L. A. Istomina // Psychology and sociology in business: actual problems of modernity : materials of the First intern. congr., Minsk, 16–17 Dec. 2005 / BSU Liceum ; red.: V. A. Yanchuk [et al.]. — Minsk, 2005. — P. 32–34.
5. Туркин, С. Зачем бизнесу социальная ответственность / С. Туркин // Упр. компаний. — 2004. — № 7. — С. 56–61.
Turkin, S. Why do Business Need Social Responsibility / S. Turkin // Management of the company. — 2004. — № 7. — P. 56–61.
6. Ольгинский, К. Инвестиции завтрашнего дня [Электронный ресурс] / К. Ольгинский // Новый бизнес: социальное предпринимательство. — Режим доступа: http://www.nb-forum.ru/social/social_investing/investmentinfuture1.html. — Дата доступа: 29.10.2018.
Olginsky, K. Tomorrow's Investments [Electronic resource] / K. Olginsky // New business: social entrepreneurship. — Mode of access: http://www.nb-forum.ru/social/social_investing/investmentinfuture1.html. — Date of access: 29.10.2018.

7. Багг-Левин, Э. Социально-преобразующие инвестиции. Как мы меняем мир и зарабатываем деньги / Э. Багг-Левин, Дж. Эмерсон. — М.: Полит. энцикл., 2017. — 271 с.

Bugg-Levine, A. Impact Investing: Transforming How We Make Money While Making a Difference / A. Bugg-Levine, J. Emerson. — Moscow : Polit. encycl., 2017. — 271 p.

8. Заботин, С. Социальные инвестиции в мире: предложение превышает спрос [Электронный ресурс] / С. Заботин // Социальные технологии бизнеса. — Режим доступа: <http://sbt-consult.by/archives/2808>. — Дата доступа: 18.10.2018.

Zabotin, S. Social investments in the world: supply exceeds demand [Electronic resource] / S. Zabotin // Social Business Technology. — Mode of access: <http://sbt-consult.by/archives/2808>. — Date of access: 18.10.2018.

9. Annual Impact Investor Survey [Electronic resource] // The GIIN. — Mode of access: https://thegiin.org/assets/2018_GIIN_Annual_Impact_Investor_Survey_webfile.pdf. — Date of access: 05.09.2018.

Статья поступила в редакцию 05.12.2018 г.

УДК 378.014(510+476)

N. Skriba
S. Skriba
BSEU (Minsk)

ACADEMIC VECTOR OF «SILK INTEGRATION» AS A PART OF RISK MANAGEMENT OF THE CHINESE PROJECT

While assessing the potential and strategically significant risk factors for the implementation of the «Belt and Road» Chinese project, the authors of the article update the task of forming and developing «academic corridors» as an indispensable condition for an effective risk management of integration processes and formulate the related priorities for the Belarusian higher education.

Keywords: transregional model of development; Chinese innovation; integration mechanisms; transcontinental corridors; conditions and factors of risk formation; concept of systemic risk management; academic potential; priorities of the national education system; risk management policy.

Н. Н. Скриба
кандидат экономических наук, доцент
С. И. Скриба
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ВЕКТОР «ШЕЛКОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ» КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА КИТАЙСКОГО ПРОЕКТА

Оценивая потенциальные возможности и стратегически значимые факторы риска реализации китайского проекта «пояса и пути», авторы статьи актуализируют задачу формирования и развития «академических коридоров» как необходимого условия эффективного управления риском интеграционных процессов, формулируют связанные с ней приоритеты для белорусской высшей школы.

Ключевые слова: трансрегиональная модель развития; китайская инновация; механизмы интеграции; трансконтинентальные коридоры; условия и факторы рискообразования; концепция системного риск-менеджмента; академический потенциал; приоритеты национальной системы образования; политика управления риском.

Широкое обсуждение на международных площадках разных уровней «шелкового наступления» Китая, а также практические шаги руководства Поднебесной в направлении укрепления международных позиций национальной экономики позволяют говорить об инициативе «пояса и пути» как о масштабном трансконтинентальном проекте, призванном стать мощным драйвером развития как самой КНР, так и множества стран Европы и Азии. По оценкам экспертов, совокупный экономический потенциал его участников в настоящее время формирует около 55 % мирового ВВП, порядка 70 % населения и 75 % разведанных энергоресурсов [1].

Возможности и перспективность реализации проекта обусловлены складывающимися в мире политическими тенденциями и становлением новых центров экономического развития, среди которых Китай устойчиво занимает лидирующие позиции. При этом стремление КНР вовлечь обширные территории и регионы в интеграционные процессы носит весьма прагматичный характер. Действовавшая последние десятилетия китайская экономическая модель, основанная на государственном инвестировании в инфраструктуру, исчерпала себя и требуется новый подход к обеспечению роста экономики, особенно западных регионов страны. В этой связи государство объективно заинтересовано в проектах, способных вывести китайские компании на внешние рынки и одновременно стимулировать внутреннее производство. Вместе с тем принципиальное значение для Китая имеет стратегическая направленность проекта и охват горизонтами его планирования достаточно длительного интервала времени.

Особенностью проекта «пояса и пути» является отсутствие территориальных и держательных границ. Китай стремится развивать интеграционные взаимодействия в разных сферах и на любых уровнях, в многосторонних и двусторонних форматах реализации. В то же время многомерная модель сотрудничества имеет определенные «несущие конструкции» — ряд направлений (коридоров), которые способны, по мнению китайской стороны, значительно укрепить потенциал геоэкономического пространства Евразии. Это в частности транспортно-логистический, энергетический, торговый, инвестиционный коридоры и направления научно-технического сотрудничества, аграрного освоения, туристического развития, безопасности и политического партнерства. В контексте изложенного китайский проект можно рассматривать, с одной стороны, в качестве проявления на практике новой модели взаимодействия со странами мира, в которой КНР отводит себе ведущую роль, а с другой стороны, как «китайскую инновацию» в построении трансрегиональной модели развития.

Практика реализации масштабных инновационных проектов, имеющих стратегическую направленность, свидетельствует о том, что это процесс длительный, затратный и многоэтапный. Более того, и на этапе проектирования, и на всех последующих этапах его жизненного цикла существенное влияние на ожидаемую результативность оказывают многочисленные факторы рискообразования, актуализация и взаимодействие которых могут значительно отклонить достигнутое состояние системы от заданных целевых ориентиров. Будучи по определению рискоемкой [2, с. 233], инновационная деятельность предполагает не только поиск адекватных ее содержанию направлений, способов и инструментов реализации, но и решение задачи выявления, содержательной оценки и постоянного мониторинга рисков составляющей. Тем более эффективный риск-менеджмент необходим в отношении инновации, предполагающей охват множества территорий и отраслей, включая инфраструктуру, энергоресурсы, финансы, науку, технику, коммерцию, культуру, туризм и пр. Широкий спектр интеграционных взаимодействий значительно усиливает неопределенность среды и усложняет динамику условий рискообразования, актуализируя задачу системного видения и управления риском.

Цель данной статьи — дать оценку стратегически значимым факторам риска реализации китайского проекта возрождения Великого Шелкового пути, определить место и задачи академической среды, в том числе белорусской высшей школы, в реализации политики управления риском предложенной китайской стороной модели.

Содержательно инициатива «Один пояс — один путь» представляет собой не что иное, как модель трансрегионального мегапартнерства, взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития широкого спектра стран, объединенных в первую очередь общностью экономических интересов, а не территориальной близостью и наличием общих границ. Важнейшим стратегическим ориентиром данной модели является евразийское «сообщество безопасности», в котором взаимовыгодные и разносторонние экономические, политические, гуманитарные связи обеспечат положительную динамику как темпов, так и качества экономического роста стран-участниц. При этом формируемое в рамках заданных коридоров пространство «пояса и пути» не предполагает жесткого наднационального регулирования: взаимопроникновению национальных экономик будут способствовать такие социально-политические инструменты, как:

- соглашения о сотрудничестве между участниками проекта, реализуемые в двустороннем и многостороннем формате на разных уровнях управленческой иерархии стран-партнеров и в разных сферах развития отношений;
- потенциал региональных международных организаций, прежде всего Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), форматов «Трибуна китайско-арабского сотрудничества», ЕАЭС, БРИКС и пр.;
- публичные площадки и арены сотрудничества, реализуемые в формате международных форумов, фестивалей, ярмарок, других массовых мероприятий в регионах вдоль Шелкового пути и направленные на популяризацию идеи проекта.

В соответствии с видением китайской стороны все заинтересованные государства, международные организации и компании смогут не только участвовать в проекте, но и самостоятельно выбирать удобный формат взаимодействия. И для широкой международной аудитории предложенная модель весьма привлекательна — как охватом большой группы стран, так и гибкостью механизмов интеграции, открытостью и отсутствием жестких ограничительных рамок. Так, на стратегически тесное сотрудничество с Китаем в вопросах развития евразийской платформы для создания нового порядка в политической, экономической и культурной сферах многополярного мира, в том числе посредством реализации проекта «пояса и пути», сегодня ориентирована Россия. Проявляют интерес к проекту и в Европе, которая рассматривает охваченный китайской инициативой регион в качестве обширного рынка, а сам Китай — одним из наиболее крупных инвесторов и своего рода площадкой для углубления и расширения сфер своего проникновения в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. По тем же причинам крайне заинтересована в «шелковом сотрудничестве» Республика Беларусь. Если в результате осуществления проекта по территории республики пройдут важные транзитные пути, то будут развиваться транспорт, логистика, связь, гостиничный бизнес, придорожный сервис и по сути вся сфера услуг, которая сегодня относится к числу важнейших приоритетных источников формирования белорусского ВВП.

Тем не менее даже не выходя за пределы концепции селективного риск-менеджмента [3, с. 86] и ограничиваясь оценкой стартовых социально-политических условий, многие международные эксперты определяют присутствие широкого спектра стратегически значимых рискообразующих факторов, которые неизбежно сопровождают и, более того, ставят под сомнение практическую реализацию китайской модели сотрудничества.

Во-первых, сохраняет определенные сложности геополитическая ситуация вокруг самого инициатора проекта — Китая, который при большом количестве соседей и заявленном внешнеполитическом курсе на устранение напряженности в отношениях с ними до сего времени имеет территориальные споры с Вьетнамом, Индией, Мьянмой, Пакистаном, Россией, Таиландом, Японией, и время от времени эти проблемы обостряются.

Во-вторых, некоторые вопросы, даже у ближайших соседей, вызывает китайская модель государственного устройства, и это заметно снижает уровень политической поддержки страны в ее стремлении стать лидером Большой Восточной Азии [4, с. 9].

В-третьих, стратегически не проработана для стран-партнеров проекта проблема обеспечения паритетных условий взаимодействия. В этой связи все более отчетливым становится неоднозначное и прагматичное отношение к нему со стороны европейских, казахских, индийских, российских и некоторых других экспертов, определяющих экспансионистскую ресурсную, инвестиционную, внешнеторговую политику руководства КНР, действия которого мало сочетаются с национальными интересами других стран.

В-четвертых, нуждается в детальном обосновании ключевой вопрос проекта, связанный с формированием трансконтинентального транспортного коридора. Прежде всего, отсутствует международная согласованность и координация по проектам и маршрутам создания глобальной инфраструктуры Евразии. Не решены и другие важные организационные и экономические вопросы, в числе которых унификация и упрощение таможенных и страховых норм разных стран, обоснование механизма финансирования многосторонних транспортных проектов и пр.

В-пятых, не уделяется должного внимания оценке внутранспортных эффектов трансконтинентальных коридоров, которые будут и должны способствовать региональному социально-экономическому росту, мерам и механизмам стимулирования экономической активности в зонах влияния этих коридоров.

В-шестых, периодически усиливающаяся напряженность в регионе и внутри отдельных его стран не позволяет гарантировать на всех предполагаемых трассах «пояса и пути» политическую стабильность и правопорядок [5, с. 163].

Не менее существенный «вклад» в рисковую составляющую китайской модели вносит динамика мировой экономики последних лет. Исследуя дисбалансы внешних позиций и счетов текущих операций ряда стран, эксперты Международного валютного фонда указывают на асимметрию восстановления основных экономик и ужесточение условий внешнего финансирования для развивающихся рынков [6, с. 161]. Всемирная торговая организация к числу наиболее существенных глобальных рисков относит повышенную уязвимость экономик к мировым бизнес-циклам, срывам поставок сырья, инвестиционные риски и риски, связанные с неравенством распределения доходов в странах глобальной цепочки стоимости [6, с. 165]. При этом в ближайшей перспективе диспропорции могут сохраняться и даже усиливаться, что требует проведения общей коллективной политики управления риском для достижения позитивных результатов.

Выводы международных экспертов со всей очевидностью определяют в качестве основы разработки и реализации политики управления риском мегапроектов в концепцию системного риск-менеджмента. Она ориентирует на идеологию совместной заинтересованности и учет стратегически значимых факторов и условий рискообразования в их взаимосвязи и взаимодействии при одновременном охвате социально-политической, экономической, гуманитарной и прочих сфер жизнедеятельности мирового сообщества [3, с. 86]. В указанном контексте большинство аналитиков, исследующих политико-экономические проблемы и риски реализации китайского проекта, в той или иной форме в качестве существенного рискообразующего начала определяют колоссальный культурный разрыв между Китаем, государствами Западной и Восточной Европы, Центральной Азии, Россией.

Соседство не означает автоматического духовного сближения, тем более что в прошлом столетии политические разногласия двух крупных держав ограничили контакты целых поколений народов многих сегодня уже самостоятельных государств. Дополнительным «тормозом» на пути углубления отношений стран-партнеров становится культурно-языковой барьер. Его преодоление не произойдет в одночасье, но без развития тесного диалога в гуманитарной сфере движение всех стран, по территории которых пролягут «новые шелковые пути», в направлении дальнейшего углубления взаимного доверия, повышения открытости и готовности к долгосрочному межконтинентальному экономическому сотрудничеству будет долгим и далеко не всегда продуктивным.

Значительному снижению потенциала риска, аккумулируемого гуманитарной сферой, будет способствовать поступательное формирование трансрегионального академического пространства, общей научной и образовательной среды, для которой стратегическим приоритетом развития станет мониторинг и эффективное решение комплекса региональных и глобальных проблем. В условиях открытой экономики инновационного типа, которую в качестве несущей конструкции стремится выстроить в ходе реализации проекта «пояса и пути» Китай, именно академическая среда способна системно соединить в себе познавательную, научно-техническую, коммуникативную, социально-культурную функции, всесторонне и логически последовательно вписывая их в «шелковую интеграцию».

Рассматривая через призму системного риск-менеджмента идею практического воплощения «образовательных коридоров» в проекте возрождения Великого Шелкового пути, следует обозначить как минимум три принципиально важных управленческих эффекта.

С одной стороны, все страны-участницы получают дополнительные возможности для развития и укрепления позиций национальных систем образования на мировом рынке образовательных услуг. Посредством актуализации и углубления многообразных форм и направлений международного академического сотрудничества (образовательных и исследовательских программ и проектов, академических обменов, организации совместных структур и пр.) национальная академическая среда каждого участника проекта ускорит собственную модернизацию и адаптацию к глобальным процессам, что в стратегически обозримой перспективе будет способствовать повышению ее конкурентоспособности.

С другой стороны, становясь более понятным для партнеров и потребителей предлагаемых услуг, объединенное академическое сообщество стран-участниц проекта будет последовательно продвигаться в направлении решения стратегических целей и тактических задач по гармонизации образовательного процесса, обогащению его передовыми методиками и технологиями обучения (при условии сохранения академических традиций и самоидентичности национальной системы образования). Как следствие, повысится качество подготовки специалистов и проведения научных исследований, усилится ориентация этих процессов на нужды и проблемы трансрегиональных взаимодействий.

В итоге объединенный академический потенциал стран-участниц «пояса и пути» внесет весомый вклад в обеспечение жизнеспособности и поступательное комплексное развитие китайского проекта как такового, в диалектическом единстве всех его аспектов и направлений (коридоров): транспортно-логистического, торгового, инвестиционного, гуманитарного и других. В частности, усилиями высшей школы, интегрированной в единое образовательное пространство, могут быть обоснованы научно-методическая платформа, механизмы и способы практической реализации широкого круга предлагаемых участниками взаимодействий, оценена их результативность, подготовлены необходимые для этого специалисты и пр.

Оценивая с учетом изложенного стратегию поведения национальной образовательной системы Китая, следует заметить: уже сегодня ее приоритеты лежат в плоскости активизации международного сотрудничества в тех отраслях знания и с теми академическими структурами, которые будут способствовать развитию всех «несущих конструкций» проекта «пояса и пути» и содержать элементы инновационности как гарантию его долгосрочного развития. Опираясь на целенаправленную государственную политику при постоянно растущих размерах финансирования, система образования КНР ориентирована на поиск партнеров, готовых к предметному взаимовыгодному диалогу в решении широкого спектра экономических задач. Страна поставила и во многом уже смогла решить задачу создания эффективной и качественной системы образования, базирующейся на многовековой и многонациональной культуре. И сегодня эта система образования нацелена на реальную поддержку экономической экспансии КНР на внешних рынках. На этом строится и тактика поведения высшей школы: заимствуя чужой опыт, органично приспосабливать его к своим условиям и на этой основе успешно двигать вперед собственное развитие и укреплять международные позиции Китая.

Принимая во внимание возросший потенциал и расширение масштабов международной деятельности китайской системы образования, готовность высшей школы Беларуси к реализации белорусско-китайских академических взаимосвязей в контексте осуществления проекта возрождения Великого Шелкового пути не может быть признана удовлетворительной. Если стратегия на развитие полномасштабного взаимовыгодного академического партнерства, ориентированного на долгосрочную перспективу, уже получила официальный статус и приобрела общие очертания, то практические вопросы тактического характера, во многом определяющие результативность взаимоотношений, остаются открытыми и глубоко не проработанными. В этой связи концептуально могут быть предложены следующие актуальные к рассмотрению задачи:

- разработка научно-методического обеспечения участия высшей школы Беларуси в проекте «пояса и пути» (на основе глубокого осмысления опыта ведущих вузов республики, НИИ Академии наук Беларуси по реализации международного сотрудничества, в том числе отношений с академическими и бизнес-структурами КНР) и его постоянное последующее поддержание в актуальном состоянии;
- обоснование на созданном научном фундаменте последовательной государственной и ведомственной политики, ориентированной на повышение узнаваемости, репутации и интереса к белорусской системе образования со стороны Китая и других участников проекта, а также форм взаимодействия профильных вузов с соответствующими министерствами и ведомствами по ключевым направлениям проекта;
- проработка всех возможных механизмов финансирования реализации разнообразных направлений академического сотрудничества, в том числе иницилируемых белорусской стороной, включая негосударственные источники, оценка целесообразности и экономической эффективности их задействования;
- активизация интереса партнеров по проекту, прежде всего Китая, к подготовке/переподготовке (повышению квалификации) в белорусских вузах квалифицированных специалистов для зарубежных стран, которые будут востребованы по мере практического освоения целевых ориентиров «пояса и пути»;
- расширение перспектив карьерного роста на белорусском рынке лучших иностранных выпускников вузов путем их трудоустройства в структурах, задействованных в реализации проекта «пояса и пути».

Практически выстраивая практику своего поведения, важно понимать: именно на просторах целенаправленно регулируемого образовательного пространства создается благоприятная почва для накопления интеллектуального капитала, который сегодня относится к новым, более сложным формам капитала, обладающим большим потенциалом социально-экономической активности, и в этом качестве способен задать нужный для реализации национальных интересов вектор и уровень многостороннему международному диалогу.

Источники

1. What can the New Silk Road do for global trade? [Electronic resource] // World Economic Forum. — Mode of access: <https://www.weforum.org/agenda/2015/09/what-can-the-new-silk-road-do-for-global-trade/>. — Date of access: 04.06.2016.
2. Скриба, Н. Н. Инновационный риск как фактор и объект антикризисного управления / Н. Н. Скриба // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 мая 2009 г. : в. 2 т. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2009. — Т. 2. — С. 233–234.
- Skriba, N. N. Innovation risk as a factor and object of crisis management / N. N. Skriba // Economic growth of the Republic of Belarus: globalization, innovation, sustainability : materials of the II Intern. sci. and practical conf., Minsk, 19–20 May 2009 : in 2 vol. / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2009. — Vol. 2. — P. 233–234.*

3. Скриба, Н. Н. Системное управление риском: теория, методология, приоритеты реализации в торговом бизнесе : монография / Н. Н. Скриба. — Минск : БГЭУ, 2010. — 314 с.

Skriba, N. N. System risk management: theory, methodology, implementation priorities in the trading business : monograph / N. N. Skriba. — Minsk : BSEU, 2010. — 314 p.

4. Севастьянов, С. В. Интеграционные проекты Китая в АТР и Евразии / С. В. Севастьянов // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2016. — Т. 60, № 4. — С. 5–12.

Sevastianov, S. V. Integration projects of China in the Asia-Pacific Region and Eurasia / S. V. Sevastianov // Global economy and intern. relations. — 2016. — Vol. 60, № 4. — P. 5–12.

5. Клименко, А. Ф. Саммит Шанхайской организации сотрудничества 2016 г. и задачи организации по обеспечению безопасности ее интеграционных планов / А. Ф. Клименко, Ю. В. Морозов // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. — 2016. — № 10. — С. 162–174.

Klimenko, A. F. 2016 Summit of Shanghai Cooperation Organization and the organization's task to ensure the security of its integration plans / A. F. Klimenko, Yu. V. Morozov // Nat. Interests: Priorities and Security. — 2016. — № 10. — P. 162–174.

6. Головин, А. О. Глобальные цепочки стоимости: риски и результаты / А. О. Головин, Г. Л. Толкаченко // Финансы и кредит. — 2017. — № 23. — С. 160–169.

Golovin, A. O. Global value chains: risks and results / A. O. Golovin, G. L. Tolkachenko // Finances and Credit. — 2017. — № 23. — P. 160–169.

Статья поступила в редакцию 10.01.2019 г.

УДК 338.262.4

N. Smolskaya

BSEU (Minsk)

R. Mikhalevich

Bel NIC «Ecology» (Minsk)

PROBLEMS AND PROSPECTS OF IMPROVING THE SYSTEM OF WASTE MANAGEMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article presents theoretical and methodological aspects and regulatory legal materials regulating mechanisms in the field of waste management; analyzes the dynamics of the level of education, use and disposal of solid municipal waste in domestic and foreign practice; investigated the problems, identified priority areas and justified prospects for improving the waste management system in the Republic of Belarus.

Keywords: *production waste; consumption waste; municipal solid waste (MSW); secondary material resources (WMP); separate collection of MSW; the level of formation and utilization of MSW; recycling; composting and incineration of MSW; the management mechanism in the field of waste management.*

Н. А. Смольская

кандидат экономических наук, доцент

БГЭУ (Минск)

Р. В. Михалевич

Бел НИЦ «Экология» (Минск)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье изложены теоретико-методические аспекты и нормативные правовые материалы, регламентирующие механизмы в области обращения с отходами; проанализирована динамика

уровня образования, использования и захоронения твердых коммунальных отходов в отечественной и зарубежной практике; исследованы проблемы, выявлены приоритетные направления и обоснованы перспективы совершенствования системы обращения с отходами в Республике Беларусь.

Ключевые слова: отходы производства; отходы потребления; твердые коммунальные отходы (ТКО); вторичные материальные ресурсы (ВМР); раздельный сбор ТКО; уровень образования и утилизации ТКО; рециклинг; компостирование и сжигание ТКО; механизм управления в области обращения с отходами.

Актуальность проблемы негативного влияния отходов производства и потребления на объекты окружающей природной среды и состояние здоровья населения обусловлена их повседневным образованием, многотоннажностью, состоянием мест их складирования и возможностью их утилизации. Отходы и места их складирования и захоронения представляют токсикологическую и эпидемиологическую опасность. Химическое и биологическое загрязнение твердых бытовых и твердых коммунальных отходов (далее — ТБО и ТКО) представляет угрозу его проникновения в почву, атмосферный воздух, подземные и поверхностные водные объекты, растительность, а также может прямо или опосредованно вызывать негативные последствия и отклонения в состоянии здоровья населения.

Отходы — вещества или предметы, образующиеся в процессе осуществления экономической деятельности, жизнедеятельности человека и не имеющие определенного предназначения по месту их образования, либо утратившие полностью или частично свои потребительские свойства.

Отходы классифицируются в зависимости от различных признаков и критериев. В соответствии со ст. 15 Закона Республики Беларусь «Об обращении с отходами» [1] отходы классифицируются по видам в зависимости:

- от происхождения — на отходы производства и отходы потребления;
  - агрегатного состояния — на твердые отходы и жидкие отходы;
  - степени опасности — на опасные отходы и неопасные отходы;
  - возможности их использования — на вторичные материальные ресурсы и иные отходы производства и потребления;
  - организации удаления отходов — на коммунальные отходы и прочие отходы.
- По степени опасности отходы классифицируются:
- на первый класс опасности — чрезвычайно опасные;
  - второй класс опасности — высокоопасные;
  - третий класс опасности — умеренно опасные;
  - четвертый класс опасности — малоопасные.

Отходы производства — это отходы (вещества или предметы), образующиеся в процессе осуществления юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями экономической деятельности (производства продукции, энергии, выполнения работ, оказания услуг), побочные и сопутствующие продукты добычи и обогащения полезных ископаемых. Именно экономическая деятельность субъектов хозяйствования влечет образование отходов производства, что способствует выделению их в самостоятельный вид.

Отходы потребления — это отходы, образующиеся в процессе жизнедеятельности человека, не связанной с осуществлением экономической деятельности, отходы, образующиеся в гаражных кооперативах, садоводческих товариществах и иных потребительских кооперативах, а также уличный и дворовый смет, образующийся на территориях общего пользования населенных пунктов [2].

В настоящее время в Республике Беларусь вопросу правового регулирования отношений в области обращения с отходами, помимо отмеченного выше Закона, посвящено достаточное количество нормативных правовых актов. Основными среди них являются Конституция Республики Беларусь, Закон «Об охране окружающей среды» и др., в ко-

торых установлены правовые основы природопользования и природоохранной деятельности, в том числе требования в области обращения с отходами.

Острота исследуемой проблемы связана с глобальными масштабами их образования и необходимостью их утилизации. По оценкам международных экспертов, в мире ежегодно собирается около 1,3 млрд т коммунальных (муниципальных) отходов. В стоимостном выражении объем рынка коммунальных отходов только в странах — членах Организации экономического сотрудничества и развития (за вычетом новых стран — членов Европейского союза) оценивается примерно в 120 млрд дол. США. Наибольшее значение имеют рынки США (около 46,5 млрд дол. США), страны Европейского союза (около 36 млрд дол. США) и Японии (около 30,5 млрд дол. США).

Образовавшиеся коммунальные отходы используются согласно методам, которые можно условно разделить на следующие три группы: переработка (рециклинг), компостирование, сжигание.

Неиспользованные ТКО захораниваются в специально оборудованных местах (на полигонах) с учетом требований законодательства в области охраны окружающей среды.

В Беларуси образуется более 1,4 тыс. видов отходов с широким спектром морфологических и химических свойств. Показатель удельного образования ТКО в республике существенно увеличился до 1,09 кг/чел. в день, т.е. приблизился к величине, характерной для стран ЕС (0,85 — 1,7 кг/чел. в день) [3].

Применение вышеотмеченных методов использования ТКО в странах ЕС и Республике Беларусь представлено на рис. 1.

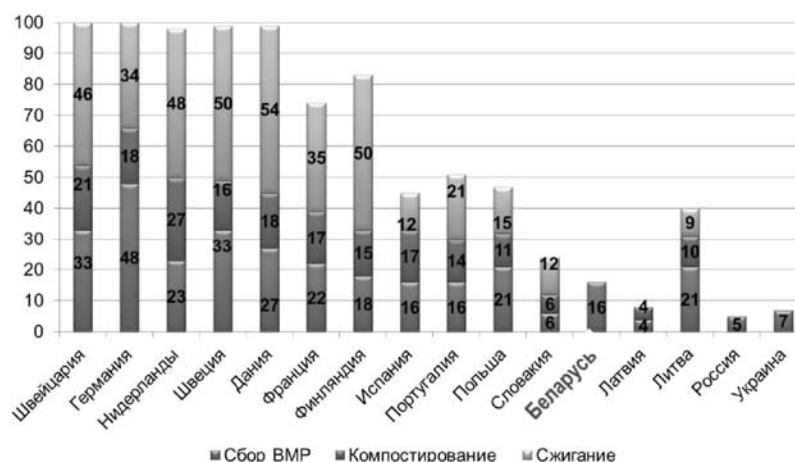

Рис. 1. Уровень использования и захоронения ТКО

Источник: разработано авторами на основе [4].

В Республике Беларусь вопросы управления отходами стоят также остро, как и во всем мире. Масштабы образования отходов и недостаточная их утилизация превращаются в проблему, представляющую угрозу экологической безопасности общества и здоровью человека.

Объем извлечения вторичных материальных ресурсов (далее — ВМР), пригодных к повторному использованию, из смешанных ТКО в Республике Беларусь составляет в зависимости от сезона не более 10–15 % общего объема поступающих отходов (как правило, это отходы бумаги, стекла, пластика, текстиля, изношенных шин), остальной их объем вывозится на захоронение.

При этом объемы сбора (заготовки) отдельных видов ВМР отвечают европейскому уровню (рис. 2). Так, объемы сбора отходов бумаги и картона составляют более 70 % объема их образования, отходов стекла — более 60 %, а отходов полимеров — менее 20 %. А как показывает мировой опыт, реально достижимый объем сбора и переработки отдельных видов пластмассовой упаковки составляет около 80 % [3].

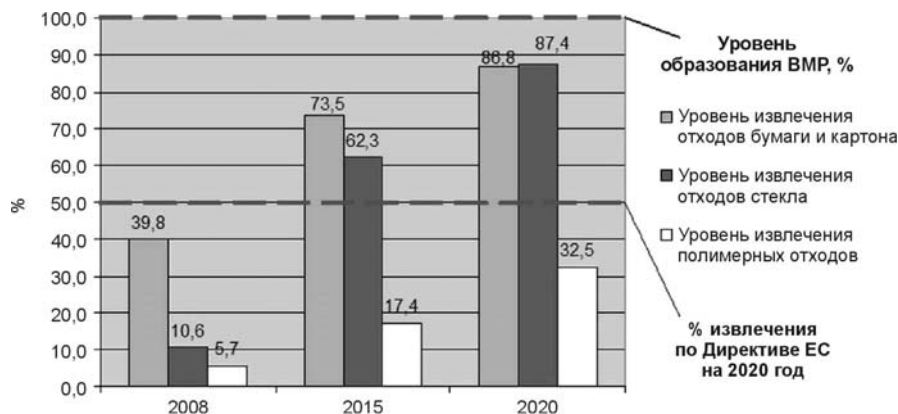

Рис. 2. Динамика уровня извлечения различных видов ВМР (в процентах от объема их образования)

Источники: разработано авторами на основе [4].

Недостаточно высокий уровень извлечения ВМР из некоторых видов отходов обусловлен нередко отсутствием либо невысокой эффективностью процессов раздельного сбора ТКО. Эти проблемы обусловлены рядом факторов, среди которых: недостатки градостроительной политики, вызванные неэффективным планированием дворовых территорий и проектированием домов с мусоропроводами; недостаточная (в 2 раза ниже потребности) обеспеченность контейнерами для обеспечения раздельного сбора ТКО и др. Вышеотмеченное обуславливает увеличение затрат по сбору и вывозу ТКО и ВМР более чем на 30 %, что приводит нередко не только к отсутствию прибыли от этого вида деятельности, но и окупаемости эксплуатационных затрат.

Результаты исследования позволили также выявить ряд проблем, связанных с несовершенством законодательства в области обращения с отходами. Так, в Законе Республики Беларусь «Об обращении с отходами», в пункте, касающемся запрета на захоронение ВМР, не определены цели, механизмы и сроки достижения этой нормы, тем более отсутствует увязка с предусмотренной программными документами процедурой поэтапного введения исключения захоронения отходов, не прошедших обработку.

Следует сформировать действенную систему распределения полномочий в сфере обращения с отходами между органами государственного управления, подкрепив ее прежде всего экономическими инструментами их реализации.

Необходимо также усовершенствовать систему отчетности и аналитического учета ТКО и ВМР, а также процедуру технико-экономического обоснования проектов по строительству объектов инфраструктуры в этой области.

Недостаточная инвестиционная привлекательность данной сферы деятельности нередко вызвана несовершенством проведения тендерных закупок оказания подобного рода услуг.

Наиболее опасными для окружающей среды являются полимерные отходы, уровень использования которых невысок. Коммунальные полимерные отходы в естественных условиях разлагаются чрезвычайно медленно (70 и более лет) [3].

В настоящее время мощности действующих полигонов для захоронения ТКО в значительной степени исчерпаны. Нередко наблюдается территориальное несоответствие районов массового образования ТКО и регионов, где располагаются мощности по их переработке, что существенно увеличивает транспортные расходы.

Реализуя в Республике Беларусь политику повышения энергоэффективности и ресурсосбережения, следует усовершенствовать законодательство в части определения экономических требований к энергетическому использованию и биологической обработке органической части ТКО.

В соответствии с утвержденной в 2017 г. Национальной стратегией Республики Беларусь по обращению с ТКО и ВМР до 2035 г. разработан перечень мероприятий целевого характера, объединенных в 5 направлений (модулей).

Первые четыре модуля содержат основные направления Национальной стратегии, включающие организационно-технические мероприятия, инфраструктуру сбора, заготовки и переработки ТКО.

Модуль 5 имеет обособленное технологическое решение для г. Минска, основанное на проекте строительства мусоросжигательного завода.

Наиболее обширный перечень мероприятий представлен в модуле 1 (базовом), в который включены направления и этапы решения описанных выше проблем. В завершающих пунктах перечня мероприятий данного модуля отмечены совершенствование системы компенсационных выплат за сбор и заготовку ВМР, а также совершенствование механизмов нормативно-правового регулирования системы обращения с ТКО.

Модуль 2 предусматривает введение депозитно-залоговой системы (ДЗС), основанной на экономическом стимулировании потребителя вернуть использованную упаковку путем введения на нее суммы залога. Потребитель, покупая товар, уплачивает за упаковку сумму залога, а при возврате пустой упаковки сумма залога возвращается покупателю. В ДЗС предусмотрено включить порядка 1,8 млрд единиц упаковки в год из металла, ПЭТ и стекла, за исключением упаковки социально значимых товаров. Планируется доведение уровня сбора депозитной упаковки до 80 %.

Модуль 3 касается энергетического использования ТКО, т.е. производства RDF-топлива. Данный процесс является третьей стадией интегрированного комплекса по механико-биологической обработке ТКО.

Модуль 4 включает метод биологической обработки ТКО как дополнение к их механической обработке и сортировке. Технология аэробного компостирования позволит из общего объема ТКО получить до 15 % структурного материала на полигонах вместо растительного и минерального грунта, в том числе для рекультивации полигонов.

С учетом реализации мероприятий, включенных в модули 3 и 4 Национальной стратегии, уровень захоронения ТКО планируется снизить до 45 %.

Сокращению в республике объема вывозимых на полигоны отходов на 10–15 % будет содействовать реализация мероприятий, включенных в Модуль 5 Национальной стратегии, предусматривающий строительство в г. Минске мусоросжигательного завода. Однако следует учитывать все же приоритетность процессов повторного использования ВМР по сравнению со сжиганием ТКО.

В настоящее время подобного рода проблемы изучаются и решаются в том числе и на региональном уровне. Рассмотрим варианты решения исследуемой проблемы на примере Оршанского района.

Оршанский район является крупным промышленно-индустриальным центром с предприятиями машиностроения, металлообработки, строительных материалов, а также легкой и пищевой промышленности. Высока роль района в производстве пищевой и текстильной продукции, а также строительных материалов и конструкций. Имеются перспективы для создания и развития транспортно-логистической инфраструктуры.

В районе целесообразно создание крупного кластера льняной отрасли, являющейся не только отраслью специализации национального значения, но и отраслью, развитие которой способствует активному выходу соответствующей продукции на мировые рынки.

Оршанский район имеет значительный удельный вес в структуре хозяйственного комплекса Витебской области. В 2018 г. валовая продукция сельского хозяйства составляла 10,8 %, объем промышленного производства — 7 % от областного уровня.

В рамках реализации «Программы социально-экономического развития Оршанского района на период до 2020 года» (далее — Программа СЭР) планируется развитие промышленного комплекса, в частности повышение его конкурентоспособности на основе модернизации действующих предприятий и создания новых высокоэффективных производств, имеющих экспортную и импортозамещающую ориентацию, выпускающих продукцию с высокой добавленной стоимостью и использующих местный ресурсный потенциал.

Существенное внимание в Программе СЭР отведено развитию в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, в том числе в сфере обращения с ТКО. Это вызвано тем, что Оршанский район имеет сравнительно неблагоприятные экологические характеристики. Объемы выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в среднем за последние два года составили порядка 7,1 % от уровня объема выбросов в области, а количество загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников — около 9,3 %. Использование воды в 2016 г. составило 8,4 % к областному уровню. Образование отходов производства — 9,6 %, что является средним значением по области.

Не лучшим образом в Оршанском районе выглядит состояние проблемы в области обращения с отходами производства и потребления.

В связи с этим поставлена задача проанализировать действующую систему обращения с ТКО и ВМР в данном регионе, выявить существующие недостатки и обосновать направления совершенствования.

Система сбора ТКО в Оршанском районе, исследованная специалистами РУП «БелНИЦ «Экология» на примере городов Орша, Барань и н.п. Болбасово, включает сбор отходов от населения многоквартирного жилищного фонда, собственников индивидуальных жилых домов, гаражно-строительных кооперативов (ГСК), ЖСК и садовых товариществ.

На территории Оршанского района применяются две системы сбора отходов от населения:

- контейнерная, с перегрузкой отходов для их вывоза из контейнеров специальным автотранспортом;
- бесконтейнерная, предусматривающая сбор отходов в таре потребителей для их вывоза с объектов собственников индивидуальной жилой застройки — подворовой объезд.

Услуги по сбору, вывозу и захоронению ТКО и ВМР от 126 населенных пунктов Оршанского района оказывает КУП «Оршанская спецавтобаза».

По состоянию на октябрь 2018 г. на территории Оршанского района осуществляют деятельность 7 собственников объектов по использованию отходов, из них только 3 организации осуществляют использование ВМР, полученных от населения и входящих в состав ТКО.

В настоящее время на территории Оршанского района функционируют 2 полигона ТКО и 14 миниполигонов общей площадью 7,08 га. За 9 месяцев 2018 г. наблюдается увеличение количества захораниваемых отходов на 10 % при общей тенденции увеличения образования отходов и рост объемов самовывоза отходов населением — за год почти на 8,5 т.

Ряд миниполигонов подлежат закрытию и дальнейшей их рекультивации для реализации требований Национальной стратегии по обращению с ТКО и ВМР в Республике Беларусь на период до 2035 года.

В последние годы отмечается также невыполнение заданий по сбору и заготовке ВМР. Так, за 6 месяцев 2018 г. в Оршанском районе было собрано лишь 36,2 % различных видов ВМР, наименьший (25 %) уровень отмечен по полимерам, наибольшие (50,4 и 70,5 %) — соответственно по отработанным маслам и изношенным шинам. Следует отметить, что отработанные масла являются ценным стратегическим сырьем, так как в процессе их регенерации могут быть получены восстановленные масла, пригодные для повторного использования, и ряд других нефтепродуктов. Переработка отработанных масел является одним из приоритетных направлений политики стран — мировых лидеров в области обращения с отходами [5].

Результаты исследования показали, что существующая система обращения с ТКО в Оршанском районе не в полной мере соответствует требованиям, установленным законодательством об обращении с отходами и о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения.

Учитывая перспективную роль Оршанского района в экономике Витебской области, предусмотрен рост объемов производства промышленной продукции, с учетом создания к 2020 г. 632 новых рабочих мест, в районе прогнозируется увеличение объемов образования отходов.

В целях совершенствования системы по обращению с ТКО к 2020 г. предусмотрено выполнение комплекса организационно-технических мероприятий, в числе приоритетных из которых:

- реализация схемы обращения с ТКО в г. Орша, г. Барань, н.п. Болбасово и н.п. Копысь;
- обеспечение 100-процентного охвата населения отдельным сбором ТКО;
- обустройство мусорополигонов в ряде населенных пунктов и прежде всего полигона ТКО в г. Орша;
- обеспечение развития сети приемных пунктов вторичного сырья;
- усовершенствование материально-технической базы организаций, осуществляющих сбор (заготовку) ВМР.

К 2020 г. в результате выполнения вышеуказанных мероприятий удельный вес использования ТКО предусмотрено увеличить до 25 % к объему их образования. Отмечается также тенденция снижения накопления опасных отходов производства (1–3 класса опасности). По прогнозным данным уровень этого показателя к 2020 г. снизится до 18 %.

Таким образом, реализация вышеотмеченных мероприятий позволит в Республике Беларусь не только реализовать ряд социально значимых проектов, повысить конкурентоспособность национальной экономики, но и обеспечить экологическую и отчасти энергетическую безопасность страны.

Источники

1. Об обращении с отходами [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2007 г., № 271-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.

2. Пояснение отдельных терминов, понятий, применяемых в законодательстве об обращении с отходами [Электронный ресурс] // Экология города. — Режим доступа: <https://ecocity.by/lik-bez-po-zakonodatelstvu/item/246-poyasnenie-otdelnykh-terminov-ponyatij-primenyaemykh-v-zakonodatelstve-ob-obrashchenii-s-otkhodami>. — Дата доступа: 01.12.2018.

3. Смольская Н. А. Управление отходами полимерных материалов как составляющая ресурсосберегающей деятельности / Н. А. Смольская, Г. А. Малиновский // Труды Белорус. гос. техн. ун-та. Сер. Экономика и упр. — 2013. — № 7. — С. 109–112.

Smolskaya N. A. Management of waste polymeric materials as a component of a resource-saving activities / N. A. Smolskaya, G. A. Malinowski // Proceedings of the Belarusian State Technological Univ. Ser. Economics and management. — 2013. — № 7. — P. 109–112.

4. Национальная стратегия Республики Беларусь по обращению с твердыми коммунальными отходами и вторичными материальными ресурсами до 2035 года [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 28 июля 2017 г., № 567 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.

5. Смольская, Н. А. Система обращения с отработанными маслами: проблемы, зарубежный опыт и отечественная практика / Н. А. Смольская // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2018. — С. 454–455.

Smolskaya, N. A. System for handling waste oils: problems, international experience and domestic practice / N. A. Smolskaya // Economic growth of the Republic of Belarus: globalization, innovativeness, sustainability : materials of the XI Intern. sci.-practical conf., Minsk, 17 May 2018 / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2018. — P. 454–455.

Статья поступила в редакцию 13.12.2018 г.

УДК 336.144.36

T. Sorokina
D. Gritskevich
BSEU (Minsk)

IMPROVING THE MANAGEMENT OF BUDGET LIQUIDITY AS A CONDITION FOR ENSURING THE STABILITY OF THE BUDGET SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article being considered the concept of liquidity in relation to the state budget both from the point of view of theory and practice. In order to improve the methods of forecasting liquidity of the budget, the authors suggest methods used in the banking sector, adapted to assess the level of budget liquidity.

Keywords: budget; liquidity; bank liquidity; liquidity of budget; planning; forecasting; Treasury Department; Treasury Single Account; methods for assessing; level of liquidity; forward-looking assessment.

Т. В. Сорокина
доктор экономических наук, профессор
Д. А. Грицкевич
БГЭУ (Минск)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЛИКВИДНОСТЬЮ БЮДЖЕТА КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматривается понятие ликвидности по отношению к государственному бюджету как с точки зрения теории, так и практики. С целью совершенствования методов прогнозирования ликвидности бюджета авторами предлагаются методы, используемые в банковской сфере, адаптированные для оценки уровня ликвидности бюджета.

Ключевые слова: бюджет; ликвидность; банковская ликвидность; ликвидность бюджета; планирование; прогнозирование; казначейство; Единый казначейский счет; методы оценки; уровень ликвидности; перспективная оценка.

Понятие «ликвидность» часто встречается в трудах ученых, исследующих экономические процессы. При этом наиболее часто использование указанного термина имеет

место при анализе функционирования банковской системы. В то же время понятие ликвидности, определяющее состояние бюджета, изучено недостаточно. Тем не менее ликвидность бюджета является одним из основных показателей, характеризующих стабильность бюджетной системы Республики Беларусь и способность государства своевременно выполнять взятые на себя обязательства.

В современном обществе возникает огромное количество факторов, оказывающих разнонаправленное влияние на равновесие доходов и расходов бюджета. Появляется множество рисков разбалансированности бюджетной системы, нарушения ликвидности бюджета, невыполнения целей и задач финансовой стратегии государства [1].

В этом контексте особую актуальность приобретают вопросы управления ликвидностью бюджета. В практической деятельности это сводится к обеспечению такого состояния бюджета, при котором все заявленные платежи оплачиваются своевременно. В условиях среднесрочного бюджетного планирования в Республике Беларусь важно не только обеспечивать сбалансированное исполнение бюджета, но и поддерживать бюджет необходимой ликвидностью, осуществляя непрерывный мониторинг и прогнозирование его доходов и расходов.

Решение этой задачи требует научного подхода к обоснованию понятия ликвидности по отношению к государственному бюджету, совершенствованию используемых методов прогнозирования ликвидности [2].

Приведем некоторые определения данного термина в той интерпретации, которую предлагают ученые-экономисты (см. таблицу).

Определения понятия «ликвидность»

Наименование	Содержание
Ликвидность (liquidity) [3]	1) возможность превращения статей актива (банка, предприятия и т.д.) в деньги для оплаты обязательств по пассиву; 2) легкость реализации, продажи, превращения материальных ценностей в наличные деньги
Ликвидность (фр. liquide от лат. liquidus — жидкий, текучий) [4]	1) способность рынка поглотить разумное количество ценных бумаг при разумном изменении цены последних; 2) способность элементов основного или оборотного капитала кампании быстро и легко реализоваться
Ликвидность (от лат. liquidus — жидкий, текучий) [5]	Возможность превращения статей актива (банка, баланса бухгалтерского предприятия и т.п.) в деньги для оплаты обязательств по пассиву, легкость реализации, продажи, превращение материальных ценностей в наличные деньги. Служит важной характеристикой финансового состояния предприятий и кредитных учреждений
Ликвидность (liquidity) [6]	1) свойство товара или услуги быть быстро проданным на рынке (например, ликвидность ценных бумаг). Деньги и их прямые эквиваленты имеют 100 %-ную ликвидность. Часто измеряются коэффициентом покрытия; 2) возможность организации оплатить ее текущие обязательства
Ликвидность [7]	1) в деловой терминологии: способность превращения активов фирмы, ценностей в средство платежа, в деньги; мобильность активов; 2) способность заемщика обеспечить своевременное выполнение долговых обязательств; платежеспособность; 3) способность рынка поглощать ценные бумаги, мера их продаж при существующем уровне цен, без их значительного изменения; 4) в широком смысле слова: эффективность, действенность
Ликвидность [8]	Комплексный финансовый показатель легкости реализации, превращения ценностной формы активов в денежную, своего рода гарантия возможности быстрой продажи, сбалансированное соотношение активов и пассивов баланса банка, степень корреляции сроков размещенных активов и привлеченных финансовым учреждением пассивов

Источники: составлено авторами.

Изучив и проанализировав различные трактовки определения ликвидности, авторы данной статьи полагают, что экономический смысл понятия «ликвидность» заключается в описании возможности какого-либо субъекта исполнить обязательства перед своими кредиторами.

В частности, наиболее ликвидными объектами, посредством которых экономический субъект реализует свои возможности в осуществлении финансово-хозяйственной деятельности, являются денежные средства на расчетных счетах, в кассе, краткосрочные инвестиции, находящиеся в банковской системе, и некоторые другие. Чем сложнее указанные вложения субъекта хозяйствования превратить в высоко оборачиваемую наличность, тем менее ликвидными свойствами они обладают [2, с. 49].

С целью определения понятия «ликвидность бюджета» авторами проанализировано понятие «ликвидность» в банковской сфере. Правоммерно указать на их взаимосвязь, поскольку уровень бюджетной ликвидности накладывает отпечаток на формирование банковской ликвидности. В процессе исполнения бюджета принимают участие и финансово-кредитные организации страны. Через их структурные подразделения осуществляется значительный объем платежей.

В Республике Беларусь вопросы ликвидности бюджета находятся в сфере компетенции Главного государственного казначейства Министерства финансов.

Для аккумуляции поступающих доходов бюджета и финансирования его расходных обязательств, как и в подавляющем большинстве государств, используется Единый казначейский счет (далее — ЕКС) [9, с. 542–556].

В соответствии с Бюджетным кодексом Республики Беларусь [10] ЕКС представляет собой совокупность счетов по учету средств республиканского бюджета, местных бюджетов, бюджетов государственных внебюджетных фондов и иных средств, открытых Министерству финансов Республики Беларусь и его территориальным органам (ст. 2 Бюджетного кодекса Республики Беларусь). ЕКС не только обеспечивает концентрацию бюджетных ресурсов, но и создает условия для оперативного управления наличностью на ежедневной основе в пределах остатка денежных средств.

Развитие казначейских технологий, обеспечивающих ежедневный обмен информацией о бюджетных потоках между участниками бюджетного процесса, а также имеющиеся организационно-методические аспекты управления ликвидностью бюджета, позволяющие рассматривать функционирование казначейства как банковского учреждения, и под этим углом зрения — понятие «ликвидность бюджета».

Отдельные авторы отождествляют ликвидность бюджета и ликвидность ЕКС. В частности, О.Е. Пролубникова соотнесла ликвидность с инструментом ее регулирования — Единым казначейским счетом — и сформулировала следующее определение: «ликвидность единого казначейского счета — «это способность счета в определенный временной период произвести своевременные выплаты» [11, с. 646].

С.Е. Прокофьев и В.Н. Саранцев также поддерживают данную точку зрения. Они называют ЕКС «корневым» и под ликвидностью корневого счета ЕКС понимают «способность в определенный период произвести своевременную оплату денежных обязательств за счет средств федерального бюджета» [12, с. 4].

Вопросы определения ликвидности ЕКС также рассматривались Л.В. Богославцевой, которая сделала вывод, что «практика формирования и исполнения бюджетов в условиях бюджетных реформ определила теоретические исследования по проблеме ликвидности государственных активов, что привело к применению понятия «ликвидность» к совершенно новому, отличному от представленной в экономической литературе объекту, а именно: казначейскому счету» [13, с. 100].

По нашему мнению, прежде чем определить понятие «ликвидность ЕКС», необходимо сформулировать более общее понятие — «ликвидность бюджета», так как ЕКС является прикладным инструментом управления ликвидностью бюджета и только лишь пос-

ле определения понятия «ликвидность бюджета» имеет место конкретизация вариаций ликвидности ЕКС.

Кроме того, существенным является тот факт, что изучаемый термин «ликвидность» по отношению к государственному бюджету имеет иной качественный уровень в отличие от употребления его в банковской практике. Термин приобретает макроэкономический аспект, что влечет большую социально-экономическую значимость в общегосударственном масштабе. Преимущественную роль в его применении играет не коммерческий подход, основанный на формировании прибыли субъектом хозяйствования и создании целевых фондов, предназначенных для дальнейшего развития организации. Первостепенная задача ликвидности бюджета — обеспечить соответствующие бюджеты необходимыми финансовыми ресурсами, которые посредством распределения и перераспределения будут направлены на финансирование общегосударственных целей развития [2, с. 49].

Таким образом, предлагаем следующее определение понятия «ликвидность бюджета» — это способность соответствующего бюджета с учетом поступающих доходов и иных привлекаемых источников своевременно и в полном объеме осуществлять финансирование принятых в установленном законодательством порядке расходных обязательств.

В практике исполнения бюджета, как и в банковской сфере, обычным явлением считается несовпадение по срокам зачисления денежных средств, поступающих в доход бюджета, и финансирования расходных обязательств в течение финансового года. Это приводит к возникновению несбалансированности: кассовому разрыву, который предполагает изыскание резервов (при условии полного использования оборотной кассовой наличности) для своевременного и полного финансирования расходов, или приводит к излишку денежных средств [9, с. 188].

Для нивелирования отрицательного влияния объективных факторов, возникающих в ходе исполнения бюджета, необходимо использовать комплекс законодательно разрешенных финансовых инструментов, способных восстановить платежеспособность соответствующего бюджета.

В частности, при образовании излишка бюджетных средств оперативное управление включает размещение временно свободных средств бюджета на депозиты банков, приобретение ценных бумаг, совершение сделок РЕПО и применение некоторых других финансовых инструментов. При временном недостатке средств компетентные органы прибегают к заимствованиям как на внутреннем, так и внешних рынках, включая выпуск государственных ценных бумаг, еврооблигаций, взаимному предоставлению бюджетных кредитов различными уровнями бюджетов для обеспечения их сбалансированности, получению международных кредитов, продаже/покупке иностранной валюты при дефиците/избытке национальной валюты [14, с. 52–53].

Выбор финансовых инструментов и эффективное их применение требуют проведения качественной оценки ликвидности бюджета. Решение данной задачи заключается в совершенствовании уже используемых методов оценки ликвидности бюджета, а также разработке новых, которые в случае их успешной апробации могут быть внедрены в процесс бюджетирования.

В настоящее время основные подходы к определению ликвидности бюджета основаны на соизмерении поступлений в бюджет из различных источников с принятыми в установленном законодательством порядке бюджетными обязательствами. В данном случае определяется текущее финансовое обеспечение бюджета [9, с. 549–559]. Однако оно не дает возможности определить, каков будущий уровень поступлений в бюджет, а также сколько потребуется средств для осуществления предстоящих платежей. Очевидно, что в процессе исполнения бюджета оценка ликвидности должна идти со значительным опережением, т.е. заранее прогнозироваться, как в краткосрочной перспективе, так и в более отдаленном временном интервале.

В настоящее время для определения уровня ликвидности на будущий период используется метод кассового планирования бюджета, который основан как на фактической, так и на прогнозной информации и является основным методом при оценке уровня ликвидности бюджета. Выходной формой реализации этого метода является кассовый план.

В законодательстве Республики Беларусь термин «кассовый план» не определен. В то же время, например в Бюджетном кодексе Российской Федерации [15], дается определение кассового плана, под которым понимается прогноз кассовых поступлений в бюджет и кассовых выплат из бюджета в текущем финансовом году (ст. 217.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации).

Система расчетных значений кассового плана, включающая как статьи доходов, расходов, так и источников финансирования дефицита бюджета (направлений использования профицита), позволяет определять текущее состояние ликвидности бюджета, анализировать тенденции ее изменения в течение финансового года. В итоге формируется консолидированная информация, отображающая отчетные показатели бюджета, его текущее состояние, а также прогноз на будущий период.

При этом кассовый план может быть составлен в нескольких вариантах. Многовариантное планирование позволит предусмотреть различные сценарии возможного исполнения бюджета с целью выработки соответствующих мер бюджетной политики для нивелирования повлиявших на исполнение бюджета отрицательных факторов, или в случае профицита предложений для инвестирования временно свободных денежных средств бюджета [9, с. 462–463].

Для эффективной работы в данном направлении современные автоматизированные системы должны обеспечивать возможность сопоставления в режиме реального времени кассовых поступлений в бюджет и кассовых выплат из бюджета согласно бюджетным обязательствам и определять объем временно свободных средств бюджета в случае его потенциального возникновения.

Функция по разработке кассового плана в Министерстве финансов Республики Беларусь возложена на Главное государственное казначейство, которое анализирует фактическую информацию об исполнении бюджета, а также получает сведения от иных управлений Министерства финансов. На основе составленного кассового плана принимаются решения в части операций по управлению ликвидностью бюджета.

Ниже приведем порядок составления и ведения кассового плана исполнения республиканского бюджета в Министерстве финансов Республики Беларусь (см. рисунок).

Следует отметить, что сегодня в практической деятельности казначейства для определения уровня ликвидности используется лишь метод кассового планирования бюджета. Данное обстоятельство подчеркивает ограниченность применяемых методов и указывает на необходимость проведения дальнейших изысканий в этом направлении.

В частности, идентификация нами казначейства как банковского учреждения делает правомерным рассмотрение методов оценки уровня ликвидности, используемых в банковской практике, с целью возможного их применения для оценки уровня ликвидности бюджета [16, с. 11–14]. При этом следует отметить, что приводимые ниже методы могут с успехом использоваться параллельно с разработкой кассового плана, дополняя и уточняя его показатели.

Например, модель «запаса» Миллера-Орра позволяет таргетировать остатки средств на ЕКС. Полагаем, что данный метод позволит при совместном применении с методом кассового планирования бюджета моделировать («настраивать») значения показателей кассового плана. Новизна использования модели Миллера-Орра при оценке уровня ликвидности бюджета заключается в его применении при установлении верхнего и нижнего уровней значений остатка средств на ЕКС для планирования дальнейших активных действий специалистов казначейства по управлению ликвидностью бюджета.

Организация работы по составлению и ведению кассового плана
в Министерстве финансов Республики Беларусь

Источники: разработано авторами.

С помощью модели «запаса» Уолена имеется возможность рассчитать совокупные издержки бюджета, связанные как с потерей дохода от хранения денежных средств в ликвидной форме, так и издержек от возникновения нетто-ликвидной позиции бюджета, скорректированной на потери от привлечения дополнительных заемных средств. Кроме того, модель Уолена позволит отразить взаимозависимость запаса ликвидных ресурсов от изменения уровня процентных ставок, колебания предельных издержек бюджета от потери потенциальных доходов бюджета (доходов от дополнительного привлечения средств), а также вероятности возникновения отрицательной нетто-ликвидной позиции бюджета и степени неопределенности в осуществлении платежей.

По нашему мнению, модели «запаса» могут служить для оценки текущего состояния ликвидности бюджета, но не могут выдать прогноз уровня ликвидности бюджета в будущем и ответ на вопрос, что необходимо предпринять, чтобы снизить уровень риска потери ликвидности бюджета.

При применении модели «потока», в частности GAP-анализа, имеется возможность сопоставить поступления доходов в бюджет и оплату расходных обязательств из бюджета «по срокам». Метод детализирует оценку уровня ликвидности бюджета по сроку поступлений доходов (оплаты расходов) и основан на составлении детализированного прогноза на различные периоды времени (неделя, декада, половина месяца, месяц и т.д.). Также возможно получение прогнозного результата исполнения бюджета (кассовый разрыв или избыток ликвидности) для выбранного промежутка времени.

Коэффициентный метод позволит осуществлять мониторинг уровня ликвидности бюджета с целью определения отдельных характеристик текущего и прогнозного его состояния для того, чтобы при необходимости внести корректировки в кассовый план.

Полагаем, что совместное применение метода кассового планирования бюджета с методами «запаса» Миллера-Орра и Уолена, «потока» GAP-анализ, коэффициентного метода окажет положительное влияние на определение оценки уровня ликвидности бюджета и позволит дать аналитическое пояснение показателям кассового плана.

Таким образом, на основе анализа научной литературы, посвященной вопросам ликвидности, авторами определено понятие «ликвидность» по отношению к бюджету, его отличие от аналогичного понятия, применяемого в банковской сфере. Обоснована роль ликвидности бюджета в обеспечении стабильности бюджетной системы Республики Беларусь и финансировании государственных расходов.

Предложенные авторами адаптированные к бюджетному процессу методы оценки уровня ликвидности бюджета, при одновременном их применении с методом кассового планирования бюджета, позволят обеспечить сопоставление бюджетных поступлений и выплат из него, согласно расходным обязательствам, и определять потенциально возможный временный недостаток или избыток средств бюджета в различных временных интервалах. Это создаст основу для прогнозирования ликвидности бюджета.

Источники

1. Сорокина, Т. В. Управление бюджетными рисками: теоретический аспект [Электронный ресурс] / Т. В. Сорокина // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты : электронный сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 7–8 июня 2018 г. / Полоцкий гос. ун-т. — Новополоцк, 2018. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35583017>. — Дата доступа: 04.12.2018.

Sorokina, T. V. Budget Risk Management: Theoretical Aspect [Electronic resource] / T. V. Sorokina // Sustainable development of the economy: international and national aspects : electronic coll. art. II Intern. sci. and practical conf., Novopolotsk, 7–8 June 2018 / Polotsk State Univ. — Novopolotsk, 2018. — Mode of access: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35583017>. — Date of access: 04.12.2018.

2. Грицкевич, Д. А. Теоретические аспекты ликвидности бюджета / Д. А. Грицкевич // Финансы. Учет. Аудит. — 2018. — № 2. — С. 49–51.

Gritskevich, D. A. Theoretical aspects of budget liquidity / D. A. Gritskevich // Finance. Accounting. Audit. — 2018. — № 2. — P. 49–51.

3. Кураков, Л. П. Большой толковый словарь экономических и юридических терминов / Л. П. Кураков, В. Л. Кураков. — М. : Вуз и школа, 2001. — 720 с.

Kurakov, L. P. Bol'shoy tolkovyy slovar' ekonomicheskikh i yuridicheskikh terminov / L. P. Kurakov, V. L. Kurakov. — M. : Vuz i shkola, 2001. — 720 s.

4. Большой экономический словарь / А. Н. Азрилиян [и др.] ; под ред. А. Н. Азрилияна. — 5-е изд., доп. и перераб. — М. : Ин-т новой экономики, 2002. — 1280 с.

Bol'shoy ekonomicheskii slovar' / A. N. Azriliyan [i dr.] ; pod red. A. N. Azriliyana. — 5-e izd., dop. i pererab. — M. : In-t novoy ekonomiki, 2002. — 1280 s.

5. Золотогоров, В. Г. Экономика: Энциклопедический словарь / В. Г. Золотогоров. — Минск : Интерпрессервис : Кн. дом, 2003. — 720 с.

Zolotogorov, V. G. Ekonomika: Entsiklopedicheskiy slovar' / V. G. Zolotogorov. — Minsk : Interpresservis : Kn. dom, 2003. — 720 s.

6. Румянцева, Е. Е. Новая экономическая энциклопедия / Е. Е. Румянцева. — 2-е изд. — М. : ИНФРА-М, 2006. — 810 с.

Rumyantseva, E. E. Novaya ekonomicheskaya entsiklopediya / E. E. Rumyantseva. — 2-e izd. — M. : INFRA-M, 2006. — 810 s.

7. Райзберг, Б. А. Современный социоэкономический словарь / Б. А. Райзберг. — М. : ИНФРА-М, 2010. — 629 с.

Rayzberg, B. A. Sovremennyy sotsioekonomicheskii slovar' / B. A. Rayzberg. — M. : INFRA-M, 2010. — 629 s.

8. Рашидов, Т. М. Управление ликвидностью коммерческого банка на основе нивелирования рисков : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10 / Т. М. Рашидов ; Ростов. гос. экон. ун-т. — Ростов н/Д, 2016. — 25 с.

Rashidov, T. M. Upravlenie likvidnost'yu kommercheskogo banka na osnove nivelirovaniya riskov : avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk : 08.00.10 / T. M. Rashidov ; Rostov. gos. ekon. un-t. — Rostov n/D, 2016. — 25 s.

9. Сорокина, Т. В. Государственный бюджет : учебник / Т. В. Сорокина. — Минск : БГЭУ, 2012. — 618 с.

Sorokina, T. V. State budget : textbook / T. V. Sorokina. — Minsk : BSEU, 2012. — 618 p.

10. Бюджетный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 2008 г., № 412-З : принят Палатой представителей 17 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.

11. Пролубникова, О. Е. Ликвидность единого казначейского счета. Направления развития и идентификация показателей / О. Е. Пролубникова // Фундам. исслед. — 2013. — № 10. — С. 646–649.

Prolubnikova, O. E. Liquidity of the uniform exchequer account. Directions of progress and identification of parameters / O. E. Prolubnikova // Fundamental research. — 2013. — № 10. — P. 646–649.

12. Прокофьев, С. Е. Единый казначейский счет Федерального казначейства: состояние и перспективы / С. Е. Прокофьев, В. Н. Саранцев // Финансы и кредит. — 2010. — № 11 (395). — С. 2–7.

Prokofiev, S. E. Treasury Single Account of the Federal Treasury: Status and Prospects / S. E. Prokofiev, V. N. Sarantsev // Finance and Credit. — 2010. — № 11 (395). — P. 2–7.

13. Богославцева, Л. В. Проблемы управления ликвидностью единого казначейского счета на современном этапе / Л. В. Богославцева // Финансовые исслед. — 2014. — № 4 (45). — С. 98–107.

Bogoslavtseva, L. V. Problems of liquidity management Treasury Single Account at the present stage / L. V. Bogoslavtseva // Financial research. — 2014. — № 4 (45). — P. 98–107.

14. Грицкевич, Д. А. Управление ликвидностью единого казначейского счета / Д. А. Грицкевич // Финансы. Учет. Аудит. — 2017. — № 11. — С. 51–54.

Gritskevich, D. A. Management of liquidity of the Treasury Single Account / D. A. Gritskevich // Finance. Accounting. Audit. — 2017. — № 11. — P. 51–54.

15. Бюджетный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 31 июля 1998 г., № 145-ФЗ : принят Гос. Думой 17 июля 1998 г. : одобр. Советом Федерации 17 июля 1998 г. : в ред. Федер. закона от 11.10.2018 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2018.

16. Астрелина, В. В. Управление ликвидностью в российском коммерческом банке : учеб. пособие / В. В. Астрелина, П. К. Бондарчук, П. С. Шальнов. — М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2012. — 176 с.

Astrelin, V. V. Liquidity Management in a Russian Commercial Bank : textbook / V. V. Astrelin, P. K. Bondarchuk, P. S. Shalnov. — M. : FORUM : INFRA-M, 2012. — 176 p.

Статья поступила в редакцию 06.12.2018 г.

УДК 620.91

E. Sushkevich
BSEU (Minsk)

METHODOLOGIES FOR ASSESSING THE EFFICIENCY OF THE APPLIED INSTRUMENTS OF RENEWABLE ENERGY SOURCES USE STIMULATION

In this article methodologies used in the EU countries to assess the efficiency of different instruments of renewable energy sources use stimulation are discussed. The data on the results of the World Bank specialists study by regarding the efficiency of relevant incentive policies in 111 countries of the world are presented. Information on the number of countries supporting the development of renewable energy is provided.

Keywords: *renewable energy sources; incentive instruments; government support; efficiency; evaluation methods.*

МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЯЕМЫХ ИНСТРУМЕНТОВ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ

В статье рассмотрены методики, используемые в странах ЕС для оценки эффективности применяемых инструментов стимулирования использования возобновляемых источников энергии. Приведены данные Всемирного банка о результативности государственной политики поддержки возобновляемой энергетики в 111 странах мира. Представлена информация о количестве стран, оказывающих поддержку развитию возобновляемой энергетики.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии; инструменты стимулирования; государственная поддержка; эффективность; методики оценки.

Возобновляемая энергетика — один из наиболее динамично развивающихся секторов энергетики, коренным образом изменивший мировой энергетический баланс. Размер инвестиций в проекты, связанные с использованием возобновляемых источников энергии (ВИЭ), в мировом масштабе в 2017 г. составил 279,8 млрд дол. США и по сравнению с 2010 г. вырос в 1,3 раза; доля ВИЭ в мировом производстве электроэнергии составила 26,5 % и по сравнению с 2010 г. увеличилась на 7,1 % [1, с. 41, 139; 2, с. 18, 35].

Успехам в своем развитии возобновляемая энергетика в значительной мере обязана активной государственной поддержке. Следует отметить, что себестоимость производства отдельных видов энергии из ВИЭ с каждым годом снижается, но она все еще больше себестоимости производства энергии из традиционного углеводородного топлива. Поэтому как в настоящее время, так и в ближайшем будущем возобновляемая энергетика не сможет эффективно функционировать без поддержки со стороны государства.

В 2017 г. с учетом того, что годом ранее в группу стран, оказывающих государственную поддержку развитию возобновляемой энергетики, вошли Боливия, Суринам, Саудовская Аравия, Катар и Косово, количество таких стран составило 151 [1, с. 64–67; 3, с. 130–133].

Специфика применяемых экономических инструментов стимулирования использования возобновляемых источников энергии в различных странах зависит от преобладания в конкретной стране тех или иных видов ВИЭ, уровня ее экономического и научно-технического развития, политики правительства в отношении стратегии развития возобновляемой энергетики и др.

К числу основных инструментов стимулирования использования ВИЭ можно отнести:

- компенсационные тарифы (фиксированные тарифы и тарифы с надбавкой к рыночной цене);
- портфельные стандарты (система квотирования);
- «зеленые» сертификаты;
- тендеры;
- гарантированное подключение к сети;
- приоритетную покупку электроэнергии из ВИЭ;
- систему «чистого измерения» (возврат электроэнергии в сеть);
- предоставление субсидий, дотаций или налоговых вычетов;
- налоговые преференции при осуществлении инвестиционной деятельности и производстве электроэнергии из ВИЭ;
- государственные инвестиции, ссуды, гранты [2, с. 94–95].

Следует отметить, что субсидии, дотации и налоговые преференции являются традиционными и универсальными инструментами экономического механизма стимулирования развития различных отраслей экономики. Опыт их применения в развитых странах исчисляется многими десятилетиями.

Что же касается таких инструментов, как фиксированные тарифы и тарифы с надбавкой к рыночной цене, система «чистого измерения», портфельные стандарты, «зеленые» сертификаты и т.д., то опыт их применения невелик (указанные инструменты начали использоваться в 90-х гг. XX в.).

В большинстве стран мира, как правило, одновременно применяется несколько инструментов стимулирования использования ВИЭ, причем по данным Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (International Renewable Energy Agency (IRENA)) на страны с высоким уровнем дохода на душу населения в среднем приходится 4,8 инструмента, на страны с низким уровнем дохода на душу населения — только 2,2 [3, с. 130–133].

Наибольших успехов в развитии возобновляемой энергетики сегодня достигли страны, которые создали и совершенствуют экономический механизм стимулирования использования ВИЭ на основе проведения продуманной долгосрочной политики, четкого определения ее целей и создания серьезной правовой базы — это страны ЕС, США, Китай.

В 2017 г. поддержка развития возобновляемой энергетики в рамках утвержденной государственной политики оказывалась при производстве электроэнергии из ВИЭ в 121 стране мира, при производстве биотоплива — в 70 странах, при использовании ВИЭ для целей отопления/охлаждения — в 21 стране. Целевые показатели на государственном уровне относительно реализации соответствующих направлений использования ВИЭ были установлены в 146, 42 и 48 странах [1, с. 51, 53].

Не оказывалось содействие развитию возобновляемой энергетики и не проводилась соответствующая политика преимущественно в странах Африки и Азии (рис. 1) [1, с. 54].

Рис. 1. Страны, применявшие либо не применявшие политику стимулирования использования ВИЭ в 2017 г.

Источники: разработано автором на основе [1, с. 54].

Для оценки эффективности инструментов стимулирования использования ВИЭ применяется ряд индикаторов. В частности, Международное агентство по ВИЭ (IRENA) и Fraunhofer (крупнейший исследовательский институт солнечной энергии в Европе) выделяют следующие индикаторы:

1) *индикатор выполнения целевых показателей развития возобновляемой энергетики (Effectiveness indicator)*, который характеризует способность используемых в стране инструментов стимулирования обеспечить увеличение доли потребляемой электроэнергии из ВИЭ. Он рассчитывается как отношение прироста производства электроэнергии из ВИЭ в году n по сравнению с производством такой электроэнергии из ВИЭ в 2020 г. относительно года $n - 1$ [4, с. 14–15, 55; 5, с. 5];

2) *индикатор степени государственной поддержки производителей электроэнергии из ВИЭ (Efficiency indicator)*, который характеризует соотношение между общей суммой получаемой государственной поддержки и затратами на производство электроэнергии из ВИЭ. Чем ближе уровень поддержки к затратам на производство, тем более эффективен механизм поддержки с точки зрения возмещения фактических затрат [4, с. 20, 55; 5, с. 2];

3) *индикатор состояния развития рынка ВИЭ-технологий (Deployment status indicator)*, который рассчитывается на основании трех субиндикаторов: доли производства электроэнергии из ВИЭ в общем объеме потребления электроэнергии в стране, доли производства электроэнергии из ВИЭ в прогнозируемом объеме ее производства в 2020 г., установленной мощности ВИЭ-установок. Данный индикатор позволяет определить, к какому типу можно отнести рынок ВИЭ-технологий в конкретной стране — незрелому, промежуточному либо зрелому [4, с. 17–18; 5, с. 11–16];

4) *индикатор готовности рынка электроэнергии к интеграции электроэнергии из ВИЭ (Electricity market preparedness indicator)*, который рассчитывается на основании пяти субиндикаторов: доли операторов системы передачи электроэнергии, которые владеют как производственной, так и распределительной инфраструктурой; количества компаний с более чем 5 % -й долей генерирующих мощностей на оптовом рынке электроэнергии; количества компаний с более чем 5 % -й долей на розничном рынке электроэнергии; доли электроэнергии из ВИЭ, приобретаемой на энергетической бирже, в общем объеме потребления электроэнергии; времени для «закрытия ворот» на энергетических биржах. Данный индикатор позволяет оценить структуру действующего рынка электроэнергии, наличие потенциальных препятствий для внедрения ВИЭ-технологий на данном рынке и связанные с этим риски инвесторов [4, с. 60–61; 5, с. 22–24].

Указанные выше индикаторы в течение нескольких десятилетий использовались для оценки государственной политики поддержки возобновляемой энергетики в странах ЕС.

В 2017 г. было опубликовано исследование «Регулятивные индикаторы для оценки устойчивой энергетики» (Regulatory indicators for sustainable energy), в рамках которого специалистами Всемирного банка была проведена оценка результативности политики 111 стран мира по трем направлениям: в области доступа граждан к энергии, в области энергоэффективности и в области государственной поддержки возобновляемой энергетики [6, с. II].

Для оценки результативности государственной политики поддержки возобновляемой энергетики и ее инструментов в конкретной стране была предложена методика, в основу которой были положены семь индикаторов: наличие законодательной базы в области возобновляемой энергетики; наличие целевых показателей расширения масштабов использования ВИЭ; виды инструментов стимулирования использования ВИЭ; проведение определенной государственной политики в области поддержки возобновляемой энергетики; правила присоединения к сети ВИЭ-установок; риски контрагентов;

порядок установления платы за выбросы CO₂ и их мониторинг. В рамках указанных индикаторов был проведен анализ восемнадцати субиндикаторов [6, с. 55–65].

В результате проведенного исследования все 111 стран получили итоговые оценки от 0 до 100 баллов и были разделены на три группы или «зоны». В «зеленую зону» вошли 34 страны, набравшие 67–100 баллов; в «желтую зону» — 51 страна, набравшая 34–66 баллов; в «красную зону» — 26 стран, набравшие 0–33 балла [6, с. 135].

Лидерами в области эффективного использования инструментов государственной поддержки возобновляемой энергетики, вошедших в «зеленую зону», стали девять стран: Дания (94 балла из 100), Нидерланды (92 балла), Германия (90 баллов), Великобритания и Швейцария (89 баллов), Канада и Чехия (87 баллов), США и Италия (85 баллов) [6, с. 135].

За исключением Чехии в восьми странах-лидерах использовались компенсационные тарифы, в том числе только фиксированные тарифы — в Великобритании, Швейцарии, Канаде; только тарифы с надбавкой к рыночной цене — в Дании, Нидерландах, Италии; оба тарифа — в США и Германии. Все страны-лидеры использовали такие инструменты, как налоговые преференции, субсидии, дотации, налоговые вычеты, государственные инвестиции, ссуды, гранты. В то же время «зеленые сертификаты» использовались в шести странах, система «чистого измерения» — в пяти странах, портфельные стандарты и тендеры — только в трех из девяти стран [7, с. 119].

В целом в большинстве стран «зеленой зоны» преобладали такие инструменты, как налоговые преференции, государственные инвестиции, ссуды, гранты и субсидии, дотации, налоговые вычеты (их использовали 29 стран), фиксированные тарифы (22 страны), тендеры и «зеленые сертификаты» (21 страна). К числу менее распространенных инструментов можно отнести портфельные стандарты и систему «чистого измерения» (применялись в 16 странах), а также тарифы с надбавкой к рыночной цене, которые использовали только в 8 из 34 стран «зеленой зоны» [7, с. 119–121].

В странах «желтой зоны» преимущественно использовались такие инструменты как налоговые преференции (36 стран из 51), государственные инвестиции, ссуды, гранты (27 стран), фиксированные тарифы (24 страны), тендеры (20 стран). При этом ни в одной стране данной зоны не применялись тарифы с надбавкой к рыночной цене. Субсидии, дотации, налоговые вычеты использовались в 17 странах, система «чистого измерения» — в 15 странах, портфельные стандарты — в 8 странах, «зеленые сертификаты» — только в 3 странах [7, с. 119–121].

Страны «красной зоны», к числу которых относится большинство стран Африки, ряд стран Азии и Латинской Америки, в основном использовали такие инструменты, как налоговые преференции (12 стран из 26) и государственные инвестиции, ссуды, гранты (7 стран). Фиксированные тарифы и тендеры применялись только в 2 странах; система «чистого измерения» и субсидии, дотации, налоговые вычеты — в 1 стране. Тарифы с надбавкой к рыночной цене, портфельные стандарты и «зеленые сертификаты» не использовались ни в одной из стран «красной зоны» (рис. 2) [7, с. 121].

Таким образом, анализ результатов исследования, проведенного специалистами Всемирного банка в отношении государственной политики поддержки возобновляемой энергетики, показал, что в странах «зеленой зоны» преимущественно использовались такие инструменты, как налоговые преференции; государственные инвестиции, ссуды, гранты; субсидии, дотации, налоговые вычеты; фиксированные тарифы.

В странах «желтой зоны» преобладали налоговые преференции; государственные инвестиции, ссуды, гранты; фиксированные тарифы; тендеры. В странах «красной зоны» стимулирование использования ВИЭ практически не осуществлялось. В тех странах, в которых поддержка возобновляемой энергетики оказывалась, применялись преимущественно такие инструменты, как налоговые преференции и государственные инвестиции, ссуды, гранты.

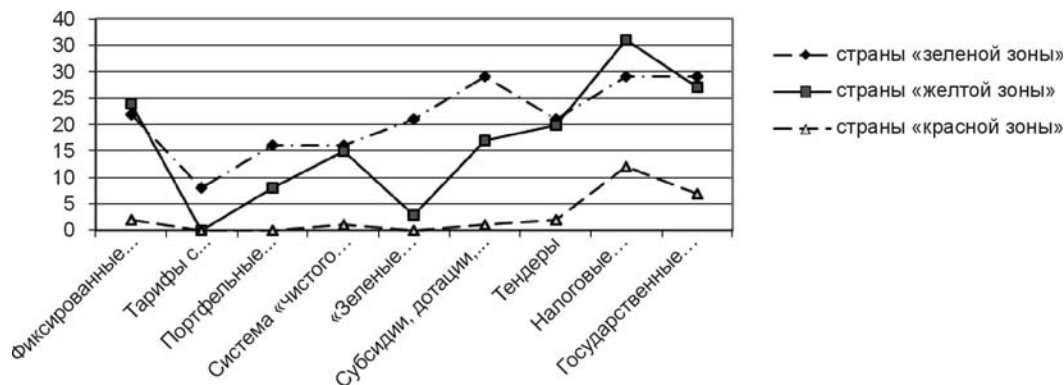

Рис. 2. Инструменты стимулирования, используемые в странах, отнесенных к «зеленой», «желтой» и «красной» зонам

Источники: разработано автором на основе [7, с. 119–121].

Проведенное автором исследование показало, что в настоящее время сочетание таких инструментов, как тендерная система с использованием квотирования, фиксированные тарифы, субсидии, дотации, налоговые вычеты, государственные инвестиции, ссуды, гранты является наиболее приемлемым для Республики Беларусь. В долгосрочной перспективе при условии создания оптового рынка электроэнергии из ВИЭ целесообразно также использовать тарифы с надбавкой к рыночной цене.

Необходимо отметить, что на эффективность применения инструментов стимулирования существенное влияние оказывает механизм их использования (например, насколько высоки фиксированные тарифы и насколько они покрывают капитальные и операционные затраты инвесторов, каков размер налоговых вычетов, в какие именно ВИЭ-технологии осуществляется государственное инвестирование, по каким видам ВИЭ проводятся тендеры, каковы размеры установок, участвующих в данных тендерах, и т.д.). По этой причине применение одних и тех же инструментов стимулирования в разных странах может сопровождаться различными результатами в виде динамики, масштабов и эффективности развития возобновляемой энергетики.

В связи с этим выбор приоритетных инструментов стимулирования использования ВИЭ, а также формирование экономически обоснованного механизма их применения в каждой отдельной стране должны осуществляться как с учетом опыта других государств, так и с учетом социально-экономических, производственно-технологических, экологических и иных особенностей данной страны.

Источники

1. Renewables 2018: global status report [Electronic resource] // Renewable Energy Policy Network for the 21st century. — Mode of access: http://www.ren21.net/wp-content/uploads/2018/06/17-8652_GSR2018_FullReport_web_-1.pdf. — Date of access: 05.11.2018.
2. Renewables 2011: global status report [Electronic resource] // Renewable Energy Policy Network for the 21st century. — Mode of access: http://www.ren21.net/Portals/0/documents/Resources/GSR2011_FINAL.pdf. — Date of access: 05.11.2018.
3. Renewables 2017: global status report [Electronic resource] / Renewable Energy Policy Network for the 21st century. — Mode of access: http://www.ren21.net/wp-content/uploads/2017/06/17-8399_GSR_2017_Full_Report_0621_Opt.pdf. — Date of access: 06.11.2018.
4. Evaluating renewable energy policy : A Review of Criteria and Indicators for Assessment [Electronic resource] // The International Renewable Energy Agency. — Mode of access: http://www.irena.org/DocumentDownloads/Publications/Evaluating_RE_Policy.pdf. — Date of access: 05.11.2018.

5. RE-Shaping: shaping an effective and efficient European renewable energy market. D5 & D6 report: indicators assessing the performance of renewable energy support policies in 27 member states [Electronic resource] / A. Held [et al.] // RE-shaping. — Mode of access: http://www.reshaping-res-policy.eu/downloads/RE-Shaping_%20D5D6_Report_final.pdf. — Date of access: 06.11.2018.

6. Regulatory indicators for sustainable energy: a global scorecard for policy makers [Electronic resource] / S. G. Banerje [et al.] // The World Bank. — Mode of access: <http://documents.worldbank.org/curated/en/538181487106403375/pdf/112828-REVISED-PUBLIC-RISE-2016-Report.pdf>. — Date of access: 06.11.2018.

7. Renewables 2016: global status report [Electronic resource] // Renewable Energy Policy Network for the 21st century. — Mode of access: http://www.ren21.net/wp-content/uploads/2016/06/GSR_2016_Full_Report.pdf. — Date of access: 06.11.2018.

8. Сушкевич, Е. А. Модели государственной поддержки и стимулирования развития возобновляемой энергетики: зарубежный опыт / Е. А. Сушкевич // Актуальные вопросы экономических наук : сб. материалов XXIX Междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 21 февр. 2013 г. / под общ. ред. С. С. Чернова. — Новосибирск, 2013. — С. 93–98.

Sushkevich, E. A. Models of government support and stimulation of renewable energy development: foreign experience / E. A. Sushkevich // Current questions of economic sciences : coll. of materials of XXIX Intern. sci.-practical conf., Novosibirsk, 21 Febr. 2013 / under the gen. editorship of S. S. Chernov. — Novosibirsk, 2013. — P. 93–98.

Статья поступила в редакцию 22.11.2018 г.

УДК 339.55 (476)

I. Urish
S. Stasiukevich
O. Ostalceva
BSEU (Minsk)

ASSESSMENT OF THE STATE AND CHANGE OF THE DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF FOREIGN TRADE OF THE GOODS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article assesses the state of foreign trade, analyzes its product and regional structure, identifies problems, identifies areas for development.

Keywords: foreign trade of the Republic of Belarus; foreign trade turnover; foreign trade balance; export; import; commodity structure; regional structure; development directions.

И. В. Уриш
кандидат экономических наук, доцент
С. В. Стасюкевич
О. Ю. Остальцева
БГЭУ (Минск)

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ТОВАРАМИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье дана оценка состояния внешней торговли, проведен анализ ее товарной и региональной структуры, выявлены проблемы, определены направления развития.

Ключевые слова: внешняя торговля Республики Беларусь; внешнеторговый оборот; сальдо внешней торговли; экспорт; импорт; товарная структура; региональная структура; направления развития.

Республика Беларусь, являясь страной с открытой экономикой, проводит многовекторную внешнеэкономическую политику, направленную на укрепление своей роли на мировой арене, расширение и закрепление перспективных рынков сбыта для отечественных товаров и услуг.

Развитие внешней торговли имеет доминирующее значение для экономики Республики Беларусь, поскольку обеспечивает потоки товаров, услуг, информации, капиталов между нашей страной и другими странами мира, тем самым оказывая влияние на структурную перестройку экономики, стабильность национальной денежной системы, формирование доходов бюджета.

В условиях дальнейшей интеграции Республики Беларусь в систему мирохозяйственных связей особую актуальность представляет выявление направлений развития внешней торговли страны.

Следует отметить, что структура промышленного комплекса определяет высокую степень открытости экономики Республики Беларусь, ее ориентированность на внешние рынки. Более 50 % производимых в стране товаров поставляется на экспорт. В последнее десятилетие динамика внешней торговли Республики Беларусь характеризуется стремительным увеличением объемов товарооборота. Это обусловлено высокими темпами экономического роста, повышением научно-технического и транзитного потенциала, участием в интеграционных процессах, а также диверсификацией торгово-экономических отношений с другими регионами мира.

Анализируя динамику внешней торговли Республики Беларусь за период 2010–2017 гг., можно сделать вывод о том, что внешнеторговый товарооборот за 2017 г. составил в денежном выражении 63 475 млн дол. США, что обеспечило его прирост на 5,5 %. В сравнении с предыдущим 2016 г. данный показатель увеличился на 12 327 млн дол. США или на 24,1 %, что отражено в табл. 1.

Таблица 1. Основные показатели внешней торговли товарами Республики Беларусь за период 2010–2017 гг., млн дол. США

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп роста (2017 г. к 2010 г.), %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Оборот внешней торговли товарами Республики Беларусь	60 168	87 178	92 464	80 226	76 583	56 952	51 148	63 475	105,5
Экспорт	25 284	41 419	46 060	37 203	36 081	26 660	23 538	29 240	115,6
Импорт	34 884	45 759	46 404	43 023	40 502	30 292	27 610	34 235	98,1
Сальдо	–9600	–4340	–344	–5820	–4421	–3632	–4072	–4995	52,0
Со странами СНГ	34 172	48 470	53 834	48 224	45 295	32 419	31 194	38 564	112,9
Экспорт	13 636	20 375	23 693	23 015	21 208	14 076	14 648	17 493	128,3
Импорт	20 536	28 095	30 141	25 209	24 187	18 343	16 546	21 071	102,6
Сальдо	–6900	–7720	–6448	–2194	–3079	–4267	–1898	–3578	51,9
Из них с Россией	28 035	39 439	43 860	39 742	37 371	27 541	26 255	32 497	115,9
Экспорт	9954	14 509	16 309	16 837	15 181	10 398	10 948	12 898	129,6

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Импорт	18 081	24 930	27 551	22 905	22 190	17 143	15 307	19 599	108,4
Сальдо	-8127	-10 421	-11 242	-6068	-7009	-6745	-4359	-6701	82,5
Со странами вне СНГ	25 996	38 708	38 630	32 002	31 288	24 533	19 954	24 911	95,8
Экспорт	11 648	21 044	22 367	14 188	14 973	12 584	8890	11 747	100,8
Импорт	14 348	17 664	16 263	17 814	16 315	11 949	11 064	13 164	91,7
Сальдо	-2700	3380	6104	-3626	-1342	635	-2174	-1417	52,5

Источники: составлено авторами на основе [1].

Вместе с тем во внешней торговле Республики Беларусь за период 2010–2017 гг. наблюдалось превышение темпов роста импорта над темпами роста экспорта, что отражено на рис. 1.

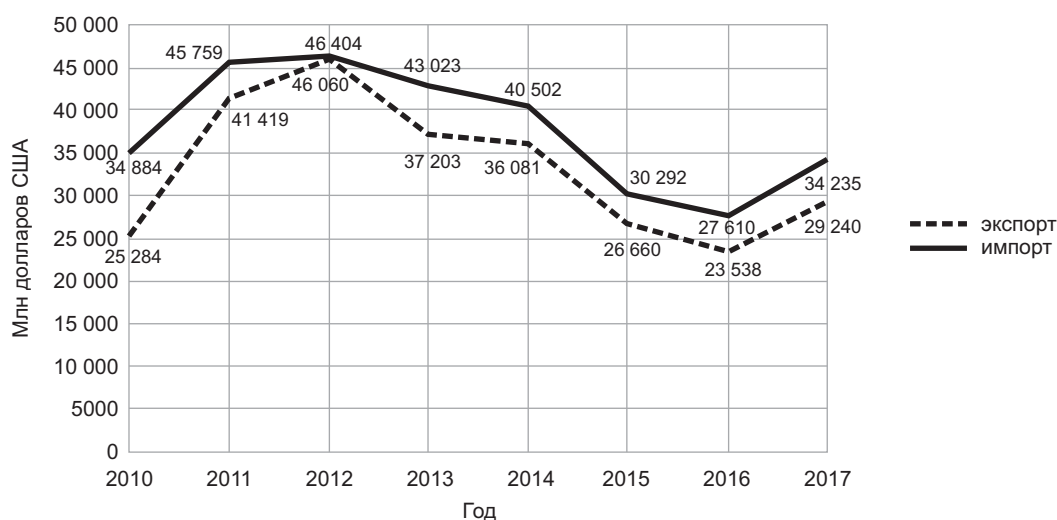

Рис. 1. Динамика объемов экспорта и импорта товаров Республики Беларусь за 2010–2017 гг.

Источники: составлено авторами на основе [1].

Данная негативная тенденция обуславливает сохранения отрицательного значения внешнеторгового сальдо. Наибольший разрыв наблюдался в 2010 г., когда сальдо внешней торговли составляло минус 9600 млн дол. США. Ситуация несколько улучшилась в 2012 г. и отрицательное сальдо сократилось до 344 млн дол. США. Однако начиная с 2013 г. во внешней торговле вновь наблюдается дисбаланс за счет превышения импорта над экспортом, что не позволяет достичь положительного значения внешнеторгового сальдо.

При рассмотрении региональной структуры внешней торговли следует отметить, что Республика Беларусь поддерживает торговые отношения более чем с 200 государствами мира [2]. На страны СНГ приходилось более 50 % объема внешней торговли Республики Беларусь за период 2010–2017 гг.

На долю стран — участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 2017 г. пришлось 33 358,9 млн дол. США, что на 24,7 % превышает оборот 2016 г. При том что

наибольший удельный вес занимает Российская Федерация — 32 496,8 млн дол. США. Внешнеторговый оборот с Казахстаном, Арменией и Кыргызстаном в 2017 г. составил соответственно 689,3, 42,7 и 130,1 млн дол. США [1].

Во внешнеторговом обороте Республики Беларусь определенное место занимают страны Европейского союза и страны дальнего зарубежья. Лидирующие позиции в 2017 г. по объему оборота внешней торговли занимали такие государства, как Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Нидерланды, Литва, Польша, Германия, Турция, Италия, Китай.

Динамично развиваются торговые отношения с партнерами в Латинской Америке — Эквадором, Бразилией, в Азиатском регионе — ОАЭ, Израилем, Индонезией, Индией, Японией [2].

Объемы экспорта товаров из Республики Беларусь в страны СНГ в целом имеют положительную динамику: прирост экспорта за период 2010–2017 гг. составил 28,3 %, что отражено в табл. 2.

Таблица 2. Экспорт товаров из Республики Беларусь в страны СНГ за период 2010–2017 гг., млн дол. США

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп роста (2017 г. к 2010 г.), %
Всего	13 636,0	20 375,0	23 693,0	23 015,0	21 108,0	14 076,0	14 648,0	17 493,4	128,3
Азербайджан	140,2	200,2	211,1	277,8	318,0	285,7	135,4	150,5	107,3
Армения	42,1	26,5	38,7	32,4	29,2	27,8	22,0	34,5	81,9
Казахстан	464,8	674,0	806,9	870,4	879,4	525,1	363,9	592,2	127,4
Кыргызстан	85,5	218,2	141,8	98,2	88,8	55,4	48,7	123,5	144,4
Республика Молдова	165,2	242,3	253,4	265,1	260,9	119,0	117,7	133,2	80,6
Россия	9953,6	14 508,6	16 308,9	16 838,0	15 181,0	10 398,0	10 948,0	12 897,7	129,6
Таджикистан	42,1	50,8	48,4	29,7	30,6	20,9	17,6	39,5	93,8
Туркменистан	87,2	230,3	231,5	316,2	188,7	91,5	112,8	61,4	70,4
Узбекистан	95,1	63,8	95,5	92,2	67,1	37,5	35,9	96,1	101,1
Украина	2560,1	4159,8	5557,2	4195,8	4063,7	2514,9	2845,7	3364,7	131,4

Источники: составлено авторами на основе [1].

Как видно из табл. 2, преимущественную долю в объеме экспорта в страны СНГ составляет Российская Федерация. Темп роста экспорта в данный регион за исследуемый период составил 129,6 %. Помимо России значительный объем экспорта приходится на Украину, Казахстан и Кыргызстан: в стоимостном выражении прирост экспорта составил 31,4, 27,4 и 44,4 % соответственно.

Анализируя структуру распределения экспорта товаров Республики Беларусь по всем странам-партнерам в 2017 г., следует также отметить доминирующее положение в нем Российской Федерации (44,1 %), Украины (11,5 %), Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (8,1 %), Германии (3,8 %), Нидерландов (3,8 %). На все остальные страны приходится 28,7 % [1].

Структура экономики Республики Беларусь является экспорто-ориентированной. Экспортная продукция Беларуси насчитывает свыше 1000 наименований. Среди крупнейших экспортируемых товаров — нефтепродукты, калийные и азотные удобрения, тракторы, грузовые автомобили, автобусы, холодильники и морозильники, химические

волокна и нити, капролактамы, шины, древесина и изделия из нее, мебель, одежда, обувь, молочная и мясная продукция, сахар.

В табл. 3 приведена динамика экспорта важнейших видов продукции Республики Беларусь за период 2010–2017 гг.

Таблица 3. Экспорт важнейших видов продукции за период 2010–2017 гг.

Продукция	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп роста (2017 г. к 2010 г.), %
Нефть сырая, тыс. т	—	1675,5	1645,1	1619,2	1617,4	1615,4	1616,6	1620,9	—
Нефтепродукты, млн т	11,2	15,7	17,5	13,6	13,8	16,9	13,0	12,3	109,8
Сжиженный газ, тыс. т	339,4	319	424,1	536	558,6	578	436	636,5	187,5
Азотные удобрения, тыс. т	238,2	323,3	235,3	393	267	473,8	363	288,9	121,3
Калийные удобрения, тыс. т	4180,6	4698,3	3668,9	3437,3	5719,7	5553	5706,3	6435,9	153,9
Тара пластмассовая, тыс. т	60	61	71,1	78,6	73,4	65	71	73,4	122,3
Шины, тыс. шт.	3716,1	3715,2	4265,6	4307,1	3816,1	3351,3	3928,2	4497,5	121,0
Химические волокна и нити, тыс. т	171,6	153,7	173,7	164	147,5	138,1	152	147,9	86,2
Черные металлы, тыс. т	1747,2	1774,9	1974,3	1663,3	1917	1994,7	1696,8	1771,5	101,4
Холодильники, морозильники и холодильное оборудование, тыс. шт.	989,5	941,7	1016,8	967,2	933,3	772,3	883,5	740,8	74,9
Сельскохозяйственная техника, тыс. шт.	20,3	26,5	29,7	28,1	27	21	39,6	45	221,7
Тракторы и седельные тягачи, тыс. шт.	43,9	64,1	66,5	54,5	46,1	32,8	31,7	37,9	86,3
Грузовые автомобили, тыс. шт.	6,9	11,8	15,2	10,9	8,8	3,9	4,7	6,1	88,4
Части и принадлежности для автомобилей и тракторов, тыс. т	68,1	71	67,6	61,4	61,4	47,3	59,2	63,9	93,8
Мебель (включая медицинскую), млн дол. США	321,3	393,2	451,2	500,2	505,8	343	343,3	461	143,5
Говядина, тыс. т	125,5	100,4	106,9	151,6	125,1	138,4	155,4	141,4	112,7
Молоко и сливки сгущенные и сухие, тыс. т	195,3	186,1	210,8	238,2	197,2	234,3	212,9	230,7	118,1
Масло сливочное, тыс. т	62,7	64,9	85,6	67,3	69,6	87,9	85,0	80	127,6
Сыры и творог, тыс. т	128,7	132,2	144,4	140,5	166,7	182,5	205,0	198,4	154,2

Источники: составлено авторами на основе [1].

Как показывают данные, представленные в табл. 3, за период 2010–2017 гг. в поставках на внешние рынки существенно увеличились объемы экспорта сыров и творога (на 54,2 %), масла сливочного (на 27,6 %), говядины (на 12,7 %), молока и сливок сгущенных и сухих (на 18,1 %). Также за анализируемый период повысились объемы экспорта нефтепродуктов (на 9,8 %), сжиженного газа (на 87,5 %), азотных удобрений (на 21,3 %) и калийных удобрений (на 53,9 %). Существенный прирост экспорта можно отметить по таким позициям, как сельскохозяйственная техника (121,7 %) и мебель, в том числе медицинская (43,5 %).

В то же время удельный вес таких традиционных товаров, как продукция машиностроения и транспорт, существенно сократился, в том числе и в экспорте в Россию, являющуюся для них главным рынком. Так, объемы экспорта тракторов и седельных тягачей сократились за исследуемый период на 13,7 %, грузовых автомобилей — на 11,6 %, частей и принадлежностей для автомобилей и тракторов — на 6,2 %.

Проводя оценку показателей уровня технологического развития экономики Республики Беларусь, можно утверждать, что удельный вес экспорта высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта товаров и услуг является незначительным и составил в 2017 г. 2,1 % [1].

В отношении импорта товаров следует отметить, что наибольшее место занимают энергоресурсы (нефть и природный газ), сырье, материалы и комплектующее (металлы и изделия из них, сырье для химического производства, части машин), технологическое оборудование. Товарная структура импорта Республики Беларусь за 2017 г. представлена на рис. 2.

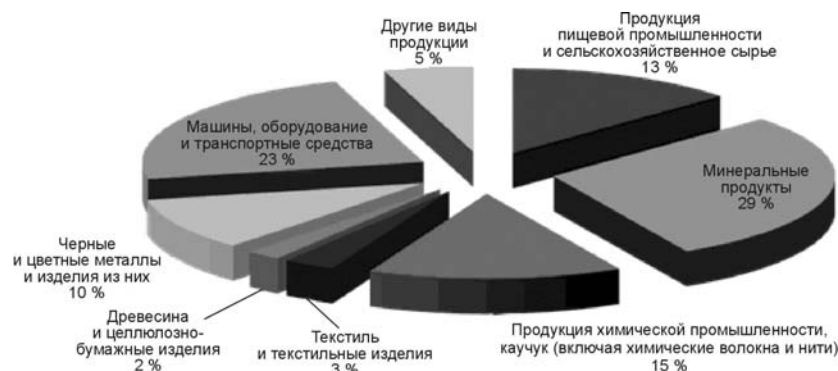

Рис. 2. Товарная структура импорта в 2017 г., %

Источники: разработано авторами на основе [1].

Основными странами — импортерами товаров в Республику Беларусь в 2017 г. являлись Российская Федерация (57,2 %), Китай (8,0 %), Германия (5,0 %), Польша (3,9 %), Украина (3,6 %). Другие страны в общем объеме импорта заняли 22,3 % [1].

Таким образом, проведенная оценка внешней торговли Республики Беларусь за 2010–2017 гг. позволила выявить следующие проблемы:

- превышение темпов роста импорта над темпами роста экспорта, что обуславливает перманентное отрицательное сальдо на протяжении всего исследуемого периода;
- преобладание в товарной структуре экспорта товаров, имеющих относительно невысокую добавленную стоимость и незначительный удельный вес высокотехнологичных товаров;
- сбыт на рынках стран ближнего зарубежья значительной части продукции [3].

В контексте выявленных проблем актуальным представляется расширение региональной направленности внешнеторговых связей Республики Беларусь, а также наращивание экспорта за счет увеличения в нем доли не только наукоемкой и высокотехнологичной продукции, но также инновационной продукции.

Следует отметить, что постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10.11.2017 г. № 839 утверждена новая редакция перечня высокотехнологичных товаров Республики Беларусь [4], сформированного с учетом приоритетов инновационного развития республики, международных стандартов и включающего товары высокого технологического уровня, созданные с использованием технологий V и VI технологических укладов.

В данной редакции перечня увеличена номенклатура высокотехнологичных товаров до 71 (ранее было 46) кода товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности стран Евразийского экономического союза, что направлено на стимулирование создания импортозамещающих производств и достижение положительного баланса внешней торговли высокотехнологичной продукцией.

В группу высокотехнологичных товаров включены реакторы ядерные, станки для обработки любых материалов путем удаления материала с помощью лазерного или другого светового или фотонного луча, двигатели и генераторы электрические, аппаратура радиолокационная, оптические приборы и устройства и др.

Республика Беларусь обладает достаточным потенциалом для производства высокотехнологичной продукции. В стране выпускается широкая гамма сложнотехнической продукции, имеющей устойчивый спрос на внешних рынках: сельскохозяйственная техника, троллейбусы и трамваи, дорожно-строительная техника, технологическое и электротехническое оборудование, продукция микроэлектроники и оптические приборы.

С нашей точки зрения, помимо высокотехнологичной продукции, определенную актуальность имеет необходимость развития экспортных производств инновационной продукции на базе существующего производственного потенциала Республики Беларусь.

Под «инновационной продукцией» следует понимать новую продукцию, т.е. продукцию, не имеющую аналогов на территории Беларуси или за ее пределами; продукцию, которая в течение последних нескольких лет подвергалась в значительной степени технологическим изменениям.

Учитывая научный и производственный потенциал Республики Беларусь, в качестве инновационной продукции, ориентированной на экспорт, могут выступать электроника, оптика, машиностроение, фармацевтика, электрооборудование, атомная энергетика, нестандартные органические удобрения и др.

В целях минимизации отрицательного значения внешнеторгового сальдо Республики Беларусь следует активно продолжать реализацию выбранной стратегии по обеспечению импортозамещения. Основными производителями импортозамещающей продукции являются организации Министерства промышленности, концерн «Белнефтехим», концерн «Беллесбумпром», Министерства архитектуры и строительства, Министерства здравоохранения и др.

Как показал анализ региональной структуры внешней торговли Республики Беларусь, основными внешнеторговыми партнерами являются страны ЕАЭС, СНГ, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Нидерланды, Литва, Польша, Германия, Турция, Италия, Китай.

С нашей точки зрения, целесообразным является как сохранение существующих рынков сбыта, так и определенное изменение региональной направленности с целью диверсификации внешнеторговых связей Беларуси. В качестве основных направлений могут выступать следующие:

- страны Латинской Америки. Данный регион сохраняет для Беларуси свою привлекательность в плане развития взаимовыгодного торгово-экономического и кооперационного сотрудничества. С отдельными государствами региона у Республики Беларусь развивается стратегическое партнерство (Венесуэла, Боливия, Эквадор). Другие страны являются перспективными партнерами по развитию торгово-экономического и научно-технического взаимодействия (Бразилия, Аргентина). Данный регион является достаточно актуальным для налаживания и развития сотрудничества, в том числе в сферах торговли, инвестиций, производственной кооперации;
- африканские интеграционные образования. Основной отраслью экономики большинства стран Африки является сельское хозяйство, служащее сырьевой базой развития обрабатывающей промышленности. В то же время уровень механизации и модернизации этого сектора крайне низок, что создает предпосылки для внедрения опыта бело-

русского агропромышленного комплекса (АПК). Для развития собственного потенциала страны Африки нуждаются в оборудовании для строительства, горнодобывающих производств, функционирования нефтехимических производств, транспортной инфраструктуры. Беларусь обладает рядом преимуществ по сравнению с другими странами в развитии внешнеторговых связей с Африканским континентом.

Перспективными являются также направления взаимодействия с США. В рамках этого направления предполагается решение таких задач, как концентрация усилий на поиске новых и использовании существующих на рынке США возможностей для поставок инновационных товаров и технологий при сохранении ранее занятых позиций по ряду видов высокотехнологичных товаров, а также создание условий для расширения инвестиционного сотрудничества.

Реализация сформулированных мероприятий будет способствовать дальнейшему развитию внешней торговли Республики Беларусь и ее поступательной интеграции в систему мирохозяйственных связей.

Источники

1. Внешняя торговля [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2/. — Дата доступа: 12.11.2018.

2. Внешняя торговля Беларуси [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://mfa.gov.by/export/>. — Дата доступа: 12.11.2018.

3. Уриш, И. В. Состояние и направления развития внешней торговли Республики Беларусь / И. В. Уриш, С. В. Стасюкевич // Организационно-правовые аспекты инновационного развития агробизнеса : сб. науч. тр. / Белорус. гос. с.-х. акад., Западнопомор. технол. ун-т в Щецине ; редкол.: А. С. Чечеткин и [др.]. — Горки — Щецин, 2017. — С. 291–297.

Urish, I. V. State and directions of development of foreign trade of the Republic of Belarus / I. V. Urish, S. V. Stasyukevich // Organizational and legal aspects of the innovative development of agribusiness : a coll. of sci. works / Belarusian State Acad. of Agr., West Pomeranian Univ. of Technology in Shchecin ; editorial board: A. S. Chechetkin [et al.]. — Gorki — Shchecin, 2017. — S. 291–297.

4. Перечень высокотехнологичных товаров Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 июня 2012 г., № 574 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 10.11.2017 г. № 839 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2017. — 5/44394.

Статья поступила в редакцию 21.12.2018 г.

УДК 332.14

V. Fateyev
BSEU (Minsk)

PRIORITIES OF THE STATE REGIONAL POLICY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article presents the recommendations on a correction of priorities of the state (national) regional policy in Belarus for a medium and long-term period. Some further improvement of the methodology for state intervention in regional development, transfer of emphasis on stimulation of regional and local initiatives, use of the technologies and concepts which well proved abroad (regional and city strategic planning, territorial marketing, crowd technologies, the concept of «smart specialisation», etc.) are proved. Development and acceptance of the Law on regional development in Belarus are offered.

Keywords: regional development; legislation on regional development; regional policy; «smart specialization».

В. С. Фатеев
доктор экономических наук, профессор
БГЭУ (Минск)

ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье представлены рекомендации по уточнению приоритетов государственной региональной политики в Республике Беларусь на средне- и долгосрочную перспективу. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования методологии государственного регулирования регионального развития, переноса акцента на стимулирование региональных и местных инициатив, использование хорошо зарекомендовавших себя за рубежом технологий и концепций (регионального и городского стратегического планирования, территориального маркетинга, крауд-технологий, концепции «умной специализации» и др.). Предлагается разработать и принять в Беларуси Закон о региональном развитии.

Ключевые слова: региональное развитие; законодательство о региональном развитии; региональная политика; «умная специализация».

В 2016–2018 гг. в рамках государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» в качестве самостоятельного задания выполнена НИР «Разработка и обоснование стратегических направлений регионального развития, а также приоритетов государственной региональной политики в Республике Беларусь в условиях цикличности развития экономики» (рук. темы — В.С. Фатеев, № ГР 20162367). Данная статья входит в серию публикаций, содержащих основные результаты данного исследования [1–3].

Обзор современных теоретико-методологических основ регионального развития и регулирования этого процесса в различных странах, а также изучение основных региональных проблем и практика проведения региональной политики в Республике Беларусь позволяют сформулировать ряд выводов и рекомендаций по уточнению приоритетов государственной региональной политики в Республике Беларусь на средне- и долгосрочную перспективу.

1. Методология государственного регулирования регионального развития в Республике Беларусь нуждается в корректировке, дальнейшем совершенствовании и обогащении новыми компонентами. Во-первых, вполне очевидно, что применяемый до настоящего времени концептуальный подход в определении механизма регулирования регионального развития преимущественно «сверху вниз», когда все цели и ключевые задачи социально-экономического развития административно-территориальных единиц областного территориального уровня, а также основные этапы, инструменты и рычаги их реализации определяются главным образом на национальном уровне, сам по себе почти исчерпан и должен быть дополнен подходом «снизу вверх». Последний предусматривает постепенное расширение участия в определении указанных приоритетов, целей и задач и, что еще более важно, в механизме их реализации органов управления и самоуправления всех трех территориальных уровней в партнерстве с частным сектором, научно-исследовательскими и образовательными учреждениями, общественными организациями, расположенными в соответствующих административно-территориальных единицах. Деятельность правительства и республиканских органов государственного управления при таком подходе постепенно будет переключаться на выполнение функций конкурсного отбора инициатив снизу по решению актуальных проблем соответствующих административно-территориальных единиц, отвечающих национальным приоритетам социально-экономического развития, стимулирования выдвижения таких инициатив и поддержки процесса реализации данных инициатив за счет средств республи-

канского бюджета, выделяемых на реализацию национальной региональной политики Республики Беларусь.

Во-вторых, постепенный перенос акцента в регулировании регионального развития на концептуальный подход «снизу вверх» (следовательно, и расширение практики использования интрарегиональной политики) может и должен опираться на хорошо зарекомендовавшую себя во многих странах практику поддержки различных социальных инноваций, в частности использование стратегического планирования на уровне регионов, городов и сельских поселений, инструментов территориального маркетинга, нетворкинга, крауд-технологий (краудсорсинга, краудфандинга, краудинвестинга, краудстаффинга и др.), ноосорсинга, форсайтинга, бенчмаркинга и др. В Беларуси уже имеется достаточно богатый и удачный опыт разработки на областном, районном и более низких уровнях стратегий устойчивого развития соответствующих административно-территориальных единиц, в частности в рамках проекта международной технической помощи «Поддержка регионального и местного развития в Беларуси ENPI/2013/304-759 [4–6]. Следующим шагом, на наш взгляд, должна стать разработка механизма реализации указанных стратегий, в частности правовых инструментов, позволяющих наделить такие стратегии регионального и местного развития статусом официальных документов.

В-третьих, представляется, что новая и более эффективная методология государственного регулирования регионального развития, основанная на рациональном сочетании концептуальных подходов «сверху вниз» и «снизу вверх», имеет хорошие перспективы применения в сочетании с еще одной управленческой инновацией, получившей огромную популярность в Европейском союзе с 2008 г., а затем и в других регионах мира — концепцией разумной (умной) специализации (the concept of «smart specialisation») [7]. Суть последней заключается в сочетании различных видов политики, прежде всего промышленной, образовательной, инновационной и разумеется региональной и в предоставлении возможностей регионам стран — членов ЕС сформировать собственное видение своих перспектив, идентифицировать и отобрать с помощью национальных и супранациональных органов ЕС ограниченное количество приоритетных областей своего развития, основанных предпочтительно на инвестициях в экономику знаний и сфокусированных на достоинствах и сравнительных преимуществах каждого региона.

В-четвертых, применение концепции разумной специализации рассматривается многими известными за рубежом учеными-регионалистами как инструмент, который позволяет придать новый импульс использованию кластерных стратегий, и эта проблема представляется весьма актуальной для Беларуси. Как известно, в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы, а также в аналогичном документе на 2016–2020 годы предусмотрено создание в республике нескольких кластеров, однако большинство из этих намерений можно рассматривать как «инициативы сверху», т.е. со стороны республиканских органов. Лишь два мероприятия, включенные в реализуемую в настоящее время госпрограмму инновационного развития, основаны на четко просматриваемом механизме государственно-частного партнерства: 1) создание белорусской кластерной обсерватории (центра исследований и мониторинга кластерного развития) с использованием механизмов государственно-частного партнерства и привлечением международной технической помощи и 2) формирование инновационно-промышленного кластера высоких технологий в области сложной медицинской техники, систем обеспечения безопасности, оборудования неразрушающего контроля и аналитического приборостроения (исполнитель — УП «АДАНИ») [8], что само по себе заслуживает позитивной оценки, но явно недостаточно. Создание кластерных структур по инициативе или хотя бы с активным участием местных органов управления и/или других стейкхолдеров из областей (и тем более районов) в последней программе вообще не предусмотрено.

В-пятых, в рамках мер по совершенствованию методологии государственного регулирования регионального развития с целью повышения его эффективности, а также с учетом специфики современного этапа социально-экономического развития Республики Беларусь рекомендуется продолжить практику взвешенного сочетания трех типов государственной (национальной) региональной политики Беларуси: 1) выравнивающей, нацеленной на поддержку регионов страны, наиболее отстающих по основным критериям социально-экономического развития от среднереспубликанского уровня; 2) «поляризованного развития», основанной на поддержке ограниченного количества «регионов-локомотивов», «полюсов роста» или, как уже принято в республике говорить, «центров экономического роста», которые имеют высокий потенциал, который достаточен для быстрого прорыва на ведущие международные рынки высокотехнологичных и наукоемких товаров и услуг и тем самым имеют объективные возможности, чтобы стать «окнами» для интеграции всей белорусской экономики в европейскую и мировую; 3) политики укрепления межрегиональных связей внутри Беларуси, нацеленной на преодоление оторванности периферийных регионов от крупнейших экономических центров Беларуси, трансъевропейских и основных национальных автомобильных дорог, основных сетей и объектов энергетической, научной, телекоммуникационной и иной инфраструктуры.

2. В методическом плане рекомендуется строго ограничить количество объектов по каждому из трех отмеченных выше типов государственной (национальной) региональной политики. Последняя рекомендация, на наш взгляд, актуальна в свете подготовки концепции Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2035 года (концепции НСУР-2035). При проведении в конце ноября 2018 г. в НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь круглого стола «Место и роль региональной политики в обеспечении устойчивого развития Республики Беларусь», посвященного подготовке указанного документа, было озвучено намерение разработчиков концепции НСУР-2035 включить в этот документ более 60 центров экономического роста, т.е. охватить в рамках государственной политики «поляризованного развития» примерно половину райцентров. На наш взгляд, такой подход приведет к распылению и без того ограниченных ресурсов республиканского бюджета, которые придется направить на поддержку данного типа объектов региональной политики.

Рекомендуется сконцентрировать государственную поддержку центров экономического роста на меньшем числе объектов (не более 10–15 центров) и ограничить число объектов, определяемых в рамках государственного регулирования, осуществляемого по двум другим из отмеченных выше типов государственной (национальной) региональной политики.

Количество регионально ориентированных государственных программ, в рамках которых планируется реализовывать весь спектр мероприятий по государственному регулированию регионального развития в Республике Беларусь наоборот целесообразно расширить.

Здесь следует отметить, что в прежние годы в различных государственных программах содержался большой арсенал инструментов государственного регулирования развития областей, малых городских и сельских поселений, и таких программ в отдельные предыдущие годы утверждалось в Республике Беларусь более сотни. Однако сползание белорусской экономики в кризис и последовавшие за этим серьезные ограничения бюджетных ресурсов потребовали от Совета Министров Республики Беларусь существенного сокращения количества и объемов финансирования государственных программ, и в начале 2016 г. Правительство страны своим постановлением сократило перечень государственных программ на 2016–2020 годы до 21 программы [9]. В настоящее время положение в белорусской экономике улучшилось. Поэтому, на наш взгляд, уже совершенно недостаточно ограничиваться только одной Государственной программой по пре-

одолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011–2015 годы и на период до 2020 года, а целесообразно возобновить разработку и реализацию дополнительно 1–3 новых регионально ориентированных программ, нацеленных на решение специфических проблем социально-экономического развития белорусского села, малых городских поселений, проблемных регионов и возможно столичного региона.

3. Укрепление правовых основ, определяющих региональное развитие, механизм государственного регулирования этого процесса, а также координации государственной (национальной) региональной политики и других направлений деятельности белорусского государства — исключительно актуально для Беларуси. Более двух десятков лет белорусские ученые-регионалисты обращают внимание парламентариев, правительства, а также республиканских органов государственного управления на необходимость подготовки и принятия соответствующего законодательного акта. Однако приходится констатировать тот факт, что в этой сфере деятельности белорусского государства пока ничего не изменилось. Беларусь рискует остаться (если уже не осталась) единственным государством в Центральной и Восточной Европе, в которой нет специального законодательства, регламентирующего в правовом плане решение вопросов регионального развития и участия государственных органов в этом процессе. На общеевропейском фоне это выглядит очень странно, поскольку рано или поздно, особенно в последние годы, и в дальнейшем, и в ближнем зарубежье государства принимают соответствующие законы, и здесь не будет лишним обратить внимание хотя бы на некоторые из них.

Так, если в Великобритании — одной из родоначальниц мировой практики государственного регулирования регионального развития — «Закон о специальных районах» (Special Areas Act) был принят еще в 1934 г., то в Финляндии «Закон о региональном развитии» (Law on Regional Development 1135/93) — только в 1993 г. И в последней из отмеченных стран уже трижды (в 2002, 2009 и 2014 гг.) принимались новые, более совершенные редакции указанного закона. В настоящее время в Финляндии действует «Закон о региональном развитии и администрировании структурными фондами» (The Act on Regional Development and the Administration of Structural Funds 7/2014) [10].

А что же происходит в постсоциалистических странах? Принятие таких правовых актов тоже уже давно рассматривается не как экзотика, а стало распространенной практикой, правой рутиной. Например, в Чешской Республике еще в 1992 г. был принят «Закон об основах государственной политики регионального развития», в Венгрии в 1996 г. — «Закон о территориальном развитии и пространственном планировании», в Словении в 1999 г. — «Закон о содействии сбалансированному региональному развитию», в Польше в 2000 г. — «Закон о порядке поддержки регионального развития», в Литве в 2002 г. — «Закон о региональном развитии», в Латвии в том же году — аналогичный акт.

Несколько позже региональное развитие и политика получают соответствующую правовую базу в других странах, находящихся на юге Центральной и Восточной Европы: в 2007 г. Парламент Республики Македония принимает «Закон о сбалансированном региональном развитии», в 2008 г. в Болгарии вступает в силу «Акт о региональном развитии», годом позже — одноименный акт в Республике Сербии, а в 2014 г. — Закон «О региональном развитии в Республике Хорватии» [11].

Активно правовые основы для регулирования регионального развития создаются и в бывших союзных республиках на юге от границ Беларуси. Так, в 2005 г. в Украине был принят Закон «О стимулировании развития регионов», а в начале 2015 г. — Закон «Об основах государственной региональной политики» [12]. В Молдове в конце 2006 г. также был принят аналогичный правовой акт: Закон № 438-XVI «О региональном развитии в Республике Молдова» [13].

После длительных баталий российских парламентариев и ученых-регионалистов относительно правовых основ для регионального развития и соответствующей политики

в РФ принимается оригинальный, но, на наш взгляд, пока приемлемый для такого большого федеративного государства вариант: в середине 2014 г. принимается Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В соответствии с ч. 6 ст. 20 этого ФЗ в начале 2017 г. разрабатываются и утверждаются Указом Президента РФ «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [14].

Таким образом, если рассматривать соседние государства по периметру границ Республики Беларусь, то можно сделать вывод о том, что наша страна в последние год-два уже осталась в гордом одиночестве и ее эксплицитная государственная региональная политика в правовом плане остается недостаточно обеспеченной соответствующей законодательной базой. На наш взгляд, разработку проекта Закона о региональном развитии и его государственной поддержке в Республике Беларусь, его обсуждение и принятие в установленном порядке целесообразно рассматривать в числе приоритетов деятельности соответствующих государственных органов Республики Беларусь.

Существенного укрепления также требует законодательство, регулирующее деятельность республиканских органов государственного управления, а также местных органов управления и самоуправления в области государственного прогнозирования, планирования и программирования. Следует признать, что принятый в 1998 г. Закон № 157-З «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» в значительной мере устарел, а судьба призванного его заменить законопроекта «О государственном индикативном планировании социально-экономического развития Республики Беларусь», внесенного Советом Министров в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь еще в самом начале 2012 г., автору данной публикации не известна.

Вопрос в том, будет ли этот правовой документ «об индикативном планировании» или, как в России, «о стратегическом планировании» — предметом самостоятельной большой научной дискуссии. Здесь же, на наш взгляд, более важно отметить, что подобный нормативный правовой акт очень ожидают на местах, поскольку без него остается неопределенным правовой статус и механизм реализации более сотни региональных стратегий социально-экономического развития, разработанных на уровне всех областей, многих районов, городов и даже сельсоветов. В любом случае представляется очень важным не допустить того, чтобы после принятия нового закона разработка указанных региональных стратегий из местной творческой и практически значимой инициативы превратилась в очередной документ директивного характера.

Вполне очевидно, что в связи с отмеченным выше в очередной раз придется внести существенные корректировки в Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», а возможно и разработать и принять новый законопроект, обеспечивающий существенное укрепление института местного самоуправления, дальнейшую правовую, финансовую и экономическую децентрализацию с расширением компетенции местных Советов на различных территориальных уровнях.

Следует активизировать государственную поддержку развития ассоциаций местных Советов, работа которых пока носит больше «бумажный», а не практически ощутимый для большинства местных Советов характер. Представляется, что такие ассоциации в перспективе должны стать реальными помощниками для местных Советов, в особенности на первичном и базовом уровне в обеспечении их качественными юридическими, бухгалтерскими, страховыми, рекрутинговыми, маркетинговыми и иными услугами, а также в налаживании обмена передовым опытом с отечественными и зарубежными местными органами самоуправления.

Источники

1. *Фатеев, В. С.* Цикличность развития региональной экономики и ее учет в государственных прогнозах и программах: актуальные направления исследований / В. С. Фатеев // Экон. бюл. Науч.-исслед. экон. ин-та М-ва экономики Респ. Беларусь. — 2016. — № 12. — С. 21–25.

Fateyev, V. S. The cyclic nature of regional economic development and accounting of its effects in the state economic forecasts and programs: modern directions of a research / V. S. Fateyev // Econ. bull. of the Economy Research Inst. of the Min. of Economy of the Rep. of Belarus. — 2016. — № 12. — P. 21–25.

2. *Фатеев, В. С.* Региональный рост и развитие: экспресс-обзор новых и традиционных теорий и концепций / В. С. Фатеев // Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации : материалы докл. междунар. науч.-практ. конф., посвященной Году науки, Витебск, 25–26 окт. 2017 г. / Витебск. гос. технол. ун-т. — Витебск, 2017. — С. 31–38.

Fateyev, V. S. Regional growth and development: express-review of new and traditional theories and concepts / V. S. Fateyev // Social and economic development of the organizations and regions of Belarus: efficiency and innovations : materials of the intern. sci. and practical conf. devoted to Year of science, Vitebsk, 25–26 Oct. 2017 / Vitebsk State Technological Univ. — Vitebsk, 2017. — P. 31–38.

3. *Фатеев, В. С.* Теории размещения производства, регионального роста и развития: современные подходы к типологизации / В. С. Фатеев // Проблемы современной экономики: глобальный, национальный и региональный контекст : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Гроднен. гос. ун-т им. Янки Купалы ; редкол.: М. Е. Карпицкая (гл. ред.), С. Е. Витун (зам. гл. ред.) [и др.]. — Гродно, 2017. — Ч. 1. — С. 116–125.

Fateyev, V. S. Location, regional growth and development theories: modern approaches to typology / V. S. Fateyev // Problems of modern economy: global, national and regional context : coll. of sci. papers : in 2 pt. / Yanka Kupala State Univ. of Grodno ; red.: M. E. Karpitskaya (chief ed.), S. E. Vitun (deputy chief ed.) [et al.]. — Grodno, 2017. — Pt. 1. — P. 116–125.

4. *Носкова, О. С.* Методологические и практические подходы к планированию регионального развития в Республике Беларусь: проект ЕС «Поддержка регионального и местного развития в Беларуси» ENPI/2013/304-759 / О. С. Носкова, И. П. Сидорчук. — Минск : Колорград, 2016. — 120 с.

Noskova, O. S. Methodological and practical approaches to planning of regional development in the Republic of Belarus: project of the EU «Support of regional and local development in Belarus» of ENPI/2013/304-759 / O. S. Noskova, I. P. Sidorchuk. — Minsk : Kolorgrad, 2016. — 120 p.

5. Стратегия устойчивого развития Минской области на 2016–2025 годы (проект) [Электронный ресурс] // Минский столичный союз предпринимателей и работодателей. — Режим доступа: <http://allminsk.biz/images/sur.pdf>. — Дата доступа: 25.09.2018

6. Стратегия устойчивого развития Витебской области на 2016–2025 годы (проект) [Электронный ресурс] // Витебский государственный технологический университет. — Режим доступа: <http://vstu.by/ftpgetfile.php?id=1687&module=files>. — Дата доступа: 25.09.2018.

7. Knowledge for Growth — European Issues and Policy Challenges / European Commission, Directorate-General for Research. — Luxembourg : Office for Official Publications of the European Communities, 2008. — 31 p.

8. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 31 янв. 2017 г., № 31 // Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.gknt.gov.by/upload/iblock/U-20170131-31.rtf>. — Дата доступа: 12.11.2018.

9. Об утверждении перечня государственных программ на 2016–2020 годы и показателей по заказчикам на 2016 год [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 февр. 2016 г., № 148 // Министерство экономики Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/gos-programmy/PostSM-148.pdf>. — Дата доступа: 14.02.2018.

10. Legislation on regional development [Electronic resource] // Ministry of Economic Affairs and Employment of Finland. — Mode of access: <https://tem.fi/en/legislation-on-regional-development>. — Date of access: 16.11.2018.

11. Zakon o regionalnom razvoju Republike Hrvatske [Electronic resource] // Narodne novine 147/13 i 123/17. — Mode of access: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2014_12_147_2751.html. — Date of access: 15.11.2018.

12. Про засади державної регіональної політики [Електронний ресурс] : Закон України № 156-VIII // Відомості Верховної Ради (ВВР). — 2015. — № 13. — Ст. 90. — Режим доступа: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/card/156-19>. — Дата доступа: 14.02.2018.

13. О региональном развитии в Республике Молдова [Електронний ресурс] : Закон Респ. Молдова, 28 дек. 2006 г., № 438-XVI // Законодательство стран СНГ. — Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=18456. — Дата доступа: 14.02.2018.

14. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года [Електронний ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 16 янв. 2017 г., № 13 // Президент России. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41641>. — Дата доступа: 18.11.2018.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018 г.

УДК 338.23:330.341.42

A. Filiptsov
BSEU (Minsk)

INDUSTRIAL POLICY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article analyzes the problems of development and implementation of industrial policies in the Republic of Belarus. The priorities of the country's economic development are discussed. Regulatory acts of state regulation of the industrial structure of the economy are given. The directions and tools of industrial policy are substantiated.

Keywords: industrial policy; innovation policy; investment policy; competition policy.

А. М. Филиппов
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ОТРАСЛЕВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье анализируются проблемы разработки и реализации отраслевой политики в Республике Беларусь. Обсуждаются приоритеты экономического развития страны. Приводятся нормативно-правовые акты государственного регулирования отраслевой структуры экономики. Обосновываются направления и инструменты отраслевой политики.

Ключевые слова: отраслевая политика; инновационная политика; инвестиционная политика; конкурентная политика.

В исследованиях белорусских ученых указывается неоптимальность отраслевой и технологической структуры экономики Беларуси, которая не соответствует внешнему и внутреннему спросу [1], гипертрофирована в сторону низкоэффективных промышленности и сельского хозяйства, обладает низким технологическим уровнем производства, устаревшей материально-технической базой, низкой конкурентоспособностью продукции и характеризуется доминированием зачастую чрезмерно крупных предприятий, причем большинство предприятий весьма энергоемки и зависят от импорта сырья. Низкая отдача от инвестиций объясняется в том числе их неэффективной технологической структурой. Отмечается невозможность использования существующих производственных мощностей для наращивания выпуска конкурентоспособной продукции [2, с. 8]. В результате для успешного и устойчивого развития страны признается необходимость осуществления достаточно масштабных структурных преобразований в экономике [1; 3;

4, с. 42; 5–7], что предполагает, помимо прочего, выбор приоритетов экономического развития.

Изменения в отраслевой структуре экономики Беларуси. В табл. 1 приведены данные о структуре и динамике валовой добавленной стоимости в Республике Беларусь по видам экономической деятельности за 2009–2017 гг. Наибольшую положительную динамику в указанном периоде имела деятельность в сфере информации и связи (рост в объеме в 2,1 раза и увеличение в общей структуре на 3,2 процентных пункта). Это следует оценивать как положительную тенденцию, так как в данный вид деятельности включены высокотехнологичные информационные и компьютерные услуги. Наибольшую отрицательную динамику демонстрировало строительство (снижение объема выпуска на 16 % и уменьшения доли в структуре выпуска на 4,3 процентных пункта). Это является следствием кризисных явлений в экономике страны, снижения инвестиций в строительство, уменьшения объема жилищного строительства. По основным видам экономической деятельности — обрабатывающей промышленности и торговле объемы возросли соответственно на 22 и 40 % при незначительном снижении в структуре выпуска.

Таблица 1. Структура и динамика валовой добавленной стоимости в Республике Беларусь по видам экономической деятельности, %

№ п.п.	Вид экономической деятельности	2009 г.	2017 г.	Изменение	
				п.п.	%
1	Сельское, лесное и рыбное хозяйство	9,41	8,72	–0,69	121
2	Горнодобывающая промышленность	1,15	0,79	–0,36	164
3	Обрабатывающая промышленность	25,99	24,93	–1,06	122
4	Снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой	3,53	3,75	0,22	109
5	Водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов	0,73	0,84	0,11	90
6	Строительство	10,40	6,06	–4,34	84
7	Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	12,63	11,93	–0,70	140
8	Транспортная почтовая и курьерская деятельность, складирование	5,89	6,63	0,74	122
9	Услуги по временному проживанию и питанию	1,13	1,01	–0,12	135
10	Информация и связь	2,64	5,84	3,20	213
11	Финансовая и страховая деятельность	4,42	4,36	–0,05	120
12	Операции с недвижимым имуществом	5,09	6,34	1,24	94
13	Профессиональная, научная и техническая деятельность	2,88	3,15	0,27	85
14	Деятельность в сфере административных и вспомогательных услуг	0,79	1,26	0,47	80
15	Государственное управление	4,34	4,06	–0,27	87
16	Образование	4,10	4,57	0,47	90
17	Здравоохранение и социальные услуги	3,16	3,91	0,74	112
18	Творчество, спорт, развлечения и отдых	1,16	1,07	–0,09	128
19	Предоставление прочих видов услуг	0,55	0,76	0,21	89

Источники: составлено автором на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

В табл. 2 приведены данные расчета интенсивности изменений в структуре добавленной стоимости по видам экономической деятельности в Республике Беларусь. Расчеты произведены в соответствии с методикой [8, с. 140–143]. Результаты анализа пока-

зывают, что за исследованный период структура выпуска в целом изменилась примерно на 11 % (вектор структур повернулся на 9,7 градуса из 90 возможных).

Таблица 2. Показатели интенсивности изменений в структуре добавленной стоимости по видам экономической деятельности в Республике Беларусь за 2009–2017 гг.

№ п.п.	Наименование показателя интенсивности структурных изменений	Величина показателя
1	Общий индекс интенсивности структурных изменений	0,808
2	Годовой индекс интенсивности структурных изменений	0,101
3	Расстояние между векторами структур	1,35
4	Коэффициент подобия	0,986
5	Угол поворота вектора структур	9,7
6	Нормированный коэффициент структурных различий	0,108
7	Нормированный коэффициент структурных сдвигов	0,108

Источники: составлено автором.

Приоритеты экономического развития Беларуси. В научной литературе, а также в государственных программах Республики Беларусь обосновываются следующие приоритеты отраслевого развития экономики. Так как страна небогата природными ресурсами, но имеет относительно квалифицированную рабочую силу и научно-технический потенциал, необходимо развитие производственного потенциала на основе новейших технологий [9, с. 20]; перевод отраслей на технологии V и VI укладов [1, с. 6]. Так, согласно Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. [10] к 2020 г. планируется увеличение удельного веса высокотехнологичных видов деятельности в промышленном производстве до 4–6 % по сравнению с 3 % в 2015 г. Согласно Программе развития промышленного комплекса Республики Беларусь до 2020 г. [11] в том же периоде предполагается прирост валовой добавленной стоимости в промышленности на 40 %, рост производительности труда до 50 % от уровня ЕС, увеличение удельного веса инновационной продукции до 20–21 %.

В более длительном периоде, согласно «Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года» [12], в качестве главной цели структурной перестройки экономики выделяется опережающее развитие науки и высокотехнологичных производств, продвижение инновационных технологий и их продуктов в традиционный сектор экономики. Так, предполагается к 2030 г. сократить в два раза разрыв производительности труда со среднеевропейским уровнем; повысить долю высокотехнологичного наукоемкого сектора в ВВП до 8–10 %; снизить энергоёмкость ВВП на 35 %. Предполагается создание принципиально новых высокотехнологичных наукоемких производств, соответствующих V и VI технологическим укладам; наращивание экспортного потенциала традиционных секторов промышленности (производство пищевых продуктов, металлургия, нефтепереработка, производство резины и пластмасс); стимулирование развития производств на отечественной сырьевой базе с увеличением глубины переработки ресурсов и минимизацией техногенного воздействия на окружающую среду.

Существуют приоритеты, общие для России, Беларуси и Казахстана: химическая, нефтехимическая, фармацевтическая, космическая отрасль, легкая промышленность, сельскохозяйственное и транспортное машиностроение, биотехнология [13, с. 8]. Предполагается развитие новых производств: «умные» лекарства; наноэлектроника, биофотоника; комплексные автоматизированные системы проектирования; новые материалы; высокоточная механика; новые энергетические технологии; новые агропромышленные технологии.

Кроме наукоемких и ресурсосберегающих отраслей в качестве приоритетов называют также традиционные отрасли, которые являются на данный момент высокорентабельными, производят продукцию с относительно высокой долей добавленной стоимости и приносят значительные экспортные доходы. Высокотехнологичные отрасли не могут пока занять доминирующую долю в национальной экономике и в связи с этим следуют развивать и модернизировать традиционные отрасли [1, с. 13].

Нормативно-правовые акты, определяющие разработку и реализацию отраслевой политики в Республике Беларусь. В Республике Беларусь существует значительный уровень вмешательства государства в определение отраслевой и технологической структуры экономики. Вопросы развития отдельных отраслей и отраслевой структуры экономики рассматриваются в «Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года» [12], программах социально-экономического развития страны, программах развития промышленности [10, 11, 14].

В 2018 г. принята Концепция государственной отраслевой политики [15]. В соответствии с данной концепцией целью отраслевой политики является повышение конкурентоспособности отраслей экономики. Данная концепция предполагает горизонтальную, проактивную политику. Основными направлениями данной политики являются:

- развитие конкуренции на рынках товаров и услуг;
- содействие продвижению отечественных товаров и услуг на внешних рынках;
- защита внутреннего рынка;
- содействие созданию и привлечению в отрасли современных технологий;
- мероприятия, направленные на обеспечение безопасности и экологичности производства;
- формирование системы переподготовки и повышения квалификации кадров для удовлетворения потребностей отраслей экономики;
- координация нормотворческой деятельности органов государственного управления.

Инструменты отраслевой политики. С точки зрения широты объекта выделяют селективную (вертикальную) политику, предполагающую выбор приоритетных отраслей, и неселективную (горизонтальную) политику, направленную на повышение конкурентоспособности экономики в целом. С точки зрения направлений реализации отраслевой политики можно выделить: инновационную, инвестиционную, конкурентную политику [7]. У каждого из названных видов политики существуют свои наборы инструментов (рис. 1).

К инструментам селективной инновационной политики относятся: подготовка кадров для нужд конкретных отраслей; создание специфической отраслевой инфраструктуры; поддержка прикладных исследований; фискальные льготы избранным отраслям; прямое государственное инвестирование в модернизацию предприятий, находящихся в собственности государства. К инструментам неселективной инновационной политики относятся: расходы на среднее и некоторые категории высшего образования; инвестиции государства в развитие общей инфраструктуры, используемой предприятиями разных отраслей; создание «институтов инновационного развития», т.е. соответствующего законодательства, системы нормативно-правовых актов, которые облегчают инновационную деятельность субъектов; поддержка фундаментальных исследований.

К инструментам селективной инвестиционной политики относятся: разработка перечня отраслей, инвестиции в которые будут стимулироваться, и отраслей, инвестиции в которые будут ограничиваться либо запрещаться; прямые государственные инвестиции для предприятий, находящихся в государственной собственности; использование льгот и субсидий для частных инвесторов, действующих в отраслях, признанных приоритетными. К инструментам неселективной инвестиционной политики относятся: развитие системы нормативно-правовых актов, стимулирующей инвесторов; развитие

Рис. 1. Инструменты инновационной, инвестиционной и конкурентной политики как направлений реализации отраслевой политики в Республике Беларусь

Источники: разработано автором.

в стране органов, облегчающих инвестиционную деятельность, — как государственных, так негосударственных; макроэкономические инструменты инвестиционной политики (стимулирующая фискальная и денежно-кредитная политика).

К инструментам селективной конкурентной политики относятся: политика картелизации отраслей, предприятия которых реализуют свою продукцию преимущественно на зарубежных рынках; политика содействия внутриотраслевому сотрудничеству фирм. К инструментам неселективной конкурентной политики относятся: борьба с недобросовестной конкуренцией; регулирование деятельности естественных монополий.

На рис. 2 представлен алгоритм разработки и реализации отраслевой политики, состоящий из восьми этапов.

Заключение: контроль реализации отраслевой политики. Контроль реализации отраслевой политики должен осуществляться на основе индикаторов развития отдельных отраслей и национальной экономики в целом, которые создают информационную основу организации мониторинга реализации политики. В качестве основных количественных индикаторов целесообразно использовать: объем производства продукции, работ, услуг; численность занятых; объем инвестиций; численность субъектов хозяйственной деятельности. В качестве основных качественных индикаторов следует использовать: индекс совокупной факторной производительности; индексы конкурентоспособности; количество внедренных передовых технологий.

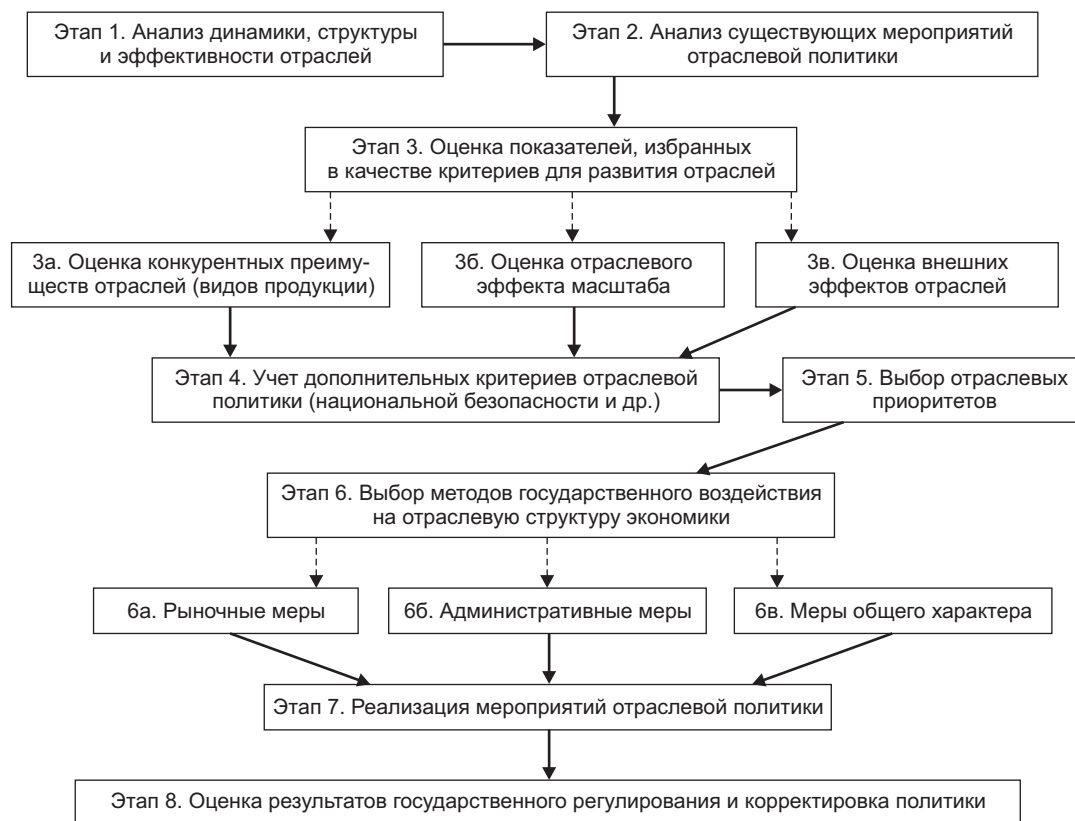

Рис. 2. Алгоритм отраслевой политики

Источники: разработано автором.

Источники

1. Шимов, В. Н. Развитие экономики Беларуси: состояние, проблемы, абрис перспективной трансформации / В. Н. Шимов // Белорус. экон. журн. — 2014. — № 2. — С. 4–15.

Shimov, V. N. Development of the economy of Belarus: state, problems, outline of perspective transformation / V. N. Shimov // Belarusian Econ. J. — 2014. — № 2. — P. 4–15.

2. Ярошенко, А. Г. Основные векторы структурных преобразований экономики Республики Беларусь / А. Г. Ярошенко // Экон. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. — 2014. — № 1. — С. 6–14.

Yaroshenko, A. G. The main vectors of structural transformations of the economy of the Republic of Belarus / A. G. Yaroshenko // Econ. Bull. of the Research Inst. of Economics of the Min. of Economics of the Rep. of Belarus. — 2014. — № 1. — P. 6–14.

3. Рудый, К. В. Структурные экономические реформы: необходимость для Республики Беларусь и зарубежный опыт / К. В. Рудый // Белорус. экон. журн. — 2015. — № 1. — С. 30–41.

Rudy, K. V. Structural economic reforms: the need for the Republic of Belarus and foreign experience / K. V. Rudy // Belarusian Econ. J. — 2015. — № 1. — P. 30–41.

4. Грибоедова, И. Отраслевая диверсификация экономики Беларуси / И. Грибоедова, О. Моторина // Банк. весн. — 2014. — № 7/612. — С. 42–51.

Griboedova, I. Sectoral diversification of the Belarusian economy / I. Griboedova, O. Motorina // Bank bull. — 2014. — № 7/612. — P. 42–51.

5. *Крупский, Д. М.* Инновационное развитие Республики Беларусь: итоги, проблемы и перспективы / Д. М. Крупский // Экон. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. — 2015. — № 11. — С. 4–20.

Krupsky, D. M. Innovative development of the Republic of Belarus: results, problems and prospects / D. M. Krupsky // Econ. Bull. of the Research Inst. of Economics of the Min. of Economics of the Rep. of Belarus. — 2015. — № 11. — P. 4–20.

6. *Чеплянский, А. В.* Экономика благосостояния и аграрная политика / А. В. Чеплянский // Материалы докладов 50 Международной научно-технической конференции, посвященной Году науки, Витебск, 20 апр. 2017 г. : в 2 т. / Витеб. гос. технол. ун-т ; редкол.: А. А. Кузнецов [и др.]. — Витебск, 2017. — Т. 1. — С. 251–253.

Cheplyansky, A. V. Welfare Economics and Agrarian Policy / A. V. Cheplyansky // Proceedings of the reports of 50 International scientific and technical conference devoted to the Year of science, Vitebsk, 20 Apr. 2017 : in 2 vol. / Vitebsk State Technological Univ. ; editorial board: A. A. Kuznetsov [et al.]. — Vitebsk, 2017. — Vol. 1. — P. 251–253.

7. *Филипцов, А. М.* Отраслевая политика : монография / А. М. Филипцов. — Минск : Мисанта, 2018. — 280 с.

Filipstov, A. M. Industry policy : monograph / A. M. Filipstov. — Minsk : Misanta, 2018. — 280 p.

8. Энциклопедия статистических терминов. Методологические основы статистики : науч.-справ. изд. / Федерал. служба гос. статистики. — М., 2013. — Т. 1. — С. 140–143.

9. *Быков, А. А.* Перспективы пост- и неоиндустриального развития в условиях возможной трансформации системы международного разделения труда / А. А. Быков, А. М. Седун // Белорус. экон. журн. — 2015. — № 2. — С. 4–23.

Bykov, A. A. Prospects of post-and neo-industrial development in the conditions of possible transformation of the system of international division of labor / A. A. Bykov, A. M. Sedun // Belarusian Econ. J. — 2015. — № 2. — P. 4–23.

10. Об утверждении программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2016 г., № 466 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=P31600466>. — Дата доступа: 25.01.2018.

11. Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь до 2020 года [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. — Режим доступа: http://www.economy.gov.by/nfiles/001146_12850_Programma.pdf. — Дата доступа: 14.11.2015.

12. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экон. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. — 2015. — № 4. — С. 7–99.

13. *Мясникович, М. В.* Интеграция в ЕЭП, ЕвразЭС и СНГ: вектор перспективы / М. В. Мясникович // Белорус. экон. журн. — 2013. — № 2. — С. 4–17.

Myasnikovich, M. V. Integration in the CES, EurAsEC and the CIS: a Vector of Perspectives / M. V. Myasnikovich // Belarusian Econ. J. — 2013. — № 2. — P. 4–17.

14. Об утверждении концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 16 янв. 2014 г., № 27 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.pravo.by>. — Дата доступа: 14.11.2015.

15. Концепция государственной отраслевой политики [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 окт. 2018 г., № 752 // Совет Министров Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://pda.government.by/upload/docs/fileeee357c3e43699fca.PDF>. — Дата доступа: 25.10.2018.

Статья поступила в редакцию 14.11.2018 г.

N. Kholod
A. Lagutin
BSEU (Minsk)

THE STABILITY OF THE BANKING SYSTEM BASED ON CHANGES OF ITS RISKS

The article describes different approaches of credit risk assessment problems taking into account the domestic practice of their implementation. The Basel approaches to achieving financial sustainability and risk management in ensuring the capital adequacy of banks are considered.

Keywords: *stability of a financial system; main criterion of stability; credit risk management; internal ratings-based systems; main components of Basel; advanced approach; national regulators; the standardized approach.*

Н. И. Холод
доктор экономических наук, профессор
А. В. Лагутин
магистр экономических наук
БГЭУ (Минск)

СТАБИЛЬНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ НА ОСНОВЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЕЕ РИСКОВ

В статье описаны различные подходы к проблеме оценки кредитного риска с учетом отечественной практики их реализации. Рассматриваются базельские подходы к достижению устойчивости финансовой системы и регулированию рисков в обеспечении достаточности капитала банков.

Ключевые слова: *стабильность финансовой системы; главный критерий стабильности; управление кредитным риском; системы внутренних кредитных рейтингов; основные компоненты Базеля; продвинутый подход; национальные регуляторы; стандартизированный подход.*

Обеспечение стабильности функционирования финансовой системы требует эффективного регулирования ее рисков. В качестве основополагающего принципа, призванного обеспечить стабильность финансовой системы, стал выступать принцип обязательности регулирования ее рисков, в первую очередь кредитного риска как одного из наиболее значимых в финансовой деятельности.

Для определения правил банковской деятельности ведущих экономически развитых держав в 1974 г. в г. Базеле (Швейцария) как консультативно-рекомендательном органе был основан Базельский комитет по банковскому надзору. Инициатива его создания принадлежит группе 10 стран, так называемых G-10, в которую вошли США, Япония и ряд европейских стран: Бельгия, Великобритания, Германия, Италия, Нидерланды, Швейцария, Швеция и Франция. На сегодняшний день число стран — участниц Базельского комитета выросло до 28 стран. Комитет образуют представители центральных банков и органов финансового регулирования стран-участниц, а в качестве надзорных органов (наблюдателей) работают представители Европейской комиссии, Института финансовой стабильности и Международного валютного фонда.

Главной целью Базельского комитета является выработка совместных принципов развития и сближения национальных подходов в области регулирования банковской

деятельности. В рамках базельских соглашений обобщается и стандартизируется лучшая современная практика банковского дела. Формально рекомендательные документы, принимаемые Комитетом, стали фактически обязательными к исполнению странами-участницами. На сегодняшний день Базельский комитет по банковскому надзору является официальным органом, формирующим базовые условия функционирования международной банковской системы.

В основе базельских подходов к достижению устойчивости финансовой системы и регулированию рисков лежит требование к достаточности капитала банков. И в 1988 г. Базельским комитетом было подготовлено первое Соглашение по достаточности нормативного капитала. В зарубежной практике это соглашение называют также *Basel Capital 1988 Accord*, *1988 Accord*, *Accord* или *Basel I*. В Беларуси это соглашение известно как Базель I.

Кредитный риск занимает центральное место в Базеле I: безопасность функционирования банка определяется достаточностью его капитала для покрытия кредитных рисков. Степень достаточности определяется так называемым отношением Кука и установлена на уровне 8 %:

$$\frac{Capital}{Creditrisk} \geq 0,08. \quad (1)$$

Для определения размера кредитного риска предлагается рассчитывать суммарный объем активов и различного рода обязательств перед банком с учетом их кредитного риска путем умножения (взвешивания) стоимости актива на соответствующие ему весовые коэффициенты риска от 0 до 100 %. Отношение Кука можно представить следующим образом:

$$\text{Уровень достаточности капитала} = \frac{\text{Собственный капитал}}{\text{Суммарный объем активов, взвешенных с учетом кредитного риска}} \geq 0,08. \quad (2)$$

Достаточность капитала рассматривается как главный критерий стабильности банковской деятельности, при этом единственным ограничителем достаточности капитала банка является кредитный риск активов банка.

Следующим этапом в развитии подходов к оценке и управлению кредитным риском становится принятие Базельским комитетом в 1999 г. документа «Принципы управления кредитным риском» [1], где декларируется принцип применения системы внутренних кредитных рейтингов для оценки кредитного риска и управления кредитным портфелем банка (*Internal rating based approach* — IRB-подход или IRB).

Сам IRB-подход был представлен позднее в документе «Новое соглашение по оценке достаточности капитала» [2] и после продолжительных согласований закреплен в стандартах «Международная конвергенция измерения капитала и стандартов капитала: новые подходы» [3]. Данные стандарты и получили общепринятое сокращение — Базель II. Новый стандарт содержит в себе основные компоненты, определяющие стабильность банковской системы.

Первый компонент содержит требования к минимальному достаточному капиталу банка. Второй компонент определяет необходимость надзорного процесса со стороны регуляторов в отношении создания специальных резервов. Третий компонент закрепляет обязанность соблюдения банками рыночной дисциплины по раскрытию информации о своей деятельности. Максимальное внимание в документе уделено первому компоненту, положения второго и третьего носят рекомендательный характер (рис. 1).

Рис. 1. Основные компоненты Базеля II

Источники: разработано авторами на основе [4].

В соответствии с положениями первого компонента расчет минимального достаточного капитала банка проходит с учетом трех видов риска: кредитного, операционного и рыночного.

Отношение Кука определяется следующим образом:

$$\frac{Capital}{Creditrisk + Marketrisk + Operationrisk} \geq 0,08. \quad (3)$$

Для определения величины кредитного риска банк может выбрать один из нижеследующих подходов:

1. Стандартизированный подход.
2. Подход на основе внутренних рейтингов.
  - 2.1. Базовый внутренний рейтинг.
  - 2.2. Продвинутый внутренний рейтинг (табл. 1).

Таблица 1. Правила определения PD, LGD, EAD, M в соответствии с Базелем II

Показатель	Стандартизированный подход	Продвинутый подход
Величина сделки, EXP	Задолженность клиента перед банком по кредитному договору	
Значение вероятности дефолта, PD	Устанавливается банком на основе собственных оценок. Минимальное значение для корпораций и банков 0,03 %	
Значение удельного веса убытков, LGD	Установлен Базельским комитетом: 45 % для основных активов и 75 % для второстепенных активов	Устанавливается банком на основе собственных оценок
Стоимость активов под риском дефолта, EAD	Установлен Базельским комитетом	Устанавливается банком на основе собственных оценок
Срок до погашения (исчисляется в годах), M	Установлен Базельским комитетом (M = 2,5) или определяется банком	Устанавливается банком на основе собственных оценок, максимальный срок 5 лет

Источники: составлено авторами на основе [5].

Помимо вышеуказанных подходов для количественной оценки кредитного риска Базель II дает возможность регулирующим органам разрешить банкам с определенными требованиями использовать собственные методики его оценки.

Стандартизированный подход Базеля II принципиально не отличается от подхода, рекомендуемого Базелем I: в отношении капитала банка к его активам с учетом риска должно выполняться 8-процентное соотношение Кука. Отличие состоит в использова-

нии рейтингов внешних по отношению к банку агентств для оценки кредитного риска заемщика. Стандартизированный подход не требует от банков самостоятельного анализа риска активов. Он прост и удобен для применения в случаях когда обязательства и активы имеют рейтинги внешних рейтинговых агентств.

IRB-подход позволяет банкам самостоятельно определить величину взвешенных по риску активов. Величина кредитного риска по кредитным портфелям соответствующих классов активов характеризуется следующими количественными показателями:

- Expected Loss (EL): величина ожидаемых потерь по портфелю в результате дефолта контрагента в нормальных рыночных условиях. Данные потери покрываются резервами;
- Credit Value at Risk (Credit VAR): максимально возможные потери по портфелю в нормальных рыночных условиях при заданном доверительном уровне и временном горизонте планирования;
- Unexpected Loss (UL): величина неожиданных потерь при заданном доверительном уровне и временном горизонте планирования. Определяется как разница между величиной максимально возможных потерь по портфелю в нормальных рыночных условиях (Credit VAR) и величиной ожидаемых потерь по портфелю (Expected Loss);
- Expected Shortfall (ES): величина потерь по портфелю в условиях кризисных явлений. Определяется как разница между величиной стресс-потерь по портфелю (величины потерь, полученных в результате стресс-тестирования) и величиной максимально возможных потерь по портфелю в нормальных рыночных условиях (Credit VAR).

Оценка количественных показателей кредитного риска осуществляется с использованием следующих компонентов риска (поправочных коэффициентов, применяемых к величине сделки EXP):

- PD: вероятность дефолта;
- LGD: удельный вес потерь активами стоимости в результате дефолта контрагента;
- EAD: стоимость под риском дефолта;
- M (Maturity) — срок до погашения кредитного требования.

В рамках выбранного банком фундаментального подхода используется собственная оценка компонента PD и заданные Национальным банком Республики Беларусь (или определенные исходя из принципа консерватизма) компоненты LGD и EAD. По мере перехода на использование продвинутого подхода банк использует собственные оценки всех компонентов риска (PD, LGD и EAD).

Возможность начала полноценного использования собственных (исторических оценок компонентов риска в соответствии с требованиями Базельского соглашения) осуществляется при наличии статистической базы:

- для компонента PD: не менее чем за 5 лет;
- для компонента LGD: не менее чем за 7 лет (5 лет для розничных активов);
- для компонента EAD: не менее чем за 7 лет (5 лет для розничных активов).

Вероятность дефолта — компонент риска, отражающий вероятность перехода контрагента в течение ближайших 12 месяцев в дефолтную категорию. Показатель рассчитывается для каждого контрагента в зависимости от его принадлежности к соответствующему классу активов.

Система внутренних рейтингов применяется для расчета PD для активов корпоративных клиентов. Каждому юридическому лицу, к которому банк имеет требование, присваивается отдельный внутренний рейтинг. Сбор и актуализацию результатов миграции активов по рейтингам необходимо осуществлять на ежеквартальной основе.

Для каждого класса активов банк применяет разные методологии рейтинговой оценки, отражающие специфику принимаемых рисков. При этом банк использует единую рейтинговую шкалу, содержащую десять категорий рейтингов (например, десятибалльная шкала от 1 до 10).

Вычисление вероятности дефолта на основе исторических данных осуществляется по формуле

$$PD_i = \frac{D_i}{n_i}, \quad (4)$$

где PD_i — вероятность дефолта для контрагентов с присвоенным внутренним рейтингом i в течение года; D_i — количество случаев дефолтов контрагентов с внутренним рейтингом i в течение одного года; n_i — количество контрагентов, внутренний рейтинг которых принимал значение i в течение года.

Вероятность дефолта контрагентов одного внутреннего рейтинга определяется для периода в один год. При этом от количества лет наблюдений зависит точность расчета вероятности дефолта. Наблюдаемая по результатам отчетного периода в 1 год вероятность дефолта является средней для реального распределения

$$PD_{cp} = \frac{\sum_{t=1}^T PD_t}{T}, \quad (5)$$

где PD_t — вероятность дефолта для контрагента определенного рейтинга в году t ; T — количество лет.

Полученная в результате величина активов, взвешенных по уровню риска, включается в знаменатель формулы для расчета достаточности капитала банка.

Вышеупомянутые показатели количественной оценки кредитного риска в случае стандартизированного подхода устанавливаются Базельским комитетом, а в случае продвинутого — самим банком, при условии соблюдения всех минимальных требований и условий, предусмотренных Базелем II.

Обобщая предлагаемые Базелем II подходы, можно заметить, что впервые банкам предлагается достаточная свобода в выборе между двумя основными методологиями расчета кредитного риска: с использованием внешних рейтинговых оценок либо на основе собственных внутренних рейтинговых систем.

Предъявляемые Базелем II требования к процессу внешнего рейтингования, такие как объективность и независимость, зачастую носят декларативный характер. В сложившихся условиях Базельский комитет склоняется к тому, что ведущим должен стать поход на основе внутренних рейтинговых систем.

Однако несмотря на внимание, уделяемое Базельским комитетом проблеме управления рисками, финансовый кризис 2008–2009 гг. продемонстрировал неспособность мировой банковской системы обеспечить свою стабильность. Очевидная необходимость доработки стандартов привела к созданию в 2010 г. новой версии соглашения — «Международный механизм регулирования для банков» [6] или Базель III.

Базель III разработан с целью усиления регулирования, надзора и управления рисками в банковском секторе и призван главным образом обеспечить его способность выдерживать различные финансовые и экономические шоки.

Переход мировой банковской системы на стандарты Базеля III осуществляется планомерно, в период с 2013 по 2018 г. Адаптацию базельских соглашений к особенностям банковской системы страны осуществляют национальные регуляторы.

Стандартизированный подход, основанный на оценках кредитного риска внешними рейтинговыми агентствами, в Беларуси не применялся. Причинами являются историческая неразвитость системы функционирования рейтинговых агентств и крайне незначительное количество заемщиков, прошедших процедуру получения независимого кредитного рейтинга.

Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь утверждена Инструкция о нормативах безопасного функционирования для банков, открытого ак-

ционерного общества «Банк развития Республики Беларусь» и небанковских кредитно-финансовых организаций. Данная Инструкция устанавливает нормативы безопасного функционирования для банков, открытого акционерного общества «Банк развития Республики Беларусь» и небанковских кредитно-финансовых организаций, зарегистрированных на территории Республики Беларусь, единую методику расчета нормативного капитала, активов и обязательств, размеров риска, методику оценки выполнения нормативов безопасного функционирования, установленных для банков, ОАО «Банк развития», небанковских кредитно-финансовых организаций, а также порядок осуществления банковского надзора за выполнением нормативов безопасного функционирования перечисленными выше организациями. Требования к достаточности капитала, установленные Нацбанком, более жесткие, чем мировые: величина достаточности нормативного капитала ограничена 10 % (а с учетом консервационного буфера с 01.01.2019 г. — 12,5 %), вместо базельских 8 %.

Параллельно с существующим упрощенным стандартизированным подходом к оценке кредитного риска в настоящий момент в белорусской банковской системе происходит внедрение IRB-подхода. Так, 22.01.2018 г. постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь утверждена Инструкция об организации банками, открытым акционерным обществом «Банк развития Республики Беларусь» внутренней процедуры оценки достаточности капитала и управления рисками (далее — Инструкция). Данная Инструкция предусматривает расчет доступного (размер капитала, имеющегося в распоряжении банка для покрытия непредвиденных потерь от существенных видов рисков в случае возникновения нестандартных (кризисных) ситуаций) и экономического (размер капитала банка, необходимого для покрытия непредвиденных потерь от существенных видов рисков в случае возникновения нестандартных (кризисных) ситуаций) капитала с последующей оценкой достаточности капитала в целях соблюдения норматива безопасного функционирования, установленного на уровне 10 %. Для определения значения экономического капитала по существенным видам рисков банкам предлагается использовать методики, предусмотренные Инструкцией, либо иные подходы при условии соблюдения требований к количественным инструментам измерения (оценки) экономического капитала, прописанные в Инструкции.

Используя данные табл. 2, рассмотрим пример расчета количественных показателей кредитного риска по условному кредитному портфелю.

Имеется кредитный портфель из 8 сделок с определенными компонентами риска.

Таблица 2. Исходные данные

	EXP (BYN), тыс. руб.	Рейтинг	PD	LGD	EAD
Кредит № 1	273 329 360	6	6,47 %	96 %	100 %
Кредит № 2	510 896 000	3	1,63 %	98 %	100 %
Кредит № 3	134 110 200	4	1,84 %	96 %	100 %
Кредит № 4	8 000 000	5	3,27 %	100 %	100 %
Кредит № 5	5 000 000	4	1,84 %	100 %	100 %
Кредит № 6	6 080 000	7	12,60 %	100 %	100 %
Кредит № 7	9 649 000	6	6,47 %	100 %	100 %
Кредит № 8	28 658 000	5	3,27 %	100 %	100 %

Источники: составлено авторами.

На протяжении года по портфелю накапливалась информация по рейтингам, благодаря чему получена годовая миграционная матрица (табл. 3).

Таблица 3. Годовая миграционная матрица внутренних рейтингов

Рейтинг	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	100 %	0,00 %	0,00 %	0,00 %	0,00 %	0,00 %	0,00 %	0,00 %	0,00 %	0,00 %
2	2,86 %	29,52 %	37,52 %	16,07 %	10,82 %	2,12 %	0,31 %	0,09 %	0,01 %	0,69 %
3	0,44 %	11,78 %	40,07 %	25,91 %	15,93 %	3,38 %	0,66 %	0,19 %	0,02 %	1,63 %
4	0,04 %	2,78 %	18,43 %	43,79 %	26,03 %	5,90 %	0,89 %	0,26 %	0,03 %	1,84 %
5	0,03 %	1,52 %	8,01 %	21,28 %	47,02 %	14,65 %	2,96 %	1,12 %	0,14 %	3,27 %
6	0,01 %	0,62 %	3,29 %	12,06 %	32,91 %	35,99 %	6,16 %	2,42 %	0,07 %	6,47 %
7	0,00 %	0,26 %	1,32 %	5,90 %	22,17 %	19,56 %	33,75 %	4,42 %	0,02 %	12,60 %
8	0,00 %	0,02 %	0,11 %	0,66 %	5,15 %	9,32 %	15,12 %	43,59 %	1,24 %	24,79 %
9	0,00 %	0,00 %	0,00 %	0,00 %	0,00 %	0,00 %	0,00 %	0,00 %	50,94 %	49,06 %

Источники: составлено авторами.

Величина ожидаемых потерь (EL) рассчитывается в разрезе каждой кредитной сделки по следующей формуле:

$$EL_k = EXP_k \cdot PD_k \cdot EAD_k \cdot LGD_k, \quad (4)$$

где EL_k — ожидаемые потери со сделки k ; EXP_k — величина задолженности по сделке k ; PD_k — вероятность дефолта контрагента, с которым заключена сделка k ; EAD_k — стоимость под риском дефолта сделки k ; LGD_k — удельный вес потерь со сделки k в результате дефолта контрагента.

С учетом данных условного портфеля получим (табл. 4).

Таблица 4. Рассчитанные ожидаемые потери

	EXP (BYN), тыс. руб.	PD	LGD	EAD	EL, тыс. руб.
Кредит № 1	273 329 360	6,47 %	96 %	100 %	16 977 033
Кредит № 2	510 896 000	1,63 %	98 %	100 %	8 161 053
Кредит № 3	134 110 200	1,84 %	96 %	100 %	2 368 923
Кредит № 4	8 000 000	3,27 %	100 %	100 %	261 600
Кредит № 5	5 000 000	1,84 %	100 %	100 %	92 000
Кредит № 6	6 080 000	12,60 %	100 %	100 %	766 080
Кредит № 7	9 649 000	6,47 %	100 %	100 %	624 290
Кредит № 8	28 658 000	3,27 %	100 %	100 %	937 117
Итого	975 722 560				30 188 096

Источники: составлено авторами.

Величина ожидаемых потерь (EL) по условному кредитному портфелю составит 30 188 095 тыс. руб. или 3,09 %.

Для определения Credit VAR (Credit Value at Risk) — максимально возможные потери по портфелю в нормальных рыночных условиях при заданном доверительном уровне и временном горизонте планирования — на основании годовой миграционной матрицы, исходя из вероятностей переходов контрагента из одного внутреннего рейтинга в другой, для каждой категории рейтинга формируются отрезки от 0,0 до 1,0, которые разбиваются на число интервалов, равное количеству возможных рейтингов (1, 2, ..., 10).

Длины интервалов соответствуют вероятностям перехода из одного рейтинга в другой (сумма вероятностей всех рейтингов равна 1). Например, для внутреннего рейтинга

га «5» с вероятностями перехода в другие рейтинги искомый отрезок будет следующим (рис. 2).

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
0,03 %	1,52 %	8,01 %	21,28 %	47,02 %	14,65 %	2,96 %	1,12 %	0,14 %	3,27 %

Рис. 2. Отрезок миграции из рейтинга «5»

Источники: разработано авторами.

Повторяется данная процедура для всех других рейтингов, кроме дефолтового (10), который в рамках моделирования в другие категории рейтинга не мигрирует.

Для каждого кредита портфеля случайным образом (например, методом Монте-Карло) генерируется число от 0 до 1, на основании полученного результата определяется, в какой интервал указанного выше отрезка попадает данное значение, и определяется новый внутренний рейтинг и соответствующая ему вероятность дефолта.

Таким образом, в отличие от европейских финансовых организаций, которые уже на протяжении более 10 лет применяют в своей деятельности базельские стандарты, перед участниками белорусского банковского сектора стоит непростая задача внедрения сразу нескольких значимых базельских соглашений: Базель II и Базель III. В отношении кредитного риска это потребует от белорусских банков активизации действий в направлении развития собственных методик его оценки и систем управления.

Источники

1. Малюгин, В. И. Исследование эффективности алгоритмов классификации заемщиков банков (на основе балансовых коэффициентов) / В. И. Малюгин, О. Корчагин, Н. В. Гринь // Банк. весн. — 2009. — № 7. — С. 26–33.

Malugin, V. I. Study of the efficiency of classification algorithms for bank borrowers (based on balance ratios) / V. I. Malugin, O. Korchagin, N. V. Grin // Bank Bull. — 2009. — № 7. — P. 26–33.

2. Магнус, Я. Р. Эконометрика. Начальный курс / Я. Р. Магнус, П. К. Катышев, А. А. Пересецкий. — М.: Дело, 2007. — 504 с.

Magnus, Ya. R. Econometrics. Initial course / Ya. R. Magnus, P. K. Katishev, A. A. Peresitskiy. — Moscow: Delo, 2007. — 504 p.

3. Кремер, Н. Ш. Эконометрика: учебник для студентов вузов / Н. Ш. Кремер, Б. А. Путко; под ред. Н. Ш. Кремера. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. — 328 с.

Kremer, N. Sh. Econometrics: a textbook for students / N. Sh. Kremer, B. A. Putko; by ed. N. Sh. Kremer. — 3rd ed., rev. and add. — Moscow: UNITY-DANA, 2010. — 328 p.

4. Ефимова, Ю. В. Методические подходы к оценке кредитоспособности заемщиков / Ю. В. Ефимова // Банк. кредитование. — 2010. — № 3. — С. 6–12.

Efimova, U. V. Methodical approaches to assessing the creditworthiness of borrowers / U. V. Efimova // Bank credit. — 2010. — № 3. — P. 6–12.

5. Ковалев, М. Методика построения банковской скоринговой модели для оценки кредитоспособности физических лиц / М. Ковалев, В. Корженевская // Credit Europe Bank N. V. — 2010. — 10 с.

Kovalev, M. The method of building a banking scoring model for assessing the creditworthiness of individuals / M. Kovalev, V. Korzhenevskaya // Credit Europe Bank N. V. — 2010. — 10 p.

6. Basel III: international regulatory framework for banks [Electronic resource] // Bank for International Settlements. — Mode of access: <http://www.bis.org/bcbs/basel3.html>. — Date of access: 14.07.2018.

7. Инструкция об организации банками, открытым акционерным обществом «Банк развития Республики Беларусь» внутренней процедуры оценки достаточности капитала и управления рисками [Электронный ресурс]: постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 22 янв. 2018 г., № 25 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.

Статья поступила в редакцию 22.11.2018 г.

Zh. Tsaurkubule
Baltic International Academy (Riga, Latvia)

DEMOGRAPHY AND LABOR MARKET OF LATVIA

Unemployment and the problem of employment is one of the most important economic and social problems, and also in Latvia, this problem is very urgent.

The overall situation in the labor market is well characterized by the economic situation in the country. In Latvia, the demographic situation is one of the most pressing issues related to employment. Every year Latvia need to pay more attention to the problem of employment, especially because it was necessary to stabilize the employment sphere and migration processes related to with the outflow of the work population from a country.

The current unemployment rate in Latvia is a big social problem, it reduces the level of development of the country and its development slows down.

The aim of the work is analyzing the labor market and employment policies of the Latvia in the context of analysis of demographic situation and formulate specific proposals to promote employment in Latvia.

Keywords: Latvia; demographic situation; labor market; unemployment; employment policy.

Ж. Л. Цауркубуле
доктор инженерных наук, профессор
Балтийская международная академия (Рига, Латвия)

ДЕМОГРАФИЯ И РЫНОК ТРУДА ЛАТВИИ

Безработица и проблема занятости являются одной из важнейших экономических и социальных проблем, в Латвии эта проблема очень актуальна. Общая ситуация на рынке труда хорошо характеризуется экономической ситуацией в стране. В Латвии демографическая ситуация является одной из самых актуальных проблем, связанных с занятостью. Каждый год Латвии нужно уделять больше внимания проблеме занятости, потому что необходимо стабилизировать миграционный процессы, связанные с оттоком трудоспособного населения из страны.

Нынешний уровень безработицы в Латвии является большой социальной проблемой, она снижает уровень развития страны.

Целью работы является анализ рынка труда и политики занятости Латвии в контексте анализа демографической ситуации и разработка конкретных предложений по содействию занятости в Латвии.

Ключевые слова: Латвия; демографическая ситуация; рынок труда; безработица; политика занятости.

Современная демографическая ситуация в Латвии характеризуется как неблагоприятная, ее население стремительно сокращается. На демографическую ситуацию и ее изменение существенно влияет низкий уровень рождаемости, что в большей степени связано с низким уровнем доходов жителей страны. И хотя с 1 января 2018 г. в Латвии была повышена минимальная зарплата с 380 до 430 евро (на 13,2 %), после отчисления налогов на руках у почти трети жителей страны остается сумма, которая значительно ниже кризисного прожиточного минимума. В свою очередь низкий уровень рождаемости означает недостаточное воспроизводство населения. В Латвии продолжается естественная убыль населения вследствие превышения смертности над рождаемостью, а также миграционный отток жителей. И хотя в Латвии медленно растет количество занятого населения, недооценка влияния демографических проблем на рынок труда в целом приводит к комплексным экономическим затруднениям и проявлениям кризисных ситуаций в сферах на первый взгляд напрямую не связанных с демографией.

Цель исследования — анализ влияния демографических изменений на перспективы развития рынка труда Латвии.

Задачи исследования:

- 1) выявить тенденции формирования демографической ситуации и воспроизводства человеческих ресурсов в Латвии;
- 2) определить, какой должна быть эффективная государственная политика, и разработать предложения по совершенствованию политики занятости Латвии.

Объектом исследования выступает рынок труда Латвии в контексте ее членства в Евросоюзе, предметом исследования — демографическая ситуация.

Анализ демографической ситуации в Латвии. На изменение рынка труда влияют различные факторы, такие как циклический характер экономики, увеличение открытости рынка труда, демографические тенденции. Ситуация на рынке труда связана с демографической ситуацией в стране, так как от нее зависят спрос и предложение рабочей силы.

К важнейшим показателям демографической ситуации Латвии относятся естественная убыль населения вследствие превышения смертности над рождаемостью, а также миграционный отток населения (рис. 1).

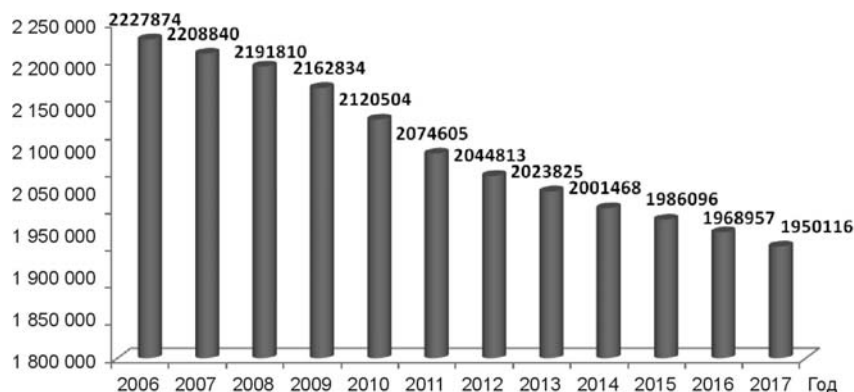

Рис. 1. Динамика численности жителей Латвии в 2006–2017 гг.

Источники: разработано автором на основе [1].

Население Латвии стремительно сокращается. После возобновления независимости в стране насчитывалось 2,7 млн человек, тогда как сейчас уже меньше двух миллионов.

Согласно данным Центрального статистического бюро (ЦСБ) Латвии на начало 2018 г. в Латвии проживало всего 1 950 116 жителей. За 8 месяцев 2018 г. численность населения Латвии уменьшилась на 15 737 человек, и к концу года естественный прирост населения будет отрицательным. Данные статистики свидетельствуют о ежегодном снижении численности населения страны. Общее число латвийских жителей в 2017 г. снизилось на 258 тыс. человек, или на 12 % по отношению к этому же показателю 2007 г. Прогнозы демографов также дают неутешительную картину — к 2050 г. в Латвии будет проживать менее полутора млн человек.

Если уровень внешней миграции останется на уровне прошлого года, то вследствие миграционных причин суммарное количество людей, покидающих страну (эмигрантов) будет преобладать над количеством людей, въезжающих в страну с целью долгосрочного пребывания (иммигрантов) [2].

Статистические данные показывают, что под влиянием глобального финансово-экономического кризиса 2009–2011 гг. с ухудшением экономической ситуации в стране поток эмиграции резко увеличился. Как видно из рис. 2, наивысшая точка была достигнута в 2010 г., когда эмигрировало 39 651 человек, в свою очередь иммиграция в этот год составила только 4011 человек. Хотя в последние годы темпы эмиграции снизились,

люди продолжают уезжать из Латвии. Миграция оказывает значительное влияние на экономику Латвии, особенно потому, что из страны выезжает трудоспособное население и прежде всего молодые люди с высшим образованием. В числе таких эмигрантов могут быть и потенциальные работодатели, которые могли бы трудоустроить не только себя, но и дать возможность другим жителям включиться в рынок труда.

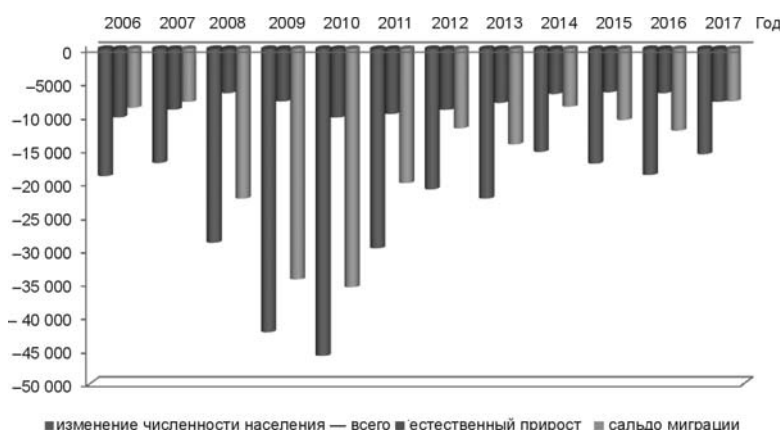

Рис. 2. Изменение численности населения, 2006–2017 гг.

Источники: разработано автором на основе [1].

На рис. 3 видно, что за последние десять лет количество молодежи в возрасте от 15 до 24 лет снизилось в Латвии на 155,8 тысячи.

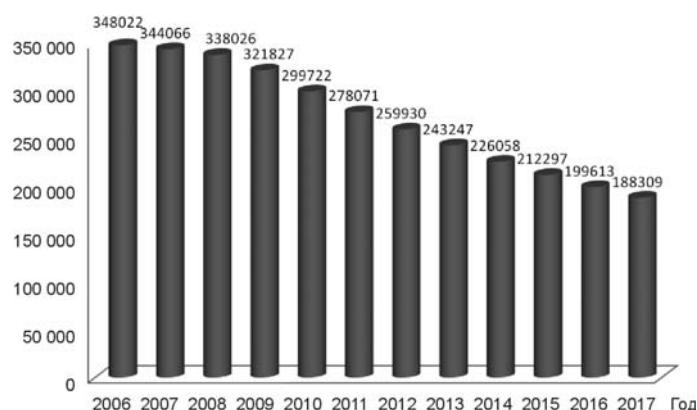

Рис. 3. Количество молодежи в возрасте 15–24 лет в Латвии, 2006–2017 гг.

Источники: разработано автором на основе [1].

На демографическую ситуацию и ее изменение существенно влияет и низкий уровень рождаемости, что в большей степени связано с низким уровнем доходов населения. Доходы населения — это денежные средства или материальные ценности, полученные в результате какой-либо деятельности за определенный период.

По данным ЦСБ Латвии, среднемесячная заработная плата за последние 7 лет стабильно растет. В 2017 г. средняя брутто зарплата (до уплаты налогов) выросла до 926 евро, к середине 2018 г. — до 1004 евро. Однако более важным показателем является нет-

то зарплата (после уплаты налогов) так как это деньги, которые жители реально получают «на руки» (рис. 4).

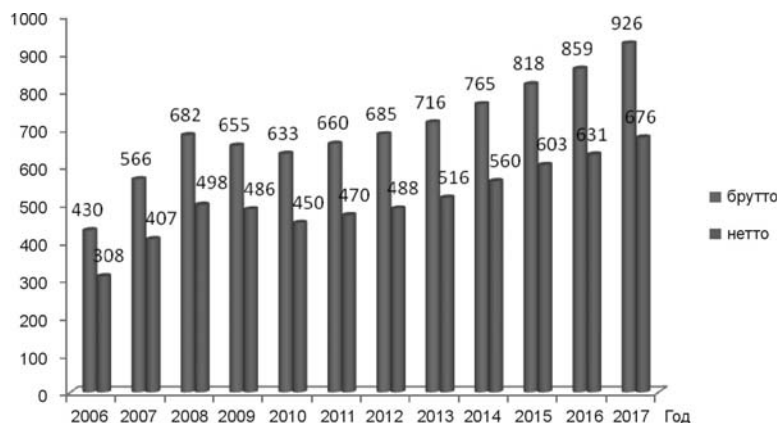

Рис. 4. Среднемесячная заработная плата в Латвии в 2006–2017 гг.

Источники: разработано автором на основе [1].

Каждый пятый трудоустроенный в Латвии в первом квартале 2018 г. получал минимальную заработную плату, или 430 евро до уплаты налогов. В том числе нетто-жалование до 450 евро, т.е. после уплаты налогов, получали 43,7 % работающих. Зарплата от 450,01 до 700 евро в месяц — у каждого третьего (30,8 % от всех трудящихся), от 700,01 до 1400 евро — у 17,4 %. Неполные 3 % трудоустроенных получают на руки свыше 1400 евро в месяц [3].

Одновременно с уменьшением численности населения страны меняется также и возрастная структура ее жителей.

На рис. 5 видно, что удельный вес трудоспособного населения Латвии снизился с 67,2 % в 2000 г. до 64,1 % в 2018 г. В свою очередь удельный вес жителей пенсионного возраста вырос с 14,9 % в 2000 г. до 20,1 % в 2018 г. Снижение количества жителей трудоспособного возраста, а также структурные изменения в пользу пожилых людей снижает доступность трудовых ресурсов на рынке труда, что в будущем может стать существенным препятствием для развития народного хозяйства Латвии.

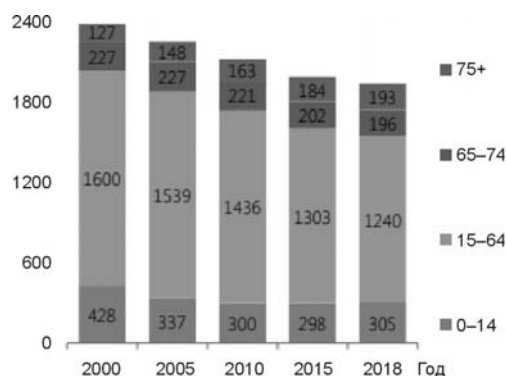

Рис. 5. Возрастная структура населения Латвии, 2000–2018, тыс.чел.

Источники: разработано автором на основе [4].

Анализ рынка труда Латвии. Динамика уровня занятости меняется вместе с экономической ситуацией в стране (табл. 1).

Таблица 1. Главные результативные показатели политики занятости

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2020 г. (проект)
Уровень занятости в возрасте от 15–64 лет, %	66,3	68,1	68,7	70,1	Увеличится
Уровень безработицы в возрасте от 15–64 лет, %	11,1	10,1	9,9	8,9	Снизится
Уровень зарегистрированной безработицы, %	8,9	8,7	8,4	6,8	Снизится
Уровень экономической активности жителей от 15–64 лет, %	74,6	75,7	76,3	77,0	Увеличится
Удельный вес длительных безработных от экономически активных жителей, %	4,6	4,5	4,0	3,3	2,5
Удельный вес длительных безработных от общего количества безработных, %	33,0	29,7	30,9	28,7	15

Источники: составлено автором на основе [1].

Согласно статистическим данным, в Латвии экономическая активность жителей с каждым годом постепенно растет. При этом начиная с 2010 г. уменьшается количество ищущих работу и количество безработных, снижается уровень безработицы. Одна из причин этого — непрекращающаяся эмиграция жителей из страны (рис. 6).

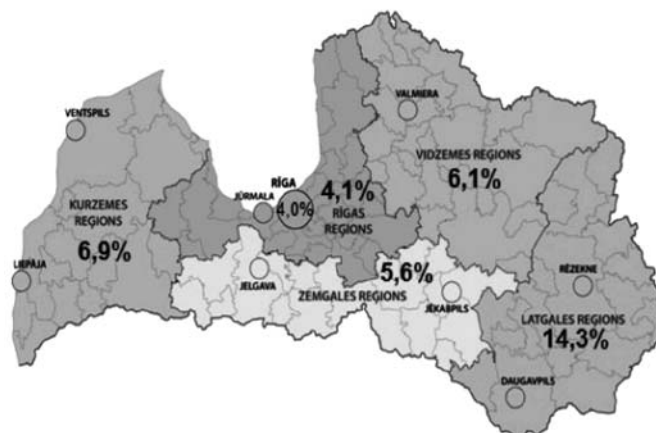

Рис. 6. Зарегистрированный уровень безработицы в Латвии на конец сентября 2018 г.

Источники: разработано автором на основе [5].

Наименьший уровень безработицы в сентябре 2018 г. был зарегистрирован в Рижском регионе (4,1 %), наивысший — в Латгальском регионе (14,3 %). В Курземском регионе зарегистрировано 6,9 % безработных, в Земгальском регионе — 5,6 %, в Видземском регионе — 6,1 %.

В городах Латвии наименьший уровень безработицы в сентябре 2018 г. был отмечен в Риге — 3,1 %, наибольший — в Резекне — 9,0 %.

Анализ динамики занятости населения в отраслевом аспекте (табл. 2) показывает, что в Латвии больше всего работающих занято в сфере общественных услуг, включая государственное управление и оборону (22,4 %), отраслях торговли, гостиничных услуг и услуг питания (18,0 %), а также промышленности и энергетики (16,2 %).

Таблица 2. Динамика занятого населения по отраслям народного хозяйства, %

Отрасль народного хозяйства	2008 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	8,0	8,6	7,9	6,9
Промышленность и энергетика	17,6	16,3	15,6	16,2
Строительство	11,8	6,8	8,0	7,1
Торговля, гостиничные услуги, услуги питания	18,7	19,0	17,8	18,0
Транспорт, хранение, информационные и коммуникационные услуги	10,7	11,5	12,4	8,9
Финансовые, страховые, научные, административные услуги, операции с недвижимостью	7,8	10,3	11,4	15,9
Общественные услуги (госуправление и оборона, образование, здравоохранение)	20,8	22,7	22,1	22,4
Прочие виды хозяйственной деятельности	4,7	4,6	4,7	4,6

Источники: составлено автором на основе [5].

Если сравнивать данные 2017 г. с данными 2008 г., то можно сделать вывод, что практически во многих отраслях народного хозяйства произошло снижение уровня занятости. Так, например, в промышленности произошло снижение на 1,4 процентных пункта, в строительстве — на 4,7 процентных пункта. В свою очередь увеличение занятости наблюдается в финансовом секторе, где увеличение составило 8,1 процентных пункта.

Если рассматривать портрет безработных по уровню образования, то существует тенденция, что меньше всего на рынке труда задействованы жители с профессиональным и средним образованием. Это может быть связано с тем, что им не хватает знаний, необходимых для работодателей (рис. 7).

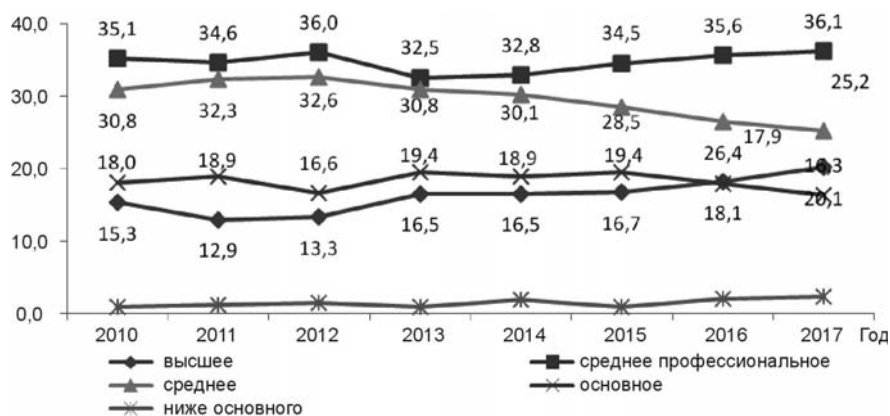

Рис. 7. Структура безработных по уровню образования, %

Источники: разработано автором на основе [5].

Среди людей с профессиональным образованием в 2017 г. без работы оставались 36,1 %. Зачастую люди не могут найти работу, так как их профессия не пользуется спросом. В стране много выпускников гуманитарных и социальных наук, но мало выпускников технических и инженерных наук. Когда наблюдается избыток в конкретных профессиях, то конкуренция становится жестче, и не все способны найти свободные вакансии на рынке труда. Среди людей с высшим образованием на конец 2017 г. 16,3 %

являлись безработными. Эти данные указывают на то, что люди с высшим образованием легче находят работу, и пользуются спросом среди работодателей.

В июле 2018 г. на учете в Государственном агентстве занятости (ГАЗ) стояли 16 139 длительных безработных, что составляет 27,3 % от общего количества безработных. Сравнивая с предыдущим годом, удельный вес длительных безработных в общем числе безработных снизился на 20 % (рис. 8).

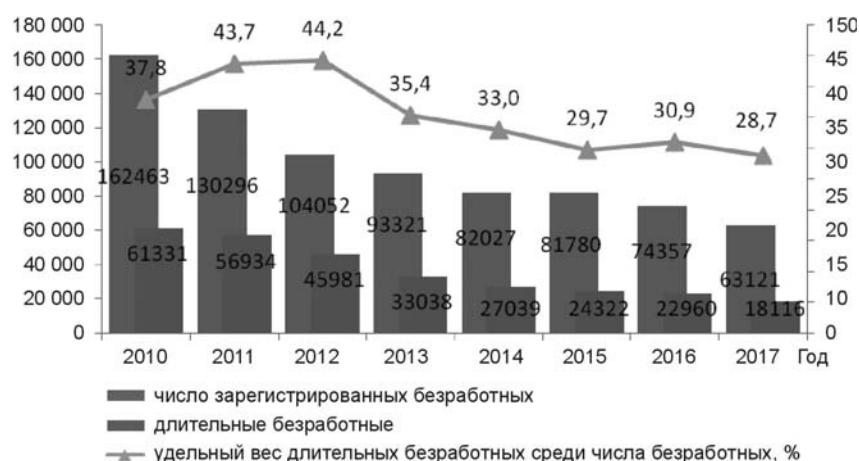

Рис. 8. Показатели длительной безработицы в Латвии

Источник: разработано автором на основе [5].

И хотя в абсолютных числах количество длительных безработных снижается, почти 21 % от длительных безработных не могут найти работу в течение 4 лет и более. Это указывает на структурные проблемы со стороны предложения рабочей силы. Если безработный задерживает свое возвращение на рынок труда, по истечении более длительного срока это сделать становится все труднее. При этом возрастная структура длительных безработных неоднородна: наибольший удельный вес (58,8 %) составляют безработные в возрасте 50 лет и более, в свою очередь 1,5 % длительных безработных составляют безработные от 15 до 24 лет. Четвертая часть (25,1 %) длительных безработных — люди с инвалидностью.

Одной из актуальных проблем не только Латвии, но и всей Европы в целом является молодежная безработица. Способные молодые специалисты являются гордостью и надеждой для любой страны, но если у этой «надежды» нет социальной защиты, то невозможность этой молодежи быстро и успешно интегрироваться в рынок труда приводит к одной из существенных угроз для экономической и социальной стабильности государства. Недостаток опыта работы часто становится причиной, почему молодые люди не могут сразу найти работу. Работодатели в основном стараются трудоустроить специалистов, у которых есть достаточный стаж работы.

Безработица среди молодежи приводит к отъезду молодых специалистов на заработки за рубеж. Сейчас ситуация в Латвии такова, что очень много молодых людей рассматривают возможность уехать работать за границу. И очень многие уезжают. Уезжают те, которые могут и хотят работать, но просто не могут найти работу и не видят никаких перспектив, что ситуация может улучшиться. Талантливые молодые люди, которые могли вкладывать свои знания и работать на развитие страны, вынуждены искать лучшую жизнь за пределами государства.

На рис. 9 видно, что уровень безработицы среди молодежи в Латвии находится на достаточно высоком уровне. Начиная с 2010 г. уровень безработицы среди молодых людей в возрасте 15–24 лет постепенно снижается, однако зачастую это связано не с увеличением трудоустройства молодежи, а с тем, что общее количество молодежи в стране снижается.

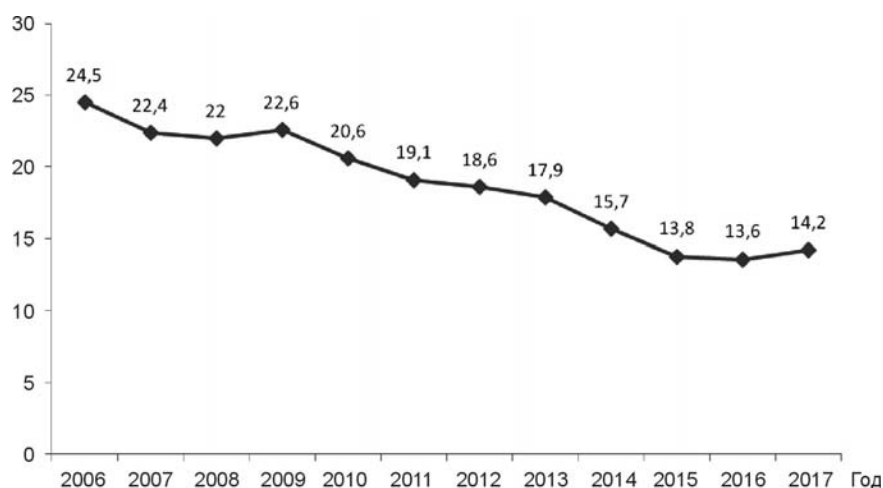

Рис. 9. Количество зарегистрированных безработных в возрасте 15–24 лет, 2006–2017 гг., %

Источники: разработано автором на основе [1].

Политика занятости в Латвии. Состояние рынка труда зависят в определенной степени от уровня эффективности правового регулирования, от реального соответствия правовых норм, регулирующих данную сферу отношений, состояния и возможности общества и государства по обеспечению развития и экономических реформ. Политика занятости должна быть органически включена и согласована с общей концепцией реформирования экономики, соответствовать ее принципам и стратегии реализации.

В Латвийской Республике трудовые правовые обязательства регулируются следующими основными законами:

- *Закон о труде* (вступил в силу 1 июня 2002 г.). Он считается «крышей» Латвийских законов в области занятости, регулирующей правовые отношения (которые образовались на базе трудового договора) между работодателем и работником. 7 статья закона гласит, что «Каждый имеет равные права на работу, справедливые, надежные и безвредные для здоровья условия труда, а также на справедливую оплату труда» [6];

- *Закон об охране труда* (вступил в силу 1 января 2002 г.). Целью Закона является гарантирование и улучшение безопасности и охраны здоровья занятых лиц на работе посредством определения обязанностей, прав и взаимоотношений работодателей, занятых лиц и их представителей, а также государственных структур в сфере охраны труда [7];

- *Закон о поддержке безработных и лиц, ищущих работу* (вступил в силу 1 июля 2002 г.). Целью закона является создание системы поддержки безработных и ищущих работу для обеспечения для них возможности вернуться на рынок труда [8].

Политика занятости Латвии как страны — участницы ЕС осуществляется в рамках стратегии занятости ЕС. В свою очередь на национальном уровне снижение безработицы и осуществление поддержки безработных и соискателей работы проводит Государствен-

ное агентство занятости (ГАЗ). ГАЗ осуществляет как активную, так и пассивную политику занятости, мероприятия по снижению безработицы, а также краткосрочные мероприятия.

Цель политики занятости: способствовать формированию инклюзивного рынка труда, полноценно используя потенциал человеческих ресурсов Латвии, в том числе уменьшая социальные последствия безработицы, поддерживая оставшихся без работы людей вернуться на рынок труда. Представителям групп, подверженным риску социальной отверженности, как можно дольше оставаться на рынке труда, а также способствовать улучшению качества рабочих мест.

Активные мероприятия по обеспечению занятости. В целях способствования поиску работы, увеличения занятости и повышения конкурентоспособности на рынке труда каждому постоянному жителю Латвии доступны бесплатные консультативные услуги и информация об организуемых Государственным агентством занятости активных мероприятиях по повышению занятости и свободных рабочих местах.

Включиться в активные мероприятия по снижению безработицы могут только те жители Латвии, которые в соответствии с «Законом о поддержке безработных и ищущих работу» зарегистрировались в качестве безработных или ищущих работу. В соответствии с данным Законом активные мероприятия по занятости следующие:

- профессиональное дальнейшее обучение и получение неформального образования. У безработных, ищущих работу, а также подверженных риску безработицы лиц есть возможность выбрать образовательную программу из утвержденного Министерством благосостояния Списка областей обучения и профессий;
- субсидированная занятость. Трудоустройство безработных на субсидированных рабочих местах, для того чтобы помочь безработным понять требования рынка труда, способствовать интеграции безработных в общество и поиску постоянного места работы;
- молодежная гарантия. Молодежная гарантия — инициатива, цель которой помочь молодежи вернуться в учебное заведение или интегрироваться на рынке труда, таким образом снизится безработица среди молодежи и улучшится конкурентоспособность на рынке труда. Мероприятия Молодежной гарантии будут проходить с 2014 по 2020 г. Основная целевая аудитория — молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет (включительно), которые не учатся и не работают;
- оплачиваемые временные общественные работы. Активные мероприятия по занятости для получения и поддержания рабочих навыков для безработных, выполняя общественно полезные работы;
- мероприятия по повышению конкурентоспособности. Мероприятия направлены на содействие конкурентоспособности безработных, соискателей работы и людей, подверженных риску безработицы на рынке труда. Мероприятия включают в себя индивидуальные консультации и групповые занятия (курсы, семинары, лекции), для освоения методов поиска работы, психологической поддержки и освоения навыков и компетенций, необходимых на рынке труда;
- мероприятия для начала коммерческой деятельности или самозанятости. Целью мероприятий является предоставление консультативной и финансовой поддержки, которая поможет безработным с предшествующей подготовкой и направленностью к коммерческой деятельности начать коммерческую деятельность или стать самозанятыми лицами и успешно работать в выбранной сфере не менее двух лет;
- способствование региональной мобильности. Целью является способствование мобильности работника, обеспечивая финансовое возмещение затрат на транспортные услуги и аренду жилья в первые четыре месяца после начала трудовых отношений;
- консультации по вопросам карьеры.

По инициативе министра экономики Латвии и по договоренности с министром образования и науки 8 июля 2016 г. учрежден Совет по занятости под руководством трех ми-

нистров. Министры подчеркнули, что на рынке труда необходимы всеобъемлющие изменения, которые возможны лишь при согласованном взаимодействии всех трех министерств.

«Чтобы способствовать более быстрому росту экономики, Латвии нужен сбалансированный рынок труда, на котором мы можем предлагать хорошо оплачиваемые рабочие места отлично образованной рабочей силе. Создание Совета по занятости — первый шаг в решении этого вопроса в более широком масштабе — с привлечением всех ответственных министерств — как создателей политики, работодателей, отраслевых экспертов, как формирующих спрос на рабочую силу, и системы образования, как готовящей рабочую силу», — пояснил министр экономики А. Ашераденс [9].

Еще одна программа, которую пытается реализовать Правительство Латвии, — это программа реэмиграции. Государство уже не раз пыталось запустить процесс реэмиграции соотечественников. Людей заманивали на родину перспективными вакансиями, различными программами по социализации. Но, как недавно признал президент государства Раймонд Вейонис, «пока не видно большого потока возвращающихся, общий план государства не работает». Так, летом 2016 г. в Латвии запустили социальную кампанию *Gribu Tevi Atpakaļ* («Хочу тебя обратно»). Это была слабая попытка воззвать к совести уехавших граждан с таким посылом: возвращайтесь, нам вас не хватает! Всем латвийцам предлагают отправлять уехавшим родственникам и друзьям видео- и аудиопослания с таким призывом: «Вы для нас важны — и Латвия всегда будет вашим домом!». В 2015 г. латвийский Институт философии и социологии провел опрос среди эмигрировавших. Выяснилось, что 63 % эмигрантов из Латвии по-прежнему ощущают сильную духовную связь с родиной. Вместе с тем 30 % опрошенных не планируют возвращаться туда ни при каких обстоятельствах. Именно за души оставшихся 70 % и идет сейчас схватка [10].

Треть, или 30 % реэмигрантов после возвращения в Латвию разочаровались в своей родине и готовы вновь ее покинуть. Об этом свидетельствует новое исследование, проведенное Центром исследований диаспоры и миграции при Латвийском университете. Среди упомянутых причин — сложности с трудоустройством (трудно найти приемлемую работу с желаемой зарплатой), проблемы с жильем, интеграцией детей в школе и т.п. Согласно исследованию вернувшиеся на родину латвийцы ищут работу с зарплатой на руки не менее 1000 евро, чтобы сохранить уровень жизни, как за границей. Но большинству это не удается. Абсолютное большинство латвийцев, проживающих за границей (78 %) уверены, что правительство Латвии не интересуется их судьба, 59 % эмигрантов никогда не слышали о государственном плане реэмиграции, 30 % не собираются возвращаться никогда (даже в старости) и ни при каких условиях [11].

Примечательно то, что, проводя программу реэмиграции, часть латвийских политиков не собирается звать обратно в Латвию собственных детей. Так, например, сын латвийского премьера Мариса Кучинскиса работает в Германии, дочь однопартийца премьер-министра председателя парламентской фракции Союза «зеленых» и крестьян Аугуста Бригманиса с 16 лет в Великобритании, дети бывшего еврокомиссара, а ныне председателя другой правящей партии, «Единства», Андриса Пиебалгса живут в Великобритании и Австрии. Высокопоставленные родители не готовы звать своих отпрысков вернуться домой: премьер-министр Марис Кучинскис даже признался, что поддержал сына в его решении не возвращаться в Латвию [12].

В наших политических документах записаны красивые слова о необходимости избежать глубокой депопуляции, в которой мы находимся сегодня. Однако политика, проводимая правительством, выполняется только в красивых цифрах на бумаге. Сейчас в Латвии политика направлена только на безработных, на их интеграцию на рынке труда. Однако без создания новых рабочих мест и качественной системы образования это все не имеет смысла. Латвии необходима политика занятости, а не политика безработи-

цы. Политика занятости должна быть направлена на создание рабочих мест, так как поддержка безработных несомненно является актуальной задачей, но проблем на рынке труда не решает. Пока правительство будет «душить» предпринимательство, все больше компаний будут закрываться, а вместе с тем безработица будет увеличиваться, а эмиграция — продолжаться. Поэтому необходимо разработать пакет мер по поддержанию и сохранению бизнеса, чего в Латвии, к сожалению, не делается. Правительству необходимо пересмотреть политику занятости, направив основные усилия на создание новых рабочих мест, путем совершенствования законодательства в области предпринимательской деятельности, налоговой политики, а также социальной политики. Политика занятости должна способствовать непрерывному образованию, для того чтобы люди активнее становились работодателями сами.

Источники

1. Statistical Yearbook of Latvia 2018 [Electronic resource] // Central Statistical Bureau of Latvia. — Mode of access: <https://www.csb.gov.lv/en/statistics/statistics-by-theme/economy/gdp/se-arch-in-theme/285-statistical-yearbook-latvia-2018>. — Date of access: 20.10.2018.
2. Счетчик населения Латвии [Электронный ресурс] // Country meters. — Режим доступа: <https://countrymeters.info/ru/Latvia>. — Дата доступа: 10.10.2018.
3. Каждый пятый работник получает «минималку»: большинство латвийцев — до 450 евро [Электронный ресурс] // DELFI. — Режим доступа: <http://www.delfi.lv/biznes/bnews/kazhdyy-pyatyj-rabotnik-poluchaet-minimalku-bolshinstvo-latvijcev-do-450-evro.d?id=47455825>. — Дата доступа: 10.10.2018.
4. Informatīvais ziņojums par darba tirgus vidēja un ilgtermiņa prognozēm [Electronic resource] // Ekonomikas ministrija. — Mode of access: https://www.em.gov.lv/files/tautsaimniecibas_atistiba/dsp/EMZino_06072018_full.pdf. — Date of access: 10.10.2018.
5. Nodarbinātības valsts aģentūras statistika [Electronic resource] // Nodarbinātības valsts aģentūras. — Mode of access: <http://www.nva.gov.lv/index.php?cid=6>. — Date of access: 10.10.2018.
6. Darba likums [Electronic resource] // Likumi.lv. — Mode of access: <http://likumi.lv/doc.php?id=26019>. — Date of access: 10.10.2018.
7. Darba aizsardzības likums [Electronic resource] // Likumi.lv. — Mode of access: <http://likumi.lv/doc.php?id=26020>. — Date of access: 10.10.2018.
8. Bezdarbnieku un darba meklētāju atbalsta likums [Electronic resource] // Likumi.lv. — Mode of access: <http://likumi.lv/doc.php?id=62539>. — Date of access: 10.10.2018.
9. В Латвии создан Совет по занятости [Электронный ресурс] // REGNUM. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/economy/2155091.html>. — Дата доступа: 10.10.2018.
10. Веретенников, В. Хочу тебя обратно! Куда исчезает население Латвии [Электронный ресурс] // В. Веретенников // Наш город. Новости Даугавпилса. — Режим доступа: <http://www.gorod.lv/novosti/272881-hochu-tebya-obratno-kuda-ischezaet-naselenie-latvii#ixzz4Vmw5xQ6I>. — Дата доступа: 10.10.2018.
- Veretennikov, V. Khochu tebya obratno! Kuda ischezaet naselenie Latvii [Elektronnyy resurs] // V. Veretennikov // Nash gorod. Novosti Daugavpilsa. — Rezhim dostupa: <http://www.gorod.lv/novosti/272881-hochu-tebya-obratno-kuda-ischezaet-naselenie-latvii#ixzz4Vmw5xQ6I>. — Data dostupa: 10.10.2018.
11. Треть реэмигрантов разочаровались в Латвии: опрос [Электронный ресурс] // REGNUM. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2223753.html>. — Дата доступа: 10.10.2018.
12. Hiftler, D. Как вымирают страны Балтии / D. Hiftler [Электронный ресурс] // PolitForums.net. — Режим доступа: <http://www.politforums.net/eurounion/1470678028.html>. — Дата доступа: 10.10.2018.
- Hiftler, D. Kak vymirayut strany Baltii / D. Hiftler [Elektronnyy resurs] // PolitForums.net. — Rezhim dostupa: <http://www.politforums.net/eurounion/1470678028.html>. — Data dostupa: 10.10.2018.

Статья поступила в редакцию 20.11.2018 г.

G. Chitaya
BSEU (Minsk)

ASSESSMENT OF THE CREDITWORTHINESS OF COMMERCIAL BANK BORROWERS USING OF APPLIED STATISTICS

The article argues the feasibility and the possibility of complex use of such methods of applied statistical analysis in assessing the creditworthiness of bank borrowers, such as discriminant analysis, factor analysis and logistic regression. Applied research was carried out on the basis of real data of one of the largest commercial banks in Minsk, including six hundred borrowers — individuals for fourteen indicators. Automation of model calculations carried out using the software SPSS.

Keywords: creditworthiness; crediting probability; discriminant analysis; principal component analysis; logistic regression.

Г. О. Читая
доктор экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ОЦЕНКА КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ ЗАЕМЩИКОВ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА МЕТОДАМИ ПРИКЛАДНОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье аргументирована целесообразность и возможность комплексного использования таких методов прикладного статистического анализа в оценке кредитоспособности заемщиков банка, как дискриминантный анализ, факторный анализ и логистическая регрессия. Прикладное исследование проведено по реальным данным одного из крупнейших коммерческих банков г. Минска, включающим шестьсот заемщиков — физических лиц по четырнадцати показателям. Автоматизация модельных расчетов осуществлена с помощью программного продукта SPSS.

Ключевые слова: оценка кредитоспособности; вероятность получения кредита; дискриминантный анализ; главные компоненты; логистическая регрессия.

Вопросы обоснования состава комплекса методов многомерного статистического анализа и определения последовательности их применения в исследовании кредитоспособности заемщиков коммерческого банка обладают научной и практической ценностью. Многомерное моделирование может послужить дополнительным инструментом совершенствования используемых коммерческими банками методик оценки кредитоспособности.

Для оценки кредитоспособности заемщиков целесообразно использование методов дискриминантного, факторного и логистического анализа, которые в конечном счете приводят к обоснованию вероятностной меры выдачи кредита заемщику. Апробация рекомендуемого набора методов осуществляется на основе реальных данных одного из крупнейших коммерческих банков г. Минска. Выборочная совокупность включает шестьсот заемщиков — физических лиц по четырнадцати показателям, которым ранее выдавались кредиты и известна история выполнения ими обязательств перед банком. Автоматизацию модельных расчетов удобно проводить в рамках статистического пакета прикладных программ, в частности с применением программного продукта IBM SPSS.

Проведение исследования предполагает соблюдение требований к последовательной процедуре прикладного статистического анализа, включающей установление однородности обезличенного состава заемщиков банка по объему выданных кредитов и степени

неравномерности их распределения, снижение размерности признакового пространства методом главных компонент, выбор значимой дискриминантной функции для соотнесения заемщиков к «хорошим» и «плохим» клиентам и проверку состава двух выделенных категорий заемщиков построением модели логистической регрессии на основе сокращенного, статистически значимого числа исходных показателей (переменных). Так как автор оперировал данными о заемщиках, кредитная история которых была известна, им численными расчетами установлена упущенная выгода банка, образовавшаяся за счет невыданных кредитов.

1. Анализ неравномерности и однородности распределения выданных физическим лицам кредитов. Включать в статью выборочную совокупность обезличенных заемщиков в количестве 600 физических лиц по 14 показателям в силу ограниченности ее размеров нецелесообразно. С целью ознакомления с составом и размерностью данных и проведения их прикладного статистического анализа в табл. 1 содержатся данные по последним 50 заемщикам (551–600).

Таблица 1. Фрагмент заемщиков банка по показателям их кредитоспособности

№	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8	x_9	x_{10}	x_{11}	x_{12}	x_{13}	x_{14}
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
551	0	825	4	1975	1	39	1	6	0	1	17	100	1	0
552	0	1018	10	2572	4	54	1	2	1	1	21	45	1	0
553	1	427	12	889	2	49	0	15	1	1	9	150	1	1
554	1	356	12	2237	2	42	1	12	1	0	20	30	0	0
555	1	628	14	2789	3	33	1	12	0	1	10	80	1	0
556	0	465	9	4541	3	46	0	13	1	0	5	46	0	0
557	0	760	12	527	1	19	0	5	1	1	0,6	100	1	1
558	0	657	11	1287	1	39	0	17	1	0	17	45	0	0
559	0	1140	13	3623	3	54	1	9	0	1	10	150	1	1
560	1	671	1	4322	4	33	1	4	1	1	10	30	1	0
561	0	519	11	1706	5	19	0	18	1	1	0,6	10	1	1
562	1	965	4	3728	3	25	0	22	1	1	3	20	0	1
563	0	928	1	4669	2	32	1	5	0	1	10	50	1	1
564	0	875	4	3638	3	29	0	24	0	0	5	100	1	0
565	1	1048	15	4016	4	50	1	15	1	1	12	45	1	1
566	1	468	8	4052	2	28	0	23	0	0	5	150	0	0
567	0	766	3	3862	5	37	1	9	1	0	17	30	1	0
568	0	772	5	3090	1	36	1	16	0	1	10	80	1	0
569	1	540	15	1911	5	20	1	9	1	0	0,6	46	0	0
570	1	408	4	1414	3	23	0	20	1	1	0,6	1000	1	0
571	1	777	9	2333	1	20	1	18	0	0	0,6	200	1	0
572	0	954	12	3886	5	40	1	5	0	0	17	20	0	1
573	0	975	14	1784	3	48	0	11	1	1	16	15	0	0
574	0	997	8	4402	5	35	0	22	1	1	10	170	1	1

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
575	1	1040	12	1758	5	38	0	15	1	1	17	50	1	0
576	1	972	6	1962	5	25	1	14	1	1	3	70	1	0
577	1	804	12	2233	2	47	0	14	1	1	22	65	1	0
578	1	725	7	4549	1	49	1	21	0	0	12	10	0	0
579	1	558	4	3029	4	26	1	24	1	1	3	20	0	0
580	1	475	6	4242	4	48	0	10	0	0	17	50	1	1
581	1	713	4	4761	4	42	1	22	1	1	18	100	1	0
582	0	588	6	2906	4	36	1	22	1	1	10	45	1	0
583	1	642	15	518	5	54	0	23	1	1	9	150	1	0
584	0	343	14	827	5	53	1	25	0	0	20	30	0	0
585	1	791	9	812	2	21	1	12	1	1	0,6	80	1	0
586	1	558	13	1659	5	41	1	10	1	0	5	46	0	0
587	0	949	14	698	2	46	0	7	1	1	6	100	1	0
588	1	990	8	3332	1	29	1	19	0	0	5	45	0	0
589	0	1100	12	4274	5	30	1	24	0	1	5	150	1	1
590	0	544	11	3600	4	53	0	13	1	1	11	30	1	0
591	0	1113	15	2233	2	44	1	16	1	1	13	100	1	1
592	0	741	1	2950	2	44	1	5	1	1	5	45	1	0
593	0	1079	1	3841	5	54	0	13	0	1	7	150	1	1
594	1	454	12	3838	4	48	0	23	1	0	10	30	0	0
595	0	929	5	4065	2	22	1	11	1	1	0,6	80	1	0
596	0	531	6	1126	3	24	1	4	1	0	1	46	0	0
597	0	1070	1	4777	4	28	1	25	0	0	5	1000	1	0
598	0	643	5	576	4	32	0	10	1	1	10	200	0	0
599	1	608	6	4816	3	54	1	5	1	0	9	15	1	1
600	0	466	3	817	5	36	0	13	1	1	10	25	1	1

Источники: составлено автором на основе [1].

 x_1 — брался ли кредит (1 — да, 0 — нет); x_2 — среднемесячный доход семьи заемщика, руб.; x_3 — период погашения кредита, лет; x_4 — размер рассматриваемого к выдаче кредита, руб.; x_5 — состав семьи заемщика, чел.; x_6 — возраст заемщика, лет; x_7 — пол заемщика (1 — мужской, 0 — женский); x_8 — срок проживания заемщика по последнему адресу, лет; x_9 — наличие/отсутствие долгов по ранее взятому кредиту (1 — есть долг, 0 — нет долга); x_{10} — наличие автомобиля в собственности (1 — есть, 0 — нет); x_{11} — стаж работы, лет;

x_{12} — численность сотрудников в организации, в которой работает заемщик, чел.;
 x_{13} — наличие собственного жилья (1 — имеется, 0 — не имеется);
 x_{14} — вероятность погашения кредита.

Предварительно следует установить степень однородности данных. В качестве ключевого статистического признака среди 14 перечисленных выступает x_4 — размер рассматриваемого к выдаче кредита. Процедура установления однородности заемщиков по признаку размера выдаваемого кредита предполагает разбиение заемщиков на оптимальное число групп. Можно воспользоваться формулой Стерджесса [1].

$$n = 1 + [3,322 \cdot \lg N],$$

где n — число групп; N — общее число группируемых объектов (заемщиков).

По рассматриваемому массиву данных получим

$$n = 1 + 3,322 \cdot \lg 500 = 1 + [3,322 \cdot 2,778] = 10.$$

Таким образом, число групп составит 10, а совокупность заемщиков будет разбиваться по размеру выдаваемого кредита интервалами с равной длиной, соответствующей 500 руб. (максимальный размер выдаваемого кредита, составивший 5000 руб., делится на число групп или интервалов).

Для расчета частоты попадания заемщиков в заданные, равные по длине интервалы использовалась встроенная MS Excel статистическая функция ЧАСТОТА. Для этого сначала столбик был преобразован с помощью MS Excel в вариационный ряд по принципу возрастания значений признака. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2. Результаты разбиения заемщиков на интервалы по признаку размера рассматриваемого к выдаче кредита и частот их попадания в интервалы

Группа	Интервал выдаваемых кредитов, руб.	Частота попадания заемщиков в интервалы
1	1–500	6
2	501–1000	42
3	1001–1500	42
4	1501–2000	54
5	2001–2500	54
6	2501–3000	54
7	3001–3500	72
8	3501–4000	72
9	4001–4500	78
10	4501–5000	126

Источники: составлено автором.

Воспользовавшись табл. 2, можно рассчитать коэффициент неравномерности распределения заемщиков Джини, чем меньше его значение, тем более однородна совокупность статистического массива заемщиков. С этой целью построим вспомогательную табл. 3, в которой представляются два параметра: накопленные доли групп в общем числе групп (p_i) и накопленные доли частот попадания заемщиков в интервалы в общем числе заемщиков (q_i). Коэффициент неравномерности распределения Джини рассчитывается по формуле [1]

$$G = \sum_{i=1}^{n-1} p_i \cdot q_{i+1} - \sum_{i=1}^{n-1} p_{i+1} \cdot q_i.$$

Таблица 3. Накопленные доли групп в общем числе групп (p_i) и накопленные доли частот попадания заемщиков в интервалы в общем числе заемщиков (q_i)

p_i	q_i
0,1	0,01
0,2	0,08
0,3	0,15
0,4	0,24
0,5	0,33
0,6	0,42
0,7	0,54
0,8	0,66
0,9	0,79
1,0	1,00

Источник: составлено автором.

Неравномерность распределения составляет 0,256 или 25,6 %. Отсюда следует, что массив данных заемщиков по выделенному признаку является достаточно однородным. Геометрическая интерпретация коэффициента Джини выражается с помощью кривой Лоренца (рис. 1). Отношение площади фигуры, заключенной между кривой и диагональю квадрата, к площади прямоугольного треугольника и есть коэффициент Джини.

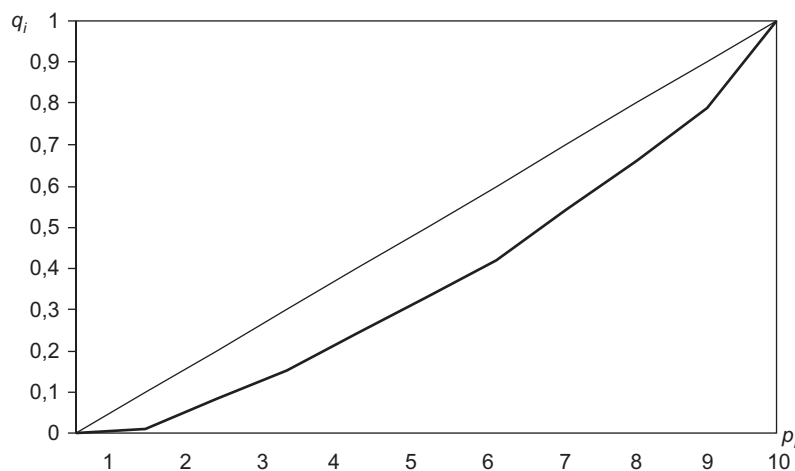

Рис. 1. Кривая Лоренца неравномерности распределения заемщиков коммерческого банка

Источник: разработано автором.

2. Снижение размерности исходного признакового пространства и интерпретация новых переменных. Методы стохастического факторного анализа позволяют, с одной стороны, уменьшить количество исходных характеристик (переменных), не снижая их информативности, а с другой стороны, установить интегральные качественные характеристики [2]. В этих целях применяется метод главных компонент, основная идея кото-

рого состоит в использовании показателя общей дисперсии, нормированной к единице (или 100 %). Главные компоненты представляют собой комплексные факторы (математические величины), формируемые в виде линейной комбинации исходных признаков-показателей. Каждая компонента объясняет долю дисперсии в общей вариации исходных показателей. В качестве математической величины, позволяющей установить долю дисперсии по главной компоненте, выступает собственное значение матрицы коэффициентов парной корреляции исходных переменных [3]. Сумма собственных чисел корреляционной матрицы равна следу матрицы (в корреляционной матрице главная диагональ содержит только единицы). Доли собственных значений и определяют доли дисперсий, обусловленных отдельными компонентами. Число главных компонент равно числу исходных переменных, однако лишь часть главных компонент берет на себя подавляющую суммарную долю дисперсии. Следовательно, количество значимых компонент окажется меньше, чем это необходимо. В свою очередь главные компоненты количественно отражают скрытые явления, поддающиеся экономической интерпретации [4].

Собственные значения корреляционной матрицы показателей кредитоспособности и объясненные ими доли общей дисперсии содержатся в табл. 4.

Таблица 4. Собственные значения корреляционной матрицы и объясненные ими доли общей дисперсии

Компонента	Собственное значение		
	Итого	% дисперсии	Кумулятивный %
1	2,059	14,706	14,706
2	1,665	11,893	26,599
3	1,566	11,183	37,782
4	1,440	10,288	48,070
5	1,290	9,214	57,284
6	1,140	8,144	65,427
7	,902	6,445	71,872
8	,858	6,125	77,997
9	,754	5,385	83,382
10	,613	4,376	87,758
11	,563	4,022	91,780
12	,525	3,746	95,527
13	,357	2,550	98,076
14	,269	1,924	100,000

Источник: составлено автором.

Из табл. 4 следует, что, например, на первую главную компоненту приходится около 15 % общей дисперсии. В свою очередь около 72 % общей дисперсии объясняют 6 главных компонент. Поэтому целесообразно сократить общее число компонент. Об этом свидетельствует график собственных значений (рис. 2), согласно которому для дальнейшей интерпретации остаются собственные числа со значениями больше единицы.

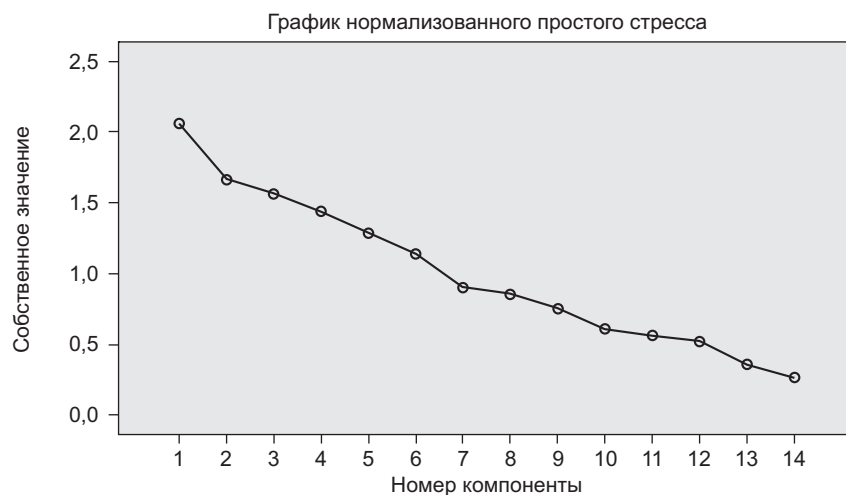

Рис. 2. График формирования собственных значений

Источники: разработано автором.

Для содержательной интерпретации главных компонент следует прибегнуть к данным матрицы факторных нагрузок, причем в соответствии с алгоритмом реализации метода главных компонент осуществляется ее вращение (получается так называемая матрица повернутых компонент) (табл. 5).

Таблица 5. Матрица повернутых компонент

	Компонента					
	1	2	3	4	5	6
x_1	-,255	,020	,318	,627	-,081	,302
x_2	,229	,020	-,128	-,230	,750	-,072
x_3	-,280	,050	-,243	,096	,164	,667
x_4	-,100	,034	-,072	,006	,455	-,598
x_5	,145	,124	-,070	,739	,054	-,084
x_6	-,024	,902	,018	,120	-,068	,027
x_7	-,125	-,057	,086	,186	,699	,054
x_8	-,044	,167	,711	,009	-,172	-,148
x_9	,357	-,027	,014	-,114	,002	,604
x_{10}	,820	-,103	-,139	-,023	-,016	,164
x_{11}	-,038	,902	,006	,002	,039	-,029
x_{12}	,250	-,297	,640	,048	,238	-,019
x_{13}	,791	,030	,171	,149	,043	-,075
y	,242	-,067	-,516	,548	-,007	-,228

Источники: составлено автором.

Столбцы матрицы повернутых компонент соответствуют значениям коэффициентов корреляции с главными компонентами. Чем ближе коэффициент по модулю к единице, тем выше значимость исходного показателя в формировании соответствующей главной компоненты [3]. Это обстоятельство позволяет объяснить их содержание. Например, сумма квадратов первого столбца равна первому собственному значению, т.е. 2,059. В свою очередь в этой сумме квадратов, характеризующей дисперсию первой главной компоненты, вызванной вариабельностью исходных признаков, весовая доля приходится на переменные x_{10} , x_{13} $((0,82^2 + 0,791^2) / 2,049 = 0,633$, т.е. около 63 %).

Вращение векторов-столбцов факторных нагрузок осуществлялось по критерию Вари-макс. Процедура вращения в SPSS сошлась за 9 итераций. В соответствии с данными табл. 5 экономическое содержание главных компонент, рассматриваемые как качественные интегральные характеристики кредитоспособности заемщиков, представлено в табл. 6.

Таблица 6. Экономическое содержание главных компонент

Главная компонента	Объясняющие исходные переменные	Экономическая интерпретация
F_1	x_{10}, x_{13}	Имущество заемщика
F_2	x_6, x_{11}	Возраст со стажем работы
F_3	x_8, x_{12}, y	Безопасность возврата кредита для банка
F_4	x_1, x_5, y	Кредитная история заемщика
F_5	x_2, x_7, x_4	Доход по половой принадлежности заемщика
F_6	x_3, x_4, x_9	Срочность кредита

Источники: составлено автором.

Основной вывод, следующий из проведенного анализа состоит в том, что для банка подтверждаются важные качества заемщиков, на основе которых принимается решение о выдаче кредита (см. табл. 6). К таким качествам относятся: имущество заемщика, возраст, безопасность возврата кредита для банка, кредитная история заемщика, наличие дохода у заемщика с учетом половой принадлежности и соблюдение срочности кредита.

3. Дискриминантный анализ заемщиков коммерческого банка. Используемые в анализе выборочные данные о заемщиках содержат информацию о принятом банком решении выдавать или не выдавать кредит. Возникает вопрос: насколько можно верить оценкам банка о кредитоспособности заемщиков? В соответствии с данными табл. 1 в столбце y (вероятность погашения кредита) представлены оценки банка своих предполагаемых заемщиков на основе 13 показателей ($x_1, x_2, \dots, x_{13}$). Другими словами, это оценки банка. Для того чтобы проверить справедливость банковских оценок целесообразно применение метода дискриминантного анализа. Разобьем весь массив заемщиков на большую и маленькую части. Пусть большая часть содержит первых 550 заемщиков, а малая — оставшихся 50. Вторая часть будет соответствовать так называемой экзаменуемой совокупности, а на большей части будет применяться метод линейного дискриминантного анализа как на обучающей совокупности. 550 заемщиков представим из двух выборок: первая выборка заемщиков, возвращающих кредит («хорошие»), вторая выборка — невозвращающие кредит заемщики («плохие»). Соответственно при проведении дискриминантного анализа дискриминантная функция или переменная выбора (по терминологии SPSS) будет строиться по принципу: заемщикам, попадающим в хорошую выборку присваивается 1, а в плохую — 2. Экзаменуемой совокупности заемщиков (по номерам 551–600) можно присвоить любое число, например 9.

Дело в том, что дискриминантный анализ представляет собой классификацию объектов путем их соотнесения (дискриминации) к заданным обучающим выборкам.

В результате получена дискриминантная функция с пошаговым отбором исходных дискриминантных переменных (табл. 7).

Таблица 7. Коэффициенты классифицирующей функции

Значимая переменная	У выбора	
	Выборка 1	Выборка 2
x_5	1,930	1,453
x_8	,156	,202
x_9	2,785	3,427
x_{11}	,225	,277
x_{12}	–,001	,002
x_{13}	2,665	1,570
(Константа)	–8,471	–8,001

Источники: составлено автором.

Значимость дискриминантной функции и нормальность распределения заемщиков в двух обучающих выборках подтверждаются критерием Лямбда Уилкса и значимостью Хи-квадрат критерия [5]. Кроме того, пошаговый отбор переменных привел к исключению семи исходных переменных. Наиболее значимыми оказались: x_5 , x_8 , x_9 , x_{11} , x_{12} , x_{13} . Действительно речь идет о составе семьи заемщика; надежности клиента в смысле длительности проживания по последнему адресу; кредитной истории; масштабов организации, в которой работает заемщик; наличии собственного жилья. Они в основном соответствуют содержанию выявленных в подразделе 2 главными компонентам.

В табл. 8 сосредоточены результаты дискриминантного анализа. В первой колонке указаны номера последних 50 заемщиков от 551 до 600. Во второй колонке — возможное решение банка выдавать (1) или не выдавать кредит (0) (переменная x_{14}). Третья колонка содержит информацию о том, к какой выборке следует соотнести заемщика, четвертая и пятая колонки показывают вероятность принадлежности к «хорошим» или «плохим» клиентам. В последней колонке знаком «звездочка» отмечены клиенты, по которым банк выдал ошибочную оценку. В соответствии с используемой методикой дискриминантного анализа граничной вероятностью дискриминации объектов выступает число 0,5. Например, по клиенту № 564 вероятность оказаться в «хорошей» группе составляет 0,5095, а в плохой — 0,4905. Поэтому клиент соотнесен к первой выборке. Согласно данным последней колонки табл. 8 расчеты позволяют выявить ошибочные оценки банка в выдаче кредита. Общее количество ошибочных оценок по последним 50 заемщикам составило 21. Причем если принимать во внимание наши рекомендации по 14 клиентам, банк заготовил решение не выдавать кредит, тогда как их следовало кредитовать. В оставшихся 7 случаях банку не следовало принимать решение о кредитовании клиентов.

Таблица 8. Результаты дискриминантного анализа

Заемщики	Выдавать/не выдавать, x_{14}	Принадлежность к выборке	Вероятность «хороший» (1)	Вероятность «плохой» (2)	Ошибки банка
1	2	3	4	5	6
551	0	2	0,45658	0,54342	
552	0	1	0,69142	0,30858	*
553	1	2	0,37967	0,62033	*

1	2	3	4	5	6
554	0	2	0,11774	0,88226	
555	0	1	0,72257	0,27743	*
556	0	2	0,24242	0,75758	
557	1	2	0,43013	0,56987	
558	0	2	0,05532	0,94468	*
559	1	1	0,76572	0,23428	
560	0	1	0,78131	0,21869	*
561	1	1	0,72479	0,27521	
562	1	2	0,35934	0,64066	*
563	1	1	0,68977	0,31023	
564	0	1	0,50954	0,49046	*
565	1	1	0,72628	0,27372	
566	0	2	0,18236	0,81764	
567	0	1	0,63288	0,36712	*
568	0	2	0,43264	0,56736	
569	0	1	0,63301	0,36699	*
570	0	2	0,0807	0,9193	
571	0	2	0,43978	0,56022	
572	1	1	0,64975	0,35025	*
573	0	2	0,28651	0,71349	
574	1	1	0,54176	0,45824	
575	0	1	0,70713	0,29287	*
576	0	1	0,85682	0,14318	*
577	0	2	0,29251	0,70749	
578	0	2	0,2155	0,7845	
579	0	2	0,43111	0,56889	
580	1	1	0,68291	0,31709	
581	0	2	0,45328	0,54672	
582	0	1	0,51425	0,48575	*
583	0	1	0,67261	0,32739	*
584	0	2	0,33923	0,66077	
585	0	1	0,61934	0,38066	*
586	0	1	0,63224	0,36776	*
587	0	1	0,55154	0,44846	*
588	0	2	0,29539	0,70461	
589	1	1	0,79294	0,20706	
590	0	1	0,5975	0,4025	*
591	1	2	0,37988	0,62012	*
592	0	1	0,62951	0,37049	*

Окончание табл. 8

1	2	3	4	5	6
593	1	1	0,87901	0,12099	
594	0	2	0,25598	0,74402	*
595	0	1	0,54472	0,45528	
596	0	2	0,41839	0,58161	
597	0	2	0,14081	0,85919	
598	0	2	0,29953	0,70047	
599	1	1	0,68314	0,31686	
600	1	1	0,70201	0,29799	

Источники: составлено автором.

4. Оценка кредитоспособности заемщиков с применением модели логистической регрессии. На основании выборочных данных рассчитаны вероятности получения или отказа в получении (дефолта) кредита по всем шестистам заемщикам. В качестве переменных, включаемых в модель логистической регрессии, использованы переменные, значимость которых была подтверждена в подразделе 3, т.е. $x_5, x_8, x_9, x_{11}, x_{12}, x_{13}$. Здесь выводятся значения ключевых характеристик логистической модели по последним 50 клиентам (551–600).

Согласно данным табл. 9 R квадрат Кокса и Снелла, R квадрат Нэйджелкерка являются мерами определенности. Они также как и при линейной регрессии указывают на ту часть дисперсии, которую можно объяснить с помощью логистической регрессии. Мера определенности по Коксу и Снеллу имеет тот недостаток, что значение равное 1 является теоретически не достижимым; этот недостаток устранен благодаря модификации данной меры по методу Нэйджелкерка. Часть дисперсии, объяснимой с помощью логистической регрессии, составляет 87 %, что говорит о хорошем качестве сформированной модели. Оценки коэффициентов логистической регрессии представлены в табл. 10.

Таблица 9. Сводка для модели

Шаг	Логарифм правдоподобия	R квадрат Кокса и Снелла	R квадрат Нэйджелкерка
1	631,675	,794	,870

Источники: составлено автором.

Таблица 10. Оценки коэффициентов при переменных в уравнении

		В	Стд. Ошибка	Вальд	ст. св.	Знач.	Exp(B)
Шаг 1 ^а	x_5	,483	,074	42,979	1	,000	1,620
	x_8	–,043	,011	14,091	1	,000	,958
	x_9	–,745	,209	12,771	1	,000	,475
	x_{11}	–,051	,017	9,064	1	,003	,951
	x_{12}	–,005	,001	9,961	1	,002	,995
	x_{13}	1,301	,233	31,288	1	,000	3,672
	Константа	–1,225	,399	9,409	1	,002	,294

Примечание: ^а — переменные, включенные на шаге 1: $x_5, x_8, x_9, x_{11}, x_{12}, x_{13}$.

Источники: составлено автором.

В соответствии с колонкой В табл. 10 детерминированная составляющая модели логистической регрессии примет вид

$$P_i = \frac{e^{-1,255+0,483x_5-0,043x_8-0,745x_9-0,051x_{11}-0,005x_{12}+1,301x_{13}}}{1+e^{-1,255+0,483x_5-0,043x_8-0,745x_9-0,051x_{12}+1,301x_{13}}}, \quad i = \overline{1,600}.$$

Далее сформирована классификационная таблица, в которой наблюдаемые показатели принадлежности к группе (1 = «платежеспособный», 0 = «неплатежеспособный») противопоставляются предсказанным на основе расчетов по полученной логистической модели. Из табл. 11 можно сделать вывод о том, что из общего числа «неплатежеспособных» клиентов, равного 402, были признаны таковыми 364 (в таких случаях говорят о «строго положительных» результатах). Остальных 38 называют «ложно отрицательными»; они были признаны «платежеспособными», хотя являются «неплатежеспособными». Из общего числа «платежеспособных», равного 198, были признаны таковыми только 99 («строго отрицательные»), 99 признаны «неплатежеспособными», хотя они и являются «платежеспособными» («ложно положительные»). В общем, правильно были распознаны 463 случая из 600, это составляет 77,2 %, т.е. для 77,2 % объектов результаты прогноза оказались верными.

На основании данных табл. 11 можно рассчитать средний эффект от внедрения разработанного проекта по определенным соображениям. По оценкам банка 137 заемщиков не должны получить кредиты, что по проведенным модельным оценкам неправильно. Следовательно, не кредитуя их, банк упускает выгоду. Поскольку средняя процентная ставка по кредитам для физических лиц на период формирования выборочных данных составляла 25 % годовых, а размер кредита в среднем на одного заемщика 2544 руб./заемщик, упущенная выгода будет равна: $2544 \cdot 0,25 \cdot 137 = 87\,132$ руб. Другими словами, при использовании аргументированных нами модельными расчетами оценок кредитоспособности заемщиков банк мог дополнительно заработать 87 132 руб.

Таблица 11. Таблица классификации^а

	Наблюдаемые		Предсказанные		
			x_{14}		Процент корректных
			,00	1,00	
Шаг 1	x_{14}	,00	364	38	90,5
		1,00	99	99	50,0
	Общий процент				77,2

Примечание: ^а — разделяющее значение = 0,5.

Источники: составлено автором.

В результате проведенного исследования получен ряд выводов.

1. Многомерное статистическое моделирование может выступить инструментом совершенствования используемых коммерческими банками методик оценки кредитоспособности заемщиков. Для этого целесообразно использование методов дискриминантного и факторного анализа, а также логистической регрессии, которые в конечном счете приводят к получению вероятностной меры выдачи кредита и служат количественному обоснованию банковских решений.

2. Предварительный аналитический обзор выборочной совокупности данных о заемщиках предполагает установление степени однородности данных, что открывает возможности применения методов прикладного статистического анализа. В частности,

низкое значение коэффициента Джини с графической иллюстрацией кривой Лоренца подтверждает однородность выборки, включающей 600 заемщиков по показателю объема выданных кредитов.

3. Метод главных компонент, численная реализация которого осуществлено в SPSS, позволил снизить количество исходных 14 признаков до шести. Основной вывод, следующий из проведенного анализа состоит в том, что для банка подтверждаются важные качества заемщиков, на основе которых принимается решение о выдаче кредита. К таким качествам относятся имущество заемщика, возраст, безопасность возврата кредита для банка, кредитная история заемщика, наличие дохода у заемщика с учетом половой принадлежности и соблюдение срочности кредита.

4. Проверку банковских оценок заемщиков целесообразно проводить с применением дискриминантного анализа. Для этого всю выборочную совокупность из 600 заемщиков следует разбить на опытную и экзаменующую группы, соответственно включив в каждую из них 550 и 50 заемщиков. Опытную группу необходимо классифицировать из двух обучающих выборок: «хорошие» и «плохие» заемщики. Проведенный дискриминантный анализ показал, что по экзаменующей группе из 50 заемщиков по 21 клиенту банком принимались неправильные решения.

5. Модель логистической регрессии следует использовать для оценки правильности решений банка о выдаче займов. Согласно модельным расчетам правильными были распознаны 463 случая из 600, что составляет 77,2 %. Это подтверждается рассчитанными вероятностями целесообразности и нецелесообразности выдачи кредитов заемщикам.

Источники

1. Казаринова, С. Е. Теория статистики. Справочные материалы, практические и контрольные задания, тесты / С. Е. Казаринова. — М. : МГУ, 2009. — 490 с.

Kazarinova, S. E. Theory of Statistics. Reference materials, practical and control tasks, tests / S. E. Kazarinova. — Moscow : MSU, 2009. — 490 p.

2. Бююль, А. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей : пер. с нем. / А. Бююль, П. Цефель. — СПб. : ДиаСофтЮП, 2005. — 608 с.

Byul, A. SPSS: the art of information processing. Analysis of statistical data and the restoration of hidden patterns : transl. from Germ. / A. Byul, P. Tsefel. — St Petersburg : DiaSoftUP, 2005. — 608 p.

3. Айвазян, С. А. Прикладная статистика и основы эконометрики : учебник для вузов / С. А. Айвазян, В. С. Мхитарян. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 1998. — 1022 с.

Aivazyan, S. A. Applied Statistics and Essentials of econometrics : textbook for high schools / S. A. Aivazyan, V. S. Mkhitarian. — Moscow : UNITY-DANA, 1998. — 1022 p.

4. Чумая, Г. О. Факторный анализ промышленного развития макрорегионов России / Г. О. Чумая // Вопр. статистики. — 2006. — № 2. — С. 19–28.

Chitaya, G. O. Factor analysis of the industrial development of macroregions of Russia / G. O. Chitaya // Questions of statistics. — 2006. — № 2. — P. 19–28.

5. Матальцкий, М. А. Теория вероятностей и математическая статистика : учебник / М. А. Матальцкий, Г. А. Хацкевич. — Минск : Выш. шк., 2017. — 591 с.

Matalytsky, M. A. Probability theory and mathematical statistics : textbook / M. A. Matalytsky, G. A. Khackevich. — Minsk : Higher School, 2017. — 591 p.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018 г.

MODERN STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF TRADE COOPERATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

The article assesses the main indicators of foreign trade in goods and services of the Republic of Belarus with the People's Republic of China, identifies prospects and identifies areas for enhancing trade cooperation between the countries.

Keywords: trade cooperation; foreign trade turnover; balance of foreign trade; export; import; development prospects; export of services.

Ю. А. Шаврук
кандидат экономических наук, доцент
И. В. Уриш
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье дана оценка основных показателей внешней торговли товарами и услугами Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой, выявлены перспективы и определены направления активизации торгового сотрудничества между странами.

Ключевые слова: торговое сотрудничество; внешнеторговый оборот; сальдо внешней торговли; экспорт; импорт; перспективы развития; экспорт услуг.

В условиях глобализации доминирующее значение имеет внешнеторговое сотрудничество, поскольку ни одно государство в мире не способно развиваться без построения эффективной системы торговых связей с экономиками других стран. Основной целью сотрудничества является углубления торгово-экономических связей, способствующих увеличению объемов взаимной торговли и достижению большей сбалансированности экспортно-импортных операций.

В настоящее время Китайская Народная Республика (КНР) является одним из наиболее важных торгово-экономических партнеров Республики Беларусь. Динамичное развитие и углубление белорусско-китайского сотрудничества обусловлено совокупностью факторов, к числу которых можно отнести: близость принципов и главных направлений внешней политики; совпадение базовых параметров государственных идеологий; обоюдное стремление к налаживанию конструктивного взаимодействия с партнерами и др.

Несмотря на значительное расстояние между странами, Республика Беларусь и КНР совместными усилиями формируют все более глобальное пространство взаимовыгодного сотрудничества в разных сферах. В частности, сотрудничество в области высоких технологий, в рамках которого в Беларуси создан совместный Индустриальный парк «Великий камень» («Great Stone») [1]. В качестве резидентов индустриального парка могут

выступать любые компании независимо от страны происхождения капитала. В настоящее время зарегистрировано 36 резидентов, сфера деятельности которых относится к высоким технологиям: электроника и робототехника, разработка и производство новых композиционных материалов, создание беспилотных автомобилей, хранение и обработка больших данных (big data). Парк раскрывает потенциал Беларуси как коммуникационного звена между странами СНГ, Российской Федерацией и Европой, а также предоставляет возможность беспопытного входа на рынок стран Таможенного союза и Единого экономического пространства [2].

Анализируя сотрудничество в области внешней торговли, следует отметить, что в 2017 г. Китай занял 3-е место среди крупнейших внешнеторговых партнеров Республики Беларусь после России и Украины, что отражено в табл. 1.

Таблица 1. Основные внешнеторговые партнеры Республики Беларусь в 2017 г.

Страна	Объем товарооборота, млн дол. США	Удельный вес в общем объеме товарооборота, %
Россия	32 424,6	51,1
Украина	4586,5	7,2
Китай	3106,4	4,9
Германия	2846,1	4,5
Соединенное Королевство Великобритании	2656,6	4,2
Польша	2422,1	3,8
Нидерланды	1405,9	2,2
Литва	1168,5	1,8
Турция	942,1	1,5
Италия	796,1	1,3
Другие страны	11 091,3	17,5
Все страны	63 446,2	100,0

Источники: составлено авторами на основе [3].

Данные, представленные в табл. 1 свидетельствуют о том, что удельный вес десяти наиболее значимых внешнеторговых партнеров Республики Беларусь в общем объеме товарооборота за 2017 г. составил 82,5 %. Китай занимает третье место (4,9 %) после России (51,1 %) и Украины (7,2 %).

Основные показатели внешней торговли товарами и услугами Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой представлены в табл. 2.

Таблица 2. Основные показатели внешней торговли товарами и услугами Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой за 2016–2017 гг., тыс. дол. США

Показатель	2016 г.	2017 г.	Изменение (+/-)	Темп роста, %
1	2	3	4	5
Внешнеторговый оборот товаров и услуг	3 586 178,0	4 187 567,8	601 389,8	116,77
Экспорт товаров и услуг	800 533,0	801 480,3	947,3	100,12
Импорт товаров и услуг	2 785 645,0	3 386 087,5	600 442,5	121,55
Сальдо внешней торговли товарами и услугами	-1 985 112,0	-2 584 607,2	-599 495,2	—

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
Внешнеторговый оборот товаров	2 602 182,8	3 106 504,3	504 321,5	119,38
Экспорт товаров	472 702,2	361 487,5	-111 214,7	76,47
Импорт товаров	2 129 480,6	2 745 016,8	615 536,2	128,91
Сальдо внешней торговли товарами	-1 656 778,4	-2 383 529,3	-726 750,9	—
Внешнеторговый оборот услуг	983 995,2	1 081 063,5	97 068,3	109,86
Экспорт услуг	327 830,8	439 992,8	112 162,0	134,21
Импорт услуг	656 164,4	641 070,7	-15 093,7	97,70
Сальдо внешней торговли услугами	-328 333,6	-201 077,9	127 255,7	—

Источники: составлено авторами на основе [3].

На основании данных табл. 2 можно констатировать тот факт, что в 2017 г. по сравнению с 2016 г. внешнеторговый оборот товаров и услуг Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой увеличился на 16,77 %, или на 601 389,8 тыс. дол. США в абсолютном выражении. Экспорт товаров и услуг увеличился на 947,3 тыс. дол. США (0,12 %), импорт товаров и услуг — на 600 442,5 тыс. дол. США (21,55 %).

Приоритетным направлением внешней торговли Республики Беларусь и Китайской Народной Республики являются товары. Внешнеторговый оборот товаров в 2017 г. составил 3 106 504,3 тыс. дол. США. По сравнению с 2016 г. данный показатель увеличился на 19,38 %, или на 504 321,5 тыс. дол. США в абсолютном выражении. Тем не менее данное увеличение было вызвано ростом объема импорта товаров на 28,91 %, в то время как объем экспорта товаров значительно сократился (на 23,53 %).

Положительные результаты наблюдаются в области внешней торговли услугами. Внешнеторговый оборот услуг в 2017 г. составил 1 081 063,5 тыс. дол. США. По сравнению с 2016 г. данный показатель увеличился на 9,86 %, или на 97 068,3 тыс. дол. США в абсолютном выражении.

Целесообразным представляется рассмотреть основные экспортно-импортные товарные позиции в рамках торгового сотрудничества Республики Беларусь и КНР.

Структура экспортируемых товаров в Китайскую Народную Республику в 2017 г. представлена в табл. 3.

Таблица 3. Товарная структура экспорта Республики Беларусь в Китайскую Народную Республику в 2017 г.

Наименование товара	Объем экспорта товаров, тыс. дол. США	Удельный вес в общем объеме экспорта, %
1	2	3
Молочная сыворотка	2965,4	0,8
Соединения гетероциклические, содержащие атомы азота	654,9	0,2
Удобрения калийные	244 843,1	67,7
Полиамиды	45316,3	12,5
Шины	888,4	0,3
Лесоматериалы необработанные	3122,0	0,9
Шерсть нечесаная	2936,8	0,8
Лен-сырец или лен обработанный	5357,8	1,5

Окончание табл. 3

1	2	3
Жгут синтетических нитей	719,3	0,2
Машины и механизмы для уборки и обмолота сельскохозяйственных культур	2689,8	0,7
Носители информации	5522,3	1,5
Электронные интегральные схемы	3352,3	1,0
Части и принадлежности для автомобилей и тракторов	2878,9	0,8
Другие товары	40 240,2	11,1
Всего	361 487,5	100,0

Источники: составлено авторами на основе [3].

Данные табл. 3 свидетельствуют о том, что почти 88,9 % всего экспорта товаров составляют 13 позиций, в то время как на другие товары приходится 11,1 %. Наибольший удельный вес в общем объеме экспорта товаров занимают калийные удобрения (67,7 %), полиамиды (12,5 %), лен-сырец и носители информации (по 1,5 % соответственно). Значительную часть в поставках на экспорт составляют также интегральные схемы, части и принадлежности для автомобилей и тракторов.

Республика Беларусь импортирует из Китая более 160 видов товаров. Структура импортируемых товаров из Китайской Народной Республики в Республику Беларусь в 2017 г. представлена в табл. 4.

Таблица 4. Товарная структура импорта из Китайской Народной Республики в Республику Беларусь в 2017 г.

Наименование товара	Объем импорта товаров, тыс. дол. США	Удельный вес в общем объеме импорта, %
1	2	3
Овощи замороженные	34 100,3	1,2
Фрукты замороженные	16 544,9	0,6
Аминосоединения с кислородсодержащей функциональной группой	17 893,9	0,7
Соединения гетероциклические, содержащие атомы азота	37 743,8	1,4
Антибиотики	27 979,6	1,0
Ткани из синтетических комплексных нитей	55 329,6	2,0
Части обуви	29 056,3	1,1
Металлоконструкции из черных металлов	59 049,9	2,2
Скрученная проволока, плетеные шнуры из алюминия без электрической изоляции	31 459,7	1,2
Арматура, крепления из недргоценных металлов, используемые для мебели, дверей	36 818,4	1,3
Насосы воздушные или вакуумные, компрессоры и вентиляторы	18 839,6	0,7
Инструменты ручные пневматические, гидравлические или со встроенным двигателем	27 107,3	1,0
Вычислительные машины для автоматической обработки информации	112 283,6	4,1

1	2	3
Машины и механические устройства специального назначения	16 296,6	0,6
Арматура для трубопроводов	29 390,4	1,1
Бытовые и прочие электронагревательные приборы, электроплиты	23 309,5	0,9
Аппаратура связи и части к ней	267 127,8	9,7
Телевизоры, мониторы и проекторы	28 752,3	1,0
Части к принимающей и передающей аппаратуре	50 526,3	1,8
Пульты, панели, столы для электрической аппаратуры	31 111,4	1,1
Части и принадлежности для автомобилей и тракторов	110 521,6	4,0
Осветительное оборудование	33 499,4	1,2
Игрушки и головоломки	31 507,7	1,1
Другие товары	1 618 766,9	59,0
Всего	2 745 016,8	100,0

Источники: составлено авторами на основе [3].

Можно заметить, что 41,0 % общего объема импорта составляют товарные позиции, представленные в табл. 4, в то время как на другие виды товаров приходится 59,0 %.

Наибольший удельный вес в общем объеме импорта имеет аппаратура связи и части к ней (мобильные телефоны, коммуникационное оборудование для беспроводной связи и беспроводные телефоны) — 9,7 %, вычислительные машины для автоматической обработки информации (ноутбуки различных модификаций, системные блоки и беспроводные устройства ввода-вывода информации) — 4,1 %, части и принадлежности для автомобилей и тракторов (тормоза, амортизаторы подвески, коробки передач) — 4 %, металлоконструкции из черных металлов (листки, прутки, мосты и др.) — 2,2 %.

Анализируя торговое сотрудничество Республики Беларусь и КНР в сфере услуг, следует выделить образовательные, туристические и транспортные услуги.

В частности, в сфере образования заметно увеличилось количество участников обмена по государственной линии с каждой стороны. В рамках межправительственного обмена стипендиатами квота была увеличена с 20 до 40 человек. В 2016/2017 учебном году количество китайской молодежи, которая обучалась в Беларуси по разным направлениям, составило около 1900 человек, а численность белорусских граждан, обучающихся в Китае, — более 600 человек [4].

Развитие туристического направления характеризуется введением 30-дневного безвизового режима для обеих стран с 10 августа 2018 г. Белорусы могут находиться в Китае без визы до 30 дней в одной поездке, но не более 90 дней в году. Такое же правило действует для китайских граждан. Следует отметить, что в 2017 г., до вступления в силу соответствующего соглашения, Беларусь приняла около 20 000 туристов из Китая [5].

Транспортные услуги в рамках взаимного торгового сотрудничества имеют динамичное развитие, что обусловлено активизацией инициативы «Один пояс — один путь» [6]. Данный проект направлен на совершенствование существующих и создание новых торговых путей, транспортных и экономических коридоров, связывающих более чем 60 стран Центральной Азии, Европы и Африки, что будет способствовать развитию торговых отношений между ними и Китаем. Беларусь обладает большим транспортным и транзитно-логистическим потенциалом.

Таким образом, анализ статистических данных позволяет сделать вывод о динамичном торговом сотрудничестве между Республикой Беларусь и КНР. Вместе с тем существ-

вуют определенные проблемы, сдерживающие достижение сбалансированности в рамках внешней торговли между странами. К числу таких проблем следует отнести следующие: диспропорции торгового баланса, поскольку темп роста импорта значительно превышает темп роста экспорта; высокая товарная концентрация белорусского экспорта в Китай.

Следует отметить, что в целях обеспечения сбалансированности внешнеторговых операций за счет расширения экспорта и рационализации импорта товаров и услуг постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 мая 2017 г. № 347 было утверждено задание по экспорту товаров и услуг в Китайскую Народную Республику на 2017–2020 гг. [7]. Ключевые показатели данного задания представлены в табл. 5.

Таблица 5. Показатели по экспорту товаров и услуг в Китайскую Народную Республику на 2017–2020 гг., млн дол. США

Наименование заданий	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	
	факт	план	план	план	план
Экспорт товаров	361,5	442,5	553,6	752,2	1090,0
Экспорт услуг	439,9	210,5	253,0	307,9	410,0
Итого	801,4	653,0	806,6	1060,1	1500,0

Источники: составлено авторами на основе [7].

В контексте проведенного исследования можно сделать вывод, что общий план по экспорту товаров и услуг в Китай в 2017 г. был перевыполнен на 22,7 %, или на 148,4 млн дол. США в абсолютном выражении. Тем не менее это было обусловлено значительным приростом экспорта услуг (на 108,98 %, или на 229,4 млн дол. США), в то время как экспорт товаров в 2017 г. оказался меньше запланированного значения на 18,3 %, или на 81 млн дол. США. При этом важным является тот факт, что объем экспорта услуг в 2017 г. уже достиг запланированного значения на 2020 г., превысив его на 29,9 млн дол. США.

Республика Беларусь имеет возможность занять доминирующее положение во внешнеторговом партнерстве с КНР, поскольку в стране имеется достаточно сильная научно-исследовательская и промышленная база, стабильное развитие экономики, благоприятная инвестиционная среда, высокий уровень образования.

По прогнозам китайских специалистов, экономический рост Китая будет сопровождаться поступательными сдвигами в структуре экономики. Доля сельского хозяйства в ВВП должна сократиться в 2000–2050 гг. с 17,4 до 6,2 %, доля промышленности и строительства — с 51,7 до 42,1 % при одновременном увеличении доли сферы услуг с 30,9 до 51,7 %.

Республика Беларусь имеет реальные предпосылки для наращивания экспорта услуг в Китайскую Народную Республику.

В качестве перспектив по расширению экспорта услуг можно выделить следующие направления:

- медицинский туризм. Китай заинтересован в укреплении сотрудничества в данной сфере, поскольку здравоохранение Республики Беларусь находится на достаточно высоком уровне: современные методы профилактики и лечения различных заболеваний, возможность реабилитации, высокое качество санаторно-курортного лечения;
- развитие образовательных услуг. Следует отметить, что белорусско-китайское сотрудничество содействует созданию условий для наращивания экспорта услуг, в частности в сфере образования. Перспективное развитие взаимной торговли образовательными услугами обусловлено подписанием плана мероприятий по проведению в 2019 Года

образования Беларуси и Китая. Предполагается открытие в Беларуси кампуса одного из ведущих китайских университетов;

- развитие услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), содействующих развитию информационного общества на инновационной основе и способствующих повышению качества и эффективности информационных отношений населения, бизнеса и государства, в том числе формирование государственной системы оказания электронных услуг.

Следует отметить, что согласно последнему индексу развития ИКТ (ICT Development Index) в 2017 г., опубликованному Международным союзом электросвязи (МСЭ) в ежегодном отчете Measuring Information Society Report, Беларусь занимает 32-е место в мире и является лидером по развитию ИКТ в регионе СНГ, опережая и ряд европейских стран (Литву, Латвию, Чехию, Италию, Польшу) [8].

В целях развития сотрудничества между Китаем и Республикой Беларусь в сфере цифровой экономики представляется целесообразным предусмотреть возможность совместного создания цифровой инфраструктуры; эффективной цифровой системы медицинского обслуживания, в том числе с внедрением дистанционной диагностики; платформы по сотрудничеству в сфере информатизации сельского хозяйства с возможностью внедрения в эту отрасль новейших интернет-технологий, мобильных терминалов и др., а также развитие сотрудничества в области Smart Energy с разработкой энергоэффективных технологий, распространение энергосберегающего строительства и др.

Перспективными областями сотрудничества Беларуси с Китаем в сфере ИКТ могут быть также: сотрудничество Индустриального парка «Великий камень» с инновационным парком высоких технологий Китая «Чжунгуаньцунь» для осуществления трансфера технологий, обмена опытом и совместных проектов [9]; использование опыта Китая в области электронной коммерции, являющейся одной из основных моделей развития китайского рынка.

В целях повышения конкурентоспособности и объемов экспортных товаров и услуг Республике Беларусь следует также активизировать свое участие в совместных разработках КНР в области биотехнологий, которые направлены на увеличение продовольственных ресурсов, освоение новых и возобновление старых энергетических источников, развитие безотходных производств и сокращение вредных выбросов в окружающую среду.

Реализация выявленных перспектив развития торгового сотрудничества между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой будет способствовать их дальнейшей взаимовыгодной интеграции.

Источники

1. Беларусь — Китай: диалог развивается [Электронный ресурс] // Национальный центр маркетинга. — Режим доступа: <https://ncmps.by/pages/belarus-kitay-dialog-razvivaetsya/>. — Дата доступа: 11.11.2018.
2. Импорт Китая [Электронный ресурс] // EXPORT.BY. Портал информационной поддержки экспорта. — Режим доступа: https://export.by/chinese_imports. — Дата доступа: 11.11.2018.
3. Внешняя торговля Республики Беларусь, 2017 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Минск, 2018. — 372 с.
4. Сотрудничество в области образования [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. — Режим доступа: http://china.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/education/. — Дата доступа: 09.12.2018.
5. О торгово-экономическом сотрудничестве Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. — Режим доступа: http://china.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/. — Дата доступа: 09.12.2018.

6. Перспективы торгово-экономического сотрудничества Китая и Беларуси [Электронный ресурс] // EXPORT.BY. Портал информационной поддержки экспорта. — Режим доступа: https://export.by/bel_china_trade_econ_cooperation. — Дата доступа: 09.12.2018.

7. Об определении ключевых показателей эффективности работы по экспорту товаров и услуг в Китайскую Народную Республику до 2020 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 мая 2017 г., № 347 // Совет Министров Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.government.by/ru/solutions/2892>. — Дата доступа: 09.12.2018.

8. Беларусь-Китай: совместная цифровая трансформация [Электронный ресурс] // БЕЛТА — белорусское телеграфное агентство. — Режим доступа: <https://www.belta.by/interview/view/belarus-kitaj-sovmestnaja-tsifrovaja-transformatsija-6244/>. — Дата доступа: 10.11.2018.

9. Шаврук, Ю. А. Таможенные процедуры и условия их применения в рамках промышленных парков / Ю. А. Шаврук // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д: Экон. и юрид. науки. — 2017. — № 14. — С. 46–53.

Shavruk, Yu. A. Customs procedures and conditions for their use within industrial parks / Yu. A. Shavruk // Bull. of Polotsk State Univ. Ser. D: Econ. and legal sciences. — 2017. — № 14. — P. 46–53.

Статья поступила в редакцию 13.12.2018 г.

УДК 338.001.36:502.1

O. Shimova
A. Stanovskaya
BSEU (Minsk)

CONCEPTUAL APPROACHES TO EVALUATING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISE

The article examines the essence of the sustainable development of the enterprise, characterizes the components that determine its stability; methodological approaches to the assessment of the level of sustainable development of an enterprise that have developed in world practice are analyzed; a methodology for assessing the sustainability of an enterprise based on an integral indicator is proposed.

Keywords: sustainable development; economic sustainability; social sustainability; environmental sustainability; methods; integral indicator.

O. С. Шимова
доктор экономических наук, профессор
А. В. Становская
БГЭУ (Минск)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье исследуется сущность устойчивого развития предприятия, характеризуются компоненты, определяющие его устойчивость; анализируются сложившиеся в мировой практике методологические подходы к оценке уровня устойчивого развития предприятия; предлагается методика оценки устойчивости предприятия на основе интегрального показателя.

Ключевые слова: устойчивое развитие; экономическая устойчивость; социальная устойчивость; экологическая устойчивость; методика; интегральный показатель.

Важную роль в достижении устойчивого развития играют первичные звенья экономической системы — предприятия, которые служат основным структурообразующим

элементом экономики, соединяющим в процессе производства материальные, трудовые и финансовые ресурсы. Динамичное устойчивое развитие предприятий напрямую влияет на национальную экономику и наоборот — создание благоприятных условий хозяйствования со стороны государства открывает новые возможности для совершенствования системы управления устойчивым развитием промышленного предприятия.

Понятие «устойчивое развитие предприятия» имеет большое количество дефиниций (по различным источникам от 50 до 100). Наличие различных интерпретаций, отсутствие единства мнений в трактовке устойчивого развития объясняется как сложностью самого понятия, включающего экономические, экологические и социальные характеристики развития, так и несовпадением взглядов представителей научных, предпринимательских, политических кругов.

Различные точки зрения на определение устойчивого развития предприятия приведены в таблице.

Различные определения понятия «устойчивое развитие предприятия»

Автор	Определение понятия
А.М. Шилова	Процесс непрерывных позитивных сбалансированных изменений экономического, социального и экологического характера, направленных на повышение качества жизни работников, уровня благосостояния собственников и на обеспечение будущего долгосрочного существования предприятия
А.Е. Михайлова	Такое функционирование предприятия, при котором влияние факторов извне способствует сохранению его целостности и автономии при достижении стратегических целей
Е.Н. Кучерова	Равновесное сбалансированное поступательное изменение всех показателей устойчивости предприятия, способного противостоять энтропийным тенденциям, сохраняя при этом основные свойства

Источники: составлено авторами на основе [1–3].

Приведенные определения показывают, что характеризуя устойчивое развитие или функционирование предприятия, их авторы говорят, в сущности, о путях эффективного управления организацией или о способах эффективного ведения бизнеса. Исследуя устойчивость предприятия, все же целесообразно исходить из классических, устоявшихся представлений об устойчивом развитии экономической структуры любого уровня, т.е. позиционировать ее как совокупность экономической, экологической и социальной устойчивости.

Экономическая устойчивость предприятия — это способность предприятия поддерживать определенный уровень значений экономических параметров, который обеспечивает его рентабельное функционирование и стабильное развитие, а также позволяет восстанавливать первоначальное или принимать новое равновесное состояние после прекращения действия возмущений внешней и внутренней сред в настоящем и прогнозируемом будущем [4, с. 55]. В свою очередь экономическая устойчивость включает финансовую, производственную, маркетинговую и инвестиционную.

Финансовая устойчивость характеризует такое состояние финансовых ресурсов, при котором предприятие способно путем эффективного их использования обеспечить бесперебойные процессы производства и реализации продукции, затраты по расширению и обновлению производства.

Производственная устойчивость подразумевает способность предприятия сохранять производственную стабильность при постоянном изменении рыночной конъюнктуры путем целенаправленного развития и совершенствования его производственно-технологической структуры за счет внедрения новшеств.

Производственная устойчивость служит, с одной стороны, основой создания экономической устойчивости, так как является источником получения доходов от основной операционной деятельности, а также источником накопления для последующих инвестиций; а с другой — основой социальной и экологической устойчивости, поскольку влияет на эти сферы непосредственно.

Маркетинговая устойчивость отражает способность компании осуществлять свою деятельность в условиях неопределенности развития рыночной среды с целью укрепления конкурентных преимуществ компании с учетом интересов собственников, государства и общества.

Инвестиционная устойчивость проявляется в способности предприятия к расширенному воспроизводству и экономическому росту, а также в учете факторов неопределенности и риска в инвестиционном проектировании.

Социальная устойчивость предприятия — способность предприятия обеспечивать в стратегической перспективе баланс прав, ответственности и интересов всех участников процесса производства по горизонтали и по вертикали — прямых и косвенных, как внутри предприятия, так и вне его в условиях меняющейся внутренней и внешней среды на принципах социальной справедливости, социальной сплоченности, социальной солидарности, социального партнерства в рамках социального государства в его демократической форме на основе социальных стандартов [5].

Экологическая устойчивость подразумевает связь экономики предприятия с ее экологической безопасностью, предполагает минимизацию вредного воздействия производственно-хозяйственной деятельности на окружающую среду.

В процессе своей деятельности предприятие взаимодействует с внешней средой, которая оказывает влияние на устойчивое развитие. К внешним факторам, влияющим на устойчивое развитие предприятия, относятся: экономические условия хозяйствования, финансовая и экономическая политика государства, платежеспособный спрос населения, законодательные акты по контролю деятельности предприятия и пр.

На эффективность и достижение устойчивого развития предприятия оказывают значительное влияние факторы внутренней среды. К ним относятся: организационная структура компании, квалификация и состав персонала, состояние материально-технической базы, технологии, эффективность производственных процессов, организация труда и методы управления.

Устойчивое развитие предприятия предполагает соблюдение определенных количественных и качественных характеристик различных аспектов деятельности (экономической, экологической, социальной). В мировой практике существуют разнообразные методологические подходы к оценке уровня устойчивого развития предприятия, наиболее популярные из них разработаны и апробированы международными организациями и компаниями: SAM/RobecoSAM, Global 100, Global Reporting Initiative (GRI), Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП).

Ежегодно, начиная с 1999 г., международная компания *RobecoSAM* оценивает уровень устойчивого развития (УР) около 3000 крупнейших компаний, часть из которых затем входит в индекс устойчивого развития *Dow Jones Sustainability Indices*. SAM самостоятельно оценивает уровень устойчивого развития, используя анкеты, включающие около 100 вопросов.

Вопросы анкеты касаются трех областей: экономического, социального развития и развития в области окружающей среды. Вопросы могут быть общими (относятся к корпоративному управлению, организации труда, деятельности в области защиты окружающей среды) и отраслевыми (например, «устаревание парка» для авиакомпаний).

Для расчета общего уровня устойчивого развития вопросы взвешиваются с учетом их значимости для той или иной отрасли. Стоит отметить, что вес экономических, социальных и экологических критериев также зависит от отрасли (рис. 1).

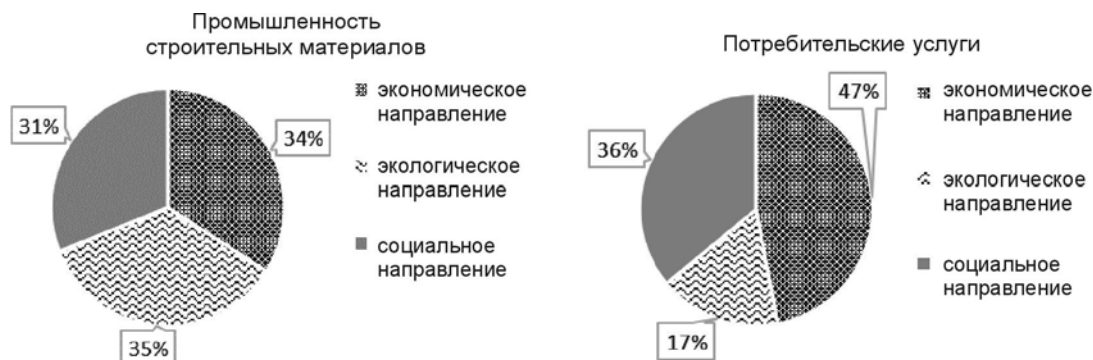

Рис. 1. Удельный вес экономических, экологических и социальных критериев устойчивого развития в организациях разных отраслей

Источники: разработано авторами на основе [6].

Подход SAM выходит за рамки традиционного анализа окружающей среды, управления и социального развития и включает другие нематериальные составляющие успеха организации, такие как инновационный менеджмент, бренд-менеджмент, отношения с потребителями и пр. Итоговый показатель рассчитывается на основании следующей формулы [7]:

$$И_б = Б_{отв} \cdot В_{гр} \cdot В_{анк}, \quad (1)$$

где $И_б$ — итоговый балл; $Б_{отв}$ — баллы, полученные за ответы (0–100); $В_{гр}$ — вес вопроса в группе показателей; $В_{анк}$ — вес группы показателей в анкете.

В области устойчивости бизнеса компания является одним из авторитетных экспертов, поэтому рейтинг, предоставленный SAM, учитывается инвесторами при принятии решений.

Другая методология используется при составлении рейтинга устойчиво развивающихся компаний *Global 100*, который проводится компанией Corporate Knights. Алгоритм формирования выборки представлен на рис. 2.

Рис. 2. Алгоритм формирования рейтинга устойчивости компаний Global 100

Источники: разработано авторами на основе [7, с. 45].

Каждый ключевой показатель эффективности (КПИ) взвешивается и сравнивается со средним показателем по отрасли. Среди показателей такие, как инновационный потенциал, текучесть кадров, энергоэффективность и пр. Итоговый показатель рассчитывается как среднее значение КПИ.

Методология *GRI* («Глобальная инициатива по отчетности») предназначена для использования в качестве общепринятой системы отчетности в отношении экономических, социальных и экологических результатов деятельности компании.

Методология *РСПП* является адаптированным вариантом методологии *GRI* для России. Базовые индикаторы результативности, предложенные в методологии *РСПП*, разработаны с учетом принципов УР, провозглашенных в международных стандартах и российском законодательстве. Согласно данной методологии среди основных показателей такие, как объем реализованной продукции, инвестиции в основной капитал, использование энергии, потребление свежей воды, текучесть кадров, уровень травматизма на производстве и пр.

Преимуществом методологии *РСПП* применительно к компаниям, работающим в России, является ее адаптация к российским условиям. Стоит отметить также тот факт, что основные показатели, оцениваемые согласно подходу, предложенному *РСПП*, направлены на оценку результатов в социальной сфере в отличие от экологической направленности оценки *Global 100* и специфичной для каждой отрасли оценки *SAM*.

Для того чтобы оценить состояние или изменение экономической, социальной или экологической переменной, на предприятии может быть построена система индикаторов устойчивого развития предприятия.

В настоящее время не существует единого подхода при разработке методологии оценки устойчивого развития предприятия. Среди подходов выделяют комплексный подход, разработку описательной модели, разработку интегрального показателя. Комплексный подход предполагает использование комплекса показателей (от двух до четырех типов групп показателей). В общем виде предлагается использование экономических, экологических и социальных индикаторов.

Другие исследователи разрабатывают описательные модели, предполагающие качественную оценку без применения математического аппарата. Например, оценка деятельности компании по двоичной системе баллов: 1 балл — соответствие определенным требованиям, 0 баллов — несоответствие. Далее уровень устойчивости рассчитывается как отношение набранных баллов к общей сумме баллов.

Разработка интегрального показателя, который отражает степень устойчивости объекта, основывается на составляющих показателей экономической, экологической и социальной устойчивости. Такой подход освещен в работах Е.Н. Кучеровой [3], Н.А. Хомяченковой [8] и др.

Для оценки устойчивого развития предприятия может использоваться система индикаторов, которая включает следующие показатели:

1) для оценки экономической устойчивости:

а) в области финансовой устойчивости — коэффициент текущей ликвидности, коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами, коэффициент обеспеченности финансовых обязательств активами, коэффициент автономии, коэффициент финансового рычага, коэффициент маневренности собственного капитала;

б) в области производственной устойчивости — фондоотдача, коэффициент износа основных средств, рентабельность продукции, рентабельность продаж, рентабельность производства, материалоемкость, производительность труда;

в) в области маркетинговой устойчивости — доля рынка, темп роста объема продаж, коэффициент обновления номенклатуры;

г) в области инвестиционной и инновационной устойчивости — темп роста инвестиций в основной капитал; удельный вес инновационной продукции в общем объеме от-

гуженной продукции; отношение затрат на исследования и разработки новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов к объему отгруженной продукции;

2) для оценки социальной устойчивости: коэффициент текучести кадров, темп роста заработной платы, отношение средней зарплаты на предприятии к средней зарплате по промышленности, охват работников коллективным договором;

3) для оценки экологической устойчивости: коэффициент затрат на охрану окружающей среды к чистой прибыли; энергоемкость производства; доля отходов, переданных на использование; удельный объем отходов, удельные выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, удельные сбросы сточных вод, приходящиеся на 1 руб. произведенной продукции.

Для оценки устойчивого развития предприятия с помощью обобщенных показателей каждого из компонентов устойчивого развития и интегрального показателя нами предложена методика, в которой интегральный показатель ($Y_{\text{оур}}$) исчисляется как средняя геометрическая из обобщенных показателей экономической, экологической и социальной устойчивости:

$$Y_{\text{оур}} = \sqrt[3]{Y_{\text{э}} \cdot Y_{\text{с}} \cdot Y_{\text{экол}}}, \quad (2)$$

где $Y_{\text{э}}$ — обобщенный показатель экономической устойчивости; $Y_{\text{с}}$ — обобщенный показатель социальной устойчивости; $Y_{\text{экол}}$ — обобщенный показатель экологической устойчивости.

В то же время обобщенные показатели устойчивости рассчитываются как средняя геометрическая компонентов, входящих в них. При этом показатели, увеличение которых приводит к уменьшению устойчивости, берутся в степени -1 , т.е. находятся в знаменателе (например, увеличение коэффициента текучести кадров приводит к снижению социальной устойчивости).

В методике используются не абсолютные значения показателей, а относительные (темпы роста), что позволяет привести показатели к единой размерности [9]. Использование относительных значений показателей также дает возможность проследить уровень устойчивого развития в динамике.

Описанная методика имеет как свои достоинства, так и недостатки. К достоинствам можно отнести простоту и однотипность расчетов, разноаспектный набор показателей, а также то, что обобщенные показатели позволяют представить агрегированную информацию об экономическом, социальном и экологическом развитии предприятия. В то же время обобщенные показатели являются субъективными, и без анализа составляющих этих показателей в абсолютных значениях информация может быть воспринята неправильно. Еще одним недостатком данной методики можно считать отсутствие учета институциональных факторов при оценке устойчивости, однако такой учет усилил бы субъективность полученного результата, поскольку он зависит от количества выбранных институциональных факторов.

Проведенное аналитическое исследование концептуальных основ и существующей зарубежной практики оценки устойчивого развития предприятий позволяет говорить об актуальности этой проблемы и методологической незавершенности подходов к измерению уровня устойчивости предприятий и компаний.

Источники

1. Шилова, А. М. Концептуализация понятия «устойчивое развитие промышленного предприятия» / А. М. Шилова // Master's J. — 2014. — № 2. — С. 287–296.
Shilova, A. M. Conceptualization of the concept «sustainable development of an industrial enterprise» / A. M. Shilova // Master's J. — 2014. — № 2. — P. 287–296.

2. Михайлова, А. Е. Концептуальный подход к устойчивому развитию промышленных предприятий в условиях модернизации экономики / А. Е. Михайлова, С. А. Рассветов // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. — 2012. — № 3 (107). — С. 59–63.

Mikhailova, A. E. A conceptual approach to the sustainable development of industrial enterprises in the context of economic modernization / A. E. Mikhailova, S. A. Dawn // Bull. of the Univ. of Tambov. Ser.: Humanities. — 2012. — № 3 (107). — P. 59–63.

3. Кучерова, Е. Н. Оценка соответствия результатов текущей деятельности предприятия перспективе его устойчивого развития / Е. Н. Кучерова // Актуальные проблемы социально-экономического развития современной России : материалы науч.-практ. конф. — Вязьма : ВФ ГОУ МГИУ, 2007. — С. 83–89.

Kucherova, E. N. Assessment of the compliance of the results of the current activities of the enterprise with its sustainable development perspective / E. N. Kucherova // Actual problems of the socio-economic development of modern Russia : materials of the sci.-practical conf. — Vyazma : Vyazma branch of Moscow State Industr. Univ., 2007. — P. 83–89.

4. Сулейманова, Е. М. Экономическая устойчивость предприятия: понятие и особенности / Е. М. Сулейманова // О-во: политика, экономика, право. — 2012. — № 3. — С. 53–56.

Suleymanova, E. M. Economic sustainability of the enterprise: the concept and features / E. M. Suleymanova // Soc.: politics, economics, law. — 2012. — № 3. — P. 53–56.

5. Букреев, В. В. Управление социальной устойчивостью предприятия на основе производственной демократии: теория и практика : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / В. В. Букреев — М., 2008. — 312 л.

Bukreev, V. V. Management of social sustainability of an enterprise on the basis of industrial democracy: theory and practice : diss. ... of dr of econ. sciences : 08.00.05 / V. V. Bukreev — Moscow, 2008. — 312 p.

6. The sustainability yearbook, 2018 [Electronic resource] // Robecosam. — Mode of access: http://www.robecosam.com/images/RobecoSAM_Sustainability_Yearbook_2018.pdf. — Date of access: 09.11.2018.

7. Перцева, Е. Ю. Реализация концепции устойчивого развития компании на основе проектно-портфельной методологии : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Е. Ю. Перцева. — М., 2013. — 228 л.

Pertseva, E. Yu. Implementation of the concept of sustainable development of the company on the basis of project-portfolio methodology : diss. ... of cand. of econ. sciences : 08.00.05 / E. Yu. Pertseva. — Moscow, 2013. — 228 p.

8. Хомяченкова, Н. А. Современные аспекты мониторинга устойчивого развития промышленного предприятия: методика и практика / Н. А. Хомяченкова // Экон. исслед. — 2010. — № 2. — С. 31–35.

Khomyachenkova, N. A. Modern aspects of monitoring sustainable Development of an industrial enterprise: methodology and practice / N. A. Khomyachenkova // Econ. studies. — 2010. — № 2. — P. 31–35.

9. Становская, А. В. Обоснование системы индикаторов устойчивого развития предприятия (на примере ОАО «ИНТЕГРАЛ») / А. В. Становская // Национальная экономика Республики Беларусь: проблемы и перспективы развития : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. студентов, Минск, 6–13 апр. 2018 г. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: А. А. Быков (пред.) [и др.]. — Минск, 2018. — С. 321–323.

Stanovskaya, A. V. Justification of the system of indicators of sustainable development of the enterprise (on the example of JSC «INTEGRAL») / A. V. Stanovskaya // National Economy of the Republic of Belarus: Problems and Prospects for Development : materials of the XI Intern. Sci. and Practical Conf. of Students, Minsk, 6–13 April 2018 / Belarus State Econ. Univ. ; editorial board: A. A. Bulls [et al.]. — Minsk, 2018. — P. 321–323.

Статья поступила в редакцию 27.11.2018 г.

NEW CONTEXT OF ANALYSIS AND DEVELOPMENT OF A NATIONAL STRATEGY FOR SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

An analytical study of the subsection «Ecological safety and favorable environment» of the National Strategy for Sustainable Socio-Economic Development of the Republic of Belarus for the period up to 2030 was conducted. The new analysis context is to link the assessment of the implementation of the tasks of the National Strategy with international commitments to achieve the global sustainable development goals.

Keywords: global sustainable development goals; national strategy; environmental Safety; environmental and economic indicators.

О. С. Шимова
доктор экономических наук, профессор
БГЭУ (Минск)

НОВЫЙ КОНТЕКСТ АНАЛИЗА И РАЗРАБОТКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Проведено аналитическое исследование содержания подраздела «Экологическая безопасность и благоприятная окружающая среда» Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года в рамках подготовки очередной стратегии на следующий временной период. Новый контекст анализа состоит в увязке оценки выполнения заданий Национальной стратегии с международными обязательствами республики по достижению глобальных целей устойчивого развития.

Ключевые слова: глобальные цели устойчивого развития; национальная стратегия; экологическая безопасность; эколого-экономические показатели.

В целях научного обоснования корректировки направлений развития и выработки рекомендаций при формировании очередной Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития (НСУР) в соответствии с методологией, принятой в Республике Беларусь, осуществляется анализ результативности предыдущей НСУР. Однако важное международное событие — Саммит ООН по устойчивому развитию в рамках юбилейной Генассамблеи ООН (сентябрь 2015 г.) — привнесло новый контекст в устоявшуюся аналитическую практику: необходимость анализировать содержание действующей стратегии и обосновывать рекомендации для новой НСУР с учетом достижений семнадцати глобальных целей устойчивого развития (ЦУР), изложенных в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Повестка—2030), итоговом документе Саммита [1].

Как уже было отмечено в [2], ЦУР являются тем ориентиром, который позволяет странам привести свои стратегии, планы и программы развития в соответствие с их глобальными обязательствами. Такая задача стоит сегодня и перед аналитиками выполнения НСУР—2030, и перед разработчиками очередной Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития до 2035 года (НСУР—2035).

Приведенное в [2] сопоставление задач по достижению ЦУР Повестки—2030 и заданий НСУР—2030 позволило сделать заключение о существенном отражении задач по

реализации семнадцати глобальных целей УР в заданиях НСУР—2030, хотя национальный документ был разработан раньше опубликования Повестки—2030 ООН. Это объяснимо, поскольку в ЦУР сконцентрированы ключевые принципы устойчивого развития, которые составляют основу государственной политики Республики Беларусь.

Помимо установления соответствия целей и задач каждого подраздела стратегии целям устойчивого развития ООН аналитическое исследование НСУР—2030 предполагает оценку показателей, характеризующих динамику процессов, а также оценку актуальности основных положений и индикаторов с позиции национальных интересов. На основе полученной информационно-аналитической базы должны быть выработаны рекомендации по концептуальным подходам, положениям и показателям для включения в соответствующие подразделы НСУР—2035.

Такой анализ в частности подраздела 6.1 НСУР—2030 «Экологическая безопасность и благоприятная окружающая среда» показал, что в той или иной форме в нем воспроизведены многие задачи по достижению ЦУР.

Для оценки сложившейся ситуации и прогноза обеспечения экологической безопасности общества в НСУР—2030 были предложены интегральные показатели охраны окружающей среды, характеризующие эффективность экологической политики (табл. 1), и показатели экологической нагрузки (табл. 2).

Таблица 1. Интегральные показатели охраны окружающей среды

Показатель	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.
Затраты на охрану окружающей среды, % к ВВП	1,2–1,3	1,5–2,0	1,5–2,0	2,0–3,0
Международный рейтинг Беларуси по индексу экологической эффективности, место	32	—	—	25

Источники: составлено автором на основе [3].

Таблица 2. Показатели экологической нагрузки, %

Показатель	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.
Индекс выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных и мобильных источников, к уровню 2010 г.	99,7	98,6	97,5	96,4
Уровень снижения выбросов парниковых газов, к уровню 1990 г.	не менее 1	не менее 8	не менее 10	не менее 15
Индекс сброса недостаточно очищенных сточных вод в водные объекты, к уровню 2015 г.	100	60	30	0

Источник: составлено автором на основе [3].

Анализируя динамику международного рейтинга Беларуси по индексу экологической эффективности с 2010 г., прогнозируемого в НСУР—2030, трудно установить закономерность в изменении этого показателя и на этой основе объективно оценить процессы экологизации социально-экономического развития страны в текущем десятилетии.

Так, в 2010 г. республика находилась на 53-м месте по индексу экологической эффективности, в 2012 г. опустилась на 65-е место, а в 2014 — поднялась до 32-го, чтобы, как свидетельствуют данные 2018 г., опять сдать позиции, заняв 44 место среди 180 стран мира (табл. 3). Без дополнительной информации обосновать такую дискретность динамического ряда данного индекса и соответственно места страны в международном рейтинге не представляется возможным.

Таблица 3. Международный рейтинг Беларуси по индексу экологической эффективности

Показатель	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.
Индекс экологической эффективности, %	65,40	53,88	67,69	82,30	64,98
Международный рейтинг Беларуси, место	53	65	32	35	44

Источник: составлено автором на основе: <http://www.education-medelle.com/articles/samie-ekologicheski-chistie-strani-mira-v-2012.html>.

Однако объяснение этому дают сами авторы индекса экологической эффективности (*The Environmental Performance Index, EPI*) — специалисты Центра экологического права и политики Йельского университета и Центра международной информационной сети планеты Земля Колумбийского университета, которые рассчитывают данный показатель и публикуют отчеты каждые 2 года начиная с 2008 г.

Индекс экологической эффективности (EPI) является индикатором, агрегирующим две большие группы показателей: жизнеспособности экосистемы (управление природными ресурсами) и экологического здоровья, оценивающего влияние окружающей среды на здоровье человека. Эти группы включают несколько категорий вопросов, характеризующихся показателями, количество которых различно в отчетах разных лет. Кроме того, как отмечают авторы разработки EPI, в каждой следующей версии происходят изменения в методологии расчета индекса в соответствии с новыми научными подходами и требованиями практики. В связи с этим представляется нецелесообразным сравнение предыдущих индексов экологической эффективности страны с более поздними, поскольку результаты, рассчитанные по старой методологии, не сопоставимы с новыми оценками. Вместе с тем актуальные рейтинги позволяют осуществлять международные сравнения, побуждая страны улучшать свои позиции по индексу экологической эффективности. Однако прогнозировать в НСУР место Беларуси в рейтинге по EPI на основе анализа временного ряда этого показателя в предшествующие годы не имеет смысла, поскольку сложно предугадать возможные перемены в методологии его измерения. Аргументом такому заключению является ничем не обоснованный «обвал» на 9 позиций рейтинга Беларуси в 2018 г. по сравнению с предыдущим в 2016 г. (см. табл. 3).

Другой эколого-экономический показатель — удельный вес затрат на охрану окружающей среды в ВВП (см. табл. 1) — реально может служить критерием обеспечения экологической безопасности, и его поступательный рост необходим для достижения устойчивости развития. Как показывает анализ динамики совокупных расходов на охрану окружающей среды в текущем десятилетии, их удельный вес в объеме ВВП не превышал в среднем по годам 1,1–1,2 %, а затраты на природоохранные мероприятия составляли от 1 % в 2012 г. до 0,8 % в ВВП в 2014–2017 гг. [4]. Таких средств, конечно, недостаточно для сохранения благоприятной окружающей среды. В некоторых странах, например в Японии, для решения актуальных экологических проблем расходуется до 3 % ВВП.

Анализ изменения показателей экологической нагрузки, предложенных в НСУР—2030 (см. табл. 2), позволяет сделать вывод о наметившейся в текущем десятилетии тенденции, в основном к снижению негативного воздействия экономики страны на окружающую среду. Так, выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух Беларуси сократились с 1418 тыс. т в 2005 г. до 1319 в 2010 г. и 1241 тыс. т в 2017 г. Это обусловлено постепенным выводом из эксплуатации устаревших автотранспортных средств и ростом автопарка с усовершенствованными системами и механизмами отведения выхлопных газов, использованием гибридных и электродвигателей. Снижение в последние годы транзитных грузопотоков также повлияло на сокращение выбросов автотранспорта.

Тем не менее в стране доля транспорта в совокупных выбросах в атмосферный воздух остается высокой (вклад мобильных источников в загрязнение воздуха в Беларуси достигает 70 %, тогда как в среднем в мире он не превышает 20 %).

Для обеспечения экологической безопасности населения городов требуется дальнейшая модернизация автомобильного парка, расширенное внедрение электротранспорта, популяризация велодвижения, широко распространенного на улицах Европы. Известно, что Европейская комиссия предложила к 2050 г. запретить использование в городах автомобилей с бензиновым двигателем. Некоторые европейские страны вводят этот запрет с 2030 г. А модернизация стационарных источников выбросов загрязняющих веществ в значительной степени зависит от инновационных проектных решений, внедрение которых осложнено рядом экономических, технических факторов и временем их реализации.

Беларусь производит менее 0,01 % мировых выбросов парниковых газов, но в рамках Парижского соглашения об изменении климата (2016 г.) страна взяла обязательство по их сокращению к 2030 г. на 28 % по сравнению с 1990 г. В настоящее время экономика республики с учетом землепользования, изменения землепользования и лесного хозяйства производит 62,2 млн т выбросов парниковых газов, что составляет 53,7 % от уровня 1990 г. Наша страна обладает высоким естественным потенциалом секвестирования выбросов парниковых газов благодаря высокой лесистости территории, значительным по площади водно-болотным угодьям и особо охраняемым природным территориям. Однако для выполнения своих обязательств по Парижскому соглашению и реализации заданий НСУР—2030 в республике необходимо наращивание использования возобновляемых источников энергии; внедрение низкоуглеродных и безуглеродных технологий; биогазовых установок — на всех крупных животноводческих и птицеводческих комплексах; внедрение комплексных систем использования энергии биогаза, солнца, ветра для агрогородков; введение «углеродного налога» и формирование национального углеродного рынка; увеличение парка электротранспорта и вывод из эксплуатации бензиновых и дизельных автомобилей низких экологических классов. Реализация этих мероприятий позволит стране привлекать «климатические финансы» (кредитные средства, гранты), предусмотренные Парижским соглашением, и существенно интенсифицировать национальную экономику.

Анализ третьего показателя экологической нагрузки — индекса сброса недостаточно очищенных (загрязненных) сточных вод в водные объекты, отмеченного в НСУР—2030 (см. табл. 2), показал, что расчет этого индекса относительно 2010 г., в основном отражает тенденцию к снижению данной категории сточных вод (табл. 4). Тем не менее на отдельных участках водных объектов отмечается неблагополучие в связи с возросшей антропогенной нагрузкой: в составе сточных вод, попадающих в некоторые поверхностные водные объекты, отмечается рост по сравнению с 2010 г. загрязняющих веществ по следующим показателям: БПК₅ — на 5 %, сухой остаток — 16,8, хлориды — 0,5, фосфат-ион — 3, аммоний-ион — 5, фториды — на 32 % [5].

Таблица 4. Характеристики сброса недостаточно очищенных сточных вод, %

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2017 г.
Индекс сброса недостаточно очищенных сточных вод в водные объекты, к уровню 2010 г.	100	120	60	60	60	120	80
Недостаточно очищенная вода к общему объему стоков	0,8	0,9	0,5	0,4	0,5	0,9	0,4

Источники: составлено автором на основе [4].

Помимо этого, внутренними угрозами экологической безопасности страны, отмеченными в Национальном плане действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 года являются:

- сокращение биологического разнообразия, деградация земель с торфяными почвами, обмеление рек, нарушение гидрологического режима, процессов самоочищения поверхностных водных объектов в результате масштабного осушения заболоченных земель и связанной с ним интенсивной трансформации естественных экологических систем;
- накопление отходов (в первую очередь отходов производства калийных и фосфорных удобрений);
- неблагоприятные последствия сельскохозяйственных работ на прилегающих к ним природных территориях (попадание пестицидов, минеральных удобрений, навозных стоков);
- сравнительно высокое потребление энергии (энергоемкость ВВП в Беларуси в 1,5–2 раза больше, чем в странах Западной Европы);
- отсутствие тарифной политики и инфраструктуры для использования электромобилей;
- медленное обновление технологий, несовершенная отраслевая и технологическая структура экономики, преобладание производств традиционного типа при незначительной доле инновационного сектора;
- недостаточное развитие малого и среднего бизнеса, который играет значительную роль в развитии «зеленой» экономики [5].

Для дальнейшего решения этих проблем необходима разработка научно обоснованных стратегических заданий с учетом требований реализации на национальном уровне целей устойчивого развития (ЦУР).

Вместе с тем при подготовке подраздела «Экологическая безопасность...» в НСУР—2035 необходимо прежде всего определить его структуру, поскольку само понятие охватывает практически все аспекты эколого-экономических взаимодействий, которые сложно осветить в одном, ограниченном по объему подразделе. Поэтому для систематизации изложения в данном подразделе следует:

- 1) сформулировать основные вызовы и угрозы (внешние и внутренние) экологической безопасности страны;
- 2) определить направления (задачи) по противодействию угрозам, обусловленным изменениями в мировой экономике, вызовами глобального характера и внутренними проблемами.

Это позволит конкретизировать задачи, избежать общих формулировок, типа «снизить вероятность возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а в случае их возникновения гарантировать минимизацию конечного ущерба окружающей среде и ликвидацию негативных последствий для экосистем» [3, с. 65]. Такие обтекаемые фразы не позволяют оценить степень реализации положений стратегии.

В целях обеспечения преемственности и согласованности документов государственного социально-экономического прогнозирования при определении задач следует учесть приоритеты развития, обозначенные в Национальном плане действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 года (НПД). В частности, в предыдущей НСУР в данном подразделе не нашли отражения такие направления повышения экологической безопасности, приведенные в НПД, как реализация концепции «умных» городов, позволяющая улучшить состояние окружающей среды и условия проживания населения; развитие строительства энергоэффективных жилых домов и повышение энергоэффективности жилищного фонда; устойчивое потребление и производство, основанное на системном подходе к развитию экологической стандартизации и маркировки, организации государственных «зеленых» закупок, проведению экологи-

ческого аудита, просветительских и обучающих инициатив по вопросам устойчивого потребления и образа жизни и т.п.

Включение этих положений в НСУР—2035 и их реализация отвечают достижению соответственно ЦУР 11 (Устойчивые города и населенные пункты), 7 (Недорогостоящая и чистая энергия), 12 (Ответственное потребление и производство) Повестки—2030. В качестве индикаторов для мониторинга этих направлений могут быть использованы предложенные в НПД показатели (критерии): количество единиц автомобильного электротранспорта, используемого в городских автомобильных перевозках; площадь сданных в эксплуатацию жилых помещений, которые соответствуют требованиям энергоэффективного жилья; доля домов с классами энергоэффективности А+ и А.

Особую угрозу экологической безопасности общества представляют опасные производственные объекты, статус и перечень категорий которых определен Законом Республики Беларусь «О промышленной безопасности» (2016 г. № 354-З). Именно на этих объектах возможны чрезвычайные ситуации техногенного характера, предупреждение которых необходимо для обеспечения экологической безопасности. Основными направлениями политики в области промышленной безопасности являются совершенствование правовой основы ее реализации и меры по модернизации технологической базы экономики. Эти аспекты в определенной степени нашли отражение в Целях 9 (Индустриализация, инновации и инфраструктура), 11 и 12 Повестки — 2030.

В НСУР—2035 в подразделе «Экологическая безопасность...» необходимо сделать акцент на обеспечении промышленной безопасности путем создания научно обоснованной и отвечающей современным национальным и международным требованиям системы норм и правил в области промышленной безопасности; обеспечения безопасности на стадии проектно-конструкторских работ; создания надежных систем диагностики и защиты от аварий; качественного изготовления и монтажа оборудования, строгого соблюдения правил его эксплуатации и технического обслуживания и др.

Повышению уровня экологической и промышленной безопасности будет способствовать использование имеющегося мирового опыта по внедрению интегрированных систем менеджмента в соответствии с международными стандартами ISO 9000 (менеджмент качества), ISO 14000 (экологический менеджмент), OHSAS 18000 (управление охраной здоровья и безопасностью персонала), SA 8000 (менеджмент социальной ответственности), введение в республике комплексного аудита безопасности, организация системы обязательного страхования гражданской ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих экологически опасную деятельность.

В НСУР—2035 следует уделить должное внимание экономической мотивации соблюдения экологической безопасности хозяйственной деятельности. Эффективным экономическим инструментом обеспечения охраны окружающей среды во многих странах мира является налоговая политика, которая реализуется посредством учета экологического фактора в общей системе налогообложения. Основная идея применения налоговых инструментов состоит в установлении зависимости между суммами отчислений хозяйствующих субъектов в бюджеты и степенью вреда, который они наносят окружающей среде. Экологические налоги получили широкое применение в мире. Доля всех «зеленых» налогов в Республике Беларусь (куда включают экологический налог, налог на добычу (изъятие) природных ресурсов, акциз на топливо и, в известной степени, земельный налог), по отчетным данным Министерства финансов страны за 2014–2017 гг., составляет не более 6–7 % от всех налоговых поступлений, а в себестоимости продукции производителей удельный вес экологического налога (за загрязнение окружающей среды выбросами, сбросами и отходами) — менее 1 %. Для усиления стимулирующей функции экологического налогообложения необходима реструктуризация действующей налоговой системы Республики Беларусь, чтобы обеспечить повышение в налого-

вых поступлениях доли экологического налога, налога за добычу (изъятие) природных ресурсов при одновременном снижении налогов, связанных с производством. В контексте обязательств Беларуси по переходу к «зеленой» экономике вопрос о «зеленой» налоговой реформе может быть поставлен в НСУР—2035, а в качестве одного из индикаторов экологической безопасности следует использовать долю «зеленых» налогов в общей сумме налоговых поступлений.

Обобщающими показателями обеспечения экологической безопасности, динамика которых во времени наглядно иллюстрирует процессы экологической устойчивости развития, могут быть показатели экологоемкости (объемы выбросов, сбросов, бытовых и производственных отходов на единицу ВВП) и коэффициенты эластичности выбросов, сбросов загрязняющих веществ, образования отходов и прироста ВВП. Мониторинговое исследование этих показателей позволит отслеживать продвижение по пути достижения глобальных целей устойчивого развития ООН в экологической сфере.

Источники

1. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development [Electronic resource] // Sustainable Development. — Mode of access: <http://sustainabledevelopment.un.org/post2015>. — Date of access: 08.09.2018.

2. Шимова, О. С. Институциональная среда «зеленой» экономики для имплементации глобальных целей устойчивого развития на национальном уровне / О. С. Шимова // Науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2018. — Вып. 11. — С. 477–484.

Shimova, O. S. Institutional environment of a «green» economy for the implementation of the global sustainable development goals at the national level / O. S. Shimova // Sci. works / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2018. — Iss. 11. — P. 477–484.

3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года / Экон. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. — 2015. — № 4.

4. Охрана окружающей среды в Республике Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Минск, 2018. — 227 с.

5. Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 года [Электронный ресурс] // Совет Министров Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://pda.government.by/ru/solutions/2726>. — Дата доступа: 08.09.2018.

Статья поступила в редакцию 29.11.2018 г.

УДК 332.7/.8/476

A. Yartsev
L. Klimchenia
BSEU (Minsk)

SURVEYING SERVICES IN BELARUS: STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

In the article the authors presented the results of an integrated approach research to the real estate and surveying management and development. They characterized the functional models of surveying accepted in the international practice. The authors defined the factors constraining the development of the surveying services market in Belarus. The authors generalized the results of the initial development stage of the surveying services market and gave possible options of its further development.

Keywords: real estate; real estate market; real estate management; surveying; surveying services; functional model of a surveying; surveying companies; factorial analysis; development of services surveying.

А. И. Ярцев

кандидат экономических наук, доцент

Л. С. Климченя

кандидат экономических наук, доцент

БГЭУ (Минск)

СЕРВЕЙИНГОВЫЕ УСЛУГИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье авторами представлены результаты исследования комплексного подхода к управлению и развитию недвижимостью, сервейинга. Дана характеристика принятых в международной практике функциональных моделей сервейинга. Авторами определены факторы, сдерживающие развитие рынка сервейинговых услуг в Республике Беларусь. Обобщены результаты начальной стадии развития рынка сервейинговых услуг и приведены возможные варианты его дальнейшего развития.

Ключевые слова: недвижимость; рынок недвижимости; управление недвижимостью; сервейинг; сервейинговые услуги; функциональная модель сервейинга; сервейинговые компании; факторный анализ; развитие сервейинговых услуг.

В процессе управления недвижимостью приходится решать многочисленные вопросы технического, экономического и правового характера. Это обусловлено тем, что для недвижимого имущества характерна тройственная сущность, т.е. оно выступает как физический объект, как объект экономических отношений и как объект правовых отношений. Как физический объект недвижимость имеет очерченные границы, размер, множественные технические и качественные параметры. Как экономический объект недвижимость может выступать в качестве товара, источника дохода для собственника. Недвижимость может выступать в качестве объекта гражданских прав, в том числе права собственности, права хозяйственного ведения, оперативного и доверительного управления, права застройки, права залога и целого ряда других прав. В результате этого только системный подход способен создать действенную систему управления недвижимостью, направленную на обеспечение целей всех участников рынка недвижимости.

По мере развития рынка недвижимости существенно возросла значимость эффективного управления недвижимостью как важнейшей составляющей экономики не только отдельных корпораций, но и государства в целом. Мировой опыт показывает, что только профессиональный подход к управлению недвижимым имуществом на всех стадиях его жизненного цикла позволит существенно повысить эффективность управления как в интересах собственников и пользователей недвижимости, так и в интересах государства и общества в целом. В качестве такого профессионального подхода в настоящее время выступает сервейинг. Сервейинг — это реализация комплексного, системного подхода к управлению и развитию недвижимости. Он включает в себя разные виды планирования развития и функционирования объектов недвижимости. Помимо этого сервейинг обеспечивает мероприятия, связанные с проведением всего комплекса различного рода экспертиз недвижимого имущества на всех стадиях его жизненного цикла.

Считается, что сервейинг впервые получил развитие в Англии в XV–XVI вв. На начальном этапе он включал в себя функции по межеванию земельных участков, регистрации объектов земельной собственности и прав на них, которые выполняли специально уполномоченные государственные чиновники. Эти функции вполне объяснимы, так как именно земля рассматривалась тогда как главное богатство, основа жизнедеятельности и главный источник получения доходов [1].

По мере развития рыночной системы хозяйствования и связанного с ним усложнения процессов управления недвижимостью потребовалась масштабная подготовка специалистов соответствующего профиля. Считается закономерным основание в Лондоне

в 1868 г. Института по подготовке сервейеров. В 1881 г. ему было присвоено звание Королевского, с тех пор он называется Королевский институт уполномоченных оценщиков — Royal Institution of Chartered Surveyors. В настоящее время Королевский институт сертифицированных оценщиков (RICS) объединяет более 100 тыс. профессионалов в области недвижимости, земельных ресурсов, строительства и инвестиций в недвижимость. Основная задача института — формирование и развитие отраслевых профессиональных стандартов оценки, а также регламента профессиональной деятельности оценщиков. Члены Королевского института сертифицированных оценщиков — это специалисты-оценщики, работающие в области недвижимости, строительства и землепользования. Членство в организации разделено на несколько категорий: MRICS (Member of Royal Institution of Chartered Surveyors) — действительный профессиональный член RICS или FRICS (Fellow of Royal Institution of Chartered Surveyors) — член-корреспондент RICS [2].

Представительство RICS в России было официально открыто 14 апреля 2008 г. и на данный момент Национальная Ассоциация представлена уже более 200 членами RICS, включая действительных профессиональных членов (MRICS и FRICS), стажеров (RICS Trainees) и студентов аккредитованных курсов (RICS Students) не только из России, но и Украины, Казахстана и Беларуси [3].

В настоящее время в RICS существуют различные специализации: строительство, оценка, управление недвижимостью, консалтинг, агентская деятельность и др. Однако в Европе подавляющая часть членов RICS работает в области оценки коммерческой недвижимости, а также управления объектами недвижимости.

Основная цель сервейинговых компаний — приносить собственнику максимальный доход от эксплуатации объекта недвижимости, а для себя — обеспечивать необходимую рентабельность деятельности. Сервейинговые компании обеспечивают профессиональное эффективное функционирование объекта недвижимости на всех стадиях его жизненного цикла за счет комплексного подхода к управлению.

В зависимости от комплекса функций выделяют несколько функциональных моделей сервейинга, характерных для зарубежного рынка сервейинговых услуг.

1. Управление объектом недвижимости (Property Management), т.е. управление определенным физически, юридически и функционально существующим доходом от объекта недвижимости. Property Management — основа коммерческого развития проекта и включает в себя продвижение объекта недвижимости на рынке, оперативное управление и финансовый менеджмент.

2. Управление технической эксплуатацией объекта (Facility Management), нацеленное на эффективное управление всеми службами, обеспечивающими непрерывную работу объекта недвижимости. В его задачи входит: контроль над поставщиками ресурсов, организация работы сервисных служб; решение вопросов строительства, текущего и капитального ремонта.

3. Управление недвижимостью как инвестиционным активом (Asset Management) предполагает распоряжение основными средствами и финансовыми потоками, стратегически ориентированное на достижение оптимального уровня эффективности инвестиций.

4. Управление проектом (Project Management) — область деятельности, в результате которой ставятся и достигаются четкие цели проекта с учетом тех требований, которые к нему предъявляются при соблюдении тройственной ограниченности (содержание, время, затраты) и достижения необходимого качества с учетом возможного риска.

5. Санитарно-техническое обслуживание объекта недвижимости (Cleaning), под которым понимается достаточно широкий комплекс услуг — от разовых работ по уборке помещений до постоянных работ на основе контрактов, предусматривающих в том числе эксклюзивные работы (услуги промышленных альпинистов при мойке окон и фасадов, уход за мрамором и гранитом и др.).

За рубежом рынок сервейинговых услуг широко развит. В частности, ведущей компанией на мировом рынке, предоставляющей полный спектр услуг, является CBRE Group Inc., выручка которой по итогам 2017 г. составила 14,2 млрд дол. США, а штат сотрудников превышает 80 тыс. человек (без учета аффилированных компаний). С 2008 г. CBRE неизменно входит в рейтинг журнала Fortune 500, занимая в 2018 г. 207-е место. В течение семнадцати лет подряд эта компания побеждает в голосовании, проводимом Lipsey Company, как лучший бренд отрасли, а на протяжении шести лет входит в рейтинг Most Admired Companies журнала Fortune в числе компаний, обладающих лучшей репутацией в сфере недвижимости. CBRE предлагает самый широкий спектр сервейинговых услуг, в том числе:

- управление эксплуатацией, сделками и проектами;
- управление объектами недвижимости;
- управление инвестициями;
- оценка;
- продажа и сдача в аренду объектов недвижимости;
- стратегический консалтинг;
- услуги, связанные с ипотечным кредитованием;
- девелоперские услуги [4].

В последние годы сервейинг достаточно быстро развивается в России, а прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге. При этом управляющие компании в России, занятые в сфере недвижимости, в основном оказывают клининговые услуги, и лишь в некоторой степени функционируют в сегментах Facility Management и Property Management.

В Республике Беларусь рынок сервейинговых услуг находится на начальной стадии развития. Это по нашему мнению можно объяснить рядом факторов.

1. По сравнению с другими государствами в Беларуси велика доля государственной собственности. Государственное недвижимое имущество, как правило, передается на праве хозяйственного ведения унитарному предприятию либо на праве оперативного управления государственному учреждению. Статья 896 Гражданского кодекса Республики Беларусь запрещает передавать в доверительное управление имущество, которое находится в хозяйственном ведении или в оперативном управлении. Такая передача возможна только после ликвидации юридического лица, в хозяйственном ведении или оперативном управлении которого данное имущество находилось либо прекращения права хозяйственного ведения или оперативного управления имуществом и поступления его во владение собственника по иным предусмотренным законодательством основаниям. Вполне очевидно, что по мере снижения доли государственной собственности будут создаваться реальные возможности для появления на рынке недвижимости сервейинговых компаний.

2. Крупные частные компании в республике пока не располагают солидными многопрофильными портфелями недвижимости, которые бы требовали профессионального управления.

3. Особенности сервейинговых услуг требуют разработки и утверждения соответствующей нормативно-правовой базы, которая на данный момент практически отсутствует.

4. Психологический барьер. Даже частные компании, располагающие достаточно солидным портфелем недвижимости, не спешат прибегать к услугам сервейинговых компаний, опасаясь утраты контроля и коммерческих рисков.

Что касается функциональных моделей, то в Республике Беларусь в настоящее время получил развитие только клининг, хотя некоторые компании предлагают услуги Facility Management. Клининговую нишу в республике можно даже считать достаточно насыщенной. Помимо молодых организаций работают опытные компании, в числе которых «Чистый свет плюс», «КлинингСистем», «KingClean» и др. В частности, компания «Чистый свет плюс» обслуживает более 930 объектов недвижимости площадью 2,3 млн м² в 143 городах Республики Беларусь [5]. Следует также отметить, что на рынке клининговых услуг работают незарегистрированные частные бригады, занятые

обычно на сезонных работах, и оценить их долю рынка весьма сложно. Клиентами услуг таких бригад, как правило, являются частные лица, маленькие магазины и офисы.

Положительно то, что на рынок Республики Беларусь начали проникать крупные международные сервейинговые компании, завоевавшие прочную деловую репутацию в мире. В результате объединения весной 2018 г. французской компании Atalian и английской компании Servest образовалась компания Atalian Servest, которая вошла в пятерку мировых лидеров на рынке обслуживания недвижимости с оборотом 3 млрд евро к концу 2018 г. В компании работает более 125 000 человек в 33 странах. В Республике Беларусь эту компанию представляет ОДО «Аталиан», которое работает на белорусском рынке с 2005 г. (до января 2018 г. под брендом «Клининг-Плюс»). В настоящее время в штате ОДО «Аталиан» более 1000 человек, что позволяет своевременно обслуживать сотни объектов недвижимости на всей территории Республики Беларусь. При этом уровень качества услуг ОДО «Аталиан» подтвержден сертификатом качества ISO 9001:2015, СТБ 18001-2009 [5].

Варианты появления и развития сервейинговых компаний на рынке могут быть различными. По нашему мнению, для Республики Беларусь возможны следующие.

Прежде всего, мы считаем, что функции управления объектами недвижимости могут брать на себя компании-застройщики после завершения строительства, существенно расширяя таким образом свои функции.

За счет расширения своих функций сервейинговые услуги могут брать на себя риелторские компании, которых в республике уже достаточно много. Они уже оказывают услуги крупным собственникам по сдаче в аренду их недвижимости.

Вполне вероятен и третий путь. В настоящее время крупные собственники для управления принадлежащими им объектами недвижимости имеют свои структурные подразделения. По мере развития рынка недвижимости эти подразделения все в большей степени будут сталкиваться с жесткой конкуренцией со стороны сервейинговых компаний. Внутренние подразделения компаний или дочерние организации, управляющие недвижимостью, могут начать работать на открытом рынке, за счет этого расширить круг своих клиентов и обеспечить себе тем самым устойчивое положение.

Развитие сервейинга требует подготовки специальных кадров. В Республике Беларусь ведется подготовка специалистов по специальности 1-70 02 02 «Экспертиза и управление недвижимостью» в таких учреждениях образования, как Белорусский национальный технический университет, Белорусский государственный университет транспорта, Брестский государственный технический университет, Полоцкий государственный университет. Содержание подготовки специалистов для управления недвижимостью в Республике Беларусь во многом аналогично содержанию подготовки таких же специалистов в учреждениях образования России. Везде в учебных планах явно преобладают технические учебные дисциплины, поскольку подготовка ведется в технических университетах, преимущественно на строительных факультетах. Мы не отрицаем необходимость подготовки таких специалистов, однако становление и развитие рынка недвижимости объясняет потребность в подготовке экономических кадров по специальности «Экономика и управление на рынке недвижимости» с квалификацией «экономист-менеджер». Такая подготовка уже осуществляется в Белорусском государственном экономическом университете. В учебном плане подготовки специалистов по специальности 1-25 01 16 «Экономика и управление на рынке недвижимости» значительно больше внимания уделено экономической, в том числе коммерческой подготовке, поэтому здесь можно вести речь об особой нише. Именно поэтому подготовка специалистов данного профиля является уникальной не только для Республики Беларусь, но и для многих государств постсоветского пространства. Данные специалисты могут заполнить особую нишу на рынке образовательных услуг.

Следует подчеркнуть, что дело не только в подготовке специалистов с высшим образованием. Развитие сервейинга в республике настоятельно требует наличия специалис-

тов — членов RICS, так как именно им в наибольшей степени доверяют крупные собственники недвижимости. На данный момент такие специалисты в республике практически отсутствуют. При этом есть несколько вариантов получить квалификационную степень RICS [6].

Первый вариант для начинающих специалистов, имеющих профильное образование, под которым понимается высшее или дополнительное образование (магистратура, MBA) по определенному направлению с аккредитованной RICS программой обучения. В России по подобным программам готовят специалистов два учреждения образования:

- Российская академия народного хозяйства и Госслужбы при Президенте Российской Федерации — магистратура «Девелопмент недвижимости» и MBA «Управление недвижимостью»;
- Московский государственный строительный университет — магистратура по направлению «Строительство» и переподготовка по направлению «Оценка бизнеса».

Вполне очевидно, что этот вариант в Республике Беларусь на данном этапе невозможен, поскольку даже при наличии магистерской подготовки необходима аккредитация программы обучения RICS.

Второй вариант предполагает, что при наличии диплома специалист может подать заявку на вступление в RICS, но прежде чем выйти на итоговую аттестацию, он должен не менее 2 лет проработать под руководством действующего члена RICS, составляя при этом регулярные отчеты о проделанной работе. Такие отчеты размещаются в личном кабинете кандидата на серверах RICS и проверяются штатными сотрудниками организации и ассессорами (экзаменаторами). Только при успешном завершении стажировки и наличии подтверждения от своего куратора в организации кандидат может быть допущен к экзамену. Данный вариант возможен при руководстве стажировкой со стороны российских специалистов, имеющих квалификационную степень RICS.

При отсутствии у специалиста профильного диплома об образовании и наличии отнесительно релевантного диплома, подтверждающего получение знаний в области недвижимости, экономики и/или оценки, а также опыта работы не менее десяти лет (при наличии степени магистра и выше пяти лет) этот специалист может выходить на аттестацию без процедуры стажировки.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что рынок сервейинговых услуг в Республике Беларусь находится на начальной стадии развития, что объясняется целым рядом как объективных, так и субъективных факторов. Несмотря на это сервейинговые услуги получают и будут получать все большее развитие, что соответствует мировому тренду в сфере недвижимости.

Источники

1. История возникновения сервейинга, основные положения [Электронный ресурс] // Helpiks.org. — Режим доступа: <http://helpiks.org/7-15982.html>. — Дата доступа: 18.07.2018.
2. RICS — The Royal Institution of Chartered Surveyors [Electronic resource] // Deubew.ru. — Mode of access: http://deubew.ru/deutsche_bewertung_russia_rics/. — Date of access: 18.07.2018.
3. RICS Россия и СНГ (Royal Institution of Chartered Surveyors) [Электронный ресурс] // RWAY. — Режим доступа: <http://rway.ru/companies/Company.aspx?companyId=159>. — Дата доступа: 22.07.2018
4. О компании CBRE [Электронный ресурс] // CBRE. — Режим доступа: <https://www.cbre.ru/ru-ru/about-cbre/>. — Дата доступа: 23.07.2018.
5. Члены Ассоциации [Электронный ресурс] // АКОН. — Режим доступа: <http://akon.by/члены-ассоциации/>. — Дата доступа: 23.07.2018.
6. Что такое RICS? Как стать членом RICS (MRICS)? [Электронный ресурс] // Estimatica. — Режим доступа: <http://www.estimatica.info/assessment/miscellanea/188-kak-stat-chlenom-rics-mrics-i-zachem-eto-nuzhno->. — Дата доступа: 23.07.2018.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018 г.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 341.217

A. Bakun
MITSO (Minsk)

LEGAL EFFECT OF EURASIAN ECONOMIC UNION'S ACTS: PROBLEMS OF DEFINITION AND SOLUTIONS

The article deals with analysis the problems of determining legal effect of Eurasian economic Union's (EEU) acts. The author points to two existing problems in this area: indispensably to systematize EAEU's acts according to their legal effect in EEU and determine their legal effect comparing with national laws. The article deals with systematization of EEU's acts and gives the classification of these acts according to their legal effects. The author thinks that it help to streamline existing acts within the framework of EAEU activities, accept EAEU Court's acts as the source of law and give to Court of EEU control function.

Keywords: Eurasian economic union; legal effect; laws EEU; Court EEU; authorities EEU; regionalization; processes of globalization.

A. С. Бакун
кандидат юридических наук, доцент
МИТСО (Минск)

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА АКТОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ¹

В статье анализируются проблемы определения юридической силы актов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Автор указывает на две существующие в этой области проблемы: необходимость систематизации актов ЕАЭС в зависимости от их юридической силы внутри данного образования и соотношение этих актов с источниками национального права. В статье предлагаются решения проблемы систематизации актов ЕАЭС, дается классификация указанных актов в зависимости от их юридической силы, которая будет способствовать упорядочиванию существующих актов в рамках деятельности ЕАЭС, обосновывается необходимость придания статуса источника права актам Суда ЕАЭС, а также наделения его контрольной функцией за соблюдением соответствия всех актов ЕАЭС учредительному договору данной организации.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; юридическая сила; акты ЕАЭС; Суд ЕАЭС; органы ЕАЭС; регионализация; глобализационные процессы.

---

¹ Настоящее исследование проведено в рамках выполнения НИР БРФФИ-РФФИ-2018 № Г18Р-057 на тему «Акты международных организаций и их реализация в национальном законодательстве» с Марийским государственным университетом (2018–2020 гг.).

Глобализационные процессы, происходящие в мировом сообществе, интенсифицируют интеграционное взаимодействие государств как участников этих процессов. В научной литературе нет единообразного мнения по вопросу положительного влияния указанных процессов на государства. Следствием глобализационных процессов в сфере юриспруденции является активное взаимодействие международного и внутригосударственного права. В свою очередь неизбежность интеграционных процессов обуславливает необходимость изучения юридических актов наднациональных образований, их юридической силы, соотношения таких актов с актами государственных органов и должностных лиц конкретного государства.

Следствием регионализации является образование различных экономических союзов. Так, А.Ф. Малый указывает, что «создание межгосударственных экономических объединений порождает формирование нового права, лежащего в основе деятельности этих союзов» [1, с. 308]. Кроме того, любые надгосударственные образования предполагают включения в правовые системы государств-участников новых актов, таких как, например, международные договоры, акты органов надгосударственных образований, которые часто способствуют бессистемности в иерархии нормативных правовых актов. В связи с возникновением ряда проблем по встраиванию актов наднационального характера в национальную правовую систему особенно важным представляется соотнесение таких актов между собой в зависимости от юридической силы, а также определение места, которое они занимают в правовых системах государств-участников таких интеграционных образований. Каждая из двух проблем требует отдельного научного исследования, в связи с чем в данной статье автор рассмотрит первую из обозначенных выше проблем.

Нельзя не согласиться с Г.А. Василевичем, что «в целом можно говорить о позитивном характере процесса регионализации как средства объединения усилий в условиях глобализации» [2, с. 158]. Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС) является одной из наиболее динамичных из существующих международных организаций в сфере экономической интеграции. Аксиоматично, что целью интеграционных союзов являются экономический рост, экономическая и торговая интеграция, коммерческая прибыль, облегчение ряда бизнес-процессов, привлечение инвестиций. Так, в преамбуле Договора об учреждении Евразийского экономического союза (далее — Договор о ЕАЭС) одной из целей создания данного союза указывается стремление «укрепить экономики государств — членов Евразийского экономического союза и обеспечить их гармоничное развитие и сближение, а также гарантировать устойчивый рост деловой активности, сбалансированную торговлю и добросовестную конкуренцию» [3].

В то же время Г.А. Василевич отмечает, что глобализационные процессы приводят «к умалению позиции государства как такового, размыванию его границ. Можно в этой связи говорить о наметившейся тенденции «размывания» монополии государства на власть» [2, с. 164]. Однако такая тенденция характерна и для процессов регионализации. Так, например, ЕАЭС обладает международной правосубъектностью, позволяющей ему самостоятельно вступать в правоотношения с другими субъектами международного права от своего собственного имени. Это свидетельствует о том, что государства — члены ЕАЭС делегируют данному интеграционному образованию свои полномочия в сфере деятельности ЕАЭС.

Кроме правосубъектности ЕАЭС обладает рядом самостоятельных компетенций. Так, например, А.Я. Капустин указывает на правотворческую компетенцию ЕАЭС, способную «создавать интеграционные международно-правовые нормы, формирующие новый интеграционный правовой порядок в его рамках» [4, с. 61]. В этой связи можно говорить о формировании правовых норм наднационального характера, что подтверждается наличием ст. 6 в Договоре о ЕАЭС [3], регламентирующей право ЕАЭС.

Вместе с тем создание данного союза способствовало возникновению в правовом поле сразу двух проблем: во-первых, необходимости систематизации актов ЕАЭС в зависи-

мости от их юридической силы внутри данного образования, во-вторых, соотношения этих актов с источниками национального права.

В свою очередь решение первой проблемы зависит от решения, на наш взгляд, во-первых, проблемы классификации и определения иерархии актов не только органов ЕАЭС, но и актов ЕАЭС в целом посредством определения юридической силы данных актов, во-вторых, проблемы определения юридической силы актов Суда Евразийского экономического союза (далее — Суд ЕАЭС).

Для определения юридической силы актов ЕАЭС проведен анализ норм Договора о ЕАЭС, который выявил множественность различных актов ЕАЭС как договорного, так и распорядительного характера в рамках ЕАЭС. Так, в соответствии со ст. 6 Договора о ЕАЭС право Союза составляют:

- 1) настоящий Договор;
- 2) международные договоры в рамках Союза;
- 3) международные договоры Союза с третьей стороной;
- 4) решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза [3].

Следовательно, система правовых актов ЕАЭС определена договором ЕАЭС и включает в себя два вида источников: международные договоры и акты органов ЕАЭС. При этом различаются три вида международных договоров как источников права ЕАЭС: учредительный договор ЕАЭС, международные договоры в рамках ЕАЭС, международные договоры ЕАЭС с третьей стороной. Вместе с тем к праву ЕАЭС можно отнести некоторые другие виды международных договоров, часть из которых приравнивается к видам договоров, установленных в ст. 6 Договора ЕАЭС [3]. За рамками указанной классификации актов ЕАЭС остались еще некоторые международно-правовые акты и нормы международного права. В первую очередь такими актами можно назвать судебные акты, принимаемые Судом ЕАЭС [5, с. 50]. Однако все указанные источники права ЕАЭС требуют полной всеобъемлющей систематизации для упорядочения всей совокупности актов ЕАЭС. Критерием такой классификации может выступать юридическая сила рассматриваемых актов.

Анализ норм Договора о ЕАЭС позволяет констатировать, что Договор о ЕАЭС не устанавливает официальной классификации источников права ЕАЭС. Такая классификация, по мнению С.Ю. Кашкина и А.О. Четверикова [6], может производиться исходя из юридической силы указанных выше источников. Так, авторы выделяют «источники, которые имеют основополагающий характер в правовой системе ЕАЭС и обладают высшей юридической силой» [6, с. 51], называя их первичными источниками, своеобразными «конституционными актами» ЕАЭС. В числе особенностей источников первичного права М.Н. Марченко и Е.М. Дерябина [7, с. 248] выделяют прямое действие по отношению к национальному праву и правопорядку.

К первой группе источников относятся непосредственно Договор о ЕАЭС, а также дополняющие его иные договоры между государствами-членами по вопросам, связанным с функционированием и развитием ЕАЭС. Так, в п. 2 и 3 ст. 6 Договора о ЕАЭС закреплено, что «международные договоры Союза с третьей стороной не должны противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Союза. В случае возникновения противоречий между международными договорами в рамках Союза и настоящим Договором приоритет имеет настоящий Договор. Решения и распоряжения органов Союза не должны противоречить настоящему Договору и международным договорам в рамках Союза» [3]. Аксиоматично, что указанные источники так называемого первичного права по своей форме являются международными договорами, заключаемыми и изменяемыми государствами — членами ЕАЭС с их общего согласия. Данные договоры

являются основополагающими источниками права ЕАЭС, определяющими основные векторы развития наднационального права.

В свою очередь С.Ю. Кашкин и А.О. Четвериков выделяют источники вторичного права ЕАЭС [6, с. 51], называя их своеобразным «законодательством» ЕАЭС. По мнению М.Н. Марченко и Е.М. Дерябиной, каждый источник вторичного права «возникает и реализуется не иначе как на основе и в соответствии с первичным правом, целиком опирается на него и не может ему противоречить. Это исходные и основные требования, предъявляемые к источникам вторичного права, в соответствии с ними и в зависимости от их юридической силы выстраивается своеобразная пирамида, в основании которой находятся источники первичного права, или вертикаль, где источники первичного права располагаются на самом верху, а вторичного внизу» [7, с. 248]. Полагаем, что данная классификация способствует решению обозначенной выше первой проблемы в связи с тем, что она упорядочивает акты, принятые в рамках ЕАЭС, позволяет определить их юридическую силу.

Вторая группа источников права ЕАЭС имеет также внутреннюю иерархию. Во-первых, ко второй группе источников относятся юридические обязательные акты в форме решений и распоряжений руководящих органов ЕАЭС. Данная группа вторичных источников издается на основе источников первичного права и не может им противоречить. Договор о ЕАЭС закрепляет иерархию актов органов ЕАЭС по юридической силе (п. 4 ст. 6 Договора о ЕАЭС) [3]. Так, в п. 4 ст. 6 Договора о ЕАЭС закреплено, что «в случае возникновения противоречий между решениями Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии решения Высшего Евразийского экономического совета имеют приоритет над решениями Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии; решения Евразийского межправительственного совета имеют приоритет над решениями Евразийской экономической комиссии» [3]. Однако в этом случае необходимо дальнейшее совершенствование механизма взаимодействия данных органов, что будет способствовать упорядочению издаваемых ими актов, исключению противоречия их друг другу, созданию единого правового поля внутри самого ЕАЭС.

Во-вторых, помимо юридически обязательных актов руководящих органов ЕАЭС, принимаемых в одностороннем порядке, к источникам вторичного права могут быть отнесены международные договоры ЕАЭС с третьей стороной. Такими актами могут выступать «соглашения, которые руководящие органы заключают с другими государствами, международными организациями и интеграционными объединениями в рамках международной деятельности ЕАЭС» [6, с. 51]. Данная группа источников права ЕАЭС оживляет систему права ЕАЭС, регламентирует внешнее взаимодействие самих государств — членов ЕАЭС и органов ЕАЭС с третьей стороной. Следовательно, если первичные источники и первая группа вторичных источников права ЕАЭС регламентирует общественные отношения, складывающиеся внутри указанной международной организации, то вторая группа вторичных источников регламентирует отношения ЕАЭС с другими субъектами международного права.

Указанные источники показывают степень внутренней правовой согласованности такой международной организации, как ЕАЭС, так как выработанная единая политика внутри ЕАЭС, консенсус государств — членов ЕАЭС проявляется вовне. И если внутри ЕАЭС существуют противоречия между внутренними источниками права ЕАЭС, они устраняются посредством внутренних механизмов, то данная группа источников представляется индикатором внутренней правовой сплоченности действий всех государств — членов ЕАЭС.

Вторая проблема систематизации актов ЕАЭС заключается в определении юридической силы актов Суда ЕАЭС. Анализ норм Договора о ЕАЭС и Статута Суда Евразийского экономического союза (далее — Статут Суда ЕАЭС) [8] показал, что акты Суда

ЕАЭС (ст. 95–96 Статута Суда ЕАЭС) [8] можно условно разделить на следующие группы: 1) по результатам рассмотрения споров выносятся решения; 2) по процедурным вопросам в ходе процесса выносятся постановления (например, постановление о принятии заявления к производству); 3) по результатам рассмотрения заявления о разъяснении выносимого консультативного заключения. Автор разделяет мнение С.Ю. Кашкина и А.О. Четверикова [6, с. 51–52] о важности судебного толкования норм актов ЕАЭС в виде консультативных заключений по делам о разъяснении (акты рекомендательного характера) и постановлений (акты по процедурным вопросам), которые должны учитываться при практическом применении первичных и вторичных источников права ЕАЭС. Аксиоматичным представляется также, что наибольшее значение имеют решения Суда ЕАЭС, которые носят юридически обязательный характер для сторон спора (правоприменительные акты).

В отличие от Европейского союза судебная практика Суда ЕАЭС не считается источником права, а Суду ЕАЭС запрещается изменять или отменять действующие нормы права ЕАЭС, законодательства государств-членов или создавать новые нормы (п. 102 Статута Суда ЕАЭС) [8]. Безусловно, практика Суда ЕАЭС имеет важное интерпретационное значение, «служит средством официального толкования источников первичного и вторичного права ЕАЭС» [6, с. 51], обеспечивает единообразное формирование, применение и толкование унифицированного права сообщества» [9, с. 449], «является оптимальным вариантом поддержания единства и эффективности интеграционного правового ряда» [10, с. 172–173]. Необходимо отметить, что несмотря на непродолжительный период деятельности, Суд ЕАЭС сформулировал ряд важных правовых выводов, имеющих значение для единообразного применения права ЕАЭС.

Таким образом, для решения проблемы систематизации актов ЕАЭС необходимо решить две сопутствующие ей проблемы. Во-первых, следует усовершенствовать механизм взаимодействия органов ЕАЭС, что будет способствовать упорядочению издаваемых ими актов, исключению противоречия их друг другу, созданию единого правового поля внутри самого ЕАЭС. Для этого органам ЕАЭС необходим своего рода независимый арбитр внутри ЕАЭС. В этой связи существует необходимость наделить Суд ЕАЭС функцией контроля над соответствием всех актов, принимаемых в рамках ЕАЭС, основополагающему акту ЕАЭС — Договору о создании ЕАЭС.

Во-вторых, необходимо придать актам Суда ЕАЭС статус источника права ЕАЭС, закрепить обязательный, а не рекомендательный характер указанных актов, определить их юридическую силу аналогично подобной судебной инстанции в Европейском союзе. Кроме того, следует разработать механизм привлечения субъектов, не исполнивших решения Суда ЕАЭС, к юридической ответственности. Систематизация актов, принимаемых в рамках ЕАЭС, совершенствование механизма взаимодействия органов ЕАЭС, в том числе компетенции Суда ЕАЭС, позволят ЕАЭС максимально реализовывать те цели, которые данный союз ставит перед собой.

Источники

1. *Малый, А. Ф.* О принципах участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях / А. Ф. Малый // Творческое наследие Казанских юридических школ и современные тенденции развития юридической науки / под ред. И. А. Тарханова. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. — С. 307–310.

Maliy, A. F. On the principles of participation of the Russian Federation in interstate associations / A. F. Maliy // Creative heritage of Kazan law schools and modern trends in the development of legal science / ed. I. A. Tarkhanov. — Kazan : Publ. house of Kazan Univ., 2016. — P. 307–310.

2. *Василевич, Г. А.* Источники белорусского права : монография / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич. — Минск : БГУ, 2016. — 263 с.

Vasilevich, G. A. Sources of Belarusian law : monograph / G. A. Vasilevich, S. G. Vasilevich. — Minsk : BSU, 2016. — 263 p.

3. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.] : в ред. от 08.05.2015 г. // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org>. — Дата доступа: 10.09.2018.

4. Капустин, А. Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс / А. Я. Капустин // Журн. рос. права. — 2015. — № 11. — С. 59–69.

Kapustin, A. Ya. Law of the Eurasian Economic Union: international legal discourse / A. Ya. Kapustin // J. of Russ. Law. — 2015. — № 11. — P. 59–69.

5. Бакун, А. С. Место актов органов ЕАЭС в правовой системе Республики Беларусь / А. С. Бакун // Актуальні проблеми юридичної науки : зб. тез. Міжнар. наук. конф. «Сімнадцять осінніх юридичних читань», м. Хмельницький, 19–20 жовтня 2018 року : у 2-х част. / Хмельниц. ун-т упр. та права. — Хмельницький, 2018. — Ч. 1. — С. 49–51.

Bakun, A. S. The place of acts of the EAEU bodies in the legal system of the Republic of Belarus / A. S. Bakun // Actual problems of the legal science : coll. of theses of the Intern. sci. conf. «Third International Legal Reading», Khmelnytskyi, 19–20 Dec. 2018 : in 2 pt. // Khmelnytsky Univ. of Management and Law. — Khmelnytsky, 2018. — Pt. 1. — P. 49–51.

6. Кашкин, С. Ю. Право Евразийского экономического союза : учебник / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков. — М. : Проспект, 2016. — 191 с.

Kashkin, S. Yu. Right of the Eurasian Economic Union : textbook / S. Yu. Kashkin, A. O. Chetverikov. — Moscow : Prospectus, 2016. — 191 p.

7. Марченко, М. Н. Правовая система Европейского Союза : монография / М. Н. Марченко, Е. М. Дерябина. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. — 704 с.

Marchenko, M. N. The legal system of the European Union : monograph / M. N. Marchenko, E. M. Deryabina. — Moscow : Norma : INFRA-M, 2015. — 704 p.

8. Статут Суда ЕАЭС [Электронный ресурс] // Суд Евразийского экономического союза. — Режим доступа: <file:///D:/Documents%20and%20Settings/Администратор/Мои%20документы/статут.pdf>. — Дата доступа: 18.11.2018.

9. Правосудие в современном мире : монография / В. М. Лебедев [и др.] ; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. — 2-е изд., доп. и перераб. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. — 784 с.

Justice in the modern world : monograph / V.M. Lebedev [et al.] ; ed. by V. M. Lebedeva, T. Ya. Khabrieva. — 2nd ed., suppl. and rev. — Moscow : Norma : INFRA-M, 2017. — 784 p.

10. Рафалюк, Е. Е. Региональные интеграции латиноамериканских государств: природа, содержание, разрешение споров : монография / Е. Е. Рафалюк. — М. : ИНФРА-М, 2014. — 247 с.

Rafalyuk, E. E. Regional integration of Latin American states: nature, content, resolution of disputes : monograph / E. E. Rafalyuk. — Moscow : INFRA-M, 2014. — 247 p.

Статья поступила в редакцию 13.12.2018 г.

УДК 347.1

M. Davydenko

M. Shilo
BSEU (Minsk)

LEGAL STATUS OF A JUVENILE SOLO TRADERS

The article is devoted to the peculiarities of the legal status of a minor solo traders in the Republic of Belarus and the Russian Federation. It is revealed that the implementation of entrepreneurial activity by minors who do not have full legal capacity, causes a number of difficulties in practice and contradicts the meaning of entrepreneurial activity, which is proactive and independent. The article provides recommendations for further improvement of legislation on the research topic.

Keywords: minor; entrepreneurial activity; solo traders; age; emancipation; marriage.

ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Статья посвящена особенностям правового положения несовершеннолетнего индивидуально-го предпринимателя в Республике Беларусь и Российской Федерации. Выявлено, что осуществление предпринимательской деятельности несовершеннолетним, не обладающим полной дееспособностью, вызывает ряд сложностей на практике и противоречит смыслу предпринимательской деятельности, которая носит инициативный и самостоятельный характер. В статье даны рекомендации по дальнейшему совершенствованию законодательства по теме исследования.

Ключевые слова: несовершеннолетний; предпринимательская деятельность; индивидуальный предприниматель; возраст; эмансипация; вступление в брак.

Право на осуществление хозяйственной и иной деятельности относится к важнейшим конституционным правам граждан (ст. 13 Конституции Республики Беларусь, ст. 34 Конституция Российской Федерации) и входит в состав гражданской правоспособности (ст. 17 Гражданского кодекса (далее — ГК) Республики Беларусь, ст. 18 ГК Российской Федерации). Ограничение такого права допускается только в случаях, предусмотренных ст. 23 Конституции Республики Беларусь, ст. 55 Конституции Российской Федерации. Так, отдельным категориям граждан запрещено заниматься предпринимательской деятельностью. Вместе с тем законодательство не содержит императивных запретов на занятие предпринимательской деятельностью несовершеннолетними. Однако закрепление данной возможности порождает вопросы доктринального порядка и сложности в правоприменительной практике.

Остается актуальным вопрос о необходимости закрепления в законодательстве возраста, по достижении которого несовершеннолетний сможет осуществлять предпринимательскую деятельность.

ГК Республики Беларусь, ГК Российской Федерации не содержат специальных правовых норм, посвященных особенностям предпринимательской деятельности несовершеннолетних. По общему правилу индивидуальным предпринимателем может быть гражданин, достигший 18 лет (п. 1 ст. 20 ГК Республики Беларусь, п. 1 ст. 21 ГК Российской Федерации).

ГК Республики Беларусь, Положение о государственной регистрации субъектов хозяйствования (далее — Положение о государственной регистрации), утвержденное Декретом Президента Республики Беларусь «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования» от 16 января 2009 г. № 1 не оговаривают ситуации, когда заявление о государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя подает несовершеннолетний. Российский законодатель пошел по иному пути. Статья 22.1 Федерального закона Российской Федерации «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» № 129-ФЗ (далее — ФЗ № 129-ФЗ о государственной регистрации) закрепляет пакет документов, предоставление которого позволяет зарегистрировать несовершеннолетнего в качестве индивидуального предпринимателя.

В научной литературе вопрос возможности осуществления предпринимательской деятельности несовершеннолетними решается неоднозначно. Так, по мнению М.Д. Шапсуговой, малолетние граждане не могут осуществлять предпринимательскую деятельность из-за отсутствия у них минимально необходимого для осуществления предприни-

мательской деятельности уровня наполнения дееспособности. Кроме того, по мнению ученого эмансипация и вступление в брак также не должны быть основанием обретения полной предпринимательской дееспособности [1].

По мнению Ю.А. Кашириной, несовершеннолетний вправе осуществлять индивидуальную предпринимательскую деятельность с 16 лет, в случае признания его полностью дееспособным в установленном законом порядке [2]. Данной позиции придерживаются и такие ученые, как А.В. Мицык [3, с. 35], К.Б. Ярошенко [4] и др.

По нашему мнению в качестве основных аргументов о возможности занятия предпринимательской деятельностью несовершеннолетним, достигшим 16 лет, следует выделить следующее:

- трудовое законодательство закрепляет возможность самостоятельно заключать трудовой договор с 16 лет;
- с 16 лет лицо становится субъектом административной и уголовной ответственности;
- гражданское законодательство предусматривает возможность лица стать членом производственного кооператива.

Гражданское законодательство устанавливает два основных способа приобретения несовершеннолетним гражданином полной дееспособности: вступление в брак и эмансипация.

1. Приобретение несовершеннолетним гражданином полной дееспособности в связи со вступлением в брак. По общему правилу в Республике Беларусь, Российской Федерации брачный возраст составляет 18 лет. Вместе с тем согласно п. 2 ст. 18 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь (далее — КоБС), п. 2 ст. 13 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК Российской Федерации) граждан вправе вступить в брак до достижения им брачного возраста. В Российской Федерации вступить в брак могут несовершеннолетние, достигшие возраста шестнадцати лет, в отдельных случаях младше 16 лет. В Республике Беларусь брачный возраст может быть снижен не более чем на три года (с 15 лет возможно вступить в брак). ГК Республики Беларусь и ГК Российской Федерации не связывают возможность заниматься предпринимательской деятельностью с наличием у гражданина полной дееспособности.

При регистрации несовершеннолетнего, состоящего в браке, в качестве индивидуального предпринимателя в регистрирующий орган, согласно подп. «з» п. 1 ст. 22.1 ФЗ № 129-ФЗ о государственной регистрации необходимо предоставить копию свидетельства о заключении брака.

Спорным представляется утверждение о том, что момент регистрации брака — это юридический факт, дающий гражданину право заниматься индивидуальной предпринимательской деятельностью, поскольку он является основанием приобретения полной дееспособности до наступления совершеннолетия. Из положений ГК очевидно, что закон не связывает возможность заниматься предпринимательской деятельностью с наличием у гражданина полной дееспособности [5, с. 252].

2. Приобретение несовершеннолетним гражданином полной дееспособности в связи с эмансипацией. Статья 26 ГК Республики Беларусь, ст. 27 ГК Российской Федерации закрепляет случаи, наличие которых позволяет объявить несовершеннолетнего, достигшего 16 лет, полностью дееспособным: работает по трудовому договору (контракту); с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью. Исходя из содержания приведенной нормы, факт предпринимательской деятельности предшествует инициации процедуры признания несовершеннолетнего полностью дееспособным гражданином. Между тем осуществление предпринимательской деятельности гражданином допускается только после его государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (ст. 22 ГК Республики Беларусь, ст. 21 ГК Российской Федерации). С целью устранения противоречий между ст. 22 ГК

Республики Беларусь, ст. 21 ГК Российской Федерации и п. 1 ст. 26 ГК Республики Беларусь, п. 1 ст. 27 ГК Российской Федерации предлагаем внести изменения в п. 1 ст. 26 ГК Республики Беларусь, п. 1 ст. 27 ГК Российской Федерации. Слова «занимается предпринимательской деятельностью» заменить словами «...или выразил намерение осуществлять предпринимательскую деятельность в случае согласия родителей, усыновителей или попечителя».

По мнению В.Ф. Попондопуло вначале происходит эмансипация несовершеннолетнего гражданина, а затем его регистрация в качестве индивидуального предпринимателя [6].

С.В. Букшина предлагает закрепить норму, которая будет обязывать несовершеннолетнего в течение определенного срока (например, месяца с момента принятия решения судом или органом опеки и попечительства) представить в орган опеки и попечительства свидетельство о его государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя [7, с. 65]. Полагаем, в случае если данное свидетельство орган опеки и попечительства не получил, то он вправе признать недействительной эмансипацию несовершеннолетнего [8, с. 464]. В связи с этим предлагаем добавить п. 3 в ст. 26 ГК Республики Беларусь, п. 3 в ст. 27 ГК Российской Федерации в следующей редакции: «В течение месяца с момента принятия решения судом или органом опеки и попечительства об эмансипации несовершеннолетний обязан представить в орган опеки и попечительства свидетельство о его государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. В случае непредставления свидетельства о государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя орган опеки и попечительства вправе отменить эмансипацию».

В Республике Беларусь порядок рассмотрения обращений несовершеннолетних граждан об объявлении их полностью дееспособными определяется Положением о порядке рассмотрения органами опеки и попечительства обращений граждан об объявлении их полностью дееспособными (эмансипации), утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 7 марта 2006 г. № 326 (далее — Положение № 326).

Несовершеннолетний объявляется полностью дееспособным со дня принятия решения органа опеки и попечительства о его эмансипации (п. 7 Положения № 326).

Судебная процедура определяется статьями Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК). Дела об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация) рассматриваются в порядке особого производства (п. 4 ч. 1 ст. 361 ГПК).

По мнению В.Ф. Чигира орган опеки и попечительства (или суд) принимает решение об эмансипации несовершеннолетнего, учитывая продолжительность и устойчивость предпринимательской или трудовой деятельности несовершеннолетнего лица, уровень его доходов или заработка [9].

В Российской Федерации в суде рассмотрение данного дела осуществляется в рамках особого производства, если несовершеннолетний в соответствии со ст. 287 ГПК Российской Федерации обращается с заявлением в суд.

Родители, усыновители и попечитель не несут ответственности по обязательствам эмансипированного несовершеннолетнего (п. 2 ст. 26 ГК Республики Беларусь, п. 2 ст. 27 ГК Российской Федерации).

Как отмечает член Конституционного Суда Республики Беларусь В.В. Подгруша, с эмансипацией связаны только изменения в отдельных гражданских и семейных правоотношениях несовершеннолетних. В остальном лицо продолжает оставаться ребенком. В частности, эмансипация не влечет изменения его статуса в трудовых, жилищных правоотношениях [10]. Как отмечает ученый, наниматель, заключивший трудовой договор (контракт) с эмансипированным несовершеннолетним, не может на этом основа-

нии игнорировать требования ст. 274 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее — ТК), ст. 265 ТК Российской Федерации и привлекать такого несовершеннолетнего к выполнению работ, на которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет. Запрещается привлечение эмансипированных несовершеннолетних к ночным и сверхурочным работам, работам в государственные праздники, праздничные и выходные дни (ст. 276 ТК Республики Беларусь, ст. 99 ТК Российской Федерации). Для таких несовершеннолетних устанавливаются сокращенная продолжительность рабочего времени (часть первая ст. 114 ТК), пониженные нормы выработки (ст. 278 ТК), предоставляются иные гарантии, предусмотренные законодательством о труде.

Кроме того, право избирать имеют граждане Республики Беларусь, Российской Федерации, достигшие 18 лет (ч. 1 ст. 64 Конституции Республики Беларусь, ст. 32 Конституции Российской Федерации).

Еще одним возможным основанием осуществления предпринимательской деятельности несовершеннолетним является осуществление предпринимательской деятельности несовершеннолетними с согласия законных представителей.

Данное положение закреплено в п. «з» ч. 1 ст. 22.1 ФЗ № 129-ФЗ о государственной регистрации; вытекает из смысла п. 2 ст. 25 ГК.

С.Э. Жилинский отрицательно относится к возможности осуществления предпринимательской деятельности несовершеннолетним с согласия законных представителей [11, с. 78].

Иное мнение высказывает А.С. Корепина, отмечая, что правосубъектность несовершеннолетних в возрасте 14 лет в сфере предпринимательской деятельности в связи с повышением в современный период роли малого бизнеса должна быть расширена [12, с. 28].

Основание возможности осуществления несовершеннолетним предпринимательской деятельности порождает ряд проблем:

- несовершеннолетний остается частично дееспособным лицом. Сделки, не подпадающие под ч. 2 ст. 25 ГК Республики Беларусь, п. 2 ст. 26 ГК Российской Федерации, он должен будет совершать при предварительном письменном согласии или при последующем письменном одобрении своих законных представителей. При отсутствии письменного одобрения со стороны законных представителей заключенной несовершеннолетним сделки она согласно ст. 176 ГК Республики Беларусь, ст. 175 ГК Российской Федерации может быть признана судом недействительной. Субсидиарную ответственность за вред, причиненный индивидуальным предпринимателем, несут его законные представители. Данные факты противоречат смыслу предпринимательской деятельности, которая согласно норме того же закона (ст. 1 ГК Республики Беларусь, ст. 2 ГК Российской Федерации) носит инициативный и самостоятельный характер;

- необходимость получения согласия родителей или иных законных представителей на совершение сделок несовершеннолетнего при осуществлении им предпринимательской деятельности может отрицательно сказаться на психическом и физическом здоровье подростка;

- несовершеннолетний согласно ч. 4 ст. 25 ГК Республики Беларусь, п. 4 ст. 26 ГК Российской Федерации может быть по решению суда ограничен или даже лишен права распоряжения своим имуществом или доходами, в том числе от предпринимательской деятельности. Из этого вытекает такая проблема, как существенный риск оспаривания заключенной сделки в судебном порядке;

- в случае признания несовершеннолетнего от 14 до 16 лет субъектом предпринимательской деятельности возникают противоречия с п. 2 ст. 107 Части первой НК Российской Федерации, с УК, КоАП Республики Беларусь и Российской Федерации, которые связывают возможность привлечения к налоговой (в Российской Федерации), административной, уголовной ответственности (в Республике Беларусь и Российской Федерации) с 16 лет.

В связи с этим предлагаем два варианта для решения вопроса о возможности занятия предпринимательской деятельностью несовершеннолетним с согласия законных представителей:

- в п. 2 ст. 25 ГК Республики Беларусь, п. 2 ст. 26 ГК Российской Федерации внести изменения следующего содержания: «распоряжаться своими заработком, стипендией, доходами от предпринимательской деятельности и иными доходами». Также закрепить примечание к ст. 25 ГК Республики Беларусь и ст. 26 ГК Российской Федерации, указав в нем виды сделок, которые вправе совершать не эмансипированный несовершеннолетний предприниматель. Предусмотреть возможность привлечения несовершеннолетнего к налоговой, административной, уголовной ответственности с 14 лет за нарушения в области осуществления экономической деятельности (сейчас с 16 лет);
- исключить из ГК Республики Беларусь, ГК Российской Федерации возможность несовершеннолетним осуществлять предпринимательскую деятельность с 14 лет с согласия законных представителей.

На сегодняшний день в Республике Беларусь зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей несовершеннолетних, не достигших 16 лет, нет. В Российской Федерации несовершеннолетними индивидуальными предпринимателями числятся свыше 700 несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет. Из них четверти исполнилось 15, а троем 14 лет [13, с. 35].

Таким образом, законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации не дают ясного ответа на вопрос, с какого возраста лицо вправе заниматься предпринимательской деятельностью. Приведенные в статье предложения по совершенствованию законодательства позволят решить данную проблему.

Источники

1. Шапсугова, М. Д. Правовое положение индивидуальных предпринимателей по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. Д. Шапсугова. — М., 2012. — 205 л.
- Shapsugova, M. D. The Legal status of solo traders according to the legislation of the Russian Federation : diss. ... of candidate of law sciences : 12.00.03 / M. D. Shapsugova. — Moscow, 2012. — 205 p.*
2. Каширина, Ю. П. Гражданско-правовой статус индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю. П. Каширина. — Воронеж, 2012. — 210 л.
- Kashirina, Ju. P. legal status of solo traders in the Russian Federation : diss. ... of candidate of law sciences : 12.00.03 / Yu. P. Kashirina. — Voronezh, 2012. — 210 p.*
3. Мицук, А. В. Индивидуальный предприниматель в нотариальной практике / А. В. Мицук // Нотариус. — 2015. — № 6. — С. 34–37.
- Mitsyk, A. V. Solo trader in notarial practice / A. V. Mitsyk // The Notary. — 2015. — № 6. — P. 34–37.*
4. Габов, А. В. Право и экономическая деятельность: современные вызовы : монография / А. В. Габов, К. Б. Ярошенко. — М. : ИЗаСП : Статут, 2015. — 400 с.
- Gabov, A. V. Law and economic activity: modern challenges : monograph / A. V. Gabov, K. B. Yaroshenko. — Moscow : The Inst. of Legislation and Comparative Law : The Statute, 2015. — 400 p.*
5. Шило, М. А. Занятие индивидуальной предпринимательской деятельностью несовершеннолетними в Российской Федерации и Республике Беларусь / М. А. Шило // Лучшая научно-исследовательская работа 2018 : сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конкурса / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. — Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. — С. 250–255.
- Shilo, M. A. Occupation self-employed minors in the Russian Federation and the Republic of Belarus / M. A. Shilo // The Best research work 2018 : coll. papers of the XII Intern. sci. and practical competition / under the gen. editorship of G. Yu. Gulyaev. — Penza : Intern. center for sci. coop. «Science and Education», 2018. — P. 250–255.*
6. Попондопуло, В. Ф. Коммерческое право : учебник / В. Ф. Попондопуло, В. Ф. Яковлева. — М. : Норма, 2002. — 800 с.
- Popondopulo, V. F. Commercial law : textbook / V. F. Popondopulo, V. F. Yakovlev. — Moscow : Norma, 2002. — 800 p.*

7. Букшина, С. В. Правосубъектность несовершеннолетних: необходимость реформирования законодательства / С. В. Букшина // Актуал. пробл. рос. права. — 2015. — № 5. — С. 64–68.
Bukshina, S. V. The legal personality of minors: the need for reform of legislation / S. V. Bukshina // Actual problems of Russ. law. — 2015. — № 5. — P. 64–68.
8. Шило, М. А. Предпринимательская деятельность несовершеннолетних в Беларуси и России / М. А. Шило // Материалы XLV Междунар. науч.-практ. конф., Ростов н/Д, 30 марта 2018 г. / Юж. федерал. ун-т. — Ростов н/Д, 2018. — С. 462–465.
Shilo, M. A. Youth Entrepreneurship in Belarus and Russia / M. A. Shilo // Materials of the XLV Intern. sci. and practical conf., Rostov-on-Don, 30 Mar. 2018 / Southern Federal Univ. — Rostov-on-Don, 2018. — P. 462–465.
9. Чигир, В. Ф. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь / В. Ф. Чигир. — Минск : Амалфея, 2003. — 291 с.
Chigir, V. F. The Comment to the Civil code of the Republic of Belarus / V. F. Chigir. — Minsk : Amalfeya, 2003. — 291 p.
10. Подгруша, В. В. Эмансипация несовершеннолетних [Электронный ресурс] / В. В. Подгруша // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
Podgrusha, V. V. Emancipation of a minor [Electronic resource] / V. V. Podgrusha // Consultant-Plus. Belarus / LLC «UrSpektr», Nat. center of legal inform. of the Rep. of Belarus. — Minsk, 2018.
11. Жилинский, С. Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности) : учеб. для вузов / С. Э. Жилинский. — М. : Норма, 2002. — 944 с.
Zhilinsky, S. E. Entrepreneurial law (legal basis of entrepreneurial activity) : textbook for univ. / S. E. Zhilinsky. — Moscow : Norma, 2002. — 944 p.
12. Корепина, А. С. Проблемы осуществления несовершеннолетним права на предпринимательскую деятельность / А. С. Корепина // Актуал. вопр. юрид. наук в соврем. условиях. — 2017. — № 3. — С. 27–29.
Korepina, A. S. Problems of implementation of the juvenile law for business / A. S. Korepina // Actual problems of legal science in the mod. world. — 2017. — № 3. — P. 27–29.
13. Зубарева, О. Г. Несовершеннолетний как субъект предпринимательской деятельности / О. Г. Зубарева // Сев.-Кавказ. вестн. — 2013. — № 3. — С. 35–37.
Zubareva, O. G. Minors as a business entity / O. G. Zubareva // Severo-Kavkazskiy Vestnik. — 2013. — № 3. — P. 35–37.

Статья поступила в редакцию 18.12.2018 г.

УДК 347

D. M. Demichev
BSEU (Minsk)

LEGAL BASIS FOR THE FUNCTIONING OF DIGITAL ECONOMY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article studies some problems of legal regulation of digital economy transformation in the Republic of Belarus, development and implementation of information and communication technologies and software in industrial and other organizations of the Republic, as well as export of information and communication technologies. The author gives the definition of the concept of «digital economy». The article analyzes the content of recent decrees and decrees of the President of the Republic of Belarus, government resolutions and other state bodies, which regulate the formation of a favorable legal and regulatory environment for the development of the national digital economy.

Keywords: digital economy; Park of high technologies; State program of development of digital economy and information society; information and communication technologies; information and communication infrastructure; information resources; information protection; IT-country; IT-community.

Д. М. Демичев
доктор юридических наук, профессор
БГЭУ (Минск)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье исследуются отдельные проблемы правового регулирования трансформации цифровой экономики в Республике Беларусь, разработки и внедрения информационно-коммуникационных технологий и программного обеспечения в промышленных и иных организациях республики, а также экспорта информационно-коммуникационных технологий. Дается авторское определение понятия «цифровая экономика». Анализируется содержание принятых за последнее время декретов и указов Президента Республики Беларусь, постановлений Правительства, других государственных органов, в которых регламентируется порядок формирования благоприятной правовой и регуляторной среды для развития национальной цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика; Парк высоких технологий; Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества; информационно-коммуникационные технологии; информационно-коммуникационная инфраструктура; информационные ресурсы; защита информации; IT-страна; IT-сообщество.

Протекающие в мире за последние десятилетия процессы в общественной жизни свидетельствуют о формировании нового направления в экономике, в котором доминирующее положение приобретают отношения по поводу производства, обработки, хранения, передачи и использования растущего потока информации. Современный мир становится все более технологичным. Вплоть до начала XX в. хранение и передача информации осуществлялись на бумажных носителях или иных твердых предметах. В этой связи экономику длительного периода существования человечества, включая древние времена, средневековье, зарождение и развитие капиталистической формации, социалистического строя, принято называть «экономикой твердых носителей информации».

В конце XIX — начале XX в. появились основанные на электричестве способы передачи и хранения информации: телеграф, телефон, радио, телевизор, магнитофон. При этом информация кодировалась (преобразовывалась) в непрерывные аналоговые электрические сигналы. Указанные способы работы с информацией по существу произвели революцию в развитии экономики, и сегодня можно утверждать о возникновении нового направления в ее развитии — цифровой экономики.

Итак, что же представляет собой цифровая экономика? В конце XX в. американский ученый-информатик греческого происхождения Николас Негропonte основал и возглавил лабораторию антидисциплинарных¹ исследований Media Lab в Массачусетском технологическом институте, сфера интересов которой охватывала технологии, медицину, искусство, дизайн, нейробиологию, социальную робототехнику, эмоциональные вычисления, бионику и гиперинструменты, а в 1995 г. сформулировал концепцию электронной экономики и ввел в употребление термин «цифровая экономика» [1]. Данное понятие связано с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и началом процесса информатизации второго поколения. В этот период появились современные персональные компьютеры, разнообразные носители и средства передачи информации, локальные и глобальные компьютерные сети, а также всемирная компьютерная сеть Интернет. В результате цифровые технологии позволили кодировать информацию в цифровом виде как набор дискретных электрических импульсов.

¹ Под антидисциплинарными исследованиями понимается изучение чего-либо абсолютно нового, находящегося вне поля изучения традиционных академических дисциплин.

К настоящему моменту около половины населения планеты использует Интернет в повседневной жизни для получения необходимой информации, обучения, ведения бизнеса и т.п. Не исключено, что объемы виртуальной торговли с помощью интернет-технологий в ближайшем будущем превысят стандартные виды торговых взаимоотношений. Одним из мировых лидеров в цифровой экономике считается Великобритания, у которой в 2017 г. этот сектор составлял около 12 % ВВП. Вклад цифровой экономики в ВВП США оценивается в 7 %. Естественно, что этот процесс будет интенсивно развиваться. В повседневную жизнь граждан многих стран все шире входят оцифрованные деньги: они удобны в обращении, почти не поддаются подделке и пр. Немаловажным фактором в пользу цифровой экономики являются низкие затраты, что влияет на снижение себестоимости и цены товара.

В то же время следует заметить, что до настоящего времени единой трактовки относительно определения понятия «цифровая экономика» ни экономическая, ни юридическая наука не выработали. Данный термин размыт. В опубликованном в 2017 г. докладе Всемирного банка под названием «Цифровые дивиденды», содержащем отчет о состоянии цифровой экономики в мире, также отсутствует четкий ответ на этот вопрос. Кроме того, ни в Декрете Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О цифровой экономике», ни в иных нормативных правовых актах также не дается легального определения понятия «цифровая экономика». Отсутствует оно и в законодательстве других государств СНГ.

Тем не менее в юридической и экономической литературе, на различных научных форумах делаются попытки выработать наиболее приемлемое определение этого понятия. Так, одни авторы считают, что это совершенно обособленный, новый вид современной экономики, основанной на цифровых технологиях. Другие авторы полагают, что цифровая экономика не есть «новая экономика»; как самостоятельной цифровой экономики нет; есть цифровой сегмент реальной экономики. В частности, председатель Московской высшей школы бизнеса «МИРБИС» Д. Алиев считает, что люди — материальные существа, живущие не в виртуальном мире, а наличие цифровых контрактов на поставку, к примеру нефти, все равно отталкивается от того, что нефть для продажи нужна в натуральном выражении, как еда, одежда и т.п. Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук В. Иванов дает наиболее широкое определение: «Цифровая экономика — это виртуальная среда, дополняющая нашу реальность» [2].

«Классическая» экономика представляет собой процессы, связанные с хозяйственной деятельностью общества, совокупность отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления как основных составляющих этой системы. Нетрудно заметить, что в «цифровой» экономике задействованы те же компоненты. Применение в экономической жизни компьютерных технологий, Интернета, мобильных телефонов и т.п. уже является «обменом» и «потреблением». Таким образом, цифровая (электронная, веб-, интернет-экономика) экономика — есть не что иное, как составная часть традиционной экономики, как завязанная на цифровых технологиях, электронном бизнесе часть экономических отношений, которая опосредуется Интернетом, сотовой связью и ИКТ в целом.

Проблемам трансформации цифровой экономики в Республике Беларусь в последнее время стало уделяться много внимания. Достаточно отметить, что в мировом рейтинге Международного союза электросвязи, дающем оценку развития информационно-коммуникационных технологий, Республика Беларусь лидирует среди стран СНГ и занимает общее 32-е место.

Тем не менее в целях создания благоприятных условий для повышения конкурентоспособности отраслей экономики Республики Беларусь, основанных на новых и высоких технологиях, дальнейшего совершенствования организационно-экономических и социальных условий для проведения разработок современных технологий и увеличения

их экспорта, привлечения в эту сферу отечественных и иностранных инвестиций Декретом Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 «О Парке высоких технологий» (далее — Декрет № 12) был создан Парк высоких технологий (ПВТ) и его администрация как республиканское юридическое лицо в форме учреждения. ПВТ является частью территории Республики Беларусь общей площадью 50 гектаров.

Правовые основы деятельности ПВТ, функции и порядок работы его Наблюдательного совета, компетенция администрации ПВТ, порядок регистрации резидентов ПВТ, требования, предъявляемые к их деятельности, меры государственной поддержки резидентов ПВТ, а также юридических лиц, осуществляющих деятельность в сфере новых и высоких технологий, не зарегистрированных в качестве резидентов ПВТ, первоначально были определены Положением о ПВТ, утвержденным Декретом № 12. Основными направлениями деятельности ПВТ в соответствии с указанным выше Декретом являлись: разработка и внедрение информационно-коммуникационных технологий и программного обеспечения в промышленных и иных организациях республики; экспорт информационно-коммуникационных технологий и программного обеспечения; другие направления по согласованию с Президентом Республики Беларусь.

В целях реализации Положения о Парке высоких технологий, утвержденного Декретом № 12, Совет Министров Республики Беларусь постановлением от 27 марта 2006 г. № 403 «О некоторых вопросах реализации Декрета Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12» утвердил форму заявления о регистрации юридического лица, индивидуального предпринимателя в качестве резидента Парка высоких технологий; форму бизнес-проекта; форму реестра резидентов Парка высоких технологий и бизнес-проектов; форму свидетельства о регистрации резидента Парка высоких технологий; примерную форму договора об условиях деятельности резидента Парка высоких технологий; форму заявления о регистрации бизнес-проекта нерезидента Парка высоких технологий; форму отчета о реализации бизнес-проекта нерезидентом Парка высоких технологий.

Для обеспечения развития в Республике Беларусь информационно-коммуникационных технологий и их эффективного применения во всех сферах и отраслях Совет Министров Республики Беларусь постановлением от 23 марта 2016 г. № 235 утвердил Государственную программу развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, разработанную в соответствии со стратегией развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы, одобренной Президиумом Совета Министров Республики Беларусь (протокол от 3 ноября 2015 г. № 26), законодательными актами Республики Беларусь, регулирующими вопросы информатизации, создания информационных технологий, систем и сетей, формирования информационных ресурсов, обеспечения защиты информации, и результатами научных исследований, а также практическим опытом создания и развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Межведомственное взаимодействие при функционировании государственных информационных систем будет осуществляться с использованием инфраструктуры межведомственных информационных систем, перечень которых приведен в приложении к Указу Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2011 г. № 515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь».

В январе 2017 г. на совещании у Президента Республики Беларусь было принято решение о разработке нового плана развития IT-отрасли, включающего новые меры поддержки белорусских IT-компаний, и внедрении информационных технологий на государственных предприятиях. Работа над планом была поручена помощнику Главы Государства, начальнику главного идеологического управления Администрации Президента Республики Беларусь и куратору направления обеспечения государственной политики в сферах информатизации и высоких технологий В. Янчевскому, который впоследствии был назначен руководителем Парка высоких технологий.

В марте 2017 г. было принято решение о необходимости образования Совета по развитию информационных технологий, который объединил бы представителей профильных ведомств, бизнесменов и инвесторов в сфере высоких технологий.

В ежегодном Послании к Парламенту и белорусскому народу в апреле 2017 г. Президент Республики Беларусь дал поручение разработать новый Декрет о Парке высоких технологий, который позволил бы привлечь в страну международные компании, занятые в наиболее перспективных областях — разработке беспилотного транспорта, искусственного интеллекта и цифровых валют. Для разработки проекта нового Декрета Администрация Парка высоких технологий привлекла представителей IT-отрасли и экспертного сообщества, провела десятки встреч с технологическими компаниями, а также белорусскими и международными юридическими и консалтинговыми фирмами [3, с. 51].

Концепция Декрета, названного в IT-сообществе «Декретом о Парке высоких технологий 2.0», впервые была опубликована для широкого обсуждения в республиканской печати в июле 2017 г. К началу декабря того же года проект документа был согласован без замечаний всеми уполномоченными государственными органами и вновь внесен в установленном порядке на рассмотрение Президента. Подписав 21 декабря 2017 г. Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее — Декрет № 8) Глава Государства обозначил курс на построение IT-страны. Этот Декрет направлен на либерализацию условий ведения бизнеса в IT-сфере и развитие высоких технологий во всех отраслях белорусской экономики.

В указанном Декрете собраны идеи как белорусского IT-сообщества, так и мировой опыт. В нем заложены уточненные (в новой редакции) правовые основы деятельности Парка высоких технологий, в том числе функции и порядок работы Наблюдательного совета ПВТ, компетенция государственного учреждения «Администрация Парка высоких технологий», порядок регистрации резидентов ПВТ, требования, предъявляемые к их деятельности и меры государственной поддержки. Документ включает в себя поддержку продуктовой модели, расширение видов деятельности резидентов ПВТ, IT-образование, развитие сферы блокчейн-технологий. Кроме того, Декрет № 8 вообрал в себя элементы международного права, благодаря чему Республика Беларусь стала первой в мире страной, внедрившей в правовое поле смарт-контракт¹.

Во исполнение Декрета № 8 постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 февраля 2018 г. № 167 утверждено Положение о Совете по развитию цифровой экономики, который является постоянно действующим консультативным органом, осуществляющим координацию деятельности по реализации государственной политики в сфере цифровой трансформации экономики и развития информационно-коммуникационных технологий. Основными задачами Совета по развитию цифровой экономики являются: определение целей и задач цифровой трансформации национальной экономики; формирование благоприятной правовой и регуляторной среды для развития национальной цифровой экономики; установление приоритетов внедрения цифровых технологий для производственных отраслей, сфер торговли и услуг, социальной сферы с учетом последних достижений в сфере информационно-коммуникационных технологий и развития глобального цифрового пространства и др. Персональный состав Совета по развитию цифровой экономики утверждается Советом Министров Республики Беларусь. Председателем Совета является Премьер-министр Республики Беларусь.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 марта 2018 г. № 205 «О внесении изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27 марта 2006 г. № 403» во исполнение п. 13 Декрета Президента Республики Беларусь

¹ *Смарт-контракт* — программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий.

от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» в указанное постановление были внесены соответствующие корректировки, реализация которых позволит более эффективно осуществлять намеченные в Декрете установки.

Проблемы функционирования цифровой экономики в той или иной мере находятся в центре внимания и законодательных органов страны. Так, 7 июля 2018 г. в рамках 27-й ежегодной сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ делегация Республики Беларусь во главе с заместителем Председателя Палаты представителей Национального собрания Б. Пирштуком приняла участие в заседании Постоянного комитета ПА ОБСЕ, в ходе которого было принято решение по включению дополнительных проектов резолюций ПА ОБСЕ в повестку дня 27-й ежегодной сессии ПА ОБСЕ. В частности, инициированный белорусскими депутатами проект резолюции ПА ОБСЕ о продвижении цифровой экономики для обеспечения экономического роста на территории ОБСЕ был единогласно поддержан членами Постоянного комитета ПА ОБСЕ и включен в повестку дня сессии.

Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь также обращался к проблемам реализации установок, содержащихся в законодательных актах Главы Государства, регулирующих вопросы предпринимательской деятельности и цифровой экономики. Так, постановлением от 2 апреля 2018 г. Совет Республики в целях содействия реализации Декретов Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» и от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» обязал постоянные комиссии Совета Республики внести предложения по включению в проект плана подготовки законопроектов на 2019 г. проектов законов Республики Беларусь, необходимых для реализации в полном объеме решений пятого Всебелорусского народного собрания и Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, с учетом целевых установок Главы Государства на период до 2025 г., в том числе по обеспечению достижения в 2025 г. валового внутреннего продукта в объеме 100 млрд дол. США; принять участие в подготовке проектов нормативных правовых актов, направленных на реализацию Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», в том числе при корректировке Налогового кодекса Республики Беларусь учесть льготы и преференции участникам отношений, связанных с применением современных технологий.

Таким образом, в Республике Беларусь создана необходимая организационная и правовая база в целях формирования благоприятной правовой и регуляторной среды для развития национальной цифровой экономики, стимулирования перехода к передовым цифровым технологиям в различных сферах экономики и общественных отношений, создания и развития современной цифровой инфраструктуры и цифровых платформ различного назначения, а также развития национальной индустрии информационно-коммуникационных технологий.

Источники

1. *Negroponte, N.* Being Digital / N. Negroponte. — New York : Alfred A. Knopf, 1995. — 256 p.
2. *Урманцева, А.* Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин [Электронный ресурс] / А. Урманцева // РИА Новости. — Режим доступа: <https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html>. — Дата доступа: 02.04.2018.
3. *Урманцева, А.* Digital economy: how do experts understand this term [Electronic resource] / А. Урманцева // РИА Новости. — Mode of access: <https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html>. — Date of access: 02.04.2018.
3. *Демичев, Д. М.* Некоторые аспекты правового регулирования цифровой экономики в Республике Беларусь / Д. М. Демичев // Взаимодействие власти, бизнеса и общества в развитии цифровой экономики : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 29 июня 2018 г. — Саратов : Саратов. источник, 2018. — С. 51.

Demichev, D. M. Some aspects of legal regulation of the digital economy in the Republic of Belarus / D. M. Demichev // Interaction of government, business and society in the development of the digital economy : materials of the XI Intern. sci. and practical conf., Saratov, 29 June 2018. — Saratov : Saratov source, 2018. — P. 51.

Статья поступила в редакцию 07.12.2018 г.

УДК 343.1(75)

N. Karpievich
BSEU (Minsk)

THE BASES OF SAFETY OF PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS OUTGOING FROM INTERNATIONAL LAW

The subject matter of the research are the state of security of the criminal process participants, legal and organization measures, directed on the improvement of their protection.

The aim of thesis is to reveal bases, regularities, features and substantial elements of the criminal process participants protection outgoing from international law and working out on this basis suggestions on their introduction in the national legislation and for the improvement of the practice, providing security of the mentioned above individuals.

Keywords: international law; authorities of criminal justice; human rights; Declaration; problems of the victims of the crimes and persons promoting justice; the measures ensuring safety of the victims, witnesses and other persons.

Н. Ф. Карпиевич
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, ИСХОДЯЩИЕ ИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Предметом исследования избраны состояния безопасности участников уголовного процесса, правовые и организационные меры, направленные на совершенствование их защиты.

Целью исследования является выявление основ, закономерностей, особенностей и содержательных элементов правовой защиты участников уголовного процесса, исходящих из международного права, и на этой основе разработка предложений по внедрению их в национальное законодательство и совершенствованию практики обеспечения безопасности указанных лиц.

Ключевые слова: международное право; органы уголовной юстиции; права человека; Декларация; проблемы жертв преступлений и лиц, содействующих правосудию; меры, обеспечивающие безопасность потерпевших, свидетелей и иных лиц.

Международным сообществом разработаны документы, охватывающие ключевые вопросы уголовного правосудия и составившие свод его международных стандартов. В русле общественного процесса правовой интеграции, активным участником которого становится Республика Беларусь, сближение белорусского законодательства с этими стандартами является естественным и необходимым, что предполагает дальнейшее развитие национальных правовых систем на основе международных стандартов. Началом этого процесса можно считать определение в ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса

Республики Беларусь общепризнанных принципов и норм международного права и положений международных договоров в качестве составной части права, регулирующего белорусское уголовное судопроизводство [1]. Данное обстоятельство обусловило обращение автора к международным документам, относящимся к предмету исследования.

Анализ научных исследований, относящихся к области международного права, дает возможность сделать вывод о том, что проблемам уголовного правосудия мировое сообщество уделяет внимание с начала 50-х гг. XX в., когда начался процесс выработки документов, в которых «предпринимались попытки определять права человека и стандарты деятельности органов уголовной юстиции» [2, с. 153]. Эта деятельность заметно активизировалась в 1980-х гг. и в настоящее время осуществляется Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию (до 1992 г. — Комитет по предупреждению преступности и борьбе с ней), Конгрессами ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Значительное место проблемы уголовного правосудия занимают на сессиях Экономического и Социального Советов ООН и Генеральных Ассамблеях ООН, в деятельности региональных международных организаций, в том числе Совета Европы. Отмечается общая тенденция к расширению международного сотрудничества в сфере борьбы с криминалом, особенно с его формами, имеющими транснациональный характер.

Результатом деятельности указанных выше структур явилась разработка и принятие системы документов как универсального, так и регионального характера, посвященных обеспечению прав человека в сфере правосудия, организации и деятельности органов уголовной юстиции. В контексте настоящего исследования значительный интерес представляет принятая 29 ноября 1985 г. резолюция 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью» (Далее — Декларация). Наряду с необходимостью решения традиционных проблем жертв преступности (возмещение причиненного преступлением ущерба и др.) причиной принятия Декларации явился приобретающий все большую остроту вопрос обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей, иных лиц, содействующих правосудию, и их близких. В преамбуле резолюции о причинах, побудивших принять Декларацию, сказано: «жертвам преступлений, а также зачастую их семьям, свидетелям и другим лицам, оказывающим им помощь, несправедливо наносится ущерб, телесные повреждения или ущерб их собственности и что, помимо этого, они могут подвергаться лишениям при оказании содействия судебному преследованию правонарушителей. Декларация рекомендует принять меры для минимизации ущерба, наносимого уголовно наказуемыми деяниями, их жертвам, а при необходимости — охраны жизни, обеспечения безопасности, защиты от запугивания и мести данной категории лиц, а также их семей и свидетелей с их стороны.

Некоторая аморфность приведенных норм, общий характер содержащихся в них рекомендаций, отсутствие механизма их реализации еще не являются свидетельством малозначительности рассматриваемой проблемы. Причина в том, что в международном праве «утвердилось правило, согласно которому выбор способов осуществления его норм оставляется на усмотрение государства» [3, с. 14]. Как справедливо отмечает С.С. Алексеев, «нормы международного права в области прав человека обнаруживают свойства норм-принципов... Правовые принципы как бы направляют функционирование права, помогают устранить пробелы в праве, установить необходимость отмены устаревших и принятия новых юридических норм» [4, с. 88]. Нормы международного права определяют минимальный объем и сущность неотъемлемых прав личности, а нормы внутригосударственного обеспечивают их воплощение в жизнь путем разработки соответствующих процедур и юридических механизмов.

Необходимо отметить, что рассматриваемая Декларация, как и иные документы в форме деклараций и резолюций, относится к группе международных документов ре-

комендательного характера и не подлежит подписанию и ратификации или иным процедурам, превращающим ее в акт обязательной юридической силы. Их цель — создание международно-правового стандарта совершенствования и применения национального права в русле требований, вытекающих из данных международных документов [5, с. 13]. Отсутствие у резолюций юридически обязательной силы вовсе не означает, что они полностью лишены данных качеств. Уставы международных организаций предполагают обязанность каждого их члена добросовестно относиться к выполнению своих обязательств, добиваться осуществления целей и принципов устава. Это невозможно, если государства-члены не будут считаться с принятыми резолюциями; поэтому, не обладая юридической силой, резолюции тем не менее обязывают членов морально и политически. Более того, выполнение резолюций рассматривается как выполнение обязательств по Уставу [3, с. 170].

Проблемам жертв преступлений и лиц, содействующих правосудию, мировое сообщество уделяло внимание и до принятия Декларации. Важную роль в этом играют Конгрессы ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. В повестках этих международных форумов, призванных анализировать актуальные и принципиальные темы правосудия, указанные проблемы находят постоянное отражение. Так, VI Конгрессом (Каракас, 1980 г.) была принята «Каракасская декларация», в п. 6 которой отмечено, что политика в области уголовного процесса должна основываться на принципах, гарантирующих наличие судебных органов, способных обеспечить быстрое и справедливое отправление правосудия, а также предоставлять всем максимальной безопасностью и охрану прав и свобод.

Исследование проблем жертв преступлений явилось одним из основных направлений деятельности на VII Конгрессе (Милан, 1985 г.). В документах этого международного форума констатировалось, что несбалансированность экономических и социальных преобразований во многих странах способствует росту преступности. В полной мере это относится к современной Беларуси. В принятом Конгрессом итоговом документе рекомендовано уделять постоянное внимание совершенствованию систем уголовного правосудия в целях укрепления их способности реагировать на изменения общественных условий и потребностей; государствам — членам ООН активизировать свои усилия по обеспечению как можно более широкого участия общественности в предупреждении преступности и борьбе с ней. Необходимость реализации этих рекомендаций признана в мире, поскольку без помощи населения успеха в борьбе с криминалом невозможно. В странах Европы, США, Канаде, Японии осуществление указанных рекомендаций принесло впечатляющие результаты. В то же время опыт этих стран показывает, что эффективная реализация подобных рекомендаций возможна при условии обеспечения безопасности граждан, содействующих правосудию.

Конгресс принял «Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка», где в п. 12 рекомендовано предпринять необходимые законодательные и другие меры в целях обеспечения жертв преступлений эффективными средствами правовой защиты. Эти принципы были утверждены резолюцией 40/32 Генеральной Ассамблеи ООН, которая в свою очередь рекомендовала (в преамбуле) государствам-участникам уделять должное внимание таким вопросам, как судьба жертв преступлений, и предлагала принять положения Руководящих принципов, Миланского плана действий и Каракасской декларации для осуществления на национальном уровне.

В Гаване в августе-сентябре 1990 г. состоялся VIII Конгресс, темой которого было «Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в XXI веке». На этом форуме, посвященном перспективам уголовного правосудия, вопросы правового обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей также заняли заметное место. В разработанных Конгрессом «Рекомендациях относительно

международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития» в п. 18 «с» к вызывающим общий интерес и подлежащим дальнейшей разработке проблемам отнесены средства помощи жертвам преступлений и обеспечение надлежащей защиты свидетелей. Особое внимание уделено вопросам обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей по отдельным категориям преступлений. В резолюции «Меры по борьбе с международным терроризмом» в п. 23 раздела «Защита жертв» указано, что государствам следует создавать надлежащие механизмы защиты от терроризма и принимать соответствующее законодательство, а также выделять достаточные ресурсы для оказания помощи жертвам этого опасного вида преступлений. Пункт 25 раздела «Защита свидетелей» рекомендует государствам применять меры и политику, направленные на эффективную защиту свидетелей террористических актов.

Судя по документам международное сообщество не намерено оставаться в стороне от решения указанных проблем и в дальнейшем. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 46/152 от 18 декабря 1991 г. учреждена Программа ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, в которой подчеркнута необходимость охраны прав жертв преступности.

В п. 86 Предварительной повестки IX Конгресса (Каир, апрель-май 1995 г.) в качестве положительного фактора отмечено, что в целях сведения к минимуму возможности вторичной виктимизации создаются специальные условия, в частности запись свидетельских показаний на видеопленку по делам о преступлениях в отношении детей; обращено внимание на необходимость разработки мер, обеспечивающих безопасность потерпевших-женщин. Сделан важный вывод, что в решении проблем уголовного правосудия настало время перейти от деклараций к конкретным действиям.

Надо полагать, что в последующей деятельности ООН и функционирующих под ее эгидой организаций будет сделан акцент на конкретные меры безопасности и механизмы их реализации. Этот вывод основан на том, что к настоящему времени международным сообществом по данной проблеме уже приняты нормы принципиального, общего характера, и в документах последнего времени отмечается тенденция наполнения вновь создаваемых норм, по-прежнему имеющих рекомендательный характер, более конкретным содержанием.

Именно такой подход содержат «Рекомендации по осуществлению Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью», принятые резолюцией 989/57 Экономического и Социального Совета ООН от 24 мая 1989 г. В п. 2 этого документа, обращенного к членам ООН, рекомендуется реализовать требования Декларации посредством: а) принятия и осуществления ее положений в национальных системах правосудия в соответствии с конституционными особенностями и внутренней практикой государств; б) разработки мер защиты жертв злоупотреблений, клеветнических обвинений или запугивания в ходе или в результате любого уголовного или иного разбирательства, связанного с преступлением. В приведенной норме уже дифференцированы основания применения мер безопасности, указана необходимость их использования и по окончании судопроизводства. Генеральная Ассамблея ООН резолюцией 44/162 от 15 декабря 1989 г. одобрила указанные Рекомендации, предложив (в п. 5) государствам-членам учесть их при разработке стратегии в области прав человека по их практическому применению при отправлении правосудия.

Следующим документом стало «Руководство для сотрудников системы уголовного правосудия в отношении осуществления Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью». В разделе «Жертва и система уголовного правосудия» подчеркнуто, что в случае когда жертва испытывает чувство страха в результате угроз со стороны преступника полицией и другими учреждениями должны быть приняты надлежащие меры по ее защите и поддержке (например, поли-

цейская охрана, изменение места жительства). Важно, чтобы в случае угроз принимались эффективные меры защиты жертвы преступления, о которых сообщалось бы ей. В п. 55 раздела «Обвинители, суды и слушания» указано обстоятельство, когда жертвы боятся давать свидетельские показания, и содержится рекомендация использовать опыт тех стран, где законодательство допускает использование записанных на видеопленку свидетельских показаний или прямую видеозапись. В этом документе предлагается уже группа конкретных мер безопасности и такой элемент порядка их применения, как уведомление защищаемого лица. При этом в п. 114 Руководства отмечено, что оно представляет собой лишь краткое изложение опыта различных стран, является исходным пунктом для дальнейшего развития этого опыта.

Во время проходивших под эгидой ООН в октябре 1991 г. в Суздале Международного семинара по борьбе с организованной преступностью и в августе 1993 г. в Чикаго Совещания Специальной группы экспертов по уменьшению риска насилия в системе уголовного правосудия исследовано значение и содержание такой меры безопасности, как изменение места жительства свидетелей; выработаны рекомендации о необходимости превентивного и комплексного применения защитных мер.

На Всемирной конференции по организованной транснациональной преступности, состоявшейся 21–23 ноября 1994 г. в Неаполе, отмечена необходимость принятия стратегических мер в области защиты свидетелей и потерпевших, сотрудничающих с правосудием. Констатировалось, что меры по защите свидетелей играют ключевую роль в борьбе с преступлениями и должны стать неотъемлемой составной частью политики государств в этой сфере. Конференция приняла документ «Неапольская политическая декларация и Глобальный план действий против организованной транснациональной преступности». В п. 17, 42 этого документа содержатся рекомендации о принятии в максимально широких масштабах мер, поощряющих членов преступных организаций к сотрудничеству и даче свидетельских показаний, включая адекватные программы защиты свидетелей и членов их семей.

Указанное свидетельствует о том, что правовое обеспечение безопасности лиц, действующих правосудию, рассматривается международным сообществом в качестве необходимого (стратегического) элемента борьбы с преступностью в современных условиях. Эта позиция разделяется представителями юридической науки Беларуси, России и других стран, входящих в состав СНГ.

Среди документов, формирующих международные стандарты уголовного правосудия, необходимо выделить Всеобщую декларацию прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 21-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г.), Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1984 г.), Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (принята 4 ноября 1950 г.) [6].

Абстрактный, общий характер норм этих документов делает их лишь основой регулирования отношений между государственными органами и всеми лицами, включаемыми в уголовное судопроизводство. Наряду с Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью они являются ориентиром обеспечения безопасности этих лиц. Таковы ст. 5, 12, 17 Всеобщей декларации прав человека, устанавливающие запрет на противоправные посягательства на жизнь, здоровье, достоинство, неприкосновенность жилища и имущества человека, на произвольные вмешательства в его личную и семейную жизнь. В соответствии со ст. 12 Всеобщей декларации каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств. Приведенные положения развиты в нормах Международного пакта о гражданских и политических правах, Европейской конвенции о защите прав че-

ловека и основных свобод, которые после соответствующих национальных процедур приобрели обязательную юридическую силу.

Положения другого документа, также обладающего обязательной юридической силой, — Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания не имеют общего характера. Ее нормы устанавливают запрет на действия, вынесенные в название Конвенции, которые могут совершаться специальным субъектом — должностными лицами в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей. Обращает на себя внимание ст. 13 Конвенции, которая возлагает на государство обязанность принимать меры для обеспечения защиты истца и свидетелей от любых форм плохого обращения или запугивания.

Совокупность рассмотренных документов представляет собой международную правовую основу разработки национальных законодательств мер, обеспечивающих безопасность потерпевших, свидетелей и иных лиц, содействующих правосудию.

Современные национальные правовые доктрины рассматривают личность как высшую социальную ценность, а правовое обеспечение ее фундаментальных прав и свобод во всех сферах — одну из важнейших государственных задач. Правовой основой реализации этой задачи являются конституционные законы. В полной мере это относится и к Конституции Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями), которая права и свободы человека и гражданина провозглашает в качестве высшей ценности, а их защиту вменяет в обязанность государства. Эти принципиальные положения содержатся в ст. 2 Конституции. В ст. 8 Конституции обращено внимание на необходимость приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами прав и свобод человека.

Приведенные установления предопределяют ряд принципиальных положений, относящихся к сфере борьбы с преступностью в целом и к предмету настоящего исследования в частности.

Во-первых, неотчуждаемость прав и свобод личности обуславливает то, что они в качестве элемента конституционного статуса, представляющего собой совокупность основных, главенствующих отношений гражданина с государством, входят в отраслевой статус личности и составляют его основу. Проблема соотношения конституционного и отраслевого (уголовно-процессуального) статуса исследована В.М. Корнуковым, доказавшим, что «теория правового положения личности в уголовном судопроизводстве должна строиться с учетом того, что уголовно-процессуальное положение каждого участвующего в деле лица базируется на конституционном статусе гражданина» [7, с. 15], что этот статус, являясь стержнем всего правового статуса личности, определяет исходные начала отраслевого уголовно-процессуального статуса. Аналогичных взглядов придерживается И.Ф. Демидов [8, с. 37].

Исходя из этого следует признать, что перечисленные выше фундаментальные (конституционные) права и свободы представляют собой обязательный элемент отраслевого статуса индивида в сфере борьбы с преступностью, в ходе уголовного судопроизводства, в частности обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, лица, заявившего о совершенном преступлении или иным образом содействовавшего выявлению уголовно наказуемого деяния, эксперта, переводчика и др.

Во-вторых, установленное Конституцией прямое действие ее норм, непосредственный характер фундаментальных прав и свобод личности, их определяющая сущность по отношению как к законотворческой, так и к правоприменительной деятельности обуславливают содержание правоотношений индивида и государства в сфере борьбы с преступностью, являются одной из детерминант содержания и современной направленности развития уголовно-процессуального и иного отраслевого законодательства, делают необходимым разработку в этой сфере правового механизма, обеспечивающего не только те или иные отраслевые, но и непосредственно конституционные права индивида.

В-третьих, гарантированное требование конституционных прав и свобод личности распространяется на сферу государственной деятельности, которая обусловлена тяжкими, запрещенными уголовным законом посягательствами на права и свободы граждан, на сферу, сопряженную с опасностью «вторичной виктимизации». Соотношение конституционного и отраслевого статусов определяет соотношение и их элементов, т.е. наличие конституционной гарантии фундаментальных прав и свобод личности, и вхождение фундаментальных прав и свобод в отраслевой статус обуславливают необходимость и объективность создания отраслевых гарантий этих прав и свобод, в частности системы мер безопасности лиц, действующих (действовавших) в интересах правосудия.

Глава 8 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь «Меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц», в нынешней редакции является явно недостаточной с точки зрения системы мер безопасности лиц [9, с. 459] (не предусмотрены такие меры безопасности, как смена места жительства, смена места работы, изменение внешности и не может в полной мере гарантировать защиту прав и свобод указанных лиц).

Анализ конституционных положений приводит к важному выводу: участие индивида в оперативно-розыскной деятельности, уголовном судопроизводстве не должно создавать угрозу его безопасности. Следовательно, если государство привлекает индивида к исполнению обязанностей в уголовном процессе, что сопряжено с возникновением опасности для привлеченного, то оно обязано применить правовые средства, гарантирующие безопасность лица. Иное делает правомерным отказ человека от участия в уголовно-процессуальной деятельности, что не противоречит приведенным выше конституционным установлениям. Требование же государства к индивиду выполнять уголовно-процессуальные обязанности (давать показания и т.д.) при отсутствии гарантий безопасности последнего и тем более применение санкций за отказ от выполнения таких обязанностей представляют собой не только острейшую нравственную проблему [10, с. 115], но являются неправомерными. Все это говорит о необходимости приведения норм уголовного и уголовно-процессуального законов (предусматривающих в настоящее время применение санкций вне зависимости от причин неисполнения индивидом уголовно-процессуальных обязанностей) в соответствие с рассмотренными конституционными положениями.

Источники

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 199 г., № 295-З : с изм. и доп. // Ведомости Нац. собр. Респ. Беларусь. — 1999. — № 28–29. — Ст. 433.
2. Бородин, С. В. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью / С. В. Бородин, Е. Г. Ляхов. — М. : Междунар. отношения, 1983. — 200 с.
Borodin, S. V. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s ugovnoy prestupnost'yu / S. V. Borodin, E. G. Lyakhov. — M. : Mezhdunar. otnosheniya, 1983. — 200 s.
3. Лукашук, И. И. Международное право в судах государств / И. И. Лукашук. — СПб. : Университетское, 1993. — 301 с.
Lukashuk, I. I. Mezhdunarodnoe pravo v sudakh gosudarstv / I. I. Lukashuk. — SPb. : Universitetskoe, 1993. — 301 s.
4. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. — М. : Юрид. лит., 1975. — С. 88.
Alekseev, S. S. Struktura sovetskogo prava / S. S. Alekseev. — M. : Yurid. lit., 1975. — S. 88.
5. Международные нормы и правоприменительная практика в области прав и свобод человека. Пособие для российских судей / сост. Л. Б. Алексеева, С. В. Сироткин ; отв. ред. Н. Ф. Шарфетдинов. — М. : Юрид. лит., 1993. — С. 13.
6. Права человека. Сборник универсальных и региональных международных документов / сост.: Л. Н. Шестаков. — М. : Юрид. лит., 1990.
7. Корнуков, В. М. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В. М. Корнуков ; Харьков. юрид. ин-т. — Харьков, 1987. — С. 15.

Kornukov, V. M. Teoreticheskie i pravovye osnovy polozheniya lichnosti v ugodnom sudoproizvodstve : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.09 / V. M. Kornukov ; Khar'kov. yurid. in-t. — Khar'kov, 1987. — S. 15.

8. *Демидов, И. Ф.* Проблема прав человека в Российском уголовном процессе (Концептуальные положения) / И. Ф. Демидов. — М. : Юрид. лит., 1995. — С. 86.

Demidov, I. F. Problema prav cheloveka v Rossiyskom ugodnom protsesse (Kontseptual'nye polozheniya) / I. F. Demidov. — M. : Yurid. lit., 1995. — S. 86.

9. *Карпиевич, Н. Ф.* Научно-практические аспекты обеспечения безопасности в уголовном процессе / Н. Ф. Карпиевич // Науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2016. — Вып. 9. — С. 457–464.

Karpievich, N. F. Nauchno-prakticheskie aspekty obespecheniya bezopasnosti v ugodnom protsesse / N. F. Karpievich // Nauch. tr. / Belorus. gos. ekon. un-t. — Minsk, 2016. — Vyp. 9. — S. 457–464.

10. *Москалькова, Т. Н.* Этика уголовно-процессуального доказывания / Т. Н. Москалькова. — М. : Юрид. лит., 1996. — С. 115.

Moskal'kova, T. N. Etika ugodno-protsessual'nogo dokazyvaniya / T. N. Moskal'kova. — M. : Yurid. lit., 1996. — S. 115.

Статья поступила в редакцию 04.12.2018 г.

УДК 347.9

L. Kozyrevskaya
BSEU (Minsk)

THE RIGHT OF COMPULSORY PURCHASE OF SHARES: THE RATIO OF LEGISLATIVE DECISIONS IN THE EAEU STATES

In the present work an attempt has been made by means of comparative studies to analyze one of the most effective institutions for the protection of the rights of minority shareholders — Institute the redemption of stock in Russia, Belarus, Kazakhstan. As a result of the study on the comparability of this institution in the legal systems of these States identified shortcomings of the Belarusian legislation and ways to overcome them.

Keywords: corporate relations; share; the majority shareholder; minority shareholder; joint stock company; the reorganization.

Л. А. Козыревская
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ПРАВО ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ВЫКУПА АКЦИЙ: СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВАХ ЕАЭС

В настоящей работе предпринята попытка средствами компаративистики проанализировать один из наиболее действенных институтов защиты прав миноритарных акционеров — институт выкупа акций в России, Беларуси, Казахстане. В результате проведенного исследования о сопоставимости указанного института в правовых системах названных государств выявлены недостатки белорусского законодательства и пути их преодоления.

Ключевые слова: корпоративные отношения; акция; мажоритарный акционер; миноритарный акционер; акционерное общество; реорганизация.

Корпоративные отношения как отношения системно-организационного характера, складывающиеся в рамках организаций коллективного типа, с учетом особенностей ис-

торического развития государственности в XX в. на территории постсоветских государств, к которым, собственно, и относятся Беларусь, Казахстан и Россия, являются относительно новыми для нашей правовой науки. Развитие интеграционных процессов актуализирует проблему сопоставимости законодательных решений как в отношениях отдельных государств, так и в рамках надгосударственных образований. Поэтому анализ отдельных правовых институтов под углом зрения возможности их гармонизации представляет несомненный интерес.

В последнее время в русскоязычных публикациях по корпоративному праву активно обсуждается проблема защиты прав участников организаций корпоративного типа. При этом существующие подходы к данной проблеме условно можно разделить на две группы: во-первых, рассмотрение данной проблемы исключительно в плоскости гражданского права, а во-вторых, использование комплексного подхода, выходящего за пределы частноправовой проблематики. Первый подход базируется на тезисе о гражданско-правовой природе корпоративных отношений. Соответственно разрешение отмеченной проблемы, с опорой исключительно на систему способов защиты, закрепленной в ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь и соответственно в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации и ч. 1 ст. 9 Гражданского кодекса Республики Казахстан, а также в иных статьях Гражданских кодексов названных государств служит дополнительным доказательством основного тезиса: корпоративные права, а соответственно, и права акционера в объективном смысле — часть предмета гражданского права [1]. Сторонники второй позиции делают упор на специфике прав участников корпоративных объединений и поэтому выделяют особые способы защиты, присущие только выделенной сфере общественных отношений [2, с. 588]. В качестве одного из таких способов защиты рассматривается принудительный выкуп акций. Поэтому исследование данного института представляет как теоретический интерес, поскольку позволяет разрешить вопрос о средствах, формах и правовой природе защиты прав акционеров, а в конечном счете — выявить специфику корпоративных отношений как объекта правового регулирования. С другой стороны, выкуп акций представляет собой способ разрешения корпоративных конфликтов, и в этом смысле имеет большое практическое значение.

Традиционно в научных исследованиях право принудительного выкупа акций анализируется применительно к механизму вытеснения миноритариев владельцами крупных пакетов акций [3, 4]. Суть такого акта заключается в возложении на покупателя обязанности предложить сделку купли-продажи, а в предусмотренных законом случаях — совершить ее при жестком нормировании, результатом чего будет прекращение корпоративных отношений. Сходными характеристиками обладает и сделка по выкупу акций обществом по требованию акционеров, хотя и является, если так можно выразиться, противоположно направленным действием: договор купли-продажи заключается по требованию продавца. Общим для указанных ситуаций является отступление от основополагающих начал гражданского права: принципов равенства участников, свободы договора, неприкосновенности собственности. Соответственно нормативное обеспечение прав субъектов таких отношений должно строиться в рамках единого правового механизма, что позволяет рассматривать данные явления в составе одного правового института.

Хозяйственная стратегия акционерного общества предопределяется соотношением позиций отдельных акционеров и возможностями последних непосредственно влиять на принимаемые решения, что в свою очередь зависит от сложившихся пропорций в распределении акций. Для того чтобы оперативно реагировать на изменения экономической ситуации, необходимы эффективное руководство и мобильность администрирования. В условиях большого числа акционеров и сосредоточенности акций среди мелких (миноритарных) держателей добиться высокого уровня управляемости вряд ли возможно, с другой стороны, в такой ситуации происходит ослабление корпоративного контроля и в хозяйственной политике общества начинают превалировать интересы менедж-

мента, а не акционерных собственников. Таким образом, концентрация капитала есть вполне закономерный, объективно обусловленный процесс. При этом высокая степень концентрации, когда в одних руках сосредотачивается контрольный пакет акций, ставит перед акционерами, не имеющими возможность в силу незначительности принадлежащего им числа акций реально участвовать в управлении компанией. Отсутствие по тем или иным причинам спроса на акции данного общества может сделать их (акционеров) заложниками ситуации. По сути, будет нарушен один из основополагающих частноправовых принципов — принцип автономии воли: инвестор вынужден (пусть даже весьма незначительно) финансово участвовать в организации, которая действует вразрез с его устремлениями. Описанная ситуация может быть квалифицирована как корпоративный конфликт.

Понятие корпоративного конфликта в современной правовой науке является неоднозначным. С учетом основных позиций, выраженных по этому вопросу в научных публикациях, применительно к теме настоящей работы корпоративный конфликт может быть обозначен как «взаимоисключающие позиции участников корпоративных отношений, когда личный, индивидуальный интерес одной из сторон направлен на отрицание общей цели, положенной в основу объединения данных лиц в корпорацию» [5, с. 515].

Таким образом, в рамках любого объединения имеют место противоречия между общим интересом, заключающимся в эффективном функционировании созданного объединения для достижения цели, послужившей мотивом такого объединения, и личными интересами его участников; между представлениями о путях достижения этой цели у отдельных членов организации. На поверхности эти противоречия могут принимать форму противоречий между менеджментом и участниками юридического лица; между миноритарными и мажоритарными участниками; между коллегиальными и единоличными органами управления и т.д. При обострении этих противоречий до полной несовместимости, представляющей угрозу нормальной деятельности того или иного объединения, и возникает корпоративный конфликт. Иными словами, корпоративный конфликт — это противоречие между отдельными структурными единицами тем или иным образом формализованного объединения (в том числе и организации, не имеющей статуса юридического лица), угрожающее целостности, функционированию или самому существованию такого объединения [6, с. 111]. Теоретически преодоление любого конфликта предполагает три возможности: урегулирование, т.е. пересмотр и уточнение направленности интересов сторон и изменение их позиций в конфликте путем взаимных уступок; «снятие» конфликта, т.е. изменение самой системы отношений, переход ее на новый уровень; разрушение системы. Соответственно выкуп акций можно рассматривать как разрешение корпоративного конфликта путем изменения корпоративных отношений в части их субъектного состава. Иными словами, рассматриваемый институт призван разрешить коллизию между интересами миноритарных акционеров, которые утратили интерес к инвестированию в данное общество, и интересами крупных держателей акций и самим обществом. Не случайно данный принудительный выкуп акций рассматривается в европейской традиции в рамках института слияний и поглощений компаний [7].

В Российской Федерации законодателем установлено несколько пороговых значений размера пакета акций публичных акционерных обществ, принадлежащего одному лицу (либо совместно с аффилированными лицами), определяющих условия выкупа акций, круг управомоченных лиц и порядок определения условий такой сделки. В частности, различается правовой режим предложений о выкупе акций лицом, которое намерено приобрести 30 % и более акций; лицом, которое уже приобрело 30 % и более; лицом, которое стало владельцем 95 % акций. В первом случае в соответствии с законом «Об акционерных обществах» субъект вправе направить добровольное предложение о приобретении акций, в котором определяет вид, количество и цену приобретаемых акций. С точки зрения сущности гражданского оборота данная ситуация не выходит за

пределы общеправового режима. Акционеры, к которым обращено предложение, совершенно свободны в решении о его принятии, точно также свободен и покупатель. Однако выкуп запланированного акционерного пакета приведет к значительному перераспределению возможностей по корпоративному контролю, что учтено законодателем путем возложения на покупателя обязанности в течение 35 дней с момента внесения соответствующей приходной записи по лицевому счету (счету депо) направить владельцам остальных акций соответствующих категорий предложение о покупке. При этом в содержании обязательного предложения могут (но не должны) указываться планы покупателя относительно общества и его работников. Таким образом, уже на этом этапе концентрации капитала мелкие инвесторы могут осознанно принять решение о сохранении или отказе от членства в акционерном обществе.

В соответствии с Законом Республики Казахстан «Об акционерных обществах» установлен порядок, сходный описанному. Введение такого института вполне отвечает требованиям тринадцатой Директивы ЕС 2004/25/ЕС о приобретении контролирующего участия, в соответствии с которой с целью защиты прав миноритарных акционеров устанавливается, что при приобретении контролирующего участия в компании соответствующее лицо должно внести предложение (соответственно добровольное или обязательное) о покупке акций публичных компаний по справедливой цене.

В качестве гарантий прав миноритарных акционеров Директива закрепляет ряд правил, которые могут быть расширены или изменены в национальных законодательствах. Интересно в этой связи провести сопоставление с соответствующими положениями законодательств России и Казахстана. Так, к числу таких гарантий относятся: 1) установление справедливой цены покупки путем закрепления порядка ее расчета (Россия — средневзвешенная цена или рыночная стоимость, определенная оценщиком; Казахстан — рыночная стоимость, определенная оценщиком с учетом закрепленных в законе факторов); 2) информационная открытость (Россия — направление публичной оферты в общество с обязанностью известить Центральный банк; Казахстан — опубликование предложения в СМИ, в том числе на корпоративном веб-сайте); 3) регламентация сроков на принятие заявки (30 дней — в Казахстане; от 70 до 80 дней — в России); 4) организация контроля со стороны уполномоченного государственного органа (согласование условий выкупа с банком России; в Казахстане специальные правила отсутствуют, но компенсируются правом на обращение в суд с заявлением о понуждении приобретения акций на условиях предложения); 5) ограничение права на управление (запрет голосовать акциями, превышающими 30 % до реализации обязательного предложения (за некоторыми законодательно установленными исключениями) — в России; обязанность при несоблюдении установленного порядка выкупа акций — произвести отчуждение части акций, превышающих 29 % — в Казахстане); 6) компенсация убытков (установлено в Казахстане; в России отсутствует, но компенсируется требованием об обязательной банковской гарантии); 7) действия организационно-запретительного характера со стороны самого общества (в России — оценка предложения и разработка рекомендаций акционерам, желающим продать свои акции, установление особого порядка совершения некоторых сделок на период рассмотрения и реализации предложения; в Казахстане отсутствует). Таким образом, содержание рассматриваемого института, по крайней мере формально, в Российской Федерации и Республике Казахстан вполне соответствует нормативной практике Европейского союза.

В Республике Беларусь комплексное регулирование выкупа акций мажоритарным акционером отсутствует. Имеются отдельные нормы, которые по мысли законодателя должны выполнить обеспечительную функцию. В частности, Законом «О рынке ценных бумаг» (ст. 58) закреплена информационная обязанность лица, приобретающего значимые пакеты акций одного эмитента. Причем раскрывать информацию необходимо о сделках, в результате которых у данного лица окажется 5 %, 10, 15 и т.д. акций одного

эмитента. Процедура раскрытия информации предполагает уведомление эмитента этих акций, государственного органа, осуществляющего регулирование на рынке ценных бумаг, организаторов торгов, допустивших эти акции к торгам. А если приобретаемый пакет акций составляет 50 % и более, то раскрытию подлежат персональные данные о покупателе. Обращает на себя внимание, что белорусский законодатель, в отличие от российского и казахстанского не определяет, какие конкретно данные должны содержаться в уведомлении о покупке значимого пакета акций. Содержание информационного сообщения уточняется соответствующим государственным органом, а перечень адресатов позволяет заключить, что информирование осуществляется прежде всего с целью административного контроля, ибо какая-либо обязанность у приобретателя таких пакетов акций по отношению к иным акционерам отсутствует.

Дополнительные обязанности налагаются белорусским Законом «О рынке ценных бумаг» на лицо, желающее приобрести 50 % и более акций (при этом, правда, не устанавливается каких, ибо, например, режим привилегированных кумулятивных акций в Российской Федерации, как не дающих права голоса, не предусматривает соблюдения специального порядка их покупки). В частности, в этом случае информацию о покупке следует разместить и на едином информационном ресурсе рынка ценных бумаг, а также опубликовать в СМИ. Цена такой сделки будет определяться как наибольшая исходя из максимальной цены, уплаченной заинтересованным лицом за простые акции этого эмитента в течение шести месяцев, предшествующих раскрытию информации, или средневзвешенной цены, определяемой за каждый из шести предшествующих месяцев, рассчитанной по результатам торгов на фондовой бирже.

Такую лаконичность в нормативном подходе можно объяснить закреплением в качестве единственно возможной (за небольшим исключением) формы обращения акций открытого акционерного общества — организованного рынка. В силу указанного требования все сделки с ценными бумагами осуществляются в условиях многоуровневого контроля: государственного, биржевого, общественного в лице самоуправляемых организаций. При этом государством обеспечивается защита прав инвесторов как участников рынка ценных бумаг (права на ценную бумагу), но игнорируются права мелких акционеров в корпоративных отношениях.

Безусловно, получив информацию о концентрации капитала, такой акционер может выставить на продажу принадлежащие ему акции, но, во-первых, это будет сделано на «общих основаниях» (с обращением к профессиональному участнику рынка ценных бумаг и оплатой его услуг), а во-вторых, в условиях возможного массового предложения акций этого эмитента другими мелкими держателями, что приведет к падению биржевой цены. Кроме того, белорусским законодателем не учтена возможность консолидации акций у аффилированных с данным покупателем лиц, что дает возможность приобрести двумя лицами, предположим, в совокупности 98 % акций, обойдя установленные императивные требования относительно ценообразования на пакет от 50 %. При этом нужно иметь в виду, во время продажи акций мажоритарным акционером могут быть инициированы и реализованы значимые корпоративные решения: о совершении крупных сделок, о реорганизации и т.д. В последнем случае белорусский законодатель в качестве средства разрешения корпоративного конфликта предусматривает выкуп акций обществом по требованию акционера. Иными словами, белорусский законодатель вводит механизм защиты от последствий утраты корпоративного контроля, отказываясь от возможности принятия превентивных акций. Закреплен такой механизм и в России, и в Казахстане.

В законодательстве трех рассматриваемых государств в качестве оснований для предъявления требования акционера о выкупе обществом принадлежащих ему акций закрепляется факт принятия решений общим собранием по вопросу реорганизации, совершения крупной сделки, внесения изменений в устав, ограничивающих права дан-

ных акционеров. Однако в Российской Федерации и Казахстане помимо указанных причин заявления подобного требования относится решение о листинге (делистинге) акций общества, а в России дополнительно аналогичное значение имеют и решения об отказе от статуса публичного общества; о делистинге ценных бумаг, конвертируемых в акции этого общества (ст. 48 ФЗ «Об акционерных обществах»); а акционеры, владельцы привилегированных акций непубличного акционерного общества, предоставляющих право голоса в соответствии с уставом — в случае внесения изменений в устав (ст. 75).

Таким образом, в данном случае сравнение снова не в пользу Республики Беларусь. И если относительно решений о листинге (делистинге) можно указать, что акции открытых акционерных обществ подлежат обязательному обращению на биржевом рынке и, следовательно, вопрос об их допуске к биржевым торгам находится вне пределов компетенции общества, то проблема изменения видовой характеристики общества актуальна и для Беларуси. В действующем белорусском законодательстве отсутствует деление акционерных обществ на публичные и непубличные, но с определенной долей огрубления отечественную классификацию на открытые и закрытые акционерные общества можно признать его аналогом. Квалификация акта смены статуса открытого акционерного общества на закрытое и наоборот вызывает вопрос. В соответствии с ч. 4 ст. 89 Закона «О хозяйственных обществах» к реорганизации буквально отнесены преобразования акционерного общества в общество с ограниченной ответственностью, общество с дополнительной ответственностью, хозяйственное товарищество, производственный кооператив или унитарное предприятие. Аналогичная норма содержится и в Гражданском кодексе Беларуси (ст. 104). Однако далее говорится, что при реорганизации акционерного общества в форме преобразования в иной вид акционерного общества его акции аннулируются. Кроме того, ст. 65 Гражданского кодекса Республики Беларусь допускает преобразование хозяйственных обществ и товариществ не только в другую форму, но и вид. С учетом последних положений можно признать изменение вида акционерного общества формой реорганизации и сделать вывод о возможности требования выкупа акций обществом и в такой ситуации. Хотя надо признать этот вывод неочевидным и требующим при реализации расширительного толкования. Полагаем, что законодателю следовало бы более однозначно выразить свою позицию.

Проведенный анализ позволяет заключить, что законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан при наличии некоторых незначительных отличий развиваются параллельно, являются сопоставимыми и соответствуют общеевропейским подходам к регулированию права выкупа акций в условиях консолидации капитала. Республика Беларусь в этом аспекте отличается отсутствием комплексности правового регулирования, распыленностью норм по различным нормативным правовым актам и преобладанием административно-публичных механизмов в защите прав акционеров.

Институт выкупа акций мажоритарным акционером можно рассматривать и как экономический механизм концентрации капитала и решения проблемы повышения эффективности управления акционерным обществом. С другой стороны, наличие специальных гарантий, сопровождающих порядок его реализации, позволяет квалифицировать его как специальный способ обеспечения корпоративных прав миноритарных акционеров, выполняющий функцию превенции нарушения права на корпоративный контроль.

Источники

1. Анохин, В. Теория и практика применения гражданско-правовых способов защиты прав акционеров / В. Анохин, Е. Асташкина // Хоз-во и право. — 2003. — № 8. — С. 54–70.
Anokhin, V. Theory and practice of application of civil law ways to protect the rights of shareholders / V. Anokhin, E. N. Astashkina // Economy and law. — 2003. — № 8. — P. 54–70.
2. Долинская, В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции : монография / В. В. Долинская — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 736 с.

Dolinskaya, V. V. Company law: the fundamentals and trends : monograph / V. V. Dolinskaya. — Moscow : Wolters Kluwer, 2006. — 736 p.

3. *Гомця, С. В.* Приобретение крупных пакетов акций открытых акционерных обществ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. В. Гомця. — М., 2009. — 29 с.

Gomtsyan, S. V. Acquisition of large blocks of shares of open joint stock companies : thesis abstr. ... of candidate of legal sciences : 12.00.03 / S. V. Gomtsyan. — Moscow, 2009. — 29 p.

4. *Забитов, К. С.* Гражданско-правовое регулирование принудительного выкупа ценных бумаг миноритарных акционеров по требованию контролирующего акционера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / К. С. Забитов. — М., 2012. — 28 с.

Zabito, R. S. Legal regulation of compulsory purchase of securities of minority shareholders at the request of the controlling shareholder : thesis abstr. ... of candidate of legal sciences : 12.00.03 / S. V. Gomtsyan. — Moscow, 2012. — 28 p.

5. *Козыревская, Л. А.* Альтернативные способы урегулирования корпоративных конфликтов: теоретико-методологическая оценка / Л. А. Козыревская // Науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2017. — Вып. 10. — С. 509–516.

Kozyrevskaya, L. A. Alternative methods of settlement of corporate conflicts: theoretical and methodological assessment / L. A. Kozyrevskaya // Sci. works / Belarus State Econ. Univ. — Minsk, 2017. — Iss. 10. — P. 509–516.

6. *Козыревская, Л. А.* Медиабельность корпоративных конфликтов / Л. А. Козыревская // Перспективное развитие института медиации в праве Республики Беларусь / Т. С. Таранова [и др.] ; под ред. проф. Т. С. Тарановой. — Минск : РИВШ, 2017. — С. 100–117.

Kozyrevskaya, L. A. Mediability corporate conflicts / L. A. Kozyrevskaya // Long-term development of mediation in the law of the Republic of Belarus / T. S. Taranova [et al.] ; edited by prof. T. S. Taranova. — Minsk : RIHS, 2017. — P. 100–117.

7. Directive/25/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on takeover [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: http://ec.europa.eu/internal_market/company/docs/takeoverbids/COM_2012_347_en.pdf. — Date of access: 15.03.2016.

Статья поступила в редакцию 26.12.2018 г.

УДК 159.9:340; 347; 343.9

G. Mukhin
BSEU (Minsk)

ON THE SUBJECT AND SYSTEM OF JURIDICAL PSYCHOLOGY

The problems of the subject and the system of juridical psychology are considered. In the system of juridical psychology there are sections that have a remote relation to the subject of the studied science. The inaccurate establishment of sections of this science leads to inaccuracy in the determination of its subject matter.

It is noted that its system-forming sections are criminal and forensic psychology. The definition of the subject of juridical psychology requires an exact definition of its system and the group of patterns that make up its subject matter.

Keywords: subject and system of juridical psychology; forensic psychology; criminal psychology; personality and behavior of the offender; juridical activity; differentiation of subject areas of research.

Г. Н. Мухин
доктор юридических наук, профессор
БГЭУ (Минск)

О ПРЕДМЕТЕ И СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Рассматриваются дискуссионные вопросы предмета и системы юридической психологии. В системе юридической психологии есть разделы, которые имеют отдаленное отношение к пред-

мету исследуемой науки. Неточное установление разделов этой науки ведет к неточности определения ее предмета.

Отмечается, что ее системообразующими разделами являются криминальная и судебная психология. Определение предмета юридической психологии требует точного установления ее системы и группы закономерностей, которые составляют ее предмет.

Ключевые слова: предмет и система юридической психологии; судебная психология; криминальная психология; личность и поведение правонарушителя; юридическая деятельность; разграничение предметных областей исследований.

Разнообразие и неконкретность определений предмета и системы юридической психологии привели к неточному установлению того, что изучается именно этой наукой, образует ее предметную область и систему входящих в нее разделов. Более точному определению предмета и установлению системы юридической психологии, ее места среди специальных юридических дисциплин посвящена эта статья.

В одной из книг читаем, что юридическая психология является прикладной отраслью психологии и изучает закономерности и механизмы психики людей, включенных в сферу отношений, регулируемых правом [1, с. 215]. В другой находим следующее определение: «юридическая психология: научно-практическая дисциплина, которая изучает психологические закономерности системы «человек — право», разрабатывает рекомендации, направленные на повышение эффективности этой системы» [2, с. 12]. Положительным является то, что речь идет о психических закономерностях, сама юридическая психология определена как отрасль психологии, однако нетрудно заметить и некоторую неконкретность этих определений.

В соответствующем паспорте специальности юридическая психология определена как наука, изучающая психические явления, присущие субъектам юридически значимого поведения, правового взаимодействия, правоохранительной и иной юридической деятельности, разрабатывающая рекомендации по психологической оптимизации этой деятельности и взаимодействия, обеспечения правопорядка и функционирования всех составляющих правовой системы. Кроме того, указано, что юридическая психология изучает психологию отношений, складывающихся в правоохранительной, правоприменительной, исполнительной и законотворческой деятельности, взаимоотношениях участников уголовных и гражданских дел [3, с. 367–376]. Очевидно, что и эти определения не дают возможности выявить те закономерности, которые являются предметом исследования именно этой, а не какой-либо другой области знаний, причем сама область не позволяет интегрировать перечисленные направления в рамках единой науки.

В книге, где дан обзор существующих точек зрения на предмет юридической психологии, указано следующее:

- в психологии наблюдается смешивание объекта и предмета познания и науки, употребление этих терминов как синонимов;
- предмет самой психологии определяется через закономерности и механизмы психической деятельности людей; основные учебники психологии трактуют предмет психологии как закономерности и механизмы психики;
- при определении предмета юридической психологии необходимо учитывать и предмет юриспруденции;
- предмет юридической психологии — психические явления, механизмы, закономерности, связанные с возникновением, изменением, исполнением, нарушением и применением права, а предмет судебной психологии — психические явления, связанные с участием в уголовном производстве, закономерности человеческой психики (А.Р. Ратинов);
- предметом любой науки всегда является изучение закономерностей; предметом психологии — закономерности возникновения, развития и проявления психологических явлений, закономерности формирования психических свойств человека; прикладные отрасли психологии, в том числе и юридическая психология, конкретизируют и уг-

лубляют общие закономерности психологической науки применительно к отдельным видам деятельности человека; предметом судебной психологии — особенности развития и проявления психических закономерностей, связанных с процессом деятельности по осуществлению правосудия (А.В. Дулов);

- предмет юридической психологии — психические закономерности деятельности и личности человека в области правовых отношений; психологические основы личности и деятельности в условиях правового регулирования (В.Л. Васильев);

- два подхода были объединены в рамках юридической психологии: деятельностный, московской школой психологии, и личностный, принятый в ленинградской школе, но к середине 1980-х гг. основным стал системный подход;

- вся сферы права так или иначе связаны с психологией, так как невозможно бороться с преступлениями, не считаясь с психологическими факторами; любой закон живет и действует лишь тогда, когда люди его понимают, хотят и могут выполнить; юридическая психология — пограничная область науки, она должна в юридической части понимать предмет так, как понимает свой предмет юридическая наука, а в психологической части так, как понимает свой предмет психологическая наука (А.М. Столяренко);

- предмет юридической психологии — это не сумма предметов психологии и юриспруденции, в которой нельзя механически отделить психологическое от юридического, а возможно лишь выделение психологической и юридической подсистем, находящихся в движении, развитии, непрерывной связи [4, с. 9–13].

Из анализа приведенных мнений становится ясно, что конкретное определение предмета юридической психологии во многом зависит от того, насколько точно исследователь представляет себе тот факт, что предметом любой науки становятся лишь те закономерности, которые образуют предмет этой, а не какой-либо другой области знаний. Это неудивительно, потому что в системе юридической психологии есть разделы, которые носят явно надуманный характер и имеют весьма отдаленное отношение к предмету исследуемой науки. Это такие разделы, как психологические предпосылки проведения реформ, манипулирование как альтернатива созиданию, психология кризиса, психологические предпосылки успешного предпринимательства [2, с. 142–160].

Как видим, попытки определить предмет юридической психологии закономерно сталкиваются с точным установлением ее системы и группы закономерностей, которые изучаются именно этой наукой, а не какой-нибудь другой и составляют ее предмет. Неточное установление разделов этой науки ведет к неточности определения ее предмета, так как неоправданное расширение направлений исследования юридической психологии связано с размыванием ее предмета. Таким образом, изучение направлений использования психологии в юриспруденции не является основанием для определения самостоятельных отраслей в юридической психологии.

Например, включение в учебные курсы юридической психологии таких тем, как психологические аспекты гражданско-правового регулирования, гражданское право и формирование рыночной психологии, психологические предпосылки проведения реформ, психологические аспекты успешного предпринимательства скорее образуют предмет исследований гражданского права, а не юридической психологии. Еще более сложным представляется разграничение предметных областей исследования юридической психологии и криминалистики. Так, например, ясно, что использование психологии для раскрытия и расследования преступлений образует предмет исследования криминалистики, а не юридической психологии. Еще более осложняет дело то, что такие темы, как моделирование личности неустановленного преступника, психологические приемы проведения следственных действий и некоторые иные, составляют предмет и криминалистики, и юридической психологии.

Можно предположить, что это относится прежде всего к криминальной и судебной психологии, которые следует признать системообразующими, т.е. основными разделами.

Весьма интересен в этом плане исторический подход, который показывает факт появления юридической психологии и криминалистики практически в одно время. Так, с небольшим интервалом были изданы такие работы Ганса Гросса, как «Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции» (1892), «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» (1898), «Криминальная психология» (1898). Именно эти труды стали значительным вкладом в возникновение криминалистики и юридической психологии, совпадение познаваемых закономерностей и целей их познания.

Интересно, что именно Г. Гросс впервые определил судебную психологию как прикладную отрасль психологии и совокупность психологических знаний, которые могут быть нужны криминалисту. В это же время издаются публикации по криминальной психологии и психологии свидетельских показаний, что важно для определения системы юридической психологии и основных ее разделов, к которым относятся криминальная и судебная психология. Определив криминалистику как науку, которая должна изучать кроме вещественных доказательств еще и поступки, характер, психологические особенности, привычки, способы деятельности лиц, участвующих в уголовном процессе, было отмечено, что в этом определении отчетливо видна необходимость изучения не только следов, но и личности преступника, закономерностей человеческой психики. Между психикой преступника и следами преступления существует неразрывная связь. Эти данные используются для раскрытия преступлений.

В работе «Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции» приводятся две разновидности методики расследования преступлений. В одной из них используются психологические методы, применение которых ориентировано на личность преступника, утверждается, что необходимым условием является точное знание человека, подробное изучение лица, совершившего преступление, использование результатов исследования в области психофизиологии и экспериментальной психологии.

Итак, почти одновременное появление упомянутых работ по юридической психологии и криминалистике обозначили и близость решаемых ими задач, хотя предметы обеих наук разные. Криминалистика призвана изучать три группы закономерностей — как совершается преступление (механизм преступления), как образуются следы этого преступления (отражение преступления в окружающей среде), как раскрываются преступления (движение в обратную сторону — от преступления к преступнику). С закономерностями юридической психологии дело обстоит сложнее и не так понятно. Это психические закономерности личности и ее деятельности в условиях отношений, урегулированных правом, причем неопределенность этих закономерностей и разделов юридической психологии приводит к размыванию предмета самой науки. Так, например, хорошо известна связь между проявлениями психических свойств личности и совокупностью материальных и идеальных следов преступления, которые могут быть применены в раскрытии преступлений.

Еще раз подчеркнем, что криминальная и судебная психология являются системообразующими отраслями психологии юридической, а ее система зависит от специфики того вуза, где это наука преподается. Кроме того, следует помнить о роли специальных юридических дисциплин, которая заключается в том, что эти дисциплины нацелены на подготовку специалиста в области раскрытия преступлений и формирования у него соответствующего стиля мышления. Поэтому предмет и содержание специальных юридических дисциплин, в том числе и юридической психологии, отличается системой и дидактикой в зависимости от преподавания в юридическом или ином вузе.

Все изложенное выше позволяет определить судебную психологию как науку о психологических закономерностях механизма совершения преступления, личности преступника, отражения криминального события в окружающей среде, деятельности субъектов судебного исследования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах расследования преступлений.

Это определение четко выделяет закономерности, образующие предмет именно судебной психологии, а не иной области знаний. Остается выяснить, какие же еще отрасли включает юридическая психология. Причем эти отрасли должны удовлетворять самому главному требованию — не размывать предмет этой науки. Вместе с судебной психологией, которая, как мы уже выяснили, является системообразующей отраслью, о целостной системе юридической психологии позволяют говорить и такие отрасли, как криминальная психология (психология личности преступника и преступного поведения), оперативно-розыскная психология, криминалистическая психология, пенитенциарная психология, а также отдельные разделы, посвященные определенным видам деятельности в области правовой психологии.

Особенности личности и поведения правонарушителя и судебная психология составляют основные разделы юридической психологии. Сама же юридическая психология может быть определена как наука о психологических особенностях личности и поведения правонарушителя и особенностях юридической деятельности тех, кто противостоит этим нарушениям, социально значимого поведения людей в сфере отношений, регулируемых правом. Подчеркнем еще раз, что включение в систему юридической психологии несистемообразующих разделов делает ее структуру расплывчатой и не позволяющей говорить о самостоятельном предмете этой науки, образующем область познания именно этой, а не какой-либо иной науки.

Следует упомянуть и о таких понятиях, как юридические акмеология и деонтология, которые включены в паспорт соответствующей специальности и означают следующее. Объект акмеологии — профессиональная деятельность юриста, предмет — факторы его профессионального мастерства. Кроме того, юридическая акмеология способствует развитию системы профессиональной подготовки юристов, повышению уровня их профессионализма. Психологически эти задачи решаются через формирование у специалистов системы профессиональных установок, служат совершенствованию системы юридического образования. Юридическая деонтология представляет собой отрасль юридической науки и является системой знаний о кодексе профессионального поведения юриста. Это наука об эффективном общении юриста с коллегами и с теми, кому он предоставляет свои услуги в процессе реализации своего правового статуса специалиста-профессионала [5]. Деонтология является также результатом обобщения системы знаний об искусстве общения и принятии правильного решения в юридической практике. Как видим, упомянутые разделы схожи и приводят к мысли о таком разделе юридической психологии, который и сосредотачивает конкретные психологические требования к деятельности юриста.

Все отмеченное выше позволяет сделать выводы и предложения, относящиеся к предмету и системе юридической психологии:

- предмет юридической психологии — это закономерности, которые образуют предмет этой, а не какой-либо другой области знаний; это не учитывается, когда в систему юридической психологии включаются разделы, которые имеют весьма отдаленное отношение к предмету исследуемой науки;
- определение предмета юридической психологии требует точного установления ее системы и группы закономерностей, которые составляют ее предмет; неточное установление разделов этой науки ведет к неточности определения ее предмета;
- проблемным является разграничение предметных областей исследований юридической психологии, криминалистики и гражданского права, так как есть темы, которые образуют предметы всех названных наук;
- психологические методы, ориентированные на личность правонарушителя, точное знание его психики и поведения, подробное изучение лица, совершившего преступление, использование результатов исследования в области психофизиологии и экспериментальной психологии, — все это составляет предмет юридической психологии;

- разделы, связанные с личностью и поведением правонарушителя, а также психологические особенности юридической деятельности тех, кто противостоит этим нарушениям, составляют системообразующие разделы юридической психологии, поэтому основными ее разделами следует признать темы криминальной и судебной психологии;
- судебная психология изучает психологические закономерности механизма совершения преступления, личности преступника, отражения психических особенностей и криминального события в окружающей среде, деятельности субъектов судебного исследования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средств и методах расследования преступлений; юридическая психология изучает психологические закономерности личности и социально значимого поведения людей в сфере отношений, регулируемых правом;
- юридическая психология — это наука о психологических закономерностях особенностях личности и поведения правонарушителя, особенностях юридической деятельности тех, кто противостоит этим нарушениям и социально значимого поведения людей в сфере отношений, регулируемых правом.

Источники

1. Еникеев, М. И. Основы общей и юридической психологии : учеб. для вузов / М. И. Еникеев. — М. : Юрист, 1996. — 631 с.
Enikeev, M. I. Fundamentals of general and juridical psychology : a textbook for universities / M. I. Enikeev. — Moscow : Lawyer, 1996. — 631 p.
2. Васильев, В. Л. Юридическая психология : учеб. для вузов / В. Л. Васильев. — СПб. : Питер, 2001. — 640 с.
Vasiliev, V. L. Juridical psychology : a textbook for univ. / V. L. Vasiliev. — St Petersburg : Peter, 2001. — 640 p.
3. Мухин, Г. Н. О системе специальных юридических дисциплин / Г. Н. Мухин, Д. В. Исютин-Федотков // Библиотека криминалиста : науч. журн. — 2016. — № 3 (26). — С. 367–376.
Mukhin, G. N. On the system of special juridical disciplines / G. N. Mukhin, D. V. Isyutin-Fedotkov // Library of the criminalist : a sci. j. — 2016. — № 3 (26). — P. 367–376.
4. Чуфаровский, Ю. В. Юридическая психология : учеб. пособие / Ю. В. Чуфаровский. — М. : Право и Закон, 1997. — 320 с.
Chufarovskiy, Yu. V. Juridical psychology : textbook / Yu. V. Chufarovskiy. — Moscow : Right and Law, 1997. — 320 p.
5. Скакун, О. Ф. Юридическая деонтология : учебник / О. Ф. Скакун, Н. И. Овчаренко. — Харьков : Основа, 1999. — 304 с.
Skakun, O. F. Juridical deontology : textbook / O. F. Skakun, N. I. Ovcharenko. — Kharkov : Osnova, 1999. — 304 p.

Статья поступила в редакцию 06.12.2018 г.

УДК 347.19(412)

D. Petrochenkov
BSEU (Minsk)

ENTERPRISE AS A SUBJECT OF LAW

This article focuses on research on scientific approaches, legislative and enforcement practices that allow the enterprise to be regarded as a subject of law.

Keywords: *enterprise; property; complex; property complex; property rights; civil law; object; the object of law; the subject; subject of law.*

Д. В. Петроченко
кандидат юридических наук
БГЭУ (Минск)

ПРЕДПРИЯТИЕ КАК СУБЪЕКТ ПРАВА

Настоящая статья посвящена вопросам исследования научных подходов, законотворческой и правоприменительной практики, позволяющих рассматривать предприятие как субъект права.

Ключевые слова: предприятие; имущество; комплекс; имущественный комплекс; имущественные права; гражданское право; объект; объект права; субъект; субъект права.

При выработке концептуальных моделей юридических абстракций правовая наука как деятельность по производству и трансляции нового знания обязана своим становлением в большей мере критико-рефлексивному моменту. По своей сути концептуальные образования (юридические абстракции, правовые модели), имеющие четкие содержательные формы и выступающие в качестве предмета познания, в этом случае как бы подвергаются «размягчению», критическому разъятию на составляющие элементы [1, с. 10] и анализу с учетом нового уровня информационной насыщенности юридической науки. Именно поэтому появление различных подходов к определению правового понятия «предприятие» есть во многом результат рефлексии юристов, основанием для которой послужили сложности правоприменительной практики и анализ происходящих общественных процессов. Для правового исследования такого сложного явления, как предприятие, — это одновременно и результат выхода за пределы концептуальной системы, и средство этого выхода.

Изучение и оценка подходов показали, что предлагаемые модели правовой конструкции предприятия как субъекта права имеют в своей основе в качестве родового, выражающего суть предприятия, личный признак. С точки зрения субъектно-объектных отношений в праве в качестве основной научной парадигмы данных подходов предлагается идея рассмотрения предприятия как самостоятельного участника гражданских правоотношений. Иными словами, основная правовая сущность предприятия заключена в его характерных чертах (существенных признаках) как субъекта права: правосубъектности, автономии воли, отношении к нему со стороны правопорядка. Функциональный и имущественный признаки предприятия рассматриваются в качестве видовых (дополнительных, атрибутивных) признаков.

Личный признак предприятия как персоны в гражданском праве формируется благодаря тому, что индивиды как субъекты права в результате эманации своих правовых качеств передают их часть объединяющей их социальной ячейке (структуре) предприятия. Благодаря координации данных правовых качеств у предприятия формируется организационное начало, или так называемый признак организационного единства. Однако поскольку данный признак в гражданском праве принадлежит в качестве основного также юридическому лицу, то возникла ситуация, в которой существуют два сравнимых и совместимых понятия, обозначающих организационно выделенного субъекта (предполагается, что их объем и содержание полностью или частично совпадают).

Таким образом, как у предприятия, так и у юридического лица присутствуют организационные, структурные, имущественные и функциональные характеристики как субъекта права, а также имеются установленные, признанные правила и повторяющиеся варианты поведения. Научные подходы, учитывающие данный формально-логический посыл, при формировании понятия «предприятие» как субъекта в своей основе опирались на сопоставление понятий «предприятие» и «юридическое лицо».

Вместе с тем необходимо отметить, что некоторые авторы рассматривают понятие «юридическое лицо» как имеющее общеправовое значение и охватывающее всех

субъектов права, не являющихся физическими лицами. Так, С.И. Архипов отмечает: «Форма юридического лица имеет межотраслевое значение, общеправовую ценность, ее использование нельзя ограничить целями имущественного оборота, недопустимо применить к ней принудительные шаблоны» [1, с. 12]. Он предлагает распространить данную конструкцию и на государство. Аналогична точка зрения И.П. Грешникова, утверждающего, что «институт юридического лица имеет общеправовое, межотраслевое — практическое — значение для всех отношений с участием организаций» [2, с. 147]. В трактовках Д.И. Меера, С.А. Зинченко и некоторых других ученых понятие «юридическое лицо» имеет также общеправовое значение.

Указанные ученые считают, что общеправовое понятие «юридическое лицо» имеет более широкие проявления, а также является общим по отношению как к понятию «предприятие» (в случаях признания его субъектом), так и понятию «юридическое лицо» в гражданском праве. Данная точка зрения представляет интерес своей методологической основой в части системного взгляда на юридическое лицо и предприятие как гражданско-правовые понятия.

При разработке юридических конструкций гражданского права часть ученых основой своих научных изысканий избрала концепцию формирования понятия «предприятие» как одного из видов юридического лица. К ее сторонникам можно отнести С.И. Аскназия, С.Н. Ландкофа, Ю.К. Толстого, В.П. Грибанова и др.

Необходимо отметить, что в своих суждениях данные ученые во главу угла ставили вопросы правосубъектности, автономии воли и признания действующим правом порядком организационного единства предприятия. Анализ личного признака предприятия ими осуществляется в разрезе трех основных компонентов: собственника имущества, переданного предприятию (учредителя); руководителя предприятия (директора, администрации); его трудового коллектива (работников).

С.И. Аскназий и его сторонники считали, что собственник имущества (учредитель) закладывает основу формирования правосубъектности предприятия. Теория С.И. Аскназия базировалась на том основном положении, что за каждым государственным предприятием (юридическим лицом) стоит собственник (в то время государство выступает «как всенародный организованный коллектив») [3]. Основным субъектом, формирующим волю предприятия, является собственник, взятый «не в единстве всех своих функций». Благодаря предприятию (юридическому лицу), он индивидуализируется «тем участком хозяйственных отношений, на котором должна быть развернута работа» [4, с. 20–21, 33]. С.И. Аскназий отмечает, что ни коллектив работников, ни директор не имеют «никаких особых правомочий ни на имущество этого предприятия, ни на формирование его воли» [4, с. 38]. По мнению Е.Б. Хохлова и В.В. Бородина «в этой концепции фактически нашла отражение идея Иеринга с тем лишь уточнением, что здесь дестинатором права выступает исключительно государство» [5, с. 157].

В данном случае, по нашему мнению, подходы схожи именно тем, что с позиции этих ученых за предприятием стоит государство (как собственник) и именно оно является основным участником гражданских правоотношений, а само предприятие имеет только опосредованное значение и служит для олицетворения одной из функций.

Сторонники теории государства и теории имущества цели (функции) фактически утверждают, что именно собственник имущества (в рассмотренных обстоятельствах — государство) формирует волю и распоряжается имуществом предприятия. Предоставление права оперативного управления — лишь функциональная необходимость, которая позволяет сторонникам этих теорий рассматривать предприятие как субъект права.

Необходимо отметить, что подтверждение некоторых суждений сторонников данных теорий мы наблюдаем в современной действительности на уровне государственных предприятий. Однако наряду с государством зарождается новый класс собственников, который выстраивает для осуществления своей деятельности сеть организаций, в том

числе с правом юридического лица. Ярким подтверждением тому служит практика создания частных транснациональных корпораций, холдингов.

Другая часть ученых считает ведущей роль руководителя предприятия («теория директора»). В наиболее развернутом и аргументированном виде она представлена в работах Ю.К. Толстого [6, с. 60–92], В.П. Грибанова. Согласно данной теории выразителем воли предприятия является его руководитель (директор, администрация). Он же в пределах, установленных законодательством и лицом, обладающим правом на предприятие, осуществляет правомочия по владению, пользованию и распоряжению выделенным в управление имуществом. Благодаря его действиям предприятие приобретает права и обязанности. Исходя из данных суждений авторами теории делается заключение о том, что за каждым предприятием стоят руководитель (лицо, управляющее предприятием) и собственник предоставленного предприятию имущества [6, с. 88]. Коллектив работников только выполняет волю руководителя в интересах собственника.

Таким образом, необходимо отметить, что в «теории директора» личный (персональный) признак предприятия как вида юридического лица представляют все те же элементы социальной структуры: собственник переданного предприятию имущества, руководитель предприятия, коллектив его работников. Однако единственным субъектом, управомоченным выступать от имени предприятия, по мнению сторонников данной теории является руководитель, поскольку его воля признается ими волей самого юридического лица.

Следующая теория — это «теория коллектива» А.В. Венедиктова. Она имеет своих сторонников (С.Н. Братусь, О.С. Иоффе) и развита в научных изысканиях последователей А.В. Венедиктова. Именно этой теории, по мнению О.С. Иоффе, «было суждено наряду с критическими соображениями встретить самую широкую поддержку в литературе, а затем и определенное законодательное признание» [3]. В связи со становлением предприятия как самостоятельного субъекта права А.В. Венедиктов отмечает: «Ставя в центр внимания всей работы по реконструкции промышленности завод и фабрику — с их основными проблемами производственного характера (себестоимость, качество продукции, рационализация производства и т.п.) — и вовлекая в дело улучшения производства рабочие массы, занятые в предприятиях, законодатель неизбежно должен был расширить пределы инициативы, предоставленной руководителям низовых производственных единиц» [7]. Трудовой коллектив наделяется правом участия в выработке решений и контроля, что позволяет по мнению данных ученых дать определение предприятия как организованной самостоятельной хозяйственной единицы с правами юридического лица, действующей на началах хозяйственного расчета в соответствии с плановыми заданиями собственника имущества.

Волю предприятия как юридического лица формируют и выражают в соответствии с данным подходом его администрация и коллектив работников. Именно они ежедневно принимают решения по внутреннему и внешнему перемещению имущества, производству и реализации продукции (работ, услуг), производимой предприятием, отчуждению или приобретению иного имущества. Фактически они определяют юридическую судьбу элементов, составляющих имущество предприятия, и благ, производимых им. Это действительно имеет место, в том числе и в наше время.

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 14 декабря 1990 г. «О предприятиях» (утратил силу в 2001 г.) «предприятием является самостоятельный хозяйствующий субъект, обладающий правами юридического лица, который на основе использования трудовым коллективом имущества производит и реализует продукцию, выполняет работы, оказывает услуги» [8]. Из данного определения видно, что формально коллектив работников утратил свою роль в формировании воли предприятия. Тем не менее в современном понимании объем их воли в части выделенных им для управления ресурсов вполне значителен.

Под сомнение может быть поставлено только то, что прав коллектива работников, администрации достаточно для определения цели деятельности предприятия и распоряжения им в целом. Формировать цели, задачи предприятия как организованного единства, определять юридическую судьбу предприятия как комплекса имущества и прав может только лицо, обладающее правом на него.

Однако данное ограничение в правах не мешает в целях адаптации механизма правового регулирования к требованиям экономической системы признать предприятие субъектом права и наделить его статусом юридического лица, выражающим свою волю в лице администрации и коллектива работников, в связи с чем, по нашему мнению, и были сформированы институты оперативного управления, хозяйственного ведения.

В настоящее время сложившаяся в условиях либерализации экономики практика показывает, что только там, где формируется первичная воля юридического лица, там, где определяются его цели и задачи, там и присутствует субъект гражданского права — организация с правами юридического лица. Предприятие является только одним из возможных направлений его деятельности, дел организации, обеспеченных необходимым имуществом и квалифицированной деятельностью работников, привлеченных на условиях найма. Роль воли администрации предприятия и работников в формировании воли юридического лица вторична, и поэтому не имеет определяющей самостоятельности и достаточного веса, следовательно, не является определяющим признаком.

В качестве примера можно привести решение хозяйственного суда г. Минска по делу № 40-11/03.21 от 17 февраля 2003 г. В соответствии с п. 22 постановления Пленума ВХС Республики Беларусь от 7 июня 2001 г. № 4 «Об отдельных вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением условий учредительства юридических лиц и законодательства о хозяйственных товариществах» [9] смена собственника имущества унитарного предприятия «А», несмотря на то что он не входит в состав предприятия, порождает обязанность по внесению изменений в свои учредительные документы и представлению их в установленном порядке для государственной регистрации [10]. Таким образом, реальным субъектом права в случае с реализацией предприятий все-таки является лицо, обладающее правом на предприятие.

Кроме того, как видно из решений судов, предприятие, не меняя своего внутреннего состава, может прекратить существование в качестве юридического лица и стать обособленным подразделением, утратив при этом способность участвовать в гражданском обороте как самостоятельный субъект. Так, можно привести пример из судебной практики — в определении хозяйственного суда Гомельской области от 12 марта 2001 г. указано, что «предприятие не обладает процессуальной правоспособностью» [11], так как по решению собственника оно было преобразовано из унитарного предприятия «В» в обособленное подразделение другого юридического лица. Ввиду изложенного оно не является самостоятельным субъектом права.

Таким образом, авторы данных теорий своими рассуждениями фактически подтверждают, а правоприменительная практика доказывает, что наличие самостоятельного интереса и формирование самостоятельной воли не является обязательным характерным признаком предприятия. Для придания социальному образованию предприятия формального статуса юридического лица достаточно признания его правосубъектности действующим порядком.

В связи с изменением подхода к определению предприятия в гражданском праве в последнее время формируется и новое его видение у ученых, занимающихся хозяйственно-правовыми и административно-правовыми исследованиями. В соответствии с ним предприятия «не обладают властными полномочиями и не являются субъектами управления» [1, с. 19]. Государство не участвует в формировании состава администрации негосударственного предприятия. Роль государства по отношению к этим предприятиям заключается в установлении административно-правового режима, который явля-

ется общим для всех предприятий независимо от их организационно-правовых форм, и контроля над соблюдением ими установленного режима.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что организация с правом юридического лица, основываясь на гражданско-правовом принципе формального равенства, благодаря своей правосубъектности, объем которой определяется в первую очередь действующим правопорядком, формирует предприятие как организацию [12]. Иными словами, социальная организация в составе предприятия обеспечивает деятельность организации с правами юридического лица в общей системе хозяйствования субъекта, опираясь на степени свободы юридического лица, его самостоятельную правосубъектность и автономии воли в гражданских правоотношениях.

Источники

1. *Архипов, С. И.* Субъект права (теоретическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С. И. Архипов. — Екатеринбург, 2005. — 46 с.
Arkhipov, S. I. Subject of law (theoretical study) : abstr. dis. ... dr jur. science : 12.00.01 / S. I. Arkhipov. — Yekaterinburg, 2005. — 46 p.
2. *Грешников, И. П.* Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве и законодательстве / И. П. Грешников. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. — 331 с.
Greshnikov, I. P. Subjects of Civil law: legal entity in law and legislation / I. P. Greshnikov. — St Petersburg : Legal centre Press, 2002. — 331 p.
3. *Иоффе, О. С.* Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» [Электронный ресурс] / О. С. Иоффе // КонсультантПлюс. Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». — М., 2018.
Ioffe, O. S. Selected works on civil law: from the history of civil science thought. Civil legal relationship. Criticism of the theory of «commercial law» [Electronic resource] / O. S. Ioffe // ConsultantPlus. Version of Prof. Technology 3000 / LLC «YurSpektr». — Moscow, 2018.
4. *Аскназий, С. И.* Об основаниях правовых отношений между государственными социалистическими организациями / С. И. Аскназий // Ученые зап. Ленинград. юрид. ин-та / Ленинград. юрид. ин-т. — Л. : Юриздат, 1947. — Вып. 4. — С. 18–38.
Asknazius, S. I. On the bases of legal relations between state socialist organizations / S. I. Asknazius // Sci. notes of Leningrad law inst. / Leningrad law inst. — Leningrad : Law publ., 1947. — Iss. 4. — P. 18–38.
5. *Бородин, В. В.* Понятие юридического лица: история и современная трактовка / В. В. Бородин, Е. Б. Хохлов // Государство и право. — 1993. — № 9. — С. 158–159.
Borodin, V. V. The concept of a legal entity: history and modern interpretation / V. V. Borodin, E. B. Khokhlov // State and law. — 1993. — № 9. — P. 158–159.
6. *Толстой, Ю. К.* Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР / Ю. К. Толстой. — Л. : ЛГУ, 1955. — 214 с.
Tolstoy, Yu. K. Content and civil-legal protection of property rights in the USSR / Yu. K. Tolstoy. — Leningrad : LSU, 1955. — 214.
7. *Венедиктов, А. В.* Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. [Электронный ресурс] / А. В. Венедиктов // Консультант Плюс. Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». — М., 2018.
Venediktov, A. V. Selected works on civil law : in 2 t. [Electronic resource] / A. V. Venediktov // ConsultantPlus. Version of Prof. Technology 3000 / LLC «YurSpektr». — Moscow, 2018.
8. О предприятиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 дек. 1990 г., № 462-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2006.
9. Об отдельных вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением условий учредительства юридических лиц и законодательства о хозяйственных товариществах [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 19 мая 2005 г., № 19 // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
10. Архив экономического суда г. Минска за 2003 г. — Дело № 40-11/03(21).

11. Обзор судебной практики. По определению хозяйственного суда Гомельской области, 12 марта 2001 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.

12. *Петроченко, Д. В.* Проблемы определения понятия «предприятие» / Д. В. Петроченко // Актуальные проблемы экономического развития Республики Беларусь и его правовое регулирование : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15–16 июня 2010 г. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: Г. Б. Шишко [и др.]. — Минск, 2010. — С. 149–151.

Petrochenkov, D. V. Problems of definition of «enterprise» / D. V. Petrochenkov // Topical problems of economic development of the Republic of Belarus and its legal regulation : materials of the intern. sci. and practical conf., Minsk, 15–16 June, 2010 / Belarus State Econ. Univ. ; editorial board: G. B. Shishko [et al.]. — Minsk, 2010. — P. 149–151.

Статья поступила в редакцию 17.12.2018 г.

УДК 340.134

N. Rudovich
BSEU (Minsk)

D. Egorov
The Academy of the MIA of the Republic of Belarus (Minsk)

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF ATOMIC ENERGY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article is devoted to the consideration of features of legal regulation of atomic energy in the Republic of Belarus and to analysis the main international treaties in the sphere of international legal regime of safe use of atomic energy. Suggests ways to improve the legislation of the Republic of Belarus in this sphere.

Keywords: atomic energy; safety; tort liability; radioactive materials; transboundary damage; nuclear incident; nuclear damage.

Н. И. Рудович
кандидат юридических наук
БГЭУ (Минск)

Д. А. Егоров
кандидат юридических наук
Академия МВД Республики Беларусь (Минск)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования атомной энергетики в Республике Беларусь, проводится анализ основных международных договоров в сфере международно-правового режима безопасного использования атомной энергии. Предлагаются пути дальнейшего совершенствования действующего законодательства Республики Беларусь в данной сфере деятельности.

Ключевые слова: атомная энергия; безопасность; деликтная ответственность; радиоактивные материалы; трансграничный ущерб; ядерный инцидент; ядерный ущерб.

Стабильное и гарантированное удовлетворение потребностей в энергоресурсах является одним из основных условий устойчивого функционирования современного государства и повышения качества жизни его граждан. Научно-технический прогресс при-

вел к появлению новых видов источников энергии, в частности ядерной энергии, что обусловило необходимость создания и дальнейшего развития правовых основ ее безопасного использования. По прогнозам Международного агентства по атомной энергии (далее — МАГАТЭ) к 2030 г. мощность ядерной энергетики при положительном сценарии возрастет на 70 % [1].

В целях развития атомной энергетики в Республике Беларусь принято решение о строительстве атомной электростанции, которая необходима прежде всего для покрытия существующего энергодефицита, а также для удешевления электроэнергии [2]. Данное обстоятельство обусловило принятие ряда нормативных правовых актов, предметом регулирования которых являются правоотношения, связанные с размещением, проектированием, сооружением, вводом в эксплуатацию и эксплуатацией ядерных установок, а также регулирующих иные правоотношения в области использования атомной энергии в мирных целях.

Вместе с тем необходимо отметить, что развитие в государстве ядерных технологий, несмотря на применение инновационных и передовых методов, создает риски специфического характера.

Во-первых, деятельность по использованию атомной энергии обладает повышенной опасностью по сравнению с другими видами деятельности. Так, при всех своих достоинствах ядерная энергетика чревата в случае аварий и инцидентов серьезными последствиями для жизни, здоровья и окружающей среды. Принятый 30 июля 2008 г. Закон Республики Беларусь «Об использовании атомной энергии» установил приоритет безопасности человека. Деятельность по использованию атомной энергии, которая не обеспечивает безопасность человека, подлежит запрету. В частности, решение о сооружении ядерной установки должно быть отменено в случае обнаружения факторов, которые влекут за собой снижение уровня безопасности данного объекта, загрязнение окружающей среды и т.п. [3].

Во-вторых, ядерные материалы и другие расщепляющиеся вещества активно применяются в формировании и усилении военного потенциала целого ряда государств, поэтому опасность «переключения» ядерных технологий и материалов на военные нужды требует от ядерных держав строгого контроля таких вопросов, как ядерное нераспространение, разоружение, незаконный оборот ядерных, радиоактивных материалов и т.д. Об этом в частности свидетельствуют нормы Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г., направленные на недопущение переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства (п. 1 ст. 3) [4].

В-третьих, полностью исключить возникновение ядерных инцидентов невозможно. Общее деликтное право, регулирующее вопросы ответственности за ядерный ущерб, не учитывает всей специфики ядерных рисков. Последствия ядерных инцидентов могут носить трансграничный характер, устранение которых (оперативно и надлежащим образом) возможно только исключительно на основе международных договоренностей, предусматривающих возмещение вреда в связи с ядерной деятельностью. Существенную роль в унификации правоотношений, связанных с использованием ядерной энергии, играют международные договоры, а также стандарты и рекомендации, выработанные в рамках таких международных организаций, как Международное агентство по атомной энергии, Международная комиссия по радиологической защите, Всемирная организация здравоохранения и др.

Механизм правового регулирования ответственности за ядерный ущерб обусловлен наличием общих и специальных положений, которые закреплены не только в национальном законодательстве, но и в международных договорах универсального и регионального характера, определяющих отдельные аспекты международного сотрудничества в ядерной сфере.

В этой связи значительный интерес вызывают международные договоры и законодательство Республики Беларусь, которые, с одной стороны, обеспечивают формирование национальных стандартов безопасности мирного использования атомной энергии, с другой — создают юридическую основу для разрешения и эффективного устранения негативных последствий, вызванных ядерным инцидентом.

Взаимосвязь и взаимообусловленность общественных отношений по нераспространению ядерного оружия и практическому использованию атомной энергии в мирных целях предопределяют комплексное рассмотрение международно-правовых стандартов в сфере безопасного использования атомной энергии. При этом важным представляется исследование международно-правовых стандартов, устанавливающих специальные требования к безопасному функционированию объектов атомной энергии и степени имплементации указанных требований в национальное законодательство.

Анализ международно-правовых стандартов в данной сфере деятельности позволяет классифицировать их на две группы:

- 1) международные договоры, содержащие обязательные для государств-участников требования к безопасности;
- 2) принимаемые международными организациями стандарты безопасности, не имеющие юридически обязывающей силы.

К первой группе международных договоров, обеспечивающих безопасность эксплуатации ядерных установок, следует отнести Венскую конвенцию МАГАТЭ о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 г., Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г., Конвенцию МАГАТЭ о физической защите ядерного материала 1979 г., Конвенцию об оперативном оповещении о ядерной аварии 1986 г., Конвенцию о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации 1986 г., Конвенцию МАГАТЭ о ядерной безопасности 1994 г., Объединенную конвенцию МАГАТЭ о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами 1997 г. [5, с. 114]. Подчеркнем, что указанные международные договоры ратифицированы Республикой Беларусь и являются частью действующего на ее территории законодательства. Точное и последовательное применение норм названных выше международных конвенций способствует формированию в государстве системы правового регулирования общественных отношений по мирному использованию атомной энергии, а также унификации общих норм права о деликтной ответственности, в том числе в сфере возмещения ядерного ущерба.

В настоящее время важнейшим направлением международно-правового сотрудничества в сфере безопасности эксплуатации ядерных установок является разработка международно-правового механизма обеспечения физической защиты ядерного материала. Международно-правовое регулирование данной сферы деятельности осуществляется на основе Конвенции МАГАТЭ о физической защите ядерного материала 1979 г., применяемой к ядерному материалу, используемому в мирных целях и находящемуся в процессе международной перевозки, а также при использовании, хранении и перевозке внутри государства [6].

Подчеркнем, что нормы указанной Конвенции не затрагивают физической защиты ядерного материала и ядерных установок внутри государства. В этой связи в 2005 г. была принята поправка к данному международному договору, положения которого расширили сферу применения Конвенции и обязательства государств-участников.

Вместе с тем следует констатировать, что Республика Беларусь не является участницей существенно обновленной Конвенции о физической защите ядерного материала и ядерных установок, присоединение к которой, на наш взгляд, позволило бы сформировать эффективную систему физической защиты ядерных установок, основанную на единых международно-правовых подходах к безопасности, включающих требования к специальному независимому субъекту, к лицензионно-разрешительной системе в области

физической защиты, к государственному контролю и надзору за ней, а также к мерам административно-правового принуждения в указанной сфере деятельности.

Ко второй группе международно-правовых стандартов, обеспечивающих безопасность объектов использования атомной энергии, относятся рекомендации, принимаемые под эгидой различных международных организаций. Среди специализированных организаций в сфере атомной энергии следует выделить МАГАТЭ, Европейскую организацию по ядерным исследованиям, Европейское сообщество по атомной энергии и др.

Подчеркнем, что основополагающее значение имеют стандарты, разрабатываемые под эгидой МАГАТЭ, выступающие средством, с помощью которого государства оценивают свою деятельность по выполнению международных договоров в сфере безопасного использования атомной энергии.

К указанной группе также следует отнести органы атомного сотрудничества, созданные в рамках других международных организаций. Например, Научный комитет по действию атомной радиации, учрежденный в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 913 (X) в 1955 г., осуществляющий сбор и оценку информации о действии радиоактивного излучения на организм человека и окружающую среду [7]. Доклады Комитета носят общепризнанный характер, выступают в качестве достоверного и всеобъемлющего источника информации, используются для оценки рисков и принятия мер по защите от воздействия радиоактивного излучения.

Потенциальные угрозы, связанные с использованием атомной энергии, обуславливают необходимость тщательного контроля отношений в этой сфере не только на государственном, но и международно-правовом уровнях. В первую очередь это касается вопросов нераспространения ядерного оружия, незаконного оборота ядерных, радиоактивных материалов, а также незаконного использования «мирного атома» в военных целях. Особую роль в упорядочении указанных отношений играет МАГАТЭ, находящееся в особой связи с ООН (непосредственно с Генеральной Ассамблеей), а в случае необходимости — и с Советом Безопасности.

Поскольку одной из основных задач данной международной организации является обеспечение международно-правового режима безопасного развития ядерной энергетики, постольку именно МАГАТЭ обеспечивает контроль за нераспространением ядерного оружия, с которым государство, не обладающее ядерным оружием, обязано заключить соответствующее соглашение.

Помимо этого, на МАГАТЭ возложена функция по проверке выполнения обязательств его участников в целях обеспечения того, чтобы ядерные материалы и оборудование, предназначенные для мирного использования, не переключались на военные цели. В рамках Соглашения о применении гарантий между Республикой Беларусь и МАГАТЭ в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия 1968 г. на территории Беларуси проводятся регулярные инспекции Агентства [8].

Следует отметить, что Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. закрепляет не только механизмы международного контроля по выполнению государствами обязательств, но и обеспечивает условия для мирного использования атомной энергии. Так, согласно положениям данного международного акта, государства-участники имеют неотъемлемое право развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации, обмениваться в этих целях оборудованием, материалами, научной и технической информацией, содействовать получению неядерными государствами благ от любого мирного применения ядерной энергии.

Особое внимание в сфере регулирования использования атомной энергии государствами традиционно уделяется вопросам имущественной ответственности за ядерный ущерб. Учитывая, что последствия ядерных инцидентов могут иметь транснациональный характер, значительный интерес вызывают международные договоры, посвящен-

ные правовому регулированию указанных общественных отношений. Среди универсальных международных договоров, регулирующих ответственность за вред, причиненный ядерной деятельностью и имеющих основополагающее значение для Республики Беларусь в формировании своего национального законодательства, необходимо отметить Парижскую конвенцию об ответственности перед третьей стороной в области ядерной энергии 1960 г., Венскую конвенцию о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 г., а также Венскую конвенцию о ядерной безопасности 1994 г. и др. [9].

Целью принятой в 1963 г. Венской конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб было создание единообразного режима ответственности за ядерный ущерб перед третьими лицами. Тем не менее трагедия на Чернобыльской АЭС способствовала развитию международного сотрудничества государств в предотвращении и устранении последствий ядерного инцидента, а также в области гражданской ответственности за ядерный ущерб.

В современных международных отношениях обязательство возмещения (устранения) негативных последствий, вызванных ядерным инцидентом, лежит на государстве, под юрисдикцией или контролем которого осуществлялась деятельность, повлекшая трансграничный ядерный ущерб. При этом конкретные механизмы, формы и способы такого возмещения остаются на усмотрение государств, которые индивидуально либо в порядке международного сотрудничества могут принять на себя абсолютную ответственность за компенсацию ущерба, предусмотреть гражданско-правовую ответственность операторов соответствующей деятельности или комбинировать указанные механизмы. Согласно Проекту принципов о распределении убытков в случае причинения трансграничного ущерба в результате осуществления опасных видов деятельности 2001 г. государства обязаны принимать все необходимые меры, чтобы обеспечить оперативную и адекватную компенсацию жертвам трансграничного ущерба [10].

Одновременно государство оперативно уведомляет об инциденте все страны, которые были или могут быть им затронуты, и о возможных последствиях трансграничного ущерба. При этом необходимо консультироваться и стремиться к сотрудничеству со всеми государствами, интересы которых были или могут быть затронуты, в целях уменьшения последствий трансграничного ущерба и их возможного устранения.

Как показывает практика, размеры ядерного ущерба могут в несколько раз превышать пределы ответственности оператора ядерной установки, установленные международными договорами, поэтому составной частью режима гражданской ответственности за ядерный ущерб является система финансового обеспечения, предусмотренного национальным законодательством, и которая включает в себя институт страхования и институт государственного возмещения.

В настоящее время в Республике Беларусь интенсивно идет процесс развития законодательства об атомной энергетике, которое становится самостоятельной отраслью национального законодательства. Правоотношения в области использования атомной энергии регулируются в основном нормами административного, гражданского и экологического права. С учетом того что сфера атомной энергетике является достаточно сложной технологической системой, то характерной особенностью данного законодательства является обилие в нем технических терминов и норм, без использования которых нельзя эффективно заниматься правотворчеством и правоприменением [11, с. 20].

В заключение необходимо отметить, что законодательство Республики Беларусь об атомной энергетике в целом соответствует нормам основных международных соглашений, заключенных Республикой Беларусь в данной сфере деятельности.

Республика Беларусь проводит последовательную политику присоединения к универсальным и региональным соглашениям, обеспечивающим защиту прав и законных интересов лиц при наступлении негативных последствий вследствие эксплуатации

ядерных установок. Тем не менее в регулировании указанных отношений значительную роль играет национальное законодательство, которое может существенно корректировать нормы этих конвенций. В белорусском законодательстве об атомной энергетике наблюдается достаточно высокая степень использования бланкетных норм, содержащих отсылку к иным нормативным правовым актам. Многие нормы права здесь не являются нормами прямого действия. Также отсутствует система гражданско-правового регулирования отношений имущественного характера в процессе осуществления деятельности по использованию атомной энергии. Все это обуславливает необходимость проведения кодификации ядерного законодательства в Республике Беларусь.

Анализ норм универсальных международных договоров, регламентирующих вопросы ответственности за причинения вреда в связи с ядерной деятельностью, отражает тенденции совершенствования механизмов защиты прав потерпевших в результате ядерного инцидента (повышение пределов ответственности оператора ядерной установки; увеличение сроков исковой давности для предъявления исков о возмещении ядерного ущерба, причиненного личности; предоставление права государству-участнику предъявить иск о возмещении ядерного ущерба и др.).

Источники

1. Обзор ядерных технологий — 2016 [Электронный ресурс] : докл. генер. директора // International Atomic Energy Agency. — Режим доступа: https://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC60/GC60InfDocuments/Russian/gc60inf-2_rus.pdf. — Дата доступа: 12.04.2018.
2. О развитии атомной энергетики в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 31 янв. 2008 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
3. Об использовании атомной энергии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 июля 2008 г., № 426-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
4. Договор о нераспространении ядерного оружия [Электронный ресурс] : [подписан в г. Лондоне, Вашингтоне, Москве 01.07.1968 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
5. Конвенция Международного агентства по атомной энергии «О физической защите ядерного материала» [Электронный ресурс] : [заключена в г. Вене 26.10.1979 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
6. Егоров, Д. А. Международно-правовые стандарты в сфере административно-правового режима безопасности объектов использования атомной энергии / Д. А. Егоров // Вестн. Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. — 2016. — № 1. — С. 10–14 ; № 2. — С. 114–118.
7. Егоров, Д. А. International legal standards in the field of administrative-legal security regime of nuclear facilities / D. A. Egorov // Bull. of the Acad. of Internal Affairs of the Rep. of Belarus. — 2016. — № 1. — P. 10–14; № 2. — P. 114–118.
8. Научный комитет ООН по действию атомной радиации [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/e55a3e74049c7117.html>. — Дата доступа: 06.12.2018.
9. Соглашение между Республикой Беларусь и Международным агентством по атомной энергии о применении гарантий в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия [Электронный ресурс] : [совершено в г. Вене 22.11.1994 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
10. Тихиня, В. Г. Международное частное право : учебник / В. Г. Тихиня, Н. И. Рудович. — Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2014. — 368 с.
11. Tihinya, V. G. International Private Law : textbook / V. G. Tihinya, N. I. Rudovich. — Minsk : Acad. MIA of the Rep. of Belarus, 2014. — 368 p.
12. Проект принципов о распределении убытков в случае причинения трансграничного ущерба в результате осуществления опасных видов деятельности / Отчет Комиссии международного права ООН о работе ее пятьдесят восьмой сессии 2006 г. : докл. ООН А/61/10. — Нью-Йорк : ООН, 2006. — С. 110–182.

11. Тихиня, В. Г. Право и атомная энергетика в Республике Беларусь: состояние, тенденции, перспективы / В. Г. Тихиня // Юстиция Беларуси. — 2014. — № 10. — С. 20–22.

Tikhinya, V. G. Law and nuclear power in the Republic of Belarus: state, trends, prospects / V. G. Silence // Justice of Belarus. — 2014. — № 10. — P. 20–22.

Статья поступила в редакцию 12.12.2018 г.

УДК 347.157.1

I. Savina

Academy of the Ministry of Interior of the Republic of Belarus (Minsk)

ON THE COMBINATION OF PRIVATE LAW AND PUBLIC LAW MEANS IN THE CREATION OF THE CIVIL LEGAL STATUS OF MINORS

Purpose of this article — as part of a comprehensive study of the civil legal status of minors to determine the specificity of the use of private law and public law means in the creation of the civil legal status of minors.

The article notes a special place of property rights in child rights system and lack of systematization of legislation in the sphere of childhood. Revealed that the protection of property rights of minors are objectively beyond the scope of one branch of law. Application possibilities of a multidisciplinary approach to the protection of property rights of children taking into account the peculiarities of their civil legal status are concretized.

The author proves the necessity of the development and adoption of the law on property rights of a minors, containing precise rights and guarantees. It is proved that private law means used by parents, adoptive parents, guardians of a minor and public law means used by the state are interdependent.

Keywords: minors; civil legal status; protection; guardianship; parents; property rights; multidisciplinary approach; private law means; public law means; sphere of childhood.

И. В. Савина

кандидат юридических наук, доцент

Академия МВД Республики Беларусь (Минск)

О СОЧЕТАНИИ ЧАСТНОПРАВОВЫХ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Цель настоящей статьи — в рамках комплексного исследования гражданско-правового статуса несовершеннолетних определить специфику применения частноправовых и публично-правовых средств в формировании гражданско-правового статуса несовершеннолетних.

В статье отмечается особое место имущественных прав в системе прав ребенка и недостаточная систематизация законодательства в сфере детства. Выявлено, что охрана имущественных прав несовершеннолетних объективно выходит за рамки одной отрасли права. Конкретизированы возможности применения междисциплинарного подхода к защите имущественных прав детей с учетом особенностей их гражданско-правового статуса.

Автором обосновывается необходимость разработки и принятия закона об имущественных правах несовершеннолетних, содержащего конкретные права и гарантии. Доказано, что частноправовые средства, применяемые родителями, усыновителями, опекунами, попечителями несовершеннолетнего и публично-правовые средства, применяемые государством, взаимообусловлены.

Ключевые слова: несовершеннолетние; гражданско-правовой статус; защита; опека; родители; имущественные права; междисциплинарный подход; частноправовые средства; публично-правовые средства; сфера детства.

Правоотношения с участием несовершеннолетних и нормы, регламентирующие правовое положение ребенка, обладают спецификой, связанной с их особым статусом.

Защита имущественных прав несовершеннолетних включает обеспечение сохранности их имущества, охрану их наследственных прав, жилищных прав, интеллектуальной собственности и должна быть направлена на максимальную защиту его прав [1, с. 105].

Создание эффективной системы охраны прав и интересов ребенка возможно лишь с учетом особенностей его правового статуса.

Представляется необходимым изучить систему охраны прав несовершеннолетних, определить состав норм, входящих в институт правового статуса ребенка, выявить, насколько урегулированы права несовершеннолетних, особенно имущественные права. Необходимо оценить с позиций соответствия потребностям современного общества традиционные подходы гражданского законодательства к регламентации правового статуса несовершеннолетних [2, с. 80].

Цель настоящей статьи — в рамках комплексного исследования гражданско-правового статуса несовершеннолетних определить специфику применения частноправовых и публично-правовых средств в формировании гражданско-правового статуса несовершеннолетних.

Особое место имущественных прав предопределяет наличие у несовершеннолетнего гражданско-правового статуса, т.е. способности иметь и осуществлять самостоятельно или через своих представителей субъективные гражданские права и обязанности, осуществлять гражданско-правовую защиту своих прав, нести гражданско-правовую ответственность.

Несовершеннолетние вступают в различные гражданские правоотношения: договорные, деликтные, жилищные, наследственные, по созданию и использованию интеллектуальной собственности. Каждая из перечисленных групп правоотношений порождает специфические правовые проблемы, которые выявляются при участии в соответствующих правоотношениях несовершеннолетних и, как правило, разрешаются частноправовыми средствами. Однако дети не всегда могут осознавать свои реальные нужды, формулировать и предъявлять требования к государству, отстаивать и защищать свои права и тем самым активно влиять на изменение законодательства в свою пользу. В обыденном представлении ребенок является не столько гражданином государства, полноправным гражданином государства, полноценным членом общества, сколько членом малой социальной группы — семьи, которая хотя и признается основной ячейкой общества и естественной средой для роста и благополучия всех ее членов, в особенности детей, в то же время существует автономно. В современном обществе проблемы ребенка считаются частным делом семьи [3, с. 6].

Правовой статус личности является сердцевиной нормативного выражения основных принципов соотношения публичных и частных интересов, мерил социальной свободы, источником и производной социальной активности человека. Правовой статус несовершеннолетнего устанавливается с учетом его правосубъектности, принципов права, правовых ограничений и особенностей его юридической связи с родителями или иными законными представителями [4, с. 3].

Несмотря на то что защита имущественных прав несовершеннолетних должна быть максимально детализирована и охватывать все виды его имущественных прав, действующее гражданское законодательство устанавливает лишь общие правила участия несовершеннолетних в гражданских правоотношениях, их правоспособность и дееспособность.

Различные отрасли права с присущей им спецификой осуществляют охрану и защиту субъективных гражданских прав несовершеннолетних. Очевидно, что соответствующие нормы «разбросаны» по всему правовому массиву, а их созданием, контролем за исполнением занимается значительное число государственных органов, что порождает

проблемы «дублирования», а сам институт правового статуса ребенка является межотраслевым.

Ученые отмечают наличие особенностей правоотношений с участием ребенка и необходимость его дополнительной правовой защиты ввиду социальной незрелости [5, с. 3–4], низкую эффективность правовой защиты детей, декларативность ювенального законодательства, необходимость максимально возможного приближения фактического правового положения лица, не достигшего совершеннолетия, к его формальному правовому статусу [4, с. 3, 16], широкое распространение вместо понятия «право» термина «интересы несовершеннолетних». Между тем граница данного понятия расплывчаты, к тому же их легко интерпретировать по-разному. И, что самое главное, в правовой науке представление об интересе сводится к осознанию лицом своих потребностей. Несовершеннолетние, особенно малолетние дети, сами не в состоянии понять, что им необходимо, а их законные представители — родители или заменяющие их лица легко могут на этот счет заблуждаться или проявлять недобросовестность [6, с. 26].

Неэффективной является защита частноправовыми средствами имущественных прав несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении: при формальном наличии законных представителей они нуждаются в государственной защите. Нормативной базой для предоставления такой защиты стал Декрет Президента Республики Беларусь от 24.11.2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях», давший право изымать ребенка из семьи без лишения родительских прав. Во исполнение Декрета № 18 был принят ряд нормативных правовых актов, которые наряду с уже действовавшими и приведенными в соответствие с Декретом № 18 образовали комплекс правовых норм, объединенных единой направленностью и призванных выстроить систему защиты прав ребенка, изъятого из семьи. Создана система государственных органов, ответственных за защиту прав ребенка, определены их полномочия и обязанности, порядок взаимодействия. Результативность применения его норм свидетельствует о возможности создания системы гарантий, обеспечивающих реальную защиту прав несовершеннолетнего, о взаимосвязи эффективности такой защиты и уровня правового регулирования, координации действий государственных органов. Имущественные права несовершеннолетнего, изъятого из семьи, защищены законодательством, устанавливающим четкие сроки для выполнения государственными органами своих обязанностей. Государством даны правовые гарантии, что несовершеннолетний не останется «на улице» и причитающиеся ему поступления не будут присвоены.

Как показывает анализ отраслевого законодательства и судебной практики, теоретические и практические проблемы обеспечения и защиты имущественных прав несовершеннолетних не находят единообразного решения. Не всегда возможно эффективно защитить имущественные интересы несовершеннолетнего частноправовыми средствами при отсутствии четкой правовой регламентации. Например, в условиях рыночной экономики особого внимания требует обеспечение и защита прав и законных интересов несовершеннолетних, в том числе при совершении сделок. Гражданское законодательство не конкретизирует, требуется ли получение письменного согласия обоих родителей, усыновителей или попечителей или достаточно согласия одного из них. В доктрине существуют противоположные взгляды на этот вопрос.

Так, А.Е. Тарасова отмечала, что родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет такие же права в отношении его, как и второй родитель, поэтому согласие родителя, проживающего отдельно от ребенка, на сделки подопечного имеет такую же силу, как и согласие родителя, с которым ребенок находится постоянно. Иное решение вопроса может привести к различным злоупотреблениям со стороны родителей и нарушению чаще всего прав родителя, отдельно проживающего от ребенка, что в конечном счете затрагивает права и интересы несовершеннолетнего [7, с. 93, 94].

И.А. Михайлова, как и многие авторы, придерживается мнения, что поскольку велико количество семей без отца и даже в более важных сферах жизни, например, при медицинском вмешательстве достаточно согласия одного из родителей, то такой подход оправдан и к совершению сделок [8].

С учетом того, что многие несовершеннолетние проживают в неполных семьях и получение согласия обоих родителей не всегда возможно на практике, представляется оправданным получение согласия на сделку одного из родителей, усыновителей или попечителей. Очевидно, что решение этого вопроса возможно лишь публично-правовыми средствами, а решение его частноправовыми средствами приведет к разночтениям и в конечном счете к ущемлению прав несовершеннолетнего.

Требуется конкретизация прав несовершеннолетних применительно не только к обязательственным, но и к вещным правоотношениям. В частности, осуществление собственником его полномочий не должно препятствовать осуществлению права на жилое помещение его несовершеннолетних детей.

Как справедливо отмечалось, право членов семьи как вещное законодательно не закреплено, механизмов, обеспечивающих защиту прав заинтересованных лиц, не существует. Суды не вправе ни признавать новые вещные права, ни определять их содержание. Выстраивание баланса интересов между интересами собственника и других граждан, имеющих право пользоваться чужим жилым помещением, должно происходить путем исчерпывающего закрытого перечня прав на жилое помещение, без возможности его расширительного толкования. Именно закон должен определять круг субъектов-получателей ограниченного вещного права и основания его возникновения [9, с. 47].

Изменения в Гражданский кодекс Республики Беларусь, внесенные в 2018 г., не конкретизировали, относится ли право членом семьи собственника жилого помещения, в том числе бывших, к ограниченным вещным правам, перечисленным в ст. 217 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Неоправданно большая роль судейского усмотрения в вопросах определения природы права, принадлежащего члену семьи собственника, отсутствие документального оформления такого права создает дополнительные риски при совершении сделки с недвижимостью, дает возможность злоупотреблений в имущественных отношениях, в том числе со стороны родителей. Как показывает анализ отраслевого законодательства и судебной практики, не исключено отнесение несовершеннолетнего ребенка к бывшим членам семьи и выселение его вместе с матерью после ее развода с мужем — собственником жилого помещения. Осуществление собственником его полномочий не должно препятствовать осуществлению права на жилое помещение его несовершеннолетних детей.

Совершенствованию законодательства в этой области могло бы послужить издание закона. В частности, в Законе «Об имущественных правах несовершеннолетних» должны быть урегулированы обязательства, в которых несовершеннолетние могут участвовать, конкретизированы их обязанности и ответственность. Избежать декларативности провозглашаемых основных (статутных) прав и законодательства в сфере детства позволит и создание системы гарантий законности, в том числе юридическая ответственность, которая является показателем социальной составляющей государственной деятельности. Ориентиром для законодателя должна быть максимальная детализация правового регулирования имущественных прав несовершеннолетних, только это позволит эффективно применять частноправовые средства защиты несовершеннолетнего его родителями, усыновителями, опекунам, попечителям.

Таким образом, в процессе социализации несовершеннолетнего и формирования его гражданско-правового статуса частноправовые средства, применяемые родителями, усыновителями, опекунами, попечителями несовершеннолетнего и публично-правовые средства, применяемые государством, взаимообусловлены. Налицо тесная связь право-

вой регламентации прав несовершеннолетнего, в том числе имущественных, с социальной сферой и государственными программами, взаимообусловленность усилий государства, общества, законных представителей несовершеннолетнего в процессе его социализации и формирования его правового статуса.

Эффективная охрана имущественных прав несовершеннолетнего возможна лишь с учетом междисциплинарного подхода, включающего взаимодействие норм гражданского права прежде всего с нормами семейного права, в частности при применении презумпции добросовестности родителей и ограничении ее критериями семейного неблагополучия, при защите личных неимущественных прав несовершеннолетних, в процессе реализации жилищных прав несовершеннолетних. Особенностью такого взаимодействия является то, что оно не позволяет в полной мере применить диспозитивность, присущую гражданскому праву: отсутствие четких ограничений и императивных норм приводят к незаконному изъятию имущества несовершеннолетних, ущемлению их жилищных прав.

Взаимодействие отраслей права происходит и в процессе применения норм о социальной помощи семьям, воспитывающим детей и направлено на единую цель — обеспечение достойного уровня жизни несовершеннолетнего. Изменчивость законодательства в этой сфере, так же как и гражданского законодательства, отрицательно влияет на уровень правовой защиты, лишая его такого признака, как стабильность.

Взаимодействие с нормами административного права в процессе правовой регламентации прав несовершеннолетнего, в том числе имущественных, происходит при защите детей, находящихся в социально опасном положении, при выполнении своих функций органами опеки и попечительства в механизме реализации дееспособности несовершеннолетних. Однако придание несовершеннолетнему статуса самостоятельного субъекта права, необходимость защиты его имущественных прав не должны приводить к умалению роли семьи в его воспитании, бесконтрольному вмешательству государства в семейные дела.

Условиями эффективности государственного воздействия на правоотношения с участием несовершеннолетних и защиты их имущественных прав являются консолидация усилий государственных органов, законодательный уровень принимаемых нормативных правовых актов, их поэтапная систематизация на основе конституционных норм, исключение бланкетных норм в сфере имущественных отношений с участием несовершеннолетнего, максимальная детализация прав несовершеннолетнего, разработка системы гарантий его прав и мер ответственности государственных органов и должностных лиц за их ненадлежащее исполнение.

Источники

1. Савина, И. В. Гражданско-правовой статус несовершеннолетних и защита их имущественных прав / И. В. Савина ; Учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». — Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2018. — 117 с.

Savina, I. V. Civil legal status of minors and protection of their property rights educational institution / I. V. Savina ; Educational institution «Acad. of the Ministry of Interior of the Rep. of Belarus». — Minsk : Acad. of the Min. of Interior of the Rep. of Belarus, 2018. — 117 p.

2. Савина, И. В. Особенности гражданско-правового статуса несовершеннолетнего и междисциплинарный подход к защите его имущественных прав / И. В. Савина // Журн. БГУ. Право. — 2017. — № 1. — С. 78–83.

Savina, I. V. Features of the civil status of a minor and an interdisciplinary approach to the protection of his property rights / I. V. Savina // J. of BSU. Law. — 2017. — № 1. — P. 78–83.

3. Азарова, Е. Г. Социальное обеспечение детей: теоретические подходы / Е. Г. Азарова. — М. : Контракт, 2012. — 256 с.

Azarova, E. G. Social security of children: theoretical approaches / E. G. Azarova. — Moscow : Contrakt, 2012. — 256 p.

4. Садина, О. В. Правовой статус несовершеннолетнего в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О. В. Садина ; Рос. ун-т кооп. — Краснодар, 2009. — 20 с.

Sadina, O. V. Legal status of a minor in Russian legislation: theoretical and legal analysis : abstr. of diss. ... of candidate of legal sciences : 12.00.01 / O. V. Sadina ; Russ. Univ. of coop. — Krasnodar, 2009. — 20 p.

5. Кеник, А. А. Защита прав ребенка и несовершеннолетних в Республике Беларусь / А. А. Кеник. — 2-е изд., перераб. и доп. — Минск : Дикта, 2008. — 316 с.

Kenick, A. A. Protection of the rights of children and minors in Belarus / A. A. Kenick. — 2-e ed., reworked and augm. — Minsk : Dicta, 2008. — 316 p.

6. Нечаева, А. М. Проблема охраны прав несовершеннолетних в РФ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / А. М. Нечаева ; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. — М., 1995. — 57 л.

Nechaeva, A. M. The problem of protection of the rights of minors in Russia : abstr. of diss. ... of dr of legal sciences : 12.00.03 / A. M. Nechaeva ; Russ. Acad. of Sciences, Inst. of state and law. — Moscow, 1995. — 57 p.

7. Тарасова, А. Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях / А. Е. Тарасова. — М. : Волтерс Клувер, 2008. — 303 с.

Tarasova, A. E. Legal personality of citizens. Features of legal personality of minors, their manifestations in civil legal relations / A. E. Tarasova. — Moscow : Wolters Kluwer, 2008. — 303 p.

8. Михайлова, А. Согласование сделок несовершеннолетних лиц: практические и теоретические проблемы [Электронный ресурс] / А. Михайлова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2018.

Mikhajlova, A. Coordination of transactions of minors: practical and theoretical problems [Electronic resource] / A. Mikhajlova // ConsultantPlus. Russia / Close Corporation «Consultant-Plus». — Moscow, 2018.

9. Самойлов, Е. И. Судебное решение как основание возникновения жилищных прав / Е. И. Самойлов // Семейное и жилищное право. — 2016. — № 2. — С. 44–47.

Samoilov, E. I. The court decision as the basis for the emergence of housing rights / E. I. Samoilov // Family and housing law. — 2016. — № 2. — P. 44–47.

Статья поступила в редакцию 06.12.2018 г.

УДК 347.763.4

T. Sigayeva
BSEU (Minsk)

THE CONTENT OF THE CONTRACT FOR THE OPERATION OF A NON-PUBLIC RAILWAY LINE

The article is devoted to the definition of the content of the contract for the operation of a non-public railway access line. It is noted that in the acts of legislation there is no single approach in defining their list. The correlation of the contract for the operation of a non-public railway access line and the contract for organization of the carriage of goods by its scope is revealed. The specific features of the content of the contract for operation of a non-public railway access line due to its contracting parties are noted. The conditions making up the content of this agreement are identified. The point of view about its gratuitous nature is reasoned. It is noted that the legal definition of a contract for the operation of a non-public railway access line should have a uniform wording in the legislation.

Keywords: contracts for transportation; organizational contracts; transportation of goods; railway transport; railway line operation; contract for the operation of a non-public railway line; railway; transportation; industrial transport; organization of transportation.

СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРА НА ЭКСПЛУАТАЦИЮ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПУТИ НЕОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Статья посвящена определению содержания договора на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути необщего пользования. Отмечается, что в актах законодательства отсутствует единый подход в установлении их перечня. Выявляется соотношение договора на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути необщего пользования и договора об организации перевозок грузов по сфере применения. Отмечаются особенности содержания договора на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути необщего пользования, обусловленные его субъектным составом. Выявляются условия, составляющие содержание данного соглашения. Аргументируется точка зрения об его безвозмездном характере. Отмечается, что легальное определение договора на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути необщего пользования должно иметь в законодательстве единую форму.

Ключевые слова: транспортные договоры; организационные договоры; перевозки грузов; железнодорожный транспорт; эксплуатация железнодорожного пути; договор на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования; железная дорога; перевозки; промышленный транспорт; организация перевозок.

Перевозочный процесс включает в себя последовательность организационно и технологически связанных стадий: подача транспортных средств и предъявление груза к перевозке; погрузка; транспортировка; выгрузка (подача транспортных средств под выгрузку) [1, с. 28]. Первые два этапа по организации перевозки грузов на железнодорожном транспорте могут иметь место как на местах общего пользования, так и необщего пользования. В состав мест необщего пользования, исходя из п. 3 Устава железнодорожного транспорта общего пользования, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 августа 1999 г. № 1196 (в ред. от 10.07.2015 г.) (далее — УЖТ), входят железнодорожные пути необщего пользования. Они имеют огромную роль в обеспечении эффективной и непрерывной доставки грузов железнодорожным транспортом. На них выполняется значительное количество начально-конечных операций¹. Согласно абз. 2 п. 4 Правил эксплуатации железнодорожных путей необщего пользования, утвержденных постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 31 марта 2008 г. № 40 (в ред. от 13.07.2015 г.) (далее — Правила), путевое развитие, сооружения и устройства железнодорожных путей необщего пользования должны обеспечивать в соответствии с объемом перевозок бесперебойную погрузку и выгрузку грузов, маневровую работу, рациональное использование вагонов и локомотивов. Роль железнодорожных подъездных путей возрастает также и в связи с тем, что они «...значительно удешевляют и упрощают доставку груза в вагоны, в то время как доставка груза непосредственно к железнодорожному полотну требует дополнительных расходов, времени и дополнительного транспорта» [2, с. 3]. Взаимоотношения перевозчика и владельца железнодорожного пути необщего пользования, не принадлежащего владельцу инфраструктуры², регулируются договором на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования.

¹ В 50-е гг. XX в. в СССР на железнодорожных подъездных путях необщего пользования выполнялось 80 % всех грузовых операций. В настоящее время в России более 80 % грузопотока зарождается и погашается на путях необщего пользования [3, с. 3]. В Республике Беларусь опубликованные статистические данные о количестве подъездных путей необщего пользования, их протяженности, числе организаций, владеющих ими, грузовых операций, осуществляемых на них нам не встретились. Вместе с тем исследование данной проблематики позволяет утверждать о высокой востребованности мест необщего пользования в образовании перевозочного процесса.

В силу п. 2 ст. 738 Гражданского кодекса Республики Беларусь условия данного соглашения определяются гражданским кодифицированным актом, УЖТ, иными актами законодательства, а также соглашением сторон. Согласно п. 76 УЖТ договоры на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути необщего пользования должны устанавливать порядок подачи и уборки вагонов с железнодорожных путей, а также технологические нормы на выполнение погрузочно-разгрузочных работ с вагонами. Правила содержат перечень уточняющих и дополнительных требований к их содержанию. Пункт 14 предусматривает, что договор на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования устанавливает место и порядок производства приемо-сдаточных операций, количество одновременно сдаваемых на железнодорожный путь необщего пользования вагонов, необходимые данные для расчета и порядок внесения установленных платежей перевозчику, вместимость мест погрузки, выгрузки (размеры фронтов), взаимные обязательства сторон и другие положения.

В юридической литературе договоры на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути необщего пользования относят к разновидности договоров об организации перевозок [1, с. 32]. По мнению В.В. Витрянского «... договоры, определяющие объемы, сроки и другие условия предоставления транспортных средств и предъявления грузов для перевозки, порядок расчетов, а также иные условия организации перевозок, к каковым, безусловно, относятся договоры об эксплуатации подъездных путей ..., полностью охватываются содержанием договора об организации перевозок» [5, с. 350]. С таким утверждением можно согласиться частично. Договор на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути регулирует отношения, возникающие на этапе выгрузки (предъявления транспортных средств под выгрузку). Они остаются за пределами договора об организации перевозок грузов. Внимание на данное обстоятельство обратил С.Ю. Морозов [6, с. 262–263].

Традиционно особенности содержания договора на эксплуатацию подъездного пути необщего пользования обуславливаются принадлежностью локомотива, которым осуществляется его обслуживание. Национальное законодательство по данному признаку выделяет договоры на обслуживание железнодорожного подъездного пути локомотивом ветвевладельца, железной дороги и контрагента. Так, согласно абз. 3 п. 10 Правил, договор на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования заключается: между перевозчиком и владельцем железнодорожного пути необщего пользования при обслуживании железнодорожного пути необщего пользования локомотивом владельца железнодорожного пути необщего пользования; между перевозчиком и владельцем железнодорожного пути необщего пользования при обслуживании железнодорожного пути необщего пользования локомотивом перевозчика; между перевозчиком и контрагентом при обслуживании железнодорожного пути необщего пользования локомотивом контрагента. В этом случае договор может быть заключен только при согласии владельца железнодорожного пути необщего пользования на пропуск вагонов к (с) местам (мес-

² Согласно абз. 4 ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 6 января 1999 г. № 237-З «О железнодорожном транспорте» (в ред. от 31.12.2014 г.), владелец инфраструктуры — это организация железнодорожного транспорта общего пользования, определенная данным Законом, которой принадлежит инфраструктура на праве хозяйственного ведения. Вместе с тем определение указанных организаций Закон не содержит, ст. 23 данного нормативного правового акта определяет лишь операторов инфраструктуры. К ним относятся государственное объединение «Белорусская железная дорога» и (или) организации, входящие в его состав. Целесообразно восполнить данный пробел. Согласно абз. 24 ч. 1 ст. 1 Закона организация железнодорожного транспорта общего пользования — это юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющие деятельность в области железнодорожного транспорта. Представляется нелогичным определять организации через физических лиц — индивидуальных предпринимателей. Н.Н. Артюшенко обращает внимание, что «...функциональные обязанности владельца и оператора инфраструктуры, перевозчика фактически совпадают, хотя первые оказывают услуги и иного характера, не связанные с перевозкой груза.» [4, с. 98]. Анализ абз. 16, 23, 24 ч. 1 ст. 1, ст. 20 позволяет сделать вывод о том, что владельцами инфраструктуры являются государственное объединение «Белорусская железная дорога» и организации, входящие в его состав.

та) погрузки, выгрузки контрагента. При этом контрагентом, согласно абз. 3 п. 2 Правил, является грузоотправитель или грузополучатель, имеющий на территории владельца железнодорожного пути необщего пользования свой склад или примыкающий к его железнодорожному пути необщего пользования свой железнодорожный путь необщего пользования.

Договор на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования должен учитывать технологию функционирования железнодорожной станции, к которой примыкает железнодорожный путь необщего пользования, и технологию функционирования железнодорожного пути необщего пользования, а в соответствующих случаях — единые технологические процессы.

Основная цель договоров на эксплуатацию подъездного пути необщего пользования состоит, полагает В.В. Витрянский, в урегулировании взаимоотношений, складывающихся между железной дорогой и владельцем (пользователем) железнодорожного подъездного пути по поводу эксплуатации принадлежащего владельцу подъездного пути. «Собственно эксплуатация подъездного пути ... заключается в осуществлении операций по отправлению и получению грузов и соответствующих погрузочно-разгрузочных работ. Поэтому основное содержание договоров об эксплуатации железнодорожного подъездного пути ... выражается в его условиях, регулирующих порядок подачи вагонов и иных транспортных средств под погрузку и выгрузку и их уборки с подъездного пути, а также условий, позволяющих определить время нахождения поданных вагонов и иных транспортных средств у владельца (пользователя) подъездного пути», — отмечает ученый [4, с. 362–363].

Согласно п. 24–25 Правил при обслуживании железнодорожного пути необщего пользования локомотивом владельца железнодорожного пути необщего пользования или контрагента вагоны подаются локомотивом перевозчика на установленные договором на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования выставочные пути. Дальнейшее продвижение вагонов, расстановка их на места погрузки, выгрузки и возврат на выставочные пути осуществляются локомотивом владельца железнодорожного пути необщего пользования или контрагента. В качестве выставочных путей могут использоваться железнодорожные пути как общего пользования, так и железнодорожные пути необщего пользования. При обслуживании железнодорожного пути необщего пользования локомотивом перевозчика вагоны подаются и убираются им непосредственно на железнодорожный путь (с железнодорожного пути) необщего пользования к местам погрузки, выгрузки.

Прием и сдача вагонов, контейнеров и грузов при обслуживании железнодорожного пути необщего пользования локомотивом владельца железнодорожного пути необщего пользования или контрагента производятся на выставочных путях, при обслуживании железнодорожного пути необщего пользования локомотивом перевозчика — на местах погрузки, выгрузки.

При передаче вагонов на выставочных путях максимальное количество одновременно подаваемых вагонов определяется по полезной длине выставочного пути или в зависимости от мощности локомотива. Размер одновременной подачи вагонов (максимальное количество одновременно подаваемых вагонов) к местам погрузки, выгрузки при обслуживании железнодорожного пути необщего пользования локомотивом перевозчика определяется вместимостью мест погрузки, выгрузки. При наличии маневровых средств для перестановки вагонов или возможности переработки грузов передвижными погрузочно-разгрузочными механизмами размер одновременной подачи может превышать вместимость мест погрузки, выгрузки. Размер одновременной подачи в этом случае устанавливается с учетом мощности маневровых средств и перерабатывающей способности передвижных погрузочно-разгрузочных механизмов. Максимальное количество одновременно подаваемых на железнодорожный путь необщего пользования ваго-

нов устанавливается инструкцией и указывается в договоре на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования.

Согласно п. 29–32 Правил вместимость мест погрузки, выгрузки при выполнении погрузочно-разгрузочных работ немеханизированным способом определяется количеством вагонов, устанавливаемых по полезной длине складского, погрузочно-разгрузочного железнодорожного пути, которая может быть использована для одновременной погрузки или выгрузки однородных грузов. Деление мест погрузки, выгрузки по однородным грузам производится при условии постоянной специализации складских площадей для них. Вместимость мест погрузки и выгрузки всех других грузов, кроме наливных, при механизированном способе определяется исходя из количества погрузочно-разгрузочных механизмов и устройств, количества вагонов, которые могут обрабатываться одновременно каждым механизмом или устройством. При введении механизмов для погрузки, выгрузки грузов, которые не могут обрабатываться за то же время такое же количество вагонов, которое обрабатывалось немеханизированным способом, вместимость места погрузки, выгрузки на данном железнодорожном пути необщего пользования устанавливается для механизированной переработки грузов по количеству механизмов, а в остальной части вместимость места сохраняется для переработки грузов немеханизированным способом. Вместимость мест погрузки, выгрузки и специализация складских площадей по однородным грузам на железнодорожных путях необщего пользования, обслуживаемых локомотивом перевозчика, указываются в договоре на эксплуатацию железнодорожного пути.

В соответствии с п. 27 Правил подача вагонов на железнодорожный путь необщего пользования и их уборка с него производятся по уведомлению. Порядок его передачи должен определяться в договоре на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути необщего пользования.

Учет времени нахождения вагонов на железнодорожном пути необщего пользования зависит от принадлежности локомотива, которым осуществляется его обслуживание. Согласно общим правилам время нахождения вагонов под погрузкой и выгрузкой при обслуживании железнодорожного пути необщего пользования локомотивом перевозчика исчисляется с момента фактической подачи вагонов, контейнеров к месту погрузки или выгрузки до момента получения железнодорожной станцией от владельца железнодорожного пути необщего пользования уведомления о времени завершения грузовой операции. Время нахождения вагонов на железнодорожных путях необщего пользования, не обслуживаемых локомотивами перевозчика, исчисляется с момента передачи железнодорожной станцией вагонов на выставочных путях владельцу железнодорожного пути необщего пользования, контрагенту до момента возвращения и обратной передачи вагонов на выставочных путях владельцем железнодорожного пути необщего пользования, контрагентом железнодорожной станции. Данные общие положения об учете времени нахождения вагонов на железнодорожном пути необщего пользования предусмотрены императивными нормами законодательства и не могут являться результатом соглашения сторон.

Согласно п. 76 УЖТ, п. 14, 56 в договорах на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути необщего пользования должны устанавливаться технологические нормы на выполнение погрузочно-разгрузочных работ. Они определяются согласно положению по расчету технологических норм, утверждаемому Министерством транспорта и коммуникаций Республики Беларусь. В технологических нормах устанавливается время, затрачиваемое на погрузку и выгрузку грузов механизированным или немеханизированным способом, с учетом затрат времени на подготовительные, вспомогательные и заключительные операции. При погрузке и выгрузке грузов механизированным способом технологические нормы определяются расчетным путем с учетом применяемых средств механизации, устройств и сооружений, предназначенных для погрузки и вы-

грузки грузов, а также затрат времени на подготовительные, вспомогательные и заключительные операции и их максимального совмещения. При погрузке и выгрузке грузов немеханизированным способом технологические нормы определяются с учетом единых норм выработки и времени на выполнение погрузочно-разгрузочных операций.

В соответствии с п. 28 Правил за подачу груженых и порожних вагонов локомотивом перевозчика к месту погрузки, выгрузки на железнодорожном пути необщего пользования или на выставочные пути, находящиеся за пределами железнодорожной станции примыкания, и за уборку вагонов с мест погрузки, выгрузки либо с таких выставочных путей перевозчиком взимается плата. За подачу и уборку вагонов при осуществлении погрузки, выгрузки и перегрузки грузов в местах общего пользования перевозчиком по общему правилу с грузоотправителя, грузополучателя плата не взимается.

В то же время согласно п. 43 УЖТ за время нахождения вагонов, контейнеров перевозчика у грузоотправителей, грузополучателей под погрузкой, выгрузкой, а также за время задержки этих вагонов, контейнеров на железнодорожных станциях отправления, назначения и в пути следования по причинам, зависящим от грузоотправителя, грузополучателя (оформление перевозочных документов, совершение таможенных операций и др.), они вносят перевозчику необходимую плату (за пользование вагонами, контейнерами).

Данные нормы послужили основанием тому, что договор на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути необщего пользования некоторые ученые относят к возмездным [7, с. 156], где плата за подачу и уборку вагонов и (или) за пользование вагонами, контейнерами представляет собой плату за услугу по перемещению вагонов локомотивом железной дороги в пределах подъездного пути необщего пользования.

Вместе с тем в последние годы распространение получает точка зрения о том, что договоры на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути относятся к рамочным организационным безвозмездным договорам [8, с. 66; 9, с. 10; 10, с. 12; 11, с. 17]. Из них «не возникает непосредственных обязанностей по предъявлению груза к перевозке, по подаче транспортных средств под погрузку, по доставке грузов и их выдаче. Такие обязанности возникают из локальных договоров», — отмечает С.Ю. Морозов [6, с. 274]. Локальными договорами по отношению к договорам на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей, по мнению ученого, являются договоры о подаче транспортных средств под погрузку и предъявлении груза к перевозке, возникающие вследствие акцепта заявки, и договоры перевозки груза. Условия договоров на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей предопределяют содержание и структуру организуемых неимущественных отношений, возникающих из первого соглашения, и имущественных отношений, появляющихся из второго [6, с. 275]. Подобные идеи заслуживают внимания. Так, в возмездном договоре, сторона должна получить плату или иное встречное имущественное предоставление за исполнение своих обязанностей. Действиям перевозчика по подаче транспортных средств противостоит обязанность грузовладельца не провозвести за них оплату, а предъявить груз. А.Г. Быков отмечает, что «Организационные договоры могут иметь помимо основного, организационного содержания, также и элементы имущественного характера... Однако данные имущественные элементы ... носят вспомогательный характер и предназначены для обслуживания потребностей организационного содержания договора, не составляя его самостоятельного предмета» [12, с. 61].

Что касается платы за пользование вагонами и контейнерами, то, как отмечает С.Ю. Морозов, в данном случае не в полной мере учитываются различия между договорами о предъявлении груза к перевозке и договорами о передаче имущества (вагонов) во временное владение и пользование. В сложном договорном обязательстве по подаче транспортных средств под погрузку обязанность уплатить плату за пользование вагонами не является определяющей правовую природу договора [6, с. 267].

В то же время договором на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути не общего пользования, исходя из его организационной направленности, предусматривается урегулирование порядка расчетов по платежам, связанным с перевозками грузов.

Пункт 80 УЖТ, п. 15 Правил устанавливают в качестве обязательного условия данного соглашения порядок его изменения в случае изменений технического оснащения либо технологии работы железнодорожной станции или железнодорожных путей не общего пользования.

Анализ действующего законодательства и правовых идей в сфере правового регулирования общественных отношений, связанных с функционированием железнодорожного транспорта, позволяет сделать вывод о том, что содержание договора на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути не общего пользования составляют условия о порядке подачи и уборки вагонов, месте и порядке производства приемо-сдаточных операций, количестве одновременно сдаваемых на железнодорожный путь не общего пользования вагонов, вместимости мест погрузки, выгрузки, порядке передачи уведомлений о времени подачи вагонов, а также завершения грузовой операции, технологических нормах на выполнение погрузочно-разгрузочных работ, порядке расчетов, правилах изменения договора в случае изменений технического оснащения либо технологии работы железнодорожной станции или железнодорожных путей не общего пользования. В содержание могут входить и другие положения. Легальное определение данного договора должно иметь в законодательстве единую форму.

Источники

1. Сигаева, Т. А. Споры, возникающие из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом: производство в хозяйственных судах I инстанции / Т. А. Сигаева. — Минск : Право и экономика, 2010. — 211 с.

Sigaeva, T. A. Disputes arising from contracts for the carriage of goods by rail: proceeding in economic courts of the first instance / T. A. Sigaeva. — Minsk : Law and Economics, 2010. — 211 p.

2. Александрова, К. И. Гражданско-правовые вопросы эксплуатации железнодорожных подъездных путей не общего пользования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / К. И. Александрова ; Ленинград. ордена Ленина Гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Л., 1955. — 16 с.

Aleksandrova, K. I. Civil and legal issues of the operation of non-public railway access roads : thesis abstr. ... candidate law sciences : 12.00.03 / K. I. Alexandrova ; Leningradsky State Univ. named after A.A. Zhdanov. — Leningrad, 1955. — 16 p.

3. Гарлицкий, Е. И. Совершенствование технологии обслуживания железнодорожных путей не общего пользования : автореф. дис. ... канд. техн. наук : 05.22.08 / Е. И. Гарлицкий. — М., 2015. — 24 с.

Garlitsky, E. I. Improving the technique of servicing non-public railway lines : thesis abstr. ... candidate techn. sciences : 05.22.08 / E. I. Garlitsky. — Moscow, 2015. — 24 p.

4. Артюшенко, Н. Н. Правовой инструментариий обеспечения перевозки железнодорожных грузов: современные подходы и перспективы / Н. Н. Артюшенко. — Минск : БГЭУ, 2018. — 324 с.

Artyushenko, N. N. Legal tools for the provision of carriage of goods by rail: present-day approaches and prospects / N. N. Artyushenko. — Minsk : BSEU, 2018. — 324 p.

5. Брагинский, М. И. Договорное право : в 4 кн. / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — М. : Статут, 2003. — Кн. 4 : Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. — 910 с.

Braginsky, M. I. Contract Law : in 4 vol. / M. I. Braginsky, V. V. Vitryansky. — Moscow : Statute, 2003. — Vol. 4 : Contracts for transportation, towing, transport expedition and other services in the field of transport. — 910 p.

6. Морозов, С. Ю. Система транспортных организационных договоров / С. Ю. Морозов. — М. : Норма, 2011. — 352 с.

Morozov, S. Yu. The system of organizational contracts for transportation / S. Yu. Morozov. — Moscow : Norma, 2011. — 352 p.

7. Егизаров, В. А. Транспортное право : учеб. пособие / В. А. Егизаров. — М. : Юстицинформ, 2002. — 528 с.

Egiazarov, V. A. Transport Law : training man. / V. A. Egiazarov. — Moscow : Justicinform, 2002. — 528 p.

8. *Романович, А. Н.* Транспортные правоотношения / А. Н. Романович. — Минск : Университетское, 1984. — 126 с.

Romanovich, A. N. Transport Legal Relations / A. N. Romanovich. — Minsk : University, 1984. — 126 p.

9. *Хаснутдинов, А. И.* Вспомогательные договоры на транспорте / А. И. Хаснутдинов. — Томск : Иркут. гос. ун-т, 1955. — 34 с.

Hasnutdinov, A. I. Auxiliary contracts for transportation / A. I. Hasnutdinov. — Tomsk : Irkutsk State Univ., 1955. — 34 p.

10. *Карнушин, В. Е.* Проблемы правового регулирования договора перевозки железнодорожным транспортом в условиях современного развития общества / В. Е. Карнушин // Транспорт. право. — 2016. — № 1. — С. 10–12.

Karnushin, V. E. Problems of legal regulation of the contract for carriage by rail in the modern conditions of society development / V. E. Karnushin // Transport Law. — 2016. — № 1. — P. 10–12.

11. *Карпеев, О. В.* Правовое регулирование организации перевозки в прямом смешанном сообщении : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. В. Карпеев. — Ульяновск, 2013. — 262 л.

Karpeev, O. V. Legal regulation of the organization of transportation in direct mixed transportation : thesis ... candidate law sciences : 12.00.03 / O. V. Karpeev. — Ulyanovsk, 2013. — 262 p.

12. *Быков, А. Г.* План и хозяйственный договор / А. Г. Быков. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. — 158 с.

Bykov, A. G. Plan and economic contract / A. G. Bykov. — M. : Publ. House of Moscow Univ., 1975. — 158 p.

13. *Артюшенко, Н. Н.* О реновации оснований возникновения транспортных обязательств / Н. Н. Артюшенко // Юстиция Беларуси. — 2016. — № 1. — С. 43–47.

Artyushenko, N. N. On renovation of the grounds for the occurrence of transport obligations / N. N. Artyushenko // Justice of Belarus. — 2016. — № 1. — P. 43–47.

Статья поступила в редакцию 22.11.2018 г.

УДК 347.921.3

L. Stanishevskaya
BSEU (Minsk)

MEDIATION AND NOTARIAL ACTIVITIES

In the article are examined the basics of interaction between mediation and notary in the Republic of Belarus, the analysis of their fundamental principles, the prospects of using mediation procedures in notarial activities.

Keywords: mediation; mediator; mediation agreement; mediation procedure; notary.

Л. П. Станишевская
кандидат исторических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

МЕДИАЦИЯ И НОТАРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Статья посвящена основам взаимодействия медиации и нотариата в Республике Беларусь, анализу их основополагающих принципов, перспективам использования медиативных процедур в нотариальной деятельности.

Ключевые слова: медиатор; медиативная процедура; нотариат; нотариус.

Возрастающие показатели судебной нагрузки в последнее десятилетие привели Республику Беларусь к необходимости развития альтернативных способов разрешения правовых споров, в частности медиации. Нотариат со своей стороны как орган превентивного правосудия, предотвращающий возникновение судебных споров, как и медиация, способствует уменьшению количества обращений в суды.

Конституция Республики Беларусь в ч. 1 ст. 62 провозглашает право каждого на юридическую помощь для осуществления и защиты своих прав и свобод, важнейшей же задачей нотариата, реализующего данный конституционный принцип, выступает обеспечение защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, интересов государства путем совершения нотариальных действий.

Подчеркивая значение медиации, Конституционный Суд Республики Беларусь в своем решении отмечает, что она призвана дополнить имеющиеся в государстве юрисдикционные механизмы, предоставив участникам гражданского оборота новые возможности для урегулирования возникших споров.

Законодатель в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О медиации» (далее — Закон о медиации) определяет медиацию как переговоры сторон с участием третьей стороны — медиатора, которая помогает сторонам прийти к взаимовыгодному соглашению. Медиатор — это нейтральное лицо, он не обладает правом выносить обязательное для сторон решение, стороны в рамках собственных позиций самостоятельно приходят к необходимости ликвидировать конфликт. Однако именно он в силу своего опыта и знаний анализирует полученную информацию, транслирует ее сторонам процесса, обозначает перспективы. Медиатор «сопровождает стороны на пути устранения конфликта, но не ведет по нему» [1, с. 23].

Таким образом, участники конфликта выступают не в роли пассивных наблюдателей, как в суде, а активными участниками процесса, соавторами медиативного соглашения, что способствует выполнению сторонами своих обязательств и позволяет в дальнейшем сохранять деловое сотрудничество. В медиативной процедуре отсутствуют победы и побежденные, судебное же разбирательство оканчивается победой одной из сторон, в результате чего примирение весьма проблематично.

Важнейшее условие проведения медиации — ее проведение в рамках права и в соответствии с законом. Достоинством медиативной процедуры является ее направленность на укрепление социальных отношений, формирование нравственной составляющей. Не случайно поэтому в нашем государстве приняты Правила этики медиаторов, нацеленные на укрепление этических основ проведения медиативной процедуры.

Поскольку отечественный нотариат относится к нотариату латинского типа, его деятельность нацелена прежде всего на обеспечение юридической безопасности и социальной гармонии.

Как и медиатор, нотариус при осуществлении своих публичных полномочий связан жесткими этическими нормами: он обязан сохранять объективность, являясь «юристом дела, а не клиента». Если между сторонами спора существуют разногласия по содержанию совершаемого акта, его характеру и последствиям, нотариус не должен осуществлять нотариальные действия.

Так как медиация направлена на оказание сторонам содействия в реализации их прав, ее следовало бы рассматривать в качестве логичного дополнения основной деятельности нотариуса. Кроме того, медиация органично вписывается в концепцию оказания комплексной юридической помощи органами нотариата.

В странах нотариата латинского типа нотариусы вправе проводить консультации по правовым вопросам, а также медиации. Более того, медиативное соглашение, заключенное у нотариуса, приобретает свойство исполнимости и может быть принудительно исполнено по заявлению взыскателя [2, с. 168]. Конечно, это не означает, что медиация всегда сопровождается «положительным» нотариальным актом, поскольку достижение согласия — это трудоемкий творческий процесс.

В настоящее время в таких государствах, как Германия, Австрия, Нидерланды, медиация превратилась в альтернативную функцию нотариуса.

Так, например, в ч. 4, 5 § 20 Закона Германии о нотариате закреплены полномочия нотариуса, позволяющие ему проводить процедуру внесудебного урегулирования споров. Право нотариуса выступать посредником нашло закрепление в Законе Германии о разрешении споров, связанных с вещными правами. Нотариусы имеют право на проведение процедуры посредничества между наследниками и собственниками имущества (в соответствии с распоряжениями земель Германии) [1, с. 28].

Показательно внимание XXIII Международного союза латинского нотариата к тому факту, что нотариус более представителей других юридических профессий (в том числе адвокатов) предназначен быть медиатором [2, с. 151]. С этим можно согласиться, поскольку, например, адвокат заинтересован в споре в пользу только своего клиента, а нотариус обязан учитывать интересы всех лиц, участвующих в совершении нотариального действия. Поэтому именно нотариус как незаинтересованное лицо, имеющее соответствующую квалификацию и опыт, выступает той фигурой, которая смогла бы наиболее эффективно выполнять функции медиатора.

Альтернативные способы разрешения споров в зарубежных странах служат не только разгрузке государственной судебной системы, они решают также социальные задачи: обеспечивают эффективную, доступную, дешевую или бесплатную для части населения и быструю защиту прав частных лиц, защиту прав несовершеннолетних и иных уязвимых слоев общества [3, с. 18]. Так, например, согласно статистическим данным английская альтернативная практика разрешения конфликта в досудебном порядке занимает 110 дней и обходится в 535 фунтов, а в суде — 435 дней и 2823 фунта [4, с. 28].

Как справедливо отмечает С.И. Калашникова, участники спорных правоотношений становятся все более заинтересованными в самостоятельном урегулировании возникающих противоречий [5, с. 11], тем более что медиативная процедура позволяет им избежать длительного и затратного судебного разбирательства, сохранить добрые отношения.

В соответствии со ст. 3 Закона о медиации в Республике Беларусь в основу медиации положены нравственные принципы добровольности; добросовестности, равноправия и сотрудничества сторон; беспристрастности и независимости медиатора; конфиденциальности.

Добровольность закрепляет положение, в соответствии с которым стороны нельзя заставить участвовать в процедуре медиации. В отличие от судебного разбирательства стороны добровольно, без принуждения извне, по взаимному согласию принимают решение о вступлении в процесс медиации и выбирают медиатора (медиаторов). Кроме того, стороны самостоятельно решают вопрос о выходе из процесса, причем на любом этапе медиации. Они вправе соглашаться или не соглашаться с результатом процесса [6, с. 38].

Принцип равноправия реализуется сторонами в вопросах о необходимости проведения медиативной процедуры, ее правилах и порядке проведения, выборе медиатора (посредника).

Медиатор независим от предмета спора и от участников процесса. В случае если его действия противоречат законодательству и нарушают права и законные интересы третьих лиц, они могут быть обжалованы в судебном порядке.

Принцип конфиденциальности означает, что вся информация, которая имеет отношение к процедуре медиации, не может разглашаться, если иное не установлено соглашением сторон. Исключение составляет информация о заключении соглашений о применении медиации, о прекращении медиации (ч. 1 ст. 16 Закона). Более того, в ч. 2 ст. 16 закрепляется положение о том, что медиатор не вправе разглашать информацию, относящуюся к медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без письменного согласия сторон. Несомненно, это является доказательством преимущества медиации по сравнению с государственным правосудием.

Законность, беспристрастность, независимость, обеспечение нотариальной тайны — это основополагающие принципы нотариальной деятельности, зафиксированные в ст. 5 Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» (далее — Закон о нотариате).

Беспристрастность в нотариальной деятельности вытекает из профессионального статуса нотариуса и предполагает осуществление профессиональных действий на равных условиях для всех лиц независимо от пола, расы, национальности, имущественного и должностного положения и др., а для юридических лиц — независимо от формы собственности, подчиненности, организационно-правовой формы, других обстоятельств (п. 1 ст. 7 Закона о нотариате). Реализация данного принципа означает, что нотариус, совершая профессиональные действия, в том числе проведение медиативной процедуры, обязан сохранять беспристрастность в отношении сторон и третьих лиц. Помимо этого, беспристрастность означает отсутствие у нотариуса имущественного или иного личного интереса. Ему запрещаются нотариальные действия на свое имя, имя супруга, своих (супруга) родственников и от своего имени, имени супруга, своих родственников (супруга). Ему также запрещается совершать нотариальные действия на имя и от имени нотариусов и работников соответствующих нотариальной конторы, нотариального бюро (п. 2 ст. 7 Закона о нотариате). Нотариус, сохраняя беспристрастность, не вправе вмешиваться в конфликтную ситуацию.

Как и медиатор, нотариус в своей деятельности независим и подчиняется только требованиям законодательства.

В связи с вступлением в юридическую силу 25 января 2016 г. Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам нотариальной деятельности» в новой редакции Закона о нотариате нашла отражение корректировка принципа обеспечения нотариальной тайны (ранее назывался «тайна нотариального действия»), термина «нотариальная тайна».

Нотариальная тайна включает сведения, ставшие известными нотариусу в ходе выполнения им своих профессиональных действий, а также сведения о заинтересованном лице (его личных неимущественных и (или) имущественных правах и обязанностях) (п. 1 ст. 9 Закона о нотариате). Исключения составляют сведения об отмененной доверенности; открытии наследственного дела.

Не подпадает под понятие «нотариальная тайна» внесение сведений о совершенных действиях в единую электронную систему учета нотариальных действий и наследственных дел, внедренную в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 27 ноября 2013 г. № 523 «Об организации нотариальной деятельности в Республике Беларусь» с 1 января 2017 г. В соответствии с данным Указом государственные и частные нотариусы приобрели единый статус нотариуса, организационными формами которых являются нотариальные конторы и нотариальные бюро.

Обеспечение нотариальной тайны предполагает выдачу документов только гражданам и юридическим лицам, от имени, на имя, по поручению либо в отношении которых было совершено это действие (п. 2 ст. 9 Закона о нотариате). Лица, которым стала известна нотариальная тайна в связи с исполнением им служебных обязанностей, в том числе и стажеры нотариусов, обязаны хранить эту тайну. Как и в случае с медиатором, нотариус, разгласивший нотариальную тайну, несет установленную законодательными актами ответственность (ч. 2 ст. 25 Закона о нотариате) [7, с. 136].

Таким образом, анализ нравственных правил и норм, предъявляемых к медиатору и нотариусу, позволяет сделать вывод об их соответствии, что предполагает возможность более энергично интегрировать медиацию в профессиональную деятельность нотариуса.

Общим требованием, предъявляемым и к нотариусу, и к медиатору, является наличие высшего юридического образования.

Нотариус, как и медиатор, составляет проект соглашения (договора), в котором находит отражение позиция сторон. Однако в отличие от медиатора нотариус еще и удостоверяет достигнутое соглашение, порождая тем самым для сторон юридические последствия. Это с очевидностью демонстрирует эффективность и преимущество нотариальной медиации.

Нотариусу не разрешается заниматься предпринимательской и любой иной оплачиваемой деятельностью, помимо нотариальной. Исключение составляет занятие такими видами деятельности, как педагогическая, научная, культурная, творческая, медицинская практика.

Показателем признания эффективности зарубежного опыта использования нотариусов в качестве медиаторов стала корректировка п. 2 ст. 26 Закона о нотариате, в соответствии с которой нотариусы Республики Беларусь получили право быть примирителями в примирительной процедуре, медиаторами в медиации или третейскими судьями при рассмотрении дел третейскими судами. В то же время необходимо отметить, что дальнейшая конкретизация этой нормы в законе отсутствует. В этой связи большой интерес для белорусского законодателя может также представить закрепление в законодательных актах Германии (в частности, в ч. 1, 2 § 45 Закона Германии об адвокатуре (BRAO)) запрета, не позволяющего адвокату-нотариусу, а также нотариусу, ранее выполнявшему функцию адвоката, проводить процедуру по тому же делу. Включение соответствующего положения в ст. 26 Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» будет способствовать унификации белорусского и европейского регулирования в данной сфере.

Таким образом, можно констатировать, что включение медиации в нотариальную деятельность не противоречит профессиональным ограничениям, установленным ст. 26 Закона о нотариате. основополагающие принципы нотариальной деятельности во многом совпадают с принципами медиативной практики, предоставляя тем самым возможности их полного раскрытия в процедуре медиации. Функциональные обязанности нотариуса также достаточно близки по своим характеристикам к обязанностям и функциям медиатора, поэтому именно нотариус является фигурой, наиболее подходящей к проведению медиативной процедуры. В связи с этим представляется очевидным, что активное внедрение альтернативной практики принесет в деятельность белорусского нотариата новые возможности, использование медиативных технологий приведет к сокращению правовых споров в судах, тем самым обеспечит реализацию задач деятельности нотариата. Нотариальная же форма удостоверения и исполнения медиативных соглашений представляется одним из возможных специальных вариантов, а не единственно допустимым. Кроме того, использование медиативных процедур поможет нотариусам защититься от эмоциональных перегрузок, которым они подвержены в силу специфики своей профессии.

Источники

1. *Rieger, G.* Нотариус в качестве медиатора / Г. Ригер, К. Мим // Медиация в нотариальной практике (Альтернативные способы разрешения конфликтов) : пер. с нем. / отв. ред. К. Грефин фон Шлиффен, Б. Вегманн. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — 388 с.

Rieger, G. Notary as a mediator / G. Rieger, K. Mim // Mediation in notarial practice (Alternative ways of conflict resolution) : transl. from Germ. / execut. ed. K. Graf von Schlieffen, B. Wegmann. — Moscow : Volters Kluver, 2005. — 388 p.

2. *Медведев, И. Г.* Аналитический обзор по материалам работы последних конгрессов Международного союза Латинского нотариата / И. Г. Медведев // Нотариат и медиация: постановка вопроса / И. Г. Медведев, В. В. Ярков // Третейский суд. — 2005. — № 5. — С. 150–153.

Medvedev, I. G. Analytical review on the materials of the recent congresses of the International union of Latin notaries / I. G. Medvedev // Notary and mediation: posing the question / V. V. Yarkov // Arbitration. — 2005. — № 5. — P. 150–153.

3. Станишевская, Л. П. Институт медиации в зарубежных странах / Л. П. Станишевская // Перспективное развитие института медиации в праве Республики Беларусь / под ред. проф. Т. С. Тарановой. — Минск : РИВШ, 2017. — С. 15–26.

Stanishevskaya, L. P. Mediation in foreign countries / L. P. Stanishevskaya // The perspective development of mediation institute in the law of the Republic of Belarus // ed. by prof. T. S. Taranova. — Minsk : Nat. Inst. for Higher Education, 2017. — P. 15–26.

4. Сивак, Н. Упрощенное производство в английском гражданском процессе / Н. Сивак // Арбитр. и гражд. процесс. — 2008. — № 8. — С. 28–32.

Sivak, N. Simplified proceeding in English civil procedure / N. Sivak // Arbitration and Civil Procedure. — 2008. — № 8. — P. 28–32.

5. Калашникова, С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. И. Калашникова. — Екатеринбург, 2010. — 24 с.

Kalashnikova, S. I. Mediation in the area of civil jurisdiction : abstr. of diss. ... of candidate of jur. sciences / S. I. Kalashnikova. — Ekaterinburg, 2010. — 24 p.

6. Станишевская, Л. П. О медиации как инновационной форме защиты прав человека / Л. П. Станишевская // Перспективное развитие института медиации в праве Республики Беларусь / под ред. проф. Т. С. Тарановой. — Минск : РИВШ, 2017. — С. 34–41.

Stanishevskaya, L. P. About mediation as an innovative form of protection of human rights / L. P. Stanishevskaya // The perspective development of mediation institute in the law of the Republic of Belarus / ed. by prof. T. S. Taranova. — Minsk : Nat. Inst. for Higher Education, 2017. — P. 34–41.

7. Кулак, С. М. Медиация и нотариат в Республике Беларусь / С. М. Кулак // Вестн. ВГУ. Сер. Право. — 2011. — С. 132–137.

Kulak, S. Mediation and notary in the Republic of Belarus / S. M. Kulak // Proc. of Voronezh State Univ. Ser. Law. — 2011. — № 2. — P. 132–137.

Статья поступила в редакцию 12.12.2018 г.

УДК 347.93

T. Taranova
BSEU (Minsk)

PROCEDURAL RESPONSIBILITY OF PARTICIPANTS OF ECONOMIC COURT PROCEDURE

In the article the author investigates questions of procedural responsibility of participants of economic court procedure. The author gives the legal characteristic of the procedural responsibility, allocates its types, the bases and conditions of liability for property and non-property economic procedural responsibility, expresses the opinion on the questions, which are not sufficient developed in the theory of economic court procedure and in legislation.

Keywords: procedural responsibility; court; participants of economic process; property economic procedural responsibility; non-property economic procedural responsibility.

T. С. Таранова
доктор юридических наук, профессор
БГЭУ (Минск)

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЦЕССА

В статье автором исследуются вопросы процессуальной ответственности участников хозяйственного судопроизводства. Автор дает правовую характеристику указанной процессуальной

ответственности, выделяет ее виды, основания и условия привлечения к имущественной и неимущественной хозяйственной процессуальной ответственности, высказывает свое мнение по недостаточно разработанным в теории хозяйственного процесса и законодательстве вопросам.

Ключевые слова: процессуальная ответственность; суд; участники хозяйственного процесса; имущественная хозяйственная процессуальная ответственность; неимущественная хозяйственная процессуальная ответственность.

Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь содержит нормы, позволяющие применять механизм процессуального воздействия относительно поведения определенных субъектов хозяйственного судопроизводства для создания условий, способствующих нормальному движению дела.

Судопроизводство предполагает правомерность поведения его участников, осуществление в необходимых случаях контроля суда за правомерностью их действий в процессе. Такой контроль обусловлен властными полномочиями суда. Н.Г. Юркевич правильно указывает, что властные полномочия суда необходимы для организации процессуальной деятельности, поддержания порядка и соблюдения строгой последовательности в совершении процессуальных действий [1, с. 466].

Процессуальная ответственность наступает за нарушения, которые лицом осуществляются осознанно и об ответственности за которые лицу известно. Еще римляне утверждали *nemo ignorantia iuris recusare potest* — никто не может оправдываться незнанием закона. Это означало, что незнание закона не может служить извинением для лица, его нарушившего, или никто не может отговариваться незнанием закона [2, с. 114]. Некоторые авторы презумпции знания закона относят к общеправовым презумпциям [3, с. 85–86]. Иное мнение высказывает А.Т. Боннер, полагая, что знание законов гражданами не может рассматриваться в качестве правовой презумпции. Данный автор отмечает, «дело не только в том, что данная посылка далеко не всегда соответствует действительности, и она не закреплена в законе. Такого рода «презумпция», даже если в конкретном случае она будет опровергнута, не сможет отразиться на правовом положении лица, на распределении обязанностей по доказыванию фактов и т.п. [4]. В белорусском законодательстве положение о том, что незнание законов не освобождает от юридической ответственности непосредственно не закреплено в законодательстве. В связи с этим возникают вопросы относительно признания знания закона в качестве презумпции, высказывалось мнение о закреплении презумпции знания (незнания) закона в законодательстве, а также обстоятельств опровержения такой презумпции [5, с. 144]. Положение, касающееся рассматриваемого вопроса, нашло закрепление в Конституции Украины, в ст. 68 которой провозглашено, что незнание законов не освобождает от юридической ответственности [6]. О.А. Отраднава указывает, что презумпция знания закона применяется прежде всего в сфере юридической ответственности [7, с. 147–153].

Важное значение в аспекте осознанности лицом требований о правомерности поведения при рассмотрении судом дела в судебном заседании, а также о возможной ответственности имеют разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. В п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2017 г. № 9 «О принятии искового заявления (заявления, жалобы), возбуждении производства и подготовке экономических дел к судебному разбирательству» обращено внимание экономических судов, что с момента возбуждения производства по делу лица, участвующие в деле, в соответствии с их процессуальным статусом осуществляют процессуальные права и несут процессуальные обязанности. Уже в подготовительном судебном заседании сторонам необходимо разъяснять их процессуальные права и обязанности, процессуальные последствия отказа от реализации прав, злоупотребления правами, ненадлежащего исполнения обязанностей, а также обязанность по своевременному раскрытию доказательств и последствия ее неисполнения.

Следует указать, что разъяснение процессуальных прав и процессуальных обязанностей закреплено в ХПК в качестве принципа хозяйственного судопроизводства. Статья 16 ХПК, посвященная разъяснению процессуальных прав и процессуальных обязанностей размещена в гл. 2 кодекса, посвященной основным принципам судопроизводства в суде, рассматривающем экономические дела. Согласно ст. 16 ХПК экономический суд должен разъяснять участникам судопроизводства в суде, рассматривающем экономические дела, их процессуальные права и процессуальные обязанности, а также процессуальные последствия отказа от реализации таких прав и ненадлежащего исполнения таких обязанностей.

Положения ХПК, касающиеся ответственности, в своем большинстве указывают в целом об ответственности, установленной законодательными актами, не конкретизируя ее видов. Вместе с тем процессуальная ответственность участников хозяйственного процесса (в настоящей работе предлагается использовать в дальнейшем термин «хозяйственная процессуальная ответственность») применяется за нарушение и неисполнение обязанностей, о которых указано в ХПК. Под хозяйственной процессуальной ответственностью понимается ответственность участников хозяйственного процесса, применяемая в соответствии с ХПК в связи с совершенным правонарушением процессуальных норм.

Меры ответственности, не предусмотренные в ХПК, не могут быть применены к участникам хозяйственного производства. Также меры хозяйственной процессуальной ответственности, применимые согласно ХПК к определенным участникам хозяйственного процесса, не могут быть применены к другим его участникам. Вполне логично предположить, что неразъяснение экономическим судом участникам хозяйственного процесса об их процессуальных правах и процессуальных обязанностях, процессуальной ответственности может рассматриваться как отсутствие оснований для привлечения к хозяйственной процессуальной ответственности. Представляется, что указанные разъяснения могут рассматриваться как логичное звено в правовой конструкции реализации принципа разъяснения процессуальных прав и процессуальных обязанностей и в связи с этим вносят дополнительные элементы в содержание данного принципа.

Анализ положений ХПК позволяет выделить два вида процессуальной ответственности: имущественную хозяйственную процессуальную ответственность и хозяйственную процессуальную ответственность неимущественного характера.

Исходя из содержания ст. 133-1 ХПК имущественная хозяйственная процессуальная ответственность наступает в виде взыскания со стороны судебных расходов независимо от того, в пользу какой из сторон будет вынесено судебное постановление. Путем формального анализа содержания нормы ст. 133-1 ХПК можно выделить основания и условия привлечения к хозяйственной процессуальной ответственности имущественного характера.

Основания привлечения к имущественной хозяйственной процессуальной ответственности включают:

- совершение стороной нарушения досудебного порядка урегулирования спора;
- совершение стороной процессуального нарушения порядка представления доказательств.

Нарушение досудебного порядка урегулирования спора отличается от несоблюдения досудебного порядка урегулирования спора. В последнем случае экономический суд в силу ст. 151 ХПК должен оставить исковое заявление (заявление, жалобу) без рассмотрения, если после его принятия к производству установит, что истцом не соблюден претензионный или иной досудебный порядок урегулирования спора с ответчиком, если это установлено законодательными актами для данной категории споров или договором.

Экономическому суду предоставлено право взыскать со стороны судебные расходы независимо от исхода дела, если дело возникло вследствие нарушения стороной досудеб-

ного порядка урегулирования спора, установленного законодательными актами для данной категории споров или договором. В ст. 133-1 ХПК указывается на некоторые случаи нарушения стороной досудебного порядка урегулирования спора, а именно оставление претензии без ответа в срок, предусмотренный приложением ХПК, невысылка истребованных документов, отказ либо уклонение от проведения переговоров.

Нарушение порядка представления доказательств, необходимых для рассмотрения дела, касается неправомерных действий стороны, в том числе в связи с нарушением срока представления доказательств, установленного судом, рассматривающим экономические дела.

Процессуальные правила об обязанности представления доказательств и сроках их представления содержатся в ст. 101 ХПК. Согласно данной норме, если лицо, от которого судом, рассматривающим экономические дела, истребуется доказательство, не имеет возможности представить его вообще или не имеет возможности представить его в срок, установленный судом, оно обязано не позднее пяти дней со дня получения определения суда, рассматривающего экономические дела, об истребовании доказательства известить об этом суд с указанием причин неисполнения или задержки исполнения его требования. В случае неизвещения суда, рассматривающего экономические дела, а также неисполнения требования о представлении истребуемого доказательства по причинам, признанным неуважительными, лицо, от которого это доказательство истребуется (должностное лицо юридического лица), привлекается к ответственности в соответствии с законодательством.

Условия привлечения к имущественной хозяйственной процессуальной ответственности включают:

а) наличие письменного заявления лиц, участвующих в деле, к суду о взыскании судебных расходов по делу. Следует указать, что в хозяйственном судопроизводстве к лицам, участвующим в деле, относятся стороны и третьи лица в исковом производстве; заявители и заинтересованные лица в делах иных видов производств, а также прокурор, государственные органы, органы местного управления и самоуправления и иные органы, обратившиеся в экономический суд. Как видно, представитель к этой группе лиц не относится, а значит, и правом на обращение к экономическому суду с заявлением о взыскании судебных расходов не наделен.

Представитель не относится и к другой группе участников хозяйственного процесса — к иным лицам, содействующим осуществлению правосудия. Данная группа участников хозяйственного процесса согласно ст. 68 ХПК включает экспертов, специалистов, свидетелей, государственные органы, органы местного управления и самоуправления, переводчиков, понятых.

Таким образом, процессуальный статус представителя остался неопределенным, но при этом представитель выступает участником хозяйственного процесса, имеет полномочия, предусмотренные ст. 79 ХПК. Стоит согласиться с мнением Н.А. Артебакиной о том, что классификация участников судопроизводства и в частности выделение среди них лиц, участвующих в деле, имеет важное практическое значение. Поскольку каждая из таких групп имеет определенный законом набор процессуальных прав и обязанностей. Лица, участвующие в деле, отличаются от лиц, содействующих осуществлению правосудия, по объему процессуальных прав и обязанностей. Так, принудительному приводу могут подвергнуться свидетели, относящиеся к кругу лиц, содействующих осуществлению правосудия. Подобная мера к лицам, участвующим в деле, не может быть применена [8, с. 73];

б) условия привлечения к имущественной хозяйственной процессуальной ответственности состоят в том, что взыскание судебных расходов может осуществляться судом, если сторона, во-первых, совершила процессуальное нарушение в виде злоупотребления своими процессуальными правами или неисполнения своих процессуальных обя-

занностей; и, во-вторых, если допущенное процессуальное нарушение повлекло процессуальные последствия в виде отложения судебного заседания; затягивания судебного процесса; воспрепятствования рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного постановления.

Меры неимущественной хозяйственной процессуальной ответственности применяются относительно нарушителей порядка в судебном заседании в случаях, указанных в ст. 185 ХПК. К таким мерам относятся:

- предупреждение, которое суд делает лицу, участвующему в деле, и (или) его представителю в связи с нарушением порядка во время судебного заседания;
- удаление из зала судебного заседания лиц, участвующих в деле, и (или) их представителей на все время судебного разбирательства или на его часть в случае повторного нарушения порядка в судебном заседании;
- удаление по распоряжению судьи экономического суда из зала заседания иных участников хозяйственного процесса и граждан, присутствующих при рассмотрении дела, при повторном нарушении порядка в судебном заседании;
- уведомление вышестоящего прокурора в случае нарушения порядка в судебном заседании прокурором, участвующим в деле;
- направление судом, рассматривающим экономические дела представления соответствующему прокурору, если действия нарушителя порядка в судебном заседании содержат признаки преступления, для рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении нарушителя.

Исходя из содержания в ст. 185 ХПК к мерам, принимаемым в отношении нарушителей порядка в судебном заседании, относится объявление в судебном заседании перерыва, приостановление или отложение разбирательства дела. В соответствии с ч. 4 указанной ст. 185 ХПК в случае нарушения порядка в судебном заседании лицами, участвующими в деле, экономический суд вправе объявить в судебном заседании перерыв, приостановить или отложить разбирательство дела.

Отложение разбирательства также применяется в гражданском судопроизводстве, когда при нарушении порядка в судебном заседании юридически заинтересованными в исходе дела лицами суд может также отложить разбирательство дела в соответствии со ст. 272 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь. При отложении судебного разбирательства дела экономическим судом должно быть вынесено определение, в котором указываются время и место проведения нового судебного заседания с учетом необходимого времени для вызова в суд участников процесса, истребования дополнительных доказательств или совершения дополнительных процессуальных действий. При этом определение об отложении разбирательства дела не может быть обжаловано отдельно от обжалования судебного акта, поскольку это не предусмотрено в ХПК, а также в связи с тем, что оно не исключает возможности дальнейшего движения дела [9].

Не совсем понятен подход законодателя к приостановлению разбирательства дела в связи с нарушением порядка в судебном заседании лицами, участвующими в деле. При приостановлении производства по делу в соответствии со ст. 137 ХПК течение всех неистекших процессуальных сроков должны приостанавливаться на неопределенный срок. При приостановлении производства по делу приходит «прекращение на неопределенный срок всех процессуальных действий суда, вызванное объективными причинами, в отношении которых невозможно определить, когда они отпадут» [10]. Также следует учитывать и то, что допускается возможность обжалования определения суда о приостановлении производства по делу отдельно от судебного решения (ст. 148 ХПК). Для этого закон устанавливает определенные сроки для обращения с жалобой и для ее рассмотрения. Применительно к положениям ст. 216 ХПК жалоба на определение суда, рассматривающего экономические дела, о приостановлении производства по делу мо-

жет быть подана в течение пятнадцати дней со дня вынесения определения. Рассмотрение такой жалобы осуществляется в порядке, установленном ХПК для апелляционного обжалования (опротестования) решений экономического суда. Это означает временные затраты на рассмотрение апелляционной жалобы (такие жалобы в соответствии со ст. 278 ХПК рассматриваются в пятнадцатидневный срок).

Таким образом, положение ст. 185 ХПК, предусматривающее, что в случае нарушения порядка в судебном заседании лицами, участвующими в деле, суд, рассматривающий экономические дела, приостанавливает производства, представляется нецелесообразным, поскольку с учетом указанных выше обстоятельств это может существенно увеличить сроки рассмотрения дела и в то же время негативно повлиять на своевременность получения судебной защиты и восстановление нарушенного права, нарушать принцип процессуальной экономии.

Источники

1. *Юркевич, Н. Г.* Избранные труды / Н. Г. Юркевич. — Минск : Ред. журн. «Промышленно-торговое право», 2015. — 507 с.
2. *Yurkevich, N. G.* Selected works / N. G. Yurkevich. — Minsk : Editorial office of the mag. «J. of Industrial and Commercial Law», 2015. — 507 p.
3. *Салогубова, Е. В.* Римский гражданский процесс / Е. В. Салогубова. — М. : Городец, 1997. — 144 с.
4. *Salogubova, E. V.* Roman civil process / E. V. Salogubova. — Moscow : Gorodets, 1997. — 144 p.
5. *Морозова, Л. А.* Юридическая техника (обзор материалов научно-методического семинара) / Л. А. Морозова // Государство и право. — 2000. — № 12. — С. 85–98.
6. *Morozova, L. A.* Legal equipment (review of materials of the scientific-methodical seminar) / L. A. Morozova // State and law. — 2000. — № 12. — P. 85–98.
7. *Боннер, А. Т.* Проблемы установления истины в гражданском процессе : монография / А. Т. Боннер. — СПб. : Унив. издат. консорциум «Юридическая книга», 2009. — 832 с.
8. *Bonner, A. T.* Problems of establishment of the truth in civil procedure : monograph / A. T. Bonner. — St Petersburg : Univ. publ. consortium «Legal Book», 2009. — 832 p.
9. *Таранова, Т. С.* Проблемы унификации доказывания в гражданском и хозяйственном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Т. С. Таранова ; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2012. — 296 л.
10. *Taranova, T. S.* Problems of unification of proof in civil and economic legal procedure : thesis ... dr of jurisprudence : 12.00.15 / T. S. Taranova ; Belarus State Univ. — Minsk, 2012. — 296 p.
11. Конституция Украины. Раздел II [Электронный ресурс] // Викитека. — Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_Украины/Раздел_II. — Дата доступа: 15.11.2018.
12. *Отраднава, О. А.* Применение общеправовых презумпций в механизме гражданско-правового регулирования деликтных обязательств (на примере Украины) / О. А. Отраднава // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. — 2013. — № 2. — С. 147–153.
13. *Otradnova, O. A.* Application of all-legal presumptions in the mechanism of civil regulation of delictual obligations (on the example of Ukraine) / O. A. Otradnova // The Messenger of the Perm Univ. Jurisprudence. — 2013. — № 2. — P. 147–153.
14. *Артебякина, Н. А.* Заявители и другие заинтересованные лица по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного постановления в разумный срок — лица, участвующие в деле / Н. А. Артебякина // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. — 2012. — № 1. — С. 73–77.
15. *Artebyakina, N. A.* Applicants and other interested persons in cases of award of compensation for violation of the right for court procedure in the reasonable time or the rights of execution of the court order in reasonable time — the persons participating in case / N. A. Artebyakina // The Messenger of the Perm Univ. Jurisprudence. — 2012. — № 1. — P. 73–77.
16. *Каменков, В. С.* Отложение судебного разбирательства дела / В. С. Каменков // Пром.-торг. право. — 2012. — № 1. — С. 58–61.
17. *Kamenkov, V. S.* Adjournment of judicial proceedings of case / V. S. Kamenkov // J. of Industrial and Commercial Law. — 2012. — № 1. — P. 58–61.

10. Шулейко, Е. И. Приостановление производства по делу [Электронный ресурс] / Е. И. Шулейко, К. И. Заблоцкая // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.

Shuleyko, E. I. Suspension of proceedings of case [Electronic resource] / E. I. Shuleyko, K. I. Zablotskaya // ConsultantPlus. Belarus. Technology 3000 / LLC «Yurspektr», Nat. center of legal inform. of Rep. Belarus. — Minsk, 2018.

Статья поступила в редакцию 10.12.2018 г.

УДК 346.9

T. Taranova
N. Ivut
BSEU (Minsk)

MEDIATION IN ARBITRAL PROCEEDINGS

The article deals with the relationship between mediation and arbitration. Scientifically based conclusions are made on the need to introduce a mediation procedure in arbitration proceedings, in connection with which changes are proposed to the legislation on arbitration courts.

Keywords: arbitration court; mediation; arbitration; arbitrator; international arbitration (arbitration) court; arbitration agreement; arbitration clause; mediation agreement; alternative ways to resolve cases; legal proceedings.

Т. С. Таранова
доктор юридических наук, профессор
Н. И. Ивуть
БГЭУ (Минск)

МЕДИАЦИЯ В ТРЕТЕЙСКОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы о соотношении медиации и третейского разбирательства. Делаются научно обоснованные выводы о необходимости введения процедуры медиации в третейское разбирательство, в связи с чем предлагаются изменения в законодательство о третейских судах.

Ключевые слова: третейский суд; медиация; арбитраж; арбитр; международный арбитражный (третейский) суд; арбитражное соглашение; арбитражная оговорка; медиативное соглашение; альтернативные способы разрешения дел; судопроизводство.

Третейское разбирательство как способ разрешения споров, возникающих в сфере гражданско-правовых отношений, имеет глубокие исторические корни, получило международное признание, закрепление в законодательстве многих иностранных государств. Третейское разбирательство уже давно получило законодательное оформление и применение на практике в Республике Беларусь.

Вопросы взаимодействия третейских (международных арбитражных) и государственных судов, особенности обжалования решений третейских (международных арбитражных) судов в государственные суды и порядок их исполнения традиционно привлекают внимание исследователей. Актуальными остаются проблемы защиты права в третейских (международных арбитражных) судах как альтернативы судебной форме защиты, предоставляющей дополнительные возможности и правовые гарантии защиты нарушенных прав. Проблемы третейского разбирательства представляются актуальными.

ми также в связи с интеграцией в правовую среду Республики Беларусь медиации, необходимостью содействия дальнейшему развитию альтернативных способов урегулирования споров. Институт медиации (согласительной процедуры) повсеместно используется для разрешения споров, в том числе при помощи арбитражных учреждений. Так, еще в 2002 г. ЮНСИТРАЛ принял Типовой закон о международной коммерческой согласительной процедуре, согласно которому стороны могут воспользоваться данной процедурой при наличии соответствующего соглашения между ними [1].

Нововведения о законодательном регулировании медиации непосредственно затронули гражданское процессуальное законодательство, способствовали появлению нового правового явления — медиации по делам, возбужденным в суде. Возможность передачи спора в процедуру медиации после того, когда дело уже возбуждено в суде, наряду с правом сторон на заключение мирового соглашения, передачу спора на третейское разбирательство, явилось дополнительной гарантией права на добровольное урегулирование споров. Совокупность процессуальных норм, регулирующих процессуально-правовые отношения, возникающие в связи с реализацией права сторон на применение медиации, рассмотрение дела в третейском суде, на заключение мирового соглашения предлагается рассматривать как новый процессуальный институт добровольного урегулирования споров по делам, возбужденным в суде [2, с. 201–208].

Также следует отметить, что легализация проведения медиации по делам, возбужденным в суде, выявила взаимосвязь процессуальной сферы судопроизводства с внесудебной процедурой защиты права в медиации, но оставила без внимания вопросы взаимодействия медиации и третейских судов, медиации и третейского разбирательства. Нормы Закона Республики Беларусь «О третейских судах», Закона Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде» не предполагают возможности обращения сторон спора к медиации по делам, находящимся на рассмотрении в третейских судах, в международном арбитражном суде. Да и положения самого законодательства о медиации (Закон Республики Беларусь «О медиации») не предусматривают применение процедуры медиации при рассмотрении спора третейским судом.

Третейское разбирательство, как и медиация, является альтернативным способом урегулирования спора, деятельность которого направлена на разрешение правовых конфликтов, возникших между субъектами правовых отношений. Следует отметить, что конечная цель применения альтернативных способов урегулирования споров — это разрешение спора с наименьшими затратами для спорящих сторон. Но в отличие от рассмотрения дела в третейском суде (международном арбитраже) урегулирование спора в медиации не является процедурой разрешения спора с принятием решения в защиту прав только одной стороны, доказавшей свои требования. Процедура медиации проводится в целях урегулирования спора (споров) путем выработки взаимоприемлемого соглашения для всех сторон, находящихся в конфликте, и основана на принципе сотрудничества сторон. Арбитражное разбирательство основано на принципе состязательности, на исследовании доказательств и установлении фактов и направлено на вынесение обязательного для сторон решения [3, с. 274].

В связи с активным развитием процедуры медиации в Республике Беларусь встает вопрос о соотношении и возможном взаимодействии медиации и третейского разбирательства как основных способов разрешения споров, альтернативных суду. Как верно отмечает С. Некрасов, соотношение арбитража (третейского разбирательства) и процедуры медиации в Российской Федерации находится в тех же границах, что и соотношение процедуры медиации в гражданском и арбитражном процессах [4, с. 49].

Применение медиации в третейском разбирательстве могло бы способствовать расширению возможностей использования альтернативных способов урегулирования конфликтов, развитию практики получения новых результатов в данной сфере защиты прав. В данном аспекте можно также сослаться на российский опыт использования медиации

в третейском разбирательстве. Из содержания нормы ст. 49 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» следует, что применение процедуры медиации допускается на любой стадии арбитража. В случае принятия сторонами решения о проведении процедуры медиации любая из сторон вправе заявить третейскому суду соответствующее ходатайство и представить заключенное в письменной форме соглашение о проведении процедуры медиации. Третейский суд выносит постановление о проведении сторонами процедуры медиации в срок, установленный по соглашению сторон, и откладывает рассмотрение спора на этот срок. Заключенное сторонами медиативное соглашение по спору, который находится на разрешении в арбитраже, может быть утверждено третейским судом в качестве арбитражного решения на согласованных условиях по просьбе всех сторон арбитража. Следует также отметить, что российское законодательство предусматривает возможность применения процедуры медиации в международном коммерческом арбитраже.

Правила аналогичного характера содержатся в Законе Республики Казахстан «Об арбитраже», предоставляющем сторонам право на урегулирование спора в порядке медиации, а арбитражу — прекратить разбирательство и по просьбе сторон фиксировать это урегулирование в виде арбитражного решения на согласованных условиях (ст. 31, 46 указанного Закона).

Согласно п. 2 ст. 2 Закона Республики Беларусь «О медиации» медиация может быть проведена как до обращения сторон в суд в порядке гражданского или хозяйственного судопроизводства, так и после возбуждения производства по делу в суде. Особенности проведения медиации после возбуждения производства по делу в суде определяются процессуальным законодательством. Таким образом, названный выше закон не содержит возможности применения медиации в третейском разбирательстве. Медиация и третейское разбирательство являются разновидностями альтернативного разрешения споров, однако, на наш взгляд, они не должны конкурировать друг с другом, а совместно существовать для эффективного урегулирования споров. В связи с этим предлагается дополнить п. 2 ст. 2 Закона Республики Беларусь «О медиации», указав на возможность применения медиации не только до обращения в суд в порядке гражданского и хозяйственного судопроизводства, но и третейского разбирательства, а также на любой стадии рассмотрения дела в третейских судах.

Законодательство о третейских судах с момента принятия практически не претерпело существенных изменений, в связи с чем третейское разбирательство начало терять свою востребованность. Применение процедуры медиации в третейском разбирательстве позволит наиболее эффективно осуществлять защиту нарушенных прав. Следует отметить, что одним из важнейших преимуществ института медиации является то, что к процедуре медиации можно прибегнуть в любой момент до разрешения спора по существу, и это позволяет решить спор в кратчайшие сроки [1].

Статья 22 Закона Республики Беларусь «О третейских судах» закрепляет права сторон третейского разбирательства. Так, сторонам предоставлено право ознакомиться с документами и иными материалами третейского разбирательства, делать выписки из них и снимать копии; представлять доказательства; заявлять отвод третейским судьям; задавать вопросы другим участникам третейского разбирательства, давать устные и письменные объяснения; представлять свои доводы по всем вопросам, возникающим в ходе третейского разбирательства; заявлять ходатайства, возражать против ходатайств и доводов другой стороны; знакомиться с протоколом заседания третейского суда и представлять по нему письменные замечания; ходатайствовать перед судом о принудительном исполнении решения третейского суда; обжаловать решение третейского суда. Данный перечень не является исчерпывающим и стороны могут иметь иные права, предусмотренные Законом Республики Беларусь «О третейских судах», регламентом постоянно действующего третейского суда, третейским соглашением. На наш взгляд, следует

дополнить данную статью правом сторон окончить дело мировым соглашением, в том числе путем проведения медиации в срок, установленный судом. Однако срок проведения медиации не должен превышать шестимесячный срок, установленный п. 4 ст. 13 Закона Республики Беларусь «О медиации». Учитывая, что общий срок рассмотрения дел в третейских судах составляет три месяца, а в Международном арбитражном (третейском суде) — шесть месяцев, представляется необходимым закрепить положение, согласно которому третейское разбирательство следует приостанавливать на срок проведения медиации.

По результатам проведения медиации стороны могут заключить медиативное соглашение, которое представляет собой соглашение, заключенное сторонами по результатам переговоров, проведенных с участием третьего независимого лица, медиатора, в порядке, установленном законодательством о медиации в целях урегулирования спора (споров). Медиативное соглашение, достигнутое сторонами, должно, на наш взгляд, утверждаться решением третейского суда, что в дальнейшем будет гарантировать его исполнение.

Структурно Закон Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде» отличается от Закона Республики Беларусь «О третейских судах» и содержит общие положения о разбирательстве дел в данном суде. Большая часть норм отсылает к Регламенту Международного арбитражного суда при БелТПП, где более подробно регламентирован порядок проведения арбитражного разбирательства. В связи с этим нам представляется наиболее приемлемым дополнить гл. 6 Закона Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде» ст. 35.1 следующего содержания:

«Статья 35.1. Применение медиации при разбирательстве дела международным арбитражным судом

Применение процедуры медиации допускается на любой стадии разбирательства дела международным арбитражным судом.

В случае принятия сторонами решения о проведении процедуры медиации любая из сторон вправе заявить соответствующее ходатайство. При этом стороны представляют в международный арбитражный суд соглашение о применении медиации, заключенное в установленном законодательством порядке.

В случае если международному арбитражному суду представлено соглашение, указанное в ч. 2 настоящей статьи, международный арбитражный суд выносит постановление о проведении сторонами арбитража процедуры медиации.

Срок проведения процедуры медиации устанавливается международным арбитражным (третейским) судом и не может превышать шесть месяцев. На срок проведения медиации производство по делу приостанавливается.

Медиативное соглашение, заключенное сторонами в письменной форме по результатам проведения процедуры медиации в отношении спора, который находится на разрешении в международном арбитражном суде, может быть утверждено международным арбитражным судом в качестве решения.»

Для эффективного сосуществования процедуры медиации и третейского разбирательства необходимо не только правовое, но и организационное взаимодействие. В Республике Беларусь существуют организации, обеспечивающие проведение медиации. Они существуют в виде обособленных подразделений юридического лица. В Российской Федерации созданы центры, которые осуществляют организационное взаимодействие третейских судов и организаций, обеспечивающих проведение процедуры медиации. Одним из наиболее известных выступает Центр арбитража и посредничества при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, который обеспечивает деятельность образованных при ТПП РФ постоянно действующих арбитражных учреждений и органов по урегулированию споров, осуществляет развитие и популяризацию арбитража (третейского разбирательства) и медиации.

Как отмечает Е.И. Носырева, преимущества создания данных центров заключаются в следующем:

- репутация уже действующего третейского суда распространяется на медиацию;
- облегчается выбор медиатора (список третейских судей дополняется списком медиаторов);
- упрощается переход из одной процедуры в другую (если стороны не достигли примирения в ходе медиации, они инициируют арбитражное разбирательство в этой же организации);
- разрешение спора в целом может быть скомбинировано по типу особой процедуры «медиация — арбитраж»;
- обеспечивается возможность использования процедуры медиации после обращения в арбитраж [3, с. 276].

Создание такого центра при Белорусской торгово-промышленной палате будет способствовать внедрению процедуры медиации в третейское разбирательство.

В итоге дальнейшее совершенствование белорусского законодательства в направлении обеспечения права сторон на использование процедуры медиации по делам, находящимся на рассмотрении в третейских судах, соответствовало бы современным тенденциям, направленным на развитие альтернативных способов разрешения споров, повышение культуры и способности участников конфликта применить наиболее адекватный для соответствующей ситуации и предусмотренный законом вариант урегулирования правового конфликта.

Источники

1. Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / А. С. Антонов [и др.] ; под общ. ред. В. В. Хвалея ; отв. ред. А. В. Грищенко ; Рос. арбитр. асоц. — М. : РАА, 2017. — 935 с.

Scientific and practical article by article commentary to the legislation on arbitration courts / A. S. Antonov [et al.] ; under total editorship V. V. Hwalei ; reps. ed. A.V. Grischenkova ; Russ. arbitration Assoc. — Moscow : RAA, 2017. — 935 p.

2. Таранова, Т. С. Добровольное урегулирование споров по делам, возбужденным в суде / Т. С. Таранова // Актуальные проблемы гражданского права и гражданского судопроизводства : материалы VI межвуз. науч.-практ. конф. им. К. И. Малышева, Челябинск, 16 февр. 2018 г. / Челябин. гос. ун-т ; отв. ред. О. Г. Зенина. — Челябинск, 2018. — С. 201–208.

Taranova, T. S. Voluntary settlement of disputes in cases initiated in court / T. S. Taranova // Actual problems of civil law and civil proceedings : materials of the VI interuniversity sci. and practical conf. name of K. I. Malysheva, Chelyabinsk, 16 Febr. 2018 / Chelyabinsk State Univ. ; resp. ed. O. G. Zenina. — Chelyabinsk, 2018. — P. 201–208.

3. Носырева, Е. И. Медиация и международный коммерческий арбитраж: возможности взаимодействия по российскому законодательству / Е. И. Носырева // Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения : сб. ст. к 80-летию Междунар. коммерч. арбитр. суда при Торг.-пром. палате Рос. Федерации / ред.: А. А. Костин ; Междунар. коммерч. арбитр. суд при Торг.-пром. палате Рос. Федерации. — М. : Статут, 2012. — С. 274–290.

Nosyreva, E. I. Mediation and International Commercial Arbitration: Interaction Opportunities under Russian Law / E. I. Nosyreva // International Commercial Arbitration: Current Problems and Solutions : collection of articles for the 80th anniversary of the Intern. commercial arbitration court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russ. Federation / ed. : A. A. Kostin ; Intern. commercial arbitration court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russ. Federation. — Moscow : Statute, 2012. — P. 274–290.

4. Некрасов, С. Арбитраж (третейское разбирательство и процедуры медиации) / С. Некрасов // Вестн. Федерал. ин-та медиации. — 2017. — № 3. — С. 48–49.

Nekrasov, S. Arbitrage (arbitration and mediation procedures) / S. Nekrasov // Bull. of the Federal Inst. of Mediation. — 2017. — № 3. — P. 48–49.

Статья поступила в редакцию 10.01.2019 г.

TO THE QUESTION OF THE CONTENT AND THE SYSTEM OF PRINCIPLES OF HEREDITARY LAW

This article is devoted to a critical analysis of the content of the principles of inheritance law. It is concluded that the principles of inheritance law can be classified into the principles of inheritance law in general and the principles of individual institutions of inheritance law.

Keywords: sub-industry; inheritance law; inheritance; principles; succession; universality; singularity; system of principles.

Т. М. Халецкая
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ И СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

Настоящая статья посвящена критическому анализу содержания принципов наследственного права. Сделан вывод о том, что принципы наследственного права могут быть классифицированы на принципы наследственного права в целом и принципы отдельных институтов наследственного права.

Ключевые слова: подотрасль; наследственное право; наследование; принципы; правопреемство; универсальность; сингулярность; система принципов.

Принцип (от лат. *principium* — основа, начало, первоначало) — это основополагающее утверждение, на основе которого создают научные теории и законы, юридические документы, выбирают различные нормы поведения в обществе. В монографии, посвященной исследованию принципов гражданского права, Н.Л. Бондаренко отмечает, что принципы, являясь основополагающим началом, определяют «содержание норм отрасли права, ее место, роль и значение в системе права» [1, с. 31], значимой целью принципов является обеспечение стабильности общественных отношений [1, с. 44].

Вопрос о принципах наследственного права не относится к числу решенных в цивилистической науке. Прежде всего следует отметить отсутствие среди ученых единой позиции по вопросу о том, какие принципы лежат в основе наследственного права. Так, например, П.С. Никитюк в качестве принципов наследственного права называет следующие положения: непосредственная связь и зависимость правового регулирования наследования от допускаемых видов индивидуальной собственности граждан; семейно-родственный характер наследования; материально-обеспечительное назначение наследования [2, с. 12]. По мнению Р.Ю. Закирова в наследственном праве необходимо выделять такие принципы, как универсальность наследственного правопреемства; принцип свободы наследования; принцип свободы завещания; принцип тайны завещания; принцип обеспечения прав и интересов обязанных наследников; принцип охраны наследства и наследственных прав [3, с. 10]. Современное наследственное право, по мнению П.В. Крашенинникова, строится на принципах свободы завещания; приоритета завещания над наследованием по закону; отсутствия количественных и качественных ограничений по наследованию имущества; универсальности (целостности) наследственной массы; призвания к наследованию лиц, имеющих право на обязательную долю; максимального

вовлечения наследников по закону в процесс наследования при отсутствии распоряжения наследуемым имуществом; минимального участия государства в наследственных правоотношениях [4, с. 46–47]. К принципам наследственного права Ю.К. Толстой относит принцип универсальности наследственного правопреемства; принцип свободы завещания; принцип обеспечения прав и интересов необходимых наследников; принцип учета не только действительной, но и предполагаемой воли наследодателя; принцип свободы выбора у наследников, призванных к наследованию; принцип охраны основ правопорядка и нравственности, интересов наследодателя, наследников, иных физических и юридических лиц в отношениях по наследованию; принцип охраны самого наследства от чьих бы то ни было противоправных или безнравственных посягательств [5, с. 549]. Разделяя точку зрения Ю.К. Толстого, И.Л. Корнеева настаивает на выделении аналогичных принципов [6, с. 12]. По мнению Н.И. Куленко наследственное право базируется на сочетании только двух принципов: принципа свободы наследования и принципа охраны семьи и обязательных наследников [7, с. 48].

Многие исследователи, так или иначе затрагивающие в своих работах вопрос о принципах наследственного права, настаивают на выделении такого принципа, как принцип дозволительной направленности и диспозитивности. Данный принцип выделен, например, Р.А. Курбановым [8, с. 45], Ю.А. Хамицаевой [9, с. 13]. Соглашаясь с отнесением принципа дозволительной направленности и диспозитивности к принципам наследственного права, С.З. Женетль выделяет также принцип демократизма и равенства, который «устанавливает, что граждане равноправны в своих наследственных правах» и принцип социальной справедливости при разделе наследственного имущества [10, с. 26]. По утверждению А.Е. Казанцевой наследственному праву присущ также принцип охраны интересов членов семьи и близких родственников [11, с. 17]. Принцип охраны интересов субъектов наследственного права выделяет М.Б. Смоленский [12, с. 8].

Выделение некоторых из указанных выше принципов, на наш взгляд, зачастую либо необоснованно, либо носит спорный характер. Например, раскрывая содержание принципа дозволительной направленности и диспозитивности, авторы, настаивающие на его выделении, утверждают, что данный принцип «действует в наследственном праве не только по отношению к наследодателю, но и к наследникам, которым в случае призвания их к наследованию предоставляется право выбора: они могут принять наследство или отказаться от него» [8, с. 45; 9, с. 13]. При этом разъяснение того, как именно данный принцип действует в отношении наследодателя, не приводится. Представляется, что принцип дозволительной направленности и диспозитивности в отношении наследодателя действует лишь в случае, когда имеет место выражение его воли в отношении принадлежащего ему имущества путем составления завещания.

Выделение принципа охраны наследства от чьих-либо противоправных или безнравственных посягательств также не бесспорно. Полагаем, что указанный принцип не является самостоятельным, а представляет собой часть одного из общих принципов гражданского права — принципа неприкосновенности собственности.

Отдельно следует остановиться на анализе содержания принципа универсальности наследственного правопреемства. Несомненно, вывод об универсальности наследственного правопреемства полностью соответствует положениям белорусского законодательства. Так, в п. 1 ст. 1031 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК Республики Беларусь) установлено следующее правило: при наследовании имущество умершего (наследство, наследственное имущество) переходит к другим лицам в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент (универсальное правопреемство).

Вместе с тем принцип универсальности наследственного правопреемства не является абсолютным. И такая точка зрения довольно часто высказывается в специальной литературе. Например, П.С. Никитюком сделан вывод о том, что в наследственном праве не реализуется идея универсального правопреемства. Ученый отмечает наличие в на-

следственном праве элементов сингулярного и опосредованного правопреемства, например, в случае включения в завещание условия о завещательном отказе [2, с. 34]. На ограниченность законодательного закрепления универсального характера наследственного правопреемства указывают в своих работах Л.А. Лушина и Л.В. Мищенко. В числе исключений из данного принципа авторы называют, например, исключение из состава наследства прав и обязанностей, тесно связанных с личностью наследодателя; возможность наследника отказаться от принятия наследства по одному из оснований (по завещанию, по закону или в порядке наследственной трансмиссии); включение в завещание условия о завещательном отказе; принятие наследства несовершеннолетними от 14 до 18 лет (за исключением эмансипированных и вступивших в брак ранее 18 лет) хотя и своей волей, но только с согласия их законных представителей [13, с. 227–228; 14, с. 300].

Комплексный анализ белорусского законодательства позволяет выделить и другие ограничения принципа универсальности наследственного правопреемства. Так, положениями п. 3 ст. 549 ГК Республики Беларусь предусмотрено право дарителя отменить дарение в случае, если он переживет одаряемого и при условии, что это право будет предусмотрено в договоре дарения. В подобной ситуации имущество, составляющее предмет договора дарения, будет исключено из состава наследства и возвращено дарителю.

Еще одно ограничение рассматриваемого принципа появилось в законодательстве Республики Беларусь с момента принятия 21 декабря 2017 г. (дата вступления в силу 27 марта 2018 г.) Декрета Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики». В подп. 2.2 указанного Декрета закреплено право физических лиц завещать токены. Используемый законодателем термин «завещать» позволяет говорить о том, что физическое лицо может распорядиться принадлежащими ему токенами лишь путем составления завещания, в случае же, когда имеет место наследование по закону, токены в состав наследства не включаются [15, с. 46].

В целом, исключения из принципа универсальности наследственного правопреемства нельзя признать противоречащими положениям п. 1 ст. 1031 ГК Республики Беларусь и неверным следует признать содержащееся в литературе утверждение о том, что «при наследовании исключена возможность сингулярного правопреемства» [16, с. 118]. Связано это с тем, что ГК Республики Беларусь закрепляет возможность существования исключений из принципа универсальности. Так, п. 1 ст. 1031 ГК Республики Беларусь установлено, что исключения из принципа универсальности наследственного правопреемства могут следовать из положений самого ГК Республики Беларусь, а также из иных законов.

В научной литературе иногда делается попытка классифицировать принципы наследственного права. Например, О. С. Шевчук и О. В. Ландина предлагают построить систему принципов наследственного права исходя из их разделения на принципы, легализованные в нормах ГК (речь идет о ГК Российской Федерации) и принципы наследственного права, вытекающие из наследственного законодательства путем толкования [17, с. 190]. К первой группе принципов авторы относят принцип универсальности наследственного правопреемства, принцип свободы завещания, принцип тайны завещания, принцип справедливости как общегражданский принцип; ко второй группе относятся принцип приоритета наследования по завещанию, принцип защиты прав и интересов обязательных наследников, принцип свободы в осуществлении наследственных прав, принцип очередности призвания к наследованию по закону [17, с. 190]. Такой подход к классификации принципов наследственного права представляется нам неверным, поскольку любой принцип наследственного права так или иначе закреплен в правовой норме. Более удачной нам представляется классификация принципов наследственного права, предложенная Ю.Ф. Беспаловым, который предлагает выделять принципы наследственного права в целом и принципы отдельных институтов наследственного права. При этом по мнению Ю.Ф. Беспалова для наследственного права характерны

такие принципы, как законность, универсальность, судебная защита наследственных прав, а для института наследования по закону характерны принципы очередности наследования и равенства долей наследников (за исключением наследования по праву представления) [18, с. 10]. К сожалению, дальше выделения указанных принципов автор не идет, хотя, представляется, как для наследственного права в целом, так и для отдельных его институтов можно выделить гораздо большее число принципов.

Подводя итог проведенного в настоящей статье исследования, отметим, что существующее в научной литературе многообразие мнений о выделении тех или иных принципов наследственного права, на наш взгляд, не позволяет в полной мере уяснить значение и суть самого регулирования тех отношений, которые опосредуют переход имущества умершего гражданина (наследодателя) к другим лицам (наследникам), не способствует правильному толкованию и применению норм наследственного права. Выделяя те или иные принципы наследственного права следует помнить о том, что принципы (в том числе и подотраслевые) должны быть «вычленены из конкретной правовой материи, а не привлечены в нее извне... нельзя становиться на путь «вымучивания» принципов, ставить своей задачей «наскрести» определенный набор принципов во что бы то ни стало» [5, с. 548].

Источники

1. Бондаренко, Н. Л. Принципы гражданского права Республики Беларусь : монография / Н. Л. Бондаренко. — Минск : БГЭУ, 2007. — С. 31.
Bondarenko, N. L. Principles of civil law of the Republic of Belarus : monograph / N. L. Bondarenko. — Minsk : BSEU, 2007. — P. 31.
2. Никитюк, П. С. Наследственное право и наследственный процесс / П. С. Никитюк. — Кишинев : АН МССР, 1973. — 258 с.
Nikityuk, P. S. Inheritance law and the hereditary process / P. S. Nikityuk. — Kishinev : AN MSSR, 1973. — 258 p.
3. Закиров, Р. Ю. Наследственное право / Р. Ю. Закиров, Я. С. Гришина, М. М. Махмутова. — М. : Дашков и К°, 2013. — 287 с.
Zakirov, R. Yu. Inheritance law / R. Yu. Zakirov, Ya. S. Grishina, M. M. Makhmutova. — Moscow : Dashkov and K°, 2013. — 287 p.
4. Крашенинников, П. В. Наследственное право / П. В. Крашенинников. — М. : Статут, 2017. — 270 с.
Krashennnikov, P. V. Inheritance Law / P. V. Krashenninnikov. — Moscow : Statute, 2017. — 270 p.
5. Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е. Ю. Валявина [и др.]. — М. : Проспект, 1999. — Т. 3. — 624 с.
Civil law : textbook : in 3 t. / E. Yu. Valyavina [et al.]. — Moscow : Prospect, 1999. — T. 3. — 624 p.
6. Корнеева, И. Л. Наследственное право / И. Л. Корнеева. — М. : Юрайт, 2016. — 357 с.
Korneeva, I. L. Inheritance Law / I. L. Korneeva. — Moscow : Yurayt, 2016. — 357 p.
7. Куленко, Н. И. Некоторые проблемы наследования в российском праве / Н. И. Куленко // Вестн. Челябин. гос. ун-та. — 2013. — № 5. — С. 48–51.
Kulenko, N. I. Some problems of inheritance in Russian law / N. I. Kulenko // Bull. of Chelyabinsk State Univ. — 2013. — № 5. — P. 48–51.
8. Наследственное право / Р. А. Курбанов [и др.]. — М. : Проспект, 2016. — 189 с.
Inheritance law / R. A. Kurbanov [et al.]. — Moscow : Prospect, 2016. — 189 p.
9. Хамицаева, Ю. А. Наследственное право / Ю. А. Хамицаева. — М. : Юрайт, 2011. — 147 с.
Khamitsaeva, Yu. A. Inheritance law / Yu. A. Khamitsaeva. — Moscow : Yurayt, 2011. — 147 p.
10. Женетль, С. З. Наследственное право / С. З. Женетль. — М. : РИОР : ИНФРА-М, 2011. — 181 с.
Zhenetl, S. Z. Inheritance law / S. Z. Zhenetl. — Moscow : RIOR : INFRA-M, 2011. — 181 p.
11. Казанцева, А. Е. Наследственное право / А. Е. Казанцева. — М. : Норма, 2013. — 351 с.
Kazantseva, A. E. Inheritance Law / A. E. Kazantseva. — Moscow : Norma, 2013. — 351 p.

12. Смоленский, М. Б. Наследственное право / М. Б. Смоленский, С. Ю. Акопян. — Ростов н/Д : Феникс, 2007. — 254 с.
Smolensky, M. B. Inheritance law / M. B. Smolensky, S. Yu. Akopyan. — Rostov-on-Don : Phoenix, 2007. — 254 p.
13. Лушина, Л. А. К вопросу о качестве закрепления принципа универсального правопреемства наследственных правоотношений в российском законодательстве / Л. А. Лушина, Л. В. Мищенко // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. — 2013. — № 22. — С. 226–228.
Lushina, L. A. On the issue of the quality of the consolidation of the principle of universal succession of inheritance relations in the Russian legislation / L. A. Lushina, L. V. Mishchenko // Bull. of the Nizhny Novgorod Acad. of the Min. of Internal Affairs of Russia. — 2013. — № 22. — P. 226–228.
14. Лушина, Л. А. К вопросу об универсальности правопреемства в наследственных правоотношениях / Л. А. Лушина, Л. В. Мищенко // Юрид. техника. — 2011. — № 5. — С. 298–301.
Lushina, L. A. On the question of the universality of succession in inheritance relations / L. A. Lushina, L. V. Mishchenko // Legal technology. — 2011. — № 5. — P. 298–301.
15. Халецкая, Т. М. О принципе научности нормотворческой деятельности / Т. М. Халецкая // Актуальні проблеми правової науки і державотворення в Україні в контексті правової інтеграції : матеріали XI Міжнар. науково-практ. конф., Суми, 18–19 трав. 2018 р. / Сумська філія Харків. нац. ун-ту внутр. справ. — Суми : Ельдорадо, 2018. — С. 45–47.
Khaletskaya, T. M. On the principle of the scientific nature of rule-making / T. M. Khaletskaya // Actual problems of legal science and state creation in Ukraine in the context of law integration : materials of the XI Intern. sci. and practical conf., Sumi, 18–19 Mar. 2018 / Sumy branch of Kharkiv Nat. Univ. of Internal Affairs. — Sumi : Eldorado, 2018. — P. 45–47.
16. Кириллова, Е. А. Значение и роль принципов наследственного права / Е. А. Кириллова // Вестн. Перм. ун-та. — 2012. — Вып. 3 (17). — С. 114–124.
Kirillova, E. A. The value and role of the principles of inheritance law / E. A. Kirillova // Bull. of Perm Univ. — 2012. — Vol. 3 (17). — P. 114–124.
17. Шевчук, О. С. Принцип справедливости и его реализация в нормах наследственного права / О. С. Шевчук, О. В. Ландина // Гуманит. и юрид. исслед. — 2018. — № 2. — С. 189–195.
Shevchuk, O. S. The principle of justice and its implementation in the rules of inheritance law / O. S. Shevchuk, O. V. Landina // Humanitarian and legal studies. — 2018. — № 2. — P. 189–195.
18. Беспалов, Ю. Ф. Наследственное право / Ю. Ф. Беспалов. — М. : Юнити-Дана, 2010. — 127 с.
Bespalov, Yu. F. Inheritance law / Yu. F. Bespalov. — Moscow : Unity-Dana, 2010. — 127 p.

Статья поступила в редакцию 06.12.2018 г.

УДК 340:0001.895

A. Shafalovich
BSEU (Minsk)

LAW, STATE AND INNOVATIVE DEVELOPMENT: SOME THEORETICAL PROBLEMS

This article continues the author's series of publications on the innovative development of state and law. The aim of the study is to solve the most important issue — to identify and solve the conceptual problems related to the innovative development of state and law. Among the conceptual problems, the author names the following: the question of the definition and correlation of such fundamental concepts for innovative topics as «innovative state», «innovative economy», «innovation law», «e-state», «e-government», etc.; the lack of developed conceptual requirements for the legal system and legal regulation in the context of social transformation; the question of the place of the digital sphere as an object of legal regulation; the question of developing the conceptual foundations of the e-state; the question of the readiness of the state to activate citizens and the conscious involvement of non-state experts in the processes of state governance and evaluation of its effectiveness.

Keywords: *innovation; e-state; e-government; Informatization; innovation law; innovation state; digital economy; e-democracy; innovation function; legal system.*

А. А. Шафалович
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ПРАВО, ГОСУДАРСТВО И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Данная статья продолжает цикл публикаций автора об инновационном развитии государства и права. В качестве цели исследования выступает решение важнейшего вопроса — выявление и авторское решение концептуальных проблем, связанных с инновационным развитием государства и права. Среди концептуальных проблем автор называет следующие: вопрос о дефинировании и соотношении таких основополагающих для инновационной тематики понятий, как «инновационное государство», «инновационная экономика», «инновационное право», «электронное государство», «электронное правительство» и др.; отсутствие разработанных концептуальных требований к правовой системе и правовому регулированию в условиях социальной трансформации; вопрос о месте цифровой сферы как объекте правового регулирования; вопрос выработки концептуальных основ электронного государства; вопрос готовности государства к активизации граждан и осознанному привлечению негосударственных экспертов в процессах управления государством и оценке его эффективности.

Ключевые слова: инновация; электронное государство; электронное правительство; информатизация; инновационное право; инновационное государство; цифровая экономика; электронная демократия; инновационная функция; правовая система.

В последнее время заслуженное внимание правовой науки все больше привлекают вопросы инновационного развития. Делается это, как правило, в рамках информационного права. Между тем остаются несистематизированными и нерешенными концептуальные проблемы инновационного развития государства и права. Этот пробел в правовой науке в «условиях глобального процесса цифровой трансформации» [1, с. 61–70] требует скорейшего восполнения. В данной статье выявляются имеющиеся теоретические проблемы в поле инновационного развития и дается их авторское решение.

Первой теоретической проблемой в инновационном поле назовем отсутствие приемлемого определения понятия инновационного государства. Для ее решения, во-первых, нужно четко выявить отличие правового регулирования в традиционных обществах и обществах инновационного типа. Традиционными обществами среди прочего характерно ретроспективное правовое регулирование, когда, перефразируя И. Канта, «мертвые управляют живыми». И лишь инновационное государство принимает на себя задачу по перспективному правовому регулированию общественных отношений, даже пока еще не возникших [2, с. 128]. «Оно должно представлять в настоящем интересы будущего, выполняя функцию стратегического ориентирования инвестиционных потоков» [3, с. 22–24]. Говоря словами профессора Л.В. Голоскокова, «требуется постоянные инновации и с ускорением, с тем чтобы быть к ним готовым заранее, а не как в обычном государстве — реагировать почти всегда *post factum*» [4, с. 41–49]. В отличие от ретроспективного и текущего правового регулирования регулирование «на опережение», присущее инновационному государству, в полной мере задействует такие инструменты, как предвидение и прогноз тенденций и закономерностей развития общества и права. Во-вторых, инновационная деятельность в определенной степени присутствует во всех современных государствах, но в одних она незначительна, а в других государствах настолько мощная, что можно говорить о стратегически-инновационной функции государства и об инновационном государстве. В-третьих, здесь уместно уточнить тип модернизации, свойственный инновационному государству. Принято считать, что инновационное государство как государство непрерывной модернизации, будучи главным инициатором осуществления инноваций, соотносится с типом модернизации, именуемым

«модернизация сверху». В отличие от нее «модернизация снизу» предполагает инициативу, финансирование преимущественно со стороны бизнеса. Однако полагаем, в инновационном государстве должны быть уравновешены оба типа модернизации, выступающие не конкурентами, а взаимодополняющими друг друга и выполняющими стратегически разные задачи. В частности, в Японии государство принимает участие в инновационной деятельности наравне с частным сектором [5, с. 12].

В связи с этим инновационным (государством инновационного типа) считаем государство: 1) осуществляющее перспективное правовое регулирование; 2) обладающее стратегически инновационной функцией; 3) осуществляющее инновации на государственном уровне; 4) использующее инновационный потенциал всех элементов государства и общества.

Вторая теоретическая проблема в сфере инновационного развития общества связана с отсутствием общепризнанного определения инновационной экономики и инновационного права. Таких определений до сих пор нет в силу сложности адекватного современным реалиям определения самих понятий «инновации», «экономика» и «право». Инновационное право предлагаем рассматривать в двух аспектах: 1) как инновационный тип права; 2) как часть правовой системы.

Экономика и право инновационного типа, полагаем, — это экономика и право, которые основаны на знаниях, новейших достижениях науки и техники, активное и своевременное внедрение которых является главной движущей силой развития государства. Отметим также неоднозначность соотношения понятий инновационной экономики с понятием цифровой (электронной) экономики. Полагаем, что цифровая экономика, как экономическое производство с использованием цифровых технологий, есть неотъемлемая часть инновационной экономики, результат развития мировой экономики и права в условиях информационной и интеллектуальной революции, в условиях интенсификации научно-технического прогресса.

Инновационное право как часть правовой системы — это совокупность правовых норм, опосредующих стратегически-инновационную функцию государства, регулирующая инновационные отношения, иные связанные с инновационными отношениями, а также отношения по государственному воздействию на инновационную деятельность.

Третья проблема — вопрос о цифровой сфере как объекте правового регулирования. До настоящего времени остается неопределенным место общественных отношений в цифровой сфере в системе отраслей права или законодательства. Например, поскольку потенциальными объектами цифровизации становятся суверенитет, личность, то возникает закономерный вопрос о дилемме между конституционализацией цифровой сферы и информатизацией конституционного права. Мы склоняемся к отнесению цифрового суверенитета и цифровой личности к объектам информационного права. Между тем Т.С. Масловская полагает, что «цифровая сфера становится новым объектом права, в том числе конституционного права, и одновременно это новый вызов», поскольку «цифровая сфера как объект правового регулирования не находит отражения в современных конституциях» [5, с. 65–66].

Четвертую проблему составляет отсутствие теоретического анализа вызовов правового регулирования в инновационной сфере. Таковыми в указанном правовом поле, на наш взгляд, являются:

1) стремительное развитие общественных отношений, опережающее государственное и общественное реагирование, с одной стороны, и необходимость получения опережающего (перспективного) эффекта от правового регулирования инновационной сферы — с другой;

2) потребность в уточнении места инновационного права в правовой системе Республики Беларусь, его предмета и метода правового регулирования. Тесная связь между инновационной деятельностью и предпринимательством, государственным управлением,

созданием и внедрением в производство результатов интеллектуальной деятельности позволяет нам признать инновационное право комплексным (межотраслевым) институтом законодательства, сочетающим методы различных отраслей права [6, с. 127–131];

3) потребность в целостной и продуманной системе нормативных правовых актов в этой области, активизирующей ресурсы государства и гражданского общества. Для эффективной реализации государством инновационной функции нужны не единичные нормативные правовые акты в этой области или даже их большое количество, а именно целостная и продуманная их система, активизирующая ресурсы государства и гражданского общества. Среди сложностей разработки нормативных правовых актов М.С. Абламейко отмечает неоднозначность трактовки основных понятий («инновация», «инновационная деятельность», «государственная инновационная политика» и др.), недостаточность имеющейся национальной законодательной базы, регламентирующей отношения в инновационной сфере, медленное и подчас непоследовательное ее развитие [5, с. 12–13];

4) противоречие концепции свободного рынка и централизованного планирования, между тем как цели инновационного развития достигаются при их сочетании, использовании государственного регулирования для стимулирования, поддержки инновационной деятельности, а также корректировки негативных последствий рыночной конкуренции, включая глобальный уровень [7, с. 409] и др.

Пятой теоретической проблемой в сфере инновационного развития считаем отсутствие разработанных концептуальных требований к правовой системе в условиях социальной трансформации. По нашему мнению, требования к правовой системе в условиях построения инновационного государства, включают в себя следующие моменты:

1) достижение баланса между динамичностью и стабильностью законодательства. Между тем это неоднозначно понимаемое требование. Так, по мнению профессора Г.А. Василевича, «сейчас акцент должен быть смещен в сторону большей стабильности установленных правовых норм...» [5, с. 26]. Однако в современных условиях нельзя говорить о нестабильности как недостатке правовой системы. Так, сегодня само инновационное и информационное законодательство переживают революционные изменения. Опережающий эффект правового регулирования в государстве и праве инновационного типа без динамичности не достигим, поэтому стабильность законодательства во времени (временную стабильность) рекомендуется трансформировать в стабильность правового содержания, т.е. в сохранение базовых основ законодательства, преемственность и предсказуемость правового регулирования [8].

В то же время неоднозначно понимаются инструменты обеспечения стабильности содержания законодательства. Считаем, что стабильности законодательства способствуют: кодификация как основной вид современной систематизации, отражающий системный и комплексный тип обновления законодательства; планирование и прогнозирование нормотворческой деятельности, упущенное из виду законодателем при подготовке Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» от 10.01.2000 г. № 361-З и недооцененное в новом Законе «О нормативных правовых актах» от 17.07.2018 г. № 130-З; повышение качества и эффективности законодательства, в том числе исключение пробелов в законе, ограничение частоты корректировок, не оказывающих существенного влияния на правоприменение;

2) постоянная модернизация правового регулирования и системы источников права, что сегодня предполагают: взаимосогласование созданных государством и санкционированных им источников; возрастание роли диспозитивных норм и корпоративного права, судебных прецедентов; появление нетрадиционных, гибких (динамичных) источников; переход основной нагрузки в правовом регулировании от государства к негосударственным субъектам (надгосударственным и подгосударственным) за счет изменения отношения управления и самоуправления, централизации и децентрализации;

3) активизация гражданского общества в вопросах деятельности государства и правового регулирования;

4) внедрение инновационных технологий в государственную деятельность, в том числе правовая цифровизация, электронное государство, электронное правительство, электронная юстиция, электронная демократия, и другие информационно-коммуникационные технологии;

5) правовая информатизация. Достижением в этой сфере считаем создание единой государственной (цифровой) системы правовой информации, охватывающей создание Национального центра правовой информации и Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Национального реестра правовых актов Республики Беларусь, республиканского эталонного банка данных правовой информации (ЭБДПИ), компьютерного банка данных проектов законов Республики Беларусь, Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь, Единого правового классификатора и др.

Актуальными задачами правовой информатизации согласно мнению Е.И. Коваленко [9] выступают: 1) дальнейшее обеспечение деятельности судов, органов прокуратуры, адвокатуры, нотариата, других организаций и граждан актуальной достоверной информацией о судебной практике; 2) наполнение государственной системы правовой информации информацией правоприменительного характера (решениями и разъяснениями государственных органов и организаций, аналитическими и научно-практическими материалами по вопросам применения норм права и др.); 3) диверсификация качественно-го удовлетворения информационно-правовых потребностей государственных органов, иных юридических и физических лиц; 4) постепенный переход от информационно-правовых систем к системам поддержки принятия решений, а также стимулирование их эффективного использования во всех отраслях и сферах социально-экономической деятельности. Последняя задача предполагает цифровизацию принятия правовых решений, особенно если они связаны с множественными целями и требует учета множественных вариантов, когда для принятия правоприменительного или правотворческого решения используются информационные технологии, например, система поддержки принятия решений или экспертные системы (интеллектуальные консультационные системы).

Шестая теоретическая проблема в поле инновационного развития государства и права сопряжена с выработкой концептуальных основ электронного государства.

Инновационное государство предусматривает существенную трансформацию форм государственной деятельности. В этом плане электронное государство в узком смысле означает реализацию интернет-решений и базовой инфраструктуры государства для предоставления физическим и юридическим лицам государственными органами информационных ресурсов и информационных услуг с целью обеспечения прозрачности работы государственного сектора и интерактивного участия первых лиц государства в принятии решений. В широком смысле электронное государство — это информационная организация государственной власти, основанная на использовании новейших информационных технологий.

Открытым остается вопрос соотношения понятий электронного государства и электронного правительства. В решениях Европейского суда по правам человека термин «электронное правительство» обозначает государство в целом. Электронное правительство (англ. *e-Government*) в узком смысле представляет собой концепцию государственного управления, направленную на упрощение, оптимизацию, интерактивность взаимодействия государства и граждан, с одной стороны, и государства и бизнеса, с другой стороны, и между самими членами правительства (его уровнями, подразделениями), с третьей. И хотя «в основе инфраструктуры электронного правительства создаются системы электронного документооборота и автоматизации государственного управления» [10, с. 15], полагаем, понятие электронного правительства нельзя упрощенно свести

к информатизации и автоматизации государственного сектора или «средству автоматизации процесса предоставления государственных услуг» [11, с. 279–284].

Ранее мы обозначили следующие концептуальные основы электронного государства [5, с. 76–81; 12, с. 196–199]: 1) разгосударствление и трансформация сложившегося, традиционного на сегодняшний день типа государства, которая во многом отрицает его общеизвестные и казалось бы незыблемые признаки; 2) постоянная модернизация (инновация). Электронное государство воплощает собой гибкую форму, динамично и постоянно приспособляющуюся к быстро меняющимся условиям; 3) отказ от фактической государственной монополии во многих «исконных» сферах прямого государственного влияния и переход к частно-государственному партнерству; 4) новые требования к поставителям; 5) демократизация и усиление элементов саморегулирования в механизме правового регулирования и элементов самоуправления; 6) превращение граждан из посторонних наблюдателей и просителей в самых активных участников и самых серьезных контролеров и судей эффективности деятельности государства и любого государственного служащего в отдельности.

Без указанных выше элементов, без ценностной слагаемой электронное государство нельзя оценить положительно. Само по себе оно автоматически не обеспечивает экономический рост и не развивает демократические институты, грозит усилением тотального контроля со стороны авторитарного государства, создавая лишь иллюзию «осовременивания» последнего.

Седьмая теоретическая проблема в поле инновационного развития государства и права по нашему мнению связана с тем, что современное белорусское государство пока не готово к активизации граждан и осознанному привлечению негосударственных экспертов в процессах управления государством, оценке его эффективности. Между тем это является прогнозируемым эффектом построения электронного государства. К слову, «цифровая (электронная) демократия» как форма народовластия посредством информационно-коммуникативных технологий (электронное голосование, электронная петиция, цифровизация политических партий и других общественных объединений) является лишь малой частью процесса активизации граждан в работе государства.

Восьмая теоретическая проблема связана с прогнозируемой утратой государством общеизвестно присущих ему свойств. Цифровизация государства описана профессором Л.В. Голоскоковым в теории виртуального сетевого государства [4, 13]. Это государство нового типа: оно не будет иметь территории и многих «обременительных институтов обычного государства»: армии, полиции, таможни и множества других институтов и органов, присущих почти любому государству. Согласно Л.В. Голоскокову, структура нового государства будет в большей степени подобна сети и в меньшей степени обычному государству: иерархическая вертикаль управления, методы его строительства будут сетевыми, поскольку значительное преобладание вертикали власти снижает возможности развития государства. Однако при ближайшем рассмотрении указанная теория оказывается утопичной и недостаточно разработанной. Так, она не отвечает на вопросы, например, каким образом возникнет виртуальное государство, что будет с существующими государствами, как будет соотноситься гражданство в реальных и виртуальных государствах, можно ли сетевую организацию назвать государством и др.?

Таким образом, осмысление инновационного развития государства и права пока на сегодняшний день ставит вопросы, которые правовой науке еще предстоит решить. К числу таких проблем автор относит: вопрос о дефинировании и соотношении таких основополагающих для инновационной тематики понятий, как «инновационное государство», «инновационная экономика», «инновационное право», «электронное государство», «электронное правительство» и др.; отсутствие разработанных концептуальных требований к правовой системе и правовому регулированию в условиях социальной трансформации; вопрос о месте цифровой сферы как объекта правового регулирования;

вопрос выработки концептуальных основ электронного государства; вопрос готовности государства к активизации граждан и осознанному привлечению негосударственных экспертов к процессам управления государством и оценке его эффективности.

Источники

1. *Ильина, Е. М.* Политико-управленческие аспекты процесса цифровой трансформации в Республике Беларусь / Е. М. Ильина, М. В. Ильин // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. филос.-гуманит. науки : сб. науч. ст. / РИВШ ; редкол.: В. А. Гайсенок (пред.) [и др.]. — Минск, 2017. — Вып. 16. — С. 61–70.

Il'ina, E. M. Political and menegemental aspects of process of digital transformation in Republic of Belarus / E. M. Il'ina, M. B. Il'in // Sci. works of the Republican High School Inst. / RHSI ; editorial board: V. A. Geisenok [et al.]. — Minsk, 2017. — Iss. 16. — P. 61–70.

2. *Шафалович, А. А.* Вызовы и перспективы правового регулирования на пути к инновационному типу (на примере Республики Беларусь) / А. А. Шафалович // *Teisė*. — 2018. — Т. 108. — С. 127–134.

Shafalovich, A. A. Challenges and prospects of the legal regulation on a way to the innovative type (on the example of Republic of Belarus) / A. A. Shafalovich // *Teisė*. — 2018. — Т. 108. — P. 127–134.

3. *Мазница, Е. М.* Инновационные функции государства и проблемы их реализации в современных условиях / Е. М. Мазница // *Креатив. экономика*. — 2009. — Т. 3, № 5. — С. 22–26.

Maznitsa, E. M. Innovative functions of the state and problem of their realization are in the modern terms / E. M. Maznitsa // *Creative economy*. — 2009. — Т. 3, № 5. — P. 22–26.

4. *Голоскоков, Л. В.* Доктрина виртуального сетевого инновационного государства / Л. В. Голоскоков // *Новая правовая мысль*. — 2014. — № 1. — С. 41–49.

Goloskokov, L. V. Doctrine of the virtual network innovative state / L. V. Goloskokov // *New legal idea*. — 2014. — № 1. — P. 41–49.

5. Проблемы развития информационного права на современном этапе : материалы круглого стола, Минск, 21 июня 2018 г. / БГУ, Юрид. фак., Каф. конституц. права ; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2018. — 92 с.

6. *Ефимцева, Т. В.* Понятие инновационного права / Т. В. Ефимцева // *Соврем. пробл. науки и образования*. — 2010. — № 1. — С. 127–131.

Efimtseva, T. V. Concept of innovative right / T. V. Efimtseva // *Modern problems of science and education*. — 2010. — № 1. — P. 127–131.

7. *Общая теория права : пособие* / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. — Минск : БГУ : Четыре четверти, 2014. — 416 с.

General theory of right : manual / V. A. Abramovich [et al.] ; under gen. editorship S. G. Drobiazko, S. A. Kalinin. — Minsk : BSU : Four fourths, 2014. — 416 p.

8. Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normotvorcheskaya-deyatelnost/poleznaya-informatsiya/rekomendatsii-po-teoretiko-metodologicheskim-osnovam-sovershenstvovaniya-pravovoy-sistemy-respubliki/>. — Дата доступа: 05.01.2018.

9. *Коваленко, Е. И.* Развитие государственной системы правовой информации — актуальное направление правовой политики суверенной Беларуси [Электронный ресурс] / Е. И. Коваленко // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/razvitie-gosudarstvennoy-sistemy-pravovoy-informatsii/>. — Дата доступа: 09.11.2018.

Kovalenko, E. I. Development of the state system of legal information is actual direction of legal politics of sovereign Belarus [Electronic resource] / E. I. Kovalenko // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. — Mode of access: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/razvitie-gosudarstvennoy-sistemy-pravovoy-informatsii/>. — Date of access: 09.11.2018.

10. *Тихомиров, Ю. А.* Правовое регулирование: теория и практика / Ю. А. Тихомиров. — М. : Формула права, 2010. — 400 с.

Tichomirov, U. A. The Legal adjusting: theory and practical worker / U. A. Tichomirov. — Moscow : Formula of right, 2010. — 400 p.

11. Трегубова, В. М. Электронное правительство как средство автоматизации процесса предоставления государственных услуг / В. М. Трегубова // Соц.-экон. явления и процессы. — 2011. — № 3–4. — С. 279–284.

Tregubova, V. M. E-government as means of automation of process of grant of state services / V. M. Tregubova // Socio-econ. phenomena and processes. — 2011. — № 3–4. — P. 279–284.

12. Шафалович, А. А. Перспективы правового регулирования в Республике Беларусь при построении инновационного государства / А. А. Шафалович // Беларусь в условиях глобализации и интеграции : материалы междунар. науч. конф., Минск, 25 окт. 2018 г. / БНТУ, Каф. «Политология, социология и социальное управление» ; редкол.: С. В. Харитончик (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2018. — С. 196–199.

Shafalovich, A. A. Prospects of the legal adjusting in Republic of Belarus at the construction of the innovative state / A. A. Shafalovich // Belarus in the conditions of globalization and integration : materials of the intern. sci. conf., Minsk, 25 Oct. 2018 / BNTU, Dep. «Political science, sociology and social menegement» ; editorial board: S. V. Charitonchik (resp. ed.) [et al.]. — Minsk, 2018. — P. 196–199.

13. Голоскоков, Л. В. О правовой доктрине виртуального сетевого инновационного государства / Л. В. Голоскоков // Публ. и част. право. — 2014. — Вып. 2. — С. 22–37.

Goloskokov, L. V. About the legal doctrine of the virtual network innovative state / L. V. Goloskokov // Publ. and priv. law. — 2014. — Iss. 2. — P. 22–37.

Статья поступила в редакцию 26.11.2018 г.

УДК 343

A. Sherstobitov
T. Telyatitskaya
BSEU (Minsk)

ADMINISTRATIVE AND LEGAL ENSURING OF PUBLIC ORDER DURING SPORTS COMPETITIONS

The article analyzes the problems of ensuring the safety of sports events. The author studies a complex of administrative and legal norms aimed at curbing violations of public order on the territory of physical culture and sports facilities and ways to ensure the execution of a new administrative penalty as a ban on visiting them. The results of the study allow us to determine the prospects for the development of national legislation in the sphere of optimization of the work of internal affairs bodies in countering the commission of offenses during sports events.

Keywords: administrative offense; administrative penalty; administrative prohibition; state policy in the field of sports; execution of administrative penalties; physical culture and sports facility.

A. В. Шерстобитов
кандидат юридических наук
Т. В. Телятицкая
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ

В статье анализируются проблемы обеспечения безопасности проведения спортивных мероприятий. Исследуется комплекс административно-правовых норм, направленных на пресечение нарушений общественного порядка на территории физкультурно-спортивных сооружений и способы

обеспечения исполнения нового административного взыскания — запрета на их посещение. Результаты исследования позволяют определить перспективы развития национального законодательства в сфере оптимизации работы органов внутренних дел по противодействию совершению правонарушений во время проведения спортивных мероприятий.

Ключевые слова: административное правонарушение; административное взыскание; административный запрет; государственная политика в сфере спорта; исполнение административных взысканий; физкультурно-спортивное сооружение.

Современные массовые спортивные мероприятия, как республиканского, так и международного формата, — это крупнейшие социальные события, привлекающие к себе значительное количество участников — спортсменов и зрителей. Сегодня как никогда становится актуальным вопрос соблюдения законности и обеспечения общественной безопасности при проведении крупных массовых спортивных мероприятий и спортивных соревнований.

Безопасность человека и гражданина, в том числе и во время проведения спортивно-массовых мероприятий и спортивных соревнований, является важнейшим направлением развития национального законодательства в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Это нашло отражение в Законе Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» от 09.01.2018 г. № 92 (далее — Закон о физической культуре), в котором в ст. 9 закреплено, что одним из основных направлений государственной политики в сфере физической культуры и спорта является обеспечение безопасности при проведении физкультурно-оздоровительных, спортивно-массовых и спортивных мероприятий.

Современные спортивные состязания в настоящее время приобрели несколько массовый характер проведения и настолько эмоционально воспринимаются зрителями, что обеспечение их безопасности становится важнейшей и приоритетной задачей государства. Особую значимость приобретают проводимые международные соревнования, характеризующие уровень отношения к спорту в государстве и обеспечивающие в дальнейшем «спортивный престиж» страны в политико-правовом аспекте на международном уровне.

Конфликты между группами поддержки спортивных команд могут оказать влияние не только на результат игры, но и спровоцировать более серьезные социальные явления. Так, с точки зрения В.В. Ермиловой и Е.Е. Кротовой, на начало военного конфликта в Югославии в 1991 г. оказал значимое влияние конфликт между футбольными болельщиками, произошедший во время футбольного матча между загребским «Динамо» и белградской «Црвеной Звездой» [1, с. 88]. В дальнейшем конфликт был расценен как запланированное нападение хорватов на сербов, осуществленное с поддержкой хорватской полиции, не пресекшей начало конфликта.

Актуальность вопросов обеспечения безопасности проведения спортивных мероприятий находит отражение в работах ученых не только в сфере юриспруденции, но и социологии, и психологии [2–4].

В Республике Беларусь одним из основных источников, регламентирующих требования, предъявляемые к охране общественного порядка во время проведения спортивных соревнований, является Закон о физической культуре и спорте. Анализ ст. 36 данного Закона («Меры по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности при проведении спортивно-массовых мероприятий») позволяет сделать вывод о том, что при проведении спортивно-массовых мероприятий охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности в местах проведения спортивно-массовых мероприятий, а также на территориях, прилегающих к этим местам, и путях эвакуации осуществляется сотрудниками органов внутренних дел. В то же время организаторы спортивно-массовых мероприятий, администрация физкультурно-спортивного сооружения могут принимать участие в охране общественного порядка в местах проведе-

ния спортивно-массовых мероприятий во взаимодействии с сотрудниками органов внутренних дел. К сожалению, отсутствуют закрепленные формы такого взаимодействия. Кроме того, в настоящее время отсутствуют нормативные правовые акты, закрепляющие юридических лиц субъектами, обеспечивающими охрану общественного порядка даже в форме взаимодействия с правоохранительными органами.

Важное место в ст. 36 Закона о физической культуре и спорте занимают правовые запреты, имеющие своей целью охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Запреты находят выражение в ограничении прав присутствия физических лиц на физкультурно-спортивных сооружениях во время проведения спортивно-массовых мероприятий.

Предусмотрены две группы запретов. Первая — запрет на присутствие как недопуск на спортивно-массовые мероприятия. Вторая — запрет на совершение определенных действий на территории физкультурно-спортивного сооружения.

Первую группу в свою очередь можно классифицировать на две группы.

1. Действия, не являющиеся административными проступками:

- лица не имеют входного билета или иного документа, дающего право прохода в места проведения спортивно-массовых мероприятий;

- скрывают свои лица, в том числе с использованием масок, иных предметов и (или) средств для затруднения установления их личности;

- отказываются от личного досмотра либо от досмотра находящихся при них вещей;
- имеют при себе:

- а) предметы и вещества, запрещенные к проносу Правилами безопасности проведения занятий физической культурой и спортом;

- б) имитаторы и муляжи холодного, огнестрельного, газового или иного оружия, взрывчатых веществ и боеприпасов;

- в) флаги, вымпелы, не зарегистрированные в установленном порядке, а также эмблемы, символы, плакаты, транспаранты и иные средства, содержание которых направлено на причинение ущерба общественному порядку, правам и законным интересам граждан, а также на пропаганду войны или связано с экстремистской деятельностью.

2. Действия, содержащие в себе признаки состава административного правонарушения:

- лица находятся в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ;

- лица препятствуют осуществлению мер по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также подстрекают иных лиц к таким действиям любыми методами.

Следует отметить что Закон о физической культуре и спорте расширил правовые запреты, ограничивающие возможность нахождения на территории физкультурно-спортивных сооружений, содержащиеся в Правилах безопасности проведения занятий физической культурой и спортом, утвержденных постановлением Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 31 августа 2018 г. № 60.

Актуальным вопросом реализации обозначенных выше административно-правовых норм, выполняющих как предупредительную, так и запрещающую функцию, является то, что обеспечение пропускного режима на территорию физкультурно-спортивного сооружения возлагается на организаторов спортивного соревнования. И только в случаях нарушения общественного порядка в виде совершения административного правонарушения должны применяться меры принуждения со стороны сотрудников органов внутренних дел. К сожалению, практика обеспечения проведения спортивных соревнований показывает зачастую задействование значительного количества сотрудников милиции в качестве потенциальных правоприменителей, что не является рациональным использованием органов правопорядка.

Полагаем, что реализация некоторых запретов, закрепленных в Законе о физической культуре и спорте, вызывает большее количество вопросов в части правового обеспечения. Так, ч. 3 ст. 36 названного Закона запрещает нахождение в местах проведения спортивно-массовых мероприятий в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, что по своей сути дублирует норму административно-деликтного законодательства.

Запрещается также:

- иметь при себе и (или) использовать предметы и вещества, запрещенные к проносу Правилами безопасности проведения занятий физической культурой и спортом, в том числе алкогольные, слабоалкогольные напитки, пиво, холодное, огнестрельное, газовое или иное оружие, составные части и компоненты оружия, взрывчатые вещества и боеприпасы, предметы, поражающее действие которых основано на использовании горючих веществ, специально изготовленные или приспособленные предметы, использование которых может представлять угрозу жизни и здоровью людей, причинить материальный ущерб физическим лицам, организациям, препятствовать проведению спортивно-массового мероприятия, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами;

- иметь при себе и (или) использовать имитаторы и муляжи холодного, огнестрельного, газового или иного оружия, взрывчатых веществ и боеприпасов;

- распивать в не предназначенных для этого местах алкогольные, слабоалкогольные напитки, а также пиво;

- пользоваться источниками открытого огня, курить, потреблять наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, токсические или другие одурманивающие вещества;

- скрывать свои лица, в том числе с использованием масок, иных предметов и (или) средств для затруднения установления их личности, действовать методами, создающими угрозу общественной безопасности, жизни и здоровью спортсменов, тренеров, судей по спорту, участвующих в спортивно-массовых мероприятиях, болельщиков и (или) иных физических лиц, находящихся в местах проведения спортивно-массовых мероприятий, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами;

- осуществлять пропаганду войны или экстремистскую деятельность, в том числе с использованием плакатов, транспарантов или иных средств;

- иметь при себе и (или) пользоваться флагами, вымпелами, не зарегистрированными в установленном порядке, а также эмблемами, символами, плакатами, транспарантами и иными средствами, содержание которых направлено на причинение ущерба общественному порядку, правам и законным интересам граждан;

- воздействовать в какой бы то ни было форме на сотрудников органов внутренних дел в целях воспрепятствования выполнению ими служебных обязанностей, а также на организаторов спортивно-массовых мероприятий, администрацию и иных работников, осуществляющих обслуживание физкультурно-спортивных сооружений, представителей общественности, выполняющих обязанности по охране общественного порядка, в целях воспрепятствования выполнению ими служебных и общественных обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности;

- бросать предметы в направлении других болельщиков, участников спортивно-массовых мероприятий и иных лиц, находящихся в местах проведения спортивно-массовых мероприятий или на территориях, прилегающих к этим местам;

- находиться на лестницах, создавать помехи движению, в том числе в проходах, выходах и входах (основных и запасных);

- находиться с животными, за исключением собак-поводырей в намордниках и на поводке;

- иметь при себе предмет, размеры которого по длине, ширине и высоте превышают $40 \times 40 \times 45$ сантиметров, кроме случаев, когда пронос такого предмета согласован с организатором спортивно-массового мероприятия;
- осуществлять незаконную торговлю (включая торговлю входными билетами или документами, заменяющими входные билеты), распространять любым способом продукцию политического и религиозного характера (включая плакаты, листовки, буклеты);
- нарушать общественный порядок, совершать иные действия, нарушающие установленный порядок организации и проведения спортивно-массовых мероприятий, в том числе использования пиротехнических изделий, а также подстрекать иных лиц к таким действиям любыми методами.

Лица, не соблюдающие указанные ограничения, выдворяются за пределы мест проведения спортивно-массовых мероприятий без возмещения стоимости входного билета и привлекаются к ответственности в случаях, установленных законодательными актами.

Перечень ограничений представляет собой как комплекс норм, имеющих административно-деликтную природу и порождающих наступление административной ответственности в случае их нарушения, так и норм, обеспечивающих нормальное функционирование объекта физической культуры и спорта. Полагаем, что дублирование норм права, закрепленных в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП), является излишним и «размывает» иные важные цели нормативного правового акта.

Значительное количество нарушений Правил, предполагающих удаление за пределы места проведения спортивно-массового мероприятия, может проявляться в деяниях посетителей (болельщиков) лишь при нахождении их уже в зрительских секторах, и фиксация нарушения правил пребывания, а тем более «изъятие правонарушителя» затруднено. Актуальным становится вопрос прекращения их пребывания на территории физкультурно-спортивного сооружения и способах достижения этой цели. Органы внутренних дел не обладают полномочиями административного пресечения в отношении лиц, не совершивших противоправное деяние. Поэтому в ряде случаев они задерживают и выдворяют зрителя (болельщика) исходя только из личного визуального контроля, желания предугадать развитие неблагоприятной ситуации, не имея в дальнейшем доказательств факта нарушения Правил. Кроме того, некоторые деяния не являются административным правонарушением, как, например, скрывание своего лица, находясь уже на зрительской трибуне, предполагает удаление со спортивно-массового сооружения, но это не является нарушением общественного порядка и выдворение такого болельщика сотрудниками органов внутренних дел будет являться нарушением законности. Следует согласиться с мнением В.И. Майорова и А.В. Коркина, что анализ правоприменительной практики показывает, что применение мер административного принуждения должностными лицами государственных органов исполнительной власти, а в особенности сотрудниками милиции, зачастую происходит с произвольным и расширительным толкованием своих полномочий по предупреждению правонарушений, поддержанию общественного порядка и борьбе с преступностью [5, с. 9]. Очевидно, что иные лица, в том числе работники организатора проведения соревнований, не обладают полномочиями на меры принуждения в отношении нарушителей Правил. Следовательно, актуальным продолжает оставаться вопрос обеспечения анализируемых норм в части методов их реализации.

Позитивным явлением в исследуемом комплексе общественных правоотношений стало внесение дополнений в КоАП 17 июля 2018 г. Дополнение расширило виды административных взысканий, дополнив их административным запретом на посещение физкультурно-спортивных сооружений. Данное взыскание является дополнительным взысканием и в соответствии со ст. 6.13 КоАП представляет собой временный запрет физическому лицу посещать физкультурно-спортивные сооружения во время проведения спортивно-массовых мероприятий, спортивных соревнований. Оно применяется за со-

вершение на территории физкультурно-спортивного сооружения во время проведения спортивно-массового мероприятия, спортивного соревнования административных правонарушений, указанных в ст. 9.1, 16.10, 17.1, 17.3, 17.10, 17.11, 17.14, 23.4, 23.34 КоАП, если за совершенное правонарушение предусмотрена санкция в виде административного ареста. Административный запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений устанавливается на срок от трех месяцев до трех лет.

Отмечая несомненную значимость внесенного дополнения в кодифицированный закон, вызывает сомнение целесообразность закрепления основанием применения административного запрета правонарушение, предусмотренное ст. 17.14 КоАП «Незаконное изготовление и (или) распространение методик либо иных материалов о способах изготовления взрывных устройств и взрывчатых веществ». Данное правонарушение при всей своей вариативности вряд ли может совершаться во время проведения спортивных соревнований и поэтому считаем целесообразным изъятие данного проступка из ч. 2 ст. 6.13 КоАП.

Административное взыскание налагается на физическое лицо, совершившее административное правонарушение, в целях его воспитания и предупреждения совершения новых правонарушений как самим этим лицом, так и другими физическими лицами.

Сложность достижения целей юридической ответственности после применения мер административного воздействия к лицам, нарушающим общественный порядок на спортивных состязаниях, заключается в наличии у них особых социальных ценностей. С точки зрения группы авторов у так называемых фанатов ярко выражается желание эпатироваться, т.е. выделяться на фоне иных болельщиков своим поведением... нарушающим общепринятые нормы общественного и нравственного поведения, способным порой на скандальные выходки и претендующего на сенсационность [4, с. 43]. Поэтому в ряде случаев привлечение к административной ответственности, к сожалению, у данной категории лиц вызывает повышение уровня «лжеавторитета» и ожидать от них соблюдения административного запрета представляется затруднительным. Следовательно, важной задачей, стоящей перед всеми организаторами спортивных мероприятий и правоохранительными органами, является создание условий по недопущению этих лиц на объекты физкультурно-спортивных сооружений, обнаружению их присутствия и пресечению пребывания во время спортивно-массовых мероприятий.

Считаем необходимым дополнить ст. 21-1.1 «Исполнение постановления об административном запрете на посещение физкультурно-спортивных сооружений» Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях положением об обязательной фотофиксации лица, привлеченного к административной ответственности, и размещением его данных и изображения в специализированной базе Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Полагаем, что организаторы спортивных мероприятий международного и республиканского уровней обязаны разработать и реализовать на практике системы видеонаблюдения и телевизионного оповещения, позволяющих при необходимости идентифицировать лица посетителей. Также целесообразно разработать систему видеонаблюдения за лицами, находящимися на трибунах, с возможностью размещения изображения действий на публичные мониторы. Лица, видящие свои действия на видеоэкранах стадиона, вряд ли осмелятся совершать противоправные действия, зная, что они уже зафиксированы как индивидуумы и как правонарушители.

Полагаем, что белорусскому законодателю следует обратить внимание на позитивный опыт российских коллег, закрепивших ответственность организаторов спортивных мероприятий. Так, в соответствии со ст. 20.32 «Нарушение правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за нарушение общественного порядка и общественной безопасности

при проведении официальных спортивных соревнований. Дополнение КоАП данным видом правонарушения позволит повысить уровень ответственности организаторов спортивных соревнований в Республике Беларусь.

Считаем необходимым унифицировать понятия, содержащиеся в Законе о физической культуре и спорте и Правилах безопасности проведения занятий физической культурой и спортом, и установить единый перечень запретов, действующих при организации и проведении спортивных мероприятий. Как верно заметил доктор юридических наук В.И. Майоров, «право, как регулятор поведения людей тем эффективнее выполняет свою роль, чем более верно концептуально и лингвистически выражены его предписания, констатации, дозволения и запреты» [5, с. 75].

Полагаем целесообразным внести изменение в п. 1 ст. 36 Закона о физической культуре и спорте, закрепив обязанность организаторов спортивных соревнований оказывать организационно-техническую помощь сотрудникам ОВД в охране общественного порядка.

Таким образом, констатируя наличие позитивного массива административно-правовых норм, регулирующего правоотношения в сфере охраны правопорядка и обеспечения безопасности при проведении спортивных соревнований в Республике Беларусь, отмечаем необходимость продолжения работы по совершенствованию общественных отношений в целях защиты прав граждан на безопасное нахождение на территории спортивно-массовых сооружений как со стороны законодательных, так и правоприменительных органов.

Источники

1. Ермилова, В. В. Спортивное соревнование и проблемы безопасности (правовой аспект) / В. В. Ермилова, Е. Е. Кротова // Общество. Среда. Развитие. — 2015. — № 4. — С. 87–90.
Ermilova, V. V. Sports competition and safety issues (legal aspect) / V. V. Ermilova, E. E. Krotova // Society. Habitat. Development. — 2015. — № 4. — P. 87–90.
2. Алексеева, А. П. Законодательные инициативы в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при проведении спортивных соревнований / А. А. Алексеева // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. — 2013. — № 3. — С. 15–16.
Alekseeva, A. P. Legislative Initiatives in the Sphere of Protecting Public Order and Ensuring Public Safety during Sporting Events / A. P. Alekseeva // Bull. of Voronezh Inst. of the Min. of Internal Affairs of Russia. — 2013. — № 3. — P. 15–16.
3. Иванова, С. И. Правовые основания принятия решения о необходимости охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий силами сотрудников ОВД / С. И. Иванова, Е. К. Черкасова // Концепт. — 2014. — № 15. — С. 11–15.
Ivanova, S. I. The legal basis for deciding on the need to protect public order during public events by the forces of the ATS / S. I. Ivanova, E. K. Cherkasova // Concept. — 2014. — № 15. — P. 11–15.
4. Зуев, В. Н. Культуроцентристская парадигма зрителей на спортивных соревнованиях / В. Н. Зуев, П. Г. Смирнов, Ю. Н. Юрьев // Пед.-психол. и мед.-биол. пробл. физ. культуры и спорта. — 2015. — № 2(35). — С. 39–45.
Zuev, V. N. The cultural-centric paradigm of spectators at sports competitions / V. N. Zuev, P. G. Smirnov, Yu. N. Yuryev // Ped.-psychol. and med.-biol. problems of phys. culture and sports. — 2015. — № 2 (35). — P. 39–45.
5. Майоров, В. И. Административное принуждение: понятие, место и формы выражения / В. И. Майоров, А. В. Коркин // Адм. право и процесс. — 2016. — № 4 (11). — С. 8–20.
Mayorov, V. I. Administrative coercion: concept, place and forms of expression / V. I. Mayorov, A. V. Korkin // Administrative law and process. — 2016. — № 4 (11). — P. 8–20.
6. Майоров, В. И. К вопросу о необходимости уточнения законодательного определения безопасности дорожного движения / В. И. Майоров // Пробл. права. — № 2. — С. 75–80.
Mayorov, V. I. On the need for clarifying the legislative definition of road safety / V. I. Mayorov // Problems of Law. — № 2. — P. 75–80.

Статья поступила в редакцию 10.12.2018 г.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32:327+303.4

D. Belyavtseva
BSEU (Minsk)

REGIONAL INTEGRATION PROCESSES IN EURASIA: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS

The article is devoted to the development of theoretical approaches to the analysis of regional political processes in the Eurasian space. The author analyzes the research practices in the interpretation of regional development and concludes that in the twenty-first century. The main attention is focused on the study of the formation of horizontal relations and communications between the territories belonging to different states and forming regional integration. Regional integration is diverse, represented by different types and alter the configuration of political borders in the world and Eurasian space. Among theoretical approaches to the analysis of regional integration processes, actualizing regional interest and regional identity have the greatest potential.

Keywords: regional political development; regional integration; mega-regional partnerships; integration model; historical-political type of integration; regional interest, regional identity.

Д. В. Белявцева
кандидат политических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ

В статье анализируются теоретические подходы к изучению региональных политических процессов в евразийском пространстве. Автор выделяет исследовательские практики интерпретации регионального развития и делает вывод о том, что в XXI в. основное внимание концентрируется на изучении процессов формирования горизонтальных связей и коммуникаций между государствами, образующими региональные интеграции. Они многообразны, представлены различными типами и видоизменяют конфигурацию политических границ в мире и евразийском пространстве. Среди теоретических подходов к анализу процессов региональной интеграции наибольшим потенциалом обладают актуализирующие региональный интерес и региональную идентичность.

Ключевые слова: региональное политическое развитие; региональная интеграция; мегарегиональные партнерства; модель интеграции; «историко-политический» тип интеграции; региональный интерес; региональная идентичность.

Процессы регионализации, происходящие в мире, имеют множество аспектов и предполагают учет нескольких составляющих. С одной стороны, они являются объек-

том исследования экономики и географии. С другой — региональные трансформации активно изучаются в рамках политической науки, геополитики, глобалистики и теории международных отношений. Интерпретация регионального развития претерпела в XX в. значительную эволюцию от сосредоточения на изменениях, происходящих во внутренних регионах государств, до осознания необходимости учета не только вертикальных связей, но и коммуникаций между регионами, входящими в различные государственные образования, и самими государствами, образующими региональные партнерства и объединения. В настоящее время в интеллектуальном сообществе активно разрабатывается новая объяснительная модель развития на региональном и национальном уровнях [1, с. 86; 2, с. 7]. Это связано с переформатированием политического пространства, появлением политических границ нового формата, очерчивающих различные типы региональных образований.

Развитие мировой системы предполагает наличие неравенств и столкновений, следовательно, постоянное воспроизводство политических границ является закономерностью. Представленные в любом формате, вплоть до виртуального, политические границы есть легитимация и манифестация различных ценностей, идентичностей, правил игры и других, характерных для включенных в них сообществ [3, с. 39]. Еще в 50-е гг. XX в. в рамках исследования проблем регионального развития было отмечено, что доминированию центристских сил в политически организованном сообществе способствует ценностная целостность населения [4], «иконография» [5]. Американский исследователь Р. Хартшорн подчеркивал, что главная задача в изучении политически организованной территории — понимание соотношения между центристскими и центробежными силами. Они действуют на каждой политически организованной территории и могут порождать либо целостность и могущество, либо дезинтеграцию. Иными словами, политические границы могут считаться биоэтносоциальным инвариантом общественной жизни [6, р. 164]. Границы, очерчивающие различия разного порядка, являются фактором инерции мирового развития, обеспечивая его преемственность и стабильность.

Таким образом, в XXI в. важным направлением в исследовании трендов мирового регионального развития становится выработка теоретико-методологических оснований для анализа факторов, влияющих на формирование устойчивых интеграционных региональных объединений. В рамках политико-управленческого подхода региональные объединения видятся как управленческие структуры, выделенные с формально-правовой точки зрения и обладающие рядом признаков. В частности, определенными границами, властью и политической субъектностью, но в условиях глобализации конфигурация границ претерпевает существенные изменения. Генезис и трансформация границ регионов в условиях общества постмодерна в существенной степени определяются складывающейся системой идентичностей. Последняя представляется как процесс коммуникации между субъектом и различными общностями и результат практик по его сохранению в соответствии с внутри- и внесистемными ориентациями [3, с. 40].

Иными словами, особенности формирования современных интеграционных объединений, а также уровень включенности в процессы входящих в них стран различается. Более того, государства зачастую являются участниками различных образований. Это позволяет прогнозировать сопряжение различных интеграций и делает актуальным их исследование с точки зрения следующих подходов: системного, где ключевым фактором для выделения регионального объединения оказывается региональный интерес, и социологического, рассматривающего в качестве регионообразующего фактора региональную идентичность.

Возможность появления регионального интереса определяется наличием расколов в мире по культурному, экономическому, управленческому принципу. Региональный интерес опосредован чувством «места» и в его структуру могут входить «местные» куль-

турные, экономические интересы, политические требования. Примером значимости региональных экономических интересов являются приграничные и трансграничные регионы. Начало процессов их создания относится к 60–70-м гг. XX в. Для формирования таких регионов важными оказывалось экономико-географическое положение, уровень экономического развития, отраслевая структура, взаимодополняемость, этноконфессиональный состав, особенности социальной психологии. Сегодня актуализация регионального интереса происходит под влиянием роста диспропорций в развитии территорий, появления в результате социально-экономических трансформаций депрессивных регионов, с одной стороны, и инвестиционно привлекательных — с другой. Приграничные и трансграничные регионы в условиях глобальной экономической системы трансформируются в мегарегиональные партнерства (Соглашение о Тихоокеанском партнерстве (ТТП), инициатива «Один пояс — один путь» и др.), региональные интеграции и др.

Необходимо подчеркнуть, что региональный интерес зачастую является интересом элиты и реализуется ею через мобилизационные формы политического участия. В этой связи формирующиеся интеграционные образования могут рассматриваться как политическая сеть, созданная странами-лидерами для распространения и укрепления своего влияния, но проявление регионального интереса может носить и реактивный характер [7, с. 22–23]. Фактором активизации выступает внешняя угроза. Данное обстоятельство сближает модели региональных интеграций, созданные на основе интереса и идентичности. Региональная идентичность придает устойчивость развитию и определяется как ключевой момент конструирования интеграции [8, р. 85].

В XX в. влияние региональной идентичности аутентичного характера на развитие современного государства нашло отражение в концепции регионального государства и воплотилось в децентрализации многих унитарных европейских государств. Кроме того, региональная идентичность спровоцировала конструирование и развитие интеграционных образований различных типов и уровня институализации (ЕС, СНГ) [9].

Чаще всего региональная идентичность складывается на основе региональной традиции и зависит от паттерна регионального развития территории, который определяется как «исторически формирующийся тип воспроизводства региональной идентичности» [10, с. 24]. Значимыми оказываются также факторы заселения, освоения территории. Созданное на основе региональной идентичности интеграционное образование обозначается как «историко-политический» тип [11, с. 32].

Сегодня основное внимание исследователей сосредотачивается на рассмотрении факторов, обеспечивающих стабильность и равновесие политических сообществ, в том числе интеграционных. Среди них выделяют наличие ресурсного потенциала для развития, безопасность региона от внешних, а также внутренних потрясений. Ресурсный потенциал региона может определяться как факторами первого порядка (природой), не зависящими от человека (природные богатства, географическое положение и т.д.), так и факторами второго порядка (человеческий капитал, наличие больших агломераций, институциональная среда). Если факторы первого порядка были значимы в XX в., то сегодня наибольшую роль играют факторы второго порядка [12, с. 7–8]. В связи с этим возрастает роль институциональной среды, выделяются особенности регионального «образа действий» [13, с. 9–10].

Анализируя основные направления мирового и регионального развития, российский исследователь А.Д. Богатуров, выделяет три типа обществ: традиционные, современные и конгломеративные. Современное общество рационально в отличие традиционного. Конгломеративным является общество, для которого «характерно длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений. Эти пласты образуют внутри общества отдельные анклавы, эффективность организованности которых позволяет им выживать

в рамках обрамляющего общества-конгломерата, сохраняя между собой неизменные или мало изменяющиеся пропорции [14, с. 18]. По мнению А.Д. Богатурова, последние есть иммунный ответ на модернизацию, инструменты чрезвычайно успешного приспособления традиционного общества к индустриальной и постиндустриальной среде. Анклав «традиционного» не обречен раствориться в окружающей его среде. Точно так же анклав «современного» не гарантировано преобладание в масштабах всего общества [14, с. 34].

Очевидно, что к таким моделиобразующим элементам может быть отнесена и региональная идентичность. Описывая ее особенности в российском обществе, М.П. Крылов выделяет транстрадиционный, традиционалистский и надтрадиционный типы. Для транстрадиционного характерны идеи адаптации, преемственности в развитии, связь с традициями и местный культурный субстрат, традиционалистского — идеи сохранения языка, развитое историческое сознание, надтрадиционного — мобильность, экстерриториальность, равноценность времени и пространства, уважение права выбора [15, с. 30–31]. Присутствие в белорусском обществе, так же как и в российском, всех трех типов позволяет относить его к конгломеративному. Представляется также, что данная типология является рабочей для большинства стран евразийского пространства.

В современных условиях, когда наблюдается снижение значимости традиционных ценностей, региональная идентичность провоцируется потребностью в «чувстве сообщества» (К. Дойч) и заинтересованностью в безопасности. Последние есть продукт длительных коммуникаций. Сконструированная подобным образом региональная идентичность способствует устойчивости интеграционного сообщества. Таким образом, потребность и интерес оказываются ключевыми для зарождения и развития региональных интеграционных процессов.

Обозначенные выше концептуальные подходы анализа региональных образований, основанные на методологических принципах нового институционализма, инструментализма, конструктивизма и сетевого подхода, формируют модель интеграции к исследованию регионального политического развития. Данная модель активно используется учеными для анализа интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и др. В частности, подчеркивается, что «формирование общей идентификационной стратегии оказалось возможным в силу того, что при всей разнице традиций участников евразийской интеграции в самой основе их цивилизационного строя лежит нечто общее, некий общий комплекс ценностей, причем потенциально совпадающих по своей основной исторической направленности с ценностями модернизации» [11, с. 32].

В качестве основного признака для анализа многообразия интеграционных процессов на евразийском пространстве берется «образ действий», понимаемый как специфический для данной интеграционной группировки набор алгоритмов реализации программы взаимодействия группы государств в конкретной сфере [13, с. 9–10]. Основным мотивационным фактором становится потребность в безопасности, доверии, обоснованием — символы общей идентичности, основанные на политических мифах об общем историко-культурном наследии и общности исторических и экономических судеб в будущем, а характерными чертами процесса — выжидательность и низкая скорость интеграционного движения и доминирование горизонтальных связей [11, с. 34–35].

Модель интеграции может быть представлена разными типами региональных образований. В рамках ЕАЭС он может быть обозначен как «историко-политический» тип. Политические процессы в ЕАЭС определяются включенностью территорий как в вертикальные, так и в горизонтальные связи, при доминировании последних. Важными для сохранения и устойчивого развития регионального образования становятся региональная идентичность, «чувство сообщества», диверсификация отношений, участие в интеграционных процессах в соответствии с национальным интересом.

Таким образом, среди теоретических подходов к анализу процессов региональной интеграции наибольшим потенциалом обладают системный и социологический, актуализирующие региональный интерес и региональную идентичность. Последние являются основными компонентами объяснительной модели. Региональный интерес является результатом экономических, культурных и управленческих расколов в мире. Во многом он есть интерес элит и реализуется в мобилизованных формах. Реактивность региональному интересу придает внешняя угроза и потребность в безопасности. Безопасность создает условия для устойчивого стабильного развития интеграции. Ключевым фактором формирования устойчивой региональной интеграции также является региональная идентичность. Под влиянием региональной идентичности формируются различные типы образований. Для евразийского пространства характерен «историко-политический» тип интеграций. Он создается на основе потребности в безопасности, доверии, обосновывается общей идентичностью, подобием моделей экономического развития и характеризуется выжидательностью, низкой скоростью интеграционного движения и доминированием горизонтальных связей.

Источники

1. *Ватыль, В. Н.* Глобализация и современные интеграционные процессы: теоретико-методологические модусы осмысления / В. Н. Ватыль // Весн. Брэсц. ўн-та. Сер. 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. — 2016. — № 2. — С. 86–94.
2. *Vatyl, V. N.* Globalization and modern integration processes: theoretical and methodological modes of thinking / V. N. Vatyl // Bull. of the Brest Univ. Ser. 1. Philosophy. Political science. Sociology. — 2016. — № 2. — P. 86–94.
3. *Семенов, И. С.* Социально-политические изменения в современном мире: проблемы концептуализации / И. С. Семенов // Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития : в 2 т. / редкол.: И. С. Семенов (отв. ред.) [и др.]. — М. : ИМЭМО, 2014. — Т. 1. — С. 5–15.
4. *Semenenko, I. S.* Socio-political changes in the modern world: problems of conceptualization / I. S. Semenenko // Global world: to new models of national and regional development : in 2 vol. / editorial board: I. S. Semenenko [et al.]. — Moscow : ИИЭР, 2014. — Vol. 1. — P. 5–15.
5. *Белявцева, Д. В.* Проблема генезиса и трансформации границ политического региона в региональных политических исследованиях / Д. В. Белявцева // Иппокрена. — 2017. — № 2 (31). — С. 35–43.
6. *Bialiautsava, D. V.* The problem of the genesis and transformation of the boundaries of the political region in regional political studies / D. V. Bialiautsava // Ippokrena. — 2017. — № 2 (31). — P. 35–43.
7. *Gottmann, J.* The Significance of Territory / J. Gottmann. — Charlottesville, VA : Univ. of Virginia Press, 1973. — 169 p.
8. *Hartshorne, R.* The Functional Approach in Political Geography / R. Hartshorne // Annals of the Assoc. of Amer. Geographers. — 1950. — Vol. 40, № 2. — P. 95–130.
9. *Raffestin, C.* Autour de la fonction sociale de la frontier / C. Raffestin // Espaces et sociétés. Paris. — 1993. — № 70 (71). — P. 157–169.
10. *Туровский, Р. Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений : монография / Р. Ф. Туровский. — М. : ГУ ВШЭ, 2006. — 399 с.
11. *Turovskii, R. F.* Center and regions: problems of political relations : monograph / R. F. Turovskii. — Moscow : GI HSE, 2006. — 399 p.
12. *Keating, M.* The New Regionalism in Western Europe: Territorial Restricting and Political Change / M. Keating. — Cheltenham : Edward Elgar, 1998. — 242 p.
13. *Эйсмонт, А. Г.* Региональное политическое развитие в Европейском Союзе и Содружестве Независимых Государств : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / А. Г. Эйсмонт. — СПб., 2010. — 168 л.
14. *Aismont, A. G.* Regional political development in the European Union and the Commonwealth of Independent States : diss. ... of candidate of polit. science : 23.00.04 / A. G. Aismont. — St Petersburg, 2010. — 168 p.

10. Алаудинов, А. Л. Региональная идентичность — основа формирования общенациональной политической идентичности / А. Л. Алаудинов ; науч. ред. В. Х. Алаев ; отв. ред. В. В. Черноус. — Ростов н/Д : Фонд науки и образования, 2015. — 212 с.

Alaudinov, A. L. Regional identity — the basis for the formation of a national political identity / A. L. Alaudinov ; sci. ed. V. H. Alaev ; resp. ed. V. V. Chernous. — Rostov-on-Don : Fund of science and education, 2015. — 212 p.

11. Ватыль, В. Н. Глобализация и региональная интеграция как основные тренды современных мирополитических процессов: обновление исследовательских подходов / В. Н. Ватыль // Политология: государственная политика и управление : сб. науч. тр. Евразийского собрания политологов / редкол.: С. В. Решетников [и др.] ; сост.: Н. А. Антанович, О. Е. Побережная, Л. В. Слуцкая. — Минск : Беларус. навука, 2018. — Вып. 1. — С. 23–37.

Vatyl, V. N. Globalization and regional integration as the main trends of modern world political processes: updating research approaches / V. N. Vatyl // Political science: public policy and management : coll. of sci. papers of the Eurasian meeting of polit. scientists / editorial board: S. V. Reshetnikov [et al.] ; compilers: N. A. Antanovich, O. E. Poberezhnaya, L. V. Slutskaya. — Minsk : Belarusian science, 2018. — Iss. 1. — P. 23–37.

12. Зубаревич, Н. В. Региональное развитие и региональная политика России / Н. В. Зубаревич // ЭКО. — 2014. — № 4. — С. 7–27.

Zybarevich, N. V. Regional Development and Regional Policy of Russia / N. V. Zybarevich // ЕКО. — 2014. — № 4. — P. 7–27.

13. Байков, А. А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / А. А. Байков ; отв. ред. А. Д. Богатуров. — М. : Аспект Пресс, 2012. — 256 с.

Baikov, A. A. Comparative integration. Integration Practices and Models in Overseas Europe and Pacific Asia / A. A. Baikov ; resp. ed. A. D. Bogaturov. — Moscow : Aspekt Press, 2012. — 256 p.

14. Очерки теории и политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров [и др.]. — М. : Аспект Пресс, 2002. — 390 с.

Essays on the Theory and Political Analysis of International Relations / A. D. Bogaturov [et al.]. — Moscow : Aspekt Press, 2002. — 390 p.

15. Крылов, М. П. Региональная идентичность в Европейской России : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук / М. П. Крылов ; Ин-т географии РАН. — М., 2007. — 97 с.

Krylov, M. P. Regional Identity in European Russia : abstr. of diss. ... dr geogr. sciences / M. P. Krylov ; Inst. of geography of RAS. — Moscow, 2007. — 97 p.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018 г.

УДК 32.019.5 (438)

A. Kiselev
BSEU (Minsk)

THE CENTURY ANNIVERSARY OF POLISH INDEPENDENCE IN POLISH PUBLIC OPINION

The article analyzes the attitude to the main national holiday of Poland in the Polish public opinion. It is shown that, despite the relatively weak knowledge of historical details, the National Independence Day is positively assessed in public opinion. The choice of this date did not cause a split in the national Polish identity. However, the anniversary of Polish independence was the reason for the continuation of the conflict among the political elite on the issue of domestic and foreign policy of the country.

Keywords: identity; identity politics; Poland; public holidays; nation; political culture; political system; opinion polls; public opinion; media.

СТОЛЕТИЙ ЮБИЛЕЙ ПОЛЬСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В ПОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

В статье анализируется отношение к главному государственному празднику Польши в польском общественном мнении. Показывается, что несмотря на сравнительно слабое знание исторических деталей, Национальный праздник независимости позитивно оценивается в общественном мнении. Выбор этой даты не вызывал раскола в национальной польской идентичности. Однако юбилей польской независимости стал поводом для продолжения конфликта среди политической элиты по вопросу о внутренней и внешней политике страны.

Ключевые слова: идентичность; политика идентичности; Польша; государственные праздники; нация; политическая культура; политическая система; социологические опросы; общественное мнение; средства массовой информации.

Официальные государственные праздники играют значительную роль в политике, направленной на формирование национальной идентичности. Вместе с тем в выборе определенных событий просматривается не только целенаправленный политический расчет, но и отражение спонтанно сложившихся в обществе представлений, стереотипов, без учета которых не приходится рассчитывать на проявление массовой активной поддержки, отождествление граждан с системой государственных и национальных символов. В противном случае вместо планируемого национального единения наблюдается отчуждение, фрагментация или нарастание конфликтной составляющей во всей системе политических коммуникаций, связанной с формирующимся «воображаемым сообществом» нации [1, с. 31].

В этой связи недавний политический опыт Польши представляет значительный интерес, поскольку после 1989 г. в этой стране произошли существенные изменения в политике идентичности, одним из инструментов которой стало введение новых или восстановление государственных праздников, существовавших в межвоенной Польше. В качестве примера нами был выбран главный польский государственный праздник — Национальный праздник независимости, отмечаемый ежегодно 11 ноября. В перечне официальных праздничных дат этот праздник был восстановлен постановлением сейма Польской Народной Республики от 15 февраля 1989 г. В постановлении отмечалось, что возвращение этой даты в официальный календарь обосновано не только памятью о «восстановлении польским народом независимого государственного бытия» 11 ноября 1918 г., но и является данью «борьбе поколений поляков за свободу и независимость» [2, с. 108]. Восстановление этой даты, которая в самой межвоенной Польше окончательно вошла в пантеон государственных праздников только в 1937 г., было призвано отметить Национальный праздник Возрождения Польши, ежегодно отмечавшийся в Польской Народной Республике 22 июля с 1945 по 1990 г. в память о провозглашении Манифеста Польского Комитета национального освобождения. Неслучайно, что такое понимание значения восстановления даты 11 ноября привело к дополнительным официальным толкованиям, призванным заострить отрицательное отношение к социалистическим традициям послевоенной Польши. В частности, в постановлении сейма от 11 ноября 1997 г. отмечалось, что празднование 11 ноября связано с размышлениями о последнем полувековом периоде польской истории с 1939 по 1989 г., во время которого «стремления поляков к свободе и демократии подавлялись гитлеровскими и советскими оккупантами, а впоследствии — чуждой нашей традиции — подчиненной СССР коммуни-

тической властью» [3, s. 2247]. Парламентарии призывали обращаться «к патриотическим и государственным традициям Первой и Второй Речи Посполитой», которые фактически противопоставлялись всему социалистическому периоду польской истории.

Поскольку 11 ноября 2018 г. в Польше широко отмечалось столетие провозглашения независимости, то можно проследить, в какой степени главный государственный праздник укоренился в общественном мнении страны. В частности, накануне политического поражения партийного авторитарного режима в 1987 г. восстановление польской независимости в 1918 г. вызывало чувство гордости всего у 3 % опрошенных, оказавшись на 11-ом месте в перечне значимых для граждан Польской Народной Республики исторических событий. Для сравнения отметим, что на первых местах в 1987 г. оказались победа в сражении при Грюнвальде в 1410 г. (25,6 %), Варшавское восстание в 1944 г. (11,9 %) и участие поляков во Второй мировой войне (11,3 %). Однако уже спустя 15 лет в 2003 г. в общественных представлениях провозглашение независимости в 1918 г. переместилось на третью позицию, набрав 13,1 % ответов и пропустив вперед такие события, как избрание в 1978 г. главой Католической церкви поляка К. Войтылы (13,8 %) и падение коммунизма (19 %). Спустя еще 15 лет положение принципиально не изменилось: ноябрьские события 1918 г. по-прежнему занимали третье место в ряду вызывающих гордость поляков исторических событий [4]. При этом любопытно, что в иерархии государственных памятных дат праздник национальной независимости уверенно занимал первое место в общественных представлениях. По данным опроса Центра изучения общественного мнения 76 % опрошенных указали Национальный праздник независимости, причем в 40 % этот праздник при ранжировании предпочтений занял первое место [5]. Характерно, что следующий в представлениях поляков Национальный праздник Третьего мая набрал 61 %, но на первое место в своем личном рейтинге его поставили всего лишь 15 % респондентов.

Не менее интересно то, какие политики эпохи провозглашения независимости попали в число наиболее достойных персонажей польской истории с точки зрения среднестатистического поляка. Так, в 1987 г. из 29 исторических деятелей были упомянуты лишь трое отцов — основателей Второй Речи Посполитой: Ю. Пилсудский (12,5 %), В. Витос (2,5 %) и И. Падеревский (2,1 %). Любопытно, что только Ю. Пилсудский попал в число наиболее популярных исторических деятелей, расположившись на четвертой позиции и пропустив вперед астронома Н. Коперника, польского короля и великого князя литовского Ягайло, героя восстания 1794 г. Т. Костюшко [4]. Спустя 15 лет в рейтинге национальных героев произошли достаточно существенные изменения, выразившиеся, во-первых, в том, что теперь Ю. Пилсудский в общественных симпатиях уступал лишь римскому папе Иоанну Павлу II, оказавшись в ответах 23 % респондентов. На третьем месте по популярности разместился лидер профсоюза «Солидарность» и бывший президент Польши Л. Валенса. Во-вторых, никто из остальных деятелей, причастных к провозглашению польской независимости в 1918 г., не сумел набрать заметного процента и не попал в перечень из 23 лиц. Наконец, по данным опроса 2016 г. глава Католической церкви Иоанн Павел II сохранил и даже упрочил свое положение в представлениях поляков, а вот Ю. Пилсудский сместился на третье место, уступив вторую позицию своему ближайшему конкуренту Л. Валенсе. Интересно, что в 2016 г. среди достойных уважения исторических деятелей впервые появился создатель и идеолог польской национал-демократии Р. Дмовский (1 %). В этот список сумели попасть член Польского Национального комитета в Париже и первый польский премьер-министр И. Падеревский, председатель Польской ликвидационной комиссии и лидер Польской крестьянской партии «Пяст» В. Витос, которые были указаны в 2 % ответов [4].

Опрос, посвященный непосредственно участникам провозглашения польской независимости в 1918 г., показал, что на первом месте в коллективной исторической памяти поляков безусловно находится Ю. Пилсудский (46 %). Однако исследователи отметили,

что знания поляков об отцах независимости «скорее поверхностные» [4]. Основания для такого вывода коренились не только в гипертрофированной популярности Пилсудского по сравнению с И. Падеревским (9 %), Р. Дмовским (7 %), В. Витосом (6 %) и генералом Ю. Халлером, но и в том, что среди отцов Второй Речи Посполитой оказались Лех Валенса (3 %), Иоанн Павел II (2 %), а также генерал В. Андерс [4]. Более того, 46 % опрошенных не смогли назвать ни одного достойного уважения деятеля периода провозглашения независимости. При этом почти половина поляков заявили, что хорошо осведомлены о биографии и исторической роли Ю. Пилсудского (49 %). Это дало основания авторам исследования назвать Пилсудского «иконой независимости» [4]. Его политические противники, конкуренты и сотрудники не могли похвалиться такой узнаваемостью. Если 32 % опрошенных указали, что знают о политической роли премьер-министра И. Падеревского, то о своих исторических познаниях на предмет деятельности В. Витоса и Р. Дмовского смогли уверенно заявить только 24 и 18 % всех опрошенных соответственно. По меткому замечанию польского социолога П. Квятковского, Ю. Пилсудский «в общественных представлениях существует как яркий и многомерный деятель: политик, командующий, человек со сложной биографией. Однако уже такой выдающийся деятель, как Роман Дмовский, для среднего поляка является господином в старомодном костюме, эффективно отстаивающим среди дипломатов польское дело. Эта одномерность образа касается также других великих деятелей этого периода: Дашиньского, Корфанта, Витоса. Быть может, Падеревский запомнился лучше, но как виртуоз, известный исполнитель романтической музыки с развевающимися волосами и горячим польским сердцем» [6].

В целом можно утверждать, что в массовом сознании праздник независимости занимает все больше места и при этом четко идентифицируется с определенным историческим периодом. В частности, в 2004 г. только 63 % опрошенных сумели правильно хронологически локализовать дату 11 ноября. Почти каждый четвертый (23 %) не сумел соотнести год и период польской истории с праздничной датой. Из всех участников опроса 9 % были убеждены, что провозглашение независимости состоялось в ноябре 1944 или 1945 гг. Однако уже совсем по-иному дата 11 ноября воспринималась гражданами Польши по данным социологического опроса 2016 г. Так, почти три четверти поляков (74 %) точно назвали время провозглашения независимости Второй Речи Посполитой. Затруднились с ответом только 14 % респондентов [4]. В год столетнего юбилея уровень исторических знаний о точной дате главного государственного праздника вырос до 81 %. Неверные ответы дали 10 % опрошенных, а 9 % затруднились ответить [5]. Не менее показателен рост доли лиц, отмечающих праздник провозглашения независимости. Так, в 2008 г. это событие в той или иной форме праздновали 49 %, а чуть более половины поляков вообще специально не выделяли эту дату каким-либо образом. Напротив, в 2018 г. лишь 28 % равнодушно отнеслись к торжествам по поводу столетнего юбилея [5]. Интересно, что в юбилейный год 43 % намеревались вывешивать государственные флаги, 29 % планировали принять участие в шествии, 18 % собирались посетить какие-либо публичные праздничные мероприятия в месте своего жительства. Подтверждением тезиса об активном отношении граждан к данной дате являются сведения об их участии в ежегодном Марше независимости, который стал проводиться с 2010 г. в столице страны по инициативе правых организаций и деятелей. Например, в 2012 г. по оценкам столичной полиции в нем приняло участие около 25 тыс. человек. В 2017 г. по улицам Варшавы в шествии прошли 60 тыс. участников. В 2018 г. был установлен своеобразный рекорд посещаемости этого мероприятия. В столице по данным полиции на улицах в качестве участников шествия оказалась четверть миллиона поляков. Всего же в разных общественных мероприятиях 11 ноября 2018 г. приняли участие 27 % всех польских граждан [7]. Социологические исследования показывают, что наиболее активно в торжествах по поводу восстановления независимости участвуют жители больших

городов (81 %), которые получили среднее или высшее образование (76 %) и при этом придерживаются правых политических взглядов (85 %) [5].

В целом можно сделать вывод, что для большинства поляков праздник независимости действительно является символом национального единства. По данным социологического опроса 2018 г. 72 % респондентов заявили, что эта дата объединяет поляков, и только 16 % отметили, что она скорее разъединяет граждан страны [7]. При этом любопытно, что в польской массовой культуре до сих пор не появилось каких-либо значимых произведений, обеспечивающих популярность в общественном мнении провозглашения независимости 11 ноября 1918 г. На это обстоятельство указывал профессор П. Квятковский, заметив, что «сейчас нет выдающихся и повсеместно известных произведений искусства и литературы, которые влияли бы на общественную память. Трудно указать на посвященный восстановлению независимости талантливый и одновременно популярный фильм» [6].

Вместе с тем среди польских политических элит столетний юбилей стал основанием для продолжения острой публичной полемики о текущей внутренней и внешней политике. Политический конфликт между правящей партией «Право и справедливость» и оппозицией во главе с «Гражданской платформой», в той или иной степени поддерживаемой «Польской народной партией» и «Левым демократическим союзом», сказался и на восприятии годовщины. В частности, для участников спора юбилейная дата стала основанием для взаимных обвинений в том, что проводимая политика может привести к потере обретенной в 1918 г. независимости. В этой связи чаще всего дискутировался вопрос о политическом будущем Польши как суверенного государства в составе Европейского союза и велась полемика за право на монополию в интерпретации польских национальных интересов и ценностей. Например, партия «Право и справедливость» стремится изображать своих противников в роли «космополитического интернационала», чуждого национальной традиции и интересам Польши. Напротив, ее политические оппоненты заявляют о том, что правящая ныне партия ведет Польшу по пути политической деградации, выводящей страну за пределы европейской цивилизации. Так, в колонке главного редактора «Польского Newsweek» Т. Лиса, написанной к юбилею независимости, утверждалось, что «Право и справедливость» ведет «к укреплению в государстве восточных черт — государства каприза, единовластия, склеротичной сатрапии, хаоса, бессилия, лицемерия и жестокости, отсутствия разделения властей и нормальных публичных медиа» [8, s. 2]. Резко критикуется весьма распространенный в польском политическом дискурсе исторический нарратив, исключающий серьезную критику межвоенной Польши. Так, среди симпатизирующей председателю «Прав и справедливости» Я. Качиньскому интеллигенции, в близких к этой партии общественно-политических организациях и СМИ популярен тезис о том, что ее победа на выборах 2015 г. привела к власти политиков, которые не имеют связей с политическими элитами бывшей Польской Народной Республики и по-настоящему восстанавливают преемственность с межвоенной Польшей. Отсюда проистекает идеализация политического режима санации и ее архитектора Ю. Пилсудского, что вызывает протест не только среди проигравших выборы 2015 г. сторонников «Гражданской платформы» и польских левых, но и у современных сторонников польской национал-демократии. Так, на страницах малотиражного еженедельника «Польская мысль» к годовщине появился целый ряд критических публикаций в адрес текущей исторической политики. В статье «Юбилейные размышления» М. Эцкардт назвал представителей действующей политической власти «группой реконструкторов санации» [9]. Консервативный интеллектуал А. Велёмский утверждал, что «особенно фальсифицирована и мифологизирована в общественном сознании довоенная Речь Посполитая, о которой уже мало кто помнит, что она была страной удручающе бедной и отсталой, с архаической социальной и аграрной структурой, а также с бессмысленными границами» [10].

Осуждение вызвало появление памятника погибшему в авиакатастрофе президенту Л. Качиньскому на площади Юзефа Пилсудского в Варшаве, которая воспринимается как главное «место памяти» для празднования дня независимости. В очередном выпуске влиятельного либерального еженедельника «Политика» появилась колонка главного редактора Е. Бачыньского. В ней монумент был назван «оскорбляющим чувство пропорции, мегаломанским памятником» человеку, которого прописовские круги величают «величайшим руководителем Польши со времен Пилсудского» [11, с. 6]. Очевидно, что размещение на главной площади страны памятника одному из братьев Качиньских было политическим жестом и не могло не спровоцировать негативной ответной реакции.

В целом, полемика в польской прессе в юбилейный месяц показывает, что провозглашение независимости стало лишь поводом для продолжения ведущейся уже не первый год «польско-польской» войны между консервативной партией «Право и справедливость» и ее противниками из либерального и левого лагерей [12].

Таким образом, можно утверждать, что в современном польском общественном мнении Национальный праздник независимости не только укоренился в массовом сознании, но превратился в повод для активной демонстрации своей приверженности польской государственности и национальной идентичности. Вместе с тем в актуальной исторической памяти большинства польского общества этот праздник в значительной степени отождествляется с личностью и деятельностью Ю. Пилсудского, оставляя в тени других «отцов» польской независимости, что свидетельствует о сильной степени политической мифологизации этого события. Социологические опросы показывают, что высокой исторической осведомленности о реалиях 1918 г. польские граждане все же не демонстрируют. Нельзя не отметить, что идеализация межвоенной Польши, отрицание всего послевоенного периода в истории польской государственности, которые задают современный политический и исторический контекст празднования главного государственного праздника в Польше, существенно расходятся с аналогичным типом общественно-политического дискурса об основном государственном празднике в нашей стране. Данное обстоятельство необходимо принимать во внимание в белорусско-польских международных отношениях.

Источники

1. *Андерсон, Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. — М. : КАНОН-пресс-Ц, 2001. — 288 с.
2. *Anderson, B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. — Moscow : KANON-press-C, 2001. — 288 p.
3. O ustanowieniu Narodowego Święta Niepodległości // Dz. ustaw Pol. Rzeczypospolitej Lud. — 1989. — № 6. — S. 101–116.
4. Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 11 listopada 1997 r. z okazji Święta 11 Listopada // Monitor Pol. — 1997. — № 82. — S. 2247.
5. Raport z badania zrealizowanego na potrzeby wieloletniego programu rządowego «Niepodległa» [Electronic resource] // Narodowe Centrum Kultury. — Mode of access: <https://www.nck.pl/badania/projekty-badawcze/raport-niepodlegla>. — Date of access: 24.06.2018.
6. *Herrmann, M.* Polacy o Narodowym Święcie Niepodległości i polityce pamięci / M. Herrmann, B. Roguska. — Warszawa : CBOS, 2018. — 9 s.
7. *Kwiatkowski, P.* Wciąż tkwi w nas doświadczenie utraty niepodległości [Electronic resource] / P. Kwiatkowski // Dzieje.pl. Portal Historyczny. — Mode of access: <https://dzieje.pl/wideo/>. — Date of access: 30.11.2018.
8. *Modzelewska, M.* Obchody 100. rocznicy odzyskania niepodległości oczami Polaków. Komunikat z badań [Electronic resource] / M. Modzelewska, T. Kukołowicz // Narodowe Centrum Kultury. — Mode of access: <https://nck.pl/badania/aktualnosci/obchody-100-rocznicy-odzyskania-niepodleglosci-oczami-polakow>. — Date of access: 29.11.2018.
9. *Lis, T.* Biało-czerwona, wielokolorowa / T. Lis // Newsweek Polska. — 2018. — № 46. — S. 2.

9. Eckardt, M. Rocznicowe zamyślenie [Electronic resource] / M. Eckardt // *Myśl Polska*. — Mode of access: <http://www.mysl-polska.pl/1721>. — Date of access: 29.11.2018.

10. Wielomski, A. Rozmowy małżeńskie Wielomski 23: 100 lat Niepodległości [Electronic resource] / A. Wielomski, M. Ziętek-Wielomska // *Myśl Polska*. — Mode of access: <http://www.mysl-polska.pl/1724>. — Date of access: 01.12.2018.

11. Baczyński, J. Marsz na rozstajach / J. Baczyński // *Polityka*. — 2018. — № 46. — S. 6.

12. Лыкошина, Л. С. Об исторической политике в контексте политической борьбы в современной Польше / Л. С. Лыкошина // *Славяноведение*. — 2014. — № 5. — С. 45–55.

Lykoszina, L. S. On historical politics in the context of political struggle in modern Poland / L. S. Lykoszina // *Slavic studies*. — 2014. — № 5. — P. 45–55.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018 г.

УДК 32.019.5(476)

K. Kostinevich
BSEU (Minsk)

THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF POLITICAL COMMUNICATION BETWEEN POWER AND SOCIETY OF REPUBLIC OF BELARUS

The article is devoted to the theoretical approaches to the study of political communication. The aim of this study is to determine the heuristic potential of theoretical and methodological approaches to the study of political communication of power and society in the Republic of Belarus.

Keywords: political communication; political system; systems approach; the structural-functional approach; network approach.

К. И. Костиневич
магистр политических наук
БГЭУ (Минск)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассмотрены подходы к изучению политической коммуникации. В данной работе дано определение понятию «политическая коммуникация», проанализированы теоретико-методологические подходы к исследованию политической коммуникации и их эвристический потенциал при изучении взаимодействий власти и общества в Республике Беларусь.

Ключевые слова: политическая коммуникация; политическая система; системный подход; структурно-функциональный подход; сетевой подход.

В современном мире роль коммуникаций в политической сфере постоянно возрастает. Принятие эффективных политических решений становится невозможным без налаженной коммуникации между властью и обществом. Рост производимой информации и появление новых средств коммуникации приводят к необходимости пересмотра и изучения процесса коммуникации не только органами власти, но и учеными и аналитиками.

Актуальность проблемы поиска оптимального теоретического подхода к изучению политической коммуникации (далее — ПК) в трансформирующихся обществах постсоветского пространства заключается в необходимости налаживания диалога между властью и обществом. К изучению ПК сложилось множество подходов в таких науках, как политология, социология, философия, психология, кибернетика и др. Однако не все подходы в равной степени применимы по отношению к Беларуси и иным постсоветским странам.

Процесс ПК начал изучаться в западной политической науке в середине XX в., а отдельные аспекты ПК — в начале XX в. Изучение ПК на Западе связано с именами таких исследователей, как Э. Бернейс, У. Липпман, Г. Лассуэлл, П. Лазарсфельд, Д. Истон, Г. Алмонд, Дж. Коулман, К. Дойч, Т. Парсонс, Р. Мертон, Ю. Хабермас, Н. Луман, М. Кастельс и др.

Среди российских исследователей вопросы ПК изучают Ф.И. Шарков, Л.Н. Тимофеева, А.И. Соловьев, М.Н. Грачев, Ю.В. Ирхин, С.А. Шомова, М.С. Вершинин, И.М. Дзялошинский, И.А. Быков и др.

В белорусской науке отдельные аспекты ПК исследуют Н.А. Антанович, С.В. Решетников, О.Е. Побережная, И.М. Ильина, Н.Н. Левчук, Л.А. Савицкая, А.Я. Сарна, Д.Г. Ротман, А.В. Посталовский, А.Е. Мацевило и др.

Цель данной статьи — выявить эвристический потенциал сложившихся в политической науке теоретико-методологических подходов к изучению политической коммуникации власти и общества в Республике Беларусь.

Понятие политической коммуникации. Для дальнейшего изучения теоретических подходов к пониманию ПК необходимо рассмотреть определения данного понятия, представленные в работах западных и российских исследователей.

Трактовки понятия «политическая коммуникация» можно разделить по отношению к роли обратной связи. Здесь можно выделить два подхода: понимание ПК как одностороннего процесса и как двустороннего. Первый подход включает в себя «понимание процесса коммуникации как трансмиссии, действия, интерпретации», второй — «оценку коммуникации как взаимопонимания, обмена, участия, отношения, поведения, интеракции» [1, с. 43].

Пример определения ПК как одностороннего процесса встречается у Ф.И. Шаркова: ПК — это «вид коммуникации, осуществляемой субъектами политического рынка (политическая организация, деятель) и населением (в большей мере его частью, представляющей электорат) с целью побудить людей к тому или иному типу политического поведения» [2, с. 277].

ПК как двусторонний процесс предусматривает обмен информацией, как вертикальный (к примеру, коммуникация между властью и избирателями), так и горизонтальный (обмен информацией между гражданами или внутри элиты).

Целью ПК при данном подходе является налаживание диалога между властью и обществом и, как итог, стабильное функционирование политической системы (далее — ПС) посредством обмена информацией.

Одно из наиболее часто используемых определений ПК предложил французский социолог Р.-Ж. Шварценберг. Под ПК он понимал «процесс передачи политической информации, посредством которого информация циркулирует между элементами ПС, а также между политической и социальной системами. Непрерывный процесс обмена информацией осуществляется как между индивидами, так и между управляющими и управляемыми с целью достижения согласия» [1, с. 36].

Российский политолог Е.А. Лобанова дает следующее определение: «ПК — это информационное воздействие субъектов политики, в котором осуществляется обмен политическими идеями, взглядами, установками и моделями поведения с целью осуществления паритетного, конструктивного диалога между властью и обществом для достижения сбалансированности социально-политической системы» [1, с. 46].

Таким образом, исходя из рассмотренных определений, можно сделать вывод о том, что ПК — это горизонтальный и/или вертикальный процесс обмена информацией, целью которого выступает поддержание стабильной работы ПС.

Подходы к изучению политической коммуникации. В политологии сложилось несколько подходов к изучению ПК. В статье рассмотрены системный, структурно-функциональный и сетевой подходы.

Для определения эвристического потенциала указанных подходов при изучении политической коммуникации власти и общества на постсоветском пространстве будет проведен их анализ на основе следующих критериев:

- сущность ПК в ПС — позволяет отразить место ПК в ПС и то, насколько она отвечает требованиям, необходимым для изучения ПК стран постсоветского пространства;
- структурные элементы, из которых состоит ПК, данный критерий позволит детально рассмотреть процесс ПК и роль отдельных ее составляющих в рамках ПС трансформирующихся обществ;
- функции ПК в рамках ПС — критерий, который позволит рассмотреть то, каким образом ПК влияет на работу ПС;
- роль власти и общества в ПК, данный критерий позволит оценить, насколько роль, которая отводится власти и обществу в ПК рассматриваемого подхода, соответствует особенностям ПС трансформирующихся обществ.

Системный подход. В рамках системного подхода коммуникация выступает в качестве элемента ПС. В данной статье представлены теории Д. Истона и Н. Лумана.

Обратная связь в модели политической системы Д. Истона. Американский политолог Д. Истон рассматривал функцию ПК как двусторонний обмен информацией, осуществляемый в ПС контуром обратной связи. Обратная связь призвана обеспечить стабильность и существование ПС.

ПС Д. Истон определял «как совокупность тех взаимодействий, посредством которых ценности авторитарным способом приносятся в общество» [3]. ПС включает в себя «вход», центр принятия политических решений («черный ящик»), «выход», обратную связь и окружающую среду.

На «входе» системы формулируются требования и поддержка, которые являются отражением событий и условий, возникающих в окружающей среде и влияющих на систему. Требования и поддержка, проходя через «черный ящик», преобразуются в решения и действия власти — «выходы» системы.

Контур обратной связи образуется в процессе влияния политических решений и действий на «выходе» ПС на требования и поддержку на ее «входе», тем самым корректируя их. Обратная связь включает в себя следующие элементы: «производство «выходов» властями, реакция членов общества на эти «выходы», передача информации об этой реакции властям и, наконец, возможные последующие действия властей» [3]. Так, власть, действуя в качестве представителя системы, должна получать информацию о результатах решений и действий на «выходе» системы для дальнейшего выполнения требований, поступающих на «входе». Данные циклы являются непрерывными, что обеспечивает существование и стабильную работу ПС.

Таким образом, обратная связь стабилизирует ПС, объясняя протекающие процессы, что позволяет системе адаптироваться к изменяющимся условиям, приспосабливаясь к воздействиям окружающей среды.

Итак, в рамках теории Д. Истона ПК в ПС проявляется в обмене информацией посредством контура обратной связи, что соответствует понятию ПК, сформулированному ранее. Она включает в себя решения и действия на «выходе» ПС, которые производит власть, реакцию на них общества и передачу информации о реакции общества власти. Тем самым ПК стабилизирует ПС.

Власть как коммуникация в концепции Н. Лумана. Немецкий социолог Н. Луман рассматривает коммуникацию как главную операцию, производимую обществом. Она

выступает основой общества, которая его порождает, «однако из этого еще не вытекает, какое именно это будет общество» [4, с. 68].

Под коммуникацией Н. Луман понимает не просто передачу сообщения от отправителя к получателю, а «некое протекающее конкретно-исторически, а значит, зависимое от контекста событие» [4, с. 72], что отражает наличие в коммуникации памяти, которая указывает на ее осуществление ранее.

Коммуникация является единственной операцией, которая распределяет соотношение знания и незнания информации, что определяет ее в качестве аутопойетической (закрытой) системы. Незнание позволяет определить, несет ли посланное сообщение уникальную информацию для принимающей стороны.

Помимо этого, на закрытый характер коммуникации указывает производство и воспроизводство всех компонентов коммуникации: информации, сообщения и понимания через саму коммуникацию. Данные компоненты взаимосвязаны, они предполагают друг друга, ни один из них не является первичным и соответственно они производятся коммуникацией. Информация, сообщение и понимание делает коммуникацию эмерджентной.

Итак, коммуникация представляет собой аутопойетическую систему распределения знания/незнания, посредством производства/воспроизводства информации, сообщений и понимания в конкретно-исторический период.

Поскольку общество состоит из коммуникаций, то и власть является «символически генерализованным средством коммуникации» [5, с. 10].

Генерализация — это «обобщение смысловых ориентаций, делающее возможным фиксацию идентичного смысла различными партнерами в различных ситуациях с целью извлечения тождественных или сходных заключений» [5, с. 52], что позволяет упростить обмен информацией. Генерализация универсализирует коммуникацию, обобщая поступающую информацию, не прибегая к новым кодам при изменении условий.

Символизация — это «упрощенное выражение некоторой комплексной интерактивной ситуации, которая в результате символизации переживается как единство» [5, с. 52–53], т.е. символы являются средством, приводящим информацию и сообщения к единому пониманию участниками коммуникации.

Следовательно, власть является выражением наборов универсальных символов, позволяющих налаживать коммуникацию властвующих и общества.

Генерализованные символы «управляют процессом передачи результатов селекции» [5, с. 16]. Под селекцией понимается выбор варианта решения или действия из нескольких альтернатив. Также на основе существующих альтернатив власть имеет возможность оказывать влияние на селекцию действий управляемых, что отражает силу и авторитет власти. Власть становится сильнее с увеличением свободы подчиненных, так как принуждение лишает граждан возможности выбора, тем самым уменьшая число альтернатив.

При этом по отношению к средствам коммуникации Н. Луман определяет власть как «ограничение пространства селекции партнера» [5, с. 22], т.е. власть обладает возможностью формулировать коды посредством символов и транслировать результаты селекции подчиненным, что ведет к упрощению (редуцированию) комплексности, тем самым упорядочивая коммуникацию. Итак, власть обладает возможностью устанавливать «сцепления событий абсолютно независимо от воли подчиненного этой власти человека» [5, с. 23].

Вследствие этого власть может оказывать воздействие на ход событий, выполняя каталитическую функцию. Власть выражается в возможности сохранения коммуникации между властью и имущими и обществом.

Итак, можно сделать вывод о том, что власть выступает средством коммуникации, которое обобщает смысловые ориентации сторон коммуникации в вопросах, касающихся

ся властных отношений посредством универсальных символов. Власть, имея возможность влиять на селекцию подчиненных, способна тем самым воздействовать на ход событий.

Таким образом, представляется, что изучение ПК с позиций системного подхода может носить универсальный характер. Подход Д. Истона позволяет рассматривать коммуникацию как часть ПС, которая выполняет функцию обратной связи. Системный подход дает возможность изучать процесс ПК как непрерывный процесс обмена информацией между властью и обществом.

Помимо этого, системный подход к изучению ПК позволяет анализировать реакцию общества на решения, принимаемые органами власти, реакцию власти на импульсы на «входе» в ПС, ее влияние на селекцию подчиненных и ход событий, а также распределение информации в ПС.

Следует отметить, что применение системного подхода при изучении трансформирующихся обществ имеет и недостатки. Так, белорусские политологи С.В. Решетников и Н.А. Антанович отмечают, что модель ПС Д. Истона «не наполнена управленческими технологиями и выступает лишь как нейтральная зона соперничества различных социальных групп» [6, с. 69], в то время как изучение политических систем постсоветского пространства требует включения в анализ «государства как независимого актора в ПС» [6, с. 69].

Подход Н. Лумана позволяет решить данную проблему, так как представители власти в данном случае выступают как активные участники коммуникации, которые влияют на действия управляемых. При этом власть как средство коммуникации универсализирует информацию при помощи общих символов, способствует сохранению коммуникации между властью и имущими и подчиненными и отражает иерархию элементов системы.

Структурно-функциональный подход. В рамках структурно-функционального подхода функция ПК проявляется в циркуляции информации между элементами ПС, а также между ПС и окружающей средой. «ПК означает движение информации в обществе и внутри различных структур, образующих ПС» [7, с. 83], — отмечает Г. Алмонд.

В свою очередь ПС представляет собой «совокупность институтов и органов, формулирующих и воплощающих в жизнь коллективные цели общества или составляющих его групп» [7, с. 74].

Функции ПС согласно Г. Алмонду позволяют осуществлять политический курс правительства политическим структурам. ПК, являясь самостоятельной функцией «входа» ПС, обеспечивает осуществление всех функций, выполняемых в рамках системы. ПК выступает критически важной функцией, которая обеспечивает поддержание границ ПС.

Эффективность ПК как функции ПС характеризуется посредством четырех компонентов: однородность политической информации, ее мобильность, объем и направление потока информации.

Однородность политической информации позволяет интерпретировать сообщение получателями на основе общих ценностей с отправителями. По мнению Г. Алмонда, в западных обществах наличие автономных и специализированных средств коммуникации позволило сформировать систему, производящую открытую и однородную информацию.

Вместе с тем в переходных ПС информация является неоднородной, в первую очередь из-за проблемы интерпретации информации, возникающей вследствие различий ценностей отправителя (политик), «переводчика» (государственные служащие, лидеры групп интересов) и получателя сообщения.

Мобильность информации указывает на то, может ли информация свободно распространяться в рамках системы или она имеет препятствия на «входе» и/или «выходе» ПС. В западных системах нейтральная информация распространяется свободно, тогда как в переходных — неоднородно.

Объем отражает количество информации, циркулирующей в ПС. Так, в дифференцированной и автономной системе коммуникации скрытая информация может стать «открытой» и быстро распространяться по всей системе, что позволяет оперативно и точно осуществлять ее оценку. Подобная ситуация характерна для западных ПС, тогда как в переходных «большая часть информации остается негласной и скрытой, что, следовательно, не позволяет осуществлять политическую оценку точно и быстро» [8, с. 49].

В свою очередь направление потока информации указывает на то, откуда больше поступает информации в ПС: на «входе» от общества или на «выходе» со стороны органов власти. В переходных системах в большей степени информация появляется на «выходе» ПС.

Таким образом, такие компоненты ПК, как однородность политической информации, ее мобильность, объем информации и направление потока информации, позволяют анализировать процесс коммуникации между властью и обществом не только в странах Запада, но и на постсоветском пространстве.

Применяя структурно-функциональный подход, представляется необходимым учитывать изменения, произошедшие в развитии средств распространения информации, которые привели к изменению характеристик компонентов ПК в ПС трансформирующихся обществ. К примеру, в данный момент можно наблюдать увеличение объема и мобильности информации.

Также следует учитывать особенности ПС постсоветского пространства, например, роль групп интересов и партий в артикуляции интересов не столь высока, как в странах Запада. Так, зачастую данные функции в трансформирующихся обществах выполняет бюрократический аппарат, что в свою очередь не позволяет в полной мере использовать структурно-функциональный подход к изучению ПК. При этом следует подчеркнуть, что в последние годы в Беларуси можно наблюдать тенденцию к развитию различных форм взаимодействия власти и общества: распространение общественно-консультативных советов при органах власти, встречи высших должностных лиц с экспертным сообществом в рамках мероприятий, проводимых научными учреждениями и фабриками мысли, и др.

Сетевой подход. Концепция коммуникации М. Кастельса. Испанский социолог М. Кастельс рассматривает коммуникацию сквозь призму сетевого общества, под которым он понимает «общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий» [9, с. 41].

Согласно М. Кастельсу, сети в социальной жизни — это коммуникативные структуры, а «коммуникационные сети — это паттерны контактов, которые создаются с помощью потока сообщений между коммуникаторами в пространстве и времени» [9, с. 37].

Сети производят потоки, которые позволяют циркулировать информации между узлами, т.е. компонентами сети, из которых она состоит. Значимость узлов в свою очередь состоит в поглощении наиболее важной информации, а также в способности ее эффективной обработки.

Коммуникацию М. Кастельс трактует как «коллективное использование смыслов в процессе обмена информацией. Процесс коммуникации определяется технологией коммуникации, характеристиками отправителей и получателей информации, их культурными кодами и протоколами коммуникации, а также рамками коммуникационного процесса» [9, с. 73].

В рамках коммуникационного процесса М. Кастельс выделяет три вида коммуникации: массовую коммуникацию, межличностную коммуникацию и массовую самокоммуникацию. Они не противоречат друг другу, а дополняют.

Массовая коммуникация подразумевает потенциальное распространение информации на все общество, в традиционном виде она является односторонней, тогда как межличностная коммуникация — интерактивной.

С развитием интернет-технологий массовая коммуникация начинает трансформироваться, формируя массовую самокоммуникацию, которая дает большие возможности при отправке сообщения в рамках модели от многих-ко-многим и налаживании двусторонней коммуникации.

Данный вид коммуникации является массовым ввиду наличия потенциала для охвата глобальной аудитории. Тогда как «самокоммуникация» характеризуется самостоятельным формированием сообщения, определением его потенциальных получателей и способа получения обратной связи.

Массовая самокоммуникация позволяет увеличить число коммуникационных субъектов благодаря тому, что она «умножает и диверсифицирует точки входа в коммуникационный процесс» [9, с. 160].

Коммуникация формируется и управляется властью. «Власть базируется на контроле за коммуникацией и информацией» [9, с. 20], а фундаментальная форма власти выражается в способности формировать человеческое сознание.

Данный процесс происходит посредством установления правил и норм, управляющих институтами общества. При этом если борьба за установление правил и норм в обществе происходит «вокруг формирования человеческого сознания, то коммуникация является эпицентром этой битвы» [9, с. 21].

По мнению М. Кастельса, «власть в сетевом обществе — это коммуникационная власть» [9, с. 72], которая имеет четыре формы: сетевая власть, власть сети, власть в сети и сетесозидающая власть. Они различаются процессом реализации власти, высшая форма — сетесозидающая власть.

Сетесозидающая власть организует контроль над другими участниками в сети при помощи двух источников власти: «способности создавать сеть (сети) и программировать/перепрограммировать работу сети (сетей) для достижения поставленных перед сетью целей» [9, с. 63].

Источником осуществления коммуникации являются медиа, которые охватывают все общество. Вследствие чего в современном мире «политика — это преимущественно медиаполитика» [9, с. 221]. Под политикой М. Кастельс понимает «процесс распределения власти в институтах государства», а под медиаполитикой — «проведение политики и с помощью медиа» [9, с. 221].

В демократических режимах доступ к власти и сохранение контроля над политическими институтами вероятны только при наличии возможностей передачи сообщений акторами обществу посредством СМИ. В результате чего происходит борьба за власть посредством выборов. В авторитарных режимах власть осуществляется при помощи контроля над медиа. В случае снижения контроля над коммуникацией авторитарные режимы приходят в упадок.

Другие факторы в политической борьбе также имеют большое значение. Однако роль медиа оказывается решающей, поскольку СМИ являются не просто четвертой ветвью власти, как зачастую их характеризуют. «Они гораздо важнее: они являются пространством создания власти» [9, с. 222].

Итак, сетевой подход позволяет исследовать распределение власти в институтах государства, конструируемое в медиапространстве, посредством программирования и переклечения сетей как источников власти. Данный подход дает возможность изучать формирование и управление коммуникации властью, а также граждан и общество как субъектов коммуникации.

Представляется, что с дальнейшим развитием информационных технологий и горизонтальной коммуникации применение сетевого подхода при ПС постсоветского пространства будет расширяться. Однако на данный момент применение данного подхода ограничено, так как следует учитывать специфику трансформирующихся обществ.

Как отмечает Н.А. Антанович, «на постсоветском пространстве зачастую происходит разрыв между формальными и неформальными институтами, расширяются асимметричные формы обмена ресурсами в сетевых патрон-клиентских отношениях. Такие отношения формируют множественные широкие социальные сети, которые в свою очередь организованы уже иерархически» [10, с. 49]. Данная особенность приводит к ограничению возможностей для применения сетевого подхода при изучении ПК.

Применение сетевого подхода в трансформирующихся обществах требует учета развивающегося характера горизонтальной коммуникации и налаживания диалога между властью и обществом. На данный момент сетевой подход к изучению ПК может применяться при исследовании роли медиа в процессе коммуникации власти и общества, учитывая их возрастающую роль в политике.

Таким образом, все рассмотренные подходы имеют различный эвристический потенциал при исследовании процесса ПК между властью и обществом в Республике Беларусь и на постсоветском пространстве в целом. Отличительные особенности критериев сравнения теоретико-методологических подходов к изучению ПК, представлены в таблице.

Критерии сравнения теоретико-методологических подходов к изучению ПК

Подход	Сущность ПК в ПС	Структурные элементы ПК	Функции ПК в ПС	Роль власти в ПК	Роль общества в ПК
Системный подход Д. Истона	Двусторонний обмен информацией посредством контура обратной связи	Производство «выходов» ПС, реакция общества на «выходы» ПС и передача информации о реакции общества	Обеспечение стабильности ПС, объяснительная функция	Производство решений и действий на «выходе» ПС, выполнение требований, поступающих на «входе» ПС	Формулирование требований и поддержки в ПС
Системный подход Н. Лумана	Универсализация информации в ПС при помощи общих символов для упрощения ее восприятия сторонами коммуникации	Информация, общение и понимание	Установка границ системы, универсализация информации, передача результатов селекций участников коммуникации, трансляция редуцированной комплексности	Влияние на селекцию действий подчиненных, формулирование кодов посредством общих символов	Производство селекций действий
Структурно-функциональный подход Г. Алмонда	Циркуляция информации между элементами ПС и между ПС и средой	Однородность информации, ее объем, мобильность, и направление потока	Обеспечение осуществления всех функций ПС, поддержание границ ПС	Отправление и получение информации	Отправление и получение информации
Сетевой подход М. Кастельса	Коллективное использование смыслов в процессе обмена информацией по вопросам распределения власти	Сети, медиа	Организация пространства для формирования правил и норм и распределения властных отношений между политическими и социальными акторами	Формирование и управление коммуникацией, формирование человеческого сознания путем установления правил и норм	Субъект, который выступает и как отправитель, и как получатель информации, ввиду развития массовой самокоммуникации

Источники: составлено автором.

Рассмотрев основные подходы к исследованию ПК, представляется, что системный подход обладает наибольшим эвристическим потенциалом. Он позволяет изучать ПК

как постоянный обмен информацией и дает возможность анализировать изменения, происходящие в коммуникации, реакцию общества на решения власти, влияние власти на селекции подчиненных и ход событий.

Применение системного подхода требует внести уточнения, связанные со спецификой политических систем трансформирующихся обществ постсоветского пространства. Так, на «входе» в ПС роль партий заметно ниже, чем на Западе, в связи с чем информация на «входе», как правило, поступает при помощи иных институтов (например, СМИ или бюрократический аппарат).

Диалог власти и общества носит формирующийся характер в отличие от ПС западных стран. Такие механизмы получения обратной связи, как общественно-консультативные советы или использование социальных сетей органами власти для взаимодействия с гражданами, постепенно становятся частью ПС Беларуси и способствуют налаживанию диалога.

При этом следует отметить, что применение иных подходов также представляется возможным. Так, применение структурно-функционального подхода позволяет исследовать функции ПК и информацию, циркулирующую в ПС: ее однородность, мобильность, объем и направление потока.

Применение сетевого анализа позволит понять значение медиа в ПК власти и общества в Республике Беларусь, так как с развитием информационно-коммуникационных технологий их роль только возрастает.

Источники

1. Лобанова, Е. А. Политическая коммуникация в контексте политологического анализа : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Е. А. Лобанова. — М., 2006. — 205 л.
Lobanova, E. A. Politicheskaya kommunikatsiya v kontekste politologicheskogo analiza : dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.01 / E. A. Lobanova. — М., 2006. — 205 l.
2. Шарков, Ф. И. Коммуникология / Ф. И. Шарков. — 3-е изд. — М. : Дашков и К°, 2013. — 766 с.
Sharkov, F. I. Kommunikologiya / F. I. Sharkov. — 3-e izd. — М. : Dashkov i K°, 2013. — 766 s.
3. Истон, Д. Категории системного анализа политики [Электронный ресурс] / Д. Истон // ПолитНаука — политология в России и мире. — Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/teoria/iston.php>. — Дата доступа: 26.11.2016.
Iston, D. Kategorii sistemnogo analiza politiki [Elektronnyy resurs] / D. Istion // PolitNauka — politologiya v Rossii i mire. — Rezhim dostupa: http://www.politnauka.org/library/teoria/iston.php. — Data dostupa: 26.11.2016.
4. Луман, Н. Общество общества. Кн. 1–3 / Н. Луман. — М. : Логос, 2011. — 640 с.
Luman, N. Obshchestvo obshchestva. Kn. 1–3 / N. Luman. — М. : Logos, 2011. — 640 s.
5. Луман, Н. Власть / Н. Луман. — М. : Праксис, 2001. — 256 с.
Luman, N. Vlast' / N. Luman. — М. : Praxis, 2001. — 256 s.
6. Решетников, С. В. Системный подход как методология анализа публичной политики / С. В. Решетников, Н. А. Антанович. — Минск : ИСПИ, 2000. — 108 с.
Reshetnikov, S. V. Sistemnyy podkhod kak metodologiya analiza publichnoy politiki / S. V. Reshetnikov, N. A. Antanovich. — Minsk : ISPI, 2000. — 108 s.
7. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор : учеб. пособие / Г. Алмонд [и др.]. — М. : Аспект Пресс, 2002. — 537 с.
Sravnitel'naya politologiya segodnya: Mirovoy obzor : ucheb. posobie / G. Almond [i dr.]. — М. : Aspekt Press, 2002. — 537 s.
8. Almond, G. The functions of the political system / G. Almond // The politics of the developing areas / G. Almond [et al.]; ed.: G. Almond, J. Coleman. — Princeton, New Jersey, 1960. — P. 26–57.
9. Кастельс, М. Власть коммуникации : учеб. пособие / М. Кастельс. — М. : Высш. шк. экономики, 2016. — 564 с.
Kastel's, M. Vlast' kommunikatsii : ucheb. posobie / M. Kastel's. — М. : Vyssh. shk. ekonomiki, 2016. — 564 s.

10. Антанович, Н. А. Перспективы использования сетевого подхода в политической науке / Н. А. Антанович // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. — 2010. — № 2. — С. 44–53.
 Antanovich, N. A. Perspektivy ispol'zovaniya setevogo podkhoda v politicheskoy nauke / N. A. Antanovich // Zhurn. Belarus. gos. un-ta. Sotsiologiya. — 2010. — № 2. — S. 44–53.

Статья поступила в редакцию 18.12.2018 г.

УДК 327(470+510)+341.48:343.326(470+510)

Yu. Malevich
Yao Zengyi
 BSU (Minsk)

STRUGGLE AGAINST TERRORISM WITHIN THE FRAMEWORK OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION: THE ROLE OF CHINA AND RUSSIA

The activities of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in the international fight against terrorism are reviewed. The terrorist threat is becoming more and more obvious with each passing year, so the international community is trying its best to work out the means to prevent it. The article focuses on the People's Republic of China and the Russian Federation in this activity, since these two states are the driving forces of the SCO. Both the Russian Federation and the People's Republic of China are determined to develop the activities of the SCO and to act as the main vehicles for the ideas of this organization. For Russia and China, the Shanghai cooperation organization is an important international platform on which they can promote their interests and coordinate their efforts on the issues of contemporary international relations that concern them.

Keywords: Shanghai cooperation organization; People's Republic of China; Russian Federation; terrorism; foreign policy; bilateral cooperation.

Ю. И. Малевич
 доктор политических наук, профессор
Яо Цзэни
 БГУ (Минск)

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА: РОЛЬ КИТАЯ И РОССИИ

Рассматривается деятельность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в международной борьбе с терроризмом. Террористическая угроза становится с каждым годом все более явной, поэтому мировое сообщество изо всех сил старается выработать средства для ее предотвращения. В статье основное внимание уделяется деятельности Китайской Народной Республики и Российской Федерации в этом направлении, так как именно эти два государства являются движущими силами ШОС. Как Российская Федерация, так и Китайская Народная Республика, решительно настроены развивать деятельность ШОС и выступать главными проводниками идей данной организации. Для России и Китая Шанхайская организация сотрудничества является важной международной платформой, на которой они могут продвигать свои интересы и координировать свои усилия по волнующим их вопросам современных международных отношений.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества; Китайская Народная Республика; Российская Федерация; терроризм; внешняя политика; двустороннее сотрудничество.

ШОС как платформа сотрудничества государств. Шанхайская организация сотрудничества была создана в качестве многосторонней ассоциации для обеспечения безопас-

ности и поддержания стабильности в обширном евразийском регионе, объединения усилий для противодействия возникающим вызовам и угрозам сложившейся международной системе.

Укрепляя взаимовыгодное сотрудничество, предотвращая конфронтацию и конфликты, поддерживая равную и неделимую безопасность, ШОС стремится создать справедливый полицентричный мировой порядок в полном соответствии с нормами международного права и принципами взаимного уважения, которые отвечают интересам каждого государства. Будучи многонациональной и многокультурной организацией, ШОС стремится предотвратить столкновение цивилизаций в своих регионах.

Соблюдая принципы открытости, ШОС не намерена создавать какие-либо союзы или направлять свои действия против какого-либо суверенного субъекта. Она активно и последовательно проводит диалог, обмены и сотрудничество и выступает за неукоснительное соблюдение целей и принципов, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций.

Вся структура организации направлена на создание многосторонних партнерств для оказания помощи суверенным членам в координации стратегий и подходов к решению актуальных международных проблем и удовлетворению региональных потребностей. ШОС предоставляет государствам-членам возможность сосредоточить свои усилия на достижении общих целей в соответствии с принципами добровольного сотрудничества и справедливого распределения обязанностей.

Исторический саммит глав государств — членов ШОС 8–9 июня 2017 г. в Астане (Республика Казахстан) запустил новый этап в развитии организации. Одним из его основных результатов было предоставление полного членства в ШОС Индии и Пакистану. Присоединение этих двух влиятельных южно-азиатских государств позволило ШОС укрепить свой потенциал и расширить спектр своих возможностей, в том числе в области борьбы с существующими и возникающими вызовами и угрозами.

Объединив четыре ядерные державы — половину ядерных государств мира — в единую региональную организацию, ШОС служит дополнительным сдерживающим фактором в системе, созданной для поддержания стратегического баланса сил и политической стабильности в мире.

Строго соблюдая общепризнанные нормы международного права, а также базовые положения Устава Организации Объединенных Наций, ШОС исходит из своего принципиального убеждения в том, что дипломатия выступает главным средством разрешения международных конфликтов. В этой связи ШОС изначально поддерживает незаменимую координирующую роль Организации Объединенных Наций в международных отношениях.

Ряд специальных инициатив, инициированных под эгидой ООН и ШОС, заметно способствовали укреплению международного сотрудничества в борьбе с общими вызовами и угрозами безопасности.

ШОС продолжает развитие своего основного постоянного органа — Региональной антитеррористической структуры (РАТС). Общий ответ ШОС на неуклонно растущую угрозу экстремизма — это Конвенция ШОС о противодействии экстремизму, принятая на саммите в Астане. Этот документ наряду с Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также основными документами Организации Объединенных Наций о борьбе с терроризмом укрепил международно-правовые рамки для противодействия возникающим террористическим вызовам и угрозам [1, с. 15].

Всплеск террористической деятельности в различных частях мира требует разработки и совершенствования существующих методов и инструментов, применяемых в борьбе с этим злом. Заявление глав государств — членов ШОС о совместном противодействии международному терроризму, выпущенное в Астане, является важным политическим инструментом, который включает оценку общего положения дел, подходов и пу-

тей консолидации всех сил в борьбе с терроризмом. Оно также содержит призыв к тому, чтобы международное сообщество объединилось в рамках широкомасштабной международной антитеррористической коалиции для борьбы с этой серьезной глобальной угрозой.

Распространение экстремистской идеологии и пропаганды, включая общественное оправдание терроризма, нередкие случаи подстрекательства к совершению террористических актов стали особенно опасными в современном мире. В этой связи ШОС во главе с Россией и Китаем активизирует совместные усилия по противодействию социальной радикализации, влекущей за собой наихудшие формы экстремизма, к которым относятся и терроризм, особенно среди молодежи. Россия и КНР также принимают меры для предотвращения религиозного, этнического, идеологического и политического экстремизма, этнической и расовой нетерпимости и ксенофобии. Наряду с сотрудничеством между правоохранительными и судебными органами особое внимание уделяется укреплению ведущей роли государств в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также потенциалу добровольного и ответственного вклада институтов гражданского общества, в том числе традиционных религиозных организаций, образовательных и исследовательских учреждений, средств массовой информации и неправительственных организации, действующих в государствах — членах ШОС в соответствии с существующим национальным законодательством.

Придерживаясь положений Соглашения 2006 г. о сотрудничестве в выявлении и блокировании каналов проникновения на территорию государств-членов ШОС лиц, вовлеченных в террористическую, сепаратистскую и экстремистскую деятельность, государства-члены, включая главным образом РФ и КНР, продолжают свое сотрудничество по предотвращению злонамеренных действий и передвижения иностранных террористов, боевиков и террористических групп. Это должно осуществляться посредством эффективного пограничного контроля, обмена данными о лицах, участвующих в террористической деятельности, выявления поддельных или украденных документов, удостоверяющих личность, а также проведения совместных расследований транснациональных террористических преступлений.

Государства — члены ШОС вместе работают над противодействием деятельности отдельных лиц и организаций, связанных с пропагандой, с вербовкой, обучением и использованием террористов, а также с обоснованием или финансированием террористических актов.

Хотя ШОС не является военным союзом, целенаправленная борьба с террористическими угрозами требует дальнейшего развития и совершенствования механизмов, направленных на полное искоренение террористической деятельности. В этой связи ШОС продолжит свои запланированные маневры по борьбе с терроризмом, в том числе в рамках миротворческой миссии организации. ШОС также укрепляет сотрудничество в борьбе с радикальной пропагандой и общественным оправданием терроризма, сепаратизма и экстремизма в средствах массовой информации и информационном пространстве стран — членов ШОС.

Китай и Россия — движущие силы ШОС. Существует мало сомнений в том, что главной движущей силой ШОС является китайско-российское стратегическое сотрудничество в Центральной Азии. Но нельзя не отметить, что у Пекина и у Москвы наряду со сходством имеются и различия в их интересах в центральноазиатском регионе. Эти различия создают ограничения в понимании будущего этой организации.

После окончания «холодной войны» в Пекине и в Москве стали рассматривать Центральную Азию, ее слабые новые независимые государства и богатые природные ресурсы, особенно нефть и газ, как свою будущую сферу влияния. Когда Советский Союз рухнул, «энергетический вакуум» в регионе представлял опасность того, что в бывших советских республиках Центральной Азии произойдет ряд этно-религиозных конфлик-

тов, после чего в регионе наступит хаос, что приведет к «исламской имплозии», угрожающей региональной стабильности. Хотя ничего такого особенно драматического не произошло, безопасность в Центральной Азии по-прежнему носит неустойчивый характер.

Структура региональной безопасности в Центральной Азии в постсоветский период складывалась медленно. После распада СССР государства Центральной Азии объявили о ряде широкообъемных соглашениях по созданию совместных структур региональной безопасности. Однако внешние силы чаще всего играют ведущую роль в таковых структурах. Это можно сказать о Договоре о коллективной безопасности СНГ, который возглавляет Россия, равно как и о Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) во главе с Китаем и Россией.

Институционализация ШОС демонстрирует, что Москва и Пекин надеются осуществлять руководящую роль в Центральной Азии. Что еще предстоит выяснить, так это насколько эффективны две страны в борьбе с террористической угрозой. ШОС не только служит региональным интересам двух стран, но и имеет стратегические интересы в глобальной политике.

Российские лидеры часто заявляли, что одни из основных угроз для России — это расширение НАТО на Восток, радикальные исламские силы, действующие в Чечне и на территории государств Центральной Азии [2]. Пекин же видит в преобладании США в мире — от его войн в Персидском заливе до поддержки американцами безопасности Тайваня — главную угрозу для Китая. Россия придерживается принципа, что «есть только один Китай», и что Тайвань является внутренним делом Китая. Пекин со своей стороны выразил безоговорочную поддержку силовым операциям России в Чечне и позже и в Сирии [3]. Мировая система, в которой не доминирует ни одна страна, привлекательна как для Москвы, так и для Пекина.

Заинтересованность России в ШОС является естественным продолжением ее стабильных отношений с Китаем и центральноазиатскими соседями. У Москвы есть проблемы безопасности на Кавказе, а источник сепаратизма, терроризма и религиозного экстремизма для нее тесно связан с исламской воинственностью в Центральной Азии. Центральная Азия еще в советские годы считалась задним двором, а также мягким «подбрюшьем» России. Москва обеспокоена проникновением Запада в регион, и ШОС в дополнение к различным институциональным механизмам, которые Москва взяла на вооружение после 1991 г., будет служить щитом для такой защиты [4, р. 142].

Китайско-российское антитеррористическое сотрудничество заключается в фундаментальном интересе обеих стран и способствует региональной и мировой стабильности. Китай готов углубить прагматичное сотрудничество с Россией и стремится к взаимной поддержке в решении основных проблем обеих стран, связанных с их антитеррористической борьбой. Между тем обеим сторонам необходимо твердо отстаивать ведущую роль ООН в международном антитеррористическом сотрудничестве и содействовать дальнейшему углублению сотрудничества в области борьбы с терроризмом в рамках таких механизмов, как ШОС. Это будет способствовать улучшению координации международной антитеррористической политики.

Несмотря на движение к глобальному консенсусу по борьбе с терроризмом и достижение больших успехов в сотрудничестве в борьбе с терроризмом, по-прежнему существуют нерешенные проблемы.

Во-первых, терроризм становится более необузданным несмотря на усиление борьбы с ним.

Во-вторых, международные террористические группы по-прежнему осуществляют террористические атаки и планируют увеличить число нападений в различных регионах мира.

В-третьих, идеология насилия и терроризма продолжает распространяться, расширяя свой ареал по всему миру через вербовку и социальные сети.

И, в-четвертых, некоторые страны по-прежнему используют борьбу с терроризмом как средство продвижения своих национальных интересов и применяют двойные стандарты в борьбе с терроризмом, что делает международное антитеррористическое сотрудничество инструментом их внешней политики.

Борьба с угрозой терроризма по-прежнему является серьезной проблемой в управлении глобальной безопасностью. Китай уже давно поддерживает усилия международного сообщества по борьбе с терроризмом самым конструктивным образом. ШОС между тем широко использует внешнеполитические подходы Китая в отношении Центральной Азии, прежде всего на пограничные режимы безопасности «Шанхайской пятерки». ШОС уделяет большое внимание борьбе с транснациональным сепаратизмом, терроризмом и радикализмом. Китай поддерживает серьезные меры по борьбе с ними по причине собственной уязвимости перед терроризмом на его обширных северо-западных территориях Тибета и Синьцзяна. С конца 1980-х гг. мусульманские сепаратисты в Синьцзян-Уйгурском автономном районе угрожают территориальной целостности Китая. Синьцзян составляет одну шестую от общей площади Китая. В этом обширном, но малонаселенном регионе находятся крупные нефтяные месторождения и испытательный участок ядерного оружия Китая.

В последние годы мусульманские сепаратистские движения все чаще прибегают к насилию, включая взрывы бомб, убийства и уличные бои. Центральное правительство отреагировало на беспорядки с твердой решимостью. Согласно сообщениям исламские фундаменталистские элементы в Центральной Азии, Афганистане и на Ближнем Востоке обучают некоторых лиц, ответственных за эти нападения.

Через ШОС в Китае, как известно, идет более тесное сотрудничество с правительствами центральноазиатских республик. Борьба с терроризмом стала основным направлением деятельности ШОС. В Ташкенте действует антитеррористический центр ШОС. Шанхайская организация сотрудничества является важной частью усилий Китая и Российской Федерации по пресечению внешних связей с внутренними сепаратистскими ячейками. Пекин также обратился к государствам региона, подозреваемым в предоставлении убежища террористическим организациям.

Шанхайская организация сотрудничества добилась огромных успехов в плане координации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Во многом это стало возможно благодаря координации усилий Китая и России. РФ и КНР как члены ШОС провели несколько военных учений для расширения сотрудничества, сдерживая терроризм от дальнейшего расширения. На саммите ШОС в Астане в 2017 г. приняли участие два новых члена, а именно Индия и Пакистан. После их участия улучшится способность организации бороться с международным терроризмом. Россия и Китай имеют большое значение в обмене разведывательными данными и опытом действий по борьбе с терроризмом и делятся своими достижениями с другими государствами — членами ШОС, содействуя предотвращению и пресечению международного терроризма.

Источники

1. Киселев, С. Г. Политико-правовые основы деятельности Шанхайской организации сотрудничества / С. Г. Киселев // Правовая политика и правовая жизнь. — 2012. — № 2. — С. 13–17.

Kiselev, S. G. Political and legal bases of activity of the Shanghai cooperation organization / S. G. Kiselev // Legal policy and legal life. — 2012. — № 2. — P. 13–17.

2. Румер, Е. Россия и европейская безопасность [Электронный ресурс] / Е. Румер // Московский центр Карнеги. — Режим доступа: <https://carnegie.ru/2017/03/07/ru-pub-68185>. — Дата доступа: 20.10.2018.

Rumer, E. Russia and European Security [Electronic resource] / E. Rumer // Carnegie Moscow Center. — Mode of access: <https://carnegie.ru/2017/03/07/ru-pub-68185>. — Date of access: 20.10.2018.

3. Перспективы отношений между Китаем, Россией и США в следующую эру [Электронный ресурс] / Ю. Фэн [и др.] // Центр глобальной политики Карнеги-Цинхуа. — Режим доступа: <https://carnegietsinghua.org/2018/03/19/prospects-for-next-era-of-china-russia-u.s.-relations-event-6835>. — Дата доступа: 10.21.2018.

Prospects for the next era of China-Russia-U.S. relations [Electronic resource] / Y. Feng [et al.] // Carnegie-Tsinghua center for global policy. — Mode of access: <https://carnegietsinghua.org/2018/03/19/prospects-for-next-era-of-china-russia-u.s.-relations-event-6835>. — Date of access: 21.10.2018.

4. 何贻纶. 俄罗斯安全研究 / 何贻纶. — 北京 : 人民出版社, 2016. — 218 页.

He, Y. Russian Security Research / Y. He. — Beijing : People's Publ. House, 2016. — 218 p.

5. Чувилов, И. А. Китайско-российские оборонные отношения / И. А. Чувилов, Ц. Яо, Я. Лю // Инновационные подходы и современная наука : материалы IV междунар. конф., Киев, 30 марта 2018 г. — Киев : Центр науч. публ. — С. 62–66.

Chuvilov, I. A. Sino-Russian defense relations / I. A. Chuvilov, Z. Yao, Y. Liu // Innovative Approaches and Modern Science : materials of the IV Intern. conf., Kiev, 30 Mar. 2018. — Kiev : Center for Sci. Publ. — P. 62–66.

6. Яо, Ц. Китайско-российские отношения на современном этапе / Ц. Яо // Язык и культура как национальное достояние в поликультурном пространстве : материалы IV Респ. науч.-практ. конф. курсантов и студентов, Минск, 21 марта 2018 г. : в 2 ч. / Воен. акад. Респ. Беларусь ; редкол.: С. С. Харитоненко [и др.]. — Минск, 2018. — Ч. 2. — С. 164–166.

Yao, Z. Sino-Russian relations at the present stage / Z. Yao // Language and culture as a national treasure in a multicultural space : materials of the IV Republican sci.-practical conf. of cadets and students, Minsk, 21 Mar. 2018 : in 2 pt. / Milit. Acad. of Rep. Belarus ; editorial: S. S. Kharitonenko [et al.]. — Minsk, 2018. — Pt. 2. — P. 164–166.

7. Воробьев, В. Я. ШОС как растущий властелин «хартлэнда»: как вывести самую перспективную организацию Евразии на новый уровень / В. Я. Воробьев // Россия в глоб. политике. — 2012. — № 1. — С. 196–203.

Vorobyev, V. Y. SCO as a rising master of the «heartland»: how to bring the most promising organization of Eurasia on a new level / V. Y. Vorobyov // Russia in global politics. — 2012. — № 1. — P. 196–203.

Статья поступила в редакцию 10.12.2018 г.

УДК 323.173(510)

A. Pakhomova
BSU (Minsk)

WAYS AND METHODS FOR SOLVING THE PROBLEM OF SEPARATISM IN XINJIANG UYGUR AUTONOMOUS REGION

This article examines the main ways and methods used to fight separatism in Xinjiang Uygur Autonomous Region. The author shows the examples of the use of peaceful measures, as well as measures of a military-repressive nature. The author analyzes the efficiency of Chinese methods of fighting separatism. The reasons for the growth of the separatist movement in the region are identified. According to the research, the author made conclusions and recommendations concerning the improvement of the socio-political situation in XUAR.

Keywords: separatism; ethnic minority; PRC; XUAR; Xinjiang Uygur Autonomous Region.

ПУТИ И МЕТОДЫ БОРЬБЫ С СЕПАРАТИЗМОМ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ

В данной статье рассмотрены основные пути и методы борьбы с сепаратизмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Приводятся примеры использования мер мирного характера, а также мер военно-репрессивного характера. Дается оценка эффективности данных методов борьбы. Выявлены причины роста сепаратистского движения в рассматриваемом регионе. На основе проведенного исследования автором сделаны выводы и рекомендации по относительному улучшению социально-политической ситуации в СУАР.

Ключевые слова: сепаратизм; этническое меньшинство; КНР; СУАР; Синьцзян-Уйгурский автономный район.

Феномен сепаратизма заключается в стремлении регионов или этнического меньшинства приобрести независимость и суверенитет. Проблема сохранения территориальной целостности может возникнуть в любом государстве в той или иной форме, особенно в период слабости центрального правительства и политической нестабильности. Признаки сепаратизма могут присутствовать даже в экономически развитых государствах без наличия этнорегионов и этнических меньшинств. Совокупность региональных проблем, включая дисбаланс социального, политического и экономического развития регионов, а также дискриминация в отношении этнических меньшинств, способствуют развитию сепаратистского движения. Растет стремление регионов к повышению правового статуса и политическому обособлению.

Исторический опыт показывает, что возникновение сепаратистского движения в государстве часто приводит к вооруженным конфликтам, открытой конфронтации, социальной нестабильности и замедлению социально-экономического развития государства. Вооруженные конфликты в свою очередь приводят к человеческим жертвам, разрушению хозяйственной инфраструктуры, социальных институтов, появлению беженцев. Сепаратизм создает угрозу территориальной целостности и суверенитету государства и ставит под сомнение легитимность власти центрального правительства, снижая его международный престиж.

Каждое явление сепаратизма имеет свои характерные особенности, которые напрямую влияют на принятие того или иного пути урегулирования социально-политического конфликта. Существуют меры вооружено-репрессивного и меры мирного характера. Изучение сепаратизма, его причин и факторов, влияющих на его развитие, позволят избрать наиболее эффективный метод урегулирования противоречий для всех вовлеченных сторон.

Противоречие принципов государственного суверенитета, нерушимости границ и принципа права наций на самоопределение затрудняет урегулирование сепаратистского движения, поэтому проблема сепаратизма приобретает нормативно-этический аспект, по мнению М.А. Домаревой [1, с. 1–34].

Перечисленные выше факты делают сепаратизм одной из серьезнейших проблем современного мира, требующей тщательного изучения и анализа.

Целью данного исследования является оценка эффективности принимаемых Пекином методов борьбы с сепаратизмом в СУАР.

Востребованность и актуальность теоретического исследования трансформации сепаратизма и путей его урегулирования обусловлена общемировой тенденцией его распространения по всему миру, растущим количеством вооруженных конфликтов, сопровождающих сепаратистское движение, негативными социально-экономическими по-

следствиями, отсутствием универсального алгоритма и механизма разрешения конфликтных противоречий.

Перечисленные тенденции стимулируют необходимость изучать и анализировать причины возникновения сепаратистского движения, его социально-экономическую и политическую основу, факторы, влияющие на его развитие, а также возможные наиболее эффективные способы урегулирования противоречий.

На сегодняшний день феномен сепаратизма изучен не до конца. Многие исследователи стремятся ко всестороннему, комплексному анализу данного явления. Некоторые авторы делают акцент на выработке универсальной модели возникновения, развития и угасания феномена сепаратизма. Интересно исследование М.А. Домаревой, в котором дается типология и позитивные функции феномена сепаратизма. Делается попытка сформировать целостный образ феномена сепаратизма и его характерных особенностей в реалиях постсоветской России. Однако в исследовании не уделяется большое внимание выработке моделей, методов и путей урегулирования проблем сепаратизма в различных регионах [1].

Некоторые авторы, включая А.Б. Крылова, принимают во внимание как негативные, так и позитивные следствия изучаемого явления. А.Б. Крылов приводит интересные примеры позитивных последствий движения сепаратизма. Описываются случаи, когда само центральное правительство выступает за отделение территории с определенным населением. К тому же автор пытается сравнить явления сепаратизма в странах Запада и странах Азии и Африки, выделяя характерные причины возникновения сепаратистского движения и способов урегулирования. Однако исследование все же носит теоретический характер, не уделяется должным образом внимание социально-культурным и политическим особенностям отдельных государств [2].

Подобные работы дают необходимый материал для проведения исследований явления сепаратизма в определенном регионе и сравнения результатов по отношению к другим регионам. Применительно к исследованию феномена сепаратизма в Китае интересна работа В.С. Кузнецова «Может ли в Китае появиться своя Чечня?». В ней рассматриваются факторы отторжения мусульманской общины от навязанной извне социально-политической системы. Работа затрагивает исторические процессы развития конфликтных отношений в Синьцзяне с середины XVIII в. [3].

Работа А.В. Бондаренко «Синьцзян: проблемы экономического и политического развития» акцентирует внимание на месте и роли Синьцзяна в экономике КНР, а также на внутрирегиональных политических проблемах, влияющих на развитие сепаратистского движения [4].

В исследовании К.Л. Сыроежкина «Этносоциальный фактор развития Синьцзяна» рассматривается влияние существующего социального напряжения и этнических аспектов на политическое и социально-экономическое развитие автономного района [5].

Во многих исследованиях западных ученых, таких как Дж. Келлас, Р. Бербах, Д. Келлнер, феномен сепаратизма рассматривается во взаимосвязи с развитием этнических процессов и формированием националистической идеологии. Тем не менее многие западные исследователи рассматривают сепаратизм с точки зрения концепций глобализации, не уделяя должного внимания углубленному изучению данного явления [6–8].

Существующие исследования создают хорошую базу для дальнейшего углубленного изучения сепаратизма и построения определенных моделей его преодоления. В то же время многогранность и сложность феномена сепаратизма подтверждают недостаточность изучения данного явления, актуальность и практическую значимость этого вопроса в современном мире.

Сепаратизм можно определить как политическое движение, целью которого является отделение от государства части его территории и создание на ней собственного независимого государства [2, с. 3].

Понятие сепаратизм прежде всего связывают с вооруженным насилием: массовыми убийствами, захватом заложников, взрывами. Однако наряду с террористической деятельностью встречается и довольно мирная легальная деятельность сепаратистских движений, например, политическая деятельность легальных сепаратистских партий. Существует множество путей урегулирования межэтнических конфликтов и противоречий, используемых государствами в зависимости от культурных и страновых особенностей. Сильно разнятся подходы стран Запада и стран Азии и Африки [2, с. 3, 42].

Несмотря на то что большинство центральных правительств выступает за территориальную целостность государства и делает все возможное для ее защиты, государственные границы в Европе менялись не только путем вооруженных действий, но и мирным путем. Примером является Норвегия, отделившаяся от Швеции посредством референдума, проведенного в 1905 г., и миротворческого посредничества Франции и России. В итоге мирный путь сепаратизма, который привел к формированию новых независимых государств, впоследствии способствовал сохранению нормальных отношений между новым государственным формированием и бывшей метрополией [2, с. 43].

Иногда само центральное правительство становится инициатором разделения государства. В 1965 г. была создана Федерация Малайзия, в которую входили Саравак, Сабах и Сингапур. Когда растущее население китайцев, проживавшее в Сингапуре, стало требовать отменить привилегии малайцев и обеспечить равноправие всех граждан, в 1965 г. Сингапур был исключен из Федерации Малайзия. Это позволило малайскому правительству сохранить привилегии малайцев в рамках новых государственных границ по отношению к индийской и китайской общинам. Явление сепаратизма в данном случае стало стимулом интенсивного социально-экономического развития новых государственных формирований, Сингапура и Федерации Малайзия, поскольку снизился уровень межэтнических противоречий [2, с. 45].

Среди мирных методов борьбы с сепаратизмом выделяют территориальные (федерализация, автономизация, регионализация) и политические (обеспечение всесторонней поддержки этнических меньшинств и этнических групп, адекватная избирательная система) методы [9, с. 11]. Вместе с тем во множестве случаев явление сепаратизма приводит к вооруженным конфликтам и межэтническим опустошительным войнам. В этом случае внутривнутриполитической нестабильности не избежать, что в свою очередь приводит к низким темпам социально-экономического развития.

Для подавления сепаратизма в странах Азии и Африки часто используют военно-силовые методы репрессивного характера, направленные против национальных меньшинств. Этнические меньшинства могут подвергаться всесторонней дискриминации и ассимиляции. Когда усилий вооруженных сил не хватает, используют строительство фортификационных сооружений. Например, Марокко построило такое сооружение в Западной Сахаре, а Ирак — в приграничных с Ираном районах, населенных курдами. Также применяются принудительные массовые депортации этнических меньшинств, на место которых переселяется надежное с точки зрения центрального правительства население. Целью центрального правительства в этом случае может являться раздробление меньшинства и лишение сепаратистов массовой опоры. Примером является «марокконизация» Западной Сахары [2, с. 47].

Еще одним методом подавления сепаратизма является блокада районов проживания этнических меньшинств, чтобы вызвать в этих районах экономические трудности и в исключительных случаях массовый голод.

Правительства некоторых государств используют метод разжигания межплеменных и межконфессиональных конфликтов, получая возможность отвергать обвинения в организованном ими геноциде этих этнических меньшинств, так как для подавления сепаратизма вместо армии в основном используются наемники и союзники, проживающие в районах этнических меньшинств, и повстанцы в соседних странах. Примером яв-

ляется Судан, где неоднократно совершались массовые убийства южных народов союзными Судану племенными ополчениями [2, с. 48].

Перечисленные выше методы могут дополняться ревизией границ провинций и районов с целью раздробления этнических меньшинств и лишения сепаратистского движения консолидационной опоры населения. Это приводит к обострению межэтнической розни. И даже в относительно спокойных районах, населенных этническими меньшинствами, растет негативное отношение к центральному правительству.

Теоретически военно-репрессивные меры могут решить проблему сепаратизма, например, полным уничтожением определенного этнического меньшинства или же полной ассимиляцией доминирующим большинством. Однако в современном мире это вряд ли возможно, принимая во внимание огромные военные расходы, требуемые для полной ликвидации сепаратистского движения. К тому же вооруженные конфликты так или иначе приводят к глубокому политическому, экономическому и социальному кризису в государстве. Ставка на грубую военную силу дорого обошлась таким странам, как Судан, Бирма, Шри-Ланка, Эфиопия [2, с. 49].

В случае когда затрагиваются интересы соседних государств, а также в случае неспособности государства решить проблему самостоятельно, правительство приглашает представителей других государств поспособствовать скорейшему урегулированию конфликта [2, с. 50].

Истоки сепаратизма в СУАР берут начало еще в 1759 г. Тогда Китай присоединил к себе Исламский Восточный Туркестан, во главе которого стояли братья-ходжи. Их почитали как потомков пророка. Впоследствии Восточный Туркестан стал частью наместничества Синьцзян (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район, СУАР). Особенностью сепаратизма в КНР в данном районе является этнорелигиозная база. Пребывание под властью не мусульманских правителей и правительств до сих пор придает остроту взаимоотношениям двух сильно разнящихся укладов жизни. Идет сильное отторжение мусульманской общины от навязанной извне социально-политической системы. Это дополняется и психологическим фактором осознания того, что мусульманская община находится под властью не мусульман («неверных») [3, с. 15].

Борьба с сепаратизмом в СУАР осуществляется как военно-репрессивным, так и мирным путем. В период Мао Цзэдуна в отношении этнических меньшинств, в том числе и в СУАР, проводилась жесткая политика. Сепаратистское движение подавлялось методом ассимиляции.

В период реформ для стабилизации социальной ситуации в СУАР руководство КНР приняло специальную политику и меры по эффективному осуществлению и гарантированию права на равенство всех этнических групп в общественной жизни. Этнические меньшинства получили определенные привилегии. Например, они могли иметь больше одного ребенка в семье в период проведения политики «Одна семья — один ребенок». Ханьцы получили право иметь второго ребенка лишь в 2013 г. Исходя из перечисленного выше для борьбы с сепаратизмом в СУАР использовался метод позитивной дискриминации [5, с. 81].

При Ху Цзиньтао был сделан упор на достижение определенных экономических показателей и повышение общего благосостояния СУАР. Применялся метод снижения налогов, стимулирования торговли с приграничными районами, развития туризма, привлечения иностранных инвестиций, повышения образования.

Сегодня СУАР является одним из важнейших сырьевых регионов страны, богатым нефтью и углем. Несмотря на огромный потенциал роста, уровень промышленной разработки природных ресурсов не велик. Его сдерживают прежде всего недостаточное развитие инфраструктуры и напряженные отношения между ханьцами и этническими меньшинствами. Китай всячески пытается освоить свои западные территории, поощряя развитие предприятий и предоставляя льготы и преференции. Налаживается сотрудни-

чество с приграничными районами государств Центральной Азии в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Продвигается инициатива «Один пояс — один путь» (ОПОП). Развивается транспортная инфраструктура. Проводятся рыночные реформы. Большое внимание уделяется развитию науки и техники [4, с. 27–29].

Некоторые факторы затрудняют освоение территорий СУАР и обостряют конфликт ханьцев с коренными жителями. Среди них можно выделить религиозные противоречия, связь сепаратистов с мусульманской международной террористической сетью и внешний фактор воздействия со стороны международного сообщества [4, с. 27].

В качестве ответа на крупномасштабные восстания сепаратистов китайскими властями предпринимаются военно-репрессивные методы подавления. Происходят вооруженные столкновения в синьцзянских горах с группами подпольных сепаратистских организаций [4, с. 29].

После объявления Соединенными Штатами войны терроризму китайские власти использовали сложившуюся ситуацию для усиления вооруженного вмешательства в регион, введя дополнительные войска в СУАР. Увеличилось количество сотрудников спецслужб. Многие сепаратисты получили тюремный срок и были приговорены к смертной казни. В 2003 г. Китай огласил свой список террористических организаций, в который попали такие организации, как Движение ислама Восточного Туркестана, Организация освобождения Восточного Туркестана, Всемирный конгресс уйгурской молодежи и Информационный центр Восточного Туркестана [4, с. 30].

Также китайское правительство приняло специальную политику и меры по эффективному осуществлению и гарантии права на равенство всех этнических групп в общественной жизни и деятельности правительства, что предусмотрено Конституцией и законом (законы 1984 и 2001 гг.).

Согласно политике, проводимой китайскими властями по отношению к меньшинствам, все этнические группы участвуют в управлении государственными делами при равных условиях. Идет борьба с этнической дискриминацией и любой формой угнетения. Поддерживается единство всех этнических групп. Большое внимание уделяется уважению и защите свободы вероисповедания этнических меньшинств, использованию и развитию разговорных и письменных языков этнических меньшинств, укреплению строительства объектов инфраструктуры и содействию развития основных отраслей в районах меньшинств, развитию сельского хозяйства и животноводства. Предоставляются льготы и субсидии, поощряется развитие торговли и обеспечивается производство товаров, используемых меньшинствами. Идет борьба с бедностью, осуществляется более льготная демографическая политика рождаемости в сравнении с ханьцами и жесткой политикой двух детей в семье. Растет уровень образования этнических меньшинств. В официальных документах фигурирует гарантия уважения народных обычаев и обычаев народов меньшинств, сохранение культурного наследия этнических меньшинств, содействие культурным мероприятиям, сохранение и развитие традиционной медицины, развитие традиционного спорта. В результате китайские власти надеются создать благоприятную социальную среду, чтобы этнические группы относились друг к другу на равной основе и развивали отношения единства, согласия, дружбы и взаимопомощи [10].

Оценивая принимаемые Пекином методы борьбы с сепаратизмом в СУАР и их эффективность, можно сделать следующие выводы. Пекин использует как мирный путь урегулирования проблемы сепаратизма, так и военно-репрессивный.

Среди военно-репрессивных методов, используемых Пекином, стоит выделить метод ассимиляции, введение войск, тюремное заключение сепаратистов, смертную казнь, внесение в список террористических организаций Движения ислама Восточного Туркестана, Организации освобождения Восточного Туркестана, Всемирного конгресса уйгурской молодежи и Информационного центра Восточного Туркестана.

Среди мирных методов можно выделить автономизацию, позитивную дискриминацию, принятие законов, гарантирующих права равенства всех этнических меньшинств, а также метод повышения общего благосостояния СУАР, включающий снижение налогов, стимулирование торговли, инвестиции, развитие системы образования, науки и культуры.

Вместе с тем даже если для стабилизации ситуации в СУАР правительство КНР делегирует права на автономию органам самоуправления, и при этом в аппарате местной власти будут широко представлены коренные жители, и число госслужащих, набранных из этнических меньшинств, в аппарате местной власти вырастет, то, проходя по ступеням бюрократической лестницы, они потеряют связь со своей общиной. К тому же большую часть научно-технических сотрудников составляют ханьцы, так как институты подготовки национальных профессионалов недостаточно развиты. В силу востребованности квалифицированных сотрудников имеющие квалификацию ханьцы переезжают в регион. Это способствует росту населения ханьцев в СУАР, культурной ассимиляции и в свою очередь недовольству местного населения. Таким образом, до сих пор остается восприятие «наш и не наш» в межобщинных отношениях этнических меньшинств и ханьцев в регионе.

Учитывая сложность урегулирования данного рода конфликтов, многие межэтнические проблемы имеют хронический характер в силу определенных внутренних и внешних факторов. В современном мире сепаратизм представляет собой объективную реальность сложившихся территориальных границ современных государств. Причем многие центральные правительства принимают факт существования сепаратистских движений и каждое выбирает свой способ урегулирования межэтнических противоречий.

Использование различных методов урегулирования вопроса сепаратизма в СУАР приносит определенные результаты. Однако необходимо отметить, что распространение радикального ислама является реальным явлением в СУАР и в международном масштабе в целом, поэтому развитие ситуации в регионе требует постоянного анализа и контроля как со стороны китайских властей и международного сообщества, так и со стороны экспертов и исследователей в данной области. Одни лишь деньги и инвестиции в регион не смогут купить любовь этнических меньшинств. Необходим реальный диалог.

Источники

1. Домарева, М. А. Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / М. А. Домарева ; Рос. гос. соц. ун-т. — М., 2004. — 34 с.

Domareva, M. A. Separatizm v postsovetsoy Rossii: faktory vozniknoveniya, funktsionirovaniya i neytralizatsii : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.01 / M. A. Domareva ; Ros. gos. sots. un-t. — M., 2004. — 34 с.

2. Крылов, А. Б. Сепаратизм: истоки и тенденции развития (Из опыта политического развития некоторых зарубежных стран) / А. Б. Крылов. — М. : Знание, 1990. — 62 с.

Krylov, A. B. Separatizm: istoki i tendentsii razvitiya (Iz opyta politicheskogo razvitiya nekotorykh zarubezhnykh stran) / A. B. Krylov. — M. : Znanie, 1990. — 62 s.

3. Кузнецов, В. С. Может ли в Китае появиться своя Чечня?: [сепаратизм в провинции Синьцзян] / В. С. Кузнецов // Азия и Африка сегодня. — 2001. — № 5. — С. 15–23.

Kuznetsov, V. S. Mozhet li v Kitae poyavit'sya svoya Chechnya?: [separatizm v provintsii Sin'ts-zyan] / V. S. Kuznetsov // Aziya i Afrika segodnya. — 2001. — № 5. — S. 15–23.

4. Бондаренко, А. В. Синьцзян: проблемы экономического и политического развития / А. В. Бондаренко // Азия и Африка сегодня. — 2005. — № 12. — С. 27–30.

Bondarenko, A. V. Sin'tszyan: problemy ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya / A. V. Bondarenko // Aziya i Afrika segodnya. — 2005. — № 12. — S. 27–30.

5. Сыроежкин, К. Л. Этносоциальный фактор развития Синьцзяна / К. Л. Сыроежкин // Пробл. Дальнего Востока. — 1990. — № 2. — С. 80–88.

Syroezhkin, K. L. Etnosotsial'nyy faktor razvitiya Sin'tszyana / K. L. Syroezhkin // Probl. Dal'nego Vostoka. — 1990. — № 2. — S. 80–88.

6. *Kellas, J. G.* The Politics of Nationalism and Ethnicity / J. G. Kellas. — New York ; NY : St. Martin's, 1991. — 188 p.

7. *Burbach, R.* Globalization and its Discontents / R. Burbach, O. Nunez, B. Kagarlitsky. — London, 1997. — 192 p.

8. *Cvetkovich, A.* Articulation the Global and the Local Globalization and Cultural Studies / A. Cvetkovich, D. Kellner. — Boulder, 1997. — 258 p.

9. *Дивак, В. В.* Сепаратизм как феномен текущей политики: политологический и правовой аспекты : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / В. В. Дивак ; Ин-т гос-ва и права им. Коретского НАН Украины. — Киев, 2010. — 20 с.

Divak, V. V. Separatizm kak fenomen tekushchey politiki: politologicheskii i pravovoy aspekty : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02 / V. V. Divak ; In-t gos-va i prava im. Koretskogo NAN Ukrainy. — Kiev, 2010. — 20 s.

10. National Minorities Policy and Its Practice in China [Electronic resource] // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. — Mode of access: <http://www.china-un.ch/eng/bjzl/t176942.htm>. — Date of access: 27.09.2018.

11. Family Portraits of All 56 Ethnic Groups in China [Electronic resource] // ChinaHush. — Mode of access: <http://www.chinahush.com/2009/12/06/family-portraits-of-all-56-ethnic-groups-in-china/>. — Date of access: 27.09.2018.

Статья поступила в редакцию 27.12.2018 г.

УДК 327(510)+008:327(510)

I. Chuvilov
BSAA (Minsk)

CONFUCIUS INSTITUTE: PROBLEMS OF PERCEPTION OF THE ACTIVITY AND THE NEED TO ADAPT TO CHANGING CONDITIONS

Since its inception, the Confucius Institute (孔子学院), a non-profit public educational organization dedicated to the spread of Chinese language culture, has received widespread attention from the international community. Misunderstanding of the goals and objectives of the work of the institution, of course, is a serious problem for its further development. This article analyzes the problems of perception of the activities of the Confucius Institute and proposes appropriate countermeasures to overcome the problems arising in this connection.

Keywords: Confucius Institute; soft power policy; People's Republic of China; international public opinion; formation of a positive image of the institution.

И. А. Чувилов
БГАИ (Минск)

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НЕОБХОДИМОСТЬ АДАПТАЦИИ К ИЗМЕНЯЮЩИМСЯ УСЛОВИЯМ

С момента своего создания Институт Конфуция (孔子学院) — некоммерческая общественная образовательная организация, занимающаяся распространением китайской языковой культуры, — пользуется широким вниманием со стороны международного сообщества. Неправильное понима-

ние целей и задач работы институции, несомненно, представляет собой серьезную проблему для его дальнейшего развития. В данной статье анализируются проблемы восприятия деятельности Института Конфуция и предлагаются соответствующие контрмеры для преодоления возникающих в связи с этим проблем.

Ключевые слова: Институт Конфуция; политика «мягкой силы»; Китайская Народная Республика; международное общественное мнение; формирование позитивного имиджа институции.

С началом политики «реформ и открытости», с быстрым развитием китайской экономики и непрерывным улучшением общей национальной силы КНР спрос на изучение китайского языка во всем мире резко вырос. Для того чтобы ускорить продвижение китайского языка в мире и повысить влияние китайской языковой культуры, в Китае было создана некоммерческая общественная образовательная организация — Институт Конфуция, в котором учат китайскому языку и который распространяет китайскую культуру за рубежом, опираясь на опыт зарубежных стран в продвижении своего национального лингвистического и культурного достояния. В 2004 г. появился первый Институт Конфуция, и на данный момент в мире их насчитывается 525. В Республике Беларусь Институт Конфуция действует при Белорусском государственном университете, Минском государственном лингвистическом университете, Гомельском государственном университете имени Ф. Скорины, Белорусском национальном техническом университете.

Создание и развитие Института Конфуция получили широкое признание международного сообщества. Однако возникли и отрицательные оценки деятельности Института. Таким образом, анализ международного общественного мнения в отношении Института Конфуция имеет важное значение для его устойчивого развития и устранения сомнений в отношении его деятельности.

Институт Конфуция является важной частью внешней коммуникационной стратегии Китая, идеологическим пропагандистским инструментом китайского правительства. Быстрое развитие институции неизбежно вызвало рост опасений в намерении активно проникнуть в западное общество через культурные и экономические программы и закрепиться в нем.

Институт Конфуция контролируется штаб-квартирой, где разрабатываются планы преподавания, управления и развития. Начало и завершение деятельности Института Конфуция в той или иной стране возможно только по решению штаб-квартиры. Централизованное руководство распространяется на решения о найме, управлении, учебных планах, на следование политическому курсу и решение культурных вопросов.

Институт Конфуция работает под руководством китайского Национального банка и, как правило, не является самостоятельным юридическим лицом за пределами Китая. В сообщениях зарубежных СМИ, особенно американских, когда речь идет об Институтах Конфуция, часто появляется формулировка «китайская правительственная организация» [1]. Несмотря на то что Институт Конфуция был назван в честь древнего педагога, бытует мнение, что поскольку Китай является социалистической страной, он обязательно экспортирует социализм и коммунизм. В результате многие западные страны опасаются, что деятельность Института Конфуция имеет скрытую коммунистическую направленность.

Предполагается, что некоторые государственные СМИ распространяют через Институт Конфуция заказную «конфуцианскую» информацию, существует мнение, что «Конфуций» — это не просто культурный, а особый религиозный символ. Индонезия, Малайзия, Вьетнам и некоторые другие страны обеспокоены тем, что Институт Конфуция станет «институтом конфуцианства», который будет способствовать распространению некоего подобия «религии». Во время создания первого Института Конфуция Малайзия была не согласна использовать название «Институт Конфуция» на том основании, что

оно, по мнению страны, носит религиозный характер. Первый Институт Конфуция в Малайзии был создан только в октябре 2012 г., спустя восемь лет после открытия первого в мире Института Конфуция в Сеуле [2].

Рост общей национальной силы Китая заставил некоторые страны выставить Китай в качестве «воображаемого врага», позиционировав Институт Конфуция как важный для Китая инструмент в деле расширения своей мягкой силы и углубления международного влияния. 29 мая 2007 г. в крупных канадских газетах была опубликована следующая новость: «Китай использует Институты Конфуция в своем стремлении к власти». Согласно сообщению канадского агентства новостей в отчете о рассекречивании, опубликованном канадской службой безопасности и разведки в конце мая, говорилось, что Китай создал Институты Конфуция по всему миру, чтобы создать ложно миролюбивый образ Китая; что Институт Конфуция является платформой для экспорта идеологии и политики Китая, инструментом культурного проникновения в Канаду (<https://www.thespec.com/news-story/2154558-csis-confucius-used-in-china-s-quest-for-power/>).

В 2013 г. два университета в Лионе, Франция (Lumiere University Lyon 2, Университет Лион-3 имени Жана Мулена) прекратили сотрудничество с университетом Сунь Ятсена по причине китайского «вмешательства» в образовательный процесс и в итоге Институт Конфуция в Лионе был закрыт [3].

В ноябре 2013 г. американский консервативный журнал The Nation опубликовал статью China U. Автор статьи считает, что Институт Конфуция ограничивает свободу студентов по использованию политической риторики при обсуждении вопросов, связанных с Китаем [4]. В мае 2014 г. более 100 профессоров из Чикагского университета выступили с инициативой о том, чтобы прекратить возобновление контракта между университетом и Институтом Конфуция после его истечения на том основании, что академические программы могут быть подвергнуты политическому воздействию со стороны Коммунистической партии Китая, в том числе в отношении свободы слова и убеждений [5]. В настоящее время работа данного Института Конфуция приостановлена.

1 июня 2014 г. Американская ассоциация американских профессоров (AAUP) опубликовала заявление о сотрудничестве с иностранными правительствами в области образования. В нем утверждалось, что Институт Конфуция является филиалом китайского правительства и противоречит принципу академической свободы (<https://www.aaup.org/report/confucius-institutes>). Ассоциация профессоров американских университетов публично призвала американские колледжи и университеты прекратить или пересмотреть свои программы сотрудничества с Институтами Конфуция [6].

На препятствия в своей работе Институт Конфуция наткнулся также и в Российской Федерации. В 2015 г. прокуратура г. Благовещенска охарактеризовала Институт Конфуция как «иностранный агент». Прокуратура обратилась в суд с ходатайством о прекращении всей его деятельности (<https://www.kommersant.ru/doc/2777293>). Несмотря на то что работа Института Конфуция была продолжена благодаря координации китайского и российского правительств, с тех пор деятельность Института по распространению культуры и другие Институты Конфуция в России подверглись тщательной проверке.

Деятельность Института Конфуция подвергается сомнению и сопротивлению по причине того, что в западном обществе институция позиционируется как политический пропагандистский инструмент китайского правительства, который оказывает влияние на академическую независимость и свободу. Первопричина всех этих обвинений связана с идеологическими различиями.

В течение длительного времени западные средства массовой информации, распространяя информацию о политической и социальной жизни Китая, использовали «западную теорию мышления». Поскольку для западной общественности СМИ являются основным каналом получения информации о Китае, это привело к устойчивому скептическому отношению к китайскому обществу. Упорное отстаивание собственной сис-

темы ценностей связано в том числе с опасением в том, что Институт Конфуция является носителем одной из гуманитарных стратегий распространения китайского влияния в мире.

Политическая культура Китая, которая выступает за коллективизм и принимает власть правительства как нечто само собой разумеющееся, явно отличается от культурной традиции, в которой западные страны подчеркивают демократическую свободу и проповедуют индивидуализм. Таким образом, модель организации Института Конфуция по мнению многих западных критиков изначально была связана с идеологией экспорта китайских идей и неизбежным нарушением академических свобод [7].

Различия в концепции управления учреждением образования также являются одной из причин, по которым Институт Конфуция был подвергнут критике. В Китае школы, колледжи и университеты имеют недостаточно высокую свободу в организации своей деятельности. Университеты стран Европы и США сосредоточены на ценностях и нормах академической свободы, включая свободу преподавания, свободу обучения, свободу публикаций и т.д.

Важным фактором устойчивого развития страны является язык и религия. Рост экономической и военной силы значительно повышает их культурную и идеологическую привлекательность для других народов. Джозеф Най, один из ведущих американских политологов, выразил обеспокоенность в связи с быстрым развитием китайских школ в мир. По его мнению появление Института Конфуция является основной угрозой Китая мягкой силе США. В 2005 г. он писал, что рост мягкой силы Китая угрожает американским интересам, и призвал США принять меры по сдерживанию развития мягкой силы Китая [8].

Институты Конфуция не являются независимыми юридическими лицами в принимающих странах, поэтому их правовой статус и характер часто оспариваются зарубежными средствами массовой информации и общественностью. Следует отметить, что Институт Конфуция действует исключительно на основе собственного устава, что является не всегда достаточным для работы за рубежом. Существуют также отдельные проблемы с сертификацией деятельности институции. По сравнению с первоначальным этапом, когда Институт Конфуция за рубежом имел небольшую группу штатных учителей, применение единой системы сертификации квалификации преподавателей не вызывало сложностей. В настоящее время существующая система оценки качества преподавания не является релевантной в связи с постоянным увеличением числа занятых в Институте Конфуция и относительным невниманием к актуальной проблематике и культуре локальных сообществ.

Как уже упоминалось, быстрое развитие Института Конфуция и расширение его присутствия в мире привело к появлению предположений о его подконтрольности китайскому правительству. В качестве преодоления связанных с этими предположениями сложностей в работе желательно добиться разнообразия форм обучения и моделей сотрудничества, например, поощрять социальное обучение, инициировать более широкое участие различных типов коммерческих организаций, академических учреждений и организаций гражданского общества в обменах между китайскими и иностранными обучающимися и работниками, поощрять гражданское сотрудничество, бизнес, образование, туризм, культурные обмены через образовательные мероприятия, проекты сотрудничества и т.д. Вторым шагом могла бы стать диверсификация источников финансовых средств, что позволит уменьшить или свести к минимуму долю государственного участия; заручиться финансовой поддержкой со стороны местных органов власти, иных институций, предприятий и фондов. Третьим шагом станет предоставление иностранным сторонам определенной самостоятельности в проверке учебных программ и пособий, поощрение сотрудничества с Китаем в составлении учебных материалов. Данные шаги будут свидетельствовать об открытости институции.

Крупные СМИ в странах Европы и США чаще всего относятся к Институту Конфуция нейтрально. При этом локальные СМИ проявляют более позитивное отношение, главным образом вследствие того, что курсы, мероприятия, ресурсы и услуги, предлагаемые Институтом Конфуция, приносят пользу местному сообществу. В частности, многие местные средства массовой информации уделяют постоянное внимание развитию и деятельности Института Конфуция, освещая разные аспекты его работы. Таким образом, тесное взаимодействие Института Конфуция и дружественно настроенных СМИ является необходимым условием формирования позитивного имиджа институции в стране пребывания.

В широком контексте интернационализации высшего образования Китай стремится опираться на успешный опыт зарубежных стран. Институт Конфуция, являясь некоммерческой образовательной организацией, нуждается в разработке надежной системы стандартов качества преподавания и обучения, позволяющей соответствовать уровню образовательных стандартов университетов, на базе которых осуществляется его деятельность в зарубежных странах.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что основными проблемами в восприятии деятельности Института Конфуция за рубежом являются различия в идеологии, политических и культурных ценностях. В качестве контрмер предлагается адаптация к условиям стран пребывания, что предполагает внедрение методов обучения, направленных на потребности локальных сообществ, избирательность и целенаправленность культурных обменов и взаимодействие с целевыми группами. Плановая работа в данном направлении будет способствовать позиционированию Института Конфуция в мире как открытой и привлекательности структуры.

Источники

1. *Бернштейн, Р.* Должно ли китайское правительство находиться в американских классах? [Электронный ресурс] / Р. Бернштейн // NYR Daily. — Режим доступа: <https://www.nybooks.com/daily/2017/04/28/should-the-chinese-government-be-in-american-classrooms/>. — Дата доступа: 23.10.2018.

Bernstein, R. Should the Chinese government be in American classrooms? [Electronic resource] / R. Bernstein // NYR Daily. — Mode of access: <https://www.nybooks.com/daily/2017/04/28/should-the-chinese-government-be-in-american-classrooms/>. — Date of access: 23.10.2018.

2. *Менг, Л. Ю.* Институт Конфуция как ловкий ход мягкой силы [Электронный ресурс] / Л. Ю. Менг // Malaymail. — Режим доступа: <https://www.malaymail.com/s/1089739/confucius-institute-masterstroke-of-soft-power-lee-yew-meng>. — Дата доступа: 23.10.2018.

Meng, L. Y. Confucius Institute masterstroke of soft power [Electronic resource] / L. Y. Meng // Malaymail. — Mode of access: <https://www.malaymail.com/s/1089739/confucius-institute-masterstroke-of-soft-power-lee-yew-meng>. — Date of access: 23.10.2018.

3. *Ли, Г.* Закрытие Лионского института Конфуция [Электронный ресурс] / Г. Ли // Gregory B. Lee. — Режим доступа: <https://gregorybarrylee.weebly.com/lyon-confucius-institute-closure.html>. — Дата доступа: 23.10.2018.

Lee, G. Closure of the Lyon Confucius Institute [Electronic resource] / G. Lee // Gregory B. Lee. — Mode of access: <https://gregorybarrylee.weebly.com/lyon-confucius-institute-closure.html>. — Date of access: 23.10.2018.

4. *Сахлинс, М.* Китай Ю [Электронный ресурс] / М. Сахлинс // The Nation. — Режим доступа: <https://www.thenation.com/article/china-u/>. — Дата доступа: 25.10.2018.

Sahlins, M. China U [Electronic resource] / M. Sahlins // The Nation. — Mode of access: <https://www.thenation.com/article/china-u/>. — Date of access: 25.10.2018.

5. *Редден, Е.* Чикаго закрывает Институт Конфуция [Электронный ресурс] / Е. Редден // Inside Higher Ed. — Режим доступа: <https://www.insidehighered.com/news/2014/09/26/chicago-severs-ties-chinese-government-funded-confucius-institute>. — Дата доступа: 25.10.2018.

Redden, E. Chicago to close Confucius Institute [Electronic resource] / E. Redden // Inside Higher Ed. — Mode of access: <https://www.insidehighered.com/news/2014/09/26/chicago-severs-ties-chinese-government-funded-confucius-institute>. — Date of access: 25.10.2018.

6. Цинь, А. Профессора США призывают колледжи пересмотреть работу Институтов Конфуция [Электронный ресурс] / А. Цинь // Sinosphere: dispatches from China. — Режим доступа: <https://sinosphere.blogs.nytimes.com/2014/06/17/u-s-professors-call-on-colleges-to-re-evaluate-confucius-institutes/>. — Дата доступа: 05.11.2018.

Qin, A. U.S. professors call on colleges to re-evaluate Confucius Institutes [Electronic resource] / A. Qin // Sinosphere: dispatches from China. — Mode of access: <https://sinosphere.blogs.nytimes.com/2014/06/17/u-s-professors-call-on-colleges-to-re-evaluate-confucius-institutes/>. — Date of access: 05.11.2018.

7. Петерсон, Р. Американские университеты приветствуют китайского троянского коня [Электронный ресурс] / Р. Петерсон // FP. — Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2017/05/09/american-universities-are-welcoming-chinas-trojan-horse-confucius-institutes/>. — Дата доступа: 25.10.2018.

Peterson, R. American universities are welcoming China's Trojan Horse [Electronic resource] / R. Peterson // FP. — Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2017/05/09/american-universities-are-welcoming-chinas-trojan-horse-confucius-institutes/>. — Date of access: 25.10.2018.

8. Най, Дж. С. Оценка мощи Китая [Электронный ресурс] / Дж. С. Най // Harvard Kennedy School Belfer Center for Science and International Affairs. — Режим доступа: <https://www.belfer-center.org/publication/assessing-chinas-power>. — Дата доступа: 25.10.2018.

Nye, J. S. Assessing China's power [Electronic resource] / J. S. Nye // Harvard Kennedy School Belfer Center for Science and International Affairs. — Mode of access: <https://www.belfer-center.org/publication/assessing-chinas-power>. — Date of access: 25.10.2018.

9. Монро, А. В. Внешняя политика Китая и влияние мягкой силы / А. В. Монро. — Хаупэйдж : Nova Science Publ., 2010. — 184 с.

Monroe, A. V. China's foreign policy and soft power influence / A. V. Monroe. — Hauppage : Nova Science Publ., 2010. — 184 p.

10. Пан, С. Ю. Проект Института Конфуция: Культурная дипломатия Китая и проекция мягкой силы / С. Ю. Пан // Азиат. исслед. по образованию и развитию. — Т. 2, № 1. — 2013. — С. 22–33.

Pan, S. Y. Confucius Institute project: China's cultural diplomacy and soft power projection / S. Y. Pan // Asian Education and Development Studies. — Vol. 2, № 1. — 2013. — P. 22–33.

11. Гревцова, А. Н. Мягкая сила Китая как способ расширения его политического влияния на страны АСЕАН / А. Н. Гревцова // Молодой ученый. — 2012. — № 3. — С. 313–315.

Grevtsova, A. N. China's soft power as a way to expand its political influence on ASEAN countries / A. N. Grevtsova // Young scientist. — 2012. — № 3. — P. 313–315.

12. Чувилов, И. А. Влияние хуацяо на отношения КНР с Австралией, США, Японией во второй половине XX века / И. А. Чувилов // Актуальные проблемы науки XXI века : I Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 8 авг. 2015 г. — М. : Междунар. исслед. орг. «Cognitio». — С. 30–34.

Chuvilov, I. A. The influence of Huaqiao on the relations of the PRC with Australia, the USA, and Japan in the second half of the twentieth century / I. A. Chuvilov // Actual problems of science of the XXI century : I Inter. sci.-practical conf., Moscow, 8 Aug. 2015. — Moscow : Cognitio intern. research organization. — P. 30–34.

Статья поступила в редакцию 04.12.2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

<i>Аксень Э. М.</i> Моделирование динамики выпусков отраслей с помощью дифференциальных уравнений третьего порядка	3
<i>Акулич И. Л., Сверлов А. С., Голик В. С.</i> Развитая рыночная инфраструктура как предпосылка и условие формирования совместных промышленных кластеров ...	11
<i>Бобровская Ж. В., Позняков В. В.</i> Эффективные инструменты кредитной поддержки субъектов внешнеэкономической деятельности	20
<i>Богдан Н. И.</i> Страны ЕАЭС в контексте мирового инновационного развития	25
<i>Богдашиц Е. А.</i> Мотивация инновационного поведения персонала	33
<i>Бондарь Т. Е.</i> Оценка состояния, проблем и перспектив развития инновационной системы Республики Беларусь	39
<i>Бондарь А. В., Жебентяева Н. А., Хостилович Э.</i> Интеллектуальный капитал в экономической системе	47
<i>Буховец Т. В., Русинович А. Ю.</i> Оценка эффективности выполнения государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» в 2016 году ...	55
<i>Быков А. А., Высоцкий С. Ю., Хаустович Н. А., Хвалько Т. В., Полякова О. Ю., Шлыкова В. А.</i> Сравнительный анализ торговли добавленной стоимостью в Беларуси и Украине	63
<i>Валевич Р. П., Свирейко Н. Е.</i> Политика импортозамещения: новые подходы к формированию и реализации	72
<i>Владыко А. В.</i> Результативность стратегического регулирования потребительского рынка: необходимость совершенствования методов оценки	79
<i>Волкова Е. В., Пантелеева И. И.</i> Современные тренды развития перерабатывающей промышленности Республики Беларусь	86
<i>Волонцевич Е. Ф.</i> Формирование благоприятного делового и инвестиционного климата в сфере туризма	94
<i>Гаращенко Е. А.</i> Система внешнеторгового регулирования ЕС: эволюция, особенности формирования и взаимодействия стран-участниц	100
<i>Гаркавая В. Г., Борисевич В. А.</i> Основные проблемы социально-экономического и экологического развития Республики Беларусь и пути их решения	107
<i>Герасимов Е. Л.</i> Особенности конкурентной среды и конкурентной стратегии на рынке образовательных услуг в условиях экономики устойчивого развития ...	115
<i>Глушаков В. Е., Цыганков Д. Г.</i> Использование схемы 7С и концепции стейкхолдеров для разработки направлений развития университета	122

<i>Голенда Л. К., Говядинова Н. Н.</i> Трансформация дистанционных банковских услуг в условиях становления цифровой экономики	129
<i>Голубев К. И.</i> О тенденции к монополизации рынков в условиях финансового капитализма	136
<i>Гусейнова Н. Л.</i> Венчурный механизм обеспечения инноваций	141
<i>Демченко Е. В.</i> Концептуальные направления развития маркетинга на рынке услуг	146
<i>Денисейко И. В.</i> Анализ динамики основных показателей рынка продуктов детского питания в Республике Беларусь	150
<i>Дорина Е. Б., Мещерякова О. М.</i> Государственно-частное партнерство: сущность, формы реализации логистической инфраструктуры	157
<i>Енин Ю. И., Шиманович Г. И.</i> Риски для стран с формирующимся рынком в условиях усиления торгово-финансовых связей: вопросы теоретического осмысления ...	163
<i>Ефименко А. Г.</i> Применение метода нечетких множеств в оценке конкурентоспособности услуг	169
<i>Жудро М. К., Жудро Н. В.</i> Институциональные аспекты развития корпоративного взаимодействия стейкхолдеров смарт-бизнеса	174
<i>Жудро М. М.</i> Методический инструментарий идентификации и количественного измерения высокотехнологичного бизнеса	181
<i>Зеневич А. М., Пунчик З. В.</i> Цифровая платформа как элемент цифровой экономики	187
<i>Зенович Ю. М.</i> Развитие кадровой стратегии предприятия на современном этапе ...	193
<i>Зорина Т. Г., Зубков В. Э.</i> Современная парадигма логистического потенциала региона	200
<i>Киреева Е. Ф., Егунов Д. И.</i> Цифровые технологии в повышении качества управления налогообложением	209
<i>Корбут Л. В., Легкова А. Ю.</i> Оценка тенденций развития фермерского сектора Беларуси	214
<i>Корзун Т. С.</i> Модели отраслевой инновационной системы и «национального ромба» как теоретические основы экономического анализа отрасли	220
<i>Корнеевец И. В., Корнеевец Т. Г.</i> Устойчивое человеческое развитие: вызовы, угрозы, закономерности	226
<i>Кравченко А. А., Майборода Т. Л.</i> Использование поведенческой экономики в решении экологических проблем	233
<i>Кристиневиц С. А.</i> Односторонние меры принуждения в мировой экономике: обзор теоретических подходов	239
<i>Куропатенкова И. Н., Манторов А. А.</i> Оптимизация учета трудовых затрат в системе ведения электронных лицевых счетов	244
<i>Левкович А. П.</i> Оценка внешней сбалансированности национальной экономики: методологические аспекты	251
<i>Лукьянова И. А.</i> Налоговая система государства и экономический рост: проблемы модернизации структуры налогообложения	257
<i>Маркусенко М. В.</i> Валютная политика Республики Беларусь в системе приоритетов денежно-кредитного регулирования	267

<i>Миксюк С. Ф.</i> Экономико-математическая модель прогнозирования структуры портфеля продукции производственного предприятия в контексте системы сбалансированных показателей: концепция и подход к реализации в корпоративной информационной системе	276
<i>Мищенко А. С.</i> Факторы экономического роста строительного комплекса Республики Беларусь	285
<i>Мозоль А. В., Мозоль А. А.</i> Оценка влияния региональных факторов на условия формирования и использования аграрного производственного потенциала	296
<i>Никитина К. Р.</i> Оптимизация структуры растениеводства с учетом формирования кормовой базы в органическом сельском хозяйстве	303
<i>Ожигина В. В.</i> Взаимодействие ЕАЭС и СНГ в условиях формирования Большого евразийского партнерства	310
<i>Осипович Т. А., Осипович В. С.</i> Направления совершенствования информационного обеспечения внешнеторговой деятельности Беларуси	323
<i>Осмоловец С. С.</i> Приоритетные направления развития финансового рынка Республики Беларусь в условиях становления цифровой экономики	330
<i>Петрушкевич Е. Н.</i> Проблемы измерения международных прямых инвестиций в национальной экономике	338
<i>Побожная А. А.</i> Интеграция социально-экологической ответственности в управление бизнес-процессами компании	345
<i>Подобед Н. А., Енин Ю. И.</i> Формирование единой транспортно-логистической инфраструктуры в контексте евразийской интеграции	351
<i>Праневич А. А.</i> Трансформация конкурентной среды в условиях развития цифровой экономики: факторы модификации и возможности регулирования	359
<i>Пузанкевич О. А.</i> Стратегический финансовый менеджмент как обязательный элемент развития современной экономики	364
<i>Рабыко И. Н.</i> Эффективное корпоративное управление в акционерных обществах Республики Беларусь и перспективы его развития	368
<i>Румянцева О. И.</i> Денежно-кредитная политика в контексте синергетического управления денежной системой транзитивной экономики	374
<i>Русак И. Н.</i> Структурный анализ сферы производства в регионах Республики Беларусь	382
<i>Симхович В. А.</i> Импакт-инвестинг: новое прочтение социальных инвестиций?	391
<i>Скриба Н. Н., Скриба С. И.</i> Академический вектор «шелковой интеграции» как составляющая риск-менеджмента китайского проекта	397
<i>Смольская Н. А., Михалевич Р. В.</i> Проблемы и перспективы совершенствования системы обращения с отходами в Республике Беларусь	403
<i>Сорокина Т. В., Грицкевич Д. А.</i> Совершенствование управления ликвидностью бюджета как условие обеспечения стабильности бюджетной системы Республики Беларусь	410
<i>Сушкевич Е. А.</i> Методики оценки эффективности применяемых инструментов стимулирования использования возобновляемых источников энергии	417
<i>Уриш И. В., Стасюкевич С. В., Остальцева О. Ю.</i> Оценка состояния и изменение направлений развития внешней торговли товарами Республики Беларусь	423

<i>Фатеев В. С.</i> Приоритеты государственной региональной политики в Республике Беларусь	430
<i>Филипцов А. М.</i> Отраслевая политика в Республике Беларусь	437
<i>Холод Н. И., Лагутин А. В.</i> Стабильность функционирования банковской системы на основе регулирования ее рисков	444
<i>Цауркубуле Ж. Л.</i> Демография и рынок труда Латвии	452
<i>Читая Г. О.</i> Оценка кредитоспособности заемщиков коммерческого банка методами прикладного статистического анализа	463
<i>Шаврук Ю. А., Уриш И. В.</i> Современное состояние и перспективы развития торгового сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики ...	476
<i>Шимова О. С., Становская А. В.</i> Концептуальные подходы к оценке устойчивого развития предприятия	483
<i>Шимова О. С.</i> Новый контекст анализа и разработки Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития	490
<i>Ярцев А. И., Климченя Л. С.</i> Сервейинговые услуги в Республике Беларусь: состояние и перспективы развития	496

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бакун А. С.</i> Юридическая сила актов Евразийского экономического союза: проблемы определения и пути решения	502
<i>Давыденко М. В., Шило М. А.</i> Правовой статус несовершеннолетних индивидуальных предпринимателей	507
<i>Демичев Д. М.</i> Правовые основы функционирования цифровой экономики в Республике Беларусь	513
<i>Карпиевич Н. Ф.</i> Основы обеспечения безопасности участников уголовного процесса, исходящие из международного права	519
<i>Козыревская Л. А.</i> Право принудительного выкупа акций: соотношение законодательных решений в государствах ЕАЭС	526
<i>Мухин Г. Н.</i> О предмете и системе юридической психологии	532
<i>Петроченков Д. В.</i> Предприятие как субъект права	537
<i>Рудович Н. И., Егоров Д. А.</i> Особенности правового регулирования атомной энергетики в Республике Беларусь	543
<i>Савина И. В.</i> О сочетании частноправовых и публично-правовых средств в формировании гражданско-правового статуса несовершеннолетних	549
<i>Сигаева Т. А.</i> Содержание договора на эксплуатацию железнодорожного пути не общего пользования	554
<i>Станишевская Л. П.</i> Медиация и нотариальная деятельность	561
<i>Таранова Т. С.</i> Процессуальная ответственность участников хозяйственного процесса	566
<i>Таранова Т. С., Ивуть Н. И.</i> Медиация в третейском разбирательстве	572
<i>Халецкая Т. М.</i> К вопросу о содержании и системе принципов наследственного права	577

<i>Шафалович А. А.</i> Право, государство и инновационное развитие: некоторые теоретические проблемы	581
<i>Шерстобитов А. В., Телятицкая Т. В.</i> Административно-правовое обеспечение общественного порядка во время проведения спортивных соревнований	588

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Белявцева Д. В.</i> Региональные интеграционные процессы в евразийском пространстве: теоретико-методологические подходы к анализу	595
<i>Киселев А. А.</i> Столетний юбилей польской независимости в польском общественном мнении	600
<i>Костиневич К. И.</i> Политическая коммуникация: теоретические подходы к исследованию взаимодействий власти и общества в Республике Беларусь	606
<i>Малевич Ю. И., Яо Цзэни.</i> Борьба с терроризмом в рамках Шанхайской организации сотрудничества: роль Китая и России	615
<i>Пахомова А. В.</i> Пути и методы борьбы с сепаратизмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе	620
<i>Чувилев И. А.</i> Институт Конфуция: проблемы восприятия деятельности и необходимость адаптации к изменяющимся условиям	627

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Редактор *А. К. Лапуста*
Корректор *М. Н. Сивашева*
Технический редактор *О. В. Амбарцумова*
Компьютерный дизайн *Ю. Н. Лац*

Подписано в печать 30.04.2019. Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBook.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 51,7. Уч.-изд. л. 54,0. Тираж 120 экз. Заказ

Издатель и полиграфическое исполнение:

УО «Белорусский государственный экономический университет».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/299 от 22.04.2014, № 2/110 от 07.04.2014.

Пр. Партизанский, 26, 220070, Минск.